ГЕРЦЕН
в
ЗАГРАНИЧНЫХ
КОЛЛЕКЦИЯХ

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ТОМ ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТЫЙ

РЕДАКЦИЯ
В. В. ВИНОГРАДОВ (ГЛАВ. РЕД.), И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
С. А. МАКАШИН и М. Б. ХРАПЧЕНКО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1 · 9 · МОСКВА · 5 · 8

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО — ВОВСЕ НЕ ЗНАЧИТ ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ

ЛЕНИН

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ГЕРЦЕН В ЗАГРАНИЧНЫХ КОЛЛЕКЦИЯХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1 · 9 · МОСКВА · 5 · 8

ГОД ИЗДАНИЯ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

ОТ РЕДАКЦИИ

64-й том «Литературного наследства» представляет собою итог продолжительной работы редакции по собиранию герценовских материалов, находящихся за границей. Для выявления имеющихся за пределами Советского Союза рукописей и писем Герцена редакция вступила в переписку с наследниками Герцена, его внуками — г-жой Жерменой-Шарль Рист (Версаль) и Эдуардом Моно-Герценом (Париж), а также с рядом крупнейших европейских и американских музеев и архивов, библиотек и научных учреждений — Национальной библиотекой (Париж), Британским музеем (Лондон), Международным институтом социальной истории (Амстердам), Библиотекой Фельтринелли (Милан), Музеем Ризорджименто (Милан), Музеем города Рима, Колумбийским университетом (Нью-Йорк), Польской Академией Наук (Краков), Чехословацкой Академией Наук (Прага), Библиотекой им. Сеченьи (Будапешт). В результате редакцией были получены микрофильмы свыше пятисот неизданных писем Герцена, печатаемых в настоящем томе, а также большое количество уже издававшихся ранее (по копиям) писем, которые смогут в дальнейшем быть использованы в издающемся Академией Наук СССР собрании сочинений Герцена. Все микрофильмы, полученные «Литературным наследством», переданы редакцией на хранение в Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

Настоящий том примыкает к предшествующим томам «Литературного наследства», посвященным Герцену и Огареву (тт. 39-40, 41-42, 61, 62 и 63). Документальные публикации всех этих томов образуют в своей совокупности обширный свод новых источников как для изучения жизни и деятельности издателей «Колокола», так и для изучения истории общественной мысли и революционного движения середины XIX века.

Основное содержание данного тома сосредоточено в двух первых его разделах — «Письма Герцена к иностранным корреспондентам» и «Письма Герцена к русским друзьям, к сыну и старшей дочери».

Первый раздел открывается публикацией писем Герцена к известному немецкому поэту-демократу Георгу Гервегу, который в течение нескольких лет был связан с Герценом тесной дружбой. Эти письма, написанные в 1848—1850 гг., в разгар революционных событий во Франции и последовавшего затем разгула реакции, являются ценнейшим источником для изучения творческой истории классических произведений Герцена — «С того берега», «Письма из Франции и Италии», «О развитии революционных идей в России». В ряде писем содержатся сведения о неосуществленных творческих замыслах Герцена и не дошедших до нас сочинениях. Широкое отражение получили в этих письмах события политической, литературной, театральной и культурной жизни Франции конца 1840-х годов.

В приложении к этой публикации печатается подробный обзор писем к Гервегу жены Герцена Натальи Александровны за 1848—1852 гг., в которых зафиксированы рукой одного из главных действующих лиц «Былого и дум» все перипетии семейной драмы Герцена, сыгравшей такую роковую роль в его жизни и отразившейся на страницах его знаменитых мемуаров.

Публикуемые в томе многочисленные письма Герцена к деятелям итальянского освободительного движения — Аврелио Саффи и Луиджи Пианчиани, с которыми он поддерживал дружеские сношения, освещают, главным образом, наименее изученный период биографии Герцена — первые годы его лондонской эмигрантской жизни, организацию им вольного русского книгопечатания. Письма эти свидетельствуют о значительном идейном влиянии Герцена на итальянскую революционную демократию. Участие Герцена в западноевропейской печати, взаимоотношения с разными группировками революционной эмиграции в Лондоне, глубокая и разносторонняя оценка важнейших событий международной жизни и революционных перспектив в Европе и России — таковы основные темы, которым посвящены письма к Саффи и Пианчиани.

Отношения Герцена с венгерской революционной эмиграцией получают освещение в публикуемых письмах его к представителям венгерского национально-освободительного движения — Ференцу и Терезе Пульским; письма эти также относятся к лондонскому периоду жизни Герцена. В комментариях к письмам использован ряд других документов из архивов Будапешта, характеризующих отношения Герцена с венгерской революционной колонией в Лондоне, в том числе с Лайошем Кошутом.

Особую группу составляют разрозненные письма Герцена к различным иностранным корреспондентам — среди них письма к Джузеппе Гарибальди, Микель-Анджело Пинто, Филлипу Фору, Отто Корвину и другим.

Второй раздел тома, начинающийся с писем Герцена к его близким московским друзьям—Н. И. и Т. А. Астраковым, вносит много нового в изучение биографии Герцена, преимущественно доэмигрантского периода. Первое из писем этой коллекции относится к 1832 г. и является самым ранним из сохранившихся в подлиннике писем Герцена.

Многочисленные письма Герцена к сыну Александру и дочери Наталье, представляющие собой подробную и содержательную хронику его жизни за 1858—1869 гг., являются в то же время ценнейшим материалом для изучения философских, эстетических и педагогических воззрений великого русского мыслителя. В них содержатся глубокие высказывания о крупнейших общественно-исторических событиях 60-х годов XIX века, разнообразных явлениях литературной, научной и художественной жизни этого периода, в том числе оценка таких произведений, как «Что делать?» Чернышевского, «Война и мир» Толстого, «Дым» Тургенева, французских, английских и немецких научных и литературных новинок, а также ценнейшие сведения об издательской деятельности Герцена, о взаимоотношениях его с русскими и западноевропейскими революционерами и представителями враждебного лагеря.

Выдающийся интерес представляют письма Герцена к Огареву, относящиеся к 1868—1869 гг. Принципиальная важность и значительность вклада, вносимого этими письмами, определяется, в первую очередь, тем, что они являются новыми источниками для характеристики Герцена периода создания им писем «К старому товарищу». Идейное содержание писем сосредоточивается вокруг узловых проблем последних лет жизни Герцена, проблем, указанных Лениным: его идейного разрыва с Бакуниным, отношения к поднимавшемуся массовому рабочему движению и деятельности I Интернационала, его веры в грядущую победу новых социальных сил человечества.

Последний раздел тома — «Герцен и историческое прошлое стран народной демократии» — составляют статьи об отношениях Герцена с польскими, чешскими и румынскими деятелями национально-освободительного движения.

В редактировании и текстологической подготовке тома к печати принимали участие Л. Р. Ланский, Н. А. Роскина и Н. Д. Эфрос. Лингвистическое редактирование иноязычных текстов и контрольное редактирование переводов осуществлено М. Г. Ашукиной. В первичной подготовке текстов к печати принимала участие М. И. Беляева; подбор иллюстраций — Н. Д. Эфрос совместно с Т. Г. Динесман.

Редакция приносит глубокую благодарность всем учреждениям и лицам, оказавшим ей помощь в работе над томом.

Особенно большой и ценный вклад внесли наследники Герцена— г-жа Жермена-Шарль Рист (Версаль) и г-н Эдуард Моно-Герцен (Париж). Без их доброжелательного согласия не могли бы появиться на страницах настоящего тома письма Герцена к дочери и сыну, а также письма к Астраковым и к Гервегу.

Значительную помощь оказали также своим содействием в предоставлении фотокопий и микрофильмов писем Герцена гг. Жюльен Кэн (Париж), Этторе Ло Гатто (Рим), Жан Порше (Париж), А. Рютер (Амстердам), Дж. Фельтринелли (Милан), Франко Ферри (Милан), К. Швегла (Прага) и Б. Шофилд (Лондон).

За содействие в разыскании и предоставлении различных архивных и библиографических материалов редакция приносит благодарность Л. Бернштейну (Париж) и С. Фишману (Варшава).

ПИСЬМА ГЕРЦЕНА
К ИНОСТРАННЫМ КОРРЕСПОНДЕНТАМ

ПИСЬМА К ГЕОРГУ И ЭММЕ ГЕРВЕГАМ*

(1848 — 1850)

ПРИЛОЖЕНИЕ: «ПИСЬМА Н. А. ГЕРЦЕН К ГЕРВЕГАМ» (ОБЗОР)

ПЕЧАТАЮТСЯ ПО ФОТОКОПИЯМ, ПРЕДОСТАВЛЕННЫМ «ЛИТЕРАТУРНОМУ НАСЛЕДСТВУ» БРИТАНСКИМ МУЗЕЕМ (ЛОНДОН)

Публикация и комментарии Л. Р. Ланского
Предисловие Я. Е. Эльсберга

Настоящая публикация, вводя в научный оборот герценовские письма к Гервегу, относящиеся к 1848—1850 гг., освещает назревание семейной драмы, которая столь тяжко была пережита Герценами и свела Наталью Александровну в могилу. До настоящего времени почти единственным достоверным источником для понимания этого драматического эпизода биографии Герцена служил его собственный рассказ в пятой части «Былого и дум». Теперь рассказ этот во многом дополняется публикуемыми письмами.

В «Былом и думах» Герцен описал свои отношения с Гервегом с той позиции, на которой он стоял в результате окончательного разрыва с ним. Настоящие же письма рисуют нам путь, которым Герцен к этому разрыву шел, постепенно коренным образом меняя свой взгляд на человека, превратившегося для него из самого близкого друга в страстно ненавидимого врага.

Было бы, однако, неверно полагать, что письма к Гервегу имеют лишь узко биографическое значение, освещают только интимную сторону жизни Герцена.

Прежде всего, «частное» в переживаниях и поступках Герцена всегда, если употребить его собственные выражения, было связано с «общим». Со страниц публикуемых писем *личность* Герцена встает во всей ее цельности, особенно рельефно, быть может, потому, что мы видим русского мыслителя и революционера в момент мучительного морального испытания, трудно отделимого от испытания идейного, через которое ему пришлось пройти в эти же годы, после поражения революции 1848 г. К тому же характерные черты Герцена уясняются здесь тем лучше, что мы имеем возможность сопоставить их с личностью его адресата.

Публикуемые письма содержат ценнейшие факты для творческой истории таких замечательных герценовских произведений, как «С того берега», «Письма из Франции и Италии» и «О развитии революционных идей в России», а также раскрывают ранее неизвестные нам творческие планы Искандера.

Наконец, в письмах этих немало любопытных оценок политических деятелей и событий, много подробностей, помогающих лучше представить себе круг идейных и политических интересов Герцена тех лет.

---

* На русский язык письма переведены Е. В. Рунич и Н. Д. Эфрос под ред. С. И. Рошаль. Перевод писем Н. А. Герцен, входящих в состав приложения, выполнен Л. Р. Ланским под ред. М. Г. Ашукиной.

Герцен и Гервег познакомились еще в 1847 г. в Париже, но сблизились лишь во второй половине 1848 г. после неудачи возглавленной поэтом экспедиции немецкого эмигрантского отряда, перешедшего французско-германскую границу для помощи баденским повстанцам.

И в политическом и в военном отношении эта «баденская экспедиция» была авантюрой, против самого замысла которой решительно выступал Маркс (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 5, стр. 478). Однако хотя Гервегу и пришлось спастись бегством (за голову его было обещано вознаграждение), тем не менее не было оснований предъявлять ему те обвинения в личной трусости, которые в то время были широко распространены и вызвали множество насмешек и карикатур (См. Victor Fleury. Le poète Georges Herwegh, Paris, 1911, 145 и след.).

В момент сближения с семьей Герцена Гервег был человеком, глубоко ущемленным в своем самолюбии и надеждах. После того шумного литературного триумфа, который выпал на долю «Стихов живого человека» в начале сороковых годов, и после того как Гервег вкусил политический успех как революционный деятель, он должен был особенно болезненно переживать горечь неудачи.

И письма самого Гервега и воспоминания современников единодушно свидетельствуют о том, что в эти годы он чуждался общества немецких революционеров и демократов, предпочитая не лишенное высокомерия одиночество. Естественно, что при таких обстоятельствах сближение с Герценами было для Гервега особенно желанным и привлекательным: у них он находил успокоение, врачевавшее его душевные раны, богатство духовных интересов, наконец, понимание, полное глубокого такта и бережного отношения. Все это было особенно дорого Гервегу еще и потому, что в своей семье он не мог найти сколько-нибудь полного удовлетворения. Его жена Эмма любила его страстной и неизменной любовью, но достаточно познакомиться с их перепиской тех лет, когда они еще были женихом и невестой (см. «Georg Herwegh's Briefwechsel mit seiner Braut», Stuttgart, 1906), чтоб убедиться, что в том трудном положении, в котором в 1848 г. оказался Гервег, она не могла быть ему подлинной опорой. Восторженная девушка видела в нем тот идеал, о котором она мечтала с отроческих лет, и делилась с ним всеми своими помыслами и чувствами, в письмах же Гервега явно звучит покровительственный тон, да и содержание их определяется главным образом более или менее банальными уверениями в любви и бытовыми подробностями. Но тогда, в начале сороковых годов, Гервег находился в зените своей славы и самоуверенности. Теперь же ему была нужна сильная поддержка, которую Эмма не в состоянии была оказать.

Герцен писал в «Былом и думах»: «Г⟨ервег⟩ ⟨...⟩ искал у нас гармоничного покоя. Он видел в нас какую-то идеальную семью, в которой он все любил, всему поклонялся, детям столько же, сколько нам. Он мечтал о том, как бы уехать с нами куда-нибудь вдаль — и оттуда спокойно досматривать пятое действие темной европейской трагедии.

И при всем этом, кроме одинакового или очень близкого пониманья общих дел, в нас мало было сходного.

Г⟨ервег⟩ как-то сводил все на свете на себя, он отдавался своекорыстно, искал внимания, робко-самолюбиво был неуверен в себе и в то же время был уверен в своем превосходстве. Все это вместе заставляло его кокетничать, капризничать, быть иногда преднамеренно печальным, внимательным или невнимательным. Ему был постоянно нужен проводник, наперсник, друг и раб вместе...» (изд. АН, т. X, стр. 250—251).

Сам Герцен вовсе не подходил для роли такого друга. Гервег попытался найти его в Наталье Александровне, которая не могла не импонировать ему обаянием, силой характера, цельностью, тактом и глубоким умом. Их сближению в высшей степени благоприятствовало душевное состояние, в котором тогда находилась Наталья Александровна. Так же как и сам Герцен, она мучительно переживала торжество реакции, наступившей после июньского поражения парижского пролетариата, крах прежних надежд и ожиданий. Но Герцен находил выход и удовлетворение в творчестве; создание книги «С того берега», по его собственным словам, «освобождало» его от тех го-

рестных ощущений, которые он в ней запечатлел. У Натальи Александровны такого выхода не было. К тому же Герцен, по его позднейшему признанию, мало уделял тогда внимания ее «больной душе».

Все это побуждало Наталью Александровну искать выхода, «освобождения» и «гармонии» в личной жизни. Конечно, надежды эти были иллюзорны.

Как показывает публикуемый в настоящем томе обзор писем Н. А. Герцен к Гервегу, в своих отношениях с ним она нашла не «гармонию», а погубившее ее раздвоение между всепоглощающей страстью, в которой она пыталась забыться, и никогда не покидавшей ее любовью к семье, к мужу.

Однако было бы совершенно неверно видеть в случившемся лишь субъективную ошибку Натальи Александровны.

Как особенно ясно показывает письмо Герцена к Гервегу от 17 января 1850 г., автор «С того берега» и сам — как он, впрочем, прямо в том и сознался в «Omnia mea mecum porto» — призывал, в момент, когда гибли прежние надежды и упования, «сплотиться», «спасать себя, спасать отдельных людей», т. е. попытаться найти гармонию в тесном дружеском кругу.

Но мощный, в высшей степени чуткий к жизни критический ум Герцена ненадолго поддавался такого рода иллюзиям: они почти неизменно гибли под собственным пером писателя.

Герцену порой казалось, что достигнутая им высота идейных интересов гарантирует от личных ошибок и падений. Ему представлялось тогда, что он и Наталья Александровна в качестве избранных личностей живут «на особых правах» (XIX, 143*), как он выразился спустя много лет, не без горечи и иронии вглядываясь в прошлое.

Зато жена Герцена разделила ту женскую участь, которую Герцен в «Раздумье по поводу затронутых вопросов», исходя именно из их общего горького опыта, охарактеризовал смелыми и жгучими словами: женщина «больше сосредоточена на одном половом отношении, больше *загнана в любовь*... Она больше сведена с ума и меньше нас доведена до него» (изд. АН, т. X, стр. 209).

В то время, когда кругом бушевала реакция, Наталью Александровну увлекла задача помочь такому незаурядному человеку, как Гервег, искавшему у нее сочувствия.

В «Былом и думах» Герцен вспоминал: «„У тебя есть отшибленный уголок,— говорила мне Natalie,— и к твоему характеру это очень идет; ты не понимаешь тоску по нежному вниманию матери, друга, сестры, которая так мучит Г⟨ервега⟩. Я его понимаю, потому что сама это чувствую... Он большой ребенок — а ты совершеннолетний, его можно безделицей разогорчить и сделать счастливым. Он умрет от холодного слова, его надобно щадить... зато какой бесконечной благодарностью он благодарит за малейшее внимание, за теплоту, за участие...“» (изд. АН, т. X, стр. 253). А эта благодарность Гервега и это «нежное внимание матери, друга, сестры» перешли в «кружение сердца», ставшее для Натальи Александровны роковым.

Письма Н. А. Герцен к Гервегу показывают, какой силы, какого накала вскоре достигла ее страсть. Она, естественно, искала оправдания своему увлечению, в чем ее поддерживал Гервег. В январе 1850 г. он, протестуя против назревавшего разрыва, писал Герцену, что верит еще в возможность такой красоты и гармонии в отношениях их обеих семей, которая «могла бы послужить образцовым примером для людей» (XIV, 42).

Именно эти заявления Гервега Герцен в письме от 17 января 1850 г. расценивал как «идеалистические, романтические теории». Герцен был прав, указывая, что за эти «теории» отвечала и Наталья Александровна. Но нельзя забывать о том, что — Герцен позднее ясно понял эту коренную разницу — Наталья Александровна за

---

* В настоящем томе, как и в трех предыдущих томах «Литературного наследства», посвященных Герцену, приводимые в ссылках тома и страницы без указания источника обозначают «Полное собрание сочинений и писем А. И. Герцена» под редакцией М. К. Лемке, тт. I — XXII, П.— М., 1919--1925. — *Ред.*

свою страсть расплачивалась кровью и жизнью, не переставая притом бороться за свое человеческое достоинство и любовь к мужу. Что же касается Гервега, то эта страсть, по преимуществу, тешила его самолюбие, в свои отношения с Натальей Александровной он отнюдь не вкладывал всего себя.

Перейдем теперь к основному содержанию публикуемых писем, к тому, как в них отразились отношения Герцена и Гервега.

Эти материалы показывают, что Гервег в конце сороковых годов был для Герцена человеком, которого он считал настолько близким, что позволял себе даже вмешательство в его семейную жизнь, упрекая его, например, за недостаточное внимание к Эмме.

Следует, впрочем, отметить, что письма, относящиеся к середине 1849 г., свидетельствуют, по-видимому, о первых признаках пробуждения ревности; не решаясь, вероятно, сознаться даже самому себе в этом чувстве, Герцен, задетый излишним вниманием Гервега к Наталье Александровне и его явным пренебрежением к Эмме, дал прорваться недовольству, вызванному этим последним обстоятельством.

В письмах Герцена семейная драма, чем дальше, тем более назревавшая, ощущается как их подразумеваемый фон, оттеняющий вместе с тем моральную и идейную силу и выдержку автора.

Но не такие мотивы и настроения являются доминирующими в публикуемых письмах. Герцен раскрывает перед Гервегом все богатство своих духовных, идейных и особенно творческих интересов, все, что его волнует и беспокоит. Ведь и упреки, адресованные Гервегу, вытекали из тех высоких идейных и моральных требований, которые Герцен предъявлял к самому себе.

Вместе с тем публикуемые письма показывают с несомненностью, что, видя в конце сороковых годов в Гервеге духовно близкого себе человека, а позднее ненавидя и презирая его, Герцен и в том и другом случае не имел вполне правильного представления о его идейном облике, о той роли, которую тот играл в общественно-политической борьбе эпохи, о некоторых существенных чертах его личности. Герцен в своей оценке Гервега руководился только субъективными критериями, определявшимися тем, как складывались их личные взаимоотношения.

Герцен судил сначала о Гервеге по самому себе и действительно имел к тому некоторые основания. Как показывают опубликованные М. К. Лемке письма Гервега, последний называл Александра своим идейным «близнецом», «единственным другом», и Герцен принимал эти определения. На самом же деле Гервег был человеком, в жизни которого творчество, теоретические интересы, с одной стороны, и личная жизнь, с другой, занимали совсем иное место, нежели у Герцена.

Гервег, как поэт, был прежде всего агитатором, чья поэзия способна была возбуждать революционные стремления, а порой и воспевать растущую силу пролетариата. С другой стороны, он умел едко насмехаться над духовными и светскими властителями немецких государств, над прусскими юнкерами и пушечными фабрикантами. Но творчество занимало в жизни Гервега несравненно меньшее место, чем у Герцена.

Всегда писавший очень мало и не раз слышавший по этому поводу упреки со стороны друзей (от Герцена до Лассаля), Гервег создал за 1849—1851 гг. всего лишь несколько стихотворений. В то время как Герцен именно в творчестве искал избавления от мучивших его разочарований, Гервег пытался спастись в волнениях и радостях личных переживаний. К тому же он не был мыслителем, он не умел выстрадать философские идеи так, чтобы они вошли в его плоть и кровь. Недаром он с некоторой опаской и оттенком иронии относился к тому «демону анализа», присутствие которого он чувствовал у Герцена. Зато Гервег был склонен к тому, чтобы себя, свои действия и чувства украшать высокопарными фразами.

Герцен же, начиная еще с сороковых годов, умел все свои силы отдавать любимому делу. Он весь уходил в него. Даже личная жизнь неразрывно сплеталась у Герцена с идейными творческими интересами; так, любовь к Наталье Александровне вдохновила самые поэтические страницы «Былого и дум».

И такой трудный в общественном и личном отношении период, каким для Герцена стали годы, следовавшие за поражением революции, был для него временем большого напряжения творческих сил.

С осени 1849 г. по 1851 г. Герцен, помимо нескольких очерков, впоследствии дополнивших собою новое издание «С того берега», выступает как автор таких статей, как «Россия», «Письмо к Маццини», «Русский народ и социализм», и классической работы «О развитии революционных идей в России». В этот же период он работает над двумя беллетристическими произведениями — «Долг прежде всего» и «Поврежденный». Уж одно это перечисление говорит о размахе и многосторонности литературного труда Герцена тех лет. А в публикуемых ныне письмах содержатся сведения и о таких замыслах и начатых работах, которым не суждено было осуществиться и о которых мы раньше не знали. Так, во время пребывания в Париже в 1850 г. Герцен предполагал уделить немало сил публицистике и теоретическим работам, рассчитанным на французского читателя. В письме от 4 марта 1850 г. он сообщает Гервегу о непреодолимом желании рассказать ему о множестве вещей: «У меня тьма планов, среди них — написать для французов ряд статей о немецкой филос⟨офии⟩, написать против нелепости Эм. Жирардена...» и 9 марта: «Я задумал также маленькую поэтическую шутку под названием „Эмиль Жирарден и Иммануил Кант", чтобы сказать ему, что он не только плохой республиканец, но и плохой диалектик». К сожалению, мы не знаем ничего больше ни об этих философских статьях Герцена, ни о его статье, носившей, очевидно, памфлетный характер и изобличавшей беспринципного главаря бульварной печати Парижа.

Между тем, эта напряженная работа протекала в очень трудных условиях. Герцен не нашел еще прочной оседлости, своего «рабочего места», полностью удовлетворяющей его деятельности, т. е. такой деятельности, которая давала бы радостную возможность чувствовать и осязать ее плоды. К тому же отвлекали его и мучительные личные переживания.

В то время как Гервег в эти годы с известным пренебрежением говорит о немецких делах, горделиво принимает позы не оцененного современниками героя и пребывает в полной политической пассивности, Герцен целиком живет судьбами России и неустанно ищет путей активной деятельности на благо родины.

Все это накладывало своеобразный отпечаток на отношения, сложившиеся между Герценом и Гервегом.

Гергардт Цигенгейст (ГДР), внимательно исследуя недавно в своем выступлении на берлинской конференции славистов взаимоотношения Герцена и Гервега, пытался доказать, что в 1847—1850 гг. между ними существовало «творческое сотрудничество» («Vorträge auf der Berliner Slawistentagung». Berlin, 1956). Едва ли с этим можно согласиться. Гервег несомненно был тогда для Герцена той чуткой и внимательной «аудиторией», которую живой и общительный Герцен, пропагандист по натуре, всегда высоко ценил.

Но нет оснований утверждать, что собственный вклад Гервега в это духовное общение был подлинно значителен.

С другой стороны, во многом несправедлива та оценка, которую Герцен дал Гервегу в «Былом и думах».

Виновника своих личных несчастий Герцен склонен был рассматривать как изменника в общем идейном деле. Разрыв дружеских отношений, по убеждению Герцена, отбрасывал Гервега в идейно враждебный лагерь. На деле это было не так. Герцен был вправе клеймить Гервега, обманувшего его доверие и предавшего дружбу. Но своим политическим убеждениям последний не изменил.

Гервег до конца своей жизни (он умер в 1875 г.) оставался верен идеям революционной демократии, ее республиканским идеалам.

Между тем эти черты вовсе не находят отражения в той характеристике Гервега, которая содержится в «Былом и думах», хотя политическая и идейная стойкость выгодно отличала последнего от многих немецких мелкобуржуазных демократов и эмигрантов той поры, позднее занявших видное положение в правительственных партиях и банкирских домах Германии. Так, например, в публикуемых письмах упоминается

Л. Бамбергер, с которым Герцен часто встречался в Женеве. В свое время активный участник революционного движения, Бамбергер уже в июне 1848 г., как рассказал о том сам в своих воспоминаниях, смертельно испугался восстания пролетариата, увидев в нем преддверие социалистической революции. Впоследствии он играл крупную роль в международных банковских кругах.

Моральное превосходство Герцена не дает нам права односторонне освещать личность Гервега и особенно его общественно-политическую роль. Такая неправильная тенденция проявлялась, в частности, в прежних работах пишущего эти строки.

Публикуемые материалы показывают, как постепенно у Герцена выкристаллизовывался замысел создания книги о русском революционном движении и передовой мысли, которая дала бы иностранному читателю правильное представление о прогрессивных силах русского общества, недооцененных многими западноевропейскими публицистами.

В письме от 7 июля 1850 г. Герцен упоминает о написанной им «небольшой заметке о развитии либерализма и оппозиции в русской литературе» — таково, очевидно, было скромное начало той работы, из которой должна была вырасти книга «О развитии революционных идей в России».

Чрезвычайно интересно в этом отношении письмо от 10 июля 1850 г. Высказывая здесь свое мнение о книге Фальмерейера, посвященной путешествию по Востоку, Герцен полемизирует с автором по вопросу о русском национальном характере, о значении деятельности Петра I. Ряд мыслей, высказанных в этом письме, получил впоследствии более подробное освещение в книге «О развитии революционных идей в России», а несколько строк, относящихся к характеристике Петра I, почти буквально были впоследствии перенесены в эту работу (изд. АН, т. VII, стр. 173).

Невозможно даже бегло перечислить те многочисленные, в значительной своей части как бы мимоходом высказанные замечания о явлениях и событиях западноевропейской общественно-политической жизни, которые содержатся в публикуемых ниже письмах. Но письма эти позволяют сделать один крайне существенный вывод.

Более рельефно, чем какие-либо другие материалы, письма к Гервегу показывают несправедливость утверждения, что скептицизм Герцена после поражения революции 1848 г. не знал просветов и проблесков надежд,— хотя несомненно, что именно пессимизм накладывал решающий отпечаток на воззрения автора «С того берега». Герцен неизменно оставался внимательным и чутким наблюдателем действительности. Ненависть и презрение к торжествовавшей свои кровавые победы реакции не туманили ему глаза,— он настойчиво искал признаков зарождения элементов будущего.

Ведь даже и в «Письмах из Франции и Италии» и в «С того берега», пусть приглушенно и лишь изредка прорываясь сквозь завесу мрачных и скорбных раздумий, слышались порой иные звуки и мысли, пробивался луч надежды, возникали образы, зовущие вперед и внушающие бодрость и оптимизм.

Так, например, в главе «Донозо Кортес» автор «С того берега», трезво признавая, что реакция способна сбить с пути целое поколение и «задержать ход человечества на минуту» (изд. АН, т. VI, стр. 138), вместе с тем заявляет, что силы регресса не в состоянии предотвратить наступление революции и социализма, подобно тому, как в свое время гонения не смогли воспрепятствовать торжеству христианства, ибо «время евангелия наступало!» (т а м ж е, стр. 142).

Однако в таких оценках и прогнозах не чувствовалось уверенности и стойкости. Мысль Герцена вновь колеблется и отступает. Вместе с тем кажется, что иногда Герцен даже остерегается подать надежду, сказать слово ободрения, которое могло быть — особенно людьми слабыми, непоследовательными, ищущими легких путей спасения — истолковано как отказ от суровой и беспощадной оценки настоящего.

Публикуемые материалы подтверждают это впечатление. В частности, письма, относящиеся к началу апреля 1850 г., на очень характерном и существенном примере

дают представление о тех извилистых и сложных путях, какими развивалась мысль автора «С того берега».

В письме от 31 марта 1850 г. Герцен сообщает Гервегу о своем намерении написать маленькое добавление к диалогам (т. е. статьям-диалогам, вошедшим в немецкое издание «С того берега»), «но совсем в другом роде. Primo название будет „Пролог“».

Он набрасывает эскизно, рассчитывая на понимание с полуслова, некоторые мысли, афоризмы, утверждения, формулы, которые должны были стать костяком будущего «Пролога». Здесь, между прочим, говорится: «Довольно отчаиваться, все кончено, тяжелые времена прошли. Он мертв, этот старый мир, ну, а мы не трупные черви. Так прочь отсюда, чёрт побери!».

«Надо,— заявляет далее Герцен,— пророчить наступление дня, следующего за похоронами, надо заняться наследством и наследниками».

Набросок этот, бесспорно, не чужд оптимистической тенденции, и под этим углом зрения многозначительно и самое его заглавие. И тем более любопытно, что, отправляясь от него, Герцен несколькими днями позднее создал статью «Omnia mea mecum porto». Совпадение некоторых тезисов и формулировок тут и там — разительное.

Так, например, в статье говорится: «Много найдется мастеров бальзамировать покойника; еще больше червей, которые поживут на счет гнили. Оставим им труп...» (изд. АН, т. VI, стр. 118). Но в целом эта глава «С того берега» звучит вовсе не как пролог, оптимистически приоткрывающий врата будущего. Судьбы мира расцениваются здесь крайне пессимистически.

Почему же мысль Герцена изменила свое первоначальное направление?

Насколько мы можем судить по письму к Гервегу от 5 апреля 1850 г., узнав о замысле «Пролога», Гервег упрекнул автора в излишнем оптимизме. Хотя Герцен в ответ и заявил: «Ты ломишься в открытую дверь ⟨...⟩ Я не убаюкиваю себя никакой надеждой»,— тем не менее, он не вполне согласился со своим корреспондентом. Герцен отметил, что распад старого мира идет все возрастающими темпами — «затяжная лихорадка превратилась в скоротечную чахотку». Но он не ограничился этим. Герцен восхищается, каким самообладанием и тактом истекшие два года наделили массы.

Однако тут же Герцен легко уступил Гервегу, он признал, что массы «не знают, чего хотят», что в общественной жизни и борьбе господствует хаос. И выводом звучит утверждение, которое легло в основу герценовской статьи: «Именно в такие эпохи личность чувствует себя свободнее, чем когда-либо».

Герцен внимательно наблюдал жизнь. Он улавливал и такие черты ее, которые опровергали его пессимизм и скептицизм. И тем не менее скепсис еще побеждал. Герцен не видел общественных сил, на которые мог бы опереться его оптимизм. Но это не ограничивало его веры в будущую революционную Россию, его решимости за нее бороться.

Болезненно ощущал Герцен свой отрыв от русских друзей, подвергавшихся серьезной опасности и прямым преследованиям. Со страстным волнением и возмущением описывает Герцен в письме от 17 марта 1850 г. полученные от Грановского известия о разгуле реакции в России; он мучительно переживает испытания, выпавшие на долю Огарева, Н. А. и А. А. Тучковых, опасаясь, что на них обрушатся тяжкие репрессии.

Все события культурной жизни России возбуждали с его стороны величайшее внимание и напряженный интерес. Такова, например, реакция на появление комедии «Свои люди — сочтемся» А. Н. Островского — комедию эту Герцен, со слов Грановского, характеризует в вышеупомянутом письме как «крик гнева и ненависти против русских нравов».

Взволнованные и страстные, насыщенные мыслями, вызванными общественной борьбой и событиями личной жизни, письма Герцена к Гервегу принадлежат к самым содержательным страницам замечательного эпистолярного наследия великого русского писателя.

ОТ РЕДАКЦИИ

Письма Герцена к Г. и Э. Гервегам публикуются по фотокопиям с автографов, хранящихся в Отделе рукописей Британского музея (Лондон). Автографы эти, находившиеся в руках младшего сына Гервегов — Марселя, были в 1932 г. переданы им английскому литературоведу Э. Карру, писавшему в это время книгу «The romantic exiles», частично посвященную истории взаимоотношений Герцена и его жены с Гервегами. В 1933 г. Карр, по предложению М. Гервега, передал эти письма, вместе с другими документами, в Британский музей, предварительно скопировав тридцать из них, которые опубликовал впоследствии на языке оригинала в «Oxford Slavonic Papers» (vol. III, 1952, pp. 80—124).

Отметим, что на пользование переданными в архив материалами М. Гервегом был наложен запрет до 2 мая 1952 г.— столетия со дня смерти Натальи Александровны Герцен.

В 1955 г. редакция «Литературного наследства» обратилась к внуку Герцена, Эдуарду Моно-Герцену с просьбой разрешить публикацию этой коллекции писем (по правилам Британского музея, право публикации могло быть дано только с согласия прямых потомков писавшего). Г-н Моно-Герцен с большой теплотой отозвался на эту просьбу и в своем ответном письме от 22 сентября 1955 г., адресованном редакции «Литературного наследства», предоставил нашему изданию исключительное право публикации всех материалов герценовской коллекции Британского музея. Соответствующее распоряжение о микрофильмировании и высылке «Литературному наследству» всех этих материалов было им направлено в тот же день главному хранителю Британского музея. Микрофильм с текстами писем Герцена и его жены к Гервегам был прислан редакции летом 1956 г.

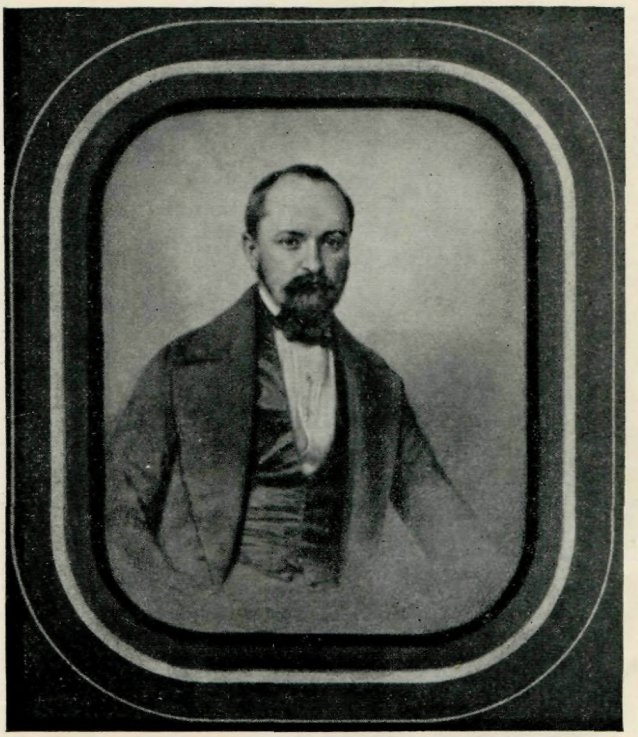
Полная публикация писем Герцена осуществляется в настоящем томе впервые. Несколько небольших отрывков из писем Герцена к Гервегу были напечатаны в «Литературном наследстве», т. 7-8, 1933, с особого разрешения Марселя Гервега.

Публикуемые письма написаны на французском и немецком языках. Французские письма в количественном отношении значительно преобладают над немецкими. Оба эти языка часто перемежаются в тексте. Наряду с этим, письма изобилуют цитатами, выражениями, отдельными словами на латинском, древнегреческом, русском, итальянском, английском и других языках. Типичны для писем Герцена также многочисленные каламбуры, игра слов.

При переводе чередование французского и немецкого языков внутри писем не оговаривается. Стремясь передать, по возможности, отмеченные выше особенности герценовской эпистолярной манеры, мы сохраняем, однако, на языке оригинала вкрапленные во французский текст немецкие выражения, слова, цитаты, как и французские — в немецком тексте. Перевод их дается под строкой. Равным образом даются в подстрочном переводе и все латинские, греческие и другие иноязычные вставки, встречающиеся в письмах. Названия газет и журналов, а также адреса не переводятся.

Что касается игры слов и каламбуров, в ряде случаев крайне сложных, то они, как правило, не поддаются переводу. Наличие их оговаривается, а смысл раскрывается в подстрочных примечаниях.

Встречающиеся во французских и немецких письмах Герцена неправильные синтаксические конструкции, а также русизмы, как правило, сохраняются в настоящей публикации; исправлению подверглись только явные описки и ошибки.



А. И. ГЕРЦЕН
Дагерротип 1847 г.
Исторический музей, Москва

1

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Париж. Лето 1848 г.⟩[1]

Cher Herwegh! Eh bien, nous nous sommes décidés (et décidons) d'aller à S.-Cloud[2]. Venez chez nous *à 2 h⟨eures⟩ précises.*— Vous n'avez pas besoin d'équipage, nous avons places et calèches. Tous sera pris — on vous attendra à 2 h⟨eures⟩.

Il y aura une surprise agréable — préparez vos nerfs.

Anenkopf[3] viendra probablement chez vous.

Monsieur Herwegh
Rue Neuve St. Augustin
Hôtel d'Orient.

Перевод:

⟨Париж. Лето 1848 г.⟩

Дорогой Гервег! Итак, мы решились (и решаем) ехать в С.-Клу[2]. Приходите к нам *ровно в 2 ⟨часа⟩*. Экипаж вам не понадобится — у нас есть и места, и коляски. Все будет взято — ждем вас в 2 ч⟨аса⟩.

Вас ожидает приятный сюрприз — приготовьте свои нервы.

Аненкопф[3], вероятно, зайдет к вам.

Господину Гервегу
Rue Neuve St. Augustin
Hôtel d'Orient

[1] Письмо датируется приблизительно — по одновременному пребыванию в Париже Герцена, П. В. Анненкова и Гервега.

[2] *Сен-Клу* — городок невдалеке от Парижа, славящийся своим парком.

[3] Павел Васильевич *Анненков* (Герцен шутливо переделывает его фамилию на немецкий манер) оставил в своих мемуарах описание парижской жизни Герцена в 1847—1848 гг. (см. П. В. Анненков. Литературные воспоминания. «Замечательное десятилетие». Л., 1928, стр. 489—532).

2

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Париж. 23 ноября 1848 г.⟩

Citoyen, voulez-vous aujourd'hui à 8 h⟨eures⟩ voir une réunion électorale à la Salle de la Fraternité? [1] Sasonoff (*Ivan Ivrinoff aliorum* [2]) le propose. Nous vous attendons jusqu'à 7 h⟨eures⟩ et $\frac{3}{4}$.

Nous pourrons après voter des remerciements au département de Bourgogne en criant:

Vive la Montagne de Chambertin!
Vive la Romanée Sociale!
Vive le Clos démocratique de Vougeot! [3]

On attend une réponse cathégorique.

Le 23 novembre.

Перевод:

⟨Париж. 23 ноября 1848 г.⟩

Гражданин, не хотите ли сегодня в 8 ч⟨асов⟩ посетить выборное собрание в Зале Братства? [1] Сие предлагает Сазонов (*Иван Пьянчугин* aliorum* [2]). Ждем вас до 7 $\frac{3}{4}$.

* тож (лат.).

А затем мы сможем проголосовать за вынесение благодарности бургундскому департаменту, прокричав:

Да здравствует Гора Шамбертен!
Да здравствует социальная Романея!
Да здравствует демократическое Кло де Вужо! [3]

Ждем решительного ответа.

23 ноября

[1] В это время во Франции проходила кампания по выборам президента республики, назначенным на 10 декабря 1848 г. В «Зале Братства» (Salle de Fraternité), расположенном на ул. Мартэль, помещался Клуб работников Севера (Club des travailleurs du Nord).

[2] Герцен намекает на пристрастие Сазонова к спиртным напиткам.

[3] Перечисляя названия французских вин («бургундское», «шамбертен», «романея», «кло де вужо»), Герцен шутливо придает им вид ходячих революционных лозунгов. *Гора* (la Montagne)—левая мелкобуржуазная фракция во французском Национальном собрании 1848 г.

3
ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Париж. 30 ноября 1848 г.⟩

Le seul dieu qui reste — c'est la fatalité. Je suis d'avis qu'il faut le combattre — et je vous propose, cher Herwegh, un moyen.

Depuis quelque temps la fatalité m'empêche de vous voir; hier, par exemple, j'étais tout prêt pour aller vous voir et au lieu de cela je suis allé entendre un discours de Miroslawsky [1]... Pour déjouer cet enchantement, je vous engage fortement de venir aujourd'hui avec madame Herwegh dîner avec nous (mais à 6 heures, pas plus tard, après 5 et $\frac{1}{2}$ m-me Ogareff a une telle soif de manger, qu'elle commence à prendre du *porter* [2]).

NB. Lord Sasonoff [3], tué hier dans une rencontre fratricide par Delescluze [4], nous racontera les particularités de sa mort.

Ce 30 novembre.

Monsieur
Monsieur Herwegh
De la part d'A. Herzen.

Перевод:

⟨Париж. 30 ноября 1848 г.⟩

Единственный бог, который остается,— это рок. Я того мнения, что с ним надо бороться, и предлагаю вам, дорогой Гервег, средство.

С некоторого времени рок мешает мне видеться с вами; вчера, например, я совсем было собрался пойти повидать вас, а вместо этого пошел слушать речь Мерославского [1]... Чтобы разрушить это наваждение, я настоятельно приглашаю вас прийти сегодня с г-жой Гервег с нами пообедать (но только в 6 часов, не позднее: с $5\frac{1}{2}$ г-жа Огарева так жаждет приняться за еду, что начинает пить портер [2]).

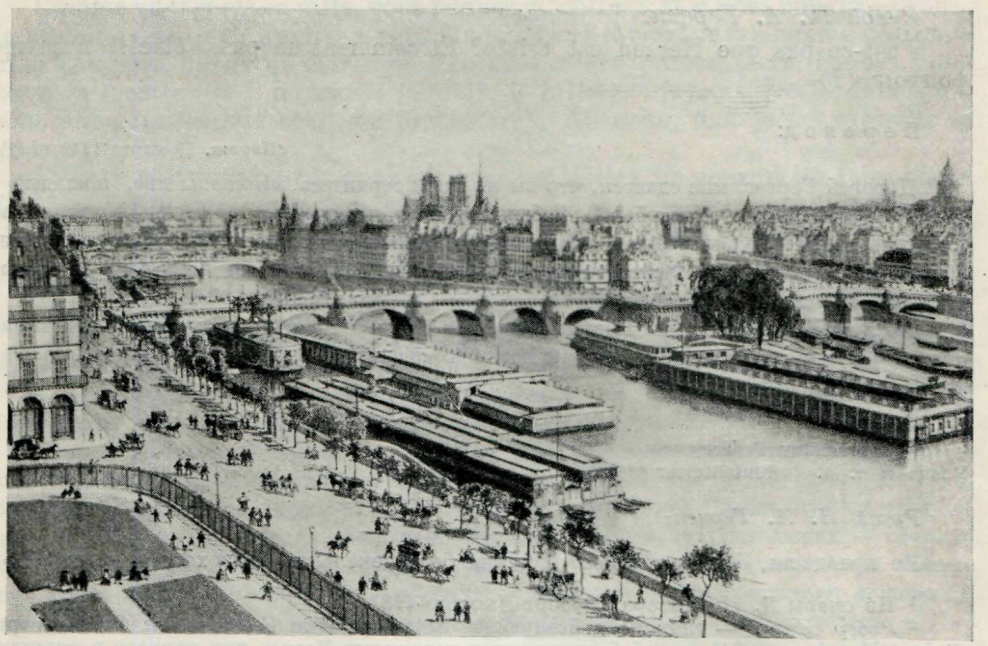
NB. Лорд Сазонов [3], сраженный вчера в братоубийственной схватке с Делеклюзом [4], расскажет нам подробности своей кончины.

30 ноября.

Господину Гервегу
От А. Герцена.

[1] 29 ноября 1848 г. в Париже, в Salle d'Antin, состоялось торжественное собрание, посвященное восемнадцатой годовщине польского восстания 1830 г. С речами выступили С. Ворцель, И. Г. Головин и Л. Мерославский. О *Л. Мерославском* (в транскрипции Герцена — Miroslawsky) — см. в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 432.

[2] Мария Львовна *Огарева* (ок. 1817—1853), первая жена Огарева, к этому времени совершенно опустилась и, как отмечала Н. А. Герцен в письме к Огареву, была постоянно пьяна (V, 255—256).



ПАРИЖ

Литография Ф. Бенуа, 1850-е гг

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

[3] О *Н. И. Сазонове* и его участии в политической жизни Франции см. в «Былом и думах» (изд. АН, т. X, стр. 315—333). См. также «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 178—252 и т. 62, 1955, стр. 522—545.

[4] Луи-Шарль *Делеклюз* (1809—1871) — французский революционный деятель и журналист, редактор газеты «Révolution Démocratique et Sociale». «Братоубийственная схватка» его с Сазоновым была, несомненно, вызвана избирательной борьбой в связи с президентскими выборами, которые должны были состояться 10 декабря 1848 г. Делеклюз в это время поддерживал кандидатуру мелкобуржуазного демократа Ледрю-Роллена, Сазонов же, по всей вероятности, агитировал за кандидата рабочего класса и социалистических групп — Ф.-В. Распаля.

4

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Париж. 19 марта 1849 г. (?)⟩

Cher Herwegh, je crois que vous m'en voulez. «Grâce, grâce pour moi» [1] (Robert non Macaire, Meyerbeer [2]). J'étais tellement ivre que ce n'est que lorsque je suis arrivé à la maison que j'ai compris toute la bêtise, lâcheté, assassinat et fratricidité de vous avoir planté dans un café. Je suis vraiment tout triste et tout malade de cela, je ne prendrai pas de bourgogne, «adieu, les *champs-bertins*» (*Jungfrau v⟨on⟩ Orleans*, Schiller) [3].

Ecoutez, Herwegh, vous me pardonnerez pour mon *rep*entir sincère et chrétien — et vous viendrez prendre votre *repas* chez nous, aujourd'hui, pour consoler votre ami, tout traître qu'il est.

Ce 19 mars *.

Monsieur Herwegh
Rue etc. (*subintelligitur*).

---

* Месяц читается предположительно.— *Ред.*

Рукой Н. А. Герцен:

N'est-ce pas que Herzen est triste? Et comment ne pas l'être!!! Suprême pouvoir ⟨?⟩

Перевод:

⟨Париж. 19 марта 1849 г. (?)⟩

Дорогой Гервег, мне сдается, что вы на меня сердитесь. «Пощады мне, пощады!» [1] (Робер — не Макэр, а Мейербер [2]). Я был так пьян, что только придя домой понял всю глупость, низость, убийственность и братоубийственность того, что бросил вас в кафе. Право же, я огорчен и очень расстроен этим и не буду больше пить бургундского. «Прощайте, *поля Бертена*»* («Jungfrau v⟨on⟩ Orleans», Schiller) ** [3].

Послушайте, Гервег, вы должны извинить меня ради моего искреннего христианского *раскаяния* и придти сегодня к нам *отобедать****, дабы утешить вашего друга, пусть он и предатель.

19 марта****

Господину Гервегу
Улица и т. д. (subintelligitur *****).

Рукой Н. А. Герцен:

Не правда ли, Герцен печален? И как не быть печальным!!! Верховная власть ⟨?⟩

[1] Из оперы Д. Мейербера «Роберт-Дьявол» (1831).

[2] *Робер Макэр* — главное действующее лицо комедии Б. Антье и Ф. Леметра «Robert Macaire» (1834), герой бесчисленных карикатур Домье, тип наглого и ловкого мошенника. Впоследствии Робером Макэром Герцен называл Гервега (см. VII, 90).

[3] *Прощайте, поля Бертена* — шуточная перифраза первого стиха монолога Иоанны д'Арк из трагедии Ф. Шиллера «Орлеанская дева»: «Lebt wohl, ihr, Berge, ihr, geliebten Triften» (в переводе В. А. Жуковского: «Простите вы, холмы, поля родные...»).

5

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Париж. После 14 апреля 1849 г.⟩ [1]

Cher Herwegh, dites de grâce à Sasonoff que je ne viendrai pas à l'entrevue thorique [2]— j'ai à faire quelque chose, et ils ont choisi un diable de temps.

Proudhon devient décidément sinon prince Proudonoff, au moins *Herr Baron von Proudenhoff*, quelle manie de scolasticisme [3].

Je n'ai pas écrit d'article concernant l'*Abeille du Nord* [4], mais il me semble qu'il suffirait de dire que⟨c'est⟩l'organe semi-officiel du gouvernement r⟨usse⟩, le même qui comblait de compliments «le brave et l'honnête génér⟨al⟩ Cavaignac» [5], qui disait que c'est à lui que revient l'honneur d'avoir arrêté la révolution Européenne; cette même feuille porte aujourd'hui une amitié pour le prés⟨ident⟩ [6] — qui n'est pas plus tiède que l'amitié que porte le présid⟨ent⟩ pour le gén⟨éral⟩ Changarnier [7]. On parle des écrits du prés⟨ident⟩, on a traduit son histoire du canon [8], on parle de ses soirées à l'Elysée Nat⟨ionale⟩, on fait remarquer que ce ne sont que les aristocrates qui ont l'honneur d'y assister [9]. On est très sensible du procédé plein de délicatesse de la part du Ministère, qu'il n'a pas envoyé au corps diplomatique d'invitation à *l'odieuse* fête du 24 Février [10]. On raconte que le gén⟨éral⟩ Changarnier a pleuré ce jour, en disant que c'est l'anniversaire d'une bien fatale journée, où l'armée française s'est couverte de honte [11] etc.

---

* Каламбур: «*champs*»— по-французски поля, «*Chambertin*»— известная марка вина.

** «Орлеанская дева» Шиллера.

*** Каламбур: начало слова «repentir» — раскаяние звучит схоже со словом «repas» — обед.

**** Месяц читается предположительно.— *Ред.*

***** подразумевается (лат.).

Comme vous serez en ville, vous pouvez m'obliger, et si vous pouvez — vous le voulez,— voilà de quoi il s'agit. Ma femme et le mari de ma femme désirent aller aujourd'hui voir *Adrienne Lecouvreur*[12] — prenez deux bonnes places à la location (à 8 fr⟨ancs⟩, je crois, le billet) — je crois que les dames ne sont pas admises aux stalles d'orches⟨tre⟩. Au reste, moi je me rapporte à vous.

Si vous ne voudriez pas nous envoyer les billets, je pourrai les faire chercher, *ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩*, à 5 heures.

Votre tout. H.

Перевод:

⟨Париж. После 14 апреля 1849 г.⟩[1]

Дорогой Гервег, скажите, ради бога, Сазонову, что я не буду на торической встрече[2]. У меня есть кое-какие дела, а они выбрали чертовски неудобное время.

Прудон решительно становится если не князем Прудоновым, то, по меньшей мере, Herr Baron von Proudenhoff*. Что за увлечение схоластикой![3]

Статью о «Северной пчеле» я не написал[4], но, мне кажется, достаточно будет сказать, что ⟨этот⟩ полуофициальный орган р⟨усского⟩ правительства, тот самый, который рассыпал комплименты «храброму и благородному генер⟨алу⟩ Кавеньяку»[5] и утверждал, что именно ему выпала честь приостановить европейскую революцию,— что этот самый листок преисполнился теперь дружеских чувств к презид⟨енту⟩[6], не теплее тех, какие презид⟨ент⟩ питает к ген⟨ералу⟩ Шангарнье[7]. Они обсуждают сочинения през⟨идента⟩, перевели его историю пушки[8], описывают его званые вечера в Нац⟨иональном⟩ Елисейском дворце, отмечая, что только аристократы удостаиваются чести на них присутствовать[9]. Они глубоко растроганы деликатностью министерства, которое не послало дипломатическому корпусу приглашения на *омерзительное* празднество 24 февраля[10]. Они передают, что генерал Шангарнье плакал в тот день, говоря, что вот годовщина той роковой даты, когда французская армия покрыла себя позором и т. д.[11].

Так как вы будете в городе, вы можете оказать мне услугу, а если можете, то и захотите. Дело вот в чем. Моя жена и муж моей жены желают пойти сегодня посмотреть «Адриенну Лекуврер»[12]. Возьмите заранее в театральной кассе два хороших места (кажется, по 8 фр⟨анков⟩ за билет). Мне кажется, что дамы в первые ряды партера не допускаются. Впрочем, полагаюсь на вас.

Если вас затруднит передать нам билеты, я мог бы послать за ними, ex⟨empli⟩ gra⟨tia⟩, в 5 часов.

Весь ваш. Г.

[1] Дата устанавливается упоминанием о постановке «Адриенны Лекуврер», премьера которой состоялась 14 апреля 1849 г. (см. примечание 12).

[2] По-видимому, речь идет о предполагавшемся совместном посещении Теофиля *Торе* (Thorez, 1807—1869), издателя газеты «La Vraie République», в которой сотрудничал Сазонов (см. изд. АН, т. X, стр. 49—50).

[3] Резкое высказывание Герцена о Прудоне вызвано оппортунистическими статьями последнего, помещавшимися в это время в его газете «Le Peuple».— Об отношениях Герцена и Прудона см. в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 490—503.

[4] Для какого издания намерен был Герцен написать статью о «Северной пчеле»— неизвестно. В ряде фельетонов «Северной пчелы», особенно в «Письмах из Парижа», подписанных инициалами *В. К.*, всячески поносилась французская революция и давалась восторженная оценка ее палачам — Кавеньяку, Шангарнье и Луи Бонапарту.

[5] В № 21 «Северной пчелы» от 27 января 1849 г. была помещена большая хвалебная статья «Кавеньяк» (без подписи), в которой подчеркивалось, что он принадлежит к людям, «остановившим твердостью и решительностью характера поток безначалия, угрожавший в минувшем году потопить образованное общество». К газете был приложен портрет Кавеньяка.

[6] *Президент* французской республики — Луи Бонапарт, вскоре провозгласивший себя императором Наполеоном III.

[7] «Открытый роялист, известный интриган, человек предприимчивый, бездушный,

* г-ном бароном фон Пруденгофом (нем.).

честолюбивый и чрезвычайно завистливый», как писал о нем Герцен (VI, 92), генерал Николя *Шангарнье* (1793—1877) следующим образом характеризовался в одном из «Парижских писем»: «Генерал Шангарние, кроткий и учтивый в обращении, решителен и тверд, когда дело идет о защите общественного благоустройства ⟨...⟩ Он сказал, что ему так же легко теперь восстановить монархию, как купить фунт леденцу» («Сев. пчела», № 1 от 3 января 1849 г.). Между Шангарнье и Луи Бонапартом на почве соперничества установились откровенно недоброжелательные отношения.

[8] «История пушки в новых армиях. Из нового сочинения Лудовика-Наполеона Бонапарта» («Сев. пчела», № 60 от 17 марта 1849 г.).

[9] «В прошедшую среду, 14 марта,—писал В. К. в заметке «Бал у президента Французской республики»,— дан был во дворце Элизе бал, превосходивший великолепием и блеском все прежние. В нем было блистательное парижское общество всех партий и сословий» и т. п. («Сев. пчела», № 64 от 22 марта 1849 г.).

[10] Герцен имеет в виду следующие строки о годовщине революции 1848 г. из «Парижского письма» В. К.: «Постыдная и плачевная годовщина 24-го февраля ⟨...⟩ Правительство ⟨...⟩ поступило очень благоразумно, не пригласив особ дипломатического корпуса...» («Сев. пчела», № 59 от 16 марта 1849 г.).

[11] На вопрос одного офицера, почему он так скоро воротился с торжественной панихиды в церкви св. Магдалины, генерал Шангарнье, по словам «Северной пчелы», отвечал: «Я воротился, чтоб плакать о стыде, которым покрылась армия в этот день прошлого года...» (там же).

[12] «*Адриенна Лекуврер*» — драма Скриба и Легуве, впервые поставленная на сцене «Théâtre Français» 14 апреля 1849 г. с Рашелью в главной роли.

6

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Париж. Осень 1848 — весна 1849 г.⟩

Votre victime déplorable vous salue.

Depuis que je suis levé, je n'ose toucher à rien, on peut penser que je suis excommunié ou lépreux — je crains de marcher, je suis presque épileptique, partout il me semble que vous m'avez préparé des guets-apens.

L'idée des 4 mendiants[1] est sublime, sublime, cela a surpassé mon imagination.

L'idée.... non la forme de Marianne, quoique ne surpassant pas l'imagination, est bonne sinon belle.

Et il n'est que 7 et $\frac{1}{2}$ — que dirai-je, malheureux, à 11 et 55 minutes du soir.

Ganz Ihr Opfer[2]

Перевод:

⟨Париж. Осень 1848 — весна 1849 г.⟩

Ваша злосчастная жертва приветствует вас.

С тех пор как я встал с постели, я не смею ни к чему прикоснуться; можно подумать, что меня отлучили от церкви или я прокаженный, я боюсь шагу ступить, я почти как эпилептик; мне кажется, что вы мне всюду расставили ловушки.

Идея 4-х нищих[1] восхитительна, восхитительна, это превзошло мое воображение.

Идея... но не форма Марианны, хотя и не превосходит мое воображение, хороша, если не прекрасна.

Еще только $7^1/_2$ — что я скажу, несчастный, в 11 часов 55 минут вечера?

Ganz Ihr Opfer*.[2]

[1] «*4 нищих*» («4 mendiants») — по-французски — десерт из винной ягоды, миндаля, орехов и изюма. Герцен употребляет здесь это название в переносном смысле.

[2] Письмо, вероятно, связано с посещением какого-то парижского увеселительного заведения.

7

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Париж. Осень 1848 — весна 1849 г.⟩

Voulez-vous m'attendre, je viendrai vous chercher pour aller à la chasse des journaux et ⟨du⟩ bourgogne à 8 h⟨eures⟩.

V⟨otre⟩ A.

* Всецело ваша жертва (нем.).

Перевод:

<Париж. Осень 1848 — весна 1849 г.>

Подождите меня, пожалуйста; я зайду за вами в 8 ч<асов>, и мы отправимся охотиться за газетами и бургундским.

В<аш> А.

8

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

<Париж. Осень 1848 — весна 1849 г.>

J'ai encore aujourd'hui un petit mal de tête et je dois m'excuser pour la partie de plaisir; il m'est désirable de ne pas aller assister à la chasse au Vasbenter[1].— Ne m'en voulez pas. Pendant le jour je tâcherai de vous voir.

Monsieur Herwegh.

Перевод:

<Париж. Осень 1848 — весна 1849 г.>

У меня и сегодня еще немного болит голова и я должен отказаться от увеселительной прогулки; мне не хотелось бы принимать участие в охоте на Васбентера[1].— Не сердитесь на меня. Я постараюсь повидать вас в течение дня.

Господину Гервегу

[1] *Л. Васбентер* (Vasbenter) — один из редакторов «Voix du Peuple». Впоследствии он эмигрировал в Лондон, где давал уроки сыну Герцена, а затем переехал в Америку.

9

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

<Париж. Весна 1849 г.?>

Sasonoff vous a écrit, cher Herwegh, à 4 h<eures>, en vous invitant de venir au Café Anglais dîner avec m-r Fazy[1]—eh bien, venez au moins après le dîner. Nous vous attendons.

A. Herzen

Monsieur G. Herwegh
Rue du Cirque, 9.

Перевод:

<Париж. Весна 1849 г.?>

Сазонов послал вам в 4 ч<аса> приглашение, дорогой Гервег, придти в Café Anglais пообедать вместе с г-ном Фази[1] — так вот, приходите хотя бы после обеда. Мы вас ждем.

А. Герцен

Господину Г. Гервегу
Улица Cirque, 9.

[1] Джемс *Фази* (1796—1878) — швейцарский политический деятель, в это время президент Женевского кантона, приятель Сазонова (см. о нем в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 140—145).

10

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

<Париж. Весна 1849 г.?>

Eh bien, cher Herwegh, la *villeggiatura* aura-t-elle lieu aujourd'hui? Je suis tout prêt, nous attendons vos ordres. Dites à quelle heure nous nous rencontrerons et où — chez vous, chez moi?..

Nous avons passé ces deux jours à Belle-Vue[1] et d'une manière magnifique.— Vous avez donc tout le droit de remettre jusqu'à demain ou après-demain notre voyage, en tout cas Herzen *proponit* et Herwegh *disponit*.

A. Herzen

Ma femme désirerait même prendre un peu de repos aujourd'hui. En cas que nous n'irions pas — je proposerai d'aller voir m-r Sasonoff (père) ce soir.

Monsieur Herwegh
De la part d'A. Herzen.

Перевод:

<Париж. Весна 1849 г.?>

Ну как, дорогой Гервег, состоится ли сегодня наша *villeggiatura**? Я вполне готов, мы ждем ваших распоряжений. Сообщите, в котором часу мы встретимся и где,— у вас, у меня?..

Мы провели эти два дня в Бельвю [1], и провели их чудесно. Поэтому вы вправе отложить нашу прогулку на завтра или на послезавтра; как бы там ни было, Герцен proponit**, а Гервег disponit***.

А. Герцен

Моей жене хотелось бы даже немного отдохнуть сегодня. В случае, если мы не поедем, я предложил бы навестить вечером г-на Сазонова (отца).

Господину Гервегу
от А. Герцена.

[1] *Бельвю* — деревня близ Версаля, славившаяся прекрасными видами.

11

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

<Париж. Весна 1849 г.?>

Es klingt wirklich wunderbar, wenn ich sage, daß ich krank bin, *cher* Herwegh, und ich bin auch nicht krank, aber nicht wohl, die ganze Nacht habe ich starke Kolik gehabt, jetzt geht es besser, ich wollte schon einen Arzt suchen lassen. Reichel [1] glaubt, daß ich schon von Cholera gestorben bin [2].— Ne m'en voulez pas, je suis certes plus puni que tout le monde, mais je pense qu'il faut rester encore à la maison.

Envoyez-moi la *Patrie*.

«Lire la *Patrie*,
Quel sort» [3].

Monsieur Herwegh.
De la part de Yellachits[4] *junior*.

Перевод:

<Париж. Весна 1849 г.?>

Не звучит ли это действительно странно, когда я говорю, что я болен, cher**** Гервег; да я и не болен, хотя и не здоров, всю ночь у меня были сильные колики, теперь мне лучше, а я уж собирался посылать за врачом. Рейхель [1]

* прогулка за город (итал.).
** предполагает (лат.).
*** располагает (лат.).
**** дорогой (франц.).

думает, что я уже умер от холеры [2].— Не сердитесь на меня, я, конечно, наказан больше всех, но думаю, что надобно еще посидеть дома.

Пришлите мне «La Patrie».

«Читать „La Patrie“ —
что за участь». [3]

Господину Гервегу
От Елачича junior'a*.[4]

[1] Адольф *Рейхель* (1817—1896) — немецкий композитор, близкий друг М. А. Бакунина; вскоре стал мужем М. К. Эрн.

[2] В это время в Париже свирепствовала эпидемия холеры.

[3] «*La Patrie*» («Родина») — ежедневная парижская контрреволюционная газета, издававшаяся банкиром Деламарром и поддерживавшая Луи-Наполеона. — Герцен пародирует здесь песенку «Умереть за родину — это самая прекрасная, самая завидная участь!» («Mourir pour la patrie, c'est le sort le plus beau, le plus digne d'envie!»), о которой см. примеч. 2 к письму № 64.

[4] Иосиф *Елачич* (1801—1859) — хорватский генерал на австрийской службе, участвовал в подавлении венского и венгерского восстаний.— В чем заключается смысл шутки Герцена, назвавшего себя «Елачичем младшим»,— неясно.

12

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Париж. 6 мая 1849 г.⟩

Sasonoff propose à nous deux de passer chez lui à 8 h⟨eures⟩ pour aller ensuite nous promener; si vous m'ordonnez, je viendrai vous chercher — en cas que vous ne préfériez pas chercher l'ombre dans notre jardin avant le départ.

La présence de l'honorable Sasonoff me montre de loin la possibilité d'un rafraîchissement vésuvien [1].

Votre serviteur démocratique et social

A. Hers ×

Le 6 mai.

Monsieur Herwegh
Rue du Cirque, 9.

Перевод:

⟨Париж. 6 мая 1849 г.⟩

Сазонов предлагает нам обоим заглянуть к нему в 8 ч⟨асов⟩, чтобы пойти потом вместе погулять; если прикажете, я зайду за вами—если только вы до прогулки не предпочтете посидеть в холодке в нашем саду.

Присутствие почтенного Сазонова сулит заранее возможность освежиться по-везувийски [1].

Ваш демократический и социальный слуга

А. Герс ×

6 мая.

Господину Гервегу
Улица Cirque, 9.

[1] Вероятно, намек на *везувиек* — женщин, бравировавших своим презрением к буржуазным «приличиям». В 1848 г. они открыли в Париже свой клуб. Сатирические журналы подвергали их беспощадному осмеянию как любительниц разгульной и бесшабашной жизни.

13

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Париж. 17 мая 1849 (?) г.⟩

Non, Herwegh, c'est impossible, les forces humaines sont calculées... et je n'en ai plus. Occupation, préoccupation, famille, fatigue, affaires, *far*

* младшего (лат.).

niente, tout enfin m'empêche d'aller (en voiture même) jusqu'à Notre-Dame — et quelle N⟨otre⟩-D⟨ame⟩ — de Lorette [1]. Oh, ayez l'amitié de m'excuser, soyez éloquent comme Jules Favre [2] et courageux comme Jules César, dites que je suis mort de choléra ou si vous voulez — que le choléra est mort de moi.

Votre tout dévoué.

Le 17 mai.

Et le mal aux dents est aussi une cause suffisante d'après Baumeister [3].

Monsieur
Monsieur Herwegh.

Перевод:

⟨Париж. 17 мая 1849 (?) г.⟩

Нет, Гервег, это невозможно, человеческие силы имеют предел... и у меня их больше не осталось. Хлопоты, заботы, семья, усталость, дела, far niente*, наконец, все вместе взятое не позволяет мне добраться (даже в экипаже) до собора Богоматери — и какой Богоматери! — Лоретской [1]. О, будьте другом, извинитесь за меня; будьте красноречивы, как Юлий Фавр [2], и мужественны, как Юлий Цезарь: скажите, что я умер от холеры, а если хотите — что холера умерла от меня.

Всецело вам преданный.

17 мая.

А зубная боль, по Баумейстеру [3], тоже уважительная причина.

Господину Гервегу

[1] Собором Лоретской богоматери Герцен, по-видимому, шутливо называет здесь (по имени известного парижского храма) какое-то увеселительное заведение, посещавшееся лоретками.

[2] *Юлий (Жюль) Фавр* (1809—1880) — французский адвокат и политический деятель; в 1848 г.— секретарь Ледрю-Роллена.

[3] Вероятно шутливый намек Иоганна-Вильгельма *Баумейстера* (1804—1846) — автора известных в свое время книг по ветеринарии.

14

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Париж. Конец мая 1849 г.⟩

Votre nouvelle est très triste, si on le livrait à la Russie, il mourra dans les fers. — Et pourtant, oui, nous devons avoir nos martyrs sur ces champs de bataille.

A-t-il un passeport suisse? [1]

Перевод:

⟨Париж. Конец мая 1849 г.⟩

Ваша новость очень печальна, если его выдадут России, он умрет в кандалах.— И все же, пусть так, нам надобно иметь своих мучеников на полях этой битвы.

Есть ли у него швейцарский паспорт? [1]

[1] Речь идет об аресте М. А. Бакунина саксонским правительством, после разгрома дрезденского восстания 10 мая 1849 г.

15

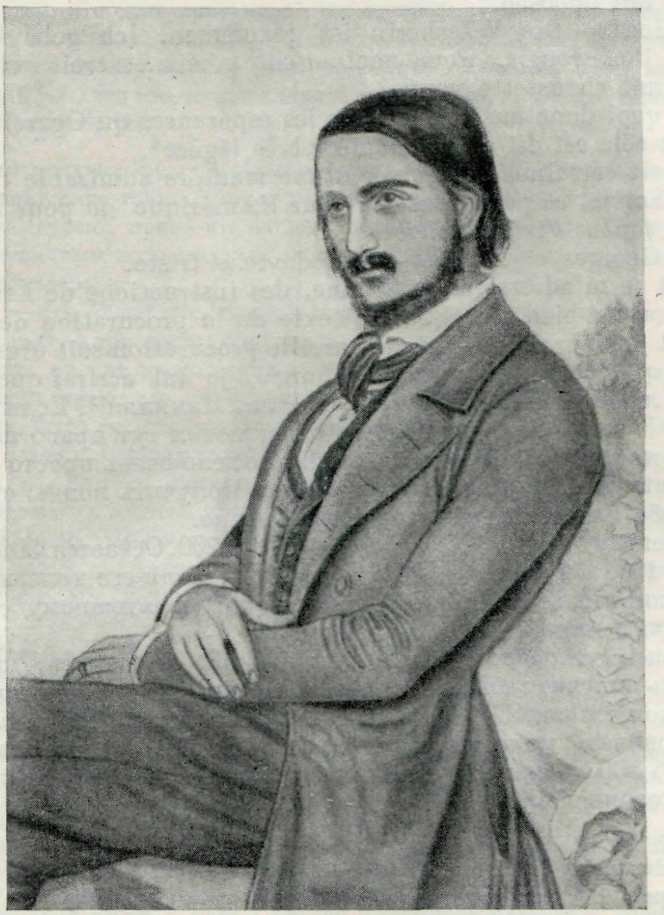
ГЕОРГУ И ЭММЕ ГЕРВЕГАМ и Н. А. ГЕРЦЕН

Genf. Le 30 juin 1849

Genf ist zu groß, die Stadt müßte noch kleiner sein und gar nicht bewohnt (une honorable exception pour les maîtres d'hôtel, marchands de vin et ⟨de⟩ tabacs est sous-entendue) — dann könnte man schon lustig sein

* безделье (итал.).

Leben zubringen. Golov⟨in⟩ sagt mir alle Tage: «Wenig Leute» — und ich denke (*in petto*) und wenn noch einer *nicht* da wäre [1]; Golov⟨in⟩ ist besonders beleidigt, daß hier nicht alle Frauen, die man in der Gasse sieht — *omnibus* gehören, sondern *privatissimae* sind. Er will sich verheiraten, er findet, daß *es wohlfeiler* ist. Ich glaube, sollte die Italienerin [2] mit S⟨asonoff⟩ kommen,



ГЕОРГ ГЕРВЕГ

Гравюра с портрета маслом Конрада Гица, 1850-е гг.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Москва

so würde es noch wohlfeiler zu teilen mit ihm, auf eine viel mehr delikate Weise als der weise Salomon ein Individ divisieren wollte [3].

Bemerken Sie, daß ich heute Deutsch mit französischen Buchstaben schreibe — künftig mit russischen.

Die erste Zeit war ich böse und beleidigt, dann nahm ich meine Hegire [4] mit Resignation, wie Mahomed. Ein Glück für uns ist F⟨azy⟩ — er ist außerordentlich gut gesinnt für alle, die hierher kommen [5]; wir trinken mit ihm manchmal eine oder zwei.... Flaschen, er trinkt gern, aber sagt jedesmal: «Sie trinken zu viel» und fügt dazu: «Je dois avoir la tête très libre demain matin».— «Eh bien, voilà mon malheur,— sage ich ihm darauf,— c'est que je n'ai nullement besoin d'avoir ni demain matin, ni demain soir ma tête libre».

Deux heures plus tard.

Je viens de recevoir la lettre *Tutschkoff-Ogareff* [6], un billet de ma femme et des variations sur des thèmes juridiques par Boucault [7]. J'enverrai probablement demain la procuration. Eh bien, Satin-Ménélas, menez-la donc à Paris ou à Genève votre Hélène [8]. Il a été toujours imitateur ardent d'Ogareff et comme imitateur il faisait presque la même chose — c'est-à-dire une chose tout à fait opposée.

Interruption! — Die Wäscherin ist gekommen. Ich gebe Wäsche ab! Pour vous j'en rougis. Pour moi j'en gémis... trois chaussettes... une paire + une chaussette veuve...

Mais sur quoi donc ma femme base les espérances qu'Ogareff viendra et bientôt, tout cela est dit d'une manière très légère [9].

On pourrait certainement passer d'une manière admirable l'hiver quelque part en Suisse, et partir ensuite pour l'Amérique ou pour la Russie — *nur nicht im faulen Fisch zu bleiben*[10].

Adieu — Georges et Emma.— Je redeviens triste.

A présent je m'adresse à ma femme, des instructions de haute finance.

1) Après avoir bien pensé sur le texte de la procuration demandée par m-r Boucault je ne crois pas qu'une pareille procuration soit urgente. Il faut absolument que tu voie m-r Schomburg[11], je lui écrirai quelques mots.

Видаешь ли ты Ивана Батист⟨овича⟩[12] или Камилля[13]? Если они вполне отвечают за Буко — дело другое, но он включил тут право перестроек и поправок, я никогда об этом не говорил. Его дело очень просто — получать деньги и платить их Ротшильду в мой счет. Получить копию с крепости и отдать ее тебе или, если ты уедешь, маменьке.

2) Тург⟨еневу⟩[14] я из 900 отдал 200 да ты 200. Остается 500; из них он должен мне 100. Ему следует 400, а не 700.— Если его холерина прошла, то он счастливейший из смертных, завидую безмятежному счастию его в треволнениях мира сего и кланяюсь.

3) Из денег оставшихся ты с мам⟨енькой⟩ разделись, как хочешь. Если Рейхель получит свой капитал, можно взять у него по 6 проц⟨ентов⟩,— да он же и должен еще 300 фр⟨анков⟩. Все же лучше, если бы от Григ⟨ория⟩ Ив⟨ановича⟩[15] пришли векселя еще при тебе. Константину[16] придется фр⟨анков⟩ 500 — награждение платьями и всякой всячиной, а не деньгами. Что хозяин дома[17]?

A Paris
Monsieur G. Herwegh
Rue du Cirque, 9.

Почтовые штемпели: Genève. 30 juin 49.25
Genève-Ferney 2 juil⟨let⟩ 49.

Перевод:

Женева. 30 июня 1849 г.

Женева слишком велика; город должен быть еще меньше и совершенно не населенным (une honorable exception pour les maîtres d'hôtel, marchands de vin et ⟨de⟩ tabacs est sous-entendue*) — вот тогда жизнь могла бы быть приятной. Голов⟨ин⟩ твердит мне всякий день: «Мало людей» — а я думаю (in petto**): «Хоть бы еще одного тут *не было*» [1]. Голов⟨ин⟩ особенно обижен тем, что здесь женщины, которых видишь на улице, не все принадлежат omnibus***, а являются privatissimae****. Он хочет жениться и находит, что так будет дешевле. Я же полагаю, что если бы вместе с С⟨азоновым⟩

* разумеется, за почетным исключением для хозяев гостиниц, торговцев винами и табаком (франц.).
** про себя (итал.).
*** всем (лат.).
**** строго частным владением (лат.).

приехала итальянка [2], то еще дешевле было бы произвести с ним дележ, причем более деликатным манером, чем хотел поделить индивида премудрый Соломон [3].

Заметьте, что я сегодня пишу по-немецки французскими буквами, а в дальнейшем буду писать русскими.

Первое время я был зол и обижен, потом я принял свою гиджру [4] с покорностью, подобно Магомету. Счастье еще, что у нас есть Ф⟨ази⟩ — он необыкновенно хорошо относится ко всем, кто сюда приезжает[5]; мы осушаем с ним иногда бутылку-другую... он пьет охотно, но каждый раз говорит: «Вы пьете слишком много» и добавляет: «Завтра поутру у меня должна быть совершенно свежая голова». А я ему на это отвечаю: «Ведь вся беда в том, что мне-то нет никакой нужды быть со свежей головой ни завтра утром, ни завтра вечером».

Двумя часами позже.

Только что получил *тучково-огаревское* письмо [6], записку от жены и вариации Буко [7] на юридические темы. Завтра, вероятно, пошлю доверенность.

Ну, Сатин-Менелай, привозите же вашу Елену в Париж или Женеву [8]. Он всегда был самым ревностным подражателем Огарева и, как таковой, делал почти то же самое, т. е. совсем обратное.

Прервали.— Die Wäscherin ist gekommen. Ich gebe Wäsche ab*. Я краснею за вас. За себя же стенаю — три носка: одна пара + один непарный.

Не понимаю, на чем основывает моя жена свои надежды, утверждая, что Огарев приедет и притом скоро; все это сказано очень несерьезно [9].

Разумеется, было бы прекрасно провести зиму в каком-нибудь уголке Швейцарии и отправиться затем в Америку или в Россию, «nur nicht im faulen Fisch zu bleiben»**[10].

Прощайте же, Георг и Эмма. Мне опять становится грустно.

Теперь обращаюсь к своей жене с важными финансовыми наставлениями.

1) Тщательно обдумав текст доверенности, требуемой господином Буко, я усомнился, чтобы такая доверенность понадобилась срочно. Непременно побывай у господина Шомбурга [11], а я напишу ему несколько слов ***.

В Париж.
Господину Г. Гервегу
Улица Cirque, 9.
Почтовые штемпели: Женева, 30 июня 49, 25
Женева-Ферней 2 июня 49.

[1] В «Записках» И. Г. Головина встречается упоминание о посещении им Герцена в женевском Hôtel des Bergues, где он и сам поселился. «Когда приехал Гервег,— отмечает Головин,— он ⟨т. е. Герцен⟩ предпочел его мне, и я поехал в Брюссель» («Записки Ивана Головина», Лейпциг, 1859, стр. 125).

[2] О «дебелой итальянке, с голосом, перед которым еще раз пали бы стены иерихонские», синьоре Р., на которой женился Сазонов, «чтоб отделаться» от нее,— Герцен упоминает в «Былом и думах» (изд. АН, т. X, стр. 331—333).

[3] По библейской легенде, царь Соломон предложил разрубить пополам ребенка, на которого претендовали две матери.

[4] *Гиджра* (геджра, или эгира) — день бегства Магомета из Мекки (622 г.). Герцен намекает на свое бегство с чужим паспортом из Парижа в Женеву, куда он приехал 22 июня 1849 г.

[5] Отношение Фази к революционным эмигрантам вскоре резко изменилось. См. изд. АН, т. X, стр. 101—108.

[6] Речь идет о недатированном письме Натальи Алексеевны Тучковой с припиской Огарева, напечатанном М. О. Гершензоном в т. IV «Русских пропилей» (М., 1917, стр. 90—92). В нем сообщалось об отъезде Огарева с Тучковой в Крым и о замужестве Елены Алексеевны Тучковой, ставшей женой Н. М. Сатина.

[7] *Буко* —парижский нотариус, оформлявший купчую крепость при приобретении Герценом дома в Париже (см. о нем V, 271, 277—279 и ниже, в настоящей публикации).

[8] Герцен в шутку называет Сатина, женившегося на Елене Тучковой, именем спартанского царя Менелая, мужа Елены Прекрасной.

[9] В упомянутом выше письме Н. А. Тучкова писала Герценам: «О⟨гарев⟩ обещает скорое свиданье с вами, но, глядя по возможности, мне кажется, что он меня утешает».

---

* Пришла прачка. Я отдаю белье (нем.).

** только бы не оставаться среди гнилой рыбы (нем.).

*** Следующую далее русскую часть письма, обращенную к Н. А. Герцен, см выше, в основном тексте.—*Ред.*

[10] Намек на выражение из «Кротких ксений» Гёте. У Гёте: «Die Welt geht auseinander wie ein fauler Fisch...» («Мир разлагается, как гнилая рыба»). Эту «Кроткую ксению» Герцен привел в качестве эпиграфа к «Omnia mea mecum porto» («С того берега»). Под «гнилой рыбой» он имел в виду «западный мир».

[11] *Шомбург* — служащий банкирского дома Ротшильда.

[12] *Иваном Батистовичем* Герцен шутливо называет здесь Жана-Батиста Боке, о котором см. в «Лит. наследстве», т. 63, 1956, стр. 533.

[13] *Камилль*— брат Ж.-Б. Боке.

[14] И. С. Тургенев.

[15] Григорий Иванович Ключарев, московский поверенный Герцена, которому он, уезжая за границу, поручил ведение своих финансовых и хозяйственных дел. См. о нем в «Лит. наследстве», т. 39-40, 1941, стр. 195—243 и т. 61 по указателю.

[16] *Константин* — Константино Грегорио, повар Герценов.

[17] Имеется в виду хозяин парижского дома, в котором жила в это время Н. А. Герцен.

16

Н. А. ГЕРЦЕН, ГЕОРГУ и ЭММЕ ГЕРВЕГАМ

4 июля 1849. Женева

Письмо твое, разумеется, получено, а равно и Капорец [1] явился на сцену — он вырос [2] и сделался похож на закубанского козака. Какие 8000 фр⟨анков⟩ тебе отдал Ротшильд [3] — я не понимаю, мне следов⟨ало⟩ с него получить по франц⟨узским⟩ рентам всего 2500. (Кстати, ты можешь у него взять и по бельгийской инскрипции, которая у мам⟨еньки⟩). Это, стало, он отдал вперед; в таком случае никак не следовало отделять 5000 маменьке, особенно если она не намерена покупать дом или дачу в Париже. Мам⟨енька⟩ издерживает 1500 в месяц, 1000 была, стало, с 5000 хватило бы на четыре месяца. Мы издерживаем 2500 в месяц, и ты оставила только 3000 у себя. Мне кажется, лучше было бы списаться со мною. Перед отъездом попроси *непременно* Шомбурга, чтоб он мне прислал окончательный расчет всех дел моих у Ротш⟨ильда⟩, чтоб я мог знать en définitive*. Ты можешь съездить к нему с Рейхелем и попросить, чтоб письма, пока Рейхель не уехал с мам⟨енькой⟩, отдавали ему. После их отъезда, чтоб посылали сюда. Я очень боюсь, чтоб письмо Григория Иван⟨овича⟩ не затерялось с векселем. Когда Буко обещал деньги и когда копию с акта? [4] Говори всем, что я сам месяца через два буду в Париже. Не забудь, если франц⟨узские⟩ инскрипции останутся у Ротш⟨ильда⟩, взять записочку.

Здесь дачи чудесные. Не всё же мы будем ездить взад и вперед, вниз и вверх. Пока можно пожить и в hôtel. Ты напиши подробно день отъезда и в каком заведении едете, чтоб я мог приготовить все нужное. Или в «Hôtel des Bergues» или в «Ecu de Genève» [5].

Саша с Каппом гуляют за городом. Он третьего дня ходил да еще с Ф⟨ази⟩ на детский праздник. По окончании ученья, после экзаменов, город дает детям пир; мне это ужасно понравилось, солдаты делают им на караул, музыка играет, дети с знаменами отправляются на луг, где городовые власти им дают обед, и, заметьте, тут все дети, ходящие в школу,— когда они идут назад, их провожает музыка, и несколько домов были иллюминованы. Праздник этот сильно тронул меня, вот как воспитываются в свободных людей. Дети привыкают к царскому почету, к уважению человеческого достоинства [6]. Я забыл сказать, что их собирают для шествия у статуи Ж.-Жака [7]. Здесь скучно, и будет скучно во всей Швейцарии, но что здесь на деле все то, что во Франции на словах, в этом нет сомнения.

Ну что же вы поделываете в Ville d'Avray, которому мы придали историческое значение, навеки нерушимое [8]. Когда к нам собирается маменька? Я сегодня иду смотреть здешнее заведение глухонемых [9]. Поездки я все оставил до вас, в Лозанну и пр.

---

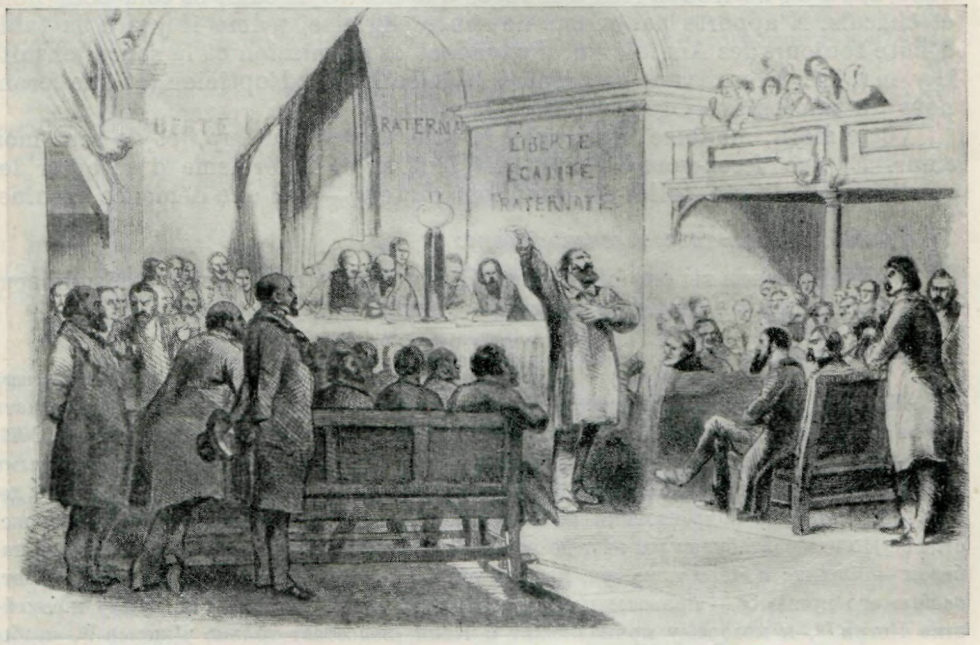
* определенно (франц.).

Привези соломенную шляпу, здесь она у места.

Целую Колю и Тату. Au reste, я думаю они меня-таки и припозабыли.

Езда в дилижансе безобразная, не дают минуты отдыху, советую запастись холодным мясом для Таты и водой с вином.

«Komme, Braut von Libanon!»[10]— cela s'adresse à vous, Herwegh. Wir werden auf Sie warten, nicht wie die X faulen Mädchen die des Nachts schliefen[11] (was ein Beweis war, daß die Dirnen ganz ordentlich waren, und nichts von einem Ruejoubertischen[12] Wachen wußten) als der Bräutigam kam (Evang. Matthei, Cap. XII, Ver. 8—10); sondern wie die anderen X Mädchen die da saßen (am Bureau des Messageries Nationales[13]) (Idem., Ver. 11). Aber wo nehmen wir die Zehn? Wenn es darauf geht, finden wir auch diese



ЗАСЕДАНИЕ ПАРИЖСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО КЛУБА
«Illustrierte Zeitung» от 29 апреля 1848 г.

Zahl.— Felix und Tzort sind auch hier — und der Russe Theodor (meine Frau kennt ihn, besondere Kennzeichen — sind die gesalzenen Gurken, die er brachte[14]), Gol⟨ovin⟩ et la famille Petri[15], dont Kapp fait partie, il ne manque que le James[16] pour avoir les dix pucelles qui ne dorment pas,— nous avons encore comme suppléant un Russe sauvage[17], qui est beaucoup plus chien que Tzort.— Savez-vous ce que je pense, c'est que cette fois vous regarderez la Suisse d'un autre point de vue que vous ne l'avez fait. La vie est monotone ici, peu de ressources, beaucoup de germanisme, de pédanterie, de calvinisme... Mais... Est-ce que la vie mesquine, bourgeoise, pleine de prétentions et de vanité de Paris nous suffisait, et quelles étaient donc les grandes distractions qui couvraient le vide de cette existence factice — des relations personnelles, cela ne se rapporte pas à Paris, dîner chez les F⟨rères⟩ Pr⟨ovenceaux⟩[18], aller et venir par les boulevards et s'asseoir près de Tortoni[19], dans une foule de coquins, de crétins, d'hommes d'Etat dans le genre de Julevécourt[20] et de libéraux de la nuance Olinsky[21]? Oui, il faut rompre enfin ce charme, qui nous rendait esclaves de Paris, ce n'est pas la métropole de l'humanité d'aujourd'hui, il n'y a pas de métropole, le mouvement ne s'est

pas concentré, peut-être le centre de gravité est hors de l'Europe, au delà des mers. Nous souffrirons partout, c'est la malédiction du développement, mais j'aime mieux la vie tranquille et sereine d'un petit bourg, qu'une immense cité qui retombe dans le crétinisme, qui vend sa liberté, ses droits pour le droit de voler et de s'enrichir, qui ne comprend plus ce qu'elle a enseigné au monde il y a 50 ans [22].— Notre ami [23] commence à partager quelques idées qu'il repoussait de toutes ses forces lorsque nous avons dîné au Café Anglais; il est plus triste, très préoccupé, les temps sont difficiles à mesurer même pour Genève qui fait les montres pour toute la planète.

Au revoir donc. Ma femme m'écrit qu'elle me prépare du poivre rouge et de l'huile de menthe — elle pense donc qu'en Suisse c'est le désert de Sahara, où on ne trouve rien à manger que des voyageurs, et cela pour lions et chacals. N'apporte pas même de sauce anglaise, primo il y a à la table d'hôte toujours des Anglais qui demandent la permission et la sauce, ensuite il y en a ici. Mieux vaut de prendre la jumelle chez l'opticien (et que ferons nous du microscope Og⟨areff⟩ [24]?

Votre main, madame Herwegh; je vous aime beaucoup, et de tout mon cœur. Et que ferez-vous à Paris — il faut avoir l'héroïsme d'accepter les conditions de la vie, telles qu'elles sont dictées — par une démence absolue.

Приписка Наталье Александровне:

О какой печати ты спрашиваешь? Я раз запечатал в лавке; а обыкновенно печатаю гербом демократического англичанина Голов⟨ина⟩ [25].

Перевод*:

4 июля 1849. Женева

«Komme, Braut von Libanon» ** [10] — это относится к вам, Гервег. Мы будем ждать вас не так, как десять нерадивых дев, спавших ночью (евангелие от Матфея, гл. XII, ст. 8—10)[11], когда пришел жених (чем они доказывают, что были вполне порядочными девицами и не имели представления о бдениях Жуберовской улицы [12]), а как другие десять дев, которые бодрствовали (в bureau des Messageries Nationales *** [13]) (там же, ст. 11). Но где раздобудем мы этот десяток? Впрочем, если уж на то пошло, мы его наберем — Феликс и Чёрт тоже тут, потом русский человек Федор (моя жена его знает, особые его приметы — привезенные им соленые огурцы [14]), далее Гол⟨овин⟩ и семейство Петри [15], к которому принадлежит и Капп, недостает только Джемса [16], чтобы составился десяток бодрствующих девственниц, но у нас есть для замены еще один русский дикарь [17], куда злее Чёрта.— Знаете, я думаю, что на этот раз вы станете смотреть на Швейцарию с иной точки зрения, чем раньше. Жизнь здесь монотонна, ограничена, в ней много германизма, педантства, кальвинизма... Но... Неужели нас удовлетворяла пошлая, мещанская, полная суетности и тщеславия парижская жизнь, и в чем состояли главные развлечения, заполнявшие пустоту этого искусственного существования? Личные связи? Но Париж тут не при чем — обедать у «Про⟨вансальских⟩ бр⟨атьев⟩» [18], бродить по бульварам, сидеть у Тортони [19] в толпе плутов, кретинов, государственных деятелей типа Жюльвекура [20] и либералов оттенка Голынского [21]? Да надобно, наконец, разрушить это колдовство, превращавшее нас в рабов Парижа, это не столица современного человечества, столицы нет, движение не сконцентрировалось. Быть может, центр притяжения теперь вне Европы, за морями. Мы будем страдать повсюду; таково проклятие роста, но я предпочитаю спокойную, безмятежную жизнь маленького городка огромному городу, который снова впадает в кретинизм, продает свою свободу, свои права за право воровать и обогащаться и уже не понимает того, чему сам учил мир 50 лет назад[22]. — Наш друг [23] начинает разделять иные взгляды, которые старался изо всех сил опровергнуть, когда мы обедали

* Русскую часть письма, обращенную к Н. А. Герцен, см. выше, в основном тексте.— *Ред.*

** Гряди, невеста с Ливана (нем.).

*** государственной почтово-пассажирской конторе (франц.).

с ним в Café Anglais. Он настроен более грустно и весьма озабочен, времена теперь трудные даже на мерку Женевы, изготовляющей часы для всей планеты.

Итак, до свидания. Жена пишет мне, что запасается для меня красным перцем и мятным маслом; она, стало быть, полагает, что в Швейцарии—пустыня Сахара, где ничего не найдешь поесть, кроме путешественников, но это — для львов и шакалов. Не привози даже английского соуса — во-первых, за табльдотом всегда есть англичане, которые просят разрешения и соуса, а кроме того он здесь есть. Уж лучше взять бинокль у оптика (а как нам быть с ог⟨аревским⟩ микроскопом?) [24].

Вашу руку, г-жа Гервег, я вас очень, всем сердцем, люблю. А что вы станете делать в Париже? Надо обладать героизмом, чтобы согласиться жить в условиях, продиктованных абсолютным безумием *.

[1] *Капорец* — шутливое прозвище Фридриха Каппа (1824—1884), молодого немецкого литератора-эмигранта, воспитателя старшего сына Герцена. Капп оказал Герцену существенную помощь при переводе им на немецкий язык «С того берега» и «Писем из Франции и Италии».

[2] Шутка. Капп был чрезвычайно высокого роста.

[3] Подробную характеристику парижского банкира Джемса Ротшильда (1792—1868) см. в XXXIX главе «Былого и дум».

[4] Имеется в виду акт на покупку парижского дома.

[5] Герцены поселились в «Hôtel des Bergues».

[6] Этот праздник подробно описан в «Былом и думах» (изд. АН, т. X, стр. 97).

[7] *Жан-Жак* — Руссо.

[8] *Вилль д'Авре* — деревня близ Сен-Клу, невдалеке от Парижа. В конце мая 1849 г. туда переехала мать Герцена; в начале июня 1849 г. там поселился и сам Герцен с женой и детьми.

[9] Герцен искал подходящее учебное заведение для своего глухонемого сына Коли.

[10] Строка из «Песни песней» царя Соломона, гл. 4, ст. 8.

[11] Притча о спящих девах, на которую шутливо (и неточно) ссылается Герцен, находится в гл. XXV евангелия («От Матфея», стихи 1—12).

[12] На улице Жубер, № 4 в Париже помещалось увеселительное заведение, упоминание о котором встречается в письме Н. А. Мельгунова к Герцену — см. «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 352.

[13] По-видимому, Герцен шутливо намекает здесь на то, что Гервег будет встречен в почтовой конторе своими швейцарскими друзьями.

[14] О ком говорит здесь Герцен — не установлено.

[15] О *Петри* — см. ниже, в примеч. 10 к письму № 66.

[16] Фази.

[17] Личность этого «русского дикаря» установить не удалось.

[18] «*Провансальские братья*» («Три провансальских брата»)— один из старейших и наиболее известных ресторанов в Париже.

[19] *Тортони* — известное парижское кафе.

[20] *Жюльвекур* — литератор, приятель Сазонова. Герцен характеризовал «тощего Жюльвекура» как одного из «скудных умом и телом лаццарони литературной Киайи, поденщиков журнальной барщины, ветошников фельетонов» (изд. АН, т. X, стр. 324).

[21] Журналист Александр Викентьевич *Голынский* (во французской транскрипции Holynski или Olinsky) — приятель Сазонова и член организованного им в 1848 г. клуба (см. изд. АН, т. X, стр. 329).

[22] Имеется в виду революция 1789—1794 гг.

[23] *Наш друг* — Фази.

[24] Герцен приобрел микроскоп по просьбе Огарева, увлекавшегося в это время практическим изучением естественных наук. В письме от 12 сентября 1849 г. Огарев, однако, попросил микроскоп ему не присылать («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 794).

[25] В 1846 г. Головин добился английского подданства «со всеми правами туземца, исключая права быть членом парламента и частного совета», как писал он сам («Записки», цит. изд., стр. 101).

17

ЭММЕ ГЕРВЕГ и Н. А. ГЕРЦЕН

⟨Женева. 7 июля 1849 г.⟩

Madame Emma, êtes-vous à Ville d'Avray? — Je le crois — et je viens vous consoler du départ de George (s'il est parti)[1], premièrement, et cela doit

* Следующую далее русскую приписку, обращенную к Н. А. Герцен, см. выше в основном тексте.— *Ред.*

beaucoup soulager votre peine, il s'ennuiera ici horriblement. *Je ne vois* rien de mauvais dans les *Genevois*, mais, par malheur, je vois aussi qu'il m'est impossible de ne pas voir (sans employer les moyens trop radicaux de Justinien envers Bélisaire[2]) notre Anglais G⟨olovine⟩ [3]. George sera donc forcé de le voir aussi. Ensuite, moi je suis devenu d'une stupidité inouïe, d'une sobriété qui dépasse tout ce qu'on raconte des stylites et autres fous en Dieu des déserts de la Thébaïde; je me couche à 10 h⟨eures⟩ $\frac{1}{2}$ et je *me lève* à *6* (*assis* sur mon lit). La cuisine de Genève me dépraye, l'élément germanique avec ses ragoûts sauvages[4] — m'infiltre des idées de conservateurs et des vertus d'hommes qui ne sont pas capables d'avoir des vices. Donc vous voyez quel déplaisir aura George de cet agrément. En cas que George n'est pas parti — je commencerai à consoler ma femme et non pas la sienne.

Приписка Наталье Александровне:

Если ты не уехала — то поезжайте же, наконец, а то ждать скучно, я уж было так и расположился вас во вторник принять. Я совершенно отвык жить в таком isolement *, да и без бумаг не могу работать, да и не хочется. Может, и удастся поездить хорошо — поживем, а там... а там — что там, спроси у Морица [5], он еще так глуп, что, может быть, и отгадает, что будет вперед... В Америку [6]. Итак, я жду. Саша здоров, купается, шатается; если б Каппа отрезать на поларшина, он бы был хороший человек.

7. Суббота. Полдень.

Перевод:

⟨Женева. 7 июля 1849 г.⟩

Госпожа Эмма, в Виль д'Аврэ ли вы? Полагаю, что там, и хочу утешить вас по поводу отъезда Георга (если он уехал) [1]; прежде всего, и это должно очень облегчить ваше горе, он будет здесь ужасно скучать. *Я не вижу* ничего дурного в *женевцах* **, но к несчастью, я вижу также, что невозможно не видеть (не прибегая к чрезвычайным мерам, примененным Юстинианом к Велизарию [2]) нашего англичанина Г⟨оловина⟩ [3]; Георг, следовательно, будет также вынужден видеть его. Затем, сам я дошел до такой неслыханной глупости, до такой воздержанности, которая превосходит все, что рассказывают о столпниках и других во Христе юродствующих пустыни Фиваидской; я ложусь в $10\frac{1}{2}$ ч⟨асов⟩ и *встаю* (*сидя* в постели) в *6* ***. Женевская кухня меня развращает, германский элемент с его дикими рагу [4] пропитывает меня идеями, присущими консерваторам, и добродетелями людей, неспособных иметь пороки. Итак, вы сами видите, сколько неприятностей получит Георг от этих удовольствий. В случае, если Георг не уехал, я примусь утешать не его жену, а свою ****.

7. Суббота. Полдень.

[1] Гервег вместе с Н. А. Герцен и Татой отправился из Парижа в Женеву в тот же день, 7 июля 1849 г. См. ниже обзор писем Н. А. Герцен к Гервегам.

[2] *Велизарий* — византийский полководец (494—565), которого, по преданию, лишил зрения император Юстиниан.

[3] О принятии Головиным английского подданства см. в примеч. 25 к письму № 16.

[4] «...германский ум при всей теоретической силе имеет какую-то практическую несостоятельность»,— писал Герцен в «Письмах из Avenue Marigny» и шутливо объяснял это недостатками немецкой кухни (изд. АН, т. V, стр. 17).

[5] *Мориц* — малолетний сын Адольфа Рейхеля от первого брака.

[6] Герцен в это время неоднократно высказывал желание покинуть Европу, где свирепствовала реакция, и переехать в Америку. Однако американский жизненный уклад был ему чужд и антипатичен, и на переселение он так и не решился.

* уединении (франц.).

** Каламбур: «je ne vois» (я не вижу) и «Genevois» (женевцы) звучит одинаково.

*** Каламбур: по-французски «à six» (в шесть) и «assis» (сидя) звучит одинаково.

**** Следующую далее русскую приписку, обращенную к Н. А. Герцен, см. выше в основном тексте.— *Ред.*

Н. А. ГЕРЦЕН
Дагерротип, 1851 г.
«Пражская коллекция»
Центральный архив литературы и искусства, Москва

18

ЭММЕ ГЕРВЕГ

⟨Genève.⟩ Le 13 juillet ⟨1849⟩

Chez nous en Russie, les hommes qui restent une vingtaine d'années dans les provinces, commencent ordinairement les lettres de cette manière: «Voulant profiter de cette occasion (la poste!) je m'empresse de etc. etc.». Donc voulant profiter de la même manière d'une occasion *très sûre*, pour mettre à vos pieds les fleurs de mes sentiments, sympathies... — après avoir accompli ce devoir — j'oserai avouer que je profite de l'occasion pour ne rien vous écrire à vous, mais pour vous prier d'avoir la bontée de vous charger d'une commission pour M. Petri [1].

J'ai parlé de son affaire avec M. F⟨azy⟩, il dit que la chose est faisable, mais qu'il faut pour cela ou le document qui a été ici, ou la présence de M. Petri. Dites-lui qu'il me précise ce qu'il veut, s'il ne veut pas venir en personne. Pour moi c'est tout bonnement un bonheur que je trouve l'occasion d'être utile en peu de chose à m-r Petri, qui m'a obligé d'une manière si amicale et noble.

Je profite de cette occasion très sûre pour faire un effort insurmontable et de vous faire tous les sentiments de considération, d'estime etc.

Рукой Н. А. Герцен:

Votre main, chère Emma, je vous écris et écrirai aussi souvent que possible pour vous donner des nouvelles de G⟨eorges⟩.— Je ne l'ai jamais vu rire autant qu'hier: A⟨lexandre⟩ a fait notre *cicerone* pendant quatre heures; vous pouvez vous imaginer le point de vue duquel nous avons étudié Genève; nous courions après lui tout essouflés par les rues sales, étroites, où il nous montrait tout ce qu'il y avait de plus remarquable: un chat noir, par exemple, un chien qui se transforme en poisson; un âne qui *même* à Genève a les oreilles aussi longues que partout, etc. Le soir m-me Strouve est venue avec son mari[2],— elle a tout pour être belle et ne l'est pas, elle prend du lait et du miel pour toute sa nourriture, admire George S⟨and⟩ et aime Schiller, elle et son mari travaillent 6 jours et se reposent le septième * [3]

Перевод:

⟨Женева.⟩ 13 июля ⟨1849 г.⟩

У нас в России люди, прожившие в провинции около двух десятков лет, начинают обычно свои письма таким образом: «Желая воспользоваться оказией (почтой!), спешу и т. д. и т. д.». Итак, я тоже желаю воспользоваться *совершенно надежной* оказией, чтобы сложить у ваших ног цветы моих чувств и моего расположения; исполнив этот долг, осмелюсь признаться, что я пользуюсь оказией, чтобы ничего не писать лично вам, а попросить вас взять на себя поручение к г-ну Петри [1].

Я говорил о его деле с г-ном Ф⟨ази⟩; он сказал, что это дело выполнимо, но для этого нужен либо тот документ, который был здесь, либо присутствие г-на Петри. Передайте ему, чтобы он точно указал мне, что ему надобно, если он не хочет приехать сам. Я просто счастлив, что представился случай хоть в чем-нибудь быть полезным г-ну Петри, который так благородно и по-дружески оказал мне услугу.

Пользуюсь этой совершенно надежной оказией, чтобы, напрягши все силы, выразить вам свои чувства уважения, почтения и т. д.

Рукой Н. А. Герцен:

Вашу руку, дорогая Эмма, я пишу и буду писать вам по возможности чаще и сообщать, как поживает Г⟨еорг⟩. Я еще ни разу не видела, чтоб он так смеялся, как вчера. А⟨лександр⟩ был нашим чичероне в течение четырех часов. Вы можете себе представить, с какой точки зрения мы изучали Женеву. Мы бегали за ним, совершенно запыхав-

* Конец письма отсутствует.— *Ред.*

шись, по грязным, узким улицам, где он показывал нам всякие достопримечательности: черную кошку, например; собаку, превращающуюся в рыбу; осла, у которого *даже* в Женеве уши не короче, чем повсюду, и т. д. Вечером приходила г-жа Струве с мужем [2]. У нее есть всё, чтобы быть красивой, но она некрасива. Питается она только молоком и медом, восхищается Жорж С⟨анд⟩ и любит Шиллера. Шесть дней они с мужем трудятся, а на седьмой отдыхают [3]*

[1] О *Петри* см. ниже в примеч. 10 к письму № 66.

[2] Ироническую характеристику Густава *Струве* (1805—1870), одного из руководителей Баденского восстания, эмигрировавшего в Швейцарию, а также его жены Амалии см. в гл. XXXVIII «Былого и дум».

[3] К этому письму приложена следующая записка Герцена на отдельном листке: «G. Herw⟨egh⟩. Je n'ai pu me décider d'envoyer cette lettre à part, je ne veux pas enrichir la poste; au reste, je prierai d'envoyer cette lettre par Adelhaid — elle aura tout l'air de venir par la poste» («Г. Герв⟨егу⟩. Я не решился послать это письмо отдельно, я не хочу обогащать почту; впрочем, я попрошу послать письмо через Адельгейду —а вид будет такой, словно оно пришло по почте»).

19

ЭММЕ ГЕРВЕГ

23 Juli 1849. Genève

Gestern zu Folge einer Intrige, die noch keinen Namen gefunden hat im Lexikon, hat man mir die Möglichkeit geraubt, Ihnen einige Worte zu sagen — Sie können sich denken, daß dieser Fallonische Plan von meiner Lucrez-Borgia-Frau und von ihrem César-Borgia-Mann entworfen und zur Wirklichkeit gerufen war.

Ich wollte nämlich Sie unterhalten von dem schönen Plan der liberalen Regierungen, die eine ganz neue Methode anwenden wollen, um aus dem Genfer See einen *Champ de la liberté* zu machen und ohne viel Eidgenössisches Geld zu verbrauchen. Man drängt von allen Seiten die Flüchtlinge hierher [1], und wenn sie einmal da sind — am Ufer, so schreit man «Zurück aus Zürich» und erlaubt nicht hier zu bleiben, die andern Mächte haben die *Faiblesse*, auch «Zurück» zu schreien, da bleibt also keine Wahl. Die Flüchtlinge müssen oder nach dem barbarischen Frankreich, oder in der See zu Grunde gehen. Freilich jeder ehrliche Mann wird den kürzesten und den am wenigsten trockenen Weg vorziehen. Man hat berechnet, daß es hinlänglich wird nur den Bodensee mit den Italienern und Franzosen hinzudrängen, um eine schöne Wiese zu machen. Dazu sagt man, daß das Gras vortrefflich wächst auf radikalem Humus.— Struve ißt keine *Légume* mehr, er findet daß einem sittlichen Mann unanständig ist, von den Pflanzen, die Phanerogame sind, zu essen—er erlaubt sich nur jetzt die *Fougères*. Es ist wirklich schade, daß Simeon der Stylit [2] etwas zu frühe lebte, der hätte mit St⟨ruve⟩ gekneipt. Seine Frau muß alle Tage sehr weit, so circa 3 geographische Grade gehen und dort eine Quelle aufsuchen, die immer gefroren ist, um allerlei unasketische Gedanken (was Gott behüte), *à la glace* frappieren, denn in dieser Temperatur hat der Böse keine Wirkung mehr.

Vor einer Woche brach hier eine epidemische Krankheit ⟨ein⟩, die zwar schädlicher als die Cholera, aber milder als die Pest (die orientalische) scheint — man nennt diese Krank⟨heit⟩ — Dictagras. Der Mann fängt ⟨an⟩, vor zwei Stunden eine große Schwere im Kopf zu fühlen (dann muß er gleich eine Flasche Burgun⟨der⟩ trinken)—wenn er aber nicht trinkt, so fängt er an zu diktieren und der Andre muß schreiben, und wird durch die Kontagion auch Diktoman... bei uns sind alle krank, meine Frau diktiert Her⟨wegh⟩ russisch — weil er kein Russisch versteht, ich — H⟨errn⟩ Kapp deutsch—weil ich kein Deutsch verstehe [3], Kapp rediktiert einem Russen [4] — weil er in Baden war (die Krankheit findet immer Ursache); am Ende Golovin diktiert meiner

* Конец письма отсутствует. — *Ред.*

Frau — weil er aus Unvorsichtigkeit seine Mutter verloren hat und jetzt sie *dans toutes les Russies* sucht.

Verzeien Sie, ich kann nicht mehr schreiben. Elisa [5] schlachtet die Tata ab — wenn das einmal vorbei ist, dann werde ich fortfahren. *Adieu.*

Перевод:

23 июля 1849 г. Женева

Вчера, в результате интриги, которая в лексиконе еще не нашла себе названия, я был лишен возможности сказать вам несколько слов — представьте себе, что этот фаллонический * план был задуман и осуществлен моей Лукрецией-Борджиа-супругой и вашим Цезарем-Борджиа-супругом.

А между тем я хотел рассказать вам о великолепном плане либеральных властей, которые хотят применить совершенно новый способ, чтобы превратить Женевское озеро в «Champ de la liberté» **, притом без больших затрат швейцарских денег. Сюда со всех сторон теснят беженцев [1], а когда они, наконец, оказываются тут, на берегу, то им кричат: «Назад из Цюриха» *** — и не разрешают здесь оставаться, другие власти тоже имеют склонность кричать «назад», и, таким образом, у них не остается никакого выбора. Беженцам нужно либо отправляться в варварскую Францию, либо на дно озера! Разумеется, каждый порядочный человек предпочтет наикратчайший и, следовательно, наименее сухой путь. Рассчитали, что достаточно будет спустить в Боденское озеро итальянцев и французов, и зазеленеет прекрасный луг. Кроме того, говорят, что трава прекрасно растет на перегное из радикалов. Струве больше не ест овощей, он находит, что нравственному человеку неприлично есть явнобрачные растения, он разрешает себе теперь только fougères ****. Право, жаль, что Симеон Столпник [2] жил немного рановато: они бы вместе выпивали со Струве. Его жена вынуждена ежедневно ходить очень далеко, примерно за 3 градуса широты, на поиски источника с вечно ледяной водой, чтобы à la glace***** замораживать всякие (боже упаси!) неаскетические мысли, ибо нечистый при подобной температуре теряет всю свою власть.

Неделю тому назад здесь разразилась эпидемия, которая, хотя и страшнее холеры, но как будто менее опасна, чем чума (азиатская), — эта бол⟨езнь⟩ называется «диктаграс». За два часа до начала заболевания у человека появляется ощущение сильной тяжести в голове (тогда он немедленно должен выпить бутылку бургунд⟨ского⟩), а ежели не выпьет, то принимается диктовать, а другой должен записывать и, сам заражаясь, также становится диктоманом... У нас все больны: моя жена диктует Гер⟨вегу⟩ по-русски, потому что он не знает русского языка; я — г-ну Каппу по-немецки, потому что не знаю немецкого языка [3]; Капп передиктовывает это одному русскому [4], потому что тот был в Бадене (для болезни всегда найдется причина); наконец, Головин диктует моей жене, потому что он имел неосторожность потерять свою мать, и теперь ищет ее dans toutes les Russies ******.

Извините, больше не могу писать. Элиза [5] расправляется с Татой; когда это кончится, продолжу. Прощайте.

[1] В 1849—1850 гг., под давлением реакционных европейских правительств, Швейцарская конфедерация стала принимать репрессивные меры против революционеров-эмигрантов, вынужденных после разгрома революций искать убежища в Швейцарии.

[2] *Симеон Столпник* — христианский аскет, подвергавший себя, по преданию, самым мучительным истязаниям.

[3] Герцен в это время диктовал Ф. Каппу по-немецки, с русского оригинала, «С того берега».

[4] О каком русском идет речь — не выяснено.

[5] *Элиза* — горничная Н. А. Герцен.

---

* от лат. fallo — обманывать.

** «Поле свободы» (франц.).

*** Каламбур: «Zürich» (Цюрих) и «zurück» (назад) по-немецки произносятся схоже.

**** Игра слов: по-французски «fougère» — папоротник (тайнобрачное растение) и винный бокал.

***** на льду (франц.).

****** по всей России (франц.).

«ОПЕРНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В ЖЕНЕВЕ В СЕНТЯБРЕ 1849 г.»

Карикатура на Джемса Фази и преследование политических эмигрантов в Швейцарии

Подпись под рисунком: «Вильгельм Телль», действие второе». В роли Вильгельма Телля — Фази (средняя фигура), справа — Пьер Леру, слева — В. Консидеран. Суфлер — Прудон. На заднем плане немецкие, итальянские и французские эмигранты.

«L'Illustration» от 13 октября 1849 г.

20

ЭММЕ ГЕРВЕГ

20 août 1849. Genève

Avez-vous reçu une lettre audacieusement adressée à votre nom sans insertion pour vous? Figurez-vous, je vous ai écrit une épître en sollicitant d'envoyer tout de suite chercher le cher M. Chojecki [1], et de lui remettre mon *oltimatom* — comme disent les Français — eh bien, après avoir expédié ma lettre, je vois sur ma table... horreur... que l'épître est restée tranquillement. Au premier moment j'avais l'intention de punir Tata, de me divorcer avec ma femme, de tuer dans un duel votre mari, de quitter l'Hôtel des Bergues, Genève, la Suisse, l'Europe... et j'ai fini par quitter ces intentions; eh bien, pardonnez donc à un vieillard chétif qui a perdu la mémoire et les facultés intellectuelles par de longs malheurs, emprisonnement, exil, émigration, chambertin, absinthe, famille nombreuse, enfants, parents... vraiment, je m'étonne qu'on me permette encore de vivre librement et qu'on ne m'envoie pas à Charenton [2].

Et pourtant il n'y avait rien de très intéressant dans ma lettre, elle était grave, solennelle, comme cela arrive toujours lorsqu'un homme prend une grande résolution. – Vous devez savoir que je me suis décidé d'emprunter chez ma mère l'argent pour le cautionnement [3]. Ce qui m'a le plus engagé, c'est l'exemple de Lola Montès qui a aussi payé à Londres un cautionnement de 25 m⟨ille⟩ fr⟨ancs⟩ (et je suis sûr qu'elle le perdra avant moi) [4].

La journalistique envahit tout le monde, ici il y a quatre projets, tout le monde parle de spécimen, de Revue, de format, et tout le monde a la bonté de vouloir me faire participer aux pertes. Je suis touché de ces marques d'amitié [5].

Georges fait tous les jours des scènes pour le dîner; non seulement qu'il jette des regards furieux, mais des assiettes, il gronde Kapp pour la soupe,

ma femme pour le gigot, m-lle Ern [6] pour les légumes — cela augmente beaucoup au piquant — moi j'ai la responsabilité des vins. Plus que moi! plus que moi, votre

Pseudo Hafis[7]

Перевод:

20 августа 1849 г. Женева

Получили ли вы письмо, бесцеремонно адресованное вам, но без вложения единой строки для вас? Представьте себе, я написал вам эпистолу с просьбой тотчас же разыскать милого г-на Хоецкого [1] и передать ему мой *ультиматум*, как говорят французы, но, отослав письмо, я вдруг вижу — о ужас! — что эпистола к вам спокойно лежит у меня на столе. В первую минуту я имел намерение наказать Тату, развестись с женой, убить на дуэли вашего мужа, покинуть Hôtel des Bergues, Женеву, Швейцарию, Европу... и кончил тем, что оставил все эти намерения. Простите же немощному старцу, коего многие горести, заточение, изгнание, эмиграция, шамбертен, абсент, многочисленное семейство, дети, родня лишили памяти и мыслительных способностей... право, я удивляюсь, как до сих пор мне дозволяют оставаться на свободе и не отправляют в Шарантон [2].

И тем не менее, в моем письме не было ничего особенно интересного, оно было серьезно и торжественно, как это обычно бывает, когда человек принимает важное решение. Да будет вам известно, что я решил занять у моей матери деньги, необходимые для залога [3]. Меня побудил к этому больше всего пример Лолы Монтес, которая также внесла в Лондоне залог в 25 тыс⟨яч⟩ фр⟨анков⟩ (и я уверен, что она потеряет его раньше, чем я) [4].

Здесь все увлечены журналистикой, предлагаются четыре проекта, все говорят о пробных номерах, о журналах, форматах, и все любезно предоставляют мне право участвовать в убытках. Я тронут этими свидетельствами дружбы [5].

Георг всякий день устраивает сцены из-за обеда. Он бросает не только гневные взгляды, но и тарелки, бранит Каппа за суп, мою жену за жаркое, мадемуазель Эрн [6] за овощи — все это добавляет немало остроты к приправам, а я несу ответственность за вина. Больше чем я! больше чем я, ваш

Лжегафиз[7]

[1] О Шарле-Эдмоне (Карле-Эдмунде) *Хоецком* см. ниже в публикации письма к нему Герцена.

[2] *Шарантон* — лечебница для умалишенных невдалеке от Парижа.

[3] Речь идет о залоге в 24 000 франков, которые Герцен, по договоренности с Прудоном, должен был внести для обеспечения издания газеты «Voix du Peuple». См. «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 490—500 и 522—545.

[4] *Лола Монтес* (1820—1861) — авантюристка, танцовщица, фаворитка баварского короля Людвига I, которая после отречения короля от престола (в 1848 г.), вышла замуж за богатого английского офицера и переехала в Лондон. Родные офицера возбудили против нее судебное дело за двоемужество, так как ее первый муж был еще в живых. Чтоб избежать тюремного заключения, Лола Монтес внесла за себя залог в 1000 фунтов стерлингов и скрылась в Испанию. На эту историю и намекает Герцен.

[5] Об этой повальной болезни издания эмигрантских газет в Женеве Герцен писал в «Былом и думах», отмечая, что «люди, ни на что не способные, все еще считали себя способными на издание журнала, сколачивали сто-двести франков и употребляли их на первый и последний лист» (изд. АН, т. X, стр. 63—64).

[6] Мария Каспаровна *Эрн*, впоследствии — Рейхель.

[7] Герцен в это время был сильно увлечен сборником стихотворений Гафиза, французский перевод которого вышел в Париже. «Достань себе всенепременно Гафиза, перевод Даумера, напеч⟨атанный⟩ в ⟨18⟩46 или 47,— писал он Огареву 17 октября 1848 г.— Вот тебе новый, огромный источник наслаждений. Что это за реальный, разгульный и глубокий поэт! Будешь благодарить» («Герцен. Новые материалы». М. 1927, стр. 67).

21

ЭММЕ ГЕРВЕГ

⟨Женева. Первая половина сентября 1849 г.⟩

Ich wußte sehr gut, daß wenn Sie etwas übersetzen wollten, so wäre es ins Englische vom Menschlichen übersetzt, aber wo haben Sie denn gesehen,

gehört, gelesen... daß man so hohe Feder (Engelsfeder) dazu gebraucht, um Barbarismen zu englisieren[1] — und Sie fragen, ob kein Genfer diesen Gedanken gehabt hat? Hab' ich denn Freunde unter den Genferbürgern?—Oder Feinde? Auch nicht,— Und glauben Sie, daß die Menschen, die mich nicht lieben und nicht hassen, solche Vorschläge machen.— Ich bitte, um prosaischer zu werden, schreiben Sie nur, wieviel haben Sie gezahlt für die Blätter, ich will wissen, ob man mich hier betrogen hat oder nicht. Sie sollten zahlen 4 sous per Dutzen⟨d⟩, hat man hier gesagt; wenn es mehr ist—so schicke ich durch die *Messagerie*.

Sagen Sie Chojecki, daß ich heute die Prokuration geschickt habe (es heißt — jetzt schicke) [2].— Pr⟨oudhon⟩ schreibt nichts. Ich glaube, daß er nicht ganz zufrieden mit meinem Brief war [3]; ich habe geschrieben wie an einen Menschen — und er ist der große Ökonom.— J'ai fait ce que j'ai promis — j'insisterai pour avoir — non l'amitié de Pr⟨oudhon⟩, mais l'exécution du concordat [4]. Qui est le Pape et qui Napoléon? — Moi je suis, s'il faut choisir, la Papesse Jeanne[5] et donc

votre amie
p⟨a p e s s e⟩ J ⟨e a n n e⟩

П е р е в о д:

⟨Женева. Первая половина сентября 1849 г.⟩

Я прекрасно знал, что уж если бы вы вздумали что-нибудь перевести, то это было бы переводом с человеческого языка на ангельский, но где же вы видели, слышали, читали... чтобы такое высокое перо (ангельское перо) употребляли для энглизирования * варваризмов [1], и вы еще спрашиваете, не пришла ли в голову кому-нибудь из женевцев такая мысль? И есть ли у меня друзья среди женевских граждан? Или враги? Ни тех, ни других. И вы думаете, что люди, которые не питают ко мне ни любви, ни ненависти, будут делать такие предложения.— Прошу вас, переходя к более прозаическому, напишите же, сколько вы заплатили за газеты, я хочу знать, обманули меня здесь или нет. Тут говорят, что вы должны были заплатить 4 су за дюжину, если вы заплатили больше, я пошлю через Messagerie **.

Скажите Хоецкому, что доверенность я послал сегодня (т. е. посылаю сейчас) [2]. — Пр⟨удон⟩ ничего не пишет. Мне кажется, что он остался не совсем доволен моим письмом [3]; я писал ему, как человеку, а он — великий эконом. Я сделал то, что обещал, и буду настаивать не столько на дружбе Пр⟨удона⟩, сколько на выполнении конкордата [4] — кто тут папа и кто Наполеон? Если уже выбирать, то я папесса Иоанна [5], а стало быть

ваша приятельница
п⟨а п е с с а⟩ И⟨о а н н а⟩

[1] Вероятно, Э. Гервег предложила Герцену перевести на английский язык «Письмо к Гервегу» (в немецком издании «С того берега» оно было напечатано за подписью *Варвар*) и осведомлялась, не высказал ли желание сделать это кто-нибудь из его женевских знакомых.

[2] Доверенность на получение денег в банкирской конторе Ротшильда для внесения залога за «Voix du Peuple» — см. примечания к следующим письмам.

[3] Письмо Герцена к Прудону от 27 августа 1849 г.— «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 492—495; ответ Прудона от 15 сентября 1849 г.— там же, стр. 497—500.

[4] Герцен шутливо сравнивает договор, заключенный между Наполеоном I и папой римским Пием VII в 1802 г., со своим договором с Прудоном. «...я требовал,— писал впоследствии в «Былом и думах» Герцен,— во-первых, права помещать статьи свои и не свои, во-вторых, права заведовать всею иностранною частию, рекомендовать редакторов для нее, корреспондентов и пр., требовать для последних плату за помещенные статьи» (изд. АН, т. X, стр. 191).

[5] В 855 г. в папы под именем Иоанна VIII, по утверждению некоторых исторических источников, была избрана переодетая женщина, получившая в народе прозвание *папесса Иоанна*. Достоверность этого факта более чем сомнительна.

* Игра слов: «Engel» по-немецки: «ангел»; «englisch» — «ангельский» и «английский».

** Почтовую экспедицию (франц.).

22

ЭММЕ ГЕРВЕГ

5 oct⟨obre 1849⟩. Genève

Je me proposais de vous raconter notre célèbre excursion à Chamouny sans avoir vu le Mont-Blanc — mais, entraîné comme toujours, je n'ai rien fait. Le côté intéressant du voyage était le choix d'un temps pluvieux, glacial, où la bise emporte les avalanches, et où on ne voit pas ses propres mains à force de brouillard.— Au reste, si nous n'avons rien vu, au moins nous avons été versés, et si nous avons au complet pieds, mains, nez et yeux— cela n'est pas notre faute.

Et ensuite c'est si bourgeois de voir le Mont-Blanc à Chamouny, ne pas l'y voir est plus distingué et coûte la même chose.

La misanthropie de Georges prend une nouvelle forme et de sentiment négatif passe à l'état positif. Vous pensez, peut-être, que la haine des hommes le porte à l'amour des femmes — du tout — au fond, qu'⟨est⟩ce que c'est qu'une femme — c'est un homme du genre féminin; non, il tombe dans la caprophilie et pendant tout le temps de notre voyage sur le mont... attendez un instant, j'irai demander à Sacha le nom du mont... je sais que ce n'est ni le mont Thabor, ni le mont Ararat où Noë arriva sans être noyé, avec un cabinet d'animaux rares — *donc* sur le mont *en vers* le poète, il se promena bras dessous bras dessus avec une jeune chèvre [1]. Il pense (et moi je ne m'étonne nullement de cela) que c'est bien dommage que cette chèvre n'ait pas reçu une éducation soignée et que feu le Père-bouc — n'aie pas été bouquiniste, autrement on pourrait la prier de se charger de la correspondance étrangère pour la *Voix du Peuple* (et des chèvres). Elle est diablement rauque cette voix [2]—mais dites donc au nom de tous les dieux, sans en excepter celui du diable—que font donc nos amis? Par rapport à l'étranger, c'est une mauvaise feuille parisienne. J'ai écrit à Ch⟨ojecky⟩ [3].— Ch⟨ojecky⟩ m'a écrit qu'il ne s'en occupe pas. J'ai écrit à Sas⟨onoff⟩ — il ne s'occupe pas à me répondre. A qui m'adresser, je suis au désespoir, je me jeterai dans le lac, je me brûlerai la cervelle, je ne prendrai pas de vin de bourgogne, je partirai pour la Martinique ou pour Lausanne, afin de ne pas rencontrer des hommes qui me sifflent, qui me disent ouvertement: «Mais votre *Voix du Peuple* a perdu sa voix avant de chanter — quel malheur!» — et moi de répondre alors: «Elle n'est pas encore entrée dans la véritable *voie*... — et ensuite c'est peut-être en *Savoie* qu'on fait imprimer cette feuille,—mais qu'il y a une autre à Paris,— seulement par précaution on ne la montre à personne; la réaction est forte, et la feuille faible...», etc., et je jure après que dans cette autre feuille on comprend la solidarité du principe monarchique en France et en Russie, qu'on parle de la Russie en homme et non en Français, qu'on n'attend pas de la Russie la féodalité... qui n'existe en Russie que comme un don de l'Europe... que là les nouvelles sont publiées le même jour que dans les *Débats* [4] — et non le lendemain.— Mais savez-vous, chère madame Emma, ce qui vient d'une manière très heureuse confirmer mes assertions, *c'est que personne*, du nombre de ceux qui ont été désignés par moi — n'a reçu ni le spécimen ni les premiers №№ [5]. Vraiment cela est touchant, cela m'aide à dire et à répéter: «Cette feuille, vous voyez vous-mêmes, n'est pas la véritable, la patentée, l'approuvée, la rédigée, la cosmopolitisée; mais en cas que le journal se portera un peu mieux, je crois qu'on enverra à tout le monde *et quibusdam aliis* même beaucoup d'exemplaires; autrement je ne conçois pas les moyens de propager la réputation.

Eh bien, avez-vous parcouru mes pauvres feuilles [6], ah, si elles étaient des chèvrefeuilles. Je crois que vous ne les lisez pas, autrement pourriez vous faire tant de compliments — je vous enverrai bientôt la lettre sur la Russie [7].

A propos, Haug [8] nous a envoyé un Italien turc qui, je crois, déposera bientôt lui-même les roses orientales de l'éloquence de Haug-Pascha à vos pieds [9].

Fazy und das sämtliche Ministerium dinieren heute bei einem Menschen, der vor Hunger stirbt sie zu sehen und der ist

A. Herzen

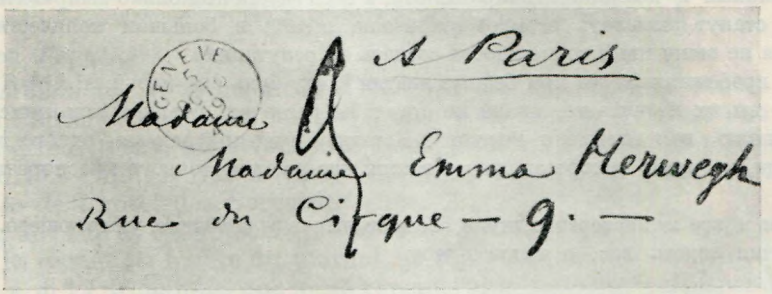
A Paris
Madame
Madame Emma Herwegh
Rue du Cirque, 9

Почтовый штемпель: — «Genève. 5 octo⟨bre⟩ 49.

Перевод:

5 окт⟨ября 1849 г.⟩ Женева

Я собирался рассказать вам, какую замечательную прогулку мы совершили в Шамуни не вида в Монблана; но, по обыкновению чем-то увлекшись, не сделал этого. Самое интересное в поездке—выбор погоды—дождливой, леденящей, когда северный ветер сносит



КОНВЕРТ ПИСЬМА ГЕРЦЕНА К ЭММЕ ГЕРВЕГ ОТ 5 ОКТЯБРЯ 1849 г.
Автограф
Британский музей, Лондон

лавины и когда из-за тумана не видно собственных рук. Впрочем, если мы ничего и не видели, то зато опрокинулись, и если у нас уцелели ноги, руки, носы и глаза, то тут уж вина не наша.

А потом, это такое мещанство — увидеть Монблан из Шамуни, куда изысканнее его оттуда не увидеть, а стòит это столько же.

Мизантропия Георга приобретает новую форму: из негативного чувства она превращается в позитивное. Вы, может быть, думаете, что ненависть к человеку * толкает его на любовь к женщине — ничуть; в сущности, что такое женщина — это человек женского рода; нет, он впадает в козелюбие и в продолжение всего нашего путешествия на гору... подождите минутку, пойду, спрошу у Саши название горы, знаю только, что это не гора Фавор и не гора Арарат, куда Ной, так и не потонув, прибыл со своей коллекцией редкостных зверей — итак, на горé Анвер** наш поэт прогуливался под ручку с молоденькой козочкой [1]. Как жаль, думает он (и я этому нисколько не удивляюсь), что эта козочка не получила хорошего воспитания, и ее покойный батюшка-козел не был букинистом ***, а то ее можно было бы попросить взять на себя иностранную корреспонденцию для «Голоса народа» (и коз). Кстати, он чертовски сиплый, этот голос [2]. Скажите же, во имя всех богов и самого дьявола, чтò они там делают — наши

* Игра слов: по-французски «homme» (человек) значит также «мужчина».

** Каламбур: en vers (в стихах) и Anvers (название горы) по-французски звучат одинаково.

*** Каламбур: по-французски «козел» — bouc, отсюда у Герцена— «букинист».

друзья? Если говорить об иностранной части, это — дрянной парижский листок. Я написал Х⟨оецкому⟩ [3], а Х⟨оецкий⟩ написал мне, что не занимается ею. Я написал Са-з⟨онову⟩, а тот не думает заняться ответом мне. К кому же обращаться? Я в отчаянии и, того гляди, брошусь в озеро, пущу себе пулю в лоб, не стану пить бургундского, уеду на Мартинику или в Лозанну, лишь бы не встречаться с людьми, которые смеются мне в глаза и открыто заявляют: «А ведь ваш „Голос народа" потерял голос, не успев и запеть,— вот несчастье!».— А я тогда говорю: «Он еще не вступил на свой путь истинный да и вполне возможно, что листок этот издают в Савойе*, а в Париже есть другой, но только тот из предосторожности никому не показывают; реакция сильна, листок же слаб...» и т. д. И я затем клятвенно заверяю, будто в этом другом листке понимают общность монархического принципа во Франции и в России, о России говорят как люди, а не как французы, не ждут от России феодального порядка, который и существует-то в России лишь в качестве дара Европы, и будто известия печатаются там в один день с «Débats»[4], а не на следующий. И знаете ли, дорогая г-жа Эмма, чем весьма удачно подтверждаются мои слова? — Да тем, *что никто* из намеченных мною лиц не получил ни пробного, ни первых номеров [5]. Это поистине трогательно и помогает мне твердить и повторять: «Вы же сами видите, это — не настоящий листок, имеющий патент и разрешение, редактированный и космополитизированный; а если газета несколько выправится, я думаю, ее станут высылать всем et quibusdam aliis** в большом количестве экземпляров; я не вижу иной возможности создать ей репутацию».

Ну, пробежали ли вы мои бедные листки [6], ах, будь они козьими! *** Я подозреваю, что вы их не читаете, иначе не стали бы расточать столько комплиментов — я скоро вышлю вам письмо о России [7]. Кстати, Гауг[8] прислал нам одного турецкого итальянца, который вскоре сложит у ваших ног розы восточного красноречия Гауга-паши [9].

Фази и все министерство вкупе обедают нынче у человека, умирающего с голода от желания видеть вас, и человек этот

А. Герцен

Париж

Госпоже Гервег
улица Cirque, 9

Почтовый штемпель: Женева, 5 окт⟨ября⟩ 49.

[1] Другие подробности об этой экскурсии см. ниже, в обзоре писем Н. А. Герцен.

[2] Герцен был чрезвычайно недоволен первыми номерами газеты «Voix du Peuple» («Голос народа») — см. об этом ниже, в письме Герцена к Ш.-Э. Хоецкому от 20 октября 1849 г.

[3] Это письмо Герцена к Ш.-Э. Хоецкому неизвестно.

[4] Имеется в виду ежедневная парижская газета «Journal des Débats», руководящий орган орлеанистов.

[5] См. примеч. 4 к предыдущему письму.

[6] По-видимому, речь идет о корректурных листах печатавшегося в это время в Цюрихе немецкого издания «С того берега».

[7] Статья Герцена, написанная в виде открытого письма к Г. Гервегу и вошедшая в немецкое издание «С того берега» (см. изд. АН, т. VI, стр. 150—223).

[8] Эрнст *Гауг* —политический эмигрант, принимавший участие в венской революции 1848 г. и в защите Римской республики. Оказал впоследствии деятельную помощь Герцену во время его семейной драмы (см. о нем в пятой части «Былого и дум»). Упоминание о Гауге встречается и в письме Н. А. Герцен к Эмме Гервег от 4 сентября 1849 г. из Женевы, в котором она передавала просьбу Гауга и Герцена — узнать, не получены ли в Париже письма на имя Гауга.

[9] Имя *турецкого итальянца*, присланного Гаугом, остается неизвестным.

---

* Каламбур: «sa voie» — свой путь, «Savoie» — Савойя; «voie» (путь) и «voix» (голос) звучат одинаково.

** И еще кое-кому (лат.).

*** Каламбур «chèvrefeuille» означает «жимолость», а буквально — «козий листок».

23

ЭММЕ ГЕРВЕГ

⟨Женева. 10 октября 1849 г.⟩[1]

Рукой Н. А. Герцен:

Chère Emma, je craindrais joindre mes prières à celles de Sacha et t'assurer que «tu seras très contente de nous revoir», mais je répèterai ce que j'avais déjà dit il y a longtemps, qu'il me semble qu'il n'y aura d'harmonie et de bonheur pour nous que quand nos familles seront réunies. Je me représente la vie si belle, je me représente une vie nouvelle avec vous dans un petit coin du monde... Je ne sais pas avec qui nous pourrions rester mieux, nous pourrions rester *encore* avec les *O⟨gareff⟩* seulement.— Chère Emma, sachant tous les embarras, tous les obstacles — je n'ose ni te conseiller, ni te prier... mais je pense que si tu le désirais autant que *nous*, tu serais venue.

Je crois que tu connais *Veytaud*, un petit village à l'autre bout du lac, là nous nous installons le 1r nov⟨embre⟩ et là nous t'attendrons... la situation est charmante. Puis... au bord de la mer... puis au bord de la terre... Donne nous vite la réponse que nous attendons avec impatience [2].

A toi de cœur N a t a l i e

Рукой Герцена:

Probablement, vous ne mettrez pas votre *veto* suspensif contre le Veytaud du Canton Vaud — et vous viendrez vous abriter derrière une montagne.— Sérieusement, nous vous attendons, prenez vos mesures pour terminer ces affaires.— Moi, j'irai à votre rencontre jusqu'à la frontière française (à 20 pas de l'hôtel des Bergues).

De grâce, dites à Chojecki que je crois pourtant qu'il ne doit pas abandonner la partie étrangère du journal, je comptais sur lui — enfin je le prie de dire à m-r P⟨roudhon⟩ que je ne réponds plus pour les correspondances — qui diable voudra correspondre pour une mauvaise feuille parisienne.— Eh bien donc, j'avais raison, il ne s'agissait que de prendre le cautionnement. Une leçon de plus [3].

П е р е в о д:

Рукой Н. А. Герцен:

⟨Женева. 10 октября 1849 г.⟩[1]

Дорогая Эмма, я побоялась присоединить свои просьбы к сашиным и уверить тебя, что «ты будешь очень рада нас опять увидеть», но я повторяю то, о чем уже давно говорила, — я думаю, что гармония и счастье наступят для нас лишь тогда, когда наши семейства соединятся. Жизнь рисуется мне такой прекрасной, новая жизнь с вами рисуется мне в каком-нибудь маленьком уголке земли... Я не знаю, с кем нам жилось бы лучше, мы могли бы жить вместе *еще* только с *О⟨гаревыми⟩*.— Дорогая Эмма, я знаю о всех затруднениях, о всех препятствиях, и не смею ни советовать, ни просить тебя... но если бы ты желала этого так же, как *мы*, я верю, ты бы приехала.

Я думаю, что ты знаешь маленькую деревню Вето на другом конце озера. Там мы поселимся 1 ноября и там будем ждать тебя... расположена она прелестно. А потом... на берегу моря... на краю земли... Пришли нам поскорее ответ, мы ждем его с нетерпением [2].

Всем сердцем твоя Н а т а л и

Рукой Герцена:

Может быть, вы не станете накладывать вето на Вето кантона Во и приедете укрыться за горами.— Серьезно, мы вас ждем, постарайтесь поскорее закончить дела.— А я пойду встречать вас до французской границы (20 шагов от hôtel de Bergues).

Пожалуйста, передайте Хоецкому, что, по-моему, он не должен бросать иностранную часть газеты — я на него рассчитывал; наконец, я прошу его передать господину

П⟨рудону⟩, что больше не отвечаю за корреспонденции — кому, чорт возьми, захочется писать корреспонденции для какой-то скверной парижской газетки.— Итак, я оказался прав, все дело было только в том, чтобы получить залог. Одним уроком больше [3].

[1] Датируется по посланному одновременно письму Саши Герцена, в котором он настойчиво просил Эмму скорее приехать в Женеву.

[2] Н. А. Герцен писала в это время в недатированном письме к Т. А. Астраковой: «На днях мы ездили отыскивать себе жилище на зиму, потеплее, чем Женева, — хотели было на юг Франции или в Италию, но там, говорят, холера. Есть местечко, называется Вето, деревушка, где три-четыре дома на другом конце озера; в этом местечке есть высо-о-окая гора, возле горы есть маленький домик, с садиком, с террасой, откуда вид удивительный. Там, я думаю, в этом домике поселимся мы на зиму, а впрочем, не знаю, так проекты наши часто меняются, и то не от каприза нашего, а не знаю от чьего! Я уж начинаю привыкать к мысли снова заводиться хозяйством; до сих пор мы жили в отелях, и ты не можешь представить, как заманчиво это свободное житье; с некоторых пор мне вовсе не хочется пустить где-нибудь корни, устроиться надолго, все что-то, где ни поживешь, опротивело, оттого что людей везде много противных, отовсюду так бы и бежал не знаю куда. В трудное время живем мы, нечего сказать! От одного берега отстали, к другому не пристали...» (фотокопия с автографа, хранящегося в Колумбийском университете, Нью-Йорк).

[3] См. примеч. 4 к письму № 21.

24

ЭММЕ ГЕРВЕГ

15 octobre 1849. Genève

Un monsieur m'a prié de faire parvenir cette lettre à son adresse — je vous l'adresse, madame Emma, en priant de la remettre à Edmond par ex⟨emple⟩. Profitant de cette occasion je veux implorer votre protection. ⟨1°⟩ Comme personne ne m'écrit, donnez-vous la peine de demander à m-r Edmond: est-ce que m-r Guillemin [1] a fait la proposition (d'une diminution de loyer etc.) au locataire de ma maison. 2° Pourquoi donc on ne m'envoie aucun document servant à certifier que le cautionnement m'appartient.— C'est une chose étrange, dès que l'argent est sorti des mains de Rotschild tout s'est évanoui — rédaction, ferveur de nous écrire, services obligeants, obligeances serviables.— Enfin vraiment, je voudrais même savoir quels sont donc les projets de Pr⟨oudhon⟩ pour la rédaction de la partie étrangère [2].

Tout le monde se porte bien. La poste va dans un instant. G⟨eorges⟩ vous prie de lui envoyer sa pelisse, dans un sac, et par un moyen économique. Ma femme vous embrasse.

Adieu.

Перевод:

15 октября 1849 г. Женева

Один человек просил меня переслать это письмо по назначению — я адресую его вам, госпожа Эмма, с просьбой передать хотя бы Эдмону. Пользуюсь случаем и молю о вашем содействии. ⟨1.⟩ Так как никто мне не пишет, возьмите на себя труд: спросить у г. Эдмона, говорил ли г. Гильмэн [1] (об уменьшении квартирной платы и т. д.) с наемщиком моего дома. 2. Узнать, почему же мне не присылают никакого документа, удостоверяющего, что залог принадлежит мне. Это странно, стоило Ротшильду выпустить деньги из рук, как все исчезло — и редакторство, и пылкое желание писать нам, и любезные услуги, и услужливые любезности.— В самом деле, я хотел бы наконец знать, каковы же планы Пр⟨удона⟩ в отношении редакции иностранного отдела [2].

Все здоровы. Почта сейчас отправляется. Г⟨еорг⟩ просит вас переслать ему шубу — в мешке, да так, чтоб это обошлось недорого. Жена целует вас.

Прощайте.

[1] *А. Гильмэн* — поверенный Прудона. Альфред Даримон писал впоследствии в своих мемуарах: «Добрая душа, ⟨предоставившая нам 24 000 франков⟩, нашлась благодаря Шарлю-Эдмону. Он свел Гильмэна с молодым русским — великим революционером и в то же время великим писателем. Герцен, которому удалось вырвать свое состояние из царских когтей, согласился открыть нам свой кошелек. Гильмэн, отправивший-

ся в Женеву договариваться с ним о займе 24 000 франков, рассказывает, что он никогда не встречал человека, который отдавал бы свои деньги с бо̀льшим великодушием и изяществом. Можно было подумать, что услугу ему оказываем мы» (A. Darimon. A travers unerévolution. Paris, 1884, p. 180). Поездка Гильмэна к Герцену в Женеву состоялась в середине августа 1849 г. («Correspondance de Proudhon», Paris, t. III. 1888, p. 30. См. также «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 269—270). По-видимому, именно во время этого свидания Герцен дал Гильмэну поручения финансового характера.

[2] Герцен, как известно, настаивал на том, чтоб иностранный отдел «Voix du Peuple» находился в его ведении.

ЭММА ГЕРВЕГ

Фотография с рисунка неизвестного художника, 1840-е гг.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Москва

25

ЭММЕ ГЕРВЕГ

Le 24 oct⟨obre⟩ 49. Genève

Vous êtes admirable de bonté, d'attention, d'exactitude; si j'avais la possibilité de parler à la fois toutes les langues connues par Mezzofanti [1] je ne pourrais pas venir à bout de vous remercier en parlant de suite deux ou trois mois. Me trouvant dans cet état, j'ai pensé, que la meilleure chose serait de remplacer les remerciements par de nouvelles commissions.

M-r Boucault n'est pas un bavard certes, il n'a pas même cru nécessaire de m'avertir qu'il a reçu les 1300 fr⟨ancs⟩, il m'a écrit que le locataire lui a payé *environ* 500 fr⟨ancs⟩ (et pourtant l'arithmétique c'est la science la moins vague, et certainement les 500 fr⟨ancs⟩ ont des environs immenses puisqu'il y aplacé les 800 fr⟨ancs⟩). Je serais enchanté de donner une procu-

ration à m-r Laugrand [2]—j'attends à present une lettre de m-r B⟨oucault⟩*, s'il ne m'envoie pas l'argent, je ferai un divorce avec lui.

Grâce vous soit rendue pour le récit des événements qui ont motivé la retraite de Sas⟨onoff⟩[3] — elle est ridicule, elle est indélicate, d'autant plus qu'il ne m'en a pas parlé. Mais ce qu'il y a de plus ridicule encore, c'est qu'on n'a pas admis son article dans le spécimen, après l'avoir très mal composé [4]. Savez-vous que le spécimen a tué ici la *Voix ⟨du⟩ P⟨euple⟩*, vous verrez un de ces jours Bamberger[5] — demandez-le. A propos, il faudrait faire sa connaissance avec Edmond, c'est un homme d'une grande érudition et qui aime le travail, il ne demande pas mieux que d'envoyer des articles.

Vous ne pouvez pas vous imaginer quel drôle d'effet ça produit hors de Paris, lorsqu'on lit dans un journal que, faute de place, on n'insère pas des lettres de Blind et de Teleki[6] — et quand on lit ensuite cette longue et monotone rumination des cancans ministériels et une anthologie choisie de tous les journaux parisiens. Ce n'est pas ainsi qu'on fait un organe européen. Il faut quelquefois sortir de cette atmosphère parisienne, pour voir comme personne ne s'intéresse à ces détails, qui paraissent graves seulement jusqu'au Bois de Boulogne.

Il faut enfin un journal où, le 1er Paris même parlerait du mouvement européen, où la France descendrait au rôle secondaire, qu'elle a si bien mérité,— même par cette obstination de vouloir encore absorber toute l'attention des lecteurs par les petites misères de son monde officiel. Un journal pareil est impossible avec une rédaction française, le seul homme capable serait Proudhon, mais il n'est pas dans une position favorable [7].

Je vous envoie le spécimen d'un journal suisse [8]. Il n'ira pas — peu de moyens pécuniaires et l'oppression du dehors et du dedans.

Adieu, je vous présente mes salutations amicales.

P. S. Ne pourriez-vous pas envoyer chez m-r Boucault en lui faisant dire que j'attends l'argent qu'il a reçu du locataire, et qu'il peut vous remettre les documents et l'argent et vous me l'enverriez par Rotsch⟨ild⟩ ou un tout autre.

Encore une commission. On dit qu'on a traduit (certainement c'est un fou) une nouvelle que j'ai eu le malheur d'avoir écrit sous le titre *Wer hat Schuld? von Iskander*. Er soll bei Brockhaus erscheinen von Wolfsohn übersetzt und einen Teil der Russischen Novellen ** machen[9]. Wenn es so ist, so werd'ich Sie bitten mir ein Exemplar (*comme remords*) in Kreuzband schicken.— Es ist bei Franck oder bei Klingsieg. Hat man da eine russische Übersetzung *** von der Odyssee[10], die in Karlsruhe, glaube ich, erschienen ist? Dieu vous protège plus qu'il ne le fait pour la France.

NB. Je demande pour *la dernière fois où* faut-il envoyer les correspondances pour le journal?

Рукой Гервега:

Notre ami Mögling[11] a été condamné à mort. On a sursis à l'exécution. Voilà la meilleure nouvelle que j'ai à te donner.

A Paris

Madame

Madame Emma Herwegh

Rue du Cirque, 9.

Почтовые штемпели: Genève, 24 octo⟨bre⟩ 49; Gen⟨ève⟩, 26 oct⟨obre⟩.

Штамп на конверте: A. E. Rufenacht. Hôtel des Bergues. Genève.

---

* В автографе: B—d. — *Ред.*

** Oder in der *Bibliothek des Auslands*, ebenfalls bei Brockhaus.— *Примеч. Гервега.*

*** Schukoffskoj.— *Примеч. Гервега.*

Перевод:

24 окт⟨ября⟩ 49 г. Женева

Вы изумительно добры, внимательны, аккуратны; если бы я имел возможность говорить сразу на всех языках, которые знал Меццофанти [1], то и тогда, проговорив два-три месяца кряду, я не смог бы выразить вам всю свою благодарность. Очутившись в таком положении, я подумал, что самое лучшее будет заменить благодарности новыми поручениями.

Г-н Буко отнюдь не болтун. Он даже не счел нужным уведомить меня, что получил 1300 фр. Он написал мне, что наемщик уплатил ему приблизительно 500 фр. (между тем, арифметика, наименее туманная из наук, и 500 фр. допускают, очевидно, огромное приближение, если он включил туда 800 фр.). Я с большим удовольствием выдал бы доверенность г-ну Лограну [2] — я жду теперь письма от г-на Б⟨уко⟩. Если он не пришлет мне денег, я с ним расстанусь.

Спасибо вам за рассказ об обстоятельствах, послуживших поводом к уходу Са-з⟨онова⟩ [3]. Уход смешон, бестактен, тем более, что мне он об этом ничего не сказал. Но еще смешнее другое — то, что его статью не приняли в пробный номер, который очень плохо составили [4]. Знаете ли вы, что этот пробный номер зарезал здесь «La Voix ⟨du⟩ P⟨euple⟩»? На днях вы увидите Бамбергера [5] — спросите у него. Кстати, надо бы познакомить его с Эдмоном — это человек большой эрудиции и трудолюбивый, он непрочь посылать статьи.

Вы не можете себе представить, какое странное чувство испытываешь, когда, находясь вне Парижа, читаешь в газете, что письма Блинда и Телеки не печатаются за недостатком места [6], и тут же читаешь длинную, унылую жвачку из министерских сплетен и антологию выдержек из всех парижских газет. Нет, не так надо вести европейский орган. Надо иногда вырываться из парижской атмосферы, чтоб видеть, насколько никто не интересуется подобными пустяками, которые принимаются всерьез не дальше Булонского леса.

Словом, нужна такая газета, где даже передовица говорила бы о европейском движении, где Франции была бы отведена второстепенная роль, вполне ею заслуженная уже за одно упорство, с каким она все еще стремится поглотить внимание читателей мелкими дрязгами своего официального мира. Подобная газета невозможна при французской редакции; единственный способный к этому человек был бы Прудон, но положение его не из благоприятных [7].

Посылаю вам пробный номер одной швейцарской газеты [8]. Она не пойдет — мало денежных средств и давление извне и изнутри.

Прощайте. Шлю вам дружеский привет.

P. S. Не можете ли вы послать кого-нибудь к г-ну Буко и передать ему, что я жду денег, полученных им от наемщика, и что он может вручить вам документы и деньги, а вы бы переслали их мне через Ротш⟨ильда⟩ или кого-либо другого.

Еще поручение. Говорят будто бы переведена (это, несомненно, сделано сумасшедшим) под названием «„Кто виноват?", Искандера»— повесть, которую я имел несчастие написать. Она должна появиться у Брокгауза в переводе Вольфзона и войти в состав «Русских повестей» *[9]. Если это верно, я буду просить вас прислать мне (comme remords **) один экземпляр под бандеролью. Книга должна быть у Франка или Клингзига. Нет ли там русского перевода *** «Одиссеи»[10], вышедшего, кажется, в Карлсруэ? Да хранит вас господь больше, чем он хранит Францию.

NB. В *последний раз* спрашиваю, куда надо посылать корреспонденции для газеты?

---

* Или «Иностранной библиотеке», также выходящей у Брокгауза. — *Примеч. Гервега.*

** для угрызения совести (франц.).

*** Жуковского.— *Примеч. Гервега.*

Рукой Гервега:

Наш друг Мёглинг [11] был приговорен к смертной казни. Она отсрочена. Вот лучшая из новостей, какую могу тебе сообщить.

В Париж
Госпоже Эмме Гервег
Улица Cirque, 9.

Почтовые штемпели: Женева, 24 окт<ября> 49; Женева 26 октября.
Штамп на конверте: А. Е. Руфенахт. Hôtel des Bergues. Genève.

[1] Кардинал Джузеппе *Меццофанти* (1774—1849) — известный полиглот, владевший пятьюдесятью восемью языками и многими диалектами.

[2] *П. Логран* — один из редакторов «Voix du Peuple».

[3] Н. И. Сазонов, горячо уговаривавший Герцена оказать денежную помощь Прудону для издания газеты «Voix du Peuple» и рассчитывавший деятельно сотрудничать в ней (см. «Лит. наследство», т. 62. 1955, стр. 522—540), вскоре оставил новую газету и перешел в «La Réforme».

[4] О какой статье Сазонова идет здесь речь — неизвестно. Пробный номер газеты «Voix du Peuple» вышел в свет в Париже 25 сентября 1849 г.

[5] Людвиг *Бамбергер* (1823—1899) — немецкий революционный эмигрант, впоследствии крупный финансист, автор «Воспоминаний» («Erinnerungen», Berlin, 1899), в которых он описал и свои встречи с Герценом (см. V, 297). Он сотрудничал в «Voix du Peuple».

[6] Карл *Блинд* (1826—1907) — немецкий революционный эмигрант, участник Баденского восстания; впоследствии ярый шовинист и ожесточенный противник Герцена. Ладислав *Телеки*, граф (1811—1861) — видный участник венгерской революции.— В №18 «Voix du Peuple» от 18 октября 1849 г. редакция сообщила о получении ею «письма от Карла Блинда по поводу Л. Мерославского» и выразила сожаление, что отсутствие места мешает ей напечатать это письмо. Аналогичную заметку редакция опубликовала через два дня, 20 октября 1849 г. (в № 20), указав, что по той же причине не может быть напечатано письмо графа Телеки по поводу казни его друга Батиани, и кратко изложила содержание письма.

[7] Прудон в это время находился в тюрьме.

[8] Возможно, что Герцен имеет в виду цюрихскую газету «Emigration démocratique», о предстоящем издании которой «Voix du Peuple» сообщала в №27 от 27 октября 1849 г., перепечатав известие «Kölnische Zeitung». «Emigration démocratique», судя по ее программе, должна была защищать интересы немецкой эмиграции и служить органом для выражения ее мнений.

[9] Повесть Герцена «Кто виноват?» в немецком переводе В. Вольфзона была издана в Лейпциге фирмой Ф.-А. Брокгауза в серии «Ausgewählte Bibliothek der Klassiker des Auslands. Russlands Novellendichter». Dritter Teil. («Избранная библиотека иностранных классиков. Новеллисты России». Часть третья). На титульном листе обозначен 1851 г.

[10] *«Одиссея»* Гомера в переводе В. А. Жуковского была впервые напечатана в Карлсруэ в 1849 г.

[11] Теодор *Мёглинг* (1814—1867) — немецкий революционер, участник Баденского восстания. Захваченный в плен прусскими войсками, был приговорен к смертной казни, замененной тюремным заключением.

26

ЭММЕ ГЕРВЕГ

Le 26 octobre 1849. Genève

Vous recevrez aujourd'hui la dernière feuille imprimée de ma lettre. De grâce, jetez un petit coup d'œil sur la traduction, et s'il faut faire des changements, qu'ils soient octroyés et approuvés par vous[1]. N'oubliez pas de faire mettre en note ces lignes:

«Cette lettre était déjà sous presse lorsque l'auteur a lu une brochure imprimée à Leipzig et portant le titre *Russische Zustände1849*»[2]. Elle est admirable de vérité et de profondeur, l'auteur de la lettre croit de son devoir de l'indiquer à ceux qui désirent savoir quelque chose sur la Russie — ils apprendront plus par ces deux feuilles imprimées que par des volumes de compilations. Sans connaître le nom de l'auteur — nous lui exprimons toute notre sympathie comme à un Russe et comme à un révolutionnaire».

Edmond corrigera cette note, mais en tout cas l'insertion de cette note

est nécessaire [3]. Cette brochure ne coûte que 10 sous, faites-la venir — je crois que c'est un Russe qui a écrit — c'est admirable.

Dans le journal il faut dire que la lettre à Her⟨wegh⟩ est écrite par *un Russe* — mais sans nom de famille [4], on peut même dire qu'il publie un ouvrage allemand, quelque chose — comme la philosophie de la révolution [5].

A présent une longue histoire financière. Edmond peut m'obliger. *Vadato bene!* J'ai reçu aujourd'hui une lettre de mon chargé d'affaires, il m'écrit qu'on a mis un interdicte sur mes biens. Edmond doit aller chez Rotschild, Edmond doit voir encore une fois l'honorable Schombourg et

ВИД НА МОНБЛАН ИЗ ШАМУНИ

Гравюра братьев Руаргов из книги: X. Marmier «Voyage en Suisse», 1862

«Я собирался рассказать вам, какую замечательную прогулку мы совершили в Шамуни...»
(Из письма к Эмме Гервег от 5 октября 1849 г.)

lui faire cette question (encore mieux l'adresser à Rotschild lui-même). «M. H⟨erzen⟩ doit à m-me Haag 100 000 ou 120 000 roubl⟨es⟩ en assig⟨nats⟩ — m-me Haag a une lettre de change de M. H⟨erzen⟩ qu'elle voudrait céder à m-r Rotschild pour faire vendre le bien immeuble appartenant à H⟨erzen⟩ en Russie. M. Rotschild *ne payera* qu'après avoir reçu l'argent — mais il donnera un certificat sous s⟨ignature⟩ pr⟨opre⟩ à H⟨erzen⟩; de son côté H⟨erzen⟩ fera tout son possible pour accélerer cette vente en Russie?».— Mais il me faut une réponse vite et décisive. Edmond aura la bonté de dire à M. Schombourg que j'ai reçu la lettre que m-rs Rotschild m'ont adressée, que c'est une nouvelle affaire qui n'a aucun rapport aux autres [6].

En cas que la lettre à Herw⟨egh⟩ n'est pas encore imprimée, de grâce envoyez dire à Ch⟨ojecki⟩ que je le prie d'omettre toute la note où on parle de Tourgueneff et de Golovine etc.—N'oubliez pas, je vous en prie. Cela n'est ni intéressant pour un journal. ni délicat[7].

Перевод:

26 октября 1849 г. Женева

Сегодня вы получите последний отпечатанный лист моего письма. Пожалуйста, просмотрите перевод и, если нужны изменения, пусть они будут сделаны с вашего одобрения и согласия [1]. Не забудьте поместить в примечании следующие строки:

«Настоящее письмо уже печаталось, когда автор прочел брошюру, изданную в Лейпциге и озаглавленную „Русские дела. 1849 год“ [2]. Она изумительна по правдивости и глубине. Автор письма считает долгом обратить на нее внимание всех, кто хотел бы узнать что-либо о России — они почерпнут из этих двух печатных листов больше, чем из целых томов компиляций. Не зная имени автора, мы выражаем ему глубокое наше сочувствие, как русскому и как революционеру».

Пусть Эдмон выправит это примечание, но, во всяком случае, поместить его необходимо [3]. Брошюра сто́ит всего 10 су — добудьте ее. Я думаю, что написал ее русский. Она изумительна.

В газете надобно сказать, что письмо к Гер⟨вегу⟩ написано *русским*, но без указания фамилии [4]. Можно даже сказать, что он печатает сочинение на немецком языке,— нечто вроде философии революции [5].

А теперь длинная финансовая история: Эдмон может оказать мне услугу. Vadato bene!* Я получил сегодня письмо от своего поверенного. Он пишет, что на мое имущество наложено запрещение. Эдмону нужно сходить к Ротшильду, Эдмону нужно еще раз повидать достопочтенного Шомбурга и обсудить с ним нижеследующее (еще лучше было бы обратиться к самому Ротшильду):

«Г-н Г⟨ерцен⟩ должен г-же Гааг 100 000 — 120 000 рубл⟨ей⟩ ассиг⟨нациями⟩. У г-жи Гааг есть заемное письмо г-на Г⟨ерцена⟩, которое она хотела бы уступить г-ну Ротшильду для продажи недвижимого имущества, принадлежащего Г⟨ерцену⟩ в России. Г-н Ротшильд *не обязан платить*, пока не получит денег, но он должен выдать Г⟨ерцену⟩ за св⟨оей⟩ подп⟨исью⟩ расписку, а Г⟨ерцен⟩, с своей стороны, сделает все от него зависящее, чтобы ускорить эту продажу в России». Но мне нужен быстрый и окончательный ответ. Пусть Эдмон будет так добр сказать г-ну Шомбургу, что я получил письмо, адресованное мне гг. Ротшильдами, но что это новое дело, не имеющее никакого отношения к прежним [6].

В том случае, если письмо к Герв⟨егу⟩ еще не напечатано, передайте, пожалуйста, Х⟨оецкому⟩, что я прошу его снять все примечание, где говорится о Тургеневе, Головине и пр. Не забудьте же, прошу вас. Это не представляет интереса для газеты, да и неделикатно [7].

[1] Речь идет о «Письме к Г. Гервегу» (см. примеч. 7 к письму № 22). Французский перевод этой статьи под названием «La Russie» («Россия») появился в прибавлениях к «Voix du Peuple» №№ 50 (от 19 ноября), 57 (от 26 ноября) и 71 (от 10 декабря) 1849 г. (см. изд. АН, т. VI, стр. 150—223). Отметим, что в приписке к письму Н. А. Герцен от 5 октября 1849 г. Герцен писал Эмме Гервег из Женевы по поводу печатания этой статьи в «Voix du Peuple»: «Когда письмо к Г⟨ервегу⟩ будет напечатано, купите 10 экземпляров газеты и отправьте сюда почтой» (см. ниже, в обзоре писем Н. А. Герцен к Гервегам).

[2] Изданная анонимно брошюра «Russische Zustände» принадлежала перу М. А. Бакунина и была напечатана в Лейпциге летом 1849 г. В ней Бакунин давал беспощадную характеристику русскому самодержавию, армии, духовенству и чиновничеству и указывал на слабость русского правительства. Вскоре Гервег сообщил Герцену, кто является автором брошюры (XIV, 59).

[3] Это примечание в «Voix du Peuple» не появилось. Возможно, что Герцен в одном из не дошедших до нас писем отменил свое распоряжение.

[4] Под статьей «La Russie» поставлена подпись: *Un Russe* (*Русский*).

[5] Примечание о печатании немецкого издания «С того берега» в «Voix du Peuple» также не появилось.

[6] О запрещении, наложенном царским правительством на имущество и денежные средства Герцена, и о мерах, принятых банкиром Ротшильдом для получения денег по векселю матери Герцена, последний подробно рассказывает в «Былом и думах» (изд. АН, т. X, стр. 132—150). См. также предисловие М. Клевенского и публикацию писем Герцена к Ключареву в «Лит. наследстве», т. 39-40, 1941, стр. 195, и следующие ниже письма.

* Дать надежное поручительство! (лат.).

[7] Герцен имеет в виду следующие строки из немецкого издания «Письма к Гервегу»: «Двое русских писали на французском языке о России, господа Тургенев и Головин. Труд г. Тургенева (1847) представляет для нас большой интерес как верное изображение суждений, надежд и взглядов времен императора Александра, как автобиография писателя, который в свое время многое видел, но не знал России, развившейся после 1825 года. Образ мыслей г. Тургенева, напоминающий тонкий либерализм министерства Деказа и Мартиньяка, к несчастью, не позволяет верно понять положение вещей в России. В сочинениях г. Головина можно найти все, что угнетает Россию, что нужно уничтожить, но ничего нет о том, что нужно сохранить. Это проникнутое протестом раскрытие всего того, что там замирает в вынужденном молчании, рассказ о том, что происходит в официальном русском мире, представляет тем бо́льшую пользу, что правительство пугается каждой такой публикации. Тем не менее, я полагаю, что узнать русский *народ* по сочинениям Головина так же невозможно, как по сочинениям Тургенева» (изд. АН, т. VI, стр. 476—477). Из публикации «Voix du Peuple» эти строки были исключены.

27

ЭММЕ ГЕРВЕГ

3 nov⟨embre⟩ 1849. Genève

Il y a 3 jours, Edmond m'a écrit qu'il se propose de voir le même jour Rotschild et de lui parler de mon affaire — il ajoutait qu'il m'en avertirait le même jour ou le lendemain. Eh bien? Chaque jour que je perds est de la plus haute gravité, informez-moi de grâce de la réponse de Rotschild et écrivez-moi.

Eh bien, pourquoi donc le président en faisant m-r Haut-poule ministre, n'a pas pris pour un autre—le citoyen Trois-œufs qui a été comme témoin à Versailles et est le mari d'Elise [1].

Le discours de Dufaure où il calomnie Genève a été lu ici avec un véritable dégoût, même par les conservateurs, à l'exception des boursicotiers, qui lui ont payé, à ce qu'on dit, leurs tributs de sentiments à l'avance. Aujourd'hui la *Revue de G⟨enè⟩ve* répondra. Si la réponse est énergique — je vous l'enverrai et vous prierez Edmond de réimprimer avec une petite note — mais cela immanquablement, je l'ai promis [2].— N'oubliez pas de faire mettre au-dessus de ma lettre «Londres» [3]. Et adieu. Une réponse de *Rotschild!*

P. S. Dites donc à Edmond qu'il faut faire à présent quelques petits articles sur Genève[4]. F⟨azy⟩ se conduit très bien, les élections s'approchent. Si la démocratie — qui n'est pas même révolutionnaire ici, succombe, cela est un grand malheur.

Перевод:

3 нояб⟨ря⟩ 1849 г. Женева

Три дня назад Эдмон писал мне, что собирается в тот же день повидать Ротшильда и поговорить с ним о моем деле,— и добавил, что уведомит меня обо всем в тот же день или назавтра. Что случилось? Каждый потерянный день крайне важен, поставьте же меня, пожалуйста, в известность, каков ответ Ротшильда, и напишите мне.

Ну почему бы президенту, назначив господина Опуля министром, не назначить другим министром гражданина Труазёфа, который присутствовал в качестве свидетеля в Версале и является мужем Элизы? [1]

Речь Дюфора, в которой он клевещет на Женеву, прочитана здесь с подлинным отвращением даже консерваторами, не считая денежных мешков, которые, говорят, заплатили ему авансом дань своих чувств. Сегодня в «Revue de Genève» будет напечатан ответ. Если ответ окажется решительным, я вам пришлю его, а вы попросите Эдмона его перепечатать с небольшим примечанием, непременно — я обещал [2].— Не забудьте распорядиться, чтобы над моим письмом было проставлено «Лондон» [3]. Засим прощайте. Ответ *Ротшильда!*

P. S. Скажите Эдмону, что теперь нужно написать несколько небольших статей о Женеве [4]. Ф⟨ази⟩ держится очень хорошо, выборы близятся. Если демократия, хотя здесь она отнюдь не революционна, провалится,— это будет большим несчастьем.

[1] 31 октября 1849 г. Луи-Наполеон назначил генерала Альфонса д'Опуля (д'Опу, 1789—1865) военным министром и по совместительству министром иностранных дел. Шутка Герцена вызвана тем, что фамилия Опуль в буквальном переводе с французского означает «почтенная курица», а фамилия мужа горничной Герценов Элизы — Труазёф в переводе с французского означает «три яйца». В Версале в это время проходил процесс участников выступления 13 июня 1849 г.

[2] Арман-Жюль *Дюфор* (1798—1881) — министр внутренних дел Франции, смещенный 31 октября 1849 г. В своей речи Дюфор утверждал, что в Швейцарии находится огромное число французских революционных эмигрантов и что это представляет опасность для пограничных департаментов Франции. Он заявил также, что швейцарская радикальная партия использует это скопление эмигрантов-революционеров для нажима на консервативную партию. Пересланный Герценом ответ «Revue de Genève» на речь Дюфора появился в № 38 «Voix du Peuple» от 7 ноября 1849 г. без всяких комментариев от редакции. В нем разоблачался клеветнический характер выступления Дюфора, которому предъявлялось ответное обвинение в том, что речь его была инспирирована швейцарской консервативной партией.

[3] Указание на «Лондон» как на место, откуда прислана статья «La Russie», должно было, по мысли Герцена, сбить с толку русских правительственных агентов, которым он не хотел открывать пока ни своего авторства, ни действительного места пребывания. Это указание на Лондон было сделано в конце статьи, рядом с датой — 25 августа 1849 г. С такой же целью Герцен обозначил город Кёльн под своей статьей «Донозо Кортес» и Лондон под «Письмом к Маццини».

[4] Сообщения и корреспонденции из Швейцарии, в связи с создавшимся там напряженным положением и угрозой оккупирования страны войсками европейской реакции, печатались в «Voix du Peuple» почти ежедневно.

28

ЭММЕ ГЕРВЕГ

Le 7 nov⟨embre 1849⟩. Genève

Mes lettres commencent toujours par des remerciements — mais que faire, vous m'obligez tant... tant... que je n'ai pas le temps de vous remercier comme il faut. J'ai écrit une longue lettre et très détaillée à Rots⟨child⟩: j'attendrai la réponse... j'ai envoyé mon passeport pour le visa — j'attendrai le visa. Avant d'aller rue du Cirque, 9[1], j'irai à Zurich.

La brochure de Pr⟨oudhon⟩ est admirable, la dernière page concernant l'ironie — est de la plus haute poésie, c'est l'entendement le plus profond de la réalité, de la vie [2]. Les Français ne le comprendront pas, leur cérébrine n'est pas assez développée pour comprendre ces pensées. Et qu'en dites-vous du № 36 (5 nov⟨embre⟩) [3], voilà la politique traitée comme le christianisme l'a été par Feuerbach. Quel malheur d'écrire cela pour des pygmées.

Nous enverrons partout où il faut la brochure. Elle a déjà eu un succès éclatant — nous avons même bu à la santé de l'auteur avec Löwe, Hartmann...[4]

Serrez la main à Edmond, dites-lui que je recommande sérieusement de faire insérer les nouvelles de Genève [5]. C'est plus important que vous ne le pensez. On calomnie cette ville d'une manière indigne — pour faire tomber Fazy.

Nous n'avons pas reçu l'argenterie,— peut-être nous n'en avons pas même besoin, mais en tout cas, comment prendre des renseignements?

La lettre à Georges paraîtra aussi dans *l'Italia del Popolo*[6]. — N'oubliez pas de m'envoyer 10 exemp⟨laires⟩ de la traduction française.

Je me prosterne, etc.

Перевод:

7 нояб⟨ря 1849 г.⟩. Женева

Мои письма к вам обычно начинаются с изъявлений благодарности, но что поделаешь, я вам так... так... обязан, что у меня не хватит времени * отблагодарить вас должным образом. Я написал Ротш⟨ильду⟩ длинное и очень подробное письмо и буду

* Каламбур: tant (так) и temps (время) по-французски звучат одинаково.

ждать ответа... я отослал паспорт на визу и буду ждать визы. Прежде чем ехать на улицу Cirque, № 9 [1], поеду в Цюрих.

Брошюра Пр⟨удона⟩ великолепна, последняя страница, где говорится об иронии, исполнена самой высокой поэзии; это глубочайшее постижение действительности, жизни [2]. Французы его не поймут, их церебрин недостаточно развит, чтобы понять подобные мысли. А что вы скажете о № 36 (от 5 нояб⟨ря⟩)? [3] Вот вам политика, трактуемая как христианство у Фейербаха. Что за несчастье писать это для пигмеев.

Мы разошлем брошюру повсюду, куда надлежит. Она уже имела блистательный успех — мы с Лёве и Гартманом [4] даже выпили за здоровье автора.

Пожмите руку Эдмону, скажите ему, что я серьезно советую поместить женевские новости [5]. Это важнее, нежели вы думаете. Чтобы добиться падения Фази, на этот город клевещут самым бесстыдным образом.

Столовое серебро мы не получили,— нам оно, может быть, и не нужно, а все же, где бы навести о нем справки?

Письмо к Георгу появится также в «Italia del Popolo» [6]. Не забудьте прислать мне 10 экземпл⟨яров⟩ французского перевода.

Низко кланяюсь и т. д.

[1] То есть в Париж.

[2] *Брошюра Прудона* — вышедшая в это время книга «Les confessions d'un révolutionnaire, pour servir à l'histoire de la Révolution de Février» («Исповедь революционера, долженствующая служить для истории Февральской революции»). Заключительные абзацы последней (106-й) страницы, вызвавшие восхищение Герцена, представляют собой торжественное обращение к Иронии. Называя Иронию «истинной свободой», «владычицей истины» и осыпая ее восторженными эпитетами, Прудон восклицал в заключение: «Приди же, моя владычица: пролей на моих сограждан луч своего света; зажги в их душе искру своего ума, чтобы исповедь моя примирила их и чтобы эта неотвратимая революция совершилась спокойно и радостно».

[3] В № 36 «Voix du Peuple» от 5 ноября 1849 г. была напечатана большая статья Прудона «Qu'est-ce que le gouvernement? Qu'est-ce que Dieu?» («Что такое правительство? Что такое бог?»). Ее и имеет в виду Герцен.

[4] В своих «Воспоминаниях идеалистки» М. Мейзенбуг характеризует доктора *Лёве* из Кальба, немецкого политического эмигранта, о котором говорит здесь Герцен, как весьма интересную личность, как «доброго, гуманного человека» («Воспоминания идеалистки». М.— Л., 1933, стр. 221 и 235). Мориц *Гартман* (1821—1872)—австрийский поэт, левый член Франкфуртского парламента, участник венской и баденской революций, эмигрант.

[5] Вероятно речь идет о небольшой корреспонденции, помещенной 8 ноября 1849 г. в № 39 «Voix du Peuple» под рубрикой «Иностранные известия. — Швейцария»,

СЫН ГЕРЦЕНА — САША

Рисунок Н. А. Герцен, приложенный к письму Эмме Гервег, сентябрь—октябрь 1849 г.

Британский музей, Лондон

с указанием, что заметка получена от собственного корреспондента. Не исключена возможность, что она была прислана самим Герценом. Приводим ее полностью в русском переводе: «Народное собрание, созванное для обсуждения предстоящих выборов в Государственный совет, имело место сегодня утром в Моляре. Стечение народу было огромное; Женева никогда не видела ничего подобного. Речи гг. Джемса Фази и Картере, президентов верховного совета и муниципального совета, прерывались ежеминутно шумными рукоплесканиями. Победа прежнего либерального государственного совета несомненна; это было провозглашено всеми. Был одобрен также и прямой протест, адресованный Федеральному совету по поводу высказываний бывшего министра г. Дюфора, касавшихся Женевы».

[6] Итальянский перевод статьи Герцена, под заглавием «La Russia» был напечатан в «Italia del Popolo», 1849, №№ 11 и 12.

29

ЭММЕ ГЕРВЕГ

Le 29 nov⟨embre⟩ 1849. Genève

Eh bien, comment allez-vous? Il y a une semaine et même plus que je ne vous ai écrit—je crois que la cause en est une température glacée des monts d'Oural, les pensées se figent, le sang glacé perce l'épiderme comme un fil d'archal... enfin je me crois derechef en Sibérie et de là je ne vous ai jamais écrit (je le regrette de tout mon cœur, mais le passé — *ewig stumm*) et je reviens instinctivement à mes premières habitudes.

Je crois que vous verrez George le 12 déc⟨embre⟩ — s'il y a longtemps qu'il ne vous ⟨a⟩ pas écrit, ce n'est pas manque de désir, ce n'est que de la coquetterie, donc réminiscence du temps où il a été fille de 15 ans[1] — cette dénonciation doit vous prouver qu'il n'y a pas d'ami qui ne vous dénoncera pas, sans parler des mouchards et autres confitures.

Vous pouvez m'obliger, et fortement, de grâce donnez-vous la peine, lorsque vous n'aurez rien à dire à nos amis communs, de les prévenir que je suis d'un tiers plus pauvre[2] et que je désire sérieusement changer mon train de ménage — que je veux outre les preuves d'amitié que j'apprécie de tout mon cœur, encore un peu de temps libre; que je suis au désespoir — mais je ne pourrai avoir table d'hôte, que je suis désolé — mais qu'il m'est impossible de faire une ambulance, une chartreuse, un cabinet de méditation (Müller-Strüb⟨ing⟩)[3], un asile pour les amants—lorsque la dame de leur pensée n'aura pas le temps de les recevoir, une succursale pour les hommes qui après avoir perdu leur patrie dans l'espace, veulent perdre leur temps à Paris... Faites tout cela avec la bonté qui vous caractérise et qui me manque, faites de manière que tout le monde pense que je les aime encore plus, ce qui est vrai, enfin répétez cela assez souvent, frappez l'imagination, agitez la fantaisie, n'épargnez pas les allégories, élevez-vous à des hyperboles.

Et libera nos — d'amis.

Le traducteur de ma lettre ne voudra-t-il pas travailler à une autre traduction de l'allemand * et quelles seraient ses conditions[4]. En Alle⟨magne⟩ on donne l'honoraire de 6 à 7 Guld⟨en⟩, de 12 à 14 fr⟨ancs⟩ donc par feuille. Edmond pourrait demander s'il est toujours dans ses dispositions de m'obliger 8 fois tous les 7 jours.

La traduction est en général bonne. Il y a de petites choses, mais les petites choses ne sont pas grandes. *Ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩*, les maires de village sont nommés présidents, ce qui fait une petite confusion[5].

Paris
Madame
Madame Herwegh
Rue du Cirque, 9.

---

* В автографе: de l'Allemagne. — *Ред.*

Перевод:

29 нояб⟨ря⟩ 1849 г. Женева

Ну как вы поживаете? Я не писал вам уже неделю и даже больше — я думаю, что причиной этому — леденящий холод уральских гор. Мысли у меня застывают, замерзшая кровь прокалывает кожу, как проволока, мне кажется, что я опять в Сибири, а оттуда я вам никогда не писал (я всем сердцем сожалею об этом, но прошлое ewig stumm *) и я невольно возвращаюсь к старым привычкам.

Думаю, что 12 дек⟨абря⟩ вы увидите Георга. Если он вам долго не писал, то это не из-за недостатка желания, а лишь из кокетства, то есть в воспоминание о том времени, когда он был пятнадцатилетней девочкой [1]; сие мое изобличение послужит вам доказательством того, что, не говоря уже о шпионах и иных прочих, нет друга, который бы вас не изобличил.

Вы мне можете оказать услугу и даже очень большую; сделайте же милость, когда вам нечего будет рассказать нашим общим друзьям, предупредите их, что я стал на одну треть беднее [2] и возымел серьезное желание изменить свой образ жизни; что, кроме знаков дружбы, которые я ценю всем сердцем, я хочу иметь также немного свободного времени; что я в отчаянии, но впредь не могу держать табльдота, что я глубоко огорчен, но не могу превратить свой дом в больницу, священный приют, кабинет для уединенных размышлений (Мюллер-Стрюб⟨инга⟩)[3], убежище для влюбленных, в часы, когда их дамам сердца некогда их принять, и в филиал для тех, кто, потеряв на время свою родину, хотел бы терять время в Париже... Сделайте все это с присущей вам добротой, которой мне не хватает, сделайте так, чтобы все думали, что я их еще больше люблю, что соответствует действительности, словом, повторяйте это почаще, поразите воображение, возбудите фантазию, не поскупитесь на аллегории, возвысьтесь до гипербол.

«Et libera nos» ** от друзей.

Не согласится ли переводчик моего письма сделать еще один перевод с немецкого и каковы будут его условия? [4] В Герм⟨ании⟩ платят от 6 до 7 гульд⟨енов⟩, т. е. от 12 до 14 фр⟨анков⟩ за лист. Эдмон мог бы узнать это, если он по-прежнему готов оказывать мне по 8 услуг каждые 7 дней.

Перевод, в общем, хорош. Есть маленькие погрешности, но маленькие погрешности это ведь не большие. Ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩, сельские старосты названы председателями, что вносит некоторую путаницу [5].

Париж
Госпоже Гервег
Улица Cirque, 9.

[1] Герцен часто упрекал Гервега в капризности и кокетстве, в которых видел нечто женское.

[2] Герцен имеет в виду возможную неудачу с получением денег по петербургскому векселю, а также с реализацией костромского имения.

[3] Герман *Мюллер-Стрюбинг* (1810—1893) — немецкий политический эмигрант, филолог и искусствовед. Герцен оставил в «Былом и думах» яркую, хотя и несколько шаржированную характеристику Мюллера, которого считал «деятельным лентяем», «вечно занятым праздношатающимся» (изд. АН, т. XI, стр. 170).

[4] Кто был переводчиком «Письма к Г. Гервегу» на французский язык — не установлено. Не установлено также, какое еще произведение предполагал Герцен дать ему для перевода.

[5] Речь идет об ошибках, допущенных в переводе «Письма к Г. Гервегу» на французский язык.

30

ЭММЕ ГЕРВЕГ

Ce 3 décemb⟨re⟩ 1849. Genève

Lorsque Franclin a été à Paris, des milliers d'aventuriers et d'amateurs de changement de place l'obsédèrent pour avoir des lettres de recommandation

* всегда безмолвно (нем.).
** и избави нас ⟨из молитвы «Pater noster»—«Отче наш»(лат.)⟩.

pour le g⟨énéra⟩l Washington. Ne voulant pas se dépopulariser par des refus, ce brave homme astucieux écrivait les lettres de cette manière:

«Je m'empresse de vous recommander NN, qui ⟨est⟩ peut-être un homme très distingué et très capable, mais je n'ai pas l'avantage de ⟨le⟩ connaître».

Figurez-vous que vous êtes Washington, moi — Franclin, NN — Marc Dussogier, domestique qui cherche une place et qui a été attaché honorairement près de ma personne, lorsque ma femme et votre mari m'ont joué le tour de Vaytaud[1] — et agissez en conséquence.

En tous cas vous m'obligerez en recevant avec bonté (ce qui vous est si acile) ce pauvre Suisse de l'Helvétie.

Перевод:

3 декаб⟨ря⟩ 1849 г. Женева

Когда Франклин был в Париже, тысячи искателей приключений и любителей перемены мест осаждали его просьбами написать им рекомендательные письма к г⟨енералу⟩ Вашингтону. Не желая отказывать, чтобы не терять свою популярность, сей предусмотрительный почтенный человек писал письма следующим образом:

«Спешу рекомендовать вам NN, который, быть может, человек весьма благовоспитанный и способный, но которого я не имею чести знать».

Вообразите, что вы — Вашингтон, я — Франклин, NN — Марк Дюссожье, слуга, который ищет места и который состоял на жалованье при моей особе, когда моя жена и ваш муж сыграли со мной шутку Вето [1], и действуйте сообразно вышесказанному.

Во всяком случае, вы меня обяжете, если будете приветливы (что для вас совсем не трудно) с этим беднягой-швейцарцем* из Гельвеции.

[1] Н. А. Герцен сняла осенью 1849 г. дачу в Вето, на берегу Женевского озера. Внеся задаток за дачу и наняв слуг, Наталья Александровна, вероятно, по совету Гервега, раздумала туда переезжать. См. об этом в письме № 23 и ниже в обзоре писем Н. А. Герцен к Гервегу.

31

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Рукой Н. А. Герцен:

⟨Цюрих.⟩ 19** ⟨декабря 1849 г.⟩. Крейцштрассе

Еще сегодня хочу сказать: «Добрая ночь, сосед!» Сосед думает, что он далеко от нас? Нет, близко, очень близко, вместе с нами. — За обедом мы пили за ваше здоровье.

Il me semble toujours que vous êtes sorti pour un instant, et je crois vous voir chaque fois que la porte s'ouvre.

Assez pour aujourd'hui, je vous embrasse de tout mon cœur.

Пишите, пишите, пишите!

Natalie

Рукой Герцена:

Кланяйтесь Алмерасу[1].

Et dites tout ce que vous voulez, moi je revendique l'honneur d'être plus sceptique, désespérique, noirique... ique... ique que vous. Je ne vois rien dans l'avenir, mais absolument rien... manger, digérer... mouvement péristaltique du duodénum et du cerveau... selle... et voilà le sel de ce monde.

Рукой Н. А. Герцен:

Вздор!/\[2]!!!

---

* По-французски «suisse» — швейцарец и швэйцар.

** По-видимому описка, и следует читать 20.—*Ред.*

Рукой Герцена:

Votre main.

Landry de la Bessonnière.

Рукой Н. А. Герцен:

Voir votre bessonnier seul me fait mal aux yeux...

Я забыла мое перо и ножницы * у вас, вы их привезете.—Будьте спокойны.

ДЖЕМС ФАЗИ

Гравюра с портрета Луизы Арман-Лелу

«Illustrierte Zeitung» от 7 апреля 1860 г.

Je ne puis pas encore comprendre que vous n'êtes pas avec nous...

Tata m'a chargé de vous dire tant de choses, que je n'ai pas le courage même de commencer.

Вашу руку, друг...^...

La table, le plancher, les enfants, tout danse, il n'y a pas moyen de continuer.

Рукой Герцена:

Tout va comme la nature l'a créé, j'ai bu la moitié de la bouteille de Cognac, Sacha m'a reproché que je n'ai pas pleuré en vous quittant (et toi, Brutus?...), Tata parle de vous à chaque instant et dit que vous êtes triste, enfin la lèpre de la famille—le calembour—a terminé cette journée stupide. Tata a fait, en arrivant ici votre portrait. Sacha a dit: «C'est un démon». Et Tata lui a répondu tout de suite: «Non, c'est une démonstration».

Demain je vous écrirai, si je viens à temps [3].

---

* cela veut dire que nous nous verrons bientôt. — *Примеч. Н. А. Герцен.*

Перевод:

Рукой Н. А. Герцен *:*

<Цюрих.> 19 <20?> <декабря 1849 г.>. Крейцштрассе

Мне все кажется, что вы ненадолго вышли, и всякий раз, когда открывается дверь, я словно вижу вас. На сегодня довольно, обнимаю вас от всего сердца.**

Пишите, пишите, пишите! Натали**

Рукой Герцена:

Кланяйтесь Алмерасу *** [1].

И что бы вы ни говорили, я отстаиваю честь быть более скептическим, пессимистическим, меланхолическим,-ическим,-ическим, чем вы. Я ничего не вижу в будущем, абсолютно ничего... есть, переваривать... перистальтическое движение двенадцатиперстной кишки и мозга... стул... вот и вся соль**** мира сего.

*Рукой Н. А. Герцен **:*

Вздор! ∧ [2]!!!

*Рукой Герцена ***:*

Вашу руку.

Ландри из «Гнезда близнецов»

Рукой Н. А. Герцен:

Мне просто больно видеть вашего близнеца одного...**

Я забыла мое перо и ножницы***** у вас, вы их привезете.—Будьте спокойны ***

Никак не могу свыкнуться с мыслью, что вы не с нами. Тата поручила мне передать вам столько, что я не решаюсь даже и начать **.

Вашу руку, друг...∧...***

Стол, половицы, дети — все танцует, невозможно продолжать.

Рукой Герцена:

Все идет так, как положено природой, я выпил полбутылки коньяку, Саша упрекнул меня за то, что я не плакал, расставаясь с вами (и ты Брут...), Тата вспоминает вас каждую минуту и говорит, что вы грустите, а кончился этот дурацкий день приступом нашей фамильной болезни — каламбуром. Приехав сюда, Тата нарисовала ваш портрет. Саша сказал: «Это демон». Тата ему тотчас ответила: «Нет, это демонстрация».

Завтра, если выкрою время, напишу вам [3].

[1] *Алмерас* — неустановленное лицо.

[2] Объяснение значка ∧ см. ниже, в обзоре писем Н. А. Герцен к Гервегу.

[3] Ответ Гервега напечатан Лемке с приблизительной датой: «Декабрь 1849 г.» (XIV, 34—35).

32

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

21 décembre 1849. Zurich [1]

Je n'ai pas écrit hier, parce que la poste part à $4\frac{1}{2}$ après midi pour Bern, et nous arrivâmes vers les 5. Mon arrivée a été sous les meilleurs auspices du monde, j'ai rencontré toute la petite famille prête à aller à un examen où Colas devait figurer...[2] et je restai seul avec les voyageurs dans le Obernschöngrünschneebedecktberg, mais dans un quart d'heure la force publique envahit l'appartement, c'était une députation qui a reçu l'ordre du directeur de m'em-

* Начало письма, написанное по-русски, см. в основном тексте.— *Ред.*

** Далее по-русски.— *Ред.*

*** Далее по-французски.— *Ред.*

**** Каламбур: selle (стул) и sel (соль) по-французски звучат одинаково.

***** Это означает, что мы скоро увидимся.— *Примеч. Н. А. Герцен.*

mener vif ou mort à l'examen. Vous connaissez mes idées sur la mort, je lui déclare donc que si l'alternative est telle — je suis à ses ordres; alors ils me menèrent dans un désert de neige jusqu'au cou, dans un salon très bien éclairé pour les aveugles qui jouaient la flûte et touchaient le cœur et le piano, on leur démontrait la chaleur palpable — il faisait au moins 45 degrés de Réaumur. — Cela n'est pas tout... moi en habit de voyage, paletot vert de grenouille à l'extérieur, Cognac de la Couronne au dedans — on me mène dans un cercle d'aristocrates, dont le plus jeune lisait un compte-rendu qu'il a commencé par ces mots: «Voilà pour la quarantième fois que *j'ai* l'honneur...» A chaque année il perdait une dent — cela a beaucoup augmenté à l'agrément.

On me fait asseoir entre ces monarques assemblés, qui vinrent encore une fois s'étonner de leur philantropie et pleurer sur leurs vertus sans exemple. La salle fut bientôt hermétiquement fermée — la chaleur redouble, et la retraite à la Xénophon [3] — il n'y avait pas même à ⟨y⟩ rêver. J'étais désolé de n'avoir pas mangé ce soir une quantité de radis, comme nous le faisions, la nature me refusait des moyens équivalents — etc., etc, etc.

Colas a été admirable, il m'a touché jusqu'aux larmes, il parlera, il parlera... figurez-vous qu'à présent il connaît déjà les noms de toutes les choses qu'il voit tous les jours.

A présent parlons affaires.

J'ai rencontré plus de résignation chez ma mère que je ne l'avais cru. Mais l'affaire reste dans la plénitude de ses ténèbres. Le chargé d'affaires [4] écrit que la lettre de change de Goloch⟨wastoff⟩ [5] est terminée favorablement, mais qu'il ne pense pas à l'utilité de l'autre (Ogar⟨eff⟩), parce que les affaires de madame sont dans un même état, que celles de son fils. En outre, il parle de la difficulté et du peu de sûreté d'envoyer *des documents* par la poste. Cette dernière phrase me fait penser à une défense de nous envoyer par la poste de l'argent et autre chose pécun⟨iaire⟩; cela s'est vu — par ex⟨emple⟩ avec Bacounine.

Voilà ma résolution suprême.

Je pars demain ou après demain pour Berne avec ma mère, je reparlerai de toutes les affaires avec vous, je repartirai un jour après pour Paris. Je tâcherai d'avoir un payement sur le billet et une acceptation d'une lettre de change. — Je reviendrai dans une huitaine, je m'arrêterai chez Emma, si elle ne me chasse pas. L'affaire sera mise au clair.

Une lettre énergique est partie pour mon frère [6], c'est le commencement

Ma mère possède un *Taufschein* tout en règle et delivré en 1823, le 2 avril. «Henriette-Louisa. Eltern Gottlob Friedrich Haag, Rent-Kammer Secretarius. Frau Wilhelmina Erpfin. Geb⟨oren⟩ 27 Juni 1795, Stuttgart» [7].

Перевод:

21 декабря 1849 г. Цюрих [1]

Не писал вам вчера, потому что почта уходит в Берн в $4^1/_2$ пополудни, а мы приехали около 5 часов. Приехал я при обстоятельствах, предвещавших успех: я застал все маленькое семейство в сборах на экзамен, где должен был выступать Коля [2]. Я остался один с путешественниками на высоко-свеже-снего-засыпанном Красногорье, но через четверть часа в комнату ворвалась толпа народа: это была делегация, получившая от директора предписание доставить меня живого или мертвого на экзамен. Вам хорошо известно мое отношение к смерти, поэтому я тотчас заявил, что если так ставится вопрос, то я в их распоряжении. Тогда они потащили меня через снежную пустыню, по горло в снегу, и ввели в зал, очень хорошо освещенный для слепых, которые играли там на флейте, на струнах сердца и фортепиано. Им выражали горячее одобрение самым ощутимым образом — в комнате было по меньшей мере 45 градусов по Реомюру. — Но это еще не всё... Меня, как я был, в дорожном платье,

в пальто зеленого лягушечьего цвета — снаружи, коньяк гостиницы Курон — внутри, затащили в какой-то кружок аристократов, самый молодой из которых читал отчет, начав его словами: «Вот уже в сороковой раз я имею честь...». Каждый год он терял по зубу, что усугубляло удовольствие.

Меня усадили среди этих, собравшихся здесь повелителей, которые явились сюда, чтобы еще раз подивиться собственному человеколюбию и пролить слезу над своими беспримерными добродетелями. Вскоре зал был герметически закупорен, жара усилилась вдвое, а об отступлении на манер Ксенофонта[3] нечего было и мечтать. Я был в отчаянии, что не съел в этот вечер хоть немного редиса, как мы это обычно делали, а природа отказала мне в равноценных средствах и т. д., и т. д.

Коля был восхитителен, он меня тронул до слез. Он будет говорить, будет говорить... представьте себе, он уже знает названия всех окружающих предметов.

А теперь поговорим о делах.

Я и не ожидал от моей матери такой уступчивости, но дело по-прежнему покрыто беспросветным мраком. Поверенный[4] пишет, что дело с векселем Голох⟨вастова⟩[5] закончилось благоприятно, но он не верит в пригодность другого векселя (Огар⟨ева⟩), потому что дела матери в том же состоянии, что и дела сына. Кроме того, он пишет о затруднительности и ненадежности пересылки документов по почте. Последняя фраза наводит меня на мысль, что пересылка нам по почте денег и иных ценностей запрещена — так было, напр⟨имер⟩, с Бакуниным.

Вот мое последнее решение.

Завтра или послезавтра мы с моей матерью выедем в Берн, я переговорю с вами обо всех делах, а на следующий день отправлюсь дальше в Париж. Постараюсь получить деньги под билет и акцептировать вексель. Вернусь через неделю; я остановлюсь у Эммы, если не прогонит. И в дело будет внесена ясность.

Послал брату решительное письмо[6] — начало положено.

У моей матери сохранилось метрическое свидетельство, составленное по всей форме и выданное 2 апреля 1823 г. «Генриетта-Луиза, родители: Готтлоб Фридрих Гааг, секретарь казенной палаты. Мать — Вильгельмина Эрпфин. Род⟨илась⟩ 27 июня 1795 г. в Штутгарте»[7].

[1] Этим же днем, 21 декабря 1849 г., датирована написанная Герценом в Цюрихе статья «Эпилог 1849», вошедшая в состав русского издания «С того берега» (см. изд. АН, т. VI, стр. 107—114).

[2] Экзамен в училище для глухонемых, где проходил курс обучения сын Герцена — Коля.

[3] Греческий философ Ксенофонт, находившийся на службе у персидского царя Кира, после смерти последнего и вероломного убийства персами греческих военачальников, умело отступил к Геллеспонту, возглавив десять тысяч греческих воинов.

[4] *Поверенный* — Ключарев.

[5] Двоюродный брат Герцена, Д. П. Голохвастов, был должен ему с 1840 г. 30 000 рублей серебром. В декабре 1849 г. он умер, и долг перешел на его жену — Надежду Владимировну. Опасаясь, что деньги эти не будут выплачены, Герцен выразил согласие на частичную компенсацию.

[6] О *Егоре Ивановиче Герцене* см. в «Лит. наследстве», т. 63, 1956, стр. 416—429.

[7] О матери Герцена, Луизе Гааг, см. там же, стр. 393—415.

33

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Zurich.⟩ 21 décemb⟨re 1849⟩

Et encore une lettre.

J'ai reçu la vôtre[1], merci, elle est plus que belle,— et encore merci. Je peux ne pas m'entraîner comme vous, mais on peut aimer en lisant (comme vous à Simon de Trier)[2] et en analysant comme ma «chétive pé ore»[3].

Après avoir expédié ma lettre, j'ai reçu à la poste 4 lettres. Une—de notre chargé d'aff⟨aires⟩, qui dit que *mes documents* pour l'affaire Ogareff sont arrivés à temps — mais qui dit derechef qu'il ne garantit pas les envois, que *jusqu'à la frontière.*— L'esclavage rend les hommes tellement astucieux qu'ils ne savent eux-mêmes rien de ce qu'ils veulent dire.

Golovine m'écrit qu'il a parlé de mon bien à un banquier de Londres, et que l'autre n'a pas montré de répugnance — il a parlé avec Bamberger. Chose étrange, nous en avons pensé avec vous. Tausenau [4] lui a dit encore une fois qu'on l'a demandé à la Conciergerie de moi, des motifs... je vois de plus en plus qu'il n'y a aucune sécurité pour Paris.

Nous partons demain à 4 heures après dîner... nous nous arrêterons chez vous, c'est à dire dans une chambre de la Couronne. Je suis décidé de pousser jusqu'à Londres si je ne réussis pas à Paris.

РЕСТОРАН «ТРЕХ ПРОВАНСАЛЬСКИХ БРАТЬЕВ» В ПАРИЖЕ. ЗДЕСЬ ЧАСТО БЫВАЛ ГЕРЦЕН

Гравюра с рисунка Э. Ламы из книги: Jules Janin «L'Hiver à Paris», 1843

J'ai été chez *Zürcher* [5], c'est un brave vieillard qui a été très amical, lorsqu'il a vu que j'ai trois cents francs pour lui.

Il n'a rien imprimé par économie et attend *l'Introduction* et vous envoie les épreuves à Bern [6].

Au reste nous en reparlerons. Donc à dimanche. Mes salutations à Vogt [7].

Comme je ne sais pas encore si je suis riche ou pauvre je bois du vin à 40 so⟨us⟩ et une bière qui sent un peu la transpiration des hommes.

Votre lettre est très belle [8].

Перевод:

А.

⟨Цюрих.⟩ 21 декаб⟨ря 1849 г.⟩

Еще письмо.

Ваше [1] получил, благодарю. Я могу и не увлекаться, как вы, но можно любить, читая (как вы — Симону Трирскому) [2] и анализируя *, как это делает мое «жалкое созданье» [3].

После того, как я отправил свое письмо, я получил на почте целых четыре. Одно от нашего поверенного в дел⟨ах⟩, который пишет, что *мои документы* по делу Огарева

---

* Каламбур: «en lisant» — читая и «en analysant» —анализируя звучит схожо.

прибыли *во-время*, но опять-таки гарантирует доставку *только до границы*.— Рабство делает людей столь хитрыми, что они сами не понимают того, что хотят сказать.

Головин пишет, что говорил о моем имении с одним лондонским банкиром и что тот не станет отказываться,—он говорил с Бамбергером. Странно, мы с вами уже думали о нем. Таузенау [4] повторил Головину, что его спрашивали в Консьержери обо мне, о причинах... я все более убеждаюсь, что в Париже и вовсе ненадежно.

Мы уезжаем завтра в 4 часа пополудни... остановимся у вас, то есть в гостинице де ля Курон. Я решил двинуться в Лондон, если ничего не добьюсь в Париже.

Был у цюрихца [5]; это почтенный старец, он принял меня весьма дружелюбно, когда узнал, что у меня для него триста франков.

Из экономии, он ничего не напечатал, ждет введения и вышлет вам в Берн корректуру [6].

Впрочем, мы еще поговорим об этом. Итак до воскресенья. Привет Фогту [7].

Я еще не знаю, беден я или богат, поэтому пью вино по 40 су и пиво, которое слегка отдает человечьим пòтом.

Ваше письмо прекрасно [8]. А.

[1] По-видимому, речь идет о письме, условно датированном Лемке декабрем 1849 г. (XIV, 34—35).

[2] *Симон Трирский* — Людвиг Симон (1810—1872) — немецкий политический деятель и оратор, член германского национального собрания. В июле 1849 г. он бежал в Швейцарию, и в Трире, откуда он был родом, его заочно приговорили к смертной казни. В «Былом и думах» Герцен сообщает, что, заехав в конце 1849 г. в Берн, он застал Гервега, читающего Симону Трирскому по корректурным листам отрывки из «Vom anderen Ufer» (изд. АН, т. X, стр. 253). На это чтение и намекает Герцен.

[3] *«жалкое созданье»* («chétive pécore») — выражение из басни Лафонтена «La Grenouille qui veut se faire aussi grosse que le Bœuf» («Лягушка, желающая стать такой же большой, как Бык»).

[4] Карл *Таузенау* (1808—1873) — австрийский революционный эмигрант, участник баденского восстания. Герцен часто встречался с ним в Париже (см. V, 265). Арестованный французскими властями, Таузенау был заключен в парижскую тюрьму Консьержери и затем выслан в Англию.

[5] Речь идет о владельце цюрихской типографии, одной из лучших, по словам Герцена, в которой печаталось в 1849 г. «Vom anderen Ufer». Можно предполагать, что это была типография цюрихского книгоиздателя Фридриха Шультгеса (Schultheß, 1804—1869). Тираж этой книги был весной 1850 г. перевезен в Гамбург; там к ней издательской фирмой Hoffmann und Kampe был припечатан новый титул и обложка, на которых был обозначен Гамбург как место издания.

[6] *Корректуру* — вероятно, листы немецкого издания «Писем из Франции и Италии».

[7] О Карле *Фогте* см. ниже, в публикации писем Герцена к Ф. Пульскому.

[8] В своем письме Гервег писал: «Друг, единственный мой друг, какая пустота вокруг меня после вашего отъезда! Я точно под колоколом пневматического насоса: воздух по-немногу уходит, и скоро нечем будет дышать...» и т. д. (XIV, 34). Эти строки, в которых Герцен увидел проявление искреннего чувства, вероятно и вызвали его замечание, что письмо Гервега «прекрасно».

34

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Den 25 Dezember 1849. Neuchâtel

Nous partons dans une demi-heure. Je vous enverrai ce petit mot déjà de la France, pour vous dire que notre petit voyage s'est presque terminé de la manière la plus tranquille.

Je vous baise en son nom, c'est-à-dire au nom de la ville de Besançon[1].

[Bern] Zürich [Suisse]
Monsieur G. Herwegh
[Hôtel de la Couronne.]

Почтовые штемпели: Orn⟨an⟩ 25 déc⟨embre⟩ 1849
Bern 27 Dezember
Zürich. 29 Dez⟨ember⟩ 1849.

Перевод:

25 декабря 1849 г. Невшатель

Через полчаса мы уезжаем. Я пошлю вам эту записку уже из Франции, с тем, чтобы сообщить, что наше короткое путешествие почти закончено и самым благополучным образом.

Целую вас от его имени, т. е. от имени города Безансона *[1].

[Берн] Цюрих [Швейцария]
Господину Г. Гервегу.
[Hôtel de la Couronne]
Почтовые штемпели: [Ор⟨нан⟩ 25 ден⟨абря⟩ 1849]
Берн 27 де⟨кабря⟩
Цюрих. 29 дек⟨абря⟩ 1849 г.

[1] Герцен 22 декабря 1849 г. выехал с матерью из Цюриха в Париж, чтобы хлопотать о получении денег по векселю, на который было наложено запрещение. Гервег же остался в Швейцарии, куда и были адресованы Герценом все последующие письма.

35

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Besançon. 25 décembre 1849

Nous voilà à Besançon, demain nous allons partir pour Paris. Quatre visa—on peut devenir visionnaire, deux douan*n*es (faut-il deux *n* — ou non? je ne me rappelle plus).

Prenez la route de Neuchâtel, c'est une route bénie par Dieu.

Position — voyageurs.

Température — 10° Réaum⟨ur⟩, geogr⟨aphischer⟩ Grad «der Beschränktheit» — Neuchâtel.

— Bise, neige, traîneaux, Sibérie.

— Manteau oublié...

Mais personne au monde ne connaît la route de Pontarlier ** à Besançon.— C'est une beauté inouïe, vraiment je n'ai rien vu en Suisse de plus beau.

«Et ait ille» — (moi) — au maître de l'hôtel.— «Donnez-moi une bonne bouteille de Bourg⟨ogne⟩».

«Et ait ille» (*Wirth*). — «Vous l'aurez», et il apporte du vin magnifique.

Poussé par le Satan, je demande: «Mais avez-vous une meilleure?» «Oui».— «Donnez-la!» — *Vorwärts!* Et j'ai bu l'autre aussi.

Drin drin...
Drin ist nichts, nichts.

Перевод:

Безансон. 25 декабря 1849 г.

Вот мы и в Безансоне, завтра выезжаем в Париж. Четыре визы — есть от чего стать визионером, две таможни (нужно ли два *н* или нет — я уже не помню) ***.

Поезжайте на Невшатель — это дорога, благословенная богом.

Звание — путешественники.

Температура — 10° по Реомюру. Geogr⟨aphischer⟩ Grad «der Beschränktheit» ****. Невшатель.

— Северный ветер, снег, сани, Сибирь.

— Забытая шинель...

Но ни одна душа не знает дороги в Безансон через Понтарлье. Красота неслыханная. В самом деле, ничего прекраснее я не видел и в Швейцарии.

«Сделте милсть» — (я) — хозяину гостиницы.— «Дайте мне бутылку хорошего бург⟨ундского⟩».

«Сделте милсть» — (Wirt *****).— «Можно», и он приносит великолепное вино.

---

* Каламбур: «baise en son» («целую от его...») и «Besançon» (Безансон) на французском языке звучат одинаково.

** В подлиннике: Pointalliers. — *Ред.*

*** По-французски таможня — «douane» — пишется через одно *n*.

**** Геог⟨рафический⟩ градус «ограниченности» (нем.).

***** Хозяин (нем.).

Тут чёрт меня дернул, и я спрашиваю: «А нет ли получше?».— «Есть».— «Дайте!»— Vorwärts! * Выпиваю и вторую.

Drin, drin...

Drin ist nichts, nichts **.

36

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Paris. Le 28 décembre 1849

Emma m'a reçu avec tant d'amitié, tant de sympathie, que j'étais touché, touché profondément, quoique je m'attendais à cela,— j'ai trouvé du Cognac dans ma chambre (c'était pour me dégrader devant Sarrasin [1]), j'ai trouvé des sauces — voilà pour le matériel, et tout cela m'a fait tant de plaisir après un voyage diabolique, après une série de pensées tristement froides.

A présent parlons de vous. (Je ressemble à Arioste, je ne peux me décider à finir une phrase sans deux épisodes; je vous ai dit que je veux parler de vous, et je me suis rappelé qu'hier parlant avec Emma j'ai remarqué pour la première fois qu'il est très insipide que je vous dise *vous*, c'est le *vice-versa* du *tu* avec lequel Strübing me régale, je vous propose donc d'écrire vos lettres au singulier). Eh bien, j'ai trouvé Emma très triste, elle est profondément chagrinée, — ce n'est pas purement et simplement la séparation qui l'afflige, elle (et beaucoup d'autres) pensent que le visa n'est pas trop nécessaire,— vous comprenez donc qu'elle doit expliquer le tout par un manque d'amour actif, etc., etc. Cela l'a fait penser et repenser, et sous ce rapport elle est parvenue à s'insurger tant soit peu contre Votre Seigneurie.— Ici commence cette petite ligne de démarcation qui sépare nos opinions,— moi j'applaudis de tout mon cœur ce sentiment d'opposition (vous l'aimez dans les enfants — il faut généraliser et l'admettre dans toutes les relations) — c'est la véritable indépendance, non pas avarice de soi, mais *das Selbständige* — qui peut se fondre en amour et en amitié — sans se laisser absorber. Sur ce thème comme sur l'autre concernant l'analyse (comme vous le dites) je suis prêt à vous écrire des lettres monstres. Un seul mot, encore,— je crois indispensable pour vous de venir ici pour un temps quelconque; hier Barman [2] n'avait pas encore de lettre de Dr.[3] Je ne sais rien encore de mes affaires. Kapp me fait une très bonne proposition de Francfort [4].

Emma vous a envoyé une lettre et un paquet adressés à ma femme *à Zurich, Hôtel Bauer*, faites demander. Et où êtes-vous enfin, je ne sais comment vous écrire — à Bern ou à Zurich.

Müller-Strübing a été enlevé par G. Sand, et demeure chez elle. [5]

Aujourd'hui jour de naissance de Hor⟨ace⟩ [6]. Vous l'avez oublié — vous avez très mal fait.

2 heures

Je viens de Rot⟨schild⟩.— Les affaires ne sont pas bonnes mais elles ne sont pas tout à fait désespérées. Premièrement nous avons connaissance à présent comment tout cela s'est fait. Rot⟨schild⟩ m'a montré une lettre de Gasser [7], où il l'avertit que le ministre de la police à Pétersbourg voulait opposer un veto contre le payement de mon billet, mais il était déjà trop tard. Le fait de cette translation a, à ce qu'il paraît, éveillé l'attention, de là—l'interdit. — Rot⟨schild⟩ tient l'affaire de m-me Haag pour possible, mais après l'avis de Gasser — il n'y a pas à penser à un payement. Il veut l'envoyer, et faire toutes les démarches possibles pour l'encaisser sans prendre le résultat à sa responsabilité. Concernant le bien — il pense que c'est une affaire complètement perdue, mais il m'a proposé d'en écrire à Gasser et de la lui proposer.

* Вперед (нем.).

** Дрин, дрин — внутри пусто, пусто (нем.) Игра слов: «drin» — звук льющейся жидкости означает по-немецки «внутри».

Après avoir mûrement réfléchi, je me suis décidé à remettre le billet à condition de recevoir le billet intact ou une somme équivalente.— La première réponse de G⟨asser⟩ — je dois l'attendre ici.— Très possible que ma mère s'en ira toute seule.

J'ai été chez Barm⟨an⟩, il doute fortement de la réussite de votre affaire.

J'ai reçu 300 fr⟨ancs⟩ de m-me Herwegh payables à vue à Zurich (notre style de banquier, m-r) par m-me Herzen. Elle a voulu vous les envoyer mais je crois que la chose est beaucoup plus simple, j'en ai écrit à ma dame / femme / épouse[8].

Ada[9] est d'une beauté et d'une *«disinvoltura»* parfaite. Horace entre dans l'âge de Sacha — âge qui n'a plus la grâce de Tata et n'a pas encore la grâce de Léontine[10].

Je vous serre la main.

Paris est impossible pour vivre, une tristesse morne s'est étendue sur la ville, personne n'attend rien, on vit, on végète de jour en jour. Les jours de fêtes sont passés pour la Seine. Moi je persiste qu'après une courte apparition ici il faut vendre les meubles — et s'en aller; ni vos tapis, ni vos chaises curules[11] ne pourront réparer le tort qu'on aura de vivre confortablement dans ce milieu d'opprobre. Canton Vaud — simplification des habitudes[12]. *Evviva l'independenza!*

Tâchez de trouver la lettre qu'Emma m'a écrite — elle dit qu'elle y tient beaucoup.

N'oubliez pas les lettres de Stuttgart.

Que fait *l'introduzione?*[13]

Перевод:

Париж. 28 декабря 1849 г.

Эмма встретила меня так дружески, так радушно, что я был тронут, глубоко тронут, хотя и не ожидал иного,— у себя в комнате я нашел коньяк (что имело целью уронить меня в глазах Сарацина [1]), нашел соусы — это по части вещественной, и все это доставило мне такое удовольствие после дьявольски трудного пути и длинного ряда унылых, холодных мыслей!

А теперь поговорим о вас. (Я похожу на Ариосто — никак не могу закончить фразу без двух вставных эпизодов; я сказал, что хочу поговорить о вас, и вспомнил, что вчера, беседуя с Эммой, я впервые заметил, как нелепо, что я говорю вам *вы*, это — vice versa * тому *ты*, каким меня потчует Стрюбинг; поэтому предлагаю вам в письмах обращаться ко мне в единственном числе.) Так вот, я застал Эмму очень грустной, она глубоко огорчена,— ее печалит не только и не просто самая разлука, но она (да и многие другие) думает, что виза не так уж необходима — вы понимаете, стало быть, что она должна объяснять все лишь отсутствием действенной любви и т. д., и т. д. Это заставило ее думать и передумывать, пока ей не пришло в голову слегка побунтовать против вашей милости. Вот тут и начинается та незаметная демаркационная линия, которая разграничивает наши точки зрения,— я всем сердцем приветствую подобное чувство протеста (вам оно нравится в детях — надо его обобщить и допускать во всех взаимоотношениях), это подлинная независимость, не своекорыстие, а das Selbständige **, которое может сочетаться с любовью, с дружбой, не давая поглотить себя. На эту тему, как и на тему об анализе (как вы говорите), я готов писать вам чудовищно длинные письма. Еще одно только слово,— я считаю, что вам необходимо приехать на некоторое время сюда; вчера у Бармана [2] еще не было письма от Др. [3] О своих делах я еще ничего не знаю. Я получил из Франкфурта от Каппа очень хорошее предложение [4].

Эмма отправила вам письмо и пакет на имя моей жены в *Цюрих*, *Hôtel Bauer*, затребуйте их. Да где же вы, в конце концов? Я не знаю, как вам писать — в Берн или в Цюрих?

* обратное (лат.).
** самоутверждение (нем.).

Мюллер-Стрюбинг похищен Ж. Санд и живет у нее [5].

Сегодня день рождения Гор⟨аса⟩ [6]. Вы про это забыли — очень дурно с вашей стороны.

2 часа

Я только что вернулся от Рот⟨шильда⟩ — дела не хороши, хотя и не совсем безнадежны. Во-первых, теперь мы знаем, как все произошло. Рот⟨шильд⟩ показал мне письмо Гассера [7], в котором тот его извещает, что петербургский министр полиции хотел наложить вето на выплату по моему билету, но было уже слишком поздно. Факт его передачи, очевидно, привлек внимание, отсюда и запрет. Рот⟨шильд⟩ считает дело г-жи Гааг осуществимым, по мнению же Гассера, об уплате нечего и думать. Он ⟨Рот-шильд⟩ хочет послать его ⟨билет⟩ и предпринять необходимые шаги, чтобы добиться инкассации, но не берет на себя ответственности за результат. Что касается имения, то он думает, что это совершенно безнадежное дело, однако предложил написать Гассеру и предложить ему заняться им.

По зрелом размышлении, я решил передать билет при условии, что либо получу его обратно в неприкосновенном виде, либо эквивалентную сумму. — Я должен дождаться здесь первого ответного письма Г⟨ассера⟩ — очень возможно, что моя мать уедет отсюда одна.

Я был у Барм⟨ана⟩, он сильно сомневается в успехе вашего дела.

Я получил от г-жи Гервег 300 фр⟨анков⟩, подлежащие уплате по предъявлении сего в Цюрихе (наш банкирский стиль, сударь) г-жой Герцен. Она собиралась послать их вам, но, мне думается, так гораздо проще, о чем я и написал моей госпоже / жене / супруге[8].

Ада [9]— совершенство красоты и «disinvoltura»*. Горас вступает в возраст Саши, возраст, в котором уже нет прелести Таты, но еще нет и прелести Леонтины [10].

Жму вашу руку.

Жить в Париже невыносимо, мрачная печаль распростерлась над городом, никто ничего не ждет, все живут изо дня в день, все прозябают. Праздничные дни миновали для Сены. Я твердо стою на том, что после краткого здесь пребывания надо продать мебель и уехать — ни вашими коврами, ни вашими курульными креслами [11] нельзя будет оправдать комфортабельного образа жизни посреди такого позора. Кантон Во — упрощение привычек [12]. Evviva l'independenza **!

Постарайтесь найти письмо, которое Эмма мне написала,— она говорит, что для нее это очень важно.

Не забудьте о штутгартских письмах.

Что слышно с l'introduzione ?*** [13].

[1] *Сарацин* — вероятно, собака Гервегов.

[2] *Барман* — посланник швейцарской конфедерации в Париже.

[3] Вероятно речь идет о швейцарском политическом деятеле *Шарле Дрюэ* (1799—1855).

[4] Предложение Каппа, вероятно, касалось продажи тиража «Vom anderen Ufer».

[5] Мюллер-Стрюбинг был приглашен в Париж Полиной Виардо, затем поселился вблизи Ногана, имения Жорж Санд, с которой поддерживал дружеские отношения. После декабрьского переворота 1851 г. он вынужден был покинуть Францию.

[6] *Горас* (1843—1901) — сын Гервегов.

[7] Карл *Гассер* (в этом письме Герцен ошибочно называет его Гескелем) — петербургский банкир, представитель фирмы Ротшильда, от имени которого требовал выдачи по векселю из опекунского совета 106 тысяч рублей, принадлежавших матери Герцена. Под *петербургским министром полиции* Герцен подразумевал начальника III Отделения.

[8] В автографе публикуемого письма к этому месту Гервегом сделано следующее примечание: «N⟨atalie⟩ était à Zürich» («Натали была в Цюрихе»).

[9] *Ада* (1849—1921) — дочь Гервегов.

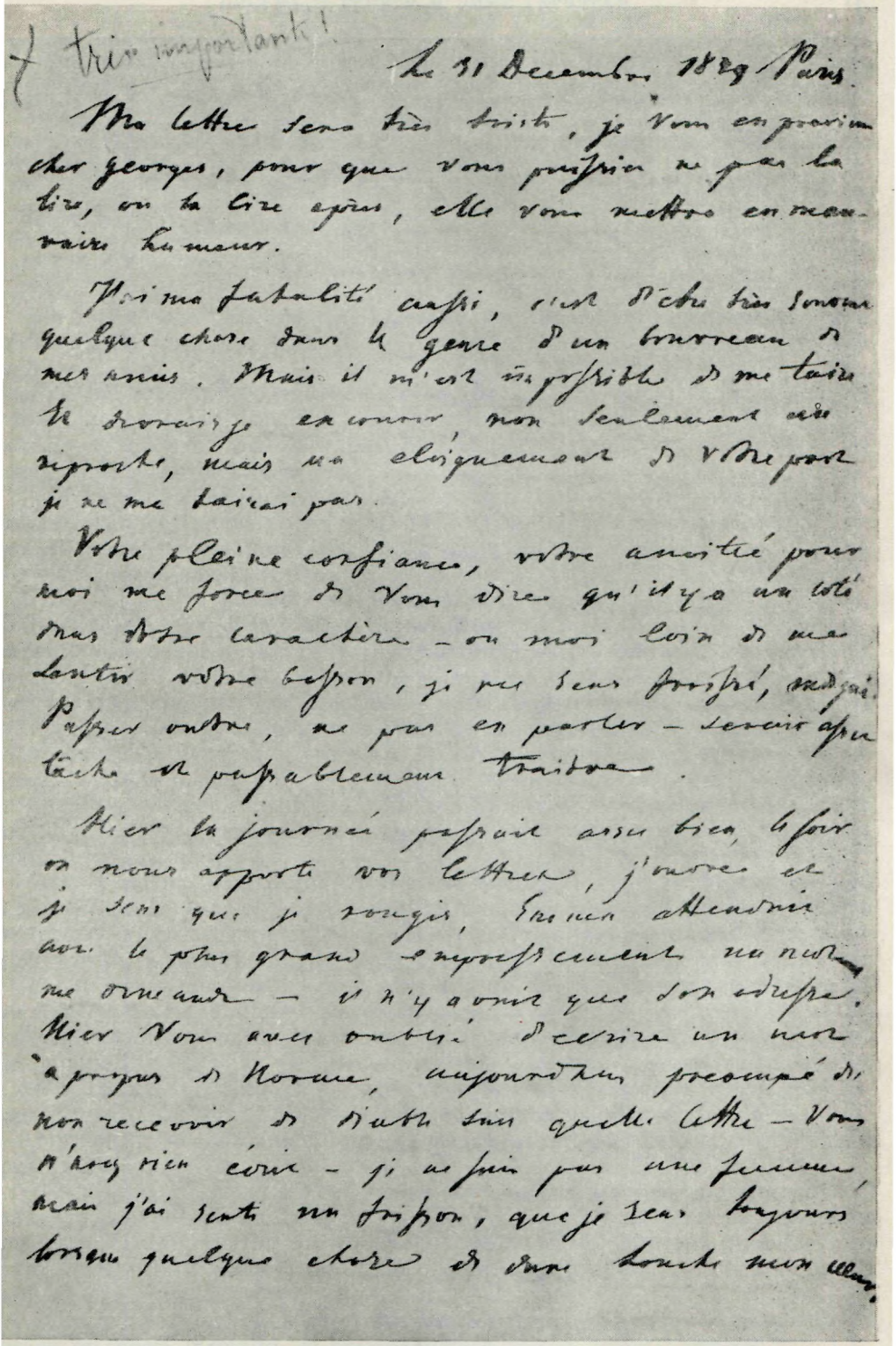
[10] *Леонтина* — молодая парижская гризетка, с которой Герцен познакомился на маскараде в Опере (изд. АН, т. XI, 452—460). См. о ней подробно ниже, в обзоре писем Н. А. Герцен к Гервегам.

---

* «непринужденности» (итал.).

** Да здравствует независимость! (итал.).

*** введением? (итал.).



Très important!

Le 31 Decembre 1849 Paris.

Ma lettre sera très triste, je vous en prévient cher Georges, pour que vous puissiez ne pas la lire, ou la lire après, elle vous mettra en mauvaise humeur.

Voici ma fatalité aussi, c'est d'être très sonnant quelque chose dans le genre d'un bourreau de mes amis. Mais il m'est impossible de me taire le souvenir que j'ai encore, non seulement des reproches, mais un éloignement de votre part je ne me tairai pas.

Votre pleine confiance, votre amitié pour moi me force de vous dire qu'il y a un côté dans votre caractère — ou mon loin de me lantir votre besoin, je me sens forcé, malgré Passer outre, ne pas en parler — serait après tout de préparer une trahison.

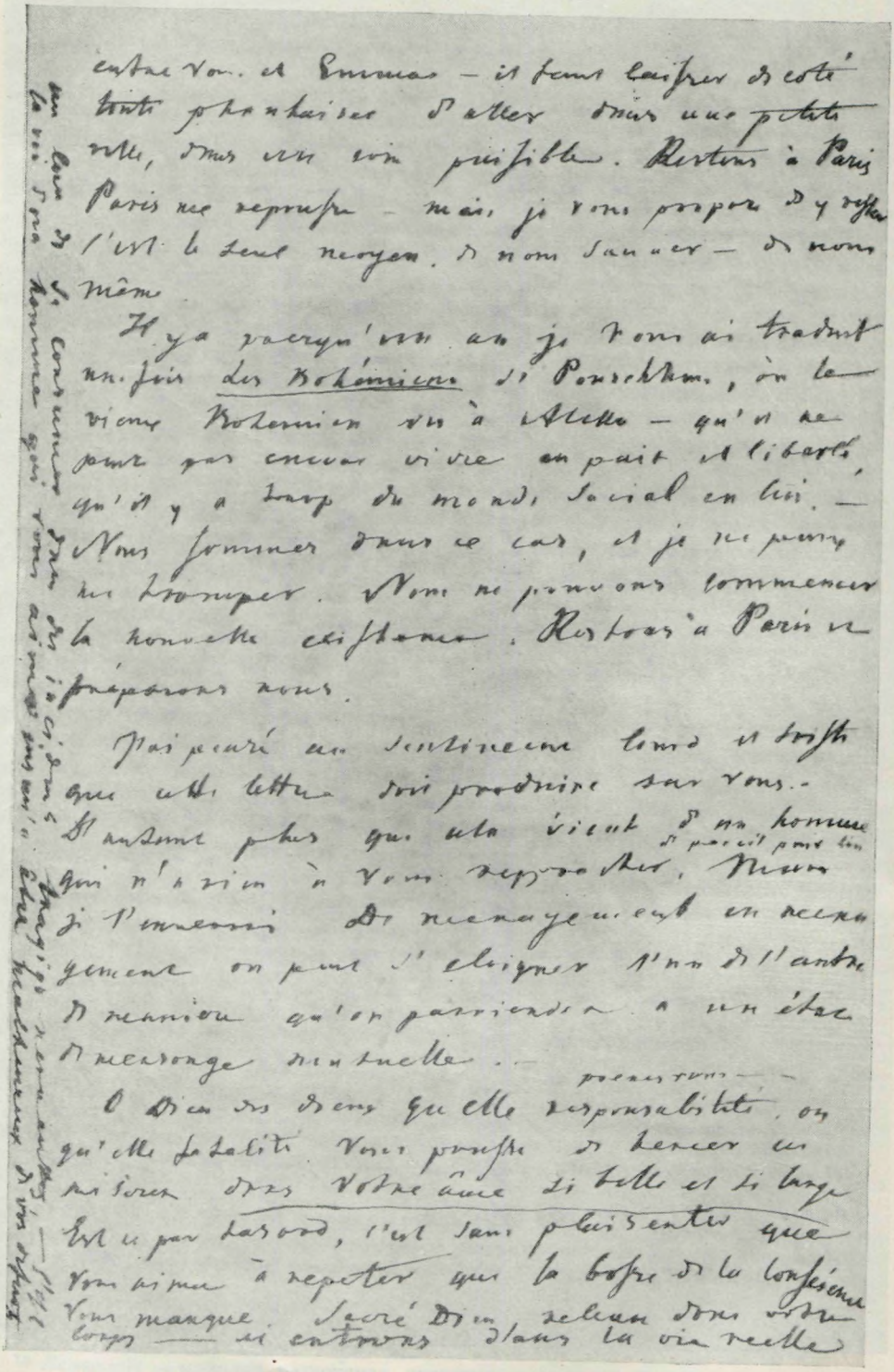
Hier la journée passait assez bien, le soir on nous apporte vos lettres, j'ouvre et je sens que je rougis, Ernest attendrit avec le plus grand empressement me me demande — il n'y a vrai que son adresse. Hier vous avez oublié d'écrire un mot à propos de Nonne, aujourd'hui préoccupé de non recevoir de Stalle sur quelle lettre — vous n'avez rien écrit — je ne suis pas une femme, mais j'ai senti un frisson, que je sens toujours lorsque quelque chose de dure touche mon cœur.

АВТОГРАФ ПИСЬМА ГЕРЦЕНА К ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ ОТ 31 ДЕКАБРЯ 1849 г.

Лист первый

На полях надпись неустановленного лица по-французски: «Очень важное!»

Британский музей, Лондон



АВТОГРАФ ПИСЬМА ГЕРЦЕН АК ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ ОТ 31 ДЕКАБРЯ 1849 г.

Лист последний

Британский музей, Лондон

[11] *Курульным креслом* в древнем Риме называлось покрытое слоновой костью складное кресло консулов, преторов и курульных эдилов. Герцен иронизирует здесь над роскошной мебелью Гервегов в их парижской квартире.

[12] В Кантоне Во находилось местечко Вето, где Н. А. Герцен сняла дачу.

[13] Предисловие к книге «Vom anderen Ufer», которое Гервег собирался написать вначале для первого, а затем для второго издания.

37

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Le 31 décembre 1849. Paris

Ma lettre sera très triste, je vous en préviens, cher Georges, pour que vous puissiez ne pas la lire, ou la lire après; elle vous mettra en mauvaise humeur.

J'ai ma fatalité aussi, c'est d'être très souvent quelque chose dans le genre d'un bourreau de mes amis. Mais il m'est impossible de me taire. Et devrais-je encourir, non seulement un reproche, mais un éloignement de votre part, je ne me tairai pas.

Votre pleine confiance, votre amitié pour moi me force de vous dire qu'il y a un côté dans votre caractère — où moi, loin de me sentir votre besson, je me sens froissé, indigné. Passer outre, ne pas en parler — serait assez lâche et passablement traître.

Hier la journée passait assez bien, le soir on nous apporte vos lettres, j'ouvre et je sens que je rougis. Emma attendait avec le plus grand empressement un mot, me demande — il n'y avait que son adresse. Hier vous avez oublié d'écrire un mot à propos de Horace, aujourd'hui préoccupé du non recevoir de diable sait quelle lettre — vous n'avez rien écrit — je ne suis pas une femme, mais j'ai senti un frisson, que je sens toujours lorsque quelque chose de dur touche mon cœur. Elle, dévouée comme elle est (ce que je prends pour une maladie), elle était anéantie. Nous parlâmes longtemps, je mentais, je vous inculpais, pour vous justifier — et maudissant ce rôle louche je me jettai vers 3 h⟨eures⟩ sur le lit. Triste, ému, j'ai beaucoup pensé, voilà les résultats.

Aimer, ne pas aimer une femme, un homme — c'est involontaire et je n'oserai jamais toucher à ces océanides de l'âme humaine. Mais ne pas se permettre, ne pas désirer même d'en avoir, de la cruauté capricieuse — est autre chose. L'homme qui pense qu'⟨il⟩ suffit de l'aimer pour supporter l'oppression, le manque d'égard, a un défaut dans le cœur; peut-être c'est un résultat de l'abandon et du relâchement de caractère, amalgamé avec les exigences tout contraires de ses amis. Là, je ne reconnais plus en vous l'homme sympathique. Vous me direz que vous êtes une fois comme cela, que c'est votre nature. Eh bien — je ne veux pas vous laisser en erreur, ma nature est parfaitement le contraire, sous ce rapport, ici elle est tout-à-fait antipathique à la vôtre. Je ne donne à personne le droit de torturer par amour ni par haine.

Je suis sûr que vous n'avez jamais entendu des paroles d'une franchise si sauvage. Moi je suis un être fort et sain, je ne peux voir dans mes amis sans protester un laisser-aller qui touche à l'inhumanité, d'autant plus que vous avez élevé à la hauteur d'une théorie ce que vous deviez rejeter comme un élément indigne de vous.

«Ce sont des formes, je m'arrête aux formes».— Et oui, certainement, la grâce est aussi formelle, je suis réaliste.

Cet incident m'a fait penser à bien de choses. Entre autres à notre avenir. Moi je ne peux être heureux que dans notre petit cercle, lorsqu'il sera harmonique⟨!⟩. Moi je ne me sens plus libre là où commencent ces petits malheurs improvisés, malheurs de luxe, inutiles, ces tracasseries coquettes et peut-être maladives. Par le rapport qui s'établit entre vous et Emma — il faut laisser

de côté toute fantaisie d'aller dans une petite ville, dans un coin paisible. Restons à Paris. Paris me repousse — mais je vous propose d'y rester. C'est le seul moyen de nous sauver — de nous-mêmes.

Il y a presque un an je vous ai traduit une fois les *Bohémiens* de Pouchkine, où le vieux Bohémien dit à Aleko qu'il ne peut pas encore vivre en paix et liberté, qu'il y a trop du monde social en lui.— Nous sommes dans ce cas, et je ne peux me tromper. Nous ne pouvons commencer la nouvelle existence. Restons à Paris et préparons-nous.

J'ai pensé au sentiment lourd et triste que cette lettre doit produire sur vous. D'autant plus que cela vient d'un homme qui n'a rien à vous reprocher de pareil pour lui. Mais je l'enverrai. De ménagement en ménagement on peut s'éloigner l'un de l'autre de manière qu'on parviendra à un état de mensonge mutuel [1].

O dieu des dieux, quelle responsabilité prenez-vous... ou quelle fatalité vous pousse de bercer ces misères dans votre âme si belle et si large? Est-ce par hasard, c'est sans plaisanter que vous aimez à répéter que la bosse de la conscience vous manque [2]. Sacré dieu, relevez donc votre corps — et entrons dans la vie réelle au lieu de se consumer dans des incidents tragico-nerveux — c'est la voix d'un homme qui vous aime jusqu'à être malheureux de vos défauts [3].

Перевод:

31 декабря 1849 г. Париж

Письмо мое будет очень грустным, предупреждаю вас, дорогой Георг, чтобы вы могли либо не читать его вовсе, либо прочесть позднее, оно приведет вас в дурное настроение.

Надо мной тоже тяготеет некий рок — мне очень часто приходится превращаться как бы в палача своих друзей. Но я не могу молчать. И даже рискуя заслужить не только ваши упреки, но и вызвать ваше отчуждение, я не стану молчать.

Ваше полное доверие ко мне, ваша дружба побуждают меня сказать, что в вашем характере есть сторона, где я, вовсе не чувствуя себя вашим близнецом, а чувствую себя задетым, возмущенным. Пройти мимо, обойти это молчанием было бы достаточной трусостью и изрядным предательством.

Вчера днем все шло сносно; вечером нам приносят ваши письма, вскрываю их и чувствую, что краснею; Эмма с величайшим нетерпением ждала нескольких слов, она спрашивает у меня, но там был всего только ее адрес. Вчера вы забыли написать несколько слов о Горасе, сегодня, озабоченный неполучением, чёрт его знает какого письма, а вы опять ничего не написали — я не женщина, но я почувствовал содрогание, какое чувствую всякий раз, когда что-нибудь грубое коснется сердца. При всей ее преданности вам (которую я рассматриваю как болезнь), она была уничтожена. Мы долго говорили, я лгал, я вас обвинял, чтобы оправдать,— и, проклиная свою двусмысленную роль, бросился в постель около 3 часов. Грустный, взволнованный, я много передумал,— вот итоги.

Любить или не любить женщину, мужчину — в этом мы не вольны, и я никогда не посмел бы коснуться этих океанид человеческой души. Но не позволять себе капризной жестокости, не допускать даже мысли о ней — это другое дело. У человека, который думает, что достаточно его любить, чтобы выносить его гнет, невнимание,— в сердце есть изъян; возможно, что это следствие распущенности и расслабленности характера, сочетавшееся с прямо противоположными требованиями друзей. Тут я уже не могу признать вас за человека, мне симпатичного. Вы скажете, что ничего не поделаешь, что так уж вы созданы, что такова ваша натура. Ну, а я не хочу оставлять вас в заблуждении, у меня натура совершенно другая в этом отношении, здесь она просто враждебна вашей. Я ни за кем не признаю права мучить — ни из любви, ни из ненависти.

Я уверен, что вам никогда не приходилось слышать таких необузданно откровенных слов. Я человек сильный и здоровый, я не могу без чувства протеста видеть у своих

друзей небрежение к ближним, граничащее с бесчеловечностью, тем более, что вы подняли на высоту теории то, что должны были бы отбросить как недостойный вас элемент.

«Все это форма, я придираюсь к форме».— Ну, конечно, обходительность тоже форма, я реалист.

Этот случай заставил меня о многом подумать. Между прочим, и о нашем будущем. Я лично могу чувствовать себя счастливым в нашем тесном кружке, только если в нем установится гармония. Я перестаю чувствовать себя непринужденно там, где начинаются мелкие, выдуманные горести, ненужные горести от пресыщения, ссоры, порождаемые то ли кокетством, то ли болезненностью. При отношениях, сложившихся у вас с Эммой, нужно оставить всякую мечту о переезде в маленький город, в тихий уголок. Останемся в Париже. Париж мне противен, но я предлагаю остаться здесь. Это единственное средство спастись от самих себя.

Около года тому назад я как-то перевел вам «Цыган» Пушкина, то место, где старый цыган говорит Алеко, что тот не может еще жить в мире и свободе, что в нем еще слишком много от социальной среды.— Мы в том же положении, и я не могу себя обманывать. Мы не можем начать нового существования. Останемся в Париже и будем готовиться.

Я подумал о тяжелом и грустном чувстве, которое должно вызвать у вас мое письмо. Тем более, что сказанное исходит от человека, который не может упрекнуть вас в чем-либо подобном по отношению к себе. И все же я пошлю его. Ведь щадя раз, щадя два, можно так отдалиться друг от друга, что дойдешь до взаимного обмана [1].

Боже мой, какую ответственность возлагаете вы на себя... какой рок толкает вас лелеять в вашей столь прекрасной и щедрой душе все эти слабости? Видно, не случайно и не шутки ради вы любите повторять, что лишены шишки совести [2]. Подтянитесь же, чёрт возьми, и давайте жить реальной жизнью, вместо того, чтобы изнурять себя трагико-нервическими инцидентами. Это голос человека, который настолько вас любит, что страдает, видя ваши недостатки [3].

[1] Отвечая 4 января 1850 г., Гервег уверял Герцена, что его письмо вовсе не произвело того действия, которого Герцен боялся или желал. «Немного обиженный вначале, я потом стал улыбаться вашему учительскому тону». «Чего же вы, наконец, хотите? — продолжал Гервег.— Я стряхнул с себя на некоторое время семейную пыль, но не потому, что не любил, а потому, что это гнусное установление есть лучшее средство, чтобы убить любовь даже к самому благородному, преданному и любящему в мире существу, к такой прекрасной и крупной натуре, как Эмма...» (XIV, 39—40). Гервег протестовал в этом письме против проекта Герцена остаться в Париже.

[2] В цитированном выше письме Гервег, применяя термины модной тогда френологии, также повторял, что у него нет «шишки совести», а что у Герцена отсутствует «шишка постоянства» (там же).

[3] На первом листе публикуемого письма надпись неустановленным почерком по-французски: «Очень важное!».

38

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

9 janvier 1850. Paris

Votre lettre m'a fait beaucoup de bien [1], un des fardeaux qui m'enfonçait le cœur, vous l'avez ôté. Mais laissez-moi à ma critique — j'ai une démangeaison (peut-être c'est de l'aliénation mentale) de scruter les derniers liens qui nous font quelque chose de l'existence. Un chaos passe par ma tête, tout fermente, les dernières bases craquent, les derniers refuges s'encombrent.

Episode malheureuse, éveillée par sympathie amicale pour Emma et qui ne veut pas passer. Même je ne bois presque pas de vin, et je ne lis pas les journaux — symptôme dangereux.

И не пьется водочка
По этой причине[2].

Mais élevons-nous dans une autre sphère, au moins, éloignons-nous des cas donnés. Je vous ai écrit et je vous le répète, nous tous nous portons une

marque au front, nous tous nous avons des traces de l'esclavage égyptien. Il faut subir cela. Au fond de notre âme il y a un ess-bouquet de toutes les tendances corruptrices de la civilisation, un égoïsme cupide, un amour propre implacable. Oh, ici ce n'est pas vous que j'inculpe—je n'inculpe ni ne vous excepte. Enfin cela n'est pas vous, ni moi — *non vitia hominis*... La grande question est de savoir, peut-on se sauver de cette lèpre que la décadence nous a inoculée ou non. Je crois que oui, au moins l'épreuve n'est pas à dédaigner. Kant a dit qu'une action n'est pas morale si on ne peut la généraliser — on peut ajouter qu'une action qui n'est pas généralisée est un fait passé. Or moi je pense que vous êtes d'un degré plus malade que moi — parce que vous agissez tout-à-fait conformément à une théorie psychologique que vous élevez *pro domo sua* et qui n'a aucune relation véritable avec votre point de vue — qui est en tout le mien. Comment êtes-vous parvenu à cette apothéose de chaque velléité, de chaque caprice, à ce ménagement de vous-même — qui va jusqu'à ne pas vouloir lire les lettres qui contiennent des nouvelles qui ne vous plaisent pas, à cette préoccupation de votre repos et cet oubli d'autrui? [3] Comment enfin vous êtes parvenu à avoir un entendement vaste et une dépendance complète des petites misères, des talents prodigieux — et aucune productivité? Vous n'êtes pas libre — vous êtes dans les choses privées plus insurgé qu'indépendant, vous avez même un élément conservateur — qui à lui seul pourrait prouver que j'ai raison.

C'est à vous de connaître la phénoménologie de ce développement. Moi j'ai besoin de vous dire qu'avec ces théories toute relation franche et libre s'empoisonne. On vous aimera — mais on ne sera pas heureux, on vivra avec vous — mais la vie sera lourde. On aura des instants de bonheur — et des journées d'ennui.— Voilà la cause de mon invitation de venir à Paris que vous n'avez pas voulu comprendre, et dont l'exécution est à présent totalement impossible. A Paris il y a plus de distraction, on ne se regarde pas en face à chaque instant. A Paris on est entraîné, ahuri, autre chose à Vevey.

Il est bientôt 5 h⟨eures⟩, donc la continuation à un autre №.

Pour finir, je vous dirai seulement la conclusion: sentez-vous un besoin de changer votre biosophie et de faire l'épreuve d'une vie plus conforme à vous-même? Voulez-vous faire quelque effort pour sortir de l'état maladif où vous êtes — ou non?[4]

Georges Herwegh.

En cas de son départ, envoyez-lui la lettre.

Перевод:

9 января 1850 г. Париж

Ваше письмо подействовало на меня очень благотворно [1], одной тяжестью меньше на сердце — вы ее сняли. Но не отнимайте у меня права критиковать — я чувствую непреодолимое влечение (может быть, это умопомешательство) подвергать испытанию последние узы, благодаря которым мы еще дорожим жизнью. В мыслях у меня хаос, все в брожении, распадаются последние основы, рушатся последние прибежища.

Злополучный эпизод, вызванный дружеской симпатией к Эмме, никак не забывается. Я даже почти не пью вина и не читаю газет — опасный симптом.

И не пьется водочка
По этой причине [2]*.

---

* Стихотворные строки в автографе приведены по-русски.— *Ред.*

Но поднимемся в иную сферу или хотя бы отойдем от данного случая. Я уже писал вам и повторяю: у всех нас клеймо на лбу, на всех нас следы египетского рабства. Это надо претерпеть. В глубине нашей души эсс-букет развращающих тенденций цивилизации, алчный эгоизм, неукротимое самолюбие. О, здесь я не обвиняю вас,— не обвиняю, но и не исключаю. Словом, я обвиняю не вас, не себя, non vitia hominis...* Главный вопрос в том, можно ли спастись от этой проказы, привитой нам периодом упадка, или нет. Я думаю, что можно, по крайней мере не надо пренебрегать такой попыткой. Кант сказал, что поступок не является нравственным, если его нельзя обобщить,— можно добавить, что поступок, не обобщенный, есть факт, отошедший в прошлое. И вот я думаю, что вы больны на степень серьезнее меня, потому что вы поступаете в полном соответствии с психологической теорией, которую создаете pro domo sua ** и которая не имеет никакой настоящей связи с вашей точкой зрения, полностью совпадающей с моей. Как дошли вы до такого апофеоза малейшего своего желания, малейшего каприза, до такого бережного отношения к самому себе, доведенного у вас до нежелания читать письма, содержащие известия, неприятные вам; как дошли вы до такой озабоченности собственным покоем и до такого забвения своих окружающих ?[3] Как, наконец, дошли вы до того, что при всем широком своем кругозоре вы находитесь в полнейшей зависимости от жалких мелочей, при необычайных талантах — остаетесь совершенно бесплодным. Вы не свободны, в своей частной жизни вы скорее бунтарь, чем независимый человек, в вас есть даже известный консерватизм, что уже само по себе могло бы служить доказательством моей правоты.

Кому как не вам знать феноменологию этого развития. С своей стороны, должен сказать, что подобными теориями будет отравлено всякое искреннее, свободное отношение. Вас будут любить, но счастливы не будут; с вами будут жить, но жизнь эта будет тяжела. Будут минуты счастья и дни тоски.— Вот причина, побудившая меня звать вас в Париж, причина, которую вы не захотели понять. Теперь же все стало совершенно неосуществимым. В Париже больше развлечений, не приходится ежеминутно быть друг у друга на глазах. В Париже тебя всегда что-то увлекает, оглушает — иное дело в Веве.

Скоро 5 ч⟨асов⟩ — итак, продолжение в другом №.

В заключение же скажу лишь как вывод: чувствуете ли вы потребность изменить свою биософию и попытаться жить другою жизнью, более вам соответствующей? Хотите ли сделать некоторое усилие, чтобы выйти из того болезненного состояния, в котором вы находитесь, или нет? [4]

Георгу Гервегу
В случае же его отъезда, перешлите ему письмо.

[1] Письмо Гервега от 4 января 1850 г. (см. XIV, 37—40).

[2] Из песенки «Едет чиж на лодочке» («Чижик едет в лодочке»), которую, по словам И. Г. Головина, в это время любил напевать Герцен («Записки Ивана Головина». Лейпциг, 1859, стр. 125).

[3] В «Былом и думах» Герцен также отмечал отсутствие в Гервеге «той простой, откровенной натуры, того полного abandon***, который так идет всему талантливому и сильному и который у нас почти неразрывен с даровитостью. Он был скрытен, лукав, боялся других, он любил наслаждаться украдкой, у него была какая-то не мужская изнеженность, жалкая зависимость от мелочей, от удобств жизни и эгоизм без всяких границ, rücksichtlos ****, доходивший до наивности и цинизма» (изд. АН, т. X, стр. 240—241).

[4] Отвечая на этот вопрос (в письме, ошибочно датированном М. К. Лемке февралем 1850 г.), Гервег мелодраматически называл Герцена «палачом», копающимся с ножом в его внутренностях, объявлял, что попробует «начать новую жизнь», «погребет себя в полном одиночестве», и просил постепенно подготовить его жену к этому решению (XIV, 49—50).

---

* не человеческие пороки (лат.).
** для себя (лат.).
*** непосредственности (франц.).
**** ни с чем не считавшийся (нем.).

39

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

17 janvier[1] 1850. Paris

Cher Georges, je me proposais de vous écrire une longue lettre, et je n'ai que le temps de vous serrer la main, votre lettre que j'ai reçu hier a anéanti le mauvais effet *de la seconde*. Laissons donc cela — et s'il nous semble que tout croule — attachons-nous, et diable, en avant, sauvons-nous, sauvons les individualités.— Ecoutez, mon amitié peu tolérante s'est peut-être exprimée comme la haine — passons outre. Dans le principe j'avais raison et puissiez vous me traiter encore cent fois de frivole, vous ne le sentez pas. Et pourquoi vous ne voulez jamais vous replier sur vous-même, pourquoi lorsqu'on *vous inculpe*, censure, vous commencez tout de suite l'inculpation de l'autre. Vous parlez de la conduite d'Emma envers vous; ah, justice, justice, ne l'avez-vous pas provoquée par votre laisser-aller? Ce ne sont pas des homélies — mais des vérités, vous donniez trop à vous et rien aux autres. Cela m'insurgeait contre vous, et cela me révolte. Et vous pouvez me taxer de doctrinaire comme vous voulez, mais je sais qu'il existe une catégorie de la mesure, laquelle dépassée, on est hors de la réalité. Cet état — hors de la réalité — est apprécié comme un état supérieur, poétique, cataleptique — tout cela n'a pas le sens commun. Oui, mon opinion est superficielle, parce que la substance de la chose est à sa superficie.

Comment pouvez-vous penser que moi je voudrais vous chercher chicane ⟨de ce⟩ que vous vouliez rester libre quelques mois? Mais je vous cherche chicane parce que vous n'avez rien fait ⟨de⟩ ce que la simple humanité exigeait. Vous pensez qu'on peut dire à une femme: «Attends un an, je te repermettrai de m'aimer», mais c'est de la tyrannie. Au lieu de cela dites-lui que vous voulez rester seul, vous concentrer, cela se comprend.

Vous avez tant soit peu joué avec les individualités — avec votre amour sincère, grand — vous donniez l'air d'un égoïsme insupportable.

Je me révoltais contre cela maintes fois. Pensez-vous que les petites choses m'échappent? Je voyais avec tristesse, prévoyant des malheurs, comme vous et en partie Natalie (si réelle au fond) développiez ces théories d'un idéalisme, d'un romantisme *sui generis*, et qui m'offensaient encore plus, parce que je ne voyais, moi, rien de ces choses excentriques dans votre caractère.

Et bien je n'ai pas même le temps de relire ma lettre; je vous dis encore une fois, oui, j'ai mérité la sympathie que vous m'aviez donnée, oui, je vous tends la main à une plus ample explication — *et je prends un engagement solennel* de venir *en tout cas* et où vous vous trouviez, pour en reparler si vous le désirez. Dans ma vie j'ai eu deux rencontres peut-être plus profondes que la vôtre — celle d'Og⟨areff⟩ et de Nat⟨alie⟩ — pensez-vous que je sois assez frivole pour pouvoir vous abandonner?[2]

Перевод:

17 января[1] 1850 г. Париж

Дорогой Георг, я собирался писать вам длинное письмо, но времени у меня хватает только на то, чтобы пожать вам руку. Ваше письмо, полученное мною вчера, сгладило дурное впечатление *от второго* из ваших писем. Итак, оставим это, а если уж мы думаем, что все кругом рушится — сплотимся, и вперед, чёрт возьми, давайте спасать себя, спасать отдельных людей. Послушайте, возможно, что моя дружба, далекая от терпимости, походила на ненависть — забудем это. По существу же я был прав, и называйте меня хоть сто раз вздорным, вы сами этому не верите. И почему вы никогда не хотите оборотиться на себя самого, почему, когда *вас обвиняют*, критикуют; вы тотчас принимаетесь бросать обвинения другим. Вы говорите о поведении Эммы по отношению к вам; ах, будем же справедливы, будем же справедливы —

не вы ли толкнули ее на это своим небрежением? Это не нравоучение, а истинная правда, вы слишком много брали, ничего не давая другим. Все это меня возмущало и восстанавливает против вас. И вы можете, сколько вам угодно, обвинять меня в доктринерстве, я знаю, что существует мера вещей, переступив которую оказываешься вне реальной действительности. Такое состояние — вне действительности — расцени-

ДОЧЬ ГЕРЦЕНА ТАТА
Дагерротип, начало 1850-х гг.
«Пражская коллекция»
Центральный архив литературы и искусства, Москва

вается как состояние высшее, поэтическое, каталепсическое, — а все это лишено здравого смысла. Да, моя точка зрения поверхностна, ибо самая субстанция предмета — на его поверхности.

Как могли вы подумать, что я стану придираться к вам, за желание пожить несколько месяцев на свободе? Я за то придираюсь к вам, что вы не удовлетворили ни единого требования простой человечности. Вы думаете, что можно сказать женщине: «Пережди годик, и я опять разрешу тебе любить меня» — но ведь это тирания. Скажите вместо этого, что вам хочется побыть одному, сосредоточиться — это понятно.

Вы немножко кокетничали кой перед кем своей искренней большой любовью, а создавалось впечатление нестерпимого эгоизма.

Я не раз возмущался этим. Не думайте, что я не замечаю мелочей. С грустью смотрел я, предвидя несчастья, как вы, и отчасти Натали (человек в сущности очень реального мышления), развивали все эти sui generis * идеалистические, романтические теории, тем более меня возмущавшие, что я ничего такого особенно эксцентричного в вашем характере не замечал.

У меня нет даже времени перечитать письмо; так вот, еще раз повторяю, я заслуживаю вашего расположения; да, я протягиваю вам руку до более обстоятельного объяснения и *даю торжественное обязательство во всяком случае* приехать туда, где вы будете, и возобновить, если угодно, наш разговор. В моей жизни были, быть может, только две более значительные встречи, чем встреча с вами,— это с Ог⟨аревым⟩ и Нат⟨али⟩ — неужели же вы думаете, что у меня хватит легкомыслия расстаться с вами? [2]

[1] В подлиннике описка: 17 décembre (17 декабря).

[2] В ответном письме, ошибочно датированном М. К. Лемке февралем 1850 г., Гервег писал Герцену: «Ваше сегодняшнее письмо совсем ободрило меня. Это — благая весть! Впрочем, я этого ожидал и всеми силами хотел удержать Natalie. Отъезд ее привел меня в уныние. Она была единственное существо, которое умело примирять нас и поднимать нас обоих еще тогда, когда мы взваливали друг на друга вину в нашем взаимном отчуждении, когда бог весть что легло между нами. Она же оставалась столь же трезвой, как была, и вы напрасно упрекаете меня, что я вовлекал ее в какой-то романтизм». Далее Гервег упрекал Герцена в «умеренности», пользовании «очками „чистого разума“» и просил не судить его, как судят постороннего человека (XIV, 54—55).

40

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

18 janvier 1850. Paris

Vous pensez, cher Georges, ou plutôt vous ne le pensez pas, mais vous l'écrivez: «Eh quel plaisir trouvez-vous à ces vivisections»,— mais est-ce que vous ne voyez pas que mon scalpel est à double tranchant et qu'il s'enfonce autant dans ma poitrine que dans la vôtre.

Oh, que j'étais malheureux tout ce temps, vous m'avez dit dans la 2e lettre quelque chose dans le genre qu'il n'est pas beau de faire parade de ses sentiments. Qui au monde a parlé le moins de sentiment? Je suis très sobre, je suis même très candide sous ce rapport.— Et je m'abstiens, même à présent.

C'était un orage qui passa par ma poitrine — une crise, mais nous pouvons à présent, après nous avoir heurtés, commencer une seconde existence, qui, peut-être, sera basée sur une sympathie encore plus large. N'avez-vous donc jamais remarqué que chaque fois lorsque nous passâmes des soirées entières avec vous, en parlant de la politique, jusqu'aux calembours— nous étions tellement d'accord, même en disputant — que chacun dévelop⟨pait⟩ la pensée de l'autre? Et tout le contraire, lorsque les questions devenaient psychologiques, individuelles, ici nous nous heurtions toujours,— chez moi un réalism serein, un humanisme sympathique l'emportait toujours,— chez vous non. Cela serait encore une différence individuelle, mais je voyais là dessous un élément de sûreté égoïstique⟨!⟩ — qui me faisait monter le sang à la tête. Peut-être j'exagérais quelquefois — mais j'en souffrais *d'autant plus* — que j'avais déjà rencontré le même élément (sous une forme moins anguleuse et peut-être moins irritante, mais plus implacable) — dans Natalie. De vous trois — ne m'en voulez point — c'est le seul Ogareff qui ne m'a jamais froissé.

Lorsque j'ai vu que cet élément prenait le dernier temps chez vous de plus en plus racine, lorsque j'ai vu que N⟨atalie⟩ commençait à partager même la théorie — atroce (passez-moi le mot), sophistique en faveur de sa propre personne, je sentis qu'il fallait parler. Nous avons parlé à Berne. Vous

* своего рода (лат.).

m'avez confondu par les sentiments; mais d'après vos lettres je vois que vous vous échappez vous-même, vous vous sauvez de la critique, du regard dans votre poitrine—par les sentiments[1]. Vous appelez ma manière de raisonner frivole— je ne le crois pas. Regardez les résultats. Vous inculpez à présent Emma — ce n'est pas à vous de le faire. Elle a fait des imprudences, elle a outrepassé peut-être la mesure dans quelques observations etc.... mais dites, de grâce, pourquoi ne lui avez-vous pas écrit que vous cherchiez à présent de rester quelque temps seul pour vous recueillir,— elle aurait tout fait, tout souffert... Mais ce qui la rendit irritée et malheureuse c'est l'attente perpétuelle. C'est que vous n'avez donné pas une seule solution sérieuse à ses questions,—non, ce n'est pas frivolité lorsque je dis qu'une amie a au moins droit à l'attention,— et vous le sentiez aussi, mais vous ne vouliez pas vous forcer. «Ces victoires ne vous font pas de plaisir», — m'avez-vous dit à Berne.

Cher Herwegh, encore une fois, ne vous fâchez pas — mais le résultat de ce principe est tout net; il faut donc rester seul ou prendre les amis quelquefois pour quelque chose d'offensable. Vous ne m'avez jamais en rien offensé personnellement, au contraire, je voyais dans chaque mot, dans chaque geste effusion, amour. Mais je ne pouvais vous pardonner votre laisser-aller mutin avec les autres (c'est tout le contraire de la jalousie) et encore plus envers Emma. Mon dieu, mon dieu, comment cela s'est fait que je sois là entre vous deux, cela s'est fait d'une manière tellement naturelle, que je n'ai pas même eu de doute en vous écrivant ma première lettre — si j'en avais le droit ou non.

Voilà un côté. De l'autre, je vous donnais la complète absolution — pensant que vous, comme nous tous, nous soyons des êtres empoisonnés par le milieu pestiféré; moi-même je sentais que moi, en parlant, je succombais à des accès de rage qui feraient honneur à un chacal.

Ce temps était dur, il l'est encore. Il était inutile — que voulez-vous faire.

Je ne suis pas encore ni tranquille, ni bien portant, j'ai une telle excitation nerveuse, que je crains à chaque instant quelque chose, que je flaire malheur à droite et à gauche. Croyez-vous que je ne sors pas, que je ne fais rien. Cela passera.— Voulez-vous continuer, dites-moi quelques mots.— Ecrivez une lettre sympathique à Emma, oubliez les rancunes — votre mémoire est moins chargée. Et donnez votre main.

Je vous envoie la lettre de Kapp — expédiez donc la brochure sans avant-propos[2] qui restera pour la IIe édit⟨ion⟩.

Dites un mot à Kapp des autres éditions, je consens à tout — tout cela pour le moment est de la plus haute indifférence.

Перевод:

18 января 1850 г. Париж

Вы думаете, дорогой Георг, а вернее вы этого не думаете, но только пишете: «Ну, что за удовольствие можно находить в подобных вивисекциях?». Да разве вы не видите, что у моего скальпеля двойное лезвие, и он вонзается столько же в мою, сколько и в вашу грудь.

Ах, как я был несчастен все это время; во втором письме вы сказали нечто в роде того, что нехорошо щеголять своими чувствами. Да кто же меньше меня говорил о чувствах? Я очень сдержан и даже очень простосердечен в этом отношении. И воздерживаюсь даже теперь.

Это была буря, пронесшаяся в моей душе, — это был кризис, но теперь, после всех столкновений, мы можем начать иное существование, основанное, быть может, еще на более широкой симпатии. Разве вы не замечали, как всякий раз, когда нам с вами случалось вечер напролет протолковать о политике, договариваясь до каламбуров, мы были до такой степени единодушны, что, даже споря, каждый развивал

мысль другого? И напротив, стоило нам перейти к вопросам психологическим, личным, как между нами непременно возникали столкновения. У меня всегда брали верх спокойный реализм, благожелательная гуманность, у вас — нет. В этом опять-таки можно было видеть индивидуальное различие, я же угадывал за этим черствый, эгоистический элемент, от чего кровь бросалась мне в голову. Иногда я, быть может, и преувеличивал, но страдал от этого *тем сильнее*, что уже наталкивался на тот же элемент (в менее резкой и, быть может, в менее раздражающей, зато и в более непримиримой форме) у Натали. Из вас троих, не сердитесь, в одном только Ог⟨ареве⟩ ничто никогда меня не оскорбляло.

Когда я увидел, что за последнее время все больше и больше укоренялся в вас этот элемент, когда я увидел, что Натали начинает разделять и применять к себе даже самую эту (простите) жестокую софистическую теорию, я почувствовал, что надо говорить. Мы говорили в Берне[1]. Вы обезоружили меня чувствами, но по вашим письмам я вижу, что, прячась за чувства, вы бежите от самого себя, от критики, боитесь заглянуть в собственное сердце. Вы называете мои рассуждения легкомысленными — я этого не думаю. Посмотрите, что получилось. Теперь вы обвиняете Эмму, а вам ли обвинять ее? Она была неосмотрительна, может быть слишком далеко зашла в некоторых своих замечаниях и т. д. ...Но, скажите, пожалуйста, почему вы не написали ей, что вам хотелось бы теперь побыть некоторое время одному и собраться с мыслями, она бы все выполнила, все снесла. Но вечное ожидание, вот что сделает ее раздражительной и несчастной. Ведь вы не разрешили серьезно ни одного из поставленных ею вопросов. Нет, это не легкомыслие, когда я говорю, что подруга по крайней мере имеет право на внимание. Вы тоже сознавали это, но не хотели принуждать себя. «Такого рода победы над собой не доставляют вам удовольствия»,— сказали вы мне в Берне.

Дорогой Гервег, еще раз говорю, не сердитесь, но вывод из подобного принципа совершенно ясен: надо либо оставаться в одиночестве, либо признать, что и друзья все-таки способны иной раз оскорбляться. Меня лично вы никогда ничем не оскорбили, напротив, я видел в каждом слове, в каждом движении порыв, любовь. Но я не мог вам простить (что совершенно противоположно ревности) капризной небрежности по отношению к другим, а в особенности к Эмме. Боже мой, боже, как это случилось, что я оказался между вами? Все получилось как-то так естественно, что у меня и сомнений не возникло, имею ли я на то право, или нет, когда я писал вам свое первое письмо.

Такова одна сторона вопроса. С другой стороны, я готов дать вам полное отпущение, памятуя, что вы, как и все мы, люди отравленные зачумленной средой; я и сам чувствовал, как, говоря с вами, поддавался приступам ярости, которые сделали бы честь шакалу.

Тяжелое это было время. Да оно и сейчас еще не прошло. Ненужное время. Но что поделаешь?

Я еще не успокоился и не поправился, я в таком нервном возбуждении, что поминутно чего-то опасаюсь, жду несчастья и справа и слева. Поверите ли, я совсем не выхожу и ничего не делаю. Это пройдет.— Если хотите продолжить разговор, черкните мне несколько слов.— Напишите ласковое письмо Эмме, забудьте обиды — ваша память ими меньше обременена. И дайте руку.

Посылаю вам письмо Каппа. Отправьте же брошюру без предисловия[2], оно останется для второго издания.

Черкните словечко Каппу о других изданиях. Я на все согласен — все это теперь для меня совершенно безразлично.

[1] Описание «бернской встречи» см. в V части «Былого и дум» (изд. АН, т. X, стр. 253—254). См. о ней также ниже, в обзоре писем Н. А. Герцен к Гервегам.

[2] Предисловие «Vom anderen Ufer» должен был написать Гервег; это намерение он, однако, не осуществил.

41

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

22 janvier 1850. Paris

Je vous embrasse de tout mon cœur pour votre lettre, cher Georges; je l'ai lu, relu, oui, oui, *nous restons, nous resterons* ce que nous sommes — amis... bessons.— Je le jure!

Rien n'est décidé par moi, rien n'est rompu entre nous... une maladie terrible a traversé nos cœurs, nous avons beaucoup souffert, mais les forces reviennent, mais il fait plus clair... A bas la maladie, et vive la santé!

Une seule chose doit vous paraître étrange — je m'en veux ⟨!⟩ vous l'expliquer — et prenez cela pour le plus grand témoignage de mon amour pour vous, parce que ordinairement j'aime beaucoup mieux me taire que de parler de pareil sujet.— Votre seconde lettre m'a beaucoup chagriné, il y avait une telle injustice dans l'ironie même, que j'en étais blessé. En même temps que je voyais à vue d'œil la désolataion, le désespoir d'Emma (vous avez parfaitement tort en disant qu'elle m'avait influencé, et quelle autre influence pourrait-elle avoir, que l'influence d'un fait, qu'on voit et qu'on accepte parce qu'il est vrai) — par lequel je vous voyais emporté comme par je ne sais quel «*bufera infernale*»[1]— à vous détruire au nom de l'amour, en même temps toute la correspondance de ma femme avait un caractère d'aigreur, qui me faisait tressaillir au commencement et répondre avec aigreur aussi.

Cela devait prendre une fin — je proposai à Natalie de venir à Paris, *elle seule* — c'était nécessaire pour moi. Enfin, sacré dieu, croyez le moi, puisque je vous le dis.— Au lieu de cela elle vient avec les enfants; je n'ai pas voulu m'opposer à cela; d'autant plus que je suis amoureux de Tata. Mais cela a extrêmement compliqué l'affaire.

Restons jusqu'au mois de mars ou même d'avril séparés (si rien de bon ne nous ramène au № 9).

Cher Georges, ne vous trompez pas sur mon compte; non, vous n'avez pas mal placé votre sympathie,— mais je ne supporte pas quelques côtés de votre caractère.— *Mi perdoni!*

Si ma femme est encore à Zurich — je vous engage de venir avec elle à Mulhouse, même plus loin — pour avoir une entrevue, comme les deux empereurs dont le roi de Prusse faisait partie à Tilsitt. Invitez Emma de venir là (ensuite vous pouvez vous quitter pour l'accuser d'abstention). Qu'en pensez-vous, dites donc ?[2].

Eh bien, si cette lettre vous trouve à Berne ou autre part, je propose encore de venir vous voir où vous voulez, sans sortir de la France. Vous avez raison en disant qu'une *heure d'entretien*, rien qu'une heure. L'homme peut écrire seulement des généralités — et sur les généralités tout le monde est d'accord.

Répondez-moi tout de suite. Laissez votre *boudisme* contre Emma, dites-lui quelques mots, pour ne pas donner à vos amis l'exemple de férocité, qu'ils peuvent employer contre vous. Et engagez-nous à venir à Mulhouse (je n'attends que la première réponse de Péters⟨bourg⟩).

N'avez-vous pas de honte à penser que moi, je reste pour Paris...

J'ai plus que jamais d'espérance, pardonnez-moi toutes les paroles et pensées qui ont pu vous blesser — tout cela allait d'une bonne source, je vous le jure! — Vous avez raison, la vie n'est pas si simple comme on le pense. Répondez tout de suite.

Милостивому государю
Егору Федоровичу[3] Гервегу
для скорой доставки.

Перевод:

22 января 1850 г. Париж

От всего сердца обнимаю вас, дорогой Георг, за ваше письмо; я читал и перечитывал его, да, да, *мы остаемся, мы останемся* тем, что мы есть — мы друзья... близнецы. Клянусь!

Я ничего не решил, между нами ничто не оборвано... Сердца наши переболели страшной болезнью, мы много перестрадали, но силы возвращаются, стало светлее...— Долой же болезнь, и да здравствует здоровье!

Одно только должно показаться вам странным — сейчас объясню, и примите это за самое большое доказательство моей к вам любви, ибо я обычно предпочитаю молчать, нежели говорить на такие темы.— Ваше второе письмо меня очень огорчило, уже самый иронический тон его был так несправедлив, что я почувствовал себя оскорбленным. В то же время я воочию видел всю растерянность и отчаяние Эммы (вы совершенно не правы, утверждая, будто она оказывала на меня воздействие; какое воздействие могла она оказывать, кроме воздействия фактом, который видишь и принимаешь, потому что он достоверен) и видел, как этим отчаянием, словно «bufera infernale»*[1], вас влекло к гибели во имя любви. В то же время во всех письмах моей жены чувствовалась какая-то горечь, вначале вызывавшая у меня содрогание и заставлявшая меня, в свою очередь, отвечать с горечью.

Этому надо было положить конец. Я предложил Натали приехать в Париж, притом *одной* — для меня это было необходимо. И поверьте же, чёрт побери, что это так, раз я это говорю. Вместо того она приезжает с детьми; я не стал возражать, тем более, что влюблен в Тату. Но это крайне осложнило дело.

Поживем до марта или даже до апреля врозь (если только какое-нибудь счастливое обстоятельство не вернет нас в ⟨дом⟩ номер 9).

Дорогой Георг, не судите обо мне превратно. Вы отдали свою привязанность не плохому человеку, но я не выношу некоторых черт вашего характера.— Mi perdoni! **

Если жена моя еще в Цюрихе, прошу вас сопровождать ее до Мюльгаузена или даже дальше, чтобы иметь свидание подобно двум императорам в Тильзите, где присутствовал и король Прусский. Пригласите туда же и Эмму (а потом вы можете расстаться и обвинять ее в несговорчивости). Что вы об этом думаете? Отвечайте [2].

Итак, если настоящее письмо застанет вас в Берне или еще где-либо, я мог бы предложить также приехать повидаться с вами в любое место, куда захотите, но только в пределах Франции. Вы правы, говоря, что достаточно *часа беседы*, одного часа беседы. Писать человек может лишь общими местами, а общие места ни у кого не вызывают разногласия.

Отвечайте немедленно. Перестаньте *дуться* *** на Эмму, напишите ей несколько слов, чтобы не подавать вашим друзьям примера свирепости, которую они могли бы обратить против вас. И пригласите нас приехать в Мюльгаузен (я дожидаюсь только первого ответа из Петербурга).

Не стыдно ли вам думать, что я остаюсь здесь Парижа ради...

Я исполнен надежды, как никогда. Простите мне все слова и мысли, которые могли вас обидеть. Все это — из лучших побуждений, клянусь вам. — Вы правы — жизнь не так проста, как думают. Отвечайте немедленно.

Милостивому государю
Егору Федоровичу[3] Гервегу.
для скорой доставки****.

[1] Выражение из «Ада» Данте.

[2] Предложенное Герценом свидание с Гервегом в Мюльгаузене не состоялось.

[3] Герцен в шутку называл Гервега (полное имя которого было Георг-Фридрих-Рудольф-Теодор-Андреас) на русский манер — то Егором (или Георгием) Васильевичем, то Егором Федоровичем.

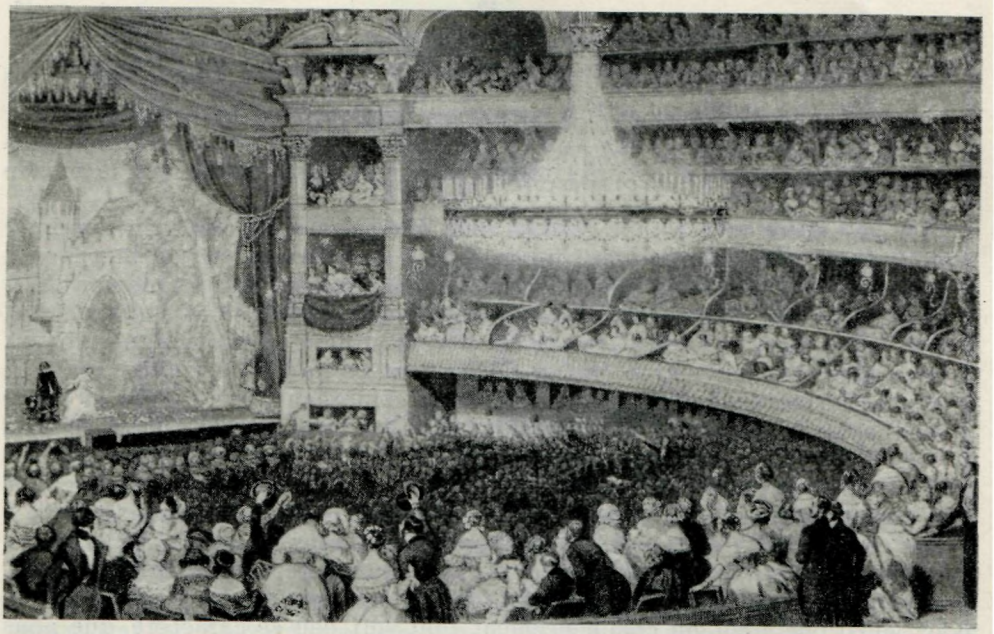
---

* «адским вихрем» (итал.).

** Извините меня! (итал.).

*** Каламбур — в подлиннике буквально: «бросьте ваш будизм» («bouder» — дуться).

**** Адрес по-русски.— *Ред.*



В ПАРИЖСКОМ ОПЕРНОМ ТЕАТРЕ

Гравюра с рисунка Э. Лами из книги: Jules Janin «L'Hiver à Paris», 1843

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗЪЕЗД В ПАРИЖСКОМ ОПЕРНОМ ТЕАТРЕ

Гравюра с рисунка Э. Лами из книги: Jules Janin «L'Hiver à Paris», 1843

42

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

24 janvier 1850. Paris

Encore une lettre de vous [1],— soyez persuadé que tout le trouble, toute la confusion qui pesait sur nous — s'en va. Nous tous, je crois, nous avons contribué à compliquer les choses simples, personne n'est fautif, tout le monde est fautif.

La correspondance a tout gâté,— quel démon m'a poussé à m'exprimer comme je l'ai fait (remarquez que *du fond* je ne rétracte pas un mot), quel autre vous a poussé — à écrire votre seconde lettre [2] et quel démon № 3 a suggéré des réponses tranchantes à froid à ma femme? [3] — J'étais avant l'arrivée ici dans un état d'irritation, j'étais profondément indigné, voyant Emma sangloter une soirée entière (dites tout ce que vous voulez, mais on pardonne beaucoup à un amour pareil [4]), je comprenais que c'était si facile pour vous de laisser la paix et la tranquillité dans son âme. Eh bien, je vous ai écrit ma lettre. Comment pouvez-vous dire qu'il y avait influence, qu'elle fit tout cela — indigne supposition, cher Georges, pour nous tous.— Ma lettre a fait un mauvais effet, les lettres de ma femme (je n'aurais jamais consenti à dire cela même à vous, mais je le dis parce que sans cela vous ne parviendrez jamais à voir clair dans l'affaire et vous continuerez à me nommer traître, inconstant, et parisophile [5], *c'est le plus grand témoignage* de mon amitié pour vous) portaient au commencement tant soit peu ce caractère que nous avions appelé en plaisantant Caligulien [6] (je vis après qu'elle ne sentait pas même tout le mal qu'elle me faisait),— j'étais malade, offensé, j'écumais de rage,— tout cela se reproduisit dans les lettres; votre troisième lettre a commencé ma guérison.— Et à présent je sens de nouveau force et clarté, et je vous tends la main et le cœur. Ne m'en voulez pas, je vous assure que j'ai beaucoup souffert tout ce temps. Figurez-vous que je ne sortais presque jamais de la chambre, que je ne faisais absolument rien.— Non, l'avenir nous revient — jusqu'à présent nous nous avions *gratis*, à présent, sortant de ce purgatoire, nous avons évalué ce que nous coûtons.— Il faut anéantir, lorsque nous nous verrons, même les lettres de ce temps triste, venimeux; il y avait des moments où je m'entraînais hors des limites, maudit soit le document qui garde la trace de ces faiblesses,— je ferai de même avec la 2 lettre [7].

A présent je veux vous proposer une nouvelle combinaison. Au lieu de la Suisse, le Sud de la France — j'ai pris des renseignements, il n'y a pas de doute qu'on pourrait aller aux îles d'H⟨yères⟩ [8] etc.— Lorsque nous en serons là, je vous écrirai comment et quoi. Bord de la mer, climat et pas de Suisse — c'était votre désir. Ecrivez-moi sur cela.

Mais... voilà le *Межуев* [9], mais il faut donc finir avec la guerre civile avec Emma.— Ecrivez que vous voulez rester quelque temps seul, ou tout ce que vous voulez. Mais en me chargeant de ces commissions, vous empirez la chose. Avec tout mon talent, il m'est impossible de faire accepter un intermédiaire, cela l'offense, l'humilie et elle a parfaitement ⟨raison⟩*. Sacré nom de dieu, laissez donc toutes les tyrannies: qu'a-t-elle fait au fond,— elle a parlé dans des moments de rage, eh bien cela équivaut à ce que vous ne lui aviez pas parlé. Ne rendez pas la vie difficile, elle est difficile *per se*.

Répondez-moi de suite à cette lettre, je vous l'envoie le 24, elle viendra à Zurich le 27, à Bern si vous y êtes le 28... 28 + 3 = 31 janvier.

Emma veut vous écrire. Ne soyez pas Caracalla [10] — et je vous assure

Ça ira!
Ça ira! [11]

---

* Рукопись повреждена.— *Ред.*

La dissolution la plus complète, le chaos le plus chaos règne ici. Lisez la *Presse*, les 1rs Paris — et vous verrez. Adieu, cher ami, et soyez sceptique en tout:

*...an der Sonne Kl⟨arheit⟩,**
*...an des Mondes ⟨Licht⟩,**
á mon amitié (quand-méme) *nicht.*

Emma me dit qu'elle ne peut pas écrire,— elle est vraiment trop souffrante — elle vous invite de venir ici, elle pense qu'une entrevue sauvera tout[12], vous pourriez vous loger rue Neuve des Augustins, elle attend une réponse avec la première poste. *Reise* ⟨1 *нрзб.*⟩ en Suisse pas difficile.

Monsieur Georges Herwegh
à Zurich.
En cas de départ envoyer à m-r, là où il est, sans délai.

Перевод:

24 января 1850 г. Париж

Снова письмо от вас[1], верьте, что и тревога, и разлад, которые угнетали нас, исчезнут. Мы все, я думаю, способствовали усложнению простых вещей, никто в отдельности не виноват, виноваты все.

Дело испортила переписка,— какой злой дух подстрекнул меня писать в таких выражениях (что касается *существа* дела, я, заметьте, не беру назад ни одного слова); какой другой подстрекнул вас написать ваше второе письмо[2] и какой злой дух № 3 внушил моей жене столь резкие и холодные ответы?[3] Перед моим приездом сюда я был в состоянии крайнего раздражения, а когда Эмма прорыдала весь вечер (можете говорить что угодно, но такой любви прощают многое)[4], я вознегодовал. Я понимал, как легко было бы вам сохранить в ее душе мир и спокойствие. Вот я и написал вам письмо. Как могли вы сказать, что тут было чье-то воздействие, что это дело ее рук? Это оскорбительное предположение, дорогой Георг, для всех нас. Письмо мое произвело дурное впечатление, а письма моей жены (ни за что не согласился бы признаться в этом даже вам, но говорю потому, что иначе вы никогда не поймете, в чем суть дела, и будете продолжать считать меня предателем, изменником и паризофилом[5],— *это самое веское свидетельство моей дружбы к вам*) вначале носили до некоторой степени тот характер, который мы в шутку называли калигулийским[6] (позже я убедился, что она даже не почувствовала всего зла, которое мне причинила); я был измучен, оскорблен, вне себя от бешенства — все это отразилось в письмах. Ваше третье письмо положило начало моему выздоровлению. Теперь я чувствую, что ко мне вернулись силы и ясность ума, и я протягиваю вам руку и сердце. Не сердитесь на меня, уверяю вас, я много выстрадал за это время. Представьте себе, что я почти не выходил из комнаты и совсем ничего не делал. — Нет, будущее возвращается нам, — до сих пор мы принадлежали друг другу gratis **, теперь же, пройдя через это чистилище, мы узнали, чего мы стоим.—Когда мы опять увидимся, нужно будет уничтожить даже письма, написанные в это печальное, отравленное время; были минуты, когда я переходил границы дозволенного, пусть будет проклят тот документ, который хранит следы моей слабости. Я сделаю то же и со вторым письмом[7].

Теперь я хочу предложить вам новый план: вместо Швейцарии — юг Франции,— я все разузнал — конечно, на Ги⟨ерские⟩ острова[8] и т. д. можно поехать.— Когда мы там будем, я напишу вам, как и что. Морское побережье, морской климат и никакой Швейцарии — таково было ваше желание. Напишите мне на сей предмет.

Однако... Межуев ***[9], однако надо, надо кончать гражданскую войну с Эммой.— Напишите ей, что вы хотите побыть некоторое время один,— словом, напишите все, что хотите. Но, давая мне такие поручения, вы только ухудшаете дело. При всем моем таланте, я не могу убедить ее допустить посредника, это ее оскорбляет, унижает,

* Рукопись повреждена.— *Ред.*
** безвозмездно (лат.).
*** Фамилия *Межуев* — написана по-русски.— *Ред.*

и она совершенно ⟨права⟩*. Чёрт побери, оставьте же ваше тиранство; а что, в сущности, она сделала? Она говорила в минуты гнева, ну что ж, это нисколько не хуже вашего молчания. Не делайте жизнь еще более тяжелой, она тяжела и per se **.

Ответьте тотчас же на это письмо, я вам отправлю его 24 числа, оно придет в Цюрих 27-го, а в Берн, если вы будете там, 28-го; 28 + 3 = 31 января.

Эмма хочет написать вам. Не будьте же Каракаллой [10] и, уверяю вас,

Ça ira!
Ça ira! *** [11]

Здесь царствуют полное разложение и хаос из хаосов. Почитайте передовые статьи «La Presse» — и вы сами убедитесь. Прощайте, мой друг, и относитесь скептически ко всему:

... an der Sonne Kl⟨arheit⟩,
... an des Mondes ⟨Licht⟩, ****
но к моей дружбе (невзирая на всё) nicht.*****

Эмма говорит, что не может писать,— она действительно очень страдает,— она зовет вас сюда и надеется, что встреча все спасет [12], вы можете остановиться на улице Neuve des Augustins, она ждет ответа с первой почтой. Reise****** ⟨*1 нрзб.*⟩ по Швейцарии не трудна.

Господину Георгу Гервегу в Цюрих
В случае его отъезда переслать безотлагательно туда,
где он находится.

[1] По-видимому, письмо без даты, начинающееся словами: «Mon cher Landry, Natalie partira demain» (XIV, 43—47).

[2] Вероятно, Герцен имеет в виду недатированное письмо, в котором Гервег ожесточенно бранил Эмму (см. XIV, 40—43).

[3] См. ниже обзор писем Н. А. Герцен к Гервегам.

[4] Гервег писал Герцену: «В душе у меня столько накопилось против Эммы, что я даже не в состоянии принудить себя что-либо отвечать ей ⟨...⟩ Да! Я серьезно сердит на Эмму: зачем она стала между нами? В эту минуту я ее просто ненавижу, столько же ненавижу, сколько люблю. Все зашаталось с тех пор, как вы виделись с нею» (XIV, 47).

[5] Т. е. обожателем Парижа.

[6] Под эпитетом *калигулийский* Герцен и Гервег подразумевали, вероятно, жестокость — отличительное свойство римского императора Калигулы (12—41 н. э.). О характере переписки Н. А. Герцен и Гервега см. ниже, в приложении к настоящей работе.

[7] Письмо Гервега. См. примеч. 2.

[8] Гиерские острова—на Средиземном море, невдалеке от Ниццы.

[9] Именем этого вялого и нерешительного человека, персонажа из «Мертвых душ» Межуева (т. е. Мижуева) Герцен шутливо называл Гервега.

[10] *Каракалла* (188—217) — римский император, отличавшийся коварством и жестокостью. — В ответном письме Гервег писал: «Я не Каракалла, я не хочу подвергать сердце Эммы слишком долгому и мучительному испытанию» (XIV, 61).

[11] Припев известной революционной песни санкюлотов.

[12] В одном из своих следующих писем Гервег, по поводу намерения его жены «тащить его в Париж», писал, что боится и ненавидит этот город и почти решил не ехать туда (см. XIV, 58).

43
ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ Le 25 janvier ⟨1850⟩

En bien, je n'ai rien à vous dire pour l'instant, pressé par le temps, il est 4 et $\frac{1}{2}$, mais avec chaque jour je vois plus clairement que la bourrasque convulsive s'apaise et que des journées sereines arrivent.

C'est dommage que nous ayons perdu un mois entier dans ce pugilat— mais enfin il est passé.

Addio — attendez un peu. Tout, tout s'arrangera.

* Рукопись повреждена.— *Ред.*
** сама по себе (итал.).
*** Дело пойдет! Дело пойдет! (франц.).
**** ...к солнечному ⟨свету⟩, ...к лунному ⟨сиянию⟩ (нем.).—Рукопись повреждена.— *Ред.*
***** нет (нем.).
****** поездка (нем.).

Перевод:

<Париж.> 25 января <1850 г.>

Итак, сейчас мне нечего вам сказать, нет времени, уже половина пятого, но с каждым днем я все более убеждаюсь, что неистовый шквал стихает и наступают ясные дни.

Как жалко, что в этих кулачных боях мы потеряли целый месяц, но, наконец, он прошел.

Addio — подождите немного. Все, все уладится.

44

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

<Париж.> 26 <января 1850 г.>

Рукой Н. А. Герцен:

Мне так хотелось послать сегодня письмо вам, друг мой, — и не могла.

Жаль мне было вас оставить одного, так одного... жаль от всей души!..

Путь был труден, очень, подробности узнаете от мам<еньки>[1]. Мы приехали в полночь.

Сегодня, в то время как я собиралась к Эмме,— она пришла ко мне с Горасом и Адой. Милая, добрая Эмма! Она страшно любит вас и страшно страдает, она несчастна до крайней степени, и я не могу быть вполне счастлива, видя ее в таком положении. Я боюсь советовать что-нибудь, но *как бы* желала, чтоб все устроилось хорошо!— Эмма предлагала мне переехать к ней, но я не могу этого сделать.

Горас вырос, больше выраженья в лице. Ада очаровательна! Она не столько похожа на вас, как я думала, но необыкновенно мила.

Что вы? Как идет русский язык? Как дружба с m-me Haag? Что вы думаете делать?..

Скажите, не прислать ли вашу шубу вам? Мы бы замерзли без нее.

Прощайте пока, я еще не могу придти в себя.

Жму крепко вашу руку!

27-е <января>

Вчера вечером принесли паспорт — благодарю!

Беззаботная голова не заботилась о саке так, как вы думали. Если вы приедете сюда, привезите сак и портфель *со всем* как есть, если нет — пришлите с дилижансом. Деньги тоже привезите.

Я еще ничего не знаю, где мы будем и долго ли останемся здесь.

Тата вас обнимает крепко.

А я крепко, крепко жму вашу руку, обе... Чего пожелать вам — не знаю!

Прощайте, дорогой ученик!

Natalie

Рукой Герцена:

Le 27.— Tout le monde est assemblé dans une petite chambre—impossible d'écrire; au reste j'attends votre réponse sur ma dernière lettre. On dit ici et on le répète qu'après le mois d'avril des mesures énergiques seront prises pour éloigner les étrangers de la Suisse. Est-ce qu'il y a quelque chose de vrai ou non?[2] Env<oyez>* donc ma brochure [3] à Leipzig et ici <...> *.

Гервегу.
Если уехал — то отошлите.
Если остался — отдайте.

---

* Письмо повреждено.— *Ред.*

Перевод*:

Рукой Герцена.

27е. Все собрались в маленькой комнате — писать невозможно; впрочем, жду вашего ответа на мое последнее письмо. Здесь говорят и повторяют, что после апреля будут предприняты энергичные меры к удалению иностранцев из Швейцарии. Есть ли в этом хоть частица правды или нет ?[2] Пере⟨шлите⟩ ** же мою брошюру[3] в Лейпциг и сюда ⟨...⟩ **

Гервегу***
Если уехал —то отошлите.
Если остался — отдайте.

[1] Л. И. Гааг возвратилась в Цюрих.

[2] Швейцария в это время находилась под угрозой нападения реакционных европейских держав. Опасения Герцена объяснялись этим, а также и внутренней политикой швейцарских кантональных правительств, которые под давлением своих агрессивных соседей могли принять драконовские меры против революционных эмигрантов, чтобы избежать интервенции.

[3] По-видимому, «Vom anderen Ufer».

45

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

1 février 1850. Paris

Des maux de tête vraiment terribles ne m'ont pas permis de vous écrire: j'étais trois jours de suite malade, aujourd'hui sain et sauf, mais si cela continue, je deviendrai fou.

D'après les dernières nouvelles je commence à croire que l'affaire de ma mère sera gagnée de manière ou d'autre; tout cela me paraît à présent une question de temps. De l'autre côté la mort de Golochwastoff[1] est derechef un coup financier très lourd. Mais enfin...

Je suis très content de vos lettres. Il y manque, je dois le dire, une petite chose, et cette petite chose aurait mis fin à toutes les discussions pénibles — cette chose c'est un retour consciencieux sur vous. Là où vous ne trouvez plus un terrain ferme — vous me montrez la fatalité. Eh bien, je crois, nous sommes un peu plus maîtres et créateurs de notre vie, que cela ne paraît; et ma conviction profonde que la volonté existe pourtant, là, où il y a conscience, passion et énergie — m'engage au moins à lutter contre la fatalité.

Je n'ai pas le moindre sentiment de fiel ou même de mécontentement à présent contre vous et c'est tout amicalement que je vous répète qu'il y a une chose qui vous détériore à présent et qui vous tuera (si vous ne la tuez pas) — c'est cet amollissement de la volonté, c'est ce laisser-aller. Vous êtes trop gâté et c'est pour cela que vous vous récriez à chaque critique toute naturelle entre hommes tellement rapprochés. C'est pour cela que même dans votre dernière lettre vous coupez court à tout — en donnant pour toute réponse beaucoup d'amour, et en subjugant de cette manière l'homme froid, l'ami qui s'arroge le droit de critique. Mais cela n'est pas juste.

Vous écrivez à ma femme que vous vous sentiez capable de commencer cette nouvelle vie que nous avons rêvée. Vous parlez de l'amitié indulgente que vous m'aviez prêchée. Mais soyez donc franc, est-ce que l'indulgence ne devient (comme toutes les vertus chrétiennes) pas un sentiment pénible; là où mon existence intérieure n'est pas froissée par mon ami, par ses originalités, habitudes, passions que je ne partage pas — il n'y a pas d'indulgence à les subir,— l'indulgence commence où on est froissé... Je sais, je le sens, oui,

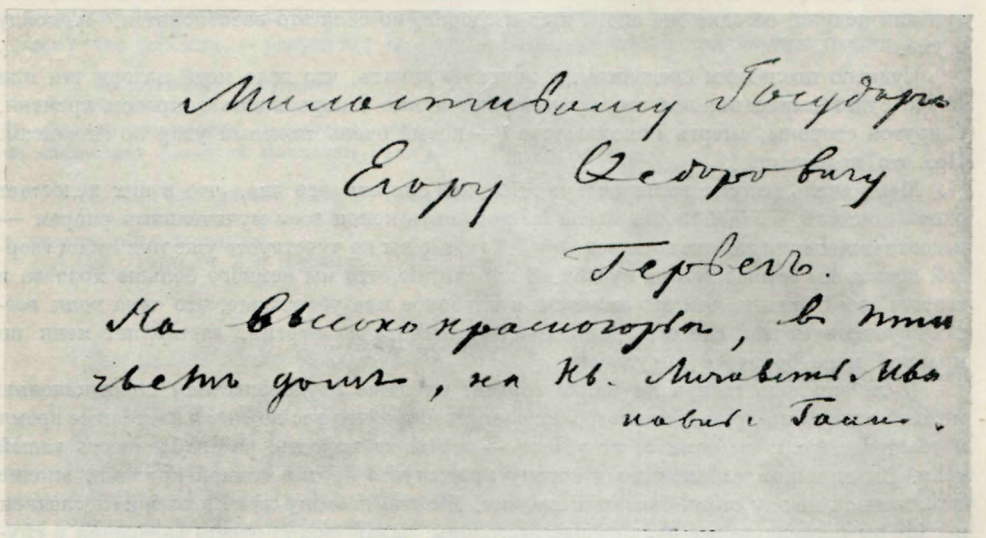
* Русский текст письма Н. А. Герцен см. выше, в основном тексте.—*Ред.*

** Письмо повреждено.— *Ред.*

*** Далее по-русски.—*Ред.*

vous pouvez par un faible effort vous rendre capable d'une vie harmonique⟨!⟩, entre 2, 3 amis — mais, ne me grondez pas, cet effort vous ne l'avez pas fait. Et lorsque je vous citai les *Bohémiens* de Pouchkine, je pensai douloureusement que nous-mêmes nous appartenons à l'Egypte et non à la terre promise [2]. Peut-être c'est un travail intérieur qui vous fait négliger le côté pratique de l'existence,— mais vous vous attribuez une part de lion, et — encore une fois — votre affection est tyrannique et capricieuse, capricieuse dans le genre féminin. Eh bien, savez-vous que c'est un élément terrible dans une vie commune?

Je comprends parfaitement (si je ne le comprenais pas par le cœur, je pourrais le comprendre par l'esprit) — comme mon raisonnement paraît


Милостивому Государю
Георгу Петровичу
Гервегъ.
На высококрасногорье, въ пятомъ
цвѣтномъ домѣ, на Кн. Лиховскомъ Ивановомъ Гаанъ.

ШУТОЧНЫЙ АДРЕС НА ПИСЬМЕ ГЕРЦЕНА К ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ
ОТ 1 ФЕВРАЛЯ 1850 г.
Британский музей, Лондон

flach, à côté de ce que vous dites de cette amitié qui couvre tout, qui ne voit rien, qui aime, aime et se réjouit dans la conscience de la sympathie. Mais pour que ce sentiment reste naïf, naturel, il ne faut pas à dessein fermer les yeux, mais il ne faut rien voir les yeux ouverts. Convenez, cher Her⟨wegh⟩, que cela serait parfaitement allemand de se faire une théorie de la non-analyse de ses amis. Tout cela ce sont des faits et d'une chose reconnue je ne sais comment — vous ne ferez pas une chose qui n'existe pas.

Et pour vous citer un exemple. Hier s'est répété une petite scène, que j'ai subi le premier jour après mon arrivée. Emma apportant votre *quatrième* lettre, sans réponse, sans un mot pour elle. Mais, dieu de dieux, suffit de prier mademoiselle Ern d'écrire l'adresse ou d'adresser la lettre à l'hôtel Mirabeau — mais pour cela il faut avoir des nerfs non seulement *subjectivement* sensibles, mais *objectivement*. Comme ma femme vous écrit de cela — cela suffit.

Passons aux généralités. La vie est insipide, flétrissante ici, on ne peut s'imaginer jusqu'où va la réaction. Pr⟨oudhon⟩ même a penché sa tête, point de lueur, point d'espérances. On va à un despotisme militaire... Il faut renoncer à la Suisse — le séjour sera trop dangereux [3], il n'y a que le midi de la France et le Cornwallis. Pensez-y — si vous n'allez pas vous pacifier

à l'Océan pacifique. Concernant votre entrevue avec Emma — et ses projets, je ne peux rien dire, elle s'abuse en pensant que tout va mieux que cela ne va.— Elle a été trop longtemps *sans rien voir* parce qu'elle aimait — le résultat n'est pas trop favorable pour vos théories.

Милостивому государю
Егору Федоровичу Гервег.
На Высококрасногорье, в птичьем доме,
на кв⟨артире⟩ Лизаветы Ивановны Гаак.

Перевод:

1 февраля 1850 г. Париж

Поистине ужасная головная боль помешала мне написать вам, я был болен целых три дня подряд, сегодня же снова жив и здоров, но если это возобновится, я сойду с ума.

Судя по последним сведениям, я начинаю думать, что дело моей матери так или иначе будет выиграно; все это представляется мне теперь лишь вопросом времени. С другой стороны, смерть Голохвастова [1] — новый очень тяжелый удар по финансам. Но, что поделаешь...

Меня очень радуют ваши письма. Должен сказать все же, что в них недостает одной малости, а эта малость могла бы положить конец всем мучительным спорам — недостает желания задуматься над собой. Там, где вы не чувствуете уже под собой твердой почвы, вы ссылаетесь на судьбу. Я же считаю, что мы немного больше хозяева и творцы своей жизни, чем это кажется; и глубокое мое убеждение, что сила воли все-таки существует там, где есть самосознание, страсть и энергия, заставляет меня по крайней мере бороться с судьбою.

Я не ощущаю теперь ни капли горечи, ни даже неудовольствия по отношению к вам, но чисто по-дружески повторяю: единственное, что вас портит в настоящее время и убьет вас (если вы сами ее не убьете) — это ваша вялость, расслабленность вашей воли. Вы слишком избалованы и потому протестуете против всякой критики, вполне естественной между столь близкими людьми. Именно поэтому даже в вашем последнем письме вы пресекаете все дальнейшие разговоры, давая вместо ответа заверения в глубокой любви и обезоруживая этим холодного человека, друга, который присвоил себе право критиковать. Это, однако, несправедливо.

Вы пишете моей жене, будто чувствуете себя способным начать ту новую жизнь, о которой мы мечтали. Вы говорите о всепрощающей дружбе, которую проповедовали мне. Но будьте же откровенны, разве всепрощение (как и прочие христианские добродетели) не становится нам в тягость? Там где мой внутренний мир не оскорбляют странности, привычки, страсти моего друга, которых я не разделяю, нет нужды во всепрощении — всепрощение начинается тогда, когда тебя оскорбили... Да, я знаю, чувствую, что при небольшом усилии вы могли бы жить гармонической жизнью в обществе двух-трех друзей, но не браните меня, вы этого усилия не сделали. Когда я цитировал вам пушкинских «Цыган», я с болью подумал, что мы сами дети Египта, а не земли обетованной [2]. Возможно, что духовная жизнь заставляет вас пренебрегать практической стороной существования, но вы всегда присваиваете себе львиную долю и, повторяю, ваша привязанность тиранична и капризна, капризна по-женски. Знаете ли вы, как это страшно в совместной жизни?

Я отлично понимаю (если бы я не понял этого сердцем, то мог бы понять разумом), какими flach * представляются мои доводы рядом с вашими рассуждениями о той дружбе, которая все оправдывает, ничего не видит, а только любит, любит и законно радуется чувству симпатии. Но, чтобы это чувство оставалось чистосердечным и естественным, не нужно намеренно закрывать глаза, но и не нужно на все смотреть открытыми глазами. Согласитесь, дорогой Гер⟨вег⟩, что это было бы чисто по-немецки — создать себе теорию непозволительности анализировать друзей. Всё это факты, а то, что так или иначе существует, вы не можете превратить в несуществующее.

* плоскими (нем.).

Приведу вам пример. Вчера повторилась сценка, которую я выдержал в день моего приезда. Эмма принесла ваше *четвертое* письмо, без ответа, без единого слова для нее! Господи боже мой, да ведь достаточно было бы попросить мадемуазель Эрн написать адрес или адресовать письмо в отель Мирабо! — Но для этого нужно иметь нервы не только *субъективно*, но и *объективно* чувствительные. Моя жена пишет вам об этом, и потому — довольно.

Перейдем к общим вопросам. Жизнь здесь пошлая, разлагающая, невозможно себе представить, до чего доходит реакция. Даже Пр⟨удон⟩ повесил голову,— ни просвета, ни надежды. Дело идет к военному деспотизму. Надо отказаться от Швейцарии, жить там станет слишком опасно [3]. Остается только юг Франции и Корнваллис. Подумайте об этом, если не собираетесь утихомириться у Тихого океана. Относительно вашей встречи с Эммой и ее проектов — ничего не могу сказать; она заблуждается, думая, что все обстоит лучше, чем на самом деле. Слишком долго *она ничего не видела*, потому что любила,— результат не совсем благоприятный для ваших теорий.

Милостивому государю
Егору Федоровичу Гервег.
На Высококрасногорье, в птичьем доме,
на кв⟨артире⟩ Лизаветы Ивановны Гаак*.

[1] Д. П. Голохвастов умер 28 декабря 1849 г.
[2] Герцен имеет здесь в виду рабство библейских евреев в Египте, до исхода их в «землю обетованную».
[3] См. примеч. 2 к письму № 44.

46

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Le 4 février 1850. Paris

Vous vous étonnez, cher Georges, toujours que moi, après avoir tant parlé de Paris, que moi j'y reste. Et moi je m'étonne tous les jours de plus comment, sans être forcé, vous vouliez à toute force aller à Paris. C'était une petite faiblesse pour la jolie demeure de la rue du Cirque, je crois [1]. Depuis que j'ai quitté Pétersb⟨ourg⟩, je ne me sentais jamais dans une atmosphère tellement malsaine et lourde — oh que je serais heureux d'être loin, très loin d'ici. Je resterai peut-être longtemps, j'accepte les nécessités, je subis les conditions que la vie impose. Après l'affaire d'argent vient la simple question où aller? C'est une chose pénible, mais comme tout marche, je ne vois que l'Angleterre. Les derniers jours ont nettement caractérisé où l'on va. Ce n'est qu'un miracle qui puisse sauver cette partie de la terre des dernières conséquences du système adopté.— Je vous conseille fortement de quitter la Suisse. Allons au Cornwallis, à Jersey...Vous vous récrierez: «Encore de nouvelles propositions!»—mais, mon dieu, ce n'est pas moi qui les invente, moi je ne fais qu'écrire sous la dictée d'une nécessité dure, inflexible. Non, la vie n'est pas un plaisir et l'homme n'est maître que dans son intérieur— je ne veux rien que la tranquillité pour une année ou deux, pour me recueillir, pour me remettre, pour commencer une autre existence. Mais pour être tranquille, la première chose pour moi est mon indépendance.

J'ai traduit le petit épilogue — et je vous l'enverrai [2].— Concernant le livre, on peut ne pas se presser, la reponse viendra en tout cas, et n'oubliez pas que Kapp a déjà imprimé les lettres [3]— donc l'effet est produit. Ici personne ne s'occupe de la littérature allemande. Kapp démeure Krebsgasse 24 à Cologne—il propose 25 louis d'or pour la seconde édit⟨ion⟩ *Vom an⟨dern⟩ Ufer* — faites tout ce qui vous semblera bon. J'ai écrit à Kapp que concernant l'argent je me rapporte à lui.[4]—P⟨roudhon⟩ est dans toute sa beauté, il est furieux de l'impuissance et veut finir en cygne, donnant pour la bonne bouche un cri de désespoir [5]; c'est votre antipode le plus complet sous le

* Адрес написан по-русски.—*Ред.*

rapport de l'activité; il travaille; il produit, il est dans un état d'excitation créatrice — je crois qu'il finira par un poème qui sera le «mané, thécel»[6].

Concernant les questions subjectives, j'en étais un peu distrait par beaucoup de circonstances — que je ne veux pas vous écrire au long. Faites comme votre cœur vous dicte, mais acceptez *la manière* que mon amitié vous propose. La manière est une grande chose, ce n'est ni la superficie, ni l'hypocrisie— c'est la forme, c'est la beauté, c'est la grâce, c'est l'humanité. Soyez sage comme un serpent, bon comme un ange — mais si vous n'avez pas le sens intime, le tact de délicatesse qui vous dit, vous avertit d'avance chaque fois lorsque vous froissez ou blessez un homme — ni la force de refouler même la velléité,—et je dirai toujours que vous avez dans votre âme un élément dur qui tôt ou tard vous forcera à rester dans une solitude complète.

Je tiens pour un malheur extraordinaire que ce temps de rupture coïncide avec ce temps le plus lourd par rapport aux finances. De manière que l'amertume vient pour Emma de deux côtés. Hier on a transporté la majeure partie des meubles. Moi, comme vous savez, je suis très loin de les plaindre, leur richesse était une faute pardonnable alors — impardonnable à présent. Je déteste le calvinisme démocratique, la saleté étudiée — mais je n'aime pas non plus le luxe des receveurs généraux, il y a un *mezzo termine* mâle. Toujours ce diable de mesure. Très possible que je radotte...

Je vous écrirai demain ou après demain. Ma femme vous a écrit, mais elle n'est pas à la maison — et quatre h⟨eures⟩ sont passées...

Adieu donc, je vous serre la main de tout mon cœur.

Егору Федоровичу.

Перевод:

4 февраля 1850 г. Париж

Вы все удивляетесь, дорогой Георг, что я, столько наговорив о Париже, остаюсь здесь. Меня же с каждым днем все больше удивляет, как это вы, ничем к тому не принуждаемый, всеми силами рветесь в Париж. Уж не слабость ли к хорошенькой квартирке на улице Cirque сему причиной[1]? С тех пор как я покинул Петерб⟨ург⟩, я еще не чувствовал себя в столь нездоровой и душной атмосфере,— о, как бы я был счастлив находиться далеко, очень далеко отсюда! Вероятно, я еще долго останусь здесь, я подчиняюсь необходимости и мирюсь с условиями, которые навязывает мне жизнь. Наряду с денежным вопросом, возникает естественный вопрос, куда же ехать? Решить это очень трудно, но, по ходу событий, думаю, что только в Англию. Последние дни ясно показали, куда все идет. Только чудо может спасти эту часть света от крайностей принятой системы. Настойчиво советую вам покинуть Швейцарию. Поедемте в Корнваллис или на Джерси... Вы завопите: «Опять новые предложения», но, боже мой, ведь не я же их выдумываю, я только пишу под диктовку суровой и неумолимой необходимости. Нет, жизнь — это не развлечение, и человек — хозяин только своего внутреннего мира — я хочу лишь спокойствия на год или на два, чтобы сосредоточиться, собраться с силами и начать другое существование. Но первое условие для моего спокойствия — это независимость.

Я перевел мой небольшой эпилог и перешлю его вам[2]. С книгой можно не торопиться, так или иначе ответ придет, и не забывайте, что Капп уже издал письма[3], стало быть впечатление произведено. Немецкой литературой здесь никто не занимается. Капп живет в Кёльне на Krebsgasse, 24. За второе изд⟨ание⟩ «С того берега» он предлагает 25 луидоров — поступайте, как найдете нужным. Я написал Каппу, что в денежном вопросе полагаюсь на него[4]. Пр⟨удон⟩ — во всей своей красе, собственное бессилие приводит его в бешенство, и он хочет кончить подобно лебедю, испустив напоследок крик отчаяния[5]. Если говорить об активности — это ваш самый яркий антипод: он трудится, создает, он в состоянии творческого возбуждения — я думаю, все завершится поэмой, которая будет его «мане, текел»[6].

Что касается субъективных вопросов, то я был несколько отвлечен от них рядом обязательств, распространяться о которых не хочу. Поступайте так, как подсказывает вам сердце, но усвойте ту *манеру* обращения, которую я вам дружески

предлагаю. Манера обращения — это великое дело, это не внешность, не лицемерие — это форма, это красота, изящество, это человечность. Будь вы мудры как змий, добры как ангел, но если у вас нет внутреннего чутья, чувства меры, деликатности, которые останавливают, предостерегают вас всякий раз, когда вы готовы обидеть или оскорбить человека, если у вас нет сил, чтобы побороть даже слабое побуждение к этому, я не перестану повторять, что в вашей душе есть какая-то черствость, а это рано или поздно приведет вас к полному одиночеству.

Я считаю ужасным несчастьем, что время семейного разлада совпало у вас и с крайне тяжелым временем в денежном отношении. Таким образом, Эмме горько вдвойне. Вчера унесли бо́льшую часть мебели. Я, как вы знаете, очень далек от того, чтобы сожалеть о ней, ее пышность была ошибкой, простительной раньше и непростительной теперь. Я ненавижу демократический кальвинизм и нарочитую неопрятность, но я не люблю также роскошь генеральных откупщиков; существует ведь mezzo termine *. Вечно это проклятое чувство меры. Очень возможно, что я говорю вздор.

Напишу вам завтра или послезавтра. Моя жена написала вам, но ее нет дома — а теперь уже пятый час.

Прощайте же, от всего сердца жму вашу руку.

Егору Федоровичу.

[1] На улице Cirque в Париже находилась роскошно обставленная квартира Гервегов.

[2] Статья Герцена «Эпилог 1849», написанная в Цюрихе 21 декабря 1849 г. и вошедшая впоследствии в русское издание «С того берега», была переведена им на немецкий язык. Она появилась почти одновременно в декабрьской книжке журнала «Deutsche Monatsschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben» за 1850 г. и в «New-Yorker Abend-Zeitung».

[3] «Briefe aus Italien und Frankreich» Герцена, появившиеся в 1850 г. в Гамбурге в издании Hoffmann und Kampe.

[4] Второе немецкое издание «Vom anderen Ufer» было запрещено цензурой и в свет не вышло.

[5] Возможно, что Герцен пишет под впечатлением письма Прудона к редактору «Voix du Peuple» Альфреду Даримону от 15 января 1850 г., которое, несомненно, стало известно Герцену от самого Даримона. Прудон писал в нем: «Мы достаточно дискутировали; реакция издевается над нами и готовится сокрушить республику: пора нам несколько видоизменить агитацию и угрозы. Если «Voix du Peuple», если республика не могут оставаться в подобных условиях, то следует выйти из этого положения возможно скорее или же погибнуть 〈...〉 Нас изрубят саблями — именно этого я и желаю. Прежде чем умереть, мы привьем, я надеюсь, всей стране яд восстания 〈...〉 К тому же, каждый день приносит мне все большее раздражение, и в этом жалком положении я не могу более находиться» («Correspondance de P.-J. Proudhon», t. III, Paris, 1875, pp. 83—84).

[6] *Мане, текел, фарес* — надпись, которая, по библейской легенде, была внезапно начертана на стене таинственной рукой во время пира у вавилонского царя Валтасара, предрекая близкую гибель ему и его царству.

47

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

6 février 1850. Paris

Vous êtes atrabilaire et courroucé jusqu'à l'injustice—eh bien, que le bon dieu vous pardonne les mots «traître», «infamie»... Vous me traitez comme l'emp〈ereur〉 Nicolas traite les insurgés, vous n'aimez pas l'opposition — je l'ai remarqué longtemps déjà. J'ai tant parlé que j'ai cru que nous sommes plus loin—retournons, ma conscience est si pure, toute ma conduite est tellement au grand jour — qu'il fallait vraiment tomber *tanto poco* dans l'hypochondrie, pour parler de la fuite, d'une rupture.

Vous m'écrivez que vous êtes quelquefois cheval sauvage—moi je suis toujours un cheval qu'on peut dompter. Savez-vous entre autre chose ce qui vous a étonné en nous, lorsque nous nous rapprochâmes — c'est l'indépendante franchise de notre amitié; savez-vous que l'étonnement se peignait sur vos traits chaque fois que vous entendiez une critique personnelle; vous

* золотая середина (итал.).

n'étiez pas habitué à cela.— Les petites observations que se permettait peut-être Emma étaient si complètement noyées dans son amour un peu fétichiste qu'elles ne pouvaient pas vous habituer à souffrir le langage d'un ami indépendant.— Je n'ai pourtant pas mesuré jusqu'où va le «*non me tangere*»[1] de votre amour-propre. A présent je le sais. Eh bien, après un mois et demie de correspondance, je vois que vous avez tout fait, tout accusé, tout analysé, à l'exception d'un retour sur vous-même, à l'exception de tomber sur une pensée très naturelle: «Je n'ai que 3 personnes au monde dont l'amour, l'amitié pour moi est au-dessus de doute, ces 3 personnes trouvent quelque chose en moi qui leur déplaît, les froisse — pourquoi donc elles se trompent...— et est-ce qu'elles se trompent?». Au lieu de cette pensée si naturelle — vous avez dit: «Mes amis sont mécontents — donc ils ne m'aiment pas, donc ils m'ont trahi...». Pourquoi trouvez-vous plus facile d'accuser en tout vos amis qu'en quelque chose vous-même? Eh bien, voilà la source de tout.— Vous qui craignez la critique, vous ne craignez pas même de soupçonner vos amis, vous vous obstinez à ne pas les comprendre — pour rester pur et les écraser sous le poids de votre amitié sans bornes. Je trouve que cela est parfaitement injuste, ou au moins que cela n'est pas votre sérieux, mais un entraînement passager. Comment, par ex⟨emple⟩, ne pas comprendre le sens de mon invitation de venir à Paris,— mais c'était un blâme, mais c'était amertume et vous l'avez pris au pied de la lettre et vous répétez la même chose — après un mois.

Comment suis-je resté à Paris? — Comment dois-je rester à Paris jusqu'à la fin de l'affaire? — Mais quand donc avez-vous vu que moi, je ne subordonne ⟨pas⟩ mes désirs aux nécessités? Je trouve que vous faites très mal en ne le faisant pas. On ne peut pas vivre sérieusement en enfants. Est-ce que vous ignorez que dès que je suis arrivé à Paris, j'ai trouvé toute l'affaire sous un autre point de vue; il fallait attendre la réponse du banquier de Péter⟨sbourg⟩ et voilà la réponse, ma mère vous le dira — eh bien, devais-je donc retourner pour 4 jours après notre correspondance, après toutes les questions... non, j'attendais l'effet de mes lettres; l'effet ne correspond pas à l'attente. Vous répétez les mêmes choses,— je suis forcé de vous rerépéter les mêmes. Cela m'est bien pénible, mais enfin... je subis aussi cela. Je vous aime beaucoup, mais je vous plains aussi, et vous ne parviendrez pas à me faire accepter (comme à Emma) vos caprices de femme. Soyons hommes, ayons le courage de la réalité — et vive l'amitié libre!

Перевод:

6 февраля 1850. Париж

В своей желчности и раздражении вы доходите до несправедливости. Да простит вам бог слова «предатель», «низость»... — Вы обращаетесь со мной как имп⟨ератор⟩ Николай с мятежниками, вы не любите, чтобы вам противоречили — я это давно заметил. Столько раз говорив об этом, я думал, что мы продвинулись уже далеко вперед; вернемся же назад, совесть моя до такой степени чиста, все мои поступки так открыты, что нужно действительно tanto poco * впасть в ипохондрию, чтобы говорить о бегстве, о разрыве.

Вы писали, будто уподобляетесь иногда дикому коню, я же — конь, которого всегда можно укротить. Знаете ли, между прочим, что удивляло вас в наших отношениях, когда мы с вами сблизились? — независимая прямота нашей дружбы. Знаете ли вы, что ваше лицо выражало удивление всякий раз, когда вам приходилось выслушивать критические суждения на свой счет? Вы не привыкли к этому.— Мелкие замечания, которые, возможно, и позволяла себе Эмма, настолько тонули в ее любви, даже слегка идолопоклоннической, что они не могли приучить вас относиться терпимо к словам независимого друга.— Однако я не подозревал, до чего доходит «non me tan-

* немного (итал.).

ЗАКРЫТИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО КЛУБА «БРАТСТВА НАРОДОВ» В ПАРИЖЕ

В этом клубе бывал Герцен

«L'Illustration» от 3 февраля 1849 г.

«...Не хотите ли сегодня... посетить... выборное собрание в Зале Братства?»
(Из письма к Георгу Гервегу от 23 ноября 1848 г.)

gere»* вашего самолюбия. Теперь я это знаю. И вот после полутора месяцев переписки я вижу, что вы все сделали, всех обвинили, все проанализировали, только себя не проверили, только не додумались до такой весьма естественной мысли: «На свете у меня есть лишь три человека, любовь и дружба которых для меня вне всякого сомнения, кое-что во мне им не нравится и задевает их,—почему бы им ошибаться... и ошибаются ли они?». Вместо этой столь естественной мысли, вы сказали себе: «Мои друзья недовольны — значит, они меня не любят, значит, они меня предали....». Почему вам кажется, что легче обвинить во всем своих друзей, нежели хоть в чем-либо себя самого? Так вот, это и есть источник всех бед.— Вы боитесь критики, а не боитесь подозревать своих друзей, вы упорно отказываетесь их понимать, чтобы самому остаться чистым, а их подавить всем бременем своей безграничной дружбы. Я нахожу, что это крайне несправедливо или, по меньшей мере, несерьезно, что это у вас мимолетная вспышка. Как, например, было не понять смысл моего приглашения приехать в Париж? Тут был упрек, была горечь, а вы поняли все буквально и повторяете то же самое месяц спустя.

Почему я остался в Париже? — Почему я должен оставаться в Париже до конца дела? — Но когда же вы видели, чтобы я не подчинял своих желаний необходимости? По-моему, вы очень дурно делаете, что не поступаете так же. Нельзя жить всерьез, играя в детей. Разве вы не знаете, что стоило мне только приехать в Париж, как все дело предстало совсем в другом свете; нужно было ждать ответа от петерб⟨ургского⟩ банкира, и вот ответ пришел, моя мать познакомит вас с ним. Так вот, нужно ли было мне возвращаться на четыре дня, после всей нашей переписки, после того как все вопросы были обсуждены? Нет, я ждал, каков будет результат моих писем; результат не оправдал надежды. Вы твердите одно и то же, и я вынужден без конца повторять вам одно

* Не прикасайся ко мне (лат.).

и то же. Мне это очень тяжело, все же... я снесу и это. Я вас очень люблю, но я вас жалею, и вам не удастся заставить меня (как Эмму) примириться с вашими женскими капризами. Будем же мужчинами, будем же смело смотреть в глаза действительности — и да здравствует свободная дружба!

[1] «*Non me tangere*» (вернее: «Noli me tangere»)—слова, по евангельскому преданию, сказанные воскресшим Христом Марии Магдалине.

48

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Le 7 février ⟨1850⟩. Paris

Votre lettre du 4[1], cher Georges, efface la précédente, et je vous assure que je ne cherche rien qu'à faire arrêter non seulement la correspondance «entredévorante», mais d'oublier les mots, d'extirper les souvenirs.— Je sais très bien mes défauts, je suis très peu tolérant et peut-être trop brusque dans la manière de m'exprimer — mais la source n'est jamais ni un caprice, ni une irascibilité subjective. Ne vous ai-je pas écrit encore avant l'arrivée de N⟨atalie⟩ — que je ne demande que de brûler les lettres[2]? Et pourtant je sens au fond de mon âme que cette avalanche devait se développer — le fardeau était pénible à porter, à rouler de Paris à Zur⟨ich⟩, de Zur⟨ich⟩ à Paris — mais soyez profond et consciencieux, tout cela avait un sens.

Je n'ai jamais désespéré de vous, mais j'étais mécontent de vous, et je vous accablais de reproches. Il y a deux jours j'en parlais avec N⟨atalie⟩ et pour me faire clairement comprendre, je lui ai dit que je me trouvais envers vous dans la même position qu'envers la France. Pourquoi je ne frémis pas de rage en lisant la gazette de Berlin, de Londres — et chaque indignité à Paris m'offense, me fait désespérer du genre humain et sévir contre toute la nation?

Ensuite je prends votre état actuel pour une maladie, peut-être nécessaire— combien de fois j'ai dit à Emma: «Mais de grâce, donnez-lui donc un peu de temps, un peu de solitude»,— demandez-la.

L'amitié n'a pas seulement une justice pour les amis, mais elle est aussi injuste, elle a des ménagements, elle a l'indulgence — tout ce que vous voulez. Comment revenons-nous donc toujours aux accusations — vous pouvez inculper de cela le ton de mes lettres — et moi le fond des vôtres.— Je tiens toutes vos lettres, eh bien de la première jusqu'à la dernière — je ne trouve *pas un mot* qui me serve de preuve que vous sentiez au moins qu'il y a quelque chose de vrai dans ce que nous disons vous concernant. Non, vous aimez, vous souffrez, vous nous accusez enfin, mais vous êtes justissime à vos yeux— vous avez un tel faible pour vous défendre, que *vous nous dites* les choses, que nous devons dire pour vous — et qui s'évanouissent tout de suite, lorsque la personne elle-même les prononce.

Mais, cher Georges, attendez donc que notre cœur parle pour vous et ne lui dictez pas. Votre candeur (que vous citez aujourd'hui)[3] devait vous dire que c'est un forfait double, si on prépare d'avance une indulgence *plenaria* pour soi-même. C'est notre affaire. Et voilà pourquoi, j'en étais étonné à Berne de la manière comme vous avez résolu la question qui nous occupait. Ne vous fâchez pas, je vous assure que je suis serein et que j'entrevois le temps où les dernières traces de ces discussions s'envoleront, eh bien ne prenez pas en mauvaise part, mais plutôt riez un peu de vous-même si je vous citais pour *Warnungsbeispiel* Robert Macaire. Vous vous rappelez comme il dit à Bertrand: «J'avais tort envers lui... mais... mais je le lui ai pardonné»[4]. Il y a de ces choses et de ces sentiments, des sentiments les plus tendres, qui ne sont beaux que lorsqu'ils vibrent dans notre âme et ne passent jamais par nos oreilles.

Vous n'avez jamais eu tort envers moi — jamais. Que voulais-je donc? Réveiller la nature énergique et large — qui se laissait aller, qui à force d'être gâtée s'est gâtée.

De vous rappeler que vous êtes homme et non femme.

De vous dire franchement qu'il n'y a pas de vie communale possible sans la complète liberté et autonomie des personnes — toute l'amitié ne suffirait pas dans un séjour où un des amis s'arrogerait le droit de plonger les autres dans une gêne morale, dans la tristesse, parce que tel est son bon plaisir. Qui appliquera la torture à une femme par nonchalance (car je vous le répète, au commencement de votre séjour à Genève vous avez eu la possibilité de faire un peu autrement),— enfin, sacré dieu, à bas les caprices et vive la facilité de l'existence, vous vous arrêtiez si souvent et bronchiez aux petites misères — vous avez traîné les heures comme des boulets aux pieds — est-ce que Nat⟨alie⟩ ne vous a pas dit la même chose?

Et bien,

Dixi.

Mais je ne veux pas *qu'il en soit ainsi.*

Pensez bien... *moi je n'écrirai plus sur ce sujet*, il est épuisé, cela deviendra répétition.

Je suis comme toujours, comme je vous l'ai écrit, tout prêt à passer une éponge sur les mots — je m'exécute même de tout ce que j'ai dit durement, cela effarouche seulement, peut-être c'est *tanto poco* la nature hyperboréenne.

Votre[5] lettre était chez ma femme et j'ai commencé à écrire la réponse après avoir lu la première feuille, elle m'apporte à l'instant la seconde partie. Certainement, j'accepte le *Tu* que je te proposai dans la première lettre de Paris[6].

Eh bien, voilà la marque et la frontière, d'aujourd'hui nous changeons le Vous en Tu. Je crois que ce n'est pas contre le commandement «ne tue pas».

La lettre suivante sera toute de détails — concernant les choses qui se font ici. A propos, Kapp a fait insérer un article me concernant et mon livre (*West-Deutsche Zeit⟨ung⟩*)[7] — extrêment mal fait, compromettant et ensuite il y a dans le même journal un extrait de mes lettres traduit dans une langue teutonique inconnue,— mais cela n'a rien de grave.

Георгию Федоровичу во швейцарском во городе Цирихе
и в таковом же кантоне

Перевод:

7 февраля ⟨1850 г.⟩. Париж

Ваше письмо от 4-го[1], дорогой Георг, искупает предыдущее, и уверяю вас, я хочу не только прекратить «взаимно-истребительную» переписку, но забыть слова, вырвать с корнем воспоминания.— Я очень хорошо знаю свои недостатки, я не отличаюсь терпимостью и, возможно, слишком резок в выражениях, но источником этого никогда не бывает ни каприз, ни личное раздражение. Не писал ли я вам еще до приезда Н⟨атали⟩, что хочу лишь одного: сжечь письма? [2] И все же в глубине души я сознаю, что эта лавина должна была обрушиться — груз оказался слишком тяжел, чтобы его нести и перевозить из Парижа в Цюр⟨их⟩, из Цюр⟨иха⟩ в Париж; но загляните же поглубже и спросите свою совесть,— ведь все это имело смысл.

Я никогда не терял веру в вас, но я был вами недоволен и осыпал вас упреками. Два дня назад я говорил об этом с Н⟨атали⟩ и, желая быть понятым до конца, сказал, что по отношению к вам занимаю ту же позицию, что и по отношению к Франции. Почему я не содрогаюсь от ярости, читая берлинскую или лондонскую газету, а каждая гнусность, имевшая место в Париже, оскорбляет меня, заставляет терять веру в род человеческий и ожесточает против всей нации?

Затем, я смотрю на ваше нынешнее состояние как на болезнь и, быть может, необходимую — сколько раз я говорил Эмме: «Да не торопите вы его, пожалуйста, дайте ему побыть в одиночестве»,— спросите ее сами.

Дружба не только воздает справедливость друзьям, но бывает и несправедлива: допускает поблажки, снисходительность — все, что хотите. Почему же мы все еще возвращаемся к обвинениям; ответственность за это вы можете возложить на тон моих писем, а я — на содержание ваших.—Передо мной все ваши письма, и что же, ни в одном из них, с первого и до последнего, я не нахожу *ни единого слова*, которое свидетельствовало бы о том, что вы чувствуете хотя бы какую-то долю истины в наших суждениях о вас. Нет, вы любите, вы страдаете, вы, наконец, обвиняете нас, но в собственных глазах вы справедливейший человек, ваша слабость — всегда защищать себя, поэтому *вы и говорите нам* то, что должны были бы говорить вам мы и что сразу теряет силу, будучи сказано о себе самом.

Но подождите же, дорогой Георг, пока наши сердца не заговорят в вашу пользу и не диктуйте им. Ваша душевная чистота (на которую вы ссылаетесь сегодня) [3] должна была подсказать вам, что заранее готовить себе отпущение plenaria * грехов — двойное преступление. Это надобно было делать нам. И вот почему меня удивило в Берне то, каким образом вы разрешили занимавший нас вопрос. Не сердитесь; уверяю вас, я спокоен и уже предвижу время, когда смолкнут последние отголоски наших споров; не примите же за обиду, а лучше посмейтесь над самим собой, если я процитирую вам, как Warnungsbeispiel **, Робера Макэра. Помните, как он говорил Бертрану: «Я был несправедлив к нему, но... но... я его простил» [4]. Есть вещи, есть чувства, самые нежные чувства, которые хороши лишь тогда, когда они звучат в нашей душе, но никогда не произносятся вслух.

Вы никогда не были несправедливы ко мне, никогда. Чего же я хотел?

Пробудить в вас человека с широкой, деятельной натурой, но который опустился, которого столько баловали, что он избаловался.

Напомнить вам, что вы мужчина, а не женщина.

Откровенно сказать вам, что никакая совместная жизнь невозможна без полной свободы и независимости личности; никакая дружба не устоит там, где один из друзей присвоит себе право морально угнетать и причинять огорчения своим окружающим только потому, что ему так угодно, где один из друзей станет мучить женщину своим небрежением (ибо, повторяю, в начале нашего пребывания в Женеве у вас была возможность поступать несколько иначе),— так долой же, чёрт возьми, капризы и да будет жизнь легка, вы слишком часто останавливались и спотыкались о всякие мелочи, вы влачили свои дни, как гири на ногах,— разве Нат⟨али⟩ не говорила вам то же самое?

Итак,

Dixi ***.

Но я не хочу, *чтобы так оставалось.*

Подумайте же хорошенько, а *я не стану больше писать на эту тему*, вопрос исчерпан, это явилось бы повторением.

Я уже писал вам, что всегда готов предать забвению сказанное, более того, я казню себя за все, что говорил грубого,— ведь это только отпугивает; возможно, в этом tanto poco **** сказывается моя гиперборейская натура.

Ваше [5] письмо было у жены, и я стал писать ответ, прочитав только первую страницу, сейчас она принесла мне вторую часть.

Конечно, я согласен перейти на *ты*, как предлагал тебе в первом письме из Парижа [6].

Вот мета и граница; с сегодняшнего дня мы меняем «Вы» на «Ты». Я полагаю, что это не противоречит заповеди «не убий» *****.

---

* полное (лат.).
** предостерегающий пример (нем.).
*** я сказал (лат.).
**** немного (итал.).
***** В французском произношении «tu» (ты) и «tue» (убей) — звучат одинаково.

В следующем письме напишу подробно обо всем, что здесь делается. Кстати, Капп напечатал обо мне и моей книге статью (в «West-Deutsche Zeit⟨ung⟩»)[7], чрезвычайно плохо написанную и компрометирующую меня; кроме того, в той же газете помещен отрывок из моих писем, переведенный на неведомый тевтонский язык,—но все это не столь важно.

Георгию Федоровичу
во швейцарском во городе Цирихе
и в таковом же кантоне *

[1] Письмо, датированное: «4. Утро» и неправильно отнесенное Лемке к апрелю (см. XIV, 67—71). В нем Гервег писал, что хочет во что бы то ни стало заключить окончательный, вечный мир, смыть все действительные и воображаемые пятна и стянуть еще крепче узы, их соединяющие, и предлагал перейти на «ты».

[2] См. выше, письмо №42.

[3] В цитированном выше письме Гервег утверждал, что, адресуя письма к Герцену на имя Эммы, он тем самым показывал ей «чистоту и невинность своей души» (XIV, 70).

[4] *Бертран*, как и *Робер Макэр* (о котором см. выше, в примеч. 2 к письму №4),— мошенник, персонаж комедии «Робер Макэр», а также карикатур Домье.

[5] В подлиннике ошибочно: «мое» («ma»).

[6] См. выше письмо № 36.

[7] Рецензия на «Vom anderen Ufer» появилась в «West-Deutsche Zeitung» по-видимому в январе 1850 г.

49

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

9 février 1850. Paris

Je ne sais comment, mais j'ai reçu une lettre de toi, datée du 3, sur l'en vel⟨oppe⟩ du 4 — et je l'ai reçue seulement hier.

C'est une mauvaise lettre. Pour te donner une preuve que c'était mon sérieux d'en finir avec la correspondance disséquente — je te renvoie ta lettre; je ne voulais même rien répondre et je n'ajouterai qu'une petite observation.

— Oui, j'ai lu tes lettres à N⟨atalie⟩.

— Oui, elle a lu tes lettres à moi.

— Les réponses n'étaient pas lues ou rarement.

Jamais nous n'avons eu de scrupule sous ce rapport. Notre habitude de partager tout ce qui n'est pas un secret personnel de quelqu'un, de parler de tout — t'expliquera comment c'est arrivé. Notre initiation dans tes affaires, notre pensée de la confiance complète que tu as pour nous deux, facilitait ces communications. Jamais je ne dirai à N⟨atalie⟩ aucun *fait* qui ne doit pas être connu — mais je montrerai à N⟨atalie⟩ *à l'avenir* comme par le passé une correspondance pathologique commencée et déroulée devant ses yeux. Moi j'ai pleine confiance, si j'écris à un véritable ami, concernant l'usage qu'il ferait de ma lettre. Un homme digne d'amitié trouvera, j'en suis certain, assez de délicatesse et de tact pour savoir ce qu'il doit lire, ce qu'il doit montrer. Moi j'ai aussi pleine confiance en moi — et jugerai moi-même sans appel ce que je dois faire avec les lettres de mes amis.

Et où est donc le critérium qui te fait apprécier où doit s'arrêter notre confiance à nous deux, entre moi et N⟨atalie⟩? Entre ces deux personnes qui, sorties ensemble dans la vie, pleins d'amour et de sympathie, traversèrent toutes les vicissitudes d'une existence de 15 ans dans une harmonie et confiance, troublés par des riens passagers, mais dont le fond n'a jamais changé l'harmonie qui est pour la première fois traîtée *à l'allemande* comme ménage ridicule dans ta lettre (que j'oublie de tout mon cœur), et qui a été au fond

* Адрес написан по-русски.— *Ред.*

complètement libre? — Mais n'est-ce pas là notre vieil ennemi, l'exclusivisme tyrannique que tu nommes l'indépendance et tant soit peu de cette dureté — que tu pardonnes le lendemain.

Nous t'acceptons sincèrement comme ami, comme frère — mais cela ne change absolument rien à notre unité. Et cela serait un malheur si cela pouvait changer.

As-tu jamais aimé une femme de toutes les amours?— Je commence à en douter.

A présent je me tais jusqu'à ta réponse sur ma grande lettre. Et je serre ta main — sans arrière-pensée aucune, parce que *j'ai dit tout* [1].

Natalie a été indignée de ta lettre et ne veut pas répondre [2].

Перевод:

9 февраля 1850 г. Париж

Не знаю почему, но твое письмо, датированное 3-м числом, а на конв⟨ерте⟩ 4-м, я получил только вчера.

Скверное письмо. Чтобы доказать тебе, что я действительно хочу покончить с этой перепиской-трупоразъятием, я отсылаю тебе твое письмо обратно; я и вовсе не хотел отвечать и ограничусь лишь краткими замечаниями.

— Да, я читал твои письма к Н⟨атали⟩.

— Да, она читала твои письма ко мне.

— Ответы не читались или читались редко.

У нас никогда не возникало сомнений по этому поводу. Привычка делиться всем, что не является чужой тайной, и говорить обо всем объяснит тебе, почему так случилось. Посвященность в твои дела, уверенность в том, что ты питаешь полное доверие к нам обоим, располагала к подобной откровенности. Никогда бы я не сообщил Н⟨атали⟩ ничего *такого*, чего она не должна была знать, — и *в дальнейшем*, как прежде, я буду показывать Н⟨атали⟩ эту патологическую переписку, которая завязалась и развертывалась на ее глазах. Когда я пишу истинному другу, я вполне ему доверяю в отношении того, как он поступит с моими письмами. Я убежден, что человек, достойный дружбы, найдет в себе довольно чуткости и такта и поймет, что́ можно читать, что́ можно показывать. Я вполне доверяю и самому себе, и сам, без посторонней помощи, могу судить о том, что я должен делать с письмами своих друзей.

И где тот критерий, с помощью которого ты определяешь предел доверия между нами обоими, между мною и Н⟨атали⟩? Между двумя людьми, которые вместе вступили в жизнь и, полные любви и сочувствия друг к другу, прошли через все превратности, прожив 15 лет в гармонии и взаимном доверии, омрачавшихся лишь мимолетными недоразумениями, что никогда, однако, не нарушало тех гармонических отношений, которые впервые в твоем письме (я от всей души хочу его забыть) трактуются чисто *по-немецки* как смешное супружество и которые, по сути, всегда были совершенно свободными.— Но не здесь ли наш исконный враг: в этом тиранническом духе исключительности, который ты именуешь независимостью, и немного в той черствости, которую ты охотно себе прощаешь назавтра.

Мы искренно готовы признать тебя своим другом, братом, но это ровно ничего не изменит в нашем союзе. И было бы несчастьем, если бы это могло что-то изменить.

Любил ли ты когда-нибудь женщину настоящей любовью? Я начинаю сомневаться в этом.

Теперь я буду молчать, пока не получу ответа на свое длинное письмо. Жму твою руку, и без всякой задней мысли, потому что *я все высказал* [1].

Натали была возмущена твоим письмом и не хочет отвечать [2].

[1] В ответном письме, ошибочно датированном М. К. Лемке мартом 1850 г., Гервег писал: «Я не привык еще отсылать обратно письма своих друзей; я сохраняю ваше, хотя и не понимаю в нем ни одного слова. Без взаимности дружба невозможна. В течение двух месяцев я подвергаюсь с вашей стороны суровой цензуре моих действий и самых интимных отношений; я не сердился и не сержусь на тебя за это — дружба, как я ее понимаю, имеет огромные права. Я думал, что, в конце концов, ты сам почувствуешь, в какое тяжелое положение ты ставишь меня, присваивая себе роль моего «ментора» и постоянно принуждая меня выслушивать твои уроки. И вот ты

сразу возмутился от первого же моего, пусть немного мефистофельского замечания, хотя в нем нет ничего *лично* оскорбительного для тебя, потому что я обобщил и применил свои слова ко *всем* людям в прошлом, настоящем и будущем» (XIV, 64).

[2] См. ниже наш обзор «Письма Н. А. Герцен к Гервегам».

50

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Le 14 février 1850. Paris

Je suis malade comme un chien (et les chiens ne sont presque jamais malades, vois-tu tel est l'homme—il rejette tout sur les animaux, sans s'apercevoir que par ex⟨emple⟩ la bestialité entre par l'homme dans la nature); ne pense pas que je sois dangereusement malade, mais d'une manière dégradante. Au commençement une bronchite, ensuite la moitié du visage enflée et mal à la gorge. Je ne peux rien manger. Et de toutes mes facultés, il ne me reste qu'une seule, c'est la possibilité de me fâcher 24 h⟨eures⟩ de suite.

Ne pense pas que j'ai l'intention de continuer nos débats fratriphages — non, l'affaire est terminée, la séance levée, ces débats ont fait leur temps; moi je pense fortement qu'ils étaient nécessaires, mais ils n'ont aucun droit à une existence éternelle. J'ai dit tout, cela ne nuit pas, et c'est profondément conforme à mon caractère. Tout dire est mon faible, j'ai été en exil — pour le tout dire, et pour le *tout* dire je cours les chances à présent de ne *rien* avoir. Les choses qu'on ne dit pas, s'envéniment, et tôt ou tard se font jour — mais d'une manière tellement convulsive que le résultat devient presque indépendant de la volonté. Dites tout ce que vous voulez—cette correspondance nous profitera; beaucoup de fois elle sera présente à ton esprit comme *aviso*, comme *Warnung*, et quoique tu sois bien loin encore de te donner à toi-même quelque tort, tu sens au fond de ton âme, j'en suis sûr, que la faute n'est

РУБКА ДЕРЕВЬЕВ СВОБОДЫ В ПАРИЖЕ

«L'Illustration» от 9 февраля 1850 г.

Производилась по распоряжению префекта полиции Карлье с целью вызвать народное недовольство и спровоцировать восстание. Однако попытка Карлье не удалась и способствовала лишь росту симпатий к демократии.

pas tout à fait à tes amis et que ni N⟨atalie⟩, ni moi, nous nous n'avons *jamais* eu l'idée ni de nous éloigner, ni de mettre des limites à notre intimité, tu le sais bien; le véritable sens de la longue correspondance est très simple — avant de nous engager définitivement, irrévocablement à une vie communale, nous avons voulu t'avertir d'un élément hétérogène que tu apportais, au milieu d'une grande et d'une véritable sympathie qui nous unissait. On en parlait quelquefois, N⟨atalie⟩ parlait même plus que moi, beaucoup avant les lettres,— une occasion réveille, augmente tout ce qui était comme demi-existant, tes réponses justifient complètement l'attaque,— et voilà comment tout cela s'est développé. Ne me parle pas de ton indulgence envers nous, envers moi; tu n'as pas eu l'occasion de la mettre en épreuve. En vérité, qu'as tu à me reprocher (non pas envers toi, mais envers tout le monde), quel est l'élément gênant, destructeur de l'harmonie, dominateur, capricieux que j'importe, moi? Je n'enchaîne rien, j'ai la plus grande facilité des relations — tout bonnement parce que je suis humain. Tu as écrit dans une des premières lettres: «Non, nous ne sommes pas si extraordinaires que je l'ai pensé»[1].— Moi, je connais notre valeur, mais je n'ai jamais pensé ni que nous sommes prodiges, ni que nous sommes monstres. Et à quoi bon, alors il fallait nous montrer comme la femme héliophobe [2].

Et bien, la clôture est décidée.— Ta main, et parlons de l'avenir, faisons des rêves.

Qui a dit que je veux aller à Londres? Peut-être j'irai même pour les affaires (concernant mon bien) passer une semaine entre Golovine et la Tamise, mais qui a jamais parlé de rester à Londres? La seule chose que je connais est une chose négative, *je ne veux pas rester ici*, sous aucune condition, et je crois que cela serait une folie d'aller en Suisse. Oh que non, je ne m'étais pas trompé dans mon aversion contre Paris, je suis plus que justifié; dès que j'aurai terminé les affaires, je quitterai Paris, c'est-à-dire, le terme le plus éloigné, c'est la fin du m⟨ois⟩ de mars.— Reste deux choses. D'aller au sud de la France, entre Cannes et Grasse, d'y louer deux petites maisonnettes, dans un même endroit, et de nous ensevelir pour une année, de ne pas nous occuper de politique que comme on s'occupe de tout, *aus Wißbegierde*,— ou de faire la même chose sur quelque littoral de l'Angleterre. Le choix ne dépend pas tout à fait de nous. Avec cela, si l'affaire du billet historique et les questions financières prennent tant soit peu un autre aspect — nous pourrions avec le temps entreprendre à deux des excursions magnifiques, même en Espagne. Eh bien, après ce repos «panthéistique», comme disait Botkine [3], — quelquefois il me semble que je retournerai en Russie; dans une année, nous n'aurons pas de république là, c'est sûr, mais l'emp⟨ereur⟩ peut aussi crever, comme un autre chien et ⟨après⟩ un laps de temps, on pourra vivre là. Lermontoff a dit: «La Russie est toute dans l'avenir» [4]; des hommes qui ont le malheur de connaître si bien, que le monde qui les entoure s'en va, doivent tourner leur tête involontairement vers le pays qui n'a pas de passé — mais qui a un avenir immense. Là on peut au moins faire quelque chose, *on peut se tromper*. Ici pas moyen.— Oh, je suis fatigué, accablé de tout ce que je vois. Les individus que je rencontre ici me font l'air d'être les frères cadets de Moritz Reichel. Il n'y avait qu'un homme—et celui-là appartiendra bientôt à l'histoire [5]. Glauben Sie, daß diese ganze greuliche Geschichte hier Sensation gemacht hat? [6] Gar nicht, nicht im geringsten. Tout ce qui est généreux, noble, n'existe pas dans la conscience de cette génération— et je doute un peu des précédentes et des futures. Nous sommes à Pétersbourg [7], et quatre généraux sont envoyés régir et gouverner la France [8]. Lis quelquefois les journaux de la réaction, pour connaître la situation. Du repos, de la tranquillité et pour cela de l'harmonie intérieure dans le petit cercle.

Envoyez donc ma brochure à Campe, même en lui la donnant en commission. Cette brochure sera vieille dans le ventre de sa mère [9]. Il faut mettre

fin et faire la césarienne, je vous en prie, et les 25 ex⟨emplaires⟩ pour moi par Franck! [10]

Tata te salue frénétiquement.

Перевод:

14 февраля 1850 г. Париж

Я болен, как собака (а собаки почти никогда не болеют, но таков, видишь ли, человек — он все сваливает на животных, не замечая, напр⟨имер⟩, того, что скотство вносится в природу человеком); не подумай, что я болен опасно, но я болен унизительным образом. Началось с бронхита, затем вздулась половина лица и заболело горло. Я не могу ничего есть. А из всех своих способностей я сохранил одну единственную — сердиться 24 ч⟨аса⟩ кряду.

Не подумай, что я намерен продолжать наши братоубийственные дебаты — нет, дело закончено, заседание закрыто, время этих дебатов истекло; я твердо убежден, что они были необходимы, но у них нет никакого права на вечное существование. Я высказал все, это вреда не приносит и это глубоко соответствует моей натуре. Говорить все до конца — моя слабость. Я был выслан за то, что говорил все, а теперь за то, что сказал *все*, рискую остаться *без всего*. Невысказанное, само себя разъедая, рано или поздно выходит наружу, но тогда уж таким судорожным образом, что последствия почти не зависят от нашей воли. Что там ни говори, но переписка эта пойдет нам на пользу; она не раз будет воскресать в твоей памяти как aviso *, как Warnung*. И хотя ты еще очень далек от того, чтобы признать за собой какую-либо вину, в глубине души, я уверен, ты чувствуешь, что вина лежит не только на твоих друзьях, что ни у Н⟨атали⟩, ни у меня *никогда* не было мысли отдалиться или установить границы для нашей близости, ты это прекрасно знаешь; истинный смысл всей длинной переписки очень прост — прежде чем окончательно и бесповоротно решиться на совместную жизнь, мы хотели предостеречь тебя от того чуждого нам духа, который ты вносил в большое и подлинное чувство симпатии, нас объединявшее. Разговоры об этом уже бывали, и Натали говорила даже гораздо больше, чем я, и задолго до писем; случай пробуждает, усиливает все то, что как бы полусуществовало, а твои ответы полностью оправдывают наше нападение. Так-то все и развилось. Не говори мне о своей снисходительности по отношению к нам, по отношению ко мне — у тебя не было случая применить ее. На самом деле, в чем ты можешь упрекнуть меня (не только по отношению к тебе, но и вообще по отношению к людям), что́ вношу я стесняющего, нарушающего гармонию, властолюбивого, капризного? Я ничем не связываю, со мной чрезвычайно легко поддерживать отношения — просто потому, что я человечен. В одном из первых своих писем ты писал: «Нет, мы совсем не так необыкновенны, как я думал» [1]. — А вот я, хотя и знаю нам цену, никогда не думал, ни того, что мы какое-то чудо, ни того, что мы уроды. Да и к чему это? Ведь тогда нас нужно было бы показывать как женщину-гелиофоба [2].

Итак, решено, прения закрыты. — Дай руку и поговорим о будущем, помечтаем.

Кто сказал, что я хочу уехать в Лондон? Возможно, что я и поеду по делам (своего имения), провести неделю между Головиным и Темзой, но кто же когда-либо говорил о том, чтобы остаться в Лондоне? Единственное, что я знаю, это нечто отрицательное — *я не хочу оставаться здесь* ни под каким видом и думаю, что было бы безумием ехать в Швейцарию. О нет, я нисколько не ошибся в своем отвращении к Парижу — я оказался более чем прав и покину Париж, как только закончу свои дела, т. е. самое позднее — в конце марта. Остается одно из двух: ехать на юг Франции, куда-нибудь между Каннами и Грассом, нанять там, и в одном и том же месте, два домика, похоронить себя на год и заниматься политикой не больше, чем всем остальным, только из Wißbegierde**, — или проделать то же где-нибудь на английском побережье. Выбор зависит не только от нас. При всем том, если дело с пресловутым билетом и финансовые вопросы примут несколько иной оборот, мы могли бы со временем предпринять вдвоем чудесные путешествия, даже в Испанию. Ну, а после такого, как говорил

* предупреждение, предостережение (итал. и нем.).
** любознательности (нем.).

Боткин, «пантеистического» отдыха [3] — иногда мне кажется, что я вернусь в Россию; через год у нас там еще не будет республики, это несомненно, но имп⟨ератор⟩, как и всякая собака, может околеть, и тогда, спустя некоторое время, там можно будет жить. Лермонтов сказал: «Россия вся в будущем» [4]; люди, имеющие несчастье так хорошо сознавать, что окружающий их мир умирает, должны невольно оборотиться к стране, у которой нет прошедшего, зато есть огромное будущее. Там, по крайней мере, можно что-то делать, *можно обольщаться*. Здесь же — это невозможно.— Ах, как же я утомлен, удручен всем, что вижу. Личности, с которыми я здесь встречаюсь, кажутся мне младшими братишками Морица Рейхеля. Был только один единственный человек, да и тот скоро станет достоянием истории [5]. Вы думаете, что вся эта отвратительная история вызвала здесь сенсацию?[6] Нисколько, ни малейшей. У нынешнего поколения нет за душой ничего великодушного, благородного, да и прошедшие и будущие вызывают у меня некоторые сомнения. Мы словно в Петербурге[7], и четыре генерала посланы вершить судьбу и править Францией[8]. Читай изредка реакционные газеты, чтобы знать обстановку. Нам нужен отдых, покой, а для этого нужна внутренняя гармония в нашем маленьком кружке.

Пошлите же мою брошюру Кампе, можно даже на комиссию. Брошюра эта состарится во чреве матери[9]. Надо положить конец, надо сделать кесарево сечение, прошу вас об этом, и 25 экз⟨емпляров⟩ для меня через Франка![10]

Тата тебе неистово кланяется.

[1] Герцен имеет в виду следующие строки из письма к нему Гервега: «Я всех нас считал более крупными, сильными и исключительными людьми, чем мы оказались на самом деле» (XIV, 48).

[2] *Женщина-гелиофоб* — вероятно, один из атракционов, демонстрировавшихся в это время в Париже.

[3] Василий Петрович *Боткин*.— В «Былом и думах», характеризуя книжное отношение к жизни, царившее в московском гегельянском кружке 1840-х годов, Герцен писал: «Все *в самом деле* непосредственное, всякое простое чувство было возводимо в отвлеченные категории и возвращалось оттуда без капли живой крови, бледной алгебраической тенью ⟨...⟩ Человек, который шел гулять в Сокольники, шел для того, чтоб отдаваться пантеистическому чувству своего единства с космосом» (изд. АН, т. IX, стр. 20). В этой характеристике Герцен имел в виду главным образом Боткина.

[4] Высказывание Лермонтова: «У России нет прошедшего: она вся в настоящем и будущем» (из записной книжки, 1841).

[5] *Один-единственный человек* — по-видимому, П.-Ж. Прудон. В примечании к статье «Донозо Кортес...», напечатанной в № 167 «Voix du Peuple» от 18 марта 1850 г., Герцен писал: «Я знаю только одного французского писателя, который освободился от традиционных влияний, который не боится неопровержимых выводов логики и который не отступает ни перед какой истиной, предстоящей, как дедукция, — это Прудон» (изд. АН, т. VI, стр. 529). Это примечание не попало в русские издания «С того берега». Слова Герцена, что Прудон «скоро станет достоянием истории», означают, вероятно, что реакционное французское правительство расправится с Прудоном.

[6] Намек на ухудшение тюремного режима Прудона во время его заключения.

[7] Разгул реакции во Франции напоминал Герцену режим русского царизма.

[8] Приказом французского правительства пятьдесят департаментов Франции и девять военных округов были отданы в распоряжение четырех генералов, которые в случае каких-либо революционных выступлений могли объявить Францию на военном положении, а также произвести государственный переворот.

[9] Книга «Vom anderen Ufer». В одном из своих недатированных писем Гервег писал: «Книга ваша будет послана на этой неделе. Но нужно сначала пустить пробный шар. Теперь не так-то легко посылать книги из Швейцарии в Германию; во всяком случае, их надо посылать через Баварию, а не через Пруссию. Впрочем, окончательного ответа от Кампе насчет «С того берега» еще нет. Если Капп послал вам его, то перешлите мне» (XIV, 56). 20 февраля он же сообщал Герцену: «Твоя брошюра *будет* послана на этой неделе (в твоем распоряжении останутся 200 экземпляров). Экземпляры для Парижа посланы. Эмма привезет тебе роскошные экземпляры» (XIV, 59).

[10] *А. Франк* — парижский издатель и книготорговец, в дальнейшем занимавшийся продажей герценовских изданий.

51
ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Le 17 février 1850. Paris

Cher Ulysse, Pénélope va te chercher.— *Tempora mutantur*, et l'*Odyssée* doit être lue *vice versa*[1].

Emma te dira que j'étais de l'opinion opposée, que je proposais de te laisser, comme tu le voulais, un peu te concentrer[2]— mais j'y étais obligé de jouer mon éternel rôle de prosaïste, de modérateur, de cunctateur — je parlais raison là où parlait la passion. Je suis enfin un pauvre sire... enfoncé par l'amour d'Emma, à laquelle je dois céder comme à une force — sans même avoir la nécessité de la comprendre ou la faculté!

Si tu lis les journaux tu sais bien ce qui se passe ici — enfin toutes les limites sont dépassées[3]. C'est un typhus social, c'est la gangrène et l'imbécillité — et j'ai diablement raison, par malheur. Je voyais encore couleur rose — la réalité surpasse de beaucoup.

J'irai chercher une place pour Emma et je t'ajouterai encore où et comment.

Рукой Н. А. Герцен:

Nous sommes gais et heureux de voir Emma si heureuse de votre invitation, elle est rajeunie, embellie. Elle nous promet de vous amener à Paris, j'en serais enchantée si je ne craignais pas... etc.— J'ai un volume de Пушкин *magnifique!* Mais je ne vous l'envoie pas, ne sachant pas si vous venez ou restez.

Donc dans l'avenir *deux petites maisonnettes* au sud de la France...— Si nous sommes capables *intérieurement* d'une existence harmonieuse — qu'est-ce qu'on peut demander encore à Ζωή?.. Représentez-vous si Ogareff et Natalie viennent encore compléter notre petite commune, sainte commune... oh, ce serait si beau, si beau, si beau!!! Tous les jours j'aime plus Horace, c'est un charmant enfant. Ada — j'ai toujours envie de l'écraser ou de la claquer. Tata regarde et caresse de temps en temps votre lettre et me demande: «Pourquoi donc Herwegh ne m'écrit plus?» Qu'est-ce que je dois lui répondre?

Ecrivez-nous de suite de vos projets. Je me dépêche de vous embrasser avant qu'Emma ne soit auprès de vous.

C'est dimanche aujourd'hui, seconde représentation... l'autre jour la *Voix du Peuple* n'a pas fait trop grande attention à moi à cause du mal à la gorge (mis au secret Proudhon)!!! je m'admire moi-même!..[4]

J'attends encore commencer le russe avec Horace — je ne sais pas pourquoi... Adieu donc; peut-être au revoir!

N.[5]

Рукой Герцена:

Dites donc, avez-vous enfin envoyé la brochure ou non, et à quoi ça tient. Je ne comprends rien.

Emma part avec la malle-poste le 19 à 1 heure.

Егору Федоровичу Гервег[6].

Перевод:

17 февраля 1850 г. Париж

Дорогой Улисс, Пенелопа отправляется к тебе.— Tempora mutantur *, и «Одиссею» нужно читать vice versa **[1].

Эмма тебе расскажет, что я был другого мнения и предлагал дать тебе, как ты того хотел, немного сосредоточиться[2], но тут я был вынужден играть мою вечную роль прозаического человека, умиротворителя и кунктатора; я рассуждал здраво там, где говорила страсть. Но я ведь только жалкий человек... и подавлен любовью Эммы к тебе, которой должен уступить, как некоей силе, даже не чувствуя ни нужды, ни способности ее понять!

Если ты читаешь газеты, то хорошо знаешь, что̀ здесь происходит,— словом, перейдены все границы[3]. Это социальная чума, гангрена и слабоумие — к несчастию,

* времена меняются (лат.).
** наоборот (лат.).

я чертовски прав. И все же я смотрел еще сквозь розовые очки — действительность намного страшнее.

Иду за билетом для Эммы, а потом припишу, где и как ее устроил.

Рукой Н. А. Герцен:

Мы счастливы и рады, видя, как радуется Эмма вашему приглашению, она помолодела, похорошела. Она обещает привезти вас в Париж, я была бы в восторге от этого, если бы не боялась... и т. д. У меня есть *великолепный* том сочинений Пушкина*. Но я не посылаю его вам, потому что не знаю, приедете ли вы или останетесь.

Итак, в будущем — *два маленьких домика* на юге Франции...— Если мы *внутренне* окажемся способны к гармонической жизни, то что же можно еще просить у Ζωή **. Представьте, а вдруг Огарев и Натали приедут к нам и еще пополнят нашу маленькую коммуну, нашу святую коммуну... о, это было бы так прекрасно, так прекрасно, так прекрасно!!! С каждым днем я все больше люблю Гораса, это очаровательный ребенок. Аду же мне всегда хочется потискать или пошлепать. Тата время от времени смотрит на ваше письмо, гладит его и спрашивает: «Почему Гервег мне больше не пишет?» Что же мне ей ответить?

Напишите нам тотчас же о всех ваших планах. Спешу вас обнять, пока подле вас нет Эммы.

Сегодня воскресение, второе представление... намедни «La Voix du Peuple» не уделила мне особого внимания — болело горло (Прудон посажен в одиночку)! Я восхищаюсь собою!..[4]

Я все еще не начала заниматься русским языком с Горасом — не знаю, почему... Прощайте же, а может быть, до свидания!

Н.[5]

Рукой Герцена:

Напишите же, отправили вы, наконец, брошюру или нет, и в чем тут дело. Я ничего не понимаю.

Эмма отбывает с почтовой каретой 19-го, в час дня.

Егору Федоровичу Гервегу[6].

[1] Герцен шутливо сообщает Гервегу о выезде к нему Эммы, которая, в противоположность героине гомеровской «Одиссеи», не оставалась дома в ожидании мужа, а сама отправилась к нему.— Ответ Гервега, ошибочно датированный М. К. Лемке мартом 1850 г., — см. XIV, 56—59.

[2] Гервег в своих письмах к Герцену неоднократно выражал желание «отдохнуть» некоторое время от жены, пожить одному.

[3] На следующий день после отправления публикуемого письма, в газете «Voix du Peuple» появилась передовая статья, озаглавленная «Правда о настоящем положении», в которой мы встречаем следующие строки: «Здесь проводятся самые энергичные репрессии. Запрещено произносить слово социализм. Как требует этого сегодня утром одна из контрреволюционных газет, каждое выступление против привилегии капиталистов приравнивают к воровству. Позорят, наказывают, как убийц и поджигателей, граждан, которые выступают или пишут в защиту права. Царит террор...».

[4] Смысл этих строк Н. А. Герцен — неясен. Материалы, которые могли бы иметь какое-нибудь отношение к ней, в «Voix du Peuple» нам обнаружить не удалось. Вероятней всего, что эти строки написаны под диктовку Герцена. На болезнь горла жаловался именно Герцен в предыдущем письме.

[5] О характере приписок Наталии Александровны к письмам Герцена, обращенным к Гервегу,— см. ниже, в нашем обзоре.

[6] На другом конверте, также находящемся при этом письме, надпись Герцена: «Его высокоблагородию Егору Федоровичу».

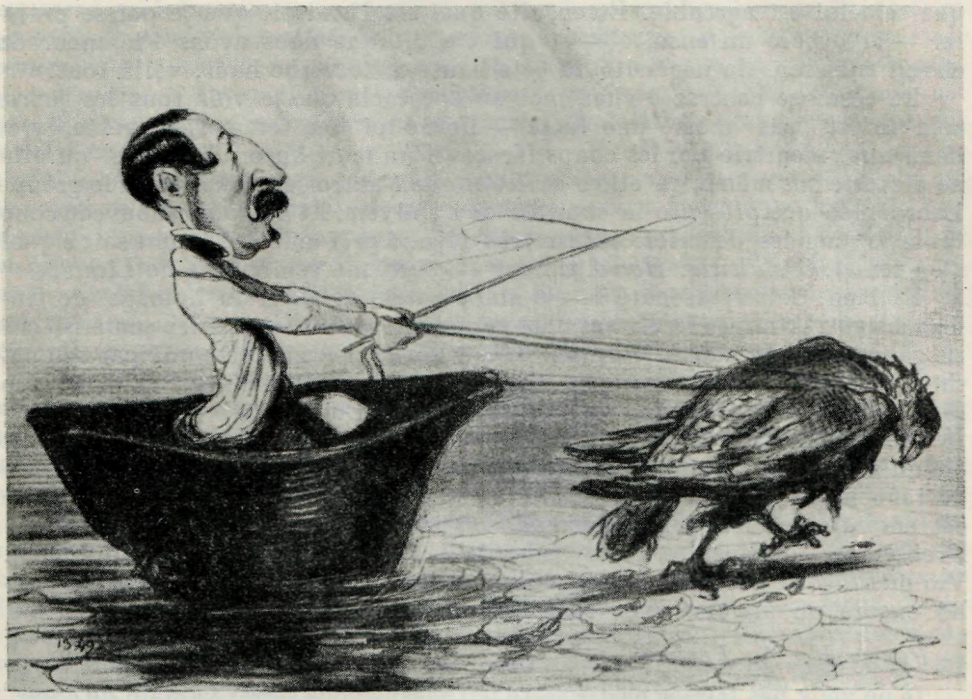
52

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

18 février 1850. Paris

Cher Georges — finissons, finissons-en sincèrement et pour toujours, au moins pour longtemps avec notre procès mutuel.— Point de récriminations,

* Слово «Пушкина» — по-русски.
** жизни (греч.).



КАРИКАТУРА НА ЛУИ-НАПОЛЕОНА ИЗ «CHARIVARI». ГЕРЦЕН ВНИМАТЕЛЬНО СЛЕДИЛ ЗА ЭТИМ ЖУРНАЛОМ И ЗА ПАРИЖСКИМ САТИРИЧЕСКИМ ЛИСТКОМ «JOURNAL POUR RIRE»

«Charivari» от 14 февраля 1850 г.

«...читай же „Le Charivari" не плох, и „Journal pour rire"» (Из письма к Георгу Гервегу от 26 марта 1850 г.)

point de réponses. Je suis triste, peut-être je transgressais les limites sous le joug d'une hypochondrie qui s'empare quelquefois de moi, d'autant plus qu'elle est tout à fait contraire à mon caractère — lucide et égal. Il n'est pas beau de nous enfoncer dans cette analyse subjective lorsque nous sommes témoins de cette tragédie sombre qui va engloutir tout le monde.

Dès que j'eus lu les premières lignes de ta dernière lettre [1], je sentis une douleur aiguë — comment continuer, cont nuer... je me suis arrêté et avant de finir ma lecture je t'écris cette lettre... Je lirai après. Donne ta main — et pas un mot Tu sais ce que je voulais, je voulais entre autres te réveiller, te faire secouer quelques mauvaises habitudes qui ne se cadrent pas avec le *Grundton* de ton âme, je le voulais parce que je sentais qu'avec ce pli il y aura une note sifflante, disharmonieuse. J'ai osé m'ériger en juge, sévir contre toi — tu m'en a donné le droit: lorsqu'on se dit frère, ami... on a, on sent qu'on les a, des droits si incontestables. Peut-être j'en ai usé sans ménagement — mais le but était pur et tout amical pour toi.

Non, il ne faut pas s'amollir, nous avons un temps rude à vivre, ce n'est qu'à présent que commence la débâcle véritable, eh bien, je deviens stoïcien, advienne ce qui pourra.

Aux côtes de l'Angleterre, à New-York, au Sud de la France, en Espagne, à Alexandrie enfin — je suis prêt à tout; à Paris je ne veux pas rester pour rien au monde, dès que l'affaire de ma mère s'arrangera, je partirai. Emma te ⟨le⟩ racontera plus en détails.— Et tu écris à Emma: «Si H ⟨erzen⟩ trouve assez d'abnégation pour choisir un endroit possible pour moi...». Mais si c'était de l'abnégation à quoi bon alors rester ensemble, quelle est donc cette abnégation qui fait que l'homme fait parce

que cela lui est agréable. Et ensuite quel est l'endroit que je puisse préférer — et encore un ensuite — et qui t'a dit que nous avons l'honneur du choix; subissons la nécessité la tête haute et le verbe haut, voilà tout.

Le cœur se contracte chez moi au spectacle que je vois tous les jours, cela n'est pas même une lutte — figure-toi une femme échevelée, ivre, demi-nue, meurtrie par les coups féroces d'un mari butor, figure-toi qu'elle ne proteste pas même, qu'elle s'avilit et que l'autre continue, voilà le groupe Laocoonien que présente la capitale de l'Univers. Et à chaque nouveau coup les amis stupides de crier: «C'est très bien, à présent cette femme sait à quoi s'en tenir». *O stultitia. Homo sapiens* — c'est une espièglerie de Linné.

Et bien, Colas persécuté [2] — o noble patrie de Tell, du fromage, de Rufenacht et d'Almeras [3]. Et ces lâches pensent qu'en faisant les commissions ils gagneront leur cause. Pardon. Il n'y a que l'Angleterre qui par sympathie (les deux Chines s'aiment comme de raison) — sauvegarde encore la république qui sert de maison de police pour l'Europe.

Concernant mon livre [4], envoyez-le en commission chez Campe. Le fait est qu'à present toutes ces choses qui avaient quelque mérite de nouveauté deviennent de jour en jour banales — et pourquoi donc voulons-nous faire cet enfanticide? Kapp m'a demandé où vous demeurez. Lui, il dem⟨eure⟩ Krebsgasse, 24. Ensuite ènvoyez ici de 25 à 50 ex⟨emplaires⟩ pour Franck. Vraiment, cette brochure me dégoûte, à force de rester à Zurich. Kapp a publié encore un article, avec compliments qui me compromettent [5].

Рукой Н. А. Герцен:

Je ne veux pas laisser partir cette lettre sans vous serrer la main de cœur, de tout mon cœur, cher, excellent ami! Ecrire — je ne puis pas. Je rêve toujours de notre vie vagabonde que nous mènerons ensemble — la mer, le ciel bleu, les oliviers...

A vous Natalie

Выбор облаток мой.

Перевод:

18 февраля 1850 г. Париж

Дорогой Георг, покончим, покончим искренне и если не навсегда, то хотя бы надолго, с нашей взаимной тяжбой.— Не надо упреков, не надо возражений. Мне грустно; быть может, я нарушил границы дозволенного под влиянием ипохондрии, которая иногда овладевает мною, и тем сильнее, что она совершенно чужда моему веселому и ровному характеру.— Нам, свидетелям мрачной трагедии, которая грозит всеобщей гибелью, нехорошо углубляться в такой самоанализ.

Едва я прочел первые строки твоего последнего письма [1], как почувствовал острую боль — можно ли продолжать, продолжать... я остановился и, не прочитав письма до конца, пишу тебе... Я дочитаю его после. Дай руку, и ни слова больше. Ты знаешь, чего я хотел: я хотел, помимо всего прочего, разбудить тебя, заставить стряхнуть с себя кой-какие дурные привычки, не соответствующие Grundton'у* твоей души, я этого хотел, ибо чувствовал, что они внесут резкую фальшивую ноту. Я осмелился взять на себя роль судьи, выступить против тебя — ты дал мне на это право; когда люди назвались братьями, друзьями... они имеют, и чувствуют что имеют, на это совершенно неоспоримое право. Быть может, я пользовался им бесцеремонно, но с бескорыстной и дружеской целью.

Нет, нам нельзя разнеживаться, мы живем в жестокое время, сейчас-то и начинается настоящий разгром, и вот я становлюсь стоиком, будь что будет.

На побережье Англии, в Нью-Йорк, на юг Франции, в Испанию, в Александрию, — словом, я готов на все; но в Париже я не хочу оставаться ни за что на свете. Как только дело моей матери уладится, я уеду. Эмма тебе расскажет обо всем этом подробней.— А ты еще пишешь Эмме: «Если Г⟨ерцен⟩ найдет в себе достаточно самоотвер-

* основному тону (нем.).

женности, чтобы подыскать приемлемый для меня уголок...». Но если бы это было самоотвержением, то зачем же тогда оставаться вместе; какое же это самоотвержение, если человек делает то, что ему приятно? И потом, что это за уголок, который я могу предпочесть другому, и еще одно «потом» — кто тебе сказал, что мы имеем почетное право выбора; подчинимся же необходимости, не склоняя голову и не приглушая голоса.

У меня сжимается сердце при виде того, что происходит вокруг изо дня в день. Это даже не борьба: представь себе растрепанную, пьяную, полуголую женщину, всю в синяках от жестоких побоев своего грубияна-мужа, представь себе, что она даже не протестует, что она терпит это унижение, а тот не унимается,— вот такой Лаокооновой группой выглядит столица вселенной. И при каждом новом ударе безмозглые друзья подстрекают: «Прекрасно, теперь эта женщина будет знать как себя вести!». O stultitia!* Homo sapiens** — лишь озорная выдумка Линнея!

Итак, Колю преследуют[2] — о благородная родина Телля, сыра, Руфенахта и Альмераса[3]. И эти подлецы думают, что, выполняя подобные распоряжения, они что-то выиграют. Прошу прощения. Одна только Англия из сочувствия (понятно, что два Китая любят друг друга) защищает еще республику, которая служит полицейским участком для всей Европы.

Что касается моей книги[4], то пошлите ее на комиссию Кампе. Дело в том, что теперь все те высказывания, скромная заслуга которых состояла в новизне, день ото дня становятся все более и более банальными—зачем же нам идти на сие детоубийство? Капп справлялся у меня, где вы живете. Сам он жив⟨ет⟩ на Krebsgasse, 24. Засим пришлите сюда от 25 до 50 экземпляров брошюры для Франка.— Право же, я потерял вкус к этой брошюре из-за того, что она лежит в Цюрихе. Капп напечатал еще одну статью с комплиментами, которые меня компрометируют[5].

Рукой Н. А. Герцен:

Прежде чем уйдет это письмо, я хочу сердечно, от всего сердца, пожать вашу руку, дорогой, чудесный друг. А писать я не могу. Я все мечтаю о нашей совместной кочевой жизни, о море, о голубом небе, об оливковых рощах...

Ваша Натали.***

Выбор облаток мой.

[1] Вероятно, речь идет о письме, ошибочно датированном Лемке маем 1850 г. и, по-видимому, написанном 15 или 16 февраля. В начале этого письма Гервег, пеняя на судьбу за задержку Герценов в Париже, уверял, что не верит ни во что в этом мире, даже в длительность личных отношений. «Все превращается в прах, и то, что могло бы жить в любви и понимании, разбивается и рассеивается так же, как и то, что презирает и ненавидит друг друга». Далее Гервег обращался к Н. А. Герцен и Герцену с просьбой протянуть ему руки. «Если я виновен, сударыня, я буду на коленях просить у вас прощения»,— писал он (XIV, 73).

[2] См. письма №№ 55 и 62 и примеч. к ним.

[3] Подчеркивая свое ироническое отношение к Швейцарии, Герцен называет здесь в одном ряду национального героя Вильгельма *Телля*, прославленный швейцарский сыр и имена обывателей — *Руфенахта*, по-видимому владельца женевской гостиницы «Hôtel des Bergues», и *Алмераса* (см. о нем другое упоминание в письме № 31). Н. А. Герцен писала Э. Гервег в конце 1849 г.: «Пошлите серебро на имя Руфенахта, для передачи А. Гер⟨цену⟩».

[4] «Vom anderen Ufer». Несколькими строками ниже Герцен называет эту же книгу брошюрой.

[5] О какой статье Каппа идет здесь речь — установить не удалось.

53

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Le 19 février 1850. [Paris

Cette lettre part avec Emma, je profite de l'occasion pour dire quelques mots sur l'état des choses et sur nos projets nous concernant.

---

* глупость! (лат.).

** Мыслящий человек (лат.).

*** Далее приписка по-русски.— *Ред.*

La république en France est perdue. Elle n'existe que grâce à Changarnier[1] qui ne veut pas de coup d'Etat, et qui s'est approché même de Lamoricière[2] pour s'opposer au coup d'Etat «Soulouque», comme le dit le *Charivari*[3]. On a fait un essai de mettre Chang⟨arnier⟩ de côté, même de l'arrêter — mais il prend bien ses mesures. D'un autre côté les légitimistes ne veulent pas d'empereur, et une petite fraction bourgeoise veut l'ordre légal — avec Cavaignac en tête. Les journaux, les démocrates, les rouges — sont aplatis, stupides, le peuple est tombé dans une léthargie et a perdu tout sentiment du juste; l'insolence du pouvoir n'a pas eu d'antécédents, c'est Pétersbourg ivre, c'est Radetzky[4] à Milan — on traîne des hommes dans des prisons pour tirer quelque aveu sur d'autres personnes. — Après l'article de Proud⟨hon⟩ on l'a jeté à la Conciergerie, on lui a ôté livres et papiers, un soldat était à la porte etc., et personne ne pense à s'indigner[5]. Lis quelquefois la *Patrie* et l'*Assemblée Nation⟨ale⟩* — tu verras la limite. On veut l'autocratie, on veut faire taire la tribune. Un auteur qui envoie son ouvrage imprimé sans autorisation est regardé comme colporteur en contravention! Et la Cour de Cassation a légalisé cette iniquité odieuse. Légitimistes et bonapartistes sont d'accord qu'il faut exterminer les ennemis de l'ordre. Les bourgeois parlent comme Bocquet — avec un plaisir féroce — du grand coup. Déportations — et fusillades. Voilà la position. On attend l'envahissement de la Suisse, et quelque prétexte plausible à l'intérieur. Toute la France est partagée militairement entre quatre généraux. — Le gouvern⟨ement⟩ a permis les réunions électorales, mais pour les réunions trop avancées, il a ordonné sous-main de ne pas donner de local, et les électeurs du 12 arr⟨ondissement⟩ couraient deux nuits de maison à maison. — Qu'en dites-vous de cela? Et combien de bouteilles de Clos Vougeot vous m'avez perdues? — Et tout cela n'émeut personne.

La propagande du socialisme se fait — mais cela ce sont des questions de deux générations. La barbarie de la dissolution est au complet, le chaos, la confusion et la corruption générale règnent. A présent la grande question subjective, où aller? Le danger ici est imminent, je ne reste que pour mes affaires avec Rotschild. Je prendrai des renseignements sur Nice, même sur Florence. J'ai quelque droit à demander une autorisation de rester en France[6], je le ferai valoir pour aller au sud, m'y établir et vous engager d'y venir. Mais si tout cela ne réussit pas? Alors je propose *primo* pour toi de rester en Suisse jusqu'à l'occupation, moi je travaillerai pour notre voyage au Sud. Si cela ne va pas, je t'avertirai, et tu dois aller alors en Belgique et attendre. — La première réponse de la Russie doit venir vers le 23, 24. La réponse définitive vers le 5, maximum 10 mars, — cela n'est pas trop loin.

Donne ton opinion. Dès que quelque chose de nouveau sera advenue je t'avertirai.

Eh bien, adieu, Georges, repose-toi sur mon amitié comme sur une base de granit, c'est quelquefois froid, quelquefois dur — mais c'est solide, et je me mets fort, dans la pureté de mes intentions, de le prouver.

Natalie est malade. Elle n'a pas dormi, elle est refroidie. Enfin, c'est notre sort, l'un guérit, l'autre tombe tout de suite malade.

Adieu.

NB. *De l'utilité d'avoir une maison à Paris.* A l'instant-même un huissier annonce qu'il faut payer une amende de 1 400 fr⟨ancs⟩ pour ne pas avoir accompli je ne sais quelle formalité — et pour m'humilier ils ont adressé le papier à m-r *Hazen*.

Перевод:

19 февраля 1850 г. Париж

Это письмо пойдет с Эммой; я пользуюсь случаем, чтобы сказать несколько слов об общем положении и о проектах, нас касающихся.

Республика во Франции погибла. Она существует еще только благодаря Шангарнье[1], который не хочет государственного переворота и даже сблизился с Ламорисьером[2], чтобы помешать «Сулуку», как говорит «Charivari»[3], совершить государственный переворот. Была сделана попытка отстранить Шанг⟨арнье⟩ и даже арестовать его, но он принимает нужные меры. С другой стороны, легитимисты не желают императора, а небольшая группа буржуазии хочет легального порядка — с Кавеньяком во главе. Газеты, демократы, красные — придавлены, отупели, народ погрузился в летаргический сон и утратил всякое правильное понимание вещей; наглость властей беспримерна,— это пьяный Петербург, это Радецкий[4] в Милане: людей тащат в тюрьму, чтобы вырвать показание против кого-нибудь. Пруд⟨она⟩, после его статьи, бросили в Консьержери, у него отняли книги, бумагу, поставили у двери солдата и т. д., и никто и не думает возмущаться этим[5]. Читай изредка «La Patrie» и «L'Assemblée Nation⟨ale⟩»— ты увидишь, до каких дошли пределов. Жаждут автократии, хотят заставить замолчать трибуну. Автора, распространяющего свой печатный труд без разрешения, приравнивают к разносчику, торгующему без патента! И кассационная палата утвердила это вопиющее беззаконие. Легитимисты и бонапартисты единодушны в том, что надо истребить врагов порядка. Буржуа со свирепой радостью говорят, подобно Боке, о решительном ударе. Ссылка и расстрелы. Таково нынешнее положение дел. Ждут вторжения в Швейцарию и какого-нибудь благовидного предлога внутри страны. Вся Франция поделена по-военному между четырьмя

КАРИКАТУРА НА ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПРУДОНА ПРАВИТЕЛЬСТВОМ И НА ПОЛЕМИКУ ПРУДОНА С СОЦИАЛИСТАМИ

Рисунок Ш. Вернье

Изображена дверь тюремной камеры, на ней надпись: «Гражданин Прудон посажен в одиночку». У двери: Луи Блан, Пьер Леру, В. Консидеран. Они просят караульного подольше не выпускать драчуна Прудона и дать им время оправиться от его колотушек. На заднем плане делегаты Люксембургской комиссии

«Charivari» от 20 февраля 1850 г.

«...наглость власти беспримерна... Прудона, после его статьи, бросили в Консьержери, у него отняли книги, бумагу, поставили у двери солдата и т. д.» (Из письма к Георгу Гервегу от 19 февраля 1850 г.)

генералами. Прав⟨ительство⟩ разрешило предвыборные собрания, но издало тайный приказ не предоставлять помещений для собраний крайних направлений и вот, избиратели 12 окр⟨уга⟩ две ночи перебегали из дома в дом. Что вы на это скажете? И сколько бутылок Кло Вужо вы мне проиграли? И все это никого не волнует.

Пропаганда социализма ведется — но это вопросы двух поколений. Варварство распада дошло до предела, всюду царит хаос, смятение, всеобщее разложение. Теперь возникает большой вопрос личного порядка — куда же ехать? Здесь опасность неминуема, я остаюсь только из-за своих дел с Ротшильдом. Я наведу справки о Ницце, даже о Флоренции. Я имею некоторое право просить разрешения оставаться во Франции[6], я им воспользуюсь, чтобы поехать на юг, устроиться там и пригласить вас приехать туда. А если из этого ничего не выйдет? Тогда я предлагаю тебе, primo, оставаться в Швейцарии до ее оккупации, я же займусь нашей поездкой на юг. Если же это не удастся, я извещу тебя, и тогда тебе придется ехать в Бельгию и ждать.—Предварительный ответ из России должен прийти около 23—24. Окончательный ответ к 5, максимум к 10 марта — это не так уж долго.

Сообщи свое мнение. Как только будет что-нибудь новое, я тебя извещу.

Итак, прощай Георг, положись на мою дружбу как на каменную стену; иной раз это и холодновато и жестковато, зато прочно, и я со всей чистотой своих намерений берусь это доказать.

Натали больна. Она не спала, простужена. Такова наша судьба: один выздоравливает, другой тотчас заболевает.

Прощай.

NB. *О пользе иметь собственный дом в Париже.* Только что судебный пристав объявил мне, что надо заплатить штраф в 1400 фр⟨анков⟩ за невыполнение какой-то формальности — и для моего посрамления они адресовали бумагу на имя г-на *Газена**.

[1] О генерале *Шангарнье* см. в примеч. 7 и 11 к письму № 5.

[2] Генерал Кристоф-Луи-Леон *Ламорисьер* (1806—1865) — военный министр временного правительства, подавший в отставку при избрании в президенты Луи-Наполеона.

[3] Президент республики острова Гаити негр *Сулук* (1782—1867) в 1849 г. провозгласил себя императором острова. Луи Бонапарта, открыто подготовлявшего государственный переворот, в насмешку часто называли «Сулуком». Карикатурами, направленными как против Сулука, так и Луи Бонапарта, пестрели в это время страницы прославленного французского сатирического журнала «Charivari».

[4] Иосиф *Радецкий* (1766—1858) — главнокомандующий австрийской армией в Ломбардо-Венеции, жестоко подавивший народное восстание в Милане в 1849 г.

[5] Памфлет П.-Ж. Прудона «Vive l'empereur!» («Да здравствует император!»), направленный против президента республики Луи Бонапарта, появился в № 127 «Voix du Peuple» от 5 февраля 1850 г. Осужденный еще 20 марта 1849 г. на три года тюрьмы, Прудон пользовался правом свидания, переписки и сотрудничества в периодической печати. Всего этого его лишили.

Герцен не совсем точен, утверждая, что никто не подымал голоса против мер, принятых в отношении арестованного Прудона: в ряде парижских газет, например в «La Liberté», «La Réforme», «La Démocratie Pacifique», «L'Opinion Publique», были напечатаны по этому поводу протесты. Упоминаемая Герценом ниже реакционная газета «La Patrie» разразилась плоскими насмешками над Прудоном в связи с постигшими его репрессиями. «Assemblée Nationale», издававшаяся Адриеном де ля Валетт, выступила 16 февраля с горячим одобрением репрессивных мер, принятых против Прудона, и с яростными нападками на социалистические учения. В передовой статье, помещенной в этом же номере, газета требовала создания сильной исполнительной власти, ограничения всеобщего избирательного права и укрепления военной диктатуры.

[6] Герцен имел на это право в качестве парижского домовладельца.

54

ЭММЕ ГЕРВЕГ

⟨Париж. 20 февраля (?) 1850 г.⟩

Aima (c'est-à-dire Emma), ton mari (*nomine et re!*)

Portrait se fait[1].—Maladie de Nat⟨alie⟩ se continuer.—Bocquet s'immortaliser, *Patrie* d'en parler, moi d'envoyer, Georges de lire.

Moi de vous saluer.

---

* Hase (Газе) по-немецки заяц.— *Ред.*

Salon. 2 heur⟨es⟩ après midi et 3 h⟨eures⟩ après 11 h⟨eures⟩ du matin.— Le 20 février 1850.

На обороте:

NB. Ответ от Гассера—опять ничего, говорит, что ломбард через неделю даст ответ.

Булвар.

Перевод:

⟨Париж. 20 февраля (?) 1850 г.⟩

Любила* (то есть Эмма), своего мужа (nomine et re!) **

Портрет делается[1]. Нат⟨али⟩ продолжает болеть. Бокэ продолжает завоевывать себе бессмертие, «Patrie» — об этом говорить, я — передавать, Георг — читать.

Я же — кланяться.

Гостиная. 2 часа пополудни и 3 часа после 11 ч⟨асов⟩утра.—20 февраля*** 1850 г.

На обороте ****:*

[1] О каком портрете идет речь в этой шутливой записке — неясно.

55

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ 21 février ⟨1850⟩

Votre lettre.

Corpo di bacco.— Donc vous avez, monsieur, l'audace de penser que je neconnais rien de géographie, et j'ai lu les Malte-Brun et Ritter, Ibn Fozlans, Rubruquis et Magellan[1].— Mais est-ce que Emma m'a demandé concernant la position de Strasbourg ou de Mulhouse, non, elle a mieux aimé de faire un conciliabule secret avec la femme du fils unique de mon père et mère.

Vive Colas! Je suis enchanté, nous l'avons lancé dans la carrière[2], je me propose d'écrire ici *tanto poco* concernant la Suisse.

Horace connaît tout l'alphabet russe, c'est Sacha qui lui a montré ça.

Рукой Н. А. Герцен:

Pas du tout *pauvre* Sylvinet! pas du tout pauvre! Je suis fâchée de ne pouvoir pas encore écrire autrement, je vous l'aurais prouvé. Adieu donc, merci pour votre charmante lettre, allez vous fâcher encore pour cet adjectif? Oui, oui, charmante, et mille fois charmante.

Рукой Герцена:

Je te recommande de continuer la querelle avec l'infâme police de la Suisse — et je ferai imprimer ici quelques lignes magnifiques.— Ta lettre est arrivée tard. Il est temps d'envoyer à la poste.

Перевод:

⟨Париж.⟩ 21 февраля ⟨1850 г.⟩

Письмо от вас.

Corpo di bacco*****.—Итак, милостивый государь, вы имеете дерзость думать, что я совсем не знаю географии; а что если я читал Мальт-Брюна и Риттера, Ибн Фозлана, Рубруквиса и Магеллана[1]. — Но разве Эмма меня спрашивала о географическом положении Страсбурга или Мюльгаузена? Нет, она предпочла держать тайный совет с женой единственного сына моего отца и матери.

Да здравствует Коля! Я в восхищении, мы открыли ему путь к славе[2], я намерен писать здесь tanto poco ****** о Швейцарии.

Горас знает весь русский алфавит, Саша ему показал.

---

* Каламбур: по-французски «aima» (любила) и «Emma» (имя) звучат схоже.
** по имени и на деле (лат.).
*** Название месяца читается предположительно.— *Ред.*
**** Русскую приписку см. выше, в основном тексте.— *Ред.*
***** черт возьми (итал.).
****** немного (итал.).

Рукой Н. А. Герцен:

И вовсе не *бедный* Сильвине! Вовсе не бедный!

Мне досадно, что я все еще не могу писать иначе, я бы вам это доказала. Прощайте же, спасибо за ваше очаровательное письмо,— опять будете сердиться за это прилагательное? Да, да, очаровательное и тысячу раз очаровательное.

Рукой Герцена:

Я тебе советую продолжать ссору с гнусной швейцарской полицией, а я напечатаю здесь несколько великолепных строк по этому поводу.— Твое письмо пришло поздно. Уже пора посылать на почту.

[1] Видные географы и путешественники разных времен и народов.

[2] 21 февраля 1850 г. в парижской газете «National» была напечатана заметка о репрессивных мерах, принятых в Цюрихе против шестилетнего сына Герцена — Коли (см. текст этой заметки в нашем обзоре «Газетные и журнальные вырезки в архиве Герцена», напечатанном в предыдущем, 63-м томе «Лит. наследства», стр. 800—801). Насколько можно судить по публикуемым ниже письмам, эта статейка, написанная И. С. Тургеневым или с его слов Л. Виардо, вызвала несколько дней спустя глубокое неудовольствие Герцена, так как она, по-видимому, осложняла его отношения со швейцарскими властями, а также с дирекцией училища для глухонемых. Между тем, несомненно, перу самого Герцена принадлежала приводимая ниже заметка, появившаяся на следующий день в «Voix du Peuple» (на авторство Герцена указала редакция газеты «National» в номере от 2 марта 1850 г.— см. примеч. 4 к письму № 62). Заключительная часть этой заметки, вероятно, была приписана Хоецким, что, как мы увидим ниже, возмутило Герцена:

«Contenti estote*. — Швейцария выслушивает доводы. Каждый день приносит нам новое доказательство искреннего исправления кантонов и глав федеральной власти. Фуреры, Дрюэ превосходят и тех и других.

Сегодня утром „National" рассказывает нам отвратительную историю. Дело касается придирок, которыми преследуют в Цюрихе глухонемого шестилетнего ребенка, подозреваемого только в том, что он сын эмигранта. Там за него потребовали, самым грубым образом, залог, „предназначенный, как говорит „National", служить гарантией, что ребенок не принесет никакого ущерба безопасности соседних правительств".

История эта совершенно верна; один из наших корреспондентов из Берна** пишет нам сегодня по этому поводу. Но подивитесь же этой иронии: пуская в ход беспримерное усердие, дабы услужить полиции всех государств, славные цюрихцы ошиблись: отец ребенка *вовсе не эмигрант!*

Дирекция учебного заведения не приняла никакого участия в этой истории— ни в положительном, ни в отрицательном смысле.

И Швейцария воображает, что она добьется чего-нибудь для себя такими подлыми уступками! что она выслужит прощение для демократии, унижая себя!— Бедная Швейцария! ее унизят в глазах всего мира и, когда вся симпатия к ней превратится в презрение,— ее захватят, ее упразднят. И почему же нет?— Создается впечатление, что эта страна хочет быть у других народов не более как швейцаром, охраняющим вход у всех границ и не позволяющим войти тем, кто не нравится хозяевам, Радецким,— королю Пруссии и т. п., и т. п.» («Voix du Peuple», № 144 от 22 февраля 1850 г.).

«Устыдившись гласности,— писал Герцен в «Былом и думах», — полиция сказала, что она не требует высылки, а только какую-то ничтожную сумму денег в обеспечение (caution), что ребенок не кто-нибудь другой, а он сам. Какое же обеспечение — несколько сот франков? А с другой стороны, если б у моей матери и у меня не было их, так ребенка выслали бы (я спрашивал их об этом через „Насиональ")?» (изд. АН. т. X, стр. 161). В «National» заметка, о которой упоминает Герцен, не появилась. Между тем в «Voix du Peuple», № 152 от 3 марта, в отделе «Иностранные известия» мы обнаружили заметку, автором которой, при сопоставлении с приведенными строками, несомненно являлся Герцен. Приводим ее текст в переводе:

«Газета „La Suisse" отрицает факт, касающийся попытки выслать глухонемого ребенка, о котором шла речь в „National" и „Voix du Peuple". Напрасные ухищрения. Ребенок не был выслан (ausgewiesen)— это термин, употребленный полицией в одном из цюрихских листков, где она пытается оправдаться, — *но только потому*, что немедленно внесен был потребованный залог. Остается только узнать, что было бы предпринято, если бы у родных не оказалось достаточно денег, чтобы выплатить эту сумму. Вот вопрос, который мы задаем „La Suisse"».

Эту заметку и имел в виду Герцен, ошибочно указывая на «National» как на газету, ее опубликовавшую.

---

* Да будут они довольны (лат.).

** Имеется в виду Гервег.— *Ред.*

56

ГЕОРГУ и ЭММЕ ГЕРВЕГАМ

Paris. 21 Februar ⟨1850⟩[1]

Gott stärke ihre *sämtliche* Gesundheit. *Umgehend* bitte ich (*style du Kapp de bonne Cologne*)—endigen sie mit meiner Brochure. Ich habe Kapp geschrieben — daß ich mit dem größten Zutrauen auf seinen Dienst baue, desto mehr, da er nach zwei Tage in Ostende sein wird.

Feuilleton.

(Für das Feuilleton der „New-Yorker Abend-Zeitung" geschrieben.)

Epilog für das Jahr 1849.*

Von

Alexander Herzen.

Opfer sollen hier,
Weder Lamm noch Stier,
Aber Menschenopfer unerhört.
Braut von Corinth.

Jahr des Blutes und der Thorheit, Jahr der triumphirenden Gemeinheit und der stupiden Grausamkeit — sei verflucht!

Von Deinem ersten Tage bis zum letzten warst du ein Unglück; in keinem Winkel der civilisirten Welt botest du einen einzigen lichtvollen Augenblick, einen einzigen ruhigen Moment. Alles in dir war verbrecherisch, blutig, roh und mit dem Brandmal der Schande befleckt: von dem Tage an, wo die Guillotine in Paris wieder aufgerichtet und der Prozeß von Bourges verhandelt wurde bis zu den Galgen, welche englische Hände für Kuder in Cephalonien bauten, bis zu den Ermordungen, welche kaltes Blutes der romantische König von Preußen befahl und sein vielgeliebter Bruder vollstreckte, von dem Tage an, wo Rom unter den Schlägen jenes Volkes erlag, welches zum Verräther an der Menschheit wurde, bis zu der Stunde, wo Ungarn durch die Schändlichkeit eines seiner Söhne fiel, der zum Verräther am Vaterland ward.

Zu welcher thränenreichen und trostlosen Zeit sind wir gekommen, und doch befinden wir uns kaum erst auf dem Wege! Man fürchtet sich, das zu vernehmen, was sich ereignet, und man fürchtet sich, ein neues Unglück, das etwa stattgefunden, nicht zu kennen — man möchte weggehen, fliehen, etwas ausruhen, umkommen, ohne eine Spur von sich zu hinterlassen, unbemerkt verschwinden, nicht mehr sein.

Die letzte Hoffnung, welche unser Herz erwärmte und uns aufrecht erhielt, die Hoffnung auf Rache, auf eine Rache, welche wenn auch wild, unvernünftig, unnütz und erfolglos, zum Wenigsten bewiesen hätte, daß die Menschen Eingeweide haben, auch diese Hoffnung ist wie alle andern verschwunden.

Alles ist ruhig, Alles wird still und schläft ein — man hört nur noch das Geräusch des Henkerbeiles und das Pfeifen der Kugeln, welche von andern Henkern geladen, die junge Brust einiger Träumer dafür zerfleischen, daß sie an die Menschheit geglaubt haben.

„Aber Menschenopfer unerhört."

Und sie werden nicht gerächt werden. Hatten sie denn keine Freunde, keine Brüder? Sie hatten deren, und dennoch werden sie nicht gerächt werden.

Aus der Asche dieser Märtyrer steigt kein Marius hervor — aber eine ganze Literatur von Reden, von Banketten, von demagogischem Geschwätz, von Oden, aber überflüssigen Poesieen, von Journal-Artikeln wie der meinige. Ein Glück für sie, daß sie nicht mehr existiren, und daß es kein jenseitiges Leben giebt; sie wissen jetzt wenigstens nichts von alledem.

Wohlan denn, ihr revolutionären Bürger, die Ihr Eure Freunde nur durch Eure Redensarten zu rächen versteht, was habt Ihr denn versucht, um jenen Uebeln vorzubeugen, welche sind Eure Maßregeln, welches ist Euer Plan, was habt Ihr gethan, als die Macht in Euren Händen war? Politische Pelissons, wahre Hanswurste der Freiheit habt Ihr mit Republik, Schrecken und Regierung gespielt, habt Euch in den Klubbs unterhalten und Eure Beredsamkeit in den Kammern ausgekramt. Ihr stelet Euch in Euren Costümen von Jahrmarkts-Komödian-

* Das Manuscript des Hrn. auf Verlangen mehrer unserer Abonnenten mitgetheilten Epilogs war im verflossenen Frühjahr dem Hrn. Julius Fröbel von der jetzigen Redaktion d. Bl. zur Benutzung übergeben, der ihn in seiner letzten Vorlesung seinen Zuhörern vorlas. Somit ist er weder in Europa, noch Amerika bekannt, und fehlen nicht mehr verdrehen, da die Pariser Polizei das russische Original bei einer Haussuchung beim Verfasser confiscirte.

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ СТАТЬИ ГЕРЦЕНА «ЭПИЛОГ 1849 ГОДА»
Появилась в нью-йоркской немецкой газете «New-Yorker Aberd-Zeitung», сентябрь 1850 г.
Газетная вырезка
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва
«Эпилог переведен» (Из письма к Георгу Гервегу от 9 марта 1850 г.)

Donnez à * Hoffm⟨ann⟩ et Campe en commission ou comme vous voulez, ou comme Kapp le veut, ou comme dieu le veut, non pas le dieu de d'Arlincourt[2], mais le dieu d'Abraham etc., etc.— le fait est que la brochure perdra tout intérêt dans quelques mois. — Envoyez ici 50 ex⟨emplaires⟩ — les autres on peut les déposer chez ma mère.

J'écrirai à Kapp aujourd'hui.

La santé de Nat⟨alie⟩ s'améliore.

---

* *Далее зачеркнуто:* Franck.— *Ред.*

Emma, quoique vous n'ayez pas le temps à présent de vous occuper de vos amis, oubliés avant Mulhouse, mais dessen ungeachtet und umgehend — grüßen Sie meine Mutter und m-lle Ern—ich habe keine Zeit zu schreiben. Die Antwort aus Petersburg ist wieder eine Woche länger zu warten.

Перевод:

Париж. 21 февраля <1850 г.>[1]

Да укрепит господь *общее* ваше здоровье. *Срочно* прошу (style du Kapp de bonne Cologne) *, кончайте с моей брошюрой. Я написал Каппу, что всецело полагаюсь на него, тем более, что он через два дня будет в Остенде.

Отдайте <брошюру> Гофм<ану> и Кампе на комиссию или как вам угодно, или как угодно Каппу, или как угодно богу, но не богу Арленкура [2], а богу Авраама и т.д., и т. д.— дело в том, что через несколько месяцев брошюра потеряет всякий интерес.— Пришлите сюда 50 экз<емпляров>, остальные можно сложить у моей матери.

Я напишу сегодня Каппу.

Здоровье Нат<али> улучшается.

Эмма, хотя у вас нет теперь времени думать о ваших друзьях, забытых раньше, чем вы доехали до Мюльгаузена, все же, несмотря и невзирая на это, передайте привет моей матери и мадемуазель Эрн — у меня нет времени писать.

Ответа из Петербурга опять придется ждать еще неделю.

[1] Публикуемое письмо написано на обороте следующего письма Ф. Каппа к Герцену, которое мы приводим в переводе с немецкого**.

«Кельн, 19 февраля 1850 г.

Уважаемый друг!

Мы все еще на том берегу. Время идет, и дело и впрямь становится скучным, но все же с ним надобно, наконец, кончать. Вчера, вернувшись из поездки в Майнц, я застал прилагаемое письмо от Гофмана и Кампе, в котором тот излагает условия и планы сдачи на комиссию, толкуя их, конечно, по-своему. Теперь я уже ни в какой мере этому человеку не доверяю, насколько я понимаю, все его желания сводятся к тому, чтобы получить весь тираж 1-го и 2-го изданий книги за 200 талеров, или 750 франков. Из всех его разглагольствований явствует только одно, что если вы согласитесь сдать книги на комиссию — первый расчет с вами будет произведен не ранее июня *1851 г.*, и, следовательно, никаких денег до тех пор вы не получите.

Я не смею в данном случае принять какое-либо окончательное решение, считая, что ответственность слишком велика. Вы должны поэтому определенно высказаться, хотите ли: а) передать Кампе свое сочинение для издания на комиссионных основаниях. Тогда расчет за 800 экземпляров 1-го издания вы получите в июне 1851 г. и позднее, а тем временем можете, все же, распорядиться 2-м изданием, которое, на мой взгляд, необходимо.

Или же: б) уступить Кампе настоящее издание и право на следующее за общую сумму в 200 талеров. Тогда, по крайней мере, все расходы по изданию лягут на них, и они должны будут позаботиться о его распространении и популяризации.

Сообщите, пожалуйста, *немедленно*, что вы решили. Вы должны ответить мне тотчас же, в тот же день, когда получите письмо, ибо 23-го, самое позднее 24-го, я отправляюсь в путешествие в Америку и хотел бы успеть еще привести в порядок это столь затянувшееся дело. Я поеду, вероятно, через Париж, и тогда мы сможем подробнее договориться устно.

«Эпилог» лучше всего было бы оставить теперь для 2-го издания «С того берега». Опечаток, которые рассердили вас в «Эхо», насколько я знаю, нет в подлиннике.

Если мне придется ехать через Остенде и Лондон, то, во всяком случае, еще раз напишу вам. Передайте мой лучший привет всем вашим.

У меня дел свыше головы. Будьте здоровы.

Ваш Фр. Капп

Издатель продал шестьдесят специально выпущенных экземпляров того номера, в котором напечатано «После грозы». Для Кёльна это много».

[2] Виконт Шарль-Виктор-Прево *д'Арленкур* (1789—1856)— реакционный романист и публицист, автор вышедшей в 1848 г. брошюры, на заглавие которой — «Dieu le veut» («Бог хочет этого») — иронически намекает Герцен.

---

* стиль Каппа из доброго города Кёльна (франц.).

** Перевод Н. Д. Эфрос.

57

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

25 février 1850. Paris

Eh bien, va pour Nice — mais je ne désespère point de la possibilité de Grasse ou de⟩ Cannes, ensuite cela ne vaut pas la peine d'en parler — tout cela est à deux pas. Et on peut se concerter sur lieu.— Moi je n'ai rien non plus contre l'Espagne, passer une année, dans une petite ville au bord de la mer— mais pour fixer un point de départ, je répète — Nice a tous les avantages.

L'affaire du billet me suffoque, Paris m'étouffe — je ne suis pas à mon aise ici, je me fâche tous les jours. Et les hommes que je vois sont tellement inférieurs aux orangs-outangs et dégoûtants — daß ich mich sehne heraus, heraus, und doch kann wieder etwas kommen, was mich noch ein Monat hier warten läßt.

Bamberger a trouvé un négociant grec qui veut se charger de mon affaire concernant la terre. [1] Et qui a déjà écrit à Pétersbourg pour avoir les renseignements — peut-être j'irai seul pour une semaine à Londres [2].

Emma est probablement en route, elle nous fera à présent l'Ilyade — après avoir fait l'Odyssée. Je ne vois plus la jeunesse dorée qui voltigeait près de Pénélope, pas même la rédaction [3], et j'en suis enchanté — et je ne veux plus écrire. Ta main.

J'ai voulu t'envoyer un discours très remarquable d'un Donato ⟨!⟩ Cortès (à Madrid)[4]— mais j'en ai besoin, je veux écrire quelques mots là-dessus. Voilà la *desperatio* et le cri sauvage de la peur. Le fond de tout ce qu'il dit, c'est qu'il n'y a qu'un seul moyen de sauver la société— c'est l'armée permanente. Le soldat et le prêtre! L'autorité et l'obéissance passive. L'église et la caserne ne sont pas si loin l'une de l'autre — c'est le culte de l'abnégation. Le soldat est moine etc., etc.— Silence complet, l'armée écrasant le peuple, ou — dit-il — la Russie victorieuse sur tout le continent. Qu'en dites vous?..

Перевод:

25 февраля 1850 г. Париж

Ну хорошо, пусть Ницца, но я отнюдь не теряю надежды на возможность Граса или Канна, вообще же об этом и говорить не стоит — одно от другого в двух шагах. Можно столковаться на месте.— Я лично и не против Испании на год, в маленьком городке на берегу моря, но в качестве исходной точки, повторяю, у Ниццы все преимущества.

Дело с билетом меня давит, Париж душит,— мне здесь не по себе, я по целым дням злюсь. А люди, с которыми я вижусь, настолько хуже орангутангов и отвратительны, что я рвусь и рвусь отсюда, и все же опять может что-нибудь случиться, что удержит меня здесь еще на месяц.

Бамбергер нашел какого-то греческого купца, который хочет взяться за мое земельное дело [1] и который уже написал в Петербург, чтобы получить справки. Может быть, я поеду один на неделю в Лондон [2].

Эмма, вероятно, еще в пути. Разыграв перед нами Одиссею, она разыграет теперь Илиаду. Я уже не вижу золотой молодежи, порхавшей вокруг Пенелопы, и даже самой редакции[3], чему я очень рад — и не хочу больше писать. Твою руку.

Я хотел было послать тебе весьма замечательную речь некоего Донато⟨!⟩ Кортеса (в Мадриде) [4], но она мне нужна, я хочу написать об этом несколько слов. Вот оно — desperatio * и дикий крик ужаса. Смысл всего того, что он говорит, таков: существует лишь одно средство спасти общество — это постоянная армия. Солдат и поп! Власть и пассивное повиновение. Церковь и казарма не так уже далеки друг от друга — всё тот же культ самоотречения. Солдат —тот же монах и т. д., и т. д.— Полнейшее безмолвие, войска, подавляющие народ, или — говорит он — победоносная Россия на всем континенте. Что вы на это скажете?..

* отчаяние (лат.).

[1] Эта попытка организовать продажу костромского имения Герцена, на которое правительством было наложено запрещение, потерпела неудачу.

[2] Поездка Герцена в Лондон не осуществилась.

[3] Речь идет о редакции «Voix du Peuple», с которой поддерживала отношения Эмма Гервег. Герцен с горечью отмечал, что редакция «Voix du Peuple», получив от него залог, изменила свое отношение к нему как редактору иностранного отдела.

[4] Хуан-Франциско *Доносо Кортес* маркиз де Вальдегамас (1809—1853) — испанский политический деятель и реакционный публицист. Статья Герцена, озаглавленная «Донозо Кортес, маркиз Вальдегамас и Юлиан, император римский», появилась в № 167 газеты «Voix du Peuple», от 18 марта 1850 г. В примечании к первому русскому изданию «С того берега» (1855), в которое Герцен включил эту статью, он писал: «Речь Донозо Кортеса, испанского посланника, сначала в Берлине, потом в Париже, была напечатана в бесчисленном количестве экземпляров ⟨...⟩ Я тогда был на время в Париже и в самых близких сношениях с журналом Прудона. Редакторы предложили мне написать ответ; Прудон был доволен им...» (изд. АН, т. VI, стр. 142).

Отметим, что еще в № 147 «Voix du Peuple» от 26 февраля 1850 г. в анонимной заметке без названия, помещенной на второй странице, упоминалось о намерении напечатать в «Voix du Peuple» ответ Донозо Кортесу. Автором этой заметки, по нашему мнению, был Герцен. Приводим ее здесь полностью в нашем переводе:

«Что иногда удивляет нас в органах *монархического гебертизма* — это не их мнения (нам они слишком хорошо известны), — а наглость их полемики, гнусный цинизм их доносов. Им следовало бы брать пример с г. Донозо Кортеса, словоизвержения которого они приняли с таким сочувствием и который, однако, проповедуя контрреволюционные учения, умеет, по крайней мере, облекать их во фразы, кои честный человек может читать, не краснея.

Г-н Донозо Кортес, которому, впрочем, мы ответим в одном из наших следующих номеров, полностью протестуя против свободы, не унижается до рыночного языка, до наглых личностей, просочившихся под охраной полицейской дубинки, до клевет, не щадящих ни узников, ни изгнанников. Разве нет там жандармов, чтобы бросить в карцер первых или травить вторых?

Поистине, для того, чтобы дискуссия с этими господами была возможна, каждое их слово не должно было бы звучать как тот презренный металл, которым контрреволюция оплачивает их услуги. Это памфлетисты сточных труб, черпающие свои обвинения в самых отвратительных источниках, в дружеских сообщениях шпиков, гордящихся своим званием, словно публичные девки, выходящие из Сен-Лазара.

Можно ли, например, серьезно спорить с французской газетой, благословляющей небо за то, что оно дало „Радецкого Австрии"; благословляющей кроатов, „варваров, энергия которых необходима для расслабленных цивилизаций"!

Мы уверены, что сам генерал Шангарнье должен был испытать минутное отвращение при виде своего имени, связанного с именем Радецкого.

Можно ли спорить с листком, который в пятидесятый раз возвращается к „убийствам, совершенным Маццини", не называя ни одного. Эти пасквилянты очень хорошо знают, что Маццини не имел ни прямого, ни косвенного отношения к какому бы то ни было убийству, что он был совершенно непричастен к убийству Росси, что в Риме во время республики не было ни одной казни. Мы предлагаем им привести имена, представить нам достоверные подробности.

Нам известен только один убийца, имевший сношения с Маццини, — это тот, который был послан в Женеву достойным представителем политики кариньянской династии, с целью убить знаменитого римского триумвира. И они повторяют эти усыпляющие сказки, тогда как революции последнего времени, великодушные и милосердные, пощадившие убийц из Галиции, были задушены под развалинами Брешии и на эшафотах Венгрии!..».

58

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

27 février 1850. Paris

Enfin cette malheureuse affaire du billet commence à me rendre demi-fou. Rien n'est fait autant pour m'enrager que l'attente. Hier R⟨otschild⟩ a reçu une réponse de G⟨asser⟩ — eh bien, rien, absolument rien. Voilà, pour la seconde fois que la banque ne veut pas donner de réponse, elle l'ajourne sans aucun motif. G⟨asser⟩ pense qu'elle demande des instructions d'en haut, et promet d'écrire dans une semaine. — Tout le monde s'étonne chez R⟨otschild⟩ — je ne m'étonne de rien, mais je suis las, je suis furieux, et loué comme mon patron S. Prométhée — à Paris que je désire quitter. — Pour cette affaire c'est un grand avantage, que tu restes encore à Zurich,

c'est bien possible qu'il nous faudra faire une démarche près du ministre de Wurtemberg[1].—J'attends seulement une réponse définitive.

Emma m'invite à Zurich. C'est impossible et je ne vois pas trop bien le but. Nous ne sommes pas à présent au temps de faire exécuter chaque fantaisie qui nous passe par la tête.— Après l'affaire j'irai partout, à Nice, à Barcelone—avant la fin je reste ici ou à Londres — peut-être même à Stuttgart. Je ne réponds pas à Emma directement parce que je crois qu'elle est en route.

Adieu, je ne suis pas assez gai pour écrire.

Choisissez un endroit — allez-y, installez-vous — et nous viendrons après — après quoi—*chi lo sa*, peut-être après trois mois.

P. S. Par qui avez-vous envoyé les livres pour Paris? — Ni la poste, ni Franck n'en savent rien?

Перевод:

27 февраля 1850 г. Париж

Это несчастное дело с билетом, в конце концов, превращает меня просто в полоумного. Ничто меня так не бесит, как ожидание. Вчера Р⟨отшильд⟩ получил ответ от Г⟨ассера⟩, и ничего, абсолютно ничего. Уже вторично банк не желает давать ответа, он оттягивает его без всякого объяснения. Г⟨ассер⟩ думает, что банк ждет указаний свыше, и обещает написать через неделю.— У Р⟨отшильда⟩ все удивляются этому.— Я же ничему не удивляюсь, но я устал, я вне себя и, как мой патрон св. Прометей, прикован к Парижу, который желаю покинуть. Очень большой выигрыш для дела то, что ты еще в Цюрихе; вполне возможно, что нам надо будет обратиться к вюртембергскому министру[1]. Я жду только окончательного ответа.

Эмма приглашает меня в Цюрих. Это невозможно, да я и не совсем понимаю, зачем это нужно. Сейчас не те времена, когда можно приводить в исполнение любую фантазию, какая взбредет в голову.— После решения дела я поеду куда угодно, в Ниццу, в Барселону,— до решения же останусь здесь или в Лондоне. А может быть, даже и в Штутгарте. Я не отвечаю самой Эмме — я думаю, она находится в дороге.

Прощайте. Мне не настолько весело, чтобы писать.

Выбирайте место, поезжайте туда, устраивайтесь, а мы приедем после — а когда — chi lo sa *, может быть через три месяца.

P. S. С кем вы переслали книги в Париж? — Ни почта, ни Франк ничего о них не знают?

[1] Мать Герцена, Луиза Ивановна Гааг (Гаак) была вюртембергской подданной.

59

ГЕОРГУ И ЭММЕ ГЕРВЕГАМ

1 mars 1850. Paris

Eh bien, nous sommes parvenus, clopin-clopant, jusqu'au mois de Mars, et tout le monde parle de la guerre pour faire la cour à l'honorable général de l'Olympe, qui a été incarcéré de la manière la plus humaine que je connaisse, in *carcere molle*, par Vulcain... L'exorde n'est pas mauvaise, comme tu vois, *caro* Georges... poursuivons. Hier à 11 heu⟨res⟩ du matin entra dans ma chambre Kapp, en me demandant si je ne voulais pas lui dicter l'épilogue, tout-à-fait comme s'il n'avait jamais quitté nous autres que pour une demi-heure [1]. Ensuite il m'a demandé ce que nous avons résolu avec la brochure, moi je lui ai dit que je t'ai écrit là-dessus. Moi je consens s'il le faut de donner en *Verlag* à Campe (qui n'à pas écrit la découverte de l'Amérique par Robinson)[2] — il veut payer 200 T⟨aler⟩, tant mieux, les frais seront couverts. Faites envoyer l'argent chez ma mère. Le succès des fragments imprimés

* кто знает (итал.).

dans quelques feuilles a été très grand. Kapp veut aller à pied jusqu'à New-York, il cherche un endroit guéable à traverser l'Océan, ce qui ne sera pas difficile vu sa longueur immense; par bonheur le podesta de Cologne ne lui a pas chargé les épaules de sa fille, il veut voir comment Kapp s'installera, comment il s'enrichira et alors lui donner pour la bonne bouche (lorsqu'il n'aura plus de dents) la beauté prussienne. Il espère entre autres que l'Amérique sera aussi châtiée et incorporée à la Prusse sous le nom de Brandebourg maritime. Je sais tout cela par clairvoyance.

A présent parlons des affaires. J'attends une lettre de mon chargé d'affaires pour le 6 ou le 5 de ce mois (au reste, tu sauras ce qu'il écrit avant moi, la lettre sera adressée chez ma mère). Eh bien, il y a deux cas. 1) Ou après avoir épuisé tous les faux-fuyants bureaucratiques, la banque payera. Alors libre individuellement, j'irai tout de suite, une semaine après la réponse, au Sud de la France, et je chercherai des maisons près de Nice (ou enfin à Nico-même, nous en pourrons traiter mille fois), je suis même d'avis d'acheter tout bonnement une petite campagne avec un jardin près de la mer.

Mais voilà que vient le 2e cas. Si on refuse le payement sous un prétexte quelconque — ce qui est très probable,— voilà mon plan, je prierai Rotschild de sévir enfin avec toute son autorité,— il le fera. Mais alors il faut attendre une réponse.— 25 jours, au moins, et en cas de non-réussite s'adresser à Wurtemberg ou déterminer ma mère de faire un voyage. (Nous verrons cela d'après les termes de refus, s'il y en a un.) Pour toute cette affaire, mon éloignement au Sud serait pernicieux. Et si je ne peux longtemps rester à Paris, j'irai pour deux-trois mois dans une campagne des environs,— en cas de besoin j'irai seul en Angleterre ou en Belgique, mais je n'irai pas au Sud.

Puisque tu n'es pas tout à fait mal en Suisse, je crois que c'est prudent d'attendre, jusqu'à ce que la guerre ne donne de véritables inquiétudes.— Voilà tout le plan... Je t'embrasse de tout mon cœur.

D'après les lettres de ma mère, je crois que ces lignes vous trouveront encore à Zurich, chère Emma, et vous pensiez que je vous ai crue lorsque vous m'aviez dit que vous alliez pour 2 jours et autant de nuits.— Horace se conduit parfaitement bien, vous savez que je suis un peu sévère avec lui depuis l'histoire de la récidive de l'incendie — mais en vérité on ne peut rien désirer de plus d'un enfant de son âge. Vous avez agi en véritable Caïn avec Abel[3], figurez-vous qu'il court deux fois par jour donner des leçons des Champs Elysées à Montmartre — il est devenu plus petit et plus humide; pour lui vous pouvez être sûre qu'il vous attend comme Héro attendait Léandre[4], c'est-a-dire comme vous attend

Alexandre

Рукой Н. А. Герцен:

Moi aussi, je t'attends, Emma, je m'ennuie sans toi, je ne vais nulle part, je ne vois et ne veux voir personne excepté Ada et Horace.— Hier il faisait un temps magnifique, nous sommes allés place de la Bastille; que j'étais heureuse de respirer le printemps; j''ai pensé aussi beaucoup aux deux maisonnettes — quand donc, quand donc?

Das Land, wo die Zitronen blühn[5].

Je voudrais y mourir, je ne voudrais plus revoir

Свод небес зелено-бледный,
Скуку, холод, etc...[6]

A vous de cœur, et d'âme, et de corps.

N.

«КОЗНИ Г-НА КАРЛЬЕ»

Карикатура высмеивает провалившуюся провокационную затею Карлье — уничтожением деревьев свободы вызвать народное волнение

Гравюра Демóна с рисунка Бартеля

Под рисунком подпись: «Господин Карлье, тайно примкнув к демократам и социалистам, приказал спешно пилить деревья свободы для подогревания социалистических выборов. «Journal pour rire» от 27 февраля 1850 г.

Перевод:

1 марта 1850 г. Париж

Ну вот, с грехом пополам мы дожили до Марсова * месяца, и все заговорили о войне, чтоб угодить почтенному генералу Олимпа, который был в свое время заключен Вулканом in carcere molle** и содержался в темнице в самых гуманных из всех известных мне условий. Как видишь, вступление неплохое, caro Георг... продолжим. Вчера в 11 часов утра ко мне в комнату вошел Капп и спросил, не желаю ли я продиктовать ему эпилог,— совсем так, словно и не расставался с нами, разве только на полчаса [1]. Затем он спросил, как мы решили с брошюрой; я ответил, что написал тебе об этом. Я согласен, если нужно, отдать ее в Verlag *** Кампе (того, который не писал об открытии Америки Робинзоном) [2]; он хочет уплатить 200 т⟨алеров⟩ — тем лучше, это покроет издержки. Перешлите деньги моей матери. Отрывки, напечатанные в нескольких газетах, имели очень большой успех. Капп хочет идти пешком до Нью-Йорка, он ищет лишь, где бы перейти вброд океан, а, принимая во внимание его огромный рост, это не представит трудности; к счастью, подеста города Кёльна не навязал ему на шею свою дочку, он хочет сначала посмотреть, как Капп устроится, разбогатеет, а потом уж отдаст ему на закуску (когда у того совсем не останется зубов) прусскую красавицу. Он надеется, между прочим, что Америка также будет наказана и включена в состав Пруссии под названием Приморского Бранденбурга. Все это стало мне известно благодаря ясновидению.

Теперь поговорим о делах. 6-го или 5-го числа этого месяца я жду письма от моего поверенного (впрочем, ты узнаешь, что он пишет, раньше меня, ибо письмо будет ад-

---

* Каламбур: «Mars» (Марс) и «mars» (март) по-французски пишутся и произносятся одинаково.

** в тюрьму с облегченным режимом (итал.).

*** издательство (нем.).

ресовано моей матери). Итак, одно из двух. 1) Либо, исчерпав все бюрократические увертки, банк уплатит. Тогда я буду свободен и тотчас же, через неделю, по получении ответа, уеду на юг Франции и подыщу домики близ Ниццы (или даже в самой Ницце — мы это успеем еще тысячу раз обсудить); я даже склонен просто купить небольшую дачу с садом у моря.

Но вот и второй возможный случай. Если под каким-нибудь предлогом в уплате будет отказано, что весьма правдоподобно, то вот мой план. Я попрошу Ротшильда употребить, наконец, все свое влияние. Он это сделает. Но тогда придется ждать ответа, по крайней мере, дней 25, и в случае неуспеха обратиться в Вюртемберг или уговорить поехать ⟨туда⟩ мою мать. (Мы решим это в зависимости от мотивов отказа, если таковой последует). Мой отъезд на юг мог бы гибельно отразиться на всем деле. Если же мне нельзя будет долго оставаться в Париже, я уеду на два, на три месяца куда-нибудь поблизости в деревню, а в случае нужды поеду один в Англию или в Бельгию, но на юг не поеду.

Тебе ведь не так уже плохо в Швейцарии, думаю, поэтому, что лучше, осторожности ради, подождать до тех пор, пока не будет серьезных оснований опасаться войны.— Вот и весь мой план.

Обнимаю тебя от всего сердца.

Судя по письмам моей матери, эти строки застанут вас еще в Цюрихе, дорогая Эмма, а вы думали, что я вам поверил, когда вы говорили, будто едете на два дня и столько же ночей.— Горас ведет себя прекрасно. Вы знаете, что я стал несколько строже с ним, после повторившейся истории с пожаром, но, по правде говоря, нельзя ведь требовать большего от ребенка его возраста. Вы поступили с Абелем, как настоящий Каин[3]; представьте, он два раза в день бегает на уроки с Елисейских полей на Монмартр — он стал еще меньше и скромнее, уже в нем вы можете быть уверены: он ждет вас, как Геро ждала Леандра [4], иначе говоря, как вас ждет

Александр

Рукой Н. А. Герцен:

Я тоже жду тебя, Эмма, скучаю по тебе, никуда не хожу, никого не вижу и не хочу видеть, кроме Ады и Гораса.— Вчера была чудесная погода, мы ходили на площадь Бастилии. Как я была счастлива подышать весенним воздухом. Я тоже много думала о двух маленьких домиках,— когда же, когда же?

Das Land, wo die Zitronen blühn[5]*.

Я хотела бы там умереть и не хочу больше видеть

Свод небес зеленс-бледный,
Скуку, холод, и т. д.[6] **

Ваша сердцем, душой и телом

Н.

[1] Капп несколько месяцев не видался с Герценом.

[2] Герцен юмористически сопоставляет издателя Кампе с его однофамильцем — И.-Г. Кампе (1746—1818), немецким педагогом и детским писателем, автором переделки «Робинзона Крузо».

[3] *Абель* — парижский знакомый Герцена и Гервегов, вероятно немецкий эмигрант. Герцен назвал его в одном из писем к жене отвратительным «подхалюзным дураком», лишенным такта и деликатности (VI, 412). Фамилия Абель звучит по-французски, как имя Авель. Согласно библейской легенде Авель был убит своим братом Каином.

[4] *Геро* — жрица Афродиты, возлюбленная Леандра, переплывавшего каждую ночь Геллеспонт, чтобы попасть к ней на свидание.

[5] Стих из «Песни Миньоны» Гёте.

[6] Из стихотворения Пушкина «Город пышный, город бедный...», в котором дается характеристика Петербурга.

---

* Тот край, где цветут лимоны (нем.).

** Стихотворение процитировано Н. А. Герцен по-русски.— *Ред.*

60

ГЕОРГУ и ЭММЕ ГЕРВЕГАМ

⟨Париж. 4 марта 1850 г.⟩

Cher G⟨eorges⟩, je t'en prie, envois cette lettre à Hess. Sa critique est très belle, sur un pareil terrain il y a possibilité de traiter encore une fois beaucoup de choses [1]. As-tu remarqué qu'aujourd'hui Charles-Edm⟨ond⟩, tout-à-coup, a raconté en partie tes aventures visionnaires[2]? *Cui bono—non lo so.* Польза — вред большой, comme disait un professeur de la minéralogie [3].

Etes-vous encore *an Ort und Stelle* — Emma, avez-vous lancé contre moi un anathème, une excommunication ou autre chose habituelle entre bons amis? Mais il n'y a rien à faire, moi je me soumets aux nécessités, avec variations, etc., etc. Vous êtes une musicienne parfaite, mais vous ne prenez qu'une seule note —les autres sont des cariatides, des paravents; les autres notes sont subordonnées d'après le *Grundton.*— Mais dans la vie, dans l'actualité et dans une pièce de musique cela ne va pas avec cette unité.

Donnez donc votre main, frappez-moi, mais aimez un peu beaucoup⟨!⟩.

П е р е в о д:

⟨Париж. 4 марта 1850 г.⟩

Дорогой Г⟨еорг⟩, перешли, пожалуйста, это письмо Гессу. Его критика превосходна, с подобных позиций можно еще раз обсудить множество вопросов[1]. Заметил ли ты, что сегодня Шарль-Эдм⟨он⟩ вдруг рассказал частично о твоих визионерских приключениях[2] C.ui bono—non lo so*. Польза—вред большой, как говорил один профессор минералогии [3].

Все ли вы еще an Ort und Stelle**—Эмма, вы наверное уже предали меня анафеме, отлучили от церкви или сделали со мной еще что-либо в этом роде, как водится между добрыми друзьями? Ничего не поделаешь, я подчиняюсь необходимости во всех ее вариациях и т. д., и т. п. Вы превосходная музыкантша, но вы берете только одну ноту, остальные—лишь кариатиды, ширмы; остальные ноты подчинены Grundton'у***.— Но в жизни, в действительности, как и в музыкальной пьесе, все звучит не так однотонно.

Дайте же вашу руку, побейте меня, но любите меня немножко побольше.

[1] Речь идет о письме Герцена к М. Гессу от 3—4 марта 1850 г., в котором Герцен полемизировал с высказываниями Гесса по поводу «С того берега». Сохранившаяся переписка Герцена и Гесса, в том числе и это письмо, напечатана в «Лит. наследстве», т. 7-8, 1933, стр. 72—89.

[2] В № 153 «Voix du Peuple» от 4 марта была помещена заметка Хоецкого, в которой описывалась судьба ходатайства Гервега о выдаче ему визы для поездки в Париж (Герцен, играя словами, называет эту историю *визионерской*).

«Совсем недавно,— писал Хоецкий,— один швейцарский гражданин, изгнанный из Парижа, где он безупречно прожил восемь лет, написал министру иностранных дел, прося разрешить ему приехать сюда на несколько дней, чтобы привести в порядок свои дела, пришедшие в упадок вследствие произвола защитников собственности». Приводя далее отказ французского министра, утверждавшего, что Гервег «иностранец, замешанный во все германские и швейцарские анархические интриги, *член европейского революционного комитета*, находится, более того, в тесных сношениях с французскими эмигрантами в Швейцарии и, вероятно, настаивает на допуске во Францию, чтобы деятельно участвовать в происках своей партии», Хоецкий заключал: «Мы заявляем с полным убеждением и пониманием, с совершенным знанием дела, что это обвинение является с начала до конца не чем иным, как сплетением лжи. Ложь, что иностранец, о котором идет речь, замешан в какие-либо интриги; ложь, что он принимал когда-либо участие в заговорах как во Франции, так и в Швейцарии. Мы предлагаем властям поддержать перед судом справедливость наших утверждений и вызываем правительство обосновать свои обвинения хоть сколько-нибудь правдоподобными доказательствами...».

---

* Кому это на пользу—не знаю (лат. и итал.).—Далее три слова по-русски.—*Ред.*

** на месте (нем.).

*** основному тону (нем.).

[3] *Польза — большой вред...*— так говорил профессор Московского университета Алексей Леонтьевич Ловецкий. В «Былом и думах» Герцен писал о Ловецком: «У него были созданы неизменные рубрики для формулярных списков каждого минерала, от которых он никогда не отступал; случалось, что характеристика иных определялась отрицательно: «кристаллизация — не кристаллизуется, употребление — никуда не употребляется, польза — вред, приносимый организму» (изд. АН, т. VIII, стр. 127).

Приводя эти слова, Герцен имел в виду, что заметка Хоецкого принесет Гервегу несомненный вред и еще более ухудшит отношение к нему французского правительства.

61

ГЕОРГУ и ЭММЕ ГЕРВЕГАМ

⟨Paris.⟩ 4 mars ⟨1850⟩

Il pleut, il fait sombre... et je suis sombre. Je voudrais parler avec toi de beaucoup; j'ai une démangeaison terrible de raconter beaucoup,— j'ai un million de projets, entre autres — de faire des articles sur la philos⟨ophie⟩ allemande[1] pour les Français, et d'écrire contre les absurdités d'Em⟨ile⟩ Girardin[2], et aussi d'autres projets de ne rien faire,— à propos (à quel propos cela se rattache, je ne sais pas), écrivez un mot à Jacoby[3], ne peut-il pas envoyer *tanto poco V⟨om⟩ and⟨ern⟩ Ufer nach Moskau.*

J'ai la conviction que, bonne ou mauvaise, mais la réponse viendra avant le 10 mars — je t'assure que cette affaire est pour moi équivalente à la vessie enragée de Tourg⟨ueneff⟩ — Tourg⟨ueneff⟩ qui m'a impliqué par amour pour m-me V⟨iardot⟩[4] (pour faire une *captatio benevolentiae* du mari) dans un dédale de commérages et qui a ôté la virginité... (oh, n'allez pas croire qu'il en est capable avec le beau sexe) de mon fils puîné, en lançant son nom au S. Lazare[5] ⟨1 *нрзб.*⟩?

Kapp fit la même chose avec moins de tact — et avec plus d'acanichement et s'est encore plus engermanisé qu'il n'a été[6]. C'est un cadeau pour les naturalistes de New-York de voir un exemplaire si pur.

Рукой Таты Герцен:

Милый Гервег, это нехорошо, сказал, что напишешь, я плакала.

Тата

Перевод:

⟨Париж.⟩ 4 марта ⟨1850 г.⟩

Идет дождь, сумрачно... и я сумрачен. Хотелось бы поговорить с тобой о многом, меня просто подзуживает рассказать тебе множество вещей, у меня тьма планов, между прочим — написать для французов ряд статей о немецкой филос⟨офии⟩[1], написать против нелепостей Эм. Жирардена[2], а также и иные — планы ничего не делать; кстати (к чему это кстати я и сам не знаю), черкните несколько слов Якоби[3], не может ли он переслать tanto poco * «С т⟨ого⟩ берега» nach Moskau**.

Я убежден, что ответ — хороший или плохой — придет до 10 марта. Уверяю тебя, это дело для меня все равно, что воспаление мочевого пузыря для Тург⟨енева⟩ — Тург⟨енева⟩, который завлек меня, из любви к г-же В⟨иардо⟩[4] (ради captatio benevolentiae *** мужа), в лабиринт сплетен и который лишил невинности (о, не подумайте, что он способен на это с прекрасным полом!) моего младшего сына, произнеся его имя в С.-Лазаре[5] ⟨1 *нрзб.*?⟩.

Капп сделал то же, с меньшим тактом, но с большей, поистине собачьей злостью[6]; он еще больше онемечился, чем прежде. Такой чистокровный экземпляр — настоящая находка для нью-йоркских натуралистов ****.

[1] Этот замысел не был осуществлен Герценом.

[2] См. ниже письма №№ 63 и 71.

[3] Иоганн *Якоби* (1805—1877) — немецкий политический деятель, высоко ценимый Герценом. Будучи родом из Кенигсберга, находившегося невдалеке от русской границы

* немного (итал.).

** в Москву (нем.).

*** снискания благосклонности (лат.).

**** Русскую приписку Таты Герцен см. в основном тексте письма.— *Ред.*

и являвшегося одним из главных пунктов по переправке запрещенной литературы в Россию, Якоби мог оказать содействие Герцену в пересылке его книг через границу. С этой же целью Герцен обращался к Якоби и впоследствии (см. VI, 134—135).

25 февраля 1850 г. Н. А. Герцен писала Гервегу из Парижа: «Не знаю почему, я также часто думаю о Якоби — я его очень люблю, почему — сама не знаю. Александр совсем не писал ему, и мы не получаем от него писем» (подлинник на франц. языке).

[4] Полина *Виардо* — известная певица, жена французского литератора Луи Виардо.

[5] *С.-Лазар* — парижская женская тюрьма и тюремная больница. Так Герцен, по-видимому, называет здесь саркастически газету «National», напечатавшую упомянутые в примеч. 2 к письму № 55 строки о Коле Герцене.

[6] О каком печатном выступлении Ф. Каппа идет речь, не установлено.

62

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Le 5 mars ⟨1850⟩. Paris

Je ne puis t'exprimer comme cela m'était pénible de voir ton nom cité dans la feuille que tu m'as envoyée[1]. Les sacrés chiens, nos amis, gâtent tout, non seulement qu'ils ont gâté l'histoire du genre humain, ils gâtent l'existence des individus.— Tourg⟨ueneff⟩ lui-même est desolé (et c'est lui qui est le grand coupable de tout le vacarme), Viardot persiste à prouver une chose avec toute l'indélicatesse d'un bourgeois. Je serai enfin forcé de donner un démenti, même pour toi, j'écrirai une lettre à M. Schi— bel[2]. Et les f⟨...⟩ bêtes de notre chère rédaction ne peuvent rien imprimer sans ajouter de la rhétorique. Ils pensent que de subir un démenti n'est rien.— Laisse si c'est possible couler à fond cette histoire.

Kapp est un imbécile — et enfin il est parti pour l'Amérique, et a très bien fait.— Comment sans demander la permission faire des publications... comme Galeer nous a attaché à l'*Alliance*[3] — c'est inconcevable. On ne voit personne, on ne veut que du repos.— Mais dis-moi ce que je dois faire après la seconde bêtise inqualifiable du *National*?[4]

Je te remercie de toute mon âme pour ta lettre, elle m'a fait oublier un moment toute la bile qui s'accumule de plus en plus tous les jours. Je t'embrasse.

Personne n'est à la maison.

Перевод:

5 марта ⟨1850 г.⟩. Париж

Не могу выразить, как мне было тяжело, когда я увидел твое имя в присланной тобой газете[1]. Эти наши проклятые друзья портят все; они не только испортили историю человеческого рода, но портят жизнь отдельным личностям. Тург⟨енев⟩ и сам в отчаянии (а он именно и есть главный виновник всей суматохи), Виардо же с бестактностью буржуа упорно продолжает что-то доказывать. В конце концов я буду вынужден написать опровержение, даже насчет тебя; я напишу письмо г-ну Ши— белю*[2]. А⟨...⟩ дураки из нашей милейшей редакции не могут ничего напечатать, не разбавив риторикой. Они думают, что выслушать опровержение — ничего не стоит.— Если возможно, дай этой истории забыться.

Капп просто дурак, наконец-то он уехал в Америку, и очень хорошо сделал.— Как можно что-либо публиковать, не испросив на то разрешения... как это Галер втянул нас в «Alliance»[3]—уму непостижимо. Никого не видно, все хотят только покоя.— Но скажи, что я должен делать после вторичной неслыханной глупости «National»?[4]

От всей души благодарю тебя за письмо, оно заставило меня забыть на минуту мое дурное настроение, которое усиливается с каждым днем. Обнимаю тебя.

Дома никого нет.

[1] Какая газета была прислана Гервегом — точно неизвестно вероятней всего — «La Suisse». В ней речь шла об эпизоде, связанном с высылкой из Цюриха Коли Герцена. К этому делу оказался припутанным и Гервег.

* Шутка: окончание фамилии Шибеля («bel») по-французски означает «красавец».

[2] Написал ли Герцен к директору училища глухонемых Шибелю — не установлено.

[3] Альберт *Галер* (Galeer, 1816—1851) — швейцарский политический деятель и журналист, редактор газеты «L'Alliance des Peuples», названный Герценом в «Альпийских видах» «суровым апостолом» социализма (XIV, 782). Галер напечатал в списке сотрудников своей газеты имена Герцена и Гервега, не получив на это их согласия.

[4] Герцен имеет в виду следующую заметку, помещенную в «National» от 2 марта 1850 г. (см. выше примеч. к письмам №№ 55 и 61).

«Газета „La Suisse" опровергает сообщенную нами новость о высылке сына политического изгнанника — шестилетнего ребенка, находившегося в цюрихском учебном заведении.

Это опровержение „La Suisse" считает удобным представить нам, *не собрав никакой предварительной информации*. Мы позволяем себе не согласиться с этим опровержением.

Пусть же „La Suisse" сперва разузнает, а потом уже опровергает — это будет гораздо более логично. Что же касается нас — вот в чем можем мы ее заверить: рассказ, напечатанный в „La Suisse", был перепечатан (с несколькими небольшими уточнениями) в „Voix du Peuple". Кто же является автором этого сообщения, таким образом уточненного? — Отец высланного ребенка. На каком документе он основывался? На письме самого директора цюрихского учебного заведения».

Это выступление в печати (вероятно Л. Виардо), по мнению Герцена, могло возбудить неудовольствие швейцарских властей, обострять отношения с которыми он не считал целесообразным.

63

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

9 mars 1850. Paris

Cher Georges — *primo*, je ne bois pas de bière, ni beaucoup d'eau de vie, 2e je bois du beaune à 1.50 la bout⟨eille⟩, 2 par jour — total 3 fr⟨ancs⟩ de consommation. Il y a quelque chose de tellement lourd dans l'atmosphère que nous respirons ici, qu'il est difficile de te dire ce que je sens. Encore une fois — cela me rappelle physiquement le sentiment d'un désespoir sombre qui tombait quelquefois sur mon âme à Pétersbourg. Quand parviendrons nous, non dans la théorie, mais dans la conduite, à nous émanciper de l'intérêt que nous portons à ce monde qui en vérité n'a rien de commun avec nous? Est-ce que nous nous fâchons contre la bêtise d'un arbre, contre le caractère hargneux d'un loup? Et nous nous fâchons de la bassesse, du servilisme de l'homme — mais c'est son caractère spécifique; sans ces qualités humaines — il sera orang-outang. Mais ce n'est pas avec dépit qu'il faut accepter cela — mais avec sérénité.— Il y a un an j'écrivai: il faut donc ouvrir les yeux ⟨aux⟩ hommes, il faut leur prêcher l'approche de la mort[1] — ce temps n'est plus; la pourriture, la dissolution est là, personne ne se trompe à présent — pas même le s⟨aint⟩ père Donoso Cortès. Il faut du calme à présent. Le plus grand malheur objectif, nous l'avons souffert, en perdant espérance, foi, respect de notre propre passé. Et au lieu de cela, on n'est que plus tourmenté par le spectacle ignoble, blessant, outrageux. Je dépends extrêmement des impressions, je suis très *reizbar* par le milieu et ici ma pensée, mon âme ne me suffisent pas — trop froissé tous les jours, une inquiétude, une irritation perpétuelle me suffoquent.— Enfin nous sommes au 9, la sacrée réponse viendra donc un de ces jours[2]. La dernière lettre de Gasser, que j'ai lue moi-même, ne donne pas de bonnes espérances. Et le gouvernement de Wurt⟨emberg⟩ ne voudra pas trop s'avancer par le temps qui court.

Et pas une ligne de la Russie — et tout cela est si facile à savoir, si facile à écrire.

A propos, on dit assez positivement que Bacounine s'est sauvé de la prison[3].

Kapp continue même sur l'océan sa corréspondance avec Campe, je vous envoie une lettre qu'il m'a envoyée aujourd'hui. N'oublions pas de dire à Campe qu'à la seconde édition[4] il faut faire quelques corrections. L'épilogue est traduit.

J'ai entrepris encore une petite bluette poétique sous le titre *Emile Girardin et Emanuel Kant* pour lui dire qu'il est, non seulement mauvais républicain, mais mauvais dialecticien [5]. J'ai non seulement la possibilité mais la manie d'écrire des petites dissertations — à propos des petites bêtises qu'on répète dans les grandes feuilles.

As-tu envoyé les 700 ou 750 exemp⟨laires⟩ à Campe? Donne-lui la bénédiction pour la seconde édition.

Tu me demandes quelle histoire visionnaire, mais toute l'histoire avec le visa historique de ton passeport a été imprimé [6]. Quel est donc ce Delahodde *vice versa* qui me traite en banquier,— je n'ai jamais entendu parler de lui [7].

Tourgueneff «s'en va-t-en guerre» — il retourne à Pétersbourg (m-me Viardot va à Berlin et probablement poussera plus loin dans l'absolutisme boréal)[8]. N'est-il pas un héros; est-ce que les femmes ne lui doivent pas admiration, vénération, glorification... les autres devoirs il ne pourrait admettre, jusqu'à une correction de la vessie.

As-tu compris le quatrain magnifique de Pouchkine? [9]

Voilà tout, *caro mio*, je crois qu'à présent les choses iront un peu plus vite— et qu'enfin nous rentrerons dans quelque port — pour oublier pour une année au moins les tempêtes et les orages.

Ta main.

Nous avons vu et parlé ⟨à⟩ Léontine [10].

Перевод:

9 марта 1850 г. Париж

Дорогой Георг, primo я совсем не пью пива, а водки пью немного; 2. Я пью бонское вино по 1.50 за бут⟨ылку⟩, 2 бутылки в день, итого 3 фр⟨анка⟩ на пропитие. Есть нечто настолько тяжелое в атмосфере, которой мы тут дышим, что мне трудно описать тебе свое состояние. Повторяю — по физическому ощущению это напоминает мне то чувство мрачного отчаяния, какое временами овладевало моей душой в Петербурге.

«НЕ СЛИШКОМ ПРОЧНАЯ ТОЧКА ОПОРЫ!»

Карикатура, разоблачающая неустойчивое положение республиканского строя во Франции и рост влияния военщины. Республика изображена стоящей на скрещенных саблях; ее поддерживают Монталамбер (слева), Тьер (справа)

Рисунок Ш. Вернье

«Charivari» от 2 марта 1850 г.

«Республика во Франции погибла... Вся Франция поделена по-военному между четырьмя генералами» (Из письма к Георгу Гервегу от 19 февраля 1850 г.)

Когда же удастся нам не в теории, а на деле освободиться от интереса к этому миру, в действительности не имеющему ничего общего с нами? Разве мы сердимся на тупость дерева, на лютость природы волка? Но мы сердимся на низость, на угодливость человека — да ведь это составляет особенность его характера, без этих человеческих свойств он был бы орангутангом. И это надо принимать не с досадой, а спокойно.— Год назад я писал: «Надо же открыть людям глаза, надобно возвестить им приближение смерти»[1]; теперь уже не те времена, наступил распад, гниение, теперь никто уже не обманывается — даже св⟨ятой⟩ отец Донозо Кортес. Теперь нужно спокойствие. Самое большое несчастие общего порядка мы уже пережили, потеряв надежду, веру, уважение к собственному прошлому. А между тем мы еще больше терзаемся, глядя на все это гнусное, обидное, оскорбительное зрелище. Я чрезвычайно поддаюсь впечатлениям, я очень reizbar * к окружающей среде, и здесь уже мне не хватает ни моих умственных способностей, ни моих душевных сил — я ощущаю себя всякий день слишком уязвленным и задыхаюсь от беспокойства и вечного раздражения.—Наконец-то мы дожили до 9 числа, проклятый ответ придет, стало быть, в ближайшие дни[2]. Последнее письмо Гассера, которое я сам читал, не вселяет хороших надежд, а вюрт⟨ембергское⟩ правительство по теперешним временам не особенно-то захочет ввязываться.

И ни строчки из России, а все это так легко узнать, так легко обо всем написать.

Кстати, довольно определенно говорят, что Бакунин бежал из тюрьмы[3].

Капп даже на океане продолжает переписку с Кампе; посылаю вам письмо, которое он мне сегодня прислал. Не забыть бы сказать Кампе, что во второе издание[4] нужно внести некоторые исправления. Эпилог переведен.

Я задумал также маленькую поэтическую шутку под названием: «Эмиль Жирарден и Иммануил Кант», чтобы сказать ему, что он не только плохой республиканец, но и плохой диалектик[5]. Я не только располагаю возможностью, но одержим манией писать маленькие рассуждения по поводу маленьких глупостей, повторяемых в больших газетах.

Послал ли ты 700 — 750 экз⟨емпляров⟩ Кампе? Благослови его на второе издание.

Ты спрашиваешь, что это за визионерская история, да ведь вся история с исторической визой твоего паспорта была напечатана[6]. Кто же этот Делагод vice versa**, который принимает меня за банкира,— я о нем ничего не слыхал[7].

Тургенев «в поход собрался» — он возвращается в Петербург[8] (г-жа Виардо едет в Берлин и, вероятно, проследует дальше в глубины северного абсолютизма). Ну не герой ли он, и не обязаны ли женщины воздавать ему дань восхищения, преклонения, прославления... другой дани он не мог бы принять до приведения в порядок своего пузыря.

Понял ли ты великолепное четверостишие Пушкина?[9]

Вот и все, caro mio, я думаю, что теперь дела пойдут несколько быстрее, и мы войдем, наконец, в какую-нибудь гавань, чтобы хоть на год забыть бури и грозы.

Дай руку.

Мы видели Леонтину[10] и разговаривали с ней.

[1] В статье «Vixerunt!» с эпиграфом «Смертию смерть поправ», датированной «Париж, 1 декабря 1848 г.» (вошла в книгу «С того берега»), Герцен писал: «Проповедуйте весть о смерти, указывайте людям каждую новую рану на груди старого мира, каждый успех разрушения ⟨...⟩, указывайте, что ему нельзя выздороветь, что у него нет ни опоры, ни веры в себя ⟨...⟩; проповедуйте смерть как добрую весть приближающегося искупления» (изд. АН, т. VI, стр. 76).

[2] *Проклятым ответом* Герцен называет здесь ожидаемый результат переговоров фирмы Ротшильда с петербургским правительством по поводу векселя («билета»), принадлежавшего матери Герцена. См. об этом в ряде писем, входящих в настоящую публикацию.

[3] Слух о бегстве М. А. Бакунина из тюрьмы оказался ложным.

[4] Второе издание «Vom andern Ufer», которое Герцен предполагал выпустить в Германии, не осуществилось, так как оно было запрещено цензурой.

---

* чувствителен (нем.).

** наоборот (лат.).

[5] Памфлет «Эмиль Жирарден и Иммануил Кант», по-видимому, закончен не был, и рукопись его неизвестна. 3 марта 1850 г. Герцен сообщал М. Гессу: «... Я собираюсь сейчас написать небольшую статью против сумбура, проповедуемого Эм. Жирарденом по вопросу о большинстве и меньшинстве» («Лит. наследство», т. 7-8, 1933, стр. 80).

[6] См. в примеч. 2 к письму № 60 заметку Хоецкого из «Voix du Peuple» по поводу отказа французского правительства выдать Гервегу визу на въезд в Париж.

[7] Люсьен *Делагод* (de la Hodde, 1808—1865) — журналист, соредактор газеты «La Réforme», разоблаченный в 1848 г. агент французской тайной полиции, автор мемуаров, в которых он старался «изобразить всю революцию как простой обман» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, 1931, стр. 297). Герцен сопоставляет с ним автора какой-то неизвестной нам статьи, назвавшего Герцена банкиром. К этому средству, употреблявшемуся с целью политической компрометации Герцена в глазах европейской демократии, его политические противники прибегали неоднократно.

[8] Тургенев уехал из Парижа в Россию только 12/24 мая 1850 г. Герцен шутливо уподобляет его герою французской народной песни, начинающейся словами «Мальбруг в поход собрался».

[9] О каком четверостишии идет речь — неизвестно.

[10] О встрече Герцена и его жены с *Леонтиной* см. ниже, в обзоре писем Н. А. Герцен к Гервегам.

64

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ и М. К. ЭРН

⟨Paris.⟩ 12 mars ⟨1850⟩

Cher Georges! Moi je suis aussi triste et agité. Mais je n'ai pas le moindre désir d'y ajouter encore les éternelles questions subjectives.— Laissons cela.— Ce n'est pas beau de s'occuper de ses *cors* aux pieds de *l'âme* lorsque quelque chose de terrible s'accomplit. *Caro mio*! Il n'y a pas assez d'air, on ne peut respirer, *es ist schwühl*... le dernier moment, le plus grave est peut-être arrivé. *Oggi — o mai* [1].

Je ne vois personne... mais je flaire quelque chose, c'est instinctif. Oh, donnez au moins du repos à nous autres. Du repos et rien de plus. Peut-être ils en donneront à gogo...

Et pourquoi pas? *So untergehen wie diese Sonne... Ein Knabengedanke...* il n'y a qu'un genre de mort que je déteste, c'est

«Mourir pour la patrie» [2],

mais mourir sans foi.— Ma foi — alors il faut mourir sans demander grâce, de foie gras aux truffes... deux fois gras...

Mourir pour les truffes...

J'ai une migraine, un mal *de dent* et un mal dehors.

Le docteur a été chez moi, le docteur de Dresde [3]. Ce qui se fait est au-dessus de toute imagination. Je suis triste — триста раз.

Tu m'écris — et que le diable te punisse pour les nouvelles bêtises que tu as écrites. Mais est-ce que?..

Allons en Espagne... manger des portugalles.— Alles ist aufgeregt, «es brauset und... brauset».

Je continue sur la table *.

Montre cela à m-lle Ern qui te montre la langue russe, et oublie ta montre qui avance trop.

Марья Каспаровна. Два слова только, писать не хочется, нового об деле ничего. А здесь что-то так страшно с вчерашнего вечера, что-то такая хлопота в тишине, что мороз по коже... Что будет — то будет. Фи — где-нибудь бы сидел теперь в Новом Йорке без Капорцов [4], а впрочем, посмотрим, и всё ведь из Рыльска через Арша в Бресла [5].

Колю целую.

Маменьке сами расскажите...

* Следующий далее текст написан на отдельном листке.— *Ред.*

Перевод:

<Париж.> 12 марта <1850 г.>

Дорогой Георг! Я тоже опечален и взволнован. Но у меня нет ни малейшего желания добавлять еще к этому вечные наши личные дела.— Оставим это.— Нехорошо заниматься своими *душевными мозолями*, когда свершается нечто ужасное. Caro mio! не хватает воздуха, нечем дышать, es ist schwühl *...— наступила, быть может, последняя, самая решительная минута. Oggi — o mai.**[1]

Я ни с кем не вижусь... но что-то инстинктивно чую. О, дайте же нам, нам-то, хотя бы, покоя. Покоя и ничего больше. А может быть, они и дадут его, да уж свыше меры...

А почему бы и нет. So untergehen wie diese Sonne... Ein Knabengedanke...*** есть только один вид смерти, который я ненавижу, это

«Умереть за родину»[2],

но умереть без веры.— Верь мне, тогда лучше умереть с верой в гусиную печенку с трюфелями... это дважды верная смерть****...

Умереть за трюфеля...

У меня мигрень, меня мучит зубная боль внутри и все происходящее во вне*****. Доктор у меня был, доктор из Дрездена[3]. То, что делается, превосходит всякое воображение. Мне грустно — триста раз******.

Ты мне пишешь — и пусть тебя черт накажет за новые глупости, которые ты написал. Но разве?..

Едем в Испанию есть апельсины. «Alles ist aufgeregt, es brauset und... brauset» *******.

Продолжаю за столом.

Покажи это мадемуазель Эрн, которая показывает тебе русский язык, позабыв о твоих часах, а они очень спешат********.

[1] Герцен с тревогой ожидал результатов дополнительных выборов в Национальное собрание, которые, в значительной степени, должны были предопределить судьбы Франции. См. примеч. 4 к письму № 66.

[2] *«Умереть за родину»* — песня из драмы А. Дюма и О. Маке «Le Chevalier de Maison-Rouge», музыка Варнэ (1848). Герцен неоднократно подчеркивал свою ненависть к этому мещанскому шовинистическому гимну, почти полностью вытеснившему в это время героическую «Марсельезу». См. примеч. 3 к письму № 11.

[3] Кто был этот *доктор из Дрездена* — нам неизвестно.

[4] *Капорцем* Герцен шутливо называл Ф. Каппа.

[5] Смысл этой фразы неясен.

65

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

<Париж. 13 марта 1850 г.>

Et pourquoi donc tu *grübel* toujours? *Mut gefasst, und vorwärts*, comme disait Blücher le rétrograde [1].— *Es ist lebendiger geworden, sara che sara* — mais c'est mieux et Sara la conservatrice doit céder à Agar la trisoc[2].

---

* душно (нем.).

** Сегодня—или никогда (итал.).

*** Закатиться как солнце... Мальчишеская мысль... (нем.)

**** Сложная игра слов: «foi» (вера), «foie» (печень), «fois» (раз) произносятся по-французски одинаково; «grâce» пощада, «foie gras» (гусиная печенка), «gras» (жирный).

***** «mal de dent» (зубная боль) звучит как «mal dedans» (боль внутри).

****** «триста раз»— написано по-русски; «triste» (грустно) звучит по-французски схоже с «триста».

******* «Все в волнении, и бушует... и бушует» (нем.).

******** Игра слов: «montre» (часы) и «montre» (покажи, показывает) пишутся и произносятся по-французски одинаково.

Приписку к М. К. Рейхель на русском языке см. в основном тексте. — *Ред.*

Написано в круге:

Puisque tu parles des formats des lettres, je veux inventer quelque chose de nouveau pour te fâcher. Emma est arrivée. Ici les choses s'améliorent. Demain je t'écrirai plus.

18 $\frac{13}{III}$ 50.

Далее приписано:

On dit de Seiler[3] que c'est une canaille.

Tata te salue, «mon petit Herwegh Buxda...» (cité avec consci⟨ence⟩).

Перевод:

⟨Париж. 13 марта 1850 г.⟩

Зачем же ты вечно grübe*? Mut gefasst, und vorwärts**, как говорил пятившийся назад Блюхер[1]. Es ist lebendiger geworden***, sara che sara****— но это лучше, и консервативная Сарра должна уступить Агари ⟨*1 нрзб*⟩.[2]

Написано в круге:

Так как ты говоришь о формате писем, то я хочу придумать что-нибудь новенькое, чтобы тебя позлить. Эмма приехала. Обстановка здесь улучшается. Завтра я напишу тебе больше.

18 $\frac{13}{III}$ 50.

Далее приписано:

О Зейлере[3] говорят, что он подлец.

Тата посылает тебе привет, «мой маленький Гервег Буксда...» (процитировано доброco⟨вестно⟩).

[1] Гебгард-Лебрехт *Блюхер* (1742—1819) — прусский генерал, ведший боевые действия против Наполеона I и неоднократно отступавший. Русские солдаты прозвали Блюхера «фельдмаршал Форверц» за часто повторявшееся им в бою восклицание: «Vorwärts» («Вперед!»).

[2] По библейской легенде, жена патриарха Авраама — Сарра, не имевшая детей, уступила ложе египетской рабыне Агари, от которой родился Измаил, родоначальник арабского племени.

[3] Себастиан *Зейлер* (ок. 1810 — ок. 1890) — немецкий революционный эмигрант. Низкого мнения о нем был и К. Маркс (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, 1932, по указателю; см. также ниже письма №№ 66 и 71).

66

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Paris. 15 mars ⟨1850⟩

Wieder ein kleines Format, *cher boudeur*. Oh, wie ich recht hatte, *caro amico*, *lorsque je t'écrivai «Oggi o mai»*[1]. Alles ist in der vollkommenen Gärung, Titanen, Oceaniden, Boa Const⟨rictor⟩, Orleaniden, Soulouquiden, und weiß der Teufel was noch für Iden, die Iden des Märzes, oder Ida von Toggenburg— pour moi c'est *id*entique avec le mont Ida, et un Russe a droit de dire: «И да— и нет!»[2]

Oh, glaube nicht, daß ich spaße. Solche Tage haben wir noch nicht gesehen. Jetzt weder von Nizza, noch von Monaco — jetzt muß man dastehen und zusehen, was der alte Geist der Geschichte für einen Spaß angefangen hat, der progressive *Pulcinella*[3], der sich mit Blut schminkt. Aber mit dem Pariser Volke habe ich mich versöhnt...[4] Lese was ich an m-lle Ern schreibe und die Journal-Exzerpten. *A propos*, ich schicke ein Kompliment für die

* мудрствуешь (нем.).
** Не робейте, вперед (нем.).
*** Стало повеселее (нем.).
**** Будь, что будет (итал.). Каламбур: «sara» (по-итальянски «будет») звучит как библейское имя Сарра.

Schweiz, aus der *Assemblée-Nation⟨ale⟩* — diese Korrespondenz wird von russischen Spionen geschrieben [5]; bemerke, daß die Schweizer weiter gegangen sind, als die Russen wollten.— War der Schweizer in *K⟨arl⟩ Moor* ein Schweizer? [6] Ich glaube es nicht.

Ich bin aufgeregt bis auf einen fieberhaften Zustand... Wieviel *möchte* ich dir erzählen; vom 11 bis heute habe ich noch ein Stadium gemacht. Alles lebendige ist proteartig und man kann es nicht auf einmal fassen, jede Kategorie wird immer depassiert.— Glaube mir, daß den 11, sogar den 12, niemand wußte was für einen Character die Wahlen nehmen würden[7]. Die ganze kleine Bourg⟨eoisie⟩ hat für die Republikaner votiert— das ist das wichtigste. Und die Soldaten. Die Maßregeln, die man nehmen will, sind kolossal, das übertrifft alles, was bis jetzt geschehen ist.— Gestern war der alte Bernatzky [8] bei mir und er fürchtet, Paris verlassen zu müssen.— Nur ein fröhlicher Mann existiert auf der Welt und der ist Ivan Golovin. Bamberger schreibt mir, daß er — es heißt Gol⟨ovin⟩ — eine Kritik über mein Buch deutsch geschrieben hat [9], und fügt hinzu: «Er lobt sie schrecklich — schade, daß er aber auch gar nichts versteht».

Du hast gesehen, daß der Herr Petri hat geantwortet, in *V⟨oix⟩ d⟨u⟩ P⟨euple⟩*?[10]

Oh! wenn 5 Tage ruhig vorbeigingen, dann ist der Wendepunkt da, *et la pendule retombera.* Ich schreibe noch ein paar Worte um halb 5— wenn ich etwas haben werde.

Seiler soll ein sehr schlechter sein[11].

Егору Васильевичу

Перевод:

Париж. 15 марта ⟨1850 г.⟩

Опять маленький формат, cher boudeur*. О как я был прав, caro amico, когда писал тебе: «Oggi o mai»**[1]. Все в полном брожении: титаны, океаниды, боа-конст⟨рикторы⟩, орлеаниды, сулукиды и черт знает еще какие ⟨иды⟩—то ли мартовские Иды, то ли Иды фон Тоггенбург—для меня это *ид*ентично горе Иде, а русский имеет право сказать: «И да и нет»!***[2].

О, не подумай, что я шучу. Таких дней мы еще не видывали. Теперь никакой Ниццы, никакого Монако—теперь нужно оставаться тут и наблюдать, что за шутку затеял старый дух истории, этот прогрессивный pulcinello[3], гримирующийся кровью. Зато с парижским народом я помирился[4]... прочти, что я пишу м-ль Эрн, и газетные вырезки. A propos****, посылаю приветствие по адресу Швейцарии из «Assemblée Nationale»—эта корреспонденция писана русскими шпионами [5]; заметь, что швейцарцы пошли дальше, нежели того хотели русские.— Был ли Швейцер в «К⟨арле⟩ Море» швейцарцем? [6] Не думаю.

Я возбужден до горячки... Как много *хотелось* бы мне рассказать тебе; с 11-го по сегодняшний день я прошел еще одну стадию. Все живое, подобно Протею, оно не постигается разом, каждая категория постоянно уступает место другой. Поверь мне, что 11-го и даже 12-го, никто еще не знал, какой характер примут выборы. Вся мелкая бурж⟨уазия⟩ голосовала за республиканцев [7]— это самое важное. И солдаты. Меры, которые собираются принять, необычайны, это превосходит все, что было до сих пор.— Вчера ко мне заходил старик Бернацкий [8], он боится, что будет вынужден покинуть Париж.— Один только веселый человек и существует на свете — это Иван Головин. Бамбергер пишет мне, что он, т. е. Гол⟨овин⟩, написал по-немецки критику на мою книгу [9] и добавляет: «Он страшно вас хвалит, жаль только, что он ровно ничего не понимает».

---

* дорогой капризник (франц.).
** «Сегодня или никогда» (итал.).
*** Слова: «И да и нет» написаны по-русски.— *Ред.*
**** Кстати (франц.).

Видел ли ты, что г-н Петри ответил в «V⟨oix⟩ d⟨u⟩ P⟨euple⟩»[10]?

О если бы пять дней прошли спокойно, тогда наступит и поворотный момент et la pendule retombera *. Я напишу еще несколько слов в половине пятого, если будет о чем.

Зейлер, должно быть, большая дрянь[11].

Егору Васильевичу **.

«ВИД, СНЯТЫЙ НА КЛАДБИЩЕ ПЕР-ЛАШЕЗ»

Карикатура, высмеивающая поражение реакции, во время дополнительных выборов в законодательное собрание 10 марта 1850 г., и реакционные газеты «La Patrie» и «Le Constitutionnel», оплакивающие это поражение

Рисунок О. Домье

«Charivari» от 26 марта 1850 г.

«...победа, одержанная Республикой, была огромна» (Из письма к Георгу Гервегу от 20 марта 1850 г.)

[1] См. выше письмо № 64.

[2] Цепь каламбуров, основанных на сопоставлении различных одинаково звучащих слов и имен. *Идами* у древних римлян назывался день в середине месяца (мартовские иды — 15 марта); *Ида* — название горных хребтов в Малой Азии и на Крите. *Орлеаниды*—сторонники Орлеанской династии; *сулукиды*—сторонники Луи-Наполеона, которого политические противники насмешливо называли именем негритянского императора Сулука.

[3] *Пульчинелло* — персонаж итальянского народного театра.

---

* маятник снова опустится (франц.).

** Имя и отчество написаны по-русски.— *Ред.*

[4] *Дополнительные выборы* в Законодательное собрание, состоявшиеся 10 марта 1850 г., закончились крупным успехом республиканцев — особенно в Париже, где большинство голосов получили Дефлет, Видаль и Карно, а кандидаты контрреволюции потерпели поражение. «10 марта было революцией,— писал Маркс,— за избирательными записками скрываются булыжники мостовой» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, 1931, стр. 84). Успех прогрессивных сил на выборах вскоре же вызвал еще большее обострение правительственной реакции.

[5] Герцен имеет в виду корреспонденцию, помещенную в № 74 реакционной парижской газеты «Assemblée Nationale» от 15 марта 1850 г., озаглавленную «Письма из Лондона». Она датирована 13 июня и подписана греческой буквой Ω.

Автор корреспонденции писал: «В смысле трусости надобно вам сказать, милостивый государь, ничто не сравнится в настоящее время с поведением швейцарских радикалов в отношении Европы; они в буквальном смысле гнутся в три погибели перед самыми мелкими изъявлениями желаний австрийской и прусской полиций; самые незначительные приказы этих двух правительств выполняются; эмигрантов преследуют, загоняют, и все это позволяет думать, что таким образом Швейцария в данный момент сможет быть пощажена». Отметим, что часть приведенной нами цитаты была перепечатана 17 марта 1850 г. в «Voix du Peuple», под названием «Царь в Швейцарии».

Мнение Герцена о том, что статья эта была написана «русскими шпионами», вероятно, основывалось на заключительных строках статьи, содержавшей апологию России как защитницы «европейского порядка». «Что придает огромную силу Австрии,— читаем мы в статье,—это то,что она получает честную и прочную поддержку со стороны России. Эта великая держава объявила, что не имеет ни малейшего честолюбивого замысла, свидетелем чему является ее поведение по отношению к Оттоманской Порте; все вопросы были окончательно урегулированы, даже вопрос о придунайских княжествах. Она сохраняет все свои силы для восстановления европейского порядка; она не есть и не хочет быть ничем иным, кроме арьергарда Австрии, сосредоточивающей свои войска, чтобы направить их в различные места, коим угрожает революция».

[6] *Щвейцер* — герой драмы Ф. Шиллера «Разбойники», которую Герцен называет здесь по имени ее главного героя — Карла Моора.

[7] Окончательные результаты выборов были напечатаны в газетах 14 марта 1850 г.

[8] Алоизий-Проспер *Бернацкий* (1778—1855)— польский политический эмигрант, один из руководящих деятелей польского восстания 1830—1831 гг. См. о нем в «Былом и думах» (изд. АН, т. XI, стр. 129—132).

[9] Упоминаемая здесь критическая статья И. Г. Головина остается неизвестной.

[10] 13 марта 1850 г. в № 162 «Voix du Peuple» появилось сообщение об изгнании из Цюриха одного из виднейших участников Баденского восстания Л. и других эмигрантов; это приписывалось интригам депутата федерального собрания Швейцарии Гонзальва Петипьера, бывшего секретаря Луи Бонапарта. На следующий день, 14 марта, в «Voix du Peuple» появилось письмо Петипьера к редактору газеты, где он отрицал свое участие в репрессиях против эмигрантов и уверял, что полон сочувствия к изгнанникам и голосовал против этих мер. — Фамилия *Petit-Pierre* означает по-французски «маленький камень»; *Petra* — камень по-латински. Вероятно, Герцен в шутку или из конспиративных соображений передал его фамилию в латинском переводе. См. о Петри также в письмах №№ 16 и 18.

[11] О *Зейлере* см. в письмах №№ 65 и 71.

67

ЭММЕ ГЕРВЕГ

⟨Париж. 15 марта 1850 г.⟩

Der Herr Hofrat Herzen (von) hat die Ehre, die gnädige Frau Emma Herwegh demütigst zu benachrichtigen, daß man den hochschätzbaren Paß Ihres glücklichen Gatten nach Nizza visiert hat. Was dem Sie hochschätzenden Überbringer dieser Nachricht die größte Freude macht, denn jetzt werden wir alle wieder nach Paris kommen.

Die Iden des Märzes[1]

Перевод:

⟨Париж. 15 марта 1850 г.⟩

Господин надворный советник Герцен (фон) имеет честь покорнейше уведомить милостивую государыню Эмму Гервег, что высокоценный паспорт ее счастливого супруга на поездку в Ниццу визирован, что весьма радует высокопочитающего ее доставителя сего известия, ибо теперь все мы снова съедемся в Париже.

Иды марта[1]

[1] *Иды марта* — 15 марта.

68

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Можешь читать

⟨Paris.⟩ 16 März 1850

Егор Васильевич, вы играете в шахматы? — Так вот что сделалось: оба сказали *мат* [1]. So etwas sonderbares kann man sich kaum denken: Die beiden Schritte sind immens. Die einen erkannten eine Kraft, eine Stütze, auf welche sie nicht rechneten,— die andern sprechen sich los von jeder Legalität, verwerfen jeden Schein; die einen flehen um Ruhe, um Ordnung — die andern sagen offen: «Sehen sie die Poltrons, sie wagen nicht».

Wenn ich dir sage, daß Guerlain, Giroux [2] und solche Menschen für die Sozial⟨isten⟩ votiert haben! Heute sprechen alle Journ⟨ale⟩ von der Beschuldigung des Prokurators gegen 3 reiche Negozianten, die er inkriminiert, durch Reden und Schriften zum Hasse der Regierung aufgewiegelt zu haben. Und der eine ist der Juwelier *Place de la Bourse*. Die roten Legitimisten sagen in der *Gaz⟨ette⟩ de France*, daß es nichts wunderbares ist, daß sie in manchen Fragen mit den Demokr⟨aten⟩ einverstanden sind, denn, fügen sie hin, wir sind ja nur die 2 serieuse Parteien, wir haben Principien und Überzeugungen.

Ist das nicht was Kurioses?

Man spricht von Zensur für die Tageblätter, von einer Proklamation der Majorität mit dem Präs⟨identen⟩, von ungeheuren Polizeimaßregeln. Andre hoffen Girardin's [3] Ministerium, die Masse benimmt sich außerordentlich.

Meine Frau ist wieder krank, hat sich erkältet — es ist sehr kalt seit einigen Tage.

Ich habe heute die *Briefe aus Italien* bekommen, 1 Exem⟨plar⟩ [4]. Sobald man noch schicken wird, werde ich dir ein Paar senden. Hoffmann schreibt mir einen Brief, er sagt daß einige «vortreffliche Rezensionen» «würden mir Freude machen», und daß er bereit ist, mir sie zu schicken. Sehen sie — was für ein Hofmann der Hoffmann ist, je voudrais toujours faire *camper* mes écrits chez Campe [5].

Qu'en pensez-vous?

A propos, schicke, ich bitte, auf Buchhändlerei... w⟨enigstens?⟩ *10* Exemp⟨lare⟩ «*Vom andern Ufer*» — nach Ham⟨burg⟩ H⟨err⟩n Kapp. Er schreibt (es heißt nicht er, sondern Kapp-*filius*) davon.— Vous comprenez que ce n'est pas Kapfigue [6].

L'article sur Donoso — pour lundi — si on ne tue pas la liberté de la presse par la presse de la liberté [7].

Прощайте. Лобызаю вас.

Den andern Bogen geben Sie ab.

Перевод:

Можешь читать

⟨Париж.⟩ 16 марта 1850 г.*

Егор Васильевич, вы играете в шахматы?— Так вот что сделалось: оба сказали *мат*** [1]. Трудно представить себе нечто столь удивительное. Оба шага огромны. Одни увидели в этом силу, поддержку, на которую не рассчитывали; другие не желают признавать никакой законности, отказываясь от всякой ее видимости; одни молят о спокойствии, о порядке; другие открыто заявляют: «Посмотрите на этих трусов, они не решаются».

Представь себе, что Герлен, Жиру [2] и прочие им подобные голосовали за социал⟨истов⟩! Сегодня все газ⟨еты⟩ пишут, что прокурором предъявлено обвинение трем богатым негоциантам в том, что они своими речами и статьями разжигали ненависть

* Начало письма по-русски.— *Ред.*

** Далее по-немецки.— *Ред.*

против правительства. Один из них — ювелир с Place de la Bourse. Красные легитимисты заявляют в «Gazette de France», что в их единомыслии по некоторым вопросам с демократами нет ничего удивительного, ибо, добавляют они, только наши две партии и являются серьезными партиями, у нас есть принципы и убеждения.

Ну, не забавно ли это?

Ходят разговоры о цензуре для газет, о совместном заявлении большинства и през⟨идента⟩, о неслыханных полицейских мерах. Другие мечтают о кабинете Жирардена[3]; массы ведут себя необыкновенно.

Жена опять болеет, она простудилась,— уже несколько дней очень холодно.

Сегодня я получил «Письма из Италии», один экземпляр[4]. Как только пришлют еще, два вышлю тебе. Гофман написал мне письмо. Он сообщает, что некоторые «превосходные рецензии» «порадовали бы меня» и что он готов прислать мне их. Вы видите, что за царедворец этот Гофман*; je voudrais toujours faire camper mes écrits chez Campe**[5].

Qu'en pensez vous ***?

A propos****, пошли пожалуйста на книгоиздательство в Гамбург г-ну Каппу ⟨хотя бы⟩ 10 экземп⟨ляров⟩ «С того берега». Он пишет (то есть не он, а Капп-filius*****) об этом.— Vous comprenez, que ce n'est pas Kapfigue******[6].

Статья о Донозо — на понедельник — если свобода прессы не будет убита прессом свободы*******[7].

Прощайте. Лобызаю вас********.

Другой лист отдайте.

[1] Подразумеваются французский народ, «сказавший мат» реакционному правительству результатами выборов 10 марта 1850 г., и ответные меры правительства: назначение П.-Ж. Бароша министром внутренних дел и принятие Законодательным собранием реакционнейшего закона о передаче народного образования под контроль духовенства («закон Фаллу»).

[2] *Герлен* — один из членов-основателей Республиканского демократического общества.— *Жиру* — по-видимому, Пьер-Антуан Жиро-Пузоль (1794—1858), член Законодательного собрания.

[3] Об *Э. Жирардене* см. в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 524—525.

[4] Имеется в виду немецкое издание «Briefe aus Italien und Frankreich».

[5] Герцен шутливо называет издателя Кампе именем давно умершего его компаньона— Гофмана. Какие именно рецензии на «Briefe aus Italien und Frankreich» имел в виду Кампе — неизвестно.

[6] Жан-Ремон *Капфиг* (Capefigue, 1802—1872) — французский журналист и историк монархического направления.

[7] См. примеч. 2 к письму № 70.

69

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Le 17 mars ⟨1850⟩. Paris

Ma mère et m-lle Ern te diront les nouvelles concernant l'affaire et concernant Paris. Moi, j'ai peu à ajouter; merci pour la lettre de Fallmerayer[1].— Granov⟨sky⟩ m'écrit que les choses vont en Russie d'une manière terrible, que le despotisme, ivre de ses succès, a perdu même la honte. La lettre à toi

---

* «Hoffmann» (Гофман — имя) и «Hofmann» (царедворец) по-немецки звучат одинаково.

** Я по-прежнему хотел бы пристраивать свои сочинения у Кампе (франц.). В подлиннике каламбур: «camper» (пристраивать) и «Campe» (фамилия издателя) по французски звучат одинаково.

*** Что вы об этом думаете? (франц.).

**** Кстати (франц.).

***** сын (лат.).

****** Вы понимаете, что это не Капфиг (франц.).— Каламбур: сопоставляются фамилии Каппа и Капфига.

******* Далее по-русски.— *Ред.*

******** Далее — приписка по-немецки.— *Ред.*

sur la Russie a beaucoup plu, mais on la trouve trop courte et on me reproche d'avoir fait mention de Golovine (!!!)[2]. Il m'écrit qu'il y a une comédie nouvelle, écrite par un jeune homme Ostrovsky (il est, je crois, dans le nombre de ceux qui ont été condamnés pour la conspiration de 49)[3] — qui n'est que le cri de rage et de haine contre les mœurs russes; il parle de cette production comme d'un succès démonique, la pièce a été supprimée, le titre «Свои люди, сочтемся» (*Nous sommes entre nous, nous ferons nos comptes*). C'est une famille où 3 générations trompent mutuellement l'une l'autre, le père trompe la fille, le fils, le père etc..., et l'être qui les trompe tous est une jeune fille de 18 ans, qui a encore moins de cœur et d'âme que les 3 générations.

Ici les affaires ne vont pas mal. Un caractère tout nouveau. Paris est méconnaissable — on ne peut rien dire. Attendons avec les décisions.

Peut-être je t'aurais écrit beaucoup plus, mais une fumée terrible remplit toute la chambre.— Oh que ces petites misères tuent un homme. Ma femme est derechef malade, elle te salue. Un froid terrible, les cheminées fument, et je n'ai pas de trou où me cacher, pas envie pour aller dans quelque café.

Je t'envois un échantillon de l'*Evénement*. Veron[4] dit qu'il se fera socialiste dès que le gouvernement aura proposé la loi sur la presse. Pr⟨oudhon⟩ est furieux, à ce que l'on dit, d'être obligé à se taire, son état d'emprisonnement est toujours le même.

Je suis triste, fumé comme un hareng de Hollande, je ne peux plus t'haranguer même en t'écrivant.

Et le Fallmerayer ou auteur mélancolique — et je ne sais quel lique.

A propos, la *Patrie* a dit hier: «Nous bénissons l'épée qui exterminera les ennemis de la société». Qu'en dites-vous de ces cannibales, de ces Cartouches[5] littéraires?

Je t'embrasse, *caro mio*.

Sacha t'a écrit une longue lettre, mais je lui ai dit qu'il devait la transcrire parce qu'envoyer une lettre sale et chiffonnée, c'est la même chose que de faire une visite sans culotte. Et bien, je te l'enverrai demain — sans rien changer.

Tata te salue. Elle a vu un songe aujourd'hui qui l'a frappée, la mort de ma femme, et bien je lui ai dit: «Mais voudrais-tu mourir à sa place?»— «Oh que non»...— «Mais si on te donnait le choix?» — «Alors j'aurais choisi un chien».— Voilà la dernière anecdote de Tata.

Ton opinion sur l'article de Bamberger[6]?

Ich glaube, daß man dem Zürcher zahlen kann, nachdem man von Campe bekommen wird. Au reste, comme tu veux.

Перевод:

17 марта ⟨1850 г.⟩. Париж

Моя мать и м-ль Эрн расскажут тебе новости о деле и о Париже; сам я мало что могу прибавить. Спасибо за письмо Фальмерайера[1]. Гранов⟨ский⟩ пишет мне, что события в России приняли ужасный оборот, что деспотизм, опьяненный своими успехами, потерял всякий стыд. Письмо к тебе о России очень понравилось, но его находят слишком кратким и упрекают меня за упоминание о Головине (!!!)[2]. Он ⟨Грановский⟩ пишет, что появилась новая комедия, написанная молодым человеком, некиим Островским (если не ошибаюсь, он был в числе осужденных за участие в заговоре 49-го года)[3], его комедия — крик гнева и ненависти против русских нравов; он отзывается об этом произведении, как о дьявольской удаче; пьеса была запрещена, название ее «Свои люди — сочтемся»*. Это семья, где три поколения взаимно обманывают друг друга: отец обманывает дочь, сын — отца и т. д., а всех их обманывает молоденькая 18-летняя девушка, существо еще более бессердечное и бездушное, чем все 3 поколения.

* Название комедии написано по-русски.— *Ред.*

Здесь дела идут неплохо. Новые черты во всем. Париж неузнаваем, но ничего нельзя еще сказать. Подождем делать выводы.

Я написал бы тебе, может быть, и много больше, но вся комната у меня в страшном дыму. — Ах, до чего убийственны эти мелкие невзгоды! Жена опять больна, она тебе кланяется. Ужасный холод, камины дымят, а у меня нет норы, чтобы укрыться, идти же куда-нибудь в кафе не хочется.

Посылаю тебе для образца «L'Evénement». Верон[4] говорит, что сделается социалистом, как только правительство предложит закон о печати. Пр⟨удон⟩, по слухам, в ярости от того, что вынужден молчать, — условия заключения у него прежние.

Я печален, прокопчен, как голландская селедка, и не могу даже письменно отчитать тебя*.

А Фальмерайер — писатель меланхолический или, не знаю, какой еще «ический».

Кстати, «La Patrie» вчера заявила: «Мы благословляем меч, который истребит врагов общества». Что ты скажешь об этих каннибалах, об этих литературных Картушах[5]?

Обнимаю тебя, caro mio.

Саша написал тебе длинное письмо, но я сказал, что его нужно переписать, ибо послать грязное, измятое письмо — все равно, что явиться в гости без штанов. Итак, я пошлю тебе его завтра, ничего не исправляя.

Тата тебе кланяется. Сегодня ей приснился поразивший ее сон, будто моя жена умерла. Я спросил: — «Ну, а ты согласилась бы умереть вместо нее?» — «О, это уж нет».— «А если бы тебе пришлось выбирать?» — «Тогда я выбрала бы собаку».— Вот тебе последний Татин анекдот.

Какого ты мнения о статье Бамбергера?[6]

Я считаю, что цюрихцу можно заплатить после получения от Кампе. Впрочем, как хочешь.

[1] Якоб-Филипп *Фальмерайер* (1790—1861)— немецкий историк и путешественник.

[2] Это упоминание о И. Г. Головине и Н. И. Тургеневе, приводимое нами в примечании к письму № 26, осталось в немецком издании «Vom anderen Ufer», но было исключено из французского перевода «Письма к Г. Гервегу» («La Russie»).

[3] А. Н. Островский никакого отношения к делу петрашевцев не имел.

[4] Луи-Дезире *Верон* (1798—1867) — редактор ежедневной радикальной газеты «L'Evénement». В автографе фамилия Верона взята в кавычки.

[5] *Картуш* (Луи-Доминик Бургиньон, 1693—1721) — прославленный главарь воровской шайки. Имя этого ловкого и бесстрашного преступника сделалось нарицательным.

[6] Речь идет о статье «Lettre sur l'unité allemande et le parlement d'Erfurth» («Письмо о германском единстве и эрфуртском парламенте»), напечатанной в прибавлении к «Voix du Peuple» от 4 и 11 марта 1850 г., за подписью *Un Allemand* (*Немец*).

70

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

19 März 1850. Paris

Oh, ich unglückseliger Atlas[1], weiß der Teufel, was ich für einen Lärm machte mit den Paar Zeilen[2], — jetzt ganz gewiß sehen wir uns bald wieder und das noch in der Schweiz. In Wahrheit wird mein Leben hier nicht mehr so unentbehrlich wie früher, der große und letzte Wurf ist gemacht. Rot⟨schild⟩ klagt über den Lombard. Sollte man ihm doch abschlagen, so ist hier nichts zu machen, alles in Würtemb⟨erg⟩; sollte man d⟨as⟩ Geld einkassieren— noch weniger.

In Zürich können wir uns besprechen, etwas ausruhen — und weiter pilgern.

Ich war stumm 2 $\frac{1}{2}$ Mon⟨ate⟩ — da kam ein Brief von Gran⟨ovsky⟩ und die großen Veränderungen hier, ich wollte nicht mehr im Mutisme beharren,

* Игра слов: «hareng»— селедка, «haranguer»— отчитывать.

und stelle dir vor, denselben Abend sprach ⟨ich⟩ schon alles [3]. Denonziert von einem Abendblatt, warten wir ⟨auf⟩ einen Abiturientenschein [4]. *O fatum! O fata morgana!* Und wie wir alle treu unserer Natur bleiben. — Emma lacht aus vollem Halse und meine Frau aus einem geschwollenen.

Alles geht nicht ganz schlecht. Bei weitem ⟨?⟩ nicht. Alle Fragen haben sich anders gestellt, sehr schade, daß du nicht hier bist.

Lundi 18 Mars 1850. — N° 167. BUREAUX RUE COQ-HÉRON, 5. Prix du n° : Paris, 10 c. — Départements, 15 c.

La Voix du Peuple

PARIS, 17 MARS.

ГАЗЕТА «LA VOIX DU PEUPLE» ОТ 18 МАРТА 1850 г. ЗДЕСЬ ВПЕРВЫЕ НАПЕЧАТАНА СТАТЬЯ ГЕРЦЕНА «ДОНОЗО КОРТЕС, МАРКИЗ ВАЛЬДЕГАМАС И ЮЛИАН, ИМПЕРАТОР РИМСКИЙ»

Страница первая (верхняя часть)

«Статья о Донозо — на понедельник — если свобода прессы не будет убита прессом свободы» (Из письма к Георгу Гервегу от 16 марта 1850 г.)

Ich bin doch heute etwas aufgeregt. Расскажу многое при свидании. Я, впрочем, употреблю все старания, чтоб остаться здесь до ответа из Петерб⟨урга⟩, который должен прийти около 10—12 апреля.

Прощай. On donne jeudi pour la première fois *Charlotte Corday*, tragédie de Ponsard. Tourg⟨ueneff⟩ dit qu'il y a des scènes très belles [5].

Au revoir, cher ami.

Перевод:

19 марта 1850 г. Париж

О я, злосчастный Атлас![1] черт знает, какого шуму я наделал несколькими строками [2], теперь-то мы, несомненно, скоро увидимся, и еще в Швейцарии. По правде сказать, мое пребывание здесь становится уж не столь необходимым, как раньше, ведь на карте уже последняя, самая крупная ставка. Рот⟨шильд⟩ подал жалобу на ломбард. Если ему все же откажут, то здесь делать уж нечего — все в Вюртемб⟨ерге⟩; если же деньги будут уплачены — тем более.

Мы можем в Цюрихе договориться, немного отдохнуть и отправиться дальше.

Я молчал $2\frac{1}{2}$ мес⟨яца⟩, а тут письмо от Гран⟨овского⟩ и большие здешние перемены — я не хотел дольше хранить безмолвие и, представь себе, уже в тот же вечер все высказал [3]. Один вечерний листок донес на меня, и мы ждем теперь абитуриентского* свидетельства [4]. О фатум! О фата-моргана, до чего все мы остаемся верны своей природе! — Эмма смеется во все горло, а жена в меру своего распухшего горла.

Все идет не так уж плохо. Далеко не так плохо. Все вопросы поставлены по-другому, очень жаль, что тебя здесь нет.

Я сегодня все же несколько взволнован**.

Расскажу многое при свидании. Я, впрочем, употреблю все старания, чтоб остаться здесь до ответа из Петерб⟨урга⟩, который должен прийти около 10—12 апреля.

Прощай***. В четверг премьера «Шарлотты Корде», трагедии Понсара. Тург⟨енев⟩ говорит, что там есть прекрасные сцены [5].

До свидания, дорогой друг.

[1] *«Oh, ich unglückseliger Atlas»* — начало стихотворения Г. Гейне (без названия) из «Книги песен».

[2] Герцен имеет в виду опубликованную накануне в «Voix du Peuple» статью «Донозо Кортес», которая могла вызвать репрессивные меры со стороны правительства. См. письма №№ 57 и 68.

[3] Т. е. написал статью «Донозо Кортес».

[4] *Вечерний листок*, донесший на Герцена,— газета «La Patrie». В подстрочном примечании к статье «Донозо Кортес» в русском издании «С того берега» Герцен отметил, что после напечатания этой статьи в «Voix du Peuple», «Patrie» «разгневалась и вечером, повторив сказанное „о третьем защитнике общества", спрашивала прокурора *республики*, будет ли он преследовать статью, в которой ставят солдат на одну доску с палачом, а палача называют *палачом* (bourreau), а не исполнителем верховных судеб (exécuteur des hautes œuvres) и пр. Донос полицейского журнала имел свое действие; через день не оставалось в редакции ни одного нумера от *сорока тысяч* — обыкновенного тиража „Voix du Peuple"» (изд. АН, т. VI, стр. 142).

[5] Первое представление пьесы Ф. Понсара «Шарлотта Корде», на котором присутствовал Герцен, состоялось 23 марта 1850 г. в «Театре Республики» («Comédie Française»).

Как установлено нами, автором рецензии на этот спектакль, опубликованной в № 175 «Voix du Peuple» от 26 марта 1850 г., являлся сам Герцен. См. наш комментарий к перепечатке этой рецензии в изд. АН, т. VI, стр. 520—521.

71

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

20 mars 1850. Paris

Tu t'impatientes en ne trouvant pas trop de clarté dans mes lettres. Mais la clarté ne vient qu'à présent. Etant, comme toujours, spectateur et non acteur de tout ce qui se fait dans ce bas monde, je crois voir assez bien la portée de tout ce qui s'est accompli. Die Repression wird stärker, die Gewalt hält inne, um sich zu sammeln, und will sich verteidigen. Die Orleanisten und die Bankokraten handeln vollkommen einstimmig mit d⟨em⟩ Präsidenten. Sie haben für sich die bureaukratische Zentralisation, die Intrige, die Indifferenten, die Reichen, die Furchtsamen, die Offiziere und Generale, die europäische Diplomatie und die Regierungskabale.— Aber ihre Lage ist gar nicht mehr dieselbe. Ein tiefer Riß entzweite die Bourgeoisie, die Legitimisten bleiben mit der liberalen Bourg⟨eoisie⟩ auf der roten Seite — die Soldaten *idem*; nie hat die Geschichte etwas größeres gesehen als le *vacuum horrendum* de la place de l'Hôtel de Ville. Ein konservativer Repräsentant sagte ja: «Ce vide est plus terrible que le vote». Et c'est la modération d'une conviction mûre, et c'est le sentiment de la force et l'assurance que tôt ou tard la position sera prise. La majorité veut paralyser la presse et le suffrage universel, on veut chasser d'ici la moitié des ouvriers, 80 000 (ou 50), cautionnement, timbre, on est allé même jusqu'à parler d'une censure policière

* Здесь в смысле свидетельства на высылку. — *Ред.*

** Далее по-русски.— *Ред.*

*** Далее по-французски.— *Ред.*

des journaux. On ira peut-être même jusqu'à des déportations, des fructidorisations[1] — il faut lire les journaux de la réaction rouge; oui, tout cela peut arriver. Et avec tout cela la victoire emportée par la République a été immense, la démoralisation des démocrates, le désespoir s'est changé en sentiment de la force et en espérance. Figure-toi que le *Siècle* est plus rouge que le *Peuple*. Et la bourgeoisie furieuse des provocations et offenses du gouvernement. Figure-toi que Goudchaux, Spinelli, Guerlain [2] etc., etc... tout cela se rapproche des socialistes, il n'y a que des caractères antiques à la Marat et à la Cavaignac qui sont fidèles à la majorité parlementaire.— Je te recommande encore une fois de lire les journaux réactionnaires.

Mais ce n'est pas une question qui pourrait se résoudre en une semaine, les journées calmes ont donné beaucoup d'espérances, *die anderen handeln aber auch entschieden*.

Concernant moi, je suis décidé d'aller te rejoindre à Zurich ou à Vevey et je ne changerai cette opinion que dans le cas que *tu pourrais venir ici*[3]. Rotschild a écrit le 16 à Péters⟨bourg⟩, le 10 avril réponse définitive, dès que je l'aurai, je partirai.

J'ai parlé avec beaucoup de monde de Nice — on dit qu'on y tracasse beaucoup les étrangers.—De là encore une pensée; si le billet est sauvé, nous aurons plus de moyens (moi ou toi, c'est enfin, je crois, la même chose); allons en Espagne.— Si le billet est retenu, restons à Vevey ou *im Oberland*, ou à Nice.

Le bruit dont je t'écrivais hier à ce qu'il paraît n'a pas de suite [4].

Emmanuel Kant et Em⟨ile⟩ G⟨irardin⟩ commencé avant le 10 mars, ne va pas [5].

J'ai reçu une brochure très stupide de Sébastien Seiler [6]; est-ce le même?

Addio.

Saluto fraterno.

De tous les cigares zuricoises les meilleurs sont les *Panatellas Telescopio à 32 Kreuz⟨er⟩*.

Рукой Н. А. Герцен:

Je suis tout à fait indigne de vous écrire.

Рукой Герцена:

Ягору Федоровичу.

Перевод:

20 марта 1850 г. Париж

Ты раздражаешься, не находя достаточно ясности в моих письмах. Но ясность наступила только сейчас. Будучи, как всегда, не действующим лицом, а зрителем всего творящегося в дольнем мире, я достаточно хорошо, думается мне, понимаю значение всего совершившегося. Репрессии усиливаются, власть выжидает, чтобы собраться с силами, и намерена защищаться. Орлеанисты и банкократы действуют в полном единодушии с президентом. За них бюрократическая централизация, за них интрига, равнодушные, богатые, трусливые, за них офицеры, генералы, европейская дипломатия и правящая клика. Но положение их далеко не прежнее. Глубокая трещина расколола надвое буржуазию. Легитимисты остались с либеральной буржуазией на красной стороне, солдаты тоже. История еще не видела ничего более величественного, чем vacuum horrendum* площади Hôtel de Ville. Один консервативный депутат сказал даже: «Эта пустота страшнее голосования». В такой сдержанности сказывается зрелое убеждение, сказывается чувство силы и уверенность, что рано или поздно позиция будет завоевана. Большинство хочет парализовать печать и всеобщее избирательное право, хотят удалить отсюда половину рабочих, 80 000 (или 50), залоги, гербовые сборы, договорились даже до полицейской цензуры газет. Дойдут, возможно, и до депортации, и до фруктидоризации[1] — надо читать газеты красной реакции. Да, все это

* ужасающая пустота (лат.).

может случиться. И тем не менее, победа, одержанная Республикой, была огромна. Растерянность демократов, отчаяние сменились ощущением силы и надеждой. Представь себе, что «Le Siècle» краснее, чем «Le Peuple». И буржуазия приведена в бешенство провокациями и оскорблениями правительства. Представь себе, что Гудшо, Спинелли, Герлэн[2] и т. д., и т. п.— все они сближаются с социалистами. Только люди с античными характерами в духе Марата или Кавеньяка остаются верными парламентскому большинству.— Еще раз советую тебе читать реакционные газеты.

Но это не из тех вопросов, которые разрешаются в недельный срок. Дни спокойствия принесли много надежд, die anderen handeln aber auch entschieden *.

Что до меня, то я намерен приехать к тебе в Цюрих или в Веве и изменю это намерение лишь в том случае, *если ты сможешь приехать сюда* [3]. Ротшильд написал 16-го в Петерб⟨ург⟩. 10 апреля должен быть окончательный ответ; как только получу его, я выеду.

Я расспрашивал многих о Ницце — говорят, что там очень придираются к иностранцам. Отсюда возникла и такая мысль: если билет удастся спасти, у нас будет больше средств (у тебя ли, у меня ли — я думаю, в конце концов, это одно и то же),— тогда поедем в Испанию. Если билет будет задержан, останемся в Веве, или в Оберланде, или в Ницце.

Шум, о котором я тебе вчера писал, по-видимому, не имел никаких последствий [4]. «Иммануил Кант и Эм⟨иль⟩ Ж⟨ирарден⟩», начатые до 10 марта, не клеятся [5].

Я получил очень глупую брошюру Себастьяна Зейлера [6]. Тот ли это самый?

Addio.

Saluto fraterno**.

Из всех цюрихских сигар лучшие «Panatellas Telescopio» по 32 крейцера.

Рукой Н. А. Герцен:

Я совершенно недостойна писать вам.

Рукой Герцена:

Ягору Федоровичу ***.

[1] Намек на государственный переворот во Франции, совершенный 18 фрюктидора (4 сентября) 1797 г. и сопровождавшийся отстранением от власти и арестами депутатов. На возможность последнего и намекает Герцен.

[2] Мишель *Гудшо* (1797—1862) — банкир, министр финансов временного правительства во второй половине 1848 г.; *Кроссе-Спинелли* (Crocé-Spinelli) — политический деятель, ратовавший за примирение буржуазии и рабочего класса, председатель Комиссии коммерсантов и рабочих (см. его письмо в редакцию «Voix du Peuple», в № 181 от 1 апреля 1850 г.). *Герлэн* — парижский парфюмер, один из основателей Республиканского демократического общества.

[3] Гервег писал в это время Герцену: «Да, ты должен приехать, чтоб освежить меня своим присутствием⟨...⟩ Это заставляет меня верить, несмотря на мой скептицизм, что мы приближаемся к концу нашей разлуки...» (XIV, 66).

[4] Герцен имеет в виду высказанное в письме от 19 марта опасение о возможности репрессий в связи с опубликованием «Донозо Кортеса».

[5] О статье «Иммануил Кант и Эмиль Жирарден» см. выше в письмах №№ 61 и 63.

[6] Речь идет о брошюре С. Зейлера, о котором см. в письмах №№ 65 и 66. «Das Komplott vom 13 Juni 1849, oder der letzte Sieg der Bourgeoisie in Frankreich. Ein Beitrag zur Geschichte der Gegenwart». Hamburg. Hoffmann und Campe, 1850 («Заговор 13 июня 1849 года, или Последняя победа буржуазии во Франции. Добавление к истории современности»).

72

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

23 mars 1850. Paris

J'ai commencé hier une longue lettre pour toi, je ne la trouve plus et je ne trouve ni désir, ni courage de la continuer. Oh que je voudrais à présent t'avoir, cher Georges, près de moi, je suis tellement inquiet, tellement agi-

* однако и другие тоже действуют решительно (нем.).

** Прощай. Братский привет (итал.).

*** Имя и отчество написаны по-русски.— *Ред.*

НОВЫЙ ЗАКОН О ПЕЧАТИ

Рисунок Кама

«Charivari» от 3 апреля 1850 г.

«Большинство хочет парализовать печать и всеобщее избирательное право... залоги, гербовые сборы, поговорились даже до полицейской цензуры газет» (Из письма к Георгу Гервегу от 20 марта 1850 г.)

té... J'ai reçu un tout petit billet d'Og⟨areff⟩ — il m'écrit chemin faisant — il est déporté, c'est évident, il va «de cloître en cloître», donc on le mène. Il dit que le jeune frère est entré en service — donc Sat⟨ine⟩ est fait soldat. Ou *... qui? — Sa lettre est résignée, il ajoute: «Adieu pour de longues années» et «Je trouverai moyen de t'avertir lorsque *nous* serons *an Ort und Stelle*»[1].

Tout cela, Georges, est terrible, affreux. C'est cette femme, je n'en doute pas, qui a fait quelque dénonciation [2]. Je ne t'ai pas écrit que Gran⟨ovsky⟩ me disait que son chargé d'affaires (de m-me Og⟨areff⟩) menaçait le mien pour avoir gardé des lettres de change d'un homme dont les biens sont confisqués.

Je te demande dans toute l'échelle des animaux jusqu'aux punaises et puces, trouve-moi quelque chose de pareil à un homme. Et la punaise artistique Worobieff[3] pleure peut-être *von Rührung* et laisse faire sa fortune par un assassinat.

Pauvre Og⟨areff⟩ — sans fortune en exil, et quel exil, est-ce forteresse, Sibérie, Caucase? Et pense bien que Nat⟨alie⟩[4] ne peut aller avec lui sans être femme légitime. Il me semble que même Toutch⟨koff⟩ a été frappé par le gouv⟨ernement⟩ «pour avoir vendu sa fille» [5]. Gran⟨ovsky⟩ disait qu'on tramait quelque chose dans ce genre à Péters⟨bourg⟩. Déshonorer un vieux conspirateur élu 4 fois par la noblesse comme maréchal — mais c'est une des occasions les plus magnifiques pour les bourreaux de Nicolas. On a fait, il me semble, une enquête!

---

* В автографе: où. — *Ред.*

Sois persuadé que dès la première possibilité je quitte Paris et j'irai te rejoindre ... je suis brisé, je m'oublie quelquefois, je m'entraîne — mais au fond que les hommes mangent entre eux la belle *olla podrida* qu'ils ont préparée. Imbéciles, esclaves, traîtres, sots — et fous (cathégorie à laquelle nous appartenons).

Ici ça va bien et mal. Dans un mois — Byzance ou Atlantique[6], la république est forte, l'antirépublique — riche et se sert de la centralisation. Au reste, tu as lu probablement les projets russes contre la presse [7], les élections, et bien qu'on fasse des lois — si les hommes les supportent — alors ils en sont dignes.

Adieu. Je t'embrasse, mais je ne veux plus écrire.

Al.

En relisant la lettre d'Og⟨areff⟩ je vois une chose terrible, c'est que ce n'est pas Sat⟨ine⟩, mais la pauvre Nat⟨alie⟩ qui est *emprisonnée*[8].

Перевод:

23 марта 1850 г. Париж

Я начал вчера длинное письмо к тебе и никак его не найду, да и не нахожу уже ни охоты, ни решимости продолжать его. О, как мне хотелось бы, чтобы ты был сейчас подле меня, дорогой Георг, я так встревожен, так взволнован... Я получил крохотную записку от Ог⟨арева⟩. Он пишет мне с дороги — он выслан, это совершенно очевидно, он переходит «из кельи в келью» — значит, его везут по этапу. Он говорит, что младший брат поступил на службу — значит Сат⟨ин⟩ отдан в солдаты. Или ... еще кто? — Письмо его безропотно, он добавляет: «Прощай на долгие годы» и «Я найду способ известить тебя, когда мы прибудем an Ort und Stelle»*[1].

Все это, Георг, ужасно, страшно. Я не сомневаюсь, что тут какой-то донос этой женщины[2]. Я не писал тебе об этом, но Гран⟨овский⟩ сообщил мне, что ее (г-жи Ог⟨аревой⟩) поверенный в делах угрожал моему за то, что тот хранил векселя человека, имущество которого конфисковано.

Я спрашиваю тебя, найдется ли во всем животном мире, до клопов и блох включительно, нечто подобное человеку? И артистический клоп Воробьев [3], быть может, плачет von Rührung** и прокладывает себе путь к благополучию убийством.

Бедный Ог⟨арев⟩ — без средств, в ссылке. И что это за ссылка — крепость ли, Сибирь, Кавказ? И подумай только, ведь Нат⟨али⟩[4], не будучи его законной женой, не может поехать с ним. Мне думается, что и Туч⟨ков⟩ подвергся преследованиям со стороны правительства «за то, что продал дочь»[5]. Гран⟨овский⟩ рассказывал, что нечто в этом роде затевалось в Петерб⟨урге⟩. Опозорить старого заговорщика, четырежды избиравшегося дворянством в предводители,— да это исключительная удача для николаевских палачей. Мне думается, что производилось дознание!

Верь мне, что при первой же возможности я покину Париж и приеду к тебе. Я измучен, временами я забываюсь, увлекаюсь, но, в сущности, пусть люди сами расхлебывают кашу, *** которую они заварили. Тупицы, рабы, изменники, дураки и безумцы (категория, к которой принадлежим мы).

Здесь дела идут и хорошо, и плохо. Через месяц — либо Византия, либо Атлантика[6]. Республика сильна, антиреспублика богата и опирается на централизованный аппарат. Впрочем, ты, вероятно, читал русские проекты против печати [7] и выборов, ну что ж, пусть издают законы: если люди их терпят, значит, они достойны их.

Прощай, обнимаю тебя, но писать больше не хочется.

Ал.

Перечитывая письмо Ог⟨арева⟩, я открыл страшную вещь, а именно, что *в тюрьме* не Сат⟨ин⟩, а бедная Нат⟨али⟩[8].

---

* На место (нем.).

** от умиления (нем.).

*** В подлиннике *ольяподрида* — название испанского национального блюда. — *Ред.*

[1] Огарев, Н. М. Сатин и А. А. Тучков были арестованы в середине февраля 1850 г. и привезены в Петербург, где они подверглись допросу. Арест этот являлся одним из отголосков дела Петрашевского (подробно об этом см. VI, 158—180). Записка, полученная Герценом, была, вероятно, написана Огаревым, когда его везли в Петербург.

[2] Герцен ошибался, предполагая, что донос на Огарева был послан его первой женой, М. Л. Огаревой. См. примеч. 5.

[3] Возлюбленный М. Л. Огаревой, художник-пейзажист Сократ Максимович *Воробьев*. Герцен, по-видимому, предполагал, что Воробьев принимал участие в интригах, направленных против Огарева.

[4] Наталья Алексеевна *Тучкова*, брак которой с Огаревым был оформлен в 1856 г.

[5] Действительно, в доносах, поступивших в III Отделение, в частности, в доносе отца первой жены Огарева — Рославлева, было сформулировано обвинение в «продаже» двух дочерей Тучкова Огареву. Подробностям семейной жизни Огарева и Сатина на допросах было уделено значительное место (см. VI, 166—180).

[6] В это время Герцен серьезно подумывал о том, чтобы покинуть Европу, охваченную свирепой реакцией, и переехать в Константинополь или Америку. Мысль о Константинополе, как о надежном убежище, вероятно, возникла у Герцена в связи с тем, что турецкий султан осенью 1849 г. решительно отказался, несмотря на самые категорические требования Николая I, выдать ему польских эмигрантов, участников восстания 1830—1831 гг. и венгерской революции 1848—1849 гг. Не исключено, что в этом месте своего письма Герцен намекает на возможность скорого превращения Франции либо в «демократическую Атлантику», т. е. Америку, либо в самодержавную Византию, т. е. Турцию.

[7] 22 марта в парижских газетах был опубликован законопроект о продлении запрещения клубов и предвыборных собраний, об увеличении залогов и о восстановлении гербового сбора («штемпеля») с газет. Этим проектом предусматривались всякого рода преследования, штрафы и пр. *Русским проектом* Герцен называет этот реакционный законопроект потому, что он по характеру своему походил на мероприятия русского самодержавия и ставил своей целью удушение печати и общественного мнения.

[8] Предположение Герцена о том, что арестован был не Сатин, а Н. А. Тучкова, не соответствовало действительности. Оно возникло у Герцена из-за того, что записка Огарева (упоминаемая в предыдущем письме) была написана в осторожных и неясных выражениях.

73

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Рукой Н. А. Герцен:

⟨Париж. 24 марта 1850 г.⟩

Не знаю, что в свете вернее того, что все люди безумные; животные — нет, а люди — да *, все, и больше всех мы! Мучась целый день, мучась целую ночь, я просыпаюсь сегодня утром совсем измученная... тюрьма, монастырь, цепи... мне становилось до того страшно, что я не смела пошевелиться от мысли о цепях — рука не поднималась... Поздно, беру, наконец, опять письмо Огарева [1] и вскакиваю на постели, кричу: «Тата, Тата! беги скажи папе, что Огарев едет сюда».— Александр приходит, читает... «Едет, в самом деле едет!». Тут приносят ваше письмо — и все вместе мы радуемся, веселимся, как дети. Александр бросается писать к вам о приезде Огарева, но дорогой перечитывает опять письмо Огарева, и мы видим опять, видим ясно, что он сослан... не страшно ли? То есть безумие это наше? Впрочем, все-таки мне кажется *столько же*, что они все бежали, как что их сослали.

Симпатия не должна доходить до флюса и насморка!

J'ai souffert tellement, que pendant qu'Alexandre était allé chez Carlier pour le prier de ⟨ne pas⟩ le faire déporter (toujours à cause de ma maladie) — j'ai envoyé chercher un assassin, le premier venu, qui est venu et qui m'a soulagée. Et vous, cher besson, pourquoi enrhumassez-vous? laissez-moi faire cette besogne pour tous.

---

* потому они и люди.— *Примеч. Н. А. Герцен.*

Donc, vous ne voulez pas de répetitions... réfléchissez donc là-dessus et en attendant ⟨que⟩ les affaires qui nous clouent ici seront terminées et nous irons tout droit, tous, nous jeter dans la mer! — O, et toute la famille déportée viendra nous rejoindre... pensez un peu, cher besson, que ce serait beau!..

Ce n'est qu'après le retour d'Ogareff de l'exil que j'ai bien lu et savouré les vers reçus hier — merci!

Adieu, il faut absolument que je ferme la lettre pour pouvoir l'expédier aujourd'hui.— Je n'ai le temps que pour vous embrasser bien, bien du cœur.

N.

Рукой Герцена:

Après avoir relu encore une dizaine de fois la lettre hiéroglyphique d'Ogar⟨eff⟩ nous sommes parvenus à ne rien comprendre, pas même le sens de l'allégorie. Au reste, hier, ahuri, stupéfait, je t'ai écrit comme j'en étais convaincu[1].— Aujourd'hui je t'engage à lire evec m-lle Ern la copie du fragment.

Peut-on tourmenter de cette manière les hommes? Et je suis sûr que deux-trois mots sans ce luxe de diplomatie nous auraient parfaitement renseignés.

Et cette incertitude peut durer des mois.

On t'a expedié 5 № ⟨№⟩ du journal — si tu veux envoyer à quelqu'un.— Figure-toi qu'il n'y en a plus, tout a été vendu.

J'ai vu hier *Char⟨lotte⟩ Corday* — 1-ère représentation, pas mal. Un peu froid. Mais que veux tu, lorsque le 24 mars la neige tombe.

Le poète (Ponsard) a même eu le bon esprit de ne pas représenter Marat en tigre prenant des bains de sang et mangeant tous les jours des entrecôtes d'aristocrates et de prêtres sautés aux larmes de nonnes [2].

Nous nous rejoindrons à Zurich ou — si tu veux — à Genève, à Lausanne — mais je n'ai jamais pensé y rester.

Перевод*:

Рукой Н. А. Герцен:

⟨Париж. 24 марта 1850 г.⟩

Я так мучилась, что пока Александр ходил к Карлье просить, чтобы его ⟨не⟩ высылали (и опять из-за моей болезни), я велела привести первого попавшегося душегуба **, и тот пришел и помог мне. А что же это вы, дорогой близнец, вздумали болеть? Предоставьте мне выполнять эту обязанность за всех.

Итак, вы не хотите повторений; подумайте же над этим, пока дела, которые держат нас здесь прикованными, не будут закончены и мы, все вместе, не отправимся прямо к морю! — А, если и все ссыльное семейство приедет и присоединится к нам... подумайте только, дорогой близнец, как это было бы чудесно!..

Только по возвращении Огарева из ссылки я как следует прочла и насладилась присланными вчера стихами — спасибо!

Прощайте, необходимо сейчас же запечатать письмо, чтоб оно ушло сегодня. — Времени у меня только на то, чтобы от всего, всего сердца обнять вас.

Н.

Рукой Герцена:

После того как мы еще раз десять перечитали загадочное письмо Огар⟨ева⟩, мы вообще перестали что-либо понимать, даже всякий смысл аллегории. Но вчера, ошеломленный, пораженный, я написал тебе, как я его понял [1].—Сегодня я прошу тебя прочесть вместе с мадемуазель Эрн копию отрывка.

Можно ли так мучить людей? Уверен, что два-три слова, без этой излишней дипломатии, сделали бы для нас все понятным.

А такая неизвестность может продолжаться месяцы.

---

* Русскую часть письма см. выше в основном тексте.— *Ред.*

** По-французски игра слов «premier venu» (первый попавшийся) и «venu» (пришел). — Под «душегубом» Н. А. Герцен имеет в виду врача.

Тебе отправлены 5 номеров газеты, на случай, если ты захочешь послать кому-нибудь.— Представь себе, ничего не осталось, все было распродано.

Вчера видел премьеру «Шар⟨лотты⟩ Корде», неплохо. Немного холодновато. Но что поделаешь, когда 24 марта идет снег? Поэт (Понсар) был настолько умен, что не изобразил Марата тигром, принимающим кровавые ванны и поедающим ежедневно антрекоты из аристократов и священников, поджаренные на слезах монашенок [2].

Встретимся в Цюрихе или, если хочешь, в Женеве, в Лозанне, но я никогда не собирался там оставаться.

[1] О напугавшей Герценов записке Огарева см. в предыдущем письме.

[2] В своей рецензии на «Шарлотту Корде» Герцен, как и в публикуемом письме, отмечал, что пьеса Понсара «несколько холодна», и выражал признательность автору за его объективность. «Не ищите в пьесе Понсара ни проклятий Марату,— писал он,— ни восхваления Шарлотты Корде. Нет, автор стал на более поэтическую и более возвышенную точку зрения, ему захотелось жить, чувствовать и думать, воплотившись в своих героев» (изд. АН, т. VI, стр. 239—246; см. также следующее письмо).

74

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

26 марта 1850. Париж

Tu exagères un peu mes espérances. Je suis (et j'étais) de l'avis qu'il n'y ⟨a⟩ rien de définitif, mais la position est complètement changée. Et cela, c'est un avantage. Encore une fois, le 1 mars j'aurais ri au nez de l'homme qui aurait voulu me faire accroire que dans 10 jours toute la face de Paris changerait [1].— Quelle issue.— *Die Auflösung, die gänzliche, des Bestehenden, es zerfällt wirklich*, à vu d'œil. As-tu lu l'article de Pr⟨oudhon⟩ du 25? [2] Rien de nouveau pour nous, mais regarde la tendance, regarde où il va, prends ma dernière lettre dans la brochure Kapp [3] et confronte avec ce qu'il dit. La démocratie est incapable de créer, de produire, les autres sont incapables de conserver, de maintenir, de continuer. On a proposé une loi contre la presse — eh bien, il n'y a qu'une seule feuille qui soutienne le projet, et cette feuille c'est *Nap⟨oléon⟩* [4]. Les journaux les plus avancés commencent à tenir une langue modérée, sérieuse, les nuances s'effacent — c'est la conscience de la force. Rien de plus facile que d'installer à présent un despotisme de Paraguay sans le docteur Francia [5]— mais ce despotisme trouvera à présent un contrepoids immense. Les journaux royalistes tombent avec acharnement sur l'armée et les petits-bourgeois — tout cela leur échappe.— Le public a accueilli la pièce de Ponsard sans aucune marque d'horreur, qu'on s'attendait à voir — encore une défaite. A propos, lis le feuilleton de la *V⟨oix du⟩ P⟨euple⟩* d'aujourd'hui et passe sur les fautes dégoûtantes de l'imprimeur [6].

L'affaire d'Ogar⟨eff⟩ reste énigmatique comme elle était. L'affaire de ma mère — sans réponse comme elle était. L'Affer, évêque de Paris [7], reste enterré comme il était ... peut-on affermir après cela nos projets définitifs? Tu est pourtant, *caro mio*, un *Wahnsinnik* ⟨!⟩aussi, tu penses que nous voulons sans nécessité aucune rester à Zurich — et tu inventes encore contre moi l'accusation de l'immobilité. Quand, en quoi, où étais-je Fabius Cunctateur [8], moi l'être le plus mobile (après la garde, cela va sans dire, de Lamartine [9])? Mais je le répète, je subis les nécessités, la fatuité fatale du fatum — voilà mon factum, et comme je suis votre factotum à tous — «j'avise». (As-tu ⟨lu⟩ l'admirable article de Girar⟨din⟩ *Ils avisent?*)[10].— Encore pour ne pas oublier, lis donc le *Charivari*, aussi le *Journal pour rire* n'est pas mauvais. *Ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩*, les arbres viennent chez Baroche [11] demander si on peut au printemps faire pousser les feuilles sans les timbres[12].

Je rentre dans la question.—Et je ne peux que répéter: ou Rotschild mènera l'affaire au bout, alors je quitte Paris immédiatement (vers la fin du mois prochain) — allons partout, disposez, ordonnez — obéissance militaire. Ou—

le refus sera catégorique, définitif — alors je ne ferai rien que ce qui sera nécessaire pour l'affaire.—Entres autres, *in spe*, je ne vois aucune véritable cause — pourquoi tu ne viens pas passer une semaine ou deux ici — tu peux bien repartir un peu plus vite, mais enfin pourquoi pas?

Tu me demandes concernant l'ouvrage *Cosmosophie Sociale*[13]. Je l'ai parcouru. Bonnes intentions, esprit voulant la liberté, ignorance complète de tout ce qui a été déjà fait et oublié par d'autres, et dualisme français (il est athée et croit à l'esprit et sa suprématie sur la nature). Ne lis pas. Suffit que j'aie lu.

M-me Dagoult ou comment diable écrit-on son nom, a publié une histoire de la révolution où elle parle avec beaucoup de chaleur «des parties extérieures de Lamartine... habitué aux choses»... etc. Le manque d'un livre pareil ne se faisait pas sentir — elle a prévenu ce besoin[14]. Les *Confessions*[15] seront *expédiées à cheval.*

Maurizius Hartmann[16] vient d'arriver dans la capitale de la civilisation — dans un moment où elle perd le capital et la civilisation.

Перевод:

26 марта 1850 г. Париж

Ты несколько преувеличиваешь высказанные мною надежды. Я держусь (и держался) того мнения, что нет ничего определенного, но обстановка полностью изменилась. И это уже преимущество. Повторяю, 1 марта я рассмеялся бы в лицо человеку, который вздумал бы меня уверить, что через 10 дней весь облик Парижа изменится [1].— Какой же это выход? Die Auflösung, die gänzliche, des Bestehenden, es zerfällt wirklich*. Читал ли ты статью Пруд⟨она⟩ от 25 числа? [2] Для нас там нет ничего нового, но обрати внимание на тенденцию, на то, куда он клонит; возьми мое последнее письмо в капповой брошюре [3] и сопоставь с тем, что говорит он. Демократия не способна созидать, производить, а те, другие, не способны сохранять, поддерживать, продолжать. Был внесен на обсуждение закон против печати и что же?— лишь один-единственный листок поддержал его,— это «Nap⟨oléon⟩» [4]. Самые крайние газеты начинают говорить умеренным, серьезным языком, оттенки стираются — это сознание силы. Нет ничего проще, как установить в настоящее время какой-нибудь парагвайский деспотизм без доктора Франсиа [5], но такой деспотизм встретит сейчас огромное противодействие. Роялистские газеты с ожесточением нападают на армию и мелких буржуа, но все это бьет мимо.— Публика приняла пьесу Понсара без всякого видимого отвращения, которого ожидали,— еще одно поражение. Кстати, прочти сегодняшний фельетон в «V⟨oix du⟩ P⟨euple⟩» и не обращай внимания на противные типографские опечатки [6].

Дело Огар⟨ева⟩ остается, как и было, загадочным. Дело моей матери остается, как и было, без ответа. Аффр**, парижский архиепископ [7], остается, как и был, погребенным,— можно ли после этого сказать что-нибудь цельное и окончательное о наших планах? Однако ты, caro mio, тоже Wahns*innik*⟨!⟩ ***, ты думаешь, что мы, без всякой нужды, хотим остаться в Цюрихе, и вдобавок возводишь на меня напраслину, приписывая мне неподвижность. Когда, в чем, где был я Фабием Кунктатором? [8] Это я-то, самое подвижное существо на свете (разумеется, после ламартиновской гвардии [9]). Но, повторяю, я подчиняюсь необходимости, фатальному фатовству фатума — таковы факты, а поскольку я ваш фактотум, «я предупреждаю». (Читал ли ты великолепную статью Жирар⟨дена⟩ «Они предупреждают»? [10])— и еще, чтоб не забыть, читай же «Le Charivari», не плох и «Le Journal pour rire». Ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩, деревья приходят к Барошу [11] с вопросом, можно ли без гербового сбора выпускать весной листки [12].

Но возвращаюсь к нашему вопросу.— Тут я могу только повторить: либо Ротшильд доведет дело до благополучного конца, тогда я немедленно покидаю Париж (в исходе будущего месяца) — едем куда угодно, распоряжайтесь, приказывайте,

* Распад, полный распад существующего, оно в самом деле разрушается (нем.).

** Каламбур: l'affaire (дело) и L'Affer (слегка измененная фамилия парижского архиепископа Аффра) по-французски звучат схоже.

*** безумец (нем. Wahnsinnig).

повинуюсь по-военному, — либо придет категорический, окончательный отказ — тогда я буду заниматься лишь тем, что необходимо для дела. — Между прочим, in spe* я не вижу никакой настоящей причины, почему бы тебе не приехать сюда на недельку-другую — ты мог бы вернуться обратно и раньше, словом, почему бы не приехать?

Ты спрашиваешь меня о сочинении «Социальная космософия»[13]. Я его пробежал. Добрые намерения, свободолюбие, полное незнание того, что было уже ранее сделано и позабыто другими, наконец, французский дуализм (он атеист, а верит в дух и его превосходство над материей). Не читай. Достаточно того, что я прочел.

КАРИКАТУРА, УПОМИНАЕМАЯ ГЕРЦЕНОМ В ПИСЬМЕ К ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ ОТ 26 МАРТА 1850 г.

Высмеивает правительственные репрессии против печати «Charivari» от 24 марта 1850 г.

Г-жа Дагу, чёрт ее знает, как она там пишется, опубликовала историю революции, где с жаром говорит о «наружных статях Ламартина, ... человека испытанного в делах» и т. д. Недостатка в подобного рода книге не ощущалось — она предупредила возникновение такой потребности[14].

«Исповедь»[15] будет *отправлена с верховым*.

Маврикий Гартман[16] прибыл недавно в столицу цивилизации в момент, когда она теряет и капитал**, и цивилизацию.

[1] 10 марта состоялись дополнительные выборы в Национальное собрание. См. примеч. 4 к письму № 66.

[2] Имеется в виду статья Прудона «Философия 10 марта» («Philosophie du 10 mars»), написанная в виде письма к редакторам «Voix du Peuple». Начало ее было помещено в № 174 этой газеты от 25 марта 1850 г. Статья имела явно соглашательский характер.

* в будущем (лат.).

** Каламбур: «capitale» — столица и «capital» — капитал.

В письме к одному из редакторов «Voix du Peuple», А. Даримону (от 14 февраля 1850 г.), Прудон следующим образом изложил свое политическое кредо: «Что касается меня, я начну новую эволюцию ⟨...⟩ Настал момент показать буржуазии то, что для нее имеется выгодного в социалистических идеях. *Социализм с точки зрения буржуазных интересов — вот чем следует заниматься в настоящее время*» («Correspondance de P.-J. Proudhon», t. III, Paris, 1875, p. 97).

Любопытный отклик М. Гесса на статью Прудона «Философия 10 марта» см. в его письме к Герцену, опубликованном в «Лит. наследстве», т. 7-8, 1933, стр. 83—89.

[3] *Каппова брошюра* — первое немецкое издание «Писем из Италии и Франции».— *Последнее письмо* — письмо 7-е (в русском издании 11-е).

[4] В «Обзоре печати», опубликованном в «Voix du Peuple», № 172 от 23 марта, приведены выдержки из различных газет по вопросу об этом законопроекте. Вопреки мнению Герцена, не только реакционный орган Луи-Наполеона «Napoléon», но и некоторые другие реакционные издания отнеслись сочувственно к этому шагу правительства («Assemblée Nationale», «Pays» и др.).

[5] Хозе-Гаспар-Томас-Родригец да *Франсиа* (1756—1840) — иезуит, правитель Парагвая, пользовавшийся диктаторской властью с 1813 по 1840 г. и установивший в стране суровый, террористический режим.

[6] См. примечание 2 к письму № 73. Объявляя о втором представлении «Шарлотты Корде», «Voix du Peuple» отмечала, что драма Понсара «явила собой большой успех литературный и большой успех денежный» (№ 174 от 25 марта 1850 г.).

[7] Парижский архиепископ Дени-Огюст *Аффри* был убит во время уличных боев в Париже 25 июня 1848 г., при попытке уговорить восставших сложить оружие.

[8] *Фабий Кунктатор* (275—203 до н. э.) — римский полководец, известный своей борьбой против Аннибала, в которой придерживался выжидательной тактики. За свою медлительность был прозван Кунктатором («Медлителем»).

[9] *Ламартиновская гвардия* — мобильная (подвижная) гвардия, сформированная временным правительством по декрету от 25 февраля 1848 г. Она была укомплектована, главным образом, из подонков мелкой буржуазии («осерчалых лавочников», по словам Герцена) и предназначалась для борьбы с революционным пролетариатом.

[10] Статья Жирардена «Ils avisent» появилась, вероятно, в издававшейся им газете «La Presse».

[11] Пьер-Жюль *Барош* (1802—1870)—реакционный политический деятель, в 1850 г. министр внутренних дел, один из инициаторов сурового законопроекта о печати.

[12] Эта карикатура Кама (А. де Ноэ) была напечатана в № 83 «Charivari» от 24 марта 1850 г. См. ее воспроизведение на предыдущей странице.

[13] Речь идет о книге Анри Лекутюрье «La Cosmosophie, ou le Socialisme universel» («Космософия, или Всеобщий социализм»), Paris, 1850. В № 161 «Voix du Peuple» от 12 марта 1850 г. появилось следующее сообщение: «Много говорят о предстоящем появлении книги, озаглавленной «Космософия, или Всеобщий социализм», которая должна получить огромный отклик. Эта книга, по слухам, создает с математической точностью совершенно новую философию, перед которой исчезают ошибки и предрассудки, религиозные, политические и научные. Космософия, по-видимому, является не чем иным, как открытием *Всеобщего объяснения*,—тем вторым *философским камнем*, которого так долго и напрасно искали; ей, по-видимому, суждено стать кодексом общества».

[14] Имеется в виду первый том сочинения графини д'Агу (d'Agoult, 1805—1876) «Histoire de la révolution de 1848» («История революции 1848 года»), Paris, 1850, вышедшей под ее псевдонимом *Daniel Stern*. Герцен имеет в виду следующие строки из этой книги: «Внешние формы господина де Ламартина находятся в полном соответствии с его идеями и его чувствами, органом которых он сделался. Он высок ростом, его позы спокойны, его профиль отличается большим благородством» (стр. 21).

[15] «*Исповедь*» — вероятно, книга Прудона «Les confessions d'un révolutionnaire, pour servir à l'histoire de la révolution de Février», Paris, 1849 («Исповедь революционера, долженствующая служить истории Февральской революции». О присылке этой книги Гервег напомнил в письме без даты (XIV, 67). См. ниже отзыв о ней Герцена.

[16] О *М. Гартмане* см. в письмах №№ 28 и 77.

75

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ 28 mars 1850

Quand est-ce que je n'ai pas écrit trois jours?— *Calunniatore!*

Comme tu me dis dans ta lettre enrhumée et catharalle.

Hoffmann[1] m'envoie 730 fr⟨ancs⟩ — jamais je ne lui ai écrit de les envoyer ici. C'est Kapp qui a amicalement embrouillé l'affaire. Et que veut-il avec 800 ex⟨emplaires⟩ et 750? Il reçoit 300 % pour la première et 400% peut-être pour la seconde édit⟨ion⟩.— Et tu sais que cela ne couvre

même pas les frais.— Je suis stupide, ta lettre aussi. Et quel est le noble citoyen Kessman [2] qui te commande un *Gœtz de Berl⟨ichingen⟩*? [3]

J'ai aussi une lettre du prof⟨esseur⟩ Stahr [4], der will nicht *annehmen, daß ich ein Russe bin — sollten auch meine Eltern Russen sein.*— Voilà le dégât cérébral que produit la philosophie.

Cela ne va pas trop mal ici... du tout, personne ne sait où on va, les légitimistes proposent de restaurer la monarchie tout ouvertement, les jésuites crient— et le gouvernement se tait et condamne ça, là — un petit journal, un précepteur, un sergent.— Rosinger [5] a trouvé le moyen d'entamer une correspondance ⟨avec⟩ tes soc⟨ialistes⟩.

Dis à ma mère et à m-lle Ern que j'écrirai demain ou après-demain, écrase Cola, baise toi-même dans la glace pour moi. L'argent dont parle ma mère a été envoyé *lundi passé* à Zurich ⟨à⟩ m-r Schulthess [6].

A propos, prends chez ma mère ce qu'il faut pour payer *Zürcher*.

Перевод:

⟨Париж.⟩ 28 марта 1850 г.

Когда это было, чтобы я не писал в течение трех дней?— Calunniatore!*

А ты это утверждаешь в твоем насморочном и простуженном письме.

Гофман [1] прислал мне 730 фр⟨анков⟩. Я ему ни разу не писал, чтоб он отправлял их сюда. Это Капп по дружбе запутал дело. А зачем ему 800 и 750 экз.? Он получает 300% за первое издание и, возможно, 400% за второе. Ты знаешь, что это не покрывает даже расходов.— Я глуп, твое письмо — тоже. Кто этот благородный гражданин Кесман [2], который заказывает тебе «Геца фон Берл⟨ихингена⟩»? [3]

Я получил также письмо от проф⟨ессора⟩ Штара [4], который не желает annehmen daß ich ein Russe bin—sollten auch meine Eltern Russen sein**. — Вот к какому повреждению мозгов приводит философия.

Дела здесь идут не так уж плохо, отнюдь нет — никто не знает, к чему все идет: легитимисты открыто предлагают восстановить монархию, иезуиты вопят, а правительство помалкивает и то здесь, то там выносит приговоры против какой-нибудь газетки, какого-нибудь учителя, сержанта.— Розингер [5] нашел способ завязать переписку ⟨с⟩ твоими соц⟨иалистами⟩.

Скажи моей матери и мадемуазель Эрн, что я напишу завтра или послезавтра, задуши в объятиях Колю, поцелуй за меня в зеркале самого себя. Деньги, о которых спрашивает моя мать, отосланы в *прошлый понедельник* г-ну Шультгесу [6] в Цюрих.

Кстати, возьми у моей матери, сколько нужно, чтобы уплатить цюрихцу.

[1] Имеется в виду издатель Кампэ.

[2] *Кесман* — женевский книготорговец и издатель.

[3] По-видимому, Гервегу было заказано Кесманом драматическое сочинение, которое Герцен шутливо сравнивает с «Гецом фон Берлихингеном» Гёте.

[4] Адольф-Вильгельм *Штар* (1805—1876) — немецкий историк и литературовед. В письме от 28 марта 1850 г., адресованном издателю Кампе (VI, 691—693, —М. К. Лемке обозначил его как письмо к неизвестному), Герцен просил поблагодарить Штара за присылку книги и убедить его, что он действительно русский.

[5] *Розингер* — вероятно, швейцарский знакомый Герцена и Гервега. Можно предполагать, что это тот «добрейший в мире доктор Р., один из самых платонических и самых постоянных любовников революции, друг всех выходцев», о котором Герцен упоминает в «Былом и думах» (изд. АН, т. X, стр. 60).

[6] *Шультгесе* см. в примеч. к письму № 33.

76

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ 30 mars 50 ***

Votre lettre, c'est-à-dire ta lettre, a réveillé derechef toute l'amertume de l'histoire Ogar⟨eff⟩.—Quoique le lendemain nous nous soyons empressés de

* Клеветник! (итал.).

** признавать меня за русского, пусть даже родители у меня русские (нем.).

*** Дата надписана рукой Гервега.— *Ред.*

te communiquer une toute autre supposition, mais pensant plus et plus — l'énigme reste dans toute sa grandeur. Nous avons lu, relu, seuls, avec Tourgueneff et nous ne comprenons rien [1]. On dit que ce monstre de femme est arrivée [2] et se cache près de Paris. Elise a vu Antoinette [3].

J'ai relu deux ou trois fois encore aujourd'hui ta lettre. Ah — sacré nom de dieu — courage et sympathie, la vie est dégoûtante, marchons la tête levée... Remarque de grâce ce comble d'ironie, que l'homme est presque toujours de moitié le coupable; quel démon a suggéré à Og⟨areff⟩ de rester en Russie une année et demie sans rien faire; et l'achat de la fabrique [4]— tout cela ⟨était⟩* de la démence.— Il avait assez de fortune pour ne pas mourir de faim, il avait une femme qui l'aimait, et quelle femme... tu ne l'as pas connue ou peu [5]. Et il jouait au bord d'un précipice... et pourquoi a-t-il entraîné le vieillard Tout⟨chkoff⟩ [6] — dans ce gouffre? En Russie tout est permis — mais rien n'est permis aux hommes politiques. Le gouvernement aime à la fureur de nous mêler, nous autres, dans des procès sales.— Plus j'y pense, plus j'ai horreur... une dizaine d'années d'exil [7]. Ils sont récidives l'un et l'autre — cela sera affreux.

Eh bien, passons à autre chose. La position ici est toujours bonne. Un progrès immense se fait en faveur des idées répub⟨licaines⟩. La proposition de Larochej⟨aquelein⟩ était un second 21 janvier pour la légitimité [8]. Personne n'a plus compromis la cause que ce Don-Quichotte Falstaffé les pudiques couleurs des blancs.— Lis avec attention le dernier article de Pr⟨oudhon⟩ (du 29), il a fait la fusion avec la bourgeoisie, il entreprend à présent d'entraîner le gouvernement [9].

Il sera jugé le 10 avril [10]. Il sera condamné, il n'y a pas de doute.

Et moi, j'attends la réponse le 10 — et me propose de quitter la France tout de suite.

Adieu, *caro mio.*

Егору Васильевичу.

Перевод:

⟨Париж.⟩ 30 марта 50 г.**

Ваше письмо, то есть твое письмо, воскресило всю горечь огар⟨евской⟩ истории. Хотя на следующий день мы поспешили сообщить тебе совсем другое предположение, но сколько бы мы ни думали, все это остается величайшей загадкой. Мы читали и перечитывали письмо одни, с Тургеневым, и ничего не понимаем[1]. Говорят, что эта ужасная женщина [2] приехала и скрывается где-то в окрестностях Парижа. Элиза видела Антуанетту[3].

Сегодня я еще два или три раза перечитал твое письмо. Ах, чёрт возьми, побольше мужества и расположения к людям; жизнь отвратительна, будем же продолжать наш путь, высоко подняв голову... Обрати, пожалуйста, внимание на убийственную иронию судьбы: человек почти всегда наполовину сам виноват; какой злой дух внушил Ог⟨ареву⟩ остаться в России, полтора года сидеть без дела да еще купить фабрику [4]—все это безумие.— У него было достаточно средств, чтобы не умереть с голоду, у него была женщина, которая его любила, и какая женщина — ты ее не знал или мало знал [5]. А он танцевал на краю пропасти... и зачем он увлек в эту бездну старика Туч⟨кова⟩? [6] В России все позволено, зато политическим деятелям не позволено ничего. Правительство до страсти любит замешивать нашего брата в грязный процесс. — Чем больше я об этом думаю, тем больший страх меня охватывает... десять лет ссылки [7]. Оба они рецидивисты — это будет ужасно.

Но перейдем к другому. Обстановка здесь по-прежнему благоприятна. Наблюдается огромный прогресс в пользу республиканских идей. Предложение Ларошж⟨аклена⟩ было вторым 21 января для легитимизма[8]. Никто так не скомпрометировал дело

* Край листа оторван, и слово читается предположительно. — *Ред.*
** Дата рукой Гервега.— *Ред.*

стыдливых лилий, как этот фальстафированный Дон-Кихот.— Внимательно прочитай последнюю статью Пр⟨удона⟩ (от 29); он объединился с буржуазией, сейчас он предпринимает попытку потянуть за собой правительство [9].

Суд над ним состоится 10 апреля [10]. Его осудят, в этом нет сомнения.

Я же 10 апреля ожидаю ответа и предполагаю тотчас же покинуть Францию.

Прощай, caro mio.

Егору Васильевичу *.

[1] См. примечание 1 к письму № 72.

[2] Мария Львовна Огарева.

[3] *Элиза* — горничная Н. А. Герцен; *Антуанетта* (Аннет, Анна Петровна) — горничная М. Л. Огáревой.

[4] Огарев купил в 1847 г. совместно с Н. И. Маршевым бумажную фабрику, совершенно его разорившую.

[5] Наталья Алексеевна Тучкова, впоследствии Огарева.

[6] Алексей Алексеевич *Тучков* (1800 — ок. 1879) — отец Натальи Алексеевны, бывший член Союза Благоденствия.

[7] Эти сведения о результатах следствия над Огаревым, Сатиным и Тучковым оказались недостоверным слухом. Все трое отделались легким наказанием, а 12 декабря 1850 г. «по маловажности их преступления» были освобождены даже от полицейского надзора.

[8] 26 марта 1850 г. депутат Национального собрания легитимист Анри-Огюст *Ларошжаклен* (1805—1867) выступил с предложением обратиться с запросом к народу, чтобы выяснить, чего народ хочет: монархии или республики. Встреченное смехом и негодующими выкриками большинства депутатов, это предложение беспринципного политикана было отвергнуто как незаконное и по форме и по содержанию. — Герцен сравнивает этот провал легитимистской вылазки с *21 января 1793 г.*— днем казни Людовика XVI и Марии-Антуанетты.

[9] Вторая статья из цикла «Философия 10 марта» Прудона, помещенная накануне, 29 марта, в № 178 «Voix du Peuple». Прудон призывал в ней «всех республиканцев, друзей революции и своей родины» не допустить, «чтобы правительственное орудие, после того как оно выпадет из немощных рук реакции, вновь попало, как после февральских дней, в не менее немощные руки партии узурпаторов, не представляющей ни буржуазию, ни пролетариат». Призывая оба класса к взаимному примирению, он рекомендовал «сблизиться с государством пусть хоть для того, чтоб упрекать его». Заключительные слова этой статьи произвели на Герцена огромное впечатление: «Действуйте же: ибо я говорю вам поистине, это не Катилина, это не банкрот у ваших дверей: это смерть!» Герцен поставил эти слова (в несколько сокращенном виде) эпиграфом к своей статье «Omnia mea mecum porto», датированной 3 апреля 1850 г.

[10] 10 апреля должен был состояться суд над Прудоном и П. Лограном (Laugrand) за опубликование в «Voix du Peuple» статей «Да здравствует император!» и «События дня». Однако неожиданно было объявлено о том, что рассмотрение дела «Voix du Peuple» отложено на неопределенный срок. Как объяснила «Voix du Peuple» в редакционной заметке, напечатанной в № 191 от 11 апреля, это мероприятие реакционных судебных органов явилось вновь придуманным способом зажать рот печати и не допустить ее самозащиты.

77

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ Le 31 mars ⟨1850⟩

Voilà pour le commencement une chose magnifique. Il y a... «une famille», penses-tu en te rappelant que Hartmann est à Paris [1]; non, il y a un journal que personne ne lit, le *Tintamarre*, eh bien, voilà pour la semaine sainte quelle prière il adresse à Notre-Dame de Lorette: «O toi, qui as conçu sans pécher— laisse-nous pécher sans concevoir».— Je crois bien que les jésuites tomberont sur cette feuille et l'autodaféríseront [2].— Le reste à demain.

1 avril

Et que reste-t-il? Rien. Temps désolant d'une attente, rien de nouveau ni pour l'humanité, ni pour moi... Mais sérieusement parlant, pourquoi donc tu ne crois pas à notre décision suprême. Tout cela n'est qu'une question de

* Имя и отчество написаны по-русски.— *Ред.*

temps et de quel temps — d'une dizaine de jours. *Je ne veux* pas rester ici — et je ne resterai pas sans quelques circonstances tout à fait imprévues.

Moi, je crois que la chose la plus pratique serait d'attendre à Zurich le dernier mot; Emma pense que cela vaut mieux pour toi d'aller droitement à Nice. Moi je propose de rester pour ne pas plus compliquer les choses.

Je ne veux pas continuer, c'est l'œuvre de la fainéantise, nous en avons tant parlé, écrit — tout est clair. Les deux cas sont prévus.

Billet encaissé — Italie ou Sud de la France, пожалуй — Espagne.

Billet embourbé — Suisse ou Helvétie.

Je me propose d'écrire un petit pendant à mes dialogues dans un tout autre genre, *primo* le titre sera *Prologue*. Et ensuite, faisant la paraphrase du texte evang⟨élique⟩: «Elle ne dort pas—elle est morte» et «Laissons aux morts enterrer les morts».— Trêve de désespoir, tout est fini, le temps douloureux est passé, il est mort, le vieux monde, eh bien, nous ne sommes pas des vers d'un cadavre.

Heraus denn, sacré tonnerre.

Est-ce que ça vous plaît?

Je dirai là qu'en 1848 où tout le monde croyait à la vie — on a prêché les approches de la mort.

En 1849, où le monde voyait la maladie d'une manière palpable — on a prêché la mort-même.

Mais en 1850 — un peu en avant — il faut prêcher le lendemain des funérailles, il faut s'occuper de l'héritage et des héritiers [3].

Hartmann part pour Londres, je lui ai donné une lettre de recom⟨mandation⟩ à Linton [4], rédacteur d'un nouveau journal *The Leader* qu'il m'envoie par sympathie et que je ne lis pas par ignorance. Adieu.

Tourgueneff est fou — aller à présent mourir pour la Garcia [5] dans les mains de Nicolas.

Reichel a été aujourd'hui chez moi pour demander comment il fallait écrire à Bacounine pour savoir au juste s'il est guillotiné ou non [6] — moi, je lui ai donné le conseil d'écrire «guillotine restante» — voilà jusqu'à quelle cruauté va la passion du bavardage.

Перевод:

⟨Париж.⟩ 31 марта ⟨1850 г.⟩

Вот прекрасная вещь для начала. Существует...— уж не «семья» ли [1], думаешь ты, вспоминая, что Гартман в Париже; нет, существует... журнал «Tintamarre», который никто не читает; так вот, на святой неделе он обратился к Лоретской богоматери с эдакой молитвой: «О ты, зачавшая без греха, позволь нам грешить без зачатия». Уверен, что иезуиты обрушатся на листок и аутодафетируют его[2].— Об остальном завтра.

1 апреля

А что же осталось? Ничего. Тоскливое время ожидания, ничего нового ни для человечества, ни для меня... Но, кроме шуток, почему же ты не веришь в наше окончательное решение? Ведь все это лишь вопрос времени, какого-нибудь десятка дней. *Я не хочу* оставаться здесь, и не останусь, разве только возникнут какие-нибудь совершенно непредвиденные обстоятельства.

Я лично полагаю, что наиболее целесообразно было бы ждать окончательного решения в Цюрихе; Эмма думает, что тебе лучше ехать прямо в Ниццу. Я же советую остаться, чтобы не усложнять еще больше положение. Но не хочу продолжать: это праздное занятие, мы так много об этом писали, говорили, что все ясно. Предусмотрены два случая.

Билет оплачен — Италия или юг Франции, пожалуй* —Испания.

Билет увяз — Швейцария или Гельвеция.

Я собираюсь написать маленькое добавление к моим диалогам, но совсем в другом роде. Во-первых, название будет «Пролог». И затем последуют перефразированные

* Слово «пожалуй» написано по-русски.— *Ред.*

евангельские тексты: «Она не спит, она мертва» и «Оставим мертвым хоронить мертвецов».— Довольно отчаиваться, все кончено, тяжелые времена прошли. Он мертв, этот старый мир, ну, а мы не трупные черви.

Heraus denn*, чёрт побери!

Нравится ль вам это?

Я напишу там, что в 1848 году, когда все верили в жизнь, иные пророчили приближение смерти.

В 1849 году, когда мир ясно ощутил свою болезнь, пророчили самую смерть.

„ШАРИВАРИ ПОД УГРОЗОЙ НОВОГО ЗАКОНА О ПЕЧАТИ"

Карикатура на реакционный проект о печати
и газету Луи Наполеона «Le Napoléon du dimanche»

Рисунок Ш. Вернье

Слева на заднем плане Тьер

«Charivari» от 15 апреля 1850 г.

«Был вынесен на обсуждение закон против печати и что же? Лишь один единственный листок поддержал его. Это „Napoléon"» (Из письма к Георгу Гервегу от 26 марта 1850 г.)

Но в 1850 году — забежав немного вперед — надо пророчить наступление дня, следующего за похоронами, надо заняться наследством и наследниками [3].

Гартман едет в Лондон, я дал ему реком⟨ендательное⟩ письмо к Линтону [4], редактору недавно основанной газеты «The Leader», которую он высылает мне из чувства расположения и которую я не читаю по невежеству. Прощай.

Тургенев сошел с ума: ехать сейчас умирать за Гарсиа [5] в лапах Николая.

Сегодня ко мне заходил Рейхель спросить, как написать Бакунину, чтобы узнать наверняка, гильотинирован ли он или нет [6]. Я ему посоветовал написать: «На гильотину до востребования» — вот до какого бездушия доводит страсть к болтовне.

* Так прочь отсюда (нем.).

[1] Гартман был автором романа «Адам и Ева», вышедшего в свет в Лейпциге в следующем году. Можно предположить, что именно на этот роман и намекает Герцен.

[2] *«Тэнтамарр»* — парижский юмористический журнал. Запрещению он не подвергся и просуществовал еще несколько десятилетий.

[3] Приведенные здесь строки, являющиеся единственным сохранившимся свидетельством о первоначальном плане статьи «Omnia mea mecum porto», датированной 3 апреля 1850 г., в окончательный текст не попали. В напечатанном тексте «Omnia mea mecum porto» встречаются более или менее близкие соответствия.

[4] Речь идет о неизданном письме Герцена к В. Линтону от 1 апреля 1850 г., фотокопия которого находится в распоряжении редакции «Лит. наследства» (подлинник в библиотеке Фельтринелли — Милан). В нем Герцен энергично рекомендовал Линтону «бывшего представителя Франкфуртского собрания, поэта и литератора Морица Гартмана, довольно известного в Германии».

[5] *Гарсиа* — девичья фамилия Полины Виардо, отправлявшейся на заграничные гастроли.

[6] Французская правительственная газета «Le Dix Décembre» сообщила 26 марта 1850 г., что саксонский король утвердил смертный приговор М. А. Бакунину и Рекелю и что им будут отрублены головы топором. Незадолго до того в другой правительственной газете — «Le Napoléon» — сообщалось, что Бакунину, Рекелю и Гейбверу удалось бежать и что они находятся на пути во Францию.

78

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ Le 2 avril ⟨1850⟩

Eh bien, cher Georges, tu es jurisconsulte par amitié et rabuliste pour nous — merci, *caro mio*, mais c'est si étrange de te voir parler avec gravité (comme Crémieux[1]) des affaires et de m-r Klutschareff.— Je crois, au reste, *omni casu*, la réponse viendra bientôt.

Rien de nouveau. Il y a encore une élection à Paris,[2] on désigne Girardin. *Le National* consent à le nommer — en général les choses vont d'une manière très satisfaisante — au moins le vent est changé, ce n'est plus la *tramontana*.

Une semaine après la réponse je, c'est-à-dire nous, quittons Paris. On persécute ici les Allemands derechef sans aucune cause; on les chasse par fournées.

L'Odyssée est arrivée, je ne l'enverrai pas avant de la lire — l'hexamètre est magnifique, c'est du grec tout bonnement [3]. Un Russe peut tout faire — écrire des livres allemands sans connaître la langue!!![4] et traduire *l'Odyssée* sans comprendre le grec!

Перевод:

⟨Париж.⟩ 2 апреля ⟨1850 г.⟩

Итак, дорогой Георг, ты юрисконсульт и крючкотвор из дружбы к нам — спасибо, caro mio, но так странно видеть, как ты с важностью (словно Кремье[1]) рассуждаешь о делах и о господине Ключареве.— Думаю, впрочем, что, omni casu*, ответ скоро придет.

Ничего нового. В Париже готовятся еще к одним выборам[2], намечают Жирардена. «National» соглашается его выдвинуть — в общем, дела идут весьма удовлетворительно, по крайней мере, ветер переменился, это уже не «tramontana»**.

Через неделю после того, как придет ответ, я, то есть мы, покидаем Париж. Здесь опять без всякой причины преследуют немцев, их выбрасывают целыми пачками.

«Одиссея» прибыла, отошлю ее только когда прочту. Гекзаметр — великолепен, это настоящая греческая речь[3]. Русский человек все может: писать книги по-немецки, не зная языка!!![4], и переводить «Одиссею», не понимая по-гречески!

[1] Исаак-Адольф *Кремье* (1796—1880) — видный французский адвокат и политический деятель. Он должен был защищать Прудона на его процессе 10 апреля.

[2] Дополнительные выборы, назначенные на 28 апреля 1850 г.

---

* во всяком случае (лат.).

** «северный ветер» (итал.).

[3] «Одиссея» Гомера в переводе В. А. Жуковского, изданная в 1849 г. в Карлсруэ. Вскоре мнение Герцена об этом переводе изменилось к худшему. См. ниже письмо № 80.

[4] Намек Герцена на свою собственную книгу «Vom andern Ufer», продиктованную им по-немецки с русской рукописи Ф. Каппу

79

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ 5 avril 1850

Tu prêches, cher Georges, un converti. Je ne me berce d'aucune espérance, oui, c'est la dissolution, le monde se *désagrège*, mais le principe désagrégeant a changé de caractère, et d'une fièvre lente il s'est développé en une phtysie galoppante [1].—Il y a quelque chose de triste et d'horrible dans ce spectacle de la mort triomphante. Tout se tient debout et a l'air fort, solide, mais dès qu'on y touche — ça croule, les muscles n'existent pas, il n'y a que l'épiderme et les os.

Des efforts convulsifs, des torrents de sang, par vengeance, dépit, désespoir — tout cela peut arriver,— mais le triomphe est impossible pour le vieillard comme au jour d'aujourd'hui pour l'enfant.

C'est bien dommage que tu ne sois pas ici — c'est un état de choses tout à fait nouveau. Le parti répub⟨licain⟩ forme une force compacte qui se connaît et *qui n'a pas* de chefs. Tous les noms sont taris, il y a des hommes qui ont quelqu'influence, mais pas de meneurs, pas de chefs. La Montagne est méprisée, Girardin n'inspire pas beaucoup de conf⟨iance⟩, *le National* encore moins, Pr⟨oudhon⟩ ⟨est⟩ en prison. Comment se fait-il donc qu'il y ait unité, discipline — c'est dans ce fait immense que je vois tout ce que les deux années ont produit de conduite et de tact dans les masses. Mais je citerai encore une fois Cromwell — tout cela n'est que l'opposition, réaction contre la réaction, digue qui s'est élevée pour s'opposer à ce débordement de compression — «tout cela sait ce qu'on ne veut pas» — mais ne sait pas ce qu'on veut.[2] — Et c'est précisément la position de l'autre parti: les autres ne se sont jamais rendu compte ⟨de⟩ ce qu'ils feront, l'autorité une fois sauvée, augmentée, multipliée — n'est-ce pas le chaos? Je dirai franchement que ce spectacle m'occupe comme une tragédie, comme une collision qui se déroule avec complications, collisions terribles, mais à laquelle on ne prend pas de part active, autrement que par *Wißbegierde*, et par cet intérêt passionné que l'homme porte à tout ce qui est tragique, menaçant, orageux. Il y a encore un élément qui agace l'intérêt — c'est que dans une position pareille l'on ne peut rien prévoir, l'imprévu y règne, comme rien n'est stable — tout peut arriver et peut-être rien. Et c'est dans ces époques que l'individu se sent le plus libre — et qu'on répète le *vanitas vanitatum* de tout ce qui paraissait sérieux. Mais enfin, c'est assez, je suis las de cette fièvre, et de l'autre, de la fièvre du billet.

Dès que la réponse sera venue, je me déciderai à partir pour aller vous rejoindre, et pour passer au moins l'été — tranquillement, perdu dans les montagnes ou dans la mer.

Pense mûrement au projet du testament [3]. Peut-être il serait plus raisonnable d'attendre la réponse, elle ne peut tarder à présent.

Emma commence derechef à s'ennuyer ici, elle pourrait, je crois, partir avant nous, c'est même utile pour l'économie — aller à Berne, au reste je ne comprends rien de ce que tu as contre Zurich, ce serait le point où nous nous trouverions pour nous en aller.

Tourg⟨ueneff⟩ part lundi, reste un mois à Berlin, et rentre ensuite à Péters⟨bourg⟩; je ne voudrais pas être dans sa peau, même s'il n'avait pas une vessie enragée [4]. L'hist⟨oire⟩ d'Ogar⟨eff⟩ reste toujours comme un nuage noir et pesant.

Adieu, *caro mio.*

P. S. Die Geschichte mit der Promenade war im Briefe von m-lle Ern [5].

Parmi les conjectures concernant la lettre d'Og⟨areff⟩ il me venait dans la tête celle-là: «Et si tout cela n'est qu'une rouerie de la police pour provoquer une lettre de ma part, que ce n'est pas Og⟨areff⟩ qui l'a écrite?».

Pourquoi dépraves-tu les notions de Colà, je trouve que c'est faire le tout avoir confiance dans la nature et ne pas influencer Schibel *vice versa*, il *

Перевод:

⟨Париж.⟩ 5 апреля 1850 г.

Ты ломишься в открытую дверь, дорогой Георг. Я не убаюкиваю себя никакой надеждой — да, это распад, мир *разлагается*, но характер разлагающего начала изменился в своей основе, затяжная лихорадка превратилась в скоротечную чахотку [1]. Есть что-то печальное и страшное в этом зрелище торжествующей смерти. Всё еще держится и кажется крепким, прочным, но стоит только коснуться, и всё рухнет — мускулов нет, остались лишь кожа да кости.

Судорожные усилия, потоки крови, вызванные местью, досада, отчаяние — все это, может, и будет, но победа так же несбыточна для старца, как она несбыточна нынче для ребенка.

Очень жаль, что тебя здесь нет — положение дел теперь совершенно новое. Респуб⟨ликанская⟩ партия образует компактную, осознавшую себя силу, но *у нее нет* вождей. Все имена оскудели, есть люди, пользующиеся некоторым влиянием, но нет вожаков и нет вождей. Гора вызывает презрение, Жирарден не внушает особого дов⟨ерия⟩, «National» и того меньше, Пр⟨удон⟩ — в тюрьме. Откуда же берется единство, дисциплина — именно в этом огромном явлении я и вижу, какой выдержке и такту истекшие два года научили массы. Но я еще раз сошлюсь на Кромвеля — все это не что иное, как оппозиция, реакция на реакцию, плотина, воздвигшаяся для того, чтобы стать преградой безудержному гнету — «все они знают, чего не хотят», но не знают, чего хотят [2].— Такова именно позиция другой стороны; остальные же никогда не отдавали себе отчета, что стали бы они делать, если бы им удалось спасти, усилить и распространить власть — ну, не хаос ли это? Скажу откровенно, что это зрелище занимает меня как трагедия, как коллизия, полная осложнений, полная страшных осложнений, но в которой сам активного участия не принимаешь, разве только из Wißbegierde** да из того страстного интереса, который человек проявляет ко всему трагическому, грозному, бурному. Есть еще один элемент, возбуждающий интерес: дело в том, что в подобных обстоятельствах нельзя ничего предвидеть, здесь царит непредвиденное, а раз ни в чем нет устойчивости, все может случиться, а может и ничего не случиться. Именно в такие эпохи личность чувствует себя свободнее, чем когда-либо, и люди твердят о vanitas vanitatum*** всего, что казалось важным. Но хватит, я устал от этой лихорадки и от той — билетной лихорадки.

Как только получится ответ, я решусь, наконец, выехать, чтобы присоединиться к вам и провести хотя бы лето спокойно, затерявшись где-нибудь в горах или на море.

Обдумай основательно проект завещания [3]. Может быть, разумнее было бы подождать ответа, теперь он уже не должен задержаться.

Эмма опять начинает здесь скучать; мне кажется, что она могла бы уехать и раньше нас; это даже полезно в целях экономии — отправиться в Берн; впрочем, я совершенно не понимаю, почему ты против Цюриха, он послужил бы местом нашей встречи, а оттуда мы бы двинулись дальше.

Тург⟨енев⟩ уезжает в понедельник, пробудет месяц в Берлине, затем вернется в Петер⟨бург⟩. Я бы не желал быть в его шкуре, даже если б он и не страдал воспалением пузыря [4]. Огар⟨евская⟩ ист⟨ория⟩ по-прежнему как черная нависшая туча.

Прощай, caro mio.

---

* Конец письма отсутствует.— *Ред.*
** любознательности (нем.).
*** суете сует (лат.).

P. S. История с прогулкой была в письме м-ль Эрн[5].

Среди предположений, относительно ог⟨аревского⟩ письма, мне пришло в голову и такое: «А вдруг это только полицейская проделка, имеющая целью подстрекнуть меня написать ответ, и писал письмо вовсе не Ог⟨арев⟩?»

Зачем ты извращаешь колины понятия о вещах, я полагаю, что достаточно довериться природе и что не надо внушать Шибелю vice versa*, он **

[1] В письме, на которое, по-видимому, отвечает Герцен, Гервег писал: «Я ни во что больше не верю в этом мире, который рушится, и даже в длительность личных отношений. Процесс распада все подвигается и подвигается...» (XIV, 73). М. К. Лемке отнес это письмо к маю 1850 г.

[2] Герцен процитировал это высказывание также и в статье «Vixerunt!», вошедшей в состав «С того берега», заявляя по поводу демократов, что они «только *знают* (говоря словами Кромвеля), *чего не хотят*; *чего они хотят, они не знают*» (изд. АН, т. VI, стр. 77).

[3] Речь идет о завещании, которое должна была составить мать Герцена.

[4] И. С. Тургенев уехал из Парижа в Россию лишь 12/24 июня 1850 г. Герцен отправил с ним какие-то письма и бумаги («Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену». Женева, 1892, стр. 89). Герцен опасался, что Тургенев, скомпрометированный своей близостью к радикальным кругам, может быть арестован царской полицией.

[5] О какой *истории с прогулкой* говорит здесь Герцен, неизвестно, так как письмо М. К. Эрн до нас не дошло

80

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Париж. 8—10 апреля 1850 г.⟩

Cher Georges, la lettre de change de ma mère est parfaitement en ordre. Lorsque je parlai avec toi de cette affaire, elle n'était pas tout à fait terminée. Je crains que m-me Golochw⟨astoff⟩ ne voudra pas payer, alors la vente sera de 50 ou de 60 p⟨our⟩ 100. Mais pourtant on peut faire un essai [1]. M-lle Ern peut écrire une lettre très simple à Klut⟨schareff⟩ que vous enverrez par le consul Wurtem⟨bourgeois⟩, et faites envoyer la lettre de change ici (c'est à dire à Zurich). Moi j'en parlerai à Rotsch⟨ild⟩, s'il donne 85 % je la lui cède.— Il faut te dire qu'il n'y a aucune possibilité de ne pas accepter la lettre de change, puisque Goloch⟨wastoff⟩ a donné (au créancier) son consentem⟨ent⟩ au transfert par écrit, après quoi il a signé la lettre de change — donc il n'y a pas de contestation possible. Tu vois qu'il y a un simulacre de droit parce que la banque de Moscou a eu honte de dire qu'il y avait un interdit. Si vouz voulez attendre jusqu'à la réponse, j'écrirai de ma part aussi une longue lettre pour ce mons⟨ieur⟩ Klutsch⟨areff⟩.

L'Odyssée de Jouk⟨ovsky⟩ pourtant est tombée dans mes yeux; en t'écrivant, j'avais dans la tête une page magnifique, mais en continuant la lecture Tourg⟨ueneff⟩ et moi nous avons été frappés de la monotonie atroce de son vers. Figure-toi que le mètre ne varie jamais, se sont des dactyles — 5 000 000 de dactyles, c'est pire que Briarée [2].— Lamartine a fait représenter une mauvaise tragédie de sa confection — chute complète; les seules traces qu'elle laissera, seront les taches noires sur le visage de Frédéric Le maître [3].

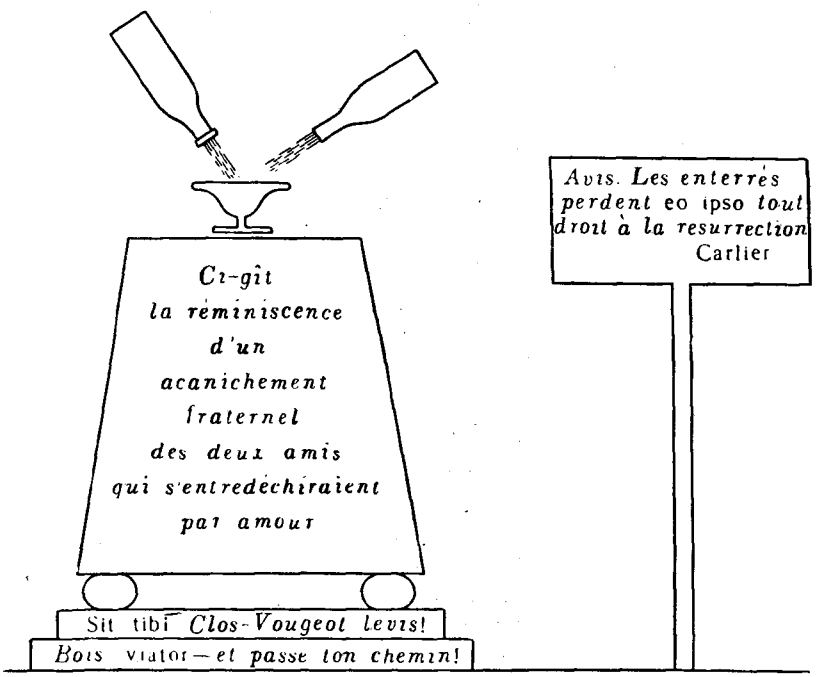
Le plan de l'avenir s'éclaircit et se simplifie. Tu sais la grrrande nouvelle de Gasser, cela sera vraiment par trop stupide de ne pas payer après cela, puisque la banque-même a donné une preuve à Rotsch⟨ild⟩ que la demande est en règle. Pourtant je ne serai sûr que lorsque nous aurons reçu la dernière

---

* обратное (лат.).

** Конец письма отсутствует.— *Ред.*

réponse. Tu sais aussi qu'elle ne peut être différée qu'au 13 av⟨ril⟩. Rien n'empêche donc notre départ vers la fin du mois. Nous nous réunirons à Zurich. Nous ne parlerons plus des tracasseries nerveuses du mois de janvier, parce que je suis à présent de ton avis qu'il y avait de l'irritation maladive aussi de ma part — à présent je ne serais pas capable à te catiliniser et enphilippiquer [4] de cette manière. Mettons une pierre tumulaire.



Mais sais-tu que je crois que c'est très bon, au reste, que nous nous soyons entrecritiqués, nous connaissons à présent mieux nos caractères — et ensuite il en reste toujours quelque vérité.

Les circonstances sont brûlantes ici, on peut prévoir de grands malheurs, l'air est lourd— très lourd. On se prépare je ne sais à quel coup.— *Fort, fort von hier.* Mais il faut te dire que d'après tous les renseignements, Nice n'est pas un endroit trop bien choisi — nous en parlerons.

Перевод:

⟨Париж. 8—10 апреля 1850 г.⟩

Дорогой Георг, заемное письмо моей матери в полном порядке. Когда я говорил с тобой об этом деле, оно еще не совсем было закончено. Боюсь, что г-жа Голохв⟨астова⟩ не захочет платить, тогда расчет будет произведен из 50 или 60%. Все же надо сделать попытку [1]. М-ль Эрн может написать простое письмецо Ключареву, которое вы отправите через вюртем⟨бергского⟩ консула и попросите переслать заемное письмо сюда (т. е. в Цюрих). А я переговорю с Ротш⟨ильдом⟩, если он даст 85%, я ему это письмо уступлю.— Должен тебе сказать, что не принять к уплате заемное письмо нет ни малейшей возможности, потому что Голох⟨вастов⟩ дал (кредитору) письменное согласие на перевод, и тот подписал заемное письмо уже после этого — стало быть, опротестовать его невозможно. Как видишь, некое подобие законности все же существует,— ведь московский банк постеснялся сказать, что наложено запрещение. Если вы хотите дожидаться ответа, я с своей стороны напишу обстоятельное письмо для этого господ⟨ина⟩ Ключ⟨арева⟩.

«Одиссея» Жук⟨овского⟩ все же упала в моих глазах; когда я писал тебе, у меня из памяти не выходила одна великолепная страница, но, продолжая чтение, мы с Тург⟨еневым⟩ были поражены ужасающим однообразием его стиха. Представь себе, что размер ни разу не меняется, сплошной дактиль — 5 000 000 дактилей — это хуже Бриарея [2].— Ламартин поставил плохую трагедию собственной стряпни — полный провал; единственный след, который от нее останется, это черные пятна на лице Фредерика Леметра[3].

План на будущее проясняется и упрощается. Тебе известна потрррясающая новость, сообщенная Гассером: было бы действительно слишком глупо после этого не заплатить, раз даже банк подтвердил Рот⟨шильду⟩, что иск законен. И все же я не буду уверен, пока не получим окончательного ответа. Тебе известно также, что его нельзя откладывать позднее 13 ап⟨реля⟩. Итак, ничто не препятствует нашему отъезду в конце месяца. Мы съедемся в Цюрихе. О январских нервических спорах мы больше говорить не станем, ибо теперь я согласен с тобой, что и с моей стороны имело место болезненное раздражение. Теперь я уже не мог бы тебя так катилинизировать и филиппизировать [4]. Положим надгробный камень *.

Здесь покоится
воспоминание
о братской
грызне
двух приятелей,
любя изорвавших
друг друга
в клочья.
Sit tibi Кло-Вужо levis!**
Выпей, viator ***, и продолжай свой путь!

Предупреждение. Погребенные теряют eo ipso ****
всякое право на воскрешение.

Карлье[5]

Впрочем, я думаю, это все же очень хорошо, что мы покритиковали друг друга: теперь мы лучше знаем наши характеры, а от этого всегда остается доля истины.

Обстановка здесь накаленная, можно ожидать больших несчастий, воздух душный, очень душный. Все готовятся к какому-то удару. Fort, fort von hier *****. Но надо тебе сказать, что, по наведенным справкам, Ницца не слишком удачно выбранное место; мы еще поговорим об этом.

[1] В «Былом и думах» Герцен писал: «После кончины моего отца, он ⟨Д. П. Голохвастов⟩ мне остался должен 40 000 сер⟨ебром⟩. Я уехал за границу, оставив этот долг за ним. Умирая, он завещал, чтобы мне первому было уплачено, потому что официально я не мог ничего требовать. Вслед за вестью о его кончине я по следующей почте получил все деньги» (изд. АН, т. IX, стр. 201). Это указание не совсем точно. В апреле 1849 г. долг Голохвастова был переведен на имя матери Герцена (см. «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 235). О задержке с выплатой этой суммы после смерти Голохвастова см. в следующих письмах.

[2] Шутливое преувеличение: в «Одиссее» Гомера, переведенной Жуковским,—менее 8000 стихов.—*Бриарей*—чудовище античной мифологии, сын Неба и Земли, имевший пятьдесят голов и сто рук.

[3] Речь идет о драме в стихах Ламартина «Toussaint-Louverture», поставленной впервые в «Théâtre de Saint-Martin» 6 апреля 1850 г. Фредерик Леметр исполнял в ней главную роль — известного руководителя восстания негров на Сен-Доминго, Туссена Лувертюра (1748—1803).— *Черные пятна* — грим на лице Леметра, игравшего негра.

[4] Герцен имеет в виду свои письма, в которых Гервег резко осуждался за его отношение к Эмме; он сравнивает эти письма с обличительными речами Цицерона (против Катилины) и Демосфена (против Филиппа Македонского).

[5] Пьер *Карлье* (1799—1858) — префект парижской полиции.

* Следующие далее надписи сделаны Герценом на рисунке, который воспроизводится на предыдущей странице. — *Ред.*

** Да будет тебе Кло-Вужо легко! (лат.).

*** прохожий (лат.).

**** тем самым (лат.).

***** Прочь, прочь отсюда (нем.).

81

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ 11 avril 1850

Je suis, cher Georges, tout à fait comme une certaine partie de l'océan — «pacifique» et tu n'es pas parvenu par ta lettre ni à m'irriter, ni à me forcer à répondre. *Non bis in idem.* Tes reproches concernant notre séjour de Paris me paraissent dans le genre comme si tu me disais: «Quel caractère volage, tu m'a dit toi-même que tu serais bienportant le 1 février et tu es encore plus malade — le 1 avril. Quel entraînement pour les plaisirs de la maladie, peut-on se confier à ce que tu dis?» Je t'ai écrit un mot concernant Emma — tu es d'un autre avis, moi je ne te tiens pas au mien — *fiat voluntas tua.*

Concernant le testament, j'ai seulement observé que d'après des nouvelles que vous ne connaissiez pas encore, l'affaire ne tardera pas à être résolue — et en cas de l'encaissement, il devient inutile. Je continue à avoir à présent des espérances, au reste, pourquoi pas, on peut faire; n'y a-t-il pas de possibilité (en Russie on le fait) de charger de l'exécution du testament la banque de Stuttgart en offrant une prime. De manière que ce serait la banque qui exigerait la somme d'une manière anonyme.— On attend chez Rotsch⟨ild⟩ la réponse aujourd'hui, et avant de mettre cette lettre à la poste, je passerai chez lui.

La courte haleine et le petit diamètre du cerveau français se font jour. Tu as lu probablement le fatras de bêtises par lesquelles on a éloigné la candid⟨ature⟩ de Girardin et ⟨de⟩ Pr⟨oudhon⟩ lui-même. Et la *V⟨oix⟩ du P⟨euple⟩* qui commence à présent une lutte avec Girar⟨din⟩ après avoir été 6 ⟨fois⟩ saisie et ayant 4 procès sur le dos [1]. Avec qui donc restera-t-elle alliée — avec le *National?* La belle chose, c'est que l'autre partie est dix fois plus divisée, personne ne s'est ⟨...⟩ * plus — *politische Walpurgisnacht.*

La grande nouvelle de notre cercle c'est que Tourguen⟨eff⟩ s'est complètement émancipé après le départ de m-me V⟨iardot⟩; il ne parle plus de sa vessie, il va chez une garce du boulevard r⟨ue⟩ Taitbout, il a une foi religieuse dans sa santé... et il boit avec l'ardeur d'un néophyte le bourgogne. Après cela j'attends tout, un concert donné par le roi de Prusse en faveur des réfugiés de Bade, l'empereur Nicolas perdant la Russie au lansquenet à Flocon [2], Carlier devenu rédacteur de la *V⟨oix⟩ du P⟨euple⟩* et Proudhon devenant Bocquet.— Il [3] part samedi.

Егору Федоровичу

Перевод:

⟨Париж.⟩ 11 апреля 1850 г.

Дорогой Георг, я совсем как та часть океана, где он именуется «тихим», и тебе не удалось ни разозлить меня твоим письмом, ни принудить к ответу. Non bis in idem**. Твои упреки относительно нашего пребывания в Париже мне кажутся в том же духе, как если бы ты сказал: «Что за ветреный характер, ты сам мне заявил, что 1 января будешь здоров, но уже 1 апреля, а ты еще сильнее заболел. Что за страсть находить удовольствие в болезни, можно ли после этого верить тому, что ты говоришь?» Я написал тебе несколько слов об Эмме,— ты держишься другого мнения, но я готов отказаться от своего — fiat voluntas tua***.

Что касается завещания, могу сказать только, что, судя по сведениям, которые до вас еще не дошли, дело вскоре будет решено — и в случае уплаты денег, оно

---

* Письмо повреждено.— *Ред.*

** Дважды одно и то же не повторяют (лат.).

*** да будет воля твоя (лат.).

становится ненужным. Я и теперь продолжаю надеяться; но, впрочем, можно будет его и сделать, почему бы нет? Нельзя ли (в России так делают) назначить душеприказчиком штутгартский банк, предложив ему за это вознаграждение? Таким образом деньги будут истребованы банком без всякого обозначения имени. У Ротш⟨ильда⟩ ждут ответа сегодня, и прежде чем отправить это письмо на почту, я зайду к нему.

Ограниченность и малый диаметр французского мозга дают о себе знать. Ты, вероятно, читал тот ворох глупостей, посредством которых была отклонена кандид⟨атура⟩ Жирардена и даже Пр⟨удона⟩, а какова «V⟨oix⟩ du P⟨euple⟩»! Она затевает

ФРЕДЕРИК ЛЕМЕТР В РОЛИ ТУССЕНА ЛУВЕРТЮРА, В ОДНОИМЕННОЙ ПЬЕСЕ ЛАМАРТИНА

Театр Порт-Сен-Мартен

«L'Illustration» от 3 апреля 1850 г.

«Ламартин поставил плохую трагедию собственной стряпни — полный провал; единственный след, который от нее останется,—это черные пятна на лице Фредерика Леметра» (Из письма к Георгу Гервегу от 8—10 апреля 1850 г.)

теперь борьбу с Жирар⟨деном⟩, хотя была сама 6 ⟨раз⟩ конфискована и 4 раза отдана под суд[1]. С кем же она теперь останется в союзе, с «National», что ли? Но лучше всего, что противная сторона стала еще в десять раз разобщенней, никто больше ⟨...⟩*— politische Walpurgisnacht**.

В нашем кругу большая новость — Тургенев после отъезда г-жи Виардо совершенно эмансипировался. Он не говорит больше о своем пузыре, ходит к бульварной девке на у⟨лицу⟩ Тэтбу, свято верит в собственное здоровье... и с рвением неофита пьет бургундское. После этого можно всего ожидать: и что король прусский устроит концерт

* Письмо повреждено.— *Ред.*
** политическая вальпургиева ночь нем. .

в пользу баденских эмигрантов, и что император Николай проиграет Флокону [2] Россию в ландскнехт, и что Карлье станет редактором «V⟨oix⟩ du P⟨euple⟩», а Прудон превратится в Боке. Он [3] уезжает в субботу.

Егору Федоровичу *

[1] «Voix du Peuple», вскоре после выдвижения кандидатуры Э. Жирардена, выступила со статьей, в которой утверждалось, что Жирарден ни в коей мере не может представлять на выборах революционную Францию, и выставила от себя кандидатом престарелого Дюпон де Л'Ера (см. «Voix du Peuple», № 189 от 9 апреля 1850 г.). На следующий день Э. Жирарден лицемерно отказался от своей кандидатуры, напечатав в принадлежавшей ему газете «La Presse», что он без всякого сожаления стушевывается «перед кандидатурой восьмидесятитрехлетнего старца». На самом же деле он продолжал вести упорную борьбу за свое избрание.

[2] Фердинан *Флокон* (1800 — 1866) — журналист, министр земледелия и торговли во временном правительстве.

[3] Имеется в виду Тургенев, готовившийся к отъезду в Россию.

82

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Париж. 12 апреля 1850 г.⟩

Eh bien, *Georgio furioso*, voilà derechef une pilule pour nous tous — enfin tu penseras que je suis du complot avec la banque.— Au reste, c'est vraiment dégoûtant, cette fluctuation de tous les jours.

Je n'écrirai pas avant une réponse[1].

Le 12 avril.

Madame Louise Haag.

Перевод:

⟨Париж. 12 апреля 1850 г.⟩

Итак, Georgio furioso **, вот новая пилюля для всех нас — ты, в конце концов, подумаешь, что я состою в заговоре с банком. — Впрочем, эти ежедневные колебания действительно несносны.

Я напишу только по получении ответа [1].

12 апреля

Госпоже Луизе Гааг

[1] По поводу ожидавшихся писем из Петербурга о судьбе векселя матери Герцена.

83

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Le 16 avril ⟨1850⟩. Paris

Je suis maussade et plus irrité que triste, enfin cette histoire avec le billet me fait porter des chaînes et empêche chaque pas libre, anéantit tous mes projets, ne me donne pas cet élément de repos que je cherche.

L'illégalité des procédés russes est criante — c'est la spoliation *in crudo* — et qui diable sait jusqu'où va l'énergie de Rotsch⟨ild⟩; ce que je crains le plus c'est une lettre confidentielle du ministre de la police à Rot⟨schild⟩ qui lui expliquera l'affaire à sa manière, en le priant officieusement de la laisser tomber. Alors il ne restera que Wurtemberg; allez-y, faites tout ce qu'on peut inventer, serait-ce du superflu, il n'y a pas de mal.— Concernant le testam⟨ent⟩, moi je ne peux pas être nommé héritier, si l'argent reste en Russie; j'ai perdu tous les droits là. Donc n'y pensez pas. Si l'argent est envoyé ici — on peut tout faire ou rien *ad libitum*.— Il faut donc un tiers (même celui de la place St. Georges qui n'est qu'un quart), ou les enfants, ou désigner, au moins, un tuteur et un exécuteur testamentaire.— Assez.

* Имя и отчество написаны по-русски. — *Ред.*

** неистовый Георг (итал.).

Partie des projets. J'irai à Nice dès que je pourrai, à Nice ou à Cannes, peut-être par la Suisse, peut-être par Genève ou tout droit. Cela dépend de la santé de Natalie—donc prépare-toi et concerte-toi avec Emma. Je ne veux que du repos, du repos—tout me dégoûte. Pr⟨oudhon⟩—après avoir fait lui-même mille bêtises, le dernier temps écrit à un de ses amis: «Au diable l'espèce humaine, sauvons-nous dans l'ironie, allons jusqu'à la mort, l'ironie sur les lèvres»[1].

Partie littéraire. Le *Lloyd* dans le № 5 *Apr⟨il⟩* a eu l'extrême bonté de couvrir toi et moi d'un tas de bêtises bien drôles, il dit que tu es tombé si bas que tu as écrit *zéro* dans la rubrique de la religion, et qu'un *Jérémias* sur les ruines des barricades a publié un livre d'un intérêt pathologique; on y voit comment la lecture de *Ruge* (!) et de Feuerbach a mis la confusion dans un cerveau russe.— Mais le comble de la plaisanterie est par rapport à la lettre sur la R⟨ussie⟩; il dit que cette lettre a été dédiée à Maz⟨zini⟩ et ensuite à toi. L'auteur finit en disant à l'Allemagne: «Pauvre pays, blanchi dans la méditation, de pareils parvenus osent te faire des prédications». (Et ajoute: «*Ein angeblicher russischer Baron A. H.*»)[2].

Partie humanitaire (*scilicet bestiale*). Personne n'a su qu'Eugène Sue serait tué par le conclave[3], on ne dira pas à présent que la démocratie est sangsue.—Au reste, je t'assure, ce n'est ni la démocratie, ni la Loui⟨s⟩ocratie, ni l'Orléanocratie ou la 5%-nocratie — ne sont ni vainqueurs ni vaincus — c'est l'Acratie qui se pose sur le trône, et se noircit l'abdomen, parce que le trône a été grillé, place Bastille le 24 février. Depuis qu'on donne ici *Toussaint L'Ouverture* on ne craint plus la couleur noire, et Tourgueneff qui prospère encore dans les rues de Paris et ne part que samedi, cherche avec un zèle digne de tout éloge une négresse pour avoir une idée juste avant de partir pour la Russie blanche de la Toute sainte ouverture — noire.

Addio, *caro mio.*

Hast du gehört, daß bei Rachel eine Feder gesprungen ist indem sie die Phèdre vorstellte?[4]

Il y a déjà plus d'une semaine que les *Confess⟨ions⟩* devaient être expédiées. Je demanderai demain. — *Briefe morgen.*

Перевод:

16 апреля ⟨1850 г.⟩. Париж

Я не в духе и больше зол, нежели опечален — словом, это дело с билетом связало меня по рукам и ногам, мешает каждому моему шагу, разрушает все мои планы, не дает мне того элемента покоя, которого я ищу.

Беззаконие русских порядков просто вопиюще, это грабеж in crudo *, и чёрт его знает, хватит ли у Рот⟨шильда⟩ энергии; чего я больше всего боюсь, это конфиденциального письма министра полиции к Рот⟨шильду⟩, в котором он объяснит ему дело по-своему и полуофициальным образом попросит похоронить его. Тогда останется только Вюртемберг; поезжайте туда, сделайте все, что только можно выдумать; пусть даже что-нибудь лишнее, беды в том не будет. Что до завещ⟨ания⟩, то меня нельзя указывать в качестве наследника,если деньги останутся в России; я потерял там все права. Стало быть, об этом вы и не помышляйте. Если деньги пришлют сюда, можно будет ad libitum ** делать все, что хочешь, или ничего не делать. — Нужно, следовательно, взять какое-то третье лицо (пусть даже то, с площади St. Georges, что составляет только четверть лица), или детей, или хотя бы назначить опекуна и душеприказчика. — Ну, довольно.

О планах. Поеду в Ниццу как только смогу; в Ниццу или в Канны — может, через Швейцарию, может, через Женеву или же прямо. Это зависит от состояния здо-

* откровенный (лат.).

** по желанию (лат.).

ровья Натали; итак, приготовься и договорись с Эммой. Я хочу только покоя, только покоя, мне все опротивело. Пр⟨удон⟩, после того, как сам наделал тысячу глупостей, написал недавно одному из своих друзей: «К чёрту весь род людской, будем искать спасения в иронии, пройдем наш путь до гробовой доски с иронической улыбкой на устах»[1].

О литературе. «*Lloyd*» в номере от 5 апреля, по беспредельной доброте своей, высыпал на нас с тобой целый ворох невероятных нелепостей: он говорит, будто ты так низко пал, что проставил *нуль* в рубрике религии, и что некий *Иеремия* опубликовал на развалинах баррикад книгу, представляющую патологический интерес, ибо она отражает ту путаницу, которую внесло чтение *Руге* (!) и Фейербаха в русские мозги.— Но самое смехотворное относится к письму о Р⟨оссии⟩; он утверждает, будто письмо это было посвящено Мац⟨цини⟩, а затем тебе. Автор заканчивает обращением к Германии: «Бедная страна, поседевшая в размышлениях, и подобные проходимцы смеют предсказывать твою судьбу!» (Он добавляет «Ein angeblicher russischer Baron A. H.»*)[2].

О человеческом (scilicet bestiale)**. Никто не знал, что Эжен Сю будет сражен конклавом[3], и теперь без Эжена Сю уж не будут кричать, что демократия кровопийца***. — Впрочем, уверяю тебя, ни демократия, ни Луикратия, ни Орлеанократия, ни 5%-кратия не являются ни победителями, ни побежденными — это Акратия, которая взобралась на трон и закоптила себе брюхо, так как трон был сожжен 24 февраля на площади Бастилии. С тех пор как здесь дают «Туссэна Лувертюра», никто больше не боится черного цвета, а Тургенев, который все еще благоденствует на улицах Парижа и уезжает только в субботу,— ищет с рвением, достойным всяческой похвалы, негритянку, чтобы до отъезда в белую Россию получить полное представление о черной пресвятой наготе****.

Addio, caro mio.

Слыхал ли ты, что у Рашели лопнула пружинка, когда она играла Федру*****[4].

Уже больше недели, как «Исповедь» должна была быть отослана. Завтра я справлюсь.— Письма завтра.

[1] Герцен не совсем точно цитирует письмо Прудона от 14 апреля 1850 г., адресованное Альфреду Даримону. Прудон писал: «К чёрту род людской! Возьмемся за бич Иронии, направим кровавую иронию на людей и на вещи! ⟨...⟩ Говорите правду при всяком удобном случае; стучите, колотите, для вас нет другой роли» («Correspondance de P.-J. Proudhon», t. III. Paris, 1875, p. 198).

[2] «*Lloyd*» — реакционная венская газета. Анонимная статья, которую излагает здесь Герцен, появилась в № 130. В открытом письме к Ш. Риберолю от 7 февраля 1854 г., Герцен, вспоминая об этих высказываниях «Lloyd'a», писал: «Австрийский „Ллойд", говоря об моей книге „Vom andern Ufer", называет меня русским Иеремием, плачущим на развалинах июньских баррикад, и прибавляет, что книга моя замечательна как *патологический* факт, показывающий, какой беспорядок вносит в русскую голову немецкая философия и французская революция» (изд. АН, т. V, 1955, стр. 223—224).

[3] В ночь с 13 на 14 апреля 1850 г. в Париже собрался комитет социалистов и демократов, назвавший себя конклавом (собором) для избрания кандидата на выборы 28 апреля. Наибольшее число голосов получил на этом «конклаве» автор «Парижских тайн» Эжен Сю (164 голоса). Во время обсуждения кандидатур вокруг имени Сю разгорелась ожесточенная дискуссия, и по его адресу было произнесено немало резких слов. Стенограмма заседания была напечатана в № 195 «Voix du Peuple» от 15 апреля 1850 г. Под ее впечатлением Герцен и пишет Гервегу. Итоги окончательного голосования комиссии оказались благоприятными для Сю — он получил абсолютное большинство голосов и в результате был объявлен кандидатом социально-демократического комитета от департамента Сены.

[4] *Федра*, героиня одноименной трагедии Расина,— одна из центральных ролей Рашели.

---

* Какой-то А. Г., выдающий себя за русского барона (нем.).

** то есть животном (лат.).

*** Каламбур: «Sue» (фамилия писателя) и окончание слова «sangsue» (кровопийца) пишутся и произносятся по-французски одинаково.

**** Каламбур. Перевод приблизительный.

***** Игра слов: «Feder» (по-немецки — «пружина») и «Phèdre» (по-французски — «Федра») звучат почти одинаково.

84

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ Le 19 avril ⟨1850⟩

Ça ne va plus,
Ça ne va plus,
Ça ne va plus comme autrefois!

L'affaire s'entortille, tu peux savoir les détails par la lettre à ma mère et j'ai perdu mon latin; «*haben sie warten gelernt?*»— Le fait est qu'à présent sans perdre de temps faites votre besogne à Stuttgart, n'oubliez pas de dire que l'argent a été envoyé de Mosc⟨ou⟩ à Pétersb⟨ourg⟩, donc qu'il faut s'adresser à la Banque de Péters⟨bourg⟩ et que le billet a été remis par Rotsch⟨ild⟩ à Gasser.— Il faut prendre les Wurtembourgeois par l'amour-propre, mais c'est du pillage, ce Weitling de Nicolas, vieux Cabet, communiste comme il n'y en a pas, Babœuf de la Néva [1].

Finis l'affaire et va-t-en à Nice, je ferai tout mon possible pour pouvoir venir.

Tu vois, dès que tu m'as écrit, la *V⟨oix⟩ du P⟨euple⟩* s'est changée; aujourd'hui elle n'est pas rance et les 400 martyrs neptunisés la feront saisir, j'en suis sûr [2]. Je te répéterai ce que j'ai écrit à Bamberger: «Es sind nicht die Russen die kommen, die Narren kommen, von allen Seiten, die Narren kommen — alles wird unverständlich. Die Narren kommen, unsere Narren, die rotfarbigen Narren — Juchei, Zaza, Hop⟨s⟩assa ... — das Chaos, das Chaos» [3] — et ce n'est que l'esprit de vin (non pas divin) qui surnage.

Lamartine part pour l'Orient, Thiers part pour je ne sais quelle contrée,— *Niemand ging aus, keiner ging aus, wer blieb zu Haus?*

Je suis plus irrité que spirituel, quoique je ne comprenne rien, pourquoi veux-tu lire l'Evangile d'Ostromir, traduction slave Cyrilienne, très compréhensible, dans une langue (si je ne me trompe) bulgaro-slave?

On a trouvé à Reims il y a une dizaine d'années un Evangile slave très ancien.

Moi j'ai relu nouvellement l'histoire de l'insurrection de Pugatscheff par Pouchkine, c'est tellement caractéristique qu'on pourrait en faire un petit article (c'est bien dommage que Pouchkine ait été trop aristocrate avec tout son génie pour comprendre, et trop resserré par la censure pour tout dire). Sur chaque page on trouve des douceurs à la Marat dans le genre: «Arrivé dans la petite ville N. P⟨ougatcheff⟩ a ordonné de pendre tous les officiers, tous les nobles, 20 prêtres, en déclarant le bas peuple et les paysans libres pour l'éternité»[4]. «... Et il traversa quatre provinces immenses et il était souverain autocratissime pendant quelques mois. „Moi, je suis un petit corbeau,— disait-il à Panine, déjà garrotté et livré par ses amis,— mais le vautour plane encore dans les airs, il viendra encore!“» [5] Je suis curieux de savoir ce que le vautour fera, si cela n'était qu'un jeu d'enfant.

Adieu.— Pourquoi donc tu n'as pas reçu les *Confess⟨ions⟩*, on les ⟨a⟩ envoyées au moins 10 jours, réclame-les... peste, jure et tonne!

Les lettres ne sont pas encore env⟨oyées⟩, je les enverrai demain. Tourg⟨ueneff⟩ est encore ici, sa santé va de mieux en mieux, il nous avertit tous les jours qu'il part demain. Je crois même qu'il y a quelque rélation mystique entre le f⟨...⟩ billet et lui. *Addio.*

Перевод:

⟨Париж.⟩ 19 апреля ⟨1850 г.⟩

Дело не идет на лад,
Дело не идет на лад.
Дело уж не идет на лад, как прежде!

Дело запутывается. Подробности ты можешь узнать из письма к моей матери, а я уже перестал что-либо понимать, «haben sie warten gelernt?»* Суть в том, что вам

* «научились ли вы ждать?» (нем.).

надобно, не теряя времени, закончить сейчас штутгартские хлопоты; не забудьте сказать, что деньги были пересланы из Моск⟨вы⟩ в Петерб⟨ург⟩, значит нужно обращаться в петер⟨бургский⟩ банк, а также, что билет был передан Гассеру через Ротш⟨ильда⟩.— Надо сыграть на самолюбии вюртембержцев, помилуйте, да ведь это грабеж, Николай — просто Вейтлинг, закоренелый Кабе, коммунист, каких мало, Бабеф с берегов Невы[1].

Кончай дело и отправляйся в Ниццу. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы приехать.

Видишь, стоило тебе написать мне, как «V⟨oix⟩ du P⟨euple⟩» изменилась;— теперь она уже не прогорклая, и я уверен, что 400 нептунизированных мучеников приведут к ее запрещению[2]. Повторяю тебе то, что писал Бамбергеру: «Не русские идут, а дураки идут, отовсюду идут, дураки идут — все становится непонятным. Дураки идут, наши дураки, красной масти дураки — ура! паца, хон⟨с⟩аса ...— хаос, хаос!»[3]— и один только спиртной (а не святой) дух веет над всем. Ламартин уезжает на Восток, Тьер— не знаю куда, «Niemand ging aus, keiner ging aus, wer blieb zu Haus?»*

Я скорее раздражен, чем остроумен, и пусть я ничего не понимаю, но почему ты хочешь читать Остромирово евангелие на болгаро-славянском языке (если не ошибаюсь), когда есть очень доступный славянский перевод, писанный кириллицей.

В Реймсе, лет десять назад, нашли очень древнее славянское евангелие.

Сам я недавно перечел историю Пугачевского бунта Пушкина. Все это так характерно, что можно было бы об этом сделать статейку (очень жаль, что Пушкин, при всем своем гении, слишком аристократ, чтобы понимать, и слишком стеснен цензурой, чтобы высказаться до конца). На каждой странице находишь такого рода прелести в духе Марата: «Прибыв в городок N., П⟨угачев⟩ велел повесить всех офицеров, всех дворян, 20 священников, объявив весь простой народ и крестьян свободными на вечные времена»[4]. «... И он прошел через четыре обширных губернии и в течение нескольких месяцев был самодержавнейшим властелином. „Я только вороненок,— сказал он Панину, когда уж был связан и выдан своими друзьями,— а ястреб-то еще летает в небе, он еще появится"»[5]. Любопытно бы знать, что же сделает ястреб, если это было только детской игрой.

Прощай.— Почему же ты не получил «Испов⟨едь⟩», ее отправили по меньшей мере 10 дней назад. Требуй ее... ругайся, бранись и грохочи!

«Письма» еще не отправлены, я отправлю их завтра. Тург⟨енев⟩ еще здесь, здоровье его все лучше и лучше. Он нас ежедневно предупреждает, что завтра уедет. Мне даже сдается, что существует какая-то мистическая связь между ним и ⟨...⟩ билетом.

Addio.

[1] Вильгельм *Вейтлинг* (1808—1871), Этьен *Кабе* (1788—1856) и Гракх *Бабеф* (1760—1797) — теоретики утопическо-коммунистических учений.

[2] 16 апреля 1850 г. в г. Анжере произошла катастрофа, жертвой которой пало свыше 400 солдат, проходивших строем через город. Опасаясь оваций, которые население могло устроить батальону, показавшему высокую сознательность в дни дополнительных выборов в Собрание, власти направили его обходным путем — на цепной мост через реку Мэн. При прохождении войска мост внезапно оборвался, и солдаты рухнули с большой высоты в воду; большая часть из них погибла.

Через два дня сообщение об этом появилось в парижских газетах, в том числе и в «Voix du Peuple», а 19 апреля в этой же газете была напечатана передовая статья Прудона, озаглавленная «Выборы 28 апреля. К парижской буржуазии». Прудон восхвалял в ней французскую армию, голосовавшую за социалистических кандидатов и ставшую, по его словам, «социалистической от первого до последнего человека».

«У католической церкви,— писал он,— есть своя легенда о *сорока мучениках*: то были сорок христианских солдат, которых императорская реакция погубила, продержав их целую ночь, совершенно обнаженными, на замерзшем пруду. У социализма также будет своя легенда, но не о *сорока*, а о *четырехстах мучениках*, ибо теперь во всем прогресс. Это четыреста молодых солдат, которых роялистская реакция захотела наказать дисциплинарным походом за их преданность республике и которые низринулись, шагая в ногу, тесной колонной, с непрочного моста через Мэн.

* Никто не ушел, ни один не ушел. Кто же остался дома? (нем.) — детская прибаутка.

«КЭБ ЖИРАРДЕНА». КАРИКАТУРА НА ЭМИЛЯ ЖИРАРДЕНА. ВЫСМЕИВАЕТ ПРОВАЛ ЕГО КАНДИДАТУРЫ ВО ВРЕМЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ВЫБОРОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ 15 АПРЕЛЯ 1850 г.

Рисунок Кама

Подпись под рисунком: «Не хотите ли прокатиться в моей новой коляске...?» — «Благодарю. Экипаж меня вполне устраивает, а вот кучер — подозрительный»

«Charivari» от 17 апреля 1850 г.

«В Париже готовятся еще к одним выборам, намечают Жирардена»... «Жирарден не внушает особого доверия» (Из писем к Георгу Гервегу от 2 и 5 апреля 1850 г.)

Не достаточно ли крови? Не достаточно ли трупов?...»

Именно эту статью Прудона и имел в виду Герцен, говоря о «400 нептунизированных» (т. е. потонувших) мучениках (Нептун — бог моря в римской мифологии) и предполагая, что она вызовет конфискацию «Voix du Peuple».

Опасения Герцена оправдались. Газета была конфискована — в седьмой раз — автор и редактор были привлечены к ответственности «за возбуждение ненависти и презрения к правительству республики; за возбуждение ненависти и презрения в одних гражданах против других и за обращение к военнослужащим сухопутных войск с целью отвлечь их от выполнения своих военных обязанностей и от повиновения своим начальникам» («Voix du Peuple», № 200 от 20 апреля 1850 г.).

[3] Говоря о том, что «не русские идут, а дураки идут», Герцен намекает на получившее широкую известность выступление немецкого юмористического журнала «Berliner Krakehler»,открывшего свой 9-й номер от 22 июня 1848 г. аншлагом «Русские идут», многократно повторенным на одной странице шрифтами разных размеров. Этим выступлением разоблачалась предательская тактика реакционных кругов, пытавшихся использовать в классово-своекорыстных целях нависшую угрозу вмешательства царской России в революционные события 1848 г. на Западе.

[4] Текст, взятый Герценом в кавычки, не является цитатой из Пушкина.

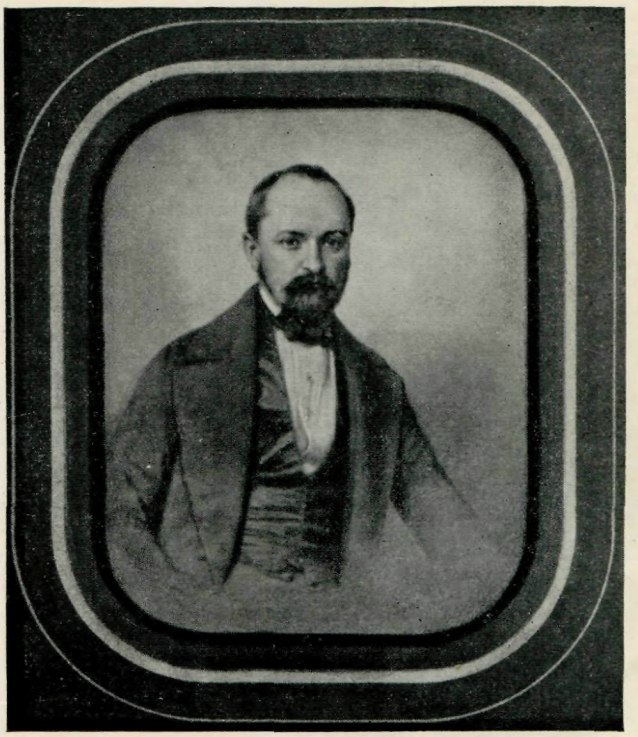
[5] Неточная цитата. У Пушкина: «Я не ворон, я вороненок, а ворон-то еще летает» («История Пугачева», глава VIII).

85

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ 21 April ⟨1850⟩

La manie des portraits, qui a envahi notre maison continue. Tata fait des portraits de Horace, ma femme — de Darimon, ta femme — de ma femme, Tourgueneff — de tout le monde. Sacha fait des portraits dans le



А. И. ГЕРЦЕН
Дагерротип 1847 г.
Исторический музей, Москва

style Byzantin, ta femme dans le genre d'Andrea del Sarto. Moi à force de poser je deviendrai marquis Posa. Figure-toi que cette épidémie de reproduction des traits a tellement absorbé les honorables artistes qu'il y a deux jours qu'Emma ne m'a rien dit concernant son départ, ses projets et n'a pas pesté et juré contre le sort, les dieux et les démons.

Hier on a donné aux Variétés *La petite Fadette*, estropiée d'une manière ridicule; Sylvinet exclu, Landry — polichinellisé, et avec tout cela la pièce est meilleure que tout ce qu'on donne. Le rôle de Fadette est beau et bien joué par une m-lle Thillier[1]. *Nun und was sagen Sie, Ew⟨ig⟩ Hochwohlg⟨eborene⟩ von der Geschichte mit Pr⟨oudhon⟩?*[2]

Voilà, *caro mio*, où en est l'humanité depuis Galilée et le Galiléen.— Tout va à une crise, à laquelle — je n'en sais rien, *töricht auf Besserung der Toren zu harren*... Chaque jour donne l'avis salutaire de fuir les hommes agglomérés en troupeau; déportons-nous nous-mêmes puisque la déportation est à la mode... Et voilà qu'on vous attache des boulets aux pieds (ou, pour être moins métaphorique — des billets). Maudite affaire! Je n'entrevois plus de solution prochaine. Faites l'impossible à Wurtemb⟨erg⟩.

Ta femme pour mettre à une épreuve rude ta vertu, a pris une bonne âgée de 18 ans, de la hauteur de Kapp, fraîche et belle — lorsqu'elle a eu la bonté de me la montrer, j'ai dit d'un air recueilli et pieux: «*Et non inducas in tentationem*».

Dis à ma mère qu'il n'y a rien de nouveau de Pétersb⟨ourg⟩. Jusqu'à présent Rot⟨schild⟩ a tout fait, mais je ne voudrais pas le mettre à l'épreuve (pas même avec la bonne).

Golovine m'écrit une lettre, dans laquelle entre autres il y a cette ligne remarquable: «La femme de Pulsky est enceinte»[3].

Bamberger s'est rasé, s'occupe chez un banquier, et me conseille dans un moment de tristesse de lire l'article que Golovi⟨ne⟩ a écrit concernant mon ouvrage pour la Revue Kolatschek[4].

Je t'embrasse. Tu sais que Constantin[5] a perdu *sa moitié*, $\frac{1}{2}$ Constantin, moi je m'attends aussi à n'apporter qu'un $\frac{1}{2}$ à Nice.

Adieu.

Рукой Н. А. Герцен:

Je vous embrasse de tout mon cœur pour votre fête, et voilà tout.

Natalie

Перевод:

⟨Париж.⟩ 21 апреля ⟨1850 г.⟩

Портретная мания, овладевшая нашим домом, не проходит. Тата пишет портреты Гораса, моя жена — Даримона, твоя жена — портрет моей жены, Тургенев — портреты всех, Саша пишет в византийском стиле, твоя жена — в манере Андреа дель Сарто. Я же столько позирую, что скоро превращусь в маркиза Позу. Представь себе, эта изобразительная эпидемия настолько захватила почтенных художников, что вот уже два дня, как Эмма ничего не говорит мне о своем отъезде, о своих планах, не бранится и не проклинает судьбу, богов и злых духов.

Вчера в Варьете давали «Маленькую Фадетту», искалеченную самым дурацким образом; Сильвине изгнан, Ландри ополишинелен, и все же это лучшая пьеса из того, что сейчас дают. Роль Фадетты прекрасна, и мадмуазель Тийе хорошо ее сыграла[1]. Nun und was sagen Sie, Ew⟨ig⟩ Hochwohlg⟨eborene⟩ von der Geschichte mit Pr⟨oudhon⟩? [2]*

Вот, caro mio, до чего дошло человечество со времен Галилея и Галилеянина.— Все идет к какому-то кризису, к какому — не знаю, töricht auf Besserung der Toren zu harren**...Каждый день приносит нам спасительный совет бежать от людей, сбившихся в стадо, отправим же сами себя в ссылку, поскольку ссылать сейчас в моде... Но тут

* Ну, а теперь, достопочт⟨еннейший⟩, что вы скажете об истории с Пр⟨удоном⟩? (нем.).

** глупо ожидать, чтоб глупцы образумились (нем.).

нам привязывают к ногам гири (а выражаясь менее метафорично — билеты)*. Проклятое дело! Я уж не жду скорого решения вопроса. Сделайте в Вюртемб⟨ерге⟩ невозможное.

Чтобы подвергнуть суровому испытанию твою добродетель, твоя жена взяла восемнадцатилетнюю служанку, ростом с Каппа, свеженькую и хорошенькую. Когда же она мне любезно ее показала, я с серьезным и благочестивым видом сказал: «Et non inducas in tentationem»**.

Скажи маменьке, что из Петерб⟨урга⟩ ничего нового нет.

До сих пор Рот⟨шильд⟩ делал все, что от него зависело, но я не хотел бы подвергать его испытанию (даже со служанкой).

Головин прислал мне письмо, в котором, между прочим, есть такая замечательная строка: «Жена Пульского беременна» [3].

Бамбергер обрился, служит у какого-то банкира и советует мне в грустную минуту прочесть статью, которую Голов⟨ин⟩ написал о моем сочинении для журнала Колачека [4].

Обнимаю тебя. Ты знаешь, что Константин потерял *половину себя* — $\frac{1}{2}$ Константина[5], а я тоже готовлюсь привезти в Ниццу только $\frac{1}{2}$ себя.

Прощай.

Рукой Н. А. Герцен:

От всего сердца обнимаю вас, ради дня вашего ангела, вот и все.

Натали

[1] Инсценировка одноименной повести Жорж Санд, сделанная Анисе Буржуа и Шарлем Лафоном. См. рецензию на эту постановку в «Voix du Peuple», № 212 от 2 мая 1850 г. Отметим, что именами героев «Маленькой Фадетты» — близнецов Ландри, Сильвине и молодой девушки Фадетты — называли друг друга Гервег, Герцен и Н. А. Герцен.

[2] 21 апреля 1850 г. на первой странице «Voix du Peuple» появилось следующее сообщение редакции, датированное 20 апреля: «Вчера вечером, через несколько часов после конфискации «Voix du Peuple» на почте и в ее конторах, начальник тюрьмы Консьержери вошел в камеру гражданина Прудона и объявил ему приказ приготовиться к отъезду в Дуллан. И действительно, сегодня в семь часов, то есть до того, как гражданин Прудон мог бы предупредить своих друзей и привести в порядок свои дела, начальство приказало двум полицейским офицерам увезти отважного писателя и отправить под конвоем по Северной железной дороге...».

[3] *Жена Пульского* — Тереза Пульская. См. о ней ниже, в публикации писем к ней Герцена.

[4] Речь идет о журнале «Deutsche Monatsschrift für Wissenschaft, Politik, Kunst und Leben», издававшемся в Штутгарте Колачеком. В нем помещал свои статьи и сам Герцен.— Статья Головина в нем не появилась.

[5] *Константин* Грегорио — повар Герценов, которого разбил паралич — у него отнялась правая половина тела.

86

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ Le 23 avril ⟨1850⟩

Donc c'est ta fête aujourd'hui [1]— j'ai invité en qualité de Vice-George les dames chez les Provençaux[2] — mon toast sera: «A la réunion à Nice». Oui, à Nice, à Nice! Nous y tiendrons à deux un conseil œcum⟨én⟩ique de Nicée. Tata représentera Arius, et Horace — Pélasgius [3].

Quelle lassitude, cher ami, quelle lassitude je sens, tu ne peux t'imaginer. Je m'accuse de faiblesse, d'inconséquence et pourtant on a beau mépriser les hommes, on a des yeux, on a un cœur.

Rien de nouveau, rien de surprenant — mais aussi lorsqu'on frappe quelqu'un par une massue, il n'y a rien ⟨d'⟩étonnant mais—cela fait mal. Je suis abreuvé des infamies que je vois tous les jours et je serais à Charenton

* игра слов: boulets (гири) и billets (билеты) по-французски звучит схоже.

** «И не введи ⟨нас⟩ во искушение» (лат.).

à force de tristesse sans les mauvais calembours, que je fais pour moi plus que pour les autres ... nous sommes près d'un commencement ou de la fin.

Et cette maudite affaire du billet, qui me tient esclave. Rot⟨schild⟩ n'entreprend rien avant d'avoir une réponse cathégorique, il a répété à G⟨asser⟩ de l'exiger. L'autre répond qu'il ne peut rien ajouter à ses demandes. J'attends à présent ce que vous m'écrirez de Wurtemb⟨erg⟩ — seulement surveille bien et conseille tout ce qu'il faut à ma mère.

Tous les enfants ont déjeûné chez Emma et ont reçu une portion «de viande et de vin» — comme on dit dans les journaux russes après l'inspection de l'armée par l'emp⟨ereur⟩ — c'est à dire du Moët[4], plus qu'on ne leur donne. Tu vois donc que rien n'a été omis à la solennité du 23 avril. Je brûle aussi de soif — sais-tu que je bois peu de vin, encore moins d'eau-de-vie, je désire conserver le côté droit de mon corps plus longtemps que le pauvre Constantin. Et j'en ai besoin aujourd'hui — non pas du côté droit, mais de Richebourg pour me monter à la hauteur du festival. Et voilà tout — demain encore. C'est une lettre provisoire.

24 av⟨ril⟩

Tu me forces à me justifier comme devant un procureur. Et pourtant tu connais toutes les circonstances. De quoi es-tu mécontent? Où fallait-il aller? Quand?

Récapitulons si cela te plaît. J'arrive à Paris et j'attends une réponse pour le 1 février, je reçois une réponse qui dit que la banque a différé de 28 jours. Passent 40 jours — point de réponse. Alors j'ai demandé une entrevue avec Rot⟨schild⟩, j ai insisté sur la nécessité d'écrire à Gas⟨ser⟩ d'une manière énergique, et il a écrit le 16 mars — le 6 avril est venue une réponse. Vous, comme moi, nous ⟨nous⟩ étions trompés en attendant (comme l'écrivait Gas⟨ser⟩) une réponse définitive dans une semaine. Au lieu de cette réponse arrive une lettre où il dit qu'il y aurait une réponse en tout cas, mais que la décision peut encore traîner des mois. Cette réponse est arrivée la semaine dernière.

Que devais-je donc faire: retourner à Zurich, aller à Nice... à Cadix... à Genève — mais est-ce que vous avez choisi quelque chose; lorsque moi je conseillais à Emma d'aller s'installer, tu lui écrivais de se tenir tranquillement à Paris.

Vous doutiez des démarches de Rotsch⟨ild⟩ parce que vous ne saviez l'affaire que par mes lettres, moi j'ai pu avoir d'autres certitudes en lisant les réponses. Peut-être cela n'était pas nécessaire — moi je crois le contraire. Je pousserai encore l'affaire en cas de refus.

Ensuite retournons, *tanto poco*, la question: Zurich n'est pas plus loin de Paris que Paris de Zurich, tu pourrais parfaitement passer ici un mois, deux même... pourquoi cette idée si simple ne te venait pas dans la tête, financièrement cela aurait moins coûté que le voyage d'Emma à Zurich. Je crois que tu ne l'as pas fait, parce que tout le monde s'est trompé sur la question du temps que durerait l'affaire. Toute cette sagesse est retrospective, et je propose d'accuser le fatum, l'organisation sociale... et de laisser les incriminations de personnes.

Je ne changerai rien à mes dernières décisions, j'attends ici une réponse — bonne ou mauvaise, je quitte en 10 jours, après l'avoir reçue, Paris et j'irai droit à Nice.— Ou *s'il y a quelque empêchement* — à Cannes, S⟨aint⟩-Tropez — même peut-être en Suisse — comme pis aller.

Рукой Н. А. Герцен:

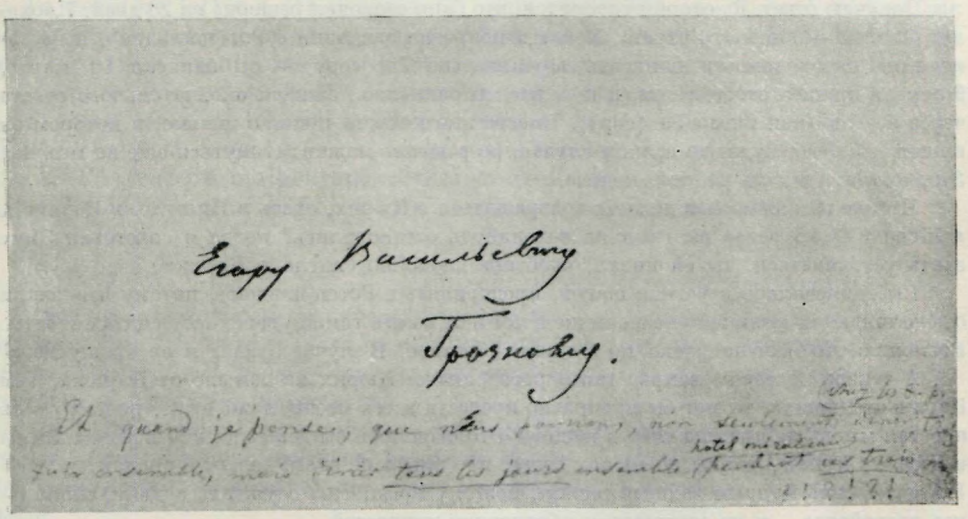
J'ai voulu vous faire la description, comment nous avons passé le jour de votre *fête* — mais je vois qu'elle est *faite* par votre besson, donc à la bessonne il ne reste qu'à ajouter le soir — nous sommes allés par une averse

dîner au restaurant, tout de suite après le dîner on m'a couchée, j'ai dormi jusqu'à $11\frac{1}{2}$, puis on m'a réveillée et nous sommes allés à la maison — n'est-ce pas, c'est intéressant? «Tu l'a voulu, Georges!»[5]. Oui, mon cher Georges, en vérité vous êtes quelquefois comme un enfant, c'est bien, mais ne soyez pas un enfant trop capricieux, cela me fait tant de peine!!— Moi aussi je suis bête et je veux vous ménager aujourd'hui! *A rivederci*!

Horace lit *admirablement* bien le russe et *avec passion*. N.

Et quand je pense que nous pourrions non seulement dîner chez les *F⟨rères⟩ P⟨rovençaux⟩* trois fois ensemble, mais dîner *tous les jours* ensemble hôtel Mirabeau pendant *ces trois mois*?!?!?!

Рукой Герцена:
Егору Васильевичу Грозному.



ШУТОЧНАЯ НАДПИСЬ ГЕРЦЕНА НА ПИСЬМЕ К ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ
ОТ 23—24 АПРЕЛЯ 1850 г.
Ниже приписка Н. А. Герцен
Британский музей, Лондон

Перевод:

⟨Париж.⟩ 23 апреля ⟨1850 г.⟩

Итак, сегодня день твоего ангела[1]. В качестве вице-Георга, я пригласил дам к Провансальцам[2]. Я подниму бокал «за встречу в Ницце». Да, в Ницце, в Ницце! Там мы откроем вдвоем Никейский* вселенский собор. Тата будет представлять Ария, а Горас — Пеласгия[3].

Как я устал, дорогой друг, какую усталость я чувствую, ты не можешь себе и представить. Обвиняю себя в слабости, непоследовательности, но сколько ни презирай людей, а есть же у тебя глаза, есть сердце.

Ничего нового, ничего из ряда вон выходящего, но если кого-нибудь ударят дубиной, в этом тоже нет ничего удивительного, однако это больно. Я по горло сыт подлостями, которые изо дня в день вижу, и попал бы от тоски в Шарантон, если бы не мои плохие каламбуры, которые я сочиняю больше для себя, нежели для других. Мы близки к началу, либо к концу.

А тут еще проклятое дело с билетом, превратившее меня в раба. Рот⟨шильд⟩ ничего не предпримет прежде, чем не получит решительный ответ; он вторично предложил Г⟨ассеру⟩ потребовать его. Тот ответил, что ему нечего добавить к своим ходатайствам.

---

* Каламбур: Ницца («Nice») и «Никея» («Nicée») по-французски близки по написанию и звучанию.

Теперь я жду от вас вестей из Вюртемб⟨ерга⟩ — только следи хорошенько за всем и подавай необходимые советы моей матери.

Все дети завтракали у Эммы и получили порцию «мяса и вина» — как пишут в русских газетах после инспектирования армии имп⟨ератором⟩, то есть им налили моэта[4] больше, чем обычно. Как видишь, ничего не было упущено для придания торжественности 23 апреля. Меня тоже мучит жажда — знаешь ли, что я пью очень мало вина, а еще меньше — водки, я желаю сохранить свой правый бок дольше, чем бедняга Константин. Но сегодня мне нужен не правый бок, а ришбургское, чтобы быть на высоте празднества. Вот и все. Завтра напишу еще. А это письмо — предварительное.

24 ап⟨реля⟩

Ты заставляешь меня оправдываться, как перед прокурором. Но ведь тебе известны все обстоятельства. Чем ты недоволен? Куда нужно было ехать? Когда?

Повторим вкратце, если тебе угодно. Я приезжаю в Париж и жду ответа к 1 февраля. Получаю ответ, в котором говорится, что банк отсрочил решение на 28 дней. Проходят 40 дней — никакого ответа. Тогда я попросил свидания с Рот⟨шильдом⟩, я настаивал на необходимости написать внушительно Гас⟨серу⟩ — он написал 16 марта, 6 апреля пришел ответ. И вы, и я, и все мы ошиблись, ожидая окончательного ответа через неделю (как писал Гас⟨сер⟩). Вместо этого ответа пришло письмо, в котором он пишет, что ответ будет во всяком случае, но решение может затянуться еще на месяцы. Этот ответ пришел на той неделе.

Что же я должен был делать: возвращаться в Цюрих, ехать в Ниццу... в Кадикс... в Женеву — но разве вы сами на чем-нибудь остановились? когда я советовал Эмме ехать устраиваться, ты ей писал, чтоб она спокойно сидела в Париже.

Вы сомневались в успехе шагов, предпринятых Ротш⟨ильдом⟩, потому что знали о деле только по моим письмам,сам же я мог и не иметь такой уверенности читая ответы. Возможно, это было напрасно, но я думаю обратное. В случае отказа я не брошу дела.

А теперь поставим вопрос tanto poco* иначе: Цюрих не дальше от Парижа, чем Париж от Цюриха; ты мог бы прекрасно провести здесь месяц, даже два... почему столь простая мысль не пришла тебе в голову? Это обошлось бы дешевле, чем поездка Эммы в Цюрих. Думаю, что ты не сделал этого, ибо никто не знал, долго ли продлится дело Но легко быть мудрым задним числом, поэтому предлагаю осуждать судьбу, социальное устройство... и не заниматься обвинением личностей.

Я ни в чем не изменю своих последних решений. Я дождусь здесь ответа — хорошего или плохого, и через десять дней после его получения покину Париж и поеду прямо в Ниццу. Либо, *если возникнут какие-либо затруднения* — в Канн, С⟨ен⟩-Тропез, а на худой конец — даже в Швейцарию.

Рукой Н. А. Герцен:

Хотела описать вам, как мы провели *день вашего ангела*, но вижу, что это *сделал*** ваш близнец, значит близнецу женского рода остается только добавить о вечере. Под проливным дождем мы пошли обедать в ресторан, сразу же после обеда меня уложили, я спала до половины 12-го, затем меня разбудили, и мы пошли домой,— интересно, не правда ли? «Ты этого хотел, Жорж»[5]. Право же, милый Георг, иногда вы просто как ребенок, пусть так, но не будьте слишком капризным ребенком, меня это очень огорчает.— А я тоже глупа и хочу сегодня пощадить вас. До свидания.

Н.

Горас *превосходно* и с *увлечением* читает по-русски.

Рукой Герцена:

Егору Васильевичу Грозному ***.

Рукой Н. А. Герцен:

Подумать только, ведь мы могли бы не три раза пообедать вместе у «Б⟨ратьев⟩ п⟨ровансальцев⟩», а могли бы обедать вместе *ежедневно* в hôtel Mirabeau в течение *целых трех месяцев*?!?!?!

* несколько (итал.).

** Каламбур: «fête» (день рождения) и «faite» (сделано) звучат по-французски одинаково.

*** Написано по-русски.— *Ред.*

[1] Герцены, по-видимому, в этот день, на русский лад отмечали именины «Егора Федоровича» Гервега, хотя «день святого Георгия» приходился на 23 апреля ст. ст.

[2] «*Провансальцы*» («Провансальские братья», «Три провансальских брата») — дорогой парижский ресторан в Пале-Рояле.

[3] *Арий* и *Пелагий* — ересиархи; первый был участником вселенского собора в Никее (325 г.).

[4] *Моэт* — марка шампанского.

[5] Цитата из комедии Мольера «Georges Dandin, ou le mari confondu». У Мольера: «Tu l'as voulu, Georges Dandin...» («Ты хотел этого, Жорж Данден...»).

87

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ 28 av⟨ril⟩ ⟨1850⟩

Ta dernière lettre a été charmante, mais je ne suis pas disposé à t'égaler aujourd'hui. Oui, tu as raison, si ce n'est pas le mari, c'est la femme... et peut-être tu m'inculperas à présent de la maladie de ma femme, qu'Emma a pris pour une petite indisposition et que je voyais profondément grave.

Et bien, tendez le cou, tendez le cou; les fourches Caudines de la vie! [1] Allez, faites des plans, Océanie, Lisbonne, l'Oc⟨éan⟩ pacifique!... Halte-là... et finis-en avec un malheureux catharre. Je ne prévois pas encore de possibilité pas même pour le 15 mai de partir — c'est-à-dire ensemble.

Перевод:

⟨Париж.⟩ 28 ап⟨реля⟩ ⟨1850 г.⟩

Твое последнее письмо было очаровательно, но я не расположен сегодня соревноваться с тобой. Да, ты прав, если не муж, то жена... и может быть, ты обвинишь меня теперь в болезни моей жены — болезни, которую Эмма приняла за легкое недомогание и которую я считал весьма серьезной.

Что ж, надо гнуть выю; гнуть выю: вот они, Кавдинские ущелья жизни! [1] Подите, стройте планы: Океания, Лиссабон, Тихий ок⟨еан⟩!— ... Стоп... разделайтесь-ка сначала с несчастным катаром. Не предвижу возможности уехать даже 15 мая — то есть вместе.

[1] *Кавдинские ущелья* (фуркулы) — излюбленная метафора Герцена, которой он обозначал неожиданные несчастья, подстерегающие человека.— Так называются два узких горных прохода (близ г. Кавдиума в Италии), где потерпели поражение римляне во вторую самнитскую войну (321 г. до н э)

88

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

aris.⟩ 30 April ⟨1850⟩

Tu sais le résultat des élections [1]. «*Was wird — das wird*» — *sagt ein russisches Sprichwort.* Je suis tout à fait sous la pression de la maladie de Nat⟨alie⟩, enfin cela dépasse toutes les bornes — un refroidissement de rien qui se développe, se développe jusqu'à une maladie qui fait diablement souffrir.— Non, la vie est stupide; on se débat, se démène — et ce n'est que la chimie organique qui est le fatum et décide.

Rots⟨child⟩ a écrit à Kis⟨seleff⟩ [2], mais il ne veut pas qu'on en parle. L'affaire aurait été bien enterrée si je n'étais ⟨pas⟩ à Paris.

J'ai reçu aujourd'hui une lettre de Hoffman et Campe [3] pleine de compliments, il m'écrit qu'il m'envoie une critique (que je n'ai pas reçue) ironique qui a été écrite pour tromper les réactionnaires et qu'il trouve charmante. Il me parle d'un Hauenschild [4] qui a aussi écrit quelque chose — qui est ce monsieur avec un nom de famille iroquois? Il parle d'une seconde édition qui doit paraître dans deux mois.— La préface, s'il vous plaît [5].

La critique est *in* ⟨*den*⟩ *Brockhaus Blättern für Liter*⟨*arische*⟩ *Unterhaltung* et une autre de Hauensch⟨ild⟩ — mais je n'ai rien reçu.

Je serai enchanté de faire prendre des leçons à Alexandre chez Vogt, c'est mon idéal de le pousser vers les sciences naturelles [6]. Mais tâche de savoir s'il est suffisant 100 francs par mois (je compte qu'il faut avoir encore un maître de la langue française) et je voudrai savoir si cela lui va. Avant la terminaison de l'histoire du billet je ne peux disposer que de 22 000 par an.

Concernant le microscope c'est difficile à dire; si Og⟨areff⟩ est en exil, il fallait le lui envoyer tout de suite; attends encore quelques jours. J'attends toujours le voyageur russe qui doit nous apporter des lettres [7].

Le gouvernement est tellement abattu qu'il prend Abbatu-chi [8] pour Ministre, et *Per*signy [9] pour fils de Baroche. *O Secolo incapace!* Point d'érection, point d'éjaculation. Et la lettre de Pr⟨oudhon⟩ à Carlier [10].—Non, il n'y a pas de nature entière, nou⟨s⟩ sommes tous, *tutti quanti*, touchés par la corruption. Je le sens au fond de mon âme.

Es lebe der Tod!

Tout le monde est *enrhumé* par le froid et moi par Hoffman et Campe.

Егору Федоровичу.

Перевод:

⟨Париж.⟩ 30 апреля ⟨1850 г.⟩

Тебе известны результаты выборов [1]. «Was wird— das wird»*— говорит одна русская пословица. Я совершенно подавлен болезнью Нат⟨али⟩, это, наконец, переходит все границы,— пустяковая простуда, все развиваясь и развиваясь, превращается в болезнь, причиняющую ужасные страдания.— Нет, жизнь глупа, мы бьемся, надрываемся, но ведь одна только органическая химия и есть судьба и решает все.

Ротш⟨ильд⟩ написал Кис⟨елеву⟩ [2], но он не хочет, чтобы об этом говорили. Дело давно предали бы забвению, если бы меня не было в Париже.

Сегодня я получил от Гофмана и Кампе [3] письмо, полное комплиментов. Он пишет, что посылает мне критическую статью (которую я не получил), написанную в ироническом тоне, дабы обмануть реакционеров, и что сам он находит ее прелестной. Упоминает о каком-то Хауеншильде [4], который тоже что-то написал,—кто этот господин с ирокезской фамилией? Упоминает о втором издании, которое должно появиться через два месяца.— Дайте же, пожалуйста, предисловие [5]. Критическая статья помещена в Брокгаузовских «Blätter für Liter⟨arische⟩ Unterhaltung», а другая —Хауеншильда, но я ничего не получал.

Я был бы очень рад, если б Александр начал брать уроки у Фогта, ведь это моя мечта направить его в сторону естественных наук [6]. Постарайся же узнать, будет ли достаточно 100 франков в месяц (я считаю, что, кроме того, нужен учитель французского языка), мне хотелось бы знать, устраивает ли его это. Пока история с билетом не кончится, я могу располагать только 22 000 в год.

Насчет микроскопа трудно что-либо сказать; если Ог⟨арев⟩ в ссылке, ему нужно было бы переслать его немедленно; повремени еще несколько дней. Я все жду того человека из России, который должен привезти нам письма [7].

Правительство так подавлено, что оно берет Аббатучи** [8] в министры, а *Пер*синьи [9] в сыновья Бароша***. O Secolo incapace!****—ни эрекции, ни извержения! А письмо Пр⟨удона⟩ к Карлье [10].— Нет, цельных натур больше не существует, все мы, tutti quanti*****, тронуты разложением. Я это чувствую в глубине души.

---

* Чему быть, того не миновать (нем.).

** Каламбур: abattu (подавлено) и начало фамилии Аббатучи—«Abbatu» по-французски звучат схоже.

*** Каламбур: первый слог фамилии Персиньи — «per» звучит по-французски как «père» (отец).

**** О неспособный век! (итал.).

***** решительно все (итал.).

Es lebe der Tod!*

Все простужены из-за холода, а я из-за Гофмана и Кампе**.

Егору Федоровичу ***.

[1] Речь идет о дополнительных выборах по Сенскому департаменту, состоявшихся 28 апреля. Победила кандидатура Эжена Сю. Маркс рассматривал эти новые выборы как сведение к нулю результатов предыдущих выборов: «Победа 10 марта потеряла свое решающее значение; окончательное решение было снова отложено, напряжение народа ослабевало, он привыкал к легальным триумфам вместо революционных. Наконец, кандидатура Эжена Сю, сентиментально-мещанского социал-фантазера, совершенно уничтожила революционный смысл 10 марта...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 473).

[2] Николай Дмитриевич *Киселев* (1800—1869) — русский посол в Париже.

[3] Т. е. от издателя Гофмана.

[4] Richard-Georg von *Hauenschild*, писавший под псевдонимом Макс Вальдау.

[5] Второе издание «Vom andern Ufer» было запрещено цензурой. Предисловие к нему хотел написать Гервег, еще в конце января 1850 г. писавший Герцену: «Я умираю со стыда, что книга выходит без моего предисловия, и *настаиваю* и *умоляю*, чтоб оно было во главе 2-го издания. Я придаю значение публичному засвидетельствованию наших глубоких симпатий и редкой дружбы» (XIV, 62). Это предисловие написано, по-видимому, не было.

[6] См. ниже предисловие к публикации писем Герцена к сыну Александру.

[7] По всей вероятности, Герцен имел в виду Н. А. Мельгунова, о котором см. в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 308—387.

[8] Жан-Пьер-Шарль *Аббатучи* (1791—1857) — доверенное лицо Луи-Наполеона, один из создателей реакционного бонапартистского общества 10 декабря.

[9] Жан-Жильбер-Виктор *Персиньи* (1808—1872) — виднейший сторонник Луи-Наполеона, впоследствии министр иностранных дел и посол в Великобритании.

[10] Письмо Прудона из тюрьмы Консьержери от 21 февраля 1850 г., адресованное префекту полиции П. Карлье и опубликованное в № 209 «Voix du Peuple» от 29 апреля того же года. В этом письме Прудон в подобострастном тоне убеждал Карлье снять наложенные на него строгие ограничения и давал обязательство прекратить сочинение политических статей, объявляя тем самым свою журналистскую деятельность законченной. Далее он оправдывался в обвинении, будто злоупотребил доверием властей. Об отношении Герцена к этому письму Прудона см. ниже, в письме № 90

89

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Париж. Апрель 1850 г.⟩

Je crois qu'il faut prier l'opticien d'attendre une lettre de m-r Ogareff — qui doit nécessairement venir vers le 1 mai. Autrement le microscope peut arriver lorsqu'Ogareff voudra quitter Pétersbourg[1].

Monsieur Herwegh.

Перевод:

⟨Париж. Апрель 1850 г.⟩

Нужно, я думаю, попросить оптика подождать письма от г. Огарева, которое непременно должно придти к 1 мая. Иначе микроскоп может быть доставлен тогда, когда Огареву надо будет уезжать из Петербурга[1].

Господину Гервегу.

[1] В недатированном письме к Герцену, написанном, по-видимому, в это время, Огарев сообщил из своего пензенского имения, что дела приковывают его «года на два к сим местам», давая понять, что он лишен права выезда, и выражал желание иметь микроскоп («Русские пропилеи», т. IV, 1917, стр. 113).

---

* Да здравствует смерть! (нем.).

** Каламбур: «enrhumé» — по-французски «простуженный»; «Ruhm» — по-немецки «слава», здесь — прославлен.

*** Имя и отчество написаны по-русски.— *Ред.*

90
ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ 4 mai ⟨1850⟩

Il y a bien longtemps que je n'ai pas écrit, et la cause en est que par coquetterie je ne me montre à mes amis que lorsque je suis aimable, spirituel, intéressant... eh bien, ces trois jours je n'étais ni l'un ni l'autre. La maladie de Natalie m'a attristé. Les horreurs que je vois tous les jours m'irritent d'une manière stérile. Tu sais qu'Edmond est expulsé et qu'il reste ici pour quelque temps à condition de ne rien faire [1]. Tu sais la chasse aux porteurs de journaux qui chaque jour se renouvelle [2] — et se termine par une victoire complète des Carlovingiens [3]... *Corpo di Bacco* lorsqu'on sait qu'il n'y a pas de ville plus civilisée que Paris, pas de peuple meilleur,— lorsqu'on pense que partout ailleurs cela va plus mal encore, on devient stupéfait, crétin, idiot... idiot jusqu'au point d'aller voir Alexis le magnétisé [4].

L'affaire du départ reste comme elle était — si je ne parviens pas à avoir un visa pour Nice, j'irai par Genève.

Il y a de bonnes nouvelles concernant l'affaire, elles consistent dans un mémoire de la banque tout en faveur du remboursement.

J'ai reçu une lettre de Bamberger, c'est un homme de beaucoup d'énergie spirituelle, sa lettre est charmante; entre autres il me cite ce texte: «*Tristitia est animi imperfectio*» — et m'engage de me moquer de tout; je n'avais pas besoin d'une invitation pour cela, et j'ai écrit un petit article *Omnia mea mecum porto* qui te plaira, j'en suis certain [5].— Edmond veut aller en Egypte. Je tâche de sauver *tanto poco* du cautionnement [6].

J'ai un mal de tête féroce.— Adieu, *caro mio*, au revoir, le temps approche où enfin nous reposerons ensemble. Je t'embrasse.

Pr⟨oudhon⟩ est au secret à Doullens, même sa femme ne pouvait le voir qu'un instant sous la surveillance d'un gardien.

5 mai

Hier à cause de la fête [7] les lettres ne partirent point. J'ajoute quelques mots. Tes prédictions s'accomplissent, ma femme va mieux, mais Tata est malade... Commence à crier et à pester — moi je me résigne. L'homme ne peut être calme et tranquille que lorsqu'il est tout seul — chaque complication de la vie par les relations les plus intimes porte des moments de bonheur et des éternités d'amertume, de crainte, de déchirements de cœur — c'est alors que tout chancelle dans l'homme-même, il perd le centre de gravité. Et — voilà notre existence. Tu t'abuses jusqu'à présent en pensant diriger ta vie en souverain. Tu ne feras rien, *caro mio*.

La lettre de Pr⟨oudhon⟩ serait très stupide, mais il y a pourtant des causes atténuantes [8]. Il faut te dire que l'autre [9] le flattait, faisait avec lui des dissertations sur le conservatisme et la révolution, lui faisait diverses petites douceurs.— Mais je ne l'excuse pas. Ma lettre te plairait plus, c'est la simplicité d'une addition.

Je te *tzaluiu i obnimaiu*.

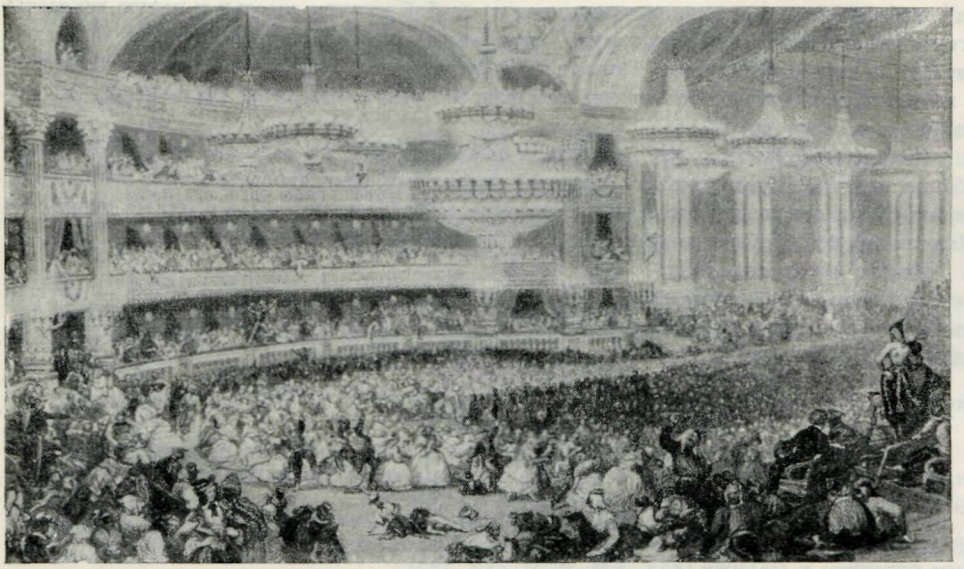
Je crois à la possibilité de viser ici — ce qui est de beaucoup mieux. Pour toi — autre chose, tu es Suisse, mais un Russe visé à Genève, passeport suisse — trop compliqué.

Егору Федоровичу.

Перевод:

⟨Париж.⟩ 4 мая ⟨1850 г.⟩

Я уже очень давно не писал, а все потому, что из кокетства я показываюсь своим друзьям только тогда, когда я любезен, остроумен, интересен... а эти три дня я не был ни тем, ни другим. Меня огорчала болезнь Натали. Ужасы, которые я вижу ежедневно, вызывают во мне какое-то ненужное раздражение. Ты знаешь, что



БАЛ-МАСКАРАД В ПАРИЖСКОМ ОПЕРНОМ ТЕАТРЕ
Гравюра с рисунка Э. Лами из книги: Jules Janin «L'Hiver à Paris», 1843

Эдмона высылают и что он остается здесь еще на некоторое время при условии ничем не заниматься [1]. Ты знаешь, что охота на продавцов газет возобновляется изо дня в день[2] — и неизменно заканчивается полной победой карловингов...[3] А как подумаешь, corpo di Bacco*, что нет города, более цивилизованного, чем Париж, нет лучше народа,— представишь себе, что повсюду дело обстоит еще хуже, просто цепенеешь, становишься кретином, идиотом... идиотом до такой степени, что идешь смотреть магнетизированного Алексиса [4].

С отъездом все остается по-прежнему — если не добьюсь визы для Ниццы, поеду через Женеву.

Есть хорошие новости о деле, а именно — докладная записка банка, полностью поддерживающая выплату.

Я получил письмо от Бамбергера. Это человек очень деятельного ума, его письмо прекрасно; между прочим, он мне процитировал слова: «Tristitia est animi imperfectio»**— и предложил ничего не принимать всерьез; об этом меня не надо было просить, и я написал ему небольшую статью «Omnia mea mecum porto»***, которая, я уверен тебе понравится [5].—Эдмон собирается ехать в Египет. Я стараюсь спасти tanto poco**** из залога [6].

У меня ужасная головная боль. Прощай, caro mio, до свидания. Уже близко то время, когда мы, наконец, вместе отдохнем. Обнимаю тебя.

Пр⟨удон⟩ в одиночном заключении в дулланской тюрьме, даже жене удалось только на минуту повидать его и то в присутствии надзирателя.

5 мая

Вчера по случаю праздника [7] письма не были отправлены. Добавляю несколько слов. Твои предсказания сбываются — моей жене лучше, но заболела Тата.— Начинай же кричать и ругаться, а я покоряюсь неизбежности. Человеку можно оставаться спокойным и безмятежным лишь тогда, когда он совсем одинок; даже самые

---

* черт побери (итал.).
** грусть — несовершенство души (лат.).
*** «Все свое ношу с собой» (лат.).
**** кое-что (итал.).

близкие отношения, осложняя жизнь, несут с собой минуты счастья и целую вечность огорчений, опасений, сердечных мук — тогда-то в самом человеке и начинает все колебаться, он теряет равновесие. Так вот мы и существуем. Ты и по сей день пребываешь в заблуждении, думая, что можешь самовластно управлять своей жизнью. Тебе это не удастся, caro mio.

Письмо Пр⟨удона⟩ может показаться весьма глупым, но есть все же смягчающие обстоятельства [8]. Нужно сказать, что тот [9] льстил ему, разглагольствовал с ним о консерватизме и революции, осыпал различными любезностями.— Но я его не извиняю. Мое письмо тебе больше понравится, оно просто, как правило сложения.

Целую и обнимаю тебя*.

Я думаю, что визу можно получить здесь, а это гораздо лучше. Тебе — другое дело, ты швейцарец, а русскому получить визу в Женеве, швейцарский паспорт — слишком сложно.

Егору Федоровичу **.

[1] В № 213 «Voix du Peuple» от 3 мая 1850 г. Шарль-Эдмон Хоецкий напечатал открытое письмо к редакторам, в котором заявлял, что его вынуждают прекратить сотрудничество в «Voix du Peuple» и уехать из Парижа.

[2] В двенадцатом письме «Писем из Франции и Италии», датированном 10 июля 1850 г., Герцен подробно изобразил эту «охоту на продавцов газет», ставшую обыденным явлением в Париже (изд. АН, т. V, стр. 196).

[3] Именем старинной династии *карловингов* (каролингов), царствовавшей во Франции с 751 до 987 г., Герцен называет здесь в шутку полицейских агентов, руководимых префектом полиции Карлье.

[4] *Алексис* — вероятно, один из парижских «ясновидящих». Отметим, что даже на страницах «Voix du Peuple» постоянно печатались объявления всякого рода гадалок, ясновидящих и т. п. шарлатанов.

[5] Эта статья, датированная 3 апреля 1850 г., была напечатана Герценом в журнале Колачека «Deutsche Monatsschrift...», а затем вошла в русское издание «С того берега». О том, что она является откликом на письмо Бамбергера к Герцену, ранее известно не было.

[6] Попытка спасти что-нибудь из залога, внесенного Герценом за «Voix du Peuple», оказалась безуспешной. «Мой залог был схвачен до копейки»,— отмечал впоследствии Герцен в «Былом и думах» (изд. АН, т. X, стр. 195).

[7] 5 мая — годовщина смерти Наполеона I.

[8] О письме Прудона к Карлье см. выше, в примеч. к письму № 88.

[9] Т. е. Карлье.

91

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ 7 mai ⟨1850⟩

Et encore une fois: «*Oggi o mai*».— Lorsque je t'écrivais ces mots [1], il y a près de deux mois, j'avais raison, et deux victoires ont décidé pour l'«*oggi*». Mais ce n'est pas tout; je ne sais quel démon de destruction pousse un homme à brouiller les cartes de plus en plus, à toucher à la poudrière avec une allumette. La position est encore plus critique au jour d'aujourd'hui... et je n'ai ni espérance, ni désespoir, ni confiance, ni crainte.— Voilà à quoi on arrive étant spectateur impartial, c'est-à-dire presque impersonnel.

A Nice, à Nice... Si on ne me tracasse plus, je partirai vers le 1 juin, si on me tracasse j'irai seul et par Genève, attendu que l'autre se propose derechef de me suissiser [2], et alors peut-être je quitterai Paris le 18.— Ma femme ne peut se mettre en route, Tata est malade, aussi je les laisserai sous la protection de Horace [3], l'homme le plus posé des trois membres de ta famille.

* Эти слова написаны по-русски, латинскими буквами.— *Ред.*

** Имя и отчество написаны по-русски.— *Ред.*

L'affaire du billet amer — va bien. Il paraît qu'on veut ignorer les dispositions antérieures et plutôt payer que motiver.

Рукой Н. А. Герцен:

Demain part chez vous, cher ami, *Сорока-воровка, Крупов*, et quelques *Записки охотника* que vous ne comprendrez pas si facilement que le reste, cela ne fait rien, bientôt nous pourrons lire ensemble et je vous expliquerai. En attendant je soigne d'autres enfants malades, je mouche l'une, je donne de la tisane à l'autre. Tata avait une fièvre très forte cette nuit. Tout le monde tousse, Emma, moi — joli concert; Alexandre est désolé, il se sauve au théâtre et puis la conscience le tourmente, il se reproche *trop* de distractions... Quand donc nous courrons tous comme des enfants dans les champs! Il me semble que nous sommes tous dans l'état de chrysalides et que nous deviendrons tous des papillons!

A vous, papillon *in spe*.

Рукой Герцена:

Егору Васильевичу.

Перевод:

⟨Париж.⟩ 7 мая ⟨1850 г.⟩

Еще раз: «Oggi o mai»...* — Около двух месяцев назад, когда я написал тебе в первый раз эти слова [1], я был прав, и две победы решили в пользу «oggi». Но это еще не все; не знаю, какой дух разрушения толкает человека как можно больше спутывать карты, подносить спичку к пороховнице. Сегодня положение стало еще более критическим... а у меня ни надежды, ни отчаяния, ни доверия, ни страха. — Вот до чего можно дойти, оставаясь безучастным, т. е. почти безличным зрителем.

В Ниццу, в Ниццу... Если меня не будут больше беспокоить, я выеду около 1 июня, если же будут, я поеду один и через Женеву, ввиду того, что тот опять намеревается меня ошвейцарить [2]; тогда, возможно, я покину Париж 18-го. — Жене моей нельзя ехать, Тата больна, я их оставлю под защитой Гораса [3], самого положительного человека из трех членов твоего семейства.

Дело с горьким билетом** идет хорошо. По-видимому, предпочитают пренебречь распоряжениями, сделанными ранее и оплатить его, а не обосновывать отказ.

Рукой Н. А. Герцен:

Завтра отправляются к вам, дорогой друг, «Сорока-воровка», «Крупов» и несколько рассказов из «Записок охотника», понять которые вам будет не так легко, как остальное, но это неважно; скоро мы сумеем их читать вместе, и я вам все объясню. А пока я ухаживаю за другими больными детьми — вытираю нос одному, даю лекарство другому. У Таты был этой ночью сильный жар. Все кашляют, Эмма, я — хорош концерт; Александр расстроен, он удирает в театр, а после его мучает совесть, он корит себя за то, что *слишком много* развлекается... Когда же будем мы бегать, как дети, на воле? Мне кажется, что все мы сейчас находимся в стадии куколок и должны превратиться в бабочек!

Ваша бабочка in spe***.

Рукой Герцена:

Егору Васильевичу ****.

[1] См. выше письмо № 64.
[2] См. примеч. к письму № 129.
[3] Шутка: *Горас* — малолетний сын Гервегов.

---

* «Сегодня или никогда» (итал.).
** Игра слов: «billet amer» — буквально «горькая записка», антоним — «billet doux» — сладкая, любовная записка.
*** в будущем (лат.).
**** Имя и отчество написаны по-русски. — *Ред.*

92

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ Le 12 mai ⟨1850⟩

Ne me fais pas de reproche, cher Georges, sur le laconisme de mes lettres, les matériaux ne manquent pas, ni le désir—mais il y a beaucoup de choses qui empêchent. Outre le dégoût que je sens d'écrire dans un pays où le secret des lettres n'est pas respecté, j'ai un dégoût profond de tout ce que je vois. Cette agitation stérile déssèche l'âme.

Je quitterai Paris dans quelques jours... eh bien, quel est le résultat acquis de ces 5 mois? Un mépris encore plus profond pour les uns et pour les autres; il faut travailler à se rendre maître même de ce mépris — j'y parviendrai. Il y a pourtant une chose qui me blesse profondément. La lutte qui se produit à présent est nécessaire, mais la forme dégoûtante, lâche, offensante, crapuleuse appartient aux lutteurs et non à la lutte. C'est là que je vois la mort, la putréfaction. Prendre part est impossible, mais il est encore moins possible d'être là, voir, sentir et ne pas être indigné, outragé.— Un peu de repos, un peu de légalité, et on pourrait bien exister au moins. «Mais c'est un temps de guerre».— Oui, j'ai entendu tout cela cent fois, mais il y a des duels et un pugilat, un duel et un assassinat. Moi je ne peux me battre qu'en duel, c'est le dernier reste d'aristocratisme, je voudrais qu'on ait des égards pour moi en me frappant; j'accepterai un malheur — mais non un soufflet. Eh bien, voilà ce qui manque complètement aux parties opposées, elles ne sont pas *gentlemanlike* — en vérité je regrette quelquefois la vieille noblesse avec ses préjugés stupides, mais avec leur dignité qui craignait tout ce qui est impur; la bourgeoisie a apporté d'autres mœurs basées sur l'addition, eh bien, comme on met de l'eau dans du vin, pour le vendre, c'est ainsi qu'on dénonce, qu'on s'avilit — pour avoir un avantage.— Je t'assure que quelquefois je deviens malade en lisant l'*Assemblée N⟨ationale⟩* et confrères — ce ne sont pas leurs provocations qui me font frémir, non, c'est le cynisme de la bassesse, c'est ce luxe d'ignominie. Eh bien, cela appartient à nos générations; as-tu lu les feuilles d'une histoire de 1814 publiée par la *V⟨oix⟩ du P⟨euple⟩*?[1]— admire là ce luxe dont je parle, admire les maréchaux et C^nie^, Napoléon, le type d'un bourg⟨eois⟩ couronné, il a su donner une éducation à cette génération — que nous admirons jusqu'à présent.

Si tu veux savoir de ce qui se passe ici, je te conseille entre autres de lire les correspondances de *l'Indépendance Belge* [2]. Moi je ne vois absolument personne (et ne veux voir personne), j'arrange mes affaires et me prépare au voyage. Dans *l'Ind⟨épendance⟩* donc on racontait qu'en cas d'émeute on s'en ira à Versailles, et si cela prendrait un caractère sérieux qu'on bombarderait Paris par les forts.[3]— Dieu veuille que Louis-Philippe ait encore cette consolation pour ses vieux jours, de voir l'usage de ces forts — élevés par lui, Thiers, et le *National*. Tu as vu dans la *Presse* le nombre de soldats — mais cela ne viendra pas même jusqu'à une émeute,— au moins sans des provocations directes.

Tu persistes dans ton rôle d'une petite maîtresse qui boude—la constance est bonne, mais c'est dommage que tu l'appliques à moi. Emma m'a demandé ce que j'ai écrit contre Nice à ma mère, et que tu en es fâché — fâché probablement contre Carlier, l'empereur Nicolas, la réaction etc., etc. Mais qui donc te dit que Nice est la ville la plus libre du monde, c'était bien simple d'y aller sans être expulsé d'ici, mais à présent il faut donc sonder le terrain (ce que je fais aussi), il faut outre cela s'arranger avec le passeport. Tout se fait, mais aussi tout peut échouer,— peut-être,— mais il ne faut pas en parler — c'est trop nerveux, je parle de tout.

On insinue dans un journal que nous autres nous sommes des agents russes — comme ils sont stupides pourtant, les Français. Le même journal —

Ligue des Peuples par un imbécile de Carpentier — imprime le testament de Pierre le Grand [4], je t'envois le commencement — quelle prévision! — Je crois que l'accusation a été dirigée contre Sazonoff.— Il leur faut peut-être la tête de Bacounine pour comprendre qu'on peut être Russe, homme libre — sans être espion. Canailles! [5]

J'ai lu le discours de Kinkel. Eh bien, trouve-moi ici une voix pareille, et des jurés qui acquittent après cela [6].— Kinkel acquitté et Cernuschi [7] accusé pour la seconde fois — voilà l'Allemagne d'aujourd'hui et la France. Je demande de quelle ville d'Allemagne m'aurait-on expulsé, moi, ne me mêlant en rien à la politique du jour, ne connaissant aucun club. Tu me demandes pourquoi je n'ai pas demandé la cause ou vu le dossier—je ne le voulais pas [8]. Ils ont un droit sauvage, ils en usent — ce que je voulais moi c'est de rester encore pour arranger les affaires. Je ne veux pas leur donner l'occasion de justifier une mesure oppressive.

Addio.— La santé de ma femme va beaucoup mieux, vers le 25 nous nous mettons en voiture, peut-être si on ne le permet pas, autrement le 18. Tata va mieux, Horace tout à fait bien.

Je ne veux pas vendre ma maison de Paris. Le locataire m'a payé pourtant jusqu'au 1 janvier et promet de payer encore avant mon départ un terme. Tu en as ri et pourtant c'est un placement qui n'est pas tout à fait mauvais — lorsqu'on ne pense pas au bombardement — cela donne 5%.

La naturalisation d'Edmond a été cassée par le Conseil d'Etat.

Егору Васильевичу.

Рукой Н. А. Герцен:

Comme s'il y a déjà tellement, tellement longtemps que la bessonnière ne vous a pas écrit? Je n'écris plus *autant* qu'avant, parce que je suis impatiente de *parler* avec vous, et que j'espère de le faire bientôt. — J'ai oublié

ПАРИЖ. ЛУВР. КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ

Гравюра с рисунка Э. Лами из книги: Jules Janin. «L'été à Paris», 1843

que c'est dimanche aujourd'hui et qu'il faut commencer plus tôt si l'on veut écrire davantage. Cela me fit de la peine que ce n'est pas au milieu de nous que vous avez passé le 10.— Demain je vous écrirai, je tâcherai d'écrire plus. J'y étais bien disposée tantôt — mais on m'a distraite, fâchée, et je suis devenue abominable, je ne veux pas me présenter *telle* devant vous, mon cher besson.— Donc adieu, jusqu'à un meilleur moment.

N.

Перевод:

<Париж.> 12 мая <1850 г.>

Не упрекай меня, дорогой Георг, за лаконизм моих писем — ни в материалах, ни в желании нет недостатка, но есть многое, что мешает. Не говоря уж об отвращении, без которого я не могу писать писем, находясь в стране, где не уважается их тайна, я испытываю глубокое отвращение и ко всему, что вижу вокруг. Такое бесплодное возбуждение иссушает душу.

Через несколько дней я покину Париж... Итак, каков же результат этих 5 месяцев? Еще более глубокое презрение и к тем и к другим; надо научиться владеть даже самым этим чувством презрения — и я этого добьюсь. Одно все же глубоко меня задевает: завязавшаяся борьба необходима, но отвратительная, подлая, оскорбительная, грязная форма ее определяется не борьбой, а борющимися. Вот здесь-то я и вижу смерть, гниение. Принимать в этом участие невозможно, но еще менее возможно присутствовать, видеть, чувствовать и не быть возмущенным, оскорбленным.— Немножко бы спокойствия, немножко законности, и можно было бы по крайней мере существовать. «Но время-то сейчас военное».— Все это я слышал, конечно, сотни раз, но есть дуэль и кулачный бой, дуэль и убийство. Сам я могу драться только на дуэли, это единственный остаток аристократизма. Я желал бы, чтоб, нанося мне удары, соблюдали учтивость, я могу примириться с несчастьем, но не с пощечиной. А именно этого-то и не хватает враждующим сторонам. Они ведут себя не gentlemenlike*— по правде говоря, я иной раз жалею о старом дворянстве с его глупыми предрассудками, но и с его достоинством, которое чуждалось всего нечистоплотного; буржуазия принесла новые нравы, опирающиеся на расчет, так вот, подобно тому, как вино разбавляют водой, чтобы его продать, точно так же доносят и унижаются из-за барыша. Уверяю тебя, что иной раз я просто заболеваю, читая «L'Assemblée N⟨ationale⟩» и иже с нею — не подстрекательства их приводят меня в содрогание, о нет, но этот цинизм низости, это торжество бесчестия. Так вот, это уж принадлежит нашим поколениям. Читал ли ты страницы из истории 1814 года, опубликованные в «V⟨oix⟩ du P⟨euple⟩»?[1] Там ты можешь полюбоваться на это торжество, о котором я говорю, на маршалов и К°, на Наполеона — этот образец коронованного бурж⟨уа⟩, сумевшего воспитать поколение, которым мы любуемся и по сей день.

Если ты хочешь знать, что здесь творится, советую тебе, между прочим, читать корреспонденции «Indépendance Belge»[2]. Сам я решительно никого не вижу (и не хочу никого видеть), улаживаю свои дела и готовлюсь к поездке. Итак, в «Ind⟨épendance⟩» говорилось, что в случае мятежа решено перебраться в Версаль и, если дело примет серьезный оборот,— подвергнуть Париж бомбардировке с фортов[3].— Дай бог Луи-Филиппу сподобиться на старости лет еще и этого утешения — увидеть в действии форты, воздвигнутые им, Тьером и «National». Ты видел в «Presse» сообщение о численности солдат, но дело не дойдет даже и до мятежа, по крайней мере, без прямых провокаций.

Ты упорно не хочешь расстаться с ролью надувшейся любовницы, постоянство— дело хорошее, но жаль, что ты проявляешь его в отношении меня. Эмма спрашивала, что я писал моей матери против Ниццы, и говорит, будто ты за это сердит — сердит, вероятно, на Карлье, на императора Николая, на реакцию, и т. д., и т. д. Но с чего ты взял, что Ницца — самый свободный город на свете? Ехать туда очень просто, когда не изгоняют отсюда, но ведь теперь надо зондировать почву (чем я также занимаюсь),

* по-джентльменски (англ.).

надо, кроме того, уладить вопрос с паспортом. Все делается, но все может и сорваться — как знать?— но не стоит говорить, это слишком нервирует, я имею в виду все.

Одной газетой распространяется инсинуация, будто все мы — русские агенты. До чего все-таки французы глупы! В той же газете — «Ligue des Peuples» — некий болван Карпантье печатает завещание Петра Великого [4]. Посылаю тебе начало — вот так предвидение! — Я думаю, что обвинение было направлено против Сазонова. Должно быть им нужна голова Бакунина, чтобы понять, как можно быть русским и свободным человеком, не будучи при этом шпионом. Негодяи! [5]

Я прочел речь Кинкеля. Найди-ка здесь подобный голос и присяжных, которые после всего этого выносят оправдательный приговор [6]. Оправданный Кинкель и вторично осужденный Чернуски [7] — вот тебе нынешняя Германия и нынешняя Франция. Спрашивается, из какого немецкого города могли бы меня выслать,— меня, который совершенно не вмешивается в современную политику, не связан ни с каким клубом? Ты спрашиваешь, почему я не потребовал объяснения причины высылки, не посмотрел досье — я не хотел [8]. У них свое дикарское право, и они им пользуются, а я хотел только еще немного задержаться, чтобы устроить свои дела. Я не желаю давать им повод для оправдания репрессивной меры.

Addio.— Здоровье моей жены гораздо лучше, числа около 25-го мы, может быть, тронемся в путь, если разрешат, а не то — 18-го. Тате лучше. Горас совершенно здоров.

Я не хочу продавать свой парижский дом. Наемщик уплатил мне все же по 1 января и обещает до моего отъезда внести еще за квартал. Ты над этим смеялся, а все же это не совсем плохое помещение денег, если не думать о бомбардировке,— оно дает 5%.

Государственный совет отменил решение о натурализации Эдмона.

Егору Васильевичу *.

Рукой Н. А. Герцен:

Разве уже так давно-давно я — ваш близнец — вам не писала? Сейчас я не пишу *столько*, сколько раньше, потому что мне не терпится *поговорить* с вами и я надеюсь, что это вскоре удастся. Совсем забыла, что сегодня воскресенье, и если хочешь написать побольше, то нужно начать пораньше. Меня огорчает, что вы провели 10 число не вместе с нами.— Завтра я вам напишу и постараюсь написать побольше. Я совсем уже настроилась давеча сделать это, но меня отвлекли, рассердили, и я стала противной, я не хочу показываться вам *такой*, мой дорогой близнец. Поэтому прощайте до более благоприятной минуты.

Н.

[1] Герцен имеет в виду статью Кольфаврю «Как предают нацию» («Comment on livre une nation»), помещенную в № 174 «Voix du Peuple» от 25 марта 1850 г. В статье подчеркивалась аналогия между предательской ролью временного правительства в 1814—1815 гг. и правительства 1850 г.

[2] «*Indépendance Belge*» — газета либерального направления, выходившая в Брюсселе.

[3] Эта тактика, как известно, была принята впоследствии против Парижской коммуны контрреволюционным буржуазным правительством Тьера в 1871 г.

[4] Речь идет о фальшивке, опубликованной под видом «завещания» Петра I, в котором он якобы наставлял своих преемников, как достигнуть господства над Европой. В начале этого «завещания» содержится утверждение о том, что «европейские народы достигли в большинстве своем старческого состояния, граничащего с дряхлостью» и что они неизбежно должны быть побеждены юным русским народом, когда он достигнет всей своей силы и роста. Эта подделка и до публикации в «Ligue des Peuples» и после нее многократно печаталась в западноевропейских изданиях с целью восстановления общественного мнения против России. Герцен впоследствии писал об этом документе как о «завещании Петра I, которого никогда не было» (X, 435).

* Имя и отчество написаны по-русски.— *Ред.*

[5] В западноевропейской прессе неоднократно появлялись клеветнические обвинения Бакунина в шпионаже в пользу русского правительства. Герцен неизменно выступал в его защиту. В статье «Михаил Бакунин» Герцен писал: «Не знаю, как это получается, но всякий раз, когда видят русского революционера, его принимают за царского агента; одни не знают, как примирить аристократическое происхождение с убеждениями демократа, другие удивляются тому, что богатые люди могут быть социалистами. Наша привычка сорить деньгами, наш откровенный радикализм шокируют буржуазный мир» (изд. АН, т. VII, стр. 361). В публикуемом письме Герцен саркастически отмечает, что только казнь Бакунина могла бы с очевидностью доказать клеветникам, что он не был агентом царского правительства.

[6] Годфрид *Кинкель* (1815—1882) — немецкий поэт и искусствовед, участник революции 1848 г. В 1849 г. в бою баденско-пфальцских повстанцев против прусских войск был ранен, взят в плен и приговорен к пожизненному заключению. Герцен имеет в виду речь Кинкеля на начавшемся 29 апреля 1850 г. в Кельне процессе участников боннского восстания 1849 г. Кинкель был присяжными оправдан, однако освобожден не был, его перевели в шпандаускую тюрьму, где он должен был отбывать наказание по прежнему приговору баденского суда. Через несколько месяцев Кинкелю удалось бежать из тюрьмы и эмигрировать в Англию.

О взаимоотношениях Герцена и Кинкеля см. в «Былом и думах» (изд. АН, т. XI, стр. 153—155) и в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 281—283.

В отделе письменных источников Государственного исторического музея (Москва), в фонде кн. Барятинского, нами обнаружены два неизданных письма Кинкеля к Герцену 1850-х гг. Эти письма, так же как письма Маццини и Саффи, опубликованные нами в т. 62 «Лит. наследства», попали к Барятинскому, как мы предполагаем, вместе с приобретенной им библиотекой В. И. Касаткина, близкого знакомого Герцена.

[7] Энрико *Чернуски* (1821—1896) — известный итальянский экономист, участник римской революции, арестованный французскими оккупационными войсками во время интервенции в Риме и преданный военному суду. В прибавлениях к «Voix du Peuple», от 22 апреля 1850 г. был перепечатан из газеты «Italia» текст речи Чернуски перед французским военным советом.

[8] Герцен, описывая в «Былом и думах» посещение полицейской префектуры в связи с получением приказа о высылке из Франции, отмечает, что видел в руках помощника Карлье свое досье— «второй том романа», первую часть которого он видел когда-то в руках Дубельта (см. изд. АН, т. X, стр. 146).

93

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Le 17 mai ⟨1850⟩. Paris

Après une semaine passée sur une palette de torture—un moment lucide. Ma femme t'a déjà écrit qu'enfin nous savons quelque chose sur la célèbre histoire d'Ogareff. Ils sont libres — de Natalie on n'écrit rien. Le gouvernement s'est fait excuser. Selivanoff a été aussi arrêté et mené à Pétersb⟨ourg⟩ dans la forteresse — et aussi mis en liberté [1]. Gran⟨ovsky⟩ qui nous écrit cela dit qu'il ne peut concevoir pourquoi Seliv⟨anoff⟩ a été arrêté — moi je crois que c'est parce qu'il ne se lave jamais, donc on l'a puni au nom des ablutions du corps et de la pureté charnelle.

Beaucoup plus tard

Enfin, mon ami, je succombe aussi, c'est vraiment affreux, la santé de Tata va de mal en pis. Elise est couchée avec une hémorragie. Ta femme doit partir [2]— personne, personne. Et tout le monde à commencer par Reichel et finir par Schomb⟨ourg⟩ me dit: «Partez, partez». Partir, laissant les autres dans cette position!— Ma femme enceinte et malade, Tata, et même sans bonne. Diable, est-ce le commencement de la fin?

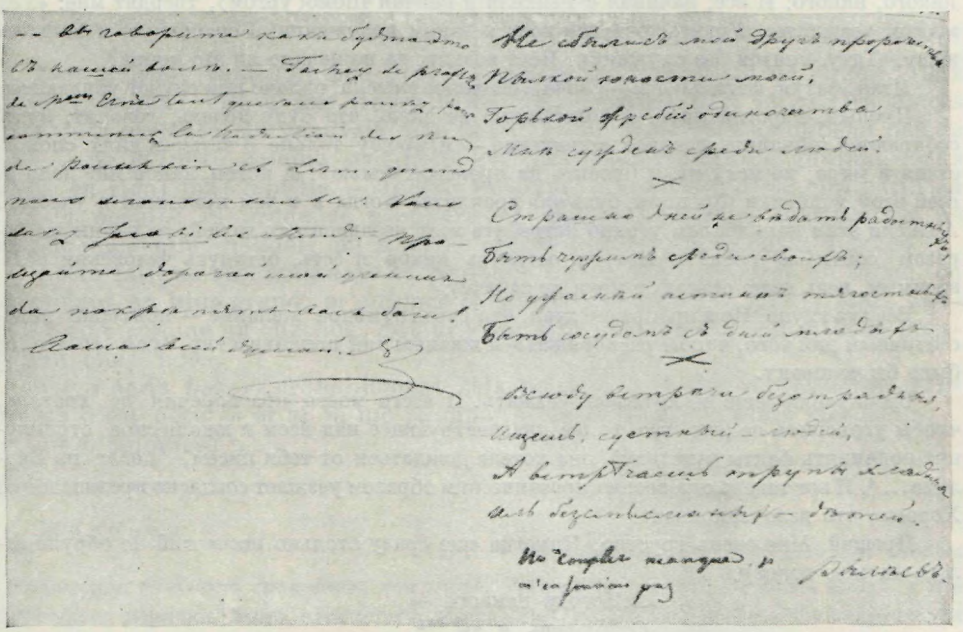
— Eh bien, le fatum, la fatalité — mot qui n'a pas de sens, mais qui tue au besoin.

Adieu, cher ami, je ne sais rien ⟨de⟩ ce que je ferai, on dit qu'on veut proclamer l'état de siège... je ne demande que 4 jours de tranquillité et de paix, je ne peux donc quitter toute ma famille [3]. Et ensuite, sacré nom de dieu, que me fait donc toute la politique de la France? Quand ou en quoi

ai-je pris part? — Eh bien, si ces cannibales veulent exterminer tous les hommes indépendants — quel moyen alors de se faire passer pour un esclave? Oui, je resterai ce que je suis, homme indépendant, indépendant même de partir.

Tout cela est bête. Mais je savais bien que le criterium du désir subjectif est insuffisant pour régler la vie avec cette souveraineté qui plaît à l'homme.

Emma aussi ne voulait pas partir encore. Et toute mon éloquence ne suffisait point à la décider (c'est toujours la pensée souveraine et adolescente de subordonner les faits aux sentiments), elle voulait attendre des lettres de toi, de l'argent de Berlin... [4] Eh bien, elle part à présent bien prosaïquement d'après une injonction. C'est bien que l'affaire soit terminée.



СТИХОТВОРЕНИЕ К. Ф. РЫЛЕЕВА «СТАНСЫ», НАПИСАННОЕ Н. А. ГЕРЦЕН ПОД ДИКТОВКУ ГЕРЦЕНА, В ПИСЬМЕ К ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ ОТ 17 АПРЕЛЯ 1850 г.
В конце приписка рукой Герцена по-французски: «Одного куплета нехватает, не помню его»
Британский музей, Лондон

Adieu. Je suis profondément triste,— plus de malheurs ensemble ne sévirent jamais sur ma tête.

...Погоди немного —
Отдохнешь и ты [5].

Et qu'en savons-nous, peut-être le temps est venu.
Une seule chose pèse encore — ne pas avoir un seul être.—

Всюду встречи безотрадные,
Ищешь, суетный, людей,
А встречаешь трупы хладные
Иль бессмысленных детей [6].

Pourquoi n'est-tu pas ici, *caro mio*.
J'expédie *mardi* Emma, et peut-être je partirai avant.
Егору Федоровичу.

Перевод:

17 мая ‹1850 г.›. Париж

После недели пытки — небольшой просвет. Моя жена уже писала тебе, что мы, наконец, кое-что знаем о знаменитой огаревской истории. Они на свободе — о Натали ничего не пишут. Правительство принесло извинения. Селиванов тоже был арестован и препровожден в Петерб‹ург›, в крепость — и тоже освобожден[1]. Гран‹овский›, который нам об этом пишет, говорит, что не может взять в толк, почему был арестован Селив‹анов› — а я думаю, что это произошло потому, что он никогда не моется*, ну его и наказали во имя омовения тела и чистоты плоти.

Много позднее

Вот когда, мой друг, и я начинаю изнемогать, это поистине ужасно: здоровье Таты все хуже и хуже. Элиза лежит с кровотечением. Твоя жена должна уехать[2] — никого, никого. И все, начиная с Рейхеля и кончая Шомб‹ургом›, твердят мне: «Уезжайте, уезжайте». Уехать, оставив всех в таком положении! Беременную и больную жену, Тату, притом без служанки. Чёрт возьми, да не начало ли это конца?

Итак, фатум, фатальность—слово, лишенное смысла, однако при случае убивающее.

Прощай, дорогой друг, я совершенно не знаю, что буду делать, говорят, будто собираются объявить осадное положение,— я прошу только о четырех днях спокойствия и мира, не могу же я бросить на произвол семью[3]. А потом, какое мне дело до всей этой политики Франции, будь она проклята? Когда и в чем принимал я участие? А ежели этим каннибалам угодно истребить всех независимых людей, то каким же образом сойти за раба? — Нет, я останусь каков я есть, останусь человеком независимым, ведь даже отъезд от меня не зависит.

Все это глупо. Но я прекрасно знал, что субъективное желание — критерий недостаточный для того, чтобы распоряжаться жизнью так полновластно, как то угодно было бы человеку.

Эмме также еще не хотелось уезжать. И всего моего красноречия не хватало, чтобы уговорить ее (это все то же главенствующее над всем и юношеское стремление подчинять факты чувствам), она хотела дождаться от тебя писем, денег из Берлина...[4]. И вот теперь она весьма прозаическим образом уезжает согласно предписанию. Хорошо, что дело закончено.

Прощай. Мне очень грустно. Никогда еще сразу столько несчастий не обрушивалось на мою голову.

...Погоди немного —
Отдохнешь и ты **[5].

Как знать, быть может, час уже пробил.
Одно только тяготит — ни живой души рядом,—

Всюду встречи безотрадные,
Ищешь, суетный, людей,
А встречаешь трупы хладные
Иль бессмысленных детей**[6].

Почему тебя нет здесь, caro mio?

Я отправляю Эмму *во вторник*, а может быть сам уеду раньше.

Егору Федоровичу ***.

[1] Илья Васильевич *Селиванов* (1810—1882) — пензенский знакомый Огарева, литератор. Находясь в 1848 г. в Париже, он принимал непосредственное участие в политической жизни столицы и даже выступал на каком-то революционном банкете (см. V, 248). Селиванов был арестован почти одновременно с Огаревым, обвинен в «вольнодумстве», участии в парижских баррикадных боях и выслан в Вятку, но вскоре освобожден и отдан под надзор полиции. См. VI, 162 и «Лит. наследство», т. 51-52, 1949, стр. 484. В одном из ближайших томов «Лит. наследства» Б. П. Козьми-

* Каламбур: «Seliv‹anoff›» (Селив‹анов›) и «se lave» (моется) по-французски звучат схоже.

** Стихотворение цитируется по-русски.— *Ред.*

*** Имя и отчество написаны по-русски.— *Ред.*

ным будет напечатано большое письмо Селиванова о революции 1848 г., конфискованное полицией в 1850 г.

[2] Эмма Гервег, поддерживавшая сношения с радикальными кругами и подвергавшаяся опасности быть арестованной, покинула Париж 21 мая. См. также об этом ниже, в нашем обзоре «Письма Н. А. Герцен к Гервегам».

[3] Герцен добивался в это время отсрочки высылки его из Парижа.

[4] В Берлине жил отец Эммы Гервег, Зигмунт, крупный торговец шелком, оказывавший ей щедрую материальную помощь, но после революции 1848 г., которая его почти разорила, сильно сокративший свои дотации.

[5] Заключительные строки стихотворения Лермонтова «Из Гёте» (1840).

[6] Строфа из «Стансов» Рылеева (1825). Эти стихи Наталья Александровна 17 апреля 1850 г. послала Гервегу, с припиской Герцена—см. стр. 187 настоящего тома.

94

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ 18 ⟨mai 1850⟩. Samedi

Une journée tant soit peu plus tranquille qu'hier. Tata va mieux. Mais Elise très mal, elle a une fièvre typhoïde.— Emma part le 21, les places sont déjà arrêtées. Je voudrais bien partir le 22, mais cela ne dépend pas de moi — et je reste comme sentinelle ou comme chien fidèle gardant (sans aider en rien) ma famille.— Je suis enchanté du départ d'Emma, enfin ça ira, et ensuite la prudence n'appartient pas aux vertus distinctives de m⟨ada⟩me—elle risquait ici d'avoir encore une mer d'offenses à boire.

Cette fatigue assoupissante et profonde qu'on ressent après un orage, en attendant un plus grand, m'enfonce et me rend stupide.— Hier j'étais vraiment noir comme un charbon, aujourd'hui vide comme une bouteille de bourgogne chez nous.

Tu n'écris pas — probablement cela ne sont que des représailles, dans ce cas c'est bête — et si je me trompe, c'est aussi bête, mais *vice versa*.

Je t'embrasse [1].

Егору Васильевичу.

Перевод:

⟨Париж.⟩ 18 ⟨мая 1850 г.⟩. Суббота

Сегодня чуть-чуть спокойнее, чем вчера. Тате лучше. Но Элизе очень плохо, у нее тифоидная горячка. Эмма едет 21-го, места уже заказаны. Я хотел бы отправиться 22-го, но это от меня не зависит, и я остаюсь, охраняя, как часовой на посту или как верный пес, свою семью (не оказывая никакой помощи).— Я очень рад, что Эмма едет, наконец-то все наладится; кроме того, осторожность не принадлежит к числу добродетелей, присущих этой даме,— она рисковала здесь вновь испить море оскорблений.

Эта расслабляющая, глубокая усталость, которую ощущаешь после бури, в ожидании другой, еще более ужасной, гнетет меня и отупляет.— Вчера я был черен, прямо как уголь, сегодня — пуст, как бутылка из-под бургундского на нашем столе.

Ты мне не пишешь — очевидно, это только мера воздействия, в таком случае это глупо; а если я ошибаюсь — то это также глупо, но vice versa*.

Обнимаю тебя[1].

Егору Васильевичу **.

[1] Гервег ответил письмом от 21 мая 1850 г. (XIV, 75—77).

95

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ Le 19 mai ⟨1850⟩

Les nuages qui s'amoncelèrent sur notre tête, les maladies et les tracasseries, commencent à se disperser avec le beau temps. Tata va bien, Elise

* наоборот (лат.).

** Имя и отчество написаны по-русски.— *Ред.*

pas mal, mais elle ne peut encore se mettre en route. D'un autre côté les affaires commencent à prendre une autre tournure et il n'y a rien à craindre avant la fin de la semaine. Nous partons le 25 — peut-être avant [1]. Ma femme et Tata exigent beaucoup de ménagements, nous irons jusqu'à Châlons et là elles se reposeront 24 heur⟨es⟩, ensuite par bateau à vapeur par la Saône et le Rhône.

Gasser a écrit qu'il aurait la réponse complète positivement et immanquablement *le 13.* 13 + 8 = 21 ou le 22 mai nous saurons s'il y a nécessité pour toi d'aller à Stuttg⟨art⟩ ou non. J'espère que non — et alors *sia il benvenuto* et nous entonnerons notre «*vieni, sposa da Libano*». A toi de prouver que tu as plus de mobilité, vélocité et surtout de décision que nous autres... *Addio.* Mes lettres ne sont que des bulletins.

Notre médecin [2] donne aux malades, dès qu'ils vont mieux après la fièvre,— du champagne —il a permis de donner à Tata la quantité qu'elle voudrait prendre.— C'est en vérité un bien brave vieillard—c'est lui qui a obtenu les papiers d'Emma — mais il parle, il parle, il parle — plus que Jean-Baptiste [3].

Рукой Н. А. Герцен:

Allez, allez, allez à Nice.

C'est tout ce que je peux *écrire*, le reste je veux vous dire, cher besson.—Je suis fatiguée à un tel point que je n'ai pas enfin une seule pensée.

Рукой Герцена: Егор Федоровичу.

Перевод:

⟨Париж.⟩ 19 мая ⟨1850 г.⟩

С наступлением погожих дней, тучи, сгустившиеся над нашей головой,— болезни и неприятности,— начинают рассеиваться. Тата чувствует себя хорошо, Элиза тоже неплохо, но пуститься в путь она еще не в силах. С другой стороны, дела принимают другой оборот, и до конца недели можно ничего не опасаться. Мы выезжаем 25-го,— быть может, и раньше [1]. Жена и Тата требуют очень бережного отношения. Мы поедем до Шалона, там они отдохнут сутки, а дальше — на пароходе по Соне и Роне.

Гассер написал, что *13-го* — это уже совершенно точно и определенно,— он получит исчерпывающий ответ. 13 + 8 = 21 — 22-го мая мы будем знать, нужно ли тебе ехать в Штутг⟨арт⟩ или нет. Надеюсь, что нет, а тогда sia il benvenuto* и мы затянем наше «Vieni sposa da Libano»**. Докажи теперь, что ты самый легкий на подъем, самый быстрый и, главное, самый решительный из всех нас... Addio. Письма мои просто бюллетени.

Как только больным становится лучше после приступа лихорадки, наш доктор [2] дает им шампанского; Тате он разрешил дать, сколько она захочет.— Он в самом деле очень славный старик;— это он выхлопотал Эмме документы, но он говорит, говорит, говорит,— больше чем Жан-Батист [3].

Рукой Н. А. Герцен:

Поезжайте, поезжайте, поезжайте в Ниццу.

Это все, что я могу *написать*, об остальном я хочу вам рассказать, дорогой близнец. Я так утомлена, что у меня нет в голове ни одной мысли.

Рукой Герцена: Егор Федоровичу***

[1] Отъезд был опять отложен.

[2] *Наш доктор* — доктор Пальмье, санитарный инспектор парижской префектуры. Он бывал у Герцена и пытался оказать ему помощь в получении отсрочки приказа о высылке из Парижа (см. изд. АН, т. X, стр. 147).

[3] Болтливость Жана-Батиста Боке постоянно вызывала ироническое отношение со стороны Герцена.

---

* добро пожаловать (итал.).

** «Гряди, невеста с Ливана» (итал.).

*** Имя и отчество написаны по-русски.— *Ред.*

96

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ 21 mai ⟨1850⟩

Tu es, George, d'une injustice terrible; tu ne veux donc jamais entrer dans les positions dans lesquelles tes amis peuvent se trouver. Tu me parles de ce que je n'ai presque pas écrit — mais quoique je n'aie pas la prétention d'être ultra-nerveux, pourtant je ne suis non plus une machine. Tracassé comme une bête fauve qu'on chasse par force, de tout côté, empêché dans chaque pas, et par-dessus le marché ne pouvant ni tout écrire, ni rien faire.— Il ne faut non plus oublier les circonstances inouïes dans lesquelles nous sommes, où l'homme le plus clairvoyant ne peut prévoir ce qui arrivera dans une heure. Crainte, agitation, attente convulsive — et prostration, apathie enfin. C'est un des temps les plus noirs que j'aie vu — et tu penses qu'on puisse avoir assez de sérénité, de concentration pour écrire de longues lettres?..

Emma part dans une heure. C'est très bien, c'est le premier pas, nous avons du temps jusqu'au 25 m⟨ai⟩. Aujourd'hui le caractère des débats se dessinera, et nous saurons combien il faut se presser ou non, pour ne pas faire d'imprudence. Schomb ourg⟩ voudrait aussi que nous restions jusqu'au payement du billet, pour régler l'affaire des dépenses, tout cela ne peut retarder le départ que d'un ou de deux jours.

Je reviens à l'instant même après avoir reconduit Emma jusqu'à la diligence. Rien de nouveau, tout est très tranquille, et personne ne comprend rien.

Егору Васильевичу.

Перевод:

⟨Париж.⟩ 21 мая ⟨1850 г.⟩

Ты ужасно несправедлив, Георг, ты никогда не хочешь войти в положение, в котором могут оказаться твои друзья. Ты говоришь, что я почти ничего не писал тебе, но пусть я и не притязаю быть чересчур нервным, однако я все же не машина. Я мечусь, как затравленный дикий зверь, на каждом шагу наталкиваясь на препятствия, и в довершение всего не могу обо всем писать и не могу ничего делать.— Не следует также забывать чрезвычайные обстоятельства, в которых мы находимся, когда даже самый прозорливый человек не может предвидеть того, что произойдет через час. Боязнь, беспокойство, судорожное ожидание — и затем прострация, апатия. Это, пожалуй, самое мрачное время, какое мне приходилось наблюдать.— И ты думаешь, что можно еще сохранить достаточно душевного спокойствия и сосредоточенности, чтобы писать длинные письма?..

Эмма уезжает через час. Это очень хорошо, это первый шаг, у нас есть время до 25 м⟨ая⟩. Сегодня характер дебатов выяснится, и мы будем знать, нужно ли нам торопиться или нет, чтобы не допустить неосторожности. Шомб⟨ург⟩ тоже советует нам остаться до оплаты билета, чтобы уладить вопрос о расходах, но все это задержит отъезд не больше, чем на один-два дня.

Только что вернулся, усадив Эмму в дилижанс. Ничего нового, очень спокойно, и никто ничего не понимает.

Егору Васильевичу *.

---

* Имя и отчество написаны по-русски.— *Ред.*

97

ЭММЕ ГЕРВЕГ

23 mai 1850. Paris

Eh bien, Pénélope n'est plus Pénélope — mais bien Proserpine, enlevée par un Pluton policé, Pluton polisson,— Pluton de la police. Mais savez-vous que vous passerez par toutes les divinités de l'Olympe. Vous ⟨êtes⟩ Pallas à la maison et Bellone — sur le champ. Vous n'avez pas besoin de livre pour apprendre à Horace la mythologie.— Sie sehen in diesem Stil noch einen Hauch, denn der wirkliche H⟨aug⟩ ist erst gestern nach London gegangen. Wenn aber das zu poetisch klingt, so kann ich anfangen ohne Hauch à la Kapp. So:

Laut unserer letzten Verabredung, beiläufig zu Paris Anno 1850 d⟨en⟩ 21 Mai gehalten, verpflichtete ich mich, Hochgeehrte Frau, Ihnen eine Nachricht von den Alten und von den sämtlichen Kindern zu erstatten... Hiermit tue ich auch das obenversprochene.

Sehen Sie, das ist schon viel prosaischer. Aber ich kann auch juristisch anfangen. Die Kammer *de mise en accusation* hat entschieden, daß man die Person für die Billets in's Gericht fordere. Also werden wir das Glück haben, noch in den Zeitungen ein kleines Prozeßchen zu lesen.

Was noch? Schwer zu sagen. Palmier und Reichel gesehen, über Pathologie und Musik gesprochen, etwas gegessen, etwas getrunken, viel geschlafen, Schlüssel verloren, Schlüssel gefunden... edle Indignation gegen alles, was man macht und keine Macht, etwas zu tun.— Et voilà tout.

Nous partons mardi — c'est à-dire le 28. Nous attendons les détails de votre pélégrination ⟨!⟩. Le passeport de J⟨eanne⟩ [1] a été envoyé le même jour.

Que fait Rachel Ada? [2]

Après votre départ il y a chez nous un calme de l'Océan pacifique, et si je ne faisais pas de bruit et de calembours — on pourrait bien penser que tout le monde est parti avec vous...

Mais ne l'est-t-il pas, mais n'avez-vous donc pas emporté nos cœurs — *das Ihnen ein Reiseübergewicht von 7 fr⟨ancs⟩ machen wird.*

Adieu.

Рукой Н. А. Герцен:

Cette fois, comme toujours, A⟨lexandre⟩ parle et moi je me tais, quoique je n'en dise pas moins à celui qui veut bien m'entendre,— m'entends-tu toi, Emma!?. Pas de lettre de G⟨eorges⟩.

Les malades vont mieux, Elise très faible. Tata me tourmente toujours impitoyablement et embrasse Horace et toi, et Ada... moi aussi... Adieu, en attendant nos chers, chers amis! Que votre voyage et arrivée soient aussi agréables que je le désire!

A vous, à vous de tout mon cœur

N.

Рукой Саши Герцена:

Chère Emma!

J'ai à te communiquer quelque chose que tu dois savoir: après que tu étais partie on descendit de ton appartement tous les meubles et je trouvais dans un des fauteuils ton crochet pour boutonner les bottines. A présent je ne sais plus ce qui en est devenu.— Nous ne partons que le 28, c'est ennuyeux! Papa a acheté ton minotaure avec le piédestal noir pour en faire cadeau à Palmier.

Vive Nice! Vive la mer! Vive les monts! Vive l'été!

Porte-toi bien et amuse-toi jusqu'à notre arrivée!

Sacha [3]

«ЛИЛИПУТЫ ПЫТАЮТСЯ ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ СНОМ НОВОГО ГУЛЛИВЕРА». КАРИКАТУРА, ОБЛИЧАЮЩАЯ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА РЕАКЦИИ НА ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ПРАВА ФРАНЦУЗСКИХ ГРАЖДАН

Рисунок О. Домье

На фигуре спящего Гулливера надпись: «Всеобщее избирательное право». Связывают Гулливера члены комиссии Законодательного собрания, разрабатывавшие новый избирательный закон: Моле (слева) и Тьер (справа). Посредине — Монталамбер. Гулливера окружают депутаты Законодательного собрания, среди них (слева) Беррье. На переднем плане Луи-Наполеон

«Charivari» от 21 мая 1850 г.

Перевод:

23 мая 1850 г. Париж

Итак, Пенелопа больше не Пенелопа, а Прозерпина, которую похитил Плутон, Плутон цивилизованный, Плутон повеса, Плутон полицейской службы*. А знаете, вы можете сойти за все божества Олимпа. Дома — вы Паллада, а в поле — Беллона. Вы не нуждаетесь в книгах, чтоб обучать Гораса мифологии. В этом стиле вы уловите и еще некое дуновение**, так как настоящий Г⟨ауг⟩ только вчера отбыл в Лондон. Если же это звучит слишком поэтично, я могу начать без дуновений, по-капповски. Так:

Согласно последним нашим переговорам, имевшим место в Париже 21 сего мая 1850 года, я обязался, достопочтенная сударыня, прислать вам уведомление обо всех старых и малых. Сим и приступаю к исполнению вышеобещанного.

Как видите, это уже куда прозаичнее. Но я могу начать и юридическим языком. Судебная обвинительная палата постановила привлечь оную персону за оный билет к суду. Стало, мы еще будем иметь счастье прочитать в газетах о маленьком процессике.

Что же еще? Трудно сказать. Пальмье и Рейхеля видел, о патологии и музыке толковал, немного ел, немного пил, много спал, ключи потерял, ключи отыскал...

---

* Каламбур: policé (цивилизованный), polisson (повеса), de la police (полицейской службы) по-французски звучат схоже.

** Каламбур: «Hauch» (дуновение) и «Haug» (Гауг) по-немецки звучат схоже.

благородное возмущение против всего, что делается, и никаких сил что-либо делать. Вот и всё.

Мы едем во вторник, т. е. 28-го. Ждем подробностей о вашем странствовании. Паспорт Ж⟨аннеты⟩ [1] был отослан в тот же день.

Что делает Рашель Ада? [2]

После вашего отъезда у нас царит спокойствие Тихого океана, и, если бы я не шумел и не каламбурил, вполне можно было бы подумать, что с вами уехали все — а разве это не так, разве вы не увезли наши сердца, das Ihnen ein Reiseübergewicht von 7 *fr⟨ancs⟩* machen wird*.

Прощайте.

Рукой Н. А. Герцен:

И на этот раз, как всегда, А⟨лександр⟩ говорит, а я молчу, хотя тот, кто захотел бы меня услышать, и без того услышит,— ты, Эмма, слышишь ли меня!? Писем от Г⟨еорга⟩ нет.

Больные наши поправляются. Элиза очень слаба. Тата продолжает меня безжалостно мучить и обнимает Гораса, и тебя, и Аду... я тоже... А пока прощайте, дорогие, дорогие друзья. Пусть ваше путешествие и приезд будут столь приятны, как я вам того желаю.

Ваша, всем сердцем ваша

Н.

Рукой Саши Герцена:

Дорогая Эмма!

Я хочу сообщить тебе кое-что, что тебе нужно знать: после того как ты уехала, из твоей квартиры снесли вниз всю твою мебель, и на одном из кресел я нашел твой крючок для ботинок. Теперь не знаю, куда он делся.— Мы уезжаем только 28-го, так надоело! Папа купил твоего минотавра на черном пьедестале, чтобы подарить его Пальмье.

Да здравствует Ницца! Да здравствует море! Да здравствуют горы! Да здравствует лето!

Будь здорова и проводи весело время до нашего приезда!

Саша. [3]

[1] *Ж.*— Жаннета, горничная Эммы Гервег, «француженка из Прованса, красивая собой и очень благородная», как охарактеризовал ее в «Былом и думах» Герцен (изд. АН, т. X, стр. 266).

[2] Герцен шутливо сравнивает малолетнюю дочь Гервегов Аду с артисткой Рашель.

[3] Далее следует приписка Саши Герцена, адресованная Горасу Гервегу, которую мы опускаем.

98

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ 23 mai ⟨1850⟩

Eh bien, George le muet, George le taciturne, George le sans mot... eh bien, voilà deux jours qu'Emma roule et elle fait bigrement bien qu'elle roule [1] et *Rule, Britannia* [2]. A présent je m'en veux te prouver qu'elle le fait bien qu'elle roule. La Chambre de mise en accusation a décidé qu'elle est accusable, pendable et Nouka-Hivable [3]. Elle sera donc pendue en effigie comme Bem [4]... et toi, tu dis dans ta lettre à elle: «On t'a intimidée». *Timeo Baroches et justitia ferentes* [5].— Il n'y a ni preuve, ni évidence assez forte pour prouver l'innocence lorsqu'on veut la culpabilité, Thémis est aveugle, Thémis est sourde,— Thémis doit être envoyée chez Schibe! [6].

* что и даст излишек весу в вашем багаже на 7 фр⟨анков⟩ (нем.).

Le magnanime Bahrmann [7] est venu lui-même le dernier jour chez Emma pour demander si elle a besoin de quelque chose — juste lorsque tout était arrangé.

Nous partons le 27 ou le 28, mais si l'affaire avec Rotsch⟨ild⟩ est terminée le 25 — nous partirons le 26.

Hier nous avons ri à gorge déployée d'une matinée de réception chez moi. Je commence à penser que je suis nommé ministre ou archevêque. Le c⟨om⟩te Branicky [8], qui n'a jamais été chez moi, est venu faire une visite, en la motivant sur ce qu'il avait entendu que je devais quitter Paris, et qui il voulait etc., etc... Une demi-heure après, entre un homme svelte, d'extérieur distingué, et commence qu'étant Russe et admirateur de cela et autre chose que j'ai écrit, il avait entendu que je partais... *idem*. Je demande avec qui j'ai l'honneur de parler — c'était le prince Lobanoff-Rostovsky [9] (mari de la fille du maréchal Paskewitz). Un homme charmant — quoique officier russe. Tu penses que c'est la fin—non, le soir en rentrant je trouve la carte du c⟨om⟩te Ostrowsky [10].

«Mais, fichtre,— me suis-je dit à moi-même,— a-t-on jamais vu un homme encomté et enprincé de cette manière — mis à la porte par cette polissonne de police. Moi que le *Lloyd* appelle baron russe — je suis aristocrate comme Wellington, comme Ivan Golovine, comme la maison de Reuss-Greuss Hohen-Sigmaringenberg-Zaum (voir *Almanach de Gotha* — que ma mère achète tous les ans depuis 1808).

Les lettres de la Russie ne m'encouragent pas trop. M-lle Ern peut te traduire. Ah, cette bête timide—mon chargé d'affaires! Ah, cette bête brute—mon frère bien-aimé! Si j'avais le malheur de ne pas avoir un frère, et la prudence de ne pas avoir un chargé d'affaires, tout serait sauvé — parce qu'il n'y aurait pas de traître, et le gouvernement aurait attendu, attendu — et toutes les mesures pourraient être prises.

Pense un peu que mon chargé d'affaires a livré tous les papiers et documents à la police après sommation.

Pense qu'il m'a envoyé une forte somme d'argent en me l'adressant à moi — après avoir renoncé à toute correspondance avec moi. L'argent a été arrêté — et ils n'ont pas même réclamé.

Ah, quel malheur d'avoir le bonheur d'un frère existant.

Lis l'*Indépendance Belge*, tu y trouveras beaucoup de choses que tu ne trouveras pas ailleurs.

Adieu.

Егору Федоровичу.

Перевод:

⟨Париж.⟩ 23 мая ⟨1850 г.⟩

Итак, Георг немой, Георг молчаливый, Георг бессловесный... итак, вот уже два дня, как Эмма катит, и она чертовски хорошо делает, что катит [1], и «Rule, Britannia»* [2]. Теперь я хочу доказать тебе, что она прекрасно сделала, укатив отсюда. Обвинительная палата постановила, что она подлежит обвинению, повешению, водворению на Нука-Иву [3]. Стало быть, она будет повешена заочно, как Бём [4]... а ты, ты пишешь в своем письме к ней: «Тебя запугали». «Timeo Baroches et justitia ferentes»** [5]. Когда хотят засудить, тут не помогут никакие доказательства и самые очевидные факты в пользу невинности,— Фемида слепа, Фемида глуха, Фемиду надобно отправить к Шибелю [6].

Великодушный Барман [7] сам пришел к Эмме накануне ее отъезда, осведомиться, не нуждается ли она в чем-либо,— и как раз тогда, когда все уже было улажено.

---

* Игра слов: «roule» по-французски «катит», «rule, Britannia»—по-английски «правь, Британия».

** «Боюсь Барошей и правосудие приносящих» (лат.).

Мы едем 27-го или 28-го, но если дело с Ротш⟨ильдом⟩ решится 25-го,— мы уедем 26-го.

Вчера мы от души хохотали над состоявшимся у меня утренним приемом. Я начинаю думать, что меня произвели в министры или в архиепископы. Г⟨раф⟩ Браницкий[8], который никогда раньше у меня не бывал, нанес мне визит, мотивируя это тем, что он слышал, будто я должен покинуть Париж, и что он хотел и т. д., и т. д. ... Полчаса спустя входит стройный человек благородной наружности и начинает с того, что, будучи русским и почитателем такого-то и такого-то моего произведения, он, услышав о моем отъезде... idem; я спрашиваю его, с кем имею честь говорить,— оказалось, это князь Лобанов-Ростовский (муж дочери фельдмаршала Паскевича)[9]. Милый человек, хотя и русский офицер. Ты думаешь, что это всё — нет, вечером, вернувшись домой, я нахожу визитную карточку гр⟨афа⟩ Островского[10].

«Но, чёрт возьми,— сказал я сам себе,— видано ли, чтобы человек, столь ографленный и окняженный, был выставлен за дверь озорницей полицией?* Я, кого «Lloyd» называет русским бароном, я тоже аристократ, не хуже Веллингтона, Ивана Головина и дома Рейс-Грейс Гоген-Зигмарингенберг-Цаумского» (см. «Готский альманах», который моя мать покупает ежегодно с 1808 года).

Письма из России не очень меня обнадеживают. Мадемуазель Эрн может их тебе перевести. Ах, что за трусливое животное мой поверенный в делах! Ах, что за неразумное животное мой возлюбленный братец! Если бы я имел несчастье не иметь брата и имел осторожность не иметь поверенного в делах, все было бы спасено, потому что тогда не было бы предателя, и правительство ждало бы и ждало — и можно было бы принять нужные меры.

Подумай только, мой поверенный передал полиции по ее требованию все мои бумаги и документы.

Подумай, ведь он послал крупную сумму денег прямо на мое имя после того, как отказался от всякой со мной переписки. Деньги были задержаны, а они даже не потребовали их возвращения.

Какое несчастье иметь такое счастье, как братец!

Читай «L'Indépendance Belge», там ты найдешь много такого, чего не найдешь в других газетах.

Прощай.

Егору Федоровичу **.

[1] Э. Гервег подвергалась в Париже полицейской слежке и со дня на день могла быть арестована.

[2] «*Rule, Britannia*» — первая строка английской патриотической песни Джемса Томсона (из пьесы «Альфред», 1740), ставшей в Англии национальным гимном.

[3] *Нука-Ива* (Нука-Гива)—место ссылки французских революционеров (на Маркизских островах).

[4] Иосиф *Бем* (1795—1850) — руководитель польского восстания 1830 г. и один из виднейших сподвижников Кошута во время венгерской революции 1848—1849 гг. После ее разгрома бежал в Турцию, на которую правительства России и Австрии, заочно присудившие Бема к смертной казни, оказывали сильное давление, добиваясь его выдачи. Получить это согласие им не удалось.

[5] Перефразировка известного выражения Вергилия «Бойся данайцев и дары приносящих».— Пьер-Жюль *Барош* — реакционный министр внутренних дел.

[6] О *Шибеле* — директоре цюрихского училища для глухонемых, см. упоминания в письмах №№ 62 и 79.

[7] О *Бармане* см. в примеч. 2 к письму 36.

[8] Граф Ксаверий *Браницкий* (1812—1879) — один из руководителей аристократической части польской эмиграции. См. о нем в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 377—378.

[9] Князь Михаил Борисович *Лобанов-Ростовский* (1819—1858)— полковник, в дальнейшем флигель-адъютант.

[10] По-видимому, граф Кристин-Иосиф *Островский* (1810—1882) — польский литератор. Герцен с ним впоследствии находился в переписке.

---

* Каламбур: «polissonne» (озорница) и «police» (полиция) по-французски звучат схоже.

** Имя и отчество написаны по-русски.— *Ред.*

99

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ и М. К. ЭРН

⟨Paris. Le 24 (?) mai 1850⟩

Lorsqu'un homme tracassier, criard etc., etc., comme moi, se trouve enfin au bout de son latin, et par-dessus le marché de son allemand, russe, français — c'est quelque chose. J'ai passé des époques plus douloureuses, plus déchirantes—mais plus stupides — jamais. Stupide — *im Allgemeinen*, stupide — *im Besonderen*, stup⟨ide⟩ *im Einzelnen*, *an sich*, *für sich*, *außer sich*[1], *in Paris*, *in Zürich*, *in Petersburg*.

Vraiment je me sens plus bête et, chose étrange, je sens que les autres sont toujours les mêmes, donc qu'ils sont aussi plus bêtes.

Une demi-année être à la veille du départ, attendre chaque semaine une réponse, avoir des espérances, des certitudes — et rester sans avancer en rien comme le premier jour.— *Coricare e non dormire, servire e non gradire, più tosto morire.*— Et pas un homme avec lequel dans un moment de désespoir boire une bouteille en pestant contre les dieux et les hommes, les éléments et... et voilà ta lettre — vieux sophiste Georgias par amitié et cher George pour tes amis.— Au revoir, et alors je t'expliquerai pourquoi j'étais et je suis nécessaire à l'affaire.

Pour Kolatchek, s'il désire, je peux lui envoyer le petit article *Omnia mea mecum porto...* [2] — Ou lui écrire quelque chose dans le genre. Ou aussi l'*Epilogue*.— Pourtant l'*Epilogue* a été promis à Hoffmann [3].

Tu écris toujours des affaires, comme si elles allaient à merveille, et me fais jouer un rôle d'un homme qui s'alarme pour rien. Mais, vois-tu ou non que même il y a possibilité de perdre les 80 000 — et alors cela réduit encore. Les Rougemont n'ont aucun avis — et l'avis vient avant une lettre de change.

Et quel animal ce Kl⟨utchareff⟩ — envoyer au nom de ma mère.

Егору Федоровичу.

Приписка к М. К. Эрн (*на отдельном листке*):

Пришло ваше письмо. Ну, с 80 000, видно, также придется проститься. Ни avis * у Ружемона [4], ничего подобного нет. Да и как же Григор⟨ий⟩ Ив⟨анович⟩ послал на мам⟨енькино⟩ имя? Что это за скоты, что за звери. А вы-то — радости, сюрпризы **.

Перевод:

⟨Париж. 24(?) мая 1850 г.⟩

Когда такой сварливый, крикливый и т. п., и т. п. человек, как я, не находит уже в своем лексиконе ни немецких, ни русских, ни французских слов — это что-нибудь да значит. Мне случалось переживать более тяжелые, более мучительные времена, но более дурацкие — никогда. Дурацкие im Allgemeinen, дурацкие im Besonderen, дурацкие im Einzelnen, an sich, für sich, außer sich[1], in Paris, in Zürich, in Petersburg ***.

Право, мне кажется, что я поглупел и, удивительное дело, мне кажется, что другие остались такими, какими были, значит, они тоже поглупели.

Полгода готовиться к отъезду, каждую неделю ждать ответа, питать надежду, уверенность — и не продвинуться ни на шаг, остаться при том же, что в первый день,— «Coricare e non dormire, servire e non gradire, più tosto morire»****.

---

* извещения (франц.).

** Над некоторыми словами в этой приписке надписан французский и немецкий их перевод рукой М. К. Эрн.— *Ред.*

*** в общем, в частном, в единичном, в себе, для себя, вне себя, в Париже, в Цюрихе, в Петербурге (нем.).

**** «Ложиться спать и не засыпать, служить и не дослужиться—уж лучше сразу умереть» (итал.).

И никого, с кем бы в минуту отчаяния можно было распить бутылку вина, проклиная и бога и людей, стихии и... ну вот и письмо от тебя, старый софист Georgias дружбы ради и дорогой Георг для друзей.— До свидания, при котором я тебе объясню, почему, как прежде, так и теперь, дело требует моего присутствия.

Что до Колачека, то если он хочет, я могу послать ему маленькую статью «Omnia mea mecum porto»[2]. Или написать для него что-либо в этом роде. Или же «Эпилог».— Но «Эпилог» был обещан Гофману[3].

Ты постоянно пишешь о делах так, словно они идут превосходно, и заставляешь меня играть роль человека, который попусту бьет тревогу. Но разве ты не понимаешь, что можно потерять и 80 000, и тогда сумма еще сократится. Ружмоны[4] не получили никакого извещения, а извещение приходит раньше векселя.

И что за скотина этот Кл⟨ючарев⟩ — посылать ⟨деньги⟩ на имя моей матери!

Егору Федоровичу *.

[1] Пародия на философскую терминологию.

[2] Статья «Omnia mea mecum porto», так же как «Эпилог 1849», появилась в журнале Колачека «Deutsche Monatsschrift...». Колачек находился в это время в Цюрихе (см. XIV, 87).

По-видимому, к этому времени относится следующая заметка Герцена, сохранившаяся среди бумаг Гервега:

«De Kolatschek

Le rapport de la Comission d'enquête de 1826 — concernant l'insurrection de Pétersbourg. Allem⟨and⟩ ou Français.

Grenzbote.

100 exemp⟨laires⟩ de la brochure» **.

[3] Герцен предполагал впервые напечатать «Эпилог 1849» во втором издании «Vom anderen Ufer», подготовлявшемся фирмой «Гофман и Кампе».

[4] *Ружмоны* — банкирская контора.

100

ЭММЕ ГЕРВЕГ

Le 27 mai ⟨1850⟩. Paris

Préparez-vous, chère Emma, aux malédictions, à prononcer l'anathème, l'excommunication, aiguisez vos flèches, lancez vos foudres — et tout cela contre votre chétif ami, contre le petit barbare slave de l'hôtel Mirabeau[1].

E perchè? (Je pense que vous ne parlez que l'italien.)

1 °. Nous ne partons que samedi le 1 juin.—«*Lo saputo, i disgraziati*».— *No, no, signora, madama, eccelenza, no*... vous n'avez rien su, parce que cela dépend complètement du 2.

2 °. Une lettre de Gasser nous dit que l'affaire de ma mère a roulé derechef dans un abîme, et que c'est le ministère des affaires étrangères qui s'oppose à présent. A ce qu'il paraît, les braves Wurtembourgeois n'ont rien fait. Et voilà *noi, miserabile genta*, pas plus avancé d'un diamètre des grains homéopathiques que le 29 décembre où j'ai eu l'honneur de me prosterner à vos pieds et de vous offrir mes remerciements pour le Cognac et la sauce anglaise.

Et bien, que faire?.. «*Quod faciamus nos*», comme le dit le prêtre dans *Wallenstein's Lager*[2]. Ah voilà la question.

* Имя и отчество и далее записка к М. К. Эрн — по-русски (см. ее выше в основном тексте).

** «От Колачека

Отчет Следственной комиссии 1826 года — о петербургском восстании. На нем⟨ецком⟩ или французском языке.

«Пограничный курьер».

100 экземп⟨ляров⟩ брошюры» (франц.).

Mais je crains de l'aborder, vous êtes encore sous le charme de la première fureur, calmez-vous, regardez un peu Ada, ensuite la mer (cela peut au besoin servir pour un calembour si vous avez une glace devant vous) — eh bien, voilà mon plan. J'irai reconduire Natalie sous votre haute protection, j'engagerai Georges de venir après le voyage au front de Wurtem⟨berg⟩ *idem*, et je vous quitterai à l'instant même pour aller à Stuttgart et remuer terre et ciel.

J'attends avant mon départ la réponse de George, et j'agirai de commun accord. Que voulez-vous, G⟨eorge⟩ a bien raison, en disant ⟨qu⟩'entre la coupe et les lèvres il y a toujours assez de place pour un malheur [3].

Merci pour votre lettre. — *Übergewicht, Übergewicht*... mais au nom de tous les saints et de quelques pecheurs — (de la Mediterranée) pourquoi donc avez-vous pris tout cela avec vous, le roulage n'est pas une nouvelle invention, il existe du temps de César à Paris, lorsqu'il allait faire la guerre en Angleterre.

Avez-vous reçu le passeport de Jeannette et voulez-vous recevoir mes salutations amicales?

Рукой Н. А. Герцен:

Merci, merci pour ta lettre! Si tu savais combien je suis peinée te savoir seule et encore tourmentée, accablée... Nous ne nous amusons pas non plus. — Palmier dit qu'il ne faut pas laisser Ada crier longtemps et qu'il faut lui bander le ventre comme on le fait aux nouveaux-nés; Horace aura ses poids. Ton manteau est charmant et payé.

«ВСЕ ТА ЖЕ СТАРАЯ СИСТЕМА!» КАРИКАТУРА НА РЕАКЦИОННУЮ ПОЛИТИКУ ЛУИ-НАПОЛЕОНА

Рисунок Ж. Понси и Э. Морена

Рядом с Наполеоном, оттачивающим ножницы «закона о печати», — «Journal pour rire», изображенный клоуном. Он предостерегает точильщика: «Берегите пальцы, дорогой принц... режет». Объявление на точиле: «Точу ножи, бритвы, ножницы и прочий политический инвентарь по сходным и умеренным ценам»

«Journal pour rire» от 27 апреля 1850 г.

Chère Emma! Je t'embrasse, toi et les enfants. *Peut-être* j'écrirais plus — mais m-r Palmier est venu nous chasser à la campagne.

A toi N.

Natalie embrasse Horace. Je suis heureuse ⟨de⟩ le savoir bienportant et gai.

Перевод:

27 мая ⟨1850 г.⟩. Париж.

Приготовьтесь, дорогая Эмма, проклинать, предавать анафеме, отлучать от церкви, заострите ваши стрелы, мечите ваши громы и молнии — и все это против вашего жалкого друга, против маленького славянского варвара из отеля Мирабо [1].

E perchè?* (Думаю, что вы говорите теперь только по-итальянски.)

№ 1. Мы едем лишь в субботу 1 июня.— «Lo saputo, i disgraziati». No, no, signora, madama, eccelenza, no**... вы еще ничего не узнали — все целиком зависит от № 2.

№ 2. Из письма Гассера выясняется, что дело моей матери снова провалилось и что на этот раз возражает министерство иностранных дел. Насколько можно судить, бравые вюртембержцы ничего не сделали. И значит noi, miserabile genta***, продвинулись не более, чем на диаметр гомеопатической крупинки, с 29 декабря, когда я имел честь пасть к вашим ногам и принести выражение своей благодарности за коньяк и английский соус.

Что же делать?.. «Quod faciamus nos?» ****, как говорит священник в «Wallenstein's Lager»***** [2]. Ах, в этом и вопрос.

Но я боюсь затрагивать его, вы все еще во власти первого порыва гнева, успокойтесь, поглядите на Аду, потом на море (это на худой конец может сойти за каламбур, если перед вами зеркало******). Итак, вот мой план. Отвезу Натали под ваше высокое покровительство, попрошу Георга, после поездки на вюртем ⟨бергский⟩ фронт, idem ******* приехать и тотчас покину вас, чтобы направиться в Штутгарт и перевернуть небо и землю.

Думаю до отъезда получить от Георга ответ и буду действовать с общего согласия. Что поделаешь, Г⟨еорг⟩ совершенно прав, когда говорит, что между кубком и устами всегда найдется место для несчастья [3].

Спасибо за ваше письмо. Übergewicht, Übergewicht********... но, во имя всех святых и нескольких грешников********* (Средиземного моря), зачем вы взяли все это с собой, перевозка гужем не является недавним изобретением, она существует в Париже со времен Цезаря, когда он собирался в Англию воевать.

Получили ли вы паспорт Жаннеты и соблаговолите ли принять мой дружеский привет?

Рукой Н. А. Герцен:

Спасибо, спасибо тебе за письмо! Если бы ты только знала, как меня гнетет мысль, что ты одна и притом измучена, удручена... Мы тоже не веселимся—Пальмье говорит, что нельзя позволять Аде долго кричать и что ей надо бинтовать животик, как новорожденным. Гири свои Горас получит. Твоя накидка прелестна и оплачена.

Дорогая Эмма, обнимаю тебя и детей. *Может быть*, написала бы и больше, но пришел г-н Пальмье гнать нас за город.

Твоя Н.

Натали обнимает Гораса. Радуюсь, что он здоров и весел.

---

* А почему? (итал.).

** «Я это знала, бедняжки».—Нет, нет, синьора, мадама, эччеленца, нет (итал.).

*** Мы, несчастные люди (итал.).

**** «Что будем делать мы?» (лат.).

***** «Лагере Валленштейна» (нем.).

****** «la mer» — «море» звучит по-французски так же, как «la mère» — «мать».

******* тоже (лат.).

******** Лишний вес, лишний вес... (нем.).

********* Герцен пишет «pecheur» в транскрипции, которая позволяет перевести это слово и как «грешник» (pécheur) и как «рыбак» (pêcheur) и создает забавный каламбур.

[1] В hôtel Mirabeau жил в то время сам Герцен.
[2] «*Wallenstein's Lager*» — драма Ф. Шиллера, первая часть трилогии «Валленштейн».
[3] Гервег привел эту французскую пословицу, часто повторявшуюся и самим Герценом, в письме от 21 мая 1850 г. (см. XIV, 75).

101

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Париж. 27 (?) мая 1850 г.⟩

Eh bien, tu le vois, un malheur a passé derechef entre la coupe et les lèvres. Tu liras dans la lettre de ma mère les particularités de l'affaire. A présent il faut frapper le coup le plus décisif de Stuttgart; comment ose-t-il nier un acte légalisé par le consul russe de Paris; on peut envoyer encore une reconnaissance de la procuration de la part de ma mère par l'ambassade de Pétersb⟨ourg⟩ légalisée au ministère à Stuttgart. Il faut que l'ambassadeur entre tout bonnement en communication avec Gasser. Lui ou le consul.— Mais à te dire franchement, je crois que tout le ministère wurtem⟨bergeois⟩ tremble devant Nesselrode, et voilà pourquoi il ne fait rien jusqu'à présent.— Tirez donc une réponse de Stut⟨tgart⟩ pour savoir au moins ce qu'on a fait.— Dans votre lettre ne vous appuyez pas sur les communic⟨ations⟩ de Rotsch ild⟩, mais dites: «Nous apprenons pourtant» tout bonnement. Lui, il est homme *à oublier* ce qu'il a dit, il m'a donné lui-même le conseil de faire écrire par le minist⟨re⟩ wurt⟨embergeois⟩, en ajoutant que cela reste entre nous, qu'il est très loin de vouloir entreprendre quelque chose de blessant pour le gouv⟨ernement⟩ russe. Mais que c'est dans mon intérêt qu'il me donne *privatim* un conseil.

Que feras-tu?— Je pars pour Nice le 1 juin, grâce à la mansuétude des Carlovingiens[1]. Si l'affaire l'exige je viendrai tout de suite de là vous rejoindre. Mais Emma est capable de me brûler vif, de m'empoisonner pour la prolongation de cette maudite séparation. Alors arrange au plus vite l'affaire de Wurtem⟨berg⟩ et va à Nice — je t'attendrai là et j'irai ensuite finir l'affaire avec ma mère.— Gas⟨ser⟩ lui-même est furieux, il dit formellement qu'il en usera de tous les moyens pour parvenir à l'encaissement. La présence d'un de nous (ou des deux) est absolument nécessaire, à présent plus que jamais. Je vois là que mon séjour ici a été très utile, je te le prouverai.

Le tout ensemble, ensemble avec les affaires générales, avec tout ce que nous voyons tous les jours, est un lourd fardeau, sous lequel l'âme à force d'être comprimée, vieillit*, dessèche.

Tu demandes pourquoi ce départ hâtif d'Emma; mais elle est partie tout bonnement le jour désigné par le pr⟨éfet⟩ — pour ne pas subir le vaudeville correctionnel. *Caro mio*, tu ne connais pas les mœurs et us modernes, pour t'édifier par un pendant de l'histoire du billet — pense bien qu'on a un de ces jours condamné un auteur pour avoir envoyé par la poste sa brochure à quelques connaissances, on l'a condamné sans prév⟨ention⟩ de colportage et distribution des imprimés.

Porte-toi bien.— Je suis *tristissime* et *indignatissime*.— Le prince Lobanoff dont je t'ai parlé est un homme distingué, avec cette largeur et richesse des natures russes lorsqu'elles ne sont pas bêtes f⟨...⟩. Nous en parlerons — c'est-à-dire de lui.

Adieu.

Рукой Н. А. Герцен:

Que vous dirai-je, mon cher, cher besson? Que je vous aime de tout mon cœur, ce n'est pas nouveau — mais ce n'est pas si ennuyeux comme tout le reste.

---

* В подлиннике: vieille.— *Ред.*

Перевод:

⟨Париж. 27 (?) мая 1850 г.⟩

Ну вот, ты сам видишь, опять между устами и кубком проскользнуло несчастье. Подробности о деле ты прочтешь в письме моей матери. Сейчас нужен самый решительный удар из Штутгарта. На каком основании смеет он оспаривать документ, засвидетельствованный русским консулом в Париже? Можно переслать еще доверенность моей матери, засвидетельствованную посольством в Петербурге и заверенную штутгартским министерством. Нужно, чтобы посланник непосредственно связался с Гассером. Посланник или консул.— Но, откровенно говоря, я думаю, что все вюртем⟨бергское⟩ министерство дрожит перед Нессельроде, поэтому-то оно до сих пор ничего не сделало. — Добейтесь же ответа из Штут ⟨гарта⟩ и выясните, по крайней мере, что было сделано.—В письме вашем не ссылайтесь на сообщенное Ротш⟨ильдом⟩, просто скажите: «Нам стало, однако, известно». Он из тех людей, которые склонны *забывать* то, что говорят; он сам посоветовал мне писать через вюрт⟨ембергское⟩ минист⟨ерство⟩, предупредив, что это должно остаться между нами и что он отнюдь не расположен предпринимать что-либо неприятное для русского прав⟨ительства⟩. Но, охраняя мои интересы, он дает мне privatim* совет.

Что ты собираешься делать?— Я еду в Ниццу 1 июня, благодаря благодушию Карловингов [1], а оттуда, если это потребуется для дела, тотчас же приеду к вам. Однако Эмма способна сжечь меня заживо, отравить меня за продление этой проклятой разлуки. Поэтому улаживай поскорее вюртембергское дело и отправляйся в Ниццу. Я подожду тебя там, а затем поеду вместе с моей матерью кончать дело.— Гас⟨сер⟩ и сам взбешен, он категорически заявляет, что употребит все средства, чтобы добиться оплаты билета. Присутствие одного из нас (или нас обоих) совершенно необходимо теперь, больше чем когда-либо. Итак, я вижу, что мое пребывание здесь было очень полезно, я тебе это докажу.

Все вместе — и общее положение дел, и то, что приходится видеть всякий день,— бремя, под тяжестью которого старится, иссыхает душа.

Ты спрашиваешь о причине столь поспешного отъезда Эммы. Да, просто-напросто, она уехала в день, указанный пр⟨ефектом⟩, чтобы не подвергаться этой исправительной комедии. Caro mio, ты слишком мало знаком с современными нравами и обычаями; вот тебе в назидание история, схожая с историей с нашим билетом, — подумай только, на днях осудили одного писателя за то, что он переслал знакомым по почте свою брошюру. Без всякого суда и следствия его обвинили в незаконной продаже и распространении печатной литературы!

Будь здоров.— Я tristissime** и indignatissime***. Князь Лобанов, о котором я тебе говорил, человек благородный, со всей широтой и богатством русской натуры, когда она не ⟨...⟩ Мы еще поговорим об этом — то есть о нем.

Прощай.

Рукой Н. А. Герцен:

Что сказать вам, мой дорогой, дорогой близнец? Что я вас всем сердцем люблю — это не ново, зато не так скучно, как все остальное.

[1] См. примеч. 3 к письму № 90.

102

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ 30 mai ⟨1850⟩

Le jour de notre départ reste invariablement fixé le 1 juin. Je pars gaiement en pensant qu'enfin là ou là, nous nous retrouverons, gaiement en pensant que je me sauverai enfin de cette existence convulsive, absorbante, irritante et

---

* частным образом (лат.).
** крайне огорчен (итал.).
*** крайне возмущен (итал.).

maladive—que j'ai traînée pendant une demi-année. Il y a pourtant une grande unité logique dans chaque homme, et s'il se dévie sous la pression des circonstances, peu-à-peu il s'arrête comme une pendule à sa ligne verticale. Pour un instant (et tu m'en faisais déjà des reproches) j'ai pensé me réconcilier avec Paris — et je le quitte à présent avec le même sentiment d'indignation que je l'ai quitté en 47 et en 49. Je ne me console pas de la réponse éternelle — que partout ailleurs la vie est encore plus dégoûtante,— et ensuite elle peut être dégoûtante comme elle veut, mais puisqu'elle n'intéresse pas, elle vous laisse libre. A propos, j'ai reçu une longue lettre de Kapp, et une lettre bien intéressante, il est tout à fait ébahi de New-York; ce qu'il cite et raconte dans sa lettre, sans être nouveau, a ce cachet de réalité qu'une chose acquiert répétée par un homme que nous connaissons [1]. Oui, la liberté individuelle n'est pas une plaisanterie là. Eh bien, *caro mio*, tôt ou tard nous nous promènerons à New-York, je te le dis non en prophète, mais en calculateur. Et l'Europe peut se décomposer et pourrir, comme elle l'entend.— Frœbel a lu quelques pages *V⟨om⟩ and⟨ern⟩ Ufer* dans ses leçons du mouvement révolut⟨ionnaire⟩ en Europe, il a raconté mes opinions sur la Russie [2], et tout cela a donné lieu à quelques articles de journaux — *also, ich bin bekannt am andern Ufer* [3].

K app⟩ écrit qu'un journal a dit: «Un Russe ne peut être qu'esclave ou anarchiste». Le lendemain le c⟨om⟩te Guroffsky [4], espion russe, a envoyé demander chez Frœbel qui est l'auteur russe, avec lequel lui (Gur offsky⟩) sympathise complètement. Frœbel n'a pas dit le nom. Mais Guroffsky le rencontrant lui a dit qu'il connaissait que cet ouvrage est de Golovine.— *Transatlantische Cancan's*. Les Russes sont espionnés même là. Je crois qu'il ⟨y⟩ a des espions dans la Polynésie, Bandalésie et Magnésie.

D'un autre côté, je suis de mauvaise humeur, cette affaire russe est un plomb, c'est lourd, c'est dégoûtant (on m'a plombé une dent — passe encore, mais plomber l'esprit) — et je dois partir juste au moment où il faut encore faire quelques démarches. Ta nouvelle concernant Goloch⟨vastoff⟩ est bonne, mais l'argent est-il encore en Russie ou non? S'il y est, on peut toujours le confisquer. Comme on a déjà fait. Mais qu'ils sont bêtes, ces gens-là, la Banque de Commerce donne des billets anonymes, qui peuvent être vendus partout. Harcelle un peu tes Souabes, il n'ont jusqu'à présent rien fait de visible. Rot⟨schild⟩, à ce qu'il paraît est complètement dégoûté de cette affaire — et je dois partir. On attend samedi une lettre de Gass⟨er⟩; je l'attendrai. Adieu.

J'ai aussi écrit une dénonciation mais plus est ⟨!⟩ contre toi, à ma mère, demande-là — scélérat que tu es.

Comme je ne serai pas avant le 5 à Nice tu peux envoyer un petit mot à Marseille poste rest⟨ante⟩; pourvu que cette lettre arrive le 4.

Блажен... je te rappelle le *Beatus ille qui procul negotiis* de Пушкин [5]:

Перед обедом водку пьет,
Имеет чин и в бога верит [6].

Перевод:

⟨Париж.⟩ 30 мая ⟨1850 г.⟩

Срок нашего отъезда, намеченный на 1 июня, остается без изменений. Мне весело уезжать с мыслью о том, что тут ли, там ли, но мы, наконец, встретимся; мне весело думать, что я избавлюсь, наконец, от этого судорожного, засасывающего, беспокойного и болезненного существования, которое я влачил в течение полугода. Но в каждом человеке есть большая логическая цельность, и если под давлением обстоятельств он отклоняется от своего пути, то затем постепенно опять возвращается, как маятник, на свою вертикаль. Была минута (ты уже упрекал меня за это), когда я думал,

что примирился с Парижем, но я покидаю его теперь с тем же чувством негодования, с каким покидал в 1847 и 1849 годах. Я не утешаюсь вечным ответом, что повсюду в другом месте жизнь еще отвратительнее,— пусть она будет как угодно отвратительна, но раз она вас не интересует, она вас и не затрагивает. Кстати, я получил длинное и очень интересное письмо от Каппа. Он совершенно ошеломлен Нью-Йорком. То, что он приводит и рассказывает в своем письме, хоть и не ново, а все же носит ту печать реальности, которую приобретают факты, когда их подтверждает человек, вам знакомый. Да, личная свобода там — не насмешка. Итак, caro mio, рано или поздно мы с тобой погуляем по Нью-Йорку,— говорю это не как пророчество, а все взвесив[1]. Европа же пусть себе разлагается и гниет сколько ей угодно.— Фрёбель прочел несколько страниц из «С того берега» в своих лекциях о революц⟨ионном⟩ движении в Европе; он изложил мои взгляды на Россию[2], и все это вызвало несколько газетных статей — значит, меня знают на том берегу[3].

К⟨апп⟩ пишет, что одна газета заявила: «Русский может быть либо рабом, либо анархистом». На другой день граф Гуровский[4]— русский шпион — послал к Фрёбелю спросить, кто этот русский автор, которому он (Гур⟨овский⟩) всецело симпатизирует. Фрёбель не назвал фамилии. Гуровский же, встретив его, сказал, будто знает, что это сочинение Головина.— Трансатлантические сплетни. За русскими шпионят даже там; шпионы, верно, есть и в Полинезии, и в Бандалезии, и в Магнезии.

С другой стороны, настроение у меня дурное,— это русское дело, как свинцовая пломба, это тяжело, отвратительно (запломбировать зуб—куда ни шло, но пломбировать мозги; — и я должен уехать именно теперь, когда нужно было бы предпринять еще кое-какие шаги! Твоя новость о Голох⟨вастовой⟩ приятна, но деньги-то еще в России или нет? Если они там, их всегда могут конфисковать, как это однажды уже было сделано. Но как они глупы, эти люди. Коммерческий банк выдает билеты на предъявителя, которые можно продать, где угодно. Потормоши немножко своих швабов, они до сих пор ничего ощутимого не сделали. Видимо, Рот⟨шильд⟩ это дело окончательно опротивело, а мне надо уезжать. В субботу ожидается письмо от Гасс ⟨ера⟩, я его дождусь. Прощай.

Я тоже написал донос, но более ⟨!⟩ на тебя моей матери, спроси у нее,— злодей ты эдакий!

Так как я раньше 5-го не попаду в Ниццу, ты можешь послать мне несколько слов в Марсель до востр⟨ебования⟩; нужно только, чтобы письмо дошло к 4-му.

Блажен*... напоминаю тебе «Beatus ille qui procul negotiis»** Пушкина[5]:

Перед обедом водку пьет,
Имеет чин и в бога верит!***[6]

[1] См. примеч. 6 к письму № 72.

[2] Юлиус *Фрёбель* (1805—1893) — немецкий политический деятель и публицист, участник революции 1848—1849 гг. Осенью 1849 г. переехал в Америку и в начале 1850 г. выступил в Нью-Йорке с лекциями об уроках европейских революций, подвергая при этом разбору «Vom andern Ufer» Герцена. О «больше нежели лестном» отзыве Фрёбеля по поводу этой книги Герцен упомянул в введении к первому русскому изданию «С того берега» 1855 г. (см. изд. АН, т. VI, стр. 9).

[3] *На том берегу* — здесь Герцен имеет в виду Америку.

[4] Граф Адам *Гуровский* (1805—1866) — реакционный журналист, сотрудник «New-York Tribune», был связан с русскими придворными кругами. В 1858 г. выступил в американской печати с клеветническими выпадами против Герцена, но получил надлежащий отпор (см. IX, 426—430 и «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 742).

[5] Этот стих из «Эподов» Горация Герцен употребляет как формулу житейской философии Пушкина.

[6] Таких строк в сочинениях Пушкина нет. Современники приписывали Пушкину множество не принадлежавших ему произведений.

---

* Это слово написано по-русски.—*Ред.*

** «Блажен, кто в стороне от дел» (лат.).

*** Стихотворение цитируется по-русски.—*Ред.*

«СКВЕРНАЯ КУХНЯ». КАРИКАТУРА НА РЕАКЦИОННЫЕ ПАРИЖСКИЕ ГАЗЕТЫ, ТОРЖЕСТВУЮЩИЕ ПО ПОВОДУ ОТМЕНЫ ВСЕОБЩЕГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА

Рисунок О. Домье

Изображены редакторы газет, бросающие в кастрюлю избирательные бюллетени граждан, лишенных права голоса. Раздувает огонь Тьер

«Charivari» от 6 июня 1850 г.

103

Л. И. ГААГ, ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ и М. К. ЭРН

⟨Paris.⟩ 31 mai ⟨1850⟩

Hört und bewundert, was das für ein Land ist, das Russische Land.— Noch ein Brief von Gass⟨er⟩; er schreibt, daß er eine Audienz bei Nesselrode forderte und ihm die Sache, als eine unerhört ungerechte vorstellte. Nessel-r⟨ode⟩ war ganz derselben Meinung, und sagte dem Gasser, er soll in der Kanzlei die Prokuration legalisieren. Man nahm die Prokuration an — aber ein *chef de bureau* sagte, daß man nicht legalisieren wird. Gas⟨ser⟩ erwiderte, daß selbst der Kanzler befohlen hat. Der *chef de bureau*, aber erwiderte: «Er weißt also nicht, was er befohlen hat»... Den andern Tag hat man die Legalisation abgeschlagen.— Nun was sagen Sie dazu? Der Kanzler und ein Spion! Und der Spion wie ein Hampden[1] widersetzt sich und macht, was er will.— Wenn das nicht anders geht, so glaube ich, muß man einen Geschäftsmann nach Petersb⟨urg⟩ schicken, vielleicht müssen Sie auch eine Reise dorthin machen. Schomb⟨ourg⟩ ist ein vortrefflicher Mensch, ohne ihn wäre die Sache halb vergessen. Er fordert, daß ich hier noch ein paar Wochen bleibe. Heute gehe ich zu Carlier und werde noch im selben Brief schreiben, ob ich morgen reise oder hier bleibe.

Freilich wird man auch die andere Summe unterschlagen [2]. Lassen Sie dieses Geld vom Würtembergischen Gesandten oder Konsul grade in die Stuttgart⟨ische⟩ Bank schicken *; überhaupt nehmen Sie alle Mittel, sonst können Sie ⟨die⟩ größten Schwierigkeiten haben.

Und du, stolzer Brite Georg, als du mir geschrieben hast, der Kaiser Nik⟨olaus⟩ kann wohl Russen plündern, aber doch eine Würtembergerin... Er wird bald Stuttgart nehmen und nach Siberien *aux travaux forcés* schicken mit Häuser und Pedanten, Minister und Philister.

Agissez, agissez, agissez — ich mache alles, was möglich ist, eine neue Prokuration war nicht nötig, sie zweifeln ja nicht, daß die erste gut ist, sie *wollen nicht* legalisieren.

Sollte alle Hoffnung verloren sein, so muß man recht bedenken wie man d⟨as⟩ Billet zurückbekömme. Mit der Post unmöglich — auch durch den Gesandten. Hier hat mir der Graf Branicky ein Mittel vorgeschlagen, durch seinen *chargé d'affaires* in London zu verkaufen d⟨as⟩ Billet, freilich nicht *au pair*...

Hier ist es ruhig, aber schlecht ruhig, keine Luft.

Пишите на Рейхеля, если что есть; никогда не надобно посылать письма вперед. Вот и теперь — что в Марселе лежат?

Впрочем, я припишу, остаюсь я или нет; если нет, то завтра едем.

Прощайте. Скучно.

Рукой Н. А. Герцен:

Нет куражу писать вам, друзья, да и вам не будет, верно, охоты читать, не до того. Трудно жить на свете!

Дети целуют ваши ручки, тебя, Машенька, благодарят за письма. Колюточку целуем!

Ваша Н.

Рукой Герцена (к Л. И. Гааг и М. К. Эрн).

Пост скрыт тум.

4 часа пополудни

Карловинги до того удивились моему прошению еще остаться, что говорят: «Да, нечего делать — *две недели можно*». Итак, я буду ждать ответа еще от Гассера до 14 июня — пишите сюда обо всем.

Весь ваш.

Kola, sei nicht böse, daß Papa nicht schreibt, aber küßt.

Перевод:

⟨Париж.⟩ 31 мая ⟨1850 г.⟩

Слушайте и изумляйтесь, что за земля такая, русская земля.— Еще письмо от Гасс⟨ера⟩; он пишет, что потребовал аудиенцию у Нессельроде и представил ему дело как неслыханно несправедливое. Нессель⟨роде⟩ был полностью того же мнения и сказал Гассеру, чтобы он засвидетельствовал доверенность в канцелярии. Доверенность была принята, но один из столоначальников заявил, что ее не засвидетельствуют. Гассер возразил, что это приказал сам канцлер. Столоначальник возразил: «Значит, он сам не знает, что приказывает...». На другой день в засвидетельствовании было отказано.— Ну что вы на это скажете? Канцлер и шпион! И этот шпион, подобно Гемпдену [1], сопротивляется и делает, что хочет. Если не произойдет изменений, я думаю, нужно будет послать какого-нибудь доверенного человека в Петербург; может быть, и вам придется туда съездить. Шомб⟨ург⟩ превосходный человек, без него дело было бы уже наполовину забыто. Он требует, чтобы я остался здесь еще неделю-другую. Сегодня пойду к Карлье и в этом же письме припишу, уезжаю ли завтра, или остаюсь здесь.

Запрещение будет наложено, конечно, и на другую сумму [2]. Добейтесь, чтобы вюртембергский посол или консул переслал эти деньги непосредственно в штутгарт⟨ский⟩

* *В автографе после* schicken: auf. — *Ред.*

банк; вообще, примите всяческие меры, иначе у вас могут быть очень большие затруднения.

А ты, гордый бритт, Георг, если ты мне пишешь — император Ник⟨олай⟩ волен, конечно, грабить русских, но тут ведь вюртембергская подданная... А он вскорости захватит Штутгарт и пошлет всех с чадами и домочадцами, педантами, министрами и филистерами в Сибирь aux travaux forcés*.

Agissez, agissez, agissez**— я делаю все, что возможно; в новой доверенности не было нужды; они не сомневаются в правильности первой, но *не хотят* засвидетельствовать.

Если надежда окажется окончательно потерянной, нужно будет хорошенько обдумать, как получить билет обратно. По почте невозможно, через посланника — тоже. Здесь граф Браницкий предложил мне способ продать билет через его chargé d'affaires*** в Лондоне. Разумеется, не au pair...****

Здесь спокойно, но не по-хорошему спокойно — душно*****.

Коля, не сердись, что папа не пишет, а целует.

[1] Джон *Гемпден* (1596—1643) — богатый английский землевладелец, получивший известность демонстративным отказом уплатить корабельный налог, который король незаконно наложил на внутренние провинции Англии.

[2] Вероятно, на деньги, высланные Голохвастовой.

104

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ, Л. И. ГААГ и М. К. ЭРН

1 июня 1850 г. Париж[1]

Вчера я писал вам, что остаюсь здесь ждать ответа, пожалуй до 15 июня. А потому прошу вас сейчас сообщить все подробности насчет голохвастовского долга и, если что есть, из Штутгарта. Может, вы обо всем этом писали в Марсель — так еще раз облагодетельствуйте. Пишите прямо на наш адрес.— Я могу многое вынести, но ожидать, просто ожидать... и потом «а то лыком — а то шелком», а только это ужасно. Чего стоит ходить к Рот⟨шильду⟩ и, наконец, уж к Карлу Ивановичу [2] — и всё оттого, что не было человека, который бы во-время умел написать строку. Едем сегодня в Сен-Клу.

Рукой Н. А. Герцен:

Ну, еще бог знает, поедем ли,— это была моя мысль, провести эти 15 дней где-нибудь за городом: задохнуться можно в Париже, да и квартира наша пропитана, я думаю, заразой — да нет, кажется. А присутствие необходимо в Париже. Да, такой тяжкой эпохи не было в нашей жизни, была *горчее*, а это все равно, что быть съедену комарами или и клопами; ну, уж потом в море... да так и не выходить оттуда.— Вчера у нас до ниточки все было готово к отъезду, сегодня разбираемся опять; право, от одного этого Эл⟨иза⟩ захворает. А впрочем, *в сущности-то*, все хорошо, Тата выправляется. Вчера мы делали визит Морицу [3], потом дети завтракали в вашем ресторане Champs Elysées, воображали, что у вас в гостях... Я подъезжала к Константину [4], он уж может ходить.

[1] Рукой М. К. Эрн над отдельными словами для Гервега надписан их французский перевод (Гервег усердно изучал в это время русский язык).

---

* на каторжные работы (франц.).

** Действуйте, действуйте, действуйте (франц.).

*** поверенного в делах (франц.).

**** по номинальной цене (франц.).

***** Следующие далее русские приписки, адресованные Л. И. Гааг и М. К. Эрн, см. выше, в основном тексте.— *Ред.*

[2] *Карлом Ивановичем* Герцен шутливо называет здесь префекта полиции Карлье, которого он просил отсрочить свою высылку из Парижа.
[3] *Мориц* — малолетний сын Адольфа Рейхеля.
[4] *Константин* — заболевший повар Герценов.

105

ЭММЕ ГЕРВЕГ

1 juin ⟨1850⟩. Paris

An Ort und Stelle... j'ai encore un délai de 15 jours. Ne me donnez pas de horions, chère Emma; je courbais toujours ma tête aux fourches caudines des nécessités — donc je continue. L'affaire va très mal; à ce qu'il paraît les autorités de Wurtemberg n'ont aucune autorité.— Je ne resterai pas les 15 jours à Paris, dès que Rotschild aura reçu une réponse définitive — je m'embarque. Pour toucher Nice, votre main, votre cœur, et partir pour Zürich si le procès m'y oblige.— Avant mon départ je m'informerai chez Bahrmann concernant vos papiers.

Je suis las et stupide.

J'ai reçu une lettre de Kapp, il est tout enchanté de New-York. Frœbel a consacré une leçon à ma brochure [1], ce qui a donné lieu à une polémique dans les journaux allem ands⟩ de New-York — je m'en vante

et mets ma gloire transatlantique
et transouralienne à vos pieds.

Перевод:

1 июня ⟨1850 г.⟩. Париж

An Ort und Stelle*... мне дали отсрочку еще на две недели. Не награждайте меня тумаками, дорогая Эмма, я всегда склонял голову перед кавдинскими ущельями необходимости. Итак, продолжаю. Дело обстоит очень плохо, вюртембергские власти, повидимому, не имеют никакой власти.— Я не проживу в Париже двух недель. Как только Ротшильд получит окончательный ответ, я отбываю, чтобы тронуться в Ниццу, дотронуться до вашей руки, тронуть ваше сердце и уехать в Цюрих, если этого потребует процесс.— До отъезда справлюсь у Бармана о ваших бумагах.

Я устал и отупел.

Получил от Каппа письмо, он в восхищении от Нью-Йорка. Фрёбель посвятил одну лекцию моей брошюре [1], что вызвало полемику в немецких газетах, выходящих в Нью-Йорке.— Хвалюсь этим

и слагаю свою заокеанскую
и зауральскую славу к вашим ногам[1].

[1] См. примеч. 2 к письму № 102.

106

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ Le 2 juin ⟨1850⟩

A toi, cher George, deux mots. Attends un peu la réponse de Stuttgart, et pars pour Nice, je te conjure. Emma est trop malheureuse là, et moi, je suis déchiré par la pensée que c'est pour mon affaire que tu restes.— Tu ne feras rien et personne ne fera rien.— Sois maudite cette demi-année perdue en ignobles tracasseries. — C'est un parti pris de ruiner les hommes ennemis au gouvernement.

Et, sacré nom de dieu, perdre d'un seul coup... on le fait avec courage. on s'oriente, mais être sucé par goutte, traîné des mois, trompé, trahi peut-être — c'est au-dessus des forces humaines.

Je reste ici seulement pour savoir des nouvelles des 80 000 fr⟨ancs⟩. — L'affaire du billet, je la laisse à la providence et aux prières de St. Ignace.

* На месте (нем.). Здесь в смысле: «Все еще на месте».

L'idée me vient quelquefois — si notre chargé d'affaires à Mos⟨cou⟩ n'est pas un espion[1]. Il a été honnête homme, mais... mais *tempora mutantur*.— Fais un dernier effort, écris à Stuttgart, promets beaucoup d'argent et expose la nouvelle affaire, comment peut-on *confisquer* l'argent envoyé à une Wurtembergeoise qui n'a jamais été ni jugée, ni sous une enquête.

Weiter, muß man fordern, daß man wenigstens die Renten schickt vom Billet, alle Prozente die jetzt eine große Summe machen.

Et cela sera le dernier effort — je ne peux rien faire. Lorsqu'on a des mulets de frère, et des taupes de chargé d'affaires — il faut se résigner. Je crois même que le ministre à Stut⟨tgart⟩ est un énorme Jean f⟨...⟩u et que Nesselrode l'a tout bonnement intimidé.

Il fallait envoyer quelqu'un en Russie — mais qui, mais comment faire?

Егору Федоровичу.

Рукой Н. А. Герцен:

Paris. 2 Juni

Ein herzlicher Gruß und Kuß.

N. H.

Перевод:

⟨Париж.⟩ 2 июня ⟨1850 г.⟩

Два слова для тебя, дорогой Георг. Подожди еще немного ответа из Штутгарта и поезжай в Ниццу, заклинаю тебя. Эмма слишком несчастна там, и меня терзает мысль, что ты остаешься из-за моего дела.— Ничего ты не сделаешь и никто ничего не сделает. Да будут прокляты эти полгода, потерянные в подлых хлопотах. — Очевидно решено разорять людей, враждебных правительству.

Но, чёрт возьми, когда теряешь все сразу... это переносишь мужественно, как-то приспосабливаешься, но когда из тебя высасывают все по капле, месяцами водят за нос, обманывают, а может быть предают — это выше человеческих сил.

Задерживаюсь здесь только для того, чтоб узнать, что слышно о 80 000 фр⟨анках⟩. — А дело с билетом предоставлю провидению и молитвам св. Игнатия.

Иногда у меня появляется мысль, уж не шпион ли наш московский поверенный в делах[1]. Он был честным человеком, но... но, tempora mutantur*. Сделай последнее усилие, напиши в Штутгарт, пообещай много денег и изложи суть нового дела — как это можно *конфисковать* деньги, посланные вюртембергской гражданке, ни под судом, ни под следствием никогда не состоявшей.

Затем, надо требовать, чтобы, по крайней мере, прислали проценты с билета, все проценты, которые составляют сейчас крупную сумму.

Это будет последним усилием — больше я ничего не могу сделать. Когда у тебя братец — осел, а поверенный слеп, как крот, надобно покориться необходимости. Думаю даже, что штут⟨гартский⟩ посланник — страшный болван и что Нессельроде просто-напросто его запугал.

Надо бы послать кого-нибудь в Россию. Но кого, и как это сделать?

Егору Федоровичу **.

Рукой Н. А. Герцен:

Парик. 2 июня

Сердечный привет и поцелуй.

Н. Г.

[1] Предположение Герцена о том, что Ключарев был агентом III Отделения, вероятно, не соответствовало действительности; передача документов, переписки и денежных документов Герцена III Отделению была вызвана просто трусостью.

---

* времена меняются (лат.).
** Имя и отчество написаны по-русски.— *Ред.*

107

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ Le 5 juin ⟨1850⟩

Il est difficile de te le dire, avec quel pénible sentiment de douleur j'ai lu les $\frac{3}{4}$ de tes deux lettres[1]— je dis $\frac{3}{4}$ parce que je n'avais pas le caractère de boire d'un seul trait ces 8 pages d'offenses et d'incriminations.

Une des choses qui m'a frappé c'est l'inculpation que nous avions laissé partir Emma, et que nous sommes restés à Paris. Et primo, quel mal y a-t-il qu'Emma soit à Nice et qu'elle n'ait pas fait ce voyage avec nous, ou que nous ne soyons pas venus deux jours après? Emma a beaucoup d'amitié pour nous — mais pour son existence il n'y a rien de nécessaire que d'être avec toi; si elle ne nous voit que quinze jours plus tard — ce n'est pas un grand changement.— Je savais très bien cela et je conseillais d'aller à Zurich encore au mois de mars, mais tu n'a pas voulu, tu l'a arrêtée à Paris. Survient cette maudite affaire policière.— Vraiment, c'est une tâche très facile, *post facto*, de faire des observations, comme nous les avons faites critiquant, *ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩*, toutes les révolutions. Peut-être je n'aurais pas insisté sur le départ si prompt cinq jours après, mais je demande à tout Paris, si le 20 mai on savait que le 1 juin Paris serait la ville la plus tranquille du monde [2]; j'avais la plus ferme intention de partir le 26. Les circonstances changèrent — pas le moindre danger à présent, et très grave alors. Et qui donc pouvait prévoir que tu voulais venir à Paris, un mot dans ta lettre suffisait pour arrêter le projet de voyage. Non, tu ne l'as pas dit, tu as laissé faire — pour nous dire ensuite: «On a été 3 fois chez Car⟨lier⟩ pour vous».— Et cela s'appelle amitié *plenaria*. Non, avare en protestations d'amour, je suis avare et sobre en injures, au moins de ce genre. Tu n'as donc pas compris sur quoi était basé tout mon droit de demander les délais, je suis propriétaire d'un immeuble dans la ville-même, c'est un droit très important.— Et qu'en sais-tu au fond ⟨de⟩ ce que j'ai fait et ⟨de⟩ ce que je n'ai pas fait? As-tu là un Alexis [3] qui te le raconte? Et qui donc t'a dit qu'Emma ne voulait pas partir elle aussi — *ou est-ce qu'elle dit le contraire*?

Et enfin de quoi s'agit-il? Tu vas à Stuttgart, tu me fais ce sacrifice de quelques jours et ensuite tu vas à Nice, comme nous. Emma ne pouvait pas partir dans les circonstances, elle voulait à tout prix attendre l'argent de Berlin, l'argent n'est pas venu, et elle⟨est⟩à Nice.

Que je reste ici encore 10 jours ou 8 et que c'est pour mon plaisir, c'est ridicule, je peux faire des fautes, des bêtises, mais de l'hypocrisie — non. Et enfin, connaissant un peu mon caractère, on a la possibilité de deviner qui donc m'attache à Paris — le gaz, ou Léontine, ou les *Frères Provençaux* — je n'ai personne ici, et je ne vois presque personne.

L'affaire. On pourrait ne pas s'⟨en⟩ occuper, c'est prosaïque, c'est ennuyeux. Mais je ne lâcherai pas cette puissance de mes mains — j'en ai besoin, je ne veux pas me désarmer.— Eh bien. Est-ce que Gasser n'avait pas écrit il y a 14 jours que dans 8 *jours* la somme serait remboursée? Une semaine après il rend compte de son entrevue avec Nesselrode. L'affaire paraît être terminée, il ne faut qu'attendre quelques jours — craque. On ne légalise pas la procuration. Et ici commence la lâcheté évidente de R⟨otschild⟩ — il n'ose pas s'offenser.

D'autre côté — pas un mot sur vos démarches à Stut⟨tgart⟩, avez-vous fait quelque chose là ou non?

Dans cette indécision aller — où — à Nice? C'est à dire s'éloigner dans un coin et ne rien faire. Aller à Londres, à Zurich même serait plus facile...

et je le ferai peut-être après avoir installé ma femme à Nice. — Concer⟨nant⟩ Sch⟨om⟩b⟨ourg⟩ tu te trompes, il m'a donné un conseil que je ne t'écrirai pas à présent et que je te dirai un jour; ce conseil sera un dernier coup.

Je regrette que tu perde à présent le temps pour cette affaire — mais probablement votre besogne de Bodensee est terminée. Va-t'en à Nice. Peut-être le beau ciel de l'Italie[4] te guérira de cette injuromanie — c'est

«ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРЯПНЯ». КАРИКАТУРА НА ВВЕДЕНИЕ ЗАКОНА ОТ 31 МАЯ 1850 г., РЕЗКО ОГРАНИЧИВАВШЕГО ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ПРАВА ФРАНЦУЗСКИХ ГРАЖДАН

Рисунок О. Домье

Изображены члены комиссии, разработавшие закон (слева направо): Тьер, Беррье, Фоше и Моле. Подпись под рисунком: «Франция: Гм! Гм! Неважное кушанье»

«Charivari» от 13 июня 1850 г.

de la légèreté, je le fais aussi plus qu'il n'en faut, mais mes inculpations portent un autre caractère, vont plus profondément — ou ne font que sourire. Ta lettre m'a tout bonnement blessé; en cachant le nom on pourrait penser que cette lettre était adressée à Rufenacht ou à Holinsky ou même à Tardif de Mélo[5]. Emma a aussi un peu de cette habitude, — je trouve que c'est une habitude détestable.

P. S. Tu peux pour t'édifier encore sur la nécessité du départ d'Emma lui demander, comme elle craignait l'infâme R.[6] qui avait fait toute l'affaire, et qui l'avait déjà offensée une fois dans la rue. A présent, figures-toi la belle position devant la police correct⟨ionnelle⟩ et ayant un témoin à charge de cette farce d'ignominie. Qu'en dis-tu?

J'écrirai à l'instant même à Emma. Je lui enverrai une lettre de recommandation à Avigdor[7] pour avoir en cas de besoin quelqu'un.

Eh bien, quelle conséquence peut-on tirer de ce que je me sois trompé sur

l'argent de m-me Goloch⟨vastoff⟩?—On a envoyé une somme—elle est perdue, on a envoyé une autre — elle n'est pas perdue. Connais-tu le calcul des probabilités? — c'est donc $\frac{2}{2} = 1$. Même chance.

Перевод:

⟨Париж.⟩ 5 июня ⟨1850 г.⟩

Трудно передать тебе, с каким тяжелым, мучительным чувством прочел я 3/4 двух твоих писем [1], я говорю 3/4, потому что у меня не хватило характера испить единым духом эти 8 страниц оскорблений и обвинений.

Больше всего меня поразил упрек в том, что мы отпустили Эмму, а сами остались в Париже. Но, во-первых, разве это так уж плохо, что Эмма в Ницце и что она совершила эту поездку без нас, а мы не приехали два дня спустя? Эмма очень привязана к нам, но для нее необходимо только одно — быть с тобою; если она увидит нас двумя неделями позже, ничего особенного не случится.— Я очень хорошо знал это и советовал ей поехать в Цюрих еще в марте, но ты не захотел и задержал ее в Париже. Потом вдруг началась эта проклятая полицейская история.— Право, post facto* весьма легко рассуждать, как это мы делали, критикуя, ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩, все революции. Может быть, через пять дней я и не настаивал бы на таком поспешном отъезде, но спросим весь Париж: знал ли кто-нибудь 20 мая, что 1 июня Париж станет самым спокойным городом в мире [2]. У меня было самое твердое намерение ехать 26-го. Обстоятельства изменились — теперь нет ни малейшей опасности, а тогда грозила очень серьезная. И кто же мог предвидеть, что ты захочешь приехать в Париж? Стоило тебе написать хоть слово, и мысль об отъезде была бы отложена. Но не тут-то было, ты ничего не написал, ты предоставил всему идти своим чередом, чтобы потом заявить нам: «Для вас трижды ходили к Кар⟨лье⟩».— И это называется дружбой plenaria**. Нет, скупой на уверения в любви, я столь же воздержан и скуп на оскорбления, по крайней мере такого рода. Ты не понял, значит, на чем основывалось все мое право требовать отсрочки: я владею недвижимым имуществом в самом Париже,— это очень важное право.— И много ли ты, в сущности, знаешь о том, что я делал и чего не делал? Уж нет ли у тебя Алексиса [3], который тебе это рассказывает? И кто тебе сказал, что Эмма тоже не хотела ехать — *или она утверждает обратное*?

И, наконец, в чем дело? Ты поедешь в Штутгарт, ты пожертвуешь для меня несколькими днями, а затем отправишься в Ниццу, как и мы. Эмма не могла бы выехать при создавшихся обстоятельствах: она хотела во что бы то ни стало дождаться денег из Берлина, но деньги не пришли, а она в Ницце.

Говорить, что я остаюсь здесь еще на 10 — 8 дней только для собственного удовольствия, смешно. Я могу наделать ошибок, глупостей, но на лицемерие я не способен. И наконец, зная хоть немного мой характер, можно догадаться, что удерживает меня в Париже, —газ, Леонтина или «Провансальские братья»,— никого у меня здесь нет и я почти ни с кем не вижусь.

О деле. Им можно было бы и не заниматься, это прозаично, это скучно. Но я не выпущу из рук этой силы, мне она нужна, я не хочу складывать оружие.— Так вот. И разве Гассер не писал две недели назад, что через *неделю* деньги будут уплачены? Неделю спустя он дал отчет о своей встрече с Нессельроде. Казалось, дело закончено, нужно было подождать только несколько дней — трах! Не заверяют доверенности. И тут обнаруживается явная трусость Р⟨отшильда⟩, он не смеет оскорбиться.

С другой стороны, ни слова о ваших хлопотах в Штут ⟨гарте⟩. Сделали ли вы там что-нибудь или нет?

При такой неопределенности ехать — куда — в Ниццу? Иначе говоря, забиться в угол и ничего не делать. Легче было бы поехать в Лондон, даже в Цюрих,— может быть, я так и сделаю, когда устрою жену в Ницце.— Относительно Ш⟨ом⟩б⟨ург⟩ ты ошибаешься. Он дал мне совет, о котором я тебе сейчас ничего не пишу, расскажу как-нибудь, этот совет будет последним ударом.

---

* задним числом (искаж. лат.).
** безграничной (лат.).

Мне жаль, что ты тратишь сейчас время на это дело, но, вероятно, ваши бодензейские труды уже закончены. Ступай же в Ниццу. Быть может, прекрасное небо Италии [4] излечит тебя от твоей мании браниться — это легкомыслие, я тоже грешу этим и больше, чем надобно, но мои обвинения носят иной характер — они либо проникают глубже, либо вызывают только улыбку. А твое письмо меня просто оскорбило. Если скрыть имя, то можно подумать, что письмо адресовано Руфенахту или Голынскому или даже Тардифу де Мело [5]. Да и Эмме не чужда эта привычка, а я нахожу, что это отвратительная привычка.

P. S. Чтобы лучше убедиться в необходимости отъезда Эммы, можешь спросить у нее, как она боялась негодяя Р. [6], который затеял все дело и уже оскорбил ее однажды на улице. Теперь вообрази, в каком красивом положении она бы очутилась перед исправительной полицией, имея в этом позорном фарсе подобного свидетеля со стороны обвинения. Что ты на это скажешь?

Я тотчас же напишу Эмме. Я пошлю ей рекомендательное письмо к Авигдору [7], чтобы в случае нужды у нее было к кому обратиться. Ну, а какой вывод, можно сделать из того, что я ошибся относительно денег госпожи Голох⟨вастовой⟩? Какую-то сумму послали — она пропала, послали другую — она не пропала. Знаком ли ты с теорией вероятностей? — ведь $\frac{2}{2} = 1$. Шансы одинаковы.

[1] Одно из этих писем — очевидно датированное Лемке «маем 1850 г.» (см. XIV, 77—78). Гервег уверял в нем Герцена и Наталью Александровну, что сердце его наполнено желчью против них за новую отсрочку отъезда из Парижа. Он требовал, что бы Герцен скорей кончал «этот фарс с деньгами», уверяя, что успех в тяжбе с русским правительством совершенно немыслим, и высказывал подозрение, что Герцен нарочно выдумывает разные предлоги, чтобы подольше оставаться в Париже.

[2] 31 мая 1850 г. французское правительство, напуганное результатами последних выборов, отменило всеобщее избирательное право. Это нарушение конституции не вызвало революционного протеста Горы и буржуазных республиканцев, призывавших народ к сохранению «величавого спокойствия». «Демократы, которые так революционно волновались и кипели во время конституционной избирательной борьбы,— писал Маркс,— теперь, когда следовало с оружием в руках доказать серьезное значение своей избирательной победы, столь же конституционно проповедовали порядок, величавое спокойствие (calme majestueux), законный образ действий, т. е. слепое подчинение воле контрреволюции, именовавшей себя законом» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, М. 1957, стр. 164). Именно об этом спокойствии, воцарившемся в Париже, говорит здесь Герцен.

[3] Об *Алексисе* см. в письме № 90.

[4] Ницца тогда принадлежала Италии.

[5] О *Руфенахте* и *Голынском* см. в письмах №№ 16 и 52.— *Тардиф де Мело* — приятель Н. И. Сазонова, французский литератор и переводчик с русского, автор книги «Histoire intellectuelle de l'Empire de Russie», Париж, 1854. Герцен относился к Тардифу де Мело весьма иронически и называл его «полуповрежденным» (см. изд. АН, т. X, стр. 324).

[6] Как выясняется из письма Н. А. Герцен к Э. Гервег от июня 1850 г., речь здесь идет о каком-то негодяе по фамилии Rode.

[7] *Авигдор* — ницкий банкир.

108

ЭММЕ ГЕРВЕГ

Le 5 juin ⟨1850⟩. Paris

Je me proposais de vous écrire une lettre charmante, avec calembours sots, piquée d'anecdotes... et même de quelques observations contre votre lettre d'hier, lorsque j'ai reçu une philippique de Georges qui m'a d'autant plus révolté que je ne l'attendais pas le moins du monde [1]. Comme je vous envoie la lettre, je n'ai pas besoin de faire beaucoup de commentaires — mais je vous dirai que c'est une étrange manière d'aimer ses amis à condition de les souffleter lorsqu'on sent une démangeaison dans la main droite.—C'est *L'amour et la cravache,* vaudev⟨ille⟩ du théâtre Montansier [2].

La fine fleur de la lettre est l'accusation que je vous ai poussée à partir pour Nice — et que je reste encore à Paris. Dieu des dieux, vous savez toutes les circonstances (et lui aussi), j'ai agi comme ami, comme frère — je n'étais

nullement tranquille sur votre compte, avant votre départ,— j'en ai parlé à Haug, à Bernad⟨cky⟩. Cet infâme R⟨ode⟩ après votre scène avec l'Allemand pouvait faire des choses diablement blessantes. Oui, je vous poussais hors de Paris — et j'ai bien fait. Et ensuite, quel mal s'en est suivi? — que vous êtes séparée de nous pour 20 jours. J'estimais toujours votre franchise, eh bien dites-le moi — est-ce que c'est cela qui vous préoccupe? Je suis sûr que vous nous aimez, que vous voudrez nous voir — mais la question pour vous n'est pas là.

George me fait le sacrifice à présent de quelques jours — eh bien, ne me les reprochez pas. Je ferai mon possible pour l'engager à terminer au plus vite.

Vous êtes à présent sans argent,— mais je serais allé chez votre chargé d'affaires, mais vous ne m'avez rien écrit — où le trouver. Pouvez-vous attendre jusqu'à notre arrivée? — Voilà ce que vous ferez *.

Nous partons le 15.— Je ne comprends rien dans le conseil que vous me donnez d'aller à Zurich avec ma femme et ensuite à Nice — en ajoutant que le voyage à Nice *est très long*; mais est-ce qu'il sera plus court si on va par Zurich ou par Berlin... voilà cette logique dont les lois m'échappaient toujours.— Ne vous fâchez pas si je ne suis pas tout à fait convaincu de la nécessité de faire deux voyages immenses pour obvier ⟨à⟩ un seul très long, mais plus court que les deux ensemble.

Donnez votre main et rions-en de nos projets, conseils etc. Il y a un fatum, fatalité ou Ἀνάγκη — qui brouille les cartes, débrouille les cartes. *E sempre bene.*

Je vous envoie 200 francs par Avigdor, c'est encore mieux, envoyer les prendre chez lui; et si vous n'en avez pas besoin, vous me les remettrez.

Alessandro furioso

Je n'envoie pas la lettre de Georges.

Перевод:

5 июня ⟨1850 г.⟩ Париж

Я собирался написать вам очаровательное письмо, начиненное глупыми каламбурами, анекдотами... и даже некоторыми соображениями по поводу вашего вчерашнего письма, как вдруг получил от Георга филиппику, которая меня тем более возмутила, что я меньше всего ее ожидал[1]. Я пересылаю вам это письмо и освобождаю себя от необходимости в подробных комментариях. Должен сказать, однако, что это довольно странная манера любить своих друзей при условии, что будешь давать им пощечины, всякий раз, как у тебя зачешется правая рука.— Это «L'Amour et la cravache»**, водевиль театра Монтансье[2].

Соль письма — обвинение меня в том, что я побудил вас ехать в Ниццу, а сам до сих пор в Париже. Господи боже мой, ведь вы знаете все обстоятельства (да и он тоже), я поступил как друг, как брат. Пока вы оставались здесь, я отнюдь не был за вас спокоен, я говорил об этом Гаугу, Бернац⟨кому⟩. Негодяй Р., после вашей сцены с немцем, был способен черт знает на какие оскорбления. Да, я гнал вас из Парижа, и хорошо делал. И потом, что плохого от этого произошло? — Вы разлучены с нами на 20 дней. Я всегда ценил вашу искренность, так скажите же мне — разве это именно то, что вас заботит? Я уверен, что вы нас любите, что вы хотели бы нас видеть, но вопрос для вас не в этом.

Георг жертвует мне теперь несколько дней, не упрекайте же меня за это. Я сделаю все возможное, чтоб уговорить его поскорее покончить с делом.

---

* *Далее зачеркнуто:* J'ai envoyé une lettre à la maison de banque de *M. Avigdor*, une lettre, où je le prie de vous être agréable etc., je crois qu'il peut même aller jusqu'à vous donner quelques centaines de francs, en général il peut être utile.— *Ред.*

** «Любовь и хлыст» (франц.).

В настоящее время вы без денег — я, конечно, сходил бы к вашему поверенному, но вы не написали, где его найти. Можете ли вы подождать до нашего приезда? А вы вот что сделайте*.

Мы уезжаем 15-го. Не понимаю, почему вы мне советуете ехать с женой в Цюрих, а затем в Ниццу — добавляя, что путь в Ниццу *слишком долог*, но разве он станет короче, если ехать через Цюрих или Берлин?— вот логика, законы которой от меня всегда ускользали. Не сердитесь же за то, что я не совсем уверен в необходимости совершить два бесконечно долгих путешествия, чтобы избежать одного очень продолжительного и все же более короткого, чем два других, вместе взятых.

Вашу руку и посмеемся над нашими планами, советами и т. д. Существует фатум, рок или Ἀνάγκη**, которая путает и распутывает карты. E sempre bene***.

Посылаю вам 200 франков через Авигдора, так еще лучше; пошлите за ними, а если они вам не нужны, вы мне вернете их.

Alessandro furioso****

Письмо Георга не посылаю.

[1] См. примеч. 1 к предыдущему письму.

[2] Герцен имеет в виду водевиль «Le jeu de l'amour et de la cravache» («Игра любви и хлыста») Анисе Буржуа, Альфонса Руайе и Нарея, представленный в парижском театре Монтансье при участии известного артиста Левассора. По словам анонимного рецензента журнала «Charivari», авторы водевиля пытались доказать зрителям, что чем более муж колотит свою жену, тем сильней она его любит («Charivari», № 153 от 2 июня 1850 г.).

109

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ 8 juin ⟨1850⟩

Tout ce que tu as fait, tu ⟨l'as⟩ fait parfaitement bien (à l'exception de la lettre que tu m'as écrite). L'affaire donc n'est pas si facile — comme tu le vois toi-même.

L'identité (o Schelling, toi le *maestro der Identitätslehre*) — se prouve encore par le très illustre titre de *Hofrat*, et parce que je suis inscrit au livre de la noblesse *du gouvernement de Moscou* et propriétaire dans le gouv⟨ernement⟩ *de Kostroma*; le diplôme est resté à Moscou, je le ferai venir.

Weiter,— sollten Sie mir den Rat geben, so werde ich bei Rotschild die Zurückgabe des Billets fordern, aber es ist immer bedenklich solche Sachen durch die Post zu schicken. Geben Sie ihre Meinung. Heute ist der 8, also kann ich eine Antwort den 12 oder d⟨en⟩ 13 bekommen.

Jetzt habe ich nichts in Paris zu machen.

Weder Gasser noch Sch⟨ombourg⟩ sind das, was du meinst, aber der R⟨otschild⟩ nachdem er Kisseleff gesehen hat, ist verflucht abscheulich geworden[1]. Ich habe alle Briefe von Gasser gelesen — er ist wütend über diese Geschichte und beleidigt; weil auch sein Endossement da ist. Der andre[2] ist nicht beleidbar der letzte Makabeer.

Ich möchte dir doch eine gute Phrase schreiben — aber ich bin bis jetzt sehr böse über deinen Brief.

Et vive nos ennemis, les amis![3]

Егору Васильевичу.

---

* *Далее вачеркнуто*: Я отослал в банкирский дом г-на Авигдора письмо, в котором прошу его оказать вам любезность и т. д. Я думаю, что он пойдет даже на то, чтобы дать вам несколько сот франков, вообще он может быть полезен.

** Судьба (греч.).

*** И все к лучшему (итал.).

**** Неистовый Александр (итал.).

Перевод.

<Париж.> 8 июня <1850 г.>

Все, что ты сделал, сделал превосходно (за исключением письма, которое ты мне написал). Дело-то, как ты сам видишь, не такое уже легкое.

Тождество моей личности (о Шеллинг, о maestro der Identitätslehre*) подтверждается и блистательным званием *надворного советника*, равно как и тем, что я внесен в дворянскую книгу *Московской губернии* и являюсь помещиком *Костромской* губернии; диплом остался в Москве, я выпишу его сюда.

Далее, —если вы мне это посоветуете, я буду требовать у Ротшильда возвращения билета, но всегда рискованно посылать такие вещи по почте. Сообщите ваше мнение. Сегодня 8-е, стало быть, я могу получить ответ 12-го или 13-го.

Теперь мне в Париже нечего делать.

Гассер и Ш<омбург> — совсем не то, что ты о них думаешь, а вот Р<отшильд>, после того, как повидался с Киселевым, стал до черта противен[1]. Я читал все письма Гассера — он взбешен этой историей и обижен, так как на билете стоит и его передаточная надпись. Другой же[2] — тот не обидчив — наш последний из Маккавеев.

Мне хотелось бы все же написать тебе несколько добрых слов, но я до сих пор еще очень зол на твое письмо.

Et vive nos ennemis, les amis!**[3]

Егору Васильевичу. ***

[1] В «Былом и думах» Герцен следующим образом передает свой диалог с Ротшильдом, после встречи с ним русского посланника:

«— Кстати,— сказал он мне, останавливая меня,— я вчера говорил о вашем деле с Киселевым. Я вам должен сказать, вы меня извините, он очень невыгодного мнения о вас и вряд ли сделает что-нибудь в вашу пользу.

— Вы с ним часто видаетесь?

— Иногда, на вечерах.

— Сделайте одолжение, скажите ему, что вы сегодня виделись со мной и что я самого дурного мнения о нем, но что с тем вместе никак не думаю, чтоб за это было справедливо обокрасть его мать.

Ротшильд расхохотался; он, кажется, с этих пор стал догадываться, что я не „prince russe“ ****...» (изд. АН, т. X, стр. 137—138).

[2] *Другой* — т. е. Ротшильд.

[3] Несколько измененное выражение Беранже в его песне «L'opinion de ces demoiselles» («Мнение этих девиц», 1815): «Viv' nos amis, nos amis les enn'mis!» («Да здравствуют наши друзья, наши друзья-враги!»).

110

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

<Paris.> Le 11 juin <1850>

Tu es, cher George, tout à fait comme Ney, le brave des braves, tu ne te rends jamais et tu fais bien. Tu as tort — mais il n'y a pas de raison d'en convenir; enfin, moi de guerre lasse, je cèderai — car répéter pour la 500 fois les mêmes arguments c'est acheter une justification à un prix énorme.— Tu écris que tu portes haut la tête et le cœur,— moi aussi; mais quelquefois je les porte très humbles, c'est nommément quand j'ai tort, quand, entraîné par un mouvement passionné, j'offense mes amis; tu veux absolument avoir raison et en manquant tu prends par les sentiments, tu ris et tu pleures — pour ne pas être forcé de convenir que tu avais tort. Ce n'est pas moi le premier qui l'aie remarqué; Emma aussi bien que moi et avant moi. En moi tu trouveras toujours une résistance acharnée.— L'autre jour je

---

* мастер ученья о тождестве (итал. и нем.).

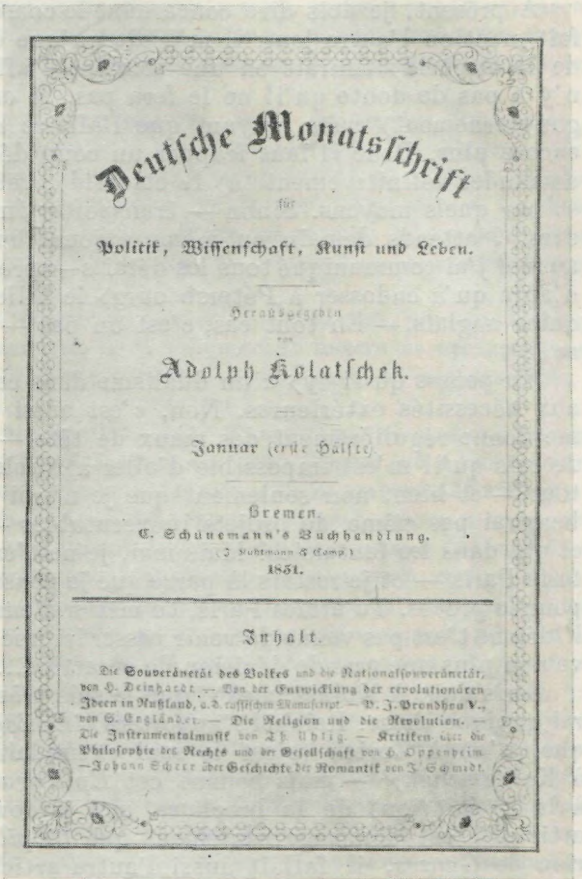
** И да здравствуют наши враги-друзья! (франц.).

*** Имя и отчество написаны по-русски.— *Ред.*

**** русский князь (франц.).

ЯНВАРСКАЯ КНИГА ЖУРНАЛА А. КОЛАЧЕКА «DEUTSCHE MONATSSCHRIFT FÜR POLITIK, WISSENSCHAFT, KUNST UND LEBEN» НА 1851 г. ЗДЕСЬ БЫЛО ВПЕРВЫЕ НАПЕЧАТАНО «О РАЗВИТИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИДЕЙ В РОССИИ»

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Москва



Deutsche Monatsschrift

für

Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben.

Herausgegeben

von

Adolph Kolatschek.

Januar (erste Hälfte)

Bremen.

C. Schünemann's Buchhandlung.

(J. Kühtmann & Comp.)

1851.

Inhalt.

Die Souveränetät des Volkes und die Nationalsouveränetät, von H. Reinhardt. — Von der Entwicklung der revolutionären Ideen in Rußland, a. d. russischen Manuscript. — V. J. Prondhon V., von S. Engländer. — Die Religion und die Revolution. — Die Instrumentalmusik von Th. Uhlig. — Kritiken über die Philosophie des Rechts und der Gesellschaft von H. Oppenheim. — Johann Scherr über Geschichte der Romantik von J. Schmidt.

n'étais pas fâché, j'étais affligé par ta lettre, je sais que tu devais revenir toi-même; mais cela n'est pas assez d'avoir le désir de frapper — pour frapper; tu es trop habitué aux concessions amicales,— moi je ne peux le faire, avec toute mon amitié, c'est contre ma nature.

Pour mettre sur un autre terrain la question, moi je demande où fallait-il aller, quand? — Est-ce que tu as jamais écrit qu'il fallait venir à Zurich, la seule chose possible pour nous réunir, moi je l'ai proposée, mais Zurich te déplaisait comme ville,— votre voyage à Stuttg⟨art⟩ n'était-il pas nécessaire, et il n'y a que 3 jours que vous l'avez terminé. Quand fallait-il donc aller? Si tu n'as pas gardé toutes mes lettres, au moins rappelle-toi les réponses de Gasser, chaque semaine se terminait par une promesse.

L'affaire entière a été traitée de facile au commencement, eh bien, tu vois à présent que le ministre ne peut pas même obtenir de reponse de l'ambassadeur. Et que Rot⟨schild⟩ ne fait rien contre, mais ne fait rien pour. Quelle serait donc la folie de quitter une affaire entamée, sans même connaître l'état dans lequel on la laisse.

Pourquoi me fais-tu répéter tout cela? Je n'avais d'autre manière d'agir. Enfin on me renvoie de Paris,— toute la maison ⟨est⟩ malade, mais vers le 1 juin je pouvais partir, non pas pour te rejoindre, mais pour aller à Nice — eh bien, Rot⟨schild⟩ lui-même était tellement persuadé vers la fin du mois de mai que l'affaire allait se terminer — qu'il a ordonné d'acheter des papiers amér⟨icains⟩ pour ma mère, que la police a eu l'évidence de la nécessité de rester quelques jours encore.

A présent, je dois dire concernant le conseil de S⟨chombourg⟩ dont j'ai fait mention l'autre jour; il m'a dit qu'une démarche énergique de la part de R⟨otschild⟩ finirait en une semaine l'affaire et en même temps qu'il n'y a pas de doute qu'il ne le fera pas. Si on perd le temps à présent, le gouv⟨ernement⟩ russe, voyant que l'affaire n'est pas poussée, s'acharnera encore plus. Donc il faut frapper un coup décisif, le coup décisif serait de demander définitivement ⟨à⟩ R⟨otschild⟩, veut-il continuer ou non l'affaire, et par quels moyens. Sinon — transporter immédiatement l'affaire à Londres. J'attends demain ou même aujourd'hui la réponse de Bamberger, auquel j'ai communiqué tous les détails—après avoir fait le transfert. Gasser n'aura qu'à endosser à Pétersb⟨ourg⟩ le billet au nom désigné par le banquier anglais.— En tout cas, c'est un pas — et qui ne serait pas fait sans moi.

Tu penses qu'il ⟨y⟩ a un dualisme dans ce que je dis que je me soumets aux nécessités extérieures. Non, c'est aussi du réalisme; le vin de Xérès me donne régulièrement des maux de tête — eh bien, je ne le prends pas. Je sais qu'il m'est impossible d'aller à Naples,— j'aime Naples par-dessus tout — et bien, non seulement que je n'irai pas à Naples, mais je ne me bercerai pas même de projets inéxecutables — qui donc est dans la réalité et qui dans les fantaisies? Mais moi, je ne t'en veux pas pour cela.— Je déteste Paris — et je restais là parce que je pensais pouvoir faire quelque chose pour le procès. Tu aimes Paris, tu meurs d'ennui à Zurich et pendant 6 mois l'idée ne t'est pas venue de venir passer ici une semaine ou deux; cela ne prouve non plus une grande décision de caractère... Je crois qu'il suffit.— *Amen.*

Ecris donc à Kolats⟨chek⟩ que je suis très flatté etc et que je lui enverrai quelque chose. Reichel t'apportera l'*Epilogue*, tu peux le faire copier par quelqu'un à Zurich (c'est le seul exemplaire) et envoyer sans traduire à Kol⟨atschek⟩[1] — mais comme cet *Epil⟨ogue⟩* a déjà été promis par Kapp à la 2⁰ édit⟨ion⟩ de la brochure, moi je donnerai à Campe encore un petit article. C'est dommage seulement que l'*Epilogue* à lui seul ne présente rien de *Ganzes*, il fallait aussi l'autre article[2]. Ou s'il veut attendre, je lui écrirai de Nice quelques «*actualia*».

Proposition:

1) M'attendre à Zurich, aller avec moi à Londres, de Londres à Lisbonne, Cadix, Sicile, Malte, Gênes et Nice.

2) Venir à Nice, faire le même voyage *vice versa* et retourner par Zurich.

Qu'en pensez-vous, cela m'occupe fortement. Londres peut devenir indispensable.

Егору Федор⟨овичу⟩.

☞ J'irai à Londres et je viendrai te chercher, si tu ne viens pas à Nice. *Vide* la lettre de ma mère[3].

Перевод:

⟨Париж.⟩ 11 июня ⟨1850 г.⟩

Дорогой Георг, ты совсем как этот храбрец из храбрецов Ней, ты никогда не сдаешься и хорошо делаешь. Ты неправ, но убедить тебя в этом невозможно; словом, после долгого сопротивления я готов уступить, ибо повторять в 500-й раз одни и те же аргументы значит купить оправдание непомерно дорогой ценой. Ты пишешь, что несешь высоко и голову и сердце,— я тоже; но иногда я несу их весьма смиренно, а именно тогда, когда я неправ, когда в порыве страсти оскорбляю своих друзей. Ты хочешь во что бы то ни стало быть правым, и когда это тебе не удается, ты начинаешь играть на чувствах, смеешься, плачешь — лишь бы не быть вынужденным признать свою ошибку. Не я первый это заметил: так же как я и до меня заметила это Эмма. У меня ты всегда встретишь ожесточенное сопротивление. — Но в тот

раз я не рассердился, я был удручен твоим письмом, я знаю, что ты и сам бы одумался. Но чтобы ударить — недостаточно одного желания ударить; ты слишком привык к дружеским уступкам, а я, при всех моих дружеских чувствах, не могу пойти на это: это противно моей натуре.

Но поставим вопрос иначе: я тебя спрашиваю, куда же надобно было ехать и когда? — Разве ты хоть раз написал, что нужно ехать в Цюрих? Эту единственную для нас возможность встретиться я предлагал, но Цюрих не нравился тебе как город. А ваша поездка в Штутг⟨арт⟩ — разве она не была нужна, и только три дня назад вы ее завершили. Когда же надобно было ехать? Если ты не сохранил всех моих писем, то припомни хотя бы ответы Гассера, каждая неделя заканчивалась обещанием.

Вначале дело представлялось легким, ну а теперь — ты видишь, что даже министр не может добиться ответа от посланника. А Рот⟨шильд⟩ ничего не предпринимает ни за, ни против. Ведь было бы безумием оставить начатое дело, не выяснив даже, в каком положении его бросаешь.

Зачем ты заставляешь меня повторять все это? Я был лишен возможности поступать иначе. Наконец, меня высылают из Парижа, все дома больны, но к 1 июня я мог бы уехать, однако не с тем, чтобы присоединиться к тебе, а чтобы отправиться в Ниццу — ведь сам Ротшильд в конце мая был настолько уверен, что дело близится к концу, что даже распорядился купить для моей матери америка⟨нские⟩ акции, и полиции было очевидно, что мне необходимо задержаться здесь еще на несколько дней.

Теперь я должен рассказать о том совете Ш⟨омбурга⟩, о котором упомянул в прошлый раз. Ш⟨омбург⟩ сказал, что энергичные меры со стороны Р⟨отшильда⟩ помогли бы закончить дело в одну неделю, но в то же время можно не сомневаться, что тот их не предпримет. Если упустить теперь время, то русское прав⟨ительство⟩, увидя, что дело не двигается с места, будет еще больше упорствовать. Следовательно, нужно нанести решительный удар. Таким решительным ударом было бы потребовать от Р⟨отшильда⟩ окончательного ответа — хочет ли он продолжать дело или нет, и какими средствами. Если нет, немедленно перевести дело в Лондон. Жду завтра или даже сегодня ответа от Бамбергера, которому я сообщил все подробности. После перевода дела в Лондон, Гассеру останется только сделать в Петерб⟨урге⟩ передаточную надпись на билете на имя лица, указанного английским банкиром. Во всяком случае, это шаг вперед — и без меня он не был бы сделан.

Ты усматриваешь дуализм в моих словах, когда я говорю, что подчиняюсь внешней необходимости. Нет, это тоже реализм, — херес постоянно вызывает у меня головную боль, ну что ж, я не пью его. Я знаю, что мне нельзя ехать в Неаполь, а я люблю Неаполь больше всего на свете, — так вот, я не только не поеду в Неаполь, но не стану даже лелеять этот невыполнимый план. Кто же из нас живет в мире реальном и кто в мире фантазии? Но я не сержусь на тебя за это. Я ненавижу Париж, но я оставался здесь, ибо думал, что могу что-то сделать для процесса; ты любишь Париж — ты умираешь от скуки в Цюрихе, а за полгода тебе не пришла в голову мысль приехать сюда на недельку или на две; это также отнюдь не свидетельствует о большой решительности твоего характера... Думаю, что достаточно. — Аминь.

Напиши же Колач⟨еку⟩, что я весьма польщен и т. д. и что я ему пришлю кое-что. Рейхель привезет тебе «Эпилог», дай его кому-нибудь в Цюрихе переписать (это единственный экземпляр) и отошли, не делая перевода, Кол⟨ачеку⟩[1]. Но так как Капп уже обещал «Эпилог» для 2-го издания брошюры, я дам Кампе еще небольшую статейку[2]. Жаль, только, что «Эпилог» сам по себе не представляет нечто Ganzes*. Надо было бы также и другую статью. Если же он согласен ждать, я напишу ему из Ниццы какие-нибудь «actualia»**.

Предложение:

1) Ждать меня в Цюрихе, ехать со мной в Лондон, из Лондона в Лиссабон, Кадикс, Сицилию, Мальту, Геную и Ниццу.

---

* цельное (нем.).

** статьи на темы дня (лат.).

2) Приехать в Ниццу, проделать то же путешествие vice versa* и вернуться через Цюрих.

Что вы об этом думаете? Меня это очень занимает. Поездка в Лондон может оказаться совершенно необходимой.

Егору Федоровичу **.

☞ Я поеду в Лондон и заеду за тобой, если ты не приедешь в Ниццу. Vide*** письмо моей матери.

[1] «Эпилог 1849» появился в журнале Колачека «Deutsche Monatsschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben», 1850, № 12, S. 463—472. Незадолго до того он был напечатан в «New-Yorker Abendzeitung». По-видимому, Гервег сам снял копию с рукописи Герцена для отправления Колачеку (см. «Der Freiheit eine Gasse. Aus Leben und Werk Georg Herweghs». Herausgegeben von Bruno Kaiser. Berlin, 1948, S. 217—220). Не исключена возможность, что Гервег был переводчиком этой статьи на немецкий язык.

[2] Герцен, вероятно, намерен был послать Кампе для включения во второе издание «Vom anderen Ufer» свою статью «Omnia mea mecum porto».

111

ЭММЕ ГЕРВЕГ

⟨Paris.⟩ Le 11 juin ⟨1850⟩

Hier depuis le matin on a commencé à porter chez moi les lettres que vous avez eu la bonté de m'adresser du 5 juin sous toutes les enveloppes possibles et sur les adresses les plus variées. Je les ai reçues comme vous pouvez penser avec un plaisir qui dépasse toutes les limites, d'autant plus que j'avais une migraine des deux côtés de la tête. Tout ce qui est faisable sera fait.— C'est un peu bête mais ne présente pourtant rien de grave.— Nous partons le 15, samedi. Edmond aussi: je l'ai justifié moi-même, mais que voulez-vous, la faiblesse est aussi; un vice.

George sent, à ce qu'il paraît, qu'il a tort, parce qu'il cherche par tous les moyens de me prouver que c'est moi qui ai eu tort.— Vous savez que chez lui cela veut dire qu'il s'excuse.

Je pense déjà d'aller de Nice à Londres par Cadix!.. Je ne ferai rien de tout cela.

Et bien, à bientôt et vivez en paix, et dieu vous garde des cousins et des moucherons.

Herrn Junker Horaz meine Empfehlung, so wie auch der gnädigen Frau Ada.

Перевод:

⟨Париж.⟩ 11 июня ⟨1850 г.⟩

Вчера с утра стали приходить ваши письма, которые вы, начиная с 5 июня, столь любезно адресовали мне во всевозможных конвертах и по самым разнообразным адресам[1]. Как вы сами понимаете, их получение доставило мне безмерное удовольствие, тем более, что у меня была двухсторонняя мигрень. Все, что можно сделать, будет сделано. — Это немного глупо, но не представляет, однако, никаких трудностей. Мы едем 15-го в субботу. Эдмон тоже; я и сам его оправдал, но как хотите, а слабость — тоже порок.

Георг, как будто, чувствует свою неправоту, ибо всячески старается доказать мне, что именно я был во всем виноват. — Вы ведь знаете, у него это означает извинение.

Я уже подумываю о том, чтобы поехать из Ниццы в Лондон через Кадикс!.. — Ничего этого я не сделаю.

Итак, до скорого свидания, мир вам, и да хранит вас господь от комаров и мошек****.

Почтение благородному господину Горасу, равно как и милостивой государыне Аде.

---

* в обратном направлении (лат.).

** Имя и отчество написаны по-русски.—*Ред.*

*** Смотри (лат.).

**** Каламбур: «cousin» — по-французски «комар» и «кузен»; «moucheron» — «мошка» и «мальчуган». На французском арго слово «mouche» («mouchard») означает также «шпион».

112

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

<Тоннер. 17 июня 1850 г.>

Medice, cura te ipsum!

Dès que j'eus terminé mes affaires, je me suis mis dans un wagon, et nous sommes à Tonnerre. Je ne croyais pas que notre départ fut nécessaire ou utile avant, pas même trop agréable. A présent comme je laisse les affaires, je ne puis rien ajouter — je me hâtais lentement, mais je suis en route.

Ce papier infâme a été acheté par Reichel pour toi, il n'y a pas de dérision plus amère que d'acheter quelque chose d'ignoble comme ce papier, mais il faut l'excuser. Le dernier temps il avait des symptômes d'hydrophobie très prononcés.

Avant mon départ on m'avait invité à un petit dîner, où nous avons passé notre temps jusqu'à 4 heures du matin [1].

Adieu. Je voudrais dire *au revoir* — mais comme je ne sais pas quand tu viendras — j'hésite. Pour le voyage à Londres, il ne pourra s'effectuer que dans 2 mois.

Summa mea pietate

А. Н.

Перевод:

<Тоннер. 17 июня 1850 г.>

Medice, cura te ipsum*.

Покончив с делами, я тотчас же сел в вагон, и вот мы в Тоннере. До сих пор я не считал, чтобы наш отъезд был необходим, полезен и даже особенно приятен. Теперь, когда я бросил дела, ничего не могу к этому прибавить — я поспешал медленно, но я в пути.

Эта гнусная бумага была куплена Рейхелем для тебя. Нельзя придумать более горькой насмешки, чем купить такую дрянь, как эта бумага, но надобно его извинить. В последнее время у него появились резко выраженные симптомы водобоязни.

Перед моим отъездом меня пригласили на скромный обед, за которым мы засиделись до 4 часов утра [1].

Прощай. Хотел бы сказать *до свидания*, но, не зная, когда ты приедешь,— не решаюсь. Что до поездки в Лондон, то она может осуществиться не раньше, чем через 2 месяца.

Summa mea pietate**

А. Г.

[1] У кого состоялся этот «скромный обед» — не установлено.

113

ЭММЕ ГЕРВЕГ

17 juin <1850>. Tonnerre

Dans cinq jours je me précipiterai à vos pieds avec tous mes descendants... etc. Ce n'est que le premier pas qui coûte, vous voyez qu'il est fait.

Cette lettre viendra, je crois, quelques heures plus tard que nous, peut-être je la porterai moi-même pour être plus sûr qu'elle vous parviendra.

Vous comprenez donc qu'il n'y a pas de cause de bavarder plus longtemps; nous ne faisons qu'attendre la diligence pour aller à Châlons; nous nous arrêterons à Arles. Chojecky brûle de désir de voir les vieux monuments et les jeunes filles d'Arles. Massol[1] lui a monté la tête avec les Abyssiniennes, moi je veux les enfoncer par anticipation.

Bernacky[2] a reçu votre épître. J'ai été chez lui avec ma femme et les

* Врачу, исцелися сам (лат.).

** С совершенным почтением (лат.).

enfants et il fait les honneurs de la maison «avec la grâce la plus parfaite» (style du *Monit⟨eur⟩ du soir*[3]).

Le reste.. je le garde, pour avoir quelque chose à raconter lorsque je serai où die *Zitronen blühen*[4].

А. Н.

*Рукой Ш.-Э. Хоецкого**:

Nous sommes arrivés par un temps magnifique au milieu de tonnerre, ce qui me prédispose ⟨...⟩ particulièrement de joindre à la présente l'expression de mon amitié pour vous et pour vos enfants. Dans quelques heures nous nous mettons en route pour ne nous arrêter ⟨qu'⟩à Arles, où Herzen veut voir les mines romaines à ce qu'il dit. Dieu donne que cet homme subversif n'ait pas d'autres idées! Heureusement je suis là et tant que j'y serai, la vertu n'aura qu'à s'applaudir de la manière dont nous nous conduirons à son égard.

Votre dévoué Ch. Edmond

Перевод:

17 июня ⟨1850 г.⟩. Тоннер

Через пять дней я брошусь к вашим ногам со всем своим потомством... и т. д. Труден лишь первый шаг, — как видите, он сделан.

Я думаю, что это письмо будет получено на несколько часов позже нашего приезда; может быть, я сам его доставлю, для большей уверенности, что оно до вас дошло.

Итак, вы понимаете, что незачем продолжать мою болтовню; мы ждем только дилижанса, чтобы ехать в Шалон; — мы остановимся в Арле. Хоецкий горит желанием увидеть древние памятники и юных девушек Арля. Массоль [1] вскружил ему голову рассказами об абиссинках, а я уже заранее желаю им провалиться. Бернацкий [2] получил ваше послание.

Я был у него с женой и детьми, он встретил нас радушно и «с изысканной любезностью» (стиль «Moniteur du Soir»[3]).

Об остальном... остальное приберегаю, чтобы иметь что рассказать, когда буду там, где «die Zitronen blühen»** [4].

А. Г.

Рукой Ш.-Э. Хоецкого:

В прекрасную погоду, мы оказались посреди грома***, что меня особенно располагает ⟨...⟩ сопроводить настоящее письмо выражением своих дружеских чувств к вам и к вашим детям. Через несколько часов мы снова отправимся в путь и остановимся уже только в Арле, где Герцен, по его словам, хочет осмотреть римские раскопки. Дай бог, чтоб этому ниспровергателю основ не взбрело еще что-нибудь в голову. К счастью, я тут, а в моем присутствии добродетели не придется жаловаться на наше поведение по отношению к ней.

Преданный вам Ш.-Эдмон

[1] Александр *Массоль* (1805—1875) — философ-сенсимонист, сотрудник «Voix du Peuple». В 1830-х годах много путешествовал по Среднему Востоку.

[2] Об Алоизии *Бернацком* см. в примеч. 8 к письму № 66.

[3] «*Moniteur du Soir*» — парижская вечерняя газета.

[4] Употребляя известное выражение из «Песни Миньоны» Гёте, Герцен имеет в виду Ниццу.

114

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

18 ⟨juin 1850⟩, bateau à vapeur *Hirondelle* — de Châlon à |Lyon

Рукой Н. А. Герцен:

Ce voyage me rappelle si vivement ceux que nous avons faits ensemble, je ne puis pas m'empêcher de ne pas vous dire un mot, serrer la main, cau-

* Приписка Хоецкого печатается по неисправной копии (фотография отсутствует).— *Ред.*

** «цветут лимоны» (нем.).

*** Игра слов: «Tonnerre»— по-французски название города и гром.

ЛИОН
Гравюра, 1840-е гг.
Литературный музей, Москва

ser avec vous — dans la pensée... parce que le mouvement est très désagréable.

Рукой Ш.-Э. Хоецкого:

Lieber Georg. Da ich krank war und es noch bin, so habe ich ganz vergessen deutsch zu schreiben, ich kann nur Sie für tausend mal freundlich zu küssen.

Ihrer ⟨!⟩ E d m.

Рукой Н. А. Герцен:

19 ⟨juin 1850⟩. Lyon

On monte ici l'observatoire pour voir Mont Blanc. Moi je n'ai besoin ni de montagnes, ni de lunettes pour vous voir (o Emma! o Alexandre!), cher besson. En effet, je pense beaucoup à nos excursions... si vous étiez avec nous!..

Рукой Герцена:

Lyon. Les lions et les tigres, les ogres (c'est moi) sont arrivés à Lyon — et t'embrassent*. Le voyage se fait facilement. Et tout le monde se porte bien. Edmond seul a été malade, mais par malheur il n'est pas mort à Châlon — et il chante «ça ira» sans cédille (cela veut dire Kaïra)[1].

Перевод:

Рукой Н. А. Герцен:

18 ⟨июня 1850 г.⟩, пароход «Ласточка» — из Шалона в Лион

Это путешествие так живо напоминает мне те, что̀ мы совершали вместе с вами, что не могу удержаться, чтобы не сказать вам несколько слов, не пожать вам руку, мысленно не поговорить с вами... ибо качка крайне неприятна.

* В автографе l'embrasse. — *Ред.*

Рукой Ш.-Э. Хоецкого:

Дорогой Георг. Так как я болел и продолжаю болеть, то совсем разучился писать по-немецки и могу только тысячу раз дружески вас поцеловать.

Ваш Эдм.

Рукой Н. А. Герцен:

19 июня ⟨1850 г.⟩. Лион

Здесь поднимаются в обсерваторию, чтобы видеть Монблан. Мне не нужно ни гор, ни очков, чтобы видеть вас (о Эмма! о Александр!), дорогой близнец. В самом деле, я много думаю о наших прогулках... ах, если бы вы были с нами!..

Рукой Герцена:

Лион. Львы и тигры, людоеды (это я) прибыли в Лион*— и обнимают тебя. Путешествие протекает легко. И все чувствуют себя хорошо. Один Эдмонд был нездоров, но, к несчастью, он не умер в Шалоне и распевает «ça ira» без седиля (то есть «Каира»)**[1]

[1] Ш.-Э. Хоецкий собирался отправиться в Египет.

[115

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Le 21 juin ⟨1850⟩. Marseille

A peine sortions nous des wagons d'Avignon[1], qu'un transport de tes lettres a été apporté par un garçon oriental, qui succombait sous le fardeau. Ce qui est bon—est bon. Et non seulement le nombre, mais le contenu calme, serein... pourquoi n'as-tu pas envoyé ces lettres à Paris, et la lettre atrabilaire à Marseille (ce serait encore mieux au Havre).

Eh bien, nous voilà — *presso al fine*; jusqu'ici le voyage a été excellent, d'Avignon par chemin de fer, de Dijon à Châlon — *idem*, de Châlon à Valence — par bateau à vap⟨eur⟩. A présent je pense prendre un bateau jusqu'à Cannes, et aller de là (avec ma canne) à pied (de cheval) — pour ne pas faire la quarantaine et pour ne pas rester 28 h⟨eures⟩ en diligence comme Emma.

Je suis un peu enrhumé (voilà le Sud pour un ours du nord). Cela m'empêche de goûter pour la dernière fois les vins français, sans empêcher de sentir l'atmosphère puante des rues. Cela me rappelle Paris. Il y a dans tes lettres une déclaration d'amour pour Paris. Aime-le. Mais sois bien persuadé que le premier pas vers un avenir meilleur pour l'humanité — c'est de se dégriser de Paris et de la France.— Peut-être cela ne viendra pas; oui, c'est très possible que l'Europe n'aie pas d'avenir humain — mais canin, iroquois. Regarde cette race abâtardie, ces fronts rétrécis, ces yeux qui ne peuvent se concentrer, cette pensée bornée, ce vague des actions et des convictions[2].

G⟨eorges⟩ H⟨erwegh⟩.

Перевод:

21 июня ⟨1850 г.⟩ Марсель

Едва из поезда мы вышли Авиньона, [1], как какой-то восточный малый, сгибаясь под тяжестью своей ноши, притащил целую кипу твоих писем. Что хорошо — то хорошо. И не только количество, но и содержание, спокойное, ясное... Почему ты не послал эти письма в Париж, а желчное свое письмо — в Марсель (еще лучше было бы в Гавр).

Ну вот, мы и presso al fine***. До сих пор мы ехали превосходно: из Авиньона —

* По-французски «Lyon» (Лион) и «lion» (лев) произносятся одинаково.
** «ça ira» — это пойдет (франц.). Французское *c* без седиля произносится как *k*.
*** близки к цели (итал.).

по железной дороге, из Дижона в Шалон — idem, из Шалона в Валенс — на пароходе. Теперь я думаю нанять лодку до Канна, а оттуда с тростью в руках, шагом (лошадиным)*, чтобы избежать карантина и не просидеть, как Эмма, 28 часов в дилижансе.

У меня небольшой насморк (вот что значит юг для северного медведя). Это мешает мне в последний раз насладиться французскими винами, не мешая, однако, чувствовать зловоние улиц. Это напоминает мне Париж. В твоих письмах ты признаешься в любви к Парижу. Люби его. Но могу тебя уверить, что первый шаг на пути к лучшему будущему человечества — это трезвый взгляд на Париж и Францию. А быть может, оно и не наступит; ведь вполне возможно, что у Европы нет человеческого будущего, а только собачье, ирокезское. Взгляни на эту выродившуюся расу, на эти узкие лбы, на эти глаза, взгляд которых не может сосредоточиться, на эту ограниченность мысли, на эту неопределенность в действиях и убеждениях [2].

Г⟨еоргу⟩ Г⟨ервегу⟩.

[1] Пародия на первый стих известного монолога Терамена из пятого акта «Федры» Расина: «A peine nous sortions des portes de Trézène...» («Едва мы вышли из Трезенских врат...» — д. V, сц. 6-я).

[2] Аналогичное высказывание о парижских буржуа с их «глупыми ртами, жирными лбами, дерзко вздернутыми и глупо висящими носами» см. в статье «Consolation», вошедшей в книгу «С того берега» (изд. АН, т. VI, стр. 96).

116

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Le 27 juin ⟨1850⟩. Nice

Eh bien, voilà! De quoi nous occuper, discuter, disputer, nous fâcher... le billet payé, nous — à Nice. On dit lorsque Gibbon [1] a terminé son histoire et lorsqu'il a relu la dernière page il devint triste. C'est presque la même chose qui m'advint lorsque j'ai reçu la lettre de Sch⟨ombourg⟩ [2] — à quoi bon à présent ma haute diplomatie, mes conjectures, mes complications, indications, prévisions — la chose est gagnée... Plaignez-moi!

Basta, dorénavant tes oreilles ne seront plus écorchées par des dissertations financières.

A présent de Nice. Jamais de ma vie je n'ai senti un tel bien-être climatologique comme ici; même la chaleur n'y fait rien. Nous avons des appartements très vastes, nous nous déshabillons, au lieu de nous habiller, nous nous baignons dans l'eau et dans l'air du soir embaumé, doux — et au diable ces beautés féroces de la Suisse, ces monuments du régime de la terreur géologique. Pour aucun prix je ne monte plus au nord, mais je descends volontairement jusqu'au Basilicate [3] si tu veux, — au reste, le Piémont est très habitable; je trouve beaucoup de changement, beaucoup plus de douceur gouvernementale qu'en 47 et plus de ressources. Somme générale, je suis tout à fait content d'avoir quitté Paris — le cancer général de l'Europe — et d'avoir fait ce choix et non un autre.

L'été on peut vivre presque sans argent. Emma payait assez cher avant nous, à présent l'hôte (dont la maison est complètement vide) consent de prendre 10 fr⟨ancs⟩ ou 12 par jour — chambres, nourriture, bonne — et tout compris, et sans augmenter quand tu viendras. Nous pouvons rester un mois ou deux à l'hôtel. Et ensuite louer une maison près de la mer. Il y en a une quantité!

Tu n'écris pas, on dit que tu es fâché — est-ce que tu nous en veux encore pour la lettre que tu as écrite.

Santo padre, justitia!

Георгу Гервегу

* Каламбур: «Cannes» — по-французски город Канн и «canne» — трость; «à pied» — пешком; у Герцена — «à pied (de cheval)» — буквально «ногами (лошади)».

Перевод:

27 июня ⟨1850 г.⟩. Ницца

Ну, вот и дождались! Не из-за чего больше стараться, спорить, препираться, сердиться... билет оплачен, мы в Ницце. Говорят, что когда Гиббон [1] закончил свою историю и перечел последнюю страницу, ему стало грустно. Почти то же произошло и со мной, когда я получил письмо от Ш⟨омбурга⟩ [2]. К чему теперь моя высокая дипломатия, мои догадки, сложные расчеты, мои указания, моя предусмотрительность — дело выиграно! Пожалейте меня!

Баста! Твой слух впредь уже не будут терзать финансовые рассуждения.

Теперь о Ницце. Ни разу в жизни я еще не испытывал такого климатологического блаженства, как здесь, даже жара ему не помеха. Комнаты у нас очень просторные; мы раздеваемся вместо того, чтоб одеваться, мы купаемся в воде и в благовонном, теплом вечернем воздухе — и к чёрту эти дикие красоты Швейцарии, эти памятники режима геологического террора. Ни за что на свете не стану я больше подниматься на север, зато охотно спущусь, если хочешь, до Базиликаты [3]; впрочем, в Пьемонте вполне можно жить, я нахожу здесь большую перемену, гораздо больше послаблений со стороны правительства, чем в ⟨18⟩47 году, и больше возможностей. В общем, я очень доволен, что покинул Париж — этот всеевропейский рак — и сделал именно такой, а не иной выбор.

Лето можно прожить почти без затрат. Эмма до нас платила довольно дорого, теперь же хозяин (дом его совершенно пустует) согласен брать 10—12 фр⟨анков⟩ в день за комнаты, со столом и услугами включительно и ничего не набавлять, когда ты приедешь. Мы можем остаться в гостинице месяц-два. Затем нанять дом у моря. Их здесь множество!

Ты не пишешь — говорят, ты сердит. Уж не обижен ли ты все еще на нас за письмо, которое ты написал?

Santo padre, justitia!*

[1] Эдуард *Гиббон* (1737—1794) — английский историк, автор многотомной «Истории упадка и разрушения Римской империи».

[2] Письмо о благоприятном исходе тяжбы с русским правительством по поводу векселя матери Герцена, на который было наложено запрещение.

[3] *Базиликата* — южно-итальянская провинция.

117

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Nice.⟩ 29 ou 28 ⟨juin 1850⟩

J'attends de Zurich la description de l'arrivée du billet, l'effet magique, psychique, chique etc. En attendant je te remercie pour les dernières lettres [1]. Mais que diable fais-tu donc à Zurich, ou par hasard est-ce que tu as trouvé là un perce-cœur quelconque, une Léontine helvétique au teint frais et aux dents noires,— il faut enfin motiver ou venir [2].— Si Reich⟨el⟩ n'est pas parti, ne pourrait-on l'utiliser pour le pauvre B.[3], au moins lui faire parvenir de l'argent; si c'est possible — dis à ma mère qu'elle me prête ce que tu jugeras convenable, je pourrais même envoyer d'ici.— Pense à cela et réponds avec *Behutsamkeit*. Emma a des projets fantastiques — par malheur, ces choses ne se réalisent presque jamais [4]. *Pia desideria!*

Dis-moi encore, comment envoyer à Kolatschek un article [5], quelle adresse et pourtant je voudrais te ⟨le⟩lire avant d'envoyer. J'enverrai l'article en français, cela n'est pas une chose difficile de traduire.

J'ai commencé de nouvelles lettres. Ensuite il faut enfin raconter l'histoire de l'invasion des barbares de la rue Jérusalem chez Emma [6]. Qu'en pense votre grâce?

---

* Святой отец, будь справедлив! (итал., лат.).

Je salue tout le monde et m'éclipse[7].

Agis comme on conseille à ce chien...[8]

Перевод:

<Ницца>. 29 или 28 <июня 1850 г.>

Жду из Цюриха описания того магического, психического, феерического и пр. действия, которое произвело прибытие билета. А в ожидании благодарю тебя за последние письма [1]. Но какого чёрта сидишь ты в Цюрихе, уж не завелась ли у тебя там какая-нибудь зазноба, какая-нибудь швейцарская Леонтина со свежим цветом лица и черными зубами — короче говоря, нужно либо объяснить причину, либо приехать [2].— Если Рейх<ель> еще не отбыл, то нельзя ли через него сделать что-нибудь для бедного Б.[3], хотя бы переслать ему денег; если это возможно — попроси мою мать одолжить мне столько, сколько ты сочтешь необходимым, я мог бы даже послать отсюда. Подумай об этом и ответь со всей *Behutsamkeit!** Эмма строит фантастические планы — к несчастью, подобные вещи почти никогда не удается осуществить[4]. Pia desideria!**

И еще скажи, как переслать Колачеку статью [5], по какому адресу; а все же хотелось бы, прежде чем отослать, прочесть ее тебе. Статью пошлю на французском языке — перевести ее не представляет трудностей.

Я принялся за новые письма. Затем надобно же, наконец, рассказать историю вторжения варваров с Иерусалимской улицы к Эмме[6]. Что думает об этом ваша милость?

Передаю всем привет и исчезаю[7].

Поступай так, как советуют этой собаке...[8]

[1] Одно из этих писем (без даты) — см. XIV, 85—87.

[2] О причинах, удерживавших Гервега в Цюрихе, см. ниже, в нашем обзоре «Письма Н. А. Герцен к Гервегам».

[3] *Б.*— Бакунин, томившийся в это время в австрийской тюрьме в Праге.

[4] Планы по организации побега Бакунина.

[5] По-видимому, «Omnia mea mecum porto». Французский текст этой статьи неизвестен.

[6] К этому времени относится работа Герцена над двенадцатым письмом из «Писем из Франции и Италии», датированным 10 июля 1850 г. (французский авторский перевод, выполненный позже, имеет дату 30 июня 1850 г.— изд. АН, т. V, стр. 385—393). В этом письме Герцен описывал полицейский произвол, царящий в Париже, разгул реакции и разложение правительственной системы и выражал удовлетворение от пребывания в Ницце, «теплой, благоуханной, тихой и теперь совершенно пустой». Обыск, произведенный у Эммы Гервег полицейским чиновником с Иерусалимской улицы (там помещалась полицейская префектура), описан Герценом не был.

[7] Ответ Гервега на это письмо см. XIV, 87—89.

[8] Смысл последней фразы неясен — быть может, она относилась к какому-нибудь приложенному к письму и несохранившемуся рисунку с назидательной надписью.

118

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

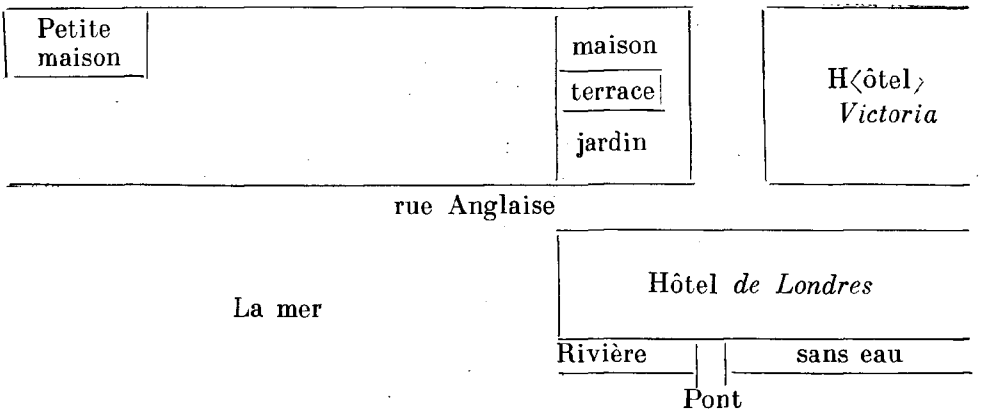
<Nice.> 30 juin <1850>

Cette lettre ne doit partir que demain; je suis en retard.— Rien de nouveau, j'ai un abcès dégoûtant sur la main gauche et j'ai trouvé avec Emma une maison magnifique que je prendrai peut-être. C'est-à-dire non magnifique dans le sens de la richesse, mais de la position. Il y a tout près une autre qui pourrait être occupée par toi, voilà.

---

* осмотрительностью (нем.).

** Благие желания! (лат.).



Il y a un troisième étage, mais un peu sale, dans la maison que j'ai choisie. 200 fr⟨ancs⟩ par mois. Pour l'autre on demande 120. Pourtant je reste encore un mois à l'hôtel et je conseille à Emma de rester aussi, le bon marché est humiliant.

Elle a aussi beaucoup travaillé pour trouver une maison pour nous; je ne sais la remercier dignement qu'en te racontant la manière étrange comme elle s'y est prise. Elle a visité toutes les maisons qui ne peuvent pas être louées par nous, *ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩* sur des montagnes où il faut avoir 50 domestiques et 25 mulets avec écuries, 40 chambres à coucher, et qui a été occupée par lord Devonshire pour 15 000 par été.

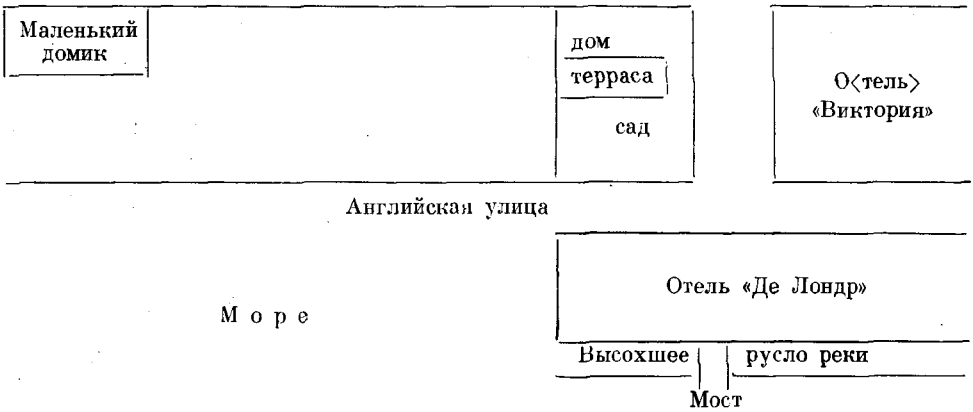
Emma nous a mené dans toutes ces maisons, en disant ensuite: «Vous voyez que cela ne nous convient pas». Comme la ville n'est pas grande, nous savions que les autres maisons étaient de celles entre lesquelles il fallait chercher. La couronne de ces recherches était hier. Emma nous dit qu'elle a trouvé quelque chose de magnifique, nous allons à *S. Hélène.* Arrivés là, et après avoir cherché avec le cocher, un cabaretier et un maçon une demi-heure, Emma nous dit que c'est à *S. Etienne*, nous allons; après quelques heures de voyage par des montagnes nous arrivons — un jardin magnifique. Une vue encore plus magnifique. La maîtresse ⟨de la maison⟩*, avertie dès le matin, nous attend, donne des fleurs aux enfants, propose un petit verre de lait de chèvre à moi... enfin je demande à voir la maison, la maîtresse dit qu'elle n'est pas encore *tout-à-fait* arrangée.— Nous disons que ce n'est rien, et nous allons. Figure-toi ma stupéfaction, lorsque je vois une 20 de maçons travaillant au rez-de-chaussée d'une maison *in spe.*— La maîtresse me dit avec la plus grande sûreté qu'elle pense finir la maison vers le mois d'octobre 1851 — et qu'on travaille déjà 3 mois. Edifié de cet édifice futur, j'ai mis fin aux recherches — on ne peut mieux trouver. Je te dis que c'est magnifique (quoique un peu sale; que veux-tu — l'Italie n'est pas Hollandaise)[1].

Перевод:

⟨Ницца.⟩ 30 июня ⟨1850 г.⟩

Это письмо уйдет только завтра; я опоздал.— Ничего нового, на левой руке у меня препротивный нарыв, и мы с Эммой нашли великолепный дом, который, может быть, я сниму. То есть великолепный не в смысле роскоши, а в смысле местоположения. Рядом есть другой, который мог бы занять ты, вот план:

* Рукопись повреждена, и взятые в угловые скобки слова читаются предположительно.—*Ред.*



В доме, который я выбрал, есть третий этаж, но грязноватый. 200 фр⟨анков⟩ в месяц. За другой дом спрашивают 120. Однако я остаюсь еще на месяц в гостинице и советую Эмме тоже остаться,— дешево до унизительности.

Эмма тоже немало потрудилась, чтоб отыскать для нас дом; я не могу отблагодарить ее более достойно, чем рассказав тебе, каким странным образом она принялась за это дело. Она обошла все дома, которые мы снять не можем, ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩, расположенные на горе, где нужно держать 50 слуг и 25 мулов; такой дом с конюшнями и 40 спальнями снимал лорд Девоншир, плативший 15 000 за лето.

Эмма водила нас по всем этим домам, заявляя затем: «Вы видите, что это вам не подходит». Так как город невелик, мы поняли, что остальные—именно те, среди которых надобно искать. Но венец всего — это вчерашние поиски. Эмма объявила нам, что нашла нечто великолепное, и мы отправляемся в *Сент-Элен*; прибыв туда, после получасовых поисков с помощью кучера, трактирщика и каменщика, мы узнаем от Эммы, что это не здесь, а в *Сент-Этьене*. Отправляемся туда и после нескольких часов путешествия по горам, прибываем — великолепный сад. Еще более великолепный вид. Хозяйка дома, предупрежденная с утра, ожидает нас, дарит детям цветы, а мне предлагает стаканчик козьего молока. Наконец, я прошу показать дом, хозяйка отвечает, что он еще *не совсем* отделан. — Мы говорим, что это пустяки, и идем. Вообрази мое изумление, когда я увидел десятка два каменщиков, возводивших первый этаж дома in spe*. — Хозяйка с глубочайшей уверенностью заявила мне, что она думает закончить дом к октябрю 1851 года и что работы ведутся уже 3 месяца. Вид этого неоконченного здания убедил меня, что надо положить конец поискам — лучшего не найти. Говорю тебе, это великолепно (хотя и грязновато, но что поделаешь, Италия— не голландка)[1].

[1] В этом доме, принадлежавшем домовладельцу Сю, Герцены вскоре и поселились.

119

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Le 7 juillet ⟨1850⟩. Nice

Donc vous tous, y compris *unseren zarten Mozart-Reichel und Moritz Reichel*, vous n'avez pas eu assez de perspicacité pour vous être aperçus qu'il y avait une lettre perdue[1]. Et pourtant vraiment il ne fallait pas de génie d'invention pour comprendre que la première lettre de Nice *devait* commencer par quelques mots sur l'arrivée.— Mais comme tu aimes à gronder, tu nous grondes pour la poste, tu me grondes pour les enveloppes même et les adresses. Le climat de Zurich agit mal sur tes nerfs.

* будущего дома (лат.).

La correspondance languit par manque de franchise de ta part. On n'écrit pas lorsqu'on attend tous les jours un homme; d'après tes lettres à Paris, j'étais sûr de te rencontrer ici deux, trois jours après mon arrivée. C'est ainsi qu'Emma t'attendait aussi. Je ne puis m'imaginer que la cause qui te retient se soit produite après notre départ de Paris. Donc tu savais bien, en nous poussant de deux mains à Nice, que tu n'y arriverais pas encore de si tôt. Moi j'ai perdu tout intérêt à écrire des lettres. La solitude est un peu exagérée ici, je voudrais de tout mon cœur te voir à Nice, mais je n'insiste pas, et je te jure que ce n'est pas un sentiment d'indifférence, mais ma profonde vénération pour la liberté de mes amis.— Ensuite il m'est impossible de ne pas te faire un reproche: pourquoi laisses-tu donc Emma t'attendre tous les jours? Pour moi je sais que cela me serait mille fois plus amer qu'une séparation de six mois. Ce qu'il y avait de dégoûtant dans ma dernière existence à Paris, c'était l'incertitude, mais une incertitude qui ne dépendait pas de moi; dès que le temps était venu (d'après ma conviction), j'ai su prendre une résolution. Prends en au moins pour dire, à peu près, que tu viendras au mois d'octobre... de mars... je ne sais quand, mais qu'on cesse de t'attendre chaque jour lorsqu'il n'y a pas de lettre.

As-tu écrit concernant Bac⟨ounine⟩; je te prie — écris un seul mot, par rapport aux hommes arrêtés — et cite l'exemple de Salvotti que j'ai cité [2].

J'ai écrit une petite notice sur le développement du libéralisme et de l'opposition dans la littérature russe [3]. Cela doit être très intéressant par les faits. Mais je suis absolument sans livres, apporte-moi l'ouvrage de Melgounoff *Bilder aus der russischen Literatur v⟨on⟩ König — n'oublie pas*[4].

L'article pour Kolatsc⟨hek⟩ est traduit par Emma[5]. Mais je ne sais pas si le nouveau article *Sur la littérat⟨ure⟩* ne serait ⟨pas⟩ plus à sa place dans son journal. Haug m'a écrit de Kiel d'un article de Hauenschild concernant ma brochure — l'as-tu?[6]— J'ai lu le 1 volume de Fallmerayer [7]. C'est un homme de beaucoup d'esprit, d'une érudition immense, il connaît l'histoire russe mieux que nous autres, mais il s'arrête trop sur les descriptions de la nature, des pages entières de Bernardin ⟨de⟩ St. Pierre.

Réclame la lettre perdue, tu peux dire à la poste que tu as un avis sûr que deux lettres ont été expédiées (une à m-me Haag) *le 24 juin de Nice.*

Melg⟨unoff⟩ könnte sagen, wo Ogareff ist und ob er keine Hoffnung hat hierher zu kommen; dann müßte man ihm d⟨as⟩ Mikroskop schicken.

Перевод:

7 июля ⟨1850 г.⟩. Ницца

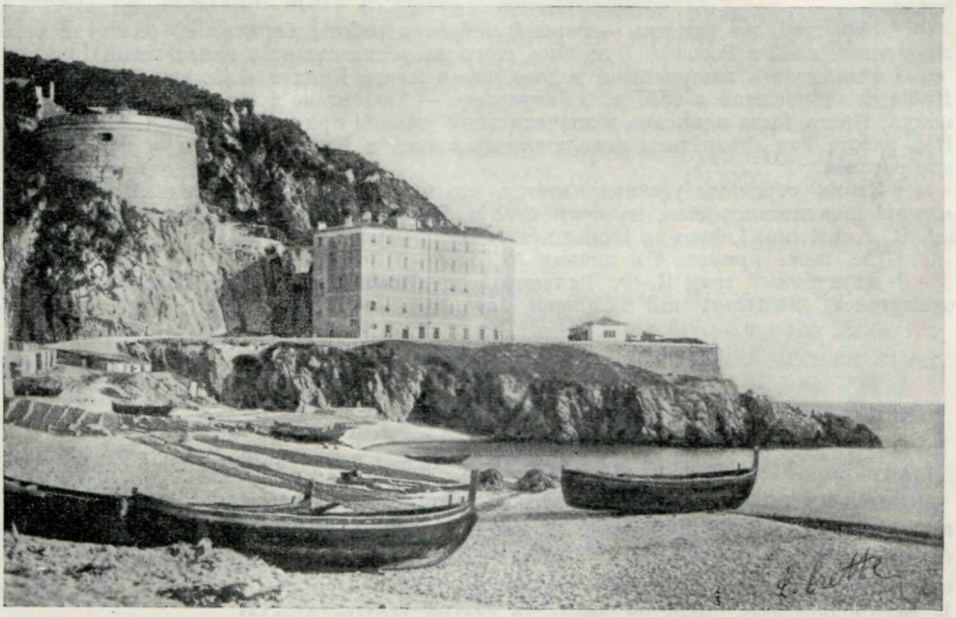
Итак, ни у кого из вас, в том числе и у unseren zarten Mozart-Reichel und Moritz Reichel*, не хватило проницательности, чтобы заметить потерю одного письма[1]. Но, право же, не нужно обладать особым воображением, чтобы понять, что первое письмо из Ниццы *должно было* начинаться несколькими словами по поводу приезда. Но поскольку ты любишь браниться, ты бранишь нас за неаккуратность почты, бранишь меня даже за конверты и адреса. Цюрихский климат вредно действует на твои нервы.

Наша переписка замирает из-за недостатка искренности с твоей стороны. Не стоит писать, когда ждешь человека со дня на день; судя по твоим письмам в Париж, я был уверен, что увижу тебя здесь через два-три дня после моего приезда. Тогда же ждала тебя Эмма. Не могу себе представить, чтобы причина, удерживающая тебя теперь, возникла после нашего отъезда из Парижа. Стало быть, когда ты настойчиво гнал нас в Ниццу, ты отлично знал, что сам не приедешь туда так скоро. Что до меня, то я потерял всякий интерес к писанию писем. Здесь, пожалуй, уж чересчур уединенно, я от всей души желал бы видеть тебя в Ницце, но я не настаиваю и клянусь, что это не

* нашего нежного Моцарта-Рейхеля и Морица Рейхеля (нем.). В подлиннике каламбур: «zart» (нежный) и «Mozart».

из равнодушия, а из глубокого уважения к свободе своих друзей. Наконец, не могу и не высказать тебе упрека: зачем ты заставляешь Эмму ждать тебя всякий день? Я знаю, что для меня это было бы в тысячу раз горше, чем разлука на полгода. В последнее мое пребывание в Париже всего противней была неопределенность, но эта неопределенность не от меня зависела. Как только (на мой взгляд) время пришло, я сумел принять решение. Решай же и ты, и хоть приблизительно скажи, когда приедешь — в октябре, в марте, — не знаю когда, но пусть перестанут ждать тебя каждый день, раз от тебя нет письма.

Написал ли ты о Бак⟨унине⟩? Прошу тебя, напиши же несколько слов о тех, кто арестован, и приведи пример Сальвотти, приведенный мною [2].



НИЦЦА. У ГОРЫ «ШАТО»
Фотография, 1857 г.
Исторический музей, Москва

Я написал небольшую заметку о развитии либерализма и оппозиции в русской литературе [3]. Это должно быть очень интересно благодаря приводимым фактам. Но у меня совершенно нет книг, привези мне работу Мельгунова «Bilder aus der russischer Literatur» v⟨on⟩ König * — *не забудь* [4].

Статья для Колач⟨ека⟩ переведена Эммой [5]. Но не знаю, не подойдет ли больше для его журнала новая статья «О литерат⟨уре⟩». Гауг писал мне из Киля по поводу статьи Хауэншильда о моей брошюре—есть ли она у тебя?[6]—Я прочел первый том Фальмерайера [7], это человек большого ума, огромной эрудиции, он знает русскую историю лучше, чем кое-кто из нас, но он слишком увлекается описаниями природы — целые страницы в духе Бернардена ⟨де⟩ Сен-Пьера.

Потребуй на почте пропавшее письмо, можешь сказать, что имеешь точные сведения о двух отправленных *24 июня из Ниццы* письмах (одно из них — г-же Гааг).

Мельг⟨унов⟩ мог бы сообщить, где находится Огарев и действительно ли нет никакой надежды, что он сюда приедет; тогда нужно было бы послать ему микроскоп.

---

* «Картины из русской литературы» Кёнига (нем.).

[1] Письмо это от 24 июня 1850 г. остается неизвестным.

[2] В статье Герцена о Бакунине, написанной в 1851 г., имеются следующие строки: «„Аугсбургская газета", орган, добровольно поддерживающий венский кабинет, поместила корреспонденции из Праги, в которых говорилось, что множество людей подверглось аресту вследствие важных разоблачений, сделанных Бакуниным. Это мне напоминает историю, которую Андриане рассказывает в своих „Записках государственного преступника".

Сальвотти, имперский инквизитор в Милане, сказал графу Конфалоньери: „Вы упорствуете в молчании, в игре в героизм — прекрасно; но завтра же я прикажу напечатать в газетах, что вы донесли на своих друзей — и вы не найдете никакого средства опровергнуть это". Благородный этот Сальвотти теперь член государственного совета в Вене и занимается итальянскими делами» (изд. АН, т. VII, стр. 360—361). В каком другом сочинении или письме Герцен коснулся этого же эпизода — не установлено.

[3] Вероятно, эта заметка — первый набросок работы Герцена «О развитии революционных идей в России». Рукопись этого наброска остается неизвестной.

[4] Речь идет о нашумевшей в свое время книге Кёнига «Literarische Bilder aus Rußland», вышедшей в 1837 г. в Штутгарте — Тюбингене и переведенной на многие языки. Книга была написана в значительной степени при участии Н. А. Мельгунова. При работе над «Развитием революционных идей в России» Герцен пользовался ею для справок.

[5] Этими строками устанавливается, что переводчиком на немецкий язык статьи «Omnia mea mecum porto», напечатанной в «Deutsche Monatsschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben» за 1850 г., была Эмма Гервег.

[6] См. выше примеч. 4 к письму № 88.

[7] Двухтомный труд Я.-Ф. Фальмерайера «Fragmente aus dem Orient» («Отрывки о Востоке»). Stuttgart und Tübingen, 1845.

120

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

10 juillet ⟨1850⟩. Nice

Tu as tellement raison concernant l'inconséquence tragique dans laquelle nous tous *movemur et sumus*, et individuellement tellement raison parlant de moi —que moi-même je ⟨l'⟩ai écrit dans l'*Epilogue* que tu ne connais pas et qui est devenu vieux avant d'être imprimé[1]. (Si Kolatsch⟨ek⟩ le désire, je le lui pourrais envoyer, mais je crains Hoffm⟨ann⟩[2]).

«Et nous, derniers chaînons qui rattachons deux mondes, sans appartenir ni à l'un, ni à l'autre — nous n'avons aucune place aux tables qui sont dressées, nous sommes abandonnés à nos propres forces. Hommes de la négation pour le passé, hommes du doute pour l'avenir, au moins pour l'avenir prochain — nous n'avons ni domaine, ni port, ni travail dans le monde contemporain, nous sommes appelés à donner un témoignage de notre force et de notre complète inutilité.— Que faire donc? — S'en aller, abandonner le monde et commencer une existence nouvelle, donner l'exemple de la liberté individuelle aux autres en s'émancipant des intérêts d'un monde qui va à sa perte? — *Mais sommes-nous prêts à le donner?* Emancipés dans nos convictions, *sommes-nous libres* en réalité? N'appartenons-nous pas, malgré nous, à ce monde que nous détestons et par nos vices, et par nos vertus, par nos passions et par nos habitudes? *Que ferons-nous sur un sol vierge* — nous qui ne pouvons passer une matinée, sans dévorer une dizaine de feuilles publiques. Nous sommes de mauvais Robinsons, il faut l'avouer»[3].— Avec tout cela Bamb⟨erger⟩ avait le droit de dire que «ce n'est pas sérieux», c'est-à-dire que c'est un syllogisme et non une conduite, une pensée et non une résolution. Nous sommes dans la position des pédérastes, ils ont des remords, ils sentent qu'il y a quelque chose de sale dans leur commerce, et trahissent la raison (se dégradent donc à leurs propres yeux) ne pouvant résister à un entraînement habituel,— pour nous cet antre de corruption c'est la politique. Mais, parbleu, nous ne sommes ni morts, ni trop vieux, un grand pas vers *le sérieux* est fait par le changement de l'existence.

J'ai terminé le 1 vol⟨ume⟩ de Fallmerayer[4]. Je comprends que la lettre à Mazzi⟨ni⟩[5] doit lui plaire encore plus que la tienne. C'est son idée à lui aussi, que Byzance sera le centre d'un monde gréco-slave. Mais il y a des fautes énormes chez lui, il juge d'après l'Anatolie et les chrétiens de Byzance le peuple russe. Il parle de la haine contre l'analyse et le scepticisme des chrétiens Orientaux, de leur mutisme complet. Tout cela n'existe pas en Russie. Le Russe est idolâtre, froid, lorsqu'il n'est pas civilisé. Avec la civilisation la première chose qui tombe c'est la religion. La noblesse russe est matérialiste, voltairienne. Moi je suis prêt à lui écrire sur ce thème[6]. Encore une faute, il ne tient pas compte de la révolution de Pierre le Gr⟨and⟩. Le tzarisme était à Moscou effectivement byzantin; la pompe, l'extérieur, l'indolence, l'absolutisme muet, la ferveur religieuse — tout cela était de Constantinople.— Mais Pétersb⟨ourg⟩ a jeté tout cela à tous les diables.— Pierre le Grand qui allait la nuit ivre-mort, entouré de ses ministres, avec un tambour battre le rappel par les rues, Pierre I marié à une garce de Reval — a terminé complètement l'époque byzantine. Il a commencé l'empire athée, militaire, aucune religion — à l'exception de la religion *de l'Etat*, tout pour l'Etat. Nicolas voudrait bien retourner — mais que faire avec la noblesse qui est entièrement conséquente aux principes de Pierre I?

Fallm⟨erayer⟩ termine par une allocution aux rois d'Europe de se préparer à la grande lutte avec le monde gréco-russe — *e tanto poco tedesco*... la seule allocution qu'on puisse leur faire, c'est de les prier de s'en aller. Point de salut avec ces messieurs.

Dis donc à M. Kolat⟨schek⟩ qu'il m'envoie son journal constamment (Nice, poste restante). Et n'oublie pas l'article de Bamb⟨erger⟩ et celui de Fallmer⟨ayer⟩[7]. Je t'ai dit que j'écris à présent une petite lettre concernant la littérature russe — elle est aux ordres de Kolat⟨schek⟩[8]. Emma a traduit un article que je t'enverrai demain, mais je voudrais l'imprimer ensemble avec l'*Epilogue*, ces deux choses se complètent[9].

A présent de Lœwe[10]. Il faut avoir une permission de Turin pour être officiellement médecin. Mais on n'y regarde pas de trop près si on l'a ou non. On permet d'avoir une pratique chez les étrangers sans permission de Turin. L'été il n'y a pas de pratique. Les Anglais ont deux assassins qui leur fourrent des livres et des kilos de calomel, d'iode, d'arsenic, et d'autres moyens doux dans le genre d'un coup de pistolet tiré à bout portant. Les aborigènes ont deux médecins indigènes qui, effrayés de l'audace des Anglais, ne donnent absolument rien que des bains de mer. Il y a beaucoup d'étrangers chaque hiver — nous ferions des réclames, je réponds pour les Russes radicaux... mais... mais tout cela est chanceux. Tu ne peux pas répondre pour les Allemands — les Allemands sont si scrofuleux qu'ils ne sont jamais ni malades ni bien portants: *ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩* Kapp.

Eh bien, jamais James Fazy ne pourra obtenir le prénom anglican de «J'aime sans terre». *Jetzt kann er 2 m⟨al⟩wöchentlich zu den Müttern gehen.— Evviva!* A présent il pourrait bien m'encitoyenner, j'achèterais un mètre de terrain ex-militaire[11].

Adieu. Tu penses qu'Emma ait une volonté de fer... Vous deux vous avez encore des côtés tout à fait enfantins, et l'*immaginativa calda*... j'aime beaucoup Emma, mais je ne me suis pas aperçu d'une volonté de fer. Activité énergique, oui, plus de sens réel que chez toi — cela peut être encore.— Pour aller chez B⟨acounine⟩ il faut encore, outre tout cela, être moins pénétrable, ne pas s'abandonner pour un instant, etc.[12] Au reste on ne parle plus de l'intention de le livrer à Nicolas[13].

Recevez l'expression de mes sentiments.

Перевод:

10 июля <1850 г.>. Ницца

Ты до такой степени прав в отношении трагической непоследовательности, в которой все мы movemur et sumus *, и, в частности, до такой степени прав, говоря обо мне, что я и сам написал это в «Эпилоге», которого ты не знаешь и который, еще не выйдя из печати, успел состариться![1] (Если Колач⟨ек⟩ хочет, я мог бы его послать ему, но боюсь Гофм⟨ана⟩[2].

«А нам, последним звеньям, связующим два мира и не принадлежащим ни к тому, ни к другому, — нам нет места за накрытыми столами, мы предоставлены нашим собственным силам. Люди, отрицающие прошедшее, люди, сомневающиеся в будущем, по крайней мере в ближайшем будущем, — мы не имеем ни угла, ни пристанища, ни дела в современном мире, мы призваны дать свидетельство своей силы и полной своей ненужности.— Что же делать? — Идти прочь, покинуть мир и начать новое существование, явить другим пример индивидуальной свободы, отрешившись от интересов мира, идущего к гибели? — *Но готовы ли мы явить его?* Свободные в своих убеждениях, *свободны ли мы* на деле? Не принадлежим ли мы, вопреки нашей воле, к этому ненавистному нам миру и своими пороками, и своими добродетелями, и своими страстями, и своими привычками? *Что станем мы делать на девственной земле*, мы, которые не можем провести и утра, не проглотив десятка газет. Мы, надо сознаться, плохие Робинзоны» [3].— Все это давало Бамб⟨ергеру⟩ право сказать, что «это несерьезно», иными словами, что это силлогизм, а не образ действия, мысль, а не решение. Мы попали в положение педерастов — они испытывают угрызения совести, они чувствуют, что в их поведении есть что-то грязное, но поступают вопреки рассудку (роняя себя, следовательно, в собственных глазах), не будучи в силах устоять перед привычным влечением; для нас же вертепом разврата является политика. Но, черт побери, мы еще не мертвы и не слишком стары, большой шаг в сторону *серьезного* сделан переменой жизни.

Я кончил первый том Фальмерайера [4]. Я понимаю, что письмо к Мацц⟨ини⟩[5] должно ему нравиться еще больше, чем письмо к тебе. Он тоже разделяет мысль, что Византия станет центром греко-славянского мира. Но он допускает огромные ошибки: он судит о русском народе по Анатолии и христианам Византии. Он говорит об отвращении восточных христиан к анализу, к скептицизму, о полной их безгласности. Ничего этого нет в России. Русский человек остается идолопоклонником, остается равнодушным, пока он не цивилизован. Первое, что рушится с цивилизацией, это религия. Русские дворяне — материалисты, вольтерьянцы. Я готов писать к нему на эту тему [6]. И еще ошибка — он не считается с переворотом, совершенным Петром Вел⟨иким⟩. В Москве царизм был действительно византийским; пышность, обличие, апатия, немой абсолютизм, религиозное рвение — все это пришло из Константинополя.— Но Петерб⟨ург⟩ послал все это ко всем чертям. Петр Великий, отправлявшийся ночью, в окружении своих министров, мертвецки пьяный, бить в барабан, сзывая по улицам сбор, Петр Первый, женатый на ревельской девке,— решительно положил конец византийской эпохе. От него ведет начало атеистическая военная империя — никакой религии, кроме религии *государства*, все для государства. Николаю очень бы хотелось повернуть вспять, но как быть с дворянством, которое всецело придерживается петровских принципов?

Фальм⟨ерайер⟩ заканчивает, e tanto poco tedesco** кратким призывом к королям Европы готовиться к великой битве с греко-русским миром... но единственный призыв, с которым можно было бы к ним обратиться, это просить их убраться вон. От этих господ нечего ждать спасения.

Скажи же г. Колач⟨еку⟩, чтобы он регулярно высылал мне свой журнал (Ницца, до востребования). И не забудь статью Бамб⟨ергера⟩ и статью Фальмер⟨айера⟩ [7]. Я говорил тебе, что пишу сейчас небольшое письмо о русской литературе — оно к услугам Колач⟨ека⟩ [8]. Эмма перевела статью, которую я завтра тебе отправлю, но

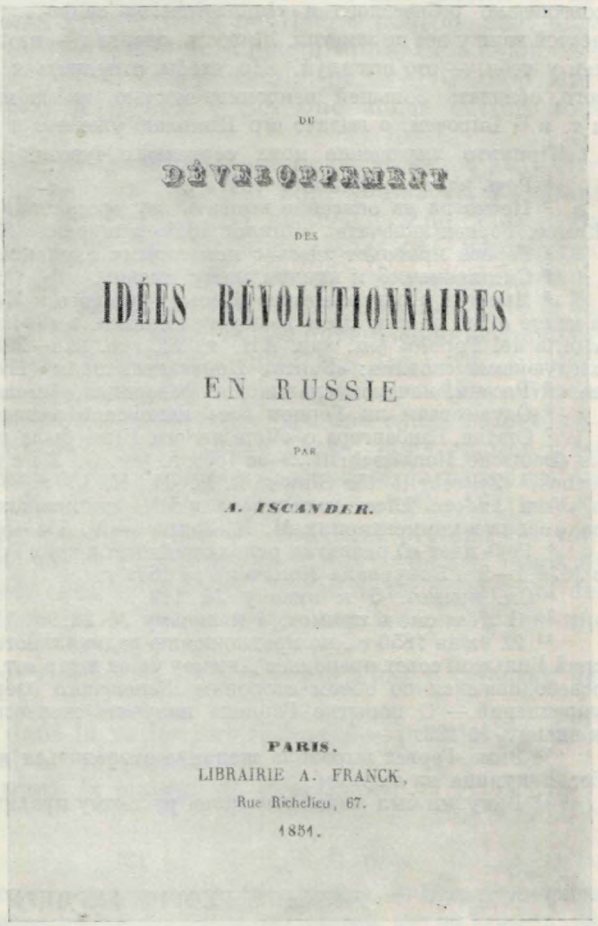
---

* движемся и пребываем (лат.).

** и немножко на немецкий лад (итал.).

ПЕРВОЕ ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ «О РАЗВИТИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИДЕЙ В РОССИИ», ПАРИЖ, 1851.

Книга напечатана в Ницце



DU

DÉVELOPPEMENT

DES

IDÉES RÉVOLUTIONNAIRES

EN RUSSIE

PAR

A. ISCANDER.

PARIS.

LIBRAIRIE A. FRANCK,

Rue Richelieu, 67.

1851.

мне хотелось бы напечатать ее вместе с «Эпилогом» — обе эти вещи дополняют одна другую [9].

А теперь о Лёве[10]. Чтобы официально быть врачом, надо получить разрешение из Турина. Но есть ли оно или нет, — на это смотрят сквозь пальцы. Заниматься практикой среди иностранцев допускается и без туринского разрешения. Летом практики нет. У англичан есть тут двое душегубов, которые пичкают их фунтами и килограммами каломели, иода, мышьяка и прочих нежных средств, действующих вроде пистолетного выстрела в упор. У коренных жителей есть два местных врача; напуганные решительностью англичан, они ничего, кроме морских купаний, не прописывают. Каждую зиму приезжает много иностранцев — мы создали бы рекламу, за русских радикалов я ручаюсь... но... но все же это дело рискованное. За немцев ты не поручишься — немцы такие золотушные, что никогда не бывают ни больны, ни здоровы. Ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩ Капп.

Ну что ж, Джемс Фази никогда не дождется англиканского имени «Джемс безземельный» *. Jetzt kann er 2 m⟨al⟩ wöchentlich zu den Müttern gehen **. Ура! Теперь он вполне мог бы меня огражданить, я купил бы метр земли в бывшей военной зоне [11].

---

* Каламбур: «J'aime sans terre» (люблю без земли) (франц.) фонетически сходно с «James (англ.) sans terre» (франц.— по аналогии с «Jean Sans terre»— Иоанн Безземельный — английский король).

** Теперь он может дважды в неделю посещать матушек (нем.).

Прощай. Ты полагаешь, что у Эммы железная воля. — У вас обоих есть еще много совершенно ребяческого и «immaginativa calda»... * я очень люблю Эмму, но железной воли у нее не заметил. Живость, энергия — не спорю, больше здравого смысла, чем у тебя, — это пожалуй. Но чтобы отправиться к Б⟨акунину⟩, надобно, кроме того, обладать большей непроницаемостью, ни на минуту не терять самообладания и т. п.[12] Впрочем, о выдаче его Николаю уже нет и речи[13].

Примите выражение моих сердечных чувств.

[1] Речь идет об «Эпилоге 1849».

[2] Несмотря на опасение вызвать неудовольствие издательской фирмы Гофман и Кампе, Герцен напечатал «Эпилог 1849» в журнале Колачека, 1851, № 12.

[3] Герцен приводит здесь с некоторыми вариантами отрывок из «Эпилога 1849».

[4] См. примеч. 7 к предыдущему письму.

[5] Имеется в виду открытое «Письмо русского к Маццини», напечатанное Герценом в конце «Vom andern Ufer» и перепечатанное в «Voix du Peuple» и в газете Маццини «Italia del Popolo» (см. изд. АН, т. VI, стр. 224—238). Статья Герцена завершалась следующими словами: «Взятие Константинополя ⟨Николаем I⟩ явилось бы началом новой России, началом славянской федерации, *демократической и социальной*».

[6] Осуществил ли Герцен свое намерение написать Фальмерайеру, неизвестно.

[7] Статья Бамбергера о «Vom andern Ufer» была напечатана анонимно в VII книжке «Deutsche Monatsschrift...» за 1850 г. (см. G. Ziegengeist. Herzen und Kolatschek, «Zeitschrift für Slawistik, B. II, H. 3., S. 371—372). Статья Фальмерайера о «Vom andern Ufer» напечатана в VIII книжке этого журнала за тот же год. См. ее анализ в комментариях М. К. Лемке — V, 534—535.

[8] Речь идет «О развитии революционных идей в России», напечатанном по-немецки в №№ 1—3 и 5 журнала Колачека за 1851 г.

[9] См. примеч. 5 к письму № 119.

[10] О *Лёве* см. в примеч. 4 к письму № 28.

[11] 22 июня 1850 г., по предложению радикального депутата Жака Вейара, женевский Большой совет преподнес Джемсу Фази в дар «от имени народа» 200 туазов земли, освободившейся по обеим сторонам Женевского озера в результате сноса военных укреплений.— О попытке Герцена получить женевское гражданство см. в примеч. 2 к письму № 129.

[12] Эмма Гервег выразила желание отправиться в Прагу, чтоб организовать побег Бакунина из тюрьмы.

[13] Бакунин был выдан Австрией русскому правительству в 1851 г.

121

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

11 juillet ⟨1850⟩. Nice

Avant tout — les faits, ensuite viendra une homélie amicale.— Lorsque j'ai trouvé la maison que nous avons louée[1], j'ai si bien pensé à toi, que j'en étais sûr que vous prendriez le second. Cette maison a déjà été visitée par Emma avant notre arrivée — le second lui déplaisait. Dans toutes les autres il n'y avait aucune possibilité. Devais**-je insister? — Emma cherchait une habitation d'un Nabab des Indes pour 1200 fr⟨ancs⟩ par an. Cela serait la répétition de la rue du Cirque[2]. Elle en est revenue maintenant, voyant que pour ce prix, il est impossible de louer quelque chose de mieux.— L'appartement est vide, à mon avis il est bon, il y a 4 ch⟨ambres⟩ à coucher et un salon. Encore une fois, je n'insistais pas, parce que je voyais d'un côté que l'appart⟨ement⟩ ne plaisait pas à Emma, et de l'autre — pas le moindre désir d'en avoir un dans une même maison. Nous avons cherché tout près ***. Je ne savais pas que traverser une rue ou une ville fût la même chose p⟨our⟩ toi.

Moi, je crois que c'est un pas très grand de fait que j'ai loué cette maison, et que nous l'habiterons avant ton arrivée. D'après ta lettre je prévois que dans le cas contraire, nous aurions la répétition de Veytaud[3].—Moi, je ne me doutais pas le moins **** du monde de cette aversion contre la rue

* пылкое воображение (итал.).

** *В автографе:* devrai.— *Ред.*

*** *В автографе:* prêt.—*Ред.*

**** *В подлиннике:* Moindre.— *Ред.*

Anglaise. Emma a regardé une 50⟨-aine⟩ de maisons, moi de même. Nous n'avons pas même pensé aux maisons près du port avec une puanteur dégoûtante,— de tout ce que nous avons vu les meilleures maisons sont dans le quartier Anglais, avec des jardins et des vues magnifiques. Cela commence à te déplaire — l'appartement, c'est assez probable, ne te plaira non plus, il faut y penser à présent, pour ne pas en parler une année entière tous les jours.

A présent, puisque la chose est terminée pour nous, tu auras au moins le bon goût et l'humanisme de trouver que c'est bon, que ça va. Et quant à toi, l'appartement restera vide jusqu'à ton arrivée.— Emma a voulu 2 secondes après ta lettre courir là-bas, arrêter, contracter, déménager. Cela n'est pas mon avis — tu n'as pas le caractère ni assez accommodant, ni même assez tempérant pour ne pas nous punir ensuite. Et faut-il te le dire, cela m'ennuie; faut-il donc s'arrêter dans la vie devant chaque chambre, rue, plat, sauce, *mit Grübeleien*, faut-il donc attacher des poids énormes à chaque pas, lorsque nous en portons assez sur les épaules.— Il y aura des inconvénients, je te le prédis; ces inconvénients ont une cause palpable — l'état financier, si tu pouvais le changer, autre chose, mais comme c'est assez impossible — *Mut des Lebens*, et *vorwärts*, en secouant la poussière des bottes — sans dépenser ni colère, ni nerfs.— Voilà l'homélie. Si tu pouvais lire au fond de mon âme, avec quel désintéressement profond je voudrais, pour vous (sans même parler relativement à moi) que les roues de l'existence soient plus graissées chez vous, et que le sabot des caprices et des petites misères ne les arretât point. C'est toujours une mouche dans une coupe.

Tu vois que je suis fort sur l'allégorie, j'ai quelque chose d'oriental, depuis qu'Edmond est allé — au Sud.

Aujourd'hui nous allons dans la vallée de St. André — première journée possible — c'est à dire, chaleur supportable.

Compliments et saluts à toute la maison de l'oiseleur[4].

Перевод:

11 июля ⟨1850 г.⟩. Ницца

Сначала — факты, затем последует дружеское наставление. — Когда я нашел дом, который мы сняли [1], я, конечно, подумал о тебе и был уверен, что вы займете третий этаж. Но Эмма осматривала уже этот дом до нашего приезда — третий этаж ей не понравился. В остальных устроиться невозможно. Следовало ли мне настаивать? — Эмма искала за 1200 фр⟨анков⟩ в год дворец индийского набоба. Это было бы повторением улицы Cirque [2]. Теперь она раздумала, увидев, что за подобную цену невозможно нанять что-либо лучшее. — Помещение пустует, по-моему оно хорошее, там есть четыре спальни и гостиная. Повторяю, я не настаивал, ибо, с одной стороны, видел, что кварт⟨ира⟩ не нравится Эмме, а с другой, — что у нее нет никакого желания снимать квартиру в том же доме. Мы искали где-нибудь поблизости. — Я не знал, что для тебя перейти улицу или пройти через весь город — одно и то же.

Я же считаю очень удачным шагом, что снял этот дом и что мы поселимся в нем до твоего приезда. Судя по твоему письму, я предвижу, что в противном случае нам грозило бы повторение Вето [3]. Я же меньше всего подозревал о таком отвращении к rue Anglaise. Эмма осмотрела домов 50, я тоже. Дома близ порта, с его отвратительным зловонием, нам и в голову не приходили. Самые лучшие из всех, что мы видели,— в английском квартале, с садами и великолепными видами. Все это начинает тебе не нравиться — квартира, весьма возможно, тебе тоже не понравится. Нужно сейчас подумать хорошенько, чтобы после не говорить об этом целый год изо дня в день.

Надеюсь, что теперь, когда для нас вопрос решен, у тебя хватит, по крайней мере, вкуса и гуманности согласиться, что это неплохо, что это сойдет. А что касается тебя, то квартира останется не занятой до твоего приезда. Получив от тебя письмо, Эмма

уже через 2 минуты готова была туда бежать, снимать, заключать контракт, переезжать. Я другого мнения — ты не так покладист, даже не так сдержан, чтобы не казнить нас потом. Надо ли говорить, как это мне надоело? Нужно ли в жизни останавливаться mit Grübeleien*, перед каждой комнатой, улицей, блюдом, соусом; нужно ли на каждом шагу подвязывать к ногам тяжелый груз, когда его и на плечах достаточно? — Неудобства будут, говорю тебе наперед, и причина их очевидна — это финансовое положение. Если бы ты мог его изменить, другое дело, но так как это почти невозможно, то вооружись Mut des Lebens** и vorwärts ***, отряхнув прах со своих сапог, не растрачивая ни своего гнева, ни нервов.— Это и есть наставление. Если бы ты мог прочесть в тайнике моей души, с каким глубоким бескорыстием я желаю вам (говоря даже безотносительно к себе самому), чтобы колеса вашей жизни были лучше смазаны, чтобы капризы и безделицы не служили им тормозом и не останавливали их. Ведь это как муха в бокале вина.

Видишь, сколь я силен в аллегориях, во мне появилось что-то восточное с тех пор, как Эдмон отправился на юг.

Сегодня мы едем в долину С⟨ент⟩-Андрэ — первый сносный день, то есть жара терпима.

Приветы и поклоны всему дому птицелова[4].

[1] Дом Сю.
[2] На улице Cirque в Париже помещалась роскошно обставленная квартира Гервегов.
[3] Герцен напоминает о даче, снятой Н. А. Герцен в Вето.
[4] Гервег жил в Цюрихе у домовладельца Фогеля, фамилия которого в переводе с немецкого означает «птица».

122

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Nice.⟩ 13 juillet ⟨1850⟩

Tu es malade ou tu deviens un peu troglodyte, ce qui n'est pas étonnant à Zurich, on ne peut pas devenir trop... glodyte demeurant face à face avec Schibel — pourquoi donc cette longue histoire, ces récriminations, pour la maison, et pourquoi ce manque de confiance? Moi, à ta place, j'aurais dit: «*Certes il y a une cause* qu'ils n'ont pas pris les appartements dans une même maison, il faut s'arranger de manière à avoir un appart⟨ement⟩ tout près». Toi, tu te penses abandonné et je ne sais quoi, tu veux rester à Zurich, aller à Genève, je ne sais où. Tu ne feras rien de tout cela, j'ai plus de confiance en toi qu'en tes paroles — mais pourquoi faire ces alarmes? Et Emma s'est habituée à cela, et vous vous tourmentez par une surexaltation nerveuse — je commence même à soupçonner que cela vous fait plaisir,— ces désespoirs, ces paroles atroces, ces résolutions qui ne s'exécuteront jamais.— Mais le comble de l'injustice, c'est l'inculpation que tu me fais, à moi.

Moi j'étais le seul qui dès le premier jour — jusqu'au 13 juillet — n'avait qu'une opinion, qu'il fallait prendre une maison ensemble... Sans parler de l'évidence que dans nos relations, étant dans une ville étrangère, il faut être réunis, je prenais pour une folie de tenir deux maisons, lorsqu'on peut tenir une. La première fois lorsque j'étais dans la maison de Sue, j'ai regardé les 2 étages. Le 2 n'a pas plus à Emma — *primo* (et je le comprends de tout mon cœur), elle ne peut se faire encore aux 2000 Tal⟨ers⟩. Je voyais avec grande tristesse que ses recherches n'aboutirent à rien; ce n'était pas à moi de dire: «Vous cherchez des logements trop chers pour vous» — c'était à elle d'y penser. *Secondo.*— Tu es un grand psychologue. Mais cela n'empêche en rien de faire des appréciations irréelles — en quoi, par quoi

* в раздумье (нем.).
** жизненным мужеством (нем.).
*** вперед (нем.).

as-tu vu qu'Emma voulait demeurer dans une même maison? Je ne le crois pas. Elle a un exclusivisme, très compréhensible du reste, et un exclusivisme nourri en elle non seulement par l'amour pour toi, mais aussi par un amour propre un peu napoléonien.— Elle nous aime, j'en suis si sûr, si convaincu, que si un jour elle me disait le contraire, je ne le croirais pas. Mais pour elle, vivre sous un même toit ou sous deux, est une question secondaire. A présent, en véritable orthodoxe docile, elle le désire[1].— Pourquoi n'as-tu pas pensé à tout cela, avant de lancer tes flèches de Vatican d'Oberschönenberg? Je ne t'en veux pas pour tes doutes — je sais tout ce qu'il y a d'amitié même dans le doute. Mais finissons en avec ces scènes de jeunes filles qui se querellent pour se réconcilier. J'adore la sérénité dans la vie. Sous ce rapport je pourrais citer l'harmonie réelle, c'est-à-dire pratique, qui existe entre moi et Natalie — les grandes questions individuelles sont terminées entre nous — il y a un calme de confiance et de confiance qui n'est pas enfin troublé par les petites disputes qu'on peut avoir tous les jours. Nous pourrions passer cette année à Nice d'une manière magnifique — à qui sera la faute si nous ne le faisons pas.— C'est un fardeau immense que d'éduquer tous les côtés de l'âme jusqu'à cette irritabilité qui fait crier «au feu» à la première appréhension — n'avons-nous pas assez de malheurs non inventés?

Pourquoi louer une maison pour 10 mois?—*Solution*. Parce qu'à Nice celui qui voudrait prendre non par saisons, mais par mois payerait le double, et celui qui prend pour l'hiver — paie très peu le reste. Et comme en général la vie provisoire coûte plus cher, j'ai conseillé de louer non seulement pour 10, mais pour 12 mois. Ce qui été fait — plus de papier. Adieu.

Перевод.

<Ницца.> 13 июля <1850 г.>

То ли ты болен, то ли становишься немного троглодитом — в Цюрихе это неудивительно: находясь бок о бок с Шибелем, слишком... глодитом стать невозможно * — к чему же эта длинная история, эти обиды из-за дома, и почему такое недоверие? — На твоем месте я бы сказал: «*Наверное, есть причина*, почему не сняли квартиру в одном и том же доме, надо устроить так, чтобы найти квартиру поблизости». А ты считаешь, что тебя бросили и не знаю что еще, ты хочешь остаться в Цюрихе, поехать в Женеву, не знаю еще куда. Ничего этого ты не сделаешь, я больше доверяю тебе самому, чем твоим словам, но к чему бить тревогу? А Эмма уже привыкла к этому, и вы мучаете себя нервозной сверхэкзальтацией — я даже начинаю подозревать, что все это — и взрывы отчаяния, и жестокие слова, и решения, которые никогда не будут выполнены,— доставляет вам удовольствие. Но верх несправедливости — это обвинение, брошенное мне.

Только я один с первого же дня — по 13-е июля — был того мнения, что надобно снять дом сообща... Не говоря уже о том, что при наших отношениях, находясь в чужом городе, нам, совершенно очевидно, нужно быть вместе,— я считал безумием держать два дома, если можно держать один. Когда я был в доме Сю в первый раз, я осмотрел оба этажа. *Primo*, третий этаж Эмме не понравился (я всем сердцем ее понимаю), она еще не привыкла довольствоваться 2000 талерами. Я с глубоким огорчением предвидел, что ее поиски не приведут ни к чему, но не мне же было говорить: «Вы ищете квартиры, слишком для вас дорогие» — она сама должна была об этом думать. *Secondo*, ты великий психолог, но это нисколько не мешает тебе делать самые невероятные оценки. Где, в чем ты усмотрел, что Эмма хотела поселиться в том же доме? Я этого не думаю. В ней живет дух исключительности, вообще говоря очень понятный, дух исключительности, питаемый не только любовью к тебе, но и самолюбием, чуть-чуть наполеоновским. Она нас любит, я в этом так уверен, так убежден, что если б она когда-нибудь сказала мне обратное, я б этому не поверил. Но для нее жить с нами под одной или под разными крышами — вопрос второстепенный.

* Каламбур: первый слог слова «troglodite» и «trop» (много, слишком) по-французски звучат одинаково. Противопоставляется слову «peu» (немного).

Теперь она как истая и послушная правоверная этого уже хочет[1]. Почему ты не подумал об этом прежде чем метать ватиканские стрелы из своего Верхнекрасногорья? Я не сержусь на тебя за твои сомнения, я знаю, сколько дружбы кроется даже в сомнении. Но давай покончим со сценами, приличествующими молоденьким девушкам, которые ссорятся для того, чтобы мириться. В жизни я страстно люблю ясность, в этом отношении я мог бы сослаться на подлинную, иначе говоря, действительную гармонию, существующую между мной и Натали — большие вопросы личного порядка между нами решены, у нас воцарился покой, покой, основанный на доверии, и те мелкие разногласия, которые могут возникать в повседневной жизни, уже не в силах нарушить это доверие. Мы могли бы чудесным образом провести в Ницце нынешний год—кто будет виноват, если мы этого не сделаем? — Довести себя до той степени душевной возбудимости, когда при малейшем испуге начинаешь кричать «пожар», — значит взвалить на себя огромное бремя: разве у нас мало несчастий, чтобы их еще придумывать?

Почему надо снимать дом на 10 месяцев? *Ответ.* Потому что тот, кто пожелает снять в Ницце дом не посезонно, а помесячно, заплатит вдвое, тот же, кто снимает на зиму, платит за оставшиеся месяцы совсем немного. А так как обычно временное пребывание обходится дороже, я посоветовал снять не только на 10 месяцев, но на год, что и было сделано. — Бумага кончилась. Прощай.

[1] Эмма Гервег, охваченная чувством ревности, которое она скрывала от Герцена, старалась предотвратить совместную жизнь ее мужа под одной крышей с Н. А. Герцен. Однако отсутствие достаточных материальных средств для найма подходящего отдельного дома принудило ее все же переехать в дом Сю, снятый Герценом. См. об этом подробнее ниже, в нашем обзоре писем Н. А. Герцен к Гервегу.

123

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Nice.⟩ 15 juillet ⟨1850⟩

L'ultima lettera a Zurigo.

Cher Georges, *Ende gut, alles gut* — viens ici et laisse à Zurich toutes les *Grübelei en*⟩. Tu as voulu un étage dans la même maison — tu l'as, tu as voulu un jardin commun, tu en as un comme deux. Tu as même plus ce que tu as voulu — la rue Anglaise que tu n'as pas voulue; eh bien va prendre une place dans la diligence. Moi je refuse complètement, sans intervention de force majeure (comme incendie, guerre, peste, démo-socie...) d'écrire à Zurich.

Ma femme m'a lu ta dernière lettre — elle devait le faire, cela serait presque une trahison de ne pas me faire part de tes doutes étranges sur mon compte. J'en étais profondément chagriné.— Mais qu'as tu donc, *caro mio*, tu prends mes reparties, mes intolérances, enfin mes impatiences pour une preuve que moi j'ai quelque rancune contre toi. Tu es dans l'erreur la plus profonde. Tout ce que j'avais sur le cœur, je l'ai écrit[1], je l'ai écrit le même jour — mais je n'avais pas de rancune. Et pourquoi — suis-je fou? Quelle dose de dureté ingrate tu devais me supposer — non, non, tu n'y crois non plus.

Vous avez un mauvais laps de chemin à passer, j'ai cru qu'il ne fallait pas augmenter par des maux fantastiques des maux véritables.— Depuis mon arrivée à Paris, je répétais la même chose.— Laissons cela — à quoi bon ce rôle d'ami perroquet, d'ami aumônier — quelque chose restera, tu y penseras quelquefois. Quand je regarde cette agitation, que ta correspondance soutient entre Emma et toi—faut-il de le dire, un sourire me vient sur les lèvres, en pensant qu'au commencement de l'hiver j'en étais aussi agité... En attendant, ni toi, ni elle ne pensent, en verité, à une nécessité très prosaïque de fixer votre manière de vivre, le peu d'argent s'en va dans ce trouble, dans cette agitation stérile. Comment palper à chaque instant, mettre en question à chaque lettre toutes les bases de votre existence?

Je ne m'approche pas trop légèrement des hommes, mais une fois lié avec eux, je tiens cela pour un fait, le jeux de Gretchen — «*liebt mich, liebt mich nicht*» — n'était possible qu'au commencement — chez vous cela continue.

Subjectivement j'étais souvent froissé par ce que j'ai appelé dans une de mes dernières lettres l'intempérance du style[1]. Je trouve qu'il y a quelque

FEUILLETON

DE

L'AVENEMENT DU PEUPLE.

LE PEUPLE RUSSE.

LETTRE A M. J. MICHELET,

Professeur au Collége de France.

Par ALEXANDRE HERZEN.

La lecture des *Légendes de la Démocratie*, que M. Michelet publie dans l'*Avénemsnt*, vient de prevoquer, de la part d'un des écrivains patriotes les plus éminens de la Russie, une réponse dont la touchante éloquence fera battre tous les cœurs.

Nous nous empressons d'en offrir quelques extraits aux amis de la liberté de tous les pays.

Camille Berru.

« Le passé du peuple russe est obscur; son présent est affreux; il a néanmoins quelques droits à l'avenir; il ne *croit* pas à son état ac-

Habsbourg l'a repassée à Nicolas.

» Bakounine, on me l'écrit de Pétersbourg, se trouve entre les mains de la Russie. Il est à Shlusselbourg, dans cette forteresse d'horrible mémoire où l'on tenait jadis enfermé comme une bête fauve, l'enfant royal Jean, petit-fils du tsar Alexis, assassiné par Catherine II, cette femme qui, les mains teintes encore du sang de son époux, tua le prisonnier, et fit décapiter ensuite le malheureux officier exécuteur fidèle de sa consigne.

» Dans cette forteresse humide, baignée par les eaux glacées du Ladoga, Bakounine a déjà subi la torture. L'on sait qu'il ne parlera pas; l'on ne veut même rien savoir; cependant on l'a torturé... Ici point d'illusion, point d'espérance!

» Qu'il s'endorme donc du dernier sommeil, qu'il meure, car il est impossible de le sauver.

» Que son nom soit béni, vengé... et par qui?

» Nous aussi, nous tomberons au milieu de notre route; mais alors, de votre voix austère, grave et sonore, vous rappellerez encore une fois à nos enfans qu'ils ont une dette a payer...

» Je m'arrête au souvenir de ce martyr. C'est en son nom et au mien que je vous serre affectueusement la main.

» ALEXANDRE HERZEN.

» Nice Maritime, 22 septembre 1851.

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ СТАТЬИ ГЕРЦЕНА «РУССКИЙ НАРОД И СОЦИАЛИЗМ. ПИСЬМО К Ж. МИШЛЕ». ПОЯВИЛАСЬ ПОД ЗАГЛАВИЕМ «РУССКИЙ НАРОД» В ГАЗЕТЕ «L'AVENEMENT DU PEUPLE» ОТ 19 НОЯБРЯ 1851 г.

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

chose de leste de traiter tout de suite son ami en goujat. Comprends-tu que c'est la même chose que de flétrir l'amour d'une femme en lui reprochant l'infidélité—à tort et à travers. On peut dire que c'est de l'amour outré, mais... mais... j'aime avec fanatisme l'indépendance, même dans les affections.

Donc. Prends une place dans la diligence.— Aujourd'hui c'est le 15. Le 1 août nous serons installés dans la maison Sue — je te donne cette quinzaine, pas plus.

Ordre du jour donné sous les Alpes Maritimes.

Il 15 luglio

Merci pour les renseignements. Rotsch⟨ild⟩ m'a proposé encore à Paris l'emprunt piémontais, je n'ai pas voulu. Je prendrai, au reste, des notes. Il ne vous donnera jamais les 3%. Mais à quoi bon se presser, à présent cette affaire a perdu tout l'intérêt; l'argent est sauvé, de manière ou d'autre on pourra le placer.— Bamberger qui a pris des renseign⟨ements⟩ à Londres ne conseille que l'Amérique.— Nous verrons.

L'article de Fallmer⟨ayer⟩ m'intéresse[2]. La lettre à toi[3] est attaquable parce qu'elle est peu développée. Mais je suis prêt à défendre la pensée dirigeante avec acharnement et respect pour un homme comme Fall⟨merayer⟩.— J'ai lu *moi-même* dans la gazette d'Augsbourg l'infamie concernant Bacounine et voilà comment. «*Prague*. Des bruits sans fondement disent que B⟨acounine⟩ sera livré à la Russie, et s'étonnent que l'Autriche a pris sur elle le rôle d'exécuteur de hautes œuvres — tout cela est une invention grossière. B⟨acounine⟩ a été amené à Prague pour être confronté avec d'autres accusés politi⟨ques⟩.— La nécessité de cette démarche est complètement justifiée, déjà il y a une vingtaine d'arrestations faites sur les dépositions de B⟨acounine⟩». Je reponds pour le sens, j'ai lu cela ici vers le 1 juillet, on peut donc retrouver.

Pour que tu ne fasses point d'illusion, je dois t'avertir les larmes au yeux et le cœur fendu de douleur, qu'on ne peut plus boire du vin de Bourgogne (quoiqu'il soit très bon)—ni cognac, ni bourgogne, cela échauffe tellement, qu'on craint l'apopléxie. Mais il y en a de tres bon bordeaux, et, chose étrange, le climat pousse l'homme (*das Ebenbild Gottes*) — au bordeau ici.

Enfin — est-ce que l'arrivée de Vogt est sûre?[4] Si Löwe venait avant lui, il pourrait aussi donner des leçons.— Adieu.

J'ai lu avec vénération pour notre sympathie que la mort de Sir R. Peel[5] nous a fait tout de suite penser à Adèle de Genève[6].— Mais je crois que James le Territorial peut à présent la consoler — au moins avec du gravier[7].

Перевод:

*L'ultima lettera a Zurigo**. ⟨Ницца.⟩ 15 июля ⟨1850 г.⟩

Дорогой Георг, Ende gut, alles gut ** — приезжай сюда и оставь в Цюрихе все свои Grubelei⟨en⟩ ***. Тебе хотелось снять этаж в том же доме — этаж в твоем распоряжении, тебе хотелось, чтоб у нас был общий сад — в твоем распоряжении сад, равный по величине двум. Ты получил даже больше того, чего желал,— Английскую улицу, которой не желал, так садись же поскорее в дилижанс. Что до меня, то я категорически отказываюсь, если только не случится какое-либо чрезвычайное происшествие (вроде пожара, войны, чумы, демо-соци...), писать в Цюрих.

Моя жена прочла мне твое последнее письмо — она должна была это сделать: не сообщить мне о твоих странных сомнениях на мой счет было бы почти предательством. Они меня глубоко огорчили. — Но что с тобой, caro mio, ты принимаешь мои возражения, мою нетерпимость, наконец, мое нетерпение за доказательство того, что я затаил какую-то обиду на тебя. Ты глубоко ошибаешься. Обо всем, что у меня на сердце, я написал, написал в тот же день, но никакой обиды я не затаил. Да чего ради, разве я сумасшедший? Сколько же черствой неблагодарности ты должен был предполагать во мне — нет, нет, ты сам этому больше не веришь.

Впереди у вас трудные времена, я полагал, что не надобно прибавлять к действительным неприятностям несуществующие. С самого моего приезда в Париж я повторял одно и то же. Оставим это, к чему играть роль друга-попугая, друга-исповедника,— кое-что в памяти сохранится, и ты нет-нет да и задумаешься над этим. Должен при-

---

* Последнее письмо в Цюрих (итал.).
** все хорошо, что хорошо кончается (нем.).
*** раздумья (нем.).

знаться, что, видя возбужденное состояние, в котором твоя переписка с Эммой держит вас, я не могу не улыбнуться, вспоминая, как в начале зимы она и меня приводила в волнение. А пока ни ты, ни Эмма по-настоящему не думаете о весьма прозаической необходимости ввести в определенные рамки свой образ жизни, и небольшие средства тают среди этих душевных тревог, среди этих бесплодных волнений. Можно ли каждую минуту, в каждом письме затрагивать и поднимать все основные вопросы вашего совместного существования?

Я не очень легко схожусь с людьми, но, однажды сблизившись с человеком, я считаю это за совершившийся факт: играть, как Гретхен, в liebt mich, liebt mich nicht* можно только в начале, у вас же это все еще продолжается.

Меня часто коробило то, что я назвал в одном из последних своих писем невоздержанностью стиля [1]. Я нахожу, что как-то легкомысленно обращаться, не задумываясь, с другом, словно с негодяем. Понимаешь ли, это все равно, что надругаться над любовью женщины, упрекая ее ни за что ни про что в неверности. Можно сказать, что это от чрезмерной любви, но... но... я фанатично люблю независимость, даже в привязанностях.

Итак. Садись в дилижанс. — Сегодня 15-е число. 1 августа мы переедем в дом Сю — предоставляю тебе эти две недели, не больше.

Сей приказ дан у подножья приморских Альп.

Il 15 luglio**

Спасибо за сведения. Ротш⟨ильд⟩ предлагал мне еще в Париже пьемонтский заем, я не захотел. Впрочем, я наведу справки. Он никогда вам не даст 3%. Но зачем же торопиться, теперь это дело потеряло всякий интерес, деньги спасены; так или иначе, их можно будет поместить. Бамбергер, который навел спр⟨авки⟩ в Лондоне, советует только американские ⟨бумаги⟩. — Посмотрим.

Статья Фальмер⟨айера⟩ меня интересует [2]. Уязвимое место моего письма к тебе [3] — недостаточная его развернутость. Но при всем уважении к такому человеку, ⟨как⟩ Фаль⟨мерайер⟩, я готов яростно защищать основную идею. — Я *сам* читал в Аугсбургской газете гнусность о Бакунине, а именно: «*Прага*. По недостоверным слухам Б⟨акунин⟩ будет выдан России, и вызывает удивление, что Австрия взяла на себя роль палача, — все это грубая ложь. Б⟨акунин⟩ был привезен в Прагу для очной ставки с другими политич⟨ескими⟩ обвиненными. — Необходимость такой меры полностью себя оправдала. В результате показаний Б⟨акунина⟩ уже арестовано два десятка человек». За смысл я ручаюсь, я читал это здесь числа 1 июля — значит можно отыскать.

Чтобы ты не строил себе иллюзий, я должен предупредить тебя со слезами на глазах и с разбитым сердцем, что бургундское (хотя оно и очень хорошее) больше пить нельзя — ни коньяк, ни бургундское — они так горячат, что можно опасаться апоплексического удара. Но есть очень хорошее бордо и, как ни удивительно, здесь сам климат толкает человека (Das Ebenbild Gottes***) в бордель. И наконец, точно ли приедет Фогт? [4] Если бы Лёве приехал раньше его, он тоже мог бы давать уроки.

Прощай.

Прочел, проникнувшись уважением к сродству наших чувств, что смерть сэра Р. Пиля [5] заставила нас сразу же подумать о женевской Адели [6]. — Но я полагаю, что Джемс Земельный может теперь ее утешить — по крайней мере песочком [7].

[1] См. выше письмо № 122.
[2] О статье Фальмерайера см. в примеч. 7 к письму № 120.
[3] Имеется в виду открытое письмо к Гервегу, напечатанное в «Vom andern Ufer».
[4] К. Фогт вскоре приехал в Ниццу, где и сблизился с Герценом.
[5] Английский государственный деятель Роберт Пиль умер 2 июля 1850 г.
[6] Кого имел здесь в виду Герцен — неясно.
[7] *Джемс Земельный* — Фази. См. примеч. 11 к письму № 120.

---

* любит, не любит (нем.).
** сего 15 июля (итал.).
*** образ и подобие божие (нем.).

124

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Ницца. 17 июля 1850 г.⟩

P. S. A ma dernière lettre du 15[1].

Oui, on peut trouver un historien magnifique, je parle de Kavéline ou de Solovieff. Mais je crois que pour les Scythes l'honoraire paraîtra petit — eh bien, on chauffera par la gloire, la propagande[2].—Je t'envoie l'article pour Kolatschek et j'ai un mal de tête beaucoup plus convenable à un chien enragé, qu'à un littérateur polyglotte.

Ягору Васильевичу Ервегу.

Перевод:

⟨Ницца. 17 июля 1850 г.⟩

P. S. к моему последнему письму от 15-го[1].

Конечно, можно найти замечательного историка, я говорю о Кавелине или о Соловьеве. Но я думаю, что гонорар покажется скифам маловат — ну что же, можно подогреть их славой, пропагандой[2]. Посылаю тебе статью для Колачека, а я страдаю от головной боли, приличной скорее бешеной собаке, нежели литератору-полиглоту.

Ягору Васильевичу Ервегу.

[1] В предыдущем письме Герцен объявил Гервегу, что больше писать в Цюрих не будет; поэтому, не желая нарушить данное слово, он в шутку называет это и следующие письма только *приписками* к письму от 15 июля.

[2] По-видимому, речь здесь идет о намерении привлечь в качестве сотрудников в журнал Колачека «Deutsche Monatsschrift...» или в другое издание — К. Д. Кавелина и С. М. Соловьева.

125

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Nice.⟩ 18 juillet ⟨1850⟩

P. S. № 2 à la dernière lettre du 15 juillet[1].

J'ai envoyé hier au nom de ma mère un cahier monstre pour Kolatsc hek⟩[2], j'attends de toi une lettre fulminante, écrasante—pour une lettre tant soit peu fâchée que j'ai écrite, si je ne me trompe, le 10[3]. Je profite donc du temps que ta réponse se promène par la Corniche pour donner les instructions suivantes.

Tu verras toi-même que l'*Epilogue* et l'autre article se complètent nécessairement — je voudrais les voir imprimés ensemble, mais comme l'*Epilogue* est moins imprimable, s'il se trouvait quelque obstacle, il faut l'envoyer à Hoffmann et C⟨ampe⟩; en toute justice il lui appartient parce que j'ai promis. Mais dans un temps où le roi de Saxe, de Wurtemberg etc., etc. ne tiennent pas la parole jurée, je ne veux pas servir de trouble-fête et tenir la mienne, ce qui pourrait même offenser ces petits polissons[4].

Est-ce que le journal de Kol⟨atschek⟩ parait à Zurich? Prie-le de m'envoyer du № suivant tous les №⟨№⟩—Si c'est faisable, je voudrais avoir une dizaine d'exempl⟨aires⟩ de mon article.

Concernant les livres, on pourrait les envoyer à l'adresse de Visconti, libraire à Nice, par des libraires, *aber nicht den ganzen Strunt, einen Teil kann man irgendwo lassen.*

Ensuite que ferons-nous des exemplaires de ma brochure? On peut prendre avec quelques exempl⟨aires⟩, mais les autres?

Pourquoi ne pas laisser tout cela chez un libraire pour garder jusqu'à ce que nous demanderions? Ici les voyageurs n'ont aucune difficulté avec les livres, mais lorsqu'on envoie, il y a toujours du fil à retordre.

Перевод:

⟨Ницца.⟩ 18 июля ⟨1850 г.⟩

P. S. № 2 к последнему письму от 15 июля[1].

Вчера я отослал на имя моей матери толстейшую тетрадь для Колач⟨ека⟩[2]; жду от тебя грозного, сокрушительного письма за мое немного сердитое послание, которое

я написал тебе, если не ошибаюсь, 10-го [3]. Итак, пользуюсь временем, пока ответ твой еще гуляет по Корниче, чтобы дать нижеследующие указания.

Ты сам увидишь, что «Эпилог» и статья естественно дополняют друг друга, я хотел бы, чтобы их напечатали вместе, но «Эпилог» менее годится для печати, поэтому, если возникнут какие-либо препятствия, надобно переслать его Гофману и К⟨ампе⟩, он по всей справедливости принадлежит им, так как я им его обещал. Но в то время, когда король Саксонский, Вюртембергский и пр. и пр. не держат своего клятвенного обещания, я тоже не хочу нарушать порядок, сдержав свое, что могло бы даже оскорбить этих проказников [4]. Разве журнал Кол⟨ачека⟩ выходит в Цюрихе? Попроси его высылать мне все номера, начиная с ближайшего. — Если можно, я хотел бы получить экземпляров десять моей статьи.

Что касается книг, то их можно послать по адресу книжного магазина Висконти в Ницце, через книготорговцев, aber nicht den ganzen Strunt, einen Teil kann man irgendwo lassen *.

Затем, что нам делать с экземплярами моей брошюры? Несколько экземпл⟨яров⟩ можно захватить с собой, а остальные?

Нельзя ли оставить их у какого-нибудь книготорговца на хранение, пока мы не затребуем. У приезжающих никаких затруднений с книгами здесь не бывает, но с пересылкой их сюда всегда большая канитель.

[1] См. примеч. 1 к предыдущему письму.
[2] По-видимому, «Omnia mea mecum porto».
[3] Речь, вероятно, идет о письме не от 10, а от 11 июля (см. письмо № 120).
[4] Герцен намекает на нарушение конституционных обещаний, взятых на себя королями Саксонии и Вюртемберга под давлением революционных событий 1848 г.

126

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

3 suppl⟨ément⟩ à la dernière lettre [1].

⟨Nice.⟩ 23 juillet ⟨1850⟩

Qu'aurais-tu dit en recevant une lettre qui ne contiendrait que ces peu de paroles, tu m'aurais inculpé de trahison, d'assassinat, d'inceste, d'être péd... pédicure c'est-à-dire. Et que faire contre la fatalité? A peine avais-je écrit ces mots «23 juillet» qu'Elise vint me dire qu'il y a juste 3 minutes pour finir ma lettre, la cacheter et la porter à la poste, or donc il faut 6 minutes pour aller jusqu'à Visconti et la poste est plus loin.— A ce récit de Théramène, j'ai voulu dire ce que Thésée avait oublié: «taisez-vous» — ne voulant pas faire un mauvais calembour le jour même du décès orléanique (*ad instar* du duc d'Orléans) d'Ipo... ⟨Hippolyte?⟩[2]. Mais Elise était loin — et moi, pâle, malheureux, avec une lettre d'Emma, de ma femme, de Tata, d'Ada, à toi, à ma mère, à la mer Méditerranée — non, tu ne me comprends pas et voilà pourquoi il faut venir ici et ne plus parler par écrit — vois-tu, tu penses qu'il y avait une lettre pour la mer Méditerranée — du tout — j'ai voulu courir et me noyer pour ne pas recevoir le 2 août une lettre fulmicotonnante, accablante de toi et pour ne jamais rencontrer Emma me disant: «Et toi, traître». Ainsi je recommandai à dieu mes enfants et je me proposai de finir comme *Méduse* [3].

Mais la pensée me vint de te féliciter sur la prochaine arrivée à Nice de la belle c⟨om⟩tesse octogénaire, de la Didone trois fois abandonnée, elle viendra baigner ses beaux nus sous les Alpes Maritimes — et grâce à Emma — sous tes fenêtres [4].— Eh bien, j'aurai toujours le temps de me noyer pour l'éternité, je veux voir les beaux nus de la c⟨om⟩tesse. A demain.

24 juillet

Je ne t'inculpais pas l'autre jour des dépenses etc., relis la lettre, et tu verras qu'il s'agissait d'Emma. Vos deux dernières années on

* не весь этот хлам, часть можно где-нибудь оставить (нем.).

fait une grande brèche — et de longtemps elle ne sera comblée. Pour moi, c'était pénible à voir qu'Emma te traitait en enfant et ne te faisait qu'un tableau adouci, c'était pénible pour moi de voir que tu te laissais à ce ménagement — c'etait *ein bewußtes Ignorieren*. Cela ne doit pas être, parce que ça vous ruinera. Oui, on peut vivre en Italie avec votre revenu — mais il faut savoir s'arranger. Je t'assure que je connais tes affaires *mieux* que toi. J'ai vu au mois de janvier quel gouffre il fallait emplir (tu n'écriras pas de cela).

Pense bien, comme nous sommes encore du vieux monde, pourquoi tu t'es fâché de ce que j'aie dit quelques mots sur ce sujet? *Corpo di Bacco*, nous parlons librement de nos sentiments les plus intimes, les plus sacrés — et nous n'osons ouvrir la bouche sur les affaires pécuniaires.

Перевод:

<Ницца.> 23 июля <1850 г.>

3-е приб<авление> к последнему письму [1].

Что бы ты сказал, получив письмо, содержащее лишь эти несколько строчек? Ты обвинил бы меня в предательстве, в убийстве, в кровосмешении, в том, что я пед... педикюрщик, то есть. Но что поделаешь против судьбы? Едва я написал слова «23 июля», как Элиза пришла предупредить, что в моем распоряжении ровно 3 минуты, чтобы закончить, запечатать и отнести письмо на почту; но ведь чтобы дойти до Висконти нужно 6 минут, а почта еще дальше.—При этой Терамеиовой речи, я хотел было сказать то, что позабыл сказать Тезей: «молчите»*, — не желая неудачно скаламбурить в самый день орлеанической кончины (ad instar** герцога Орлеанского) Ип<полита?>[2] Но Элиза была далеко, а я сидел бледный, несчастный, держа в руках письма Эммы, моей жены, Таты, Ады, к тебе, к моей матери, к Средиземному морю*** — нет, ты не понимаешь меня, и вот почему тебе нужно приехать сюда, а не объясняться больше письменно — видишь ли, ты полагаешь, что было письмо для Средиземного моря, отнюдь — я хотел бежать и утопиться, чтобы не получить от тебя 2 августа пропироксилиненное, удручающее письмо и чтобы никогда больше не встречаться с Эммой, бросающей мне слова «и ты предатель». И вот я поручил богу своих детей и решил покончить с собой, как «Медуза» [3].

Но тут мне пришла в голову мысль поздравить тебя по случаю предстоящего приезда в Ниццу прекрасной восьмидесятилетней графини, трижды покинутой Дидоны, она приедет омывать свои нагие прелести у подножья Приморских Альп — и благодаря Эмме — под твоими окнами [4].— Ну что ж, у меня всегда будет время кануть в вечность, но прежде мне хочется увидеть нагие прелести графини. До завтра.

24 июля

В прошлый раз я не тебя винил в расходах и т. д., перечитай письмо и ты увидишь, что речь шла об Эмме. За последние два года в вашем состоянии образовалась огромная брешь — и она еще долго не будет заполнена. Мне тяжело было видеть что Эмма обращается с тобой, как с ребенком, рисуя тебе все в светлых тонах, мне тяжело было видеть, что ты позволяешь так оберегать себя — это было ein bewußtes Ignorieren****. Так быть не должно, потому что это разорит вас. Да, на ваши доходы можно прожить в Италии, но надобно уметь устраиваться. Поверь мне, я знаю твои дела *лучше* тебя. Я видел в январе, какую бездонную яму нужно было заполнить (ты не станешь писать об этом).

Подумай только, до чего мы еще принадлежим старому миру. Почему ты рассердился на то, что я сказал несколько слов по этому поводу? Corpo di Bacco*****, мы свободно говорим о наших самых интимных, самых заветных чувствах — и не смеем рта раскрыть, когда дело касается денежных вопросов.

---

* Каламбур: «Thésée» (Тезей) и «taisez» (молчите) по-французски произносятся одинаково.

** на манер (лат.).

*** Каламбур: по-французски «мать» (mère) и «море» (mer) звучат одинаково.

**** сознательное игнорирование (нем.).

***** Чёрт возьми (итал.).

КАРИКАТУРА НА ЛУИ-НАПОЛЕОНА, ПОДГОТОВЛЯЮЩЕГО СО СВОИМИ СПОДВИЖНИКАМИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ

Рисунок Ш. Вернье

На блюдах, которые подносят Наполеону, надписи (слева направо): «Закон о народном образовании», «Президентство на 10 лет», «Избирательный закон». На переднем плане Тьер с бутылкой белого вина. Под рисунком: «Но я никак не смогу все это проглотить
—Кушайте, кушайте, аппетит приходит с едой.

«Charivari» от 20 июня 1850 г.

[1] См. примеч. 1 к письму № 124.

[2] *Терамен*, *Тезей* и *Ипполит* — герои трагедии Расина «Федра».

[3] «*Медуза*» — корабль, затонувший 2 июля 1816 г. в 40 льё от западного берега Африки. Это кораблекрушение, сопровождавшееся большим числом жертв. приобрело широкую и долговременную известность.

[4] По-видимому, Герцен вышучивает здесь графиню д'Агу, в прошлом возлюбленную Гервега и Франца Листа. Она была старше Гервега на двенадцать лет; в это время ей было сорок пять лет. См. о ней выше, в примеч. 14 к письму № 74.

127

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Nice.⟩ 30 juillet ⟨1850⟩

Tu m'as fait beaucoup de plaisir en me disant... devine, si tu peux,— en me disant que tu étais malade [1]. Je commençais déjà à m'indigner sérieusement de ces délais éternels, d'autant plus que je savais que tu trouvais qu'il fait encore trop chaud pour le voyage, et je le savais parce que ma mère a écrit: «Je suis d'accord avec G⟨eorges⟩ qu'il fait, etc.». J'ai pensé que dans ces temps révolutionnaires la chaleur pouvait continuer jusqu'au mois de mai de l'année 1857.

Par un ordre du jour daté de Zurich, tu mis une défense complète à faire des suppositions, hypothèses, probabilités et autres opérations, par lesquelles l'esprit humain cherche à savoir ce qu'il ne sait pas — concernant ton absence. Mais tu sais la faiblesse de l'homme; après avoir longtemps pensé, nous nous sommes arrêtés à cette supposition: «Ma mère a écrit il y a deux

mois que tu avais coupé tes cheveux — or donc tu attends qu'ils repoussent pour repousser du littoral Suisse la barque qui doit te rendre à Nice».— C'était la dernière hypothèse lorsque ta lettre a dit que tu étais malade. Pourquoi ne m'as-tu pas écrit avant? je t'aurais ménagé beaucoup de reproches de la part d'Emma, et j'aurais trouvé les moyens de la consoler, mais comme j'étais moi-même *tanto poco arrabiato* — j'ai aussi pesté, vociféré julesfavrisé [2] tes retards. Au reste — Dieu et Löwe aidant — cela doit passer et tu viendras — et cela sera fini.

Il y a ici à l'hôtel une femme de chambre qui ne parle ni le français, ni l'italien, mais un jargon incompréhensible. Emma a de suite commencé à parler avec elle. Elle est allée d'une supposition magnifique, si on estropie tous les mots français et italiens, elle doit comprendre. *Exempli gratia*, elle dit à la femme: «Porta cana dans l'appartamiento del aguuia fredigosca», ou: «Ba la cete parquetoceio nel Salione mangisco».— C'est bien dommage que la femme de chambre comprenne encore moins cette nouvelle langue.

Tout ce que ma femme et Emma ont écrit concernant mes disputes avec Emma, n'est que la suite d'une calomnie qui ferait honneur à Barde [3]. Il n'y a qu'un seul point sur lequel nous disputons: en vérité je suppose qu'il ne faut rien faire lorsqu'on n'a rien à faire — et Emma pense que c'est alors qu'il faut faire.

Moi, je dis non seulement, ⟨qu'⟩ il ne faut pas mentir, mais qu'il ne faut pas dire la vérité — lorsqu'on peut s'en passer... etc. Moi, je suis vieux conservateur, et en qualité de Slave et de Russe — un peu plus rusé.

Melgounoff déplore depuis 5 ou 6 ans l'ouvrage de Kœnig, il lui a dicté sous des influences de moscov⟨ites⟩. Par ex⟨emple⟩ il parle de Chomiakoff comme d'un grand poète etc.[4] Il me ⟨le⟩ fallait pour faciliter la mémoire. Au reste, j'ai fait un traité politique, au lieu d'un ⟨traité⟩ littéraire [5].

Je pourrais préparer pour le 1 sempt⟨embre⟩ l'article.

Dis à Kol⟨atschek⟩ de m'envoyer le journal *sous bande*, *mais affranchi* — autrement cela ne partira pas.

J'ai reçu le *Peuple*, l'article de Proud⟨hon⟩ est froid, le reste..![6]

Et encore un mot. Tu demandes pourquoi je ne réponds pas sur tes dispositions *égalitaires*. Premièrement il n'y avait pas de question, et ensuite je ne répondais pas, parce que je les rejette complètement, absolument, comme offense à notre amitié, comme ironie du mot même de la bessonnerie, comme *Spießbürgerlichkeit*, comme *Philisterei* — et comme impossibilité complète.— A ces conditions (si je les prenais au sérieux) je cèderais mon appart⟨ement⟩ à la c⟨om⟩tesse d'Ag⟨oult⟩ ou au v⟨icom⟩te d'Arlincourt,— voilà ma réponse et je trouverai fort juste, si tu prends les mêmes mesures disciplinaires contre la c⟨om⟩tesse (au moins le jour).

Proposant à Emma de demeurer ensemble, sans parler de choses intimes, je représentais l'immense économie d'avoir *une* salle à manger, *une* cuisine, *un* cuisinier, enfin je pensais moi à une vie commune et non à un *voisinage vertical*. Sans me faire perdre quelque chose — cela aurait diminué vos dépenses de la moitié.— Comment le faire avec l'étiquette espagnole que tu exiges? Comment dresser aujourd'hui la table en bas, demain chez toi, comment enfin savoir quand il faut être sur la terrasse et quand dans le jardin qui est commun, et si une promenade dans le jardin est équivalente à une visite...

Je n'ai pas répondu — et voulais passer à l'ordre du jour pur et simple. Tu ne l'as pas voulu.

Weiter: tu me demandes «où j'ai montré le courage de la vie?».— Nulle part — mais 1° est-ce que c'est une cause pour que tu n'en aies pas, ou que moi ne puisse le comprendre et 2° où est-ce que j'ai montré le contraire? Dans la crainte de perdre la moitié de la fortune, mais je me tiendrais pour fou à lier, pour Struve, pour S⟨aint⟩ Siméon le Stylite, si je n'avais pas

épuisé tous les moyens pour la sauver, et même si cela avait duré 16 mois au lieu de 6.

Mais tout cela n'empêche pas de te dire que tu as parfaitement raison en parlant des Slaves et encore plus des Russes, c'est vrai au point que même Gans[7] à Berlin disait que l'imitation et l'acceptibilité sans assimilation est le caractère distinctif des Slaves.— Il y a de graves considérations pourtant à faire; la manie de se jeter sur tout, de tout entreprendre et étudier est une suite de l'état dans lequel on se trouve. N'oublie jamais l'état abnormal ⟨!⟩ qui est créé pour nous autres par la civilisation forcée. Par malheur le peuple restant de l'autre côté, le gouvernement a pu civiliser et opprimer en même temps. De là l'ironie, de là cette démangeaison d'émotions, pour s'oublier, et pas de racines. La période de Pétersbourg n'est qu'une dure école, n'est qu'une transition — et ce que tu vois n'est que le caractère de la transition.

Je ne sais pas pourquoi tu parles de mon patriotisme, je connaîs plus que vous la race Slave, j'en parle; je vois comme Haxthausen[8] l'immense possibilité du développement et la jeunesse vigoureuse de la race. Je vois, comme Fallmerayer qu'une guerre, une lutte à mort avec la Russie est imminente et que la vieille Europe succombera. Custine en parla, Donoso Cortès en est convaincu. Que la Russie crèvera comme un vampire,— cela peut être, mais elle pourra aussi légèrement passer au communisme le plus illimité, comme elle s'est jetée avec Pierre le Grand dans l'Européisme.

Non seulement la victime n'est pas douteuse, mais elle est faite moralement. La Turquie sans exagération n'est pas aussi dépendante de la Russie comme l'Allemagne. La question de Schles⟨wig-⟩Hol⟨stein⟩ est une dernière épreuve[9].

L'exemple de Sas⟨onoff⟩ — ne prouve pas grand'chose contre le caractère, l'exemple d'Ogareff, donnant la liberté à 1900 paysans — peut en cas de besoin servir d'objection[10].— Et là-dessus je me prosterne à vos pieds.

Dis à Kolats⟨chek⟩ que la première lettre sur la Russie est prête, mais il faut la traduire. Au lieu de parler de la littér⟨ature⟩, je parle du développement des idées politiques jusqu'en 1812[11].

Перевод:

⟨Ницца.⟩ 30 июля ⟨1850 г.⟩

Ты доставил мне большое удовольствие, написав о том... догадайся, если можешь, о чем,— о том, что ты был болен [1]. Я уже начинал всерьез возмущаться этими вечными отсрочками, тем более, что мне стало известно, будто ты считаешь погоду еще слишком жаркой для путешествия, а мне это стало известно, так как маменька написала: «Я согласна с Г⟨ервегом⟩, что погода и т. д.». Я подумал, что в нынешние революционные времена жара может затянуться до мая 1857 года.

Приказом из Цюриха ты безоговорочно запретил заниматься какими бы то ни было предположениями, гипотезами, теориями вероятности и прочими операциями, при помощи которых человеческий разум стремится узнать то, чего он не знает — касательно твоего отсутствия. Но ты ведь знаешь человеческую слабость; после долгих раздумий мы остановились на следующем предположении: «Два месяца назад маменька написала, что ты остриг волосы — уж не ожидаешь ли ты, пока они отрастут, чтобы оттолкнуть от швейцарских берегов челн, который доставит тебя в Ниццу»*. Такова была последняя гипотеза перед твоим письмом с сообщением, что ты болен. Почему ты не написал мне об этом раньше? Я бы избавил тебя от многих упреков со стороны Эммы и нашел бы способ ее утешить, но я и сам был tanto poco arrabiato**, я тоже бранился, ругался, жюльфавризировал [2] твои проволочки; впрочем — с помощью бога и Лёве — все это пройдет, ты приедешь, и с этим будет покончено.

Здесь в гостинице есть горничная, которая не говорит ни по-французски, ни по-итальянски, а на каком-то непонятном жаргоне. Эмма тотчас стала с ней разговаривать.

* Каламбур: «repoussent» по-французски—«отрастают», и «repousser»—«оттолкнуть».
** немного взбешен (итал.).

Она исходила из такого великолепного предположения: если калечить все французские и итальянские слова, та должна понять. Exempli gratia, она говорит женщине: «Приносите в аппартамиенто холодный вода» — или «Подметайте паркеточчо в обеденный салионе». Очень жаль, что этот новый язык горничная понимает еще меньше.

Все, что моя жена и Эмма написали о моих спорах с Эммой,— только следствие клеветы, которая сделала бы честь Барду[3]. Разногласия у нас лишь в одном пункте: действительно, я думаю, что не нужно ничего делать, когда нечего делать. А Эмма думает, что именно тогда-то и нужно.

Я утверждаю, что не только не нужно лгать, но не нужно говорить и правду, когда можно обойтись без этого, и т. д. Что до меня, то я старый консерватор, а как славянин и русский — чуть похитрее*.

Мельгунов уже 5-й или 6-й год оплакивает работу Кёнига, он ему диктовал ее, находясь под влиянием москов⟨итов⟩. Напр⟨имер⟩, он говорит о Хомякове как о великом поэте и т. д.[4] Она мне была нужна, чтоб освежить кое-что в памяти. Впрочем, я написал политический трактат, вместо литературного [5].

Я мог бы приготовить статью к 1 сент⟨ября⟩.

Скажи Кол⟨ачеку⟩, чтобы он присылал мне журнал *под бандеролью*, но пусть *франкирует*, иначе не уйдет.

Я получил «Peuple», статья Пруд⟨она⟩ холодна, остальное!...![6]

Еще одно слово. Ты спрашиваешь меня, почему я ничего не отвечаю по поводу твоих *уравнительных* требований. Во-первых, об этом не было речи и затем, я не отвечал потому,что решительно и безоговорочно отвергаю их как оскорбление нашей дружбы, как насмешку над самим понятием союза близнецов, как Spießbürgerlichkeit**, как Philisterei*** и, как вещь совершенно невозможную. На таких условиях (если бы я их принял всерьез) я мог бы уступить свою квартиру графине д'Агу или виконту д'Арленкуру— вот мой ответ, и я счел бы вполне справедливым, если бы ты принимал такие же дисциплинарные меры против г⟨раф⟩ини (по крайней мере днем).

Предлагая Эмме поселиться вместе, не касаясь вопросов личного порядка, я указывал на огромную экономию, которая достигается при *общей* столовой, *общей* кухне, *общем* поваре,—словом, я-то думал о совместной жизни, а не о *вертикальном соседстве*. Я ничего не потерял бы при этом, а вы сократили бы наполовину расходы. — Но как все это совместить с тем испанским этикетом, которого ты требуешь? Как это сегодня накрывать стол внизу, завтра у тебя, как, наконец, узнавать, когда надобно находиться на террасе, а когда в саду, который является общим, и надобно ли прогулку по саду считать равноценной визиту...

Я не ответил, я хотел просто перейти к очередным делам. Ты этого не захотел.

Weiter**** ты спрашиваешь, «где я проявил жизненное мужество?»—Нигде, но, 1-е— разве это основание для того, чтобы и у тебя его не было или чтобы я не мог понимать этого? И 2-е—где же это я проявил обратное? Боясь потерять половину состояния? — Но я счел бы себя за буйно помешанного, за Струве, за св. Симеона Столпника, если бы не исчерпал всех возможностей для спасения денег, даже в том случае, если бы на то потребовалось не 6, а 16 месяцев.

Но все это не мешает мне утверждать, что ты совершенно прав в своем суждении о славянах и, еще более, о русских, — это бесспорно, и сам Ганс[7] в Берлине говорил, что подражание и восприимчивость без ассимиляции — отличительная черта славян. Однако необходимо серьезно принять в соображение, что мания набрасываться на все, мания все испробовать и изучить — это следствие существующего положения вещей. Нельзя забывать того ненормального положения, которое создалось для людей, нашего круга, в результате принудительной цивилизации. К несчастью, народ оставался по другую сторону, и вот, правительство получило возможность одновременно и цивилизовать, и угнетать. Отсюда ирония, отсюда жажда эмоций, чтобы забыться, и отсутст-

---

* Игра слов: «russe» — русский и «rusé» — хитрый.
** сверхмещанство (нем.).
*** филистерство (нем.).
**** Далее (нем.).

вие корней. Петербургский период — лишь суровая школа, лишь переходное время, и то, что ты наблюдаешь, всего только особенность этого переходного времени.

Я не понимаю, почему ты говоришь о моем патриотизме; я знаю славянскую расу лучше, чем вы, и я говорю о ней. Как и Гакстгаузен [8], я вижу огромные возможности развития и мощную юность этой расы. Как и Фальмерайер, я вижу, что война, смертельная борьба с Россией неминуема и что старая Европа падет. Кюстин говорил об этом, Донозо Кортес в этом убежден. Быть может, Россия так и издохнет вампиром, но она может и перейти к самому неограниченному коммунизму с той же легкостью, с какою она бросилась с Петром Великим в европеизм.

Неизбежность жертвы не только не вызывает сомнения, но морально она уже принесена. Без всякого преувеличения, Турция в меньшей зависимости от России, нежели Германия. Вопрос о Шлез⟨виг-⟩Гол⟨штинии⟩ — последнее испытание [9].

Пример Саз⟨онова⟩ не является серьезным опровержением характерных черт, пример Огарева, отпустившего на волю 1900 крестьян, может, если понадобится, служить возражением[10]. Засим низко вам кланяюсь.

Скажи Колач⟨еку⟩, что первое письмо о России готово, но его надобно перевести. Вместо того, чтобы говорить о литер⟨атуре⟩, я говорю о развитии политических идей до 1812 года[11].

[1] Гервег мотивировал свою задержку в Цюрихе внезапной болезнью.

[2] *Жюльфавризировал* — т. е. изощрялся в красноречии (от имени Жюль Фавр).

[3] О ком говорит здесь Герцен — не установлено.

[4] Герцен, вероятно, имеет в виду следующее место из главы о Хомякове в упомянутой выше книге Кенига — Мельгунова: «Ум этого замечательного человека способен к необыкновенно высокому и широкому развитию ⟨...⟩ Его мысли оригинальны, плодовиты и часто софистичны. При всем том, он всегда последователен, так что его как искусного диалектика не иначе можно опровергнуть, как восходя к его началам...» (Цитируем по русскому переводу: «Очерки русской литературы. Перевод сочинения Кёнига «Literarische Bilder aus Rußland». СПб., 1862, стр. 139—140).

[5] Имеется в виду «О развитии революционных идей в России».

[6] Статья Прудона в № 2 его новой газеты «Le Peuple de 1850» от июля 1850 г. (в июне и июле 1850 г. эта газета выходила один раз в месяц), озаглавленная: «Гражданам Ледрю-Роллену, Шарлю Делеклюзу, Мартэну Бернару и их товарищам, редакторам „Proscrit" в Лондоне». В этой статье Прудон подверг критике политическую программу деятелей революционной эмиграции, перечисленных в заглавии.

Помимо этой статьи, в № 2 «Le Peuple de 1850» помещены две статьи К.-Ф. Шеве: «Призыв к демократам-социалистам» и «Экономическое положение», статьи А. Д⟨аримона⟩ «Закон о дотациях» и «О легальном сопротивлении», статья А. Кретена «Мнение о г. Монталамбере», международные и внутренние обзоры и хроника.

[7] Эдуард *Ганс* (ок. 1798—1839)— гегельянец, профессор законоведения Берлинского университета. Лекции его охотно посещались русскими студентами.

[8] Барон Франц-Людвиг-Август *Гакстгаузен* (1792—1866), книга которого «Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und im besonderen die ländlichen Einrichtungen Rußlands» (Hannover, 1847—1852) оказала значительное влияние на Герцена при формировании его взглядов на русскую крестьянскую общину.

[9] Населенная немцами и датчанами провинция Шлезвиг-Голштиния с 1773 г. входила в состав Дании. Используя немецкое национально-освободительное движение, возникшее в Шлезвиг-Голштинии в 1848 г., Пруссия начала войну с Данией, намереваясь присоединить Шлезвиг-Голштинию к себе. Вмешательство России и Англии заставило Пруссию отступить, и до 1866 г. Шлезвиг-Голштиния продолжала оставаться в составе Датского государства. См. примеч. 2 к след. письму.

[10] Как устанавливается этими строками, Гервег в своем письме к Герцену указал на Н. И. Сазонова, ведшего беспорядочный и эгоистичный образ жизни,— как на типичный образец русского интеллигента. Герцен же напоминает Гервегу высоко гуманное поведение Огарева, отпустившего на волю в 1840 г. крепостных из доставшегося ему по наследству села Белоомут Рязанской губернии.

[11] Имеется в виду «О развитии революционных идей в России».

128

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Nice.⟩ 2 août ⟨1850⟩

Addition pénultième à la lettre du 15[1].

Pourquoi restez-vous 4 ou 3 jours à Genève et non 43 ou 34? Dis cela à la compagnie. Et voilà la preuve, si on n'a rien à faire à Genève, on ne peut se

résigner à rester 3 jours, seulement dans l'espérance de voir Golovine et le libraire Kessmann et sa femme m-me Kessfrau... Si on a à faire quelque chose, comment peut-on terminer une affaire sérieuse en 3 jours, il faut 3 semaines, 3 mois etc.

J'ai reçu ta lettre, je suis tout-à-faitissime d'accord avec toi sur tous les points; au reste, je n'ai jamais dit que je prends la seule possibilité du renouvellement du vieux monde par une nouvelle race, je mettais toujours l'autre élément, l'élém⟨ent⟩ volcanique à côté. Mais c'est aussi une race nouvelle, elle qui n'a rien reçu de cette civilisation que le malheur.— Oui, c'est une position exceptionnelle, aristocratique qu'on nous fait, mais que faire? Se taire? Mais il y a quelquefois une démangeaison de leur dire en face qu'on comprend au moins la position.— Regarde ce qui se passe en France, c'est déjà la démence de l'agonie, diese *ziellose Unruhe, das Umsichgreifen des Sterbenden.* Et regarde la bêtise, la stupidité même dans Emi⟨le⟩ Girardin. La presse entière peut être abolie (la presse existante) sans un grand mal.— Et l'épisode de Schleswig! [2] Ce qui couve, ce qui agite l'âme du peuple, n'est pas encore disible, pas même comme mythe. Eh bien — comment donc ne pas rester dans une position d'expectation, de séparation?

J'ai terminé l'ouvrage de Fallmerayer, il y a des choses «*stupendisch*», concernant la puissance de l'élément slave dans la Grèce moderne. Voilà la scène où se produira la tragédie slave; les véritables scènes sont toujours près de la Méditerranée.

Adieu. Demain ou après demain nous déménageons.

Rue Anglaise, maison Sue.

A rivederci.

Перевод:

⟨Ницца.⟩ 2 августа ⟨1850 г.⟩

Предпоследнее прибавление к письму от 15-го [1].

Почему вы остаетесь в Женеве на 4 или на 3 дня, а не на 43 или на 34? Рассказывай кому хочешь. И вот тебе доказательство — если делать в Женеве нечего, никто не согласится остаться еще на 3 дня, ради одной надежды, увидеть Головина и книжного торговца Кессмана с его женой мадам Кесс-фрау*. Если же есть что делать, то можно ли закончить серьезное дело в 3 дня? На это нужно 3 недели, 3 месяца и т. д.

Твое письмо получил, я совер-шен-ниссимо согласен с тобой по всем пунктам; впрочем, я никогда не говорил, что считаю возможным возрождение старого мира лишь через новую расу, я всегда ставил рядом другой элемент —элем⟨ент⟩ вулканический. Но это тоже новая раса,— раса, которая не получила от нынешней цивилизации ничего, кроме горя. — Да, разумеется, мы поставлены в исключительное, аристократическое положение, но что делать? Молчать? Но иногда так хочется хотя бы сказать им прямо в лицо, что мы понимаем, как обстоит дело. Обрати внимание на то, что происходит во Франции, это уже безумие агонии, это ziellose Unruhe, das Umsichgreifen des Sterbenden **. Обрати также внимание, сколько глупости, тупости даже у Эм⟨иля⟩ Жирардена. Вся печать (существующая печать) может быть упразднена без особого ущерба.— А события в Шлезвиге! [2] То, что назревает, то, что волнует душу народа, еще не укладывается в слова, даже в виде мифа. Ну, как не занять выжидательной позиции, как не отмежеваться?

Я закончил сочинение Фальмерайера, там есть вещи «stupendisch»*** относительно господства славянского элемента в современной Греции. Вот театр, на котором разыграется славянская трагедия, подлинная сцена действий всегда близ Средиземного моря.

Прощай. Завтра или послезавтра мы переезжаем.—Rue Anglaise, дом Сю.

A rivederci.

---

* Каламбур: фамилия «Kessmann» означает буквально: «Кесс-мужчина»; отсюда «Kessfrau»—«Кесс-женщина» (нем.).

** бесцельное метание, судорожные движения умирающего (нем.).

*** изумительные (нем.).

ОБЩИЙ ВИД НИЦЦЫ

Гравюра из книги «Italie pittoresque», Paris, 1834

Эта книга упоминается в письмах Н. А. Герцен к мужу, 1839 г.

[1] См. примеч. 1 к письму № 124.

[2] Герцен, вероятно, имеет в виду разгром шлезвиг-голштинских вооруженных сил датскими войсками в битве при Штедте 24—25 июля 1850 г. См. примеч. 9 к предыдущему письму.

129

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Nice.⟩ 3 août ⟨1850⟩

Clôture de la correspondance.

Avec la correspondance il faut en finir avec les explications, mésentendus et les entendus, *caro mio*. Oui, nous nous sommes conduits quelquefois en enfants, d'autres fois en vieillards, toujours sous l'impression de quelque irritation nerveuse. C'est vraiment pitoyable, et pourtant il fallait passer par là, il fallait connaître où les angles saillants ne correspondent plus aux angles rentrants de l'autre. Ce n'est pas comme expérience, comme critique ou observation préméditée que je l'entends. La vie elle-même pousse des petits cailloux sous les pieds, en heurtant on s'aperçoit, etc., etc. — Tu aimes tant soit peu dans ces cas de fermer les yeux, moi non — voilà toute la différence. *Das ewige Raisonnieren* est insupportable, mais je déteste *das ewige Schonen;* votre philosophie pratique (*caro mio*, ne t'en fâche pas) de la vie avec Emma ne vaut pas le diable; la main sur le cœur, je ne vous accuse pas, ni l'un, ni l'autre — mais je trouve qu'on pourrait acquérir plus de poésie mâle à la place de la poésie de jeunes filles, je trouve que vous êtes grandis par le temps, et les manches deviennent courtes, et les couleurs sont un peu trop enfantines. Si tu veux me comprendre tu me comprendras; je ne veux pas dire par cela que notre jeunesse est passée, je ne veux pas t'entraîner dans la prose d'une existence d'indifférence et de bonne santé — mais je crois que votre existence pourrait être plus facile, plus musculeuse, et j'ai parlé tant, à tort et à travers, parce que nommément à présent, vous avez besoin de quelque courage, vos circonstances étant changées.

J'ai disputé, j'ai parlé avec Emma plus ce que nous avons écrit, elle voit avec la plus parfaite clarté que j'ai raison—mais cela n'a pas la moindre influence sur elle; elle aime encore l'excentricité, l'agitation — elle reste une femme Schillérienne avec le développement Gœthique; par malheur, au lieu de richesse cela fait un tohu-bohu.—Mais je n'en parlerai plus, ni par écrit ni en paroles. Tout ce que j'avais à dire sous ce rapport, je l'ai dit,— *repetitio est mater* — de l'ennui.

Et pour te prouver que moi, comme feu l'archevêque Robespierre[1] après la fête de ⟨...⟩* — je suis toujours prêt à combattre pour la justice, même lorsqu'un homme est en voyage, je te dirai que précisément tu n'as pas compris ni la disposi ⟨...⟩ **

Demande à Fazy, si je mets une assez grande somme d'argent dans la banque de Genève — pourra-t-il me faire alors citoyen?[2] — Adieu.

Je ne suis pas, comme tu vois, le Robespierre[3].

Garde les cigares.

Перевод:

Завершение переписки.

⟨Ницца.⟩ 3 августа ⟨1850 г.⟩

Вместе с перепиской надо покончить и со всеми объяснениями, расхождениями и соглашениями, caro mio. Да, мы иногда вели себя как дети, иной раз как старцы, и всегда—под впечатлением какого-нибудь нервического раздражения. Жаль, конечно, и все же через это надо было пройти, надо было узнать, где выступающие углы одного не соответствуют вогнутым углам другого. Но я не рассматриваю это ни как опыт, ни как критику, ни как заранее задуманное наблюдение. Жизнь сама бросает под ноги камешки; споткнувшись о них, замечаешь и т. д., и т. д.— Ты любишь в таких случаях чуть-чуть прикрыть глаза, а я нет — вот и вся разница. Das ewige Raisonnieren*** невыносимо, а я ненавижу das ewige Schonen**** (не сердись, caro mio), но практическая философия вашей с Эммой совместной жизни ни черта не стоит; положа руку на сердце, я не обвиняю вас, ни того, ни другого, но я нахожу, что можно было бы обрести, вместо девической поэзии, более мужественную; я нахожу, что с годами вы выросли, и рукава стали коротки, да и краски, пожалуй, слишком детские. Если хочешь понять меня, то поймешь; я не хочу этим сказать, что наша молодость прошла, я не хочу тащить тебя в прозу безразличного существования в добром здоровье, но я думаю, что ваша жизнь могла бы быть более легкой, более мускулистой, и я столько на все лады говорил об этом потому, что теперь-то, когда обстоятельства ваши изменились, вам и нужно некоторое мужество.

Я спорил, я говорил с Эммой больше, чем мы об этом писали, и для нее совершенно ясно, что я прав, но это не оказывает на нее ни малейшего влияния; ей по-прежнему нравится эксцентричность, возбуждение — она остается шиллеровской женщиной с гетевским развитием, что, к несчастию, не обогащает, а производит один сумбур. — Но я не стану больше говорить об этом, ни письменно, ни устно. Все, что я хотел сказать по этому поводу, я сказал, — repetitio est mater*****—скуки.

И чтобы доказать тебе, что я так же, как покойный архиепископ Робеспьер[1], после праздника ⟨...⟩* всегда готов бороться за справедливость, даже когда человек в пути, и скажу тебе, что ты как раз ничего не понял ни в ⟨...⟩**.

Спроси у Фази, сможет ли он сделать меня гражданином, если я внесу довольно крупную сумму денег в женевский банк? [2] — Прощай.

Как видишь, я не Робеспьер [3].

Сохрани сигары.

---

* Чернильное пятно.— *Ред.*

** Нижняя половина листа отрезана.— *Ред.*

*** Вечное резонерство (нем.).

**** вечное желание щадить (нем.).

***** повторение есть мать (лат.).

[1] Шутка: Робеспьером был введен деистический культ «верховного существа».
[2] Д. Фази неоднократно давал обещание Герцену, начиная с 1849 г., предоставить ему женевское гражданство, но все время оттягивал выполнение этого обещания. Герцен, при содействии К. Фогта, получил, наконец, гражданство в Фрибургском кантоне.
[3] Робеспьер был прозван современниками «Неподкупным».

130

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Nice.⟩ 6 août ⟨1850⟩

Je dirai comme le vicomte d'Arlincourt: «Dieu le veut»[1]— oui, dieu veut que tu te fatigues avec Emma des choses les plus faciles, et que tu mettes des efforts inouïs pour soulever un brin de paille.— Je crois qu'à la fin tu me détesteras pour mon langage et je n'en ai pas d'autre.— Hier Emma s'adresse à moi pour trouver ensemble un moyen ⟨afin⟩ que tu puisse venir seul ici. Mais si tu avais ce désir, pourquoi es-tu donc resté à Zurich — ensuite, quoi de plus simple que de dire à présent que tu as reçu de telles lettres, que tu te décides à faire une surprise, etc. Et à la fin des fins je comprends que cela serait beaucoup plus agréable de venir tout seul — mais enfin il n'y a pas de quoi désespérer si on vient autrement; rester pour cela quelques jours à Turin — mais c'est une plaisanterie.

Tu m'inculpes de ce que j'ai engagé ma mère de venir ici, et que *mei dolci sospiri* ont ému m-lle E⟨rn⟩[2]. Pour cela ⟨ce⟩ n'est pas vrai, ma femme a lu toutes les lettres. Sais-tu que tu pousses le rigorisme ou la naïveté jusqu'à prendre les choses qu'on écrit au bas d'une lettre — pour des engagements sacrés. Elles m'écrivaient⟨à⟩ chaque lettre de leur désir; qu'elles arrivent le 20 août ou le 10 septembre; cela n'a pas d'importance pour moi, et je te dirai encore plus, je me tiens et je me tenais toujours dans une telle indépendance qu'il leur est difficile de changer en quoi que cela soit notre train de vie. Je suis très avare en matière de protestation d'amour et de sympathie, mais je suis comme toujours très humain avec les personnes étrangères. D'autant plus que, *ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩* mes rapports avec m-lle E⟨rn⟩ ont toujours été parfaitement bienveillants, sans aucune intimité. J'ai écrit à Bernacky: «Quittez donc votre Paris empesté, ayez le courage d'abandonner les journaux et venez vous baigner dans la Méditerranée». Eh bien, si Bernacky (comme il se le proposait) venait demain ici — est-ce à dire que moi j'en serai la cause? Au reste — cela suffit.

Tu m'as déjà expliqué une fois la théorie de la superexcitation nerveuse; je ne l'admets pas, et tu peux te moquer comme tu veux de ce que je prêche le courage de la vie, la mesure. Prêcher n'est pas le mot, je le sens, je le dis à ceux qui me sont chers — pourquoi donc souffrez-vous plus qu'il n'en faut, vous blâmez les enfants qui crient lorsqu'ils tombent — eh bien, criez donc pas, même intérieurement. On s'emporte, on se fâche — on passe outre. Emma s'est tellement habituée à cela, c'est-à-dire au désespoir que cela devient périodique, sans cause, et cela passe sans consolation.— Gronde-moi comme tu veux, mais il m'est impossible de sympathiser avec cela, et je regarde avec tristesse, enfin je regarde comme on regarde une maladie — qui est curable.

J'ai écrit dans le sens voulu, ou plutôt Nat⟨alie⟩ a écrit à ma mère, 'après le désir d'Emma[3].

Au revoir.

Рукой Н. А. Герцен:

Qu'est-ce que c'est encore, mon cher besson, ça n'a pas de nom! Rester à Turin?.. Je n'y crois pas, tout bonnement. Nous vous attendons, attendons,

attendons, le pantalon même vous attend déjà. A. l'a fini.— Selon moi, on ne pouvait pas s'arranger mieux que nous l'avons fait. Jardin, maison, cuisinier — pas *magnifique* mais *parfait*, et si vous donnez encore un coup de maître...

Venez, venez et venez... Je n'ai rien de mieux à dire ni pour vous, ni pour moi!.. Je salue de tout, de tout, de tout mon cœur Genève, Rhône et notre bessonnière ci-devant etc.

Перевод:

<Ницца.> 6 августа <1850 г.>

Я скажу, как виконт д'Арленкур: «На то воля божья»[1]— да, воля божья на то, чтобы вы с Эммой мучились над самыми простыми вещами и ты должен был прилагать неслыханные усилия, чтобы поднять соломинку. — Думаю, что в конце концов ты меня возненавидишь за мой язык, а другого у меня нет. — Вчера Эмма обратилась ко мне с просьбой придумать вместе какой-нибудь способ, чтобы ты мог приехать сюда один. Но если тебе этого хотелось, почему же ты оставался в Цюрихе? — И чего проще, сказать теперь, что ты получил какие-то письма, что желаешь сделать сюрприз и т. п. В конце концов, я понимаю, что гораздо приятнее приехать одному, но не из чего приходить в отчаяние, если приедешь и не один; оставаться из-за этого несколько дней в Турине — ведь это смешно.

Ты ставишь мне в вину то, что я пригласил мою мать приехать сюда и что mei dolci sospiri* взволновали м-ль Э<рн>[2]. Ну, уж это неправда, жена моя читала все письма. Знаешь, ведь ты в своем ригоризме или в своей наивности доходишь до того, что принимаешь за священные обязательства фразы, которые обычно ставятся в конце письма. Они писали мне в каждом письме о своем желании приехать; 20 августа или 10 сентября—это значения не имеет для меня, и скажу даже—больше, я сохраняю и сохранял всегда за собой такую независимость, что им трудно в чем бы то ни было изменить наш образ жизни. Я весьма скуп на уверения в любви и симпатии, но здесь, как всегда, я подхожу очень по-человечески к посторонним людям. Тем более, что мои отношения, ex<empli> g<ratia>, с мадмуазель Э<рн> всегда были самыми доброжелательными, но без какой бы то ни было близости. Я написал Бернацкому: «Покиньте же ваш зачумленный Париж, имейте мужество оставить ваши газеты и приезжайте купаться в Средиземном море». Что же, если бы Бернацкий (как он сам предполагал) приехал назавтра сюда — значит, можно было бы сказать, что я этому причиной? Впрочем — довольно.

Ты мне уже изложил однажды теорию нервной сверхвозбудимости; я с ней не согласен, и ты можешь издеваться, как угодно, над тем, что я проповедую мужество в жизни и соблюдение меры. Проповедовать — я сам это чувствую, не то слово, но я говорю тем, кто мне дорог: зачем же вам страдать больше, чем следует? Вы браните детей, которые поднимают крик, когда падают,— так не кричите же сами, даже внутренно. Бывает, что выходишь из себя, злишься, но не останавливаешься на этом. Эмма настолько привыкла к такому состоянию, то есть к отчаянию, что оно возникает у нее периодически, без всякой причины, и проходит без всякого утешения.— Брани меня, как хочешь, но я не могу сочувствовать ничему подобному, и я с грустью гляжу на это,— словом, гляжу, как на болезнь, которую можно вылечить.

Я написал то, что от меня требовали — вернее, Натали написала моей матери по желанию Эммы [3].

До свидания.

Рукой Н. А. Герцен:

Что опять случилось, мой дорогой близнец, этому нет названия! Остаться в Турине?.. Я просто не верю. Мы вас ждем, ждем, ждем, даже pantalon** уже вас ожидает. А.

---

* мои нежные вздохи (итал.).

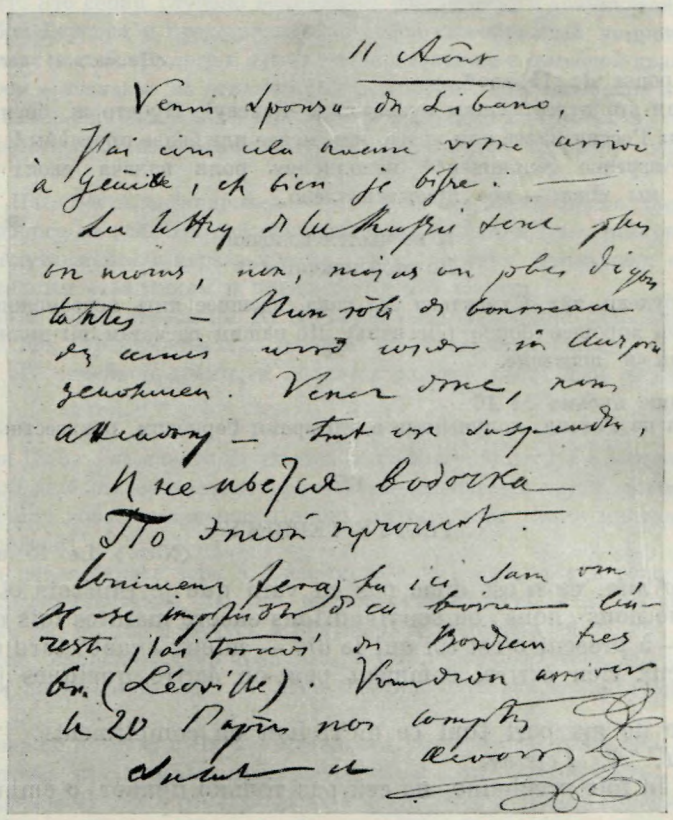
** «Pantalon» или «pantaléon» (франц.) — «панталеон» вид фортепиано.

это устроил. По-моему, мы обосновались как нельзя лучше. Сад, дом, повар — все хотя и не *роскошно*, но *чудесно*. А если вы еще приложите свою руку мастера...

Приезжайте же, приезжайте, приезжайте — ничего лучшего ни для вас, ни для себя не могу сказать. Кланяюсь от всего сердца Женеве, Роне и нашему бывшему гнезду близнецов и т. д.

[1] См. примеч. 2 к письму № 56.

[2] О нежелании Гервега, чтобы в Ниццу приехали Л. И. Гааг и М. К. Эрн,— см. ниже, в обзоре «Письма Н. А. Герцен к Гервегам».



11 Août

Venni sponsa da Libano,

J'ai écrit cela avant votre arrivée à Genève, eh bien je bisse. —

Les lettres de la Russie sont plus ou moins, non, moins ou plus dégoûtantes — Mon rôle de bonneau des amis va devenir à charge

АВТОГРАФ ПИСЬМА ГЕРЦЕНА К ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ ОТ 11 АВГУСТА 1850 г.

Британский музей, Лондон

[3] Приводим следующую недатированную записку или приписку Герцена вероятно относящуюся к этому времени и хранящуюся среди бумаг Гервега: «Je crois que la meilleure manière d'écrire la lettre à m-r de Pragen est de l'écrire au nom de m-me Haag» *. О каком Пражене идет здесь речь — не установлено. Отметим, что среди бумаг Гервега, хранящихся в Британском музее, находятся и шесть писем Герцена к матери (1850 г.), в которых речь идет, главным образом, о финансовых делах.

131

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Nice.⟩ 11 août ⟨1850⟩

Venni, sponsa da Libano.

J'ai écrit cela avant votre arrivée à Genève, eh bien je bisse[1]...

Les lettres de la Russie sont plus ou moins, non, moins ou plus dégoûtan-

* Я думаю, что лучший способ написать письмо г. Прагену — это написать на имя г-жи Гааг (франц.).

tes[2]. Mon rôle de bourreau des amis *wird wieder in Anspruch genommen.* Venez donc, nous attendons — tout est suspendu,

И не пьется водочка
По этой причине.

Comment feras-tu ici sans vin, il est impossible d'en boire. Au reste, j'ai trouvé du bordeaux très bon (Léoville). Vous devez arriver le 20 d'après nos comptes.

Salut et devoir.

Перевод:

⟨Ницца.⟩ 11 августа ⟨1850 г.⟩

Venni, sponsa da Libano*.

Я написал это перед вашим приездом в Женеву[1]. Ну что ж, бисирую...

Письма из России более или менее, нет, менее или более противны[2]. От меня wird wieder in Anspruch genommen** исполнение роли палача своих друзей. Приезжайте же, мы ждем — все приостановлено,

И не пьется водочка
По этой причине***

Как ты будешь тут обходиться без вина, здешнее пить невозможно. Впрочем, я нашел очень хорошее бордо (Леовиль). По нашим расчетам, вы должны приехать 20-го. Поклон и почтение.

[1] См. выше письмо № 16.
[2] Письма из России, полученные в это время Герценом, неизвестны.

132

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Nice.⟩ Le 15 août ⟨1850⟩[1]

Oui, *caro mio*, ce n'est donc pas en vain que je répétais et rerépétais à Genève que nous ⟨nous⟩ en souviendrions encore maintes fois de ce temps tranquille — à présent c'est toi qui le dis, — mieux ⟨vaut⟩ tard que jamais.

Je ne veux rien écrire, comment peut-on écrire quelques jours avant l'arrivée.

Distribue de ma part tout ce qu'il faut en compliments.

Рукой Н. А. Герцен:

J'écrirai la fois prochaine, на сей раз только привет с embrassements.

Перевод:

⟨Ницца.⟩ 15 августа ⟨1850 г.⟩[1]

Да, caro mio, значит я не напрасно повторял и снова повторял в Женеве, что мы еще не раз вспомним об этом спокойном времени. Теперь и ты говоришь это — лучше поздно, чем никогда.

Я ничего не буду писать; как можно писать за несколько дней до приезда?

Передай от моего имени все положенные приветы.

Рукой Н. А. Герцен:

Напишу в следующий раз****, на сей раз только привет с объятиями.

[1] Этим письмом естественным образом завершается обширный эпистолярный цикл. Гервег приехал в Ниццу 22 августа 1850 г. О дальнейших взаимоотношениях Герцена и Гервега см. в «Былом и думах», в письме Герцена к Э. Гаугу от марта 1852 г. (VII, 24—41) и в приложенном к настоящей публикации обзоре писем Н. А. Герцен к Гервегам.

* Гряди невеста с Ливана (итал.).
** снова потребовалось (нем.).
*** Куплет песенки цитируется по-русски.— *Ред.*
**** Далее шесть слов по-русски.—*Ред.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПИСЬМА НАТАЛЬИ АЛЕКСАНДРОВНЫ ГЕРЦЕН К ГЕРВЕГАМ

Обзор Л. Р. Ланского

Среди бумаг Георга Гервега, находящихся в Рукописном отделе Британского музея, сохранилось около 300 писем и записок Н. А. Герцен к Гервегу и его жене за 1848—1852 гг. Это серия глубоко волнующих человеческих документов, тесно связанных с судьбой Герцена и представляющих собой своеобразный комментарий к одной из центральных частей «Былого и дум» — повествованию о семейной драме, названному самим автором «рассказом из психической патологии». Они освещают многое недосказанное или намеренно затененное Герценом и выявляют подробности, оставшиеся ему самому неизвестными, подчеркивая глубоко трагический характер перенесенного им несчастья.

Письма Натальи Александровны — это в то же время яркая хроника внутренней жизни одного из главных действующих лиц «Былого и дум», незаурядной русской женщины, запутавшейся в неразрешимых противоречиях, приведших ее к невыразимым нравственным страданиям и преждевременной смерти.

Подробный обзор переписки Н. А. Герцен и публикация отдельных ее писем и отрывков из них, представляющих интерес для биографии Герцена и освещения обстоятельств его семейной драмы, и является задачей настоящей работы.

1

1 ноября 1846 г., незадолго до отъезда за границу, Наталья Александровна Герцен внесла в свой дневник несколько глубоко знаменательных строк, в которых, как бы предвидя начало нового жизненного этапа, подвела итог своим многолетним отношениям с Герценом:

«У меня поколебалась вера в Александра — не в него, а в нераздельность, в слитость наших существований, но это прошло, как болезнь, и не возвратится более. Теперь я не за многое поручусь в будущем, но поручусь за то, что это отношение останется цело, сколько бы ни пришлось ему выдержать толчков. Могут быть увлечения, страсть, но *наша любовь* во всем этом останется невредима» (изд. АН, т. IX, стр. 272).

Вскоре же по приезде в Париж Наталья Александровна оказалась во власти того чувства, которое так недавно предвидела только как возможность. Ее увлечение Гервегом, сыгравшее столь роковую роль в ее судьбе и в судьбе Герцена, было подготовлено многими обстоятельствами. Впоследствии Герцен принимал значительную часть вины за все случившееся на себя, признавая, что «семья, семейная жизнь» всегда были у него на втором плане (XIX, 40). «Мы сложились разрушителями, — писал он Огареву, — наше дело было полоть и ломать, для этого отрицать и иронизировать, ну и теперь, после пятнадцати, двадцати ударов, мы видим, что мы ничего *не создали*, ничего не воспитали. Последствие — или, по просторечью, — наказание — в окружающих, в отношениях к семье...» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 448).

Еще более определенно высказался Герцен о причинах всего случившегося в специальном этюде «Раздумье по поводу затронутых вопросов», предпосланном им рассказу о своей семейной драме, объясняя неизбежность подобного рода коллизий недостатками женского воспитания. Женщины, писал Герцен, «больше обмануты воспитанием, меньше знают жизнь и оттого чаще оступаются и ломают голову и сердце, чем освобождаются, всегда бунтуют и остаются в рабстве, стремятся к перевороту и пуще всего поддерживают существующее» (изд. АН, т. X, стр. 210).

П. В. Анненков, непосредственный свидетель первой фазы сближения Натальи Александровны с Гервегом, отмечая «более головной, чем сердечный», по его мнению, характер ее увлечения, писал: «Она была счастлива в муже, в семье, в друзьях —

и страдала отсутствием поэзии, которая не сопровождала все эти благодатные явления, в той мере, как бы ей хотелось. Она предпочла бы поэтические беды, глубокие несчастья, окруженные симпатией и удивлением посторонних, и минутные упоения — тому простому безмятежному благополучию, которым наслаждалась. Задачей ее жизни сделалось, таким образом, обретение романтизма, в том виде, как он существовал в ее фантазии».

«...поэтическая мечтательница,— продолжает Анненков,— ознакомилась с жизнию по *романтизму*, который, наконец, обрела в Париже через посредство в высшей степени развитой, изящной и вместе холодной и эгоистически-сластолюбивой личности, какою и был вышеупомянутый Гервег ⟨...⟩ Долго отыскиваемый романтизм являлся теперь перед женой Герцена в великолепном, ослепительном виде! Лоэнгрин со сказочных высот был перед нею налицо, и только подойдя к нему ближе, она вдруг увидала, какой страшный образ скрывается за ангельской маской, им усвоенной, — и в ужасе, последним сверхъестественным движением воли она вырвалась из его рук, измученная и оскорбленная. Может быть, обольститель и действительно чувствовал некоторого рода любовь и привязанность к обреченной им жертве, как это бывает у иных преследователей; но когда жертва ускользнула от него, любовь и привязанность пропали бесследно, а место их заняли бешенство неудачи, жажда мести за помятое тщеславие и за оскорбление, нанесенное его гордости и самолюбию. Он принялся публично бросать грязью в женщину и семью, благополучие которых разрушил, употребляя при этом средства, возмущавшие даже и друзей его...» (П. В. Анненков. Литературные воспоминания. Л., 1928, стр. 524—526).

Приведенная характеристика Натальи Александровны справедлива только отчасти. Признавая огромное значение литературных источников, в частности произведений Жорж Санд и других представителей «запоздалого романтизма» в формировании ее взглядов и в обострении чувства неудовлетворенности окружающим, которое она испытывала, мы должны в то же время принять во внимание, помимо ряда глубоко индивидуальных особенностей, присущих нервной, болезненно-экзальтированной натуре Натальи Александровны,— одно чрезвычайно важное обстоятельство, далеко выходившее за пределы ее личной воли.

Семейная трагедия Герценов разыгралась во время катастрофических мировых событий, наложивших отпечаток на каждого из ее действующих лиц. «Потерянные без дела в этом мире, который рушился со всех сторон,— писал Герцен,— оглушенные безмысленными спорами, ежедневными оскорблениями, — мы предавались горю и отчаянию, нам хотелось одного — сложить где-нибудь усталую голову, не справляясь о том, есть ли сновидение или нет» (изд. АН, т. VI, стр. 117). В этот период Герцен, мучительно переживавший разгром революции и разнузданное торжество реакции, готов был проповедовать отход от общественной деятельности, разрыв с современностью, сосредоточение в самом себе. Эти настроения, отразившиеся в отдельных его «Письмах из Франции и Италии», статьях «С того берега» и в переписке с Гервегом и другими корреспондентами, находили сочувственный отклик в Наталье Александровне, нервы которой были глубоко потрясены крушением надежд на счастливый исход революционного переворота и мучительными впечатлениями кровавого террора, свидетельницей которого она была в Париже. Герцен вскоре же отрезвел от этих мимолетных настроений. Его открытая всем человеческим интересам натура, широкий умственный кругозор, разносторонняя литературная деятельность помешали ему замкнуться в узком круге личных переживаний, и он снова вышел на общественную арену, обогащенный еще более проникновенным пониманием современности. Совсем не таково было положение жены Герцена, не нашедшей выхода ни в общественной деятельности, ни в каком-либо творческом труде, к которому она не чувствовала себя подготовленной, и поневоле сосредоточившей все свои помыслы на личных переживаниях. «Если б ты знала, друг мой, — восклицает она в письме к Н. А. Тучковой, — как темно, как безотрадно за порогом личного, частного! О, если б можно было заключиться в нем и забыться, забыть все, кроме этого тесного круга...» (изд. АН, т. X, стр. 228).

Трагедия Н. А. Герцен не была «простою, личною историею»[1]. Она имела большой общественно-исторический смысл.

«Драма эта,— писал Герцен, — глубоко трагическая и окончившаяся смертью, имеет в себе столько человеческого и великого, что темная сторона ее распуска⟨ется⟩ и бледнеет в общем колорите» (там же, стр. 502).

Нельзя не отметить — и это чрезвычайно характерно,— что вся переписка Натальи Александровны с Гервегом проникнута глубоким и искренним уважением к Герцену, безграничной любовью к нему как человеку.

При ознакомлении с этими письмами в глазах читателя отчетливо вырисовывается мужественная, глубоко гуманная личность Герцена, мучительно страдающего, но с самоотвержением борющегося за спасение близкого человека, подпавшего под влияние «темных сил».

2

Интимный характер, который с самого начала приняла переписка Натальи Александровны с Гервегом, откровенность, с которой она выражала в письмах свои чувства, вскоре стали вызывать у нее беспокойство. Мысль о том, что письма могут попасть в посторонние руки, повергала ее в ужас. «О, сожги, *если ты меня не ненавидишь* — сожги все, что я тебе писала, — умоляла она Гервега в одном из своих писем. — И если даже смерть помешает мне повторить эту просьбу — *все же сделай* это» (л. 445)*. «Это необходимо для всех», — восклицала она по этому же поводу в другом своем письме. Чтоб успокоить ее, Гервег сообщил ей однажды, что исполнил ее желание. Наталья Александровна поверила его словам, увидев в них доказательство того, что она «что-нибудь да значит» для Гервега, и просила его и в дальнейшем сжигать ее письма. Между тем Гервег и не думал их уничтожать. Впоследствии Наталье Александровне пришлось узнать, что он солгал ей и что письма по-прежнему находятся у него. К этому времени она уже по-иному стала смотреть на свои письма, видя в них свое оправдание, и сама предлагала Гервегу знакомить с ними всех, кого он сочтет нужным.

После разрыва с Натальей Александровной Гервег недостойным образом воспользовался ее перепиской, тенденциозно процитировав Герцену отдельные откровенные выражения из писем его жены.

Рассматривая письма Натальи Александровны как действенное оружие против Герцена, Гервег в своем письме в редакцию «Neue Züricher Zeitung», написанном через три месяца после смерти Натальи Александровны, прозрачно намекал на то, что в его распоряжении находятся компрометирующие Герцена документы, имея в виду именно эти письма (VII, 115)[2].

Герцен, настойчиво требуя суда международной демократии над Гервегом, конечно, не сомневался в том, что Гервег пустит в обращение письма Натальи Александровны, пытаясь таким образом оправдать себя в предъявленных ему обвинениях. Однако и это не останавливало Герцена: он не видел преступления в страстном увлечении Натальи Александровны — преступным находил он поведение Гервега, предавшего близкого друга, подвергавшего преследованиям и инсинуациям любившую его женщину и тем ускорившего ее гибель.

После смерти Герцена его дети, при посредничестве Мальвиды Мейзенбуг, также обратились к Гервегу с просьбой возвратить письма Натальи Александровны «взамен соответствующего числа его писем». Гервег ответил на это предложение резким отказом, заявив, что детям Герцена «нет никакого дела до любовных писем их матери», что им нечего опасаться какого бы то ни было злоупотребления с его, Гервега, стороны и добавил при этом следующее: «У меня есть жена и дети, и мой долг по отношению к ним—

---

* Письма Натальи Александровны к Гервегу написаны на французском языке. Они цитируются в русском переводе, выполненном автором настоящего обзора. Отдельные письма на русском языке, время от времени писавшиеся ею к Гервегу, изучавшему русский язык, каждый раз оговариваются особо. Многие из писем Натальи Александровны не датированы, и время их написания устанавливается точно или приблизительно по косвенным признакам. Цифры, указываемые в скобках после каждой цитаты, обозначают листы фотокопий, переданных редакцией «Литературного наследства» на хранение в Отдел рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

не лишать их хорошего оружия против возможной будущей подлости» («Лит. наследство», т. 7-8, 1933, стр. 65—66). Из-за этой угрозы, как известно, наследники Герцена в течение пятидесяти лет не решались выпустить в свет ту часть «Былого и дум», в которой содержится описание семейной драмы Герцена, опасаясь в качестве ответной меры появления в печати «компрометирующих» писем.

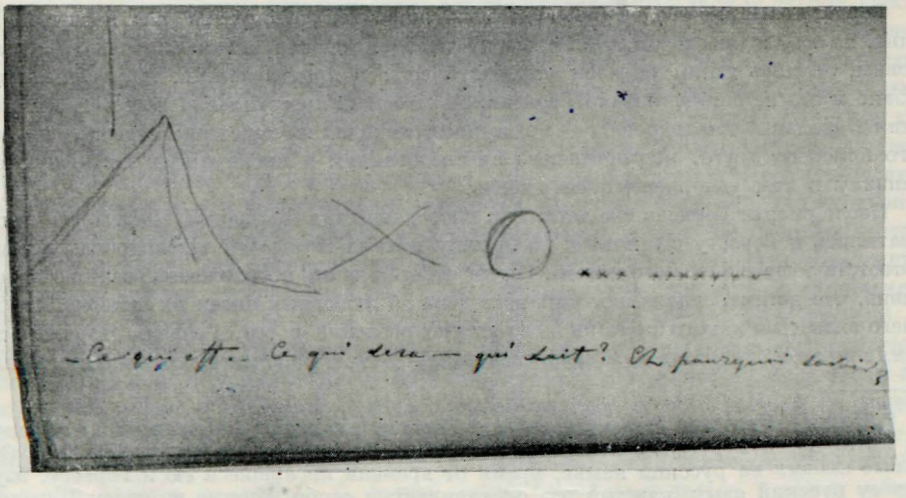
Младший сын Георга и Эммы Гервегов, Марсель, которому достался в наследство архив родителей, в течение нескольких десятилетий отказывался дать согласие на публикацию писем Герцена к Гервегу, ссылаясь на волю своего отца.

Публикуя отдельными книгами и в периодических изданиях другие эпистолярные материалы из своего семейного архива, Марсель Гервег тщательно вытравливал из них все упоминания о Герценах и их отношениях с его родителями.

В 1932 г. Марсель Гервег передал архив своего отца английскому литературоведу Эдварду Карру, писавшему в это время книгу «Романтические изгнанники» («The romantic Exiles», London, 1933; 2-е изд. — London, 1949). Карр использовал в виде цитат и в изложении ряд писем Н. А. Герцен к Гервегу и другие материалы архива, после чего передал его в Британский музей. В 1956 г. музей предоставил фотографии с писем Герцена и его жены в распоряжение редакции «Литературного наследства» в соответствии с желанием родного внука Герцена, Эдуарда Моно-Герцена (см. предисловие к основному тексту публикации). Эти письма и легли в основу настоящего обзора

3

Знакомство Н. А. Герцен с Гервегом и его женой состоялось весной 1847 г. С первой же встречи Гервег произвел на Наталью Александровну необычайно сильное впечатление «...Когда я увидела тебя *впервые*,— писала она ему впоследствии,— каким божественно прекрасным, каким привлекательным ты мне казался! Ничего подобного ранее я никогда не испытывала.— *И я отдалялась от тебя потому, что ты слишком сильно меня привлекал*» (лл. 724—725). Симпатичной показалась Наталье Александровне и жена Гервега — Эмма. О частых встречах с Гервегами в первое время их знакомства Наталья Александровна несколько раз упоминает в своих письмах к Н. А. Тучковой. «...Мы видимся довольно часто,—пишет она 17 октября 1848 г. об Эмме Гервег,—и всегда говорим о вас ⟨...⟩ Мало женщин, с которыми мне так хорошо, как с ней, она похожа на свежую ключевую воду, бьет без пены, но энергично». В январе 1849 г. она снова пишет Н. А. Тучковой о Гервегах: «Эмма — от нее у меня нос не залегает,

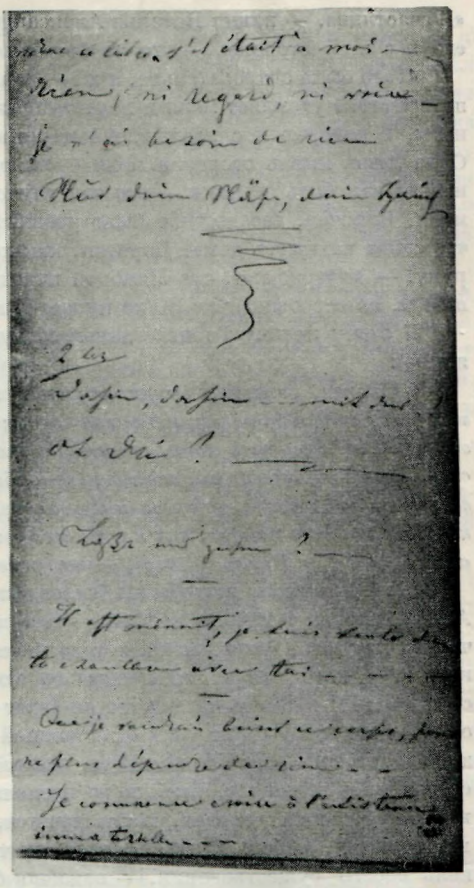


СТРАНИЦА ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГЕОРГА ГЕРВЕГА, ЗАПОЛНЕННАЯ Н. А. ГЕРЦЕН 24 СЕНТЯБРЯ 1849 г.

Британский музей, Лондон

СТРАНИЦА ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГЕОРГА ГЕРВЕГА, ЗАПОЛНЕННАЯ Н. А. ГЕРЦЕН, 2—4 СЕНТЯБРЯ 1849 г.

Британский музей, Лондон



я люблю ее, но в ней много ненужного; ее муж — широкая натура, мне с ним даже хорошо молчать, мысль не задевает за него, не спотыкается». И, наконец, 7 апреля 1849 г., в письме к ней же: «Теперь я больше, чем прежде, люблю Эмму, это благороднейшее существо, симпатизирующее всему хорошему, отдающееся всему хорошему без малейшей arrière-pensée*. Я забываю иногда вовсе немецкие черты ее характера, и мне бывает с ней очень хорошо, а главное — свободно» («Русские пропилеи», т. I, 1915, стр. 250, 258, 267).

Письма и записки Н. А. Герцен, относящиеся к 1848—началу 1849 г., не представляют особого интереса. Это почти исключительно приглашения в гости, в театр или на увеселительные прогулки, сообщения о здоровье детей и т. п. Все они обращены к Эмме Гервег [3].

После разгрома правительственными войсками 13 июня 1849 г. демонстрации, в которой принимал участие и Герцен, в Париже начались массовые аресты. Опасаясь неизбежных преследований со стороны реакционного правительства, особенно нетерпимого к революционной эмиграции, Герцен покинул Париж и 22 июня 1849 г. приехал с чужим паспортом в Женеву[4]. Вскоре туда к нему отправилась и Н. А. Герцен с малолетней дочерью Татой, в сопровождении Георга Гервега. Эмма Гервег, занятая устройством своих расшатанных материальных дел, осталась с сыном и дочерью в Париже.

В первом письме, от 11 июля 1849 г., Наталья Александровна с радостным возбуждением сообщила Эмме, что накануне, около полуночи, они приехали в Женеву. Гервег, по словам Натальи Александровны, был наредкость мил и любезен с ней и с ее дочерью.

---

* задней мысли (франц.).

«Я счастлива, — пишет Наталья Александровна, — что мне представился случай узнать его и с этой стороны, — что за богатая натура!..»

«Тата была очаровательна, я же — жалка,—продолжает Наталья Александровна;— путешествие утомляет меня и делает больной; время от времени выпадали светлые минуты, в которые я с наслаждением упивалась и своим путешествием, и его целью. Одна лишь мысль огорчала меня — вы остались одни, милая моя Эмма. Почему же нельзя вам быть с нами — это так глупо... А каждая глупость возмущает и печалит меня. Впрочем, вас должно было утешить письмо Александра. Как счастлива я тем, что снова нахожусь дома! Дорогая, как хотела б я обнять вас, пожать вам в этот миг руку! — Утверждают, что Монблан находится против моего окна, я еще не убедилась в этом, но островок Жан-Жака купается в озере перед моими глазами» (лл. 348—349).

К этому письму Герцен сделал следующую шутливую приписку (на французском языке):

«*Наконец, скромная гостиная наша превратилась в прядильню для писем — во всех углах сидят более или менее почтенные личности, пишущие вам. Госпожа Гервег, — осмелюсь ли принять хоть незначительное участие в изготовлении и снабжении вас сими бюрократическими запасами — дабы сказать вам... что же? — Что я уважаю вас, но вы это знаете; что моя жена и ваш муж приехали, но вы и это знаете. Тупость, которая на меня напала, как я уже счел своим печальным долгом сообщить вам в письме, адресованном в Вилль д'Аврэ, — все развивается. И я умолкаю*»*.

«Как бы желала я,чтобы вы были здесь с нами,милая Эмма! ⟨...⟩ — писала Наталья Александровна в другом письме. — И в самом деле, наша жизнь — впрочем, не отвечаю за других, — моя жизнь, хотела я сказать, так прекрасна, что я желала бы заставить всех, кого люблю, наслаждаться ею... Георг по-прежнему весел, он чувствует себя хорошо; в десять часов утра он берет у меня урок русского языка, в час или в два он сам дает мне и Саше урок естественной истории или ботаники; все остальное время дня мы гуляем. С тех пор как Георг сделался нашим чичероне, наши прогулки приняли совсем иной характер, нежели во времена Герцена[5]. Быть может, и необходимо оставаться в больших городах, когда хочется, когда надобно действовать, — но, утратив все иллюзии, любовь к людям, надежду что-нибудь для них сделать, утратив даже цель своего существования, — надобно бежать на лоно природы...».

Наталья Александровна сообщала при этом Эмме о чтении ею Руссо: «Я читаю „Новую Элоизу" — каково?» (лл. 351 — 353).

10 августа Наталья Александровна снова пишет Эмме Гервег: «Я наслаждаюсь в настоящее время таким полным благополучием, что *испытываю боль от сознания, что вас нет близ меня*, тем более, что знаю, как вы одиноки и как страдаете...».

По поводу присланного ей Эммой письма некоего П.[6] Наталья Александровна в том же письме заявляла: «Высказанные им советы — принять меры предосторожности в отношении Георга — быть может, *справедливы с его точки зрения*. Я хочу сказать, что люблю Георга, как сестру или младшего брата; его присутствие делает меня счастливой, и, следовательно, я становлюсь лучше. Я все более и более чувствую себя вознесенной над грязными волнами жизни, я расту, и жизнь вырастает со мною, а все ничтожное делается еще ничтожней, так, что его даже перестаешь замечать»[7] (лл. 354—357).

«Георг чувствует себя хорошо, его настроение очень часто меняется, в зависимости от окружения и обстоятельств, — писала Наталья Александровна Эмме Гервег 20 августа, — следовательно, я не могу сказать определенно, грустен он или весел. Часто я хотела бы видеть его в *ином* окружении, чем здесь, — словом, я хотела бы видеть его в раю или знать, что он там, если только рай существует» (л. 358).

---

* Приводим эту приписку Герцена в подлиннике: «Enfin notre humble salon s'est changé en filature de lettres, dans tous les coins il y a des individus plus ou moins honorables — qui vous écrivent, madame Herwegh, oserai-je prendre une petite part au confectionnement et approvisionnement des matériaux bureaucratiques — pour vous dire — t quoi donc?— que je vous estime — mais vous le savez, que ma femme et votre mari sone arrivés — mais vous le savez aussi. Cette stupidité qui m'a frappé, comme j'ai eu le triste devoir de vous informer dans ma lettre que j'ai adressée à Ville d'Avray — s développe. Et je me tais».

«Окружение» Гервега, как и Герцена, в это время состояло, главным образом, из революционных эмигрантов разных национальностей, бежавших в Швейцарию после разгрома революций на их родине и живших в непрерывном, но тщетном ожидании возобновления открытой борьбы с реакционными правительствами. «Я с радостию покидал Париж, но в Женеве мы очутились в том же обществе, только лица были другие и размеры теснее 〈...〉, —писал Герцен в «Былом и думах». — Исключительно политическое направление, особенно в том тяжелом затишье, которое всегда следует за неудачными переворотами, чрезвычайно утомляет бесплодной сухостью и однообразным попреканьем прошедшему» (изд. АН, т. X, стр. 110).

«О, как мне порой хотелось бы вырваться из этой паутины и улететь далеко, далеко с Георгом! — восклицала Наталья Александровна в цитированном выше письме, — не навсегда (не пугайтесь!) — нет, лишь настолько, чтобы позабыть обо всем остальном, — это не потребовало бы, стало быть, много времени. И затем я снова опустилась бы домой, в лоно своей семьи. О, после подобного взлета я была бы в тысячу раз способней к роли настоящей матери и проч. ... Почему говорю я „улететь с Георгом"? — Потому, что и он нуждается в этом, я думаю, больше, нежели кто-либо другой» (л. 359).

Подобные высказывания, явно свидетельствовавшие о страстном увлечении Натальи Александровны Гервегом, сильно встревожили Эмму Гервег и возбудили в ней глухую ревность [8].

3 августа Герцены и Гервег отправились на экскурсию в Монтре и поднялись на Dent de Jaman. «Вчера мы целый день взбирались на одну из гор возле Монтре, — писал Герцен 4 августа Т. Н. Грановскому в Москву. — День был удивительный. Никто даже не чувствовал усталости после *14-часового марша*. Это чудные дни в наше время. Вообще внутри Швейцарии хорошо. Нигде нет газет, никто ничего не знает, горы, горы, дикая природа и чудные озера» («А. И. Герцен. Новые материалы». М., 1927, стр. 70—71)[9].

Эта прогулка оставила глубокий след в памяти Натальи Александровны. Контур горы Dent de Jaman (∧), находящейся на берегу Женевского озера, стал с того дня эмблемой ее любви к Гервегу и духовного единения с ним [10].

Наталья Александровна не переставала вспоминать об этой поездке, об идиллической хижине в Карлетто и о счастливых днях, проведенных с Гервегом в Женеве. «Все последнее время, — писала она Гервегу в августе 1850 г. — я много думала о нашей жизни в Женеве... Я вызывала в памяти своей все мгновения — *наши* мгновения... Приезд Коли — помнишь ли ты?.. Этот вечер... О, это целая вечность блаженства!.. Как сжимала я твою руку — помнишь ли ты? — не произнося ни слова...И потом, когда мы посмотрели на Рону... и ты сказал мне: „Где я?" — *и я не знала* ничего, ничего, и сила жизни моей, и богатство жизни моей могли помериться силой и богатством с целой вселенной...» [11] (л. 726).

О характере отношений Натальи Александровны к Гервегу красноречиво свидетельствуют записи, сделанные ею 29 августа — 4 сентября 1849 г., в те дни, когда Гервег и Герцен, вдвоем, отправились на высокогорную экскурсию, описанную впоследствии в «Былом и думах» (изд. АН, т. X, стр. 110—115) [12]. Охваченная страстным порывом, Н. А. Герцен набросала на нескольких страницах записной книжки Гервега, подаренной ему Эммой, среди стихотворных и прозаических заметок Гервега, свою экзальтированную исповедь:

«Со вчерашнего вечера все во мне проникнуто грустью 〈...〉, — записывает Наталья Александровна в полночь 29 августа. — Отчего же? — Знаешь ли ты меня?

Я кстати осталась одна.

Хватаюсь за эту книжку как за единственное средство спасения... Словно руку твою, прижимаю ее к своей груди...

Можно ли мне прочесть ее?.. Да, да, да, несмотря ни на что — *ты мой!* И нет ничего, кроме тебя.

Я разобрала *почти* все, что ты мне здесь написал...

Кладу эту книжку себе под подушку...».

30 августа Наталья Александровна продолжает свою заочную беседу с Гервегом:

«Ты далеко, и все же я не вижу и не чувствую ничего, не дышу ничем, кроме тебя, тебя, тебя...

Тебя, которого ищу с детства, всегда и... во всем...

Временами жизнь осыпала меня всем, что в ней только есть хорошего,— я останавливалась, я не знала более, куда идти, *я желала* остаться... Но невидимая сила, eine Sehnsucht* отрывала меня прочь и влекла к тебе... Я искала тебя всегда, всегда, rastlos**...

Временами я едва не умирала от усталости, истощения, отчаяния... Ты призывал меня — и мои воскресшие силы уносили меня вновь...

Das Gefühl deiner Nähe*** делало меня все более и более спокойной и счастливой... Последние годы — лучшие годы... Продолжительно было испытание... Но вот и ты! и да будет благословенно все, что было, что есть, что будет, — всё! ⟨...⟩

2 сентября

Dahin, dahin — mit dir!
O! Du!
Laß uns ziehn****.

Полночь, я одна в твоей комнате с тобою...

Как желала бы я разбить это тело, чтобы ни от чего более не зависеть...

Я начинаю верить в нематериальное существование...

Почему я не только не хотела к тебе приблизиться, но избегала тебя всегда?.. И, будучи далека,— была так близка!..

Не надобно ни революций, ни республик: мир будет спасен, *если он нас поймет.*

Впрочем, если он и погибнет, мне это безразлично, ты всегда для меня будешь тем же, чем теперь.

О, приди же, приди и скажи мне одно лишь слово!..

Если бы тебя не было, я жила бы только для других, но не для себя.

Твое письмо! 3 сентября

Ζῶή μού σας ἀγαπῶ*****

4 ⟨сентября⟩

Сегодня я не буду читать больше твоего письма!

Полдень.

День ужасающе длинен!

Остается целых шесть часов!.. Это ужасно!..

И потом... и потом...

O, Ζώη μού!!!

Только бы услышать твои шаги в соседней комнате!..

Ζῶή μού!»

И другая, недатированная запись в этой книжке:

«Обманем смерть, да не отнимет она у нас жизни! Не оставим ей ничего, что она могла бы у нас отнять.

Выпьем всё — и отдадим ей кубок пустым» (лл. 952 — 968).

Возвращение Герцена и Гервега в Женеву 4 сентября Наталья Александровна отметила следующими строками в письме своем к Эмме:

«Они возвратились со своей экскурсии — обожженные солнцем, веселые и довольные, как дети, оба — милы до крайности.

---

* тоска (нем.).

** неустанно (нем.).

*** Сознание твоей близости (нем.).

**** «Туда, туда с тобой! О! ты! Устремимся туда» (нем.).— Из «Песни Миньоны» Гёте.

***** Жизнь моя, тебя люблю (греч.).

Право же, я иногда думаю, что общество и любовь этих двух людей могут превратить меня в совершенное существо».

В этом же письме Наталья Александровна писала, имея в виду возможность высылки их из Женевы: «Я думаю, что мы вскоре будем *вынуждены* покинуть Женеву; куда и как мы отправимся я хотела б это знать сама, чтобы сообщить тебе.

Александр предоставил Георгу выбор места, куда ехать, тот обещал подумать об этом.

Теперь надобно узнать, подлежим ли мы изгнанию,— и затем принять меры— до этого ничего предпринимать нельзя» (лл. 364—365).

5 октября Наталья Александровна следующим образом описала Эмме предпринятую ими новую экскурсию в горы:

«1 октября мы приветствовали и обнимали тебя с горы Анвер. Вообрази себе ливень, грязь по колена, Александра, взбешенного и несчастного, Георга, ухаживающего за горной козочкой, меня, полумертвую от страха при виде Саши, висящего над пропастью,— и перед тобой будет полная картина нашей увеселительной прогулки.

Ужасная погода, продолжающаяся последние дни, заставила нас выработать несколько новых планов и проектов, между ними Ниццa, Корсика, Гиерские острова...— Острова эти — всего привлекательней, но это все еще Франция, — во всяком случае, Женева для нас невозможна.

Георг часто скучает ⟨...⟩

Я забыла сказать тебе, что, когда мы спускались с Шамуни, наша карета опрокинулась, и вот мы все покрыты татуировкой, а у меня на лбу многоцветная шишка»[13] (лл. 370—371).

Ревнивые нотки, зазвучавшие в письмах Эммы Гервег, ее участившиеся жалобы на равнодушие мужа и его безразличное отношение к детям — испугали Наталью Александровну. Она с горячностью принялась уверять ее в своей дружбе и сочувствии, утверждая, что Гервег с интересом относится к своей семье и охотно вскоре съедется с нею.

«Одно лишь утешает меня при виде твоей печали,— пишет она Эмме,— что ты, надеюсь, вскоре увидишь Георга. Как ни огорчительна для меня мысль, что его не будет больше с нами,— сознание, что ты счастлива, всегда будет служить мне утешением. И потом, я надеюсь, что вскоре мы все соберемся вместе. Однако прежде всего надобно убедиться в том, что пребывание Георга в Париже не будет внезапно потревожено... Подвергнуть нас всех новой гиджре[14] было бы неразумно» (лл. 377—378).

К этому письму Герценом сделана следующая приписка:

«*Когда письмо к Г⟨ервегу⟩ будет напечатано, купите 10 экземпл⟨яров⟩ газеты и отправьте сюда почтой*»* (л. 377). Речь идет о публикации статьи Герцена «La Russie» (написанной в форме письма к Гервегу) в парижской газете «Voix du Peuple» (см. об этом выше, на стр. 52 настоящего тома).

В том же письме Наталья Александровна сообщала Эмме, что сняла дачу, на берегу Женевского озера, в Вето (кантон Во), выражая при этом неуверенность насчет переезда туда, несмотря на внесенный задаток и нанятых слуг. В другом письме из Женевы, от конца октября 1849 г., она писала: «1 ноября нас уже не будет в Женеве; у меня грустные предчувствия в отношении Вето, но я не хочу им поддаваться ⟨...⟩ Ты поступаешь весьма благоразумно, что остаешься в Париже,— но не более. У меня предчувствие и весьма глубокое, что и мы вскоре там окажемся. Что же касается наших весенних путешествий... то ты будешь более подвижна, чем я, — моя недостаточная подвижность будет полезна и для русской пропаганды и для Таты, которая постоянно просит меня родить ей маленькую Аду» (л. 279). По-видимому, под влиянием Гервега Наталья Александровна вскоре отказалась от мысли поселиться в Вето, найдя более целесообразным возвращение в Париж. Однако и это намерение сразу осуществить не удалось — вначале из-за затруднений с визированием паспортов, а затем вследствие болезни Натальи Александровны.

* Приводим эту приписку Герцена в подлиннике: «Lorsque la lettre à Her⟨wegh⟩ sera imprimée, achetez 10 exempl⟨aires⟩ du journal et envoyez ici par la poste».

О настроении, которым она была в это время охвачена, можно судить по следующим строкам из ее письма к Эмме: «Я хотела бы жить вечно, как бы невыносима ни была моя жизнь, я перенесла бы всё и любила бы жизнь за возможность любить» (л. 270).

«Ровно пять месяцев, как мы в Женеве,— писала в это время Наталья Александровна Т. А. Астраковой,— я не говорила почти ни с одной женщиной, ни с кем не знакома, ни с кем! Всё и все мне кажутся хуже того, что у меня дома ... Ты, может, посмеешься над этим, а оно так (да ты и не посмеешься!). Александр — что это за юная, свежая натура, светлый взгляд, светлое слово, живая жизнь... с ним держишься на такой вышине... в такой ширине, что все кажутся какими-то тяжелыми жуками, роющими землю. Потом с нами живет здесь Георг — изящнее, поэтичнее я не знаю натуры, и все мы так сжились — я не могу себе представить существование гармоничнее» (цитируется по фотокопии с автографа из архива Колумбийского университета — Нью-Йорк).

В воображении Натальи Александровны рисовалась в самых радужных красках совместная жизнь обеих сблизившихся семей, окончательно поселившихся вместе на юге Европы. Париж мало привлекал Наталью Александровну: она сознавалась Эмме, что боится приезда в этот малосимпатичный ей город и возвращения к прежнему образу жизни: «Ужин, обед, социалисты, Пру⟨дон⟩, госпожа дю Бари или как там ее... Тургенев — о!..» — иронически восклицала она в одном из своих писем к Эмме (л. 394). Впрочем, о некоторых подробностях своей парижской жизни она вспоминала не без удовольствия, чувствуя себя неуютно в огромном женевском отеле. «В мрачный, холодный и дождливый вечер,— писала она Эмме,— дрожа от холода на жестких стульях перед бледным и чахоточным огнем, мы вспоминали с Георгом твою красную комнату, в которой, бывало, с таким упоением катались по полу» (л. 383).

«Паспорт Георга еще не прибыл,— отмечала она в конце ноября 1849 г., во время своей болезни.— Как только Георг его получит, он отправится в Париж [15]. Александр на днях едет в Цюрих, чтобы привести в порядок кое-какие дела. Затем, как только здоровье мне позволит, мы все уедем в Париж» (лл. 385—386).

19 декабря Герцен с женой покинули Женеву и отправились в Цюрих, где жили в это время мать Герцена и его сын Коля, воспитывавшийся в училище для глухонемых. Проводив их, Гервег тотчас же уехал ненадолго в Берн.

21 декабря Наталья Александровна известила Эмму (из Цюриха) о предстоящем приезде в Париж Герцена с матерью:

«Ты сильно удивишься, моя Эмма, увидев в один из ближайших дней Александра и его мать, которые хотят остановиться у тебя. Ты поступишь хорошо, если утаишь от *друзей*[16] приезд Александра, чтоб иметь возможность вволю наговориться о ваших делах. Что до меня — я в этом ничего больше не понимаю, я вооружилась покорностью судьбе; будь что будет — я жила̀!..

От Александра ты узнаешь все, что касается нас, лучше, чем если б я сама тебе написала. Георг находится в Берне, Александр пробудет у него один день ⟨...⟩

Они ⟨т. е. Герцен с матерью⟩ едут завтра или послезавтра» (л. 395).

В следующем, недатированном письме к Эмме Наталья Александровна заявляла: «Я радуюсь, видя тебя вместе с Александром,— я думаю, что вскоре ни один из нас уже не будет отсутствовать в нашем маленьком кружке» (л. 397).

21 декабря датирована записка Н. А. Герцен к Гервегу (из Цюриха) в ответ на его письмо[17]. Написана она по-русски и по-французски. «Благодарю, благодарю, милый, дорогой, *несравненный* друг!— пишет Наталья Александровна.— Ваше письмо принесло мне невыразимую радость. Я также вас люблю. Жду свиданья, жду, жду!..» (л. 406)[18].

На следующий день, 22 декабря, она пишет Гервегу, обозначив по-русски: «Соседу, ученику, другу»:

«Если б у меня хватило смелости описать вам нашу здешнюю жизнь, которая *никоим* образом в материальном отношении не может вас удовлетворить, я сказала бы вам в конце описания: наберитесь храбрости и приезжайте провести несколько дней с глухими и немыми!

Как грустно быть так рассеянными по свету... Похороним же, по крайней мере, вместе, вдвоем, 1849 год, присутствуя при появлении 1850-го, это принесет пользу но.

ворожденному. Бесполезно говорить, как я была бы счастлива, если б это осуществилось, однако я буду мучиться при виде тех лишений, которые вам придется здесь перенести 〈...〉 Не забудьте сообщить мне все новые проекты, которые Александр составит на пути из Цюриха в Берн 〈...〉 Расцелуйте за меня своего двойника» (своим «двойником» Гервег обычно называл Герцена) (лл. 408—409).

23 декабря она снова пишет Гервегу (по-русски и по-французски): «Только что получила ваше письмо и была ему невыразимо рада. Писать много не могу, надо скоро послать письмо на почту. Что-то вы делаете и где ваш *близнец* (besson) и что он еще выдумал? Никогда разлука не вводила меня в такую грусть, как на этот раз, предчувствие ли это?..*Нет!* Наша жизнь еще будет хороша, еще мы все будем вместе, без лягушек[19], гармония, гармония, гармония.

Мне мое сердце говорит, что вы едете сюда, правда ли? И когда? — Да, теперь Вевэ, но одно несомненно, что Цюрих не будет нашей резиденцией,— Александр испытывает к нему отвращение. Впрочем, вам предоставлены все полномочия для выбора места, пора этим заняться...» (лл. 427—428).

Через несколько часов она снова пишет Гервегу (по-русски):

«Едва запечатала мое письмо к вам, опять потребность говорить с вами. Зачем вы кашляете? Верно вы простудились, провожая нас. Нет слов для того, чтоб сказать все, что я чувствовала в ту минуту, когда мне видно было только ваш белый платок на черном fond*... Зачем, зачем мы сюда, а вы туда?.. Зачем?.. Какая жестокая шутка вся жизнь. Но все же есть минуты∧∧∧∧∧∧[20], и за эти-то минуты надо переносить остальное, я за них переношу всё, всё с радостию.

Мы с Александром долго говорили о вас перед его отъездом, в последний вечер, и для меня всегда один результат: оба вы правы! — Он тоже умеет любить, много любить *по-своему*...».

24 декабря Наталья Александровна приписывает к этому письму по-французски:

«От вас письмо — я не постигаю, почему Александра не было вчера в Берне, в минуту, когда вы отправляли это письмо. Изменил ли он снова свои планы?.. Я жду также несколько слов от него. Я становлюсь суеверной, я стану бог весть чем, если вы не приедете. Вчера я обедала и провела вечер со слепыми, сегодня же — все утро — директор, глухие, немые, слепые... Я плакала от этого, как дитя, я заболела нравственно и физически... Я становлюсь недоверчивой... Ваше письмецо привело меня в себя, я лихорадочно схатила его, я сжимала его в руке, когда писала вам... Я буду счастлива сжать вашу руку при свидании.

Приезжайте, если это *возможно*,— хоть день, хоть час пробыть с вами!..» (лл. 410—411).

Встреча Герцена и Гервега состоялась в Берне вероятно 24 декабря 1849 г. Герцен смутно догадывался о любви Натальи Александровны к Гервегу, однако не подозревал, как далеко зашли их отношения. Подчеркнутое, доходящее до эгоцентризма себялюбие Гервега, софизмы, которыми он старался замаскировать безнравственность своего отношения к окружающим, лжеромантические рассуждения о «высших натурах», которым дозволено всё,—тем более сильно возмущали Герцена, что он стал замечать несомненное влияние их на Наталью Александровну.

Наталья Александровна давно уже была подготовлена к восприятию подобных идей. Достаточно вспомнить ее восторженное преклонение перед Лукрецией Флориани и другими героинями «великой Санд», проносящими «*живую душу* сквозь падения и разврат» (запись в дневнике от 13 ноября 1846 г.—изд. АН, т. IX, стр. 274). «Я хотела бы тебе лишь сказать,—писала она Гервегу в одном из своих позднейших писем,— что чувствую себя *всегда* такой чистой, такой святой пред тобой, пред всеми, во всем... Быть может, *это только желание быть такой*, но это так! *Я очищаюсь* в том, что все нашли бы грязным, *я горда* тем, что вызвало бы презрение, я нахожу одну лишь истину в том, что другие считают ложью» (л. 726).

* фоне (франц.).

Принципиальный вопрос о безнравственности эгоизма и пытался поставить Герцен во время бернского свидания. Однако Гервег горячими дружескими излияниями воспрепятствовал его обсуждению. «Слабодушная двойственность» Гервега, понимавшего необходимость откровенного объяснения, но тем не менее избегавшего его, глубоко возмутила Герцена.

«Это чуть ли не была последняя минута, в которую я еще в самом деле любил этого человека... — писал в «Былом и думах» Герцен по поводу бернского свидания.— Думая всю ночь, я тогда только дошел до одного слова, не выходившего из головы: „Несчастие, несчастие!.. Что-то выйдет из этого?“» (изд. АН, т. X, стр. 254).

В написанном тогда же, после встречи с Герценом, письме к Наталье Александровне Гервег в туманных фразах, испугавших его корреспондентку, намекнул на то, что совместная жизнь, о которой Наталья Александровна строила такие радужные планы, в дальнейшем может оказаться невозможной.

«Милый, милый, дорогой! ⟨...⟩ — восклицала Наталья Александровна в письме к Гервегу из Цюриха от 25 декабря.— Почему вы пишете о каком-то будущем, которое должно рассеять нас в разные стороны?.. Кто, что может помешать вам всегда, всегда, всегда быть с нами? Это меня просто бесит, *наше* будущее в наших руках».

«Целую тебя, мой Сильвине...— приписывает она ниже.— Не думайте только, что я воображаю себя Фадеттой [21] — совсем нет! Я только то, что я есть, и не хочу быть ничем иным» (л. 413—414).

Приехав в Париж, Герцен поселился у Эммы Гервег. Мать его вскоре уехала, и он остался один. «Это одиночество,— писал он впоследствии,— было мне необходимо, мне надобно было одному вдуматься, что делать. Письмо от Natalie, в котором она говорила о своем сочувствии к Г⟨ервегу⟩, дало мне повод, и я решился писать к ней. Письмо мое было печально, но спокойно; я ее просил тихо, внимательно исследовать свое сердце и быть откровенной с собой и со мной; я ей напоминал, что мы слишком связаны всем былым и всею жизнию, чтоб что-нибудь не договаривать».

Герцен приводит далее ответное письмо Натальи Александровны, которая в полной растерянности писала ему: «...Может, я виновата во всем, может, недостойна жить — но я чувствую себя так, как писала как-то тебе вечером, оставшись одна. Чиста перед тобой и перед всем светом, я не слыхала ни одного упрека в душе моей. В любви моей к тебе мне жилось, как в божьем мире, не в ней — так и негде, казалось мне. Выбросить меня из этого мира — куда же? — надобно переродиться. Я с ней, как с природой, нераздельна, из нее и опять в нее. Я ни на одну минуту не чувствовала иначе. Мир широкий, богатый, я не знаю богаче внутреннего мира, может слишком широкий, слишком расширивший мое существо, его потребности,— в этой полноте бывали минуты, и они бывали с самого начала нашей жизни вместе, в которые незаметно, там где-то на дне, в самой глубине души что-то, как волосок тончайший, мутило душу, а потом опять все становилось светло». «Эта неудовлетворенность, что-то оставшееся незанятым, заброшенным,— цитирует далее Герцен другое письмо Натальи Александровны,— искало иной симпатии и нашло ее в дружбе к Г⟨ервегу⟩» (Изд. АН, т. X, стр. 254).

Отвечая ей на это, Герцен писал:

«В твоих письмах есть струна новая, незнакомая мне — не струна грусти, а другая... Теперь всё еще в наших руках... будем иметь мужество идти до конца. Подумай, что после того, как мы привели смущавшую нашу душу тайну к слову, *Г⟨ервег⟩ взойдет фальшивой нотой в наш аккорд — или я. Я готов ехать с Сашей в Америку, потом увидим*, что и как... Мне будет тяжело, но я постараюсь вынести; *здесь* мне будет еще тяжелее — и я не вынесу».

На это письмо Наталья Александровна «отвечала криком ужаса». Мысль о разлуке с Герценом ей никогда не приходила в голову. «Что ты!.. Что ты!.. Я — и разлучиться с тобой — как будто это возможно. Нет, нет, я хочу к тебе, к тебе сейчас — я буду укладываться, и через несколько дней я с детьми в Париже!».

В день выезда из Цюриха она писала Герцену: «Точно после бурного кораблекрушения я возвращаюсь к тебе, в мою отчизну, с полной верой, с полной любовью. Если б состояние твоей души похоже было на то, в котором я нахожусь! Я счастливее, чем когда-ни-

будь. Люблю я тебя все так же, но твою любовь я узнала больше и все счеты с жизнию сведены,— я не жду ничего, не желаю ничего. Недоразумения! — я благодарна им, они объяснили мне многое, а сами они пройдут и рассеются, как тучи» (там же, стр. 255) [22].

Приглашая Наталью Александровну приехать в Париж для объяснений, Герцен подчеркнул, что желает ее приезда *без детей*. Герцен придавал этому особое значение. Наталья Александровна не приняла, однако, во внимание настойчивой просьбы Герцена и решила привезти с собой старшего сына и обожаемую Герценом Тату, надеясь, вероятно, их присутствием несколько ослабить остроту предстоящих объяснений с мужем.

Узнав об этом, Герцен предложил Гервегу и Наталье Александровне съехаться с ним в Мюльгаузене (Мюлузе), чтоб обсудить создавшееся положение. Однако ни Гервег, ни Наталья Александровна, по-видимому, не решились на открытое обсуждение этого вопроса, и встреча в Мюльгаузене не состоялась.

Приезд Натальи Александровны в Париж и объяснение с нею успокоили Герцена. Наталья Александровна уверила мужа, что ее чувство к Гервегу не перешло и не перейдет границ обыкновенной дружбы.

«...Разлука с тобой, возвращение в Париж, Эмма — мне слишком много надобно было высказать, именно это и делало меня немой, я не могла найти себя самое, не только что слова,— писала она Гервегу из Парижа.— Покинуть тебя, не иметь возможности писать тебе, не знать, увижу ли тебя когда-нибудь... Но там, там... Мне кажется, я различаю слабый луч света, я ни разу еще не вздохнула свободно, как все запутанно, я пишу невразумительно, но ты меня поймешь».

«Как они прекрасны, как они велики — Александр и Эмма,— пишет она в том же письме.— А ты — это ты!!!. Как сильна их любовь... Я не знала до сих пор, как я необходима Александру, малейшее подозрение убило бы его; если б я приехала позже, я уж его не застала бы... Дорогой мой, для нас нет никакой возможности жить в одном месте, несмотря на все, что тебе искренне твердят,— *они ошибаются*, это убило бы нас, *я знаю это*. Перенеси же, перенеси все для нашего спасения!»... — «Даже в письмах твоих есть нечто, приносящее большой вред, —добавляла Наталья Александровна в заключение. — Прощай до первой возможности! Целую тебя» (л. 426).

Вскоре, однако, в Наталье Александровне начинают возрождаться прежние иллюзии о возможности совместной «гармоничной» жизни обеих семей. В каком виде она представляла себе эту гармонию, особенно в тех усложнившихся условиях, когда временное равновесие поддерживалось только полным сокрытием истины от Герцена,— ответа письма Натальи Александровны не дают.

В письмах Герцена за этот период мы также встречаем упоминания о возможной гармонии в отношениях между обеими семьями; но многие подробности еще не были известны Герцену, и его иллюзии в этом отношении гораздо легче объяснимы.

После возвращения Натальи Александровны в Париж переписка ее с Гервегом принимает двойственный характер. Помимо «открытых», «официальных» писем, писавшихся с расчетом на то, что их может прочесть Герцен, и посылавшихся часто в том же конверте, что и его письма, на адрес Гервега почти ежедневно отправлялись письма, не предназначавшиеся для постороннего глаза. Подобные же письма присылались Наталье Александровне Гервегом.

«Как будто мы никогда и не оставляли Парижа,— писала Наталья Александровна Гервегу 29 января 1850 г. вперемежку на русском и французском языках, — недостает только вас, дальний сосед. Опять — то мы у Эммы, то Эмма у нас, а вас нет как нет! Квартира ваша ужасно печальна. Мы валяемся с Эммой в вашем кабинете на ковре, перед камином. Мне все еще странно, все еще я не могу понять той бури, которая пронеслась над нами, тучи не все еще прошли, *а могли бы* пройти... Теперь мне кажется, что это зависит от вас, если б вы исполнили обещание — способствовать полнейшей гармонии — она бы могла быть полная!

Благодарю за письмо ваше и за письма. Я получила пакет у Эммы, открыла его — и не нашла для нее ни строки... Она горько плакала, плакала, и я, глядя на нее, и не рада была вашему письму, друг мой!

Теперь я люблю Эмму более, чем когда ⟨бы то ни было⟩. Она так добра, так великодушна, она любит вас любовью, равной которой я не встречала, и в этом чувстве столько юности, столько страсти и истины... Она так преданна... и видеть ее столь несчастной, видеть, как жестоко она страдает,— для меня невыносимо!

Мне кажется, вы бы хорошо сделали, если б увиделись с ней хоть на несколько часов; какая опасность приехать сюда? ⟨...⟩

Не только между нами, даже между нашими детьми — величайшая гармония; Тата и Горас любят друг друга страстно, Саша любит Аду, которая восхитительна.

Как-то мы обедали у „Провансальских братьев", без вас было грустно. Александр угостил нас таким крепким вином, что мы с Эммой совсем опьянели; не знаю, каким образом вернулась я домой; Эмма, едва лишь добралась к себе, — уснула».

«Да, я хорошо выполняю свою миссию,— заключает Наталья Александровна свое письмо,— но не воображайте, что другие плохо говорят о вас, вы поняты и любимы больше, чем предполагаете, поверьте мне» (под «другими» Наталья Александровна несомненно, подразумевала Герцена).

К этому письму Герцен сделал две приписки. Откликаясь на упрек Гервега, утверждавшего, что с приездом Натальи Александровны в Париж «избиение младенцев будет лучше производиться втроем» (под «троими» он имел в виду Герцена, свою жену и Наталью Александровну, а под «младенцем» — самого себя), Герцен следующим образом возражал ему: «*И, конечно, немножко ненавидят за ненавистные вещи. Вместо избиения младенцев втроем, я вижу лишь избиение младенцами Фараона — то бишь Ирода— и это не вредит ни его здоровью, ни дружбе, которую к нему питают*». Во второй приписке он писал: «*Я получил ваше письмо — мы совершенно согласны с вами в главном.— Поговорим еще об этом попространней*» (лл.433—436)*.

В письме от 1 февраля 1850 г. Наталья Александровна снова возвращается к вопросу об отношении Гервега к его жене — вопросу, который в это время служил одним из главных предметов обсуждения в переписке Герцена с Гервегом.

«Я настолько нахожусь под впечатлением горя Эммы,— пишет Наталья Александровна,— что не могу ни благодарить вас за ваше очаровательное письмо, ни отвечать, как хотелось бы ⟨...⟩ *Сама Эмма* приносит нам ваши письма. Представьте себе, что кто-нибудь, умирающий от жажды, смотрит на другого, держащего в руке стакан, полный воды... Какое впечатление произвела бы на вас эта *картина*?.. Судите же теперь, что должен испытывать *тот*, кто держит стакан... Эта пытка превышает *мои* силы.

Я *вижу возможность* гармоничной жизни для нас четверых,— продолжает Наталья Александровна,— но *я не верю* в эту гармонию⟨...⟩

Я понимаю, что ваша жизнь в Цюрихе невыносима, вырвитесь оттуда, чтоб испробовать одиночество или кружок друзей, прислушайтесь к вашему сердцу, проверьте, как следует, свои силы и разберитесь в самом себе, чтобы не нарушить воцарившийся мир, гоняясь за гармонией, которая исходить должна от нас же самих.

Не знаю, приедете ли вы в Париж, или не приедете, вот почему я вам ничего не посылаю.

Да, я прочту „Вильгельма Мейстера", как только удастся это сделать.

Я видела Тургенева — это олицетворенное равнодушие[23]. Хоецкий — вежлив, Даримон — ниже всякой критики» (лл. 442—443).

«Встреча наша в Париже,— писал в «Былом и думах» Герцен,— была не радостна, но проникнута чувством искреннего и глубокого сознанья, что буря не вырвала далеко пустившего свои корни дерева, что нас разъединить нелегко. В длинных разговорах того времени одна вещь удивила меня, и я ее исследовал несколько раз и всякий раз убеждался, что я прав. Вместе с оставшейся горячей симпатией к Г⟨ервегу⟩, Natalie словно свободнее вздохнула, вышедши из круга какого-то черного волшебства; она

---

* Приводим эти приписки Герцена в подлиннике: «Et certainement tant soit peu détesté pour les choses détestables. Au lieu du massacre des innocents à 3, je ne vois que le massacre de Pharaon, pardon — Hérode — par les innocents — et cela ne nuit pas à sa santé ni à l'amitié qu'on lui porte».

«J'ai reçu votre lettre — nous sommes tout à fait d'accord sur les choses principales. Nous en reparlerons tout au long».

боялась его, она чувствовала, что в его душе есть темные силы, ее пугал его бесконечный эгоизм, и она искала во мне оплота и защиту» (Изд. АН, т. X, стр. 255).

Прямым последствием разговоров с Герценом явилось письмо Н. А. Герцен к Гервегу, написанное 4 февраля 1850 г. (дата почтового штемпеля):

«... Ты знаешь всю мою жизнь, то есть всю мою любовь к Александру,— во мне не найдется и крупицы, в которой не было бы его... Но нашлось еще место и для тебя. Моя жизнь завершена, я смотрю спокойно на смерть и даже желала бы ее... Да... Я *слишком* счастлива.

Не было и мгновения со времени нашей разлуки, в которое ты не был бы со мною, во мне, и так глубоко... Но „почему, — пишешь ты,— письмо из Парижа оказалось холодней, чем письмо из Цюриха?"— По той же причине,— отвечаю я,— которая мешает мне поверить в гармонию, которая даже заставляет меня бояться в скором времени увидеться с тобой,— чтобы *спасти* остаток гармонии, сохранившийся еще между нами четверыми. Быть может, со временем все изменится, и хорошо, если изменится,— тогда мы сможем и переписываться и жить (быть может) вместе, но *так*, как дело обстоит теперь,— поверь мне, поверь, первое так же *невозможно*, как и второе ⟨...⟩Один лишь намек на то, что было сделано, сказано и написано, *лишит меня* Александра, тебя же лишит нас обоих — я не хочу жить и минуты после того—моя жизнь перестанет быть нужной даже детям ⟨...⟩

О, если бы ты знал, в каком состоянии была я, приехав сюда, ты ни разу не упрекнул бы меня. Но я не могу еще ничего сказать — если ты не хочешь моей смерти (поверь, это не пустые слова), *не спрашивай меня ни о чем*, не знаю, долго ли я смогу тебе сопротивляться; если я ослабею, мы все погибли — я первая; по крайней мере, вы сможете жить тогда в полной гармонии — сделай же это, если подобная гармония тебя привлекает!..».

Далее Наталья Александровна горько упрекает Гервега за его упорное нежелание писать своей жене и умоляет уничтожить письма, которые ему посылала. «Силы покидают меня, голова кружится, прощай, обнимаю, обнимаю тебя, дорогой!»,— завершает Наталья Александровна свое письмо, в котором явственно ощущается полная растерянность, душевная тревога и борьба противоположных чувств (лл. 444—445).

«Да, я люблю спускаться,— восклицает Наталья Александровна в письме от 5 февраля 1850 г., написанном на русском и французском языках, откликаясь, по-видимому, на какую-то реплику Гервега.— Но знайте только, что в моем словаре *спускаться* — значит *восходить*; чем ниже я спускаюсь в глубины, тем более я подымаюсь в высь. О! Александр! Что скажет он об этом! ⟨...⟩

Вы видите, я продолжаю отвечать на ваше письмо от 1 февраля. Да, Александр говорит и о марте, и об апреле, он говорит и о Грассе, и о Джерсее, и об Уайте... и о чем только мы не говорили? Но судьба смеется над всеми нашими планами! И вся моя энергия, вся сила, воля, желание — ничто перед ее смехом. Поэтому я не пошевелю и пальцем для исполнения или разрушения какого бы то ни было плана. Это не апатия и не неподвижность. Быть может, мы будем идти в течение некоторого времени по разным направлениям — что за беда? Если вы не смотрите на брак, как на пожизненный абонемент на ваше тело, душу и т. п., почему хотите вы абонироваться на дружбу? Все это вздор, пустяки! Сошлись, разошлись, опять сошлись, опять разошлись, опять сошлись, и эти *опять* уходят в бесконечность...

Мы еще увидимся! Мы еще обнимемся! Я становлюсь веселой, ваше письмо, крошечное, без даты, наконец ваше благословение!.. Особенно письмо г-жи Г⟨ааг⟩ [24] меня радует. Это хорошо, пейте, пейте из синей чашки! Я всегда замечала в вас маленькую слабость к синим лентам г-жи Г⟨ааг⟩... а она — она просто очарована вами и дает мне чувствовать довольно заметно, что только я стою помехой между *вами обоими*.

Сколько раз нужно вам повторять, что Гоголя выписали? С самого своего приезда я занимаюсь поисками русских книг, но ни одной не достала до сих пор! Пока я посылаю вам отрывки из переводов, вот все, что я нашла в „Современнике". Когда вы все это закончите, я пришлю вам что-нибудь оригинальное.

Бернацкий, который еще помолодел, обещал подарить мне том Пушкина, не знаю который; если он вам подойдет, я пришлю его ⟨...⟩

Действительно, Мюллер-Стрюбинг так понравился Жорж Санд, что она его похитила, и он живет теперь у нее» (лл. 446—447).

На ревнивый упрек Гервега, утверждавшего, что Наталья Александровна подпала под «чье-то» влияние (он, конечно, имел в виду влияние Герцена), она горячо возражала (6 февраля 1850 г.): «Я нахожусь под влиянием? Никогда и ни под чьим! Моя дружба к вам так велика, так реальна, так необходима, что никогда и ничто не может ее разрушить, однако я тем сильнее страдаю, я протестую там, где она наталкивается в вас на нечто столь жесткое, нечто столь глубоко *противоположное* вашей прекрасной натуре! Что же это? Об этом мы достаточно говорили! Даже слишком много! Я избегаю для себя огорчения, боли от повторения. Эмма была отправной точкой для этих разговоров 〈...〉 Затем, я не знаю, как развивалась ваша переписка с Александром. Знаю лишь одно —что вы ему повторяете: „Достаточно любить" и что он вам возражает: „Нет, еще надобно действовать, то есть делать уступки другим". Должен ли он отступить? Должны ли вы продвигаться вперед? По-моему, вам надобно продвигаться вперед. В чем же, как? Примите же сами в соображение свою богатую натуру; после *сказанного* нами ранее, что могу я сказать вам еще? Я чувствовала бы себя на вершине счастья, *если б нам удалось жить в гармонии*, я желаю этого так страстно, как только могу желать, но я боюсь *устраивать* эту гармонию, боюсь торопить ее до того, как мы придем *в согласие*. А вы говорите, что я не хочу, что... и бог знает, чего вы только не говорите! Да простит вам бог!! Но я — я не прощу, например, предательства, измены... Мое пребывание в Париже было вам описано Александром...».

Снова и снова упрекая Гервега за его жестокое отношение к жене, Наталья Александровна пишет в этом же письме: «Любя вас, я вас ненавидела за эту жестокость! И вы спрашивали подробностей обо мне! Я тонула, я утопала в слезах Эммы 〈...〉 Мы прекрасны, мы возвышенны, если хотите, но, тем не менее, кажется,— я чувствую это,— в каждом из нас есть нечто, над чем нам следовало бы поработать; сделаем это чистосердечно, как делают дети, *поклянемся же исправиться*! Поклянемся же сами настроиться для того, чтобы гармония эта стала совершенной — неважно, вместе ли мы будем жить или врозь. Это больше зависит от дипломатов, чем от нас. И обнимемся все, все — не надо рукопожатий, если вы их не хотите — я на них не настаиваю. Ваша, ваша!.. И да здравствует гармония».

«Сожгите письма,— заключает Наталья Александровна,— пока полиция ими не завладела» (лл. 448—449).

Успокоенный заверениями Натальи Александровны в неразрывности их союза, о горячей любви и симпатии, испытываемых к нему, Герцен, в ответ на насмешливо-иронические выпады Гервега, трактовавшего их новое сближение как «смешное супружество», с достоинством утверждал, что брак его с Натальей Александровной основывается на полном взаимном доверии и ничем не нарушаемой гармонии. «Мы искренно готовы признать тебя своим другом, братом,— многозначительно прибавлял при этом Герцен,— но это ровно ничего не изменит в нашем союзе. И было бы несчастьем, если б это могло что-то изменить».

К этому письму (от 9 февраля 1850 г.) Герцен сделал следующее примечание: «Natalie была возмущена твоим письмом и не хочет отвечать» (см. основную публикацию).

Гервег не переставал укорять Наталью Александровну в том, что будто после переезда в Париж она резко изменила свое отношение к нему, и подчеркивал при этом, что инициатива их сближения целиком принадлежала Наталье Александровне.

«В чем же ты упрекаешь меня?— отвечала ему Наталья Александровна 17 февраля 1850 г.—В том, что я *меньше* обещаю, чем привожу в исполнение? Что я не разрушила нашего будущего минутным удовлетворением?.. *Что я спасала то*, что ты постоянно уничтожал? Можешь ли ты сомневаться в том, что каждое мгновение моей жизни вдали от тебя для меня невыносимо? Неужели ты до такой степени плохо меня знаешь?.. Любишь ли ты меня, наконец???!!!.

Я стала тебя судить более строго с тех пор, как нахожусь в Париже, потому что вижу тебя более жестоким, более эгоистичным по отношению к Эмме и *ко мне*, чем я ранее опасалась... Сколько зла причинил ты и ей и мне... Да, и мне также — тебе неиз-

вестно это, и этого я тебе не расскажу, а почему? Вследствие твоего... Но довольно об этом. Много я *перенесла из-за тебя!!!*

Ты говоришь на первой странице своего письма так, словно желаешь *оправдаться* в своей любви ко мне, словно хочешь *обвинить* в ней меня, меня одну. О, благодарю тебя за это! Приписывай, приписывай мне всё, я беру всё на себя, я хочу быть виновницей, я хочу быть единственной причиной моей любви к тебе и твоей ко мне, я хочу, если это преступление,— быть одна преступницей! Всё, всё! Отрицать это — значило бы для меня отрицать собственное существование! Я согласна на всё, на всё для этого — жить, умереть, всё... не могу только строить свое безграничное счастье на несчастье таких людей, как Александр и Эмма; малейшее подозрение явилось бы для них несчастьем, для меня же — смертью, клянусь тебе в этом! Не заставляй же меня повторять; то, что я высказала тебе,— *правда*. Ты внес смятение в наши жизни, от тебя, от тебя одного зависит *теперь* гармония. Ты столько обещаешь! Выполни же обещанное хоть наполовину. Если ты не соглашаешься сжечь портфель ⟨с письмами⟩ — что же другое *можешь ты* сделать для меня? Если полиция захватит его, если... Кто может поручиться за это? Отдай его, по крайней мере, кому-нибудь на хранение в запечатанном виде, ⟨перенумеруй⟩ страницы, вложи в пакет, запечатай его, надпиши адрес так, чтобы портфель ни в коем случае не мог попасть в руки тех, к кому он не должен попасть. Смелость в этом случае была бы просто слабостью, подлостью — кощунством, наконец. Георг! „Зачем же,— говоришь ты,— разбивать одно сердце, чтобы полностью овладеть другим?“ — Это неправда, мой друг!

Лондон? — но о нем говорили даже меньше, чем о Ницце, о Канне и т. п.

Всё теперь обстоит хорошо — от тебя, от тебя одного зависит, чтобы так шло и далее. Не знаю, приедешь ли ты; если нет, вложи письмо (в наше) для Эммы с ее адресом и затем в ее письмо положи записку для меня, но предупреди ее, что она должна передать эту записку мне одной, если случится, что она вскроет письмо перед кем-нибудь, и я тебе напишу так же, если это окажется возможным. А если ты приедешь?..

Дорогой мой, дорогой, дорогой!!! Я увижу тебя! О, нет у меня слов, нет слов, чтобы выразить все, что я чувствую... Увидеть тебя!..

Я искала тебя всю жизнь — и нашла тебя ⟨...⟩

О, никогда и никому я так не принадлежала, как тебе, тебе, жизнь моя, моя вторая жизнь — что стала бы я делать без тебя?.. Жизни моей, как ни была она прекрасна, как ни была она величественна и ни с чем не сравнима, мне было недостаточно! Мне необходим был ты! Я искала тебя на небе, искала среди людей — и повсюду, повсюду, всегда, всегда... И вот я нашла тебя, второе мое рождение!..

Милый, как обнимаю я тебя, когда о тебе думаю... О, только бы коснуться тебя... только бы увидеть... милый, милый, милый!..

Какой прекрасной могла бы стать для нас четверых жизнь — не порть же ее! Заклинаю тебя на коленях, Георг, друг мой, жизнь моя, ты знаешь, кто ты для меня... Малейшее подозрение — говорю тебе — убьет нас всех, дорогое дитя! ⟨...⟩ Если я делаю что-нибудь такое, чем ты недоволен, то знай, что я делаю это, чтобы *получить тебя*; не суди меня так легкомысленно, я не хочу всего тебе сообщать, и в этом нет необходимости, поверь мне. О, мы будем убегать далеко, далеко вдвоем время от времени — под небом вечно голубым. Dahin, dahin!!!* Твоя, твоя, твоя!

Сожги немедля мои письма, *прошу тебя*.

Не говори о страхе, о снисхождении. Это оскорбляет меня за тебя, за всех нас. Никто в мире не причинял мне так много зла, как ты,— говорю тебе,— не причиняй же мне его более. Позволь мне быть твоей руководительницей, ты обещаешь мне это — так исполни же обещанное! Прощай! Когда увижу я тебя? Напиши тотчас же! У меня нет ни времени, ни места, чтобы писать тебе. О, ты, о, Zωή! ** Это должно свершиться!» (лл. 452—456).

17 февраля Гервег получил от Натальи Александровны следующее письмо на русском языке (судя по тону, оно имело «официальный» характер и могло быть прочтено Герценом):

---

* Туда, туда!!! (нем.).
** жизнь! (греч.).

«Давно я не писала вам, друг, оттого что не хотела писать под впечатлением вашего письма от 1-го и 3-го февраля. Я хотела его забыть, хотела вымыться от него. На сердце так наболело... я еще слаба; дайте-ка вашу руку, попробуем выйти на Dent de Jaman... мы были чисты, ясны и беззаботны, как птицы небесные, тогда! Подождите немножко,опять пойдем на какой-нибудь зуб*,опять будет хорошо,и пойдем все вместе, все, даже Ада...

Иногда я так глубоко чувствую возможность, необходимость и труда и отдыха вместе с вами... *Я не притягиваю* будущее, *меня тянет* в будущее... Да и в настоящем ведь хорошо, друг мой, посмотрите вокруг, и чего недостает вам лично?.. Мы страшно, *страшно* богаты. В море, так в море! Я готова с каждою волною подниматься и опускаться — всё: наслажденье и страданье — всего хочу! Не хочу только мелкого, тесного, душного; не хочу чужого в родном, не хочу безобразного в прекрасном. Страданье не есть диссонанс, с ним гармония полней. А то, что по душе скрипит, как нож по тарелке, того не надо! Не надо! А от нас зависит не скрипеть...

У меня светло, тепло и хорошо на душе; не весело, нет, еще веселиться я не могу, а так, жизнь немножко более повернулась ко мне хорошей стороной. Ну, не горюйте же и вы, дорогой мой ученик, переноситесь иногда в нашу среду хоть мысленно, если не хотите иначе, и вам будет лучше, здесь вы найдете столько правды и столько любви! ⟨...⟩

Может, я вам пришлю критику на «Очерк истории русской поэзии»[25], за неимением книги и это полезно. Да еще если вы хотите взглянуть во внутреннюю жизнь русской аристократии в XVIII веке — переписку одного отца с сыном[26].

Пока прощайте! Сейчас унесли от меня Аду—милая такая. А Горас чудесный мальчик.

Я читаю с Александром „Le cadet de ⟨famille⟩“[27] слишком кроваво для меня.

Кто же это сказал вам, что мы едем в Лондон?.. Тот знает о нас больше, чем мы сами.

Тата любит вас, как прежде.

Бедный Александр все болен, все болен... лучше бы мне быть больной.

Кто Адель — не знаю, скажите. Addio, cher!..» (лл. 450—451).

В феврале 1850 г., по совету Герценов, Гервег пригласил к себе в Цюрих на несколько недель Эмму.

«Сегодня получили письмо от Огарева и Natalie; им тоже хочется к нам и тоже кажется пределом земного счастья маленький уголок где-нибудь в глуши, в тесном кругу близких людей,— писала Наталья Александровна 23 февраля 1850 г. Гервегу (на русском и французском языках).— Вот тогда-то мы заживем!! Огарев вот что пишет о вас: „Георг учится по-русски, ах он славный какой...“ Им хорошо друг с другом и нехорошо с лягушками,а жить с ними надо еще долго,— пишет Огарев,—может,еще два года! Это страшно. Огарев просит прислать ему его микроскоп. Мы будем пользоваться вашим, не правда ли? Вы должны написать *обязательно* человеку, который сделал микроскоп для Огарева, чтоб он пополнил все недостающие части, чтобы сразу же отправить ему. Натали ездит верхом на диких лошадях, как мужчина»**[28].

---

* «Dent de Jaman» буквально значит «Жаманский зуб».— *Л. Л.*

** В одном из своих писем к Гервегу от конца февраля 1850 г. Наталья Александровна писала по-русски: «Скоро год тому назад как мы ходили с вами в кабачок, выпили бутылку за Огарева и Natalie; помните ли вы это? Тоже скоро будет год, как в зимний сад ходили. Еще пожили бы мы хорошо и здесь, если бы вы были здесь ⟨...⟩ Да что же это вы не напишете к Тате! Она плачет каждый раз, как приходят письма. Я сержусь».

К этому месту Герцен сделал следующую приписку на французском языке:

«*Да, Тата плакала, потому что вы ей ничего не пишете и еще потому, что я сказал, что Горас и наши дети представляют собой две легко различимые расы, как борзые собаки и бульдоги. Она сильно разгневалась, утверждая, что я назвал Гораса собакой, Твой Горас ведет себя действительно восхитительным образом*».

(«Oui, Tata a pleuré parce que vous ne lui écrivez rien et encore parce que j'ai dit que Horace et nos enfants représentent deux races distinctes comme les lévriers et les chiens bouldogs. Elle se mit en colère extrême en disant que j'ai appelé Horace chien. Ton Horace se conduit vraiment d'une manière admirable»—лл. 478—478а).

25 февраля Наталья Александровна сообщила Гервегу (по-русски): «Вчера я была с Александром в Итальянской опере — „Il matrimonio segreto“ [29] — вечер, хорошо проведенный“ (л. 463).

Через два дня, 27 февраля, Наталья Александровна сообщала обоим Гервегам: «Из России снова пишут: „Ждать“! Это ужасно! Александр взбешен. Приготовим же, приготовим же пока пещеру, в которой можно будет скрыться! Георг, сделайте все, что от вас зависит, для Ниццы или же поедем в Испанию,— это не менее прекрасно! Однако действуйте, действуйте, действуйте!!!

И вы даже хорошо сделаете, если не станете нас дожидаться,— наши дела могут затянуться; *вас мы найдем везде!* Будьте уверены в этом!

НАКАНУНЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В ПАРИЖЕ

Выставка политических карикатур «L'Illustration» от 9 декабря 1848 г.

Да и где, по-вашему, теперь найти себе убежище, если не близ своих друзей? Повсюду идет война, физическая и нравственная,— между нами же, в нас воцарится гармония. Я понимаю, я принимаю демонический элемент, грустную и горькую улыбку на высшем взлете энтузиазма; более того, я не представляю себе, как можно теперь жить по-иному ⟨...⟩ Не будьте же так ленивы, станьте деятельнее, наша совместная жизнь теперь больше зависит от вас, чем от нас; Александр пригвожден к Парижу, вы должны просто-напросто отправиться вперед и приготовить нам квартиру в Италии или Испании» (лл. 468—469).

«Я питаю полное доверие к тебе,— писала Н. А. Герцен позднее в интимном письме,— наше будущее *может быть* столь прекрасным!— все зависит от тебя»(л. 503).

Из русского письма от 3 марта 1850 г.:

«Париж сносен для меня только потому, что в нем много удобств для детей. Я смотрю на наше пребывание здесь как на *необходимое* зло и верую *непоколебимо*, что мы соединимся в обетованной земле, по которой у меня Heimweh*, я ищу ее везде — в картине, в звуке, в луче солнца... „*По этой причине*“ иду сейчас (то есть второй ⟨час⟩ пополудни) в концерт — одна! Бедный Александр все хлопочет по делам.

* тоска по родине (нем.).

Хорошо быть в толпе, где никто тебя не знает и ты никого не знаешь, и музыка, музыка... Хоть я и профан во всем, то есть наслаждаюсь инстинктивно,— мне было очень хорошо в концерте, незаметно преобразуешься, растешь... Воротившись домой, читала Байрона...» (лл. 472—473).

7 марта Наталья Александровна писала Гервегу (по-русски):

«Письмо ваше хоть и от субботы, а все так же мило, как и многие другие. Вы всё еще сердитесь на лягушек, а я — мне даже страшно мое равнодушие,— я признаю их лягушество, наконец, естественным и не возмущаюсь им. Много, много я страдала и мучилась за то, что все лягушки — не люди; наконец, не знаю как и почему, перестала страдать. Если человек встретит *одного* человека в жизни, задача его существования и существования всего человечества решена! Более от жизни требовать нельзя.

Лишь бы далее от них — и бог с ними! ⟨...⟩

На днях мы ходили смотреть в театр St. Martin *мучеников революции 93-го года*; сегодня идем смотреть *мучеников маскарада* — voyons, lequel de ces deux martyrs a plus de mérite!..*

Об Огареве и Natalie нечего более сообщить. Огарев радуется, что вы учитесь по-русски. Мне досадно на него, что мало пишет, но, видно, он очень занят своими фабриками. Каково будет тогда, как вся наша семья соберется?..

В иные минуты, особенно когда солнце светит и *греет*, я так счастлива, так *полно* живется... в эти минуты муравейник принимаешь за вселенную, и вселенную за муравейник. Хотелось бы мне только еще *после* жизни (а при жизни уж ничего не хочется!), чтоб меня сожгли, как была сожжена Zéba[30], и то если захочется кому носить с собою мой прах в коробочке.

Сейчас иду смотреть как Тата с Горасом делают гимнастику. Тата в слезах каждый раз как приносят письмо и к ней ничего. — En effet, vous êtes ingrat!** Так прощайте же!».

К этим словам Герценом сделана следующая приписка на французском языке, адресованная Эмме: «*Поскольку вы еще в Цюрихе, я также вам не пишу. Я глуп...*»***.

Наталья Александровна здесь же опровергла его слова, подписав по-французски: «Это неверно, дело в том, что он только что окончил завтракать» (лл. 474—475).

В русском письме от 8 марта 1850 г. Н. А. Герцен сообщила Гервегу подробности о встрече ее и Герцена с парижской гризеткой Леонтиной, с такой симпатией описанной впоследствии Герценом в «Былом и думах»:

«Много, много вспоминали мы вас вчера, cher besson!****

Вспоминали вдвоем и втроем, и кто третий? Отгадайте! К кому вы когда-то были неравнодушны и кто к вам был неравнодушен... не догадываетесь?.. Милое, грациозное создание... все еще нет?.. ну подумайте же... Леонтина!!!.

Я писала, что мы собираемся в театр, смотреть *мучеников маскарада* (новая пьеса), а попали в настоящий, большой маскарад; отправились туда в три часа пополуночи — мне *одна* Леонтина понравилась столько же, сколько *весь* бал или вся зала. Как мне жаль было, что вас не было с нами, cher, cher besson! Жаль и Эмму, ей хотелось посмотреть и бал, и Леонтину. В пять часов пошли мы ужинать в Богатый трактир (café Riche), выпили (уже это вдвоем) бутылку Chambertin и полбутылки Moët, а обедали в этот день тоже не дома, и вот из чего состоял наш обед:

креветки редис устрицы пердро с трюфелями сыр бри	питье: $^1/_2$ зельцер 1 бутылка Рипбур $^1/_2$ Moët ... !!!	воспоминание и разговоры о вас и Леонтине...

Не правда ли, изящный обед! И как жаль, как досадно, что ни вас, ни Л⟨еонтины⟩ не было с нами!!! Ну да... когда-нибудь, может быть *скоро*, если не в café Riche, так на

* Посмотрим, у кого из этих двух мучеников более заслуг! (франц.).
** Поистине, вы неблагодарны! (франц.).
*** Приводим эту приписку Герцена в подлиннике: «Comme vous êtes encore a Zurich, je ne vous écris pas non plus. Je suis bête...».
**** дорогой близнец! (франц.).

берегу моря будем есть устерок, будем ловить их своими руками в воде и потом отдыхать под небом вечно голубым в тени олив! Я ужасно люблю зелень оливковых деревьев, хотя она не блестяща.

У Леонтины глазок действительно болит, а что еще более оскорбило меня — это ее кавалер, который не стоит и подошвы ее, не только... ее больного глазочка!

Она была одета: в белой рубашоночке, в белых панталончиках, в белых башмачках с розовыми бантиками, в белой круглой шляпе и в белом парике! Вот вам все подробности. Да! забыла еще: в белом ожерелье. Александр хочет непременно отыскать ее и ходить к ней в гости. Итак, мир с Парижем, не все же в нем лишено charme'a!* Зачем же это я описываю вам?..

В глупейшей детской книге сказано: „Для великого человека (говоря о Петре Первом) ничего не мало".

Я от маскарада не только устала, но еще здоровее стала!» (лл. 476—477).

«Вчера мы ходили смотреть Рашель (Adrienne Lecouvreur),— пишет Наталья Александровна (по-русски) 10 марта 1850 г., в день дополнительных выборов в Национальное собрание,— ничтожную пьесу она подняла до великой трагедии. Толпа, т. е. публика, убивает меня своим безобразием — ни одного лица, ни одной черты, которая не отталкивала бы! Мне становится грустно и страшно, я тороплюсь посмотреть на Александра, чтоб отдохнуть и утешиться...[31] Сегодня Париж покрыт вооруженными солдатами; о люди, люди!.. Больно сердцу, тяжко...невыносимо... Хочу спастись в консерватории; если Александру не будет билета, уйду одна».

«Иду слушать „Пророка" Мейербера〉,— приписывает она на следующий день,— что-то он мне скажет? Жизнь моя слишком полна в настоящем, чтобы желать знать будущее» (лл. 479—480).

Незадолго до своего отъезда из Цюриха Эмма с глубоким унынием сообщила Наталье Александровне, что Гервег неузнаваемо мрачен, что ее присутствие не доставляет ему ни малейшего удовольствия. В ответном письме, без даты, Наталья Александровна пыталась успокоить свою корреспондентку, заверяя ее, что радостные дни для нее вскоре наступят — когда обе семьи съедутся вместе. «Я мерзну в Париже, я умру гораздо раньше срока, если меня не увезут в теплые страны», — заключала она свое письмо, к которому Герцен сделал следующую шутливую приписку на французском языке**: *«Поскольку вас нет больше в Цюрихе, я вам не пишу»* ***.

В течение трех недель пребывания Эммы в Цюрихе Гервег воздерживался от объяснений с ней, помня настойчивые требования Натальи Александровны о сохранении полной тайны. Однако в последнюю ночь, накануне отъезда Эммы в Париж, Гервег во всем ей признался, уверяя ее, что привязанность его к ней нисколько не пострадала от чувства, питаемого к Наталье Александровне. Он на коленях умолял Эмму не покидать его, уверяя ее, что если она это сделает, он покончит с собой, так как жить без нее не может[32].

Эти обстоятельства внесли новые осложнения во взаимоотношения Натальи Александровны, Гервега и его жены****.

---

* очарования (франц.).

** Приводим текст приписки в подлиннике: «Comme vous n'êtes plus à Zurich, je ne vous écris pas» (лл. 398—399).

*** У него страшная головная боль.— *Примеч. Н. А. Герцен.*

**** К этому времени относится записка к Эмме Гервег ее малолетнего сына Гораса, к которой приписано несколько слов Натальей Александровной и Герценом. К словам Натальи Александровны, обращенным к Коле: «Lieber Kola! Schönen Dank für dein Brief. M a m a» («Милый Коля! Большое спасибо за твое письмо. М а м а») — Герцен приписал крупными буквами: «*Und Papa-Vater 1845000 Küß* «И папа-отец 1845000 поцелуев»). Далее следующее обращение Герцена к Гервегу:

«*Егору Федоровичу.*

4 h〈eures〉 tout va très bien. Mais très bien. Partout le calme et des promeneurs von allen Gattungen, Damen, Kanonen, Kinder, Dragonen. Au, revoir, rue de la Paix» («4 ч〈аса〉. Все в порядке. Да, в полном порядке. Всюду спокойствие и гуляющие разного рода, парочки, дамы, пушки, детки, драгуны. До свидания, улица Мира») (нем. и франц.— лл. 464—466).

«Я глубоко огорчена, *оскорблена*, да, оскорблена, — писала Наталья Александровна Гервегу в марте 1850 г. в «открытом» письме, в ответ на его сомнения о возможности совместной жизни,— ибо слишком верила в искренность и правдивость ваших желаний и обетов, данных вами во имя *нашей гармонии*, и вот *вы* смутились перед тенью, ибо мне известны все обстоятельства, — ничто, ничто не изменилось; мы так же полны нетерпения съехаться с вами, как и вы ⟨...⟩

Действительно, с тех пор как получены *три* ответа из России, в которых не говорится ничего определенного[33], в мои мечты иногда закрадывается сомнение насчет Ниццы. В случае, если ответ будет неблагоприятен.... и если у нас не будет *никакой* возможности уехать на большое расстояние от Парижа... не можем ли мы *все* поселиться невдалеке от Парижа, на даче??» (лл. 481—482).

В интимном письме, вероятно относящемся к этому времени, в ответ на упреки Гервега, Наталья Александровна писала:

«Я любила, любила всю мою жизнь, а *тебя* — больше всего на свете...

Все остальные мои привязанности — это корни, листья, стебель, ты же — цвет растения, называющегося Натали, единственный цвет; если отрезать тебя — она не будет цвести вновь, вся ее сила, вся жизнь ее, все, что в ней было самого прекрасного, отдано цветку, даже листья опадут, корень отомрет — но цветок пострадает *и в том случае*, если станут обрывать листья, касаться корня.

Не знаю, почему хочешь ты сделать это, но *я чувствую*, что ты скоро убьешь меня — да свершится воля твоя!!.. ⟨...⟩

Ты занят другими делами, твоя любовь для этого слишком эгоистична, ты говоришь: „Умри, если любишь меня".— *Хорошо!* Ты помнишь, как ты не любил, когда я иногда говорила тебе так?.. Сколько любви!..О, это *ты!* Как бы далеко мы ни находились друг от друга — я теснее связана с тобой, чем со всем миром» (лл. 490—492).

Разгул реакции, все более усиливавшийся в это время во Франции, вскоре сделал совершенно невозможным приезд Гервега в Париж.

В своем письме на русском языке, по-видимому написанном 18 марта 1850 г., Наталья Александровна писала Гервегу:

«Эмма говорила было что-то о паспорте для вас, чтоб приехать сюда,— ну, теперь не время *пробовать*, а я думаю, и Эмма думает, и Александр думает, что всего лучше Эмме ехать в Цюрих по окончании ее дел, и ждать вам там окончания наших, потом мы приедем к вам и уже все вместе отправимся в обетованную землю ⟨...⟩ Верно скоро увидимся, приготовляйте нам жилище; наконец, мне нравится это житье перелетной пташки с ветки на ветку. Кажется, мы оставим Париж скорей, чем думали.

Вчера Эмма была два раза у меня. Вечер, в самом деле, мы приятно провели, и она радуется тому, что Александра выгонят» (лл. 498—499).

Известие, полученное от Огарева, о репрессиях, которым он был подвергнут, болезненно поразило Наталью Александровну.

«С ними случилось большое несчастие,— взволнованно сообщала она Гервегу,— они все уехали, куда — неизвестно; Сатин, должно быть, сослан в солдаты, а их всех чуть ли ⟨не⟩ послали на покаяние, в монастыри или тюрьму. Писать нам не велят ни к кому... вот и жизнь! Вы знаете, мой дорогой близнец, кто для меня Натали и Огарев — вы можете судить, милый друг, чем явилось для меня это известие...Мне страшно, мне хотелось бы скорее хоть с вами соединиться и держаться крепко, крепко за вас; все распадается, гибнет — грустно... Точно последний день Помпеи ⟨...⟩ Спасибо за девизы, не один только Александр любит эти вещи, я также. Я могла бы выбрать своим девизом родник и скалу; вы знаете, что с самого детства я была всегда sepolta*. Вот почему меня всегда считали *холодной* ⟨...⟩

Дорогой друг, подумайте только, Натали и Огарев в монастыре!..

Дорогой, дорогой близнец, оплакивайте же со мной мою Натали...» (подлинник на русском и французском языках, лл. 501—502)[34].

Сообщая о том, что накануне она впервые прочла «Беппо» Байрона, Наталья Александровна пишет Гервегу (на русском и французском языках) 26 марта 1850 г.: «Моя

* погружена в себя (итал.).

библиотека не очень-то разнообразна, как вы видите; но, по-видимому, это моя * оставаться невежественной до самой смерти; с детских лет я всегда предпочитала *жизнь — чтению*. Самый простой пейзаж, журчанье самого ничтожного ручья, шелест листьев всегда заставят упасть лучшую поэму из моих рук...».

«Что ж вы думаете о письме Огарева?— добавляет она. — Я думаю, что, валяясь под тенью олив, мы вдруг услышим его голос... и Natalie. — О вы сильно полюбите это славное созданье! Бедный Бакунин! — Однако я никак не могу еще в это поверить!» (лл. 506—507).

В этом письме Наталья Александровна, сообщала, что Эмма с детьми переезжает в тот же отель Мирабо, где живут Герцены.

30 марта Наталья Александровна снова возвращается к вопросу об Огареве: «Уверяю вас, что мы сошли с ума; вообразите, мысль о бегстве Огарева радовала меня в течение двух дней, но затем я снова впала в тоску, глубокую тоску... Я боюсь узнать правду»[35] (лл. 510—511).

«Буду писать по-русски, чтоб сделать интереснее мое письмо,— замечает Наталья Александровна в письме от 1 апреля.— Вчера же в первый раз я была у Эммы, потом ходила гулять с нею же и встретила (тоже в первый раз) артиста en question*[36]; воротясь домой, страшно устала и легла в 8 часов, а Александр и Эмма отправились в Итальянскую оперу, воротились, разбудили меня и ужинали возле моей постели — может ли быть большее доказательство моей уверенности в вашей дружбе, как эти подробности?». «Я уже просила Тургенева об этих книгах»,— добавляет Наталья Александровна ниже. На этом письме рукой Герцена надпись: «*⟨Егору Ва⟩сильевичу*» (надпись повреждена) (лл. 512—513а).

«Я столько плакала в своей жизни,— писала Наталья Александровна Гервегу 2 апреля 1850 г., получив от него два сильно огорчивших ее письма, — что больше не способна уже плакать — слезы, вместо того, чтоб излиться из глаз, вливаются внутрь, пронизывают все кости — подобно яду; я ощущаю боль во всем теле и слабость; я не в состоянии сдвинуться с места; а как бы хотелось мне иногда поплакать, это б меня несколько облегчило ⟨...⟩

Видишь ли, мне кажется, что все могло б идти так хорошо, так хорошо — дружба, симпатия, гармония... и наш ∧ явился бы вершиной этой общей жизни, и ○ (знаешь, это *наш ребенок*) был бы ее звездой, солнцем, распространяющим свет и тепло на все...» (лл. 513—514).

Сообщая о том, что портрет ее не удался и что поэтому она не хочет его посылать Гервегу, Наталья Александровна пишет ему: «Поверь, мой ангел, *никто* не получит моего *хорошего* портрета *раньше* тебя, одновременно же — быть может» (л. 514а). В этих строках — несомненный намек на Герцена: по-видимому, Гервег ревниво упрекал Наталью Александровну в том, что она свой портрет намерена подарить мужу.

В том же письме Наталья Александровна писала Гервегу: «Послушай, еще одно слово — я сказала, что *все* могло бы идти *так* хорошо... Да, если б Эмма *не знала об этом* или если б она *это* понимала... Она несчастна!.. О, Георг, дитя мое, это *непоправимо*... Сделаем же, по крайней мере, все, чтоб облегчить ее горе!..» (л. 515).

В первых числах апреля Наталья Александровна писала Гервегу в своем интимном письме:

«Как бы хотелось мне hingehen...** Я уверена, что в один прекрасный день меня не обнаружат, и я сама не почувствую своего исчезновения, настолько моя жизнь, мои силы уходят. Я хотела бы лишь прежде увидеть тебя, провести с тобой несколько часов, глядеть, глядеть на тебя, долго, долго слушать,—ты сказал бы мне, как ты меня любишь... Потом обнимать тебя, долго, долго... Побыть в твоих объятиях... и потом hingehen...**

Почему говорю я тебе это? Да, я и за это упрекаю себя. И не могу помешать себе это делать, извини меня! Видишь ли, борьба так тяжела, а силы мои уходят...Этого не было бы, быть может, если б я обладала полной верой в будущее, однако, однако... дело в

---

* о котором шла речь (франц.).
** умереть (нем.).

том, что у меня этой веры нет... Почему?.. Почему? Почему? Я спрашиваю себя и не знаю, скажи мне это ты!!! В настоящем я не чувствую той гармонии, которую ты обещал мне, а в будущем... Скажи мне, скажи! Я чувствую, что она не невозможна, что ты мог бы сделать все— если б любил...» (л. 516).

В письме, полученном Гервегом 12 апреля 1850 г., Наталья Александровна писала:

«...*Я была больна всячески, ужасно*, я не помню, чтоб когда-нибудь находилась в подобном состоянии — *прости мне это!* ⟨...⟩

Ты спрашиваешь, чего я от тебя требую, что *можешь* ты сделать для *них*, — много! ⟨...⟩ Я прошу тебя не причинять *им ни малейшего огорчения, ни малейшей заботы* — я прошу тебя *об этом*, так же, как прошу *любить меня!!!* Иначе... я не могу, не хочу жить! Я не покончу с собой, но это убьет меня,— и если ты не дорожишь моей жизнью — и я перестану дорожить ею — тогда прощай! Насколько это будет в твоих силах, сделай их счастливыми, *сделай все* для этого, постарайся сделать это» (лл. 521—522).

«Сердце мое, жизнь моя!—восклицает Наталья Александровна (письмо от 11 апреля 1850 г.).—Могу ли я отказаться от тебя без того, чтоб не умереть, могу ли не дышать тобой... Но медленной, затяжной смертью окружающих покупать твою близость — этого я также не могу! Называй это как хочешь, но это превышает мои силы ⟨...⟩

Теперь, если ты не желаешь жить с нами в Швейцарии, если ты предпочитаешь Ниццу, поезжай туда... я напишу тебе до востребования, и я убеждена, что Александр захочет вскоре к тебе присоединиться. Однако думай, продолжай думать, нет ли средства залечить рану, есть тысячи способов облегчить их страдания ⟨...⟩

Александр также не заслужил твоих упреков, он растерян, он не возражает против того, чтобы съехаться с тобой, уверяю тебя...» (лл. 523—526).

В своем «официальном» письме, написанном на русском и французском языках 14 апреля 1850 г., Наталья Александровна шутливо писала Гервегу:

«Ах, вы воображаете, что мы *роскошней*, чем вы, проводим наше время! Если вы называете гримасы Хоецкого, Тургенева, простертого на полу и храпящего, и страсть рисовать карикатуры,— если вы называете это роскошью,— вы правы! Если б у меня хватило смелости для описания наших дней и вечеров — вы вскоре бросились бы передо мной на колени, умоляя оставить в покое вашу душу.

И природа сама точно мачеха с нами— потешит лучом и опять мрак, холод, дождь... мне хотелось бы так погулять хоть раз в деревне, подышать... нет, и на улицу выйти нельзя! Ничего не делается, не читается, не думается, *банковый билет* налег на все, как черная туча, и давит, давит..., а когда разразится или когда прольется золотым дождем — тогда мы цыганскую собаку и посох в руки... а пока мы точно цыгане в шалаше, дети шумят, Тата и Горас пляшут польку, Эмма поет польку и бьет такт, Александр насвистывает галоп, Саша кричит и кривляется, я—устаю... пыль столбом... вот вам живая картина — довольны? Ну, вперед не жалуйтесь, что пишу мало.

А получили ли вы Лермонтова? Тургенев хочет нас и весь свет удивить исполнением наших комиссий, будет и Пушкин, и все будет! Ах, да! Ну, если правда, что амнистия? Готовы ли вы душой и телом в кибитку и вдоль дорожки столбовой?

Ах ты степь моя,
Степь раздольная...

Поедемте отыскивать Огарева и Natalie».

К этому письму Герценом сделана следующая приписка на французском языке:

«*Так вот, представь себе, что я уже кончил письмо* (*которое и не начинал*), *тогда ты не удивишься, что я обнимаю тебя и на этом кончаю*»* (лл. 531—532).

«Действительно ли вы принимаете молчание за забвение, безразличие?— писала Наталья Александровна на следующий день также в «официальном» письме.— Мне часто кажется, что вы находитесь между нами, ваше отсутствие очень чувствительно,

---

* Приводим эту приписку Герцена в подлиннике: «Eh bien, figure-toi que j'ai déjà terminé la lettre (que je n'ai pas commencée) alors, tu ne t'étonneras pas que je t'embrasse et termine».

сердце мое сжимается при виде того, как ваш близнец[37] грустен, скучен и одинок, так одинок! Не с кем ему разделить бутылку и сердце; он говорит, если хотите, говорит много, но иногда говорят ⟨много⟩ только для того, чтобы сказать поменьше. Мне так хотелось бы оставаться иногда одной дома и знать, что вы обедаете вдвоем у „Провансальских братьев“ или сестер ⟨...⟩

В ПАРИЖСКИХ ТЕАТРАХ

Гравюра из книги: E. Texier «Tableau de Paris, 1852

«...каждый день они < парижские театры> битком набиты..... можно изучать потребности публики ...Была я в Национальном театре...» (Из письма Н.А. Герцен к Т. А. Астраковой от 23/11 апреля 1847 г.)

11 часов вечера — если б вы могли только бросить взгляд в нашу комнату — я и Эмма изготовляем тысячи бумажных корабликов, дети вокруг нас пожирают ртом и глазами наши флотилии и нас самих... Молчание, все едва дышат. Каждый боится, что другому достанется больше, чем ему... И, о Сильвине, подумайте только, подумайте — ваш Ландри[38] также трудится над бумагой с ножницами в руке... *Место и время для игры воображения*... и если б вы видели, как поглощен и он этим занятием!..

Попозже — я окружена молодым племенем, Эмма занята тем, что рисует их карикатуры, я также попробовала... А вы, дорогой, дорогой близнец, что вы поделываете? Войдите на минутку, войдите, чтоб облегчить наш мозг, нашу грудь...» (лл. 533—534).

На следующий день Наталья Александровна сообщала Гервегу:

«Вы вскоре получите еще кое-что на русском языке—отрывки из „Записок охотника" Тургенева и „Сороку-воровку" Александра. Это мой подарок ко дню вашего рождения[39].

О! Я сокрушила бы целую стену, лишь бы принять вас. „Куда мы ходим" — Никуда — погода была отвратительная. Наши обеды и ужины весьма прозаичны и не имеют ничего соблазнительного для такого балованного ребенка, как вы. Что же касается нашего маленького зверинца — это самое утешительное заведение в Париже и во всем мире ⟨...⟩

Александр отправляется сегодня на почтовый двор» (лл. 533—534).

17 апреля Наталья Александровна послала Гервегу следующие три строфы из «Стансов» Рылеева:

Не сбылись, мой друг, пророчества
Пылкой юности моей,
Горький жребий одиночества
Мне сужден среди людей.

Страшно дней не ведать радостных,
Быть чужим среди своих,
Но ужасней истин тягостных
Быть сосудом с дней младых.

Всюду встречи безотрадные,
Ищешь, суетный, людей,
А встречаешь трупы хладные
Иль бессмысленных детей*.

«Вот вам, друг мой,— писала она при этом по-русски,— стихи, которые мне ужасно нравились еще с детства и которые я повторяла ребенком вместо веселых песенок. Творец их повешен.

Воображаю, каково вам в Цюрихе... Утешаюсь тем, что и нам в Париже не лучше, хотя вы и думаете, что мы здесь, как в раю. После долгого заключения, я вышла вчера в Тюильри, деревья распустились, зелень упоительная, гуляющие несносны. Ребятишки были счастливы...». «Старайтесь использовать мадмуазель Эрн,—добавляет Наталья Александровна по-французски, — в чем только сможете, чтобы начать *перевод* стихотворений Пушкина и Лермонтова, когда мы будем вместе» (лл. 543—544).

В письме к Гервегу, отправленном тайно в тот же день и не предназначавшемся для глаз Герцена, Наталья Александровна восклицала:

«В любви ты ужасен. Я получила вчера три твои письма... полные любви, да; однако у меня ничего от них не удержалось в памяти, я ничего не заметила, кроме твоих слов, что у меня „не хватит смелости" встретиться с тобой ⟨...⟩ Объяснение необходимо — что за пытка!..

А между тем все могло быть так ясно и гармонично...

Прежде всего: ты читаешь лишь то, о чем тебе время от времени пишет Эмма; я же вижу, что происходит в ней ежеминутно. Она терпит нашу любовь только потому, что надеется на *твое возвращение*, она хочет испить эту чашу лишь для того, чтоб увидеть, как перельется через край другая; *настоящее* для нее — лишь средство, вот почему *я не могу* говорить с нею о своей любви ⟨...⟩

Александр... Ты знаешь, что с тех пор как я себя помню, у меня, кроме него, ничего не было в жизни; я испытывала еще потребность в тебе — и нашла тебя. Для него же я — всё. Если ты возбудишь в нем хоть малейшее подозрение — ты отнимешь у него всё... детей... всё, всё ⟨...⟩

---

* Рукой Герцена у последней строфы сделано примечание на французском языке: «*Одной строфы нехватает, я ее ⟨не⟩ помню*» («Un couplet manque, je ⟨ne⟩ m'en souviens pas»).

Как посмел ты предположить, что Александр не потерпит *моей* исполненной симпатии *дружбы* к тебе, — ему она известна, но любовь, такую любовь... я не лгу, — говорю тебе, что если б она ему только стала известна, то он, не упрекая меня, уехал бы далеко, в Америку. Подумай, во что превратится тогда его жизнь — без детей, в одиночестве, в одиночестве ⟨...⟩

Во имя тебя, во имя моего здоровья, которое окончательно подорвано, Александр уедет на Средиземное море, когда покончит с делами и получит разрешение врачей. Я всегда желала лишь одного — чтоб обе семьи жили вместе... Я сделала для этого все, что могла сделать,— недоставало только окончательного ответа из Петербурга — и вот мы вместе, вместе ⟨...⟩

Теперь я тебя совсем не понимаю... Твои упреки, отчаяние... Оставайся же вдали от меня, если не можешь принять меня такою, какая я есть. Скажи хотел ли б ты, чтоб я бросила Александра? Ответь же! Покинуть его—значит убить; желаешь ли ты этого? Превратить его тело в ступеньку, чтобы быть ближе к тебе... Наступи же ты лучше на мой труп ⟨...⟩

Если б ты знал мою силу, мою свободу, мою любовь, если бы ты знал меня... *ты любил бы меня во всем*, даже в моей привязанности к Александру, к *его* детям... Вырасти же, научись понимать меня, ничего от меня не требуй, и ты получишь всё... или же — оставь меня в одиночестве!» (лл. 537—542).

«Знайте же, что мы будем *вечером втроем* пить шампанское за ваше здоровье,— пишет Наталья Александровна Гервегу 20 апреля 1850 г. в «открытом» письме, поздравляя его, по русскому обычаю, с именинами,— потому что дни проходят беспорядочно и все заняты бог знает чем; но вечером — я люблю эти вечера — дети ложатся, пыль также, все успокаивается или хоть немного приходит в себя. С половины восьмого вечера до половины девятого, войдя в нашу гостиную, вы можете быть уверены, что застанете всех, больших и малых, молодых и старых, — с карандашом в руке, вырывающих друг у друга из рук резинку, которую все время забывают класть на середину стола (теперь этого делать уж не придется, я только что купила еще одну!), — превращая на бумаге образ и подобие божие в фантастические образы... Затем начинается беседа, Эмма мучит Александра, заставляя его делать с нас всех *живые* портреты, изображающие нас такими, какие мы теперь и какими будем впоследствии. Александр говорит, что Эмма, состарившись, совсем станет ходить на голове, а Эмма утверждает,что когда состарюсь я, то превращусь в сплошной *нерв*, так что меня не будут ни видеть, ни слышать, а будут только незримо ощущать волнение, беспокойство, и это буду я. Как это вам нравится? Мне кажется это очень верным!».

«Я думаю,— пишет далее Наталья Александровна, — что вы не получите русскую книгу 23-го, она еще у переплетчика, пока же советую не пренебрегать „Бэлой“ и „Мери“, „Фаталист“ — также Лермонтова; потом... быть может, я еще не уверена, быть может, если вы будете хорошо себя вести—вы получите еще и том Пушкина.

Не испугайтесь, если в один прекрасный день вам принесут извещение о прибытии вашей библиотеки — она была отправлена еще до кончины *покойного* проекта о переезде в Цюрих.

Сегодня мы идем в театр — Фадетта».

К этому письму Герцен сделал следующую приписку на французском языке: «*Юлиус-Ве-Курдиус* (*попросту Жюльвекур*) *не разрешает мне написать тебе, что за Эммой ухаживает не Нидергрубер, а Обер-Лаурер. А завтра я сообщу тебе, что она, желая тебя утешить, наняла горничную, ну и горничную...Черт побери...⟨с нее⟩, верно, напишут портрет*»*[40] (лл. 547—548).

Вслед за тем Наталья Александровна приписала: «Сию секунду сообщили новость —Прудон находится в Дуллане».

---

* Приводим эту приписку Герцена в подлиннике: «Julius-Veh-Curdius (Julvecourt *vulganter*) m'empêche de t'écrire que ce n'est pas Niederhr uber, mais Ober-Laurer qui fait la cour à Emma. Et demain je t'écrirai qu'elle a pris pour te consoler une bonne ... mais une bonne... Fichtre... probablement on fera un portrait».

Стараясь рассеять в Гервеге уверенность в том, что Эмма с «возвышенно-жертвенной» точки зрения смотрит на их отношения, Наталья Александровна пишет ему: «Эмма только и просит, чтоб ее оставили одну, она повторяет мне это *каждую секунду*; она говорит, что для нее видеть нас вместе — значит умирать ежеминутно; она утверждает, что не уверена в самой себе; наконец, она говорит, что если б ты испытывал к ней *хоть сколько-нибудь* жалости, то не заставлял бы ее присутствовать при ее собственных похоронах... А оставшись одна, она стала бы спокойно ожидать твоего возвращения. Еще одно слово об Александре: *убей меня прежде, нежели коснется его хоть тень!*

Мы уедем в Ниццу едва лишь я только окажусь в состоянии это сделать; если ты возьмешь все на себя, мой дорогой, дорогой Георг, если ты сможешь сохранить чистейшую гармонию *и вселить ее в Эмму*,— то приезжай также в Ниццу,— доверяю *тебе*!

Отчего ты так боишься, *что я скажу*, будто ты полюбил меня первый? Ты так часто повторяешь мне это!» (лл. 551—553).

«Я сказала однажды Эмме: „Нашла ли бы ты естественным, если б я не полюбила Георга?“ — сообщает Наталья Александровна в другом письме. — Но что мне говорить *ей*? Она *должна* видеть больше того, что я могу ей сказать» (л. 555).

Исполненные отчаяния письма, которые Гервег посылал в это время Наталье Александровне, не объясняя ей, несмотря на все ее просьбы, причины, вызывавшие такое его состояние, действовали на нее угнетающим образом.

«Чем могу я рассеять твою тоску, твои страдания, Георг, дорогой Георг??? — писала она ему по получении одного из таких писем. — Скажи мне, скажи, скажи!.. Временами я изнемогаю. Ты знаешь меня, ты знаешь любовь мою, я сказала тебе, что делала, делаю и буду делать все, *для меня* возможное, чтобы быть с тобой, близ тебя...

Дитя мое милое, чего хочешь ты *еще*???

Я желала б лишь знать, хочешь ли ты быть со мною вместе вскоре, в этом году...

Я думаю, думаю, мы думаем вместе с Эммой о том, каким образом ты сможешь писать мне,— *будь спокоен* [41], — и потом Александр решился ехать в Ниццу — он это сделает тотчас же, как узнает, что в Париже ему незачем оставаться.

Держись же несколько мужественней, ты и понятия не имеешь, в какое состояние приводит меня твое отчаяние, дай мне хоть чуточку *восстановить* силы!..» (лл. 557—558).

3 мая Наталья Александровна взволнованно известила Гервега о том, что поездка семьи Герценов в Ниццу уже решена. «Счастье Александра, и стало быть, столько же и мое я отдаю в твои руки, —его, детей, всё... тебя самого! *От тебя зависит*, принять это или не принять, вернее, взять ли тебе все это на себя».

С горькой обидой сообщает она в этом же письме Гервегу слова, повторяемые ей Эммой: «Ты должна либо излечиться ⟨от этого чувства⟩, либо отдаться целиком; оставайтесь пока вместе, а потом, когда пресытитесь друг другом, — возвращайтесь обратно». «На это я ей ответила,— пишет Наталья Александровна,— что она не должна рассчитывать ни на то, ни на другое».

«Я только улыбнулась, дитя мое, — пишет далее Наталья Александровна, — когда ты поставил мне в вину мое слабое здоровье, принимая его за отсутствие любви... С тех пор как мы расстались я три четверти всего времени провела в постели — моя ли в том вина? А эти нервные страдания, доводящие меня до безумия! Эмма плачет целые дни напролет, но становится свежей и здоровей после этого,— моя ли в том, опять-таки вина?..»

Знаешь ли, ты часто неверно судил обо мне — и теперь еще иногда неверно судишь, потому что я слишком часто молчу» (лл. 559—563).

«Я предупредила тебя,— писала Наталья Александровна Гервегу в это же время,— обо всем, что может произойти, если мы все будем жить вместе (особенно после разговоров с Эммой я считала это делом еще более невозможным), чтобы избежать мучительных последствий для *тебя* и всех остальных. Эмма постоянно мне повторяла, что для нее это смерть, что она первая невольно скомпрометирует нас, — могла ли я не предупредить тебя об этом?» (л. 573).

«Я люблю Эмму,— пишет Наталья Александровна Гервегу в другом письме без даты,— нет нужды повторять тебе это, но ее манера понимать или, вернее, не понимать наше чувство, нас обоих, делает меня все более и более несчастной, все более и более

sepolta, *я перевожу дух* только когда остаюсь одна... И потом эти болезни... Я иногда падаю от изнурения. Прости, ангел мой, прости меня, если я огорчаю тебя... Поезжай, поезжай, поезжай в Ниццу, заклинаю тебя! 23-го или — в крайнем случае — 25-го мы тоже туда отправимся — поезжай же!» (лл. 564—565)».

День переезда Герценов в Ниццу неотвратимо приближался. Наталью Александровну, между тем, продолжали одолевать прежние сомнения.

«Я боюсь одного в нашей совместной жизни, — пишет она в это время Гервегу,— это того, что ты захочешь возобновления прежних отношений со мною. Они невозможны,— то не проявление рабства с моей стороны, не деспотизм или предрассудок со стороны Александра — это более глубоко, более истинно, более законно... не уважать этого — значит желать чтобы мы рассеялись во все стороны, навсегда потеряли друг друга. Вот чего я боюсь и *в чем* не верю тебе, — быть может, я ошибаюсь — о, если так — ни облачка, ни нестройного звука... Как бы хотела я ошибиться!..» (лл. 576—577).

Подобные письма перемежаются в переписке Натальи Александровны со страстными мольбами, обращенными к Гервегу:

«Почему ты всегда, всегда так грустен?..

Знаешь ли, ангел мой, я иногда не понимаю тебя; говорю тебе, что наша любовь настолько выше всего, настолько независима...

Я еще больна.

Ах, если б я знала, что ты не так грустен!

Неужели то же будет, когда мы окажемся вместе?

Осыпаю тебя поцелуями, милый...

Прощай и не грусти так! Вот я пред тобой на коленях, мой Георг, я обнимаю твои колени.

Не грусти так!

Почему говоришь ты о смерти?.. Разве мало нашей любви для того, чтобы жить???» (письмо от 7 мая, л. 580).

«Жить без тебя?— восклицает она в письме от 10 мая. — Прозябать — *быть может, но жить* — нет.

И все же, дорогой, все же *я не могла бы*, говорю *тебе*, допустить, чтобы тень набежала на жизнь Александра. О! И *временами* — говорю тебе *всё*, не знаю почему, но я не могу иначе,— так вот, мне временами кажется, что в конце концов я останусь в одиночестве... *Не отвечай мне ничего на это, ничего, заклинаю тебя!*

Мы уезжаем в конце этого месяца <...> Я направлюсь прямо в Ниццу; если Александр не сможет поступить так же, он поедет в Женеву или в Цюрих» (лл. 583—584).

Несколько дней в середине мая Наталья Александровна была серьезно больна. Вслед за тем заболели дети.

«Дети — Горас и Тата — больны коклюшем,— сообщала она Гервегу в недатированном письме, написанном вскоре же,— я же еще слишком слаба, чтобы ехать; лучше будет переждать здесь, чем посреди дороги: через две недели мы выедем, это несомненно,— и прямо в Ниццу; не надоедай Александру Женевой — он туда не поедет».

16 мая вечером Наталья Александровна писала Гервегу:

«Небо наше проясняется, наше и ваше: сию секунду мы получили письмо из России, которое извещает, что Огарев, Сатин, Тучков и Селиванов были арестованы, но их освободили с извинениями, заявив, что то было недоразумение; их ожидают в Москве. О Натали там ни слова. Облако именно там, где мне так хотелось бы увидеть луч солнца!.. Тем не менее, целую вас от радости. *Мы уезжаем 20-го*» (л. 593).

«Надеюсь, что вы не заставите себя ждать, дорогой друг,— пишет Наталья Александровна Гервегу около 20 мая, извещая его о новой непродолжительной задержке в отъезде,— и что вы отправитесь даже вперед, чтобы приготовить не только для Эммы, но и для нас квартиру в Ницце? — Вы знаете, что Александр попросил разрешения остаться в Париже еще на некоторое время из-за болезней его домашних, с него взяли честное слово, что он уедет 25-го. Если я не обманываюсь, и если нас не обманывают,

мы покинем Париж через день или два после Эммы. — *Я теперь не более чем сиделка*» (лл. 594—595).

21 мая из Парижа в Ниццу выехала Эмма. В этот же день Наталья Александровна известила Гервега, что «первый том „Гнезда близнецов“ [42] отправился в путь, а „второй том“ отправится 24 или 25-го». «Теперь ваш черед!— восклицает она,— поезжайте, поезжайте!» (л. 597).

«У меня *святой* страх перед будущим»,— восклицает она в письме к Гервегу, написанном на следующий день. Но 24 мая в «официальном» письме она пишет о будущем уже в ином тоне:

«Что за жизнь ждет нас! — Специя... итальянцы говорят, что это несравненный уголок; прогулки, занятия... Быть может, это ребячество, но сердце мое прыгает от радости, когда я думаю о том, что через несколько дней мы будем напоминать собою птиц, вырвавшихся из клетки. Не могу сказать, до какой степени тяжело мне было отпускать Эмму, но это надобно было сделать! Она рисковала здесь очень большими неприятностями — впоследствии вы узнаете об этом более подробно [43] ⟨...⟩

Как только вам станет известно, что дело г-жи Гааг закончено, вам больше не придется оставаться в Цюрихе, вы сможете уехать в тот же день, и мы встретимся, может быть, в Марселе? Что скажете вы на это, мой сосед?» (лл. 603—604).

По ряду причин отъезд Герценов из Парижа продолжал задерживаться.

«Я не решаюсь писать тебе, дорогая Эмма, ибо не могу сказать ничего ни приятного, ни утешительного ⟨...⟩,— писала Наталья Александровна в Ниццу 31 мая 1850 г.— Дело ⟨наше⟩ в России подвигается очень плохо, присутствие Александра в Париже необходимо, ему дали еще одну отсрочку на 15 дней, но он не останется так долго, если ему в этом не представится необходимости. Трудно передать, как он несчастен от всего этого и как мне тяжело видеть, что *жизнь его* проходит в таких мучениях.

Сегодня для тебя большой праздник [44] — обнимаю тебя от всего сердца! ⟨...⟩

Время, оставшееся до нашего отъезда, я думаю провести в деревне, Париж невыносим» (лл. 610—611).

«Ты хочешь знать, в чем заключается моя болезнь,— добавляет она на обороте,— нервы, нервы и только нервы!»(лл. 612—613).

31 мая, в день рождения Гервега, Наталья Александровна писала ему о Герцене: «Если бы вы знали, как несчастен ваш Ландри... И к тому же столь одинок, столь одинок...» (л. 614).

На следующий день Наталья Александровна снова возвращается к вопросу о переезде:

«Александр горит желанием покинуть Париж, *всё* находится в чемоданах; если б мы оставались здесь только ради удовольствия — удовольствие это было бы совершенно испорчено неудобной жизнью — на чемоданах! Мы лишены возможности располагать малейшей тряпочкой — пожалейте нас и не говорите о наказании» (л. 623).

«Вы мне напомнили русский язык, милый мой ученик,— пишет Наталья Александровна в другом письме (по-русски), 3—4 июня 1850 г. — Я *было* его совсем забыла; ну, а когда мы будем в Италии — так уж все будем говорить по-русски! Последнее время я тоже почти забыла читать, а когда будем все вместе, так не нужно будет и писать. Целые дни я или гуляю, или не делаю ничего, мне все хочется прогнать скорее время и очутиться в оливковых лесах ⟨...⟩

В самом деле, жизнь на берегу Средиземного моря, я воображаю, будет чудесна — дети и старики — все будут там счастливы, все мы сделаемся лучше и юнее».

«Нет, мой дорогой близнец,— добавляет она по-французски,— Александр не убедил меня; однако, если я иногда бываю не так грустна, как вы, то только потому, что не могу забыть того, что имею, ради того, чего у меня нет» (лл. 618—619).

К этому письму Герценом сделана следующая приписка на итальянском, немецком и французском языках:

«*Сегодня или никогда. „Никогда“ — значит в мае, в начале июня, милый Георг, да. Оставьте всякую надежду.— Мир разлагается, как гнилая рыба*[45]. *Тьфу, пропасть!*»*

---

* Приводим текст этой приписки в подлиннике: «*Oggi o mai. „Mai“* also May Anfang Juni, lieber Georg, ja. *Lasciati ogni speranza.*—Die Welt geht unter wie fauler Fisch...*Fichtre!*»

«Желание оказаться в Ницце,— писала Наталья Александровна Эмме 10 июня 1850 г., — так велико во мне, что мне кажется, будто у меня достанет сил перенести туда всю мою семью на собственной спине».

«Александр взялся отправить это письмо, вот почему оно осталось неотосланным до сегодняшнего дня[46],— приписала Наталья Александровна на следующий день,— пользуюсь этим, чтобы послать вам, мои дорогие друзья, совсем свежий поцелуй» (лл. 401—402).

«Георг пишет нам редко, воображая, что мы уже в Ницце,—с огорчением отмечает Наталья Александровна в недатированном письме к Эмме,— два письма он адресовал в Марсель; он не хочет покидать Цюрих до того, как дело моей свекрови не будет завершено ⟨...⟩

Я надеюсь, что, когда мы отправимся в Америку (а это с нами непременно случится в один прекрасный день),— наш корабль не потерпит крушения! ⟨...⟩

Представь себе только наше удивление, когда мы прочли в письме Георга, что он глубоко уверен, будто твой отъезд устроен и ускорен *нами!* Как грустно, как больно быть настолько непонятыми самыми близкими людьми! — Быть может, он не знает всех причин, толкнувших тебя на это, не знает твоего страха перед Rode и т. д.» (лл. 403—404).

3

Приближавшееся завершение долговременной тяжбы с русским правительством по поводу запрещения, наложенного на вексель Л. И. Гааг, освободило Герцена от мучительного пребывания в Париже, и в июне 1850 г. он поспешил в Ниццу. Вместе с ним отправилась Наталья Александровна с детьми. Они приехали в Ниццу, принадлежавшую тогда Италии. Эмма Гервег со своими сыном и дочерью уже находилась там. Гервег же пока продолжал оставаться в Цюрихе.

Еще с пути, по-видимому из Марселя, Наталья Александровна писала Гервегу: «Да будет благословен этот уголок земли,— однако уголок крошечный, крошечный,— где после утомительного пути, измученные жарой и пылью, мы насладились восхитительным отдыхом и свежестью... и где вы навестили нас, дорогой близнец, своими ангельски благожелательными письмами; в минуту, когда Александр вскричал: „Ах, как здесь хорошо, мы останемся четыре дня в этой гостинице“, — я открыла письмо, в котором вы говорите, что ему здесь очень понравится».— «Завтра в шесть часов пополудни,— добавляет она, — мы отправимся в Антиб водой; итак, 23-го мы будем в Ницце. Как счастлива я буду увидеть хотя бы детей и Эмму» (лл. 655—656).

30 июня Наталья Александровна писала Гервегу из Ниццы:

«Ваш бедный Ландри очень несчастен — вот уже восьмой день его рука на перевязи, на кисти появилось что-то, причиняющее ему сильную боль, это мучит его и вгоняет в тоску. Как часто хотелось бы мне видеть вас вместе!

Позавчера Ницца была освещена сжигаемыми в честь св. Петра лодками и блестящими мушками — не знаю, как их называют,— которые резвятся во мраке, как блуждающие огоньки. Это очаровательно!

А вчера вечером мы провели, думаю, часа два, на берегу моря. Знаете ли вы это место? Справа от гостиницы „Лондон“, не очень далеко, против нашего будущего жилища; я бегала по булыжникам, небо было обложено тучами, море ворчало и время от времени пыталось напугать нас, кидая белую пену к самым нашим ногам; вся компания быстро отскакивала, издавая громкий крик, особенно дети, которых это забавляло» (л. 642).

«Ах, милый близнец,— писала Наталья Александровна в другом письме,— не могу удержаться, чтобы не прибавить вам несколько слов о нашем времяпрепровождении. Итак, я *постоянно* представляю собой публику, а Александр и Эмма — двух актеров на сцене; один изображает логику, другая же — ее отсутствие,— я хохочу, как безумная! Что же до них — они кончают тем, что *едва* не награждают друг друга тумаками... И все это с таким дружелюбием и энергией... Я очень хотела бы, чтоб вы собственными глазами посмотрели на эти сцены...

А что же будем делать мы с вами? Отсутствие или присутствие чего будем мы изображать?» (л. 662).

К великому удивлению Герцена, Гервег, так долго и настойчиво его торопивший с переездом в Ниццу, чтобы тотчас же к нему присоединиться и начать там «новую, гармоничную жизнь», продолжал, под разными предлогами, оставаться в Цюрихе.

«...я не могу примириться с тем, что вы не с нами, что ваше место среди нас пусто,— писала, в свою очередь, Н. А. Герцен Гервегу 7 июля 1850 г. (по-русски). — Ничто не ладится без вас: ни прогулки, ни споры...» (л. 672).

Наталья Александровна была в это время беременна дочерью Ольгой. Эмма сообщила об этом своему мужу. Гервег в ответном письме заявил Эмме, что не в состоянии переносить эту «измену» Натальи Александровны и вследствие этого не может заставить себя приехать в Ниццу. Не сообщая вначале этой мотивировки самой Наталье Александровне, Гервег в своих письмах обвинял ее в холодности и утверждал, что если б она только пожелала, он давно б уже находился в Ницце.

Действительно ли это являлось причиной нежелания Гервега приехать в Ниццу, где его ожидали с нетерпением и жена, и Наталья Александровна, и, как видно из публикуемых писем, сам Герцен,—неизвестно. Весьма вероятно, что его удерживала в Цюрихе, — по вполне правдоподобному предположению Эммы,— новая любовная связь (с этим предположением Эмма не без удовольствия поделилась с Натальей Александровной, не принявшей его, вероятно, всерьез и сообщившей о нем самому Гервегу). Между тем Герцен в своих письмах не переставал упрекать Гервега в детской непоследовательности, в то время как Наталья Александровна, «официально» повторяя те же упреки, по-иному упрекала Гервега в своих интимных письмах:

«Это причиняет мне боль, бесконечную боль — я просто не нахожу слов, чтобы выразить тебе, насколько мне мучительно видеть, как твоя любовь щепетильна, как зависит она от мелочей и как непохожа на мою любовь ⟨...⟩

Георг, ты не знаешь меня.

По твоим словам, ты давно уже был бы здесь, если б я только того захотела ⟨...⟩

Желаю ли я и насколько я желаю быть с тобой— это ты должен был бы, наконец, *почувствовать* сам! Бесконечные сомнения, подозрения, мелочные придирки, несправедливости... ах, письмо твое заставляет меня содрогаться, сжиматься от ужаса... Я ни к чему не способна в эту минуту, я совсем оцепенела...

Если ты видишь хоть малейшее препятствие к тому, чтобы приехать сюда и жить близ меня — не приезжай! Это доказывает, что у тебя не хватает сил для борьбы со всем, что может тебе противопоставить совместная жизнь.

Я слишком оскорблена, я слишком страдаю — подожду от тебя, ангел мой, еще письма, которое меня, быть может, вновь приведет в себя» (лл. 665—666).

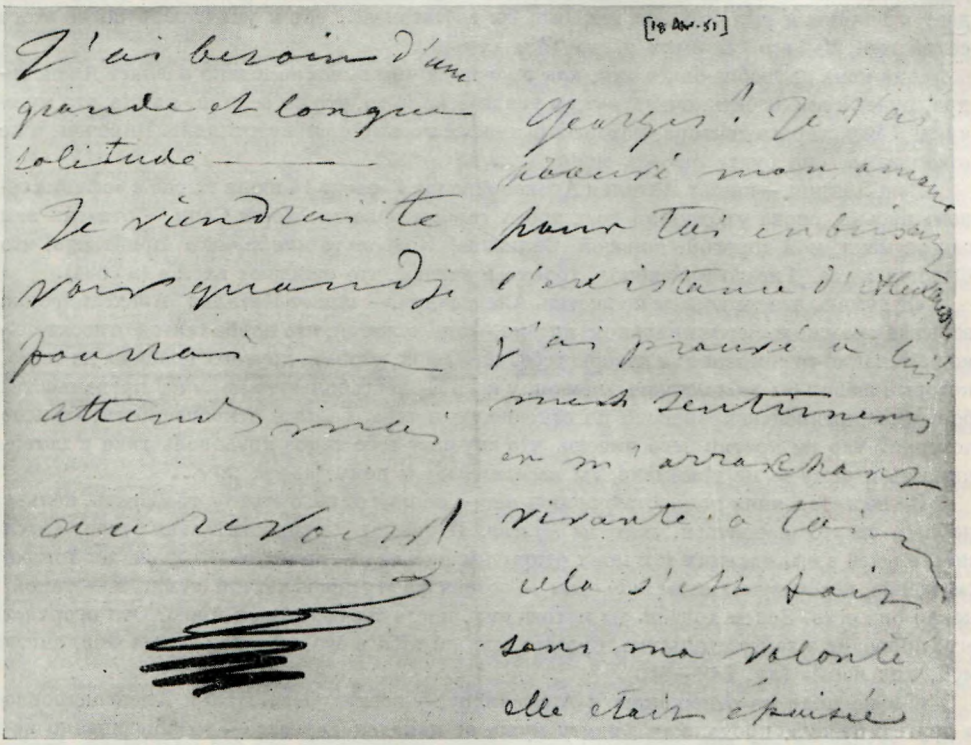
Несколько записок, полученных вслед за тем от Гервега, в которых он объявлял о своем намерении вскоре приехать в Ниццу, привели Наталью Александровну в экстатическое состояние. Она была «уничтожена счастьем, безграничностью счастья» и пыталась рассеять опасения Гервега, что приезд «старух» (так непочтительно называли они мать Герцена и М. К. Эрн, которой, кстати сказать, тогда было только 27 лет) может помешать их счастью[47] (лл. 667—668).

Несмотря на неоднократные заверения Герцена, что он приветствует совместную жизнь с Гервегами в одном доме, Гервег продолжал делиться с Натальей Александровной какими-то бессмысленными подозрениями насчет ее мужа.

«...Ты подозреваешь Александра там, где его искренность, его доверие, откровенность причиняют мне боль — так они велики и так мало оценены они тобою,— пишет Наталья Александровна.— Мне это очень, очень больно. Все, что я говорю тебе, — *правдиво*, как и моя жизнь.— Не думай, что существует хоть малейшее препятствие со стороны Александра — наоборот, он сделал *все, от него зависевшее*, чтоб убедить Эмму, но она уже и не скрывает более *передо мной* всего своего отвращения, ужаса перед совместной жизнью в одном доме ⟨...⟩

Георг! Георг! Мой Георг!! Но *если ты* — мой Георг, если *я* — твоя Натали — если ты не приедешь с целью убить меня,— *не поступай так больше!* Умоляю тебя, также на коленях, не разрушай ту видимость гармонии, которая установилась между нами... Сделай над *своим характером* некоторое усилие...».

«Нет, это не любовь,— восклицает в заключение Наталья Александровна.— Любящий человек не поступал бы так, не действовал бы подобным образом...» (лл. 683—684).



АВТОГРАФ ПИСЬМА Н. А. ГЕРЦЕН К ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ ОТ 18 АПРЕЛЯ 1851 г.

Разворот листов первого и последнего

Британский музей, Лондон

В другом письме к Гервегу Наталья Александровна писала по этому же поводу:

«Иногда твоя любовь бывает слишком узка, она зависит от стольких, стольких условий ⟨...⟩

Почему ты всегда говоришь о разлуке? Кто же, кто хочет нас разлучить? Все только и мечтают быть вместе ⟨...⟩

Мой портрет... я не хотела бы давать его Эмме — у нее достаточно подобных вещей от г-жи д'Агу...»[4*].

«Я думаю, что вы уже получили *давно* ответы мои на *все* ваши вопросы, которые я получила *вчера только* вечером (обыкновенно письма из Цюриха приносят в $7^1/_2$ вечера)? — писала Наталья Александровна Гервегу беззаботным тоном (по-русски) 10 июля в своем «открытом» письме.— Нового с тех пор прибавилось только мороженое по вечерам и два живописца за обедом. Все большие прогулки мы откладываем до вашего приезда, а пока я знаю красоты Ниццы только до гавани.

Если вы, mon cher besson, будете продолжать так медленно собираться к нам, как до сих пор, то уже застанете нас в нашем новом доме, который отделывают

к 1 августа; этаж над нами тоже отделывается. Если он вам покажется *сносным*, то мы будем владетелями одного сада и одной террасы; но комнаты малы, низки; ни Эмма, ни мы не можем без вас решиться—viene e vidi—je ne sais pas dans quelle langue c'est—mais c'est égal, vous devez comprendre*.

Не забудьте, уезжая из Цюриха, поручить *Калипсе* (так Саша называет свою *бабушку*) микроскоп; я с истинным наслаждением воображаю наши занятия естественными науками; *может быть*, и Огарев и Natalie приедут сюда — целая колония!..

А как бы хорошо тогда было! В нашем саду есть маленький домик**, который отдается внаймы и который для них был бы достаточен... вот и уничтожай после этого семейство! Мы все бы были тогда *одна* семья!..

Ада меня не любит более так, как прежде, а чрезвычайно нежно ласкает Александра, будет и вас любить, очень, вот вы увидите; не за то, что вы ее отец, а за то, что мужчина! Даже старого доктора, который похож на моську, целует и гладит. Впрочем, я не отчаиваюсь, она будет любить меня» (лл. 681—682).

«Ваш Ландри,—пишет Наталья Александровна Гервегу 14 июля также в «официальном» письме, снова уподобляя всех троих героям повести Жорж Санд,— ответил вам сам за меня, мой дорогой, дорогой Сильвине! Позвольте мне *только* прибавить, что Фадетта и все „Гнездо близнецов" только и делают, что ожидают вас...» (л. 694).

«Я думаю, что ты совсем не знаешь Александра,— пишет Наталья Александровна вслед за тем уже в «неофициальном» письме,—мне кажется, что в тебе таятся относительно него какие-то сомнения: *я* говорю тебе, ангел мой, что *нет* другого человека на свете, который любил бы тебя больше, чем он, у кого было бы больше *истинной* преданности, больше искренней искренности по отношению к тебе, больше откровенности, больше доверия. Что ты против него имеешь, что внушает тебе такое неудовольствие и нетерпимость к нему — не понимаю! Ты *несправедлив* к нему, *поверь мне*...

Он не в состоянии полностью понять *нас* — нельзя от него этого и требовать, нельзя на него за это сердиться, *это не нужно*. И совсем непростительно тебе, ангел мой, видеть в его письмах и в моих открытых письмах — намеки. Это рождает только смущение, недоразумения *между вами* — оставь же эту связь чистой и святой — такой, какая она есть. Зачем хочешь ты мстить ему, когда ты недоволен мною? Это огорчает его, приводит в замешательство, бросает тень на тебя в его глазах,— а *для чего*, ангел мой, для чего!» (лл. 649—650).

«Ты не прав по отношению к Александру,— восклицает Наталья Александровна в другом письме, продолжая защиту мужа от нападок Гервега,— ты совершенно неправ, *ты не оценил его*. Да останется *ваша дружба* чистой, простой и нерушимой. И да не переживу я ее!..» (л. 695).

«Если Александр и говорит с тобой о вещах, о которых ты предпочел бы от него не слышать,— пишет она Гервегу,— *в этом не его вина*; ты не жалуешься, но он видит, как все это мучит Эмму; я думаю, что скорей в ее интересах он заговаривает об этом, и к тому же он *слишком* считает себя твоим близнецом, чтобы молчать. Он совершенно успокоится *на этот счет, если увидит, что спокойны вы*. К тому же все это исходит из хорошего источника,— ты не прав, сердясь на это» (л. 698).

В письме, относящемся к этому времени и датированном 17 ⟨июля⟩, Наталья Александровна писала Гервегу (по-русски):

«Егору Васильевичу

Я с восторгом читала ваши выписки из Веневитинова, во-первых, потому, что они сделаны вами, а потом — это напомнило мне так живо мою молодость. Александр подарил мне Веневитинова, это был первый поэт, которого я узнала, полюбила, в котором нашла бездну симпатичного; даже я была влюблена в его портрет, который с него сняли уже с мертвого, и перед отъездом из России простилась с его могилой. И как знакомы те места, которые вы выписали!.. Эта книга долго была моим другом;

* Приди и взгляни— не знаю, на каком это языке, но это безразлично, вы должны понять (искаж. лат. и франц.).

** Если б вы были *монах* — он годился бы и вам!.. — *Примеч. Н. А. Герцен.*

с каким наслаждением я перечитаю ее с вами!— Да как же вы достаете русские книги? Я так многим поручила прислать мне русских книг, что, я думаю, осенью мы получим целую библиотеку. *Все* мы ждем с нетерпением от вас письма, в котором вы сознаетесь в своей ошибке и назначите день приезда; Александр* думает, что вы уже *в дороге*. — Итак, до свидания.

Обнимаю вас от души» (лл. 699 — 700).

Дополнением к напечатанным выше многочисленным письмам Герцена к Гервегу о причинах, которыми он руководствовался при снятии дома в Ницце, может служить написанное 6 июля «официальное» письмецо Натальи Александровны, в котором она писала: «Прекрасные дачи, находящиеся *далеко* от моря, нас *всех* совсем не устраивают; только этот дом оказался для нас *приемлемым* и понравился нам благодаря террасе и саду; квартира, которая остается для вас, не слишком хороша, но и в других домах не было лучшей,— вот почему я и Александр были уверены, что вы непременно займете ту, что находится над нашей квартирой; но, чтобы сделать удовольствие Эмме, мы продолжали искать; вчера была сделана последняя попытка; теперь Эмма видит сама, что выбора нет, хотя, предупреждаю вас, друг мой, что я хотела бы для вас гораздо лучшей квартиры, — однако сад, где столько тени, искупает многое; затем терраса... Что до меня, то этой стороной я совершенно довольна, я совсем уже не беспокоюсь *о комнатах* с тех пор как увидела сад. Вы убедитесь, что я обладаю и *практическим смыслом*;во всех остальных садах было бы невыносимо днем, и они недостаточно обширны — не правда ли, я балую вас, вместо того, чтобы наказать за эти вечные вспышки...» (лл. 686—687).

В письме, написанном, вероятно, одновременно и предназначавшемся на этот раз для одного Гервега, Наталья Александровна писала:

«Как я несчастна, ангел мой, дитя мое, от того, что ты *столько* и *так напрасно* терзаешься — повторяю тебе еще раз, я не возражала *против этого дома* потому, что с первого же мгновения видела тебя в этом густо заросшем, большом саду — я тотчас же подумала о том, как мы будем там находиться вместе, о наших уроках русского языка... Я не обратила никакого внимания *на комнаты*, я плохо представляю их себе даже до сих пор, — знаю только, что жить в них можно; к тому же, я сразу же увидела, что вы будете *вынуждены* занять квартиру над нами, потому что в других домах такие квартиры стоят гораздо дороже. Видишь ли, Александр, вместо того, чтобы воспротивиться, советовал Эмме поселиться с нами, но... дитя мое, не огорчай ее — подумай, насколько все это естественно!.. Она так страдает, она так несчастна... Подумай лишь о том, как бы ее утешить! Умоляю тебя об этом на коленях, ангел мой, ангел мой!

Александр *сильно огорчен* твоей несправедливостью к нему.

Все было сделано так, как хотел ты...

Мои объятья открыты — я жду тебя — приди! <...>

Оставь где-нибудь все письма. Я *предпочла бы*, чтоб ты сжег их: *ты получишь меня*» (лл. 690—691).

«Знаю, ожидаю и заслуживаю от вас упреков и брани, cher Sylvinet, за долгое молчание,—писала Наталья Александровна в «открытом» письме Гервегу (по-русски),— ну что же делать, браните, только *не объясняйте фальшиво*. Но вот, видите ли, мой дорогой ученик, разумеется, я пишу к вам с удовольствием, *я люблю* писать к вам, но... любила бы еще больше, если б была большая необходимость в этом, а то как подумаешь, да ведь мы бы могли все это сказать друг другу, отчего же не говорим?.. — и сделается так досадно, и больно, *и писать* покажется так нелепо и ненужно... что перо валится из рук... Сердитесь, браните, но поймите, что это не от *равнодушия* делается. Ваша *неторопливость* оставить Цюрих, ненавидя его, делается решительно необъяснимою!..

Мы *все* ждем, ждем, ждем вас — а вы — ну, „да будет вам судья в том ваше сердце“.

---

* У него страшная головная боль. — *Примеч. Н. А. Герцен.*

Прогулки наши ограничиваются до сих пор крестом на левой и домом Авигдора на правой стороне; а все большие откладываются до вашего приезда; впрочем, я разучилась ходить; если б здесь был другой Dent de Jaman, то я не иначе могла бы взойти на него, как *в три дня*, а не в три часа, и руки вам надобно б иметь покрепче.

О! Конечно, я помню нашу первую прогулку в Женеве и наш безумный смех; помните, редкие кошки и собаки, которых нам показывал Александр? И здесь найдется редкостей довольно, лишь приезжайте!..

Зачем же вы не понимаете до сих пор о квартире? Александр боялся, что Эмма наймет, а вам не понравится; впрочем, я вам скажу, что квартира ваша совсем не так дурна, как, может быть, вы ее воображаете; хозяин же обещал Эмме вычистить и отделать ее (то есть квартиру) *так, как она* (то есть Эмма) *заслуживает* этого (!) — после *такого обещания* вы можете быть совершенно спокойны насчет чистоты и красоты вашего будущего жилища. К тому же сад и терраса, хотя она и вовсе не „merveille de ce monde"*, как вы говорите, а *настолько* хороша, что я совершенно ею довольна; она обещает нам много приятных часов по вечерам, la société n'y manquera non plus — il y a une telle quantité de lézards et de souris, ces dernières réjouissent beaucoup Emma**. А не шутя! Обитель наша хороша,— впереди море... по сторонам два маяка, внизу зелень (дом — будто цветок растет из нее), а сзади горы... горы... горы... а сверху звезды... звезды... звезды... а в доме besson'ы, besson'ы, besson'ы***.

На днях мы ходили искать чего-нибудь лучше и *приличнее* для нас всех — ничего не нашли к великому нашему удовольствию, впрочем.

Много благодарю вас за сообщения о Коле, мне так хочется видеть и *слышать* его!.. Пусть забавляет он вас по дороге!

Кажется, вы все приедете вместе? А мадемуазель Эрн также приезжает? Я искренне о ней сожалею»**** (лл. 711—712).

Опасаясь, что в волнении первой встречи Гервег может невольно выдать окружающим характер их отношений, Наталья Александровна предупреждала его в одном из писем:

«*Будь осторожен ради меня.* Не бойся, что ты *покажешься* мне холодным или... Не бойся, я знаю, я понимаю все, *что* ты испытываешь; твоя *суровость* явится для меня наибольшим доказательством твоей *любви*». «Стоит ли слушать всех Тургеневых!..»,— добавляет она при этом и просит Гервега приехать вечером, чтобы тотчас же иметь возможность показать ему сад (л. 704).

Между тем Гервег не торопился с приездом в Ниццу, объясняя Герценам свою задержку болезнью и другими обстоятельствами.

«Не надобно болеть, — писала ему Наталья Александровна.— Приезжай! Отчего жизнь твоя подорвана и кем? Чего нехватает тебе? Что теперь тебя удерживает в Цюрихе?.. Не из-за квартиры же ты не едешь, раз тебе *известно* — ведь Эмма писала тебе,— что она *выбрала квартиру, которая, однако, не будет* снята *до получения* от тебя *окончательного* ответа; что квартира еще не готова, что ее отделывают и что до начала августа жить в ней еще нельзя. Разве она не писала тебе об этом? А я?.. Чего ты еще от меня хочешь?.. Александр, помнится, говорил тебе, полушутя, что воспротивится этому» (л. 707).

Денежная зависимость от Герцена сильно тяготила Гервега, и он, поддаваясь мнительности, выискивал в письмах Герцена какие-то несуществующие намеки. Наталья Александровна горячо вступалась за мужа, не скрывая от Гервега необоснованность и мелочность его придирок.

«*Мое* дитя, — писала она по этому поводу Гервегу,— я не хотела бы, чтобы ты *был таким* в некоторых вопросах. Знаешь ли, я скорей почувствовала бы себя оскорбленной и за Александра и за тебя, если б он проявлял *эти маленькие* предосторож-

---

* «чудо мира сего» (франц.).

** в обществе также нехватка не будет — там столько ящериц и мышей, эти последние очень радуют Эмму (франц.).

*** близнецы, близнецы близнецы (франц.).

**** Слова: «Пусть ∞ сожалею» — в подлиннике по-французски. —*Л. Л.*

ности и маленькие *щепетильности*, какие водятся между *маленькими*; если он тебе говорит о деньгах,— значит, он считает тебя намного выше этого; то, что он скажет тебе и Огареву, он скажет не всякому. Можно не говорить, однако если умалчивать перед тобой из каких-либо соображений, то где же тогда свобода и уважение к таким отношениям, как ваши?

Я вижу, что ты до сих пор не оценил его детской чистоты, его откровенности, его непринужденности, его веры в близость с тобой — это печалит меня, и если у вас будут часто происходить подобные столкновения при совместной жизни, это может набросить тень, вызвать досаду. С одной стороны — полная непринужденность, с другой — обидчивость. Не надобно этого!» (лл. 709—710).

«Если ты не хотел приехать,— писала в другом письме Наталья Александровна,— зачем постоянно обещать? *Для меня нет ничего невыносимее*, чем жалость; вынесу ли я все или не вынесу — *щадить меня не надобно*. Что бы ни таило для меня будущее — *я люблю свою любовь;* ни один миг из своего мучительного существования я не обменяла бы на все земные радости...» (лл. 716—717).

Объясняя задержку в Цюрихе своей мнимой болезнью[49], Гервег упустил из виду, что мать Герцена, жившая в том же городе, посылала в Ниццу письма, которые нисколько не подтверждали слова Гервега. «Как это случилось, что г-жа Гааг ничего не знает о твоей болезни?» — осведомлялась у Гервега Наталья Александровна[50] (л. 716).

«Если ты недоволен мною... — писала она 27 июля, — или чем-либо другим, *на что я могу иметь влияние, не действуй, не проявляй гнева, прежде чем поговоришь со мною. Прошу тебя* об этом на коленях, дитя мое. Это избавит от многих огорчений и нас, и других ⟨...⟩

Ты рассуждаешь временами совсем как ребенок. Эмма — да, да! Ангел мой, кому твердишь ты о ее доброте, о ее любви?.. И я полностью верю ей *в те минуты, когда она говорит с тобой*, когда она доходит до самозабвения. Но я верю *и собственным своим глазам и ушам*; она, как мне кажется, со мной более откровенна; это в ней мне нравится. Когда она говорит мне: „Вся моя натура, все существо мое *против этого*, а *он хочет заставить меня* верить в обратное", — имеют ли эти слова двойное значение? Порой она не скрывает также, насколько тяготит ее мое присутствие. „Я не знаю, насколько смогу перенести это", — говорит она, и я слышу только вот что: „Конечно, я предпочла бы жить в другом доме, но боюсь, что он согласится занять эту отвратительную квартиру над вами..." „Я попытаюсь, я сделаю все, что смогу" и т. д. Я говорю тебе это не для того, чтобы жаловаться, а чтобы показать, что не питаю иллюзий на ее счет и что ты не можешь заставить меня питать подобные иллюзии [51]⟨...⟩

Теперь о доме: *нельзя выразить своего желания более ясно, чем это сделал Александр*,— чтобы вы жили в том же доме, что и мы, и обедали вместе с нами.

Но он заметил *также*, что Эмма только *притворяется*, будто хочет жить вместе с нами, и оставил разрешение этого вопроса на ее усмотрение. „Я не могу заставлять ее", — сказал он.— Во всех домах, виденных нами,— а видели мы их множество!— не встретилось и *двух одинаковых* квартир, т. е. таких, которые подошли бы и нам и вам— одна всегда намного *хуже* другой, но Александр говорит, и Эмма также, и я, мой ангел, также говорю: ты *приедешь* и *увидишь*. Александр знает, что я хочу от всего сердца, чтобы вы остались вместе с нами, он также хотел бы этого с целью экономии и т. д. Я думаю, что ты действительно не знаешь, насколько он... что ты его совсем не знаешь, — однако я не питаю иллюзий, подобно тебе...

Ах, ангел мой! И мы будем плакать вместе, да?..

Подумай только, — он, *ничего не подозревающий*, получает от тебя такие письма, какие ты писал до нашего отъезда из Парижа... Все твои упреки... Какое смущение это вызывает у него! Какой представляется это бессмыслицей!

Ангел мой, будь внимательней... Но, впрочем! Ты обещал, и *я тебе верю!*

Если б он догадался... К чему б это привело? Он все сильней и сильней привязывается ко мне, *все остальное* все более и более для него стирается...Георг! Георг! Георг!..

У меня нет слов, услышь хоть крик мой ⟨...⟩

Руку *твою*, руку, руку...

Эмма выносит все из любви, *он* — тоже из любви — не вынесет... И я и я не вынесу» (лл. 726—732а).

«Здесь все идет, как надо, милый мой ученик, и солнце греет, и море шумит, и тень олив, и небо голубое... лишь вас одних все нет как нет! 〈...〉 — писала Гервегу (по-русски) Наталья Александровна 29 июля, подробно описывая жизнь обеих семей. — „Рассказывать вам о нашем житье-бытье?..“ Я *стараюсь* все раньше встать, хожу *смотреть* как Эмма, Саша и Горас плавают в море, любуюсь морем столько же, как ими, потом иду с Татой в ванну, потом домой, потом кофе, потом не знаю что... а вот теперь — 10 часов утра — все по местам, все за делом, и я, оставаясь иногда часа два за моим столом, думаю, что и я тоже делаю что-нибудь.— Ну, буду продолжать, не моя вина, если вам скучно! — Приходит полдень, за ним вслед завтрак, а за ним отдых... С пяти часов начинается ожидание писем,— стоит всякого занятия! А впечатление их сменяется уж только сном, а то дома и гуляя разговор идет всегда почти об одном и том же; Александр с Эммой привыкли беспрестанно *дружески* спорить, одна я молчу, оттого, что часто согласна с обоими спорящими, или не согласна с обоими соглашающимися, иль просто *так!* Если это duo превратится в trio и вы все будете кричать и ссориться, я убегу в горы ...

Нашу квартиру от вашей разделяет только дверь, мы занимаем с Эммой весь этаж, т. е. двадцать комнат! А к осени у нас в виду есть квартира удивительная, с садом, с террасой — если вы не захотите поместиться вместе, так недалеко от этого дома есть и для вас; кажется, мы оснуемся здесь надолго.— Если б можно было обеим семьям устроиться *гармонически во всех отношениях* под одной крышей, это было бы ∧.

Если вы не захотите читать *вместе с нами* les mémoires de George Sand*, я вам их доставлю туда, где вы будете.

Гораса я учу по-русски вместе с Татой. А послезавтра Саша и Горас начнут вместе учиться рисовать у одного *натуралиста*, который также будет делать с ними *ученые* прогулки пока до Фогта.

Коли вы будете *так* торопиться к нам, то найдете детей натуралистами и русскими, а меня... может, и вовсе не найдете... глупо, да ведь возможно!»

«Ну вот и всему разгадка! — добавляет Наталья Александровна на следующий день. — Давно бы вы, друг мой, сказали, что нездоровы, это избавило бы нас от тысячи мучительных догадок, я советую вам даже сказать Эмме причину, которая вас останавливает; ехать — мы ей помешаем, да и не поедет она, если будет знать, что вам лучше, но, уверяю вас, ей *легче* будет знать о вашей болезни, нежели придумывать бог знает что.

Дом *наш* готов и очень удовлетворителен, на днях мы переселяемся. У меня голова болит от споров и совещаний шумных Александра и Эммы — насчет хозяйства; приезжайте *помолчать* со мной о хозяйстве. А не шутя, Александр принимается с таким усердием и любовью за устройство нашей жизни, что нет сомнения в том, что она устроится хорошо. Выздоравливайте скорее!— Саша схватился за ваш совет с восхищением».

«Если б вы знали, как ждут вас в Ницце!» — прибавляет она по-французски (лл. 733—738).

К этому письму Герценом сделана следующая приписка на французском языке: «*Эпилог можно просто послать Гофману и Кампе, которым он обещан*»** (Речь идет о герценовском «Эпилоге 1849», предназначавшемся для публикации в несостоявшемся втором издании «Von andern Ufer»).

Письма Гервега, между тем, по-прежнему были мрачны и унылы.

«Георг, мой Георг! милый, любимый!.. — восклицала Наталья Александровна.— Отчего же, отчего, дитя мое, ты страдаешь? Отчего продолжаешь ты страдать?.. Скажи *мне*, что могу я *еще* для тебя сделать?.. что *еще?*

Неужели *эта любовь* оставляет в тебе свободное место для какого-то *другого* же

---

* Записки Жорж Санд (франц.).

** Приводим текст этой приписки в подлиннике: «On peut envoyer l'épilogue tout bonnement à Hoffmann und Campe auxquels il est promis».

лания?.. Неужели сохранилось в тебе *незанятое* место? — только это могло бы заставить тебя страдать... мне кажется... Скажи же, скажи, скажи???

Вот я вся, вся твоя... Нужно ли тебе *еще* что-нибудь?.. Возможно, ангел мой, что я тебя не удовлетворяю... Но во мне уже более нет ничего, чего бы я тебе уже не отдала...

Я любила, о! я любила в своей жизни... Но никого как тебя! Мой Георг, я могу сказать, что вся моя жизнь была восхождением к тебе... И... и у меня не хватает слов... Ты знаешь! кончик твоего пальца, твой волосок имеют для меня больше смысла, чем весь мир... Твои пальцы — я настолько помню, как выглядел каждый из них, я столько вглядывалась в них во время наших занятий (не смея все время глядеть на тебя), я так их любила... Ангел мой, ангел мой!.. Я не люблю говорить, выражать те чувства, которые к тебе питаю, такими же излияниями, как другие, однако скажу тебе, дитя мое, что никогда ни одна женщина не любила *такой любовью, какой люблю тебя я — нет, нет, нет!!!*» (лл. 739—740).

«Мы поглощены устройством „Гнезда близнецов", — писала Наталья Александровна в другом письме, — или нашего общего гнезда, каждый ежедневно по очереди занимается этим — поисками слуг, которые должны разделить с нами горести бренного мира сего. Я же, я пытаюсь, насколько могу, объясняться с ними молча, как всегда и во всем, и сознаюсь, не сомневаюсь, что успею в этом лучше, чем другие (между нами говоря!) 〈...〉 Не упрекайте меня, мой друг, прошу вас в том, что я *почти* никогда не принимала участия в ваших объяснениях, они причинили мне слишком много горя — за вас и за Александра, — до сих пор я не слишком хорошо понимаю их цель — но, благодарение богу, я думаю, что они близятся к концу»[52] (лл. 744—745).

«Завтра, в воскресенье, мы переезжаем 〈...〉, — сообщала Наталья Александровна Гервегу 3 августа.— Мы сможем заниматься русским языком с 11 часов утра до половины первого и даже с половины одиннадцатого ежедневно,— потом до пяти часов разойдемся — отдыхать или заниматься другими уроками. С пяти часов прогулка или еще что-нибудь сообща».

«Я не обратила особого внимания на вашу переписку относительно *равенства* и пр.,— писала она в этом же письме, — это мне причинило слишком много страданий, это мелко... Это мне не нравится... Я на это не способна. Свобода и *особенно широта* во всем, во всем...

В Берч мы тебе больше не пишем» (лл. 746—747).

Наталья Александровна подробно описывала Гервегу в одном из своих писем выбранное ею место их будущих свиданий в отдаленном краю огромного сада:

«Никому не показала я этого местечка, ни с кем не говорю я о нем — конечно, его откроют, оно известно, но я не хочу слишком привлекать к нему внимание других; я не хочу его *профанировать* заранее; там есть скамья, я поставлю ее так, чтобы солнце туда совсем не проникало и мы могли там находиться в любое время; там будут проходить русские уроки... ∧×○ Я сделала эти знаки на стене, *как только зашла туда* — и ты словно здесь, я обнимаю, целую тебя...

Теперь я нахожусь как раз в этом месте, здесь мы *дома*, я буду здесь оставаться ежедневно с половины одиннадцатого или одиннадцати (час русского урока) до двенадцати— половины первого... Здесь так уединенно, совсем как дома; здесь *мы* дома — когда приедешь, не проявляй перед другими слишком много внимания к этому месту 〈...〉

Я уже говорила тебе, мне кажется, что сам Александр знает, что после него у меня ты, ты, ты» (лл. 748—750; письмо от 4 августа).

«Ты находишься теперь в Женеве! — восклицает Наталья Александровна в письме к Гервегу, помеченном: « 11 〈августа〉. Утро. $10^1/_2$ часов. Наш уголок». — Благословенна будь земля, где я нашла тебя!!!.

И все же я нашла тебя с первой встречи, ангел мой. Как привлекал ты меня!.. А первая бессонная ночь, которую мы провели вместе? Помнишь ли ты утро у окна, я утонула в тебе, вся, почти без слов, мне казалось, что я нашла всё, всё... Я говорила: „О, это он!" Все существо мое говорило это, и я отошла, боясь, что схвачу твою руку, что закричу: „Это ты!"» (лл. 763—764).

«Александр прочел мое письмо,— писала Наталья Александровна в «открытом» письме, от которого сохранился только обрывок,— и он в полном отчаянии от того, что, благодаря моему описанию, вы ожидаете увидеть и получить дворец, словом нечто великолепное — совсем нет! Милый, милый близнец, посмотрите на наше жилище с моей точки зрения...» (л. 770).

«У Александра нет ни малейшего намерения проведать М.[53], он как раз пишет о том, что получил письмо, что он ждет М. в Ницце. И так как он ничего не подозревает, он действует откровенно и говорит откровенно о всех своих планах и проектах — ты неправ, постоянно его подозревая. То, что *я* с ним не откровенна — убивает и, в конце концов, убьет меня,— это не *ложь*, как называет это Эмма (ведь часто *правда* бывает *неправдивой*),— но я знаю, что он, как и Эмма, не понял бы нашего /\, он не мог бы также понять то, что я одновременно питаю и к нему и к тебе, сказать ему — значило бы убить его... О, дорогой, какая мука!

Не знаю даже, хватит ли у меня сил...

Ты *мог бы* придать их мне...

У него не должно никогда возникать и малейшего подозрения — или же я погибну: это не фраза — на фразы я никогда не была способна...» (лл. 771—772).

Это было последнее письмо, адресованное Гервегу, до его приезда в Ниццу 22 августа 1850 г.

4

С приездом Гервега жизнь в доме Герцена приобрела остро драматический характер. Восторженное отношение Натальи Александровны к Гервегу, их уединенные свидания в саду, многозначительные взгляды ревнивой Эммы—все это не могло скрыться от взгляда посторонних, от наблюдательности слуг и, конечно, от самого Герцена.

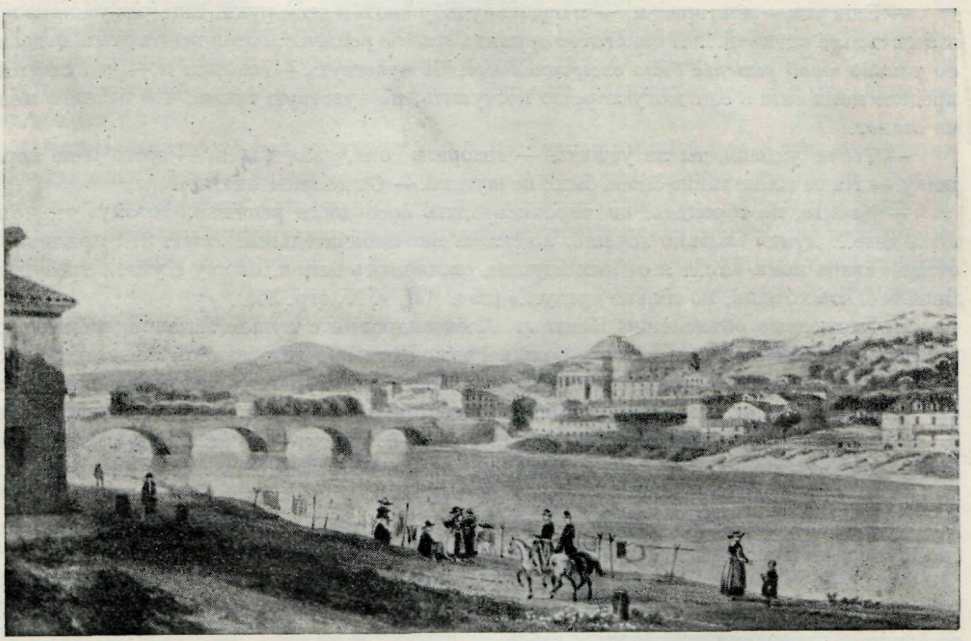
Ложность своего положения вскоре же понял и сам Гервег.

«Недели через две-три после своего приезда,—писал впоследствии Герцен,— Г<ервег> принял вид Вертера в последней степени отчаяния, и до того очевидно, что один русский лекарь, бывший проездом в Ницце, был уверен, что у него начинается помешательство. Жена его являлась с заплаканными глазами,— он с нею обращался возмутительно. Она приходила часы целые плакать в комнату N<atalie>, и обе были уверены, что он не нынче — завтра бросится в море или застрелится. Бледные щеки, взволнованный вид N<atalie> и снова овладевавший ею тревожный недосуг, даже в отношении к детям, показал мне ясно, что делается внутри.

Еще не было сказано ни слова, но уже сквозь наружную тишину просвечивало ближе и ближе что-то зловещее,похожее на беспрерывно пропадающие и опять являющиеся две сверкающие точки на опушке леса и свидетельствующие о близости зверя. Все быстро неслось к развязке. Ее задержало рождение Ольги» (изд. АН, т. X, стр. 257).

Ольга Герцен родилась 20 ноября 1850 г. К первым же дням после этого события относится ряд экстатических записок Натальи Александровны к Гервегу, в которых ее страстное чувство к нему, принимавшее временами патологический характер, выразилось с наибольшей остротой. «Пусть когда-нибудь люди падут ниц, ослепленные нашей любовью, как воскресением Иисуса Христа», — пишет она 29 ноября (л. 810), а несколькими днями ранее, 26 ноября, отрешаясь от всего окружающего, она восклицает: «Ты заставил меня родиться вновь, и ты стал моей вселенной, я живу в тебе — остальное для меня не существует, *совсем* не существует» (л. 799). В последнем из процитированных писем появляется, впрочем, прежний лейтмотив, который и в дальнейшей переписке Натальи Александровны с Гервегом будет играть доминирующую роль: «Подумаем о других, постараемся избавить их от страданий...»[54] (лл. 806а—807).

После выздоровления Натальи Александровны жизненный уклад в доме Герценов начинает принимать прежний тревожно-неустойчивый характер. Напряженность в отношениях Герцена и Гервега особенно обострялась совместной жизнью в одном доме. Гервег не переставал обвинять Наталью Александровну в том, что она, оттягивая объяснение и не желая решительным вмешательством разрубить гордиев



ТУРИН
Литография Ф. Бенуа, 1850-е гг.
Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

узел, остается женой Герцена. Он требовал от нее немедленного разрыва с мужем и ухода из семьи.

«На коленях умоляю тебя быть спокойным,— восклицала она в записке, датированной «5 часов утра», — не оскорбляться, не обижаться ничем, ибо нет *ничего*, что могло бы тебя оскорбить или обидеть. Если ты желаешь *полной* откровенности — то и я этого желаю» (л. 793).

«Послушай, — писала ему Наталья Александровна в другом письме, — я люблю свою семью, со всей любовью, которая только может таиться в сердце. Не знаю, отчего это и кому это нужно. Такова моя натура, я люблю безумно; быть может, эта способность любить так велика во мне потому, что у меня нет других способностей? Я люблю для себя, исключительно из эгоизма, я живу жизнью детей, мне кажется, что я слежу за каждым их движеньем, даже когда я не вижу их, я хотела бы для них быть *хоть чем-нибудь*; украсить чем только возможно их жизнь — для меня невыразимое счастье; я всеми корнями срослась с ними. Я знаю также, чем являюсь для Александра. Но когда я вижу, что ты страдаешь!.. Скажи же, скажи! Это уж не слезы текут из глаз моих! Это кровь течет волнами из моего сердца. Скажи же! Я оторвусь от всего... Не знаю, что сделаю я — но сделаю всё. Вот я у ног твоих» (лл. 829—832).

Намерение Натальи Александровны покинуть семью и последовать за Гервегом было вызвано минутным порывом. В дальнейшем на самые категорические требования Гервега уйти от мужа она отвечала отказом.

Открытый разрыв Герцена с Гервегом, происшедший 1 января 1851 г., подробно описан самим Герценом в «Былом и думах».

«...Случилось то, чего я ожидал: Natalie сама вызвала объяснение 〈...〉 Разговор был тяжел. *Мы оба не стояли на той высоте, на которой были год тому назад...* Она была смущена, боялась моего отъезда, боялась его отъезда, хотела сама ехать на год в Россию и боялась ехать. Я видел колебанье и видел, что он своим эгоизмом сгубит ее — а она не найдет сил. Его я начинал ненавидеть за молчание.

— Еще раз,— повторял я, — я отдаю судьбу свою в твои руки. Еще раз умоляю в взвесить, всё оценить... Я еще готов принять всякое решенье, готов ждать день, неделю, но только *чтоб решенье было окончательное.* Я чувствую,— говорил я,— что стою на пределе моих сил: я еще могу хорошо поступить, но чувствую также, что надолго меня не станет.

— Ты не уедешь, ты не уедешь! — говорила она, заливаясь, — этого я не переживу.— На ее языке такие слова были не шуткой.— Он должен ехать.

— Natalie, не торопись, не торопись брать последнего решенья, потому что оно последнее... думай сколько хочешь, но скажи мне окончательный ответ. Эти приливы и отливы сверх моих сил... я от них глупею, становлюсь мелок, схожу с ума... требуй от меня все, что хочешь, но только сразу...» (изд. АН, т. X, стр. 259).

Многодневные объяснения Натальи Александровны с мужем закончились полным примирением. Герцен все простил больной и нравственно истерзанной женщине, продолжавшей занимать огромное место в его жизни. Наталья Александровна поклялась ему, что не покинет его, если он только «в состоянии забыть прошлое». «Сильно опасаясь дуэли или кровавой встречи,— писал Герцен Э. Гаугу,— Н⟨атали⟩ просила меня, в виде доказательства моего примирения и прощения, не вызывать его. Я дал ей слово, но под тем условием, что он оставит мой дом» (VII, 37).

Между тем, Наталья Александровна все еще продолжала оставаться под влиянием своей «болезненной страсти» (как называл ее чувство к Гервегу Герцен).

4 января, вечером, под впечатлением одного из разговоров с Герценом, Наталья Александровна написала Гервегу, не выходившему из своих комнат, письмо, в котором сообщила о намерении покончить с собой.

«Твоя любовь так сильна, мой Георг, что я даю тебе поручения — вот одно из них: отдай привести в порядок этот пистолет и закажи несколько пуль,— много их не надобно — сделай это завтра утром, до того, как я с тобой увижусь; на этот раз прошу тебя не откладывать исполнение моего поручения. Ты знаешь, как любит тебя твоя Натали, ты знаешь, *что она готова ко всему*, однако у нее, быть может, не хватит сил... Мысль о том, что я разбиваю жизнь Александра, уничтожает меня, и я хочу довершить действие этой мысли. Ты скажешь, что это разобьет твою жизнь — нет, это не так— ибо ты знаешь, *что люблю я — тебя*»[55] (лл. 839—842).

Гервег не выполнил этой просьбы Натальи Александровны. Когда же через несколько дней, уже переехав в Геную, он потребовал, чтоб она, бросив семью, присоединилась к нему или же привела в исполнение свой план самоубийства, Наталья Александровна ответила ему следующим письмом:

«У меня нет желания перечесть свое письмо к тебе, написанное несколько дней тому назад, у меня нет желания перечесть твое. Я хочу сосредоточиться во всей своей внутренней чистоте, чтобы выразить тебе благодарность за ту полноту существования, которую ты подарил мне, полноту, в которой заключалось такое мученье и такое блаженство. Георг! Благодарю тебя за всё! И еще мне хочется исповедаться перед тобой, показаться тебе еще раз такой, какова я на самом деле. Да, послушай, Георг, никогда не могла я составить себе ясного представления о жизни с тобой без Александра, без моих детей, я даже никогда не пыталась этого сделать, это было для меня невозможно; но когда я увидела, что ты становишься все более и более грустным и недовольным, мне захотелось сделать все для тебя, не размышляя; я была готова ко всему, считая каждую свою минуту последней,— ибо для меня оторваться от Александра равносильно тому, что вырвать растение из почвы, где оно провело жизнь, где пустило корни, где развивалось в течение 25 лет; покинуть детей — и об этом я также более не могла и подумать; однако, в конце концов, видя тебя почти в отчаянии, я сказала тебе, что готова на всё, и в то же время просила тебя отдать в починку пистолет,— то была не шутка. Почему же ты не исполнил этого? Я не страдала бы более, ты же был бы удовлетворен.... Я в состоянии была убить себя тогда... Теперь же рука моя не подымается, для себя я ничего не хочу, я смотрю на себя как на собственное надгробие, однако я не в состоянии покинуть Александра в таком положении.. Я не могу! Ты можешь убить меня, сделай это, если у тебя есть хоть малейшее желание, говорю это искренне... И не беспокойся, верь, что до тех пор пока я жива, я с достоинством буду

носить тебя в душе. Будь уверен... Однако к чему уверения, если ты не всегда чувствуешь меня близ себя... О, Георг, Георг, Георг, Георг!

Я хотела спасти всех... своей гибелью, если это необходимо, все спасти и *очистить* — для этого я готова еще умереть и жить...» (лл. 843—844).

Переписка Натальи Александровны с Гервегом велась в эти дни чрезвычайно интенсивно.

«Natalie подумала,— писал впоследствии Герцен Э. Гаугу, — что не следует доводить его ⟨Гервега⟩ до отчаяния, и просила у меня разрешения ему иногда писать. Я сказал, что держусь совершенно противоположного мнения, но пусть она делает, как хочет. Эта переписка, которая проходила через мои руки, привела ко всем последующим ужасным последствиям. N⟨atalie⟩ обещала ему свидание через год под тем условием, что он не будет злоупотреблять правом переписки; это только увеличило его эпистолярную невоздержность» (VII, 38).

Судя по характеру этой переписки, не все письма Наталии Александровны проходили через руки Герцена; система «параллельных» писем, несомненно, продолжалась и теперь.

«Горе Александра разбило меня...— писала Наталья Александровна Гервегу в феврале 1851 г.,— и я возвращусь к жизни лишь с его воскрешением.— Совсем разбита! И немало еще иных причин бросает меня в ад смятения, в хаос ⟨...⟩

Я прочла то, что Александр написал на *твоем* письме, возвращая его *тебе*[56],— там не было ни унижения, ни оскорбления для тебя,— то был крик смертельно раненного, умоляющего не терзать более его рану, вот и всё. Если ты говоришь о его письме к Эмме, то оно явилось лишь ответом на письмо Эммы к нему, которое могу прислать тебе, если хочешь[57]. Он не мог унизить тебя в том стесненном положении, в котором ты теперь находишься, *зная*, что тебе никогда не бывало известно ни сколько Эмма расходует, ни как она добывает средства. Если он напоминает ей о том, что она мало *тебя* щадила, то это потому, что он был возмущен, выведен из себя во время своего пребывания у нее в Париже и в течение всего последующего времени; именно перед ним, самым близким твоим другом, она выставляла напоказ свое величие и твое ничтожество; *он видел, что она делала то же и перед посторонними*, притворяясь перед тобой робкой и покорной рабой, и он не в состоянии был уважать ее более, он выносил ее только из-за тебя. Она сама заставила его вспомнить это, предложив ему следовать своему примеру!..».

«Ты еще мне говоришь об Эмме, мне! ⟨...⟩ — возмущенно восклицала Наталья Александровна.— Вспомни, как я была против того, чтобы доверить Эмме наш секрет, я смотрела на это как на величайшую профанацию; я знала, что она временами бывает способна на благородные порывы, и я видела, как она смешивает с грязью все, что было для меня самого священного,— вот почему я избегала, насколько могла, говорить с ней об этом. Она даже никогда не поймет, каким унижениям меня подвергла, и я нахожу ее злопамятность вполне естественной и на нее не сержусь за это, ты знаешь; однако я не могу видеть в этом великое, прекрасное, истинное — как ты меня уверяешь. Где, когда понимала она нашу любовь? Повторяя мне без конца, что ты всегда был падок на подобные увлечения, что достаточно новой юбки, чтобы вскружить тебе голову?.. советуя мне испробовать совместную жизнь с тобой, чтобы каждому из нас поскорей возвратиться домой?

О, зачем, зачем заставляешь ты меня говорить! „Я у нее отняла всё!“ Но, по правде говоря, разве она владела *тобой*? Еще до поездки в Швейцарию она говорила мне, что чувствует себя скорей твоей сестрой, матерью, чем возлюбленной; она мне написала это в первом же своем письме в Женеву, прибавляя, что твои друзья всегда в состоянии оказывать большое влияние на твою любовь к ней... Она просила меня сжечь эти письма, однако я не хочу, чтобы ты был одурачен и одурачивал меня. „Мы ее пригвоздили к кресту...“— если б ты любил ее хоть один день так, как я люблю Александра 25 лет,— ты не обращался бы с нею так дурно, как ты это делал,— и часто совершенно напрасно,— я же была лишь заступницей ее перед тобой. „Она проявила героическое *самоотречение*, она *принесла* себя в жертву!“ Георг! Георг! Что же ты делаешь? К кому ты обращаешься? Что и кому говоришь ты? Но есть ли на земле хоть один

человек, которому она не рассказала бы, которому не дала бы почувствовать, что *происходит* между нами и какой несчастной женой мужа-эгоиста она была...

Как могла она поверить в великую реальность, когда незадолго до нашей разлуки она рассказала мне, что на ее вопрос — оставил ли бы ты ее близ себя или нет, если б умер Александр, ты ответил ей, что не решил еще для себя этого вопроса! — Я не просила ее благословения, и когда же она *тебя* благословила? *Защищая* ли тебя в последний момент перед Александром, когда она заявила, что ты все время желал сообщить обо всем Александру, но что я препятствовала этому; а ты, ты знаешь, что было совсем обратное, ты хотел, чтобы все видели, но чтоб он один ничего не знал. Или же она благословляла нас, когда писала мне и писала Александру в своих *последних* письмах, что повинен во всем происшедшем только мой эгоизм, что я искусственно вызвала твою любовь*— она ли вводит тебя в обман или в обман вводишь меня ты? Благодарю вас обоих за это последнее обвинение! Вот каким образом вы отдаете мне должное! Да, да, это я искусственно вызвала твою любовь! Это моя любовь искусственно вызвала твою... Но разве я сделала бы все то, что я сделала для чувства, которое не проявило бы инициативы!..

Итак, тебе нет нужды оправдываться ни передо мной, ни перед кем бы то ни было, тебе нет нужды искать себе защитников — *защищу тебя я*.

Еще ты говоришь мне, о Георг, что „следовало бы избежать этого столкновения — даже путем нашей смерти", что я „могла бы спасти дружбу Александра, спасти Эмму", что я „могла бы вступить в борьбу против меня и себя...". О, да, я могла бы сделать и это, если бы ты говорил о том в своих письмах из Цюриха,—но нет, ты говорил, что *не в состоянии* бороться, что ты покинешь жену, и детей, и всё, что ты погибнешь, что... да, что из жалости к Эмме я должна писать тебе, должна позволить тебе приехать — что это единственное средство спасти ее, спасти всё, что ты ничего не будешь просить, что ты будешь доволен всем, и после того — вспомни нашу переписку, твои постоянные упреки, твои постоянные угрозы...

Это не упрек мой тебе, а я хочу показать тебе, что мне ничего не надобно объяснять и что я знаю все и все беру на себя; мне следовало бы всего избегать, а я этого не сделала,— и *в том моя вина!* Что я была слишком великодушна, а ты слишком эгоистичен и тщеславен — это правда, — да, потому что часто ты требовал от меня огромных жертв только для того, чтобы похвастаться перед другими, ты сам это мне много раз говорил, а я делала, делала всё — это *я виновата*, а не ты, нет! Никогда, никогда я не расскажу никому обо всем этом. А ты по-прежнему эгоист, я один лишь раз почувствовала *чистоту* твоей любви — это в минуту, когда ты хотел уехать один, но затем ты подпал под сильное влияние Эммы; в *твоих* письмах я не вижу почти ничего, кроме *ее* самолюбия... Я пишу все это уже не только своей кровью, мои слова — это куски моей живой плоти... О! Но никогда ни одна жалоба не вырывалась из уст моих! Ты знаешь, что все сказанное мною — *правда, я знаю*, что *тебе это известно*, и этого для меня довольно.

Никакая прекрасная действительность для меня невозможна, я принимаю лишь страдание или смерть, и к тому же я сохраню свою боль для себя; никогда не бывает у меня потребности показать что-либо другим — это противоположно тому, чем ты восхищаешься в Эмме,— и это всегда было так, и я перестала бы быть собой, если б это могло измениться.

Я не избегаю наших милых знаков и не по причинам, воображаемым тобою,— нет — потому, что они мне дороги. Вскоре ты вырежешь их, быть может, на... Я готова ко всему, не бойся, не щади меня, я жила.

Если ты еще боишься, покажи *все* мои письма кому вздумаешь; я тоже буду говорить только о своей вине».

В ответ на вопрос Гервега, приедет ли она к нему и разделит ли его страдания, Наталья Александровна отвечала: «Я питаюсь только страданьем, я — воплощение

* Мне было стыдно, я краснела за тебя перед Александром, я же, я скорее отрезала бы себе язык, чем сказала что-нибудь другим... и *ты* можешь жаловаться, защищать себя подобным образом, допускать, чтобы тебя защищали... О, мне стыдно за тебя! — *Примеч. Н. А. Герцен.*

самого страданья. Когда я смогу стать чем-нибудь иным, делать что-нибудь иное,— я напишу тебе. Я всегда буду подавать тебе признаки жизни. Ты будешь подавать их мне от себя. Ты получишь мой портрет. У меня нет другого ответа ни на что, кроме страданья, кроме воплей, воплей — одни стоны, стоны, стоны!..»— Последние четыре слова Наталья Александровна написала по-русски, прибавив затем крупными буквами по-французски: «Я ЖИЛА» (лл. 848, 853—859 и 871).

Через несколько дней, 18 февраля, по-видимому в ответ на новые требования Гервега убить себя, Наталья Александровна писала ему в письме, которое, вероятно, прочтено было Герценом:

«Я хотела спасти *всё*, и спасти *во всей чистоте*, ты помешал мне, ты мешаешь мне: смерть не поможет; это значит — предать все, смерть теперь — это преступление из преступлений! Я не могу больше жить *своей жизнью*, жить для себя, но я не могу лишить детей матери, я не могу оставить все так, как теперь, я не могу искать смерти до того как вновь обрету себя, до того как обрету тебя, до того как луч надежды —увидеть все в чистейшей гармонии, и показать ее такой — не угаснет навсегда.

Сегодня 18 февраля, полдень — *через год* МЫ УВИДИМСЯ ⟨...⟩

Георг! Я впервые вздохнула свободно! Что это значит? *До свидания через год!* Прощай до тех пор пока не напишу тебе...» (лл. 860—861).

Вскоре после отъезда Гервегов из Ниццы Эмма обратилась с письмом к Наталье Александровне, настоятельно требуя бросить все и немедленно приехать к Гервегу. С ожесточением упрекала она Наталью Александровну за «сентиментальный дилетантизм», за неискренность, за то, что под предлогом жалости к мужу она пожертвовала всеми и привела всех к катастрофе, поставив Гервега на грань самоубийства. «А теперь я еще раз обращаюсь с требованием к тебе. Георгу надобно дать счастье, пусть даже в ущерб моему собственному. Я повторяю тебе снова: только любовью можешь ты заплатить свой жизненный долг, только сделав его счастливым ты можешь заплатить мне долг, гораздо больший, чем денежный. Если ты можешь снова сделать его таким, каким ты его у меня взяла... да, да... Но, увы, это невозможно!» (см. E. Carr. Цит. изд., стр. 108).

После этого Гервег послал Герцену пространное письмо в свою защиту. Герцен, не распечатав письма, отправил его обратно. Тогда Эмма еще раз написала Герцену, обрушиваясь с резкими нападками на Наталью Александровну, которую обвиняла во всем происшедшем.

Ответил ли Герцен на это письмо, явно инспирированное Гервегом,— неизвестно.

Между тем, глубоко уязвленное самолюбие Гервега толкало его на новые и новые безумства. Он не переставал засыпать Наталью Александровну письмами, в которых, как писал потом Герцен, содержались «угрозы скандалами, убийствами» и пр.

В одном из своих ответных писем Наталья Александровна возмущенно восклицала:

«Ты рассуждаешь, ты размышляешь, ты взвешиваешь, ты судишь, как третье лицо, как судья! Ты упрекаешь меня моей прошедшей любовью... Ты прав, я любила слишком сильно!

Меня распинают на двух крестах... Я заслужила это, я любила сверх меры!

И теперь еще все мое существо состоит из одного только сердца, разорванного надвое, пригвожденного к двум крестам...— кровоточащего, изливающего потоки крови,— но ни кровь, ни любовь, которые, в сущности, нераздельны, никогда не иссякнут, никогда не прекратят усилий обеих половинок сердца слиться в единое целое; мое существование — не более как этот трепет, лишь благодаря ему я не умерла еще; и только когда мое сердце приобретет единство — я снова приду в себя; только тогда я буду в силах увидеться с тобой; ранее того — я неспособна ни к чему, ни к чему. Александр не препятствует мне — это я сама ничего не могу сделать».

«Если ты так спешишь найти выход или, вернее, конец,— писала Наталья Александровна,— убей меня! И пусть меня похоронят в двух могилах: предупреди меня, я напишу свое завещание. Убив меня, ты только лишишь моих детей верной собаки, остальные же ничего со мною не потеряют: я совершенно разбита.

Зачем же тебе, в таком случае, мой портрет?

Но ты получишь и его — первый же портрет, который окажется не карикатурой» (лл. 853—854).

Глубоко трагическое впечатление производят письма Натальи Александровны, в которых она описывает нравственную пытку, выносившуюся в это время Герценом.

«Все, что было живого, беззаботного, детского в Александре,— писала она,— я все, словно кожу, содрала с него, и вот он передо мной, весь окровавленный, живая рана... Боюсь, чтоб не коснулось его мое дыхание — ибо чувствую, как он страдает... Да не коснется его мое дыхание... и малейшее, что ему может напомнить... О, я словно лью ему яд на раны.

Георг! Я должна искупить эту утрату — ты не знал, а я боялась узнать, что в нем таится такая преданность, такая страстность. О! Твое сердце разорвалось бы, если б ты знал всё. И я сделала это, Георг, я сделала это; ты, быть может, знаешь, я же не знаю — каким образом, знаю только причину.

Если бы я его любила меньше, все было бы менее ужасно, если б у меня не было предчувствия, если б я не угадывала его страданий, этих страданий... о Георг!

Я рассказала бы ему тотчас же...

Но могла ли я тебя не любить?..

Я не умру до того, как покажу во всей чистоте, во всей святости эту любовь.

Я буду писать, если слов не хватит для того, чтобы засвидетельствовать это миру; что же касается Александра — я сделаю, я отдам все за каплю облегчения. О, такая великая любовь могла таиться лишь в безгранично преданном сердце.

Я не могу, я не хочу быть счастливой, я благословляю тот ад, в который ввергнет меня эта любовь и где я смогу черпать облегчение для всего, что люблю.

Ты говоришь мне: „Будь счастлива“ — ты знаешь, что счастлива я никогда не буду; я живу лишь для того, чтобы принести облегчение тем, кого люблю, а если я не смогу ничего более сделать, то буду кричать, что люблю,— и это должно облегчить безымянную жертву, ибо любовь моя безымянна...

Ты будешь получать от меня известия, где б я ни была. Однако я не могу писать часто!..

Ты говоришь, Георг, что мы не хотели причинять зла, о, конечно, мы не хотели этого! Нет! Нет! Но зло мы причинили!» (лл. 827—829).

«Я вижу, что ты *все еще* хочешь убить Александра или отправить его на каторгу, заставив его убить тебя, как ты требуешь.— Почему? Что он сделал тебе, этот друг, которого ты так любил и которого судьба захотела сделать из-за нас столь несчастным? Что же превратило твою любовь к нему в ненависть? Чем заслужил он это от тебя?.. Он высказал свое горе лишь в тех словах, которые надписал на твоем письме,— он их еще и теперь повторяет, *он знает правду* — и не хочет ничего более знать, он просил, он просит также дать ему время, я не обещаю тебе уговорить его прочесть хоть одно твое письмо, признаюсь тебе в этом откровенно. Конечно, *заставить человека* убить другого — легко, но я не понимаю, *зачем это*? Желание ли это умереть от отчаяния, от горя — тогда для чего же отправлять на каторгу *невинного* человека, которого мы так любили два месяца тому назад, которого мы сделали несчастным и который нам ничем не повредил, который не мстит, не хочет мстить, — чтобы показать ему свою любовь—есть тысяча способов помимо этого, я не понимаю этой твоей потребности. Досада, мщение — и больше ничего... И все это из любви ко мне, к детям, которых ты обожаешь... О, Георг, Георг...

И потом эта мелочность — это нас ты называешь *„богачами“*? Мне нечего возразить на это...» (лл. 866—870).

Полное примирение Герцена с женой выводило Гервега из себя. Он не переставал требовать, чтобы Наталья Александровна приехала к нему, бросив семью, или же покончила самоубийством. Он без конца упрекал ее за предпочтение, оказываемое Герцену, жаловался на одиночество, безденежье [58], а затем с яростью повторял сплетни и всякого рода измышления, невольно открывая перед Натальей Александровной главные недостатки своего характера,— болезненное самолюбие и ни с чем не сравнимый эгоизм.

«Где *ты, мой* Георг? Тебя нет более! — взывала она в письме 23 февраля 1851 г.— Тебя, быть может, никогда и не было!.. Не знаю ничего... Ты тень некогда бывшего, сон, если этого никогда не было! ⟨...⟩ Будь же мне другом хоть на мгновение, моим добрым другом ⟨...⟩

Я кричала тебе, но и без слов моих ты еще ранее видел, знал (а если ты не знал — не каменный ли ты? Ты не знал меня тогда, ты не любил меня тогда?), что я люблю тебя, люблю, но не в силах покинуть Александра и детей, что я не в силах убить его и начать новую жизнь с тобой на его могиле, — ты знал это, но кричал мне непрестанно: „Убей его! приди жить со мной или умереть со мной". — Жить и умереть — для меня одно и то же, ты знаешь это, но убить Александра, покинуть детей, Георг, *я не могла!* Ты должен был знать это *лучше меня* и не требовать от меня этого! Георг!!!

Наконец сердце мое было разорвано на тысячи и тысячи частей — я потеряла голову, мне надобно было время, спокойствие, одиночество, *молчание* — вот почему я просила тебя не писать мне *до того, как я попрошу тебя об этом* (каждое из твоих писем все более отдаляет меня от тебя, скрывает тебя, похищает тебя у меня). Я не предала тебя, я ничего не отрицала, я осталась *правдивой*, но была взволнована, разбита, слаба, больна, я перестала видеть отчетливо, я потеряла доверие к себе, мне захотелось найти себя вновь, я искала себя... Я хотела узнать и *тебя*, Георг, ибо я совсем не узнавала тебя, совсем, совсем, совсем!..

От тебя мне осталась лишь одна нить — твой эгоизм, все более и более возраставший и наконец оборотившийся каким-то змеем, пытающимся удушить меня, Александра, моих детей... Бред, бред! Безумие! Горячка!

Но я откровенна с тобой, я всегда была откровенна! *Всегда*! ⟨...⟩

Я была одинока — одинока — одинока — я собиралась уехать в Россию, мне нужно было повидаться с Натали[59], единственным существом, с которым я могла бы поговорить, которое поняло бы — *мне кажется*, что она поняла бы все в истинном виде, во всей чистоте,— мне надобно было *рассказать все*, ибо я не хочу умереть, не *рассказав*, я была уже готова, Александр искренне мне помогал в этом, но материальные препятствия остановили меня, я жду писем от Натали — быть может, она приедет сама... быть может, они приедут... быть может, я и сама еще отправлюсь туда.

Вот, Георг, всё, всё, у меня нет от тебя тайн — к чему эти тайны?.. у меня нет ни малейшего интереса к *собственным* делам — Натали больше не существует... Скажи мне откровенно, действительно ли необходимо для твоей семьи, чтобы мы покинули Ниццу, — и когда?..И ты считаешь, что я „неискренна с тобой?" — У меня есть деньги, которые мне не нужны — не могут ли они пригодиться твоей семье?— Быть может, ты отвергнешь их с презрением — сделай это, если не можешь поступить иначе, и я иначе поступить не могла — так прости же мне эту смелость! Прости во имя прошедшего ⟨...⟩ Я больна, не знаю, долго ли все это продлится и чем кончится...» (лл. 866 — 867, 870 — 872).

Новые и новые проклятья и угрозы Гервега приводили Наталью Александровну, и без того находившуюся в состоянии непрекращающегося нервного напряжения, в полное смятение. «Нет, нет и тени любви! Признайся! — писала она Гервегу.—Все твое поведение в последнее время было низко, недостойно,чудовищно, это не любовь... О, нет. Ужас! Ужас! У меня в душе оставался только ужас...

Не знаю, что и сказать тебе об этом...

Скажу — убей, убей всех, прикончи, я словно в бреду, ты заставляешь меня собственноручно разрывать на части сердце Александра, ты хочешь, чтоб я отдала своих детей госпоже Гааг и Шпильману... чтоб я умерла, не увидя близ них человеческого существа... О!.. о!.. Лучше мне умереть, *не приходя в сознание*... Исполни же это! *раз я ни в чем не могу тебе противостоять*... Умоляю лишь об одном: дай мне минуту, чтобы разобраться во всем... Мне трудно добиться ее, мне надобно много, долго работать для этого, может быть ты не согласишься предоставить мне более года — через год мы увидимся, — не знаю, для чего... чтобы заставить меня убить Александра или же...

Быть может, это явится казнью для всех троих?.. Из нас не может погибнуть один — он увлечет за собою всех. Однако пусть *я узнаю*, по крайней мере, *отчего мы*

гибнем, да, я обещаю, что мы встретимся через год,— ты приедешь туда, где я буду находиться,— не знаю еще, где я буду, ибо приходится покидать Ниццу, я поищу место, где детям будет лучше ⟨...⟩

А мой Георг знает ведь, что такое мечта и действительность, он знает также, что бывают мечты, более действительные, чем сама действительность, он знает, что такое близость двух существ, даже если они разъединены — и ему приходилось мечтать и давать столько обещаний?.. Я его ни в чем не упрекаю, я знаю, что воля намного опережает силу; но теперь, когда он знает, что я нахожусь в таком состоянии... когда от него зависит постоянно ли казнить меня (во мне самой), подобно убийце, или же пролить каплю свежей воды на мой воспаленный язык в этом аду... если он любит меня, он подаст мне эту каплю, он мне ее подаст, пока я не приду в себя, пока я не...

Ах, но если я обращаюсь к тому эгоизму, который иногда ужасал меня и сделался колоссальным (я слишком справедливо сужу, чтобы называть эгоизмом желание обладать тем, что мы любим),—но если я обращаюсь к эгоизму, который не видит препятствия к этому обладанию, даже в том случае, если оно будет достигнуто *на пепле всех человеческих чувств, на пепле материнской любви*, на пепле любви, дружбы, привязанности (пусть называют это, как хотят!) двадцатипятилетней давности, целой жизни — к обладанию пеплом того, что он любит, если не может обладать живым...

Ужас! Ужас! Ужас!..» (лл. 874—876).

В ответ на новые циничные упреки Гервега, Наталья Александровна писала ему в это время:

«О! ты вовлекаешь меня в сферу, в которую я *никогда* не спускалась... Я задыхаюсь... *Ты ли* это? Если ты считаешь себя ответственным за то, что делает и говорит Эмма, ты вправе принимать на свой счет все, что адресовано ей.

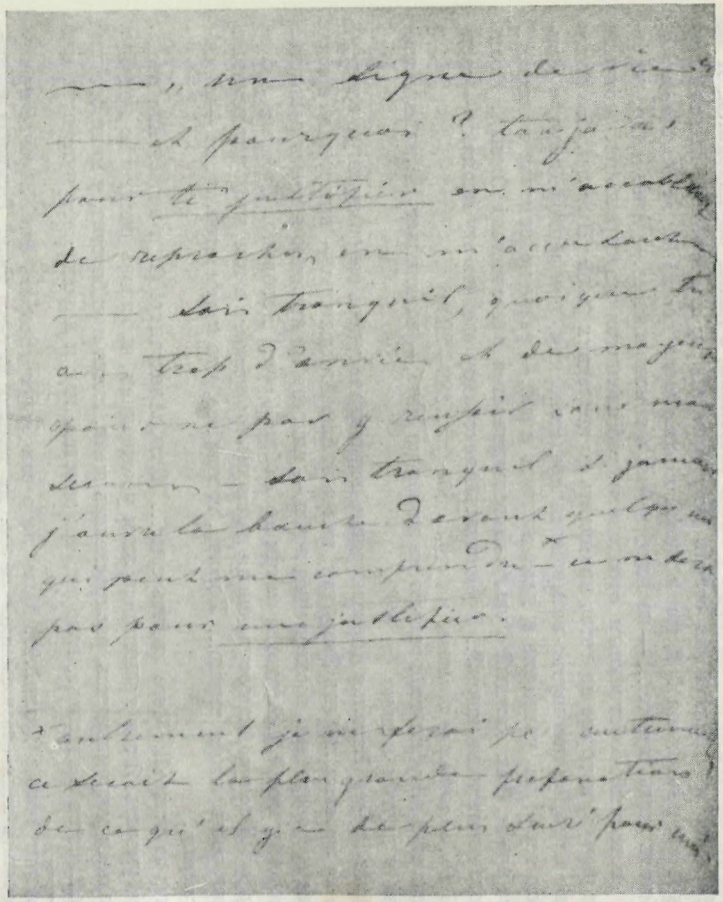
Я беру на себя ответственность за действия Александра, он никогда и никому не вымолвил и слова о *деньгах*; *никогда* не сказал *ничего* такого, что могло бы тебя *запятнать, как ты говоришь*, однако я не считаю себя ответственной за все сплетни разных кумушек и за все грязные предположения, высказанные самой Эммой. Однако я кончаю, я кончаю, не заставляй меня говорить, о, на коленях тебя умоляю! Никогда я так не унижалась! Георг! Сжалься! Не заставляй меня говорить!..

А *ты*? *Ты требуешь*, чтоб я высказала *всю правду* в ответ на все эти сплетни, на все эти грязные предположения, которые только могут быть высказаны. (Никто не посмел *мне* ничего сказать.) *Ты знаешь*, что моя репутация для меня ничего не значит, однако *эта любовь*!!!!!!!

Так это *ты* требуешь, чтобы я привязала Александра к позорному столбу, дабы помешать *повторению* того, что рассказывала сама Эмма, или чтобы помешать думать, что мы расстались по какой-либо другой причине...

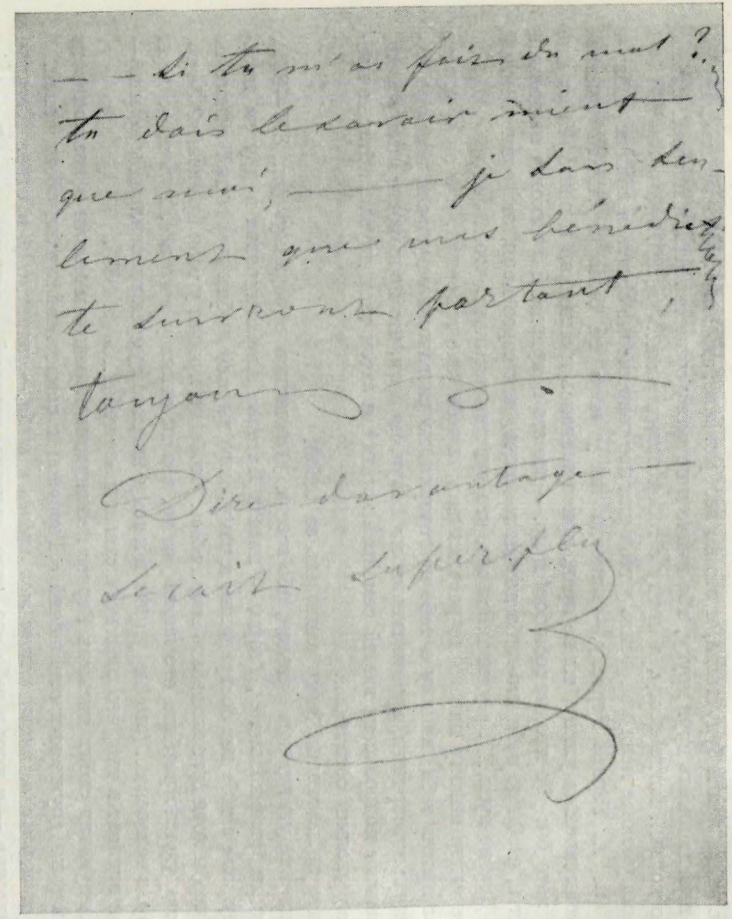
И мой Георг требует этого? Так сделай же это» (лл. 872а —873).

«Я отвечу сначала на второе письмо, потом, быть может, на первое...— писала Наталья Александровна Гервегу в ответ на его новые инсинуации.— Да... Отвечать... но кому?.. Если б я писала тому Георгу, в которого верила, которого любила, я сказала бы ему: „*Мой Георг, я люблю тебя*". Но *ты знаешь*, как я люблю Александра, ты знаешь, что я всегда желала скорей умереть, чем причинить ему огорчение,— *я была вынуждена*, не знаю кем или чем, причинить ему боль... Моей слабостью, быть может... Просто сломить его, сломить... и теперь я не могу предупредить его гибель моей смертью — я хочу употребить свою жизнь на его излечение, *я хочу избежать всего, что может его убить,— я не могу поступить иначе*! И затем, вместо того, чтобы идти в монастырь, я спасаюсь в своих детях, я буду их служанкой, их псом, не больше,— ничем иным я не могу быть в этом мире!.. И ты — *остаешься собою*! а я — *твоя Натали*. Как бы далеко ты ни был — ты всегда здесь, со мной, во мне, ты меня никогда не покинешь, пиши мне редко, каждое из твоих писем — новый удар кинжалом в сердце Александра, который почти расщеплен надвое — как мало надобно, чтоб его растерзать совсем; твои письма убивают его... Он находится физически в таком состоянии, что я ежеминутно трепещу, и *ты знаешь*, что после его смерти *твоя* Натали не будет больше твоей, нет, убийца, не знающий пощады, действующий сознательно...



— si, une ligne de vie?
— et pourquoi? tu ne t'es
pas pour te justifier en m'accablant
de reproches en m'accusant
— sois tranquille, quoique tu
ai trop d'amitié et de magnan-
imité pour ne pas y croire, mais
— sois tranquille et jamais
je aurai le haut devant quelque
qui peut me comprendre — un mot
pas pour me justifier.

Vraiment je ne ferai pas autrement
et tenir le plan grande perspective
de ce qu'est y — de peur sur pour



— si tu m'as pris du mal?
tu dois le savoir mieux
que moi, — je dois seu-
lement que mes bénédic-
tes te suivront partout,
toujours.

Dire davantage
serait superflu

АВТОГРАФ ПОСЛЕДНЕГО ПИСЬМА Н. А. ГЕРЦЕН К ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ, 26 АПРЕЛЯ 1852 г.

Британский музей, Лондон

О! Я не знаю, чем я буду тогда, и это не воображение, это *действительность*. Но мы станем иногда писать друг другу, ибо иначе я не смогу существовать, и потом... потом, не знаю когда... когда смогу, я приду с тобой повидаться...» (л. 877б).

«Эмма умоляла меня выпросить у тебя для нее разрешение остаться вблизи тебя,— писала Н. А. Герцен Гервегу,— никогда ни у кого не было и мысли выставлять твоих детей на улицу, ты не прав, прислушиваясь к сплетням и повторяя их мне потом, хотя бы: „Да хранит тебя бог" и пр.— все это неправда. Ты никогда не должен допускать, чтобы до тебя что-либо доходило иначе, как через меня, это единственный путь... Другие пути... Не удивляйся же, что чувство иссякает, что... ⟨...⟩

Александр никому ничего не рассказывал, я тебе уже говорила, что он и рта не раскрыл против тебя, никому о тебе не говорил, но разговоры ведутся и, конечно, будут вестись; иностранцы, приезжающие из Генуи, не зная, что происходит между нами, рассказывают подробности вашей семейной жизни*, и затем твои друзья, которые приходят со своими советами...

Никто не заставлял Эмму следовать за тобой.

Никого не удивит ваш разъезд, ибо всегда удивлялись обратному» (лл. 877—881).

«Что касается кольца [60], Георг, — писала Наталья Александровна в другом письме,— неужели в тебе нет сострадания к тому, кого ты *так* любил и который ничего не сделал, чтобы хотя бы поколебать *эту любовь*. Чтобы он просил у тебя прощения? За то, что мы так ужасно разбили его жизнь, за то, что ты отнял у него все, вплоть до веры в дружбу, в человека... (это не упрек, и к тому же такой упрек относился бы ко мне)— но он, он виноват в том, что стал несчастным из-за тебя?...» (л. 885).

В следующих своих письмах Гервег неожиданно перешел к мысли о возможности возобновления дружеских отношений с Герценом и совместной жизни обеих семей.

«Я *сама уже не знаю, какова моя любовь к тебе*,— пишет ему в ответ Наталья Александровна,— я ищу в тебе его, того, другого, который... словом, *моего Георга* — и не нахожу его, я вижу всегда вас двоих, тебя и *его — но если бы я его и нашла, то не смогла бы* покинуть Александра в таком состоянии, в каком он находится. Я не смогла бы ни покинуть детей, ни отнять их у Александра; жить вместе при том, как все сложилось, невозможно! И еще с Эммой *я никогда не смогла бы жить вместе*» [61]. «Попробовать жить вместе!... — восклицает она в том же письме.— Александр, истерзанный, снедаемый собственным страданием, собственными подозрениями, которым не хотел верить, которые не хотел проявлять до последних дней. Пытаясь все время бороться с ними, он поминутно возмущался предательским поведением Эммы, с каждым часом терял он уважение и даже жалость к ней,— разве не замечал ты этого?.. Видя все время, как каждый с улыбкой осведомляется о несчастьях Эммы... После всего этого совместная жизнь?.. Предложить Александру сделать эту попытку — словно Эмме? *Он испытал ее также, на свой лад*» (лл. 889—890).

«Александр не убил тебя только из любви ко мне»,— восклицает Наталья Александровна в другом письме (л. 876).

К Эмме Гервег Наталья Александровна испытывает теперь непримиримую вражду.

«*Ты не можешь* любить Эмму так, как я люблю Александра,— пишет она Гервегу в ответ на его очередные восхваления жены,— никогда не признаю я *этого* равенства между тобою и мной! Ты никогда ее так не любил! Георг! Довольно! *Довольно разыгрывать роли*! *Я говорю*, как осужденная на смерть и *уверенная* в том, что буду казнена. Ты же говоришь, что я играю... Хорошо, говори все, что вздумается, *я же — готовлюсь к смерти*.

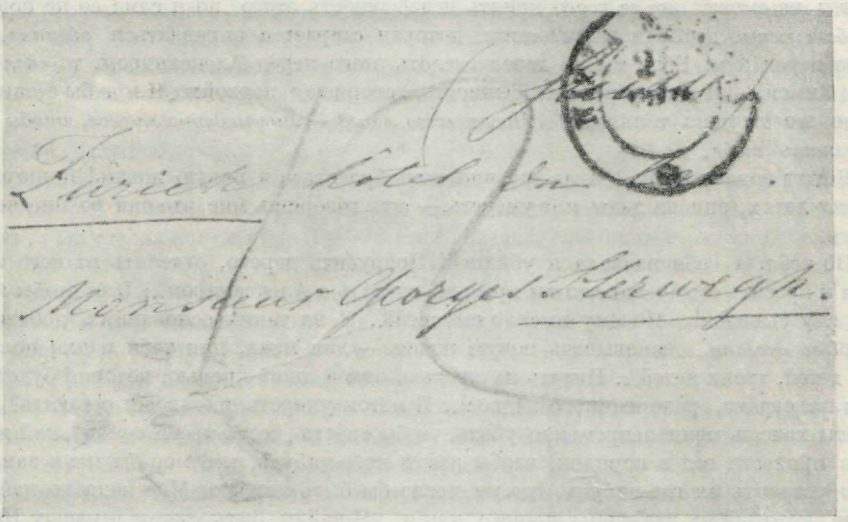
О, что за жизнь!!! Чего ждать еще?... И ты, Александр! О, я недостойна вас... я должна умереть. Я так прониклась этим убеждением, что вновь расцветаю подобно цветку, у меня разрумянились, раскраснелись щеки, глаза мои блестят, у меня больше не осведомляются о здоровье, говорят, что заметно, как я хорошо себя чувствую, что

* Говорят даже о дуэли...??? Мало ли о чем будут говорить еще! Заранее прошу тебя не считать меня ответственной за это. Не только до г-жи Гааг, Головина и *других* друзей, — Эмма дойдет и до слуг, она это делала всегда, а они пересказывают затем наиболее сокровенные *секреты* барыни. Ах, Георг! как я несчастна, что вынуждена говорить подобным образом... Я презираю себя.— *Примеч. Н. А. Герцен.*

Ницца принесла мне столько пользы... Они правы, внезапно я стала хорошо себя чувствовать, у меня появилось столько сил... что не знаю, куда их употребить,— верхом, галопом... С каким энтузиазмом, с какой живостью ухватилась я за свое решение, ах, дыхание стало таким свободным... Я приведу в движение и тот и этот свет, чтобы исполнить твое желание, чтобы получить свободу и принести тебе в дар мою жизнь...

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

После твоего отъезда, можно было *ежеминутно* опасаться, что Александра хватит удар; отдаленный шум заставлял его вздрагивать, он был в ужасном состоянии. Георг,



КОНВЕРТ ПОСЛЕДНЕГО ПИСЬМА Н. А. ГЕРЦЕН К ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ, 26 АПРЕЛЯ 1852 г.

На конверте надпись неустановленного лица по-французски: «Последнее письмо Н. к Г. Г.»

Британский музей, Лондон

а я была истощена... я была словно в горячке, я не смела пошевельнуться у его постели...

Приезд Гораса[62]... Милый, милый ребенок, как обняла бы я тебя, как прижала бы к своему сердцу!.. Итак, Георг, его приезд — о милый ангельчик! — явился причиной такого припадка — не знаю, как сказать, я была в совершенно бессознательном состоянии и... вслед за тем еще письмо от Эммы. Ах, если б она тогда не вмешалась!..

Нет, я не одобряю Александра, написавшего о деньгах [63], но ты не можешь этим оскорбляться, Георг. Я же не смею становиться между Эммой и Александром... *Поверь мне*! ⟨...⟩

Что же, кто же мешает мне приехать к тебе?.. Никто, ничто!.. Разве Александр не предложил уехать первым? Разве не дал б он нам денег, чтобы мы могли жить спокойно?.. В тот же день, Георг, когда я ему сказала: „Мы любим друг друга", он предложил, чтоб я отпустила его, потому что оставаться вместе было невозможно, ты это понимаешь; мне кажется, что он просил тебя через Эмму предоставить ему три месяца, самое большее, чтобы придти в себя, чтоб убедиться, что это не бред, чтобы понять... Он просил тебя оставить все в покое на три месяца, в наших же общих интересах, чтобы всем придти в себя после подобной грозы... Что же могло внушить тебе тень

недоверия к нему и ко мне? Ничто, кроме твоего недоверия к себе самому; я не могла отпустить его в состоянии такого ошеломления... Должен был уехать ты, ты, из одного только уважения к себе, потом из уважения ко мне, да, Георг, ты должен был понимать, что значит для меня так разбить жизнь Александра, и должен был отступить перед этой горестью, столь законной, столь святой и великой; и потом—из уважения к *своему другу*. Почему же он стал тебе врагом с тех пор, как *я раскрыла ему* все его несчастье?.. ты должен был предупредить мою мольбу об отъезде и должен был сделать это даже *против моей воли*; нет, ты предоставил мне умолять тебя действовать *благородно* — не более того! И помнишь ли ты еще вдобавок свое поведение?.. Это не упреки, Георг, дорогой, дорогой, дорогой! Я ищу тебя, я ищу тебя, тебя! Где мой Георг?..

Нет, никогда, никогда я не пойму, как мог ты говорить Александру через Эмму,— говорить и писать ему и мне, что я должна удовлетворить тебя, потому что это я *вызвала* твою любовь, это я — обещала прекрасную действительность... Не только Александр никогда не сможет после всего понять неизбежность этого, но я сама ее не понимаю. *Неизбежность*, которая защищается, которая старается оправдаться *обвиняя*... Неважно перед кем! Если ты не хотел сделать этого перед Александром, то *сделал это* перед Эммой.— И к тому же, неизбежность, говорящая первой: „Я мог бы остановиться, но это ты меня толкнула". *После всего этого — мне надобно многое, чтобы в тебе распознать тебя.*

Я едва волочу ноги — а ты просишь меня броситься в новую жизнь! Я ищу опору в своих детях, они не дают мне умереть,— а ты говоришь мне, что они во мне не нуждаются.

Не тебя, а себя назвала я убийцей! Подрубить дерево, отделить от него корни, сучья и бросить его — вот что ты просишь сделать с Александром... Или чтобы я оставила ему сыновей!.. Почему именно сыновей?.. И на таких основаниях, добавив *все, что было сказано*... основывать новую жизнь — для меня, для тебя и для половины моих детей, твоих детей... Питать их кровью, одной лишь кровью, которая будет струиться из сердца, разорванного надвое!.. И потом умереть и так их оставить?.. Нет, если ты хочешь меня непременно убить, чтобы спасти „честь твоей семьи", дай же мне время привести все в порядок, чтобы найти кого-нибудь, кто мог бы меня заменить, чтобы устроить их где-нибудь, где им могло бы быть хорошо. Мне надобно найти человека, который их любил бы немного, как я... Я найду, быть может; я увижу Натали, а если она не сможет — у меня есть другие подруги... ах...!

И отказать мне в этом! Отказать мне в том, чтоб я умерла *с миром*, заставить меня умереть, как преступницу, чудовище эгоизма... Чтобы даже в могиле не нашла я покоя, чтобы даже память моя была проклята моими детьми?..

И это мой Георг требует подобной смерти для *своей Натали*» (лл. 892—897).

Решение Гервега прислать в Ниццу Эмму с детьми глубоко возмутило и испугало Наталью Александровну.

«Твое письмо, Георг, Георг, что ты делаешь? — писала она 7 апреля 1851 г.— Дорогой, дорогой! Сжалься же надо мной и еще более — над собой!

Любовь ли, любовь ли это?..

Видишь, как *ты терзаешь меня?* ⟨...⟩ *Не понимаю, почему* ты внезапно стал гнать меня, ты кричишь: „Иди одна, иди, куда глаза глядят, больна ты или здорова, иди, иди, мне надобно быть там, где находишься ты (хорошо еще, что ты понимаешь или чувствуешь невозможность для наших двух семей оставаться теперь вместе), я ничего не слышу, я не желаю слышать причин, которые могут тебя остановить — иди, умри, но иди ⟨...⟩ У тебя есть деньги, следовательно ты можешь покинуть детей, если они даже больны, или увезти их с собой, если ты не можешь их покинуть, что тоже глупость!"

И это любовь, любовь!!!!

Брось деньги [64], возврати их мне, Александру, делай все, что хочешь, поскольку ты хочешь только того, чего хочешь *сам. Если я могу* еще просить о чем-либо, то пусть Эмма подождет моего отъезда прежде чем ехать сюда ⟨...⟩

Полно... Я сделала, Георг, невозможное, я уезжаю к 1 мая [65], город свободен. Ты кричишь теперь: „Оставайся, оставайся!" — Я оторвалась от детей, я отрываюсь от... И ты восклицаешь: „Это глупость! Тем не менее останься!"

Клянусь тебе, что я ничего не понимаю.

Мы покидаем Ниццу. *Не знаю*, куда мы уедем,— мы уедем туда, *куда сможем, чтобы поискать место, подходящее для детей.*

А потом — потом я отдам себя на растерзание псам... Ибо *после всего этого* я не достойна ничего лучшего 〈...〉

Подобно самуму, ты не даешь мне и минуты, чтобы придти в себя,— ты все сокрушаешь в моем мозгу, в моем сердце, в моей жизни, в моей семье...» (лл. 909—914).

Новые упреки Гервега, новые обвинения в том, что Наталья Александровна сама увлекла его, а теперь, сблизившись с мужем, оставила одиноким, беспомощным, под бременем ненависти Герцена, вызывают в Наталье Александровне резкое возмущение. Она открыто заявляет Гервегу, что глубоко обманывалась в нем, что он носил личину. «В моем уединении, начиная с детства и до двадцатилетнего возраста,— писала она Гервегу 12 апреля,— я создала себе *слишком* высокое представление о человеке, я взрастила в себе любовь к идеалу, *быть может* и не существующему. Жизнь дала мне все, что она может дать, но я была к ней неблагодарна; я осталась верна своему представлению, и никакая признательность не заставит меня примириться с чудовищностью, которой нет имени, в которой нет ничего человеческого, *которая ничего во мне не уважала*, которая не уважает и себя!

Я тебя увлекла!..

Ты умом постиг мой идеал больше, нежели кто-либо другой. Ты временами пытался воплотить его... И затем низверг меня так низко, как я никогда, никогда не падала. Никогда... Ты сделал новую попытку — и снова бездна, еще более страшная, чем прежняя...

Я осквернила свою любовь, как только стала сомневаться в твоей.

Если бы в тебе теплился хоть луч преданности или если б все являлось не чем иным, как... Не спешу произнести это слово, пока твои поступки не побудят меня к тому. Продолжай же действовать, совершенно не считаясь со мною».

Далее в этом письме вырезано (по-видимому Гервегом) пять-шесть строк, вероятно особенно резких и оскорбительных, после которых сохранились слова: «... и угрожаемая так часто. И так часто захватываемая врасплох» (лл. 917—918).

На следующее письмо Гервега, полное проклятий и, по-видимому, содержавшее угрозу открыть всем секрет их отношений, Наталья Александровна отвечала (13 апреля):

«Я ничего не в состоянии ответить тебе на эти кощунства...

Следующее письмо будет тебе возвращено 〈...〉

Довольно слов! Они доказывают, что ты — *это не ты.*

Я готова показать себя перед всей вселенной *такой, какая я есть.* Делай, *что хочешь*, я увижу, есть ли в тебе хоть малейшая тень чести» (л. 922).

Переписка, однако, на этом не оборвалась.

«Я жалею тебя, я жалею себя,— писала Наталья Александровна в одном из следующих писем,— и я так больна и несчастна — как нельзя более... Мы, может быть, заслужили это, но *другие?* Которые *так же* страдают? Вина ли в том твоя — или моя — я не знаю... Я знаю только, что больше не в состоянии ни писать тебе, ни читать твои письма.

Ведь было решено — одно письмо каждые две недели как единственное средство спасения для нас всех — ты знаешь, что произошло и куда это нас привело,— я требую этого срока, чтобы спасти себя от горячки и безумия, которые заслужила, я требую его для Александра, который не заслужил этого.— Придти тебе на помощь — я пробовала это тысячу раз, отдаваясь всецело телом и душой, жертвуя честью Александра, желая жить, умереть для тебя... Ты знаешь, что ты из всего этого сделал.

Ты взываешь опять: „Помоги мне", — скажи просто, в чем, как — я искренне тебе отвечу, могу ли это сделать *теперь.*

Не знаю, что заставило вас устроить жизнь подобным образом — если Ницца для вас была необходима, надо было об этом сказать вóвремя и сказать серьезно, а не в виде смутной фантазии 〈...〉

Каждое из моих слов — это поистине я сама. Советую тебе перечесть хоть частично мои письма — с самого начала нашей переписки» (лл. 925—926).

«Георг! — писала Наталья Александровна 18 апреля 1851 г. — Я доказала тебе свою любовь, разбив жизнь Александра, я доказала ему мое чувство, оторвавшись живой от тебя... Это было сделано без участия моей воли — она истощилась в борьбе..

Что будет со мною — не знаю.

Я останусь с детьми до самой смерти...

Я хочу жить, чтобы спасти Александра.

Я хочу жить, чтобы с тобой когда-нибудь встретиться.

Я хочу жить, чтобы любить, любить любить. любить⟨...⟩

Я приеду повидаться с тобой, когда смогу...

Жди меня.

До свидания» (лл. 927—932).

В начале июня 1851 г. Герцен, чтобы несколько отвлечься от своих мучительных переживаний, уехал в Париж, а оттуда в Швейцарию*. В Женеве он встретил Н. И. Сазонова, из разговора с которым выяснил, что Сазонову известна в подробностях от самого Гервега его семейная история, ставшая «европейской сплетней». Сазонов сообщил также Герцену, что, по словам Гервега, Наталья Александровна обещала ему, когда Герцен несколько успокоится, оставить его и уйти к Гервегу.

Утверждение Гервега, как доказывается процитированными письмами, было, в сущности, лживо; Наталья Александровна обещала только встретиться с ним, чтобы «по-человечески проститься» (обещание было дано с согласия Герцена), но обещания оставить мужа она не давала.

В состоянии, близком к помешательству, Герцен написал Наталье Александровне письмо, несшее «следы бешенства, отчаяния и недоверия».

«Лучше мне умереть, — писала ему в ответ Наталья Александровна,— вера твоя разрушена, каждое слово будет теперь вызывать в тебе все прошедшее. Что мне делать и как доказывать? Я плачу и плачу!» (изд. АН, т. X, стр. 279).

Следующими «кротко печальными» письмами Наталья Александровна пыталась уврачевать раны Герцена. Они условились, что съедутся ночью 9 июля в Турине.

Перед отъездом на это свидание, так поэтически воспетое впоследствии Герценом в «Былом и думах», Наталья Александровна 7 июля 1851 г. написала Гервегу следующее письмо, в котором подвела итог всему пережитому и перечувствованному.

«Георг,— писала она,— вот я еще раз появляюсь перед тобою такою именно, какая я есть на самом деле. Я думала, что нашла в тебе воплощение всех моих мечтаний, я была ослеплена этим, перенесена в сферы, которых человеческое воображение едва в состоянии бывает достичь... Нам пришлось расстаться. Исполненная благодарности к тебе и к судьбе за огромное счастье, я не хотела больше возвращаться к нему, видя, что оно не может сочетаться со счастьем Александра. Я хотела продолжать свою жизнь, связанную с его жизнью и жизнью детей. Ты угрожал мне, утверждая, что это будет гибелью для всех нас, и ты обещал нам спасение, гармонию, блаженство в совместной жизни; это обещание легло в основу всего: ты просил у меня позволения быть только собакой в моем доме, видеть меня лишь изредка... Ты говорил, что исчезнешь при первом же диссонансе.— Мне хотелось верить в это, я задыхалась от внутреннего голоса, повторяя тебе всегда: лучше умереть, чем доставить хоть одну мрачную минуту Александру.

Из твоих безумных писем я увидела, как ты продолжаешь разрушать покой Александра, не будучи в состоянии удовлетвориться. Я видела также, что ты не способен на малейшую жертву, что ты любишь только для самого себя... Тогда силы покинули меня, тогда я почувствовала себя готовой ко всему, и именно тогда я попросила тебя поручить привести в порядок пистолет. Зачем оставил ты меня в живых — не понимаю до сих пор... Твой отъезд, поведение твое после отъезда были более чем бесчеловечны; мой идеал был низвергнут, смешан с грязью. Ты пренебрег всем, всем, что есть для меня священного, попрал ногами; все обещания, мольбы — все было отвергнуто,— ты меня уничтожил. Но любовь Александра в то же время развернулась во всем ее величии, во всей преданности — во всей безграничности. А его страдания...

* Незадолго до своего отъезда он получил предписание Сардинского правительства покинуть Ниццу (см. «Лит. наследство», т, 63, 1956, стр. 407).

Он и дети помешали мне принять смерть, которую ты мне предложил, они удерживают меня еще и теперь, и если смерть не придет сама собой, или если ты, Георг, не пришлешь ее, чтоб оторвать меня от семьи,—я не покину семью, я в ней растворена, вне семьи меня нет больше...

Я страдаю от твоих страданий, я страдаю от них тем сильнее, что являюсь их причиною... Но поделать ничего не могу... Такова уж я от природы...

Отомсти, убей меня, если это может тебя облегчить... Если ты можешь,— я же помочь тебе не могу!..

Что же до сплетен, сообщаемых в письмах, никто не посмел произнести в моем присутствии даже единого слова, и мое святилище также не было осквернено, оно не приоткрылось ни для кого... Прошу тебя, перечти лучше *все* мои письма, чем говорить обо мне.— Да снизойдет мир на меня и на тебя!» (лл. 933—935).

Самолюбие Гервега,— писал Герцен, «было уязвлено, молчание для него было тягостнее всякого скандала, возвратившаяся тишина нашей жизни не давала ему покоя. Мещанин, как Орас Ж. Санда, он болтал в отомщение женщине, которую любил, и человеку, которого называл братом и отцом, и — мещанин-немец, он грозился мелодраматическими фразами, сочиненными на псевдошиллеровский лад» (изд. АН, т. X, стр. 285).

Бешеная кампания сплетен, шантажа, угроз, инсинуаций, поднятая супругами Гервегами против Герцена и Натальи Александровны после их окончательного примирения, подробно описана в «Былом и думах». Там же мы находим следующее письмо Натальи Александровны к Гервегу от 18 февраля 1852 г.:

«Ваши преследования и ваше гнусное поведение заставляют меня еще раз повторить, и притом при свидетеле, то, что я уже несколько раз писала вам. Да, мое увлечение было велико, слепо, но ваш характер, вероломный, низко еврейский, ваш необузданный эгоизм открылись во всей безобразной наготе своей во время вашего отъезда и после, в то самое время как достоинство и преданность А⟨лександра⟩ росли с каждым днем. Несчастное увлечение мое послужило только новым пьедесталом, чтоб возвысить мою любовь к нему. Этот пьедестал вы хотели забросать грязью. Но вам ничего не удастся сделать против нашего союза, неразрывного, непотрясаемого теперь больше, чем когда-нибудь. Ваши доносы, ваши клеветы против женщины вселяют А⟨лександру⟩ одно презрение к вам. Вы обесчестили себя этой низостью. Куда делись вечные протестации в вашем религиозном уважении моей воли, вашей любви к детям? Давно ли вы клялись скорее исчезнуть с лица земли, чем нанести минуту горести Алекс⟨андру⟩? Разве я не всегда говорила вам, что я дня не переживу разлуки с ним, что, если б он меня оставил, даже умер бы,— я останусь одна до конца жизни?.. Что касается до моего обещания увидеться когда-нибудь с вами,— действительно, я его сделала — я вас жалела тогда, я хотела по-человечески проститься с вами,—вы сделали невозможным исполнение этого обещания.

С самого отъезда вашего вы начали пытать меня, требуя то такого обещания, то другого. Вы хотели исчезнуть на годы, уехать в Египет [66], лишь бы взять с собою самую слабую надежду. Когда вы увидели, что это вам не удалось, вы предлагали ряд нелепостей, несбыточных, смешных, и кончили тем, что стали грозить *публичностью*, хотели меня поссорить окончательно с Алекс⟨андром⟩, хотели его заставить убить вас, драться с вами, наконец, грозили наделать страшнейших преступлений! Угрозы эти не действовали больше на меня — вы их слишком часто повторяли.

Повторяю вам то, что я писала в последнем письме моем: „Я остаюсь в моей семье, моя семья — Алекс⟨андр⟩ и мои дети", и, если я не могу в ней остаться, как мать, как жена, я останусь, как нянька, как служанка. „Между мной и вами нет моста". Вы мне сделали отвратительным самое прошедшее.— Н. Г.» (там же, стр. 290—291).

Этот исполненный энергии и достоинства документ, содержавший безоговорочное осуждение Гервега, был впоследствии, по желанию Натальи Александровны, публично прочтен Гервегу друзьями Герцена в ~~Генуе~~ Цюрихе.

26 апреля, получив от Гервега новое письмо, полное упреков и самооправданий, Наталья Александровна, тяжело больная и чувствовавшая скорое приближение смерти, написала ему следующую записку, оставшуюся, вероятно, неизвестной Герцену:

«„Признак жизни“ —а зачем?По-прежнему, чтобы *оправдываться*, осыпая меня упреками, обвиняя меня... Будь спокоен, хотя у тебя слишком много желания и средств, чтобы не иметь в этом удачи без моего участия,— будь спокоен: если я когда-нибудь открою рот перед кем-либо, кто мог бы меня понять*,— это будет сделано не для того, чтобы *оправдываться*.

... Причинил ли ты мне зло?.. Ты должен знать это лучше, чем я... Я знаю только, что мои благословения будут следовать за тобою всюду, всегда...

Добавлять к этому что-либо было бы излишне» (лл. 940—940а).

Это были последние слова, обращенные Натальей Александровной к Гервегу[67].

Она умерла через шесть дней, 2 мая 1852 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. письмо Герцена к Прудону от 6 сентября 1852 г. (VII, 136).

[2] Предпринятая Герценом впоследствии (через Орсини) попытка выменять свои письма (и, возможно, письма Натальи Александровны) на адресованную ему корреспонденцию Гервега закончилась неудачей (см. VII, 96—98).

[3] Имя Герцена упоминается в этих письмах к Эмме Гервег (без дат) несколько раз: «Александру также несколько нездоровится» (л. 321); «Александр и Георг обедают вместе в городе» (л. 345). Два упоминания связаны с посещениями (вместе с Герценом) М. Л. Огаревой: «Тата сильно кашляет, она не пойдет ни обедать, ни вечером к г-же Огаревой — Александр там будет и, вероятно, Николай ⟨Сазонов⟩» (л. 341); «Я сама утомлена и грустна: вчера провели мы вечер у маменьки с г-жой Огаревой — у меня всегда сжимается сердце при виде ее — бедняжка! Я не могла удержаться и проплакала весь вечер; она даже не подозревает, какое впечатление производит ее веселье или, вернее, ее безумие — тем лучше, это принесло бы ей еще одну неприятную минуту. Она очень желала бы как-нибудь прийти со мною к вам; скажите, приятно ли это вам будет?» (л. 238а) О сношениях Герценов с М. Л. Огаревой см. выше, в основной публикации.

[4] Вероятно, вскоре после отъезда Герцена написана записка Натальи Александровны к Эмме Гервег, где встречаются следующие строки: «Я прошу Георга отправить сегодня вместе с его письмом и мое. Я получила еще одно письмо от Александра, он шлет вам привет» (л. 325).

[5] Описание первой своей прогулки по Женеве с Герценом и Гервегом, сделанное Натальей Александровной, см. выше, в основной публикации.

[6] Возможно, что речь идет о том Полиграцком, упоминание о котором см. ниже, в письме Н. А. Герцен к Т. А. Астраковой.

[7] По поводу этого же П., принимавшего, как теперь устанавливается, участие в горной экскурсии с Герценами и Гервегом, Наталья Александровна писала Эмме в том же письме:

«Я обещала ему (по его просьбе) никогда никому ничего не говорить о том, что происходило во время его пребывания в Женеве, однако оборотная сторона его письма заставляет меня нарушить это обещание — он вообразил, что Александр и Георг презирают его и насмехаются над ним; мысль эта занимала его в течение всей нашей горной экскурсии, он страдал от нее физически и нравственно, я боялась даже, что он заболеет и совсем сойдет с ума. Я вынуждена была наговорить ему множество вещей, даже весьма жестких, по этому поводу, чтобы заставить его придти в себя; между прочим, я сказала ему, что это происходит из-за его ограниченности —так заблуждаться в этих двух людях! Мне, кажется, удалось убедить его в том,что он не заслуживает ни собственного, ни чьего бы то ни было презрения. Что же касается его любви, я никогда не замечала ее — разве только в его письмах к вам, и в последнее время меньше, чем когда бы то ни было» (л. 356).

[8] Ревнивое чувство к Наталье Александровне Эмма Гервег впервые высказала мужу накануне его отъезда с Натальей Александровной в Женеву — после пикника в Сен Клу.— См. E. Carr. Изд. 1-е, стр. 57.

[9] «Наш проект новых экскурсий,— писала Наталья Александровна Эмме 20 августа,— нарушен, во-первых, прибытием Вилль д'Аврэ, обитательница которого ⟨так Наталья Александровна называет здесь мать Герцена, снимавшую дачу в Вилль д'Аврэ под Парижем⟩ заболела на второй же день по приезде, затем заболеванием Александра II ⟨т. е. Саши Герцена⟩» (лл. 358—359).

[10] Помимо этого знака ∧, Наталья Александровна постоянно употребляла условный знак ×, означавший высшую точку их единения.

[11] В этом же письме Наталья Александровна отмечала, что вместе с радостями

---

* Иначе я бы этого не сделала — иначе это было бы величайшим осквернением того, что остается самым святым для меня.— *Примеч. Н. А. Герцен.*

она переживала и мучительную внутреннюю борьбу и страдания. «Я думала, что *источником этого* было *отсутствие доверия к тебе*» (л. 726).

[12] За несколько дней до их отъезда Наталья Александровна писала Эмме: «Наши мужья скоро отправятся на трех- или четырехдневную экскурсию, я остаюсь с детьми, Саша еще не в состоянии ходить» (л. 342).

[13] Описание этой же экскурсии, сделанное Герценом, см. выше, в основной публикации. В недатированном письме к Т. А. Астраковой Н. А. Герцен также писала об этой экскурсии: «1-го октября мы были на Mont Anvers и в ледниках, в Шамуни. Все эти впечатления новы, а все новое, если оно не неприятно,—приятно потому уже, что ново. Но только ты настрадалась бы, моя Таня, видя меня и Сашу на мулах, едущих на краю пропасти, один неловкий шаг — и вдребезги; но, говорят, никогда не случается этих неловких шагов, так часто путешествуют тут, мулы очень привыкли. Мы ездили туда по проливному дождю. Александр, чтоб сократить сход, катался иногда кубарем по камням вниз, теперь еще тело в огромных синих пятнах» (цитируется по фотокопии с автографа, хранящегося в архиве Колумбийского университета—Нью-Йорк).

[14] *Гиджра* — здесь в смысле «бегство».

[15] Документы Гервега и Герцена были отосланы в Берн для получения визы во французском посольстве. Гервегу, как известно, в визе было отказано.

[16] Вероятно, Наталья Александровна имеет в виду некоторых немецких политических эмигрантов, докучавших им в Париже своими посещениями.

[17] Письма Гервега к Наталье Александровне, за исключением одного письма (см. XIV, 36—37), не сохранились. Надо думать, что она сама их уничтожила. Несколько из известных в печати писем Гервега обращено одновременно к ней и к Герцену.

[18] 21 же декабря была написана следующая записка Натальи Александровны к Гервегу (из Цюриха) на русском и французском языках:

«Что желать, мой милый ученик? Пишите мне скорее, много, я жду письма, очень жду. Когда увидимся?.. Пока жму крепко руку. Разлука — скука, тоска!..

Я в восторге от успехов Коли.— Мы можем продолжать здесь заниматься русским языком. Ваша всей душой Натали. Послезавтра или через два дня вы увидитесь с Александром» (л. 405).

[19] Под «*лягушками*» здесь и ниже Наталья Александровна подразумевает людей с низменными интересами.

[20] Об этом условном значке см. выше, в примеч. 10.

[21] *Сильвине и Фадетта* — герои повести Жорж Санд «Маленькая Фадетта», с которыми отождествляли себя Гервег и Наталья Александровна.

[22] Среди бумаг Гервега сохранилась следующая записка Натальи Александровны, без даты, вероятно написанная накануне ее отъезда в Париж: «Александр *остается* в Париже на два или три месяца; я думаю, я почти уверена, что вы ничего не сможете в этом изменить. Я хотела бы уехать в среду (Александр болен) — повторите еще раз, должна ли я ждать. До свиданья» (л. 125).

[23] В недатированном письме от марта 1850 г. Наталья Александровна писала Гервегу: «Тургеневу, разумеется, я уж дам книжное поручение». О книжных поручениях И. С. Тургеневу, к которому Наталья Александровна относилась с явным недоброжелательством, встречаются упоминания и в дальнейших письмах.

[24] *Л. И. Гааг* — мать Герцена.

[25] Речь идет о какой-то критической статье, посвященной книге А. П. Милюкова «Очерки истории русской поэзии» (СПб., 1847).

[26] Какую книгу имеет в виду Наталья Александровна — не установлено.

[27] «Cadet de famille» («Младший в семье») — роман, о чтении которого несколько раз упоминает Н. А. Герцен.

[28] Во французской приписке к этому письму Н. А. Герцен горячо опровергает слова Гервега, назвавшего себя «разжалованным членом» «Гнезда близнецов» (Bessonnière): «Нет, дорогой Сильвине, вовсе не „разжалованный член" Гнезда близнецов! Оно только и жаждет, чтобы вовлечь вас в свою орбиту * и расцеловать. Ваша Н.».

[29] «*Il matrimonio segreto*» («Тайный брак») — опера Чимарозы.

[30] *Zêba* — героиня романа «Cadet de famille» (см. примеч. 27).

[31] Любопытно отметить аналогичную оценку внешности французских буржуа в «Consolatio» («С того берега»), в реплике русской дамы (прототипом которой, вероятно послужила Наталья Александровна): «Я это знаю и нисколько не удивляюсь глупым ртам, жирным лбам, дерзко вздернутым и глупо висящим носам, они мне просто противны» (изд. АН, т. VI, стр. 96).

[32] См. E. Carr. Цит. изд., стр. 72.

[33] Н. А. Герцен имеет в виду переписку по поводу запрещения, наложенного на вексель матери Герцена.

[34] К этому времени относятся следующие, не совсем ясные строки в одном из писем Натальи Александровны к Гервегу от 28 марта 1850 г.: «Я занимаюсь тем, что *изобретаю* „прекрасную русскую пьесу", поскольку таковой у нас нет» (л. 508).

---

* Вместо слова «орбиту» в рукописи значок, изображающий спираль.— *Л. Л.*

[35] См. в основной публикации другое письмо Натальи Александровны по этому же поводу.

[36] Кого имеет здесь в виду Наталья Александровна — неясно.

[37] *«Близнецом»* Гервег называл Герцена.

[38] *Ландри* — персонаж «Маленькой Фадетты» Жорж Санд, именем которого Гервег и Н. А. Герцен называли Герцена. См. выше примеч. 21.

[39] В письме от 6 мая 1850 г. Наталья Александровна также извещала «дорогого близнеца», что он получит через несколько дней «кое-что на русском языке из сочинений Александра и Тургенева» (л. 567).

[40] Упоминаемый в этой шутливой приписке *Нидергрубер* — австрийский эмигрант, впоследствии уличенный в связях с парижской полицией (см. изд. АН, т. XI, стр. 200—204). *Оберлаурер* — личность, вероятно, вымышленная. По-видимому, Герцен произвел ее от немецкого глагола lauern—подстерегать, намекая на то, что Эмма Гервег подвергается полицейской слежке.

[41] Наталья Александровна получала в Париже «неофициальные» письма от Гервега через Адольфа Рейхеля, а также через Эмму, в конвертах, ей адресованных. Она писала в это время Гервегу: *«Часто* относят твое письмо к Эмме раньше, чем я успеваю извлечь свое» (л. 588).

Характерно, что Эмма сама предложила доставлять письма Гервега Наталье Александровне. «Я не постороннее лицо,— писала она Гервегу,— моя роль, быть может, унизительна по отношению к вам. Но, по крайней мере, будет пощажен Александр». При этом Эмма умоляла Гервега «не ставить в зависимость жизнь Герцена и его собственную жизнь от осторожности постороннего лица» (Е. Сагг. Цит. изд., стр. 73).

[42] *«La Bessonnière»* — название хутора в повести Жорж Санд «Маленькая Фадетта», где жили близнецы Сильвине и Ландри.

[43] О причинах отъезда Эммы см. выше, в основной публикации.

[44] День рождения Гервега. Наталья Александровна шутливо поздравила Гервега 28 мая словами: «Я благодарю вас от всей души за то, что вы дали себе труд явиться в сей мир» (л. 608).

[45] Неточная цитата из «Zahme Xenien» («Кротких ксений») Гёте.

[46] В другом письме, от 1 июля, Наталья Александровна шутливо писала: «Александр не служит в тайной полиции, однако он у себя держит письма иногда по два-три дня вместо того, чтобы тотчас же их отправлять» (л. 643).

[47] В другом, более позднем письме к Гервегу Наталья Александровна уверяла его, что приезд «старух» не только не помешает им, но, наоборот, даже удобен (л. 706).

[48] *Г-жа д'Агу* — прежняя возлюбленная Гервега.

[49] Наталья Александровна писала в это время Гервегу: *«Советую тебе* написать Эмме и Александру, что тебя удерживает нездоровье» (л. 713). Подобный же совет встречается и в другом ее письме (л. 714).

[50] В этом же письме, с большой холодностью характеризуя свои отношения со свекровью, утверждая, что отношения эти весьма натянуты, Наталья Александровна пишет: «Они ⟨т. е. мать Герцена и М. К. Эрн⟩ воображают, что я всех от них удаляю, особенно теперь, когда г-жа Гааг принимает тебя за своего душевного друга,— конечно, ни я, ни Александр *никогда* не были и наполовину столь *любезны* с ними, как ты ⟨...⟩ Никто не занимается здесь этими старухами; из приличия было сказано однажды, что пора приезжать,— и это было сделано с мыслью, что ты приедешь с ними. Поэтому *они* отлично знают, что наши приглашения *ничего* не значат. А что я желаю видеть Колю — это естественно» (лл. 715—718).

[51] Еще раньше Наталья Александровна писала Гервегу: «Ты видишь, как бесполезна откровенность с Эммой... Она знает *всё* и *ничего* не знает... Это только профанация, это только пытка для нее и пытка для меня...» (л. 664).

[52] Письма Герцена к Гервегу за это время см. выше, в основной части публикации.

[53] О ком идет речь — неясно. Возможно, что о матери Герцена или же М. К. Эрн.

[54] Отметим следующую записку, посланную в эти дни Натальей Александровной Гервегу: «Позавчера я просила передать тебе при Александре, что тебе не надобно ожидать пока я пришлю за тобой, что в полдень я всегда бываю готова, поэтому приходи, не ожидая. Я думаю, что это будет прекрасный день. Осыпаю тебя поцелуями...» (л. 819).

[55] Отметим, что в «Былом и думах» также излагается история с «вычищенным пистолетом», выставляющая Гервега в чрезвычайно жалком виде. На утверждение Натальи Александровны, что Гервег *«на один шаг от самоубийства»*, Герцен иронически осведомляется: «Ты веришь? — Я уверена,— отвечает она.— И он сам это говорил? — Сам и Эмма. Он вычистил пистолет». Герцен расхохотался и спросил: «Не баденский ли? Его надобно почистить: он, верно, валялся в грязи» (изд. АН, т. X, стр. 260—261).

[56] Какую надпись сделал на письме Герцен — остается неизвестным.

[57] Письмо Герцена к Э. Гервег от 21 января 1851 г., в котором он, отказываясь от переписки с нею и, противопоставляя свое поведение ее поведению, писал: «Вы участвовали в заговоре, как сами признались мне в этом; вы каждый день пожимали

руку друга, помогая его гибели и губя ваше собственное достоинство. Вы приняли участие в том, чтобы сделать несчастным человека, после того как содержали на его средства всю свою семью и заплатили свой долг его деньгами ⟨...⟩ Из моих уст никогда не вырвалось ни одного слова против Н⟨атали⟩, я не втаптывал ее в грязь, как это вы делали со своим мужем в разговорах со мной.— У меня хорошая память, сударыня, и ни одного слова не вырвется из этих уст, потому что я люблю ее любовью высокой и гордой, потому что знаю, что ее любовь ко мне велика и что она остается. Вы же не были избалованы в этом отношении».

«Примите мои искренние пожелания,— писал он в заключение,— не продолжать переписку, кроме случаев, если у вас будет *действительная* нужда в деньгах,— я доставлю себе удовольствие вам их послать» (VII, 153—155).

Среди бумаг Гервега сохранился следующий счет, написанный рукой Герцена с его припиской, адресованной Эмме Гервег (относится к началу января 1851 г.):

«Payé à Jeannette à Mallard au docteur	380
Les plans p⟨our⟩ les enfants	65
Gymnastique et Jenny	45
Pour m-me Reichel d'après l'ordre de madame	50
A Chartreux	600
Pour d'autres comptes	50
	1190

Ma mère ne veut rien pour les leçons de dessin, elle vous les offre et j'ajoute les 300 fr⟨ancs⟩ qui resteront chez moi en lettre de change sur m-r Avigdor.

Jeannette a voulu faire des emplettes, mais je n'ai pas eu le courage de les lui permettre.

A. H.».

Перевод:

«Уплачено Жаннете Маллару доктору	380
Таблицы для детей	65
Гимнастика и Дженни	45
Госпоже Рейхель по распоряжению мадам	50
Шартрё	600
По другим счетам	50
	1190

Моя мать ничего не хочет брать за уроки рисования, она их дарит вам, я прибавляю *300* фр⟨анков⟩, которые останутся у меня в векселе на имя г. Авигдора.

Жаннета хотела сделать кое-какие покупки, но у меня не хватило духа разрешить ей их. А. Г.».

Обстоятельства, при которых был написан публикуемый документ, легко устанавливаются по «Былому и думам». Изгоняя из своего дома супругов Гервегов, Герцен, по просьбе Э. Гервег, предоставил ей, помимо данных взаймы ранее 10 000 франков, еще 1100 франков на дорогу и для расплаты с долгами. После отъезда Гервегов их горничная Жаннета оставалась в Ницце в доме Герценов еще два дня и должна была с их вещами ехать на пароходе в Геную.

«На другой день утром Жаннета тихо отворила дверь и спросила меня,— пишет Герцен,— может ли она взойти и поговорить со мной наедине. Этого никогда не бывало; я думал, что она хочет попросить денег, и готов был дать.

Краснея до ушей и со слезами на глазах, добрая провансалка подала мне разные счеты Эммы, не заплоченные по лавочкам, и прибавила:

— Madame приказывала мне, да я никак не могу этого сделать, не спросившись вас,— она, видите, приказывала, чтоб я забрала в лавках разных разностей и приписала бы их в эти счеты — я не могла этого сделать, не сказавши вам.

— Вы прекрасно поступили. Что же она поручила вам купить?

— Вот записка.

В записке было написано *несколько кусков полотна, несколько дюжин носовых платков и целый запас детского белья»* (изд. АН, т. X, стр. 266).

Об отказе произвести эти покупки и сообщает здесь Герцен.

На обороте письма рукой Э. Гервег надписано по-французски:

«Прибавить

45 франков, уплаченные за меня г-жей Гааг за уроки рисования Гораса в течение $1^1/_2$ месяцев, и 900 франков прибавить к счету господина Герцена за наше содержание в течение 6 месяцев».

[58] Наталья Александровна решилась послать Гервегу 500 франков своих личных денег. Гервег обиделся, но деньги, кажется, не вернул.

[59] *Натали* — Н. А. Тучкова.

[60] Что именно должна была сделать и с каким кольцом Наталья Александровна по требованию Гервега — не ясно. Возможно, что Гервег требовал от Натальи Александровны ее обручальное кольцо. Несколько ранее она писала Гервегу: «Я скрываю до настоящего времени *кусок* кольца, я часто его целую, но стараюсь, чтоб Эмма не видела его, это бы ее слишком рассердило» (л. 703).

[61] «...точно так же, я думаю,— пишет далее Наталья Александровна,— дева Мария не могла бы переносить вид тех, которые оскорбили Иисуса Христа».

[62] В «Былом и думах» Герцен сообщает о бестактном поступке Эммы Гервег, приславшей к Герцену на несколько дней своего сына, вскоре же после своего вынужденного отъезда из дома Герцена (см. изд. АН, т. X, стр. 265—266).

[63] См. примеч. № 57.

[64] Речь идет, по-видимому, о 500 франках, отправленных Натальей Александровной Гервегу (см. примеч. 58).

[65] Несколькими днями ранее Наталья Александровна писала Гервегу: «Я гибну... Георг, бедный мой Георг. Слишком поздно. *Ты довел до того*, что мы вынуждены покинуть Ниццу, во всяком случае в конце этого месяца или еще раньше, если возможно — чтобы поехать... мы еще не знаем куда... *Куда сможем* ⟨...⟩ Я увезу с собой только Тату» (лл. 884—885).

[66] Мысль отправиться в Египет, вероятно, возникла у Гервега потому, что туда незадолго до того уехал Шарль-Эдмон Хоепкий.

[67] На конверте этого письма, адресованного в Цюрих, «Отель дю Ляк», надпись по-французски: «Последнее письмо Н⟨атали⟩ Г⟨еоргу⟩ Г⟨ервегу⟩». Дата этого письма установлена Е. Карром по почтовому штемпелю. На фотографии, имеющейся в нашем распоряжении (см. стр. 309 настоящего тома), месяц и год не поддаются прочтению. Среди бумаг Гервега сохранилась также рукописная копия этого письма на бумаге середины XIX века с кружевным бордюром, озаглавленная: «Последнее письмо Натали Герцен Георгу Гервегу, написанное 26 апреля 1852 года». В конце копии указана дата почтового штемпеля: «Ницца 2 мая 1852 года» и приведен текст следующей записки Эммы Гервег к мужу на немецком языке: «Натали умерла сегодня в 7 часов утра, а мальчик вчера в час. Умоляю тебя, дай о себе знать, черкни хоть слово с обратной почтой. Твоя Эмма. Ницца, 2 мая 52» (л. 943).

ПИСЬМА К АВРЕЛИЮ САФФИ

(1852—1856)*

ПЕЧАТАЮТСЯ ПО ФОТОКОПИЯМ, ПРЕДОСТАВЛЕННЫМ «ЛИТЕРАТУРНОМУ НАСЛЕДСТВУ» МУЗЕЕМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ RISORGIMENTO (РИМ)

Публикация и комментарии Н. Д. Эфрос
Предисловие Н. Е. Застенкера

Хорошо известна тесная долголетняя дружба, связывавшая Герцена с Аврелием *Саффи* (1819—1890), выдающимся деятелем итальянского освободительного движения XIX века, членом руководящего триумвирата римской республики 1849 года. О том, как складывалась эта дружба и чем она скреплялась, Герцен рассказывал неоднократно и довольно подробно. На обстоятельствах своего сближения с Саффи он остановился в «Былом и думах»; незабываем нарисованный там Герценом светлый образ Саффи. В герцениане есть и многие другие сведения об отношениях Герцена с Саффи. Сведения эти содержатся в воспоминаниях их друзей и знакомых, в упоминаниях, встречающихся в письмах Герцена к разным корреспондентам. Но письма Герцена к Саффи до настоящего времени не были известны, а из переписки, которую вел Саффи со своим русским другом, в печать попала лишь меньшая часть. Сын Герцена, Александр Александрович, по просьбе наследников Саффи, вернул им его письма, и эта часть переписки до сих пор не опубликована. По мнению М. О. Гершензона, письма Саффи к Герцену «чаруют спокойной простотой и задушевностью тона, но по содержанию они не представляют интереса» (М. О. Гершензон. Образы прошлого. М., 1912, стр. 277). Со второй половиной этого суждения никак нельзя согласиться. Оно опровергается прежде всего опубликованными письмами Саффи. О содержательности же необнародованных пока писем Саффи позволяют судить печатаемые ниже ответные письма Герцена.

Ценность этой переписки определяется тем, что она была откровенным обменом мнениями по широкому кругу вопросов с корреспондентом, которому Герцен писал: «... вы, конечно, самый близкий мне человек в Европе» (письмо от 18 мая 1856 г.). Такая возможность откровенного разговора, сама по себе редкая, была для Герцена вдвойне редкой в то время, к которому относится большинство публикуемых писем — то есть в 1853—1855 гг. Эти годы были очень трудным периодом эмигрантской жизни Герцена, когда он остро переживал чувство одиночества, оторванности от родины, отчужденности от большинства представителей европейской демократии,— в том числе и от ее эмигрантских кругов. Настроения пессимизма стали проходить у Герцена вместе с началом энергичной деятельности по созданию вольной русской печати и особенно после приезда Огарева. Но переход от крайнего пессимизма к оптимизму плодотворного, революционного действия совершался у Герцена отнюдь не прямолинейно и отнюдь не быстро. Процесс этот замедлялся и осложнялся событиями Крымской войны, которая в целом даже усилила отчужденность Герцена от эмигрантской среды. Чтобы понять это, следует вспомнить, что война 1853—1856 гг., показав Герцену бездну

---

* Перевод с французского М. В. Вахтеровой.

лицемерия и реакционности в политике западноевропейских держав по отношению к России, вместе с тем обнаружила у многих деятелей европейской буржуазной демократии националистический шовинизм, выливавшийся порой в оголтелое «русоедство». Как известно, Герцен, несмотря на занятую им в отношении царизма пораженческую позицию, навлек на себя в годы войны, в связи с его выступлениями об историческом будущем России и проповедью идеи «свободной федерации» славянского мира, клеветнические обвинения в прислужничестве царизму и в одобрении его завоевательной политики. Саффи никогда не поддерживал этих обвинений, и отношения с ним Герцена оставались редким примером откровенного разговора, искренних признаний другу.

Многие из публикуемых писем отражают душевное состояние Герцена в годы Крымской войны и к концу ее. В письме от 4 ноября 1854 г. он благословляет судьбу, пославшую Саффи на его жизненном пути: «Видите ли, я все больше и больше отвыкаю любить людей, я люблю только крохотную горстку из очень узкого круга моих друзей — их да моих детей. Все остальные мне безразличны или отвратительны». Герцен высоко ценил дружбу с Саффи, как «одно из утешений» своей «искалеченной жизни» (письмо от 14 апреля 1855 г.). Он пишет Саффи, что любит его и верит ему, что это для него необходимо: «... я цепляюсь за последние оставшиеся мне привязанности, чтобы вся моя жизнь не обратилась в бесплодную пустыню» (письмо от 27 июня того же года). Он предается мрачным рассуждениям об одиночестве по поводу разрыва с Энгельсоном и с горечью объявляет высшей философией «уменье быть *одиноким*» и жить по правилу «omnia mea mecum porto» (письмо от 25 июня 1855 г.). В письме от 18 мая 1856 г. он снова заверяет Саффи: «У меня нет никого на свете, никого, кроме двух-трех человек да моих детей».

Героический характер, простота и искренность, сосредоточенность независимой мысли — вот черты Саффи, запечатленные в «Былом и думах» и составлявшие контраст с эмигрантской средой, отчужденность от которой Герцен так больно чувствовал. Герцен писал И. С. Тургеневу о Саффи: «Это — единый святой в проклятом Западе» (VIII, 358), — повторяя, в сущности, слова публикуемого ниже письма к Саффи от 17 декабря 1855 г., где он называл Саффи «человеком, кристально чистым...».

Эти признания могли делаться, естественно, лишь очень близкому человеку. Что для Герцена был необычайно привлекателен облик этого итальянского революционера — это бесспорно и засвидетельствовано не только самим Герценом, но и всеми, кто наблюдал их дружбу: И. С. Тургеневым, Мальвидой Мейзенбуг, А. П. Милюковым, Н. А. Тучковой-Огаревой и другими.

Как показывают новые письма Герцена к Саффи, их дружбу цементировало наличие ряда общих точек зрения на многие вопросы дня. Еще в 1853 г. Герцен называл Саффи «соседом вдвойне»— по месту жительства «и еще более — по общности взглядов» (письмо от 26 июня 1853 г.). В дальнейшем эту общность Герцен распространил на весь их образ мышления. Он писал Саффи по поводу его раздумий о женитьбе: «... вас, как и меня, разъедает демон этого ужасного века, гамлетизм, „дух отрицания“, как сказал бы Мац⟨цини⟩» (письмо от 3 октября 1856 г.). О своих и Саффи спорах с Маццини Герцен рассказал кое-что в пятой части «Былого и дум», в главе XXXVII. Уже тогда, в дискуссии о творчестве Леопарди, Герцен разглядел решительное несходство натур двух итальянских революционеров: «У одного мысль ищет средств, сосредоточена на них одних,— это своего рода бегство от сомнений; она жаждет только деятельности прикладной ⟨...⟩ Другому дорога объективная истина, у него мысль работает...» (изд. АН, X, стр. 80). Этот вывод Герцена поясняют воспоминания Мальвиды Мейзенбуг—свидетельницы жарких споров Герцена и Саффи с Маццини о его философии «священного действия», в частности,— по поводу требуемой Маццини «жертвенной» обязанности революционного действия в любой, даже самой безнадежной обстановке (см., например: M. Meysenbug. Individualitäten, 1901, S. 532). Мейзенбуг подтверждает также, что Саффи становился на сторону Герцена, когда он спорил с Маццини в начале пятидесятых годов, высказывая скептическое отношение к возможности революционного действия в данный момент и требуя критического отношения к действительности (см. VII, 529).

ГЕРЦЕН

Фотография с дарственной надписью неустановленному лицу.

Надпись выцвела и полностью не поддается прочтению: «А. Герцен ⟨*нрзб.*⟩ Сентябрь 1857. Лондон. Putney».

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

Письма Герцена к Саффи показывают, что их «общность взглядов» в дальнейшем развивалась в двух направлениях. С одной стороны, их сближала оценка событий Восточной войны и кровавой севастопольской кампании, отвращение к взрыву шовинистических настроений в некоторых кругах европейской буржуазной демократии. Обмениваясь мыслями с Саффи, Герцен откровенно указывал ему, что «половина эмиграции становится *тайно*-бонапартистской». Он предсказал, что «демократы и *необщежительные* республиканцы будут еще более ослаблены новым расколом, который произведет среди них партия тайных бонапартистов, из стыда и самолюбия не желающих возвращаться, но при этом совершенно убежденных, что Бонапарт спасает цивилизацию и революцию» (письмо от 19 июня 1854 г.). Герцен делился с Саффи своим негодованием по поводу «галльского шовинизма» А. Барбеса, известного мелкобуржуазного революционера, рассматривавшего Крымскую войну, как «мщение за Ватерлоо». «Какая путаница в мыслях и какая дикость!»— говорит с возмущением Герцен. «Дикая война народов — вот до чего дошел наш мир ⟨...⟩ Ну и пускай он провалится ко всем чертям, этот мир, не пожелавший спастись иным путем» (письмо от 4 ноября 1854 г.). С другой стороны, Герцена связывало с Саффи и общее отрицательное отношение к буржуазному либерализму и к ходячим догмам тогдашней эмигрантской демократии. Об этих взглядах Саффи можно судить по его письмам к Герцену от 21 октября и 12 ноября 1855 г. (написанных после возвращения Саффи из поездки по революционным делам в Италию и Францию, в ответ на письмо Герцена о смерти Т. Н. Грановского): «Я был чрезвычайно взволнован вашею новою потерею и тем, что вы по этому поводу говорите...». Он указывал на две причины, от которых «рушатся наши лучшие привязанности»: «с одной стороны, смерть в своей материальной реальности, а с другой — смерть или вздорная болтливость старости в мысли и устах тех, которых неисчерпаемая глупость революционного *рабского стада* именует своими вождями!» (VIII, 241—242). Образное выражение Саффи насчет духовной смерти вождей «европейской демократии» взволновало Герцена и запало ему в память. Вскоре он писал об эмигрантской демократии в одном письме — «мертвые, погребающие самих себя» (письмо к Е. Ф. Коршу от 27 декабря 1855 г. — VIII, 252). Откликаясь на одно из не дошедших до нас писем Саффи, Герцен писал, что оно пробудило в нем «много печальных мыслей» (письмо от 4 ноября 1854 г.). К ним надо причислить и сознание беспочвенности эмигрантских упований на близкое торжество «универсальной республики».

Как доказывал Герцен (письмо от 25 июня 1855 г.), оставалось одно из двух: или... «быть одиноким — или же утешаться каким-нибудь католицизмом, то есть слепой верой, и каждый вечер, ложась спать, думать, что проснешься уже в республике...». Но тут же, в этом письме, были строки, говорившие о том, что Герцен не упускал возможности показать Саффи мелкотравчатость занимавших буржуазную демократию проблем по сравнению с проблемами, которые выдвигала новая историческая эпоха. Герцен писал ему: «Вчера было 24 июня. Мрачная годовщина единственной огромной и великой борьбы со времен 93 года. Но, боже мой, вы же всё это знаете лучше меня!».

Это стремление Герцена к социалистическому просвещению своего итальянского друга должно быть отмечено особо. Герцен еще в 1853 г., в одном из писем к М. К. Рейхель, признавался, что обучает Саффи философии. Он не прекращал этого «обучения» и в дальнейшем и намеревался использовать для этого свои работы «Об изучении природы» и «О дилетантизме в науке» (VII, 245). Герцен и в письмах пользовался случаем выставить в неприглядном свете идеалистические воззрения Маццини, высмеять его нелепые нападки на материализм и атеизм (письмо от 14 апреля 1855 г.). Не преминул Герцен напомнить Саффи и о склонности Маццини «нападать на социалистов не понимая, что такое социализм» (письмо от 4 ноября 1854 г.).

Как сильно отразились философские и политические «уроки» Герцена на мировоззрении и политическом сознании Саффи, может показать лишь специальное исследование. Но следует предупредить от поспешного вывода, будто Саффи до конца разделял политические взгляды и настроения Герцена. Что это было не так, свидетельствуют, в частности, герценовские письма к Саффи. Показателен и эпизод с попыткой

Герцена привлечь Саффи к протесту против травли, какой подвергли влиятельные круги эмигрантской демократии французского эмигранта Таландье, выступившего с публичной критикой деятельности Маццини и некоторых других вождей римской республики 1848—1849 гг. Надо заметить, что травля Таландье, взглядам которого Герцен во многом сочувствовал, глубоко взволновала его. Дело было не только в том, что Таландье намеками и открыто обвиняли в провокационной критике столпов демократии по заданию заинтересованных правительств,— как еще недавно обвиняли самого Герцена в прислужничестве царизму. Возмущение Герцена еще более усиливалось вследствие того, что инсинуации против Таландье разбередили его собственную едва затянувшуюся рану, они напомнили ему об инсинуациях Гервега и о неудавшемся проекте демократического суда. Пригласить Саффи участвовать в протесте против травли Таландье Герцена побуждали не только те соображения, о которых он поведал Саффи в письме от 17 декабря 1855 г.: «Ваше имя, как друга Маццини, имело бы значение протеста. Как имя человека кристально чистого и ничем не запятнанного, оно придало бы большой вес этому делу». Он не забыл, что Саффи в свое время высоко оценил его идею организации суда над Гервегом и называл Герцена «новым человеком», который считает необходимым наказать негодяя не старым способом — дуэлью, а «одной силой демократического мненья» («Лит. наследство», т. 61, стр. 346, письмо Герцена к М. К. Рейхель от 23 июля 1852 г.). Вот почему Герцен не мог скрыть той горечи, какую вызвал у него отказ Саффи участвовать в протесте против травли Таландье, под предлогом сохранения своей «независимости». Герцен пытался обосновать свой призыв к итальянскому другу принципиальными соображениями, которые должны были раскрыть перед Саффи глубокую внутреннюю логику такого протеста, как выступления против беспринципности и моральной опустошенности в среде деятелей европейской демократии: «Я считаю вполне законным и необходимым не терпеть в партии негодяев и защищать сообща людей чистых»,— писал Герцен Саффи (письмо от 17 декабря 1855 г.). «Ничего этого нет, наша партия совершенно лишена нравственного чувства 〈...〉 У меня не выходит из головы давнишняя моя мысль о нашем собственном трибунале. У нас его нет, потому что мы не составляем партии, мы являемся не частями живого организма, а носителями мертвой идеи — трупа» (там же). Однако и эти мысли Герцена о европейской демократической «партии», перекликавшиеся с недавними размышлениями самого Саффи о старческом умирании демократических вождей, все же не убедили Саффи в необходимости поддержать выступление в защиту Таландье. Более того, Саффи воспринял предложение Герцена с подозрительностью. Подозрительность эта в немалой степени была вызвана комментариями и наставлениями Маццини, которого Саффи посвятил в просьбу Герцена и который, понятно, настойчиво предостерегал Саффи от заступничества за Таландье. Здесь сказалось то, что, несмотря на «общность взглядов» с Герценом по ряду вопросов, Саффи был и оставался маццинистом. Его реакция на предложение Герцена показала, насколько прочной была его принадлежность к маццинистскому лагерю. Письма Герцена к Саффи от 14 и 18 мая 1856 г. свидетельствуют, что тот в какой-то мере внял все же наветам на Герцена и прервал было отношения с ним. Этот перерыв в отношениях друзей длился около полугода, и Герцену не без труда удалось рассеять подозрения Саффи и восстановить прежнюю дружбу. Помогло этому и благородство натуры Саффи и то мнение Герцена о нем, которое еще более укрепилось после данного случая. «Я угадал в вас поэта,— писал Герцен в заключение этой размолвки 〈...〉, — я понял, что ваше призвание скорее лирическое, чем политическое...» (см. письмо от 18 мая 1856 г.).

К сожалению, найденные письма Герцена к Саффи обрываются на 1856 годе. Но даже в этих хронологических рамках коллекция их неполна, и многое остается невыясненным, например, намерение Герцена распространять через Саффи свои «русские брошюры» среди русских студентов в Оксфорде, о которых он просил разузнать в письме от 13 ноября 1853 г. Осуществилось ли это намерение и как относился к нему Саффи — мы не знаем. Документы более позднего времени показывают, что дружба Герцена к Саффи продолжалась до конца жизни Герцена. Нет сомнения, что дальнейшие находки могли бы дать много нового для изучения личной и идейной биографии Герцена и его «западных» связей и влияний.

1

<Londres.> 23 sept<embre 1852>[1]

Cher monsieur Saffi, vous avez eu la bonté de nous promettre de passer ce samedi la soirée chez nous; permettez-moi de vous prier d'éloigner ce plaisir jusqu'à mardi. Nous avons le projet d'aller hors de la ville demain après le dîner.

Mardi viendra aussi Mr Reichenbach[2]. Vous ne l'oublierez pas, n'est-ce pas?

Salut fraternel.

A. Herzen

4, Spring Garden's

На обороте: Mr Saffi
Kings Road
Radnor Street, 15.

Перевод:

<Лондон.> 23 сент<ября 1852 г.>

Дорогой господин Саффи, вы были так добры и обещали провести у нас вечер в эту субботу; позвольте просить вас отложить эту приятную встречу до вторника. Мы собираемся завтра после обеда поехать за город.

Во вторник к нам придет и г-н Рейхенбах[2]. Вы не забудете, не правда ли?

Братский привет

А. Герцен

4, Spring Garden's

На обороте: Г-ну Саффи
Kings Road
Radnor Street, 15.

[1] Годовая дата устанавливается по адресу: в Спринг Гарденсе в сентябре Герцен жил только в 1852 г.

[2] Оскар *Рейхенбах*, граф (1815—1893)— немецкий политический деятель, участник революции 1848 г.; после поражения революции эмигрировал в Лондон, где с ним и познакомился Герцен.

2

<Лондон. 26 июня 1853 г.>

Cher Saffi,

Vous devenez infidèle et vous oubliez vos amis bien vite. Il y a une période historique depuis que je ne vous ai vu. J'ai eu le temps de tomber fortement malade et de me relever sain et sauf[1]—et vous, voisin dans deux sens, voisin par l'Upper Northon Street et plus encore par la conformité des opinions, vous m'abandonnez.

Madame Hawks[2] et ses sœurs ont la bonne intention de venir chez nous mercredi soir — viendrez-vous?

Tout à vous

A. Herzen

26 juin. Dimanche

25, Euston Square.

Haug n'est pas encore en Australie — ce sont les dernières nouvelles de son voyage. Son navire a été vu près de New Road. La mer était calme[3].

Перевод:

<Лондон. 26 июня 1853 г.>

Дорогой Саффи,

Вы становитесь непостоянны и быстро забываете своих друзей. Протекла целая историческая эпоха с тех пор, как мы виделись в последний раз. За это время я успел тяжело заболеть, вновь стать здоровым и невредимым[1], а вы, мой сосед вдвойне,

сосед по улице Upper Northon и еще более — по общности взглядов, — вы меня покинули.

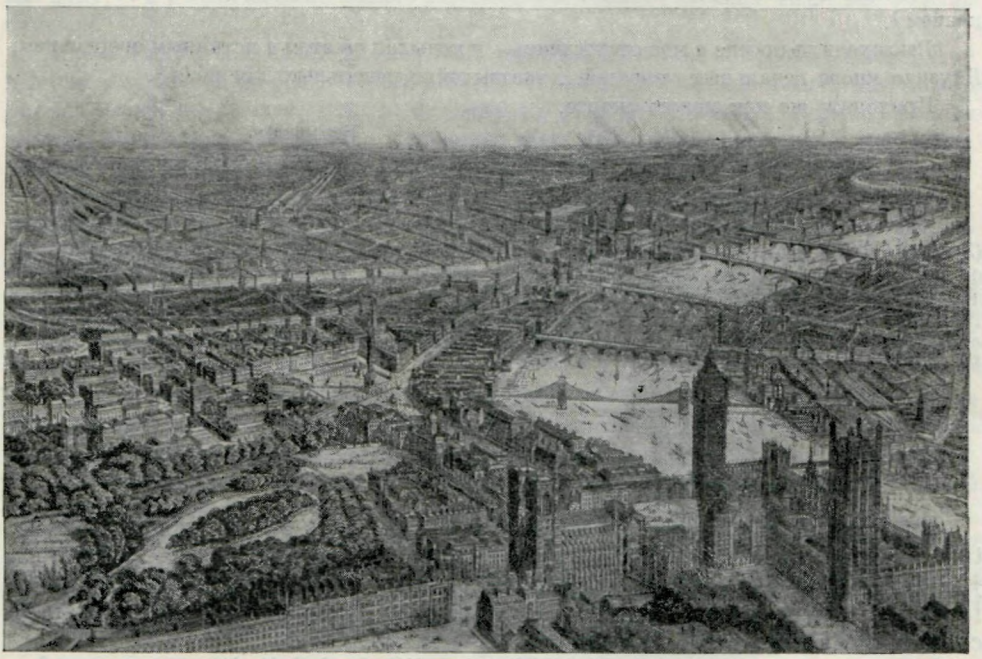
Госпожа Гоукс [2] с сестрами имеют доброе намерение посетить нас в среду вечером, — не придете ли и вы?

Весь ваш
А. Герцен

26 июня, воскресенье

25, Euston Square.

Гауг еще не добрался до Австралии — вот последние новости о его путешествии: его корабль был замечен возле New Road. Море было спокойно [3].



ЛОНДОН, ОБЩИЙ ВИД
Гравюра, 1850-е гг.
Литературный музей, Москва

[1] 22 июня 1853 г. у Герцена внезапно начался тяжелый приступ удушья, продержавший его три дня в постели (см. VII, 242—243).

[2] Эмилия *Гоукс*, или *Гокс* (Hawkes)— дочь лондонского адвоката В. Ашерста (см. о нем в письме № 11, примеч. 1). Известна своей дружбой с Маццини. Ее сестры — Каролина Стансфильд и Матильда Бигс.

[3] Затянувшиеся на многие месяцы сборы Гауга в Австралию, куда он направлялся в качестве члена экспедиции Лондонского географического общества, служили предметом шуток Герцена. Гауг жил тогда у Герцена. Нью Род — название улицы, на которой находилась квартира Герцена (полный адрес этой квартиры: 25, Euston Square. New Road).

3

⟨Londres.⟩ 8 septembre ⟨1853⟩. Jeudi.
25, Euston Sq⟨uare⟩

Cher Saffi,

Golovine m'a prié de vous avertir qu'on attend avec impatience votre article sur Michel-Ange [1].

Vous avez été dans mon absence chez moi — je l'ai appris avec un véritable regret. J'ai appris beaucoup de choses très tristes ... extrêmement tristes pour moi [2].

Venez donc le plus vite possible.

Tout à vous

A. Herzen

Перевод:

<Лондон.> 8 сентября <1853 г.>. Четверг
25, Euston Sq<uare>

Дорогой Саффи,

Головин просил сообщить вам, что вашу статью о Микеланджело ждут с нетерпением [1].

Вы заходили ко мне в мое отсутствие — я услыхал об этом с истинным огорчением. Я узнал много печальных новостей... чрезвычайно печальных для меня [2].

Приходите же как можно скорее.

Весь ваш

А. Герцен

[1] Для какого издания предназначалась статья Саффи — не установлено.

[2] Очевидно, написано под свежим впечатлением свидания с М. С. Щепкиным (3—6 сентября 1853 г.), приезжавшим в Лондон с целью убедить Герцена отказаться от политической деятельности и вернуться в Россию. Неудачная миссия Щепкина, действовавшего от лица московских друзей, привела к окончательному разрыву с ними Герцена, что очень тяжело им переживалось (ср. «Былое и думы», изд. АН, т. XI, стр. 298; письма к М. К. Рейхель—VII, 322, 328; А. И. Герцен. Новые материалы. М., 1927, стр. 80).

4

<Londres.> 13 novembre <1853>. Dimanche.

Très cher Saffi,

Est-il possible, probable, acceptable qu'il n'y ait pas de cause de ce retard scélérat que j'ai apporté à vous répondre? [1] La cause en est prosaïque, j'ai égaré dans les papiers votre lettre — bonne, amicale, excellente, pour laquelle je vous serre la main — et je n'avais pas votre adresse. Mais qui connaît Golovine, connaît tout — il m'a sauvé.

Dieu des dieux, que cette aimable cité d'Oxford doit être ennuyeuse [2]... au fond que nous fait le moyen âge des hommes et des édifices. Moins d'hommes, moins d'hommes autour de vous—si vous ne voulez pas les haïr tous. Mais de temps à autre il faut venir *chauffer* l'amitié — il faut venir chez nous et nous vous régalerons d'Orsini [3]... ou de Laffitte de Wellington... comme il vous plaira.

Nous vivons tout doucement. Haug est allé — en Australie pensez-vous? oh non... — demeurer de l'autre côté d'Euston Sq<uare> [4]. Sa place est occupée par m-selle Meysenbug — qui vous salue beaucoup. C'est un veritable bonheur pour les enfants [5].

La question de l'Orient est tellement à la mode que je n'en dirai pas un mot par coquetterie [6]. Mais il y a quelque chose de très grave dans tout ce qui se passe là... beaucoup plus grave que n'en rêve Campanella, que n'en médite Mazzoleni et même Barberini qui est allé à Constantinople [7].

A propos, maintenant l'émigration italienne n'a rien à désirer, elle est tout à fait au niveau de la française, il vous manquait un *Felix* et bien si vous n'en avez pas de F<élix> Pyat — vous avez Felice Orsini.

Voilà l'égalité et l'équilibre consommés.

J'imprime une petite chose assez jolie — je tâcherai de vous envoyer un № (c'est dans une gazette française) [8].

Vous m'avez promis de prendre des renseignements sur les étudiants russes à Oxford — faites cela. Proposez-leur mes brochures russes.

Demain Mazzini viendra dîner chez moi.— Adieu, cher ami, pensez à l'histoire italienne. Mais aussi quelquefois à vos amis,

Votre tout et tout dévoué

A. Herzen

Перевод:

<Лондон.> 13 ноября <1853 г.> Воскресенье

Дражайший Саффи,

Возможно ли, вероятно ли, допустимо ли, чтобы я без всякой причины столь злодейски опоздал ответить на ваше письмо? [1] Причина самая прозаическая: я затерял среди бумаг ваше письмо — доброе, дружеское, превосходное, за которое крепко жму вам руку,— и у меня не было вашего адреса. Но кто знает Головина, знает все: он меня выручил.

Всемогущий боже, какой должно быть скучный этот милый городок Оксфорд... [2] что нам в сущности до средневековых людей и зданий. Поменьше людей, как можно меньше людей вокруг вас, если вы не хотите их всех возненавидеть. Однако время от времени необходимо *подогревать* дружеские чувства — надо приехать к нам, и мы угостим вас Орсини [3]... или лафитом Веллингтона... как вам будет угодно.

Мы живем потихоньку. Гауг переселился — вы думаете в Австралию?— о нет: на другую сторону Euston Sq<uare> [4]. Его место занято м-ль Мейзенбуг, которая вам очень кланяется. Это истинное счастье для детей [5].

Восточный вопрос до такой степени в моде, что я из кокетства не скажу о нем ни слова [6]. Но в том, что там происходит, есть нечто очень серьезное... гораздо серьезней мечтаний о том Кампанеллы, размышлений Маццолени и даже Барберини, который уехал в Константинополь [7].

Кстати, теперь итальянской эмиграции уже нечего желать, она вполне на уровне французской; вам недоставало только *Феликса* — ну что же, за неимением Ф<еликса> Пиа — у вас есть Феличе Орсини*. Вот и восстановлены равенство и равновесие.

Я печатаю довольно славную вещицу,— постараюсь послать вам № (это в одной французской газете) [8].

Вы обещали мне навести справки о русских студентах в Оксфорде — сделайте это. Предложите им мои русские брошюры.

Завтра Маццини приедет ко мне обедать.— Прощайте, дорогой друг, думайте об итальянской истории. Но иногда также и о ваших друзьях.

Всецело вам преданный

А. Герцен

[1] Имеется в виду письмо Саффи от 4 ноября 1853 г., известное только в русском переводе (см. XIV, 6—7).

[2] Незадолго перед этим Саффи поселился в Оксфорде, получив приглашение преподавать в Институте Тэйлора при Оксфордском университете итальянский язык и итальянскую литературу. «Я здесь <в Оксфорде> очень одинок и очень печален; городок этот ветх и далек от всякого дуновения жизни и будущего»,— писал Саффи Герцену в указанном письме от 4 ноября.

[3] Орсини только что приехал тогда в Лондон: «Я прибыл в Лондон в ноябре 1853 г., в одну из суббот. Англию я видел в первый раз в жизни» (Феличе Орсини. Воспоминания. М.—Л., 1933, стр. 175).

[4] См. примеч. 3 к письму № 2. Герцен хочет сказать, что Гауг оставил его дом.

[5] «M-elle Мейз<енбуг> у нас, я ею через край доволен»,— сообщал Герцен М. К. Рейхель 9 ноября 1853 г. (VII, 389).

[6] Время написания письма — начало Восточной войны, объявления манифеста Николая I о войне с Турцией (1 ноября) и развертывания военных операций в Валахии.

[7] Герцен имеет в виду деятелей итальянского освобождения из окружения Маццини—Федерико Кампанеллу (1804—1884) и Перикла Маццолени. О нем Герцен иронически отозвался в «Былом и думах»: «Чиновник, бюрократ по натуре, он нас смешил своей министерской важностью и дипломатическими манерами» (Изд. АН, т. XI,

* По-видимому, шутка: французское имя Феликс — по-итальянски Феличе; вызвана приездом Орсини в Лондон.

стр. 139; см. также «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 213—214). Третье упоминаемое лицо нам неизвестно.

[8] Какую «славную вещицу» и в какой «французской газете» печатал в это время Герцен, установить не удалось.

5

⟨Londres.⟩ 19 juin ⟨1854⟩. Lundi.
25, Euston Sq⟨uare⟩

Merci, cher Saffi, bien merci pour vos lignes[1]. Je n'ai pas écrit de longtemps à Pianciani parce que tout ce temps j'étais préoccupé; après votre passage Alexandre a eu une rougeole assez forte. Maintenant nous sortons de ⟨la⟩ quarantaine — et déjà j'emballe les livres et autres choses. J'écrirai aujourd'hui même à Jersey[2].

Mon ouvrage *Sur le développement des idées révolutionnaires en Russie* a été saisi en une traduction allemande chez tous les libraires de la Prusse. La *Gazette de Cologne* donnant cette nouvelle répète en partie le perfide article du *Leader* et ajoute que l'ouvrage est «favorable au tzar». Vous l'avez lu, cher ami,— jugez maintenant de l'imbécillité de ces hommes[3].

Je n'ai pas écrit contre le *Leader* parce que Tornton Hunt s'est excusé de l'article lorsque Louis Blanc lui demanda l'explication. 2°— parce que Zéno a répondu fougueusement. 3°— parce que le *Leader* est un journal inconnu[4]. Mais la *Gazette de Cologne* — c'est une autre affaire. Je lui ai donné une leçon amicale. Et si elle n'insère pas ma lettre, je la ferai insérer dans cinq autres feuilles — en français, en allemand etc. Cette lettre vous fera beaucoup rire[5].

Concernant le docte Piggot[6]— que voulez-vous faire — il faut accepter toutes les excuses — bonnes ou mauvaises. Accepter... et se souvenir en temps et lieu qu'on a une dette à payer.

Des choses très tristes se passent sous nos yeux. La civilisation va être sauvée par Windischgrätz et Cie. C'est dommage, que Hainau est mort. Lui et S⟨aint-⟩Arnaud—quel couple[7]. La moitié de l'émigration devient *crypto*-bonapartiste... Etrange lutte, tout le monde sera abaissé. Nicolas l'est déjà; celui-là est positiviment battu, Napier — négativement, parce qu'il n'a rien fait[8]. L'Angleterre — par ses mésalliances avec Bonaparte, avec François-Joseph. Reste la Turquie, la noble, la héroïque Turquie — comme la défense de Silistrie est belle, et Omar Pacha?... S⟨aint-⟩Arnaud *est content de lui* (faut-il rire de rage ou suffoquer de colère!)[9] Les démocrates, les républicains *insociaux* seront affaiblis par une division nouvelle, par le parti des crypto-bonapartistes honteux et ne voulant pas rentrer par point d'honneur,— mais très convaincus que Bonaparte sauve la civilisation, la révolution. Pour moi, en qualité de Russe, les choses vont très bien, et je commence à ⟨prévoir⟩ * la chute de cet animal de Nicolas.— Si on prenait la Crimée, cela serait fait de lui. Et moi, allant avec mon imprimerie à Odessa — anglaise... C'est magnifique[10].

A propos, j'ai publié un assez gros volume de mes mémoires sous le titre — *Prison et déportation* (1834—1838)[11].

Adieu. Je vous ai donné il y a bien longtemps deux brochures allemandes — un roman de moi et un ouvrage sur l'Italie — pour m-lles Crauford. Elles ne se rappellent pas du tout — est-ce que vous savez q⟨uel⟩q⟨ue⟩ ⟨chose⟩ par rapport à ces livres? [12]

P. S. Je vous embrasse de tout mon cœur. Alexandre aussi. M-selle Meysenbug vous fait mille amitiés. Demain nous allons entendre Viardot dans le *Don Giovanni*.

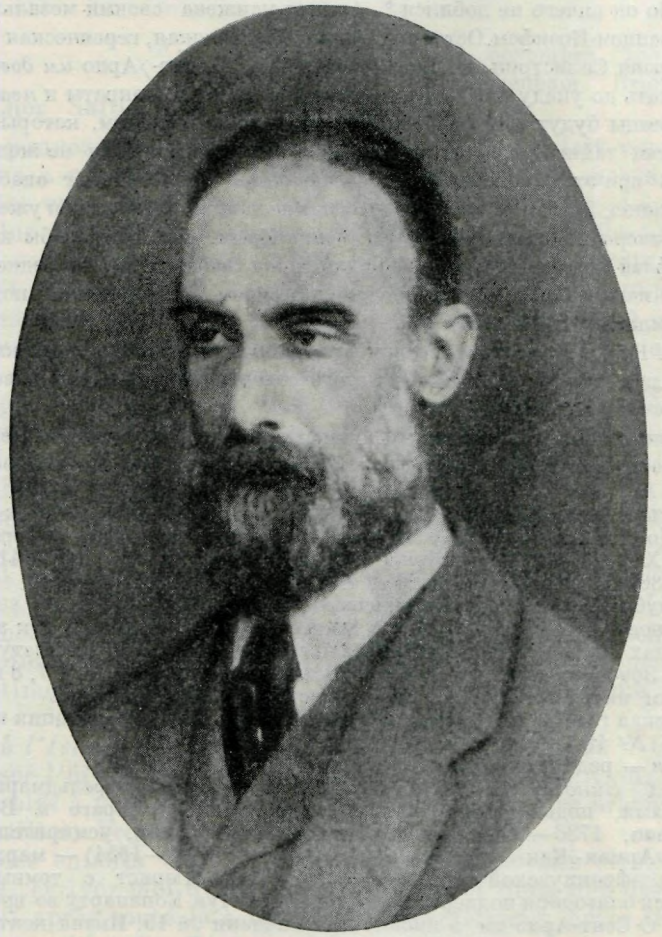
---

* Письмо повреждено. Слово «prévoir» читается предположительно.— *Ред.*

Перевод:

<Лондон.> 19 июня <1854 г.>. Понедельник.
25, Euston Sq<uare>

Благодарю вас, дорогой Саффи, очень благодарю вас за ваши строки[1]. Я давно не писал Пианчиани, так как это время у меня было много забот: после вашего отъезда Александр довольно серьезно болел корью. Теперь карантин кончается, и я уже укладываю книги и вещи. Сегодня же напишу в Джерси [2].



АВРЕЛИЙ САФФИ
Фотография, 1860-егг. (?)
Национальный музей Risorgimento, Турин

Мое сочинение «О развитии революционных идей в России» в немецком переводе было изъято у всех книгопродавцев Пруссии. «Кёльнская газета», сообщая эту новость, частично повторяет предательскую статью «Leader'a», добавляя, что книга «служит на пользу царю». Вы ее читали, милый друг, судите сами о глупости этих людей [3].

Я не выступал против «Leader'a»<1—> потому, что Торнтон Гант извинился за статью, когда Луи Блан потребовал у него объяснений; 2— потому, что Зено дал горячий отпор; 3—потому, что «Leader» — газета мало известная [4]. Но «Кёльнская газета»—совсем другое дело. Я ей преподал дружеский урок. И если она не поместит моего письма, я напечатаю его в пяти других газетах — по-французски, по-немецки и т. д. Это письмо вас очень рассмешит [5].

Что касается ученого мужа Пиггота [6] — что поделаешь — приходится принимать всякие извинения, удачные и неудачные... Принимать... чтобы в свое время и в надлежащем месте вспомнить, что за тобой долг, который следует уплатить.

Много печального происходит на наших глазах. Спасение цивилизации зависит от Виндишгреца и К°. Жаль, что Гайнау уже умер. Он да С⟨ент-⟩Арно—какая пара[7]. Половина эмиграции становится *тайно*-бонапартистской... Странная война, в которой все будут унижены. Николай уже унижен; он-то побит положительно, а Непир — отрицательно, ибо он ничего не добился [8]. Англия унижена своими мезальянсами с Бонапартом, с Францем-Иосифом. Остается Турция, благородная, героическая Турция; как прекрасна оборона Силистрии, а каков Омер-паша?.. С⟨ент-⟩Арно *им доволен* (что тут делать — хохотать до упаду или задыхаться от ярости?)[9]. Демократы и *необщежительные* республиканцы будут еще более ослаблены новым расколом, который произведет среди них партия тайных бонапартистов, из стыда и самолюбия не желающих возвращаться, но при этом совершенно убежденных, что Бонапарт спасает цивилизацию и революцию. Для меня как для русского дела идут хорошо, и я уже ⟨предвижу⟩ падение этого зверя Николая. Если бы взяли Крым, ему пришел бы конец. А я со своей типографией переехал бы в английский город Одессу... Превосходно? [10]

Кстати, я издал довольно объемистый том моих воспоминаний под заглавием «Тюрьма и ссылка» (1834—1838)[11].

Прощайте. Когда-то давно я дал вам для девиц Кроуфорд две немецких книжки — мой роман и сочинение об Италии. Они этого совершенно не помнят; известно ли вам что-нибудь насчет этих книг? [12]

P. S. Обнимаю вас от всего сердца. Александр тоже. Мадмуазель Мейзенбуг шлет вам дружеские приветствия. Завтра мы поедем слушать Виардо в «Don Giovanni»*.

[1] Это письмо, как и большинство упоминаемых Герценом писем к нему Саффи, неизвестно. До сих пор опубликовано лишь четыре письма Саффи к Герцену: от 4 ноября 1853 г. (XIV, 6—7), 21 октября и 12 ноября 1855 г. (VIII, 240—241; 241—243) и 20 сентября 1860 г. («Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 546—547).

[2] См. в публикации писем к Пианчиани письмо № 10.

[3] Подробнее об этом см. в письме к Пианчиани № 10 и примеч. 8 к этому письму.

[4] О выпадах против Герцена английской газеты «The Leader» и выступлениях в защиту Герцена Зено Свентославского см. в письмах к Пианчиани №№ 7, 8 и 9 и в примечаниях к этим письмам. Торнтон Гант — издатель «The Leader».

[5] «Кёльнская газета» напечатала письмо Герцена. См. в публикации писем к Пианчиани письмо № 10, примеч. 8.

[6] *Пиггот* — редактор «The Leader».

[7] Альфред *Виндишгрец* (1787—1862) — австрийский фельдмаршал, командовал войсками, подавившими в 1848 г. восстание в Праге и Вене.— Юлиус *Гайнау* (Haynau, 1786—1853) — австрийский фельдмаршал, усмиритель венгерской революции.— Арман-Жан *Леруа де Сент-Арно* (1801—1854) — маршал, главнокомандующий французской армией в Крыму. Авантюрист с темным прошлым, выдвинувшийся благодаря поддержке, оказанной им Луи Бонапарту во время переворота 2 декабря. О Сент-Арно см. в письме к Пианчиани № 15. Имена контрреволюционных австрийских генералов иронически упомянуты Герценом в сочетании с именем Сент-Арно как символ военного соглашения между Габсбургской монархией и бонапартистской Францией — столпами тогдашней европейской реакции.

[8] Чарлз *Непир* (1786—1860) — адмирал, командовал английским флотом в Балтийскую кампанию 1854 г. Он не решился предпринять ни одной крупной операции против русских и не одержал ни одной серьезной победы (см. о нем по указателю).

[9] *Омер-паша* (Михаил Латош, 1816—1871) — главнокомандующий турецкой армией в Крымскую войну. В июне 1854 г. газеты сообщали о крайне тяжелом положении осажденной Силистрии, терпевшей огромные потери от огня русской артиллерии и все усиливавшегося в крепости голода. Сент-Арно обещал Омер-паше выслать к Силистрии французские войска, но обещание свое не сдержал. Этим, очевидно, и объясняется ироническое замечание Герцена по адресу Сент-Арно. Что касается восторженного отзыва Герцена об Омер-паше, то он не разделяется новейшими историками. «Как усердно восторгавшиеся им ⟨Омер-пашой⟩ английские и французские газеты ни раздували его мнимые военные таланты, — пишет академик Тарле, — это был только дееспособный генерал, годившийся в исправные дивизионные начальники европейской армии, но не больше» (Е. В. Тарле. Крымская война, т. I, изд. 2. М., 1950, стр. 508). Герцен находился, по-видимому, под впечатлением этих газетных сообщений.

* «Дон Жуане» (итал.).

[10] Ср. в письме к Пианчиани № 10.
[11] «Тюрьма и ссылка. Из записок Искандера». Лондон, 1854.
[12] Перевод романа «Кто виноват?» («Wer hat Schuld? Rußlands Novellendichter. Übertragen und mit biographisch-kritischen Einleitungen von Dr. Wilhelm Wolfsohn». Dritter Teil. Alexander Herzen. Leipzig, 1851) и «Письма из Франции и Италии», впервые увидевшие свет на немецком языке. «Briefe aus Italien und Frankreich» (1848—1849) von einem Russen. Verfasser des «Vom anderen Ufer». Hamburg, 1850. *Кроуфорд* — Джорджина и Катерина. См. письма №№ 20—22.

6

4 novembre ⟨1854⟩. Samedi.
Twickenham. Bridgefield villas

Cher Saffi,

Vous ne pouvez pas vous imaginer quelle joie m'a fait votre lettre. La destinée vous a mis sur ma route — pour me rappeler mes amitiés de la jeunesse, grâce vous soit rendue pour cela. Car, voyez-vous, je me déshabitue de plus en plus d'aimer les hommes, je n'aime qu'un tout petit nombre d'un nombre très petit de mes amis — eux et mes enfants. Le reste m'est indifférent ou détestable. Votre lettre a réveillé en moi beaucoup de pensées tristes; de grâce ne pensez pas que je sois parvenu en riant à ces dures vérités qui vous agitent maintenant. Chaque parole et chaque allusion dans votre lettre a été *pressentie* par moi; pendant votre absence, j'en ai parlé avec Domengé [1]. Une guerre sauvage de nationalités — voilà où est parvenu ce monde; est-ce que tous les récits de Sébastopol ne vous font pas l'effet d'un cannibalisme (de part et d'autre) restauré; eh bien, qu'il s'en aille à tous les diables ce monde, qui ne voulait pas se sauver autrement.

Et un Barbès qui parle de *venger* Waterloo — quelle confusion et quelle sauvagerie [2].

Mais tout cela est trop long pour des lettres; quand est-ce que je vous verrai? Venez ici pour un jour ou deux, j'ai maintenant de la place pour vous loger chez moi (ma maison est tout à côté du pont de Richmond, vis-à-vis de la S⟨aint⟩ Helena terrace). Venez vous reposer avec nous, barbares, et si vous m'estimez un peu, ne pensez pas aux dépenses; vous me direz ce qu'il y a à faire — n'est-ce pas?

J'ai été à *l'Isle of Wight*, c'est très beau, magnifique [3]. C'est là qu'il faudrait passer l'hiver. Londres est détestable pour moi... oh, j'ai tant de cancans ignobles à vous raconter. Oh, les braves gens, les braves gens, combien de canailles, brigands il y a parmi eux.

Adieu. Mes enfants vont très bien. Les publications russes aussi [4]. Je vous attends, écrivez-moi quand vous viendrez, et dans tous les cas écrivez-moi; j'ai soif après toute la sécheresse du scepticisme, après tout le sel de l'ironie d'une voix amie, d'une main sympathique.

A. Herzen

Les lettres de M⟨a⟩z⟨zini⟩ à Fazy et à la Confédération sont magnifiques — je les ai lues et relues [5]... C'est beaucoup mieux que de tomber sur les socialistes, sans comprendre ce que c'est que le socialisme.

Et pourtant *l'individu* de Zürich est entouré d'Italiens [6]...voilà la justice. L'existence de cet homme est une flétrissure éternelle pour moi. Quelle justice — dieu des dieux... la justice c'est notre main et à qui remportera.

Перевод:

4 ноября ⟨1854 г.⟩. Суббота.
Твикенгем. Bridgefield villas

Дорогой Саффи,

Вы не можете себе представить, какую радость доставило мне ваше письмо. Сама судьба послала вас на моем пути, чтобы напомнить о дружеских связях моей юности,— спасибо вам за это. Видите ли, я все больше и больше отвыкаю любить

людей, я люблю только крохотную горстку из очень узкого круга моих друзей — их да моих детей. Все остальные мне безразличны или отвратительны. Ваше письмо пробудило во мне много печальных мыслей· не думайте, ради бога, что я легко дошел до тех горьких истин, которые волнуют вас теперь. Каждое слово, каждый намек в вашем письме я уже *предчувствовал*. Во время вашего отсутствия я говорил об этом с Доманже [1]. Дикая война народов — вот до чего дошел наш мир; разве все эти рассказы о Севастополе не производят на вас впечатления возрожденного каннибализма (и с той и с другой стороны)? Ну и пускай он провалится ко всем чертям, этот мир, не пожелавший спастись иным путем.

А хорош Барбес, взывающий о *мщении* за Ватерлоо? Какая путаница в мыслях и какая дикость! [2]

Но все это слишком длинно для письма; когда же я вас увижу? Приезжайте сюда денька на два, теперь у меня в доме для вас найдется место (мы живем совсем рядом с Ричмондским мостом, против S⟨aint⟩ Helena terrace). Приезжайте отдохнуть с нами, варварами, и если вы хоть немного меня уважаете, не думайте о расходах; вы мне скажете, что надо приготовить, неправда ли?

Я был на острове Wight, там очень красиво, великолепно [3]. Вот где следовало бы провести зиму. Лондон мне опротивел... О, сколько мерзких сплетен мне надо вам рассказать... О, добрые люди, добрые люди, сколько среди них негодяев и душегубов.

Прощайте. Дети мои чувствуют себя отлично. Русские издания тоже [4]. Жду вас, напишите мне, когда вы приедете — и во всяком случае, напишите мне. После всего этого черствого скептицизма, всей этой едкой иронии, я жажду участливого голоса, дружеской руки.

А. Герцен

Письма М⟨а⟩ц⟨цини⟩ к Фази и Конфедерации великолепны; я их читал и перечитывал... [5] Это куда лучше, чем нападать на социалистов, не понимая, что такое социализм.

Однако, *субъект* из Цюриха окружен сочувствием итальянцев... вот она, справедливость [6]. Существование этого человека — вечный позор для меня. Какая там справедливость, великий боже!.. правосудие вершат наши руки, и чья возьмет.

[1] Жозеф *Доманже* (Domenger) — французский революционный эмигрант, друг Герцена, одно время был учителем его сына Александра.

[2] Во время Крымской войны Барбес, в письме к другу из тюрьмы (за участие в демонстрации 15 мая 1848 г. Барбес был приговорен к пожизненному заключению), горячо ратовал за победу французского оружия, во благо «цивилизации» и «человечества». Узнав о его шовинистических настроениях, Наполеон III амнистировал Барбеса (октябрь 1854 г.), несмотря на протест последнего. Этот эпизод упоминается в «Былом и думах»: «Случайно, против своей воли, вышел он из тюрьмы; Наполеон его вытолкнул из нее почти в насмешку, прочитав во время Крымской войны письмо Барбеса, в котором он, в припадке галльского шовинизма, говорит о военной славе Франции» (Изд. АН, т. XI, стр. 51).

[3] Герцен ездил на остров Уайт в середине сентября 1854 г. О его встречах там с Пульским и Кошутом см. в настоящем томе, публикацию писем к Пульскому.

[4] В 1854 г. Вольной русской типографией было выпущено 10 различных изданий. В том числе четыре сочинения Герцена: «Русскому воинству в Польше»; «XXIII годовщина польского восстания в Лондоне. Речь, произнесенная на сходе в Ганновер-Руме 29 ноября 1853 г.»; «Прерванные рассказы»; «Тюрьма и ссылка».

[5] О выступлениях Маццини против Швейцарского федерального совета и Фази см. в письме к Пианчиани № 13 и примеч. 1 к этому письму.

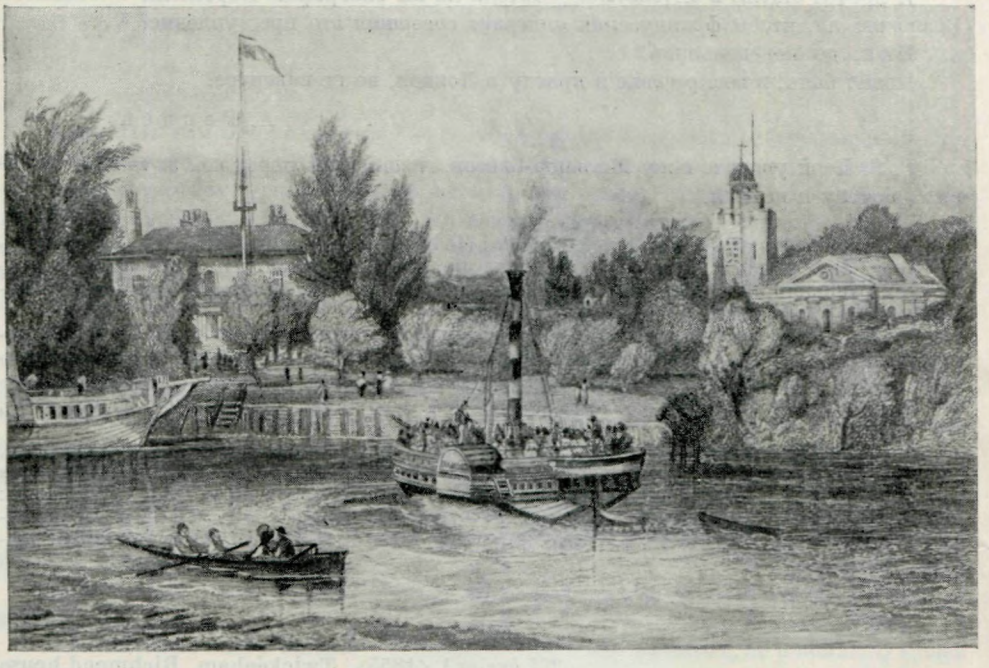
[6] *Субъект из Цюриха* — Георг Гервег. Сочувствием итальянцев Гервег был, вероятно, обязан своей жене Эмме Гервег — близкому другу Орсини, которому она не раз приходила на помощь в трудных обстоятельствах. В августе 1854 г., после бегства из-под ареста в Сен-Морисе, Орсини скрывался у нее в Цюрихе. Позднее, в 1856 г., она оказала ему исключительную услугу, способствовала его побегу из Мантуйской крепости. «Еще раз благодарю вас за все, что вы сделали для нашего друга; мы никогда этого не забудем», — писал ей в связи с этим Маццини (XIV, 92).

7

⟨Twickenham.⟩ 12 janvier ⟨1855⟩.
Soir. Richmond house

Oh vous, volage,— nous vous attendons, attendons, cher Saffi, et voilà un billet après l'autre.

Dhez nous il y avait presque un grand malheur. Hier pendant que je ne préparais d'aller chez m-me Milner Gibson[1] — Olinka est tout à coup tombée malade — c'était le commencement du croup — il semble que nous avons à temps coupé la maladie. Je pense que Tata passera par la même épreuve. Et voilà la vie.



ТВИКЕНГЕМ

Гравюра из книги: «The History of London illustrated by John Yood's», 1849

В «сельце» Твикенгеме, близ Лондона, Герцен жил с половины октября 1854 до начала апреля 1855 г.

Il y a toujours une place entre la coupe et les lèvres pour un malheur. A peine on s'oublie un peu — crac — quelque chose se casse.

Et vous faites pendant ce temps des conquêtes — ma police secrète m'a déjà dénoncé vos visites helléniques.

J'ai lu l'article de l'*Athenaeum*[2]. Avez-vous lu la biographie de Barthelemy dans le *Times* — serait-il possible qu'un réfugié français l'aurait perpétré[3].

A lundi donc.

Peut-être je viendrai demain à Londres, mais cela n'est pas sûr.

A. Herzen

P. S. Si vous voyez m-me Milner-Gibson, faites qu'elle m'excuse et expliquez pourquoi je n'ai pas été.

Перевод:

<Твикенгем> 12 января <1855 г.> Вечер
Richmond house

Эх вы, ветреник!— мы вас ждем, ждем, дорогой Саффи,— и вот одна записка за другой.

У нас чуть было не случилось несчастья. Вчера, когда я собирался к г-же Мильнер-Гибсон [1], Оленька вдруг захворала: начинался круп, но мы, кажется, во-время захватили болезнь. Боюсь, что и Тату ждет то же испытание. Такова жизнь.

Между чашей и устами всегда найдется место для несчастья; чуть забудешься немного — крак! — что-нибудь да разбилось.

А вы тем временем одерживаете победы — моя тайная полиция уже донесла мне о ваших эллинских похождениях.

Я прочел статью в «Атенеуме»[2]. Читали ли вы биографию Бартелеми в «Таймсе»? Возможно ли, чтобы французский эмигрант совершил это преступление? [3]

Итак, до понедельника.

Может быть, в воскресенье я приеду в Лондон, но не наверное.

А. Герцен

P. S. Если увидите г-жу Мильнер-Гибсон, извинитесь перед ней за меня и объясните, почему я не был.

[1] Сюзанна-Аретуза *Мильнер-Гибсон* (1814—1885) — жена Томаса Мильнера-Гибсона, английского либерала, депутата парламента, министра. Она была в дружеских отношениях с Маццини и принимала у себя представителей лондонской политической эмиграции.

[2] *The Athenaeum* — английский еженедельный критико-литературный и библиографический журнал. В номере от 6 января 1855 г. была напечатана статья анонимного автора с хвалебным отзывом о Герцене как писателе и благожелательной оценкой деятельности Вольной русской типографии (ср. «Лит. наследство», т. 63, 1955, стр. 805).

[3] Эммануэль *Бартелеми* (Bartelemi, 1820—1855) — французский революционер, рабочий. О Бартелеми, привлеченном к суду за убийство лондонского фабриканта Джорджа Мура, о его процессе, казни и о глубоком сочувствии к нему Герцена см.: «Былое и думы» (Изд. АН, т. XI, стр. 95—105); Мальвида Мейзенбуг. Воспоминания идеалистки. М.—Л., 1933, стр. 301—304, 307—315; см. также в письме к Пианчиани № 16.

8

29f évrier [1] <1855>. Twickenham. Richmond house

Cher ami,

Je veux vous rendre compte du meeting [2]—tous les «burgraves» de la Révolution ont refusé [3]. L<ouis> Blanc n'y a pas été, pas même F<elix> Pyat — et le meeting a été splendide. Votre nom a été applaudi immensément, d'autant plus que Maz<zini> a écrit une lettre amère — et presque blessante. Mais vous avez eu malheur avec le beau travail que vous aviez envoyé (au reste cela sera traduit) — c'est le maudit Reclus (que vous nommez Maclus) [4] qui l'a lu. Eh bien, il n'a de voix que pour parler à une femme et cela lorsqu'il est au lit avec elle — et non pour l'immense S<aint> Martin's Hall.

Le discours de Talandier a été d'une beauté, d'une force telle, que vous ne pouvez pas vous imaginer — j'avais des larmes aux yeux [5]. Mon discours a été accueilli avec des applaudissements frénétiques (grâce à l'infâme Golovine qui a publié dans le *Morning Adver<tiser>* que j'étais un Juif allemand—pensant que je n'oserai pas dire la vérité sur ma naissance—et je l'ai fait [6]. Alors Jones et le Comité ont publié un article [7]— tout cela m'a fait cette *ovatio*).

Une dame est venue me donner un bouquet — j'ai pensé que je suis Grisi ou grisé.

Adieu, cher Saffi, nous vous aimons tous chaudement; quand viendrez-vous? Je voudrais beaucoup parler avec vous.

Les discours seront dans le *Peoples Paper* — le vôtre aussi.— Après dans *l'Homme*[8] — je vous l'enverrai.

Je vous ai envoyé Michelet[9]. Pulsky écrira aussi, mais je vous tiens à la promesse.

L'introduction est un chef d'oeuvre, il n'a rien écrit de pareil dans sa vie — voilà un coup au catholicisme.

Adieu.

A. Herzen

M-selle Meysenbug vous salue[10].

Перевод:

29 февраля [1] <1855 г.>. Твикенгем.
Richmond house

Дорогой друг,

Хочу дать вам отчет о митинге [2] — все «бургграфы» Революции [3] отказались выступать. Не явился ни Л<уи> Блан, ни даже Ф<еликс>Пиа, а митинг прошел блестяще. Ваше имя было встречено бурными аплодисментами, тем более, что Мац<цини> прислал едкое и почти оскорбительное письмо. Но вашему превосходному посланию не повезло (кстати, оно будет переведено): ведь его читал этот проклятый Реклю [4] (называемый вами Маклю). Ну, знаете, ему хватило бы голоса только для болтовни с женщиной,— и то, если он лежит с ней в постели,— но никак не для громадного S<aint> Martin's Hall.

Речь Таландье отличалась такой красотой, такой силой, что вы и вообразить не можете,— у меня выступили слезы на глазах [5]. Моя речь была встречена бешеными рукоплесканиями (благодаря подлецу Головину, который напечатал в «Morning Adver<tiser>», будто я немецкий еврей, думая, что я не посмею сказать правду о своем происхождении, а я это сделал [6]. Тогда Джонс и Комитет напечатали статью [7] — благодаря всему этому я и заслужил такую ovatio*).

Одна дама поднесла мне букет — я уж подумал было, что я Гризи или grisé **.

Прощайте, дорогой Саффи, мы все горячо вас любим. Когда вы приедете? Мне очень хочется с вами побеседовать.

Речи появятся в «Peoples Paper» и ваша тоже, затем в «L'Homme»[8]. Я вам ее пришлю.

Я вам послал книгу Мишле [9]. Пульский тоже о ней напишет, но я помню о вашем обещании.

«Введение» настоящий шедевр, за всю свою жизнь он не написал еще ничего подобного,— это беспощадный удар по католицизму.

Прощайте

А. Герцен

М<адемуазель> Мейзенбуг вам кланяется [10].

[1] *29 февраля* — очевидно описка; 1855 г. — не високосный. Между тем факты, содержащиеся в письме, нельзя отнести к другому году.

[2] Речь идет о митинге в память февральской революции 1848 г., состоявшемся 27 февраля 1855 г. в St. Martin's Hall'е в Лондоне. В «Былом и думах» Герцен дважды возвращается к рассказу об этом митинге и своем участии в нем (Изд. АН, т. XI, стр. 165—166; 418—421. См. также в письмах к М. К. Рейхель от 11, 24 и 28 февраля и к Мишле от 2 марта 1855 г.— VIII, 135—136, 140—141, 154—155, 156—157).

[3] *Бургграф* — в средневековой Германии начальник города. В 1840—1850-х годах, под впечатлением драмы В. Гюго «Бургграфы», впервые поставленной на сцене в 1843 г., это слово употреблялось во Франции в ироническом смысле. Бургграфами называли крупных политических деятелей, закостенелых в своих взглядах, склонных рассматривать свою страну как сюзеренную собственность, диктовать ей свои законы и навязывать пути развития.

---

* овацию (лат.)

** Игра слов: «Grisi»— знаменитая певица, «grisé» — пьян.

[4] Вероятно, Эли *Реклю* (1827—1909) — старший брат Элизе Реклю, известный этнограф. После наполеоновского переворота оба брата были вынуждены покинуть Францию и эмигрировали в Англию. В 1853 г. Элизе уехал в Америку, где пробыл до 1857 г. Эли же оставался в Англии по 1855 г. включительно и жил в Лондоне и Дублине.

[5] Таландье выступил с горячей защитой социализма и с призывом к борьбе за «социальную республику». Речь его напечатана по-русски в изданной Герценом брошюре: «27 февраля 1855 г. Народный сход в память переворота 1848 в St. Martin's Hall, Long Acre, в Лондоне». Лондон, Вольная русская книгопечатня, 1855.

[6] Герцен говорит о своем протесте, посланном в редакцию «The Morning Advertiser» и напечатанном в этой газете 15 февраля 1855 г., в № 19861 (см. VIII, 136—138) Ср. «Былое и думы» (Изд. АН, т. XI, стр. 418—419) и письмо к М. К. Рейхель от 18 февраля 1855 г. (VIII, 138—139).

Головин утверждал будто бы Герцен не русский по происхождению и не имеет, следовательно, права выступать на международном митинге как представитель русского народа. Против этого и протестовал Герцен, рассказав, кто был его отец.

[7] Эрнст *Джонс* (1819—1869) — один из крупнейших руководителей чартистского движения, редактор газеты «The Peoples Paper», Опровержение Джонса было помещено в этой газете 18 февраля 1855 г., а Международного комитета — в «Daily News» 20 февраля 1855 г. (см. VIII, 139—140; Изд. АН, т. XI, стр. 419—421). И сам Джонс, и Международный комитет, председателем которого он состоял, отстаивали право Герцена представительствовать на митинге от лица русской демократии.

[8] Речи были напечатаны по-английски в «Peoples Paper» 5 марта 1855 г. и по-французски в «L'Homme», №№ 14 и 15 от 7 и 14 марта 1855 г.

[9] Первый том «Histoire de France au seizième siècle. Renaissance. Par J. Michelet». Paris, 1855 («История Франции шестнадцатого века. Возрождение»). Герцен очень высоко ценил этот труд Мишле. Он посвятил ему восторженную статью в первой книжке «Полярной звезды на 1855 год» и организовал отзывы о книге в европейской и американской прессе (ср. «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 277—278 и в настоящем томе, в публикации писем к Пульскому).

[10] На обороте письма — записи рукой Саффи, к письму отношения не имеющие.

9

6 mars ⟨1855⟩. Twickenham. Richmond house

La grandissime nouvelle, cher ami, de la mort de Nicolas, a une immense importance pour le monde slave. Il est impossible de continuer le despotisme russe, guerre ou paix — *mais il faut* relacher les brides ou l'édifice entier s'écroulera. Je pense qu'avec Alexandre on aura la paix, si ont veut la faire sans avoir pris Sébastopol. On n'entend pas un mot de Constantin [1] — je le crains. Le faible Alexandre sera peut-être plus maniable.

La mort de ce cauchemar m'a rendu jeune, j'ai immensement d'espérances.

Venez nous voir. Nous quittons la maison le 1 avril.

Je vous serre la main

A. Herzen

Je n'ai pas encore vu le discours, imprimé. Dès que je⟨le⟩verrai je vous ⟨l'⟩enverrai [2].

Перевод:

6 марта ⟨1855 г.⟩. Твикенгем.
Richmond house

Дорогой друг, величайшая новость о смерти Николая имеет важнейшее значение для славянского мира. Невозможно сохранять дальше русский деспотизм; война или мир — *все равно нужно* ослабить поводья, иначе все сооружение рухнет. Я думаю, что при Александре будет заключен мир, если согласятся его заключить не взяв Севастополя. Ни слова не слышно о Константине [1] — я его побаиваюсь. Слабохарактерный Александр, вероятно, будет более податлив.

Конец этого кошмара заставил меня помолодеть, я преисполнен надежд.

Навестите нас. Мы переезжаем 1 апреля.

Жму вашу руку.

А. Герцен

Я еще не видел вашей речи в печати. Как только увижу, пришлю ее вам [2].

[1] *Константин Николаевич* (1827—1892) — вел. кн., младший брат Александра II. Почему Герцен «побаивался» Константина — не ясно. Возможно, что он опасался его влияния на слабохарактерного царя, не зная еще, каково будет это влияние. В письме к Прудону от 24—31 июля 1855 г. Герцен писал: «Александр колеблется между Нессельроде и Ермоловым, между своим братом Константином и стаей немецких родственников. Он добр, он слаб...» (VIII, 198). Однако Константин стал вскоре известен как сторонник крестьянской и других реформ нового царствования.

[2] См. примеч. 8 к предыдущему письму.

10

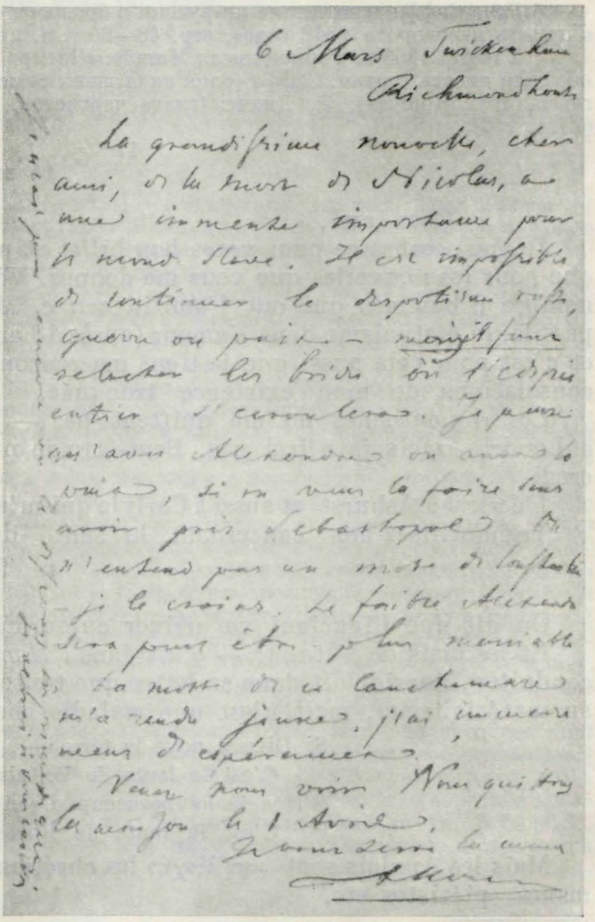
16 mars ⟨1855⟩. Twickenham. Richmond House

Cher ami,

Je reste jusqu'au 1 avril dans cette maison. Après je déménagerai dans les environs entre Mortlake et Hampton Court. Vers l'automne j'inventerai quelque petit voyage.

Je vous attends donc vers la fin du mois — et je vous prépare la même chambre avec Marie Antoinette (*in effigia*). Avez-vous ⟨vu⟩ quelle stupide et insolente préambule à votre discours et à celui de Talandier a fait *l'Homme*? Je veux en écrire à Pianciani [1] qui est maintenant le père de *l'Homme*. A propos, votre discours s'imprime en russe [2].

N'oubliez pas de grâce d'écrire l'article sur le livre de Michelet — je lui ai dit que vous me l'aviez promis — il vous remercie beaucoup [3].


6 Mars Twickenham
Richmond House

La grandissime nouvelle, cher ami, de la mort de Nicolas, a une immense importance pour le monde slave. Il est impossible de continuer le despotisme russe, guerre ou paix — mais il faut saisir les bribes où l'esprit entier s'écroulera. Je pense qu'avec Alexandre on aura la paix, si on veut la faire leur avoir pris Sebastopol. On n'entend pas un mot de Lafaste — je le croirai. Le fait Alexandre sera pour être plus manifeste. La mort de ce cauchemar m'a rendu jeune, j'ai immensément d'espérance.

Venez nous voir. Nous quitterons le 1 Avril.

Je vous serre le cœur

A. Herzen

АВТОГРАФ ПИСЬМА ГЕРЦЕНА К АВРЕЛИЮ САФФИ ОТ 6 МАРТА 1855 г.

Музей Центральной библиотеки Risorgimento, Рим

Tous les ducs de l'anarchie, les princes de la révolution et les archevêques de l'égalité — sont encore furieux du meeting. Oh! petits Nicolas... Oh! petits Pie VIII + $^1/_2$!

Adieu. A. Herzen

Перевод:

16 марта ⟨1855 г.⟩. Твикенгем.
Richmond house

Дорогой друг,

Я останусь здесь до 1 апреля. Затем поселюсь где-нибудь в окрестностях между Mortlake и Hampton Court. А осенью предприму какое-нибудь небольшое путешествие.

Итак, жду вас в конце месяца и готовлю вам ту же самую комнату с Марией Антуанеттой (in effigia *). Видели ли вы, какое дурацкое и наглое предисловие к вашей речи и речи Таландье поместил «L'Homme»? Я хочу написать об этом Пианчиани [1], который является теперь отцом «L'Homme». Между прочим, ваша речь печатается по-русски [2].

Не забудьте, ради бога, написать статью о книге Мишле,—я уже сказал ему, что вы обещали,— он вас горячо благодарит [3].

Все короли анархии, князья революции и архиепископы равенства до сих пор еще злобствуют по поводу митинга. О! маленькие Николаи... О! маленькие Пии VIII + $^1/_2$!

Прощайте.

А. Герцен

[1] См. письмо к Пианчиани № 18 и примеч. 2 к этому письму.

[2] Речь Саффи напечатана по-русски в брошюре «27 февраля 1855. Народный сход в память переворота 1848 года», стр. 48—60. См. примеч. 5 к письму № 8.

[3] 2 марта 1855 г. Герцен писал Мишле: «Четыре человека, более чем выдающихся, обещали писать статьи. Саффи (один из бывших римских триумвиров), Пульский (венгерец, друг Кошута), Э. Джонс (глава чартистов, друг О'Коннора) и В. Линтон» (VIII, 156).

11

14 avril ⟨1855⟩. Samedi. Richmond.
Cholmondeley Lodge

Cher ami,

Je vous embrasse pour votre bon billet et plus encore pour votre amitié, que pour les nouvelles que vous me donnez. Vous appartenez à ce tout petit nombre d'hommes qui ont l'amitié *active*. Moi je déteste les sentiments passifs, le platonisme dans l'amour (après 18 ans), l'apathie dans l'amitié — et c'est pour cela aussi que je tiens ma rencontre avec vous comme une des consolations de mon existence tronquée.

Les rhumatismes ne me quittent pas — j'ai voulu aller aujourd'hui à Londres, mais je n'irai pas. Peut-être je n'irai pas du tout avant mercredi.

J'écrirai à Ashurst[1] et aussi à Carlyle qui m'a écrit une assez longue lettre[2].

Tranquillisez-moi concernant la santé de Campanella[3] — et adieu.

Tout à vous
A. Herzen

On dit que Pianciani va arriver aujourd'hui.

Et les amis de l'Italie? — c'est dans *l'Homme* que j'ai lu leur héroïque conduite[4]. Mazzini dit dans sa lettre que toute la faute est à l'«athéisme et au matérialisme», mais c'est une maladie chez lui.

Si Dieu a noyé la terre —
C'est la faute de Voltaire,
S'il a lâché beaucoup d'eau—
C'est la faute de Rousseau! [5]

Mais les Anglais sont κατ'ἐξοχήν les chrétiens, les ultra-déistes, les théomanes, piétistes etc.

* на портрете (лат.).

Перевод:

14 апреля <1855 г.>. Суббота. Ричмонд.
Cholmondeley Lodge

Дорогой друг,

Обнимаю вас за вашу милую записку и за новости, которые вы мне сообщаете, а еще более за вашу дружбу. Вы принадлежите к очень небольшому числу людей, отличающихся *деятельной* дружбой. Я ненавижу вялые чувства, платонизм в любви (после 18 лет), равнодушие в дружбе и потому особенно ценю мою встречу с вами, как одно из утешений моей искалеченной жизни.

Ревматизм у меня не проходит; я собирался ехать сегодня в Лондон, но не поеду. Может быть, и совсем не поеду до среды.

Я напишу Ашерсту [1], а также Карлейлю, который прислал мне довольно длинное письмо [2].

Успокойте меня насчет здоровья Кампанеллы [3] и — до свиданья.

Весь ваш
А. Герцен

Говорят, что сегодня приедет Пианчиани.

А друзья Италии? — я прочел в «L'Homme» об их геройском поведении [4]. Маццини говорит в своем письме, что во всем виноваты «атеизм и материализм», но это уж его больное место.

Если бог затопил землю,
Это вина Вольтера;
Если он залил все водой,
Это вина Руссо [5].

Но ведь англичане-то христиане κατ'ἐξοχήν *, они ультрадеисты, теоманы, пиетисты и т. д.

[1] Вильям-Генри *Ашерст* (1792—1855) — лондонский адвокат. Был связан со многими политическими эмигрантами, друг Маццини. Герцен познакомился с Ашерстом вскоре по приезде в Лондон и в дальнейшем поддерживал это знакомство. Упоминаемое письмо Герцена к Ашерсту не известно.

[2] Имеется в виду письмо Карлейля от 13 апреля 1855 г. Герцен ответил ему в тот же день (14 апреля), когда писал Саффи. Свою переписку с Карлейлем Герцен опубликовал в V кн. «Полярной звезды», 1859 (ср. «Лит. наследство», т. 61, стр. 229—232).

[3] О Федерико *Кампанелле* см. примеч. 7 к письму № 4.

[4] *«Друзья Италии»* — «Society of the Friends of Italy» («Общество друзей Италии»), английское общество помощи итальянскому освободительному движению. Было организовано Маццини совместно с Ашерстом в 1852 г. В обстановке Восточной войны деятельность Общества, ставившего себе целью поддержку Италии в борьбе против австрийского ига, оказалась в противоречии с политикой английского правительства, искавшего союза с Австрией. В марте 1855 г. общество объявило, что оно приостанавливает свои занятия; фактически это означало его самороспуск. «L'Homme» поместила обращение Маццини, направленное в связи с этим председателю общества. В редакционной заметке, предпосланной обращению, газета язвительно объясняет мотивы, побудившие «Друзей Италии» прекратить свое существование. По словам газеты, общество закрылось, дабы «не вредить правительству, вовлеченному в бесценный союз с Австрией». Письмо Маццини выявляет реакционную сущность английской политики и призывает английский народ отказаться от дружбы с Австрией («L'Homme», 1855, № 19 от 11 апреля). Этот номер газеты и упоминается Герценом. Выражение «геройское поведение» «Друзей Италии» употреблено им иронически.

[5] *«Атеизм и материализм»* — перефразированные слова Маццини из обращения к «Друзьям Италии», в котором тот называл английское правительство «политическими атеистами», «адептами материалистической школы» и т. д. Стихотворение, цитируемое Герценом, высмеивающее французских реакционеров, видевших во всем «вредное влияние» Вольтера и Руссо, вошло во французскую речь как поговорка. Оно употребляется, чтобы подчеркнуть предвзятость и нелепость какого-либо обвинения. Встречается во многих французских письмах Герцена.

---

* по преимуществу (греч.).

12

⟨Richmond. Entre 1 et 15 juin 1855⟩. Jeudi

Cher Saffi — vous pouvez penser que j'ai la chaude écriture — car j'écris à chaque instant — mais voilà l'affaire.

Voulez-vous passer follement une soirée? — Après un semestre d'Oxford et un autre de Richmond — c'est même nécessaire. Dans ce cas venez demain, vendredi, entre 7 et 8 du soir chez *Epitaux* — café français sous les arcades de Pall-Mall, j'y serai, ou vous m'attendrez en vous consolant de mon absence par l'absinthe. De là nous irons à S⟨aint⟩ James théâtre voir Levasseur[1] qui me faisait rire jusqu'à la cholérine à Paris. De là — promenade nocturne à Richmond. Après minuit je vous garantis — *samedi*, le jour où vous avez voulu venir.

Si je reste à Londres sans vous voir, je viendrai vous réveiller à 8 heures du matin. Si vous couchez avec des êtres du sexe des Campanella et Mazzoleni[2]... Sinon — non.

Et dans tous les cas — samedi à 2 h⟨eures⟩ ou à 1. Vous viendrez. N'est-ce pas?

Перевод:

⟨Ричмонд. Между 1 и 15 июня 1855 г.⟩. Четверг

Дорогой Саффи, вы можете подумать, что у меня руки чешутся, так как я пишу вам ежеминутно, но вот в чем дело.

Хотите весело провести вечер? — После семестра в Оксфорде и второго в Ричмонде это просто необходимо. В таком случае приходите завтра, в пятницу между 7 и 8 вечера в «Эпито» — французское кафе под сводами Pall-Mall, я буду там или же вы меня подождете, утешаясь абсентом в мое отсутствие. Потом мы отправимся в Сент-Джемский театр смотреть Левассора [1], который в Париже смешил меня до колик. Потом — ночная прогулка в Ричмонд. После полуночи, ручаюсь вам, — наступит *суббота*, день, когда вы хотели приехать.

Если мне не удастся повидать вас в Лондоне, я приду разбудить вас в 8 часов утра. Если только вы ночуете с особами того же пола, что Кампанелла и Маццолени [2]... Если же нет, то не приду.

И во всяком случае — в субботу в 2 ч⟨аса⟩ или в час. Вы приедете, неправда ли?

[1] Пьер *Левассор* (Levassor, 1808—1870) — французский комический актер. Его гастроли начались в Лондоне в первых числах июня 1855 г., что и служит основанием для датировки письма. Характеристика актерского мастерства Левассора дана Герценом в «Письмах из Франции и Италии» (см. изд. АН, т. V, стр. 54—55).

[2] См. примеч. 7 к письму № 4.

13

25 juin ⟨1855⟩. Cholmondeley Lodge. Richmond

Cher ami,

Vous m'avez fait un grand plaisir par votre petite lettre, je commençais à vous en vouloir pour votre silence, d'autant plus que ce silence était précédé par votre départ criminel de Londres à Oxford — sans me voir. «Lui écrirai-je ou non?» — je me le demandais dix fois — et là commence déjà ma faute.

Je vous attends à Richmond, prévenez-moi 24 h⟨eures⟩ d'avance, je viendrai aussi très volontiers dans Radnor Street.

Rien de grave chez moi — comme toujours je ris de dépit, je ris de caprice et avec chaque jour je méprise plus profondément les hommes, c'est à dire — non pas les hommes — mais moi-même pour avoir eu pendant 43 ans une opinion trop favorable d'eux. Figurez-vous qu'Engelson — pour une observation générale faite par moi, a non seulement brisé tous les rapports, avec moi — mais il est devenu un accusateur acharné, un calomniateur, un

ЛОНДОН РИДЖЕНТ СТРИТ
Автолитография Т.-С. Бойса, 1842 г.
Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

ЛОНДОН. УЛИЦА ПЭЛ-МЭЛ
Автолитография Т.-С. Бойса, 1842 г.
Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

ennemi enragé [1]. Je laisse, si cela vous intéresse sous le rapport pathologique, à m-selle Meysenbug ou à Domengé vous raconter cette chose qui m'a stupéfié. Encore une leçon...

La grande philosophie — vous l'avez en partie — c'est de savoir être *seul* et vive l'*«omnia mea mecum porto»*. C'est dur — mais qui nous a promis de l'édredon?

Seul — ou avoir un catholicisme quelconque, c'est à dire foi aveugle, penser chaque soir en se couchant qu'on se réveillera dans une république; alors la vie devient quelquefois orageuse — toujours facile et les deux chemins mènent — à Bedlam.

Hier c'était le 24 juin. Lugubre anniversaire de la seule lutte colossale et grande depuis 93[2].

Mais, mon Dieu, vous savez tout cela mieux que moi.

Adieu donc.

Quand est-ce que vous me commencerez à haïr et à me poursuivre?

Et l'animal de rédacteur avec l'article sur Michelet. Dites de grâce, est-ce décent d'être bête à l'anglaise. Et moi, j'ai déjà écrit à Michelet [3].

Au revoir.

C'est aujourd'hui le jour de naissance d'Alexandre — 16 ans, et moi, vieux sceptique, j'existe encore.

Перевод:

25 июня <1855 г.>. Cholmondeley Lodge. Ричмонд

Дорогой друг,

Вы меня очень порадовали вашим письмецом. Я уже начал было обижаться на ваше молчание, тем более, что ему предшествовал ваш преступный отъезд из Лондона в Оксфорд — вы уехали, не повидав меня. «Писать мне ему или нет?» — спрашивал я себя десятки раз — и тут уже начинается моя вина.

Я жду вас в Ричмонде, предупредите меня за сутки; я очень охотно приеду также на Radnor Street.

У меня ничего важного не произошло — как всегда, я смеюсь с досады, смеюсь, чтобы отвести душу, и с каждым днем все глубже презираю людей, то есть вернее не людей, а самого себя, за то, что целых 43 года был о них слишком высокого мнения. Представьте себе, что Энгельсон из-за какого-то моего замечания общего характера,— не только порвал со мной всякие отношения, но обратился в ожесточенного моего обвинителя, клеветника, яростного врага [1]. Если вас это интересует с патологической точки зрения, я предоставляю м-ль Мейзенбуг или Доманже рассказать вам этот поразивший меня случай. Еще один жизненный урок...

Высшая философия — вы отчасти ее достигли — это уменье быть *одиноким* и да здравствует «omnia mea mecum porto» *. Это жестко, да кто же сулил нам пуховики?

Или быть одиноким — или же утешаться каким-нибудь католичеством, то есть слепой верой, и каждый вечер, ложась спать, думать, что проснешься уже в республике; тогда жизнь становится порою бурной, всегда — легкой, и оба пути ведут в Бедлам.

Вчера было 24 июня. Мрачная годовщина единственной огромной и великой борьбы со времен 93 года [2].

Но, боже мой, вы же всё это знаете лучше меня!

Итак, прощайте.

Когда же и вы начнете меня ненавидеть и преследовать?

А что наделал этот болван редактор со статьей о Мишле! Скажите на милость, ну прилично ли быть глупым на английский лад? А я уже написал Мишле [3].

До свидания.

Нынче день рождения Александра — 16 лет. А я-то старый скептик, все еще жив.

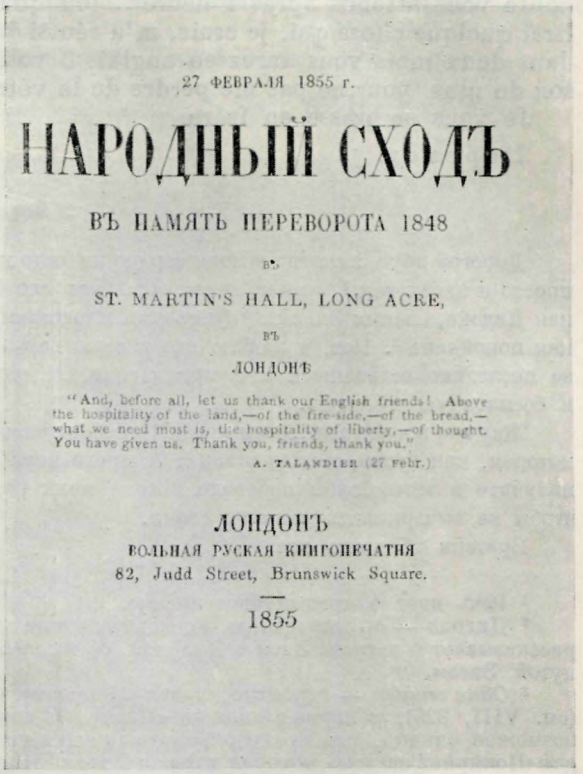
---

* «Все свое с собой ношу» (лат.).

БРОШЮРА «НАРОДНЫЙ СХОД В ПАМЯТЬ ПЕРЕВОРОТА 1848», ИЗДАННАЯ ГЕРЦЕНОМ ЛОНДОН, 1855

Русский перевод речей Герцена, А. Саффи и А. Таландье на митинге в St. Martin's Hall'е 27 февраля 1855 г. в Лондоне

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва



27 ФЕВРАЛЯ 1855 г.

НАРОДНЫЙ СХОДЪ

ВЪ ПАМЯТЬ ПЕРЕВОРОТА 1848

ВЪ

ST. MARTIN'S HALL, LONG ACRE,

ВЪ

ЛОНДОНѢ

"And, before all, let us thank our English friends! Above the hospitality of the land,—of the fire-side,—of the bread,—what we need most is, the hospitality of liberty,—of thought. You have given us. Thank you, friends, thank you."

A. TALANDIER (27 Febr.)

ЛОНДОНЪ

ВОЛЬНАЯ РУСКАЯ КНИГОПЕЧАТНЯ

82, Judd Street, Brunswick Square.

1855

[1] О разрыве Герцена с Энгельсоном см. «Былое и думы» (изд. АН, т. X, стр. 365—366); эпизод описан и у М. Мейзенбуг («Воспоминания идеалистки», Цит. изд., стр. 329—331). Под непосредственным впечатлением Герцен сообщал о происшедшем М. К. Рейхель: «...2-го мая мы сидели с Эн⟨гельсоном⟩ утром и вспоминали 52 год; я ему рассказывал самые интимные происшествия; он слушал, тронутый и подтверждал. Пять дней после он пришел с заряженным пистолетом ⟨...⟩,выдал меня за злодея, и все это без всякого другого повода, как из денег и зависти. Какие удивительные испытания судьба мне предоставила!» (VIII, 187).

[2] Годовщина восстания парижского пролетариата 23—26 июня 1848 г. Июньским дням с их жестокой расправой, учиненной правительственными войсками и буржуазной гвардией над рабочими, посвящены известные страницы «Писем из Франции и Италии», «С того берега», «Былого и дум».— 93 год — 1793 год, время установления якобинской диктатуры во Франции.

[3] См. в письме к Саффи № 10,примеч. 3.Отзыв Саффи о книге Мишле был напечатан в первом июньском номере «Westminster Review», 1855 (см. VIII, 181). «Я передал Саффи ваше письмо,— писал Герцен Мишле 8 июля 1855 г.— С его статьей о *Renaissance* была долгая история (статья — совершенство; кроме того, манчестерский колледж пригласил Саффи прочитать курс об итальянской литературе XV века). Саффи хочет посвятить одну лекцию вашей книге ⟨...⟩ Редактор отказался напечатать конец, потому, я думаю, что нашел его *недостаточно христианским*, тогда как вся статья — совершенно *антихристианская*» (VIII, 191

14

27 juin ⟨1855⟩. Cholmondeley Lodge. Richmond

Cher ami, jamais aucune idée de doute n'est entrée à votre endroit dans mon cœur — je vous ai écrit[1] en plaisantant amèrement sur mon sort d'être abandonné comme Didon par mes *Enées* (et par mes *cadets*) sans avoir péché avec eux comme la défunte[2]. Non, je vous aime et je vous crois — et cela m'est nécessaire, je me cramponne aux derniers sentiments qui me restent pour ne pas faire un potager stérile de toute mon existence.

Je vous attends après 1 heure... (ou quand?) samedi pour sûr; je vous lirai quelque chose qui, je crois, m'a réussi [3]. J'ai assez travaillé. A propos, dans deux mois vous aurez en anglais 2 volumes de mes mémoires [4]... raison de plus pour ne pas me perdre de la vôtre.

Je vous embrasse en frère. A. Herzen

Перевод:

27 июня ⟨1855 г.⟩. Cholmondeley Lodge. Ричмонд.

Дорогой друг, никогда в моем сердце не было и тени сомнения относительно вас,— просто я писал вам [1], горько насмехаясь над своей судьбой, над тем, что я покинут, как Дидона, своими Энеями * (и своими младшими), даже не успев согрешить с ними, как покойница [2]. Нет, я люблю вас и верю вам—и мне это необходимо; я цепляюсь за последние оставшиеся мне привязанности, чтобы вся моя жизнь не обратилась в бесплодную пустыню.

Жду вас после часа... (или когда?) в субботу непременно; я прочту вам одну вещицу, которая, как будто, мне удалась [3]. Я много поработал. Кстати, через два месяца вы получите в английском переводе 2 тома моих воспоминаний [4]... лишнее основание чтобы не вычеркивать меня из своих.

Братски обнимаю вас. А. Герцен

[1] Речь идет о предыдущем письме.

[2] Дидона — по преданию, основательница Карфагена. В «Энеиде» Вергилий рассказывает о встрече Энея с Дидоной, об их любви и самоубийстве Дидоны, покинутой Энеем.

[3] *Одна вещица* — вероятно, статья «К нашим». Она датирована у Лемке 13/25 июля (см. VIII, 225), в первой книжке «Полярной звезды» — 6 августа 1855 г. Вполне возможно, однако, что Герцен работал над ней в июне, так как статья предназначалась для «Полярной звезды», которая должна была выйти 1 июля, но по каким-то причинам задержалась выходом и появилась лишь во второй половине августа. К этому же времени относится работа Герцена над отзывом о «Возрождении» Мишле, но едва ли он назвал бы отзыв «вещицей».

[4] Подразумевается английское издание «Тюрьмы и ссылки» («My Exile in Siberia») — вышло в начале октября 1855 г. «Я проследил с великим удовольствием критику или, точнее сказать, дань удивления английских журналов вашей книге. Я прочел ее всю ⟨...⟩ Это — творение, которое останется, в то время как все проходит, все вымирает в этом поверхностном и благерном ⟨от французского *blagueur* — насмешливый, хвастливый⟩ веке. В вашей книге слово есть одновременно и мысль, и чувство, и действие,— вот секрет ее успеха»,— писал Саффи Герцену о «Тюрьме и ссылке» 12 ноября 1855 г. (VIII, 242).

15

30 juillet ⟨1855⟩. Cholmondeley Lodge Richmond

Cher ami,

La lettre de Mazzini est déjà traduite, elle est très affectueuse. V⟨ictor⟩ Hugo a écrit aussi dans le même genre. La lettre de Michelet va plus au fond. Proudhon a aussi écrit — mais la sienne est ininsérable [1]. Vous savez comme on fait dans les embarcadères la stricte distinction. Côté des dames — côté des hommes. C'est ainsi que la lettre de Pr⟨oudhon⟩ est du côté «de la haine» —mais c'est un chef d'œuvre. Teodorani ⟨?⟩ m'a écrit, il veut imprimer quelque chose et demande de garantir pour lui etc. Il finit sa lettre en disant: «Je crois que votre amitié pour moi ne se trouvera pas en défaut». J'étais très content de savoir que j'avais tant d'amitié pour lui.

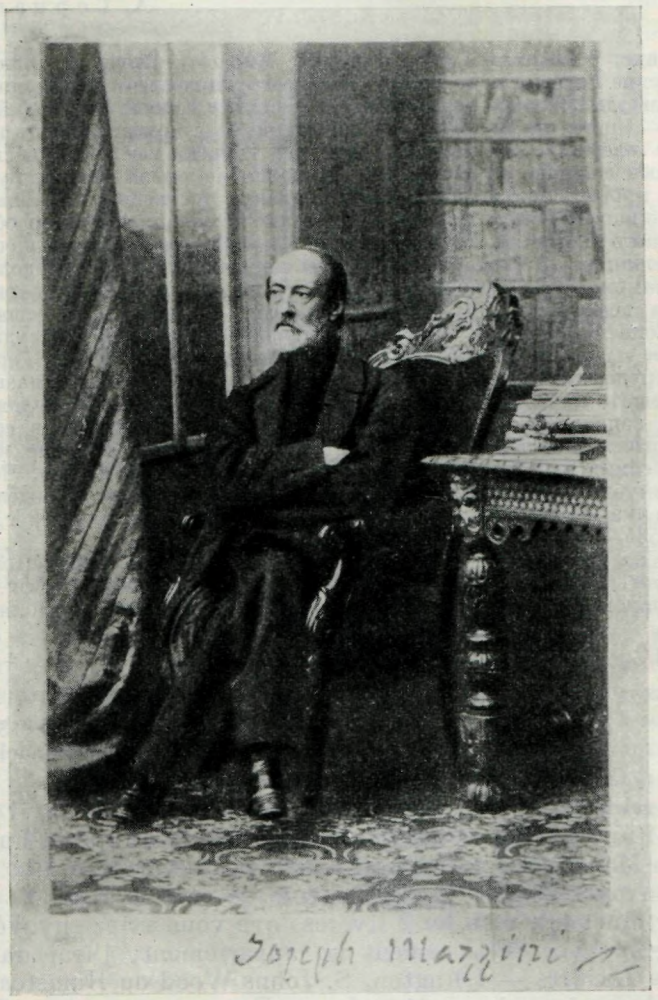
Il y a de Francfort *50* exemp⟨laires⟩ de l'*Etoile Polaire* de commandés chez *Trübner*. Qu'en dites-vous?

* Игра слов: по-французски слова «Enée» (Эней) и «aîné» (старший) звучат одинаково.

J'ai annoncé un article de vous, en vous nommant Marc-Aurèle — donc vous êtes engagé et compromis [2].

Adieu. Rien de nouveau absolument. Tout à vous.

A. Herzen



ДЖУЗЕППЕ МАЦЦИНИ

Фотография из альбома А. М. Горчакова, 1860-е гг.

Центральный исторический архив, Москва

Перевод:

30 июля ⟨1855 г.⟩, Cholmondeley Lodge. Ричмонд.

Дорогой друг,

Письмо Маццини уже переведено, оно очень сердечное. В⟨иктор⟩ Гюго написал в том же роде. Письмо Мишле более глубоко по смыслу. Прудон тоже написал, но его письмо не для печати [1]. Знаете, это как на перроне, где строго разделено: с одной стороны для дам, с другой — для мужчин. А вот письмо Прудона... на стороне «ненависти», но это шедевр. Теодорани ⟨?⟩ пишет мне, что хочет кое-что напечатать и просит гарантировать ему и т. д. Он заканчивает письмо словами: «Рассчитываю здесь на вашу дружбу». Я был очень обрадован, узнав, что питаю к нему такую дружбу.

У *Трюбнера* есть заказ из Франкфурта на *50* экземп⟨ляров⟩ «Полярной звезды». Что вы на это скажете?

Я уже поместил объявление о вашей статье, назвав вас Марком Аврелием — таким образом вы уже завербованы и скомпрометированы [2].

Прощайте. Нового решительно ничего. Весь ваш

А. Герцен

[1] Речь идет о письмах Гюго, Маццини, Мишле и Прудона, присланных в ответ на приглашение Герцена поддержать своим сотрудничеством предпринятое им издание «Полярной звезды». Герцен напечатал эти письма в первой книжке «Полярной звезды на 1855 г.» — кроме письма Прудона, из которого он поместил лишь небольшой отрывок. Письмо содержало ряд неприемлемых для Герцена мыслей о России. Так, Прудон искал «тайных корней» русского самодержавия «в самом сердце русского народа», приписывал прогрессивную роль царю, придавал преувеличенное значение своеобразию русского исторического развития, отрывая тем самым Россию от общеевропейского революционного движения. Опубликованию письма препятствовали и соображения тактического порядка. Прудон ставил в этом письме вопрос о преодолении слабостей, присущих самим революционерам. «Не следует ли,— спрашивал он,— прежде чем нападать на деспотизм притеснителей, напасть на деспотизм освободителей?» — и предлагал Герцену союз для беспощадной борьбы «против предрассудков, хотя бы мы их встречали у наших единомышленников-братьев». В этом пункте Герцен был вполне согласен с Прудоном, благодаря этому письмо и заслужило от него название «шедевра». Однако помещать призыв к развернутой критике ошибочных взглядов и действий руководителей западноевропейской демократии, участию которых в создаваемом русском периодическом органе Герцен придавал такое большое значение, и при этом рядом с письмами самих этих руководителей, было, конечно, неуместно. Четыре года спустя Герцен опубликовал это письмо Прудона в своем переводе в разделе «Старые письма» (дополнение к «Былому и думам») в «Полярной звезде на 1859 г.» (см. изд. АН, т. XI, стр. 535—537).

[2] В списке материалов, намеченных для дальнейших книжек «Полярной звезды», указано: «Статья об итальянских республиках Марка Аврелия Саффи, одного из римских триумвиров» («Полярная звезда на 1855 г.»); статья эта в «Полярной звезде» не появилась.

16

15 novembre ⟨1855⟩. Richmond.
Cholmondeley Lodge

Cher ami,

L'éditeur de mes livres n'a pas donné d'exempl⟨aires⟩, il a envoyé seulement 4—l'un est chez vous. Or donc je lui écris aujourd'hui de vous expédier pour Manchester un exemp⟨laire⟩[1], peut-être il aura la délicatesse de ne pas m'envoyer la note — s'il l'envoie, je vous le dirai.

J'ai certainement reçu les 2 liv⟨res⟩ que vous aviez envoyés.

Je cherche avec acharnement un appartement, j'irai dans les landes sauvages de Londres — Islington, S. Johns Wood ou Hamstead. Je ne reste à Richmond que jusqu'au 5 décemb⟨re⟩. Est-ce que vous viendrez avant? — Plutôt ne venez pas avant le 29 nov embre⟩. C'est le jour des meetings pour la Pologne, pour Pyat, pour Jersey, pour le socialisme, pour le patriotisme — contre les trois patriarches de l'Atlas [2]. Je propose d'élire Filopanti (Quiricus) pour président [3]. Je ne prendrai pas de part active, vous pouvez en être sûr — mais je tremble pour les autres. L'affaire de Jersey va admirablement bien; quel démon les pousse donc de l'envenimer. Le meeting de S⟨aint⟩ Martins Hall était bien arrangé — il y aura d'autres. C'est aux Anglais de s'élever contre les tentatives bonapartistes de Palmerston — et non aux réfugiés [4]. Domengé seul partage mon opinion... les Polonais socialistes commencent à me trouver froid, peu fraternel, n'aimant pas l'action, rongé de scepticisme, ulcéré de doutes, décomposé par l'individualisme, entamé par l'épicuréisme... Les Français disent: nous voyons que c'est bête — mais un républicain doit être *conséquent et solidaire*. Continuons la bêtise.

On dit que Palmerston touché de tout cela veut proposer gratis la salle

de Bedlam — pour le meeting des *Aliénés* et après l'*Alien*-bill viendra de soi-même.

Adieu. Je suis très content que vos lectures ont réussi — est-ce qu'elles sont bonnes aussi par rapport au *vil* métal?

Toute la maison vous salue.

A. Herzen

Je n'ai jamais vu une adresse plus longue que la vôtre.

Madem⟨oiselle⟩ Meysenbug connaît votre *Rev⟨erend⟩* Scott, elle l'a connu chez m-me Schwabe[5], l'estime beaucoup et le salue.

Перевод:

15 ноября ⟨1855 г.⟩. Ричмонд.
Cholmondeley Lodge

Дорогой друг,

Издатель моих книг не дал мне экземпл⟨яров⟩, он прислал только 4 — один из них у вас. Сегодня я прошу его в письме отправить вам в Манчестер один экземп⟨ляр⟩[1]; может быть, у него хватит совести не посылать мне счета; — если же пришлет, я вас извещу.

Разумеется, я получил 2 фун⟨та⟩, которые вы мне послали.

Я упорно ищу квартиру; я отправлюсь в дикие окрестности Лондона — Islington, S. Johns Wood или Hamstead. В Ричмонде мы останемся только до 5 декаб⟨ря⟩. Может быть, соберетесь приехать раньше? Но раньше 29 ноя⟨бря⟩ лучше не приезжайте. Это день митингов в защиту Польши, Пиа, Джерси, социализма, патриотизма — против трех патриархов Атласа[2]. Я предлагаю выбрать председателем Филопанти (Квирико)[3]. Сам я не приму активного участия в выступлениях,— можете быть уверены, но я дрожу за других. С джерсийским делом все идет прекрасно. Какой злой дух подбивает их обострять положение? Митинг в S. Martin's Hall был хорошо организован. Будут и другие. Это уж дело англичан — восставать против бонапартистских затей Пальмерстона, а вовсе не изгнанников[4]. Один Доманже разделяет мое мнение... Польские социалисты уже находят, что я холоден, что во мне мало братских чувств, что я не люблю нашего дела, что я разъеден скептицизмом, отравлен сомнениями, испорчен индивидуализмом, заражен эпикурейством... Французы говорят: мы сами видим, что это глупо, но республиканец обязан быть *последовательным и солидарным* — так будем же упорствовать в этой глупости.

Говорят, будто Пальмерстон, тронутый всем этим, хочет даром предложить залу в Бедламе для митинга *сумасшедших* и тогда билль об *иностранцах** появится сам собой.

Прощайте. Я очень рад, что ваши лекции прошли хорошо; также ли они удачны в отношении *презренного* металла?

Все мои домашние вам кланяются.

А. Герцен

Я никогда не видел более длинного адреса, чем ваш.

Мадем⟨уазель⟩ Мейзенбуг знает вашего Rev⟨erend⟩** Скотта, она встречала его у г-жи Швабе, очень его уважает и шлет ему поклон[6].

[1] Ответ на просьбу Саффи прислать ему в Манчестер, где он читал тогда лекции, помимо полученного в подарок от Герцена, еще один экземпляр английского перевода «Тюрьмы и ссылки». Саффи хотел преподнести книгу своим знакомым англичанам. См. письмо Саффи от 12 ноября 1855 г. (VIII, 242).

[2] 29 ноября эмиграция отмечала обычно годовщину польского восстания 1830 г. В 1855 г. в этот день в Лондоне состоялось два митинга: один, организованный польской

* Игра слов: «aliéné» (франц.) — сумасшедший, «alien» (англ.) — иностранец
** достопочтенного (англ.).

«Централизацией», другой — польскими социалистами и Международным комитетом. На митингах, помимо резолюции по польскому вопросу, были вынесены резолюции протеста против изгнания эмигрантов с острова Джерси, высланных оттуда за опубликование в «L'Homme» статьи Ф. Пиа, осуждавшей союз Англии с бонапартистской Францией и содержавшей выпады против королевы Виктории («L'Homme», № 45 от 10 октября 1855 г. См. также ниже вступительную статью к письмам Герцена к Пианчиани). Мы видим, таким образом, что Герцен был хорошо осведомлен о предстоящих 29 ноября выступлениях. «Тремя патриархами Атласа» он называет Маццини, Кошута и Ледрю-Роллена; критике подвергалось их «обращение к республиканцам» (см. в письме к Пианчиани № 28). «Атлас» — газета Кошута.

[3] *Филопанти Квирико* (Filopanti Quirico) — псевдоним Джузеппе *Барилли* (Barilli, 1812—1894), итальянского политического деятеля, писателя и ученого. Филопанти—участник итальянского освободительного движения, секретарь римского учредительного собрания и триумвирата (1849 г.); 1850-е годы провел в эмиграции.

[4] Речь идет о митинге, состоявшемся 13 ноября 1855 г. в Сен Мартинс Холле в Лондоне. Митинг был организован англичанами в знак протеста против высылки эмигрантов с Джерси и нарушения традиционного английского права убежища. Джерсийские события объяснялись английской прогрессивной общественностью нажимом со стороны Наполеона III. Митинги в защиту джерсийских изгнанников происходили в те дни в Нью-Кестле и других городах Англии. Сами англичане «восставали,— как говорит Герцен,— против бонапартистских затей Пальмерстона», тогда премьер-министра Англии. Наряду с этим консервативная газета «Times» требовала репрессивных мер против эмигрантов — «билля против иностранцев».

[5] *Скотт* — директор одного из манчестерских колледжей. Для Скотта предназначался экземпляр английского перевода «Тюрьмы и ссылки», о котором просил Саффи (см. примеч. 1). Г-жа *Швабе* (Salis-Schwabe) — жена крупного английского промышленника, немца по происхождению.

[6] На обороте письма — запись рукой Саффи, к письму отношения не имеющая.

17

I Peterborough villas. Finchley. New Road.
⟨Londres.⟩ 17 décembre ⟨1855⟩

Vous savez, cher Saffi, que l'indépendance jusqu'à l'exagération est mon idéal, en amitié comme en toute chose, or donc j'accepte de bon cœur votre refus. Mais il faut que cela reste entre nous. L'idée de vous inviter ne m'appartient pas *à moi seul*; il faut donc que je dise quelque chose — je dirai que vous étiez encore à Manchester etc.

Maintenant je m'en vais vous expliquer quel sens aurait eu votre signature. Je suis sûr que l'accusation est sortie de la forgerie Ledru-Rollin et Cnie. C'est une vengeance. Votre nom comme ami de Mazzini aurait eu tout le sens d'une protestation. Comme le nom d'un homme saintement pur et jamais attaqué — il aurait donné une grande sanction à la chose [1].

L'absence de l'opinion publique est une des plaies les plus terribles du parti révolutionnaire. Je pense que c'est légal, que c'est nécessaire de ne pas tolérer dans le parti des canailles, et de défendre collectivement les hommes purs.

Tout cela n'existe pas, notre parti n'a aucun sens moral. Les résultats en sont — que Golovine a éte toléré par tout le monde ici, et a reçu des lettres de recommandation pour New-York. Et que Talandier parce qu'il ose attaquer 1/3 de la Trimourti est vilipendé. Le *Morning Advert⟨iser⟩* insinue des choses du même aloi contre moi — c'est plus que possible que c'est le même Golov⟨ine⟩. Puis-je répondre?.. Heureusement une dame s'est trouvée qui a pris la parole (Miss Reeve) en ma faveur [2].

C'est toujours mon ancienne idée du tribunal à nous qui me rôde dans la tête. Nous ne l'avons pas parce que nous ne formons pas de parti, nous ne sommes pas les parties d'un organisme vivant — mais porteurs d'une idée morte, d'un cadavre.

Avez-vous lu l'adresse de Mazz⟨ini⟩ et Kos⟨suth⟩ aux Polonais — où on parle de la «Sainte guerre»... et de la «faiblesse»... et les Polonais... la mort... la mort...[3]

Venez donc passer les fêtes à Londres.

A. Herzen

Перевод:

I Peterborough villas. Finchley. New Road
<Лондон.> 17 декабря <1855 г.>

Вы знаете, дорогой Саффи, что независимость, доведенная даже до крайности,— мой идеал в дружбе, как и во всем, и поэтому я охотно принимаю ваш отказ. Но пусть это останется между нами. Мысль пригласить вас принадлежит *не мне одному*, и мне надо выдумать какую-нибудь отговорку — я скажу, что вы все еще в Манчестере и т. п.

Теперь я объясню вам, какое значение имела бы ваша подпись. Я убежден, что обвинение вышло из кузницы Ледрю-Роллена и К°. Это месть. Ваше имя, как друга Маццини, имело бы значение протеста. Как имя человека, кристально чистого и ничем не запятнанного, оно придало бы больший вес этому делу [1].

Отсутствие общественного мнения — одна из самых страшных ран революционной партии. Я считаю вполне законным и необходимым не терпеть в партии негодяев и защищать сообща людей чистых.

Ничего этого нет, наша партия совершенно лишена нравственного чувства. Результаты таковы, что Головина здесь все терпели и он получил рекомендательные письма в Нью-Иорк. А Таландье за то, что он посмел нападать на одну треть Тримурти*, смешали с грязью. «Morning Advert<iser>» распространяет обо мне клевету того же сорта — более чем вероятно, что это все тот же Голов<ин>. Могу ли я отвечать?.. К счастью, нашлась дама (мисс Рив), которая выступила в мою защиту [2].

У меня не выходит из головы давнишняя моя мысль о нашем собственном трибунале. У нас его нет, потому что мы не составляем партии, мы являемся не частями живого организма, а носителями мертвой идеи — трупа.

Читали ли вы обращение Мацц<ини> и Кош<ута> к полякам, где говорится о «Священной войне»... и о «слабости»... и поляки... смерть... смерть... [3]

Приезжайте же на праздники в Лондон.

А. Герцен

[1] Об этом инциденте см. вступительную статью к публикуемым письмам. Возможно, что Герцен просил Саффи подписать протест Международного комитета, выступившего в защиту Таландье. Протест был направлен в редакцию «L'Homme», но в печати не появился. Газета ограничилась сообщением о его получении и своей полной с ним солидарности («L'Homme», № 52 от 7 декабря 1855 г.). Что касается отказа Саффи участвовать в защите Таландье, то тут, очевидно, сказалось влияние Маццини. Он указывал Саффи, что тот недостаточно знает Таландье и не может «по совести» за него поручиться, а «твое имя», писал он, дало бы повод думать, что «ты от нас отходишь» («Lettere di Giuseppe Mazzini ad Aurelio Saffi e alla famiglia Crauford». Roma. Milano, 1905. Письмо условно датировано в этом издании «лето, 1855 г.»).

[2] Речь идет о клеветнических нападках газеты «The Morning Advertiser», поводом для которых послужило название английского перевода «Тюрьмы и ссылки» — «My Exile in Siberia» («Моя ссылка в Сибирь»), проставленное издателями книги без ведома Герцена. Газета утверждала, будто Герцен назвал книгу «Ссылкой в Сибирь» (где он никогда не был) в рекламных целях и вводил в заблуждение читателей (см. изд. АН, т. XI, стр. 166—167). Статья в защиту Герцена появилась в той же газете от 6 декабря 1855 г. и не только опровергала возводившиеся на Герцена обвинения, но давала высокую оценку его книге. Она подписана псевдонимом «Довольный, а не обманутый». Автор ее до настоящего времени оставался неизвестным и устанавливается здесь впервые (ср. «Лит. наследство», т. 63, 1955, стр. 810—811). Эмилия *Рив* — друг и почитательница Герцена (см. о ней «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 256—258).

[3] Герцен имеет в виду обращение Маццини, Кошута и Ледрю-Роллена к полякам по случаю годовщины польской революции 1830 г. Обращение было прочитано 29 ноября 1855 г. на митинге в St. Martin's Hall'е, посвященном этой годовщине. Напечатано в «L'Homme», № 52, от 7 декабря 1855 г. Авторы отмечают неблагоприятную обстановку, сложившуюся в Англии для дела освобождения Польши. Английское правительство, говорилось в обращении, встав на ложный путь, посылает своих сыновей гибнуть в бессмысленной войне, и война эта не сулит Польше освобождения. Полякам не следует принимать в ней участие. «Лучшая надежда Польши — сама Польша...»

* Тримурти—индусская троица: Брама, Вишна, Сиву.— *Ред.*

18

⟨Londres.⟩ 14 mai 1856.
I Peterborough villas. Finchley. New Road

Cher ami,

Est-ce que vous savez qu'il y a cinq mois que vous n'avez pas pensé à moi. Je vous boude un peu pour cela et je vous écrirai une lettre très longue pour vous fatiguer, car j'ai beaucoup à vous raconter. Ma vie s'est complètement changée. Le 9 avril est arrivé à Londres Ogareff — l'ami duquel j'ai tant parlé, duquel j'ai écrit dans mes mémoires, enfin le poète dont q⟨uel⟩⟨q ues⟩ poésies ont été traduites par moi à Richmond house. Il est arrivé terriblement malade — et j'étais complètement absorbé par sa maladie, enfin cela va mieux. Deville[1] espère beaucoup et je respire plus librement et je veux parler avec vous — car écrivez-moi ou non, je sais que vous m'aimez et prenez part à tout ce qui me concerne.

Cet homme est resté l'ami de l'enfance, de la jeunesse, de la prison etc.— nous sommes entrés (comme j'ai écrit) ensemble, main en main, dans la vie, je l'appelai pour sortir ensemble[2]— et je le trouve tel qu'il a été. Savez-vous qu'au bout du compte il n'y a qu'un seul sentiment qui peut traverser la vie d'un bout à l'autre — c'est l'amitié. C'est à dire dans le cas d'un développement parallèle.

On dit que vous êtes professeur — mais où, comment — je n'en sais rien. C'est Plattenauer[3] qui me l'a dit et m-me Carlyle[4] — qui a définitivement désappris toutes les langues de terre ferme; je l'ai rencontrée au concert de je ne sais qui.

Et que dites-vous de la paix faite en faveur de la Russie par ses ennemis. La Turquie et la Belgique payant les pots cassés...[5] L'humanaille se surpasse. Ici on a défendu la musique dans les parcs — et, pauvres rêveurs, nous pensons encore aux Républiques et aux Démo-socies. Oui, donnez le suffrage universel à ces orangs-outangs baptisés — vous en sentirez bieu vite les fruits.

Quels sont vos projets pour l'été? Moi je pense plus fortement que jamais d'ajouter au plaisir d'avoir vu l'Angleterre— le bonheur de la quitter. Mais pas avant trois mois. J'irai en Suisse — et je verrai ce qu'il y a à faire dans ma patrie № 2[6].

Les nouvelles de la Russie sont excellentes. Cela marche, cela marche et le gouvernement est involontairement entraîné dans une série de remue-ménage — qui le déborderont un jour.

J'attendrai bien vite un mot de votre part; je me régale déjà par anticipation de votre connaissance future avec Ogareff. Il parle quatre fois moins que vous — vous pouvez donc sympathiquement rien dire l'un à l'autre — je me charge de la besogne des speeches.

Adieu, cher Saffi, tout le monde vous salue. Les enfants vont bien, pourtant Olga a une grippe... mais ce monstre, cet assassin, ce forçat de climat — c'est un animal insulaire et insultant.

Pinto a été ici.

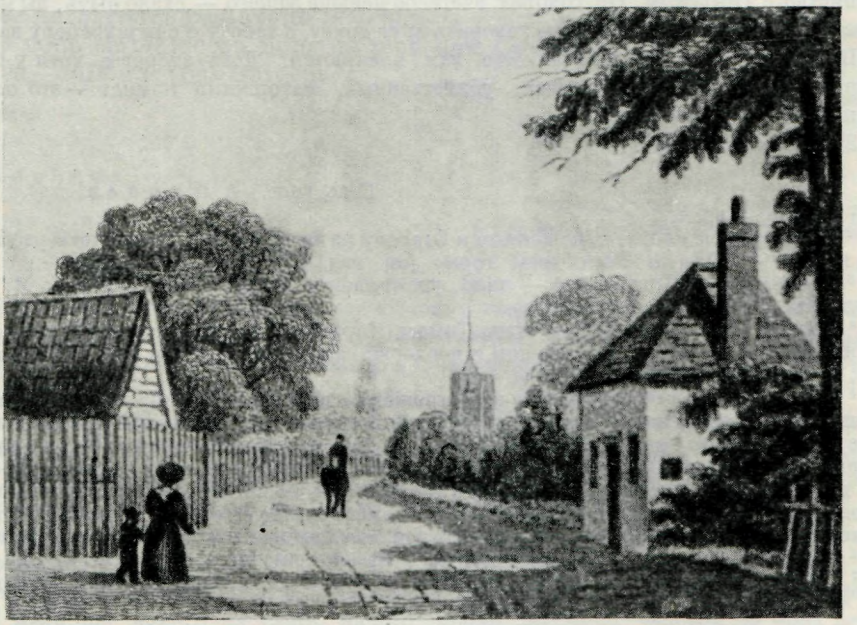
Tout à vous
A. Herzen

Перевод:

⟨Лондон.⟩ 14 мая 1856 г.
I Peterborough villas. Finchley. New Road

Дорогой друг,

Знаете ли вы, что уже целых пять месяцев вы и не вспомнили обо мне? Я немного сердит на вас за это, и, чтобы вам досадить, напишу вам длинное письмо, ибо мне много надо вам сообщить. Жизнь моя совершенно изменилась: 9 апреля в Лондон приехал Огарев, друг, о котором я столько рассказывал и писал в своих воспоминаниях,— словом, тот поэт, чьи стихотворения я переводил в Richmond house. Он приехал тяжело



ПУТНЕЙ

Гравюры из книги: «National History and Views of London and its Environs». 1835

В Путнее «между Ричмондом и Лондоном» Герцен жил с 8 сентября 1856 по 24 ноября 1858 г.

больной, и я всецело был поглощен его болезнью; теперь ему, наконец, лучше. Девиль[1] сильно надеется на выздоровление, и я уже могу вздохнуть свободно и хочу побеседовать с вами, ибо, пишете вы или нет, я знаю, что вы меня любите и принимаете участие во всем, что меня касается.

Этот человек был и остался другом детства, юности, тюрьмы и т. д.; вместе, как я писал, рука в руку, входили мы в жизнь, и я звал его вместе выйти из нее[2], — я нашел его таким же, каким он был. Знаете ли, ведь в конечном счете только одно чувство может пройти через всю жизнь с начала до конца — это дружба. Конечно, при условии параллельного развития.

Говорят, вы теперь преподаете, но где, как? — я ничего не знаю. Мне сказали об этом Платтенауер[3] и г-жа Карлейль[4], которая окончательно забыла все языки континента; я встретил ее на чьем-то концерте.

А что вы скажете о благоприятном для России мире, заключенном ее врагами? Турция и Бельгия возместят все убытки[5]. Человекообразное превзошло самое себя. Здесь запретили музыку в парках, — а мы, бедные мечтатели, мы все еще думаем о республиках и демосоциях. Да, дайте всеобщее избирательное право этим крещеным орангутангам, и вы скоро увидите плоды.

Каковы ваши планы на лето? Я больше чем когда-либо подумываю о том, не добавить ли к удовольствию познакомиться с Англией — счастье ее покинуть. Но не ранее, чем через три месяца. Я поеду в Швейцарию и посмотрю, что можно делать в моем отечестве № 2[6].

Новости из России превосходны. Дело движется, движется, и правительство против воли оказывается втянутым в перестройки, которые когда-нибудь его доканают.

В скором времени жду от вас весточки; я уже заранее предвкушаю ваше будущее знакомство с Огаревым. Он говорит вчетверо меньше вашего — стало быть, вы можете из взаимной симпатии ни слова не говорить друг другу, а заботу о спичах я беру на себя.

Прощайте, дорогой Саффи, все вам кланяются. Дети здоровы, хотя у Ольги грипп... но здешний чудовищный, убийственный, каторжный климат — это островной и оскорбляющий зверь *.

Здесь был Пинто[7].

Весь ваш А. Герцен

[1] *Девиль* — врач.

[2] Цитируются слова, обращенные к Огареву из части первой, главы четвертой «Былого и дум» — «Ник и Воробьевы горы» (см. изд. АН, т. VIII, стр. 84).

[3] *Платенауер* (Платнауэр) — лицо, упоминаемое в переписке Герцена с М. Мейзенбуг (см. XXII, по указателю).

[4] Джейн Уэлш *Карлейль* — жена Томаса Карлейля. Герцен познакомился с Карлейлями вскоре по приезде в Лондон и поддерживал это знакомство (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 229—232).

[5] Мирные условия, принятые на Парижском конгрессе, были, как известно, не слишком тяжелыми для России, потерпевшей поражение в Крымской войне. Турция же не только ничего не приобрела от победы, но, истощив в войне свои и без того слабые материальные и людские силы, попала в еще бо́льшую зависимость от великих европейских держав. Что касается Бельгии, то Герцен имеет, вероятно, в виду притязания на господство над Бельгией, а в дальнейшем и на аннексию ее со стороны бонапартистской Франции, усилившей, благодаря выигранной кампании, свое влияние в Европе.

[6] Предполагавшаяся поездка Герцена в Швейцарию не состоялась.

[7] О М.-А. *Пинто* см. в настоящем томе, в публикации писем к нему Герцена.

19

⟨Londres.⟩ 18 mai ⟨1856⟩.
I. Peterborough villas. Finchley. N⟨ew⟩ Road

Saffi, cher Saffi,

Je ne veux pas rester 24 h⟨eures⟩ sous le poids de vos lignes. Mais d'où et comment des idées pareilles ont trouvé place chez vous? On m'a donc

* По-французски игра созвучных слов: «insulaire» — островной, «insultant» — оскорбляющий, оскорбительный.

calomnié... je vous jure que pas un mot froid n'a été prononcé par moi, n'a pas même été pensé.

Votre amitié je l'ai cherchée, certes vous êtes l'homme qui m'est le plus proche en Europe. Je vous ai compris quoique vous n'êtes pas expansif. J'ai compris en vous le poète, l'homme humain, j'ai compris que votre vocation était plus lyrique que politique et je vous ai tendu ma main avec jeunesse, avec sincérité.

Qui donc a pu ébranler votre foi? — J'ai été terrifié par le commencement de votre lettre.

Est-ce toujours l'affaire de Talandier... mais nous nous sommes expliqués le 31 décembre [1].

Je n'ai rien au monde — rien que deux-trois hommes et mes enfants, si j'allais briser les liens les plus chers sans rime ni raison — serais-je alors digne de sympathie?

Non, je demande plus de confiance, je demande un peu de foi — de ceux dans lesquels j'ai une grande foi.

C'était un besoin de mon cœur de vous dire ces mots. Ce ne sont que des hommes comme Haug qui me reprocheront l'ingratitude (après avoir peut-être sans intention froissé mon cœur mille et mille fois). Vous — jamais. Je m'attache avec persistance, avec acharnement, comme je le faisais lorsque j'étais jeune.

Adieu, donc, et je vous serre la main avec amitié.

Que diable écrivez-vous du mois de juin *prochain* — c'est à dire j'ai compris de 1857, et vous pensez que je partirai d'ici sans vous voir... mais Oxford n'est pas plus loin de Londres que Londres d'Oxford.

Je ne partirai pas avant le 1 août [2].

Je vous embrasse au nom de mon ami Ogareff.

Les enfants vous saluent [3].

Dimanche

Перевод:

<Лондон.> 18 мая <1856 г.>
I. Peterborough villas. Finchley. N<ew> Road

Саффи, дорогой Саффи,

Я и суток не хочу оставаться под тяжелым гнетом ваших строк. Откуда и каким образом могли вам прийти в голову подобные мысли? Стало быть, меня оклеветали... клянусь вам, что я ни разу не отозвался о вас холодно, что даже в мыслях у меня этого не было.

Я всегда искал вашей дружбы, вы, конечно, самый близкий мне человек в Европе. Я понял вас, хоть вы и необщительны. Я угадал в вас поэта, гуманного человека, я понял, что ваше призвание скорее лирическое, чем политическое, и я протянул вам руку с юношеским пылом, со всей искренностью.

Кто же мог поколебать ваше доверие ко мне? — Начало вашего письма меня просто потрясло.

Неужели это все еще из-за дела Таландье [1]... ведь мы же объяснились 31 декабря.

У меня нет никого на свете, никого, кроме двух-трех человек да моих детей; если бы я бессмысленно разорвал самые дорогие узы, разве был бы я достоин сочувствия?

Нет, я прошу бо́льшего доверия, я прошу хоть немного веры от тех, в кого сам твердо верю.

Я чувствовал душевную потребность высказать вам это. Только такие люди, как Гауг, могли бы упрекнуть меня в неблагодарности (хотя сами, может быть и ненамеренно, сотни и сотни раз больно оскорбляли меня). Вы же — никогда. Я привязываюсь к человеку крепко, страстно, так же, как во дни юности.

Итак, прощайте, дружески жму вашу руку.

Какого чёрта вы пишете о *будущем* июне, то есть, насколько я понял, о 1857 годе. Неужели вы думаете, что я уеду отсюда, не повидав вас? Но ведь Оксфорд не дальше от Лондона, чем Лондон от Оксфорда.

Я не уеду раньше 1 августа [2].

Обнимаю вас от имени моего друга Огарева.

Дети вам кланяются [3].

Воскресенье

[1] См. письмо № 17 и примеч. 1 к нему.
[2] См. предыдущее письмо и примеч. 6 к этому письму.
[3] На первом листе этого письма надпись на итальянском языке: «Povero Herzen». («Бедный Герцен»). По-видимому, она сделана самим Саффи.

20

3 octobre 1856. At Mr. Tinkler's. Putney

Cher ami,

J'ai longtemps pensé à votre lettre. Votre sincère amitié et votre confiance illimitée me mettent une grave responsabilité, et je l'accepte, car je l'ai mérité, comme réponse à mon attachement pour vous. Jamais de ma vie je n'ai pas pris à la légère les questions d'une gravité telle, lorsqu'il s'agissait d'un ami. Et voilà la cause pour laquelle il m'est encore impossible de répondre. Nous avons vu G⟨iorgina⟩[1] pour quelques instants, elle a vu notre accueil tout plein de cordialité, d'amitié anticipée, elle a produit l'effet le plus sympathique possible non seulement sur Natalie, mais sur Ogareff — laissez au temps de nous rapprocher. Dès qu'elle sera chez la dame hongroise [2] nous irons la voir et nous serons enchantés si elle vient passer une soirée chez nous. Si Nat⟨alie⟩ ne va pas à la maison chez elle — c'est qu'elle ne va nulle part, une fois si elle paraissait chez les Crauford, les autres connaissances auraient le droit d'exiger autant.

Mais il me semble, cher Saffi, qu'il y a une autre question, c'est que la fluctuation est en vous et non en elle. Alors arrêtez-vous et sondez, sondez profondément votre cœur. Car si vous avez du scepticisme maintenant — vous devez craindre l'avenir et mieux reculer qu'avancer.

Pensez pourtant que votre fluctuation n'a pas le droit d'apporter des amertumes dans le cœur d'une femme aimante — elle vous croit, vous l'aimez — mais vous êtes rongé, comme moi, par le démon de ce siècle terrible, par l'élément — Hamlet, par le point de vue «de la négation», comme Maz⟨zini⟩ l'aurait dit. Savez-vous aussi que par cela vous pouvez perdre les meilleures fleurs de la vie. Notre position n'est pas la même. — Moi je n'ai rien dans l'avenir que le travail fiévreux, auquel je m'adonne, et les enfants. Vous avez encore une existence individuelle lyrique à faire.

Pesez donc bien dans votre solitude tout cela et regardez si l'affection ou le doute prend le dessus.

Ecrivez-moi, discutons ensemble. Vous voyez, je suis franc jusqu'à l'imprudence.

Les Og⟨areff⟩ vous saluent avec beaucoup d'amitié.

Envoyez-moi l'adresse de la dame hongroise — je l'ai égarée. Si on pouvait le faire, j'aurais invité un de ces jours G⟨iorgina⟩ — mais je n'ose pas avant la visite de m⟨-me⟩ Og⟨areff⟩ — qu'en dites-vous?

Adieu, cher Saffi, la grande nouvelle de Londres est que Golovine *sur son humble prière* a été amnistié par Alex⟨andre⟩ II — à condition de prendre immédiatement service. Ah, citoyen de la République universelle [3].

Je continue de recevoir de la Russie des marques de la plus grande sympathie pour les choses que j'imprime ici.

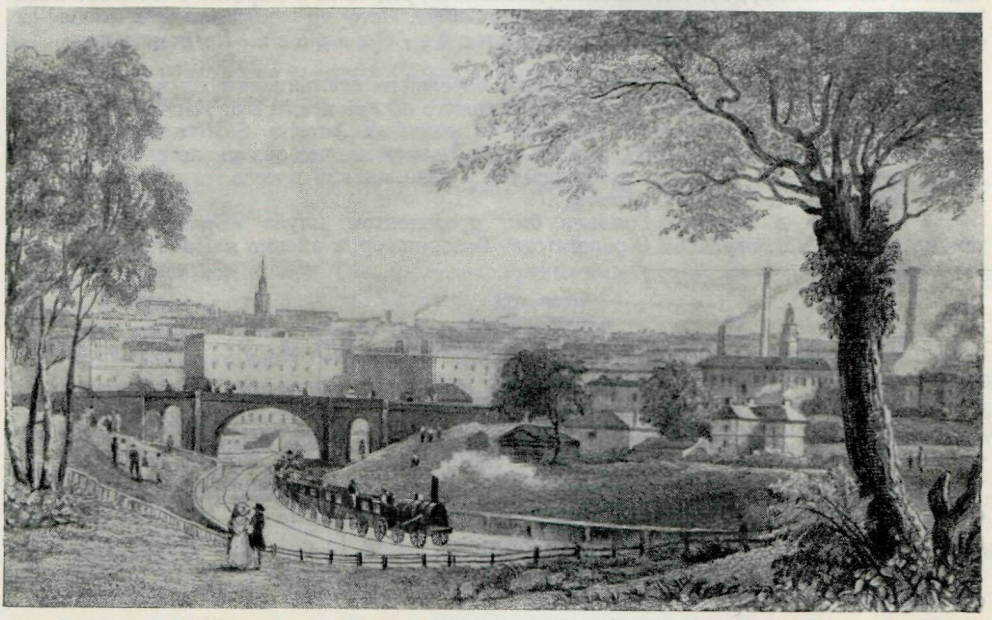
Soyez bien portant.

Перевод:

3 октября 1856. У м⟨исте⟩ра Тинклера. Путней

Дорогой друг,

Я долго раздумывал над вашим письмом. Ваша искренняя дружба и безграничное доверие налагают на меня серьезную ответственность, и я принимаю ее, ибо заслужил это своей привязанностью к вам. Никогда не относился я легкомысленно к таким важным вопросам, если дело касалось друга. Вот по какой причине я пока еще не могу дать вам ответа. Мы видели Дж⟨орджину⟩ [1] всего несколько минут, она не могла не заметить, с какой сердечностью, с каким дружеским предрасположением мы ее встретили;



ЛОНДОН. ПРИГОРОДНАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Гравюра из книги: «The History of London, illustrated by... Views by J. Woods», 1849

она произвела самое лучшее впечатление не только на Натали, но и на Огарева, а теперь дайте нам время сблизиться. Как только она переедет к венгерской даме [2], мы ее навестим и будем очень рады, если она проведет у нас вечер. Нат⟨али⟩ только потому не бывает у нее дома, что вообще нигде не бывает; появись она хоть раз у Кроуфордов, другие знакомые имели бы право требовать того же.

Но мне кажется, дорогой Саффи, что вопрос здесь в другом: колеблетесь вы, а не она. Если так, остановитесь и загляните, поглубже загляните, в ваше сердце. Ибо если вы сейчас испытываете сомнение, вам следует страшиться будущего и лучше отступить, чем идти вперед.

Подумайте, однако, что своими колебаниями вы не вправе вызвать горечь в сердце любящей женщины. Она вам верит, вы ее любите, но вас, как и меня, разъедает демон этого ужасного века, гамлетизм, «дух отрицания», как сказал бы Мац⟨цини⟩. Знаете, ведь этим вы можете погубить лучшие цветы жизни. У нас с вами разное положение. У меня в будущем нет ничего, кроме лихорадочной работы, которой я отдаюсь целиком, да моих детей. А ваша личная сердечная жизнь еще впереди.

Итак, хорошенько взвесьте все это наедине с самим собою и посмотрите, что возьмет верх — привязанность или сомнение.

Напишите мне, обсудим все сообща. Как видите, я откровенен до бесцеремонности.

Ог⟨аревы⟩ дружески вас приветствуют.

Пришлите мне адрес венгерской дамы — я затерял его. Будь это возможно, я пригласил бы Дж⟨орджину⟩ к нам как-нибудь на днях, но не решаюсь до визита г⟨жи⟩ О⟨гаревой⟩,— что вы на это скажете?

Прощайте, дорогой Саффи, важнейшая лондонская новость та, что Головин, *по его нижайшей просьбе*, был амнистирован Алекс⟨андром⟩ II с условием, немедленно поступить на службу. О, гражданин Всемирной республики! [3]

Я продолжаю получать из России свидетельства величайшего сочувствия к тому, что я здесь издаю.— Будьте здоровы.

[1] Джорджина *Кроуфорд* (Crauford) — невеста, позднее жена Саффи. По происхождению англичанка, дочь английского дипломата, родилась и выросла в Италии. Отец долгое время не давал согласия на ее брак с Саффи. История любви и женитьбы Саффи описана Н. А. Огаревой (см. Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. Л., 1929, стр. 211—216).

Отметим, что Джорджине принадлежал перевод на итальянский язык статьи Герцена «Клевета», напечатанной в журнале «Pensiero ed Azione», № 8 от 15 декабря 1858 г. (см. IX, 426—430 и Lettere di Giuseppe Mazzini ad Aurelio Saffi e alla famiglia Crauford. Roma — Milano, 1905, p. 155—157). Возможно, что она является переводчицей и других статей Герцена, появившихся в итальянской прессе.

[2] Вероятно, к Терезе *Пульской*.

[3] В 1848 г. в Париже Головин был президентом клуба «Братства народов» (см. изд. АН, т. VII, стр. 406). О ренегатстве Головина ср. в письме к Пианчиани № 19.

21

17 oct⟨obre 1856⟩. At Mr. Tinkler's. Putney

Cher ami,

Votre lettre — si pleine de cœur, de souffrance, de lutte — je l'ai lue avec l'amour que je vous porte. Oui, vous pouvez me parler de vos moments de doute, comme de vos moments d'espérance — dites chaque fois tout — vous vous soulagerez. Si je vous ai écrit un peu trop énergiquement — c'est qu'il s'agissait de décision — or l'indécision pratique est la chose la plus terrible lorsqu'il s'agit de deux personnes. Mais le côté intérieur, lyrique, la corde de larmes qui sonne dans l'âme quand même — je la comprends comme vous, soyez en sûr.

Si une voix vous dit à l'intérieur positivement — «*arrête-toi*» — il faut s'arrêter ou faire un acte de dévouement, d'abnégation et alors ne pas attendre de bonheur. Mais si cette voix intérieure ne le dit pas, mais se voile quelquefois par le scepticisme qui nous ronge tous — alors le bonheur est possible, et sera même une consolation.

G⟨iorgina⟩ a dîné chez nous avec sa mère. Oui, elle est très sympathique (pas la mère seulement, j'ai bu une bouteille de vin à moi seul pour ne pas succomber sous l'interrogatoire politico-cosmo-italo-Bulevsko[1]-écossais). Elle est très sympathique et c'est ainsi qu'elle a agit sur les Ogareff.

Natalie y va un de ces jours. Mais malheureusement il y a toujours du monde et on ne pourra pas lui parler seule.— J'ai proposé tout bonnement le toast — *à notre ami absent*. M⟨-me⟩ Crauford a aussi trinqué avec moi.

Voilà mon rapport, homme «*in love*» que vous êtes.

Mais quels sont donc les projets ultérieurs? Moi, je veux jouer le rôle de «l'oncle» — il y a toujours dans les comédies françaises un brave vieillard stupide qui embrouille tout, qui arrange tout — et qu'on embrasse avec cordialité dans la dernière scène. Mon diamètre, mon âge et la pauvreté des cheveux à l'endroit le plus *oncle* du crâne me donne ces droits.

Savez-vous que le père de Pianciani est mort. S'il reçoit la fortune — que de travail pour les *amis-ennemis*[2] de l'exploiter.

Nos affaires ne vont pas mal. Ogareff et Nat⟨alie⟩ — qui tous les deux vous aiment plus que je ne l'aurais cru — vous serrent la main, moi — les deux.

A. Herzen

Перевод:

17 окт<ября 1856 г.> У м<истера> Тинклера. Путней

Дорогой друг,

Ваше письмо, полное чувства, страданий, борьбы, я прочел со всею любовью, которую к вам питаю. Да, вы можете говорить мне о минутах сомнения, как и о минутах надежды, каждый раз говорить мне все — это принесет вам облегчение. Если я написал вам немного резко, это потому, что речь шла о решимости, а нерешительность в поступках ужаснее всего, когда дело касается двоих. Но внутренняя лирическая сторона, та струна слез, что звенит в душе вопреки всему,— я понимаю ее так же, как и вы, поверьте мне.

Если внутренний голос явственно говорит вам: «*Остановись*» — надо остановиться или пойти на самопожертвование, самоотречение, и тогда уже не ждать счастья. Но если внутренний голос этого не говорит и лишь изредка омрачается скептицизмом, разъедающим всех нас, тогда счастье возможно и даже принесет вам утешение.

Дж<орджина> и ее мать обедали у нас. Да, она очень мила (только не матушка! я выпил один целую бутылку вина, чтобы не пасть под тяжестью политико-космо-итало-Булевско [1]-шотландского допроса). Она очень мила и такое же впечатление произвела на Огаревых.

Натали пойдет туда на днях. Но, к несчастью, там всегда народ, и им нельзя будет поговорить наедине.—Я без стеснения предложил тост *за нашего отсутствующего друга*. Г<-жа> Кроуфорд тоже чокнулась со мной.

Вот вам мой отчет, молодой человек «in love»*.

Но каковы же ваши дальнейшие планы? Я хотел бы сыграть роль «дядюшки» — во французских комедиях всегда имеется эдакий славный глупый старикашка, который все запутывает, все улаживает и которого горячо обнимают в последней сцене. Мой объем, мой возраст и скудные остатки волос на самом *дядюшкином* месте черепа дают мне на это право.

Слыхали ли вы, что у Пианчиани умер отец? Если он унаследует состояние — сколько хлопот будет у его *друзей-врагов* [2], чтобы его обработать.

Дела наши идут неплохо. Огарев и Нат<али>, которые любят вас сильнее, чем я предполагал, жмут вам руку, а я обе руки.

А. Герцен

[1] *Булевско* — вероятно, от фамилии Людвига Булевского, польского эмигранта, члена «Централизации», журналиста. Он был знаком с семейством Крауфорд (см. «Lettere di Giuseppe Mazzini ad Aurelio Saffi e alla famiglia Crauford»,p.25); о Булевском ср. «Былое и думы» (изд. АН, т. XI, стр. 382—383).

[2] *друзей-врагов* — см. в публикации писем Герцена к Гервегам, а также во вступительной статье к публикации писем к Пианчиани, стр. 216 и 362 настоящего тома.

22

6 novembre <1856>. At Mr. Tinkler's. Putney

Cher ami,

Je vous renvoie les deux lettres [1]. Les deux sont nobles, parfaites, l'amour est évident — il y a une certaine retenue, l'absence, je dirais d'un élément passionné — mais peut-être c'est la manière anglaise de s'exprimer.

Je ne comprends pas trop bien ce que vous voulez tous du père, il ne permet pas — ni ne s'oppose [2]— est<-ce> que vous pensez que cela le tuera?.. Que vous connaissez peu l'égoïsme d'un vieillard, qui a assez d'empire sur lui pour ne rien dire de la lettre. En diplomate il désire laver comme Ponce Pilate ses mains; il veut accepter *un fait accompli*, enfin il veut jouer aux échecs pendant qu'on lui fera une douce violence.— N'est-ce pas clair pour vous?

* влюбленный (англ.).

Le droit paternel a une limite.— Nous autres barbares nous sommes sous ce rapport un peu plus libres. Il faut faire des concessions pour ne pas avoir des remords, pour ne pas se repentir, par amour enfin — mais on ne peut pas victimer son existence pour un caprice sénile. Si elle vous aime — et je le pense — elle passera outre.— Je vous attends. Adieu.

Ogareff et la Ogareff vous serrent la main.

Adieu.

Перевод:

6 ноября <1856 г.> У м<исте>ра Тинклера. Путней

Дорогой друг,

Возвращаю вам оба письма [1]. Оба они благородны, прекрасны, ее любовь очевидна; в письмах видна известная сдержанность, я бы сказал, отсутствие страстного чувства, но такова, может быть, английская манера выражаться.

Я не совсем понимаю, чего, собственно, вы все хотите от отца; он не разрешает, но и не противится [2], — уж не думаете ли вы, что это его убьет?.. Как мало вы понимаете эгоизм старика, который достаточно владеет собой, чтобы не говорить о письме. Как дипломат, он желает, подобно Понтию Пилату, умыть руки; он хочет оказаться перед *совершившимся фактом*, одним словом, он хочет играть в шахматы, пока над ним будет совершено легкое насилие. Неужели это неясно для вас?

Отцовские права имеют границы.—Мы-то, варвары, мы в этом отношении несколько свободнее. Надо идти на уступки, чтобы не испытывать упреков совести, чтобы после не раскаиваться, наконец, просто из любви,— но нельзя жертвовать жизнью ради старческого каприза. Если она вас любит,— а я думаю, что этот так,— она не станет с этим считаться.— Я жду вас. Прощайте.

Огарев и Огарева жмут вам руку.

Прощайте.

[1] Письма Джорджины к Саффи.

[2] Кроуфорд согласился, в конце концов, на брак дочери. Свадьба Саффи состоялась 29 июня 1857 г.

ПИСЬМА К ЛУИДЖИ ПИАНЧИАНИ

(1853—1859)*

ПЕЧАТАЮТСЯ ПО ФОТОКОПИЯМ, ПРЕДОСТАВЛЕННЫМ «ЛИТЕРАТУРНОМУ НАСЛЕДСТВУ» АРХИВОМ ГОРОДА РИМА

Публикация и комментарии Н. Д. Эфрос

Предисловие Н. Е. Застенкера

В перечне имен итальянских революционеров — друзей и близких знакомых Герцена — Пианчиани обычно не упоминается. Это не следствие забывчивости биографов Герцена и исследователей его западных связей. Автор «Былого и дум», посвятивший немало страниц рассказу о деятелях итальянского революционного национально-освободительного движения, которых он близко знал, как видно, не причислял к ним Пианчиани. В своем рассказе он ничего не сказал о связях с этим человеком и не объяснил причин такого умолчания. Материал для догадок по этому поводу дает нам отчасти биография Пианчиани.

Луиджи Пианчиани (1810—1890) был отпрыском весьма состоятельной консервативной графской семьи из Сполето. Родился он в Риме, там и прожил первую половину жизни: изучал юриспруденцию и служил в таможенном ведомстве, дослужившись до поста генерального инспектора таможен папского государства. В 1847 г. на родине отца, в Сполето, Пианчиани был избран гонфалоньером (архаическая должность представителя исполнительной власти, возглавлявшего местное ополчение). В предреволюционной обстановке Пианчиани примкнул к либеральному движению, требовавшему реформ в папских владениях, а после начала революции 1848 г. участвовал в освободительной борьбе против австрийского владычества. Пианчиани деятельно занимался вооружением волонтерских отрядов, отправлявшихся из папской области в Северную Италию для участия в национальной войне против Австрии. Сам он принял активнейшее участие в этой войне, сначала в чине капитана, а затем полковника 3-го полка дивизии Феррари, сражавшейся против австрийцев в венецианской области. В ряде сражений, особенно при обороне Венеции, Пианчиани показал себя убежденным противником капитулянтской, трусливой тактики «королевской войны», сторонники которой — генералы и политики во главе с сардинским королем Карлом-Альбертом и пьемонтскими либералами — боялись итальянского народа куда больше, чем австрийцев.

Опыт этой войны и поражений, обусловленных предательством итальянских монархов и антиреволюционной политикой умеренных либералов-конституционалистов, сделал Пианчиани, на время, республиканцем самого радикального толка. Он приветствовал римскую революцию и свержение папской власти и был избран депутатом римского Учредительного собрания, а затем — членом комиссии, разработавшей конституцию Римской республики. Весной 1849 г. Пианчиани участвовал в возобновившейся войне против Австрии, командуя 2-й дивизией римских войск. После катастрофы у Наварры он пытался организовать оборону Болоньи от австрийцев, а затем, вернувшись в Рим, сражался в рядах защитников республики от французских интервентов

---

* Перевод с французского М. В. Вахтеровой.

и в одном из последних сражений был взят в плен. После освобождения из плена Пианчиани эмигрировал и поселился во Франции, где примкнул к созданной Маццини «Национальной итальянской ассоциации». Летом 1851 г., вместе с многими другими эмигрантами-маццинистами, Пианчиани переехал на жительство в Англию.

Мы не нашли никаких следов участия Пианчиани в тех идейных конфликтах, какие стали возникать в 1851 г. в маццинистском лагере, где начало выкристаллизовываться левое крыло. Сторонники этого направления выступали с критикой сектантской тактики Маццини, осуждали его религиозные идеи и настаивали на выдвижении лозунгов аграрного переворота в Италии в интересах крестьянства. Но, судя по той позиции, которую занял Пианчиани впоследствии, он, если и не примыкал к левому течению в маццинизме, то находился под влиянием идей этого течения.

В 1854 г. Пианчиани переехал из Лондона на остров Джерси и вошел в состав редакции еженедельной газеты «L'Homme», органа «универсальной демократической и социальной республики». Возглавлял это издание Ш. Рибейроль — бывший редактор «La Réforme».

Вступлением в редакцию влиятельной газеты, объединявшей вокруг ядра французской буржуазно-демократической эмиграции многих деятелей эмиграции других стран, Пианчиани был обязан, прежде всего, В. Гюго, с которым он находился в дружеских отношениях и роль которого в издании «L'Homme» общеизвестна. С деятельностью Пианчиани в качестве руководящего члена редакции «L'Homme» (Герцен в письме к Саффи от 16 марта 1855 г. назвал его «отцом „L'Homme"»), связано и развитие отношений Герцена с Пианчиани, отражением которых явились печатаемые ниже письма Герцена. Период их дружеских связей был непродолжительным. В октябре 1855 г. Пианчиани, вместе с другими эмигрантами — членами редакции «L'Homme» — был выслан английскими властями с острова Джерси. Поводом к этому шагу британского правительства, предпринятому в угоду Наполеону III, послужила статья Феликса Пиа, осуждавшая союз Англии с бонапартистской Второй империей и непочтительно отзывавшаяся о королеве Виктории. Существованию газеты «L'Homme» вскоре пришел конец, и Пианчиани (в конце 1856 г.) уехал из Англии. Он отправился сначала в Бельгию и Германию, а потом в Швейцарию, где в 1859 г. опубликовал трехтомный труд «La Rome des papes, ses origines etc.» (Bâle).

В следующем году имя Пианчиани приобрело некоторую известность в связи с итальянскими делами. В период итало-франко-австрийской войны 1859 г., когда усилия революционеров-маццинистов были направлены на то, чтобы вырвать Италию из когтей грозившего ей французского протектората и осуществить объединение страны «снизу», Пианчиани находился в Женеве и вынашивал план организации вторжения в папскую область вооруженной экспедиции добровольцев, с целью поднять восстание и освободить свою родину. В мае 1860 г., после начала гарибальдийского похода в Сицилию, Пианчиани отправился в Италию и занялся реализацией своего проекта. Успехи политики Кавура обнаружили, насколько неустойчивым был радикализм и даже просто республиканизм бывшего редактора «L'Homme».

Пианчиани обращался со своим проектом и к комитетам эмигрантов из папской области, и к руководителям гарибальдийских отрядов, и к пьемонтским либералам, и к правительственным сферам Сардинской монархии. Туринские власти некоторое время склонялись к поддержке проекта Пианчиани,— пока рассчитывали на успех подготовляемого переворота сверху в Неаполитанском королевстве и были заинтересованы в том, чтобы, бросив в папскую область отряды добровольцев, расчистить путь своим войскам в южную Италию до высадки гарибальдийцев. После некоторых проволочек Пианчиани был назначен командующим отрядами добровольцев, готовившихся вторгнуться в папские владения, и ему была оказана скрытая помощь властей в подготовке вторжения. Однако, по мере нарастания в стране революции и продвижения гарибальдийских отрядов на юге, пьемонтские либералы все больше охладевали к предприятию Пианчиани и в конце концов отказались от него. Этому способствовало и то, что Гарибальди, вначале, как видно, одобрявший план вспомогательной экспедиции в папскую область, вынужден был затребовать к себе на юг отряды добровольцев, предназначавшихся для вторжения в папскую область.

Пианчиани не присоединился к силам Гарибальди на юге и остался в Тоскане. В сентябре 1860 г. он был выслан пьемонтскими властями из Флоренции и вернулся в Женеву. Вскоре он выпустил разоблачительную книгу, посвященную указанным событиям, полную проклятий и обвинений по адресу предателей-кавуристов и оправданий своих действий (L. Pianciani. Dell'andamenti delle cose in Italia, Milano. 1860). Тем не менее, сочинение Пианчиани свидетельствовало о том, что он фактически отбрасывал республиканское знамя и переходил на сторону поборников объединения Италии под властью Сардинской монархии. Несмотря на подчеркнутое восхваление Маццини, Пианчиани обосновывал в своей книге тот пункт итальянского ренегатского «трансформизма», который через пять лет сформулировал Криспи словами: «Монархия итальянцев объединяет, а республика их разъединяет». Совершенно так же Пианчиани утверждал, что «национальное единство сейчас не может осуществиться иначе, как с королем Виктором-Эммануилом», и было бы «безумством» не видеть, что «другое знамя, знамя республиканское, вызвало бы раскол, вместо того, чтобы способствовать объединению» (L. Pianciani. Op. cit., p. 322). При этом бывший редактор «L'Homme» всячески открещивался от идей, которыми увлекался в начале пятидесятых годов. Он высмеивал как клеветнический вздор самую мысль о том, что республиканцы намерены развернуть в Италии знамя социализма.

В дальнейшем Пианчиани участвовал в гарибальдийских кампаниях 1866 и 1867 гг. против Австрии и папских войск, а в 1870 г., после освобождения Рима, стал первым мэром столицы итальянского королевства. В последние два десятилетия своей жизни Пианчиани неоднократно избирался депутатом итальянского парламента В эти годы он ничем не выделялся среди других бывших маццинистов, показывавших своим «трансформизмом», как развивался после объединения страны отмеченный Лениным процесс превращения революционно-демократической, революционно-буржуазной Италии в Италию реакционную, агрессивную и империалистическую.

Итак, к тому времени, когда писались «итальянские» страницы и разделы четвертой и пятой частей «Былого и дум», то есть к началу и середине шестидесятых годов, в облике Пианчиани проступили уже черты попутчика революционного движения, никак не заслуживавшего места в галерее героических образов итальянских революционеров «Былого и дум». Знакомство с Пианчиани уже тогда, очевидно, представлялось Герцену тем, чем оно и было в действительности,— не слишком значительным эпизодом его эмигрантской жизни.

Это, однако, нисколько не умаляет того интереса, какой представляют публикуемые письма к Пианчиани, писавшиеся Герценом в лондонский период жизни, между 1853 и 1859 гг. Эти тридцать девять писем позволяют прежде всего лучше понять настроения Герцена в самые тяжкие годы его эмигрантского одиночества. Письма углубляют понимание той критической позиции, какую занимал Герцен по отношению к эмиграции пятидесятых годов — к разнообразным течениям буржуазной и мелкобуржуазной демократии, потерпевшей поражение в ходе революции. Поучительны в этом смысле взаимоотношения Герцена с газетой «L'Homme», в которой играл такую видную роль адресат его писем.

Письма к Пианчиани выразительно и довольно полно характеризуют отношения Герцена с редакторами «L'Homme». Многосторонние сведения об этих отношениях, рассыпанные по страницам герценовских писем, доказывают, что сотрудничество в «L'Homme» было для Герцена почти вынужденным. Оно объяснялось не сочувствием направлению газеты, не согласием с ее идейной платформой, а тем, что эта газета предоставляла тогда Герцену одну из немногих возможностей общения с европейским демократическим читателем. Это общение, и раньше весьма неширокое, еще более сузилось в 1854 г., когда Герцен, по его собственным словам, «порвал всякие отношения» с английской газетой «Leader», придя к выводу, что «это реакционный листок» (письмо от 17 февраля 1854 г.). Республиканский журнал Линтона «The English Republic» имел крайне ограниченную аудиторию даже в самой Англии. То же самое можно сказать об американской газете на французском языке «Républicain de New-York», малс читавшейся в Европе. Оставалась путаная, весьма неустойчивая в своих взглядах бельгийская газетка «La Nation»,служившая рупором тривиальнейших демократических

идей Ледрю-Роллена; оставалась ограниченная возможность использовать, через Головина, неразборчивый и беспринципный «The Morning Advertiser». На этом фоне газета «L'Homme» являлась пристанищем, открывавшим доступ к более широкому и более интересному кругу читателей, притом — пристанищем, которое не могло скомпрометировать Герцена, поскольку республиканско-демократическая репутация этой газеты была вне всякого сомнения.

В своей эмигрантской изоляции начала пятидесятых годов Герцен не мог пренебрегать такой возможностью. Поскольку «L'Homme» растворяла двери «всем революционным мнениям», он печатал в ней время от времени свои крупные публицистические работы, например «Письма к гражданину-редактору „L'Homme"» и «Старый мир и Россия» (см. об этом в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 218—225).

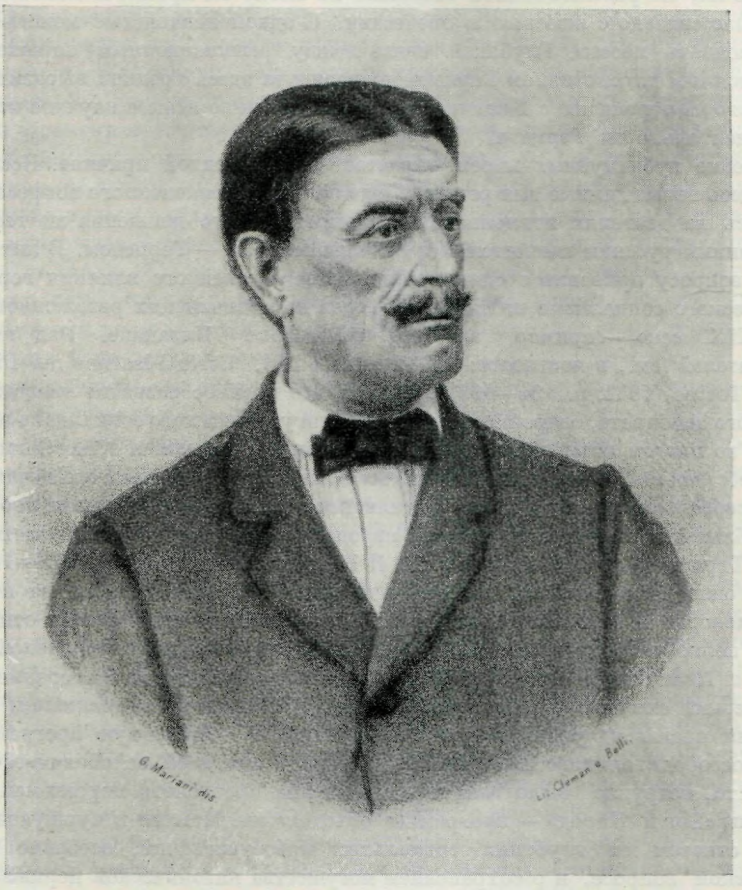
Но при этом Герцен всегда критически расценивал джерсийскую газету, которая в его глазах олицетворяла плоские и беспочвенные иллюзии формальной демократии. Письма к Пианчиани убедительно показывают нам эту критическую позицию Герцена, они содержат многочисленные примеры его критики по адресу «L'Homme», выраженной с достаточной откровенностью. По мнению Герцена, деятели из «L'Homme» — это «люди еще более отсталые, чем Николай ⟨!⟩ и папа», они — «ходячие анахронизмы», а сама газета «содержит лишь риторические упражнения на заданные темы:... тирания... ярмо... пробуждение народа... пример Рима... прозаический перевод «Возмездий» Гюго и расшаркивание перед будущим и перед всеми народами» (письмо от 13 апреля 1854 г.). Герцен откровенно высказывал Пианчиани свое мнение о том, что газета «L'Homme» — «жалкий» орган, который «ничего не понимает» в свершающихся событиях. Он причислял собравшуюся на Джерси эмигрантскую братию к своим «друзьям-врагам», от которых стремился избавиться, задумав переселение из Лондона.

В публикуемых письмах большое место занимают деловые вопросы, связанные с разными личными нуждами Пианчиани: многочисленные просьбы о содействии в публикации статей, о поручительстве перед домом Ротшильда для получения кредита, учет векселей и т. п. Обращают на себя внимание отказы Герцена в денежной помощи газете «L'Homme» и вообще твердый отпор стремлениям Пианчиани привлечь его к более близкому участию в джерсийском печатном предприятии. Такое сопротивление Герцена вполне понятно после всего, что было сказано выше о его отношении к «L'Homme» и об оценке всего идейного направления этой газеты. Но, помимо глубоких идейных расхождений, здесь имело место еще одно обстоятельство, важность которого оценит биограф Герцена и исследователь его роли в революционном движении: собранность и целеустремленность Герцена при решении важнейшей задачи, поставленной им перед самим собой,— всеми силами и средствами, словом и пером служить освободительному движению русского народа. Подготовляя издание «Полярной звезды», Герцен писал Пианчиани: «Я не могу, не имею права дробить свои силы. Я тружусь, я полезен русскому обществу (может быть я ошибаюсь, но это уж мой конек). Надо иметь *мужество ограничить себя*» (письмо от 16 марта 1855 г.).

Интереснейшая тема печатаемых писем к Пианчиани — многочисленные разъяснения Герценом своих взглядов на великую историческую будущность России, призванной, по его мнению, омолодить «дряхлеющую» буржуазную Европу славянским общинным социализмом. Для понимания соответствующих мест из писем надо помнить, что статьи «Старый мир и Россия», в которых Герцен развивал эти взгляды, породили многочисленные отклики в английской и немецкой прессе. Среди них было немало клеветнических обвинений Герцена в прислужничестве царизму и его завоевательным планам, в писании «под диктовку царского кабинета». Именно так и выразился анонимный критик Герцена, выступивший против него в «The Leader» от 22 апреля 1854 г. В другой газете («The Morning Advertiser» от 24 апреля) Герцен был обвинен в «панславистских, казацких и греко-славистских» писаниях, имеющих целью, путем поощрения греческого восстания против турок, подготовить захват Константинополя русскими войсками. В ряде писем к Пианчиани, особенно в письме от 26 или 27 апреля 1854 г., Герцен негодующе писал об этих клеветнических нападках. С возмущением отмечал он, что Восточная война породила бешеный национализм и психоз подозрений даже в левых демократических кругах. Герцен ядовито высме-

ивал этот психоз и обращал внимание Пианчиани на то, что орган Ледрю-Роллена «La Nation» договорился даже до утверждения, «будто итальянцев возбуждают к восстанию русские агенты...».

Герцен гневно клеймил «это тупоумное непонимание», которое встречала его точка зрения. В подобных клеветах он усматривал не случайное явление и не сводил его корни к одному лишь военно-националистическому угару. Герцен связывал шовинизм эмигрантов с тем тревожным явлением в западноевропейской демократии,



ЛУИДЖИ ПИАНЧИАНИ
Литография с рисунка Дж. Мариани, 1850-е гг.
Центральный музей Risorgimento, Рим

которое он подробнее обсуждал с Саффи (см. письмо от 19 июня 1854 г.) и которого он — в тот же день — коснулся в переписке с менее близким ему Пианчиани. «... половина эмиграции охвачена,— говорит он,— *тайным* бонапартизмом, то есть бонапартизмом стыдливым; из приличия они не называют прямо Бонапарта, но считают, что это он, вместе с палачами Венгрии и Италии, спасет цивилизацию. Какая путаница в мыслях!» (письмо от 19 июня 1854 г.). Именно эту опасность усиления бонапартистского поветрия имел в виду Герцен, высказывая Пианчиани свои сомнения в том, насколько положительной будет для судеб французского и итальянского народов роль военных побед союзников в Крымской войне. «Для нас это превосходно, не знаю, хорошо ли это также для Франции и Италии»,— писал он в раздумье (там же). Свою точку зрения Герцен разъяснил в следующих замечательных строках письма к Пианчиани от 26 или 27 апреля 1854 г.: «Как можно быть настолько глупым,

чтобы не видеть исключительное внутреннее единство во всем, что я пишу, решительную оппозицию царской власти и чрезмерной петербургской централизации. Но я твердо верю, и моя вера основана на глубочайшем внутреннем убеждении, что не так далеко время создания великой республиканской федерации южных славян. По какому же праву стал бы я осуждать греческое восстание только потому, что оно осложняет англо-бонапартистские дела?.. Впрочем, мы достаточно говорили обо всех этих вещах. Человеческая глупость непостижима, дикое невежество не имеет границ. Попробуйте объяснить им, что революционное *действие* не могло бы привлечь симпатии, если бы оно не было связано с любовью к отечеству. С одной ненавистью можно мстить, но нельзя поднять массы». Глубокая связь между революционным пораженчеством и революционным патриотизмом Герцена подчеркнута здесь с редкой выразительностью, и это место из переписки с Пианчиани должно войти во всякое научное исследование идей и деятельности Герцена.

Значение публикуемых писем вырастает еще по одной причине. Исследователь найдет здесь новые данные для решения еще не вполне выясненного вопроса о том, как отразилось на деятелях итальянского демократического движения их тесное общение с великим русским мыслителем и революционером — Герценом. В литературе по данному вопросу приводится один пример непосредственного влияния герценовского народнического социализма пятидесятых годов на итальянских революционеров середины XIX века,— пример влияния на Карло Пизакане. Ряд итальянских исследователей (см., в частности: N. Rosselli. Carlo Pisacane nel Risorgimento italiano. Torino, 1932, p. 194—195) признает, что идейное развитие влево этого революционного демократа, одаренного представителя утопического социализма эпохи Risorgimento, во многом объясняется его знакомством с Герценом в 1852 г., когда Герцен, по его собственному признанию, «не раз беседовал с ним о судьбах его печальной родины...». В своем вдохновенном труде об итальянском Risorgimento Грамши проницательно оценил сближение Пизакане с русским народническим социализмом, отметив большое влияние Герцена (см. A. Gramsci. Il Risorgimento, 1949, p. 115—116).

Еще одно доказательство широкого идейного влияния Герцена на итальянских революционеров дают отношения Герцена с Пианчиани; характер этих отношений достаточно полно раскрывается в публикуемых письмах. В годы интенсивной переписки Герцена и Пианчиани, «отец „L'Homme"» выступал ревностным сторонником социализма, весьма схожего с мелкобуржуазным утопическим социализмом Пизакане. Пианчиани пропагандировал со страниц «L'Homme» социальную программу итальянского освободительного движения, в которой, при всей ее сбивчивости и необдуманности, нетрудно было заметить стремление преодолеть пороки маццинистской программы «Бог и Народ» — программы объединения Италии в буржуазной республике с отказом от глубоких социальных преобразований, особенно в аграрно-крестьянском вопросе, и с сохранением могущества католической церкви и религии. Пункты эти составляли ту сторону маццинизма, которую часто критиковал Герцен.

В какой мере на социальных идеях и социальной программе Пианчиани сказалось его общение с Герценом, можно судить по выступлениям Пианчиани на страницах «L'Homme». Интересным и характерным документом является большая статья Пианчиани «О революции и Италии» («L'Homme», № № 50, 51, 52, 53 за ноябрь 1854 г.), вышедшая затем отдельной брошюрой («De la révolution et de l'Italie, par L. Pianciani»). Пианчиани доказывал, что революция в Италии является составной частью назревавшей повсюду «универсальной» революции, общая цель которой, по существу, едина — «республиканская, демократическая и социальная революция». Италия стремится к этой цели не менее, чем другие народы, и может, как и они, немедленно, «с сегодняшнего дня выступить на линию огня». Оправдывая этим заговорщическую, путчистскую тактику Маццини, которую и сам разделял, Пианчиани решительно оспаривал, однако, известный тезис Маццини — что социализм и проповедуемые им преобразования могут лишь расколоть, разъединить революционные силы итальянской нации. «Революционные силы,— писал Пианчиани, — это люди, права и интересы которых революция призвана установить и обеспечить. Их ⟨этих людей⟩ социальная идея не только не разъединит, но объединит. Скажите городскому работнику: ты станешь сам себе

хозяином, скажите сельскому работнику: ты станешь сам собственником, и счет солдат революции будет вестись по числу пролетариев».

Интересна полемика, которую развернул Пианчиани против доводов о том, что Италия еще не созрела для коренных социальных преобразований, в отличие от более передовых стран, с их историческим опытом развития. Пианчиани доказывал, что «социализм в Италии — старая идея», и ссылался на Гракхов, Катилину, на статуты средневековых итальянских городов и т. п.

«Наш социализм,— я охотно это допускаю,— далеко не всегда был научным (n'a pas été bien souvent scientifique), но если уж говорить о науке, я мог бы напомнить, что Кампанелла жил гораздо раньше, чем Сен-Симон». С другой стороны,— и это выдвигалось Пианчиани, как главный аргумент,— он высмеивал мысль, будто Италия обязательно должна пройти путь исторического развития, проторенный более передовыми странами и «повторить те же ошибки», что и другие; будто она должна проделать опыт конституционной монархии и буржуазной республики, прежде чем решать социальный вопрос. Пианчиани подчеркивал, что опыт других народов является достоянием всех наций и может помочь им избежать ошибок. «К чему обрекать Италию на прохождение через этот ублюдочный деморализующий режим? Она почувствовала его на себе в 1848 году, она знает ему цену, она чувствует его еще и теперь... Италия знает, чего стоит формальный республиканский режим, она видела, как он привел к июньским дням 1848 и к декабрьским дням 1851 года; она ощутила его когти при осаде Рима и не забудет этого».

Не менее любопытными были рассуждения Пианчиани о необходимости для Италии избежать «социального недомогания» («malaise social»), которое в настоящее время чувствуется там слабее, чем в других странах, но будет неизбежно усиливаться вместе с экономическим развитием, составляющим «материальный интерес революции».

Эта мысль проходила красной нитью через все рассуждения Пианчиани об итальянской революции. Указывая на усиливающееся в Италии порабощение труда капиталом, на то, что у сельского работника, умножающего стоимость земли, «крадется его собственность», он подчеркивал, что революция должна «помешать росту этих последствий, устранив их причины». Италия, которая не желает быть обреченной на постоянную нищету, тем более не хочет достичь своего материального благосостояния ценой нищеты большинства. Поэтому, не дожидаясь последствий, она хочет избегнуть тех причин, которые стоили другим странам столько слез и крови. «Другие нации были таким образом доведены до репрессивных мер. Италия же может, хочет, должна использовать их опыт, чтобы принять предупредительные меры (pour faire de la prévention)». Как видим, Пианчиани трактовал «социальную революцию» в духе идей мелкобуржуазного социализма, как программу социальных преобразований, имеющих целью предотвратить обострение классовых противоречий капитализма, обеспечить рабочим «продукт их труда», а крестьянам — земельную собственность. Отличие его идей от идей герценовского «общинного социализма» бросается в глаза. Мы найдем отличия и в их политических программах. Пианчиани отвергал для Италии и федеративный принцип и «муниципализацию» ее государственной жизни и высказывался очень внятно за крепкое национальное единство страны в республике, хотя, в то же время, туманно говорил о том, что республика должна сохранить за общиной ее особую жизнь.

Несмотря на все это, в статьях Пианчиани можно найти немало свидетельств влияния герценовской мысли. Пути и формы этого влияния были различны. Философско-исторические построения Пианчиани не отличались оригинальностью и во многом являлись перепевом соответствующих воззрений Пизакане. Но напомним, что последние, в свою очередь, были в немалой степени оплодотворены идеями герценовского социализма начала пятидесятых годов. Вместе с тем, на статьях Пианчиани сказывалось и непосредственное влияние Герцена, влияние его произведений, писем, бесед. Мысли Пианчиани о возможности развития Италии не по капиталистическому пути (в отличие от Англии и Франции), о необходимости предупредить, так сказать, «язву пролетариатства»—нельзя не поставить в связь с мыслями о России, которые Герцен развивал в статьях «Старый мир и Россия», печатавшихся в «L'Homme» в начале 1854 г. Герцен доказывал, что Россия не должна «пройти всеми фазами европейского разви-

тия» и что исторический опыт других народов и добытый ими результат «входят в общее достояние всех понимающих» и представляют собой «майорат человечества» (VIII, 45—46). Из письма Герцена к Пианчиани от 17 февраля 1854 г. можно предположить, что последний был знаком со статьями «Старый мир и Россия» еще в рукописи. Мысли Герцена распознаются и в тех местах статей Пианчиани, где доказывалось, что «формальная республика в Италии просто невозможна». Автор статей аргументировал это, между прочим, тем, что Италия относится к странам, где принцип власти наиболее антипатичен населению, и добавлял: «В этом пункте я сошлюсь прямо на иностранцев, которые ее немного знают». Нетрудно догадаться, кого подразумевал здесь Пианчиани, если вспомнить соответствующие страницы «Писем с Via del Corso», где Герцен доказывал ту же мысль (см. изд. АН, т. V, стр. 269—270). Следует иметь в виду, что как раз в 1854 г. Герцен подготавливал второе русское издание своих «Писем из Франции и Италии», и эта тема могла возникать в его беседах с Пианчиани.

Разнообразные следы герценовской мысли можно распознать и в рассуждениях Пианчиани о Крымской войне и политике западных держав. В статьях Пианчиани в заглушенной форме повторялась герценовская критика союзников, лицемерно изображавших эту войну как борьбу за «свободу», против «варварского» самодержавия и крепостнического гнета николаевской империи, тогда как «крестоносцев свободы» представляла эксплуататорская капиталистическая Англия, идущая в союзе с полицейской империей Наполеона III, феодальной османской Турцией и угнетательской габсбургской империей — тюрьмой народов. Говоря о «нелогичном поведении» западных держав, «ведущих борьбу направо,— против принципа привилегии, который они же стремятся защищать у себя дома, и налево — против принципа права, который они же защищают в другом месте», Пианчиани почти буквально воспроизводил мысли Герцена — что Николай I и западноевропейские державы представляют собою друзей-противников и что монархическая и буржуазная Европа «не хочет и не должна иметь серьезной войны с царем» (VIII, 56). Вариацией тех же мыслей Герцена было утверждение Пианчиани, что Николаю не страшны поражения, так как его империя остается воплощением «принципа деспотизма и власти», и «как только появится призрак революции», угрожающей этому принципу, «западные державы сами кинутся в его объятия». Наконец, герценовское влияние бесспорно ощущается на тех страницах статей Пианчиани, где тот возмущался несправедливыми обвинениями, направленными против «революционеров», которые якобы хотят победы России в этой войне.

В письмах к Пианчиани Герцен неоднократно касался клеветнической кампании, поднятой против него буржуазной прессой, и Пианчиани несомненно исходил из герценовских оценок клеветы насчет его «прислужничества царизму».

Какого мнения был Герцен о взглядах Пианчиани вообще и, в частности, о его позиции в итальянских делах? К сожалению, в печатаемых письмах не содержится ясного ответа на этот вопрос. В письмах не упоминаются статьи Пианчиани «О революции и Италии» и почти не затрагиваются вопросы итальянского освободительного движения. Как ни кажется удивительным это обстоятельство, из него нельзя еще заключить, что статьи Пианчиани не привлекали внимания Герцена или прошли для него незамеченными. Прежде всего очевидно, что далеко не все письма Герцена к Пианчиани до нас дошли. Об этом свидетельствует многое и в тексте печатаемых писем и их даты. Можно предположить также, что переписка далеко не исчерпывала всех обсуждавшихся вопросов: немало тем затрагивалось при личных встречах и беседах, неоднократно, как это видно из самой переписки, имевших место.

Печатаемые письма Герцена содержат свидетельства того, что он не был безразличен к литературным выступлениям Пианчиани. Герцен следил за ними и в определенный период видел в Пианчиани до некоторой степени единомышленника.

В этом плане заслуживает внимания письмо Герцена к Пианчиани от 7 декабря 1854 г., в котором содержится оценка речей, произнесенных на праздновании двадцать четвертой годовщины польской революции 1830 г., устроенном эмигрантами на острове Джерси. В числе ораторов был и Пианчиани, произнесший большую речь, в которой резко критиковалась английская политика союза с бонапартистской Второй империей и проповедовался мир и союз народов в борьбе против всяких угнетателей.

Пианчиани призывал итальянцев к революционному восстанию под лозунгом «универсальной демократической и социальной республики», которая покончит с господством сабли и с привилегиями капитала.

Похвальный отзыв («вы стали гораздо решительнее там, на Джерси»), который высказал Герцен в письме к Пианчиани от 7 декабря 1854 г. о речах джерсийских эмигрантов, относился к выступлению газеты с критикой лицемерной пальмерстоновской *политики в Восточной войне. Судя по контексту, к тем двум «замечательным» речам*, о которых упоминает Герцен, он причислял и речь Пианчиани. Похвала Герцена относилась не только к взглядам Пианчиани на международные отношения и внешнюю политику Англии, но распространялась на другие разделы его речи, и в первую очередь на его трактовку задач итальянской революции. Это делает понятным, почему Герцен назвал Пианчиани в данном письме «верным солдатом, не меняющим своего знамени».

Столь высокое мнение о Пианчиани сохранялось у Герцена недолго. После отъезда Пианчиани из Англии, его связи с Герценом, как можно судить по публикуемым письмам, все более и более суживались и в конце концов свелись лишь к переписке по деловым, денежным вопросам. Вскоре и эта переписка приняла эпизодический характер, возобновляясь лишь по случайному поводу. Если мы и не знаем всех конкретных обстоятельств послуживших причиной прекращения близких отношений Герцена с Пианчиани, то почву для этого нащупать нетрудно: как писал потом Герцен, «59 и 60 годы раздвинули берега. Личности, партии уяснились, одни окрепли, другие улетучились» (изд. АН, т. XI. стр. 13). «Уяснилась» и личность Пианчиани; поскольку его отношения с Герценом никогда не перерастали в прочную духовную связь, неудивительно, что отношения эти свелись к простому знакомству, когда стало видно, что идейно-политическое развитие Пианчиани вело и уже привело его к дюжинному буржуазному национализму. Впрочем, Пианчиани поддерживал это знакомство и дальше, до конца жизни Герцена. В своих воспоминаниях о встречах с Герценом в 1869 г., в Брюсселе, А. Пятковский свидетельствовал, что в числе посетителей Герцена он встречал и «князя Пианчиани (итальянского депутата и почитателя Гарибальди)» («Наблюдатель», 1900, № 4, стр. 295).

ЛОНДОН. ЧЭРИНГ-КРОСС

Автолитография Т.-С. Бойса, 1842 г.

Вскоре по приезде в Лондон Герцен поселился на этой улице

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

1

<Londres.> 3 avril <1853> Mercredi[1].
25, Euston Sq<uare>

Cher monsieur Pianciani,

J'ai perdu l'adresse de Mr Barberi[2] et il y a évidemment un mésentendu. Je l'ai prié de ne pas venir *un mardi* — et il n'est pas revenu. Dites-lui, de grâce, que nous l'attendons «mardi et vendredi» à 10 h<eures>.

Excusez-moi, mais je n'ai pas d'autre voie pour lui faire parvenir la mienne.

Et que fait le valet de chambre socialiste?[3]

A. Herzen

Перевод:

<Лондон.> 3 апреля <1853 г.> Среда[1].
25, Euston Sq<uare>

Дорогой господин Пианчиани.

Я потерял адрес г-на Барбери[2], а у нас с ним произошло явное недоразумение. Я просил его не приходить в *этот вторник*, а он вообще больше не появлялся. Скажите ему, пожалуйста, что мы ждем его «по вторникам и пятницам» в 10 ч<асов>.

Извините за беспокойство, но только таким путем я могу с ним снестись.

А что поделывает камердинер-социалист?[3]

А. Герцен

[1] По-видимому, описка. За время пребывания Герцена в Лондоне среда приходилась на 3 апреля лишь в 1858 г. Между тем, в Истон-Сквере, указанном на адресе письма, Герцен жил с марта 1853 по лето 1854 г. Мы датируем письмо 1853 годом, судя по несколько официальному его тону. В дальнейшем, с установлением более близких отношений, Герцен уже не называет своего адресата «дорогим господином Пианчиани», как в настоящем письме, заменяя это обращение простым, дружеским «дорогой Пианчиани».

[2] Круг итальянских знакомых Герцена до сих пор недостаточно изучен. Может быть, речь идет о находившемся в то время в Лондоне итальянце Тито *Барбиери* (Barbieri, в транскрипции Герцена Barberi). Барбиери упоминается в письмах Маццини к Джоржине Кроуфорд от июля 1853 г. (Lettere di Giuseppe Mazzini ad Aurelio Saffi e alla famiglia Crauford (1850—1872). Roma — Milano, 1905, p. 77, 78).

[3] Речь идет, очевидно, о приискании работы кому-то из нуждавшихся эмигрантов, среди которых были люди различных профессий: рабочие, ремесленники и т. д. Обращение к Герцену с подобными просьбами характерно (ср., например, следующее письмо к Пианчиани, или письмо Луи Блана к Герцену — «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 284).

2

<Лондон. 19 июля 1853 г.>

Cher monsieur Pianciani,

Enfin je vous envoie mon *ultimatum* concernant la bonne. Il y a deux places, l'une chez moi — place de *valet de chambre*, en voudra-t-elle? Je m'explique — elle doit faire ma chambre et mon cabinet, brosser mes habits, servir à table — de même les habits de mon fils.

La seconde place est chez un de mes amis, démocrate et brave homme marié, qui a des enfants — là il faut faire la cuisine et les chambres.

Elle peut venir chez moi quand elle veut le matin (depuis 8 heures) avant 2 heures avec un mot de votre part.

Tout à vous
A. Herzen

25, Euston Sq<uare>
Mardi 19 juillet.

Перевод:

<Лондон. 19 июля 1853 г.>

Дорогой господин Пианчиани,

Посылаю вам, наконец, *ультиматум* насчет горничной. Имеется два места. Одно меня — место *камердинера*, согласится ли она? Объясняюсь точнее: она должна

убирать мою спальню и кабинет, чистить платье, прислуживать за столом, а также чистить платье моего сына.

Второе место — у одного моего приятеля, демократа и славного человека, женатого, с детьми; там нужно стряпать и убирать комнаты.

Она может прийти в любой день утром до двух часов (начиная с восьми) с запиской от вас.

Весь ваш
А. Герцен

25, Euston Square.
Вторник, 19 июля

3

⟨Londres.⟩ 24 janvier ⟨1854⟩[1]. Mardi.
25, Euston Sq⟨uare⟩

Mon cher Pianciani,

Il ne manquait qu'un coup pour rendre complètement impossible de faire la chose dont nous avons parlé hier. Je vous prie de ne pas penser que c'est un coup de théâtre que je monte, j'ai reçu (*et je vous le montrerai*) de Rotschild une lettre, qu'un *chek* donné par une personne à moi n'a pas été escompté — et je l'ai déjà payé. Ne m'en voulez pas,— je vous donne ma parole d'honneur qu'il *m'est impossible* de faire q⟨uel⟩q⟨ue⟩ chose.

Je tiens pour ma défense la lettre de R⟨otschild⟩ reçue aujourd'hui à 7 h⟨eures⟩.

Je suis tout confus, mais nul n'est tenu à l'impossible.

Votre dévoué
A. Herzen

Перевод:

⟨Лондон.⟩ 24 января ⟨1853 г.⟩[1] Вторник.
25, Euston Sq ⟨uare⟩

Мой дорогой Пианчиани,

Одного только и нехватало, чтобы окончательно лишить меня возможности сделать то, о чем мы вчера говорили. Прошу вас не думать, что я играю комедию; я получил от Ротшильда письмо (*и покажу его вам*) о том, что вексель, данный мне одной особой, не был дисконтирован, и я уже его оплатил. Не сердитесь на меня, — даю вам честное слово, что я решительно ничего *не в состоянии* сделать.

В свое оправдание я храню письмо Р⟨отшильда⟩, полученное сегодня в семь ч⟨асов⟩.

Я крайне смущен, но нельзя сделать невозможного.

Преданный вам
А. Герцен

[1] Год определяется по адресу. На Истон-Сквере в январе Герцен жил только в 1854 г.

4

⟨Londres.⟩ 17 février ⟨1854⟩. Vendredi.
25, Euston Sq⟨uare⟩

Je suis bien content que vous me chargiez, cher Pianciani, de la petite commission et je vous prie de disposer de moi.

J'ai chargé M. Golovine de demander au *Morning Adv⟨ertiser⟩* et je n'ai pas de réponse, avant la réponse je n'ai pas cru nécessaire de faire traduire. On dit que l'article est trop long pour une feuille[1]. J'essayerai avec le *Leader* avec lequel j'ai rompu au reste toute relation: c'est une feuille réactionnaire[2]. Si le *Leader* refuse, j'enverrai tout bonnement à Bruxelles et, si vous le désirez, au *Républicain de New-York*[3] avec lequel je suis en relation.

Eh bien, l'Autriche — triche le monde et passe, comme il le fallait attendre, dans le camp du tsar[4]. Savez-vous que Garibaldi est ici? Je vous enverrai peut-être aujourd'hui ma première lettre à Linton[5]. Après l'avoir lue passez-la à Saffi.

J'ai terminé cette série de lettres par une exposition de l'état social de la Russie, qui plaît beaucoup à Domengé[6]. Nous voulons les imprimer en français[7].

Serrez bien la main à Saffi, il faut qu'il m'écrive.— Chez nous tout va doucement; dimanche Domengé et Louis Blanc dînent chez moi.

Votre tout dévoué
A. Herzen

Перевод:

<Лондон.> 17 февраля <1854 г.>. Пятница
25, Euston Sq<uare>

Я очень рад, дорогой Пианчиани, что вы даете мне маленькое поручение, и прошу располагать мною.

Я поручил г. Головину справиться в «Morning Adv<ertiser>», но до сих пор не имею ответа; до получения ответа я не считал нужным заказывать перевод. Находят, что статья слишком длинна для газеты [1]. Попробую столковаться с «Leader'ом», хотя я порвал с ним всякие отношения: это реакционный листок [2]. Если «Leader» откажет, я переправлю попросту в Брюссель и, если желаете, в «Républicain de New-York» [3], с которым поддерживаю отношения.

Итак, Австрия надувает * народы и переходит, как и следовало ожидать, в лагерь царя [4]. Знаете ли вы, что Гарибальди здесь? Сегодня я, может быть, пошлю вам мое первое письмо к Линтону [5]. По прочтении передайте его Саффи.

Я закончил эту серию писем обзором социальных отношений в России, который очень понравился Доманже [6]. Мы хотим печатать письма по-французски [7].

Крепко пожмите руку Саффи, пусть он мне напишет.— У нас все по-прежнему; в воскресенье у меня обедают Доманже и Луи Блан.

Преданный вам А. Герцен

[1] О какой статье Пианчиани идет речь, установить не удалось.

[2] О лондонской еженедельной газете «Leader» см. в настоящем томе (стр. 156).

[3] «Le Républicain de New-York» — американская газета, орган французских эмигрантов. Выходила по 30 декабря 1854 г. Была заменена затем газетой «Progrès», издававшейся Эме Молепином (Aimé Molespine).

[4] Во время Восточной войны Австрия заняла враждебную России позицию, хотя формально придерживалась нейтралитета и открыто не объявляла войны. Такая позиция австрийской монархии, до того времени тесно связанной с русским царизмом, была неожиданной, и подлинные намерения австрийского кабинета обнаружились не сразу. Замечание Герцена о том, что Австрия переходит в лагерь царя, было, по всей вероятности, откликом на происходившие в Вене в конце января — начале февраля 1854 г. переговоры А. Ф. Орлова с австрийским правительством. Герцен рассматривает нейтралитет Австрии, формально подтвержденный во время этих переговоров, как скрытую помощь России. Так же расценивал положение и Маркс. В корреспонденции для «Нью-йоркской трибуны» от 7 февраля 1854 г. он писал: «Австрия будет всячески стараться сохранить свою нейтральную позицию до тех пор, пока это будет возможно, и станет на сторону России, как только для этого наступит благоприятный момент» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, 1933, стр. 631).

Вместе с тем широкие круги европейского общества ждали присоединения Австрии к западным державам и вступления ее в войну против России, полагая, что австрийское вмешательство обеспечит военное поражение русского абсолютизма и будет способствовать тем самым ослаблению господствовавшей в Европе реакции. Своим отказом от непосредственного участия в войне Австрия обманула эти надежды. В таком смысле, по-видимому, и надо понимать утверждение Герцена, что она «надувает народы».

[5] Герцен говорит о своей статье «Старый мир и Россия», написанной в форме писем к В. Линтону — редактору английского журнала «The English Republic», где она и была впервые напечатана.

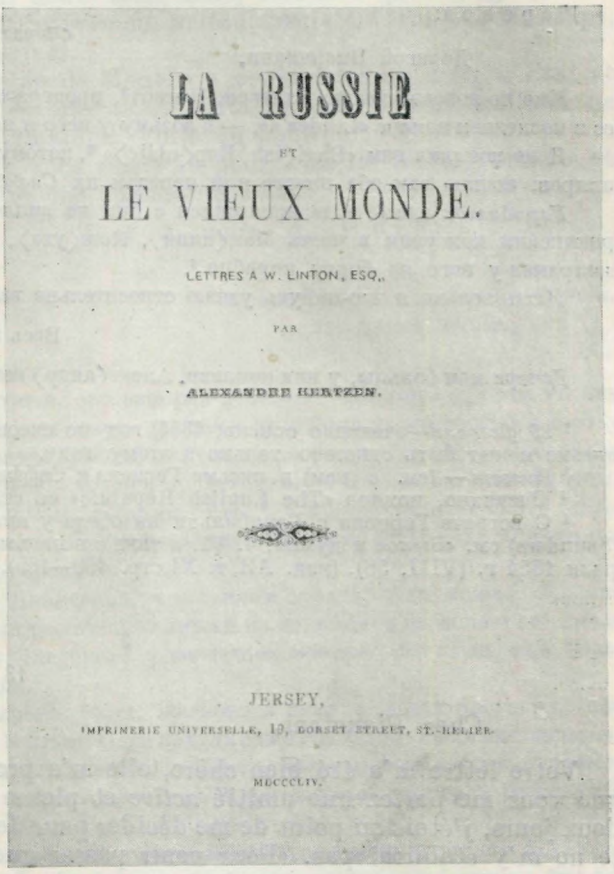
---

* В подлиннике каламбур: «Autriche» (Австрия) и «triche» (надувает) звучат сходно.

ПЕРВОЕ ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ СТАТЬИ «СТАРЫЙ МИР И РОССИЯ» ДЖЕРСИ, 1854

Титульный лист

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва



LA RUSSIE

ET

LE VIEUX MONDE.

LETTRES A W. LINTON, ESQ.,

PAR

ALEXANDRE HERTZEN.

JERSEY,

IMPRIMERIE UNIVERSELLE, 19, DORSET STREET, ST.-HELIER.

MDCCCLIV.

[6] О *Доманіже* см. в письме к Саффи № 6.

[7] Письма были, действительно, вскоре напечатаны по-французски, в издававшейся на Джерси газете «L'Homme», №№ 18, 19, 20 от 29 марта, 5 и 12 апреля 1854 г., а затем там же, на Джерси, вышли отдельным изданием.

5

⟨Londres.⟩ 29 février[1] ⟨1854⟩. Mardi

Cher Pianciani,

J'ai du malheur avec votre article. Piggot[2] après l'avoir tenu une semaine ne l'a pas imprimé dans le dernier № du *Leader* — je ⟨le⟩ prendrai chez lui et j⟨e l⟩'enverrai à Bruxelles.

Je ne vous ai pas envoyé l'*Engl⟨ish⟩ Rep⟨ublic⟩*[3] car je n'avais plus d'exemplaires, je vous enverrai les deux ensemble ou je les remettrai à *Saffi*.

Garibaldi est ici, j'ai fait sa connaissance au dîner diplomatique que le consul américain a donné à Maz⟨zini⟩, Kos⟨huth⟩, Garibaldi... etc. Hier j'ai déjeuné chez lui à bord de son vaisseau[4].

Dès que je saurai quelque chose par rapport à votre article, je vous écrirai.

Tout à vous A. Herzen

Mes filles sont malades, elles ont la coqueluche. Alex⟨andre⟩ vous salue, il a été avec moi...*

* Край письма оборван.— *Ред.*

Перевод:

<Лондон.> 29 февраля[1] <1854 г.> Вторник.

Дорогой Пианчиани,

Мне не повезло с вашей статьей. Пиггот[2], продержав ее целую наделю, не поместил ее в последнем номере «Leader'a», — я возьму у него и переправлю в Брюссель.

Я не посылал вам «Engl<ish>Rep<ublic>»[3], потому что у меня не осталось экземпляров; пошлю вам оба вместе или передам их *Саффи*.

Гарибальди здесь, я познакомился с ним на дипломатическом обеде, данном американским консулом в честь Мац<цини>, Кош<ута>, Гарибальди... и проч. Вчера я завтракал у него на борту корабля[4].

Лишь только я что-нибудь узнаю относительно вашей статьи, напишу вам.

Весь ваш А. Герцен

Дочери мои больны, у них коклюш. Алекс<андр> вам кланяется, он был со мной...*

[1] *29 февраля*—очевидно описка; 1854 год не високосный. Однако по содержанию письмо может быть отнесено только к этому году.

[2] *Пиггот* — (см. о нем) в письме Герцена к Саффи № 5.

[3] Очевидно, номера «The English Republic» со статьей «Старый мир и Россия».

[4] О встрече Герцена с Гарибальди на обеде у американского консула Сондерса (Saunders) см. «Былое и думы», ч. VI, а также в письме к М. К. Рейхель от 23 февраля 1854 г. (VIII, 58). (изд. АН, т. XI, стр. 160—165).

6

13 avril <1854>. Jeudi. Londres.
25, Euston Sq<uare>

Cher Pianciani,

Votre lettre m'a été bien chère, elle m'a prouvé encore une fois de plus que vous me portez une amitié *active* et pleine d'attention[1]. J'ai réfléchi deux jours, j'étais au point de me décider pour Jersey — mais tout bien pesé je ne m'y établirai pas. (Pour venir passer quelques jours, qu'à cela ne tienne; j'ai un grand besoin de locomotion). Je vous exposerai les causes.

Je fuis Londres en partie de *nos amis les ennemis*[2] et à Jersey vous les retrouverez, mais non dispersés dans cette *orbi non urbi* de Londres, mais resserés dans une petite ville de province.

Et dites-moi, cher Pianciani, que voulez<-vous> faire avec eux? Comment peut-on sérieusement travailler dans l'*Homme* qui ne comprend absolument rien et qui se permet des notes dans le genre de celle «sur Linton et ses réserves»[3] dans le № passé? Ces gens sont plus stationnaires que Nicolas et le pape.

En vérité, je ne connais rien de plus mesquin en fait de rédaction que l'*Homme* et la *Nation* belge. L'une de ces feuilles n'a que des exercices de rhétorique sur des sujets donnés... tyrannie... joug... réveil du peuple... exemple de Rome... traduction en prose des *Châtiments* de Hugo et des compliments à l'avenir — et à tous les peuples.

L'autre réimprime les mêmes choses et les mêmes nouvelles qu'elle imprimait en 52, 53, 54.— On ne sauve pas de l'incapacité. Vous parlez d'un journal à nous. Chose parfaite, mais la première condition c'est d'éloigner ces braves patriotes, ces anachronismes vivants, et non les chercher dans les autres.

Parmi les Français je ne connais que notre ami Domengé capable de travailler à un journal sérieux. Saffi et vous parmi les Italiens. Et avec tout cela un journal n'est faisable qu'à Londres. Mais attendons encore un peu. Moi je ne suis pas désœuvré, je travaille assez. J'imprime maintenant un fort volume en russe sous le titre «La Prison et l'exil»[4].

* Край письма оборван.— *Ред.*

Je quitterai Londres pour deux, trois mois, cela sera une villégiature — l'endroit n'est pas encore définitivement arrêté, peut-être irai-je à Hastings, dans tous les cas près de la mer.

Vous savez que le Florestan de Monaco a voulu faire un coup d'Etat et qu'il est maintenant dans les prisons de Villa Franca. Jamais malheur ne m'a fait tant rire, o *caro* Grimaldi... Voilà un bouffon[5].

Adieu, encore une fois je vous remercie pour tous les renseignements et je viendrai un beau jour faire une descente à Jersey.

Tout à vous A. Herzen

Перевод:

13 апреля <1854 г.>. Четверг. Лондон.
25, Euston Sq<uare>

Дорогой Пианчиани,

Ваше письмо мне очень дорого, оно еще раз доказало, что ваша дружба ко мне *деятельна* и полна участия [1]. Я раздумывал два дня и чуть было не склонился в пользу Джерси, но взвесив все хорошенько, решил, что там не поселюсь. (Провести несколько дней, это другое дело,— мне очень хочется проветриться.) Я объясню вам причины.

Из Лондона я бегу отчасти от *наших друзей-врагов* [2], а в Джерси вы их опять встретите, причем уже не рассеянными по лондонскому orbi non urbi*, а скученными в маленьком провинциальном городке.

И скажите сами, дорогой Пианчиани, что с ними делать? Как можно серьезно работать в «L'Homme», который решительно ничего не понимает и позволяет себе помещать заметки вроде «оговорок Линтона» [3] в последнем номере? Это люди, еще более отсталые, чем Николай и папа.

Право же, я не знаю ничего более жалкого в смысле редактирования, чем «L'Homme» и бельгийская «La Nation». Одна из этих газет содержит лишь риторические упражнения на заданные темы: ...тирания.... ярмо... пробуждение народа... пример Рима... прозаический перевод «Возмездий» Гюго и расшаркивание перед будущим и перед всеми народами.

Другая перепечатывает те же факты и те же новости, которые печатала в 52, 53, 54 годах.—От бездарности не излечишь. Вы говорите о создании своей газеты. Все это прекрасно, но первое условие — отстранить всех этих честных патриотов, эти ходячие анахронизмы, и не искать их среди других.

Из французов я знаю только одного, кто способен работать в серьезной газете,— нашего друга Доманже. Среди итальянцев — Саффи и вас. При всем том газету можно издавать только в Лондоне. Но подождем немного. Что до меня, я не сижу без дела, я много работаю. Сейчас я издаю на русском языке толстый том под названием «Тюрьма и ссылка» [4].

Я покину Лондон месяца на два — на три, это будет мой летний отдых; место еще не выбрано окончательно, может быть, поеду в Гастингс, во всяком случае, к морю.

Знаете ли вы, что Флорестан Монакский пытался произвести государственный переворот и теперь сидит в тюрьме в Вилла-Франке? Никогда еще ничье несчастье не заставляло меня так хохотать. О, саго Гримальди... Вот шут гороховый! [5]

Прощайте, еще раз благодарю вас за все ваши сведения и непременно как-нибудь сделаю высадку в Джерси.

Весь ваш А. Герцен

[1] Письма Пианчиани к Герцену не известны.

[2] *друзей-врагов.* — См. в публикации писем Герцена к Гервегам, а также во вступительной статье к настоящей публикации (выше стр. 216 и 362).

[3] Печатая в «L'Homme» статью Герцена «Старый мир и Россия» (письма к редактору «The English Republic» В. Линтону), газета предпослала второму письму следующую редакционную заметку: «Гражданин Герцен прислал нам письма, адресованные

* миру, а не городу (лат.).

им В.-Дж. Линтону—талантливому и благородному художнику, который опубликовал их в выходящем в Нью-Кестле ежемесячном журнале „The English Republic". Исполняя желание гражданина Герцена, мы возлагаем всецело на него самого ответственность за высказанные им взгляды и утверждения, с которыми он не хочет, по его словам, связывать нас моральной круговой порукой. „The English Republic", взявший себе девизом „Бог и народ", вероятно, сделал соответствующие оговорки...» («L'Homme», № 19 от 5 апреля 1854 г.). Упоминаемый маццинистский девиз «Бог и народ» воспроизводится на виньетке титульного листа журнала (см. рис. на следующей странице). Редакционная заметка свидетельствовала о стремлении газеты отмежеваться от Герцена, что вызвало, естественно, его раздражение. Правда, в ближайшем же номере «L'Homme», перед публикацией третьего письма к Линтону, редакция поместила вступление уже совсем иного содержания и отмечала «ценность и оригинальность писем гражданина Герцена», их «исключительное значение в современных условиях» и т. д. (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 225).

Что касается «желания» Герцена не связывать «L'Homme» ответственностью за содержание статьи «Старый мир и Россия», на которое ссылается газета в цитированной заметке, то оно, надо думать, было высказано в сопроводительном письме, при посылке статьи. Письмо это до нас не дошло.

[4] См. выше в письме Герцена к Саффи № 5.

[5] Реакционная политика *Флорестана I* (1785—1856), в 1841—1856 гг. князя Монако, восстановила против него население и привела к распадению княжества. После революции 1848 г. от Монако отделились города Ментона и Рокебрюн, присоединившиеся к Сардинскому королевству (Пьемонту). 6 апреля 1854 г. сын Флорестана, наследный принц Карл, герцог Валентинуа, совершил попытку вернуть Ментону во владение княжества. К принцу примкнуло не больше 20 человек, и вся затея потерпела полный крах. Об этом насмешившем Герцена эпизоде и идет речь в письме. Некоторые газеты ошибочно называли героем события не герцога Валентинуа, а самого Флорестана I. Ошибку повторил и Герцен.—*Гримальди* — фамилия княжеского дома Монако.

7

⟨Londres.⟩ 26 avril ou 27 ⟨1854⟩. Jeudi

Cher Pianciani,

J'étais en train de vous écrire lorsque j'ai reçu votre bonne lettre (dans laquelle il y a trois —quatre mots qu'il m'était impossible de déchiffrer). La nouvelle que je voulais vous communiquer c'est que le *Leader* et le *Morn⟨ing⟩ Adver⟨tiser⟩* disent d'une manière un peu détournée, mais très diaphane que mes lettres à Linton sont écrites en connivence avec la police russe. Regrettent que l'*Homme* les a reproduites ... etc. (24 avril)[1].

Le Comité Polonais a vigoureusement répondu[2], cela ne serait pas mal si l'*Homme* de son côté faisait quelque chose. Je prépare une petite lettre et je n'attends que Louis Blanc qui est allé chez le *Leader* demander une explication[3]. N'est-ce pas ⟨que⟩ c'est joli?.. Je ne comprends pas d'où cela vient, très possible que de la police russe, aussi de la bêtise humaine.

Et quelle habitude canaille de faire des accusations infâmes au lieu de raisonnements! — Qui donc peut être assez bête pour ne pas voir l'extrême unité de tout ce que j'écris et l'opposition complète au pouvoir tsarien, à la centralisation outrée⟨?⟩ de Pétersbourg? Mais j'ai une foi basée sur la conviction la plus intime que le temps d'une grande fédération républicaine n'est pas trop loin pour les Slaves du Sud. Et de quel droit condamnerai-je l'insurrection des Grecs parce qu'elle complique les affaires anglo-bonapartes?...[4]

Au reste nous avons assez parlé de toutes ces choses. L'impénétrabilité de la bêtise humaine, la férocité de l'ignorance n'a pas de limites. Allez leur faire comprendre qu'une *action* révolutionnaire ne pourrait pas réussir à trouver de la sympathie, si elle était dénouée de tout amour pour le pays. Avec la haine — on se venge, on ne fait pas mouvoir des masses.

L'Anglais devient de plus en plus intolérant et la voilà la liberté de la presse.— *Ecco la quà!*

Je vois assez souvent Domengé et toujours avec le plus grand, le plus sincère plaisir. Je vous dois immensément pour cette connaissance. J'ai reçu il y a quelques jours un petit billet de Saffi[5].

Je viendrai chez vous—et probablement avec Domengé, mais quand—attendez un peu.

Les enfants vont presque bien. La coqueluche a cessé. Je pense toujours à Hastings.

Je vous serre la main bien fraternellement

A. Herzen

Holinsky[6] est de retour de l'Amérique avec un tas de petits cancans transatlantiques — il y retourne dans deux mois. C'est engageant — le voyage devient de plus en plus facile.

Перевод:

<Лондон.> 26 или 27 апреля <1854 г.>. Четверг

Дорогой Пианчиани,

Я уже собирался вам писать, когда пришло ваше милое письмо (в котором три-четыре слова я никак не мог разобрать). Я хотел сообщить вам новость, что «Leader» и «Morn<ing> Adver<tiser>» иносказательно, но весьма прозрачно намекают, будто мои письма к Линтону написаны по наущению русской полиции. Выражают сожаление, что «L'Homme» их напечатал... и т. д. (номер от 24 апреля) [1].

Польский комитет послал энергичное возражение [2]; было бы неплохо, если б и «L'Homme», со своей стороны, как-нибудь отозвался [3]. Я готовлю небольшое письмо и ожидаю только Луи Блана, который отправился в «Leader» требовать объяснений. Хорошо, неправда ли?.. Не понимаю, откуда это идет, весьма возможно, что от русской полиции, а также от человеческой глупости.

Что за подлая привычка бросать гнусные обвинения вместо того, чтобы возражать! Как можно быть настолько глупым, чтобы не видеть исключительное внутреннее единство во всем, что я пишу, решительную оппозицию царской власти и чрезмерной <?> петербургской централизации. Но я твердо верю, и моя вера основана на глубочайшем внутреннем убеждении, что не так далеко время создания великой республиканской феде-

THE

ENGLISH REPUBLIC

GOD AND THE PEOPLE

EDITED BY

W. J. LINTON

PART 40. (Part IV. Vol. 3). APRIL, 1854. PRICE SIX PENCE.

W. J. LINTON, BRANTWOOD, CONISTON, WINDERMERE.

LONDON:

J. P. Cousin, 2, Star Inn, Fleet Street;

J. Watson, 17, Thornhill Terrace, Hornsfield Road, Islington;

J. Sharp, 47, Tabernacle Walk, Finsbury.

NEWCASTLE-ON-TYNE:

J. Barbier, 1, Nelson Street, and 28, Grainger Street.

ЖУРНАЛ
«THE ENGLISH REPUBLIC»,
ИЗДАВАВШИЙСЯ В. ЛИНТОНОМ.
ЗДЕСЬ ВПЕРВЫЕ НАПЕЧАТАНА
СТАТЬЯ ГЕРЦЕНА
«СТАРЫЙ МИР И РОССИЯ»,
АПРЕЛЬ 1854 г.

«Софийская коллекция»
Библиотека СССР им. В. И. Ленина,
Москва

рации южных славян. По какому же праву стал бы я осуждать греческое восстание только потому, что оно осложняет англо-бонапартистские дела?..[4]

Впрочем, мы достаточно говорили обо всех этих вещах. Человеческая глупость непостижима, дикое невежество не имеет границ. Попробуйте объяснить им, что революционное *действие* не могло бы привлечь симпатии, если бы оно не было связано с любовью к отечеству. С одной ненавистью можно мстить, но нельзя поднять массы.

Англичанин становится все более нетерпим — и вот вам свобода печати.— Ecco la quà! *

Я довольно часто вижусь с Доманже и всегда с самым большим и самым искренним удовольствием. Я бесконечно вам обязан за это знакомство. Несколько дней назад я получил письмецо от Саффи [5].

Непременно к вам приеду и, вероятно, вместе с Доманже, но когда? подождите немного.

Дети почти поправились. Коклюш прошел. Я все подумываю о поездке в Гастингс.

Братски жму вашу руку А. Герцен

Голынский [6] возвратился из Америки с целой кучей заатлантических сплетен; через два месяца он едет обратно. Это заманчиво: переезд становится все легче и легче.

[1] Речь идет о выступлениях против статьи «Старый мир и Россия» английских газет «The Leader» (22 апреля) и «The Morning Advertiser» (24 апреля).

[2] Протест польского центрального демократического комитета, подписанный С. Ворцелем, Л. Зенковичем и А. Жабицким, был напечатан в «The Morning Advertiser» от 27 апреля 1854 г. (полный текст в русском переводе см. в «Лит. наследстве», т. 63, 1956, стр. 802—804).

[3] Это желание Герцена было исполнено. В редакционной заметке, предпосланной статье «Русская революция» анонимного автора, помещенной в «L'Homme» (№ 23 от 3 мая), газета называет Герцена «лучшим борцом» за русскую революцию и риторически спрашивает, что же следует думать о «некоторых английских газетах, выступающих против гражданина Герцена» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 225).

[4] Герцен поясняет здесь положения, выдвинутые им в третьем письме к Линтону и вызвавшие наибольшие нападки — обвинения в панславизме, в защите интересов царя и т. д. (см. VIII, 561—562). Греческое восстание, о котором пишет Герцен, вспыхнуло в январе 1854 г. и было направлено против турецкого ига, за воссоединение с Грецией территории Эпира, занятой турками. Восстание приобрело вскоре широкий размах и спутало карты Англии и Франции, вступивших в войну с Россией. «В своем последнем письме,— указывал Маркс,— я отметил, что одним из наиболее опасных для Порты последствий греческого восстания будет то, что оно даст западным державам предлог выступить в качестве посредниц между султаном и его подданными, вместо того, чтобы вести борьбу с Россией и таким образом вгонять греческих христиан в союз с царем» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, 1933, стр. 658. Корреспонденция от 3 марта 1854 г.). В мае 1854 г. Франция и Англия оккупировали часть греческой территории, и восстание было прекращено.

[5] Это письмо Саффи неизвестно.

[6] Об Александре Викентьевиче *Голынском* см. на стр. 33 настоящего тома.

6

⟨Londres.⟩ 4 mai ⟨1854⟩. Jeudi.
25, Euston Sq⟨uare⟩

Cher Pianciani,

Merci pour votre bien amicale lettre. L'article du *Morn⟨inig⟩ Adv⟨ertiser⟩*, je pense, ne vient pas de la source à laquelle vous faites allusion, c'est à dire de Gol⟨ovine⟩[1]. Il me l'a formellement assuré étant chez moi pour une dernière explication. De qui parlez-vous encore — je ne l'ai pas deviné. Vous voyez qu'après la réponse calme et simple de Worcell, ils se sont tus... Si cela était une personnalité, ils auraient continué. L'Anglais en général est assez bête et lorsqu'il y a des échappés de Bedlam comme Urquart [2] qui dit que tous les Russes sont des agents du tsar, que Mazzini est suspect etc. ...on ne doit pas s'étonner d'être accusé. Avez-vous lu un article dans le

* Вот она какова! (итал.).

Weekly Disp⟨atch⟩, disant que les ouvriers de Preston sont payés par l'or russe pour faire des *strikes*[3].

C'est de la folie! L'article du *Leader*, c'est une vengeance ignoble de Piggot et Cnie. Je dois à l'amitié de Louis Blanc d'avoir reçu leur désaveu et encore la promesse d'en dire *à propos* quelques mots[4].

L'article de Zéno est magnifique[5]. Nous l'avons lu ici, en riant comme des fous. J'ai voulu envoyer une lettre à l'*Homme* — mais elle me paraît maintenant si pâle, après l'article de Zéno — que je la méprise. Avez-vous lu l'article? C'est d'une profondeur et d'une sainte colère qu'on ne lui pardonnera pas.

Le *Leader* ne peut pas l'insérer.

La menace de convoquer un meeting dans London Tavern pour empêcher l'emp⟨ereur⟩ de Russie d'aller en Hongrie c'est un exemple sublime. Et la permission pour les rédacteurs d'être ignorants — mais *gentlemen*.

Je ne sais où trouver le *Morn⟨ing⟩ Adv⟨ertiser⟩* — j'enverrai chercher chez Worcell, il avait une copie[6].

A propos, le *Times* disait il y a cinq, six jours qu'on voit beaucoup d'agents russes en Lombardie!!. C'est une maladie.

Si Dieu a noyé la terre,
C'est la faute de Voltaire.
S'il a lâché beaucoup d'eau,
C'est la faute de Rousseau[7].

Dès que j'aurai un peu plus de temps, je viendrai et avec Domengé— mais je'ne suis pas assez Russe pour occuper vos provinces — je veux *veiller* avec vous et *dormir* avec moi seul. Nous prendrons une chambre dans un hôtel.

Vendredi

J'ai attendu le *Mor⟨ning⟩ Adv⟨ertiser⟩* de Worcell — mais il a perdu le № Je vous l'enverrai avec la première poste.

T⟨out⟩àv⟨ous⟩.

Je ne vous envoie maintenant que la réponse du Comité démocr⟨atique⟩ — je vous prierai de me la renvoyer[8].

La lettre de Talandier est très bonne et très noble[9].

Adieu encore une fois.

Herzen

Demain Domengé dîne chez moi avec Louis Blanc.

Перевод:

⟨Лондон.⟩ 4 мая ⟨1854 г.⟩. Четверг.
25, Euston Sq⟨uare⟩

Дорогой Пианчиани,

Спасибо за ваше столь дружеское письмо. Статья в «Morn⟨ing⟩ Adv⟨ertiser⟩» исходит, по-моему, не из того источника, на который вы намекаете, то есть не от Го⟨ловина⟩[1]. Он решительно разубедил меня в этом, явившись ко мне для последнего объяснения. О ком еще вы говорите — я не мог угадать. Как видите, после простого и спокойного ответа Ворцеля они заткнули рты... Если бы тут были личные счеты, они бы не угомонились. Англичанин вообще довольно глуп, и если появляются вырвавшиеся из Бедлама сумасшедшие, вроде Уркхарта[2], и утверждают, что все русские— царские агенты, что Маццини подозрителен и т. д .... нечего удивляться, когда и вам бросают обвинения. Читали ли вы статью из «Weekly Disp⟨atch⟩», где говорится, что престонских рабочих подкупают русским золотом, чтобы они устраивали strikes?*.[3]

Это какое-то безумие. Статья в «Leader» просто подлая месть со стороны Пиггота и К°. Только благодаря дружескому участию Луи Блана я добился от них опровержения да еще обещания написать об этом *при случае* несколько слов[4].

* забастовки (англ.).

Статья Зено превосходна [5]. Читая ее, мы хохотали как сумасшедшие. Я хотел послать в «L'Homme» письмо, но теперь, после статьи Зено, оно кажется мне таким тусклым, что я пренебрег этим. Читали ли вы эту статью? В ней такая глубина и такой священный гнев, которого ему не простят.

«Leader» не может ее поместить.

Угроза созвать митинг в Лондонской Tavern'е, чтобы помешать русскому имп⟨ератору⟩ напасть на Венгрию, — превосходный пример. Или разрешение, данное журналистам, быть невеждами — но джентльменами.

Не знаю, где отыскать «Morn⟨ing⟩ Adv⟨ertiser⟩» — пошлю к Ворцелю, у него был экземпляр [6].

Кстати, «Таймс» утверждал дней пять-шесть назад. что в Ломбардии видели много русских агентов!!.. Это болезнь.

Если бог затопил землю,
Это вина Вольтера.
Если он залил все водой,
Это вина Руссо [7].

Как только у меня будет побольше времени, я приеду к вам вместе с Доманже, но я не настолько русский, чтобы захватывать ваши владения; я хочу *бодрствовать* с вами, но *спать* хочу один. Мы снимем комнату в гостинице.

Пятница

Я ждал от Ворцеля «Mor⟨ning⟩ Adv⟨ertiser»⟩, но он затерял номер. Пришлю его вам с первой почтой. В⟨есь⟩ в⟨аш⟩.

Сейчас посылаю вам только ответ Демокр⟨атического⟩ комитета — и попрошу возвратить его мне [8].

Письмо Таландье очень хорошо и благородно [9].

Еще раз прощайте

Герцен

Завтра Доманже обедает у меня с Луи Бланом.

[1] В «Былом и думах» приводится письмо Головина от 26 апреля 1854 г., подтверждающее непричастность его к выступлению «The Morning Advertiser» (см. изд. АН, т. XI, стр. 415).

[2] Давид *Уркхарт* (Уркарт, Urquhart, 1805—1877) — английский политический деятель и публицист; отличался маниакальной подозрительностью, повсюду видел «козни России» и подкуп (ср. «Былое и думы»—изд. АН, т. XI, 158—159).

[3] Речь идет об известной забастовке престонских текстильщиков, продолжавшейся свыше полугода и закончившейся в начале мая поражением рабочих.

[4] Никакого опровержения в «Leader'е» помещено не было, и к этому вопросу газета больше не возвращалась. Герцен имел, вероятно, в виду извинение, которое принесла редакция (ср. в письме к Саффи — № 5).

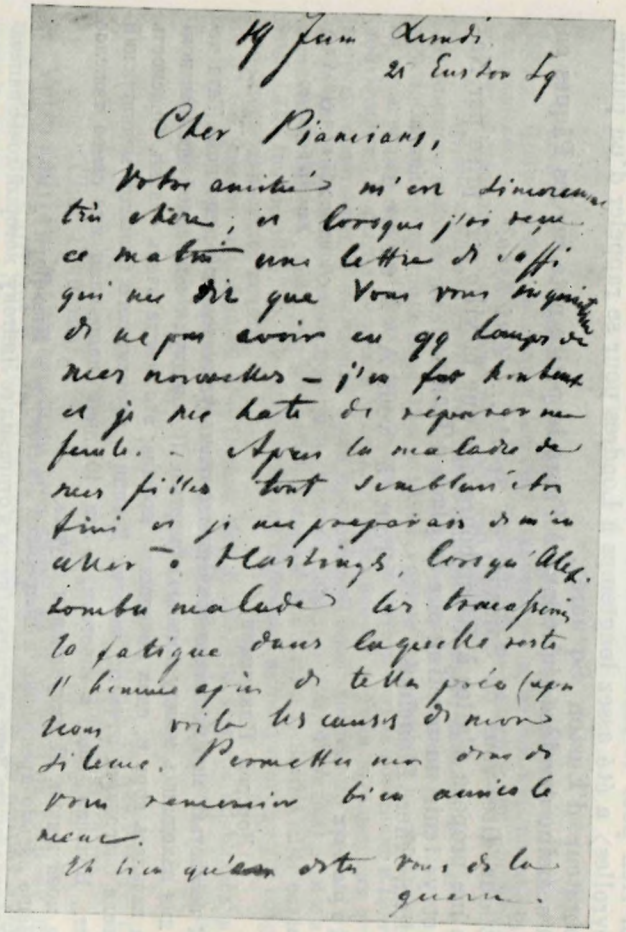
[5] Статья в защиту Герцена против клеветнических выступлений «Leader' а» и «The Morning Advertiser'а». Принадлежность ее Зено Свентославскому устанавливается здесь впервые. «Насчет газетного шума — перестрелка идет⟨...⟩ — писал Герцен М. К. Рейхель 4 мая 1854 г. — Весь Польский Комитет отвечал соборне, франц⟨узы⟩, итал⟨ьянцы⟩ порезче, все за меня ⟨...⟩ Но более всего утешил один поляк из Жерсея,— тот написал фульминантную ⟨громовую⟩ статью». Далее приводятся выдержки из статьи, среди которых встречаются совпадающие с цитированными Герценом в настоящем письме к Пианчиани (VIII, 79—80).

[6] Вероятно, экземпляр газеты с выступлением против Герцена.

[7] См. в письме к Саффи № 11 и примеч. 5 к этому письму.

[8] См. примеч. 2 к письму № 7.

[9] Письмо Таландье, понравившееся Герцену, было напечатано в «L'Homme» (№ 23 от 3 мая 1854 г.). Оно адресовано редактору газеты Рибейролю и посвящено полемике с Эрнестом Кёрдеруа, который напечатал в той же газете (№ 22 от 26 апреля 1854 г.) изложение своей теории европейской революции, долженствующей произойти в результате русского вторжения. Строя свои выводы на исторических аналогиях, Кёрдеруа утверждал, что подобно тому как нашествие варваров на Рим способствовало торжеству христианства, так нашествие казаков приведет к торжеству социализма и созданию всемирной республики. Опровергая эти положения Кёрдеруа, Таландье противопоставлял им высказывания Герцена. «Если бы еще,— пишет он,— вы, подобно Герцену; не желая русского нашествия, считали бы его фактом возможным и пре-

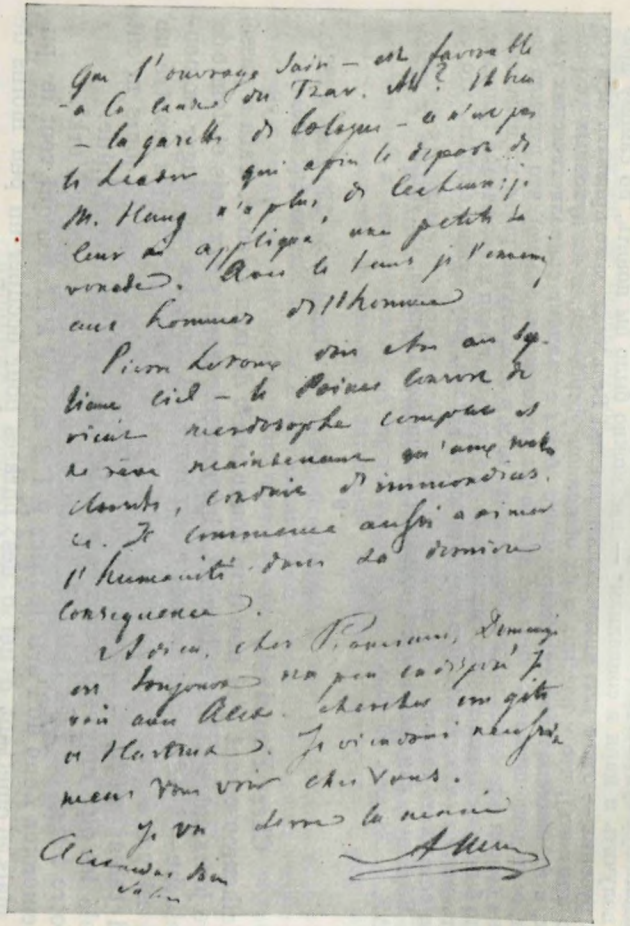


19 Juin Lundi
21 Euston Sq

Cher Pianciani,

Votre amitié m'est tout particulièrement chère; et lorsque j'ai reçu ce matin une lettre de Saffi qui me dit que vous vous inquiétez de ne pas avoir eu qq temps de mes nouvelles — j'en fut touché et je me hâte de réparer mon faute. — Après la maladie de mes filles tout semblait être fini et je me préparais à m'en aller à Hastings, lorsque Alex. tomba malade lui-même, la fatigue dans laquelle reste l'homme afin de telles préoccupations vite les causes de mon silence. Permettez moi donc de vous remercier bien amicalement.

Et bien qu'en sorte vous de la guerre.



que l'ouvrage soit — est favorable — à le cause du Tzar. Et? Et bien — la gazette de Cologne — n'est pas le seul qui afin le disposer de M. Hang n'a plus, et lecteur ceux qui applique, une petite revanche. Mais le tems j'ennemi ennemis hommes et l'homme

Pierre Leroux est ici au sublime ciel — le Poinsot lance de vivier mendosophe compas et se rêve maintenant qu'avec nos chants, cordiale et immortelle. Il commence aussi à aimer l'humanité dans sa dernière conséquence.

Adieu, cher Pianciani, Dimanche on longues ne pas ce disposé J. vais aux Alex. chercher un gite à Hastings. Je viendrai réciproquement vous voir chez vous.

Je vous donne la main

Alexandre Herzen

АВТОГРАФ ПИСЬМА ГЕРЦЕНА К ЛУИДЖИ ПИАНЧИАНИ ОТ 19 ИЮНЯ 1854 г.

Листы первый и последний

Архив города Рима

дупреждали буржуазию: „Вы хотите царя из ненависти к социализму — берегитесь как бы не получить и царя и социализм“ — вас можно было бы понять, но самому призывать русских — этого уже никак нельзя понять! Ведь если даже признать (и я готов это признать), что у русских в их общинном устройстве, в их духовных устремлениях, в их национальном характере много общих с галлами социалистических тенденций, если даже признать (хотя это завело бы нас слишком далеко), что русский народ уже созрел для социального обновления, то и в этом случае разве их нашествие привело бы нас к социальному обновлению?». Не следует, пишет в заключение Таландье, обещать народу, что революцию ему принесут казаки, ему нужно сказать, что он должен совершить ее сам.

О Кёрдеруа, считавшем себя единомышленником Герцена, см. «Былое и думы» (изд. АН, т. XI, стр. 60—65).

9

⟨Londres.⟩ 25 mai ⟨1854⟩.
Euston Sq⟨uare⟩

Cher Pianciani,

Malheureusement j'ai une trop bonne cause de mon silence. Tata a passé quatre jours entre la vie et la mort. Une rougeole après deux mois et demie de coqueluche— à peine commencée a disparu; c'est toujours un danger immense. Il est passé grâce, entre autres aux soins de Deville[1] — qui a montré un grand talent médical. La malade est encore au lit, — ces 10 jours m'ont rappelé les plus mauvais temps de ma vie. Je suis fatigué et stupide.

Votre lettre est très belle, je l'enverrai à Linton et à New-York[2].

Remerciez Zéno de l'article (hier je l'ai envoyé à Linton qui veut le publier mais en omettant q⟨uel⟩q⟨ues⟩ phrases pour occuper un peu moins de place) [3].

Vous m'avez donné le conseil d'écrire directement à Ribeyrolles — mais je n'ai rien pour le moment à lui communiquer. Et, soit dit entre nous, R⟨ibeyrolles⟩ a été assez longtemps à Londres pour se rappeler d'un pauvre collaborateur d'Euston Sq⟨uare⟩.

La semaine dernière j'ai donné à Faure la petite note sur les Pâques en Russie[4].

Et que dites-vous de Sarsane, de Spezia.... *Cui bono*?[5]

Je me propose d'aller à Pétersbourg dès que la ville sera prise par Napier[6] et y tenir un meeting sur la place d'Isaak.

Adieu, cher Pianciani.

Tout à vous A. Herzen

Перевод:

⟨Лондон.⟩ 25 мая ⟨1854 г.⟩
Euston Sq⟨uare⟩

Дорогой Пианчиани,

К несчастью, мое молчание объясняется очень уважительной причиной. Тата четыре дня находилась между жизнью и смертью. После двух с половиной месяцев коклюша началась корь и, едва начавшись, прошла; это всегда очень опасно. Опасность миновала благодаря, отчасти, заботам Девиля [1], проявившего большой медицинский талант. Больная еще в постели, — эти 10 дней напомнили мне самое тяжелое время моей жизни. Я измучился и отупел.

Ваше письмо прекрасно, я пошлю его Линтону и в Нью-Йорк [2].

Поблагодарите Зено за статью (вчера я отправил ее Линтону, который хочет напечатать ее, опустив неск⟨олько⟩ фраз, чтоб она заняла поменьше места) [3].

Вы советовали мне написать непосредственно Рибейролю, но в данное время мне нечего ему сообщить. И, кроме того, между нами говоря, Р⟨ибейроль⟩ довольно долго находился в Лондоне и мог бы вспомнить о своем бедном сотруднике с Euston Sq⟨uare⟩.

На прошлой неделе я передал Фору небольшую заметку о пасхе в России [4].

А что вы скажете о Сарцане, о Специи... Cui bono?* [5]

* Кому на пользу? (лат.).

Я уже подумываю съездить в Петербург, как только город будет взят Непиром [6], и созвать митинг на Исаакиевской площади.

Прощайте, дорогой Пианчиани.

Весь ваш А. Герцен

[1] *Девиль* — врач.

[2] Речь идет о письме Пианчиани к Рибейролю, напечатанном в «L'Homme» (№ 26 от 24 мая 1854 г.). Поводом к выступлению Пианчиани послужили полученные из Рима известия о соглашении, заключенном между папой Пием IX и Наполеоном III, об отправке итальянских политических заключенных из Папской области во французские каторжные тюрьмы в Кайенну. Письмо представляет собою яркий документ антибонапартистской и антиклерикальной пропаганды. Осуществил ли Герцен свое намерение — ознакомить с письмом читателей Англии и Америки — нам неизвестно

[3] В «The English Republic», издававшейся Линтоном, была помещена статья в защиту Герцена. Возможно, что это и есть упоминаемая статья Свентославского. Из-за отсутствия в советских книгохранилищах комплектов журнала, уточнить это не удалось.

La traduction allemande de l'ouvrage de A. Hertzen: "Sur le développement des Idées révolutionnaires en Russie," qui a paru chez Hoffmann & comp., vient d'être saisis dans toutes les librairies prussiennes.

СООБЩЕНИЕ О КОНФИСКАЦИИ В КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ ПРУССИИ НЕМЕЦКОГО ИЗДАНИЯ «О РАЗВИТИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИДЕЙ В РОССИИ»

Текст сообщения составлен Герценом

«L'Homme» от 28 июня 1854 г.

[4] Статья «Русская пасха» напечатана (без подписи) в «L'Homme», № 25 от 17 мая 1854 г. Принадлежность статьи Герцену установлена в нашей публикации в «Лит. наследстве», т. 63, 1956, стр. 56—58.— Филипп *Фор* — лондонский корреспондент газеты «L'Homme». См. ниже письмо к нему Герцена.

[5] *Сарцана* и *Специя* — города северо-западной Италии, входившие тогда в состав Сардинского королевства (Пьемонта); расположены на небольшом расстоянии друг от друга. Специя — крупный порт. 13 мая 1854 г. группа маццинистов пыталась высадиться и выгрузить оружие близ этих городов с целью начать оттуда восстание в Центральной Италии. Попытка не имела успеха, оружие попало в руки пьемонтских властей, а среди повстанцев и населения были произведены многочисленные аресты. Орсини, который руководил этой экспедицией, удалось скрыться (см. Феличе Орсини. Воспоминания. М.—Л., 1934, стр. 180—190; Giuseppe Mazzini. Scritti editi ed inediti, vol. LII. Imola, 1929, p. 93—100). События получили широкую огласку в современной периодической печати.

[6] Ср. письмо к Саффи № 5.— Весной 1854 г. эскадра Непира появилась в Финском заливе и начала военные операции против России, окончившиеся однако полной неудачей планов союзников.

10

⟨Londres.⟩ 19 juin ⟨1854⟩. Lundi.
25, Euston Sq⟨uare⟩

Cher Pianciani,

Votre amitié m'est sincèrement très chère, et lorsque j'ai reçu ce matin une lettre de Saffi qui m' dit que vous vous inquiétiez de ne pas avoir eu q⟨uel⟩q⟨ue⟩ temps de mes nouvelles — j'en fus honteux et je me hâte de réparer ma faute[1]. Après la maladie de mes filles tout semblait être fini et je me préparais de m'en aller à Hastings, lorsqu' Alex⟨andre⟩ tomba malade. Les tracasseries, la fatigue dans laquelle reste l'homme après de telles préoccupations — voilà les causes de mon silence. Permettez-moi donc de vous remercier bien amicalement.

Et bien qu'en dites-vous de la guerre? Nicolas n'a qu'à se pendre[2]. Pour nous c'est magnifique, je ne sais pas si c'est aussi bon pour la France et

l'Italie. Savez-vous que je remarque ici une chose bien triste — je viens d'en écrire à Saffi[3] — la moitié de l'émigration est envahie par un *crypto*-bonapartisme, c'est-à-dire par un bonapartisme honteux, assez honorable pour ne pas nommer personnellement Bonaparte, mais pers⟨uadé⟩ que c'est lui avec les bourreaux de la Hongrie, de l'Italie[4] — qui sauvera la civilisation. Quelle confusion d'idées!

Avez-vous vu — à propos — que cette feuille stupide, bête à manger le foin, la *Nation* — répète dans une correspondance de Paris dans le № du 18 juin que ce sont des agents russes qui soulèvent les Italiens — c'est le journal de Ledru-Rollin et de Mazzini qui le dit,— écrivez-leur que c'est indécent. Passe pour le *Times* pour lequel Kossuth, Boichot[5]— et je ne sais qui — tous sont des agents russes — mais pour la *Nation*... Au reste, ce crétinisme de ne pas comprendre notre point de vue, me provoque à écrire la-dessus une petite lettre que j'adresserai au cit⟨oyen⟩ Ribeyrolles, s'il désire l'insérer [6].

A propos, faites imprimer dans le prochain № de l'*Homme* cette nouvelle.— «La traduction allemande de l'ouvrage A. Herzen *Sur le développement des idées révolutionnaires en Russie*, qui a paru chez Hoffmann et Campe, vient d'être saisie dans toutes les librairies prussiennes»[7].

Je vous raconterai une autre fois à quelle lutte cette saisie m'a engagé avec la rédaction boueuse de la *Gazette de Cologne*. Suffit de vouz dire qu'elle insinue que l'ouvrage saisi est favorable à la cause de tsar. Ah? Eh bien— la *Gazette de Cologne* — ce n'est pas le *Leader* qui après le départ de M. Haug n'a plus de lecteurs — je leur ai appliqué une petite savonnade [8]. Avec le temps je l'enverrai aux hommes de *l'Homme*.

Pierre Leroux doit être au septième ciel — le prince Consort devient merdosophe complet, il ne rêve maintenant qu'aux water-closets, conduits d'immondices, etc.[9] Je commence aussi à aimer l'humanité dans sa dernière conséquence.

Adieu, cher Pianciani. Domengé est toujours un peu indisposé. Je vais avec Alex⟨andre⟩ chercher un gîte à Hastings. Je viendrai nécessairement vous voir chez vous.

Je vous serre la main.

A. Herzen

Alexandre vous salue.

Перевод:

⟨Лондон.⟩ 19 июня ⟨1854 г.⟩ Понедельник.
25, Euston Sq⟨uare⟩

Дорогой Пианчиани,

Ваша дружба мне действительно очень дорога и, узнав сегодня утром из письма Саффи, что вы беспокоитесь, с некоторых пор не получая от меня известий,—я устыдился и спешу искупить свою вину [1].— После болезни дочерей все беды, казалось, окончились, и я уже собирался отправиться в Гастингс, как вдруг захворал Александр. Заботы, усталость, охватывающая человека после стольких беспокойств,— вот причины моего молчания. Позвольте же мне по-дружески поблагодарить вас.

Ну, что вы скажете о войне? Николаю остается только повеситься [2]. Для нас это превосходно, не знаю, хорошо ли это также для Франции и Италии. Знаете ли, я замечаю здесь весьма печальное явление,— я только что написал об этом Саффи [3],— половина эмиграции охвачена *тайным* бонапартизмом, то есть бонапартизмом стыдливым; из приличия они не называют прямо Бонапарта, но считают, что это он, вместе с палачами Венгрии и Италии [4], спасет цивилизацию. Какая путаница в мыслях!

Знаете ли вы, кстати, что этот дурацкий, непроходимо глупый листок «La Nation», в номере от 18 июня, в корреспонденции из Парижа, пишет, будто итальянцев возбуждают к восстанию русские агенты — и это говорит газета Ледрю-Роллена и Маццини. — Напишите им, что это неприлично. Это пристало бы еще «Times», для которого

Кошут, Буашо [5] и уж не знаю кто — все являются русскими агентами, но не годится для «La Nation»... Впрочем, это тупоумное непонимание нашей точки зрения подбивает меня написать небольшое письмо, которое я направлю гражд⟨анину⟩ Рибейролю, если он пожелает его поместить [6].

Кстати, напечатайте в ближайшем номере «L'Homme», следующую заметку: «Немецкий перевод книги А. Герцена «О развитии революционных идей в России», вышедший у Гофмана и Кампе, конфискован во всех книжных лавках Пруссии» [7].

Когда-нибудь в другой раз я расскажу вам, в какую борьбу из-за этого запрета мне пришлось вступить с грязной редакцией «Kölnische Zeitung». Достаточно сказать, что она распространяет клевету, будто эта запрещенная книга идет на пользу царю. Что вы на это скажете? Но ведь «Kölnische Zeitung» это не то что «Leader», у которого после отъезда г-на Гауга не осталось больше читателей; я закатил им небольшую головомойку [8]. Со временем я это пришлю людям «Человека»*.

Пьер Леру, должно быть, на седьмом небе — принц-супруг становится заправским дерьмософом, он бредит теперь только ватерклозетами, канализационными трубами и т. п. [9]. Я тоже начинаю любить человечество в этом его проявлении.

Прощайте, дорогой Пианчиани. Доманже все еще немного нездоров. Я уезжаю с Александром искать приюта в Гастингсе. Я непременно приеду вас навестить.

Жму вам руку.

Александр вам кланяется. А. Герцен

[1] Ср. в письме к Саффи № 5.

[2] К тому времени Россия еще не испытала серьезных поражений в войне, тем не менее Герцен расценивал сложившуюся обстановку как весьма неблагоприятную для царизма. «Я уже предвижу,— писал он в тот же день Саффи,— падение этого зверя Николая — если бы взяли Крым, ему пришел бы конец» (см. в письме № 5).

[3] См. указанное письмо к Саффи.

[4] Подразумеваются правящие круги Австрии (ср. там же).

[5] Жан-Батист *Буашо* (1820—?) — французский демократ. В 1849 г., находясь на военной службе в чине сержанта, был избран депутатом Законодательного собрания; видный член «горы». После 13 июня эмигрировал и жил в Англии. В начале июня 1854 г., при попытке нелегально проникнуть во Францию, Буашо был арестован, предан суду и приговорен к тюремному заключению. «Times», сообщая о его аресте, высказал подозрение, что Буашо был послан во Францию эмигрантскими комитетами с целью агитации во французской армии в интересах России. Заявление «Times» получило резкий отпор со стороны Ф. Пиа и других эмигрантов (см. «L'Homme», №№ 28, 29, 30 от 7, 14, 21 июня 1854 г.).

[6] Осуществил ли Герцен свое намерение — неизвестно. Письмо такого содержания в «L'Homme» не появилось.

[7] Напечатано в «L'Homme», № 31 от 28 июня 1854 г. Принадлежность заметки Герцену устанавливается впервые. Изъятию подвергалось третье издание книги «О развитии революционных идей в России», вышедшее в свет на немецком языке под смягченным для немецкой цензуры названием «Rußlands soziale Zustände» («Социальные отношения в России»), Hamburg, 1854.

[8] Речь идет об открытом письме, которое Герцен направил 16 мая 1854 г. в «Kölnische Zeitung», протестуя против распространявшейся газетой клеветы на его книгу (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 215—217). До сих пор письмо Герцена было известно только по газетной вырезке, сохранившейся в «пражской коллекции», и адресат указывался предположительно (там же).

[9] *Принц-супруг* — герцог Кобург-Саксонский, Альберт-Франц-Август-Карл-Эмануил (1819—1861), муж английской королевы Виктории. Он интересовался вопросами просвещения, культуры, улучшения бытовых условий жизни. Шутка Герцена о принце и Пьере Леру становится понятной, если вспомнить, что, согласно учению Леру об обращении материи, человек, как и все живые существа, возвращает почве через экскременты необходимое для жизни количество органической материи, которое он получает из почвы.

11.

9 août ⟨1854⟩. Richmond. 3.
S. Helena terrace

Cher Pianciani,

Si vous m'avez oublié vous avez parfaitement fait, je l'ai mérité,— pourquoi est-ce que je n'ai pas écrit — je n'en sais rien, nous parlons de vous très

* Каламбур: название газеты «L'Homme» по-французски означает «человек».

souvent avec Domengé qui donne des leçons à Alexandre, nous vous aimons — et la paresse,— non pas la paresse mais la vie campagnarde où rien ne se passe, où la grande nouvelle — c'est la pluie — m'a déshabitué de la plume.

Saffi a été chez moi pour une couple d'heures — il est triste mais toujours le même poète-rêveur de la révolution et mélancolique com⟨me⟩ elle. Que pensez-vous des derniers événements, bientôt il n'y aura plus de châteaux en Espagne — ⟨tel⟩lement * elle se démocratise ⟨...⟩ *, crains Espartero — et c'⟨est dom⟩mage * que les deux ⟨...⟩ * se sont échappés [1].

La guerre se fait comme la guerre doit se faire parmi les civilisés. On a constaté que Cronstadt n'est pas un préjugé, qu'effectivement il y a un Cronstadt...[2] C'est assez pour 54.— Au moins si on prenait la Crimée.

Et on se révolte lorsqu'on ose dire que c'est une génération caduque... l'étendard de notre époque c'est l'impuissance virile — représentée sur un fond gris, avec le motto de Béranger — «C'est Mistigri mort sur la brèche»[3].

Je veux aller en Suisse, en Espagne — partout à l'exception de l'Amérique. Nous parlons préalablement d'aller vous voir, je n'ose plus ouvrir la bouche à ce sujet.

Adieu, cher Pianciani, ce n'est pas une lettre, c'est une remise ⟨en mé⟩moire * d'un de vos amis.

A. Herzen

Les enfants se portent bien, l'air est excellent ici, je resterai jusqu'à l'hiver.

Перевод:

9 августа ⟨1854 г.⟩. Ричмонд, 3. S. Helena terrace

Дорогой Пианчиани,

Если вы забыли меня, вы совершенно правы — я это заслужил. Почему я вам не писал — я и сам не знаю; мы очень часто беседуем о вас с Доманже, который дает уроки Александру, мы любим вас, но лень, и даже не столько лень, сколько деревенская жизнь без всяких происшествий, где самое большое событие — это дождь, сделала то, что я разучился писать.

Саффи провел у меня часа два: он печален, но все тот же поэт-мечтатель, поэт революции, меланхоличный, как она сама. Что вы думаете о последних событиях? Скоро в Испании не останется замков, настолько она демократизуется ⟨...⟩* боюсь Эспартеро и ⟨...⟩* жаль, что два ⟨...⟩* успели скрыться [1].

Войну ведут, как и полагается вести войну цивилизованным народам. Убедились, наконец, что Кронштадт — не предрассудок, что Кронштадт и в самом деле существует... [2] Для 54 года этого достаточно.— Если бы, по крайней мере, взяли Крым.

И люди еще возмущаются, когда кто-нибудь осмеливается назвать наше поколение дряхлым... знамя нашей эпохи это мужское бессилие, изображенное на сером фоне с девизом из Беранже« «Мистигри погиб героем» [3].

Я хочу поехать в Швейцарию, в Испанию—куда угодно, только не в Америку. Мы все собираемся как-нибудь вас навестить, но я уже больше не смею и заикнуться вам об этом.

Прощайте, дорогой Пианчиани, это не письмо, это просто попытка восстановить ⟨в вашей па⟩мяти* одного из ваших друзей.

А. Герцен

Дети здоровы, воздух чудесный, я останусь здесь до зимы.

[1] Начавшееся в Испании в июне 1854г. движение против господствовавшей в стране крайней реакции в середине июля вылилось в революцию. Королева Изабелла, вынужденная идти на уступки, призвала Эспартеро (о нем см. ниже, примеч. 7 к письму

---

* Край письма оборван.— *Ред.*

ЛОНДОН. ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ С ТЕАТРА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В КРЫМУ
«The Illustrated London News» от 2 декабря 1854 г.

№ 15), который прибыл в Мадрид 28 июля. Эти события, очевидно, и имеет в виду Герцен.

[2] Отклик на выступление 24—25 июля 1854 г. лорда адмиралтейства Беркли в Палате общин с заявлением, что Непир считает взятие Кронштадта делом невозможным (ср. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, 1933, стр. 139; Е. В. Тарле. Крымская война, т. 2. Изд. 2. М., 1950, стр. 59—60).

[3] Из стихотворения Беранже «Mistigri». Мистигри — название трефового короля в некоторых карточных играх. У Беранже образ иносказательный. Приводим цитату по русскому изданию: Пьер-Жан Беранже. Полное собрание песен, т. 2. Изд. 2. М., 1936, стр. 431—432.

12

⟨Ричмонд, 7 сентября 1854 г.⟩[1]

Eh bien, au revoir — cher Pianciani, je suis sûr que nous nous reverrons bientôt. Embrassez pour moi Saffi chaudement.

Je m'empresse de vous envoyer les 10 liv⟨res⟩ avec notre ami Domengé.

Adieu, je serre votre main

A. Herzen

7 sep⟨tembre⟩.

Перевод:

⟨Ричмонд, 7 сентября 1854 г.⟩[1]

Итак, до свидания, дорогой Пианчиани; я уверен, что мы скоро увидимся. Горячо обнимите за меня Саффи.

Спешу послать вам 10 фун⟨тов⟩ с нашим другом Доманже.

Прощайте, жму вашу руку

А. Герцен

7 сент⟨ября⟩.

[1] Годовая дата устанавливается по связи с письмом № 14 от 14 ноября, где говорится о возврате упомянутых здесь 10 фунтов.

13

3 novembre ⟨1854⟩. Vendredi. Twickenham.
Bridgefield villas

Très cher Pianciani,

Je viens de recevoir votre lettre et je vous écris immédiatement, je suis très content de vous savoir dans notre voisinage. Le dernier mouvement en Italie n'a produit que *deux lettres*; mais ces deux lettres valent bien toute la correspondance entre Nesselrode et l'Autriche en y ajoutant même les lettres de m-me Praslin à son mari (pour lesquelles il l'a tuée — et a très bien fait — on ne peut pas laisser vivre une femme qui écrit à son réciproque des lettres de 8 pages). Je parle donc des deux lettres de Mazzini à Fazy et à la Confédération [1]. Mazzini devrait cesser d'écrire, car il n'a jamais écrit une chose meilleure et n'écrira jamais — vu qu'il n'y a pas deux Suisses au monde — ni deux Fazy... (il a un frère, c'est vrai, mais à celui-là personne ne s'adresse ni en parole, ni par lettre).

Pourquoi vous ne me parlez pas de Saffi, vous savez que j'en suis amoureux,— tandis que vous me parlez de *Vauxhall* et d'autres choses peu chastes. Je vis en ascète et je suis très content que je ne sois pas à Londres — *primo*, parce que je serais mort de choléra [2], *secundo* que j'ai là des amis qui m'auraient volé les bottes du cadavre, comme si cela était à Alma, oubliant la contag⟨ion⟩ [3].

Maintenant passons de l'Alma à l'Almanach [4]. Je vous remercie pour la proposition et voilà ce que j'ai à dire. Je ne veux pas ouvrir la bouche sur les événements actuels; la guerre grise, les hommes ont un voile de sang devant les yeux et ne veulent rien entendre. Non seulement en Allemagne, on m'a attaqué en Amérique (quoique deux feuilles aient pris bravement ma cause) [5]. Or donc je refuse d'écrire un article sur la Russie, la guerre, et même je vous prierai de dire au cit⟨oyen⟩ Ribeyrolles que c'est la véritable cause pour laquelle je ne lui ai pas envoyé les lettres sur la France [6]. Mais voulant aussi contribuer en mesure de mes forces au livre, je propose un article général, révolutionnaire, philosophique, immoral et antichrétien sous le titre: *Le dualisme c'est la monarchie.*— Rien concernant la guerre. Répondez-moi vite et je me mettrai à l'œuvre. (L'article sera bon, je vous ⟨en⟩ réponds).

Si cela ne va pas — voulez-vous un chapitre (traduit) du 3 volume de mes mémoires? *La Revue des Deux Mondes* a presque réimprimé le second volume [7]. Le 3 vol⟨ume⟩ n'a pas paru encore en russe. Je pourrais traduire un chapitre sur Pétersbourg et la police secrète.

Vous n'avez qu'à ordonner.

Mes salutations fraternelles à Zéno. A propos, je reçois très irrégulièrement *L'Homme* — il serait mieux de me l'adresser à Twickenham Br⟨idgefield⟩villas.

Перевод:

3 ноября ⟨1854 г.⟩. Пятница. Твикенгем.
Bridgefield villas

Дражайший Пианчиани,

Я только что получил ваше письмо и тотчас же отвечаю. Я с радостью узнал, что вы находитесь в нашем соседстве. О последних событиях в Италии появилось только *два письма*; но эти два письма стоят всей переписки между Нессельроде и Австрией, да еще вдобавок писем г-жи Прален к мужу (из-за которых он ее и убил — и прекрасно сделал: нельзя оставлять в живых женщину, посылающую своему супругу письма на 8 страницах). Итак, я говорю о двух письмах Маццини к Фази и к Конфедерации [1]. Маццини следовало бы перестать писать, ибо он никогда не писал и никогда не напишет ничего лучшего — ведь на свете не существует ни двух Швейцарий, ни двух Фази... (правда, у последнего есть брат, но к нему никто не обращается ни устно, ни письменно).

Отчего вы ничего не пишете о Саффи? Вы же знаете, что я влюблен в него,— и вместе с тем пишете о Вокскхолле и прочих мало целомудренных вещах. Я живу аскетом и очень рад, что я не в Лондоне, — primo*, потому что умер бы от холеры[2]; secundo**, потому что там есть друзья, которые готовы с меня даже с мертвого стащить сапоги, позабыв о заразе, точно мы на Альме...[3]

Перейдем теперь от Альмы к Альманаху[4]. Благодарю вас за предложение, но должен сказать вам вот что. Я не хочу говорить о современных событиях; война опьяняет, у людей стоит кровавый туман перед глазами, они не желают ничего слышать. Не только в Германии,— даже в Америке на меня обрушились с нападками (хотя две газеты храбро встали на мою защиту)[5]. Словом, я отказываюсь писать статью о России, о войне и попрошу вас даже передать гражд⟨анину⟩ Рибейролю, что в этом истинная причина, почему я не прислал ему писем о Франции[6]. Однако, желая по мере сил принять участие в сборнике, я предлагаю вам статью общего характера — революционную, философскую, безнравственную и антихристианскую под заглавием «Дуализм — это монархия». — Ничего относящегося к войне. Отвечайте мне скорее, и я примусь за работу. (Статья будет хороша, ручаюсь вам).

Если это не подходит — хотите главу (в переводе) из 3-го тома моих воспоминаний? «Revue des Deux Mondes» почти полностью перепечатал второй том[7]. 3-й еще не выходил по-русски. Я мог бы перевести главу о Петербуре и тайной полиции.

Только прикажите.

Братский привет Зено. Кстати, я очень неаккуратно получаю «L'Homme», лучше адресовать его на Твикенгем Br⟨idgefield⟩ villas.

[1] Герцен говорит о двух открытых письмах Маццини, датированных сентябрем 1854 г., к швейцарскому Федеральному совету и Джемсу Фази. Поводом для опубликования писем послужили преследования, которым подвергались в Швейцарии итальянские политические эмигранты (выдача их Австрии и другие нарушения Швейцарией права убежища). Маццини бросает резкие обвинения Федеральному совету, обличает его в прислужничестве Австрии, в связях с полицейской службой и пр. Ответ Фази, появившийся в «Revue de Genève», вызвал еще более гневную отповедь со стороны Маццини. Оба письма написаны с огромной силой и страстностью и большим литературным блеском. (См. Giuseppe Mazzini. Scritti editi ed inediti, vol. LI. Imola, 1928, p. 261—269, 281—288; «L'Homme», №№ 43, 44 от 20 и 27 сентября 1854 г.).

Под *перепиской между Нессельроде* (в те годы русским канцлером) *и Австрией* подразумевается обмен посланиями, имевший место между русским и австрийским правительствами во время Крымской войны. Осенью 1854 г. вопрос о позиции, занятой Австрией, очень обострился, и Россией были сделаны попытки (окончившиеся неудачей) договориться с Австрией, чтобы привлечь ее на свою сторону и помешать ее вступлению в союз с западными державами. Герцен в шутку сравнивает письма Маццини к швейцарскому Федеральному совету с русско-австрийской дипломатической перепиской.

Упоминаемая Герценом *г-жа Прален* — герцогиня де Прален (1807—1847); была убита своим мужем. В «Письмах из Франции и Италии» Герцен рассказывает об этом убийстве и говорит (также иронически) о переписке герцогини с мужем (см. изд. АН, т. V, стр. 230).

[2] В июле — сентябре 1854 г. в Лондоне была сильная эпидемия холеры. «Холера в Лондоне убывает, хотя в прошлую неделю еще 1250 умерло»,— писал Герцен М. К. Рейхель 28 сентября 1854 г. (VIII, 97; см. также 94—96).

[3] *Позабыв о заразе*, т. е. о холере, которая свирепствовала тогда и в действующих армиях; *на Альме* — имеется в виду сражение на реке Альме 20/8 сентября 1854 г.

[4] Речь идет об «Almanach d'exil pour 1855» («Альманах изгнания на 1855 г.»), изданном Рибейролем, Пианчиани и другими джерсийскими политическими эмигрантами. Герцен написал для «Альманаха» упоминаемую ниже статью «Дуализм — это монархия», которая и была там напечатана (см. изд. АН, т. XII, стр. 217—225 и «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 218—225).

[5] Среди своих американских недоброжелателей Герцен называет Колачека (о нем см. в настоящем томе по указателю), выступавшего против него «в одном американском журнале» (изд. АН, т. XI, стр. 160). Какие газеты вступились за Герцена, установить не удалось: в советских книгохранилищах отсутствуют полные комплекты американской периодики тех лет. Весьма вероятно, что Герцена защищали дружественный ему «Le Républicain de New-York» и газета Митчеля. «В Америке меня немцы в своих

* во-первых (лат.).
** во-вторых (лат.).

журналах обругали, как нельзя лучше, а Мичель защищает»,— сообщал Герцен М. К. Рейхель 21 ноября 1854 г. (VIII, 118; см. также письмо к ней от 16 октября 1854 г.— VIII, 105). Джон *Митчель* или *Мичель* (Mitchel, 1815—1875) — ирландский националист. В 1848 г. был приговорен к 14 годам ссылки и отправлен на Бермудские острова, затем на мыс Доброй Надежды и, наконец, в Ван-Дьем (Австралия), откуда в 1853 г. бежал в Америку. В 1854 г. издавал в Нью-Йорке газету «The Citizen» («Гражданин»). Герцен упоминает эту газету в письме к Мишле от 2 марта 1855 г. (VIII, 156).

[6] Имеются в виду три письма (12—14) из цикла «Письма из Франции и Италии», которые тогда не были еще ни разу напечатаны. Герцен предлагал их Рибейролю для «L'Homme» (см. «Письмо к Рибейролю, издателю журнала «L'Homme»» — изд. АН, т. V, стр. 218). Но в газете они не появились. Что помешало этому — до сих пор не было известно и устанавливается здесь впервые. Публикуемое письмо к Пианчиани позволяет сделать еще одно уточнение. Статья «Дуализм — это монархия» рассматривалась до сих пор как фрагмент одного из писем из Франции и Италии (ср. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 220). Мы видим теперь, что статья является самостоятельным произведением и была написана специально для «Альманаха».

[7] В сентябрьской книжке «Revue des Deux Mondes» за 1854 г. (vol. VII, p. 857—899) была помещена статья А. Делаво (H. Delaveau) «Les années de prison et d'exil d'un écrivain russe» («Годы тюрьмы и ссылки одного русского писателя»), посвященная вышедшей в издании Вольной русской типографии книге Герцена «Тюрьма и ссылка» (1854). Статья представляет собой в значительной части перевод текста Герцена. У Лемке (см. XXII, 274) она ошибочно названа рецензией на книгу «О развитии революционных идей в России».

14

14 novembre ⟨1854⟩. Twickenham.
Bridgefield villas

Cher Pianciani,

Vous ne m'avez pas répondu concernant l'article[1], c'est pour cela que je n'ai rien fait ou presque rien.

Eh bien, la guerre devient tout à fait féroce; la guerre — c'est l'ancien monde, c'est tout ce que nous haïssons, la force brutale, l'amour-propre exalté, la nationalité qui se sent dans la haine. Faites avec cela des républiques.

J'ai oublié l'autre jour de vous répondre concernant les 10 liv⟨res⟩ — de grâce n'y pensez pas, vous les rendrez quand vous voulez.

J'ai une lettre de Saffi.

Tout à vous
A. Herzen

Перевод:

14 ноября ⟨1854 г.⟩. Твикенгем.
Bridgefield villas

Дорогой Пианчиани,

Вы ничего мне не ответили насчет статьи[1], поэтому я ничего не сделал или почти ничего.

Ну что же, война поистине становится свирепой; война — это старый мир, это все, что мы ненавидим,— грубая сила, исступленное самолюбие, национальное чувство, проявляющееся в ненависти. Попробуйте тут создавать республики.

Прошлый раз я позабыл вам ответить насчет 10 фунтов — ради бога, не думайте об этом, можете вернуть их, когда хотите.

Я получил письмо от Саффи.

Весь ваш
А. Герцен

[1] См. примеч. 4 к предыдущему письму.

15

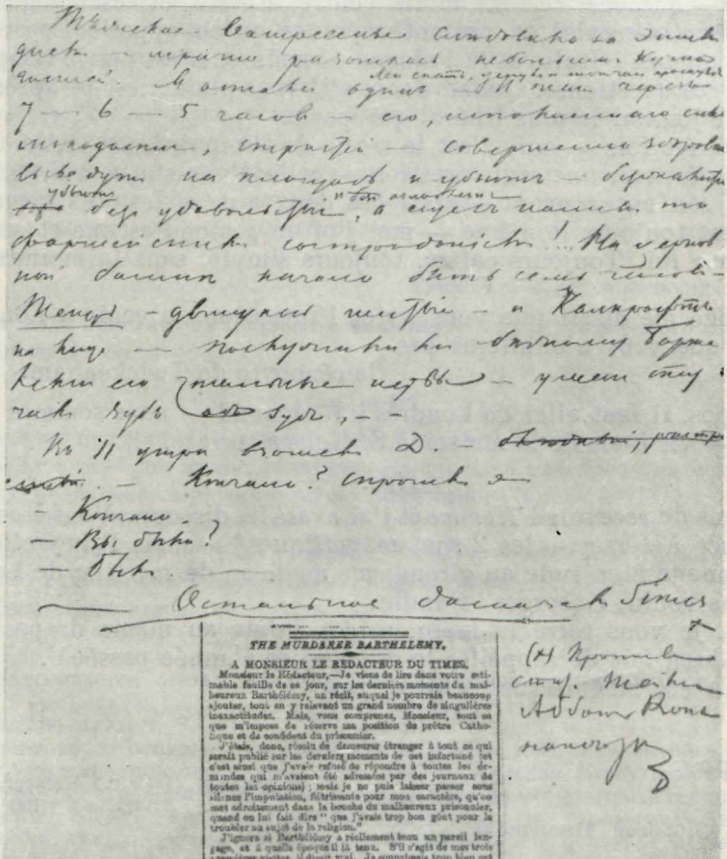
7 décembre ⟨1854⟩. Jeudi. Twickenham.
Bridgefield villas

Cher Pianciani,

Je ne vous ai pas répondu à votre avant-dernière lettre, pensant que la stricte obéissance à votre ordre amical d'envoyer l'article à Ribeyrolles[1] était la meilleure réponse. Vous m'obligerez en parcourant cette petite

chose — dites-moi franchement votre opinion. Saffi, Domengé et Talandier en sont contents — je pourrais, si cela n'effarouche pas trop, envoyer avec le temps encore de la scolastique à la ⟨1 *нрзб*⟩ du doctrinarisme — *Penhoos*⟨?⟩.

Je recevrai probablement ce soir votre discours dans l'*Homme*[2] — je retiendrai ma lettre jusqu'à demain. Quant au meeting de S. Martin's Hall — cela



THE MURDERER BARTHELEMY.

A MONSIEUR LE REDACTEUR DU TIMES.

Monsieur le Rédacteur,—Je viens de lire dans votre estimable feuille de ce jour, sur les derniers moments du malheureux Barthélémy, un récit, auquel je pourrais beaucoup ajouter, tout en y relevant un grand nombre de singulières inexactitudes. Mais, vous comprenez, Monsieur, tout ce que m'impose de réserve ma position de prêtre Catholique et de confident du prisonnier.

J'étais, donc, résolu de demeurer étranger à tout ce qui serait publié sur les dernières moments de cet infortuné (et c'est ainsi que j'avais refusé de répondre à toutes les demandes qui m'avaient été adressées par des journaux de toutes les opinions) ; mais je ne puis laisser passer sous silence l'imputation, flétrissante pour mon caractère, qu'on met adroitement dans la bouche du malheureux prisonnier, quand on lui fait dire " que j'avais trop bon goût pour le troubler en sujet de la religion."

J'ignore si Barthélémy a réellement tenu un pareil langage, et à quelle époque il l'a tenu. S'il n'agit de mes trois premières visites, il disait vrai. Je connaissais trop bien cet homme pour songer de lui parler de la religion avant d'avoir gagné sa confiance; il me serait arrivé ce qui était arrivé à d'autres prêtres Catholiques qui l'ont visité avant moi. Il serait refusé de me voir plus long temps; mais dès ma première visite le religion a été le sujet de nos entretiens sérieux. Je n'en voudrais pour preuve que cette con-

ЛИСТ ЧЕРНОВОЙ РУКОПИСИ «БЫЛОГО И ДУМ». ЧАСТЬ VI, ГЛАВА «БАРТЕЛЕМИ»

К листу приклеена вырезка из газеты «Times» с письмом аббата Ру, о последних минутах Бартелеми. Письмо включено Герценом в текст мемуаров

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

n'a été que l'exhibition de Kossuth — son discours est très bon[3]; dès que Buol et Aberdeen l'ont lu[4], ils ont conclu une traité — contre la Pologne, l'Italie et la Hongrie — et cela le 2 décembre.— Le *Times* dit que c'est de bonne augure[5].

Pas un Polonais n'a parlé — la Centralisation jouait le premier rôle, c'est à dire celui de la Muette de Portici dans un opéra. On m'a amicalement prié *de ne pas parler* — j'ai fait plus, voulant être aimable sans bornes, je n'y suis pas allé. Je pense que c'était une faute de la part de la Centrale — et je ne sais pas si elle était couverte par la vente des billets[6].

Vous savez comme je déteste les libéraux, les révolutionnaires-conservateurs, les amis de l'ordure publique... Regardez ce que le *Daily News* parle même de Kossuth... «Il ne doit pas oublier qu'il doit sa vie à l'Angleterre... et il ose attaquer nos généraux».

Pianciani, vous l'avez dit l'année passée: voilà nos ennemis, on peut s'entendre plutôt avec Aberdeen, avec Soulouque, le Bey de Tunis, la reine Popuasse — qu'avec ces f. métis entre liberté et esclavage; avec ces infamies sentimentales et philanthropiques qu'on appelle Espartero [7].

«Nous aimons l'Italie et la Pologne — mais ce n'est pas le temps de nous parler de ces questions». Quand donc, s'il vous plaît ...est-ce après la paix? Et c'est le journal le plus libéral qui parle.

Encore une fois — oui, c'est le siècle de l'impuissance virile. Il ne parviendra qu'à avoir une seule érection — celle d'une statue à S.Arnaud, qui a joui de son enterrement — celui des deux armées les plus magnifiques [8].

Saffi est toujours le même — moi j'ai un profond estime et une ardente amitié pour lui. Toujours calme, toujours simple, sans la moindre affectation.

Domengé me disait que vous aviez l'intention de venir à Londres — je comptais que vous n'oublierez pas

le cénobyte de Twickenham.

A propos, il faut aller de Londres à Richmond — nous sommes tout près du Pont — vis-à-vis de la maison à S. Helena terrace.

Rue.

Je viens de recevoir l'*Homme* et j'ai avalé les discours. Vous êtes beaucoup plus avancé à Jersey — les 2 sont magnifiques [9] — mais Ribeyrolles[10] a fait une savonnade bien rude au girondisme anglican du meeting de Londres.

Tu l'as voulu, G⟨eorges⟩ Dandin.

Adieu, je vous serre la main, soldat fidèle au même drapeau.— Vous avez très bien fait de rappeller le discours de l'année passée [11].

Hugo a été magnifique, n'est-ce pas?

H.

Перевод:

7 декабря ⟨1854 г.⟩ Четверг. Твикенгем.
Bridgefield villas

Дорогой Пианчиани,

Я не ответил вам на предпоследнее письмо, полагая, что лучший ответ — это точно исполнить ваш дружеский приказ, отослав статью Рибейролю [1]. Вы меня очень обяжете, просмотрев эту статейку, — скажите мне откровенно ваше мнение. Саффи, Доманже и Таландье ею довольны; я бы мог, если это не слишком вас испугает, прислать со временем еще немного схоластики на манер ⟨1 *нрзб.*⟩ доктринерства — Penhoos⟨?⟩.

Вечером я получу, вероятно, вашу речь в «L'Homme»[2], а потому задержу письмо до завтра. Что касается митинга в S. Martin's Hall'e,—это было не что иное, как показ Кошута — его речь очень хороша [3]; как только Буоль и Абердин [4] ее прочли, они заключили договор против Польши, Италии и Венгрии — и это 2-го декабря.— «Times» говорит, что это доброе предзнаменование [5].

Ни один поляк не выступал. Централизация играла главную роль, иначе говоря роль «Немой из Портичи» в опере. Меня дружески просили *не выступать* — я сделал больше: желая показать беспредельную любезность, я совсем не пошел. Мне кажется, это была ошибка со стороны Централизации — не знаю, окупилась ли она продажей билетов [6].

Вы знаете, как я ненавижу либералов, революционеров-консерваторов, любителей общественных нечистот *... Поглядите, что пишет «Daily News» даже о самом Кошуте...

* Каламбур: «l'ordure publique» — общественные нечистоты, «ordre public» — общественный порядок по-французски звучат схоже.

«Он не должен забывать, что обязан жизнью Англии... а он еще смеет нападать на наших генералов».

Пианчиани, вы сказали еще в прошлом году: вот наши враги, — можно сговориться скорее с Абердином, Сулуком, тунисским беем, королевой папуасов, чем с этими⟨...⟩ ублюдками свободы и рабства, с этой сентиментальной и филантропической мерзостью, именуемой Эспартеро [7].

«Мы любим Италию и Польшу — но сейчас не время обращаться к нам по этим вопросам». А когда же, скажите на милость?.. Неужели после заключения мира? И так говорит самая либеральная из газет!

Еще раз повторяю — да, это век мужского бессилия. Ему удастся только один акт: воздвигнуть статую Сент-Арно, который извлек пользу из своих похорон, — похорон двух самых могущественных армий [8].

Саффи все такой же — я питаю к нему глубокое уважение и горячую дружбу. Всегда спокоен, всегда прост, ни тени аффектации.

Доманже говорил мне, что вы собирались приехать в Лондон, — надеюсь, вы не забудете посетить

Твикенгемского отшельника.

Кстати, надо приехать из Лондона в Ричмонд — мы живем у самого моста, против дома на площади св. Елены.

На улице:

Я только что получил «L'Homme» и пробежал все речи; вы стали гораздо решительнее там, на Джерси — две из них замечательны [9]; однако Рибейроль закатил жестокую головомойку англиканскому жирондизму Лондонского митинга [10].

Ты этого хотел, Ж⟨орж⟩Данден!*

Прощайте, жму вашу руку, руку верного солдата, не меняющего своего знамени.— Вы прекрасно сделали, напомнив о прошлогодней речи [11].

Гюго был великолепен, не правда ли?

Г.

[1] Подразумевается статья для «Альманаха изгнанья» (см. примеч. 4 к письму № 13).

[2] См. ниже, примеч. 9.

[3] Герцен говорит о выступлении Кошута 29 ноября 1854 г. на митинге, посвященном 24-й годовщине польского восстания 1830 г. Участие Кошута привлекло множество народа, так что обширный зал Мартинс-Холла не мог вместить всех желающих. В своей речи Кошут подверг критике политику и стратегию Англии. По его мнению, Англии следовало бы поставить своей военной целью — не уничтожение русского флота, не захват Крыма, а освобождение Польши, Венгрии, Италии, т. е. борьбу с русским и австрийским абсолютизмом. Ахиллесова пята России — не Крым, а Польша. Нападение на Россию нужно было бы начинать с Польши, которая, восстав, присоединилась бы к английской армии, а примеру Польши последовали бы Венгрия и Италия. Речь Кошута имела огромный резонанс, цитировалась, обсуждалась и критиковалась всей европейской печатью. Об этом выступлении Кошута Герцен упоминает в «Былом и думах» (см. изд. АН, т. XI, стр. 29).

[4] Карл Фердинад *Буоль-Шауэнштейн*, гр. (Buol-Schauenstein, 1797—1865) — австрийский министр иностранных дел и канцлер (1852—1859).— Джордж-Гамильтон *Абердин* (1784—1860) — английский премьер-министр (декабрь 1852 — январь 1855).

[5] 2 декабря 1854 г. был заключен договор о союзе между Австрией и западными державами.— 2 декабря 1851 г.— день бонапартистского переворота. *Отсюда и доброе предзнаменование*, которое видел «Times» в заключении договора именно 2 декабря.

[6] В письме к М. К. Рейхель от 14 декабря 1854 г. Герцен так описывал митинг 29 ноября: «На польском митинге на сей раз говорил только Кошут; я, как просили, красноречиво молчал. А так как в их партии нет ни одного поляка, который бы умел связать пять слов, то поляки и не говорили на польском митинге» (VIII, 249—250). «Немая из Портичи» (или «Фенелла») — опера французского композитора Обера.

[7] Бальдомеро *Эспартеро* (1793—1879) — герцог де ла Виттория, испанский генерал, лидер прогрессивной (либеральной) партии, регент Испании (1841—1843). В 1854 г., вернувшись к власти, Эспартеро пошел вначале на некоторые либеральные

* Из комедии Мольера «Жорж Данден».— *Ред.*

ЛОНДОН. ВИД НА ТЕМЗУ
Автолитография Т.-С. Бойса, 1842 г.
Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

уступки, которые затем взял обратно, а мадридское восстание (август 1854 г.) было им жестоко подавлено.

[8] *Сент-Арно* (см. о нем в письме к Саффи № 5) умер 29 сентября 1854 г. в Крыму. Был привезен во Францию и похоронен с почестями, как победитель при Альме. Роль его как полководца более чем сомнительна. «Что касается Леруа Сент-Арно,— писал Маркс,— то на него ⟨...⟩ никто не смотрел как на главнокомандующего», и в другом месте: «Он своему императору оказал услугу тем, что скоро умер» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, 1933, стр. 171; там же, стр. 421). Слова Герцена должны, очевидно, означать, что ранняя смерть Сент-Арно создала ему совершенно незаслуженный ореол славы и помешала установить истинное значение его «побед», купленных ценою огромных и неоправданных жертв двух армий: французской и английской.

[9] Имеются в виду речи В. Гюго и Пианчиани на митинге, организованном джерсийской эмиграцией в память 24-йгодовщины польского восстания 1830 г. Отчет о митинге, напечатанный в «L'Homme» (№ 1 от 6 декабря 1854 г.), включает три речи — третья (Альберта Шмита) менее интересна, чем две указанные выше. (О джерсийском митинге и речи Пианчиани см. во вступительной статье к публикации, стр. 367).

[10] Речь идет о статье Рибейроля в том же номере «L'Homme» от 6 декабря, содержащей резкую критику лондонского митинга в память 24-й годовщины польской революции, организованного польской Централизацией сепаратно от остальной революционной эмиграции (см. выше, примеч.6). В газете развернулась полемика по этому вопросу (см. № 2 от 13 декабря 1854 г.— ответ Ст. Ворцеля на статью Рибейроля и там же ответ на этот ответ Рибейроля).

[11] Пианчиани напомнил о своем выступлении на польском митинге 29 ноября 1853 г. в Лондоне, подчеркнув, что события истекшего года полностью подтвердили правильность выдвинутых им тогда положений. Как и год назад, он призывал поляков не доверять лживым обещаниям правительств Англии и Франции, не питать обманчивых надежд, что война с Россией, которую ведут эти правительства, изменит к лучшему судьбу Польши, а бороться за освобождение своего народа сообща с другими народами, в рядах воинствующей европейской демократии.

16

24 janvier ⟨1855⟩. Twickenham.
Richmond house

Cher Pianciani, ne me voulez pas de mon silence, j'ai passé de bien tristes journées depuis un mois et je vous écris aujourd'hui seulement pour parler de la même affaire, qui m'occupait tout le temps et qui m'a diablement chagriné. Je parle de l'affaire Barthélemy [1]. Quel homme et quelle mort! Comment donc le grand monopoliseur de la question de la peine de mort V⟨ictor⟩ Hugo s'est tu? — Et on a laissé pendre cette énergie, cette force de caractère! Avez-vous lu les détails de sa mort dans le *Times* du 23? C'est antique,— eh bon Dieu, pour nous Russes, grâce à Nicolas, nous sommes habi-

tués à confondre les potences avec la croix. On a assassiné un homme — puisqu'on ne l'a pas jugé sur le fond de l'affaire.

J'ai eu sous les yeux q⟨uel⟩q⟨ues⟩ lettres que B⟨arthélemy⟩ avait écrites — de la prison, quel talent d'*absence* de rhétorique — pas *une* phrase, et vous connaissez comme la phrase est douce au cœur d'un Français.

Après cette exécution j'ai encore plus de haine — et c'est un bon sentiment.

Adieu — cher Pianciani — je suis triste et malade.

Mes affaires vont bien. Avez-vous par hasard l'*Athenaeum*? Dans le № du 6 janvier un Anglais parle beaucoup de l'Imprimerie[2] — immédiatement après on a demandé mon autorisation de traduire les publications russes en anglais et allemand.

Domengé vient toujours 3 fois par semaine chez nous.

Tout à vous A. Herzen

Перевод:

24 января ⟨1855 г.⟩. Твикенгем.
Richmond house

Дорогой Пианчиани, не обижайтесь на мое молчание. Я пережил за этот месяц много грустных дней и пишу вам сегодня только затем, чтобы поговорить о деле, которое все это время меня сильно тревожило и чертовски опечалило. Я говорю о деле Бартелеми[1]. Какой человек и какая смерть! Почему же смолчал великий монополист по вопросам смертной казни, В⟨иктор⟩ Гюго? Как допустили, чтобы был повешен этот энергичный, сильный духом человек? Читали ли вы в «Times» от 23-го подробности его смерти? Это античный герой,— ах, боже мой, мы-то русские, по милости Николая, приучились смешивать виселицу с распятием. Человека убили, потому что судили его, не разобравшись в деле по существу.

Я видел своими глазами несколько писем, написанных Б⟨артелеми⟩ из тюрьмы; какое изумительное *отсутствие* риторики — *ни одной* фразы, а вы знаете, как падки французы на фразы.

После этой казни я чувствую еще больше ненависти, а это хорошее чувство.

Прощайте, дорогой Пианчиани, я удручен и болен.

ЛОНДОН. СЕНТ-ДЖЕМСКИЙ ПАРК
Автолитография Т.-С. Бойса, 1842 г.
Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

Дела мои идут хорошо. Нет ли у вас случайно «Athenaeum'a»? — в номере от 6 января какой-то англичанин много пишет о типографии [2]; тотчас же вслед за этим у меня попросили разрешения перевести русские издания на английский и немецкий языки.

Доманже по-прежнему бывает у нас 3 раза в неделю.

Весь ваш
А. Герцен

[1] См. примеч. 3 к письму № 7 к Саффи.
[2] См. примеч. 2 к тому же письму.

17

⟨Twickenham.⟩ 6 mars ⟨1855⟩

Cher Pianciani,

Vive la mort, et vive le mort. Enfin le cauchemar de l'Europe, le vampire de Russie donne un dîner (comme dit Hamlet, l'archiduc) aux vers [1].

Quel chemin s'ouvre devant nous... fichtre... Dans tous les cas le vieil édifice ne peut durer.

Au diable Nesselrode,
Au diable m-r Orloff.

...et des hommes nouveaux et la révolution pénétrant quand-même.

Votre discours est très beau..., mais très beau à l'exception d'un mot «La république vengera». Elle n'a rien à venger en Crimée, la Crimée doit être vengée à Paris et à Londres [2].

Mais qu'avez-vous fait de Hugo, il a fait un fiasco énorme [3].

Le discours de Bianchi est froid, mais plein de sens [4].

Cher Pianciani, Zéno m'écrit de prendre des actions pour l'*Homme* — ni pour l'homme, ni pour la femme, ni pour *l'Hermaphrodite* *. J'ai d'autres vues. Sauvez moi ⟨...⟩ **

P. S. Je vous assure, que je ne peux rien faire pour le sauvetage de l'*Homme*. — Dites donc à ces braves citoyens.

Перевод:

⟨Твикенгем.⟩ 6 марта ⟨1855 г.⟩

Дорогой Пианчиани,

Да здравствует смерть и да здравствует мертвый! Наконец-то кошмар всей Европы, вампир России, «дает обед червям» (как говорит наследный принц Гамлет) [1].

Какие дороги открываются перед нами... чёрт побери... Во всяком случае, старый порядок не может продолжаться.

К чёрту Нессельроде,
К чёрту г-на Орлова.

...и новые люди и проникновение революции, несмотря ни на что.

Ваше выступление очень, очень хорошо, за исключением слов: «Республика отомстит». Ей нечего мстить за Крым; Крым должен быть отмщен в Париже и Лондоне [2].

Но что вы сделали с Гюго? — он потерпел жестокое фиаско [3].

Речь Бианки холодна, но полна смысла [4].

Дорогой Пианчиани, Зено пишет, чтобы я взял акции для «L'Homme» — не возьму ни для мужчины, ни для женщины, ни для «Гермафродита»*. У меня другие намерения. Спасите меня ⟨...⟩**

P. S. Уверяю вас, что ничего не могу сделать для спасения «L'Homme». Скажите же этим славным гражданам.

---

* Каламбур: «L'Homme» (название газеты) по-французски означает «человек» и «мужчина».
** Слово полустерто.— *Ред.*

[1] Подразумевается смерть Николая I, умершего 2 марта 1855 г.

[2] Имеется в виду речь Пианчиани на митинге в память седьмой годовщины февральской революции, организованном джерсийскими эмигрантами 24 февраля 1855 г. Возражения Герцена вызвали следующие слова этой речи, процитированные им не совсем точно: «Можно ли молчать!.. можно ли молчать, когда крымская земля стала красной от крови сынов народа, наших детей, наших братьев, когда мы можем сказать русскому самодержцу: „Не предавайтесь чрезмерной радости, глядя на кладбища, созданные вами. Революция идет за вами в арьергарде и наступит день, когда народ отомстит за своих детей, павших жертвой бессилия царей“» («L'Homme», № 13 от 28 февраля 1855 г.).

«*Крым должен быть отмщен в Париже и Лондоне*» — Герцен подразумевает народное отмщение за войну правителям Англии и Франции, т. е. революционные действия самих французов и англичан против своих правительств.

[3] Речь Гюго на том же митинге в память седьмой годовщины февральской революции 1848 г. Замечание Герцена о речи Гюго не совсем ясно. Газета отмечает успех его «великолепного» выступления, «глубоко взволновавшего» слушателей. Быть может, Герцену не понравился чрезмерный утопизм утверждений Гюго. Оратор рисовал идиллическую картину сосуществования европейских народов, объединенных в единую республику, которая стала бы уже, по его мнению, реальностью, если бы Франция возглавила в 1848 г. революции других стран («L'Homme», № 13).

[4] *А. Бианки* — французский политический эмигрант; ранее редактор газеты «Le Messager de Nord», выходившей в Лилле. Герцен ошибся — на джерсийском митинге Бианки не произносил речи, а сказал, как председательствующий, лишь несколько вступительных и заключительных слов. В газете, кроме речей Гюго и Пианчиани, напечатана большая речь Ж.-Б. Амиэля (Amiel). К его выступлению и относится, очевидно, характеристика Герцена.

18

16 mars ⟨1855⟩. Twickenham.
Richmond house.

Cher Pianciani,

Vous voilà en flagrante contradiction avec Jésus Christ — lui il s'appela le *Fils de l'Homme*. Vous — vous êtes le *Père de l'Homme*.

Nous avons très franchement parlé avec Teleki[1]; je ne peux, je ne dois éparpiller mes forces. J'agis, je suis utile (si je me trompe, c'est ma folie) pour le monde russe. Il faut avoir *le courage des limites* — tout ce que je peux faire pour l'*Homme* (*homo sum et nihil humanum a me alienum puto*) — c'est de vous prier de verser peu à peu les dix livres que vous me devez.

A propos, est-ce pour *captatio benevolentia* que la rédaction a fait une note très peu obligeante aux discours de Saffi et de Domengé. On a très mal vu ici cette sortie (entre nous soit dit)[2].

La mort de Nicolas est d'une haute importance pour nous, le fils peut être pire, mais il doit être *autre* et ne pourra jamais continuer cette pression uniforme et incroyable que faisait son père. Pour nous la guerre est moins désirable — car la guerre éveille le sentiment de nationalité, mais une paix lâche — voilà ce qui ferait notre affaire en Russie.

Est-ce que Zéno a fait tirer des exemplaires à part de mon discours[3], je le prie de m'envoyer 150 exempl⟨aires⟩ — mais sans trop tarder.

Ensuite une question. Est-ce que Ribeyrolles voudrait écrire un article sur *La Renaissance* de Michelet — c'est une œuvre *admirable*[4]. Michelet m'a envoyé q⟨uel⟩q⟨ues⟩ exemplaires — je pourrais envoyer par Teleki — mais il faut un article et on peut mettre des fragments. Dites le moi. Adieu, cher Pianciani.

Je vous envoie un médaillon en bronze de Barbès que je prie d'accepter comme témoignage d'amitié de ma part[5]. Adieu.

Teleki m'a dit que vous m'aimez toujours — je n'en ai pas douté et je vous serre la main de tout mon cœur.

A. Herzen

Перевод:

16 марта <1855 г.>. Твикенгем.
Richmond house

Дорогой Пианчиани,

Вот вы и вступили в явное противоречие с Иисусом Христом: он называет себя *Сын человеческий*. А вы — вы *отец Человека* *.

Мы очень откровенно говорили с Телеки [1]; я не могу, не имею права дробить свои силы. Я тружусь, я полезен русскому обществу (может быть я ошибаюсь, но это мой конек). Надо иметь *мужество ограничить себя*. Все, что я могу сделать для «L'Homme» (homo sum et nihil humanum a me alienum puto)** — это просить вас вносить туда понемногу те десять фунтов, что вы мне должны.

Кстати, уж не ради ли captatio benevolentia*** редакция тиснула весьма невежливую заметку о речах Саффи и Доманже? Эта выходка произвела здесь (между нами говоря) очень дурное впечатление [2].

Смерть Николая имеет для нас огромное значение: сын может быть хуже отца, но все же должен быть *иным*, при нем не может продолжаться тот непрерывный, невероятный гнет, какой был при отце. Война для нас не так желательна, ибо война пробуждает националистическое чувство; позорный мир — вот что поможет нашему делу в России.

Напечатал ли Зено отдельные оттиски моей речи? [3] Прошу его прислать мне 150 экземпл<яров> и без особенной задержки.

Затем еще один вопрос. Не захочет ли Рибейроль написать статью о «Возрождении» Мишле — это *замечательный* труд [4]. Мишле прислал мне неск<олько> экземпляров, я мог бы отправить их с Телеки, но нужна статья и можно поместить отрывки. Ответьте мне. Прощайте, дорогой Пианчиани.

Посылаю вам бронзовый медальон с изображением Барбеса и прошу принять его от меня в знак дружбы [5]. Прощайте.

Телеки сказал, что вы любите меня по-прежнему — я в этом не сомневался и жму вашу руку от всего сердца.

А. Герцен

[1] Сандор *Телеки* (Teleky, 1821—1892) — венгерский политический деятель, участник революции 1848 г.

[2] Имеются в виду речи Саффи и Таландье (у Герцена описка — Доманже) на митинге в память седьмой годовщины февральской революции, в Мартинс-Холле в Лондоне, 27 февраля 1855 г. Публикации этих речей в «L'Homme» предпосланы следующие, возмутившие Герцена, строки от редакции: «*Митинг в Лондоне, посвященный 24 февраля*. Выполняя наше обещание, мы публикуем ниже речь гражданина Альфреда Таландье и письмо гражданина Саффи <Саффи на митинге не присутствовал и прислал свою речь в письменном виде>. Между обоими этими выступлениями существует глубокое различие, хотя им и была предоставлена одна и та же трибуна. Но разве великий долг изгнания не зовется Свободой? Мы, по крайней мере, так его понимаем, предоставляя высшим авторитетам судить и решать» («L'Homme», № 15 от 14 марта 1855 г.).

Редакция подчеркивала этим свое несогласие с публикуемой речью Таландье, выступившего с пропагандой социалистической революции. Речь Таландье очень нравилась Герцену (ср. в письме № 8 к Саффи и в примеч. 5 к этому письму). Его негодование вызвала, очевидно, антисоциалистическая позиция, занятая газетой. Еще более резкую характеристику редакционной заметке Герцен дал в письме к Саффи (см. письмо № 10).

[3] Герцен говорит о речи на митинге 27 февраля 1855 г. в седьмую годовщину февральской революции. Он произнес ее на французском языке. Речь была напечатана в «L'Homme» (№ 14 от 7 марта 1855 г.), а также вышла отдельной брошюрой на Джерси («Discours d'Alexandre Herzen, exilé russe, prononcé au meeting tenu le 27 février 1855 dans St. Martin's Hall à Londres en commémoration des grands mouvements révolutionnaires de 1848». Jersey, 1855).

[4] Имеется в виду «Возрождение» Мишле («Histoire de France au seizième siècle. Renaissance»). См. в письме № 8 к Саффи и примеч. 9 к этому письму. «L'Homme»

---

* Каламбур: «L'Homme» (название газеты) по-французски «человек» (ср. на стр. 394).

** я человек и ничто человеческое мне не чуждо (лат.).

*** снискания благосклонности (лат.).

поместил отрывки из «Возрождения» (№№ 18, 25 и 31 от 4 апреля, 23 мая и 4 июля 1855 г.).

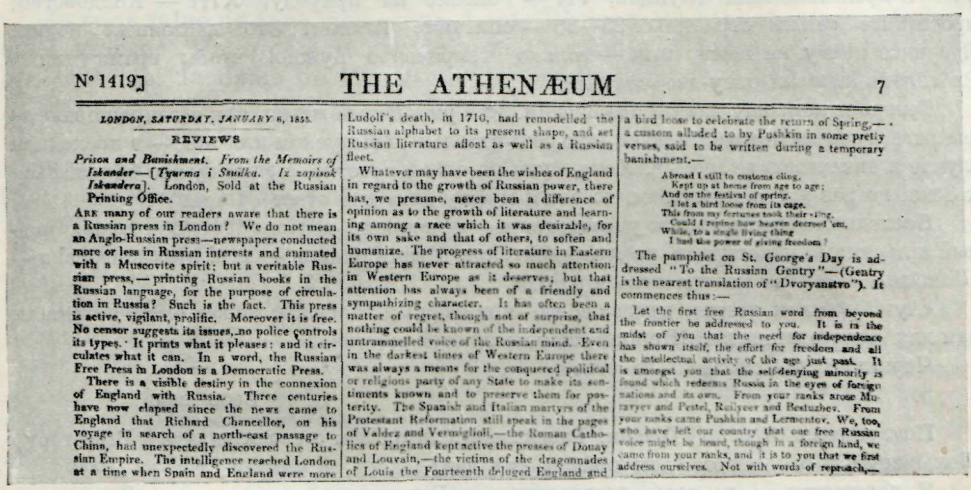
[5] Медальон был, вероятно, сделан в связи с посещением Барбесом Англии в феврале—марте 1855 г., после выхода на свободу (октябрь 1854 г.). О встрече Герцена с Барбесом см. в «Былом и думах» (изд. АН, т. XI, стр. 49—52, а также VIII, 152).

19

23 mars ⟨1855⟩. Twickenham.
Richmond house

Cher Pianciani,

J'ai reçu votre lettre et j'enverrai le volume de Michelet — c'est un chef d'œuvre; depuis 1842, c'est à dire depuis l'apparition du livre



N° 1419] THE ATHENÆUM 7

LONDON, SATURDAY, JANUARY 6, 1855.

REVIEWS

Prison and Banishment. From the Memoirs of Iskander—[Tyurma i Ssylka. Iz zapisok Iskandera]. London, Sold at the Russian Printing Office.

ARE many of our readers aware that there is a Russian press in London? We do not mean an Anglo-Russian press—newspapers conducted more or less in Russian interests and animated with a Muscovite spirit; but a veritable Russian press,—printing Russian books in the Russian language, for the purpose of circulation in Russia? Such is the fact. This press is active, vigilant, prolific. Moreover it is free. No censor suggests its issues, no police controls its types. It prints what it pleases; and it circulates what it can. In a word, the Russian Free Press in London is a Democratic Press.

There is a visible destiny in the connexion of England with Russia. Three centuries have now elapsed since the news came to England that Richard Chancellor, on his voyage in search of a north-east passage to China, had unexpectedly discovered the Russian Empire. The intelligence reached London at a time when Spain and England were more

Ludolf's death, in 1710, had remodelled the Russian alphabet to its present shape, and set Russian literature afloat as well as a Russian fleet.

Whatever may have been the wishes of England in regard to the growth of Russian power, there has, we presume, never been a difference of opinion as to the growth of literature and learning among a race which it was desirable, for its own sake and that of others, to soften and humanize. The progress of literature in Eastern Europe has never attracted so much attention in Western Europe as it deserves; but that attention has always been of a friendly and sympathizing character. It has often been a matter of regret, though not of surprise, that nothing could be known of the independent and untrammelled voice of the Russian mind. Even in the darkest times of Western Europe there was always a means for the conquered political or religious party of any State to make its sentiments known and to preserve them for posterity. The Spanish and Italian martyrs of the Protestant Reformation still speak in the pages of Valdez and Vermigliolí,—the Roman Catholics of England kept active the presses of Douay and Louvain,—the victims of the dragonnades of Louis the Fourteenth deluged England and

a bird loose to celebrate the return of Spring,—a custom alluded to by Pushkin in some pretty verses, said to be written during a temporary banishment,—

Abroad I still to customs cling,
Kept up at home from age to age;
And on the festival of spring,
I let a bird loose from its cage.
This from my fortunes took their rising,
Could I repine how heaven decreed 'em,
While, to a single living thing
I had the power of giving freedom?

The pamphlet on St. George's Day is addressed "To the Russian Gentry"—(Gentry is the nearest translation of "Dvoryanstvo"). It commences thus:—

Let the first free Russian word from beyond the frontier be addressed to you. It is in the midst of you that the need for independence has shown itself, the effort for freedom and all the intellectual activity of the age just past. It is amongst you that the self-denying minority is found which redeems Russia in the eyes of foreign nations and its own. From your ranks arose Muravyev and Pestel, Ratlyeev and Bestuzhev. From your ranks came Pushkin and Lermontov. We, too, who have left our country that our free Russian voice might be heard, though in a foreign land, we came from your ranks, and it is to you that we first address ourselves. Not with words of reproach,—

ВЫРЕЗКА ИЗ АНГЛИЙСКОГО ЖУРНАЛА «THE ATHENAEUM» ОТ 6 ЯНВАРЯ 1855 г. С ОТЗЫВОМ АНОНИМНОГО АВТОРА О «ТЮРЬМЕ И ССЫЛКЕ» И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ

Сохранилась в бумагах Герцена

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

de Feuerbach sur la Chrétienté, je n'ai rien lu de pareil [1]. Je vous prie entre autres de lire, outre les chapitres de l'Introduction, VI De la création du peuple des sots, VII Proscription de la nature, XIII La Sorcellerie; lisez encore les pages 25—28 — le tableau de l'Italie. C'est un poème. Je vous adresserai le livre — mais après il faut nécessairement que le cit⟨oyen⟩ Ribeyrolles écrive un article ou deux [2].

Maintenant je vous prierai de me rendre un service. Voilà quatre semaines que je demande deux fois par semaine — a-t-on imprimé mon discours à part — ne l'a-t-on pas? Dans le second cas j'imprimerai ici [3]. Quoique j'aie vu par une note que c'est à Zéno qu'il faut s'adresser, mais comme je vous écris, je vous en prie, donnez-moi une réponse ⟨1 *нрзб*⟩*.

La dernière nouvelle c'est qu'Alexandre — «*the second edition*»[4] — a trouvé un panégyriste vil et rampant et c'est Ivan Golovine — aha! le masque tombe,— «Notre Ange est monté au trône» etc., etc. [5]

La *Gazette d'Augsbourg* l'a appelé «biographe de la cour»; peut-être je vous enverrai une lettre pour être insérée dans l'*Homme* à propos de cette *bête*.

J'attends donc un mot de réponse.

Tout à vous.

* Слово полустерто. — *Ред.*

Saluez de ma part Teleki. Vous a-t-il raconté de sa visite chez V⟨ictor⟩ Schölcher[6] et du portrait[7] que je lui ai donné?

Je déménage — c'est à dire je retourne à Richmond.

Перевод:

23 марта ⟨1855 г.⟩. Твикенгем.
Richmond house

Дорогой Пианчиани,

Я получил ваше письмо и пошлю вам том Мишле,— это шедёвр. С 1842 года, то есть после появления книги Фейербаха о христианстве, я ничего подобного не читал[1]. Советую вам, между прочим, прочесть, кроме глав введения, главы: VI — О происхождении глупцов, VII — Гонение на природу, XIII — Колдовство; прочитайте также страницы 25—28 — описание Италии. Это настоящая поэма. Я пошлю книгу на ваше имя — только непременно нужно, чтобы гражд⟨анин⟩ Рибейроль написал одну-две статьи[2].

Теперь я попрошу вас об одолжении. Вот уже целый месяц, как я запрашиваю по два раза в неделю, отпечатали ли мою речь отдельным выпуском или нет,— в последнем случае я напечатаю ее здесь[3]. Хотя, судя по одной заметке, с этим нужно обращаться к Зено, но раз уж я пишу вам, то вас и прошу дать мне ответ ⟨1 *нрзб*⟩*.

Последняя новость та, что у Александра—«the second edition»**[4]— объявился подлый и льстивый панегирист, не кто иной, как Иван Головин — ага! маска сорвана — «Наш ангел взошел на престол» и т. п.[5]

«Аугсбургская газета» прозвала его «придворный биограф»; может быть, я пришлю вам для напечатания в «L'Homme» письмо об этой *скотине*.

Черкните же словечко в ответ.

Весь ваш

Поклонитесь от меня Телеки. Рассказывал ли он вам о своем визите к В⟨иктору⟩ Шельшеру[6] и о портрете[7], который я ему дал?

Я переезжаю, — то есть, возвращаюсь в Ричмонд.

[1] Ср. в письме Герцена к Мишле от 2 марта 1855 г. (VIII, 156), а также в письмах к Саффи №№ 8 и 10.

[2] См. примеч. 4 к предыдущему письму.

[3] См. примеч. 3 к предыдущему письму.

[4] Подразумевается Александр II.

[5] 26 марта 1855 г. Герцен сообщал М. К. Рейхель: «Головин пишет статьи в пользу русского правительства и притом с такими фразами: „Наш ангел сел на престол!" Теперь он покончил себя. Каков подлец?! „Аугсбургская газета" первая выдала его» (VIII, 163). В архиве III Отделения сохранилось письмо Головина к Александру II от 18 марта 1855 г. с униженной и подобострастной просьбой об амнистии и разрешении вернуться в Россию (там же). Статья Герцена о Головине в «L'Homme» не появлялась и неизвестна.

[6] Виктор *Шельшер*, или *Шельхер* (Chœlcher, 1804—1893) — французский политический деятель, писатель. Участник революции 1848 г. Носле бонапартистского переворота был изгнан из Франции и эмигрировал в Англию (см. о нем в «Былом и думах» — изд. АН, т. XI, стр. 181—182).

[7] О каком портрете идет речь — не установлено.

20

⟨Richmond. Vers la fin de mai 1855⟩.
Lundi 8 h⟨eures⟩ du matin.
Cholmondeley Lodge

Cher Pianciani,

Je pense que ma lettre ne vous viendra pas à temps, j'irai à 3 h⟨eures⟩ par l'express chez Rotsch⟨ild⟩, j'y serai vers 4. Je viendrai après vous cher-

* Слово полустерто.— *Ред.*

** Второе издание (англ.).

cher ou dans le café qui est vis-à-vis de Mansion House, au coin de la Cheapsid (Café de l'Europe, je crois)— après à Pall-Mall, ensuite chez vous.

Ma garantie ne serait pas de grande valeur, on n'a pas voulu la prendre pour la location d'une maison. Et je vous dirai en toute franchise que ma résolution de n'entrer dans aucune affaire pécuniaire — est très bien dictée par la nécessité de ma position. Vous me pardonnerez donc amicalement que je ne vous la propose pas. Où serai-je dans 6 mois,— et que serai-je?

Moi je n'ai pas trop d'autorité sur les Rotsch⟨ild⟩ d'ici, en cas de besoin je pourrais écrire à M. Schaumbourg, le factotum de James Rotschild à Paris, là je suis plus connu [1]. Dans tous les cas vous recevrez aujourd'hui la réponse — et si vous le désirez, nous irons ensemble mercredi — ou je vous enverrai un petit mot à M. Kestner (un des 1-ers commis de la maison).

Je vous salue de tout mon cœur. Louis Blanc a été hier chez nous; la lettre à V⟨ictor⟩ Hugo ne sort pas de mon cerveau [2]... à force de chanter «...le 3... le 6... et la dame de Pique» — j'ai perdu la piste de l'intelligence.

Tout à vous
A. Herzen

L. Pianciani Esq.
10 Upper Fitzroy street
Fitzroy Square
London.

Перевод:

⟨Ричмонд. Конец мая 1855 г.⟩
Понедельник 8 ч⟨асов⟩ утра
Cholmondeley Lodge

Дорогой Пианчиани,

Боюсь, что мое письмо не дойдет до вас во-время; в 3 ч⟨аса⟩ я отправлюсь экспрессом к Ротш⟨ильду⟩ и буду там к 4. После этого я пойду искать вас или в кафе напротив Mansion House или на углу Cheapside (в кафе под названием, кажется, «Европа»), потом в Pall-Mall, затем к вам домой.

Моя гарантия не слишком высоко ценится, ее не хотели принять даже для найма дома. И скажу вам со всей откровенностью, что мое решение не вступать ни в какие денежные сделки объясняется непрочностью моего положения. Простите же меня по-дружески, что я не предлагаю вам своей гарантии. Где я буду через полгода,— и что со мною будет?

Я не пользуюсь особенным влиянием у здешних Ротш⟨ильдов⟩; в случае нужды я мог бы написать г-ну Шомбургу, фактотуму Джемса Ротшильда в Париже, там меня больше знают [1]. Во всяком случае, нынче вы получите ответ — и если хотите, мы вместе пойдем туда в среду, или же я дам вам записку к г-ну Кестнеру (одному из старших служащих банкирского дома).

Шлю вам привет от всего сердца. Вчера у нас был Луи Блан; письмо к В⟨иктору⟩ Гюго не выходит у меня из головы [2]...распевая «...тройка... шестерка... дама пик»— я потерял всякую способность соображать.

Весь ваш
А. Герцен

Г-ну Л. Пианчиани
10 Upper Fitzroy street
Fitzroy Square
Лондон.

[1] 28 июля 1855 г. Герцен писал Адольфу Рейхелю: «...прошу вас, зайдите пожать руку Шомбургу. Я ему написал письмо относительно графа *Пианчиани* два месяца тому назад и не имею ответа» (VIII, 202). Это указание служит основанием для датировки настоящего письма.

[2] Письмо с приглашением сотрудничать в «Полярной звезде», к изданию которой приступал тогда Герцен. См. ниже в письмах №№ 22 и 23.

21

⟨Лондон. Конец мая 1855 г.⟩[1]

Je serai à Pall-Mall à 7 h⟨eures⟩.

Перевод:

⟨Лондон. Конец мая 1855 г.⟩[1]

Я буду в Pall-Mall в 7 ч⟨асов⟩.

[1] Датируется по связи с предыдущим письмом.

22

⟨Richmond.⟩ 6 juillet ⟨1855⟩.
Cholmondeley Lodge

Cher Pianciani,

C'est une chose inconcevable, je n'ai pas de réponse de Schaumbourg auquel j'ai écrit deux jours avant votre départ[1]. Ont-ils écrit à Rome, est-ce que Sch⟨aumbourg⟩ est malade ou la lettre égarée? Vous avez eu une série de malheurs cette fois, j'ai été franchement tout attristé lorsque j'ai appris que vous aviez perdu votre manuscrit — c'est terrible.

Saffi est à Londres, il a été ici toujours le même — l'homme le plus sympathique, le plus pur et le plus distrait.

Vous m'avez promis de remettre à V⟨ictor⟩ Hugo mon programme de *l'Etoile Polaire* et le prier, si cela est faisable, de me donner un vers, un seul mot de sympathie pour le journal — pensez-vous que cela soit faisable? Ou dois-je écrire moi-même [2], dans ce cas ne lui dites rien, mais prévenez-moi.

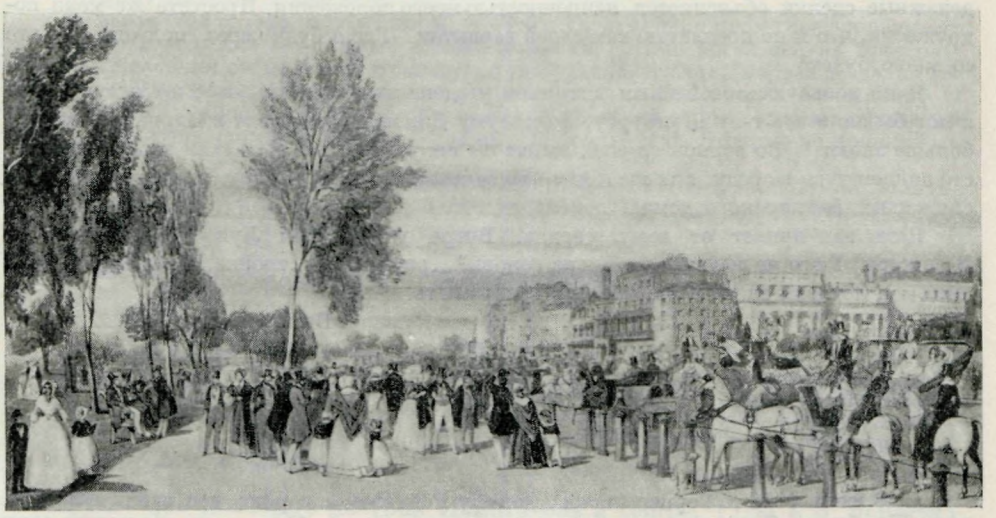
P⟨ierre⟩ Leroux pourrait bien donner aussi un article—pour son article je le prierai d'accepter un honoraire (voilà un moyen comme un autre, pour lui aider).

Michelet m'a déjà envoyé un petit article charmant [3].

Adieu. Je vous serre fraternellement la main.

A. Herzen

Que dites-vous de nos «*disturbances*» du Hyde Park? — Et c'était sérieux [4].



ЛОНДОН. ГУЛЯНЬЕ В ГАЙД-ПАРКЕ
Автолитография Т.-С. Бойса, 1842 г.
Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

МАССОВАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ ПРОТЕСТА 11 ИЮЛЯ 1855 г. В ГАЙД-ПАРКЕ В ЛОНДОНЕ ПРОТИВ ЗАКОНА О ЗАПРЕЩЕНИИ ТОРГОВЛИ В ВОСКРЕСНЫЕ ДНИ

«The Illustrated London News» от 7 июля 1855 г.

Перевод:

<Ричмонд.> 6 июля <1855 г.>
Cholmondeley Lodge

Дорогой Пианчиани,

Совершенно непонятная вещь, но я не получаю ответа от Шомбурга, которому написал за два дня до вашего отъезда [1]. Писали ли они в Рим — может быть Ш<омбург> заболел или письмо затерялось? На этот раз на вас обрушился целый ряд несчастий, я был искренно огорчен, узнав, что вы потеряли свою рукопись, — это ужасно.

Саффи в Лондоне, он и здесь все такой же — самый милый, самый чистый и самый рассеянный из людей.

Вы обещали передать В<иктору> Гюго программу «Полярной звезды» и попросить его, если возможно, дать мне стихотворение, приветственное слово, обращенное к журналу,— это выполнимо, как вы думаете? Или же я должен написать ему сам? [2] В таком случае ничего ему не говорите, а дайте мне знать.

П<ьер> Леру тоже мог бы дать мне статью — за его статью я предложу ему гонорар (это один из способов помочь ему).

Мишле уже прислал мне прелестную небольшую статью [3].

Прощайте. Братски жму вашу руку.

А. Герцен

Что вы скажете о «disturbances»* в Гайд-парке?— Ведь дело было серьезное [4].

[1] См. примеч. 1 к письму № 20.
[2] См. примеч. 2 к письму № 20.
[3] Имеется, вероятно, в виду письмо Мишле, которое Герцен поместил в «Полярной звезде на 1855 год» (см. VIII, 192—194).

* беспорядках (англ.).

[4] 24 июня, 1 июля (и позднее — 8 июля) 1855 г. в Гайд-парке в Лондоне имели место массовые рабочие демонстрации протеста против закона о запрещении торговли в воскресные дни. «Интересуются ли у вас страшным сопротивлением, которое английский народ оказывает глупому закону о праздновании воскресенья? — писал Герцен Мишле 8 июля 1855 г.— Пожалуйста, не верьте газетам. Это — очень серьезное и глубокое движение. Прошлое воскресенье в Гайд-парке текла кровь» (VIII, 191). Ср. у Маркса, который также придавал этим событиям большое значение (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, 1933, стр. 465—474).

23

17 juillet ⟨1855⟩
Cholmondeley Lodge. Richmond

Cher Pianciani,

Voilà une lettre que je vous prierai de remettre à Hugo[1] — moi je tiens assez sérieusement d'avoir les grands lutteurs du mouvement, donnant leurs consécration au milieu de cette guerre ignoble et sauvage — à un organe révolutionnaire russe[2]. Savez-vous les détails de Kertch — on a violé des femmes, tué des enfants — la *Gaz⟨ette⟩ d'Augsbourg*, même la *Presse* en ont parlé que ce sont les Anglais qui l'ont fait—et aucun journal, pas même celui de Kossuth⟨n'⟩en a parlé. Cela serait une question à mettre dans l'*Homme*. Est-ce vrai que les Français se soient complètement abstenus du meurtre et du pillage?— La gazette officielle russe le dit aussi [3].

Mais moi à votre place j'aurais inséré un article sur cette révélation de la *Gazette* qu'il y avait dans la malle avec des écrits — non dans l'*Homme*, mais envoyer une lettre signée au *Daily News*. Simple question.

Je n'ai pas de réponse de Schaumbourg. Peut-être les Rotschild savent que vous êtes rédacteur de l'*Homme* — dans tous les cas c'est étonnant.

Vous pouvez, cher Pianciani, lire la lettre, je crois qu'en aucun cas elle ne peut froisser.

Michelet, Mazzini et L⟨ouis⟩ Blanc sont déjà parmi les «patrons» comme disent les Anglais [4].

Adieu. Tout à vous
Herzen

Перевод:

17 июля ⟨1855 г.⟩
Cholmondeley Lodge. Ричмонд

Дорогой Пианчиани,

Вот письмо, которое я прошу вас передать Гюго [1]; я считаю весьма важным, чтобы в дни этой подлой и дикой войны великие борцы движения дали свое благословение русскому революционному органу [2]. Известны ли вам подробности насчет Керчи? — там насиловали женщин, убивали детей. «Аугсбургская газ⟨ета⟩» и даже «Presse» писали, что это делали англичане,— и ни одна газета, даже листок Кошута, не проронила ни слова. Этот вопрос следовало бы поднять на страницах «L'Homme». Правда ли, что французы совершенно неповинны в убийствах и грабежах? Русская официальная газета также это утверждает [3].

На вашем месте я не стал бы печатать в «L'Homme» ответ на появившееся в «Аугсбургской газете» разоблачение о содержащихся в пакете рукописях, а отправил бы письмо за своей подписью в «Daily News». Простой запрос.

Я не получал ответа от Шомбурга. Может быть, Ротшильды знают, что вы редактор «L'Homme». Во всяком случае, это странно.

Дорогой Пианчиани, вы можете прочесть письмо, я полагаю, что оно ни в коем случае не может обидеть.

Мишле, Маццини и Л⟨уи⟩ Блан уже вошли в число «патронов», как говорят англичане [4].

Прощайте. Весь ваш
Герцен

[1] Ср. примеч. 2 к письму № 20. Это письмо Герцена, как и вообще его письма к Гюго, в печати неизвестно.

[2] Речь идет об участии вождей европейского революционного движения в «Полярной звезде». О значении, которое Герцен придавал этому участию, см. в статье «К нашим» (изд. АН, т. XII, стр. 297), а также в письме к Саффи № 15 и в примеч. 1 к этому письму.

[3] Керчь была занята неприятельскими десантными войсками 24/12 мая 1855 г. Русские оставили город без боя. Герцен, по всей вероятности, говорит о следующей заметке из «Allgemeine Zeitung» (№ 185 от 4 июля 1855 г.), перепечатанной «Русским инвалидом»: „Аугсбургской газете" пишут из Вены от 29/17 июня: „Вы во многих случаях упоминаете о варварском разорении Керчи и Таганрога. Сообщаю вам несколько достоверных сведений (за справедливость их я ручаюсь) о злодействиях, какие совершены в Керчи, и в которых, будь сказано к чести французов, участвовали большею частию англичане и турки как соратники, достойные друг друга. Между тем как французы с первого дня занятия Керчи обращались с жителями по-человечески и пеклись по возможности о безопасности их, англичане, как бы на смех, совершали внутри города самые гнусные преступления против лиц и собственности"» («Русский инвалид», № 43 от 1 июля 1855 г.) — *Листок Кошута* — еженедельная газета «The Atlas», выходившая при ближайшем участии Кошута.

[4] То есть дали согласие на сотрудничество в «Полярной звезде».

24

28 juillet ⟨1855⟩
Cholmondeley Lodge. Richmond

Cher Pianciani,

A l'instant même je reçois votre second billet et la lettre de V⟨ictor⟩ Hugo[1]. Remerciez-le bien chaudement et remerciez vous-même aussi de ma part. J'ai écrit un article sur l'assistance que la phalange macédonienne de l'humanité, représentée par ses chefs, donne à la propagande russe; si vous le désirez je vous l'enverrai vers le 15 août dans une traduction française pour l'*Homme*[2]. Je crois qu'on ne me trouvera pas ingrat. J'ai écrit aujourd'hui à Paris pour s'informer de votre affaire[3]. Je n'ai pas lu dans la *Gaz⟨ette⟩ d'Aug⟨sbourg⟩* l'article concernant votre malle — vous m'en avez écrit.

Quant à Kertch il n'y a pas de doute que ce sont les Anglais qui ont fait toutes les horreurs. Il y avait sur cela 10 articles; je vous envoie un, tiré du journal russo-policier de Bruxelles[4]. Les noms des personnes tuées, des femmes violées ont été donnés. La *Presse* de Girardin se glorifie que ce ne sont pas les Français et le noble *Times* rejette une part sur eux et Kossuth n'en a rien dit et aucun journal anglais.

Il n'y avait pas de grandes nouvelles dans la *Gazette d'Augsb⟨ourg⟩*. La seule chose intéressante c'est que le 6 — les troupes françaises attaquèrent les Russes en chantant la *Marseillaise*.

Перевод:

28 июля ⟨1855 г.⟩
holmondeley Lodge. Ричмонд

Дорогой Пианчиани,

Я только что получил вашу вторую записку и письм о от В⟨иктора⟩ Гюго[1]. Передайте ему сердечную благодарность, а также поблагодарите от меня самого себя. Я написал статью о поддержке, которую македонская фаланга человечества, в лице своих вождей, оказывает русской пропаганде. Если желаете, я пошлю ее вам для «L'Homme» около 15 августа во французском переводе[2]. Думаю, что меня не сочтут неблагодарным. Сегодня я написал в Париж, чтоб осведомиться о вашем деле[3]. Я не читал в «Ауг⟨сбургской⟩ газ⟨ете⟩» статьи о вашем пакете с рукописями, вы мне об этом писали.

Что касается Керчи, нет сомнения, что именно англичане творили все эти ужасы. Об этом появились десятки статей; посылаю вам вырезки из брюссельской русско-полицейской газеты[4]. Там приведены имена убитых мирных жителей, изнасилованных женщин. Жирарденовская «Presse» похваляется тем, что французы здесь неповинны, а благородный «Times» сваливает часть вины на них. И ни Кошут, и ни одна из английских газет никак на это не откликнулись.

В «Аугсб⟨ургской⟩ газете» не было важных новостей. Единственное интересное сообщение, что 6-го французские отряды атаковали русских с пением «Марсельезы».

[1] Письмо Тюго от 25 июля 1855 г. Герцен напечатал его в сокращенном переводе в 1-й книжке «Полярной звезды на 1855 год» (VIII, 174; см. также «Лит. наследство», т. 31-32, 1938, стр. 828—856).

[2] Речь идет о статье «К нашим», написанной Герценом для первой книжки «Полярной звезды». Напечатана по-французски в «L'Homme», № 40 от 5 сентября 1855 г.

[3] См. примеч. 1 к письму 20.

[4] Подразумевается газета «Le Nord», начавшая выходить в Брюсселе 1 июля 1855 г. В ней сообщалось об истязаниях, которым подвергся греческий протоиерей Керчи, о зверском убийстве его жены, изнасиловании дочери, о грабеже, учиненном английскими матросами в доме керченского жителя Анатаза Кераджи, повешенного затем грабителями и т. д. («Le Nord», № 8 от 8 июля 1855 г.).

25

15 août ⟨1855⟩. Cholmondeley Lodge.
Richmond

Cher Pianciani, M. Reichel que j'ai chargé d'aller chez Schaumbourg m'écrit enfin qu'il y a été — mais malheureusement la réponse n'est pas bonne et très étrange. S⟨chaumbourg⟩ a dit que la maison Rot⟨schild⟩ connaît de la manière la plus avantageuse votre famille — mais refuse d'entrer dans l'affaire, même avec ma «référence». Je vous cite mot-à-mot; je pense que ce refus est basé sur des motifs politiques; votre nom se répète sur chaque № de l'*Homme* et probablement ils pensent (et moi aussi) que vous avez besoin de l'argent pour la propagande.

Moi je suis désolé — mais il n'y a rien à faire.

L'article est tout prêt, mais l'*Etoile Polaire* ne paraîtra que le 20. J'ai pensé que cela ne sera pas bon d'imprimer avant la traduction, je vous l'enverrai un de ces jours [1].

Hier nous avons passé la soirée avec Teleki.— Dimanche il vient avec Rimini [2] à Richmond. J'enverrai à Ribeyrolles le 2 vol⟨ume⟩ de Michelet [3].

J'ai vu Saffi (votre lettre ne le trouvera pas à Oxford) — oui, ce coup l'a terrassé! Trois jours avant la nouvelle de la mort de sa mère — il avait reçu une lettre d'elle et elle était bien.

Michelet a perdu sa fille mariée à Dumesnil.

Domengé imprime son livre sur les boissons — j'en bois quelquefois.

Tout à vous
A. Herzen

Перевод:

15 августа ⟨1855 г.⟩. Cholmondeley Lodge.
Ричмонд

Дорогой Пианчиани, г. Рейхель, которому я поручил пойти к Шомбургу, наконец написал мне, что он там был, но ответ, к сожалению, неблагоприятный и очень странный. Ш⟨омбург⟩ сказал, что дом Рот⟨шильда⟩ знает ваше семейство с самой лестной стороны, однако отказывается войти в дело, даже если будет моя «рекомендация». Я передаю вам слово в слово: полагаю, что отказ вызван причинами политическими,— ваше имя упоминается в каждом номере «L'Homme», и они, вероятно, думают (и я также), что деньги требуются вам на пропаганду.

Я очень огорчен, но делать нечего.

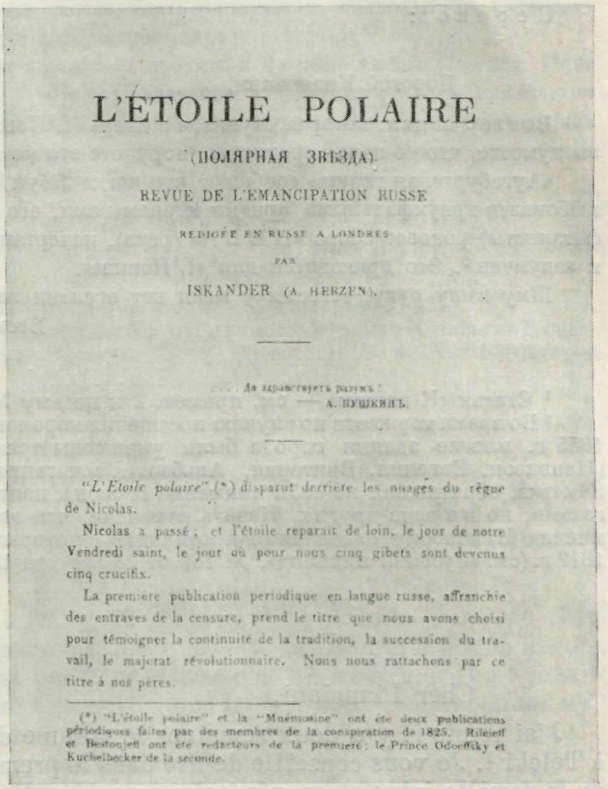
Статья совсем готова, но «Полярная звезда» выйдет только 20-го. Я подумал, что неудобно издавать сначала перевод; пришлю вам ее в ближайшие дни [1].

Вчера мы провели вечер с Телеки. В воскресенье они с Римини [2] приедут в Ричмонд. Я пошлю Рибейролю 2⟨-й⟩ том Мишле [3].

Я видел Саффи (ваше письмо уже не застанет его в Оксфорде)— да, этот удар сра-

ЛИСТОВКА, ВЫПУЩЕННАЯ ГЕРЦЕНОМ В СВЯЗИ С ПРЕДПРИНЯТЫМ ИЗДАНИЕМ «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ», 1855 г.

«Пражская коллекция»
Центральный архив литературы и искусства, Москва



L'ÉTOILE POLAIRE

(ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА).

REVUE DE L'EMANCIPATION RUSSE

REDIGÉE EN RUSSE A LONDRES

PAR

ISKANDER (A. HERZEN).

. . . . Да здравствует разумъ!
— А. ПУШКИНЪ.

"L'Etoile polaire" (*) disparut derriere les nuages du règne de Nicolas.

Nicolas a passé; et l'étoile reparait de loin, le jour de notre Vendredi saint, le jour où pour nous cinq gibets sont devenus cinq crucifix.

La première publication periodique en langue russe, affranchie des entraves de la censure, prend le titre que nous avons choisi pour témoigner la continuité de la tradition, la succession du travail, le majorat révolutionnaire. Nous nous rattachons par ce titre à nos peres.

(*) "L'étoile polaire" et la "Mnémosine" ont été deux publications périodiques faites par des membres de la conspiration de 1825. Rileieff et Bestonjeff ont été redacteurs de la première; le Prince Odoeffsky et Kuchelbecker de la seconde.

зил его. За три дня до известия о смерти матери он получил от нее письмо, и она была еще здорова.

У Мишле скончалась дочь, бывшая замужем за Дюменилем.

Доманже издает книгу о напитках, а я их иногда попиваю.

Весь ваш
А. Герцен

[1] См. примеч. 2 к предыдущему письму.
[2] *Римини* — лицо неустановленное.
[3] Речь идет о втором томе «Истории Франции шестнадцатого века» Мишле — «Реформа» («Réforme»). Второй том вышел вслед за первым (о первом см. примеч. 4 к письму № 18).

26

⟨Richmond.⟩ 28 août ⟨1855⟩
Cholmondeley Lodge

Cher Pianciani,

Voilà l'article qui vient frapper à la porte de l'*Homme* pour trouver un gîte[1]. — Si vous pensez qu'il faut le transcrire — donnez-le à quelqu'un (à mes frais).

La *Gazette d'Augsbourg* dit que lorsque L⟨ouis⟩ Bonap⟨arte⟩ attendait la reine regardant les arcs de triomphe et les bannières, il était frappé (vous savez qu'on est fataliste) du mot lugubre «N E V A» (le fleuve) qui était partout — et il devint triste et pensif[2]. — C'est bon pour l'*Homme*.

Je vous serre la main et je n'ai pas aujourd'hui assez de temps pour écrire plus.

Tout à vous
A. Herzen

Перевод:

<Ричмонд.> 28 августа <1855 г.>
Cholmondeley Lodge

Дорогой Пианчиани,

Вот вам статья, которая стучится в дверь «L'Homme», ища там пристанища [1]. Если вы думаете, что ее надо переписать, поручите это кому-нибудь (за мой счет).

«Аугсбургская газета» сообщает, что когда Л<уи> Бонап<арт>, ожидая королеву, любовался триумфальными арками и знаменами, его поразило (вы же знаете, — мы фаталисты) роковое слово «Н Е В А» (река), начертанное повсюду, и он стал печален и задумчив [2]. Это пригодится для «L'Homme».

Жму вашу руку; сегодня у меня нет времени написать побольше.

Весь ваш
А. Герцен

[1] Статья «К нашим» — см. примеч. 2 к письму № 24.

[2] Во время торжеств по случаю посещения королевой Викторией Парижа в августе 1855 г. многие здания города были украшены транспарантами с буквами N.E.V.A. (Наполеон, Евгения, Виктория, Альберт), сочетание которых давало слово «Нева». Заметка, обратившая на себя внимание Герцена, появилась не только в «Аугсбургской газете», но и в ряде других. Печать отмечала, что эта случайность невольно напоминала Наполеону «о северном противнике, с которым он борется», и об исходе войны 1812 г. (см. «Русский инвалид», № 186 от 25 августа 1855 г.).

27

Isle of Wight. Ventnor
8 sept<embre> 1855. Samedi

Cher Pianciani,

J'ai remis il y a deux semaines le volume de Michelet pour Ribeyrolles à Teleki [1]. Je vous conseille de lire dans le premier chapitre la réhabilitation de la famille juive et en général sa manière d'expliquer François I.

Je remercie pour l'admission de l'article, c'est bien dommage qu'il y a beaucoup de fautes — une est horrible et tue l'article, celle-là il faut la corriger — moi je dis que «*les Polonais désirent pour nous la liberté et nous désirons pour eux l'indépendance*»— et l'*Homme* dit que «les Polonais désirent la liberté pour nous et l'indépendance pour eux» — avec cela la conclusion devient absurde. Cela me rappelle que dans une autre occasion — la phrase «On ne peux créer que dans le chaos» a été imprimée «on ne peut créer dans le chaos». Des fautes pareilles emportent complètement un article [2].

Après de longues discussions, je me suis encore une fois décidé d'aller à Ventnor au lieu de Jersey. Une des causes est très prosaïque, c'est que le voyage avec une famille entière coûte la moitié pour aller à Ventnor et il y a très peu de mer à traverser (les enfants sont toujours malades sur mer).

Je reste ici deux semaines encore. Kossuth est ici et Pulsky [3].

Je vous serre la main et adieu.

A. Herzen

Перевод:

Остров Уайт. Вентнор
8 сент<ября> 1855. Суббота

Дорогой Пианчиани,

Две недели назад я передал Телеки для Рибейроля томик Мишле [1]. Советую вам прочесть в первой главе о реабилитации еврейской семьи и вообще обратить внимание на то, как он толкует Франциска I.

Спасибо, что приняли статью; к сожалению, там много ошибок — одна из них ужасна, она губит статью; ошибку нужно исправить. Я говорю, что «*поляки желают для нас свободы, а мы желаем для них независимости*»,— а «L'Homme» говорит, что поляки желают «для нас свободы, а для себя независимости»; после этого вывод теряет всякий смысл. Это напоминает мне, как в другом случае, вместо

фразы: «Создавать можно только из хаоса», было напечатано: «Невозможно создавать из хаоса». Подобные ошибки могут совершенно зарезать статью [2].

После долгих обсуждений я решил опять поехать в Вентнор вместо Джерси. Одна из причин весьма прозаическая,— ведь путешествие в Вентнор со всем семейством стоит вполовину дешевле и туда недолго плыть морем (дети всегда страдают морской болезнью).

Я останусь здесь еще недели на две. Здесь Кошут и Пульский [3].

Жму вашу руку и прощайте.

А. Герцен

[1] Подразумевается «Реформа» Мишле (см. примеч. 3 к письму № 25).

[2] Имеются в виду опечатки, вкравшиеся в публикацию статьи «К нашим» в газете «L'Homme». Исправление этих опечаток было сделано в № 42 «L'Homme» от 19 сентября 1855 г.

[3] См. стр. 422 настоящего тома.

28

28 sept⟨embre 1855⟩. Isle of Wight.
Ventnor. St. Augustins villas

Cher Pianciani,

Dans six jours je reviens à Richmond et je ferai ce qui sera faisable chez Rotschild. Je dois vous prévenir pourtant que cette maison m'a donné encore une fois la preuve qu'elle n'est pas trop disposée à être aimable. Il s'agissait d'une toute petite affaire pour Talendier; mon Dieu, que de correspondances, de scepticisme, de pourparlers.

Avez-vous enfin eu entre vos mains Michelet?

Et dites-moi est-ce qu'à Jersey on est édifié de la lettre encyclique et apostolique de Ledru Rollin, Mazzini etc.[1]?—Ma fille Olga est quelquefois prise d'un accès de bavardage sans fin, je lui dis: «Il ne faut jamais parler lorsqu'on a rien à dire — il faut respecter la parole humaine».

La chose la plus étrange c'est que Kossuth est parti d'ici le 20 ou le 21. J'ai eu occasion de le plus voir, c'est un homme d'immensément d'esprit tout pratique — à peine arrivé — une proclamation.

Peut-être je me trompe — mais cela me paraît un grand certificat de ce qu'on sent que le terrain manque sous les pieds. Et les circonstances, les circonstances sont d'une gravité... plus enceinte, que la pauvre Eugénie qui n'est pas chargeable [2].

Cher Pianciani, ces réflexions je vous les communique tout franchement— mais laissons les entre nous.

Votre tout dévoué
A. Herzen

Перевод:

28 сент⟨ября 1855 г.⟩ Остров Уайт,
Вентнор. St. Augustins villas

Дорогой Пианчиани,

Через неделю я вернусь в Ричмонд, буду у Ротшильда и сделаю все, что возможно. Должен вас предупредить, однако, что этот банкирский дом еще раз доказал, что он не слишком склонен быть любезным. Речь шла о совсем пустяшном деле, касавшемся Таландье; бог ты мой, сколько тут было переписки, сомнений, переговоров!

Получили ли вы, наконец, книгу Мишле?

Скажите мне, знают ли на Джерси о соборно-апостольском послании Ледрю-Роллена, Маццини и прочих? [1] — У моей дочери Ольги бывают иной раз припадки безудержной болтовни. Тогда я учу ее: «Никогда не надо говорить, если тебе нечего сказать, надо уважать человеческое слово».

Самое удивительное то, что Кошут уехал отсюда 20-го или 21-го. Я имел случай узнать его короче; это человек необычайно практического склада ума: не успел приехать — и уже воззвание.

Может быть, я ошибаюсь, но это кажется мне веским доказательством того, что почва колеблется у них под ногами. А обстоятельства чреваты серьезными последствиями ... более чреваты, чем бедняжка Евгения, которая все не может забеременеть [2].

Дорогой Пианчиани, я делюсь с вами этими размышлениями со всей откровенностью, но пусть это останется между нами.

Всецело вам преданный
А. Герцен

[1] Герцен называет «соборно-апостольским посланием» обращение Ледрю-Роллена, Маццини и Кошута (сентябрь 1855 г.) ко всем республиканцам Европы с призывом начать революционное выступление, для которого, по мнению авторов, после падения Севастополя наступил подходящий момент. Война, говорится в обращении, ослабила европейские государства, их раздирают противоречия, между ними нет единства, которое помогло им в 1848 г. подавить революцию. Настало время дерзания, а дисциплина и организованность обеспечат демократии победу. Послание не выдвигает никакой положительной программы упразднения «вопиющих несправедливостей» современного социального строя, не указывает путей избавления «народных масс от страданий». Победившая революция, говорится в воззвании, сама подскажет, что надо делать в этом направлении, ибо «из жизни зарождается жизнь», «свобода оплодотворяет разум» и т. д. Обращение вышло отдельной брошюрой. «L'Homme» перепечатал ее (№ 43 от 26 сентября 1855 г.).

[2] У императрицы Евгении долго не было детей, что осложняло вопрос о престолонаследии и служило неоднократно предметом обсуждения европейской прессы. Шутка Герцена — вероятно, отклик на какую-нибудь очередную газетную информацию на эту тему.

29

15 octobre ⟨1855⟩
Cholmondeley Lodge. Richmond

Cher Pianciani.

Si vous désirez seulement une «référence» de Rot⟨schild⟩ je pense qu'il la donnera. J'ai parlé au commis, il a dit d'abord que dans les *affaires commerciales* la maison ne donne jamais de refus. Après, que moi je peux donner une référence, et qu'ils donneront une pour moi (c'est ainsi qu'ils ont fait dans l'affaire de Haug). Ils disent qu'ils ne connaissent pas cette banque d'escompte.

Voulez-vous que j'y aille, donnez l'adresse, je ferai mon possible; vous savez que la référence pure et simple est une invention anglaise — Rot⟨schild⟩ n'escomptera pas pour cela les lettres de change, ni ne les acceptera sans avoir envoyé à qui de droit pour l'acceptation. L'utilité donc d'une pareille référence n'est pas fameuse.

Vous avez vu le triste résultat de la lettre encyclique et apostolique de Ledru R⟨ollin⟩... les journaux anglais les ont abimé, et voilà Louis Blanc qui a fait une protestation très polie, mais où il leur a dit à la fin des vérités assez dures.[1] Vous dites que vous ne voyez pas l'utilité de cet acte — c'est assez condamner. Ce n'est que lorsqu'on fait la gymnastique — qu'on fait des mouvements qui ne sont utiles qu'à celui qui se meut.

Si vous le désirez vous pouvez prendre dans une *circulating libr⟨ary⟩* les deux volumes de mes mémoires qui ont paru en Anglais sous le titre *My Exile in Siberia* (je n'ai jamais été en Sibérie — c'est une farce de l'éditeur, j'étais de ce côté des Monts Ouraliens)[2] — lisez cela, vous rirez beaucoup, j'impose aussi ce dévouement littéraire de la part de Teleki. Je vous aurais envoyé un exemplaire, mais l'éditeur n'a pas donné d'exempl⟨aires⟩ à m-elle Meysenbug qui a traduit.

Teleki m'a promis un article sur la guerre en Hongrie[3], s'il est dans ces mêmes bonnes dispositions je le prie beaucoup sur les détails *comment on a livré* les prisonniers hongrois aux Autrichiens — et sur la conduite des officiers russes.

Je vous serre la main.
A. Herzen

Перевод:

15 октября ⟨1855 г.⟩
Cholmondeley Lodge. Ричмонд

Дорогой Пианчиани.

Если вам нужна только «рекомендация» от Рот⟨шильда⟩, то, я думаю, он ее даст. Я говорил с его служащим. Сначала тот сказал, что в *делах коммерческих* банкирский

ЛОНДОН. ЧИПСАЙТ
Гравюра из книги: «The History of London, illustrated... by J. Woods», 1849
«Вчера я ехал на омнибусе от С. Павла на Чипсайт...»
(из письма к М. К. Рейхель от 12 апреля 1855 г.)

дом никогда не отказывает. Затем, что рекомендацию могу дать я, а они дадут ее мне (как они поступили в деле Гауга). Они утверждают, будто этот учетный банк им неизвестен.

Если хотите, чтобы я пошел туда, — дайте адрес, и я сделаю все, что могу; но простая личная рекомендация, как вам известно, — чисто английская выдумка. Рот⟨шильд⟩ не учтет векселей и не примет их, не послав на подтверждение, кому следует. Поэтому польза от подобной рекомендации невелика.

Вы видели, к какому плачевному результату привело соборно-апостольское послание Ледрю-Р⟨оллена⟩; английские газеты обрушились на них, а теперь Луи Блан в вежливой форме заявил протест, высказав им напоследок немало горьких истин[1]. Вы говорите, что не видите никакой пользы от подобного выступления. Довольно уж осуждать! Только при гимнастических упражнениях делают движения, полезные лишь для того, кто их делает.

Если хотите, можете взять в circulating library * два тома моих воспоминаний, вышедших на английском языке под названием «My Exile in Siberia» ** (я никогда не был в Сибири — это глупая выдумка издателя, — я жил по эту сторону Уральских гор) [2]. Прочтите это, вы вволю посмеетесь. Я жду такого же литературного самопожертвования со стороны Телеки. Я послал бы вам экземпляр, но издатель не дал экземп⟨ляров⟩ м-ль Мейзенбуг, которая переводила ⟨книгу⟩.

Телеки обещал мне статью о венгерской войне [3]; если он еще не отказался от этого доброго намерения, я прошу его дать побольше подробностей о том, *как выдали* венгерских пленных австрийцам, и о поведении русских офицеров.

Жму вашу руку.
А. Герцен

[1] См. примеч. 1 к предыдущему письму. Особенно резким нападкам подвергалось послание со стороны «Times». Луи Блан выпустил специальную брошюру, посвященную критике послания (Louis Blanc. Observation sur une récente brochure de Kossuth, Ledru-Rollin et Mazzini. Londres, 1855. Перепечатана в «L'Homme» №№ 49 и 50 от 17 и 24 ноября 1855 г.).

[2] Название книги, произвольно проставленное английскими издателями на переводе «Тюрьмы и ссылки», послужило поводом для клеветнических выпадов английской печати против Герцена (см. об этом в примеч. 2 к письму к Саффи № 17).

[3] В первой книжке «Полярной звезды на 1855 год» помещено извещение о публикации в одной из дальнейших книг статьи А. Телеки «О венгерской войне 1849 г.». Статья эта ни в «Полярной звезде», ни в других герценовских изданиях не появилась.

30

19 novembre ⟨1855⟩. Richmond.
Cholmondeley Lodge

Cher Pianciani,

Je vous remercie beaucoup pour avoir pensé à moi, mais malheureusement vous êtes pour la première fois sous le célèbre cri romain *troppo tardi*[1]. J'ai déjà pris une petite et très gentille maisonnette à S. John's Wood, *New Finchley Road* — Petersborough villas (à côté du Suisse Cottage que tout le monde connaît).

N'étant pas trop riche en ce moment, je ne vous envoie avec Domengé qu'*une* livre — je déménage vers le 4 décembre et je vous salue de tout mon cœur.

A. Herzen

Перевод:

19 ноября ⟨1855 г.⟩. Ричмонд.
Cholmondeley Lodge

Дорогой Пианчиани,

Я очень благодарен, что вы подумали обо мне, но, к несчастью, на этот раз к вам впервые можно применить знаменитое римское восклицание «troppo tardi» *** [1]. Я уже снял небольшой, очень славный домик в S. John's Wood, *New Finchley Road* — Petersborough villas (рядом со Швейцарским коттеджем, который все знают).

В данное время я не при деньгах и потому посылаю вам с Доманже только *один* фунт. Я собираюсь переехать к 4 декабря и шлю вам поклон от всего сердца.

А. Герцен

[1] «troppo tardi, sante padre, troppo tardi!» («слишком поздно, святой отец, слишком поздно!») — этими словами была встречена в 1848 г. революционным Римом «тощая и уродливая конституция», изданная папой Пием IX (ср. «Письма из Франции и Италии», изд. АН, т. V, стр. 124).

---

* передвижной библиотеке (англ.).
** «Моя ссылка в Сибирь» (англ.).
*** слишком поздно (итал.)

31

⟨Londres.⟩ 18 janvier ⟨1856⟩. 6 heures 2′15″

Cher Pianciani,

Tandis que tous les journaux cautérisent la chaude... «*Peace*» [1], vous m'accablez de malheurs, de remords,— moi je sors, vous venez, mais enfin — *Corpo di Bacco di Verulam!* est-ce que je n'ai pas de feu, de livres, de piano pour vous reposer un instant, un quart d'heure. Enfin Francesco (non de Rimini, mais de Lucca) [2] me dit: «Ils sont postés il y a dix minutes».

Je vous conjure, je vous prie, je sollicite de réparer cette faute — écrivez-moi 24 h⟨eures⟩ d'avance et je vous attendrai, autrement pas de *peace*, pas d'ultimatum, pas d'Esterhazy, Seebach et Schlipenbach [3].

J'ai cherché, cherché dans mes paperasses q⟨uel⟩q⟨ue⟩ chose pour l'Almanach, mais il n'y a rien de détachable [4].

Tout à vous
A. Herzen

Перевод:

⟨Лондон.⟩ 18 января ⟨1856 г.⟩. 6 часов 2′15″

Дорогой Пианчиани,

В то время как газеты раздувают новоиспеченный... «Peace» *[1], вы доставляете мне страдания и угрызения совести: не успею я уйти — вы приходите. Но в конце концов — Corpo di Bacco di Verulam!** разве нет в моем доме огня, книг, фортепиано, чтобы вы могли отдохнуть немного, хотя бы четверть часа? И вот Франческо (не «да Римини», а «да Лукка») [2] объявляет мне: «Они изволили здесь быть десять минут назад».

Заклинаю вас, прошу, убеждаю исправить эту ошибку; напишите мне заранее, за 24 ч⟨аса⟩, и я буду вас ждать, иначе никакого «peace», никаких ультиматумов, ни Эстергази, ни Зебаха, ни Шлипенбаха [3].

Я рылся, рылся в своих бумагах, чтобы извлечь что-нибудь для Альманаха, но нет ничего цельного [4].

Весь ваш
А. Герцен

[1] В начале января 1856 г. Россия согласилась пойти на мирные переговоры.

[2] Шутка: подразумевается Франсуа (Франческо), слуга Герцена, итальянец по происхождению, уроженец провинции (или города) Лукка (Lucca).

[3] Валентин *Эстергази*, австрийский посол в Петербурге. Через него России был передан австрийский ультиматум принять предложенные ей прелиминарные условия мирного договора. Лео *Зебах* — саксонский посланник во Франции. Был женат на дочери Нессельроде. Служил посредником в тайных переговорах между Наполеоном III и Александром II. *Шлипенбах* — лицо неустановленное.

[4] Речь идет об «Альманахе изгнания на 1856 г.». Извещение о предстоящем выходе альманаха в свет было помещено в «L'Homme» (1855, № 53 от 28 декабря). Среди авторов, говорилось в извещении,— «европейская демократия найдет свои любимейшие имена». Альманах должен был обеспечить непрерывность пропагандистской деятельности, нарушенной изгнанием «L'Homme» с Джерси (см. вступительную статью к публикуемым письмам). Вышел ли альманах и участвовал ли в нем Герцен—установить не удалось из-за отсутствия в наших книгохранилищах комплекта «L'Homme» за 1856 год, а также изданий, выпускавшихся редакцией газеты в 1856 году.

Приведем попутно некоторые дополнительные данные о газете «L'Homme», которыми мы ранее не располагали (ср. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 218). Издание газеты, после вынужденного переезда редакции в Лондон, возобновилось, и она выходила по 13 августа 1856 г. В номере от 7 июня была напечатана статья Герцена «En marche! En marche!» («Вперед! Вперед!»). Однако, когда именно начала выходить газета: 1856 г. и ограничилось ли участие Герцена в этот период ее существования указанной статьей, остается нам не известным.

---

* мир (англ.). В подлиннике каламбур.

** Каламбур: «Corpo di Bacco» — по-итальянски «чёрт побери». «Bacco di Verulam»— латинская транскрипция имени Фрэнсиса Бэкона Веруламского.

32

⟨Лондон. Между 18—22 января 1856 г.⟩

Cher Pianciani,

Je suis au désespoir, vous avez été deux fois sans me trouver, aujourd'hui à 7 h⟨eures⟩ et demain à 9 je serai à la maison.

Tout à vous
A. Herzen

Перевод:

⟨Лондон. Между 18—22 января 1856 г.⟩

Дорогой Пианчиани,

Я в отчаяньи: вы заходили два раза и не застали меня; я буду дома сегодня в 7 ч⟨асов⟩ и завтра в 9.

Весь ваш
А. Герцен

33

⟨Londres.⟩ 22 janvier ⟨1856⟩. Peterboro villas.
Finchley. New Road

Cher Pianciani,

Je vous attends, ainsi que M. Ribeyrolles, jeudi à 6 heures, d'autant plus que je suis *solo sollissimo* — ce jour, les enfants sont invités à je ne sais quelle *soirée matinale.*

Je me sens un peu coupable envers vous et M. R⟨ibeyrolles⟩, mais je vous assure, ce n'est pas manque de bonne volonté — j'ai cherché, cherché q⟨uel⟩q⟨ue⟩ chose pour l'Almanach [1] et je n'ai rien trouvé. En général tout le dernier temps le travail va mal chez moi: je commence à vieillir (comme me disait le général Thierd [2] agé de 83 ans).

Tout à vous
A. Herzen

Перевод:

⟨Лондон.⟩ 22 января ⟨1856 г.⟩ Peterboro villas.
Finchley. New Road

Дорогой Пианчиани,

Я жду вас, так же как и г. Рибейроля, в четверг, к 6 часам, тем более, что буду solo solissimo* в этот день — мои дети приглашены на какой-то *утренний вечер.*

Я чувствую себя немного виноватым перед вами и г. Р⟨ибейролем⟩, но уверяю вас, дело не в отсутствии желания — я искал, искал чего-нибудь для Альманаха, но ничего не нашел [1]. Вообще за последнее время работа идет у меня туго: я начинаю стареть (как говорил мне генерал Тьерд [2] в возрасте 83 лет).

Весь ваш
А. Герцен

[1] См. примеч. 4 к письму № 31.
[2] *Тьерд* — лицо неустановленное.

34

⟨Путней. 17 октября 1856⟩

Cher Pianciani,

Votre bien triste nouvelle m'est parvenue. Je vous serre la main, et je demande la permission de le faire un de ces jours personnellement.

---

* один-одинёшенек (итал.).

Je suis très et très sensible à ce que vous vous êtes rappelé de moi au milieu de votre douleur[1]. Je vous remercie et suis votre

Tout devotissime
A. Herzen

17 oct⟨obre⟩
At M—r Tinkler's
Putney.

В ДЕНЬ ОБЪЯВЛЕНИЯ МИРА В ЛОНДОНЕ. ТОЛПА У РАТУШИ
«The Illustrated London News» от 5 апреля 1856 г.

Перевод:

⟨Путней. 17 октября 1856 г.⟩

Дорогой Пианчиани,

До меня дошла печальная весть о вашем несчастье. Крепко жму вам руку и прошу разрешения сделать это лично в ближайшие дни.

Я очень, очень тронут, что вы вспомнили обо мне в вашем тяжелом горе[1]. Благодарю вас и остаюсь

бесконечно вам преданный
А. Герцен

17 октября
у м-ра Тинклера.
Путней.

[1] У Пианчиани умер отец (см. в письме к Саффи № 21).

35

⟨Londres.⟩ 1 novembre ⟨1856⟩
donné dans notre hôtel à Haymarket

Cher Pianciani,

Je pense que l'affaire est faisable, je pars lundi de Putney avec le train de 2 h⟨eures⟩ 26, donc j'arrive à la Banque à 3 h⟨eures⟩ et 15 ou 20 minutes. Il y a au coin de la rue ⟨...⟩ *hapread* * où les omnibus s'arrêtent un grand café (Taverne Européenne) je ⟨crois⟩**, voulez-vous m'attendre là, je pren⟨drai⟩—vous pensez que je vous prendrai? — non, un verre d'absinthe— et après nous irons chez *Rot-child*. Si je ne vous trouve pas, je vous chercherai devant la Banque, au commencement de Lombard Street.

Hier en rentrant j'ai trouvé mon lit occupé ...par une belle *girl*, pensez vous — non par Saffi, qui est reparti ce matin à 8 h⟨eures⟩.

☞ *Apportez, de grâce n'oubliez pas* le № de *l'Italia del Popolo* concernant Galenga, j'ai parlé aux correspond⟨ants⟩ de tous les journaux allemands [1].

Перевод:

⟨Лондон.⟩ 1 ноября ⟨1856 г.⟩
писано в нашей гостинице на Haymarket

Дорогой Пианчиани,

Я думаю, что это дело вполне исполнимое; в понедельник я выезжаю из Путнея с поездом, отходящим в 2 ч. 26 м. значит, буду у банка в 3 ч. 15 или 20 минут. Там, на углу улицы ⟨*нрзб.*⟩*, у остановки омнибуса, есть большое кафе (Европейская таверна, мне ⟨кажется**⟩); будьте добры подождать меня там, я возьму — вы думаете, вас? — нет, стакан абсента, а потом мы отправимся к Рот-чайльду***. Если я не найду вас там, то поищу около банка, в начале Lombard street.

Вчера, вернувшись домой, я обнаружил, что моя постель занята... прелестной girl****, думаете вы, нет — Саффи, который исчез сегодня в 8 ⟨часов⟩ утра.

☞ *Пожалуйста, не забудьте захватить* № «l'Italia del Popolo», касающийся Галенги, я говорил с корреспонд⟨ентами⟩ всех немецких газет... [1]

[1] Антонио *Галленга* (Gallenga, 1812—1895) — итальянский журналист и политический деятель. В 1833 г. Галленга решил совершить покушение на пьемонтского короля Карла-Альберта, реакционная политика которого препятствовала делу итальянского освобождения. Галленга сообщил о своем намерении Маццини, который снабдил его оружием и необходимыми средствами для выполнения террористического акта. Однако у Галленги не хватило мужества действовать и, не осуществив покушения, он бежал из Турина, а затем эмигрировал. В 1848 г. он принял участие в итальянском революционном движении, вторично эмигрировал и жил в Лондоне, а в 1854 г. снова вернулся на родину, где был избран депутатом пьемонтского парламента. В 1855 г. Галленга написал и издал на английском языке «Историю Пьемонта». В этой книге он рассказал, не назвав себя и не совсем точно изложив факты, о несостоявшемся покушении на жизнь Карла-Альберта, допустив при этом ряд выпадов против Маццини. Когда в 1856 г. вышел итальянский перевод «Истории Пьемонта», в «Italia e Popolo» появилась статья с протестом против искажения Галленгой исторической правды и письмо Маццини, в котором тот открыл имя Галленги как инициатора покушения. Это разоблачение вызвало оживленную полемику в итальянской печати и получило отклик в международной прессе (см., например, «Le Nord», №№ 311 и 316 от 6 и 11 ноября 1856; «Allgemeine Zeitung», №№ 312 и 316 от 6 и 10 ноября 1856 г.). Галленга был вынужден сложить с себя депутатские полномочия. Надо думать, что в связи с этим инцидентом Герцен и просил у Пианчиани номер «Italia e Popolo» с материалом о Галленге (в транскрипции Герцена: Galenga). Самый материал этот остался нам неизвестным, так как комплекты «Italia e Popolo» тех лет отсутствуют в советских книгохранилищах, и о чем именно говорил Герцен с немецкими корреспондентами — установить не удалось.

---

* Часть текста залита чернилами.— *Ред.*

** Читается предположительно по той же причине.— *Ред.*

*** Каламбур: т. е. Ротшильду («rot» — по-немецки «красный», «child» — по-английски «дитя»).

**** девушкой (англ.).

36

15 février ⟨1857⟩. At m-r Tinkler. Putney

Cher Pianciani,

Sans bien savoir votre adresse je risque de vous envoyer cette lettre à Gênes.— Rotschild m'a dit qu'il n'avait pas encore de communication de Rome concernant les 200 liv⟨res⟩ (la lettre de change était échue le 3 ou le 4 fév⟨rier⟩) — faites-moi l'amitié de m'écrire si l'on a versé l'argent à Rome — il m'est très nécessaire pour ce temps.

Vous pourriez me faire un service vraiment amical, et un service pour la cause. On écrit à mon libraire qu'il y a une demande de livres russes très forte — à Nice, pourtant Visconti [1] ne m'a rien écrit — si l'on pourrait intéresser la rédaction d'un journal ami (j'écris et j'ai déjà fini un article sur la Russie qui doit paraître dans l'*Ital⟨ia e Popolo⟩*)[2] à pousser cette vente. J'en ai parlé ici à nos amis communs et je suis prêt à envoyer une caisse — en mettant à la disposition de la rédact⟨ion⟩, c'est à dire de la cause, le produit. Pour la seconde je ferai un rabais de 40%, je ne prendrai pourtant pas les frais de voyage.

Adieu, cher Pianciani, chez nous tout va tranquillement. Le 9 nous avons enterré le pauvre Worcell. Domengé est à Genève.

Je salue beaucoup Medici [3].

Tout à vous
A. Herzen

Перевод:

15 февраля ⟨1857 г.⟩. У м⟨исте⟩ра Тинклера. Путней

Дорогой Пианчиани,

Не зная хорошенько вашего адреса, отправляю вам это письмо на риск в Геную. Ротшильд сказал мне, что еще не получал извещения из Рима относительно 200 фунтов (срок переводного векселя истек 3 или 4 фев⟨раля⟩) — сделайте одолжение, напишите, были ли внесены деньги в Риме — в настоящее время они мне очень нужны.

Вы могли бы оказать истинно дружескую услугу и мне, и нашему делу. Моему книгопродавцу сообщили, что в Ницце большой спрос на русские издания, однако Висконти [1] ничего мне не написал; нельзя ли привлечь какую-либо дружественную газету для содействия распродаже книг (я пишу и даже заканчиваю статью о России, которая должна печататься в «Ital⟨ia e Popolo⟩»[2]. Я советовался здесь с общими друзьями и готов отправить партию литературы, предоставив в распоряжение редакции, то есть в пользу нашего дела, весь доход. Для второй партии я сделаю скидку в 40%, однако не возьму на себя дорожных расходов.

Прощайте, дорогой Пианчиани, у нас все благополучно. 9-го числа мы похоронили бедного Ворцеля. Доманже сейчас в Женеве.

Очень кланяюсь Медичи [3].

Весь ваш
А. Герцен

[1] Книгопродавец в Ницце.

[2] Подразумевается «Письмо к Джузеппе Маццини о современном положении России». Было напечатано на итальянском языке в «Italia e Popolo» (№ 18 от 10 марта 1857 г.; см. VIII, 402—408).

[3] Джакомо *Медичи* (1819—1882) — деятель итальянского национально-освободительного движения. Герцен познакомился с Медичи в 1848 г. в Женеве, а позднее сблизился с ним (см. в «Былом и думах» — изд. АН, т. X, стр. 76—78).

37

4 mars ⟨1857⟩. At m-r Tinkler. Putney

Cher Pianciani,

Ne m'en voulez pas de ma question, cela vous montre seulement le bon ordre dans la maison de R⟨otschild⟩ ici. Comment diable mettre tant de nonchalance dans les *business*.

L'article pour l'*Italia* ⟨*e Popolo*⟩ a été commandé par M⟨azzini⟩ et il l'a envoyé déjà [1]. Si vouz voulez, insérez un autre sur la mort de Worcell et sur les attaques ignobles qui l'ont suivi jusqu'a High Gate. Je vous enverrai dans tous les cas dans 3, 4 jours mon article [2].

Je ne sais absolument rien sur Domengé. On disait ici que Fabricotti a eu divers reproches à lui faire, Talandier a été chez lui, et je pense qu'il n'y a rien ou des bagatelles que Fabr⟨icotti⟩ met en avant [3].

On a demandé à 3 reprises des livres russes de Nice — si on me donnait un libraire sûr, je lui aurais envoyé la 1 fois le produit pour notre cause, la 2 je cèderai 50% — *that is the question.*

Adieu, cher Pianciani, Ribeyrolles est retourné sous les ailes de Hugo[4] — et tout en général va un peu à tous les diables.

Tout à vous
A. Herzen

Перевод:

4 марта ⟨1857 г.⟩. У м-ра Тинклера. Путней

Дорогой Пианчиани,

Не обижайтесь на мой вопрос, это только доказывает аккуратность банкирского дома здешних Р⟨отшильдов⟩. Можно ли, черт побери, допускать такую беззаботность в *business'e**!

Заказ на статью для «Italia ⟨e Popolo⟩» исходил от М⟨аццини⟩, и он уже отослал ее [1]. Если хотите, поместите другую о смерти Ворцеля и о подлых нападках, преследовавших его до самого High Gate***. Во всяком случае, через 3—4 дня я вам пришлю свою статью [2].

Я решительно ничего не знаю о Доманже. Здесь говорили, будто у Фабрикотти [3] было много поводов упрекать его; Таландье был у него, и я думаю, что здесь ничего нет или какие-нибудь пустяки, которые раздувает Фабр⟨икотти⟩.

Из Ниццы три раза приходило требование на русские книги, — если бы мне указали надежного книгопродавца, я послал бы туда литературу, уступив первый раз весь доход в пользу нашего дела, во второй сделал бы скидку в 50% — *that is the question****.

Прощайте, дорогой Пианчиани, Рибейроль вернулся под крылышко Гюго [4] — и вообще все понемножку идет ко всем чертям.

Весь ваш
А. Герцен

[1] Речь идет о статье «Смерть Станислава Ворцеля», напечатанной на русском языке в 3-й книге «Полярной звезды на 1857 год» и вышедшей отдельным изданием во французском переводе («„L'Etoile Polaire" sur la mort de Stanislas Worzell (traduit du russe)». London, 1857). Статья появилась в «Italia e Popolo», от 19 марта 1857 г. (ср. «Лит. наследство», т. 63, 1956, стр. 799).

[2] Какую статью хотел прислать Герцен Пианчиани — нам неизвестно.

[3] *Фабрикотти* — лицо, упоминаемое в письмах Маццини к Саффи («Lettere di Giuseppe Mazzini ad Aurelio Saffi.....», p. 208, 211, 213). В чем упрекал Фабрикотти Доманже, нам неизвестно.

[4] Гюго жил тогда на острове Гернси. Возможно, что Рибейроль ездил туда к нему, прежде чем уехать в Бразилию (1858 г.).

38

⟨Putney. 15 juin 1857⟩

Cher Pianciani,

J'ai endossé immédiatement votre lettre de change, — je connais votre exactitude et ensuite si les Fratelli Cabasi ⟨?⟩ n'acceptent pas — vous devez leur écrire.

Tout à vous *ora e sempre*
A. Herzen

15 juin 1857
Putney.

* денежных делах (англ.).
** Хайгейта (кладбище в Лондоне).— *Ред.*
*** вот в чем вопрос (англ.).

Перевод:

⟨Путней. 15 июня 1857 г.⟩

Дорогой Пианчиани,

Я немедленно сделал передаточную надпись на вашем векселе,— я знаю вашу аккуратность. Теперь, если fratelli* Капази⟨?⟩ не примут вексель, вы должны им написать.

Весь ваш ora e sempre**

А. Герцен

15 июня 1857 г.
Путней.

Alexandre Herzen,
Lauderdale House,
Putney

L'ITALIA DEL POPOLO

GIORNALE POLITICO QUOTIDIANO

(Cent. 10)

Liberta — Uuita

Anno II. — Genova — Domenica 21 Febbraio 1858. — Num. 52.

Genova 20 Febbraio

LA CONSPIRAZIONE RUSSA DEL 1825 (*)

La missione storica della dittatura imperiale che, per tanto tempo, assorbì tutta l'attività nazionale della Russia, tutte le libertà e tutti i poteri, fin quelli della chiesa e della civiltà s'accosta al suo fine. L'imperialismo, quale fu organizzato dalla robusta mano di Pietro I e svolto da Caterina II, si è esaurito. Quell epoca si è chiusa in

della semi-volontaria partecipazione (1) all assassinio di suo padre. Anzieto coronato, era seramente infidia.

Durante la lotta col Bonaparte, aveva avuto alcuni slanci d'energia, ma dopo la guerra lo vediamo apatico, affranto. Stanco per ogni sorta d'ostacoli che dalla mala volontà d'una burocratica oligarchia gli vengono opposti, va sempre più per lasciatione abbandonando le redini del governo nelle mani d'un uomo crudele, di poco ingegno, ma che per la sua probità *materiale* (2) gli ispirava fiducia, Arakceoff. Era una scelta di disperazione, una preferenza

Ma guardia imperiale. Vi trovarono più e non semplici simpatie: riconobbero e rassumenti germi di società e nuclei difficili pronti ad associarsi con loro: prova incontrastabile che era venuta il tempo per una grande riforma politica.

Tutte le associazioni vennero a fondersi nella società Muravieff, nella quale entrò pure un aiutante di campo del reggimento di linea. Uomo energico e d'un ingegno non comune, Pestel diventò ben presto il centro, l'anima della società. Grane a lui, le vagne aspirazioni del

contro la dissoluzione della « Alleanza », dicendo che, quand'anche fosse abbandonata da tutti, non sarebbe perciò disciolta, perchè ristarebbe in fin, fosse anche solo. Ma singolarmente d'esso Uomini, come Pestel, Jurgnieffski, Fon Vizen, Nikita Muravieff, Bestuscell, Ryleim, non ebbero mai un momento l'idea di por fine a quella associazione. La dissoluzione non era stata per Pestel se non un mezzo per scartare i deboli e per fondare una nuova società, non solamente senza la partecipazione degli antichi membri, ma altresì senza che ne avessero cognizione veruna.

НОМЕР ГАЗЕТЫ «L'ITALIA DEL POPOLO» ОТ 21 ФЕВРАЛЯ 1858 г. ЗДЕСЬ НАПЕЧАТАНА СТАТЬЯ ГЕРЦЕНА «РУССКИЙ ЗАГОВОР 1825 ГОДА»

Экземпляр, присланный Герцену

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

39

30 novembre 1859. Park house. Fulham

Cher Pianciani,

Voilà que votre lettre est déjà une semaine chez moi — et votre livre ne vient pas [1]. Comment l'avez-vous envoyé? Pour me venger je vous offre aussi une de mes publications — les mémoires de l'impér⟨atrice⟩ Catherine II — elle vaut bien un pape, au moins la papesse Jeanne. Ces mémoires sont complétement authentiques, et le gouvernement russe à été furieux de la publication [2].

Eh bien, que dites-vous de tout ce qui se passe? La mort à droite, la mort à gauche et la putréfaction au milieu [3].

Saffi m'a dit qu'il vous a vu à Wiesbaden. Comment va votre santé?

Chez nous tout va bien doucement, nous imprimons, imprimons des feuilles et des volumes russes, la propagande va très bien. J'ai été avec Alexandre pour quelques jours à Bruxelles — la police s'est inquiétée de ma présence et j'ai eu encore une preuve que continent est impossible [4].

* братья (итал.).
** теперь и всегда (итал.)

Nous restons dans des brouillards humidement libres à Londres.

Je vous serre la main. Ogareff et m-me vous saluent. Alexandre est à Rome étudiant la médecine [5].

Votre tout dévoué

Al. Herzen

J'enverrai le livre demain.

Savez-vous que Talandier a une très bonne place à la «Royal ⟨*нрзб.*⟩ Sandhurt» école. Domengé est à Neufchatel faisant un journal.

Перевод:

30 ноября 1859. Park house. Fulham

Дорогой Пианчиани,

Вот уже неделя, как ваше письмо у меня, а книга все не приходит [1]. Через кого вы ее послали? В отместку посылаю вам одно из моих изданий, записки импер⟨атрицы⟩ Екатерины II — она стóит любого папы, по крайней мере папессы Иоанны. Эти записки целиком подлинные, и русское правительство было крайне разгневано их опубликованием [2].

Ну, что вы скажете о всем происходящем? Направо смерть, налево смерть, посредине гниение [3].

Саффи сказал, что видел вас в Висбадене. Как ваше здоровье?

Мы живем потихоньку, печатаем да печатаем русские газеты и книги, пропаганда идет очень хорошо. Мы с Александром на несколько дней ездили в Брюссель, полиция была обеспокоена моим появлением, а я убедился еще раз, что жить на континенте невозможно [4].

Итак, мы остаемся в сыром и вольном воздухе лондонских туманов.

Жму вашу руку. Огарев и супруга вам кланяются. Александр изучает медицину в Риме [5].

Всецело вам преданный

Ал. Герцен

Книгу пошлю завтра.

Знаете ли вы, что Таландье получил очень хорошее место в «Ройал ⟨*нрзб.*⟩ Сендхерт» школе. Доманже в Невшателе издает газету.

[1] Речь идет, очевидно, о книге Пианчиани «La Rome des papes...», вышедшей в свет в Базеле в 1859 г. (см. вступительную статью, стр. 360).

[2] Вероятно, французское издание «Записок» Екатерины, появившихся одновременно и на русском, немецком и шведском языках («Mémoires de l'Impératrice Catherine II écrits par elle-même et précédés d'une préface par A. Herzen». Londres. 1859). Русское правительство пыталось помешать выходу книги в свет (см. IX, 385—386).

[3] Подразумеваются итальянские события: сделка Наполеона III с Австрией; заключение (ноябрь 1859 г.) Цюрихского мирного договора, по которому за Австрией, несмотря на ее поражение в австро-итало-французской войне, оставлялась Венеция и которой делался ряд других уступок: отстранение от командования Гарибальди, настаивавшего на продолжении военных действий, и т. д. «К горести наших доктринеров, — писал Герцен в те же ноябрьские дни 1859 г. М. А. Маркович, — Запад еще осунулся, еще ближе к смерти. Наглое вмешательство Наполеона в дела Италии и отставка Гарибальди это — такие два шага, от которых не поздоровится» (X, 158).

[4] Герцен пробыл в Брюсселе с 1 по 5 октября 1859 г. Он ездил с целью выяснить возможность обосноваться в Брюсселе и продолжать там выпуск изданий Вольной русской печати. Бельгийская полиция, следившая за Герценом еще с 1852 г., была действительно весьма встревожена его приездом и дала ему понять, что разрешение поселиться в Бельгии он не получит (см. «Лит. наследство», т. 63, 1956, стр. 297—305).

[5] Среди писем Герцена к Пианчиани сохранилось также письмо к последнему А. А. Герцена из Флоренции от 27 декабря 1864 г., в котором он сообщает о предстоящей своей поездке к отцу в Женеву.

ГЕРЦЕН И ВЕНГЕРСКАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЭМИГРАЦИЯ

ПИСЬМА К ФЕРЕНЦУ И ТЕРЕЗЕ ПУЛЬСКИМ И ДЮЛЕ ТАНАРКИ * (1854—1863)

ПЕЧАТАЮТСЯ ПО ФОТОКОПИЯМ, ПРЕДОСТАВЛЕННЫМ «ЛИТЕРАТУРНОМУ НАСЛЕДСТВУ» ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКОЙ им. СЕЧЕНЬИ (БУДАПЕШТ)

Публикация Дьёрдя Белиа (György Beliа)
и Клары Ч. Гардони (Klára Cs. Gárdonyi) (Будапешт)

Отношения Герцена с венгерской эмиграцией исследованы очень мало. За исключением статьи Эмиля Нидерхаузера, напечатанной в будапештском издании «Acta historica» (т. II, 1954), и вступительной заметки Б. П. Козьмина к публикации письма Герцена к Ф. Пульскому в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 251—253, на эту тему нет ни одной работы ни в русской, ни в венгерской печати. Между тем, Герцен проявлял большой интерес к проблемам политической жизни венгерского народа и считал дело свободы в Венгрии делом общеевропейской важности. Придавая огромное значение венгерской революции, Герцен, естественно, поддерживал венгерскую эмиграцию и интересовался ее наиболее видными представителями, к которым, вместе с Кошутом, принадлежал и Ференц *Пульский*.

Пульский родился в 1814 г., в богатой дворянской семье. Еще в ранней юности он приобрел известность своими археологическими работами. Его литературные, политические и экономические статьи, печатавшиеся в венгерских и немецких изданиях, приобрели ему почетную известность. В 1839 г. Пульский был избран депутатом дворянского сейма. Он принимал активное участие в революции 1848 г., занимая видные правительственные посты — статс-секретаря министерства финансов в кабинете Кошута и секретаря совета министров. Он был избран также в Комитет Национальной обороны. По приказу Кошута Пульский отправился в Лондон, чтобы добиться у английского правительства поддержки венгерской революции. Известие о поражении революции застало его в Лондоне. Австрийский военный трибунал приговорил Пульского заочно к смертной казни. Оставшись в Англии на положении политического эмигранта, Пульский занялся публицистической деятельностью, помещая в ряде лондонских изданий многочисленные статьи о Венгрии и ее борьбе с австрийскими поработителями, а также и по другим вопросам. Он находился в постоянных сношениях со многими выдающимися политическими деятелями, писателями, экономистами и учеными Англии и Америки. О важности и обширности этих связей свидетельствует его огромная переписка, значительная часть которой сохранилась и находится в настоящее время в Отделе рукописей Государственной библиотеки им. Сеченьи (Будапешт). В 1860 г. Пульский отправился в Турин в качестве корреспондента «Daily News». После виллафранкского

* Письма 1—6 и 8—11 переведены на русский язык Л. Р. Ланским; письмо 7 — А. И. Берман.

мира между ним и Кошутом возникли серьезные разногласия. Пульский становится приверженцем соглашательской политики Ференца Деака и вскоре совершенно отстраняется от политической деятельности, посвящая все свое время занятиям археологией и историей искусств. В 1867 г., получив амнистию, он возвращается в Венгрию, где его избирают в парламент, а затем назначают директором Национального музея и вице-президентом Венгерской Академии наук. Умер Пульский в 1897 г. в Будапеште.

Пульский познакомился с Герценом в 1852 г., вскоре после прибытия последнего в Лондон. Между ними, равно как между их семьями, завязались дружеские отношения, основывавшиеся на личной симпатии и общих интересах. Пульский был многосторонне образованным человеком и энергичным борцом за независимость Венгрии. Его дом в Лондоне служил местом встреч революционной эмиграции; частым гостем бывал в нем Герцен со своими детьми. Через Пульского Герцен познакомился со многими лондонскими редакторами и издателями. В «Полярной звезде» он намерен был поместить статью Пульского о панславизме (см. VIII, 296). Особенно сблизились они во время совместного пребывания в Вентноре. Пульский впоследствии писал об этом:

«Время от времени и Кошут проводил здесь лето, но он не очень-то искал дружбы с кем-либо кроме нас; мы же, если Герцен бывал в Вентноре, постоянно шутили, рассказывали анекдоты: великий русский пропагандист был одним из остроумнейших собеседников; он неиссякаемым славянским юмором приправлял тонкие французские анекдоты. Англичан он не очень-то любил; он, как и все русские, скорей сочувствовал французам, любил подшутить над немецкой тяжеловесностью, неповоротливостью, хотя на его воспитание именно немецкая философия оказала большее влияние, чем французская литература. Поскольку, однако, он начал издавать, для агитации в народе, русский революционный журнал „Колокол", который систематически читался и русским царем Александром*, так как тот часто находил в нем интересовавшие его разоблачения, то для печатания такого еженедельного журнала лучше и надежнее места, чем Лондон, не было во всей Европе» («Eletem és korom», изд. 2. Будапешт, 1884, стр. 131. — Перевод с венгерского).

В неизданном дневнике Пульского сохранилось несколько предельно лаконичных записей о Герцене. Приводим наиболее интересные из них (в переводе с венгерского):

«26 апреля ⟨1859 г.⟩ у Герцена. ⟨Он рассказывал о том,⟩ как генерал Адлерберг купил французскую гризетку за 10 000 рублей; о том, что он издает „Колокол" и не печатает в нем личных выпадов против чиновников; о том, как один русский журналист был арестован за переписку с Лелевелем на научные темы, хотя цензура и разрешила публикацию письма, и как царь в ответ на письмо Ивана Тургенева отменил свой приказ; как унтер-офицер брал взятки, а арестован был за то, что не отдал чести лейтенанту. Сообщил мне содержание брошюры Фогта и выдержку из письма».

Вслед за этой записью Пульский вклеил в дневник следующий отрывок из письма Карла Фогта к Герцену (на французском языке), собственноручно переписанный Герценом, которым написана и вступительная заметка (от лица самого Пульского):

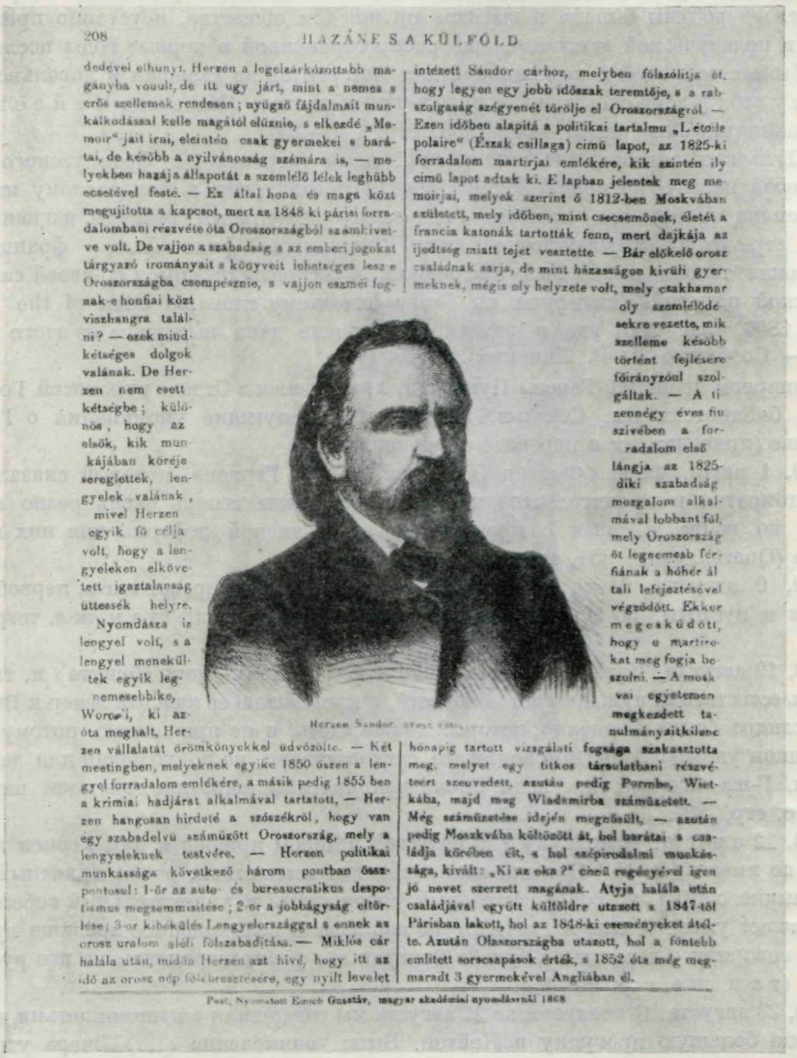
«А. Герцен разрешил нам привести эти замечательные строки из письма, которое он только что получил от своего друга Карла Фогта — известного натуралиста, бывшего одним из викариев во времена Франкфуртского парламента:

„...Италия — это не Крым; то, что в Черном море являлось дуэлью,—становится в Средиземном море всеобщей битвой. Победитель или побежденный, современный бонапартизм в ней погибнет. Я держусь поэтому мнения, что ему надо предоставить возможность уничтожить самому себя и даже устранить все препятствия, которые могли бы задержать его погребальное шествие. Я написал в этом смысле брошюру, которую вскоре вам вышлю. Я *возмущен* поддержкой, оказываемой Германией, этой „Capua der Geister"**, этой покрытой позором и *конкордированной* Австрии. Я проповедую исключение всякой не-немецкой провинции из немецкой конфедерации. Теснейший национальный союз, разрыв с Австрией, чтобы развязать себе руки, не только в Италии, но и в Венгрии и славянских краях. Дорогой друг! Вы справедливо заметили, что „бонапартизм— это смерть", но не забывайте также, что Австрия —

* В подлиннике ошибочно: Николаем. — *Ред.*
** «Капуя умов» (нем.).

это *вечная мука* и что только уничтожив ее вы отнимете у смерти ее ужас и низведете ее на степень простого случая"»*.

Жена, друг и помощник Пульского *Тереза Пульская* (1819—1866), которой адресовано два письма из публикуемой ниже переписки,— была незаурядной женщиной.



208 HAZÁNE S A KÜLFÖLD

dedével elhunyt. Herzen a legelszárkózottabb magányba vonult, de itt ugy járt, mint a nemes s erős szellemek rendesen; nyügző fájdalmait munkálkodással kelle magától elüznie, s elkezdé „Memoir" jait irni, eleinten csak gyermekei s barátai, de később a nyilvánosság számára is, — melyekben hazája állapotát a szemlélő lélek leghübb ecsetével festé. — Ez által hona és maga közt megujitotta a kapcsot, mert az 1848 ki párisi forradalombani részvéte óta Oroszországból számkivetve volt. De vajjon a szabadság s az emberi jogokat tárgyazó irományait s könyveit lehetséges lesz e Oroszországba csempészni, s vajjon eszméi fognak-e honfiai közt visszhangra találni? — ezek mindkétséges dolgok valának. De Herzen nem esett kétségbe; különös, hogy az elsők, kik munkájában köréje seregléttek, lengyelek valának, mivel Herzen egyik fő célja volt, hogy a lengyeleken elkövetett igaztalanság üttessék helyre.

Nyomdásza is lengyel volt, s a lengyel menekültek egyik legnemesebbike, Worcell, ki azóta meghalt, Herzen vállalatát örömkönyekkel üdvözölte. — Két meetingben, melyeknek egyike 1850 őszen a lengyel forradalom emlékére, a másik pedig 1855 ben a krimiai hadjárat alkalmával tartatott, — Herzen hangosan hirdeté a szószékről, hogy van egy szabadelvü számüzött Oroszország, mely a lengyelekuek testvére. — Herzen politikai munkássága következő három pontban összpontosul: 1-ör az autor és bureaucratikus despotismus megsemmisitése; 2-or a jobbágyság eltörlése; 3-or kibékülés Lengyelországgal s ennek az orosz uralom alóli fölszabaditása. — Miklós cár halála után, midőn Herzen azt hivé, hogy itt az idő az orosz nép fölébresztésére, egy nyilt levelet intézett Sándor cárhoz, melyben fölszólitja őt, hogy legyen egy jobb időszak teremtője, s a rabszolgaság szégyenét törölje el Oroszországról. — Ezen időben alapitá a politikai tartalmu „L'étoile polaire" (Észak csillaga) cimü lapot, az 1825-ki forradalom martirjai emlékére, kik azonten ily cimü lapot adtak ki. E lapban jelentek meg memoirjai, melyek szerint ő 1812-ben Moskvában született, mely időben, mint csecsemőnek, életét a francia katonák tartották fenn, mert dajkája az ijedtség miatt tejet vesztette. — Bár előkelő orosz családnak sarja, de mint házasságon kivüli gyermeknek, mégis oly helyzete volt, mely csakhamar oly szemlélődésekre vezette, mik szelleme később történt fejlésére főirányzóul szolgáltak. — A tizennégy éves fiu szivében a forradalom első lángja az 1825-diki szabadság mozgalom alkalmával lobbant fül, mely Oroszország öt legnemesb férfiának a hóhér álltali lefejeztésével végződött. Ekkor megesküdött, hogy e martirokat meg fogja bosszulni. — A moskvai egyetemen megkezdett tanulmányaitkilenc hónapig tartott vizsgálati fogsága szakasztotta meg, melyet egy titkos társulatbani részvétért szenvedett, azután pedig Permbe, Wietkába, majd meg Wladimirba számüzetett. — Még számüzetése idején megnősült, — azután pedig Moszkvába költözött át, hol barátai s családja körében élt, s hol szépirodalmi munkássága, kivált: „Ki az oka?" cimü regényével igen jó nevet szerzett magának. Atyja halála után családjával együtt külföldre utazott s 1847-ben Párisban lakott, hol az 1848-ki eseményeket átélte. Azután Olaszországba utazott, hol a fentebb emlitett sorscsapások érték, s 1852 óta még megmaradt 3 gyermekével Angliában él.

Herzen Sándor orosz cim.

Pest, Nyomatott Emich Gusztáv, magyar akadémiai nyomdásznál 1868

СТАТЬЯ О ГЕРЦЕНЕ В СБОРНИКЕ «HAZÁNE SA KÜLFÖLD» («РОДИНА И ДРУГИЕ СТРАНЫ»), ПЕШТ, 1868 г.

Страница сборника

Государственная библиотека им. Сеченьи, Будапешт

У ней была сильная душа, показавшая себя во всей мощи ⟨...⟩ в тяжелых „условиях изгнания»,— писала в своих воспоминаниях Мальвида Мейзенбуг.— «Она принимала живое участие в судьбе Венгрии» и стояла «вместе с ее супругом Ф. Пульским во

* Часть этого отрывка из письма Фогта Герцен привел в качестве эпиграфа к своей статье «Война» (X, I).— Отметим, что в нескольких сохранившихся в рукописи статьях Пульского («Russian Nationalities», «Russian Life and Society») имеются ссылки на статьи Герцена (Отдел рукописей Государственной библиотеки им. Сеченьи).

главе венгерских эмигрантов, которых в то время в Англии было очень много ⟨...⟩ Привычные к роскоши и избытку, они очутились в изгнании с очень ограниченными средствами и многочисленной семьей: кроме того, разные неприятности сыпались на них со всех сторон. Тереза смело и энергично взялась за устройство новой жизни, отдалась литературной работе, взяла почти всецело на себя обучение детей, ради интересов своей родины бывала в высшем английском обществе, неустанно принимала участие в политической агитации, еще распространенной в первые годы после революции, была советницей и помощницей для эмигрантов из Венгрии и довольно часто собирала у себя в доме оживленное, интересное общество» (Мальвида Мейзенбуг. Воспоминания идеалистки. М.—Л., 1933, стр. 230—231).

Т. Пульская перевела на английский язык (вероятно, с французского перевода) «Героя нашего времени» Лермонтова. В предисловии к лондонскому изданию этого романа (1854) она назвала Герцена «замечательным русским изгнанником, который стремится гармонически слить немецкую философию, французские политические теории и здравый английский политический смысл со своей самобытной русской натурой» (цитируем по биографическому словарю «Men of the Time», London, 1856, стр. 380, где в заметке о Герцене дана выдержка из этого предисловия. — Сообщено Л. Р. Ланским).

В обширном дневнике Терезы Пульской, хранящемся в Отделе рукописей Государственной библиотеки им. Сеченьи, встречаются следующие упоминания о Герцене и его семье (приводим их в переводе с немецкого):

«1859, 1 июля. Фери ⟨Ференц Пульский⟩ был у Герцена, который сказал ему, что аристократия и правительство в России настроены теперь очень резко против Австрии, но война в связи с проведением крестьянской реформы для них весьма некстати» (Quart. germ., 851, тетрадь 3, стр. 54—55).

«1859, 9 августа. Меня навестила г-жа ⟨Н. А.⟩ Огарева: смесь первобытной наивности и пустоты, но вряд ли зато недостает страстности!» (там же, тетрадь 4, стр. 85).

«1859, 19 августа. Натали Герцен горячо любит Вильму ⟨дочь Кошута⟩ и, так как молодость естественно нуждается в молодости, я приглашаю ее каждый вечер к Вильме. Но Александра ⟨сына Герцена⟩, который также здесь, я не приглашаю, потому что у него слишком уж многоопытный вид, и это, следовательно, не подходящая для девушек компания. Г-жа Огарева для меня также непривлекательна, она не в моем вкусе...» (там же, стр. 89).

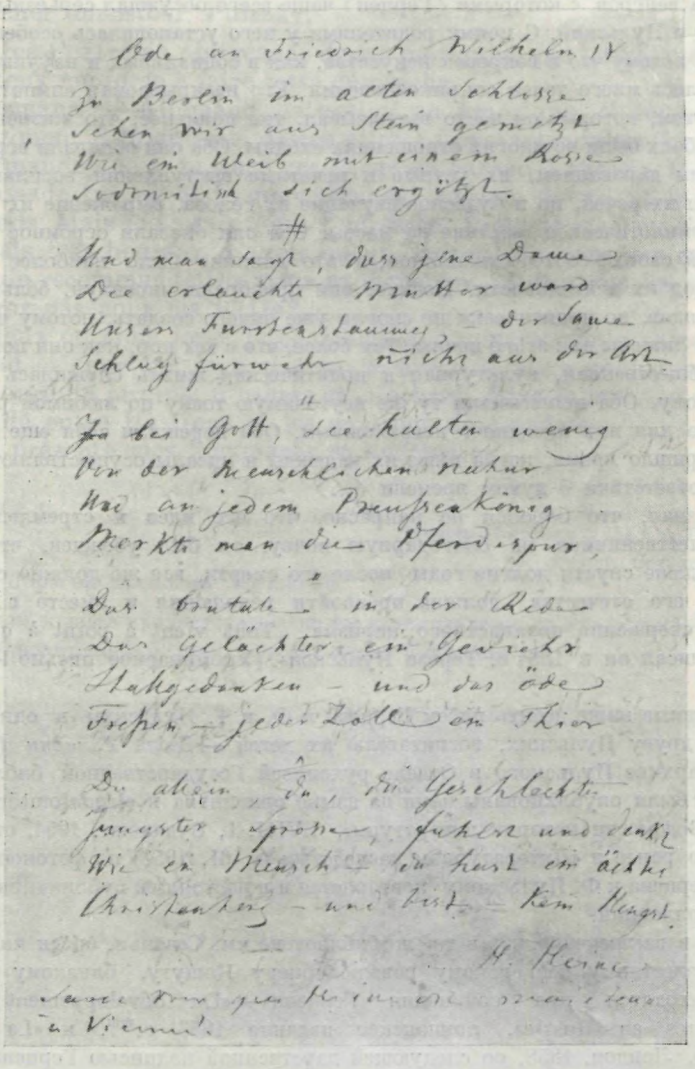
«1859, 22 августа. В пятницу ⟨19 августа⟩ вечером пришел к нам Герцен и один русский, по имени ⟨В. П.⟩ Боткин, занимающийся искусством, очень приятный человек, калмыцкого типа, но сообразительный, сдержанный и увлекательный собеседник. Герцен блещет умом. А еще в 11 часов мы наблюдали великолепное зрелище лунного сияния и говорили о возможной судьбе Венгрии и о распространении на нее русского влияния» (там же, стр. 90—92).

«1859, 23 августа. В воскресенье 21 августа мы совершили с нашими детьми и детьми Герцена большую прогулку в Найтон. Было великолепно ⟨...⟩ Вчера утром со мной простилась Мальвида, она уезжает в Истбурн, потому что не может ужиться с г-жой Огаревой. Мне это понятно, как и то, что ей мучительно оторваться от семьи. Но, конечно, *создавшееся* положение не радостно. У Герцена есть цель в жизни: воздействовать на свое отечество. Он это делает и находит в этом удовлетворение, но дети: ранняя зрелость Александра, неуравновешенность доброй, ребячливой Таты, дикость бедной маленькой Ольги — все это говорит о нездоровой домашней обстановке. Вечером пришли Тата и Александр Герцен, я читала детям, как и в предыдущие вечера, „Айвенго“ ⟨...⟩ Вильма жаловалась мне, что Александр ей противен...» (там же, стр. 90—91).

«1859, 29 августа. 25-го Герцены уехали в Лондон, что мне было приятно в связи с Александром из-за Вильмы и бедной маленькой, заброшенной Ольги, а также из-за Гарриет» (там же, стр. 92).

«1859, 30 августа. В воскресенье ⟨28 августа⟩ вечером к нам приходил один русский, г-н Боткин, с которым нас познакомил Герцен. Сначала мы с Янсом музицировали для

него, а затем беседовали о крестьянской реформе в России и о русской завоевательной политике; он ее отрицал, допуская, однако, что война против Турции и против Австрии была бы популярна» (т а м ж е, стр. 94).



Ode an Friedrich Wilhelm IV.

In Berlin im alten Schlosse
Sehen wir aus Stein gemetzt
Wie ein Weib mit einem Rosse
Sodomitisch sich ergötzt.

#

Und man sagt, durch jene Dame
Die erlauchte Mutter ward
Unsern Furstenstammes, – der Same
Schlug fürwahr nicht aus der Art.

#

Ja bei Gott, sie kulten wenig
Vor der menschlichen Natur
Was an jedem Preußenkönig
Merkte man die Pferdespur,

Das brutale – in der Rede
Das Gelächter ein Gericht
Stabgedanken – und das öde
Fopen – jeder Zoll ein Thier

Du allein, Du, Du Geschlechte
jungster, sprose, fühlst und denkst
Wie ein Mensch – du hast ein ächtes
Christenherz – und bist – kein Knecht.

H. Heine

Sagen Sie gefälligst Ihrem Herrn Gemahl
in Wien!

СПИСОК СТИХОТВОРЕНИЯ ГЕНРИХА ГЕЙНЕ «ОДА ФРИДРИХУ-ВИЛЬГЕЛЬМУ IV», СДЕЛАННЫЙ ГЕРЦЕНОМ ДЛЯ ФЕРЕНЦА ПУЛЬСКОГО

Внизу приписка Герцена по-французски: «Знаете ли вы, что Гейне сейчас в Вене?»

Государственная библиотека им. Сеченьи, Будапешт

В тех же дневниках Т. Пульской находятся многочисленные списки ее друзей и знакомых, которые она составляла по случаю приемов, приглашений, сбора пожертвований и т. п.

В этих списках часто встречаются имена Герцена и Мальвиды фон Мейзенбуг. В частности, там находится запись о том, что Герцену проданы 9 июня ⟨1859 г.?⟩ билеты на концерт скрипача Леопольда Янса. В этот же день, как обозначено в дневнике, Пульским было отправлено письмо к Герцену.

Семья Пульских глубоко уважала Герцена. Память о нем долго жила в ней и после его смерти. Об этом свидетельствует статья о Герцене дочери Пульского, Поликсены (1857—1921), написанная, по-видимому, в 1907 г. Приводим из нее наиболее значительный отрывок (в переводе с немецкого):

«В числе венгров, с которыми ⟨Герцен⟩ чаще всего обсуждал серьезные вопросы, были Кошут и Пульский. С моими родителями у него установилась особенно искренняя дружба, потому что в вопросах искусства, как в социальных и научных вопросах, у них оказалось много точек соприкосновения. Его нескрываемая симпатия и восхищение Кошутом, которые он часто высказывал, тем понятнее, что жизненная судьба и характер обоих были во многих отношениях сходны. Оба они обладали огромным пропагандистским дарованием, их устные и печатные выступления воспламеняли, и не только смысл их речей, но и чудесное звучание их голоса, выражение их глаз оказывали почти гипнотическое действие на массы. Оба они оказали огромное влияние на образ мыслей своих соотечественников, и это влияние было наиболее сильным в первый период их деятельности. Позднее они приобрели, пожалуй, бо́льшую устойчивость взглядов, но практически не смогли уже ничего создать, потому что вдали от родины были лишены для этого почвы. Тем более, что с тех пор, как они покинули свое отечество, общественная, культурная и политическая жизнь сложилась там совершенно по-иному. Оба испытывали ту же неутолимую тоску по любимой родине, увидеть которую для них оказалось невозможным. Оба пережили себя еще при жизни. Но теперь пришло время, когда иные их надежды и идеалы осуществляются — разумеется, в соответствии с духом времени ⟨...⟩

Герцен знал, что боролся не напрасно, что его идеи и стремления попали у его соотечественников на благодарную почву, он был убежден, что когда-нибудь, пусть даже спустя долгие годы после его смерти, все же должно совершиться возрождение его отечества, должна произойти революция и вместе с ней конец деспотизма, свержение ненавистного царизма. „Tout vient à point à qui sait attendre“ *,— писал он в 1864 г. Терезе Пульской». (Упоминаемое письмо Герцена неизвестно.)

Публикуемые ниже десять писем Герцена к Ф. и Т. Пульским и одно письмо — к близкому другу Пульских, воспитателю их детей — Дюла *Танарки* (1815—1886) хранятся в архиве Пульского в Отделе рукописей Государственной библиотеки им. Сеченьи. Они были опубликованы нами на языке оригинала в «Irodalomtörténeti Közlemények» («Ведомости истории литературы», LVIII, 1, Будапешт, 1954, стр. 43—53). Напечатанное ранее в «Литературном наследстве» (т. 61, 1953) по фотокопии одно из этих писем Герцена к Ф. Пульскому повторяется и в настоящей публикации, для связи и полноты коллекции.

Отметим в заключение, что в той же библиотеке им. Сеченьи, среди книг, принадлежавших известному венгерскому революционеру Кошуту, близкому знакомому Герцена, находятся два сочинения Герцена — «Du développement des idées révolutionnaires en Russie», лондонское издание 1853 г.**, и «La France ou l'Angleterre?», Лондон, 1858, со следующей дарственной надписью Герцена: «A Monsieur Louis Cossuth, témoignage d'estime de la part d'A. Herzen, 5 août ⟨1858⟩». ⟨«Господину Лайошу Кошуту в знак уважения от А. Герцена, 5 августа ⟨1858 г.»⟩ (франц.). Эти пометки видного деятеля венгерского освободительного движения — еще одно свидетельство интереса к Герцену со стороны венгерской революционной эмиграции.

---

* «Все приходит в свое время для того, кто умеет ждать» (франц.).

** На этой книге имеются пометки Кошута — чертой отмечены следующие строки: на стр. 31 строки 9—19; на стр. 32 — строки 5—8, 28—34; на стр. 33 — строки 4—8, 11—17; на стр. 34 — стр. 27—31; на стр. 36 — строки 21—23; на стр. 37 — строки 21, 27—29; на стр. 38 — строки 13—18, 28—34; на стр. 39 — строки 3—6, 22—23, 30—33; на стр. 41 — строки 12—14; на стр. 43 — строки 24—31; на стр. 45 — строки 6—13; на стр. 63 — строки 16—19; на стр. 64 — строки 30—34; на стр. 65 — строки 1—4; на стр. 89 — все примечания внизу страницы.

1

Ф. ПУЛЬСКОМУ

Londres. 17 avril ⟨1854⟩. Lundi [1]
25, Euston Sq⟨uare⟩

Cher monsieur Pulszky,

Vous aurez l'extrême obligeance de me pardonner ma lettre, mais un pauvre nécessiteux me force à faire cette démarche.

M. Grossmann [2] — Allemand, naturalisé en Amérique, ci-devant officier dans un régiment d'infanterie, désire aller à Constantinople offrir ses services et ne demande que le passage *gratis* sur un bateau à vapeur. Il me semble que l'ambassade turque et le gouvernement anglais devraient favoriser des projets pareils. Mais je ne sais à qui l'adresser. Je n'ose pas vous l'envoyer — mais je serais très heureux d'avoir ou un conseil de vous sur cette affaire ou un mot de recommandation pour ce monsieur. Dans tous les cas vous ne m'en voudrez pas pour ma lettre [3].

Il y a deux ou trois jours je cherchais des appartements entre Highgate et Hamstead — pourtant je n'ai rien trouvé. Si vous connaissez quelque chose d'entouré de jardins, d'arbres et d'arbres, dites le moi. Je ne suis pas encore décidé entre Hastings et les environs de Londres.

Je vous présente mes hommages et amitiés.

A. Herzen

Перевод:

Лондон. 17 апреля ⟨1854 г.⟩. Понедельник [1]
25, Euston Sq⟨uare⟩

Дорогой господин Пульский,

Я буду вам крайне признателен, если вы извините меня за это письмо — обратиться к вам побуждает меня бедняк, нуждающийся в помощи.

ОСТРОВ УАЙТ. ОКРЕСТНОСТИ ВЕНТНОРА

С картины маслом, 1870-е гг.

«Здесь ⟨в Вентноре⟩ места удивительные, т. е. такой прелести в Англии и ожидать было нельзя» (из письма к М. К. Рейхель от 28 сентября 1854 г.). Во время пребывания в Вентноре (сентябрь 1855 г.) Герцен часто встречался с находившимися там Пульскими и Л. Кошутом

Г-н Гроссман [2], немец, натурализовавшийся в Америке, бывший офицер пехотного полка, хочет отправиться в Константинополь, чтобы предложить там свои услуги, и просит только о проезде gratis* на пароходе. Мне кажется, что и турецкое посольство и английское правительство должны были б оказывать содействие подобным намерениям. Однако я не знаю, к кому его направить. Не решаюсь послать его к вам, но я был бы очень рад получить от вас либо совет в этом деле, либо рекомендательную записку для этого господина. Во всяком случае, надеюсь, что вы не посетуете на меня за это письмо [3].

Два-три дня тому назад я искал квартиру между Хайгетом и Гемстидом — однако ничего не нашел. Если вы знаете что-нибудь окруженное садами, деревьями и деревьями, сообщите мне. Я еще колеблюсь между Гастингсом и лондонскими окрестностями.

Свидетельствую вам свое почтение и дружеские чувства.

А. Герцен

[1] Понедельник приходился на 17 апреля в 1854 г.
[2] Никакими сведениями о *Гроссмане*, кроме тех, которые сообщает здесь Герцен, мы не располагаем.
[3] Ответное письмо Пульского неизвестно.

2

Т. ПУЛЬСКОЙ

12 novemb⟨re 1854⟩. Richmond.
Cholmondeley Lodge

Chère Madame Pulszky,

Je ne sais comment vous remercier pour la bonté que vous avez eu de vous occuper de nos «*Winterquartieren*».— J'ai cherché pendant quelques jours et vu diverses maisons et j'ai eu l'audace de prendre non celle que vous aviez désignée. J'ai trouvé une petite maison charmante derrière St. John's Wood, près du grand collège, quelques pas hors de la ville. «L'Atlas» [1]— qui portait avant le monde sur ses épaules, portera maintenant mes amis presque jusqu'à ma maison — il s'arrête au Suisse Cottage.

Dès que nous serons installés, je viendrai vous rendre compte.

Saluez de ma part monsieur Pulszky — est-ce qu-il a écrit l'article sur Michelet?[2] — et monsieur Tanarki.

Les enfants embrassent les jeunes amis. Quand est-ce que madame Walter [3] compte partir de Londres?

Recevez mes salutations respectueuses.

A. Herzen

Перевод:

12 нояб⟨ря 1854 г.⟩. Ричмонд
Cholmondeley Lodge

Дорогая госпожа Пульская,

Не знаю, как и благодарить вас за доброту, с которой вы занялись нашими «Winterquartieren»**. Я искал в течение нескольких дней и осмотрел множество домов, и я осмелился нанять не тот, который был вами указан. Я нашел небольшой очаровательный дом позади Сент-Джонского леса, близ большого колледжа, в нескольких шагах от города. «Атлас» [1], который прежде носил на своих плечах мир, донесет теперь моих друзей почти до самого моего дома — он останавливается у Швейцарского коттеджа.

---

* бесплатном (лат.).
** «зимними квартирами» (нем.).

Как только мы там устроимся, я явлюсь к вам с отчетом.

Кланяйтесь от меня г. Пульскому — написал ли он статью о Мишле? [2]— и г. Танарки.

Дети мои целуют своих юных друзей. Когда же г-жа Вальтер [3] предполагает покинуть Лондон?

Примите мой почтительный привет.

А. Герцен

[1] «*Атлас*» — по-видимому, название омнибуса.

[2] Речь идет о рецензии на сочинение Мишле «La Renaissance» («Возрождение») — первую часть «Истории Франции в XVI столетии». См. примеч. 2 к следующему письму.

Oct. 20, 1855.] THE ATLAS. 675

A CAMP DINNER.

M. had by some honest means procured a chicken, and his servant had cooked it by somebody else's fire, in an admirable style. Then we had beef and ham, and potatoes—think of it! and for dessert, boiled rice, and three slices of plum-pudding! Our table was formed by placing a pine box upon the top of a leather trunk; an old newspaper served for a table-cloth. M. sat upon his "Commissariat," as he called it—a small box in which he kept his stores. Whenever he wanted any salt or pepper, he had to jump up, open the box, and sprinkle out a supply from the paper parcels. Salt-cellars and pepper-boxes had not yet found their way to the Crimea. One of M.'s fellow-officers dined with us. When he came he neglected to bring his chair. Of course he sent for it immediately; it was wicked in him to forget it. M. told of inviting the same gentleman over to take a bowl of punch with him a few nights previous, and begging him not to forget to bring some sugar and a lemon with him! Our dinner went off capitally. It was a hundred degrees superior to the generality of dinners before Sebastopol. I enjoyed it better than I ever did a dozen courses at "Morley's" or "Maurice's." The three slices of plum-pudding, of mysterious origin, proved a delicate *finale*. I must own that M. used his guests well. I wish that he could have lived so well himself, even half of the time. M.'s tent contained many *evidences of his domestic ingenuity. It had a fireplace, well-built, when there was any fuel to be had, which happened not to be the case on the occasion of the great dinner. For a candle-stick he had a Russian bayonet. In the part usually attached to the gun, the candle (when he could get one) fitted admirably; while the sticking point was readily stuck into the terrestrial floor, at any desirable locality.*

One or two anecdotes taken at random may serve to *amuse the reader*:—

RELIEVING GUARD.

In a sortie made by the Russians one night in December, the guard of the 50th regiment was killed, and the enemy took possession of the pickets, only to remain for a short time, however; for the rifles, hearing the alarm, soon came up and slaughtered the intruders without mercy. A patrol officer coming along some time after, and finding an Irishman of the rifles on guard, addressed him, "Well, my man, what are you doing here? You do not belong to the 50th." "May it please yer honour," said Paddy, "the Roosshins relieved the 50th, and we relieved the Roosshins."

WAY TO MAKE A FIRE.

A facetious Scotch friend who had his lodgings in Balaklava, was aroused by the violent ringing of bells, and general confusion throughout the harbour on the demise of the old and the inaugu-

the offender; but before admitting the propriety of so acting in any particular case, we should require to be convinced that the plan was likely to succeed.

The deprivation of liberty, the being compelled to submit for a considerable period to a course of regular industry, plain hard living, the imposition of silence except at certain times, and as relaxing to certain parties, these with other elements of reformatory discipline must be a severe punishment to an ill-governed mind; but they are not punishment only, nor primarily, nor arbitrarily, but elements of the best known system of cure. A far more powerful preservative for society than fear of punishment is *certainty of detection* and consequent failure of criminal plans, and we can pretty nearly estimate the badness of the police by the severity of the sentences which are executed upon offenders. The fact is, punishment is after all a weak weapon, and the less it is relied upon the better and the more chance of the rise of a preventive system.

We shall gladly see the present little volume widely circulated, because it will tend to the diffusion of some special information and some special modes of thought with which the public mind must be made familiar before much progress can be made either in the reformation of offenders or the prevention of offence by educating our youth before they have become criminal from sheer neglect. Few more instructive things can be read upon this subject than the account of Mr. Hall's visit to Mettray, which will be found in these pages, and which contrasts so powerfully with his visits to other continental reformatories. The reader feels at once that the family influence of Mettray is just the thing wanted; but he also feels that to establish such an influence is the work of a few peculiarly gifted individuals, and is not one which ordinary teachers can possibly discharge. Moreover, however disagreeable it may sound to Protestant ears, Roman Catholicism seems more likely than the ordinary forms of Protestantism to induce the right kind of men and women to devote themselves to the task with the quiet enthusiasm and steady self-denial which are essential to success. Thus Mr. Meta, the cele-

the weaker members; the *maternal eye* becomes the object of the most lively solicitude, not merely with the superior officers, the *chefs* and *sous-chefs* of the family, and the elder brothers, but with the whole body of his brethren, jointly and severally. This certainly is a most powerful engine; the eyes of the whole society awake to prevent the offence from *coming*; the *cares of the whole family* applied to wean the wayward from his wilfulness. The objector will say that the motives are indirect; but, if it be often true that those who come to scoff remain to pray, we may surely hope that the cares which have been begun from a low motive are ultimately continued from the very highest. The directors of the institution consider that they have succeeded in imbuing the colonists with the *esprit de famille*. I think it must be conceded, that they have created a spirit much better and more efficient than the mere *esprit de corps*.

A strong difficulty is often felt on account of the miserable want of provision for the education of the people generally, so that if a good reformatory school is set up, it is said that special advantages are offered to such as have gone astray. The proper remedy is obviously not not to diminish our efforts to reclaim the lost; but to provide, as is done in Russia, and the New England States of America the means of good education for the children of the whole community.

My Exile in Siberia. By ALEXANDER HERZEN. 2 Vols. Hurst and Blackett.

Two things are emphatically shown by this book—the sound judgment by which the people of England were animated when they determined to fight against the huge tyranny of Russia, and the mingled insanity and wickedness of the English Government in carrying on the war with so much feebleness and imbecility. Mr. Herzen exhibits to us in a foreign and characteristic style a strange set of word pictures in which we see very vividly the frightful corruption, servility, and selfishness of the great *Sultan* of Russia, the councillors, governors, magistrates, commissioners of police, lords, ladies, counts, and excellencies of the land, and also the brutal ignorance, filth, drunkenness, and thievishness of the lower class. Such elements compose the "holy Russia," over which Nicholas fitly presided. Thanks, however, to western influence, a new race

ВЫРЕЗКА ИЗ АНГЛИЙСКОЙ ГАЗЕТЫ «THE ATLAS» ОТ 20 ОКТЯБРЯ 1855 г. С АНОНИМНОЙ РЕЦЕНЗИЕЙ НА АНГЛИЙСКОЕ ИЗДАНИЕ «ТЮРЬМЫ И ССЫЛКИ»

Возможно, что автором рецензии были Л. Кошут или Ф. Пульский

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

[3] Агоштоне *Вальтер* — мать Т. Пульской, приехавшая погостить к дочери из Вены. По словам М. Мейзенбуг, это была «очень образованная и умная женщина» (М. Мейзенбуг. Воспоминания идеалистки. М.—Л., 1933, стр. 295).

3

Ф. ПУЛЬСКОМУ

16 mars ⟨1855⟩. Twickenham.
Richmond house

Cher monsieur Pulszky,

J'ai reçu hier une lettre de Michelet [1], je lui ai écrit que vous et Saffi vous vous proposiez de dire quelques mots de son ouvrage [2], il remercie chaudement. — J'ai envoyé à la rédaction d'*Athenæum* [3], mais je n'y connais personne. Avez-vous écrit et ne pourriez vous pas m'indiquer où?

Le livre est admirable, c'est la meilleure chose de toutes les œuvres de Michelet — il est grand penseur et très sobre dans le style, qui s'élève à la poésie [4].

J'ai aussi l'invitation pour l'*Atlas*[5]; il faut changer de maison et j'attends le 1 av⟨ril⟩ pour savoir où je demeurerai — pour répondre[6].

Je vous salue fraternellement.

A. Herzen

Vous avez eu la bonté de vouloir donner le livre ou un article au *Times*[7].

Перевод:

16 марта ⟨1855 г.⟩. Твикенгем
Richmond house

Дорогой господин Пульский,

Вчера получил я письмо от Мишле[1], я написал ему, что вы и Саффи намерены были сказать несколько слов о его труде[2]; он горячо благодарит.— Я отправил⟨бы⟩ в редакцию «Athenæum'a»[3], но я там никого не знаю. Написали ли вы и не можете ли указать, куда именно?

Эта книга замечательна, она лучшее из всех произведений Мишле — он великий мыслитель, а стиль его очень сдержан и возвышается до поэзии[4].

Я также получил приглашение в «Атлас»[5]; мне придется переехать в другой дом, и, чтобы ответить[6], я жду 1 ап⟨реля⟩, когда выяснится, где буду жить.

Братски приветствую вас.

А. Герцен

Вы любезно согласились послать книгу или статью в «Таймс»[7].

[1] Это письмо Мишле к Герцену неизвестно.

[2] В письме к Мишле от 2 марта 1855 г. Герцен, восторженно отзываясь о его новой книге (см. примеч. 2 к предыдущему письму), сообщает, что четыре человека, более чем выдающихся, обещали написать о ней статьи: Саффи (один из бывших римских триумвиров), Пульский (венгерец, друг Кошута), Э. Джонс и В. Линтон (см. VIII, 156. См. также выше стр. 338 и 343).

[3] «*The Athenæum*» — известный лондонский критико-библиографический журнал. Герцен вскоре получил от редакции письмо, в котором его просили передать Мишле благодарность за присланный экземпляр его книги (см. VIII, 165).

[4] В упомянутом выше письме Герцен писал Мишле: «Ваша книга удивительна. Я почувствовал себя молодым, я еще раз проникся энтузиазмом, читая „Предисловие"; это — поэма, история, превратившаяся в искусство, в философию!» (VIII, 156).

[5] «*The Atlas*» — газета, издававшаяся в Лондоне на английском языке при участии Л. Кошута.

[6] 1 апреля 1855 г. кончался срок найма квартиры Герцена в Ричмонде.

[7] 30 мая Герцен сообщил Мишле, что статья Пульского о книге Мишле была помещена 1 мая в «Eclectic Review» и что Пульский написал еще две заметки — для «The Athenæum» и для «The Atlas». «Теперь мы написали заметки,— продолжал Герцен, — для „People's Paper", для немецких газет и для газет Нью-Йорка; я еще напишу Фребелю для американских газет» (VIII, 181). Осуществил ли Герцен свое намерение — неизвестно; возможно, что в названных газетах напечатаны его рецензии на книгу Мишле. Русский отзыв Герцена на «La Renaissance» напечатан в «Полярной звезде на 1855 г.».

4

Ф. ПУЛЬСКОМУ

⟨Путней. После 5 февраля 1858 г.⟩[1]

Cher monsieur Pulszky,

Je vous envoie cette feuille, pensant que cela peut vous intéresser[2]— ce monsieur a beaucoup d'échantillons — mais il part mardi. Il serait enchanté de vous voir, mais comment faire? Il demeure à la Sablonière Leicester Squ⟨are⟩. Si vous avez quelques commissions — écrivez-moi, il part pour le Mont Athos et le Mont Sinaï[3].

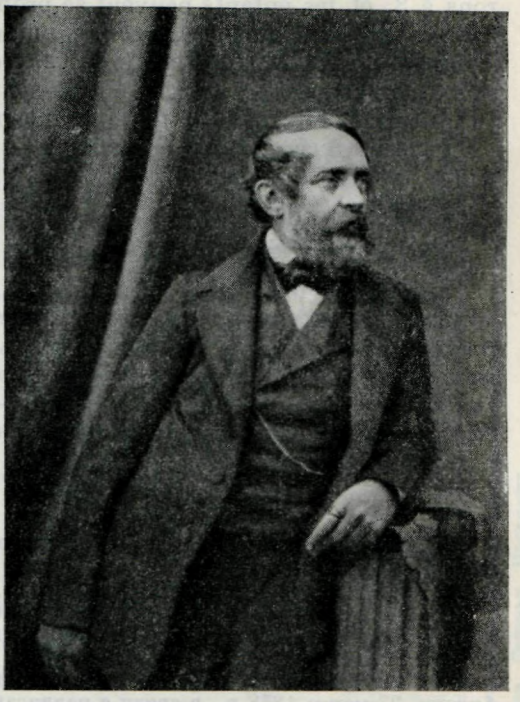
Tout à vous comme toujours

A. Herzen

ЛАЙОШ КОШУТ

Фотография, 1860-е гг.

Исторический музей, Москва



Перевод:

<Путней. После 5 февраля 1858 г.>[1]

Дорогой господин Пульский,

Посылаю вам этот оттиск, предполагая, что он может заинтересовать вас[2] — у этого господина множество образцов, но он уезжает во вторник. Он был бы очень рад повидаться с вами, однако как это сделать? Живет он в la Sablonière Leicester Squ<are>. Если у вас есть какие-либо поручения — напишите мне, он уезжает на Афон и Синай[3].

Весь ваш, как всегда,

А. Герцен

[1] Публикуемое письмо написано на печатном оттиске записки известного русского археолога П. И. Севастьянова, прочитанной 5 февраля 1858 г. в собрании Парижской академии надписей и словесности. Севастьянов предлагал в своей записке всем архивохранилищам и библиотекам заняться фотографированием имеющихся у них редких документов и книг. При этом он привел список сфотографированных им на Афоне документов и древностей. Приблизительная дата письма определяется временем публикации этой записки.

[2] Пульский с юных лет занимался археологией (см. предисловие к настоящей публикации).

[3] Севастьянов в это время вновь отправлялся на Афон и Синай, для фотографирования рукописей и предметов старины, и Герцен осведомлялся у Пульского, нет ли у него поручений по снятию фотокопий с археографических памятников.

5

Т. ПУЛЬСКОЙ

24 avril <1859>. Park house. Fulham

Chère madame Pulszky,

Mes enfants et leur père seront enchantés de voir toute la famille de S-t Albano[1] — venez à 3 heures si cela vous convient, ou à $2^1/_2$ — nous dîne-

rons à 3, et les enfants peuvent se promener au jardin (en bateau s'il pleut comme aujourd'hui) [2]. Or donc, mardi nous vous attendons — et m-r Tanárky aussi. Nous parlerons des victoires possibles, nous buverons à la santé des braves qui tomberont [3],— je suis désolé d'avoir mes moustaches, je les aurais fait pousser maintenant pour me donner un air de Pelissier [4].

Tout à vous — tambour battant —

A. Herzen

Перевод:

24 апреля ⟨1859 г.⟩. Park house. Fulham

Дорогая г-жа Пульская,

Мои дети и их отец будут очень рады видеть всё сент-албанское семейство [1]— приходите в 3 часа, если это вам удобно, или в $2^1/_2$ — мы пообедаем в 3, и дети смогут погулять в саду (на лодке, если будет дождь, как сегодня) [2]. Итак, во вторник мы вас ждем — и г-на Танарки также. Мы поговорим о возможных победах, мы выпьем за здоровье тех, кто падет смертью храбрых [3], —я в отчаянье от своих усов, я отрастил бы их теперь, чтобы придать себе вид Пелисье [4].

Весь ваш — под барабанный бой —

А. Герцен

[1] Пульские жили в это время в пригороде Лондона — Albans villas Highgate Rise (в доме № 13).

[2] Герцен шутливо намекает здесь на то, что в саду образовались большие лужи.

[3] Накануне, 23 апреля, Австрия вручила ультиматум Сардинскому правительству, и Европа находилась в ожидании войны, которая, действительно, и началась 26 апреля.

[4] Жан-Жак *Пелисье* (1794—1864) — маршал Франции, французский посол в Англии. 23 марта 1858 г., в связи с надвигавшейся войной, был отозван и назначен на командный пост в армии.

6

Ф. ПУЛЬСКОМУ

6 mai ⟨1859⟩. Park house. Fulham

Cher monsieur Pulszky,

Qu'avez-vous fait de la petite brochure de Vogt? [1] Trubner n'est pas trop disposé à imprimer une traduction anglaise — mais je voudrais écrire une préface et imprimer un chapitre (*l'Autriche*) — pensez-vous qu'une feuille de samedi voudra l'imprimer? [2] Dans le n⟨uméro⟩ suivant de la *Cloche* je parle de la guerre et de la Hongrie [3]— voulez-vous que je vous ⟨le⟩ traduise?

Maintenant je passe de la guerre et de l'histoire dans une petite affaire personnelle. Par indolence slave (que vous devez excuser en qualité de Madjar) j'ai oublié que je n'ai pas payé à M. S. Roche [4] 6 liv⟨res⟩ ou q⟨uel⟩-q⟨ue chose⟩ dans le genre pour Tata. Je lui ai écrit une lettre [5] — il ne me répond pas. La poste entre Fulham et Chelsea n'a pas été interceptée par les Autrichiens [6]. Je n'ai absolument pas de clef. Je lui ai même envoyé dans le temps les mémoires de Cath⟨erine II⟩ [7] qui sont aussi restées sans réponse. La chose qui m'importe — combien je lui dois — pouvez-vous m'aider à le savoir?

Tout à vous

A. Herzen

Je salue de tout mon cœur madame Pulszky et les enfants.

Перевод:

6 мая ⟨1859 г.⟩. Park house. Fulham

Дорогой господин Пульский,

Что сделали вы с брошюркой Фогта? [1] Трюбнер не слишком-то расположен печатать английский перевод, но я хотел бы написать предисловие и напечатать

DU

DÉVELOPPEMENT

DES

IDÉES RÉVOLUTIONNAIRES

EN RUSSIE

PAR

ALEXANDRE HERZEN.

L. Kossuth

LONDRES;
JEFFS, LIBRAIRE, BURLINGTON ARCADE.
1853.

jusqu'à la nuit, en simple redingotte militaire, donner des ordres et enseigner la manière dont il faut les exécuter; il est maréchal-ferrant et menuisier, ingénieur, architecte et pilote. On le voit partout sans suite, tout au plus avec un aide-de-camp, dominant la foule par sa taille.—Pierre le Grand, comme nous l'avons dit, fut le premier individu émancipé en Russie, et, par cela même, révolutionnaire couronné.

Il soupçonnait ne pas être le fils du tzar Alexis. Un soir il demanda naïvement, au souper, au comte Jagouginski s'il n'était pas son père?—Je n'en sais rien, répondit Jagouginski pressé par lui, la défunte tzarine avait tant d'amants! Voilà pour la légitimité. Quant aux intérêts dynastiques, vous savez que Pierre se trouvant à Pruth, dans une position désespérée, écrivit au sénat de choisir pour son successeur le plus digne, croyant son fils incapable de lui succéder. Il le fit juger et exécuter ensuite dans la prison. Pierre Ier couronna impératrice une cabaretière, femme d'un soldat suédois, devenue depuis la courtisane de son favori prince Menczikoff, ci-devant garçon pâtissier. Les circonstances au milieu desquelles le métropolitain Téophane et le prince Menczikoff proclamèrent la dernière volonté de Pierre Ier laissent beaucoup de doutes, mais le fait est, que l'aventurière livonnienne qui parlait à peine le russe, fut proclamée, à sa mort, impératrice — sans que personne songeât à contester ses droits.

Pierre Ier cachait à peine son indifférence ou son mépris pour l'église grecque, qui devait nécessairement partager la disgrâce de l'ancien ordre des choses. Il défendit de créer de nouvelles reliques et interdit les miracles. Il remplaça le patriarche par un synode à la nomination du gouvernement, et il y plaça comme procureur de la couronne un officier de cavalerie. Le patriarche n'avait jamais

«О РАЗВИТИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИДЕЙ В РОССИИ». ЭКЗЕМПЛЯР, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ Л. КОШУТУ: ВТОРОЕ ФРАНЦУЗСКОЕ ИЗДАНИЕ КНИГИ. ЛОНДОН, 1853

Титульный лист и страница книги с автографической надписью и пометами Кошута

Государственная библиотека им. Сеченьи, Будапешт.

одну главу («Австрия») — не думаете ли вы, что какая-нибудь субботняя газета согласится ее напечатать? [2] В следующем номере «Колокола» я говорю о войне и о Венгрии [3] — не хотите ли, чтоб я перевел вам ⟨это⟩?

Теперь я перехожу от войны и истории к небольшому личному делу. Вследствие славянской небрежности (которую вы как мадьяр должны извинить), я позабыл, что не заплатил г. С. Рошу [4] 6 фун⟨тов⟩ или что-то в этом роде за Тату. Я написал ему письмо [5] — он мне не отвечает. Почта между Фульгамом и Челси не была перехвачена австрийцами [6]. У меня совершенно нет ключа к этой загадке. Я ему в свое время отправил даже записки Екате⟨рины II⟩ [7], что также осталось без отклика. Меня интересует вопрос, сколько я ему должен, — не можете ли вы мне помочь узнать это?

Весь ваш
А. Герцен

Сердечно кланяюсь госпоже Пульской и детям.

[1] Речь идет о брошюре К. Фогта «Studien zur gegnwärtigen Lage Europas» («Очерки о положении дел в современной Европе»), написанной в защиту политики Наполеона III. Умело прикрывая реакционный характер этой политики демагогическими разглагольствованиями о предстоящем освобождении Италии Наполеоном III и о близком падении Австрийской империи, Фогт привлек к своей брошюре благожелательное внимание многих современников. Являясь ожесточенным врагом Австрийской империи, постоянного оплота европейской реакции, Герцен оказывал содействие распространению брошюры Фогта; однако, в противоположность Фогту, он считал, что «надобно пользоваться этой войной для разрушения Австрии, не делаясь бонапартистом» (IX, 582). См. примеч. 3 к письму № 8.

[2] Английский перевод одной главы из брошюры Фогта был напечатан в «Daily News». В дневник Пульского вклеена вырезка из газеты с текстом этой главы. См. примеч. 1 к письму № 8.

[3] Статья Герцена «Война», напечатанная в л. 44 «Колокола» от 1 июня 1859 г. (X, 1—11).

[4] *С. Рош* — по-видимому, французский эмигрант. Он давал уроки дочери Герцена — Тате.

[5] Это письмо Герцена к Рошу от 28 апреля 1859 г. не напечатано и хранится в Отделе рукописей *ЛБ*, так же, как и четыре других письма к нему Герцена (см. «Описание рукописей А. И. Герцена», изд. 2, М., 1950, стр. 115).

[6] *Фульгам* и *Челси* — предместья Лондона. Герцен шутливо намекает здесь на франко-австрийскую войну, начавшуюся 3 мая 1859 г.

[7] «Записки Екатерины II», изданные Герценом в 1859 г. на французском и других языках (см. IX, 370—377).

7

Ф. ПУЛЬСКОМУ

12 mai ⟨1859⟩ Park house. Fulham

Cher monsieur Pulszky,

Donnez-moi un bon conseil et un conseil bien vite. J'ai reçu hier de Turin [1], une lettre de mes amis intimes, d'un colonel [2] et d'un ci-devant ministre [3] — il⟨s⟩ me demande⟨nt⟩ ce qu'il y a à faire pour faire accepter une correspondance — qui sera envoyée par une dame française. Pensez-vous qu'on pourrait tenter avec la *Daily News* — ou avec un autre journal? La corresp⟨ondance⟩ sera dans un sens italien, républicain — mais *per interni* piémontoise et pour la guerre.

J'ai terminé mon assez long article sur la guerre [4] et je suis persuadé que vous et Kossuth serez très contents de quelques lignes sur la Hongrie [5]. On m'a dit que K⟨ossuth⟩ était déjà en Piémont. Eh bien, que le vieux faucon de l'Autriche tombe plume par plume.

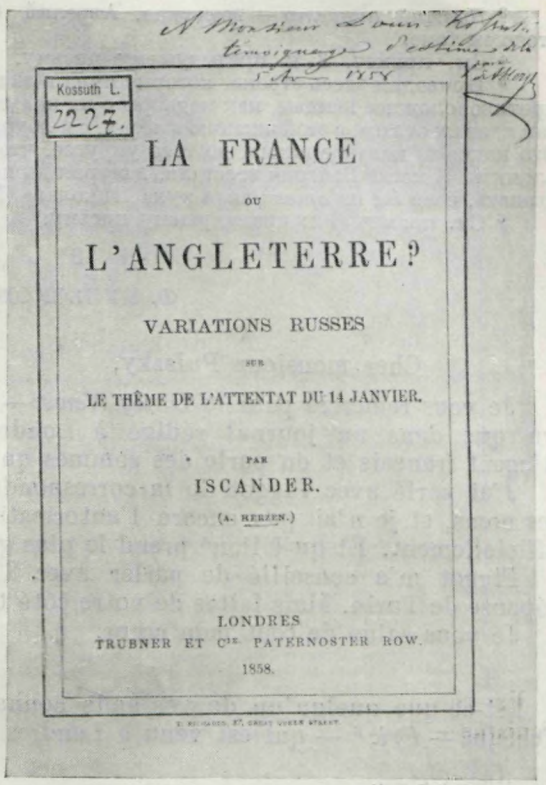
Avez-vous réussi à faire admettre l'article de Vogt? — envoyez-moi la brochure après [6].

Tout à vous
A. Herzen

ЭКЗЕМПЛЯР КНИГИ ГЕРЦЕНА «ФРАНЦИЯ ИЛИ АНГЛИЯ?» (ЛОНДОН, 1858) С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТОРА Л. КОШУТУ

«Господину Луи Кошуту в знак уважения от А. Герцена. 5 апреля 1858» (перевод с французского)

Государственная библиотека им. Сеченьи, Будапешт


Kossuth L.
2227.

LA FRANCE
OU
L'ANGLETERRE?
VARIATIONS RUSSES
SUR
LE THÈME DE L'ATTENTAT DU 14 JANVIER.
PAR
ISCANDER.
(A. HERZEN.)
LONDRES
TRUBNER ET Cie PATERNOSTER ROW.
1858.

Перевод:

12 мая ⟨1859 г.⟩. Park house. Fulham

Дорогой господин Пульский,

Дайте мне добрый совет и поскорее. Я получил вчера из Турина[1] письмо от моих близких друзей — полковника [2] и бывшего министра [3]; он⟨и⟩ спрашив⟨ают⟩ меня, что следует сделать, чтобы корреспонденция, которая будет прислана одной французской дамой, была принята. Как вы думаете, не попытаться ли в «Daily News» или в какой-нибудь другой газете? Корреспонденция будет в итальянском, республиканском духе, но per interni* пьемонтской и за войну.

Я закончил свою довольно длинную статью о войне [4] и уверен, что вы и Кошут будете очень довольны несколькими строками, касающимися Венгрии [5]. Мне сказали, что К⟨ошут⟩ уже в Пьемонте. Что же, пусть старый австрийский сокол теряет перо за пером.

Удалось ли вам устроить статью Фогта? — пришлите мне потом брошюру [6].

Весь ваш

А. Герцен

Это письмо было опубликовано в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 253—254 по фотокопии, присланной из Будапешта в дар научной библиотеке им. А. М. Горького при Московском государственном университете им. Ломоносова. См. там же факсимильное воспроизведение этого письма.

[1] В Турине в это время формировались итальянские и венгерские отряды для борьбы против Австрии.

[2] Мы не разделяем предположение первого публикатора этого письма о том, что речь здесь идет о графе Ш. Телеки, так как в это время Телеки находился в Париже и к тому же не был полковником. Вероятно здесь имеется в виду Л. Пианчиани, о котором см. в предыдущей публикации.

* Здесь: «в сущности» (лат.).

[3] *Бывший министр* — возможно, Аврелий Саффи, о котором см. выше в настоящем томе.

[4] См. примеч. 3 к предыдущему письму.

[5] Приводим здесь строки, которые имел в виду Герцен: «Я в мире не знаю ничего противоположнее немцам, как мадьяры с их полудикой разметистой волей, к которой так идет их отвага, с этой жизнию в лесах, с их бурными и независимыми комитатами*. Это какое-то кованое племя, до того упругое, что сам Меттерних не мог никогда его сломить. И когда Венгрия восстала, Австрия дышала на ладан и совсем перестала бы дышать, если бы не *преступная* рука Николая» (X, 6).

[6] См. примеч. 1 к предыдущему письму.

8

Ф. ПУЛЬСКОМУ

21 mai 1859. Park house. Fulham

Cher monsieur Pulszky,

Je vous remercie pour la *Daily News*[1] — je l'enverrai à Vogt. Avez-vous vu que dans un journal rédigé à Londres — *Das Volk*[2] on traite Vogt d'agent français et on parle des sommes qu'il a reçues[3].

J'ai parlé avec Piggot de la correspondance — la grande chose ce sont les noms, et je n'ai pas encore l'autorisation de ⟨les⟩ leur communiquer officiellement. Et qu'Ullon[4] prend le plus grand intérêt.

Piggot m'a conseillé de parler avec Tornton Hunt[5] — j'attends une réponse de Turin. Mais faites de votre côté tout ce qui peut se faire.

Je vous salue de tout mon cœur.

A. Herzen

Est-ce que quelqu'un de vos amis connaît ce que c'est qu'un jeune Tchèque — *Fric*[6] — qui est venu à Londres de la Transilvanie?

Перевод:

21 мая 1859. Park house. Fulham

Дорогой господин Пульский,

Благодарю вас за «Daily News»[1], я отправлю ее Фогту. Видели ли вы, что в газете, издающейся в Лондоне, — «Das Volk»[2] — Фогта изображают французским агентом и говорят о полученных им суммах?[3]

Я говорил с Пигготом о корреспонденции — самое важное здесь — имена, а я еще не уполномочен официально им сообщить их. И что Уллон[4] также принимает живейшее участие.

Пиггот посоветовал мне поговорить с Торнтоном Хантом[5] — я жду ответа из Турина. Но делайте со своей стороны все, что можно сделать.

Приветствую вас от всего сердца.

А. Герцен

Не знает ли кто-нибудь из ваших друзей, что представляет собой молодой чех *Фрич*[6], приехавший в Лондон из Трансильвании?

[1] Речь идет о номере «Daily News», в котором была опубликована глава из брошюры К. Фогта (см. предыдущее письмо). 27 мая Герцен сообщал сыну: «Из Фогтовой брошюры мы поместили в „Daily News" целую главу» (IX, 582).

[2] «*Das Volk*» — немецкая эмигрантская газета, в которой сотрудничали Маркс, Энгельс и Вильгельм Либкнехт.

[3] Обвинение Фогта в том, что он получал денежные субсидии от Наполеона III, напечатанное в «Das Volk», впоследствии получило документальное подтверждение: во время Парижской Коммуны в королевском дворце были найдены бумаги, которыми устанавливалось, что в 1859 г. Фогт получил на бонапартистскую пропаганду 40 000 франков. Герцен до конца своей жизни не мог поверить слухам о предательстве Фогта.

[4] *Пиггот* и *Уллон* — лондонские журналисты.

[5] *Торнтон Хант* — издатель лондонского журнала «The Spectator».

[6] Об *И. Фриче* см. ниже, в статье «Чешские связи Герцена».

* В изд. Лемке опечатка: комитетами. — *Ред.*

10-ik szám. Tizenhetedik evfolyam.

Vasárnapi Ujság.

Pest, márczius 6-án 1870.

Előfizetési feltételek: a Vasárnapi Ujság és Politikai Ujdonságok együtt: Egész évre 10 ft. — Félévre 5 ft.
Csupán Vasárnapi Ujság: Egész évre 6 ft. Fél évre 3 ft. — Csupán Politikai Ujdonságok: Egész évre 5 ft. — Fél évre 2 ft. 50 kr.

Hirdetési díjak, a Vasárnapi Ujság és Politikai Ujdonságokat illetőleg: Egy négyszer hasábban szedett sor, vagy annak helye, egyszeri igtatásnál 10 kr., kétszeri igtatásnál vagy ötszöri igtatásnál csak 7 kr.-ért kétszeri igtatásnál. — Külső kiadóhivatalok számára hirdetményeket elfogad Bécsben: Oppelik Alajos, Wollzeile Nr. 22. és Haasenstein és Vogler, Wollzeile Nro. 9. — Bélyeg díj, a kis oldalon igtatva ötös 30 krajczár.

Herzen Sándor.

(1816—1870.)

Január 24-kén halt meg Párisban a hires orosz kivándorlott, Herzen Sándor; egyike azon férfiaknak, kik részint az átkozott forradalmak, részint a hazájokban uralkodó kormányrendszerek elleni gyűlölet folytán, kényszerü vagy önkéntes számüzetésben, idegen földön élik le életöket s találják sirjokat. Mazzini, Hugo Viktor, Heine, Kossuth s számosan alkotják e számüzöttek koszoruját, melynek egyik kitünő tagja Herzen Sándor az orosz publicista volt, ki még 1847-ben végkép leráczva saruiról hazája földének porát, azóta először Olaszországban, majd a februári forradalom lefolyta alatt a juniusi napokig Franczia orszagban élt, 1849-ben pedig Londonba tette át lakását s csak halni jött Párisba.

Herzen Sándor 1816-ban született, orosz atyától, de német anyától, Moskauban, s szellemi alkatába eredete mindkét elemét teljes mértékben fölvette. Kora ifjuságában kitüntette már jelleme mindkét oldalát, a valódi orosz szellemet erkölcseiben s nemzete és faja iránti lelkesült ragaszkodásában, és a német kitartóságot s alaposságot tanulmányaiban. Moskauban, hol tanulmányait végezte, egész ifjuságí kört gyüjtött maga körül, mely orosz szellemü, de szabad nemzeti irányu volt. A kör csakhamar felkölthette a hatóság gyanuját, mely titkos és veszélyes czélzatu politikai összeesküvést látott a lelkes fiatalokban. A tizennyolcz éves Herzen, több barátjával együtt befogatott s majd egy évi szigoru vizsgálati fogság után Szibériára itéltetett. Társai leverten hallgatták itéleteket; egyedül ő emelte föl fejét s merte kérdeni birától, hogy miert itélték el fiatalonképen? Természetes, hogy erre birói mitsem felelt. Elsőször Szibéria innenső szélen Permben helyezték el, majd belebb Viatkába vitték „Tiurma i ssika" (fogság és számüzetés) czimü könyvében érdekesen beszéli el élete e szakának szenvedéseit és sanyarait. 1838-ban, midőn a mostani czár, akkor még Sándor főherczeg arra utazott, Herzen sorsa is jobbra fordult némileg; a szibériai kormányzó Tioutajef, az ázsiai satrapák valódi példánya, megbukott s a többi közt Herzen is Vladimirbe helyeztetett át, a mi már egy neme volt az amnestiának, legalább közelebb jöhetvén a birodalom közepéhez. Végre 1839-ben teljes amnestiát kapott s Petersburgba hivatott, hogy ott Stroganof gróf oldala mellett, tehetségeihez mert s meglehetős fontosságu hivatalos állást foglaljon el. De neki nem volt kedve a nemzetét vasigában tartó orosz autokratia szolgálatába lépni, sem saint-simoni s forradalmi elveit és tanait megtagadni. Stroganof gróf azonban őszinte jó akarója volt, s fiatal védencét eltávolította a központtól s a félrebb eső Nowgorodba tétette át, az ottani tanács tagjául, hol szabad gondolkodása kevesebbé lehetett botránykő a hatalom szemeiben. Herzennek itt sem tetszett a helyzet és hivatal, s mivel e kényszerült állásról másképen nem szabadulhatott, elhatározta magában, hogy kivándorol. Atya meghalván, tetemes birtok ura lőn, s ez ürügy alatt, hogy szórakozni és tapasztalni akar, utlevelet kért külföldre. Egy év telt bele, mig megkaphatta. Végre 1847-ben búcsut mondhatott hazájának, melyet soha nem is látott vissont, de annál jobban és hőbben szeretett, gyülölve csak elnyomóit s faja ellenségeit.

HERZEN SÁNDOR

Ez időtől kezdve élete egy föladatot ismert: használni hazájának, hatni nemzetére, a távolból, a szellemi hatás azon közege által, mely előtt nincs távolság: az irodalom, a sajtó által. Londonban maga állitott orosz nyomdát, melynek kizárólagos czélja volt orosz eredeti, s franczialból, németből, angolból, olaszból forditott művek által a szabadság és felvilágosodás eszméit bevinni és terjeszteni Oroszországban. Louis Blanc, Lelewel, Mazzini müveinek forditásai, szintugy mint Gogol és Herzen eredeti dolgozatai e nyomdából kerültek ki, s elözönlték Oroszországot a rendőrség valódi ketségbeesésére, mely mindent elkövetett s mindent sikertelenül, hogy e szellemi termékekkel ügett veszélyes eszmepesztet megakadályozza.

Itt van helyén általjárólag fölemliteni Herzen [illegible] kasszájának [illegible] nagyobb [illegible]

НЕКРОЛОГ ГЕРЦЕНА В «VASÁRNAPI UJSÁG» («ВОСКРЕСНОЙ ГАЗЕТЕ»)
ОТ 6 МАРТА 1870 г. ПЕШТ

Первая страница газеты

Государственная библиотека им. Сеченьи, Будапешт

9

Ф. ПУЛЬСКОМУ

31 août ⟨1861⟩. Torquay (Devonshire). Engadina

Cher monsieur Pulszky,

J'ai été enchanté de recevoir votre lettre [1] — remarquez que les bords de la mer me sont très favorables — nous nous voyons le plus souvent — près de l'eau salée et même cette fois — je vous *remember* (dans l'absence présente de la lettre — comme pourrait dire un *gelehrter tedesco-Professor*) — à Devonshire.

Nous traînons notre petite barque — comme auparavant — et les mains nous tombent non de fatigue — mais d'étonnement. La nature a vraiment produit un chef d'œuvre en créant Alex⟨andre⟩ II — c'est le type de l'incapacité; figurez-vous le statuaire Grass [2] ou le philosophe Müller-Strübing [3] promu au grade de l'empereur de toutes les Russies et de quelques autres provinces — vous aurez une idée de notre cher et orthodoxe Alexandre. Les affaires vont leur train, et nous ne sommes pas mécontents [4]. Vous vous rappelez la vieille chanson de Béranger:

Les grands rois, les hommes de tête
Font le malheur de leur pays,
Pour être heureux, faut être bête,
Vive notre roi — etc.

Chez nous — c'est à dire dans ma famille — tout va doucement. Mon fils est en Iceland, il a été en Norvège avec Ch. Vogt — je l'habitue au Nord. Mes filles sont ici et saluent les vôtres. J'ai entendu que vous aviez un de plus, un Turinois [5] — je vous en félicite.

Pour cette année mes rêves ne vont pas jusqu'aux Apennins. J'ai été cet été à Paris! Ce n'est pas une bagatelle.

Je vous salue beaucoup de tout mon cœur et je cède la plume à mademoiselle Meysenbug — qui veut écrire à Madame Pulszky — que je prie de ne pas m'oublier.

Tout à vous Alex. Herzen [6]

Перевод:

31 августа ⟨1861 г.⟩. Torquay (Devonshire). Engadina

Дорогой господин Пульский,

Меня очень обрадовало ваше письмо [1] — заметьте, что побережье мне сильно благоприятствует: мы встречаемся чаще всего у соленой воды, и даже на этот раз я вас remember* (при присутствующем отсутствии письма — как мог бы сказать какой-нибудь gelehrter tedesco-Professor**) — в Девоншире.

Мы влачим свою маленькую барку — как прежде — и руки у нас опускаются не от усталости — а от удивления. Природа действительно произвела чудо совершенства, создав Алекс⟨андра⟩ II — это образец бездарности; представьте себе скульптора Грасса [2] или философа Мюллера-Стрюбинга [3], возведенного в сан императора всея Руси, и прочия, и прочия, — вы получите тогда представление о нашем дорогом и правоверном Александре. Дела идут своим чередом, и мы не недовольны [4]. Вы помните старую песенку Беранже:

Великие государи, люди большого ума,
Приносят несчастье своей стране,
Чтобы быть счастливым, надо быть глупым,
Да здравствует наш король — и т. д.

---

* вспоминаю (англ.).
** ученый немецкий профессор (нем. и итал.).

У нас — то есть в нашей семье — все идет помаленьку. Мой сын — в Исландии, он был в Норвегии с К. Фогтом — я приучаю его к Северу. Мои дочери здесь и шлют привет вашим. Я слышал, что у вас прибавился еще один туринец [5] — поздравляю вас.

В этом году мои мечты не простираются до Апеннин. Нынешним летом я был в Париже! Это не безделица.

Горячо приветствую вас от всего сердца и передаю перо мадемуазель Мейзенбуг — она хочет написать госпоже Пульской, которую прошу не забывать меня.

Весь ваш Алекс. Герцен [6]

[1] Это письмо Пульского неизвестно.

[2] Филипп *Грасс* — скульптор, навещавший Герцена в Лондоне и вылепивший его бюст, который Герцен считал весьма удачным. Герцен обычно отзывался о Грассе с добродушной иронией.

[3] О Г. Мюллере-Стрюбинге см. выше «Письма к Георгу и Эмме Гервегам».

[4] Герцен намекает здесь, по-видимому, на то, что политика русской правящей верхушки способствует приближению революции.

[5] У Пульских родился в это время сын, которому было дано имя Гарибальди.

[6] Далее опускается приписка М. Мейзенбуг (на немецком языке), адресованная Т. Пульской.

10

Ф. ПУЛЬСКОМУ

⟨Londres.⟩ 29 avril 1862.
Orsett house. Westbourne ter⟨race⟩

Cher monsieur Pulszky,

J'ai reçu votre lettre du 4 av⟨ril⟩[1] n'ayant pas le moindre moyen de m'informer ici, j'ai posé la question à quelques-uns de nos amis hyperboréens. On me dit qu'on n'a jamais rien entendu. A mon avis ce n'est ni une preuve, ni une négation. Au reste le but est très peu clair, pour moi — *cui bono* tout cela? [2]

Nous avons appris avec un regret sincère le malheur qui a frappé la pauvre Wilma [3]. Sa mort a beaucoup chagriné Tata.

Peut-être nous nous verrons au mois d'octobre — je pense d'aller à Nice avec Alexandre [4].

Est-ce que les nouvelles de la Russie vous arrivent? Jamais nous n'avons imaginé la possibilité d'un écroulement si complet — de ce gouvernement fort [5]. Nous attendons maintenant avec anxiété — le 26 août — jour désigné pour publier les diverses réformes [6].

Avec tout cela notre cloche d'alarme, sonnette et grelot — fait son petit chemin.

A la maison tout le monde se porte bien. M-elle Meysenbug vous salue, mes enfants vous saluent — ainsi que madame Pulszky et les enfants — j'y ajoute mes amitiés et sympathies.

Je vous recommande fortement l'étude d'un livre sur la Russie par Ogareff (en français) [7]. — Ce livre paraîtra vers le 10 mai — je vous l'enverrai par la poste.

Votre tout dévoué A. Herzen

Перевод:

⟨Лондон.⟩ 29 апреля 1862 г.
Orsett house. Westbourne ter⟨race⟩

Дорогой господин Пульский,

Я получил ваше письмо от 4 ап⟨реля⟩[1] и, не имея ни малейшей возможности навести здесь справки, я обратился к некоторым из наших гиперборейских друзей. Мне отвечают, что ничего об этом не слыхали. На мой взгляд это не является ни доказательством, ни опровержением. Впрочем, цель не очень-то ясна, как мне кажется — cui bono* все это?[2]

* к чему (итал.).

Мы с искренним прискорбием узнали о несчастье с бедной Вильмой [3]. Смерть ее очень опечалила Тату.

Быть может, мы увидимся в октябре — я думаю поехать в Ниццу с Александром [4].

Доходят ли до вас известия из России? Никогда не представляли мы себе возможности такого полного развала этого сильного правительства [5]. Мы ждем теперь с тревогой 26 августа — дня, назначенного для обнародования различных реформ [6].

Между тем наш набатный колокол, колокольчик и бубенчик продолжает свой скромный путь.

Все мои домашние чувствуют себя хорошо. М-ль Мейзенбуг вам кланяется, мои дети кланяются вам, так же как госпоже Пульской и детям, — присоединяю к этому выражение моей дружбы и симпатии.

Убедительно рекомендую вам проштудировать книгу Огарева о России (на французском языке) [7]. — Книга эта выйдет из печати к 10 мая — я отправлю ее вам по почте.

Преданный вам А. Герцен

[1] Это письмо Пульского неизвестно.
[2] Какого рода справки наводил Герцен по просьбе Пульского, не установлено.
[3] *Вильма* — дочь Л. Кошута, умершая 22 апреля 1862 г. в Италии.
[4] Эта поездка Герцена с сыном в Ниццу не осуществилась.
[5] В проекте адреса Александру II Огарев писал в это время: «Положение России с каждым днем становится затруднительнее и опаснее. Гроза растет, и между тем никто не знает, что делать и каким путем выйти из беды мирно, невредимо, с обновленными силами на устройство новой, спокойной и обильной жизни ⟨...⟩ Правительство ⟨...⟩ оказалось не в силах постановить ясные и определенные преобразования. „Положением о крестьянах", оно, не распутав окончательно старого узла, навязало к нему так много новых петлей, что если теперь не поспешить распутать их общими народными силами, узел в скором времени затянется до того, что его разве мечом или топором перерубишь, а не развяжешь работою мирных рук» (XI, 481—482).
[6] Имеется в виду праздник тысячелетия России. Ожидания, возлагавшиеся обществом на этот день, были жестоко обмануты.
[7] Речь идет о брошюре Огарева «Essai sur la situation russe» («Очерк о положении в России»), Лондон, 1862. См. о ней «в Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 892—894

11

Д. ТАНАРКИ

⟨Florence.⟩ 20 nov⟨embre⟩ 1863
Hôt⟨el⟩ americain. V⟨ia⟩ Vigna nuova

Cher monsieur Tanarki,

Quelle horrible nouvelle vous nous donnez [1], moi je serais immédiatement accouru chez vous, mais je connais par moi-même qu'il n'y a que le repos et le silence — qui calment la douleur.

Nous partons dimanche matin [2] — pressez la main de madame Pulszky et de monsieur Pulszky — j'ai eu des pertes terribles dans ma vie, j'en connais donc le prix.

Je vous salue de tout mon cœur.

Alex. Herzen

Перевод:

⟨Флоренция.⟩ 20 нояб⟨ря⟩ 1863 г.
Hôt⟨el⟩ americain. V⟨ia⟩ Vigna nuova

Дорогой господин Танарки,

Какую ужасную новость сообщаете вы нам[1], я тотчас поспешил бы к вам, но по себе знаю, что только покой и безмолвие успокаивают горе.

Мы уезжаем в воскресенье утром[2] — пожмите руку госпоже Пульской и господину Пульскому — у меня в жизни были страшные потери, и я-то знаю, чего они стоят.

Приветствую вас от всего сердца.

Алекс. Герцен

[1] Известие о смерти от тифа сына Пульских — Дюлу.
[2] 22 ноября Герцен уехал с семьей в Ливорно.

ПИСЬМА К РАЗНЫМ КОРРЕСПОНДЕНТАМ

(1849—1869)

АГОСТИНО БЕРТАНИ, ДЖУЗЕППЕ ГАРИБАЛЬДИ, ДЖУЗЕППЕ ГВЕРЦОНИ, ЭДУАРДУ ДАНТЮ, ОТТО КОРВИНУ, МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО ПИНТО, ФИЛИППУ ФОРУ, ШАРЛЮ-ЭДМОНУ ХОЕЦКОМУ и РЕДАКТОРУ «OPINION NATIONALE»*

Публикация Л. Р. Ланского

Собранные в настоящей публикации разрозненные письма Герцена к различным иностранным корреспондентам печатаются как по фотокопиям с автографов, хранящихся в зарубежных архивохранилищах (Лондон, Рим, Милан), так и по прижизненным публикациям, остававшимся до последнего времени неизвестными издателям сочинений Герцена.

Почти все публикуемые ниже письма адресованы видным деятелям революционно-демократического лагеря, участникам революции 1848 года, с которыми Герцена связывали долговременные и прочные связи: польскому революционному эмигранту Шарлю-Эдмону *Хоецкому*, французскому революционному эмигранту Филиппу *Фору*, видным деятелям итальянского национально-освободительного движения Джузеппе *Гарибальди*, Агостино *Бертани*, Джузеппе *Гверцони*, Микель-Анджело *Пинто* и немецкому литератору, участнику Баденского восстания, политическому эмигранту Отто *Корвину*. Помимо этих писем, в публикацию включены: открытые письма Герцена редактору парижской либеральной газеты «Opinion Nationale», в которых он ознакомил европейское общественное мнение с угрозой русского правительства похитить или убить его, а также письмо к французскому издателю Эдуарду *Дантю* с предложением напечатать французский перевод «Былого и дум» и других его сочинений.

Публикуемые ниже документы являются лишь частью переписки Герцена с теми же корреспондентами: к каждому из них он обращался и с другими письмами, местонахождение которых, в большинстве случаев, до настоящего времени остается неизвестным. Ни одно из писем Герцена к Пинто, Фору, Корвину, Гверцони, Бертани и Дантю до сих пор в печати не появлялось.

Все печатаемые нами письма относятся к последним двадцати годам жизни Герцена.

I

ШАРЛЮ-ЭДМОНУ ХОЕЦКОМУ

Публикуемое ниже письмо, адресованное Шарлю-Эдмону *Хоецкому* (1822—1899), сохранилось среди бумаг Г. Гервега, жена которого должна была передать его адресату. Шарль-Эдмон был в это время деятельным сотрудником газеты «Voix du Peuple», основанной Прудоном при содействии Герцена. По контракту, заключенному с Прудоном, Герцен должен был возглавлять иностранный отдел газеты, которой, как он

* Письма Ш.-Э. Хоецкому, Ф. Фору, О. Корвину, редактору «Opinion Nationale» и Э. Дантю переведены на русский язык автором публикации, Л. Р. Ланским. Письма к М.-А. Пинто, Д. Гарибальди, Д. Гверцони и А. Бертани — М. В. Вахлеровой.

надеялся, предстояло стать ведущим органом европейской революционной демократии. Вынужденное пребывание за пределами Франции помешало Герцену в первый период издания газеты непосредственно руководить иностранным отделом, и, несмотря на принятые Герценом меры к привлечению виднейших заграничных корреспондентов, отдел этот занимал в «Voix du Peuple» совсем незаметное место. Вдобавок, редакция, предоставлявшая свои страницы бесконечным стенограммам прений в Национальном собрании, сплошь и рядом отвергала интересные корреспонденции, которые присылались заграничными революционерами. Материалы, печатавшиеся в газете, зачастую бывали серы и невыразительны. Герцен был глубоко разочарован тем, что «Voix du Peuple» находится во власти рутины, и с огорчением констатировал, что обращение к нему за помощью со стороны Прудона и его помощников было вызвано исключительно материальными соображениями, и не переставал подчеркивать это обстоятельство в письмах к своим корреспондентам.

Подробности об отношениях Герцена к «Voix du Peuple» см. в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 490—500, 522—540, и выше, в публикации писем Герцена к Георгу и Эмме Гервегам.

Письмо печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Отделе рукописей Британского музея (Лондон).

Ce 20 oct⟨obre⟩ 1849. Genève

Cher Edmond, je n'ai rien compris dans la lettre que vous m'aviez adressée [1], il y a beaucoup de causes à cela. Vous ne parlez derechef que du côté financier de l'affaire — mais pourquoi donc vous avez quitté la rédaction de l'étranger? — je ne le comprends pas; ce que je sais c'est que l'effet produit en Allemagne et en Suisse a été tout-à-fait défa⟨vo⟩rable. Il ne faut pas outrepasser les mesures de la prudence — mais il faut avoir une théorie plus large, et elle doit percer partout. Mais chez vous c'est la manière française; en vérité, est-ce que vous pensez que la rumination de l'Assemblée intéresse plus que des articles sur l'étranger? [2] Et pourquoi donc vous ne me donnez pas d'adresse pour les correspondants? — J'attends encore une lettre et plus explicite. A présent des prières.

1° Faites tout de suite imprimer le prospectus ou une partie avec un petit compliment [3].

2° M-me Herwegh a probablement reçu la première partie de mon article sur la Russie [4], je serais vraiment enchanté de le voir dans le feuilleton. Avez-vous quelqu'un pour traduire? — Si on peut, il faudrait tout bonnement traduire sans rien changer (ce sont 2 feuilles) — et dire que c'est la préface d'un ouvrage imprimé en Suisse par un Russe sous le titre *Vom andern Ufer*.

3° *N'oubliez pas*, il faut tout de suite expédier: 1° tous les №№ *à Berlin — à m-r le Dr Siegmund* (Gustave), Breite Straße, 1 et *à Genève — à m-r Galeer*, réd⟨acteur⟩ de l'*Alliance des Peuples*.

4° Donnez-vous la peine de remettre en passant la petite lettre [5].

Перевод:

20 окт⟨ября⟩ 1849 г. Женева

Дорогой Эдмон, я ровно ничего не понял из присланного вами письма [1], и для этого есть много оснований. Вы снова касаетесь одной лишь финансовой стороны дела — но отчего же вы покинули иностранную редакцию? — я не понимаю этого; я знаю только одно — что впечатление, произведенное в Германии и Швейцарии, было очень неблагоприятным. Не следует пренебрегать мерами предосторожности — однако надобно обладать более широкой теорией, и она должна проявляться во всем. У вас же французская манера; и в самом деле, неужели вы думаете, что жвачка Собра-

ния вызывает больший интерес, чем статьи об иностранных делах?[2] И почему вы не сообщаете мне адрес для корреспондентов? — Я жду от вас еще одного, и более ясного письма. А теперь просьбы:

1. Тотчас прикажите напечатать весь проспект или часть его с маленьким обращением к читателям[3].

2. Г-жа Гервег, вероятно, получила первую часть моей статьи о России[4], я буду искренне рад увидеть ее в отделе фельетонов. Есть ли у вас кто-нибудь для ее перевода? — Если возможно, ее надобно просто перевести, ничего не меняя (она составляет 2 листа) — и сказать, что это предисловие к сочинению, напечатанному одним русским в Швейцарии, под названием «Vom andern Ufer».

3. *Не забудьте*, надобно тотчас же отправить, во-первых, все номера *в Берлин — г-ну доктору Зигмунту* (Густаву), Брейтештрассе, № 1, и *в Женеву — г-ну Галеру*, ред⟨актору⟩ «L'Alliance des Peuples».

4. Потрудитесь передать мимоходом прилагаемое письмецо[5].

[1] Это письмо Хоецкого к Герцену неизвестно.
[2] См. об этом выше, в письме Герцена к Эмме Гервег от октября 1849 г.
[3] О каком проспекте идет речь — не установлено.
[4] Статья Герцена «La Russie», напечатанная в «Прибавлениях» к «Voix du Peuple», №№ 50, 57, 71 от 19 и 26 ноября и 10 декабря 1849 (см. изд. АН, т. VI, стр. 150—223). Она появилась под рубрикой «Всеобщая политика. Солидарность народов» и с пометой «Письмо второе» («Первое письмо», напечатанное в № 43 «Voix du Peuple» от 12 ноября 1849 г., принадлежало Шарлю-Эдмону Хоецкому). В своем «Первом письме» Хоецкий сообщал читателю о предстоящей публикации на страницах «Voix du Peuple» труда о России знаменитого русского писателя, не называя имени Герцена. Кем была переведена статья Герцена на французский язык — не установлено. Многочисленные упоминания о ней см. выше, в письмах Герцена к Эмме Гервег за этот период.
[5] Вероятно, речь идет о письме к какому-нибудь сотруднику «Voix du Peuple»

II

МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО ПИНТО

Начало знакомства Герцена с итальянским журналистом, историком и литературоведом Микель-Анджело *Пинто* относится ко времени первой поездки Герцена в Италию в 1847—1848 гг. Пинто редактировал в это время ряд итальянских периодических изданий, в том числе «Italico» и «Ероса». Об идейном влиянии Герцена на Пинто свидетельствуют следующие строки из письма Герцена к московским друзьям: «В Риме я дружески сошелся с редакцией „Эпохи“⟨...⟩ Я способствовал — да, не смейтесь — придать „Эпохе“ республиканский колорит» («А. И. Герцен. Новые материалы». М., 1927, стр. 56). Вскоре после провозглашения республики в Риме в 1848 г. Пинто был направлен в качестве дипломатического представителя римского революционного правительства в Швейцарскую конфедерацию, а затем исполнял ту же должность при пьемонтском правительстве в Турине, где продолжал оставаться и после падения революционного Рима.

Летом 1850 г. Герцен снова встретился с Пинто—на этот раз в Ницце, тогда еще входившей в состав Сардинского королевства. Возвращаясь в Турин, Пинто предложил Герцену написать ему в случае, если потребуется его помощь. Этим предложением Герцену вскоре же пришлось воспользоваться.

20 сентября 1850 г. к Герцену неожиданно явился русский консул и прочел ему категорический приказ Николая I — безотлагательно возвратиться в Россию. Герцен отказался подчиниться царскому повелению и тем самым официально объявил себя политическим эмигрантом. В «Былом и думах» подробно описан этот визит русского консула, «какой-то официальной, германски-канцелярской фигуры *второго* порядка» (изд. АН, т. X, стр. 156). В своем донесении, отправленном в министерство иностранных дел, консул сообщил, что Герцен «обещал представить, по прошествии двух дней, письменный отзыв по сему предмету», которого он и ожидает. 23 сентября консул дополнительно известил министерство, что Герцен снова явился в русское

консульство и оставил письменное заявление о невозможности возвратиться на родину (см. V, 145—146). Опасаясь закулисных интриг русской дипломатии и ее бесцеремонного нажима на пьемонтское правительство, Герцен решил обратиться за советом и информацией к Пинто, хорошо осведомленному в дипломатических и правовых вопросах и, вдобавок, обладавшему влиятельными связями в столице пьемонтского королевства. В тот же день, 23 сентября, Герценом было написано первое из публикуемых писем.

В ответном (не дошедшем до нас) письме Пинто высказал предположение, что высылка Герцена из Пьемонта маловероятна.

4 октября 1850 г. Герцен снова обратился к Пинто со вторым из публикуемых ниже писем, прося его узнать, насколько для него безопасно пребывание в Пьемонте и нет ли возможности натурализоваться там и быть уверенным, что его «не принесут в жертву дипломатической вежливости по отношению к петербургскому двору».

«...Чем хуже идут дела,— писал в этом письме Герцен,— тем сильнее стремишься обрести тихую пристань, где можно было бы после кораблекрушения окончить свои дни или, по крайней мере, дождаться, когда мистраль и трамонтан сменятся более мягким ветром».

Ответ Пинто на это письмо Герцена также неизвестен. По-видимому, туринский корреспондент рассеял иллюзии Герцена о возможности натурализации в Пьемонте. Прошло более полугода. За это время Герцену удалось добиться швейцарского гражданства. Накануне своего отъезда из Ниццы в первых числах июня 1851 г., он внезапно получил приказ от пьемонтского министра внутренних дел немедленно выехать из сардинских владений. Эта высылка явилась прямым результатом дипломатических интриг русских правительственных агентов, а также министра юстиции, графа В. Н. Панина, отдыхавшего в это время в Ницце и не желавшего находиться под одним небом с «политическим преступником» Герценом.

Сношения с Пинто Герцен продолжал поддерживать и в дальнейшем. В 1854 г. Пинто обратился к Герцену с просьбой присылать ему для помещения в итальянских изданиях свои статьи о России (см. VIII, 81). Пинто был проникнут восторженным чувством по отношению к родине Герцена. Его страстное увлечение далекой северной страной удивляло самого Герцена. «Он очень хороший человек,— писал Герцен о Пинто,—но откуда у него геймвег* по России?» (VIII, 355). По просьбе Пинто, принявшего твердое решение переселиться в Россию, Герцен рекомендовал его своему приятелю Н. А. Мельгунову, находившемуся в это время в Париже и поддерживавшему многочисленные связи с влиятельными русскими людьми. «Жду твоего Pinto,— писал Мельгунов Герцену 9 октября 1856 г.,— и готов для него сделать все, что могу. Но зачем он едет? Не подымать Россию против папы? Смотри, как бы он какой-нибудь неосторожностью не компрометировал меня и моих приятелей» («Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 324—325). Пинто переехал в Петербург в конце того же 1856 г. В течение многих лет он читал в Петербургском университете курс истории итальянской литературы и выступал с публичными лекциями. Некоторые из его трудов были напечатаны им на русском языке и пользовались известностью. В 1870-х годах Пинто возвратился в Италию.

Письма печатаются по присланным проф. Ettore Lo Gatto (Италия) фотокопиям, хранящимся в Museo centrale del Risorgimento (Рим).

1

Le 23 septembre ⟨1850⟩. Nice

Il n'y a pas longtemps que vous avez, cher monsieur Pinto, quitté Nice en me donnant la permission de vous écrire en cas de besoin — et je frappe déjà à votre porte. Vous pouvez vraiment m'obliger en prenant des renseignements sur ma position en Piémont. Pour cela il faut vous dire ce qui s'est passé.

* тоска по родине (от нем. Heimweh).

Il y a quatre jours de cela, m-r le consul de la Russie est venu chez moi et m'a transmis l'ordre impérial de retourner immédiatement. J'ai refusé. C'est plus que probable qu'à présent Nesselrode insistera sur mon éloignement du Piémont (je ne crois pas qu'il ose aller jusqu'à demander l'extradition d'un homme qui n'est coupable que d'un crime géographique, qui ne veut pas vivre sous le 59 degré de lat⟨itude⟩ boréale). C'est pour cela qu'il m'est absolument nécessaire de savoir si je puis rester tranquille après une note de la Russie. Mais ne voulant par m'afficher avant que cela soit nécessaire, j'ai inventé un autre moyen. Je désire acheter une propriété à Nice ou dans les environs, j'ai placé une partie de mon bien dans les fonds sardes, mais avant de m'établir je veux un permis de séjour ou une garantie quelconque contre les éventualités d'une expulsion. Quelles sont les lois sous ce rapport? — Ne dois-je pas exposer l'affaire au ministre de l'Intérieur? Enfin, que me conseillez-vous, cher monsieur Pinto? Si on me garantit ma position, je transporterai toute ma fortune en Piémont. Sinon, je me proposerai d'aller à Londres — qui me dégoûte, ou en Suisse que je déteste, ou en Amérique — qui m'ennuie.

La note dont je parle ne peut venir avant un mois (j'expédie ma réponse écrite aujourd'hui). Auriez-vous assez d'amitié pour charger quelqu'un de savoir le contenu?

Peut-être même le gouvernement russe s'abstiendra, car les relations diplomatiques ne sont pas tout à fait rétablies.

En tous cas j'attendrai une réponse, écrivez-moi, poste restante ou maison Sue, et ne vous fâchez pas que je prenne au sérieux les offres obligeantes de mes amis.

Ma femme vous salue.

Tout à vous
A. Herzen

P. S. Je voudrais prévenir la note,— c'est pour cela que j'écris à présent.

Перевод:

23 сентября ⟨1850 г.⟩. Ницца

Еще совсем недавно, дорогой господин Пинто, уезжая из Ниццы, вы разрешили мне написать вам в случае нужды,—и вот я уже стучусь к вам в дверь. Вы окажете мне истинную услугу, если наведете справки о моем положении в Пьемонте. Для этого надо вам рассказать, что произошло.

Четыре дня тому назад меня посетил русский консул и передал мне высочайшее повеление немедленно вернуться на родину. Я отказался. Более чем вероятно, что теперь Нессельроде будет настаивать на моей высылке из Пьемонта (не думаю, чтобы он пошел еще дальше и осмелился потребовать выдачи человека, который виновен лишь в географическом преступлении, то есть просто не желает жить под 59-м градусом северной шир⟨оты⟩). Вот почему мне совершенно необходимо узнать, могу ли я спокойно оставаться здесь после ноты русского правительства. Однако, не желая привлекать к себе внимания раньше, чем это будет необходимо, я придумал другой способ. Я хочу приобрести земельное владение в Ницце или в ее окрестностях; часть моего капитала помещена в сардинские процентные бумаги, но прежде чем обосноваться, мне нужно получить разрешение на жительство или какую-либо гарантию против возможной высылки. Какие существуют законы на этот счет?— Не следует ли мне изложить свое дело министру внутренних дел? Одним словом,что вы мне посоветуете, дорогой господин Пинто? Если мне гарантируют спокойствие, я переведу все свое состояние в Пьемонт. Если нет, мне придется переехать в Лондон, который мне претит, или в Швейцарию, которую я терпеть не могу, или в Америку, которая наводит на меня скуку.

Упомянутая нота может придти не раньше, чем через месяц (я послал письменный ответ сегодня). Не окажете ли вы мне дружескую услугу, поручив кому-нибудь разузнать содержание ноты?

Может быть, русское правительство даже воздержится от этого шага, ибо дипломатические отношения еще не вполне восстановлены.

Во всяком случае, я буду ждать ответа; пишите мне до востребования или на дом Сю и не гневайтесь, что я принимаю всерьез любезные предложения моих друзей.

Моя жена вам кланяется.

Весь ваш

А. Герцен

P. S. Мне хотелось бы принять меры до получения ноты,— поэтому я и пишу вам теперь.

2

Le 4 octobre 1850. Nice

Mille et mille remerciements, cher monsieur Pinto, pour votre bonne lettre. Si vous pensez que l'expulsion est peu probable, faut-il alors écrire au ministre ou non? N'est-ce pas mieux d'attendre encore une réponse (car il est de toute nécessité que le gouvernement russe m'écrive quelque chose après mon refus donné par écrit).

Je crains qu'en m'affichant trop précipitamment je tournerai l'attention de la police, et qu'alors on demandera à Paris ou à l'ambassade — et quoique ni la préfecture, ni notre ambassade ne puissent rien dire, mais les cancans des mouchards sont pires que le caquetage des vieilles femmes.

Si on pouvait demander tout particulièrement le ministre ce qu'on fera avec un Russe en cas que son gouvernement voulût demander son expulsion. Cela serait peut-être mieux. Pourtant je vous donnerai tous les détails de ma position. J'ai quitté la Russie en 1847. Lorsque le gouvernement Russe a vu que j'ai fait passer le capital que j'avais en Russie à Paris, il a mis le séquestre sur mes biens (sur une possession seigneuriale à Kostroma); il a intercepté une partie de mon argent — ensuite il a fait une sommation à moi, j'ai refusé de rentrer. Je désire me fixer, moi et ma famille — c'est à dire ma femme et trois enfants — en Piémont, à Nice ou près de Nice, j'ai acheté une rente de 9000 fr⟨ancs⟩ (c'est à dire pour une somme de 150 000 du 5⟨!⟩%) de Piémont par Rotschild et Avigdor.

J'ai en ma disposition un capital de 200 000 outre la rente sarde, que je pourrais employer à l'achat d'une grande propriété (tous les titres sont chez moi. La maison Avigdor en a connaissance, de même que d'autres capitaux aussi que j'ai placé en Amérique — à New-York, Ohio, Virginie), tout cela donne certaines garanties pour le gouvernement. Je suis propriétaire d'une maison à Paris. Jamais l'idée n'a passé par ma tête de m'occuper de politique en Piémont. Je désire avoir un point fixe (me naturaliser si cela était facile à faire) pour ma famille; je désire avoir la certitude que sans une *provocation* de ma part je ne serai pas victimé à la politesse diplomatique envers la cour de Pétersbourg.

Si vous pensez que c'est utile d'en parler de ces détails à m-r le ministre, vous m'obligerez infiniment, je vous autorise d'en agir comme vous le trouverez bien et je serai en tous cas reconnaissant à l'impossible.

Au reste, si vous le conseillez encore, je suis prêt à vous envoyer une lettre pour le ministre et exposer avec encore plus de clarté mes désirs; la réponse ne peut venir que vers la fin du mois d'octobre et comme il n'y a pas d'ambassadeur russe, elle viendra à Nice chez le consul.

Vous aurez besoin de toute votre condescendance et de toute votre bienveillante amitié pour me pardonner de vous inquiéter de cette manière; mais je vous assure, que plus les choses vont mal, plus on a le besoin d'avoir un petit port pour finir ses jours après le naufrage, au moins pour attendre que le mistral et la tramontane cèdent au vent plus humain.

Vous m'obligerez infiniment en me donnant un petit mot de réponse; dois-je envoyer avant la note de Nesselrode (si note il y a?) — un mémoire ou est-ce qu'on peut demander l'opinion du min⟨istre⟩ d'après les renseignements donnés. Je ferai aveuglément ce que vous me conseillerez.

Tout à vous
Al. Herzen

Ma femme vous salue bien amicalement.
Jusqu'à présent nous sommes très bien à Nice.

Перевод:

4 октября 1850 г. Ницца

Тысячу раз благодарю, дорогой господин Пинто, за ваше милое письмо. Если вы полагаете, что высылка маловероятна, то стоит ли писать министру или нет? Не лучше ли подождать ответа (ибо русское правительство непременно должно что-нибудь написать в ответ на мой письменный отказ)?

Боюсь, что, выступив слишком рано, я привлеку внимание полиции, и что тогда обо мне запросят в Париже или в посольстве, и хотя ни префектура, ни наше посольство ничего не могут сказать, однако сплетни шпиков еще хуже, чем болтовня старух.

Нельзя ли частным образом спросить у министра, как поступят с русским подданным, в случае, если его правительство потребует его изгнания? Это, может быть, будет лучше. Впрочем, опишу вам свое положение во всех подробностях. Я покинул Россию в 1847 г., после чего русское правительство, узнав, что я перевел капиталы из России в Париж, наложило секвестр на мое имущество (родовое поместье в Костроме); власти перехватили часть моих денег, затем потребовали моего возвращения, но я отказался вернуться. Я хочу обосноваться вместе с семьей, то есть с женою и тремя детьми, в Пьемонте, в Ницце или около Ниццы; я приобрел в Пьемонте через Ротшильда и Авигдора ренту в 9000 фр⟨анков⟩ (то есть 5⟨!⟩% от суммы в 150 000).

Я располагаю капиталом в 200 000, помимо сардинской ренты, и мог бы употребить его на покупку крупного земельного владения (все ценные бумаги при мне; банкирский дом Авигдора осведомлен об этом, так же как о прочих суммах, помещенных мною в Америке — в Нью-Йорке, Огайо, Виргинии), все это представляет известные гарантии для правительства. Кроме того, я владелец дома в Париже. Мне никогда и в голову не приходило заниматься политикой в Пьемонте. Я хочу иметь постоянное местопребывание для своей семьи (натурализоваться, если это нетрудно сделать); хочу быть уверенным, что без какой-либо *провокации* с моей стороны, меня не принесут в жертву дипломатической вежливости по отношению к петербургскому двору.

Если вы сочтете полезным сообщить эти подробности господину министру, вы меня бесконечно обяжете; предоставляю вам действовать, как вы найдете нужным, и во всяком случае, даже при неудаче, буду вам благодарен.

Впрочем, если вы посоветуете, я готов переслать вам письмо к министру и изложить свои пожелания с еще большей ясностью; ответ может придти не раньше конца октября, и так как здесь нет русского посольства, он будет передан консулу в Ниццу.

Вам потребуется вся ваша снисходительность и доброжелательная дружба, чтобы простить беспокойство, которое я вам причиняю; но уверяю вас, что чем хуже идут дела, тем сильнее стремишься обрести тихую пристань, где можно было бы после кораблекрушения окончить свои дни или, по крайней мере, дождаться, когда мистраль и трамонтан сменятся более мягким ветром.

Вы меня бесконечно обяжете, черкнув мне несколько слов в ответ,— должен ли я послать письмо до ноты Нессельроде (если таковая нота будет), или можно просто узнать мнение мин⟨истра⟩ на основании данных мною разъяснений. Я слепо исполню все, что вы мне посоветуете.

Весь ваш
Ал. Герцен

Моя жена дружески вас приветствует.
До сих пор нам в Ницце очень хорошо.

III

ФИЛИППУ ФОРУ

Публикуемая ниже записка Герцена, адресованная французскому журналисту, участнику революции 1848 г., эмигранту Филиппу *Фору* (Faure), сотрудничавшему в газетах «Voix du Peuple» и «L'Homme», напечатана еще при жизни Герцена, в 1859 г., в малоизвестной книжке, представляющей собой библиографическую редкость: *Journal d'un combattant de Février*, par Philippe Faure. Précédé d'un fragment sur l'auteur par Pierre Leroux, et des discours prononcés sur la tombe de Philippe Faure, suivi de notes historiques et de témoignages de la main de Lamennais, de madame Adèle Victor Hugo, de Victor Hugo, de Louis Blanc, de Kossuth, de Ledru-Rollin, de Saffi, de Herzen, de Berjeau, de Greppo, de Bru, de J. Harney, d'Alphonse Bianchi, d'Alfred Talandier et d'autres amis de Philippe Faure. Publié à Jersey par Auguste Desmoulins. Jersey, C. le Feuvre, imprimeur-libraire, Beresford Street, 1859, page 228*.

В переписке Герцена мы встретили только два упоминания о Форе. 18 ноября 1853 г. Герцен сообщил М. К. Рейхель о том, что Фор послал в парижскую «La Presse» «одну штучку хорошую» (по-видимому статью о книге Герцена «Du développement des idées révolutionnaires en Russie» — «О развитии революционных идей в России») и выражал сомнение в том, напечатают ли ее. М. К. Лемке без всякого основания, и безусловно ошибочно, указал в своем примечании к этому письму, что упоминаемый Фор — это «Паскаль-Жозеф, либеральный адвокат, в революцию 1848 г. поддерживал Кавеньяка и затем Наполеона III» (VII, 394). Между тем, совершенно ясно, что речь шла здесь о революционном эмигранте Филиппе Форе, с которым, насколько можно судить по тону печатаемой записки, Герцен был на короткой ноге.

Второе упоминание о Форе встречается в письме Герцена к Л. Пианчиани от 25 мая 1854 г. (см. выше в настоящем томе). Публикуемая ниже записка, по-видимому, связана с выходом в свет второго издания «Du développement des idées révolutionnaires en Russie», выпущенного в это время в Лондоне Центральным комитетом польского демократического общества. Надо думать, что Герцен послал Фору рукопись или корректуру незадолго до того написанного предисловия ко 2-му изданию этой книги — оно датировано 1 августа 1853 г. (ср. VIII, 325).

Записка печатается по тексту названной выше книги, сообщенному г. L. Bernstein (Франция). Местонахождение автографа неизвестно.

⟨Лондон. 11 сентября 1853 г.⟩

Considérant votre permission,
Considérant l'urgence,
Considérant la nécessité,
Considérant le brouillard,
je vous envoie la feuille avec la prière de jeter un coup d'œil sur les fautes (quoique ce soit très peu chrétien) avant 10 heures du matin; j'enverrai la chercher.

Tout à vous A. H.

Dimanche, 11 sept⟨embre⟩ 1853.

Перевод:

⟨Лондон. 11 сентября 1853 г.⟩

Принимая во внимание ваше разрешение,
Принимая во внимание срочность,

---

* «Дневник участника Февральской революции» Филиппа Фора. С отрывком статьи об авторе Пьера Леру и речами, произнесенными на могиле Филиппа Фора, с приложением исторических заметок и собственноручных свидетельств Ламенне, госпожи Адели Виктор Гюго, Виктора Гюго, Луи Блана, Кошута, Ледрю-Роллена, Саффи, Герцена, Бержо, Греппо, Брю, Ж. Гарнея, Альфонса Бианки, Альфреда Таландье и других друзей Филиппа Фора. Издано в Джерси Огюстом Демуленом. Джерси, К. Лефевр, книготорговец-издатель. Beresford Street, 1859, стр. 228.

Принимая во внимание необходимость,

Принимая во внимание туман,

я посылаю вам до 10 часов утра этот листок с просьбой взглянуть на ошибки (хоть это и не совсем по-христиански); я за ним пришлю.

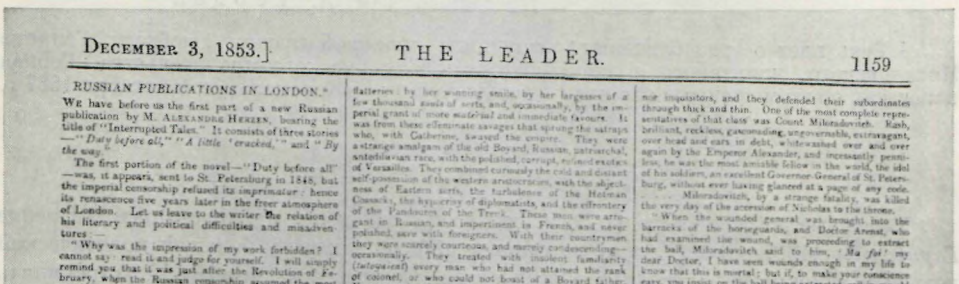
Весь ваш А. Г.

Воскресенье, 11 сент⟨ября⟩ 1853 г.

IV

ОТТО КОРВИНУ

Литератор Отто-Юлий Бернгард Корвин-Вержбицкий (1812—1886) — видный участник германской революции 1848—1849 гг., автор мемуаров «Erinnerungen aus meinem Leben» («Воспоминания о моей жизни», 1861). После пятилетнего одиночного заключения в крепости, в 1855 г. он эмигрировал в Лондон, где встречался с Герценом (см. X, 430).



DECEMBER 3, 1853.] THE LEADER. 1159

RUSSIAN PUBLICATIONS IN LONDON.

We have before us the first part of a new Russian publication by M. ALEXANDRE HERZEN, bearing the title of "Interrupted Tales." It consists of three stories —"*Duty before all*," "*A little 'cracked*,'" and "*By the way*."

The first portion of the novel—"Duty before all" —was, it appears, sent to St. Petersburg in 1848, but the imperial censorship refused its *imprimatur*: hence its renascence five years later in the freer atmosphere of London. Let us leave to the writer the relation of his literary and political difficulties and mischances —

"Why was the impression of my work forbidden? I cannot say: read it and judge for yourself. I will simply remind you that it was just after the Revolution of February, when the Russian censorship assumed the most exorbitant proportions. Besides the ordinary civil censorship, the Emperor had organized another extraordinary and military, composed of generals-in-chief, generals of cavalry, generals of artillery, aides-de-camp of S.M., officers of the suite of S.M., officers of the gendarmerie, a prince of Tartar origin, two orthodox Greek monks—all under the presidency of the Minister of Marine. This naval and military censorship control not only the books themselves, but books, civil censors, authors, editors, publishers, and printers, all in a heap.

"Guided by the military regulations of Peter the First, and the Byzantine *nomos* now, this censorship *de siege* took upon itself to forbid the printing of any work of mine on any subject; it would not even permit me to publish an eulogium on the secret police, and on barefaced absolutism, or a private and confidential correspondence on the advantages of serfdom, on corporal punishment, and, above all, on the Russian [illegible]

flatterer by her winning smile, by her largesses of a few thousand souls of serfs, and, occasionally, by the imperial grant of more *material* and immediate favours. It was from these effeminate savages that sprung the satraps who, with Catherine, swayed the empire. They were a strange amalgam of the old Boyard, Russian, patriarchal, autochthonous race, with the polished, corrupt, refined exotics of Versailles. They combined curiously the cold and distant self-possession of the western aristocracies, with the objectness of Eastern serfs, the turbulence of the Hetman Cossacks, the hypocrisy of diplomatists, and the effrontery of the Pandoures of the Treck. These men were arrogant in Russian, and impertinent in French, and never polished, save with foreigners. With their countrymen they were scarcely courteous, and merely condescending—occasionally. They treated with insolent familiarity (*infoquient*) every man who had not attained the rank of colonel, or who could not boast of a Boyard father. Narrow and inflated, however, as these creatures were, they preserved a certain air of dignity, and loved sincerely 'the Mother Empress,' and '*La Sainte Russie*.'

"Catherine coaxed them, and listened with gracious indulgence to their counsels—which she never followed.

"The heavy and overpowering epoch of these old seigneurs, begrimed with gunpowder and snuff, of these senators and chevaliers of the orders of St. André and St. Wladimir of the first class; of those men who leaned on long sticks with golden knobs, and were attended by servants in hussar uniform—that generation of men, who always raised their voice in speaking, and always spoke through their noses, was brushed away by the Emperor Paul; who, within twenty-four hours after the death of his mother, transformed that male seraglio—that splendid and luxurious Aphrodisiac Temple—the *Palais d'Hiver*, into a guard-house, a State prison, a house of correction, a police station, a [illegible]

mic inquisitors, and they defended their subordinates through thick and thin. One of the most complete representatives of that class was Count Mikradovitch. Rash, brilliant, reckless, gaucoming, unpovernable, extravagant, over head and ears in debt, whirlwinded over and over again by the Emperor Alexander, and incessantly penitent, he was the most amiable fellow in the world, the idol of his soldiers, an excellent Governor-General of St. Petersburg, without ever having glanced at a page of any code.

. . . . . Mikradovitch, by a strange fatality, was killed the very day of the accession of Nicholas to the throne.

"When the wounded general was brought into the barracks of the horseguards, and Doctor Arenat, who had examined the wound, was proceeding to extract the ball, Mikradovitch said to him, '*Ma foi!* my dear Doctor, I have seen wounds enough in my life to know that this is mortal; but if, to make your conscience easy, you insist on the ball being extracted, call in my old surgeon, he was so attached to me; he would be hurt, *ma foi!* if any other hand were to perform the operation.' So they fetched the old surgeon, who sobbed as he drew out the ball. After the operation, his aide-de-camp asked the General whether he desired to make any testamentary arrangements. Mikradovitch sent for a notary. When the notary arrived he had no instructions to give him. He thought, and thought, and at last said: '*Mais ma foi*, it is very difficult to say—well, you must know surely what ought to be done; do all—in order—as the law directs.' 'Has M. le Comte no private instructions to give me?' 'Ah! yes, I have one; write as I dictate. There was a young man, son of one of my old comrades, a fine young fellow, but headstrong. I saw him among the insurgents; write, then, my dying request to his Majesty to pardon that young man—that is all I have to say.' Two hours after the General died—*felix opportunitate mortis*.

ВЫРЕЗКА ИЗ АНГЛИЙСКОЙ ГАЗЕТЫ «THE LEADER» ОТ 3 ДЕКАБРЯ 1853 г. СО СТАТЬЕЙ «РУССКИЕ ИЗДАНИЯ В ЛОНДОНЕ», ПОСВЯЩЕННОЙ ВЫХОДУ В СВЕТ «ПРЕРВАННЫХ РАССКАЗОВ»

Сохранилась в бумагах Герцена

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Публикуемое письмо Герцена, вызванное появлением в печати какой-то статьи Корвина, является единственным, насколько нам известно, сохранившимся письмом его к этому корреспонденту.

Летом 1857 г. прусские власти, под нажимом русского правительства, обеспокоенного растущим распространением герценовских изданий, опубликовали приказ о запрещении продажи «Колокола» на всей территории Пруссии. 23 июля 1857 г. Герцен сообщал по этому поводу М. Мейзенбуг: «В Берлине на почте и во всех магазинах официально наложен арест на „Колокол"; полиция также отдала приказ, чтобы мои книги не выставлялись в окнах» (VIII, 557). Об этих репрессиях прусских властей и сообщает Герцен в своем письме к Корвину.

Печатается по фотокопии, хранящейся в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ф. 427, № 3107, л. 1). Местонахождение автографа неизвестно.

27 October 1857. Putney

Lieber Herr Corvin,

Ich bin recht herzlich dankbar für den Artikel; ich habe ⟨ihn⟩ früher gewußt, dessen ungeachtet, es machte mir eine Freude zu sehen, daß Sie

an mich dachten. Jetzt ist schon ein Befehl v⟨om⟩ Minister Westfalen in Berlin — gegen unsere arme *Glocke* — die wird jetzt mehr gekauft.

Nachdem ich Sie gesehen habe, haben wir einen russischen Spionen gefunden, accusiert und publiziert. Es ist ein œsterreichischer Pole [1].

Ihr ergebenster A. Herzen

Перевод:

27 октября 1857 г. Путней

Дорогой господин Корвин,

Я сердечно благодарен вам за статью, я был ⟨с ней⟩ знаком уже раньше, но независимо от этого мне было приятно узнать, что вы обо мне подумали. В настоящее время уже издан указ берлинского министра Вестфалена, направленный против нашего бедного «Колокола»— теперь он больше раскупается. После нашей встречи с вами мы обнаружили русского шпиона, обвинили его и напечатали об этом. Это австрийский поляк[1].

Преданный вам А. Герцен

[1] Речь идет о разоблачении сотрудника книжной лавки Трюбнера Генрика Михаловского, уличенного в шпионаже в пользу русского правительства. Герцен напечатал об этом специальное предупреждение в л. 4 «Колокола» от 1 октября 1857 г.

V

ДЖУЗЕППЕ ГАРИБАЛЬДИ

Успешные действия народно-освободительных войск под командованием Джузеппе *Гарибальди* (1807—1882) летом и осенью 1860 г. вызвали большой политический подъем в демократических кругах всех стран. Отовсюду к Гарибальди устремились добровольцы, желавшие внести свой вклад в великое дело освобождения Италии.

Герцен с восхищением следил за успехами своего знаменитого итальянского друга и старался содействовать его успеху, оказывая помощь русским и польским волонтерам, изъявлявшим желание отправиться в Италию, чтобы присоединиться к войскам Гарибальди.

«Твой бывший учитель Домагальский,— писал Герцен 9 августа 1860 г. своему сыну Александру,— едет к Гарибальди, и мы (т. е. я с здешними русскими) хотели его экипировать на наш счет и послать в подарок» (X, 383).

Ниже публикуется письмо Герцена к Гарибальди, в котором он горячо рекомендует ему нового волонтера.

В листе 80 «Колокола» от 1 сентября 1860 г. была напечатана следующая заметка:

«Отчет. Издатели „Колокола“ извещают, что собранные ими от соотечественников *двадцать фунтов* для отправления польского офицера в войско Гарибальди им получены (расписка хранится в редакции). Желающие жертвовать для подобной цели могут присылать деньги в русскую типографию» (X, 390).

Упомянутая в «Отчете» расписка гласила: «Я получил от редакторов „Колокола“, чтобы достигнуть армии Гарибальди, двадцать фунтов. М. Домагальский» (X, 383).

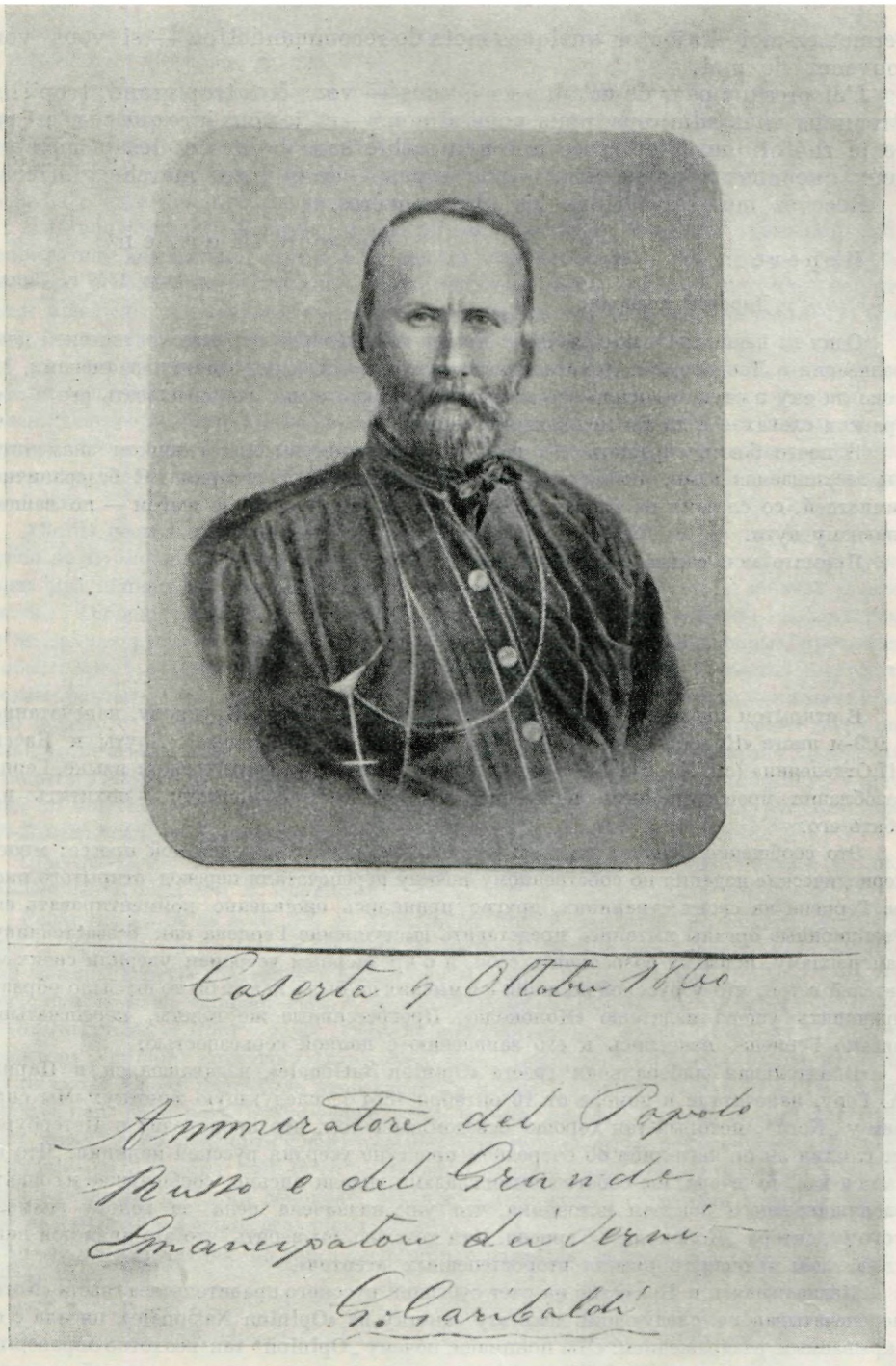
Польский революционный эмигрант, член Польской централизации в Лондоне, инженер по специальности, Михаил Домагальский, отправившийся при содействии Герцена в Италию, принял участие во многих сражениях и сделался влиятельным сподвижником Гарибальди.

Письмо печатается по присланной проф. Ettore Lo Gatto (Италия) копии с автографа, хранящегося в Museo del Risorgimento (Милан).

23 août 1860. Londres

Mon cher général,

Un de nos amis polonais, officier et ingénieur, membre de la centralisation démocratique à Londres — M. Domagalski — part pour se mettre sous vos drapeaux. Nous lui avons fourni le moyen pour atteindre son but — et



ДЖУЗЕППЕ ГАРИБАЛЬДИ

Фотография с дарственной надписью Герцену на итальянском языке. «Козерта. 9 октября 1860 г
Почитатель русского народа и великого освободителя рабов — Д. Гарибальди»

Литературный музей, Москва

permettez-moi d'ajouter quelques mots de recommandation — si vous vous souvenez de moi.

J'ai presque peur de m'adresser à vous — vous êtes trop grand, trop illustre, nous vous admirons, nous vous aimons — et je vous jure que ce n'est pas de la rhétorique. C'est avec une sympathie sans bornes et les larmes aux yeux que nous vous suivons — pas à pas — dans votre marche glorieuse.

Recevez mes salutations les plus sincères.

Alexandre Herzen

Перевод:

23 августа 1860 г. Лондон

Дорогой генерал,

Один из наших польских друзей, офицер и инженер, член демократической централизации в Лондоне, г-н Домагальский, едет сражаться под вашими знаменами. Мы помогли ему в осуществлении его желания; разрешите мне рекомендовать его в этих кратких словах — если вы меня еще помните.

Я почти боюсь обращаться к вам — вы слишком высоки, слишком знамениты, мы восхищаемся вами, любим вас — клянусь, что это не реторика. С безграничной симпатией, со слезами на глазах мы следуем за вами — шаг за шагом — по вашему славному пути.

Примите мои самые искренние приветствия.

Александр Герцен .

VI

РЕДАКТОРУ «OPINION NATIONALE»

В открытом письме к русскому послу в Лондоне барону Бруннову, напечатанном в 109-м листе «Колокола» от 15 октября 1861 г. под заглавием «Бруты и Кассии III Отделения» (см. XI, 248—249) и отдельным листком на французском языке, Герцен разоблачил провокационные намерения русской тайной полиции — похитить или убить его.

Это сообщение Герцена вызвало шумный резонанс в европейской прессе; многие периодические издания по собственному почину перепечатали перевод открытого письма Герцена на своих страницах, другие принялись оживленно комментировать его. Реакционные органы пытались представить выступление Герцена как беззастенчивую саморекламу, попытку возвеличить себя, и с чрезмерным усердием уверяли своих читателей в том, что у русской полиции и в мыслях не было каким бы то ни было образом причинить ущерб издателю «Колокола». Прогрессивные же газеты, перепечатывая письмо Герцена, отнеслись к его заявлению с полной серьезностью.

Влиятельная либеральная газета «Opinion Nationale», издававшаяся в Париже А. Геру, напечатала в номере от 16 октября 1861 г. следующую заметку: «Мы спросим у „Nord“, который так хорошо осведомлен в том, что происходит в Петербурге, не слыхал ли он чего-либо об очередном приступе усердия русской полиции? Что касается нас, то вчера мы собственными глазами видели письмо, сообщавшее из вполне заслуживающего доверия источника, что уже назначена цена за голову знаменитого редактора „Колокола“, Герцена. Нам хотелось бы верить, что это является лишь следствием излишнего рвения второстепенных агентов».

Издававшаяся в Брюсселе на счет субсидий русского правительства газета «Nord», перепечатывая на следующий день эту заметку из «Opinion Nationale», писала с нескрываемым раздражением: «Мы понимаем, почему „Opinion“ так неохотно опровергает факты, столь торжественно объявленные, однако мы спросим ее со своей стороны, серьезна ли новость, которую она приняла сегодня на свои страницы? Что же до нас, то мы склонны думать, что источник, из коего новость эта была заимствована, вероятно тот же, который недавно предоставил газете „Constitutionnel“ фантастическую сказку об инженерах, зашитых в мешки и сброшенных в Леманское озеро».

Прочитав эту заметку, Герцен известил 18 октября 1861 г. редактора парижской газеты «Temps» Шарля-Эдмона Хоецкого: «Посылаю вам письмо мое к Бруннову,

переведенное на французский язык, и письмо в „Opinion“ и даже маленькое письмо в „Le Nord“...» («Звенья», II, стр. 374).

Эти строки позволили нам обнаружить на страницах «Opinion Nationale» первое из публикуемых писем Герцена к редактору, помещенное в номере от 22 октября 1861 г., непосредственно перед текстом письма к барону Бруннову.

Один из редакторов «Opinion Nationale» Э. Поше (Pauchet) сопроводил эти письма Герцена следующим небольшим предисловием:

«Мы получили от г. Герцена, выдающегося редактора „Колокола“ и вождя русской демократии, два письма, которые он просит нас напечатать. Мы считаем себя обязанными исполнить это желание. Дело касается очень важного предмета. Герцену были присланы три письма, в которых ему сообщалось решение, по-видимому, принятое санктпетербургской тайной полицией,— похитить или убить его.

Не нам высказывать свое мнение о том, насколько заслуживают доверия эти три письма. Однако мы можем с полной уверенностью сказать, что г. Герцен — человек, честность которого не может быть подвержена ни малейшему сомнению. Он считает, что жизни его угрожает опасность,— и предоставить ему слово в нашей газете — это значит поставить его некоторым образом под защиту всей цивилизованной Европы».

«Nord» решил оставить за собой последнее слово и в № 297 от 24 октября откликнулся на публикацию писем Герцена. «„Opinion Nationale“, — писал он, — воспроизводит два письма г. Герцена, которые рекомендует нам прочесть. В первом из этих писем г. Герцен благодарит „Opinion“ за то, что она поставила вопрос — действительно ли тайная русская полиция замыслила зловещие планы, направленные против его особы. „Nord“,— добавляет г. Герцен, — как будто затрудняется в ответе. Ему неизвестны факты». «Мы действительно,— продолжала редакция «Nord»,— не имеем ничего общего с *Третьим Отделением*, и для нас было бы в высшей степени затруднительно отвечать за него. Мы убеждены, что страхи г. Герцена совершенно призрачны, и защита русского правительства от обвинений анонимного пера, которые г. Герцен вряд ли мог сам легко принять всерьез,— явилось бы, конечно, для русского правительства самым безосновательным оскорблением».

Прочитав эту заметку, Герцен отправил редактору «Nord» письмо и лист «Колокола» с письмом к Бруннову.

Редакция «Nord'a» в № 302 от 29 октября 1861 г. заявила, что никогда не получала от Герцена ни писем, ни номеров «Колокола». Желая разоблачить этот неуклюжий маневр, Герцен обратился к редактору «Opinion Nationale» еще с одним письмом, приложив к нему копию своего нового письма в «Nord». 29 октября он писал Ш.-Э. Хоецкому: «„Nord“, т. е. „Север“, опровергает мое письмо, поэтому я адресую редактору „Opinion“ записочку. Вы очень обяжете меня, дорогой Шарль-Эдмон, прочитав это письмо и сделав маленькие исправления в языке» («Звенья», II, стр. 375). Эти строки помогли нам разыскать публикуемое ниже второе письмо Герцена в «Opinion Nationale» вместе с приложенным к нему письмом редактору «Nord'a», появившимся в «Opinion Nationale» от 3 ноября 1861 г. со следующим предуведомлением от редакции: «Г-н Герцен, знаменитый русский демократ, редактор „Колокола“, обратился к нам с просьбой напечатать два нижеследующих письма».

Письма печатаются по тексту «Opinion Nationale». Местонахождение автографов неизвестно.

1

⟨Лондон. 17 октября 1861 г.⟩

Monsieur le rédacteur,

Je vous remercie bien sincèrement d'avoir posé dans votre estimable journal la question de savoir s'il était vrai que la police russe eût médité contre ma personne de sinistres projets. Le *Nord* paraît être embarrassé dans sa réponse. Il ne connaît pas les faits. Permettez-moi de vous les communiquer.

Mon collègue N. Ogareff et moi, nous avons reçu il y a un mois des lettres anonymes remplies de grossièretés. L'une d'elles contenait même des menaces. Nous en avons fait mention dans notre journal, sans y attacher la moindre importance.

Mais le 9 de ce mois, une personne *très respectée* à Londres, et que je nommerai en cas de besoin, reçut une lettre pour moi. Cette lettre, que *j'ai ouverte dans sa maison*, m'engageait à me tenir sur mes gardes et me révélait un projet tramé par la IIIe section de la chancellerie de S. M. I. à Pétersbourg (c'est sous cette feuille de vigne que se cache la police secrète en Russie), dans le but de m'enlever ou de me tuer *s'il le fallait*.

Plusieurs personnes étaient présentes, et j'ai cru prudent de leur montrer la lettre[1].

Le lendemain un ami[2] m'apporta une lettre semblable qui m'était adressée par la poste sous son couvert. Voulant alors en finir, je me suis décidé à écrire à M. le baron Brunnoff une lettre dont je vous envoie la traduction française.

Je n'ajouterai qu'un seul fait. Il y a trois jours, un auteur célèbre[3] recevait de son côté une lettre anonyme dans laquelle on le conjurait de me faire parvenir le même avis, ce qu'il s'empressa de faire.

Si ces détails et la lettre à M. Brunnoff peuvent intéresser les lecteurs de votre honorable feuille, vous m'obligerez en les insérant.

Recevez, monsieur le rédacteur, mes salutations fraternelles.

Alexandre Herzen

Londres, 17 octobre 1861.

A M. le rédacteur de l'*Opinion Nationale*.

Перевод:

<Лондон. 17 октября 1861 г.>

Господин редактор,

Искренне благодарю вас за то, что вы поставили в своей уважаемой газете вопрос — действительно ли русская полиция замыслила зловещие планы, направленные против моей личности. «Le Nord» как будто затрудняется в ответе. Ему неизвестны факты. Позвольте же мне сообщить их вам.

Мой коллега Н. Огарев и я получили месяц тому назад анонимные письма, полные грубостей. Одно из них содержало даже угрозы. Мы упомянули об этом в своей газете, не придавая всему этому ни малейшего значения.

Однако 9-го числа сего месяца одно *весьма уважаемое* в Лондоне лицо, которое я назову в случае необходимости, получило для меня письмо. Это письмо, которое было *вскрыто мною у него же в доме*, убеждало меня быть настороже и раскрывало мне план, замышленный III Отделением канцелярии его императорского величества в Петербурге (под этим фиговым листком скрывается тайная полиция в России), с целью увезти меня или убить, *если потребуется*.

При этом присутствовали многие, и я из предосторожности счел нужным показать им это письмо[1].

На другой день один из моих друзей[2] принес мне подобное же письмо, которое находилось в конверте на его имя, но было адресовано почтою мне. Желая положить этому конец, я решил тогда написать г. барону Бруннову письмо, французский перевод которого при сем прилагаю.

Добавлю только один факт. Три дня тому назад один знаменитый писатель[3] получил, со своей стороны, анонимное письмо, в котором его заклинали передать мне тот же совет, что он и поспешил сделать.

Если эти подробности и письмо к г. Бруннову могут заинтересовать читателей вашей уважаемой газеты, вы меня обяжете, поместив их.

Примите, господин редактор, мой братский привет.

Лондон. 17 октября 1861 г. Александр Герцен

Господину редактору «Opinion Nationale».

[1] 15 октября 1861 г. Герцен писал Ш.-Э. Хоецкому: «Я настаиваю на деле о намерениях русской полиции, чтобы их разоблачить. Вы ведь читаете по-русски — вследствие чего я посылаю вам „Колокол", в котором я поместил письмо к Бруннову. (Оно будет напечатано по-французски, но покамест оно может послужить вам в качестве документа.) Дружеская корреспонденция, известившая меня об этом, дошла до меня через посредство дома одного очень богатого англичанина; *я вскрыл письмо в присутствии его и его секретаря*» («Звенья», II, стр. 373). *Богатый англичанин* — Ротшильд.

[2] С. Тхоржевский.

[3] *Знаменитый писатель* — И. С. Тургенев, См. «Лит. наследство», т. 63, стр. 669.

2

A monsieur le rédacteur de l'*Opinion Nationale*, à Paris

⟨Londres.⟩ 29 octobre 1861. Orsett house, Westbourne terrace

Monsieur le rédacteur, la poste belge sert très médiocrement le rédacteur du *Nord*. Il dit, dans son numéro du 29 octobre, qu'il n'a pas reçu ma lettre.

Voulant faciliter ses recherches, je lui ai envoyé une seconde lettre, enregistrée ou *assurée*. Je prends la liberté de vous en envoyer une copie.

L'ambassade russe à Londres a notifié à M. Ogareff (qui demeure à Londres depuis 1856) que l'empereur a confirmé la sentence du Sénat qui le déclare déchu de tous ses droits et des titres de la noblesse,— tout cela sans *procès*. Il y a là un progrès: au lieu de tuer physiquement, on se décide à tuer bureaucratiquement.

Si cette nouvelle peut interesser vos lecteurs, nous vous prions de la communiquer.

Recevez, monsieur le rédacteur, l'assurance de ma haute considération.

Herzen

* * *

A monsieur le rédacteur du *Nord*

Londres, 29 octobre ⟨1861⟩

Monsieur le rédacteur, j'ai l'honneur de vous avertir que je vous ai envoyé par la poste, il y a environ huit jours, et *une lettre* et *le dernier numéro de la Cloche*.

Je n'ai pas inscrit la date, mais je sais que c'était le jour même où j'ai expédié la lettre à l'*Opinion Nationale*.

Cette fois je fais *assurer* la lettre, et je vous prie de recevoir mes salutations empressées.

A. Herzen
Rédacteur du *Kolokol*

Перевод:

Господину редактору «Opinion Nationale» в Париж

⟨Лондон.⟩ 29 октября 1861 г. Orsett house, Westbourne terrace

Господин редактор, бельгийская почта обслуживает весьма посредственным образом редактора «Nord'a». Он утверждает, в номере своей газеты от 29 октября, что не получил моего письма.

Желая облегчить ему поиски, я отправил ему второе письмо, зарегистрированное или *застрахованное*. Беру на себя смелость переслать вам копию.

Русское посольство в Лондоне уведомило г. Огарева (проживающего в Лондоне с 1856 года), что император утвердил приговор Сената, объявляющего его лишенным всех прав и дворянского звания,— и всё это без *судебного разбирательства*. В этом явный прогресс: вместо того, чтоб убивать физически, решаются убивать бюрократически.

Если эта новость может заинтересовать ваших читателей, просим вас сообщить ее.

Примите, господин редактор, уверение в моем глубоком почтении.

Герцен

* * *

Господину редактору «Nord'a»

Лондон, 29 октября <1861 г.>

Господин редактор, имею честь предупредить вас, что я отправил вам почтой, около недели тому назад, и *письмо, и последний номер «Колокола»*.

Я не записал даты, но знаю, что это было в тот же день, когда я послал письмо в «Opinion Nationale».

На этот раз я *страхую* письмо, и прошу вас принять уверения в моем глубоком почтении.

А. Герцен
Редактор «Колокола»

VII
ДЖУЗЕППЕ ГВЕРЦОНИ

Обстоятельства, при которых было написано публикуемое письмо Герцена, адресованное секретарю Гарибальди — Джузеппе *Гверцони* (Guerzoni, 1835—1886), итальянскому литератору, участнику гарибальдийских походов, автору двухтомной биографии Гарибальди (Флоренция, 1882),— подробно освещены в статье Герцена «Camicia rossa».

10 апреля 1864 г. Гарибальди приехал с официальным визитом в Лондон. Прибытие Гарибальди явилось поводом для крупнейшей демонстрации лондонского пролетариата и шумных манифестаций со стороны широких кругов населения.

Реакционное правительство Пальмерстона предприняло ряд неуклюжих мер, чтобы изолировать Гарибальди от английского народа. Этой цели должно было содействовать и размещение Гарибальди и сопровождавших его лиц во дворце герцога («дюка») сутерлендского. «Интрига, затеянная *до въезда* его в Лондон,—писал Герцен в «Camicia rossa»,— расцвела удобно на дворцовом грунте. Цель ее состояла в том, чтобы удалить Гарибальди от народа, т. е. от работников, и отрезать его от тех из друзей и знакомых, которые остались верными прежнему знамени и, разумеется,— пуще всего от Маццини <...> В первый раз как я был у Гарибальди в Стаффорд Гоузе, придворная интрига около него бросилась мне в глаза. Разные Фигаро и фактотумы, служители и наблюдатели сновали беспрерывно. Какой-то итальянец сделался полицмейстером, церемониймейстером, экзекутором, дворецким, бутафором, суфлером. Да и как не сделаться за честь заседать с дюками и лордами, вместе с ними предпринимать меры для предупреждения и пресечения всех сближений между народом и Гарибальди и вместе с дюкесами плести паутину, которая должна поймать итальянского вождя и которую хромой генерал рвал ежедневно, не замечая ее» (XIV, 526—527).

Гарибальди очень хотелось встретиться с жившим тогда в Лондоне крупнейшим деятелем итальянской революции — Маццини, однако последний отказывался посещать его, пока Гарибальди находится в герцогском дворце. Желая оказать содействие встрече обоих руководителей итальянского народно-освободительного движения, которая должна была явиться торжественной демонстрацией единства их программы и цели, Герцен решил пригласить их обоих к себе, в свой теддингтонский дом. «Подумав об этом,— вспоминал Герцен,— я написал к Маццини записку и спросил его, примет ли Гарибальди приглашение в такую даль, как Теддингтон; если нет, то я его не буду звать, тем дело и кончится; если же поедет, то я очень желал бы их обоих пригласить. Маццини написал мне на другой день, что Гарибальди очень рад и что если ему ничего не помешает, то они приедут в воскресенье, в час» (XIV, 528). 16 апреля Герцен сообщил об этом секретарю Гарибальди в публикуемом ниже письме и сам доставил это письмо в гостиницу, где жил Гверцони, опасаясь, что оно может быть перехвачено подозрительными личностями, которые окружали в это время Гарибальди и старались воспрепятствовать его посещению Герцена и встрече с Маццини.

17 апреля 1864 г. состоялось известное свидание Гарибальди и Маццини в теддингтонском доме Герцена. «День этот удался необыкновенно,— писал впоследствии Герцен,— и был одним из самых светлых, безоблачных и прекрасных дней последних пятнадцати лет» (XIV, 532). Как известно, свидание Маццини и Гарибальди не внесло

значительных изменений в проводимую ими политику. Маццини по-прежнему оставался убежденным сторонником насильственного переворота, а Гарибальди продолжал поддерживать короля Виктора-Эммануила.

Письмо печатается по присланной проф. Ettore Lo Gatto (Италия) фотокопии с автографа, хранящегося в Museo centrale del Risorgimento (Рим).

⟨Лондон. 16 апреля 1864 г.⟩

Cher monsieur,

Mazzini m'a communiqué que le général Garibaldi veut nous faire le cadeau d'une visite — demain matin. Nous en sommes enchantés — je veux lui parler et vous voir. Craignant le trop de zèle des *camerieri ducali*, je vous écris — et je porte moi-même la lettre.

Recevez mes salutations les plus sympathiques.

Alex. Herzen

16 avril 1864.

Перевод:

⟨Лондон. 16 апреля 1864 г.⟩

Милостивый государь,

Маццини дал мне знать, что генерал Гарибальди хочет порадовать нас своим посещением — завтра утром. Мы очень рады — я хочу побеседовать с ним и повидать вас. Опасаясь чрезмерного усердия camerieri ducali *, пишу вам и сам отнесу письмо.

Примите мои самые сердечные приветствия.

Алекс. Герцен

16 апреля 1864 г.

VIII

АГОСТИНО БЕРТАНИ

Агостино *Бертани* (1812—1886)— видный деятель итальянского национально-освободительного движения, левый республиканец, талантливый врач-хирург. После разгрома римской республики он поселился в Генуе, где продолжал заниматься политической деятельностью и врачебной практикой. Вместе с другими итальянскими революционерами — Козенцем, Пизакане, Медичи, Меццокаппо и Бальдони, имена которых Герцен относил к числу дорогих ему имен (изд. АН, т. X, стр. 288),— Бертани подписал в Генуе 23 марта 1852 г. декларацию, в которой полностью одобрял отказ Герцена драться на дуэли с Гервегом (изд. АН, т. X, стр. 494).

Незадолго до переселения в Англию, летом 1852 г., Герцен встретился в Генуе с Бертани и другими его единомышленниками, поручившими ему передать Маццини, что они глубоко недовольны характером, который он в последнее время стремился придать революционному движению Италии. Герцен выполнил это поручение своих генуэзских друзей.

Когда в 1859 г. началась война за освобождение Италии, Бертани стал одним из ближайших сотрудников Гарибальди и в значительной мере содействовал успеху возглавленного им движения.

Записка печатается по присланной проф. Ettore Lo Gatto (Италия) фотокопии с автографа, хранящегося в архиве Istituto per la storia del Risorgimento italiano (Рим).

⟨Флоренция. 28 февраля 1867 г.⟩

Cher monsieur Bertani,

Je viens ce matin à Florence et j'ai quitté Venise hier soir. J'ai vu Garibaldi, et madame Mario m'a chargé de la lettre ci-jointe et sans adresse[1], enfin je vous ai trouvé.

Est-ce que vous vous rappelez encore de moi et de notre rencontre à Gênes en 1852?

Votre tout dévoué

Al. Herzen

28 febbraio 67.

* герцогских слуг (итал.).

Перевод:

<Флоренция. 28 февраля 1867 г.>

Дорогой господин Бертани,

Нынче утром я прибыл во Флоренцию, выехав из Венеции вчера вечером. Я видел Гарибальди, и мадам Марио вручила мне прилагаемое письмо без адреса[1]; наконец-то я вас разыскал.

Помните ли вы еще меня и нашу встречу в Генуе в 1852 году?

Преданный вам

28 febbraio 67. Ал. Герцен

[1] «M-me Марио с Гариб<альди> поила меня сегодня кофеем, — писал Герцен Огареву 27 февраля 1867 г. из Венеции, — и, хотевши вынуть из сака письмо, вынула старую туфлю» (XIX, 227).

IX

ЭДУАРДУ ДАНТЮ

В 1860—1862 гг. владелец крупной парижской издательской фирмы Эдуард-Анри-Жюстен *Дантю* (1830—1884) выпустил в свет трехтомное издание «Былого и дум» на французском языке. Перевод этих трех томов (по мнению Герцена, очень хороший) был сделан французским литератором Делаво несколькими годами ранее; несмотря на хлопоты самого переводчика и ряда видных французских деятелей, среди которых был и известный историк, друг Герцена, Ж. Мишле, издателя найти долго не удавалось: никто не соглашался выпустить в свет книгу изгнанного из Франции русского революционера, открытого противника французского императора.

Э. Дантю, вступивший в 1855 г. во владение большим издательством, которое специализировалось на публикации политических сочинений, временами открыто оппозиционного характера, рискнул издать в свет «Былое и думы», причем еще более подчеркнул революционный характер книги сенсационным названием, которое Герцен находил «скверным»: «Русский мир и революция». Расчеты издателя на успех книги вполне оправдались: о ней появились восторженные отзывы во французской и иностранной печати, и она полностью разошлась. Через несколько лет Герцен обратился к Дантю с предложением напечатать еще одно, дополненное издание книги «с платой чего-нибудь вдове Delaveau» (XIX, 93), однако Дантю не выразил на это согласия.

Публикуемое ниже письмо Герцена от 30 сентября 1869 г. было последним обращением его к тому же парижскому издателю. Печатание отдельных глав из «Былого и дум» во французском «Колоколе» и в его приложении (в переводе самого Герцена и его сына) произвело фурор среди французских читателей как старшего поколения (в том числе и среди таких людей, как Гюго, Мишле, Кине, Леру), так и среди молодежи. Обрадованный этим успехом и поощряемый советами своих русских и западных друзей, Герцен начинает энергично искать издателя для полного французского перевода «Былого и дум» и других сочинений. Несмотря на самые выгодные условия (Герцен не требовал даже гонорара), издатели наотрез отказывались от публикации произведения прославленного, но «крамольного» писателя. Между тем, огромный успех первого французского издания книги и английских и немецких переводов несомненно свидетельствовал о выгодности этого предприятия. Отрицательно ответил на публикуемое предложение Герцена и Дантю, написавший 6 октября 1869 г. на герценовском письме свое решение: «Refus poli» («Вежливый отказ»).

«Дантю важен, глуп и скучен»,— писал Герцен Г. Вырубову 29 марта 1869 г. (XXI, 348). Однако не одним этим, конечно, объяснялось решительное отклонение переиздания «Былого и дум»: с 1867 г. Дантю стал получать правительственные заказы, в частности ему была передана монополия на публикацию каталогов Всемирной выставки,— и это, по-видимому, оказало решительное влияние на ориентацию прежнего издателя оппозиционной литературы.

Герцен сделал еще несколько безуспешных попыток напечатать перевод своей книги как отдельным изданием, так и во французской периодике (в «Revue des Deux Mondes», «Siècle» и др.), но всюду наталкивался на более или менее вежливый отказ.

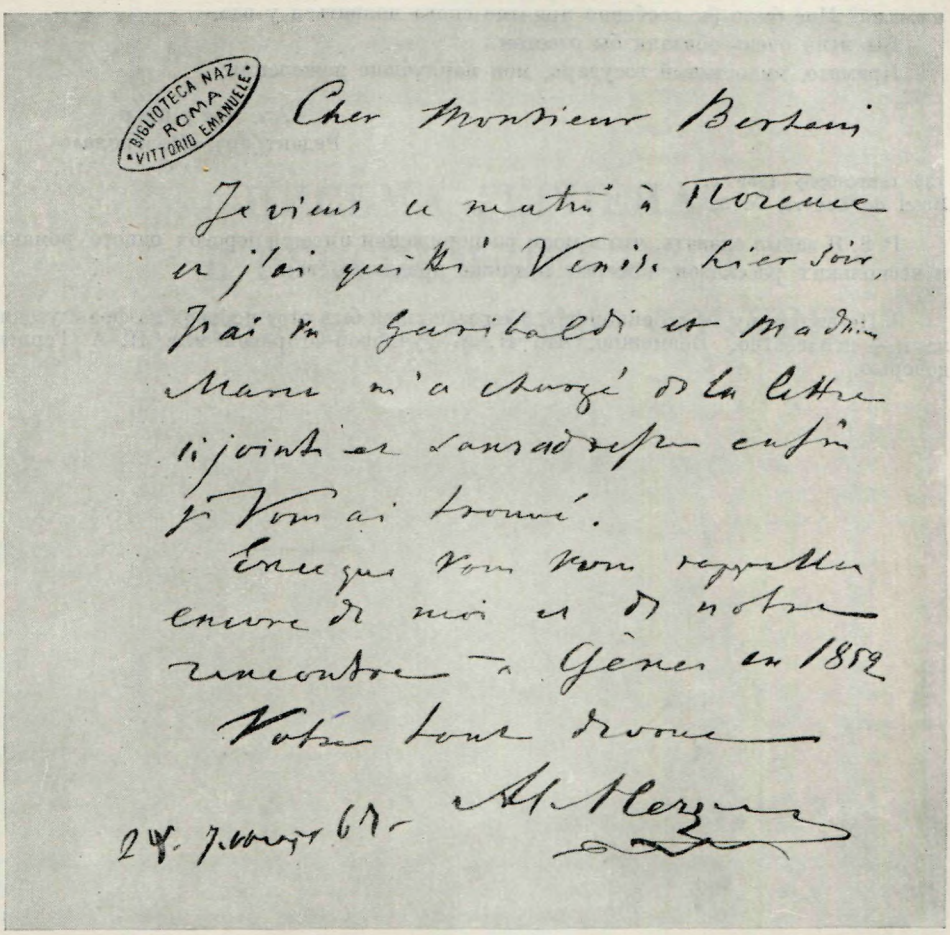
Письмо печатается по фотокопии ЦГАЛИ. Местонахождение оригинала неизвестно.

⟨Париж. 30 сентября 1869 г.⟩

Monsieur,

Je reviens encore une fois vous faire une proposition faite par moi — il y a quelques années.

Les 3 volumes de mes mémoires que vous avez publiés sous le titre de *Monde Russe et la Révolution* — trad⟨uits⟩ du russe par H. Delaveau sont épuisés.


BIBLIOTECA NAZ. ROMA VITTORIO EMANUELE

Cher Monsieur Bertani

Je viens ce matin à Florence et j'ai quitté Venise hier soir. J'ai vu Garibaldi et Madame Mario m'a chargé de la lettre ci-jointe et sans adresse enfin je vous ai trouvé.

Encore vous vous rappelle encore de moi et de notre rencontre à Gênes en 1852

Votre tout dévoué

Al. Herzen

24. février 67.

АВТОГРАФ ПИСЬМА ГЕРЦЕНА К АГОСТИНО БЕРТАНИ ОТ 28 ФЕВРАЛЯ 1867 г.
Институт истории итальянского Risorgimento, Рим

Voulez-vous faire une nouvelle édition — corrigée et augmentée *de deux volumes*? Cela me serait particulièrement agréable de paraître encore une fois chez vous.

Une réponse m'obligerait beaucoup.

Recevez, monsieur, mes salutations empressées.

Al. Herzen
rédact⟨eur⟩ du *Kolokol*

30 sept⟨embre⟩ 1869
Hôtel du Louvre № 328

P. S. J'ai oublié de dire que j'ai la traduction d'un roman[1] et de quelques nouvelles de moi — que je vous offre aussi.

Перевод:

<Париж. 30 сентября 1869 г.>

Милостивый государь,

Еще раз обращаюсь к вам с предложением, сделанным вам мною несколько лет тому назад.

Три тома моих записок, опубликованных вами под названием «Русский мир и революция» и переведенных с русского А. Делаво, полностью разошлись.

Не хотите ли вы выпустить новое издание, исправленное и дополненное *двумя томами*? Мне было бы особенно приятно снова появиться у вас.

Вы меня очень обязали бы ответом.

Примите, милостивый государь, мои наилучшие пожелания.

Ал. Герцен
Редакт<ор> «Колокола»

30 сент<ября> 1869 г.
Hôtel du Louvre, № 328

P. S. Я забыл сказать, что в моем распоряжении имеется перевод одного романа [1] и нескольких рассказов, которые я также предлагаю вам.

[1] По-видимому, «Кто виноват?». Кем выполнен был этот перевод на французский язык — неизвестно. Возможно, что Н. А. Тучковой-Огаревой или Н. А. Герцен-дочерью.

ПИСЬМА ГЕРЦЕНА
К РУССКИМ ДРУЗЬЯМ,
К СЫНУ И СТАРШЕЙ ДОЧЕРИ

ПИСЬМА К АСТРАКОВЫМ

(1832—1851)

ПЕЧАТАЮТСЯ ПО ФОТОКОПИЯМ, ПРЕДОСТАВЛЕННЫМ «ЛИТЕРАТУРНОМУ НАСЛЕДСТВУ» КОЛУМБИЙСКИМ УНИВЕРСИТЕТОМ (НЬЮ-ЙОРК)

Публикация Е. Л. Рудницкой*

В двух предыдущих томах «Литературного наследства» был напечатан ряд эпистолярных и мемуарных документов, освещающих взаимоотношения Герцена и московской семьи Астраковых, с членами которой Герцен и его жена в течение многих лет поддерживали тесные дружеские отношения и находились в постоянной переписке. До самого последнего времени было известно лишь несколько разрозненных писем Герцена и Натальи Александровны к Астраковым, напечатанных М. К. Лемке в разных томах его издания. Публикуемые ниже письма, записки и приписки Герцена, адресованные Николаю Ивановичу, Татьяне Алексеевне и Сергею Ивановичу Астраковым, представляют собой не только важнейшие документы, характеризующие его отношения с Астраковыми, но и первостепенный материал для изучения русского и первого заграничного периода его жизни.

Изложим вкратце историю этого собрания писем.

Татьяна Алексеевна Астракова, пережившая всех членов своей семьи, в течение многих десятилетий бережно хранила письма Герцена и его жены. Предвидя, что после ее смерти эти драгоценные документы могут бесследно исчезнуть, она приняла решение переслать их старшей дочери Герцена — Тате. Первую партию писем она переслала ей в 1873 г. Через два года, 7 июля 1875 г., Т. А. Астракова писала Тате Герцен:

«Но вот что я скажу тебе, моя милая, дорогая Тата, я исповедаюсь перед тобою и думаю, что не будешь за это на меня в претензии, дело вот в чем: зная материальное направление нынешней молодежи и слыша от князя ⟨А. Н. Мещерского⟩, что в тебе, — как он выражается,— мало женственности, я думаю, что тебе будет смешно читать нашу переписку, подчас очень сентиментальную (как у нас говорит молодежь), подчас романтичную и пр. Да, должно быть, если б жива была Наташа, то теперь был бы другой уж характер нашей переписки, но все-таки непременно выглядывала бы нежность, не по вашему вкусу: что же делать? Уж нас с нею так печь спекла. Я еще думаю, что потому, что про первые письма, которые я тебе послала, ты мне ничего не сказала,— видно не нашла в них ничего интересного.

В этих письмах (я даже собрала и перечитала, кажется, все московские записочки)— они все хороши, все дороги мне... Ну, делай с ними, что хочешь... Видно, пора пришла моя расстаться с последним дорогим воспоминанием,— будет с меня и того, что живо еще до сих пор во мне обо всех моих дорогих, любимых, — уж этого-то никто не отнимет у меня, и оно, это внутреннее „я", слитое с их „я", умрет со мною же.

В московских записках ты встретишь очень часто о себе, и особенно замечательна записка твоего отца о твоем рождении: получив ее, мы с братом очень смеялись ⟨...⟩ Еще посылаю тебе отдельно от всего листки, писанные твоею матерью только для меня,— и жаль мне их было, да и хорошо ли, что я их отдаю тебе? Впрочем, что же?

---

* При участии Л. Р. Ланского.

Ведь уж ты не маленькая и многое знаешь из страданий твоей матери, из этих листков ты только увидишь, как она любила всех вас, и как тяжело ей было, и как страдала она, бедная. Ну, мир ей, святая страдалица! Эти листки я доверяю только тебе одной и никому больше! Ты храни их как святыню или сожги... лучше чем кто в них заглянет!..» («Русские записки», Париж, 1939, № 14, стр. 117—118).

Несмотря на намерение отослать все письма Н. А. Герцен, Астракова передала часть их Т. П. Пассек, и они были использованы в воспоминаниях, заказанных ей редакцией «Русской старины». В письме к Н. А. Герцен от 15/27 февраля 1877 г. Астракова писала: «...Пассек (Т. П.) предложила мне писать записки о твоем отце с приложением его писем и обещала платить мне по 25 серебряных рублей с листа (получала сама по 50 серебряных рублей, но лишек она брала себе за исправление записок и слога и корректуру) — я согласилась, тем более, что она обещала мне все после возвратить. Подумала, подумала я, что ведь все это ⟨т. е. письма Герценов⟩ я обещала тебе, но что же делать — нужда! и решилась ⟨...⟩ Постараюсь выручить от Пассек и письма и свои записки и тоже передам тебе. Из моих записок в печати очень много повыкинуто, я писала подробнее и, как мне кажется, интереснее,— у меня было написано целые тетради, а они напечатали только с небольшим лист да еще, говорят, будет тоже лист или два — ну, это даже меня взбесило» («Неизданные письма А. И. Герцена к Н. И. и Т. А. Астраковым». Нью-Йорк, 1957, стр. 5). Вопрос о судьбе тетрадей Астраковой с воспоминаниями о Герцене частично выяснен; одна из них напечатана в предыдущем томе «Литературного наследства». Т. П. Пассек не возвратила Астраковой оригиналов писем Герцена, напечатанных в «Русской старине», и местонахождение их остается неизвестным. В 1877 г. Т. А. Астракова переслала Н. А. Герцен последнюю партию писем ее родителей, отмечая при этом, что некоторые письма Герцена затерялись, в частности отдельные письма из Владимира и «отчаянное, грустное» письмо Герцена, написанное к ней после смерти его жены.

До 1936 г. пересланные Т. А. Астраковой письма, по-видимому, находились в Лозанне, в семейном архиве Н. А. Герцен, после смерти которой они попали ко второй дочери Герцена, Ольге Александровне Моно-Герцен, передавшей их в 1952 г. в Архив русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете в Нью-Йорке, где они и находятся в настоящее время. С разрешения внучки Герцена, г-жи Жермены-Шарль Рист, фотокопии со всех этих писем были пересланы в 1956 г. Колумбийским университетом редакции «Литературного наследства». По этим фотокопиям и подготовлена настоящая публикация. Параллельно с нашим изданием, полная публикация писем Герцена к Астраковым осуществлена в Нью-Йорке.

Публикуемые письма Герцена образуют несколько последовательных хронологических групп. Каждая из этих групп имеет особую проблематику.

Первое из писем — от 11 февраля 1832 г.— адресованное Н. И. Астракову, представляет исключительный интерес. Все ранние письма Герцена (до 1833 г.) известны нам только по извлечениям из воспоминаний Т. П. Пассек, и достоверность их вызывала у исследователей до последнего времени некоторые сомнения. Публикуемое письмо Герцена — самое раннее из дошедших до нас в автографе писем. Оно относится к университетскому периоду его жизни, ко времени зарождения дружбы с Н. И. Астраковым, двумя годами ранее его окончившим физико-математическое отделение Московского университета. Ярко и живо предстает перед нами Герцен-студент, жизнерадостный и энергичный, исполненный разносторонних интересов, блещущий неистощимым юмором.

Эпиграфом к обширной владимирской группе писем (1838—1840) могут служить слова самого Герцена в одном из них: «...ежели моя жизнь (как и каждого человека)— поэма, то 1838 — лучшее место в ней» (письмо от 31 декабря 1838 г.).

Два первых письма из этой группы, адресованных одновременно Н. Х. Кетчеру и Н. И. Астракову, написаны в последнюю неделю перед «похищением» Натальи Александровны из дома княгини М. А. Хованской. Не меняя ничего в общей картине, нарисованной в «Былом и думах», письма эти, содержащие много ценных подробностей и написанные в высшей степени темпераментно и ярко, служат живым и естест-

венным дополнением к владимирским страницам «Былого и дум». Если бы при работе над своей книгой Герцен имел в своем распоряжении эти письма, он, вероятно, привел бы выдержки из них в заключении второй части, как он сделал это с теми письмами, которые находились при нем в Лондоне. В письмах к Астраковым нашло выражение то душевное состояние Герцена, которое он называет «поэтической вершиной» своей жизни. В этих письмах отразились и философские раздумья Герцена, ведшие к освобождению его от религиозных и мистических настроений периода вятской ссылки.

В письме к Астракову от 14 февраля 1839 г. мы встречаем одно из первых в переписке Герцена упоминаний о его знакомстве с философией Гегеля. Известно, что серьезно за изучение Гегеля Герцен принялся только после возвращения из ссылки, столкнувшись с московскими гегельянцами, находившимися в полном плену идеалистической диалектики немецкого философа. Во Владимире Герцен читал не самого Гегеля, а какие-то «очерки из Гегеля», но даже при этом первом знакомстве, не зная первоисточника, Герцен сумел уловить противоречия философской системы Гегеля. Однако то были еще догадки — подлинное проникновение его в философию Гегеля было впереди.

Интересно упоминание о решении Герцена изучать арабский язык, чтобы ехать на Восток, которому, как он полагал, Европа не только обязана своей современной цивилизацией, но который даст еще раз свою «лепту в дело европейское». Этот будущий вклад, по мнению Герцена, являлся исторической необходимостью, ибо, пишет он: «Неужели узкая теория северо-американцев, феодализм Англии и прусские гелертеры — всё, что может человечество?» (письмо от 27 августа 1838 г.).

Наибольший исследовательский интерес представляют встречающиеся в письмах этого периода упоминания о творческой истории ранней автобиографической повести Герцена «О себе».

Сообщая 14 января 1839 г. Н. И. Астракову о том, что он написал главы «Университет» и «Холера» и заполнил таким образом имевшийся в повести «О себе» пробел, Герцен продолжал: «Теперь пишу „Вятка“». Из герценовского перечня глав повести «О себе», привезенной им 16 апреля 1838 г. в Москву, известно, что она кончалась главой — «Крутицы, сентенции и 9 апреля». Следовательно, возвратившись снова к работе над своей автобиографией и написав недостающие главы, он продолжал повествование далее с того места, на котором оно обрывалось. Из этого прямого указания Герцена следует сделать вывод, что он не считал повесть «О себе» законченным произведением и продолжал работать над ней, посвящая дальнейшие страницы описанию своей ссылки. Этот вывод заставляет пересмотреть вопрос о хронологических рамках повести «О себе», а также по-новому взглянуть на автобиографический отрывок Герцена, вошедший в первый том академического собрания его сочинений под условным заглавием «Часов в восемь навестил меня...». Этот отрывок был впервые напечатан в воспоминаниях Т. П. Пассек «Из дальних лет», включившей его в состав главы, названной ею «Арест и симпатия» (у Лемке отрывок опубликован под заглавием «Арест и высылка»). Предполагая, что повесть «О себе» «не охватывала ссылку», комментатор этого текста в тридцатитомном собрании сочинений Герцена, издаваемом Академией наук СССР, делает вывод, что вторая и третья части отрывка, представляющие фрагменты из описания событий, начиная с 10 апреля 1835 г. и до переезда из Перми в Вятку, «не могли относиться к этой автобиографической повести» (изд. АН, т. I, стр. 510). Новые данные о творческой истории ранней автобиографической повести «О себе», содержащиеся в публикуемом письме Герцена от 14 января 1839 г., отменяют это хронологическое ограничение. Тем самым, во-первых, исключается единственный довод комментатора против принадлежности всего текста отрывка «Часов в восемь навестил меня...» к автобиографической повести «О себе». Кроме того, в исследовательский оборот вводятся новые данные для выяснения соотношения повести «О себе» и «Записок одного молодого человека» (подробнее см. А. Н. Дубовиков. «„О себе“ — ранняя автобиографическая повесть». — «Лит. наследство», т. 63, стр. 9—55).

Письма Герцена к Астраковым из Петербурга и Новгорода (1840—1842), а также московские записки к Т. А. Астраковой (1842—1846) содержат много очень ценных

подробностей из жизни Герцена и его семьи. В них мы встречаем множество беглых, но глубоких высказываний об общественной жизни того времени, об искусстве, о философии. Они проникнуты тем чувством гуманности, которое являлось столь характерным свойством обаятельной натуры Герцена.

Последняя группа писем, присланных из-за границы, адресована Т. А. и С. И. Астраковым. Это дружеские послания, часто просто приписки к письмам жены; вначале жизнерадостные и шутливые, воодушевленные успехами национально-освободительного движения в Италии, они постепенно, под влиянием разгрома французской революции, меняют свой тон.

В коротких приписках к письмам жены из Парижа — отзвуки переживаемой Герценом душевной драмы: «На душе тяжело и темно, что здесь делается на наших глазах — от этого можно сойти с ума». И еще: «...у меня нет места в сердце, которое не было бы оскорблено, горечь, горечь, желчь...» (письмо от 6 августа 1848 г.).

«Мир этот гниет... — писал С. И. Астракову Герцен (письмо от 4 декабря 1848 г.),— охваченный ненавистью к торжествующей буржуазии, не видя пути дальнейшего общественного прогресса для Европы.— Что будет?.. Что будет?...» Этот вопрос с особой остротой встал перед Герценом в трагические дни расправы с парижским пролетариатом. У него еще нет ответа на этот вопрос. «Лучше всего что что-нибудь да будет»,— писал он с горькой иронией (т а м ж е). Но ненавистному буржуазному миру Герцен стремится уже противопоставить нечто, по его мысли, глубоко отличное, русское. Пока это только признание громадного нравственного превосходства того кружка передовой русской интеллигенции, членом которого он был на родине. Понимая невозможность возвращения в Россию, где торжествовала реакция, Герцен как бы заново переживает разлуку с московскими друзьями. Очень выразительно в этом отношении письмо к Т. А. Астраковой от 9 марта 1849 г., проникнутое глубокой любовью к Грановскому.

Эпитет «трагический» неоднократно повторяется Герценом в оценках окружающей жизни и собственного душевного состояния. Как и всегда, личное и общественное для него нераздельно: «Всё мыслящее, чувствующее здесь поражено горем, да, сверх того, по большей части, также и нуждой. Шаткая непрочность всего состояния жизни, общественного положения, никогда не была больше чувствуема — это точно начало преставления света» (письмо от 9 октября 1849 г.). Он подвергает критике буржуазную цивилизацию во всех ее проявлениях. Касаясь вопроса о воспитании детей, Герцен разоблачает дух буржуазной системы воспитания — антигуманного и лишенного всяких нравственных идеалов (письмо от 1—2 июля 1849 г.). Отвергая «идеалистические мнения» Н. А. Мельгунова о преимуществах умозрительного метода в науке, Герцен писал: «...нынче давайте пониманье и микроскоп, пониманье и скальпель, жизнь надобно следить по вивисекциям, а не по физиологии Каруса» (письмо от 1 февраля 1849 г.).

Помимо писем Герцена, публикуемых ниже полностью, в архивном собрании Колумбийского университета хранятся письма Н. А. Герцен к Т. А. Астраковой за тот же период. Наталья Александровна горячо любила Астракову и с первых же месяцев знакомства и до конца жизни интенсивно переписывалась с ней, с полной откровенностью делясь своими мыслями и переживаниями.

Наибольший интерес представляют письма Натальи Александровны из-за границы. Астракова была ее единственным регулярным корреспондентом в России. Через нее осуществлялась связь со всем московским кружком. Только позднее, с конца 1848 г., у Натальи Александровны появился в России второй постоянный корреспондент — Н. А. Тучкова. До этого времени письма к Астраковой были для Натальи Александровны как бы систематическим отчетом о жизни ее семьи за границей, о ее впечатлениях от первого знакомства с Европой. Мысли и чувства, высказанные в этих письмах, во многом повторяют мысли и чувства самого Герцена, отраженные в «Письмах из Avenue Marigny», «Письмах из Франции и Италии» и в письмах к московским друзьям.

Опубликованный Н. П. Анциферовым в 63-м томе «Литературного наследства» отрывок, условно названный «Из „Записок" 1848 года», был послан Н. А. Герцен к

Астраковой с И. В. Селивановым вместе с письмом от 4 ноября 1848 г., непосредственным дополнением к которому он и являлся. «...Мне захотелось, — писала она в этом письме,— поговорить с тобой о прошедшем, о пережитом нами с февраля, но только спать хочется, а в другой раз трудно будет приняться, так я вырвала из моего — как бы сказать — журнала, что ли,— несколько страничек и пошлю их тебе. Ты увидишь там, как чувствовалось и думалось; писавши, я не думала, что дам читать кому-нибудь, тем лучше, посмотри на меня, как я есть» (л. 426). Посланный к Астраковой отрывок из «журнала», т. е. дневника, который вела Наталья Александровна, охватывает период от февраля до июня 1848 г. Это повествование о пережитом и перечувствованном с начала революционного подъема в феврале до разгрома восстания парижского пролетариата в июне 1848 г. Дневник обрывался на строках, проникнутых полной безнадежностью.

Возвращаясь к той же теме несколько месяцев спустя, Н. А. Герцен писала, имея в виду свое состояние в послеиюньские дни: «Хотя и после того уже многое переменилось; жажда покоя — естественна, это реакция после муки, после родов, но она не долго продолжается, роды были несчастливы, надежды не исполнились, снова начинается брожение, окрепнувшие силы ищут деятельности, и сколько нужно твердости на то, чтоб примириться с мыслью не видать ребенка, который родится, не знать когда, и как, и какой он родится!.. Но будем тверды, оттого что слабыми быть нельзя...» (т а м ж е). В современной политической жизни Европы она черпала веру в грядущую революцию. В том же письме она писала: «В Германии сильно шевелятся, что-то из этого будет? Да, это сравнение мне самой нравится: в настоящую минуту мы все беременны, а ребенка вряд ли увидим!.. Много любви надо на то, чтоб носить его и лелеять в себе» (л. 427).

В этот критический момент своего идейного развития Наталья Александровна не раз возвращается к автохарактеристике, подвергая анализу свою жизнь. Тема идейного формирования вставала перед ней с особой остротой в связи с вопросом воспитания детей, которое она всегда рассматривала как общественное служение. Она стремилась воспитать в детях присущую ей самой глубокую убежденность и преданность передовым общественным идеалам. Прямым дополнением к ее «Плану автобиографии» (опубликованному в т. 63 «Лит. наследства», стр. 364—367) служит то место из письма к Астраковой от 30 июня 1849 г., обращенное к С. И. Астракову, где она, в связи с мыслями о воспитании детей, набрасывает историю своего внутреннего становления:

«Мне часто приходит в голову, что тем, что я есть, конечно я обязана много моему воспитанью, т. е. тюремному заключенью, кандалам и всякого рода моральному истязанью. Сначала я вырабатывала в себе все сама, одна-одинешенька, потом помогал Александр, потом помогала уж жизнь. Впрочем, я не верила на слово и Александру, как ни любила его, как ни думала (т. е. повторяла себе), что он *единственный* человек.

Всякая мысль, всякое убежденье тогда только становились моими или, лучше сказать, мною, когда они переваривались в голове моей, как пища в желудке; одинокая и сильная работа мозга сделала меня, наконец, хищною — не только жеваного, ни вареного, ни печеного я не могу принять, мне нужно совсем сырое, а там и работаю насколько сил хватит. Результат всего этого тот, что я довольна собою, т. е. жизнью, то есть этою работою, разумеется не беспрестанно» (л. 439).

Сильная, самостоятельная работа мысли помогла ей расстаться, как она писала Астраковой, с предрассудками прошлой жизни, как и «с верою в будущую жизнь». Однако надлом, испытанный в июньские дни 1848 г., так и не был ею до конца изжит. Глубокая личная трагедия явилась в конечном счете одним из следствий этого надлома *.

---

* Приписки Натальи Александровны, представляющие интерес для биографии Герцена или непосредственно связанные с содержанием его писем, печатаются нами либо в основном тексте, либо в комментарии (в извлечениях). Остальные приписки полностью опускаются с соответствующей оговоркой в комментарии.

1

Н. И. АСТРАКОВУ

Москва. 1832 года. Февраля 11

Почтеннейший Николай Иванович!

Придерживаясь древнему русскому правилу, что раскаяние есть пол-*исправления*, я принялся за перо не для ⟨того⟩,* чтоб оправдываться, но для того, чтоб раскаяться и попросить прощения, которое надеюсь и получить. Я давно уже должен бы был переслать к вам Бруно [1] и Систематику [2], но то хлопоты ученья, то хлопоты рассеянья так плотно заняли время, что не нашлось свободной минуты, которую бы я мог посвятить блаженной памяти Иордано Бруно и системе систем Максимовича. Второе напоминовение сделало меня подеятельнее, и вы получите Бруно. О Систематике еще не знаю,— Максимовичу я вручил деньги, но книги еще не получал, а поелику он часто улетает в мир идеальный на поэзии тычинок, пестиков и спиральных сосудов [3], то и немудрено, что забудет; ежели же получите ее, то советую (извините в дерзости) прочесть это изящнейшее творение по сей части, чисто философское направление и высокое понятие о науке — и науках естественных.

Желал бы я сообщить вам что-нибудь новое, но где же взять? Москва — мимо, политика — мимо, шум светский — мимо. Университет — sta viator!**. Это наша bien-aimée ⟨éco⟩le * normale ***, как говорит Кузен [4]. ⟨Тут⟩ * что нового? Наше отделение всё так же изящнейшее, всё то же рвение к математике и та же ненависть к натур⟨альной⟩ истории. У нас всё так же блестят Носков, Кирьяков и Лукьянов [5]. Фишер вышел, его место заступит его сын [6]. Остальное по-старому. Чумаков не переменился ни на волос, да как ему перемениться: *умнеть* в эти лета нельзя, *глупеть* невозможно — до дна глупости дошел. Мягков, о Мягков — чудо, он вчера кричал: «45-е. Когда говорится (тут он поправил галстук): „Артиллерия едет“ — это не значит, что едет наука, но орудия артиллерийские».

Какова 45-я тактическая феорема! [7]

В словесном отделении место Гаврилова занял Надеждин [8].

Из ваших товарищей знаю о трех — Леонид Пассек был в Мальте и отправился на греческие острова, где получил чин мичмана [9]; Николай Смирнов [10] в Петербурге бог знает зачем, а А. Савич здесь; говоря об Савиче, я не могу умолчать о том, что он мне дает уроки из астрономии *единственно* из благорасположения ко мне, жертва, которую я вполне умею ценить и буду ценить, посему за долг поставил и вам сказать о этом благородном поступке; à propos, он выдержал экзамен магистрский [11].

Еще в заключение (чтоб благочестиво кончить) скажу об *Алексее Гавриловиче Хитрове* [12]. «Поелику *неоспоримо* доказано, что мир земной есть свет померкнувший, и известно, что он должен *паки* возблистать, что совершится (ut scripsit Dionisius Areopagitus ****), когда исполнится сумма грехов, а поелику сумма сия, по свидетельству Якова Бема [13] и Григорья Назианзина [14], теперь уже настала, когда не мудрование о любви, но мудрость приняли за философию, то г. Хитров с нетерпением ждет сего просветления». Может быть, я переврал, но что-то подобное он сегодня рассказывал.

Извините, что я вас утруждаю сими нелепостями, сладко вспомнить о товарищах; итак, не сердитесь за сие письмо, писанное преданным вам

Александром Герценым

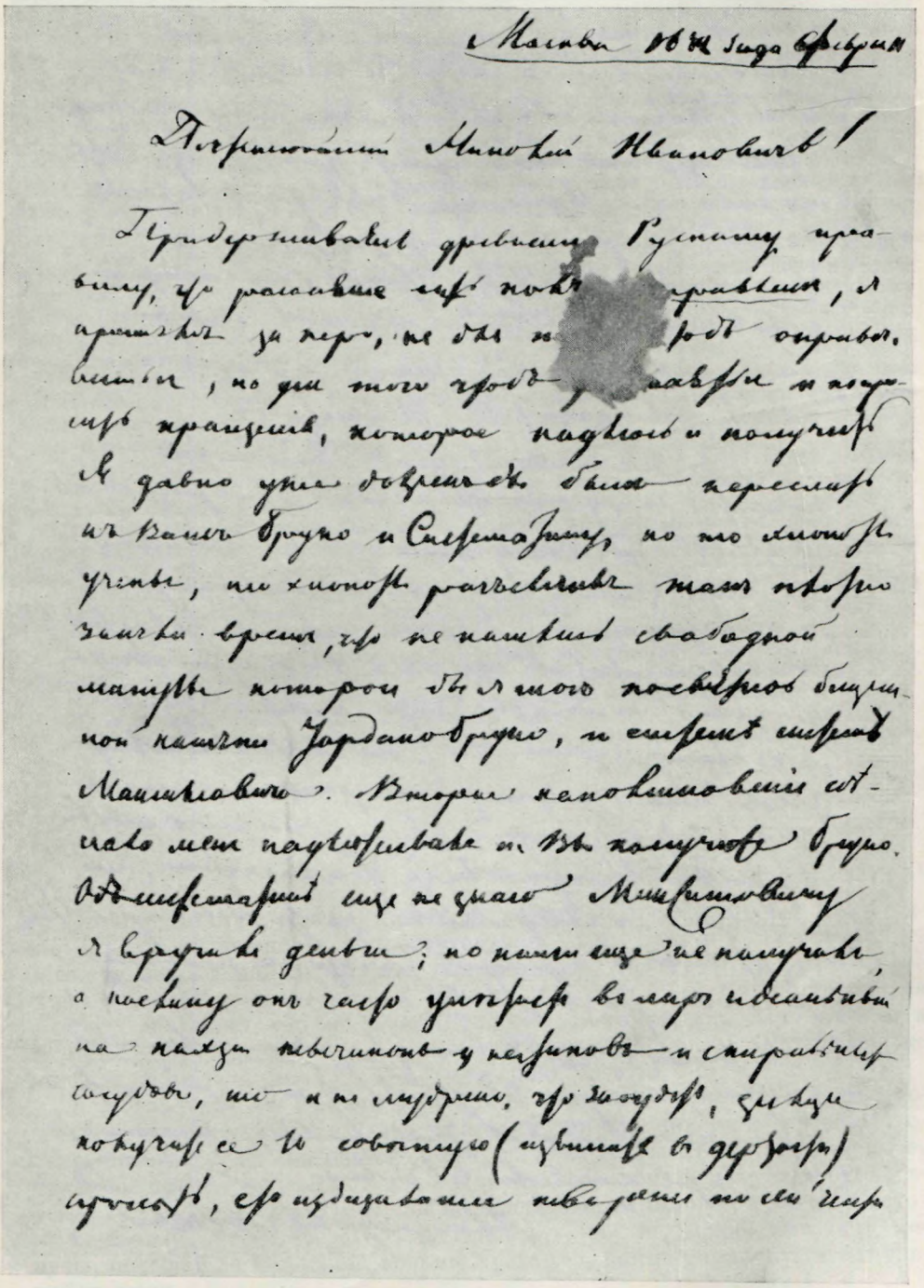
---

* Залито чернилами и читается предположительно.— *Ред.*

** Остановись, прохожий! (лат.).

*** Горячо любимая Нормальная школа (франц.).

**** Как писал Дионисий Ареопагит (лат.).

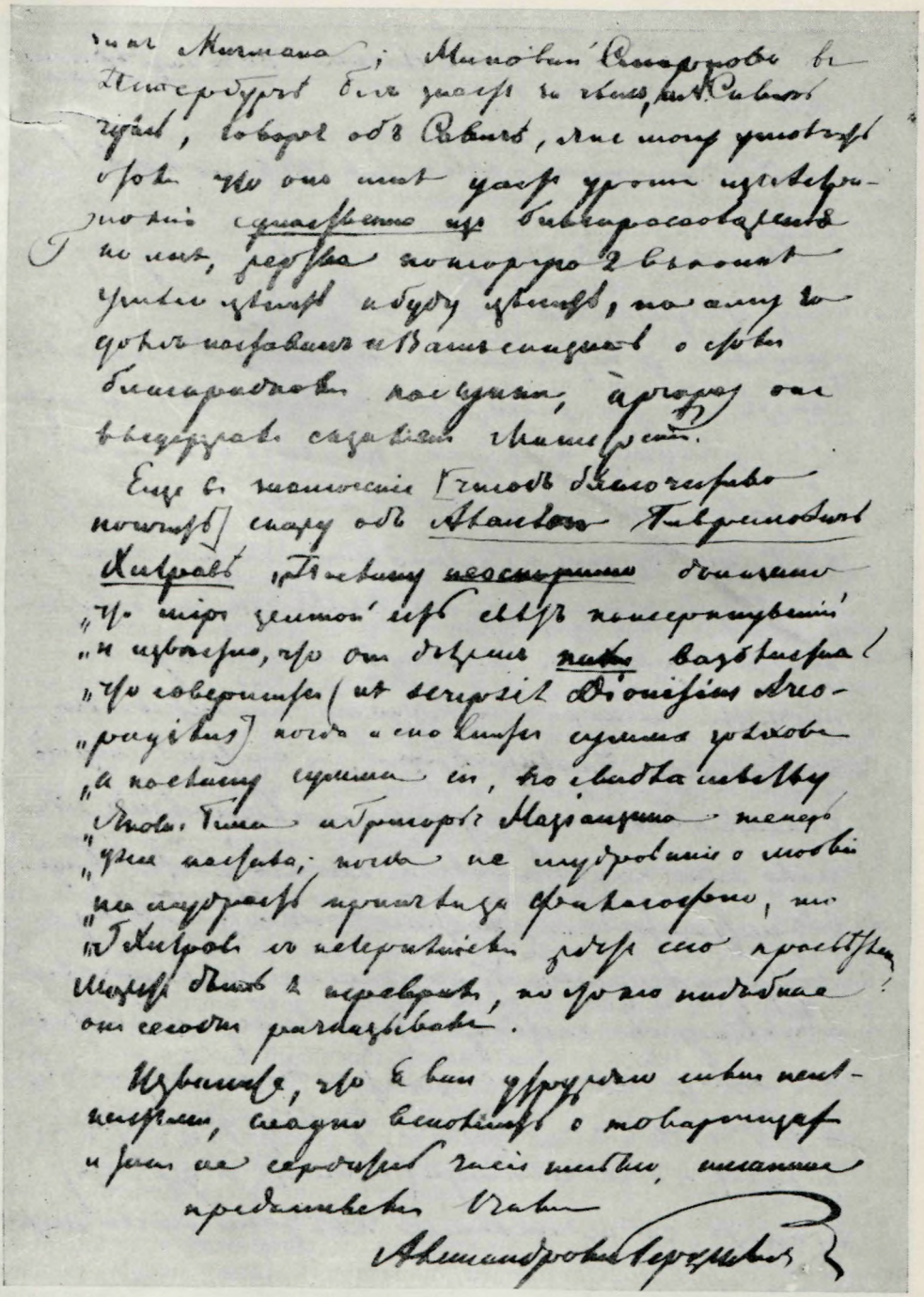


Москва 1832 года февраля 11

Почтенный Никитой Ивановичь!

Предоставливая древнему Русскому нраву, что раскаяние сей поступокъ исправляетъ, я приступаю къ перу, не для того чтобы оправдываться, но для того чтобы [illegible] и получить французское, которое надеюсь и получу. Я давно уже обещалъ былъ пересылать къ Вамъ Бруно и Сперанскаго, но по лености учителя, по хлопотамъ разсылки тамъ второго зачастя время, что не нашелъ свободной минуты потрудиться и Вамъ Бруно, и сперва Сперанскаго. Второе наставленіе отдало меня наслѣдствовать и Вамъ получить Бруно. Объ Сперанскомъ еще не сказано Никитиковичу и Вашей дѣвицѣ; но пока еще не получилъ, а послѣднюю отъ часу умножаетъ волнуемый на нашей невѣстинской и нерусской и скоротечной судьбы, что и не мудрено, что скоро, дай Бог получу я то совокупно (изъяснюсь въ дорогѣ) прочтутъ, что изъяснялся невѣрно по сей чаши

ПИСЬМО ГЕРЦЕНА К Н. И. АСТРАКОВУ ОТ 11 ФЕВРАЛЯ 1832 г.
Самое раннее из известных в автографе писем Герцена
Лист первый
Колумбийский университет, Нью-Йорк



ПИСЬМО ГЕРЦЕНА К Н. И. АСТРАКОВУ ОТ 11 ФЕВРАЛЯ 1832 г.

Самое раннее из известных в автографе писем Герцена

Лист последний

Колумбийский университет, Нью-Йорк

[1] О каком сочинении Джордано Бруно идет речь в настоящем письме — не установлено. В кандидатской диссертации Герцена «Аналитическое изложение солнечной системы Коперника» о Джордано Бруно встречается одно беглое упоминание (см. изд. АН, т. I, стр. 48).

[2] *Систематика* — сочинение Михаила Александровича Максимовича (1804 — 1873) «О системах растительного царства. Рассуждение для получения степени магистра физико-математических наук», изданное в Москве в 1827 г.

[3] М. А. Максимович читал в Московском университете курс ботаники.

[4] *Ecole Normale Supérieure* — высшее педагогическое учебное заведение в Париже, основанное в 1808 г. В нем преподавал известный философ-эклектик Виктор Кузен, упоминания о котором довольно часты в ранних произведениях Герцена.

[5] Михаил Павлович *Носков* — участник кружка Герцена — Огарева, окончивший в 1832 г. физико-математическое отделение Московского университета. Герцен характеризовал его впоследствии как «милого, благородного» человека (II, 433; см. письма к нему Герцена в «Лит. наследстве», т. 39-40, 1941, стр. 186—188). — Николай Андреевич *Кирьяков* и Яков Афанасьевич *Лукьянов* — университетские товарищи Герцена (по физико-математическому отделению).

[6] У профессора Григория Ивановича *Фишера фон Вальдгейма* (1771—1853) Герцен слушал курс зоогнозии. В «Былом и думах» он отнес его к числу «добрых и ученых» немцев (изд. АН, т. VIII, стр. 120). В 1832 г. его преемником по кафедре зоологии стал его сын Александр Григорьевич.

[7] Иронические характеристики профессора прикладной математики Федора Ивановича *Чумакова* и профессора военных наук Гавриила Ивановича *Мягкова* — см. в VI главе «Былого и дум» (изд. АН, т. VIII, стр. 123).

[8] Александр Матвеевич *Гаврилов* — адъюнкт по кафедре славянского языка, теории изящных искусств, археологии и словесности. С 18 января 1832 г. его сменил Николай Иванович *Надеждин*.

[9] Леонид Васильевич *Пассек* — брат Вадима Пассека. В 1830 г. окончил курс Московского университета со степенью кандидата.

[10] О Николае *Смирнове* сведениями мы не располагаем.

[11] Алексей Николаевич *Савич* (1810—1883), впоследствии известный астроном, окончил Московский университет в 1829 г. См. о нем ниже, в примеч. 2 к письму № 29.

[12] Об Алексее Гавриловиче *Хитрове* сведениями мы не располагаем.

[13] Яков *Бем* (1575—1624) — немецкий мистик.

[14] *Григорий Назианзин* (Назианзский, 328—390) — византийский богослов.

2

Н. Х. КЕТЧЕРУ и Н. И. АСТРАКОВУ

⟨Владимир.⟩ 30 апреля ⟨1838 г.⟩[1]

Кетчер! Начну с упрека; может, вы все его не заслужили; но, как угодно, siori *, небрежность непростительная: 1-е. Деньги Сазонов мог не обещать, но, обещавши, *должен был* прислать, потому что я занял на несколько дней бог знает у кого, надеясь получить. 2-е. Из твоего письма я ничего не понял, что же у вас готово,— всё то же, как было при мне и до меня. Вот поэтому-то я и придумал послать Матвея [2]. Ну сделай же милость, обрати внимание, вот в чем дело.

1. Дозволение от губернатора и с ее именем у меня есть и даже с печатью, на гербовой бумаге etc., но этого недостаточно, надобно какой-нибудь документ о ее совершеннолетии, а в этом документе отказать не имеет никакого права священник церкви Иоанна Богослова за Тверским бульв⟨аром⟩, где ее крестили. Неужели не сладите всем корпусом взять у него?

2. *Ежели достанете от свящ⟨енника⟩* — то, не медля ни одной минуты, посылай за коляской, возьми N⟨atalie⟩, найми горничную и отправляйся сюда.

3. *Ежели не достанете,* то или найди священника, который бы за деньги обвенчал по губер⟨наторскому⟩ позволению (а он мне разрешил венчаться и в Московской губернии и напиши с Матвеем, куда мне приезжать), или сейчас отошли Матвея назад, ежели невозможно **; тогда надобно

* господа (итал.).

** вместе приезжайте.— *Примеч. Герцена.*

прибегнуть к самому последнему средству — ехать в Шую, там есть какой-то mascalzone *-поп.

Péroraison **. Итак:

Во всяком случае (omni casu), я советую ехать сюда (ежели только нет верного попа около Москвы).

Кетчер и все друзья.— Клянусь, я гибну и задыхаюсь; ежели сколько-нибудь вам дорог друг Герцен — теперь пособите. Спросите Матвея, в каком положении он меня оставил,— о, ежели б не любовь этого ангела — покуда не узнали здесь открытие твоего брата, я взялся бы за acidum hydrocianicum! *** Ужасное положение!

Достаньте же свидетельство.

Да, впрочем, очертя голову приезжайте.— А главное деньги — это тоже свидетельство. Без денег уж и не ездите.

Герцен

Да, omni casu**** необходимо, чтоб Natalie приехала, а то, зачем я потратил 25 руб⟨лей⟩ на квартеру? — Ну, хоть для того, чтоб вместе умереть, — чуть-чуть было не поставил ъ — господи, куда заводит фантазия.

В Шуе надобно иметь 1600 руб⟨лей⟩ государ⟨ственными⟩ асс⟨игнациями⟩. Я туда сегодня отправляю гонца.

А что, Emilie[3] сшила того, а?

Нужно очень было Егору Ив⟨ановичу⟩ говорить о деньгах. Черт знает что такое.

Да кто же поедет из дам? Emilie — дай бог.

Ну да приезжайте, так-таки просто приезжайте. Они[4] откроют рот:

***** О, грудь ломится — крест тяжел не в меру, не то что Аннинский 3 ст⟨епени⟩ с бантом.

Александр

Астраков — grâce, grâce!

(«Robert ⟨le⟩ Diable») ******[5]

Да помогите же.

А пуще деньги.

На другом листе:

Ежели Татьяна Алексеевна решится дать записку следующего содержания, то она почти равносильна свящ⟨енниковой⟩:

«Девица N. N., рожденная в 1817 году 22 окт⟨ября⟩ и крещенная в церкви N. N., живущая ныне у меня и на моем попечении, вероисповедания греко-российского, на исповеди и у св⟨ятого⟩ причастия бывает и препятствий не имеет к вступлению в брак с N. N. — В чем и удостоверяю.

N. N.»

Я просил архиерея; он говорит, что разрешить не может, но сквозь пальцы будет смотреть[6]. Ежели же достанете свидетельство от крестившего — то он разрешит прямо.

У Матвея формальное требование ко протоиерею, или иерею, или попу.

Сейчас отдайте Матвею деньги, обещанные Сазоновым.

Герцен

Николаю Христофоровичу Кетчеру.
Цидула, пропорциональная его массе.

---

* мошенник (итал.).
** Заключение (франц.).
*** синильную кислоту! (лат.).
**** во всяком случае (лат.).
***** Это зубы.— *Примеч. Герцена.*
****** Сжалься, сжалься («Роберт Дьявол») (франц.).

На обороте:

Кетчеру или Н. И. Астракову.
Близ Девичьего поля, собственный дом позади Мальцова.
Приход Воздвижения на Овражку [7].

[1] Публикуемое письмо относится ко времени лихорадочной подготовки к «похищению» Натальи Александровны из дома княгини М.А. Хованской. «Два месяца прошли в беспрерывных хлопотах,— писал Герцен впоследствии в XXIII главе «Былого и дум», — надобно было занять денег, достать метрическое свидетельство; оказалось, что княгиня его взяла. Один из друзей ⟨т. е. Н. И. Астраков⟩ достал всеми неправдами другое из консистории — платя, кланяясь, потчуя квартальных и писарей» (изд. АН, т. VIII, стр. 365).

[2] *Матвей* Савельевич — слуга Герцена.

[3] *Emilie* — Эмилия Аксберг, гувернантка Н. А. Герцен.

[4] *Они* — т. е. родные Герцена.

[5] Часто повторяемое Герценом восклицание из оперы Дж. Мейербера «Роберт Дьявол» (1831).

[6] Речь идет об архиепископе Владимирском и Суздальском Парфении (Васильеве-Черткове Павле Васильевиче, 1782—1853). Свои переговоры с ним по поводу брака Герцен подробно описал в XXIII главе «Былого и дум» (см. изд. АН, т. VIII, стр. 371—376).

4 мая 1838 г. Герцен писал своей невесте: «Душа моя, а как неприятно вести переговоры с попами... Фу!.. Зато у архиерея я был хорош: я не просил, я дал волю языку и пламенно, бешено требовал; он обещал *не* препятствовать и прибавил: „Вот огонь-то— и ссылка и тюрьма не вылечила его“» (II, 194).

[7] Позднейшая надпись Т. А. Астраковой: «Эту почту читать вперед, она за 1838-й год».

3

Н. И. и Т. А. АСТРАКОВЫМ и Н. Х. КЕТЧЕРУ

⟨Владимир. 10 (?) мая 1838 г.⟩[1]

Астраков, Татьяна Алексеевна, Кетчер!

Слава богу, друзья, мы соединены, счастливы, и подробности в следующий раз[2].

Прощайте.
Александр

Рукой Н. А. Герцен:

и Наталья Герцен

Довольно ли вам?

Рукой Герцена:

Предупреждаю вас, что все шло превосходно, дивно венчались с благословения архиерея и заходящего солнца[3].

Шляпку необходимо и платье, выслать ли денег? а впрочем, пришлите и так, ибо пока деньги есть — писать, ей-богу, теперь нельзя, в субботу рапорт подробно.

Рукой Н. А. Герцен:

Татьяна Алексеевна! вам довольно, что я подписала там Наталья Герцен, но я не удовлетворяюсь этим — благодарность, благодарность вам безмерная, бессловесная, невыразимая... а вы, Кетчер и Астраков! Я знаю, в душе вашей вам награда огромная[4], а сверх ее еще бóльшая — блаженство Александра и Наталии Герценых.

После буду писать много, много, пора на почту, прощайте, друзья! мы ваши, ваши, и счастие наше — ваше.

[1] На письме позднейшая помета Т. А. Астраковой: «1838. Мая (должно быть 10-го)».

[2] 9 мая 1838 г. Герцен обвенчался в «маленькой ямской церкви, верстах в трех» от Владимира (изд. АН, т. VIII, стр. 374).

[3] Этот образ заходящего солнца, сопровождавшего их венчание, Герцен навсегда сохранил в своей памяти. Он писал в «Былом и думах»: «...Когда мы выезжали из Золотых ворот вдвоем, без чужих, солнце, до тех пор закрытое облаками, ослепительно осветило нас последними яркокрасными лучами, да так торжественно и радостно, что мы сказали в одно слово: „Вот наши провожатые!“» (т а м ж е).

[4] О помощи, оказанной ему супругами Астраковыми и Кетчером, Герцен тепло отозвался в главе XXIII «Былого и дум» (см. изд. АН, т. VIII, стр. 361—370).

4

Н. И. АСТРАКОВУ

⟨Владимир. 17 мая 1838 г.⟩

Астраков, с 8-го числа продолжается один восторг святой, высокий — душа не охладела еще настолько, чтоб давать себе отчет — после, гораздо после будет речь об этом [1]. Письмо получил. Все в Москве идет лучше, нежели мы думали [2].

Моя жизнь развивалась как-то судорожно, болезненно — чего не перестрадал я, начиная от родительского дома; вдруг туман рассеялся, тучи рассеялись, яхонтовое небо, светлое солнце — и жизнь полилась стройно. В Наташе не токмо полный отзыв всем требованиям моей души, но еще сверх их целый мир поэзии, и я ношусь в нем, убаюкиваюсь его песнями — словом не знаю, чего бы мне просить у бога.

Ни тебя, ни Тат⟨ьяну⟩ Ал⟨ексеевну⟩, ни Кет⟨чера⟩ не благодарю больше, вы совершили предопределенное богом — вы знаете, что́ вашими руками создано, в факте — наше счастье, велика и ваша доля.

Саз⟨онов⟩ хочет посетить меня — рад, очень рад, однако замечу — всего лучше после 20-го — до тех пор я на старой квартере, очень тесной [3]. Пришли с ним всё писанное, оставшееся от Наташи и, главное, «О себе»[4]. — Я теперь долго писать не буду, грешно; но зато какую я силу соберу в моем счастии, тут-то я окрепну — что мне теперь люди?

Ну прощай,
твой друг до гроба
А. Герцен

Я не думаю, чтоб нужно было все деньги от Сазонова и не довольно ли половины и для меня и для Натали. Пришли же книги и статьи, а пуще всего наряды хоть по почте. Архиерей будет писать в Москву, он не нарадуется на Наташу. Пожалуста наряды-то, да попроси Т⟨атьяну⟩ Ал⟨ексеевну⟩ подороже — ведь это раз трата.

Addio!

[1] 8 мая 1838 г., приехав тайно в Москву, Герцен встретился с Н. А. Захарьиной и выехал вместе с ней во Владимир. Этим днем Герцен исчислял начало их союза.

[2] Герцен имеет в виду впечатление, произведенное на родных его женитьбой. Наталья Александровна в приписке к этому письму сообщала Т. А. Астраковой:

«Сейчас письмо из Москвы — все чудесно! Папенька принял эту новость наилучшим образом; даже прислал 500 рублей мне на платья — чего мы боялись? Дети, дети!..

Мы уверены, что вас это порадует, друзья наши. Лев Алексеевич пишет Александру, что обнимает его супругу, и маменька пишет, что все радуются и хвалят, что мы так поступили. Вот бог, вот его провидение — радуйтесь, друзья, радуйтесь и еще и еще вам благословение!» (л. 11).

[3] По-видимому, Сазонов не осуществил своего намерения приехать к Герцену во Владимир.

[4] Эта просьба прислать рукопись «О себе», неоднократно повторявшаяся Герценом как в письмах к Н. И. Астракову, так и к Кетчеру, осталась неисполненной. О судьбе этой неоконченной повести см. исследование А. Н. Дубовикова в «Лит. наследстве», т. 63, 1956, стр. 9—55.

5

Н. И. АСТРАКОВУ

⟨Владимир. 24 мая 1838 г.⟩

Приписка к письму Н. А. Герцен к Т. А. Астраковой[1]:

А может, я и в самом деле слишком холодно и черно привык смотреть на людей (в Вятке), и оттого люди меня приводят в восторг, и поневоле рвется слово спасибное им. Вперед исправлюсь[2].

ВЛАДИМИР-НА-КЛЯЗЬМЕ
Литография 1846 г. с рисунка А. Дюрана, 1839 г.
Литературный музей, Москва

Что о себе сказать — я счастлив — это дело решенное и известное. Но вот что для меня ново. Гармоническое, стройное бытие мое теперь разливает во мне какую-то новую силу, аминь минутам убийственного desperatio *, аминь ломанью тела душою. Имея залог от провидения, совершив все земное — является мысль крепкая о деятельности, скажу откровенно — я ее не ждал.

Братский поклон Тат⟨ьяне⟩ Алекс⟨еевне⟩.

Прощай.

А. Герцен

24 мая.

[1] В этом письме Н. А. Герцен писала: «Полна, изящна наша жизнь. Мы некогда пламенно желали с Александром бежать в Италию от льдов Севера и от сердец северных людей — теперь все тепло, близко, приветно, все братья, и крошечный Владимир—рай! ⟨...⟩ С восхищеньем жду папеньку-рыцаря...» («папенькой-рыцарем» Н. А. Герцен называла Н. Х. Кетчера).

[2] Начало приписки является откликом на несохранившееся письмо Астраковых.

* отчаяния (лат.).

6

Н. И. АСТРАКОВУ

⟨Владимир. 5 июня 1838 г.⟩

Записывать моменты двойной жизни. Нет, на это еще время не пришло и долго не придет. Дай сперва на больные места души осесть прозрачным кристаллам счастья, и притом ты знаешь условия кристаллизации — спокойствие, т. е. гармония. Оно и есть, но еще мало времени, надобно перестать *дивиться* на свое блаженство, надобно свыкнуться с ним и вдыхать его свободно, как воздух, как свет. Кристаллы осядут — и тогда прямо вынь слепок их из души, и это будет моя жизнь после 8 мая. А дивно шло все и так заключено в нас двоих, никто не подходил, ни близкий, ни дальний. Мы очутились, отданные богом друг другу, одни на целом земном шаре. Сердце говорило — вдали есть родные душою, но глаз не видал их, перед ним стояла она и развертывалась природа. Это делает из новой поэмы жизни поэму греческую, древнюю. Там не было несколько переплетенных нитей, а одна группа, облеченная едва наброшенной тканью *обстоятельств*.

Ну заболтался.— К делу: должен я тебе или нет? Денег вновь не посылаю, и на это есть причина, хотя еще и не все я истратил, но до нового получения [1] должен приостановиться. Кое-что поручил я дома. Думаю, впрочем, через короткое время иметь опять деньги, для *позолоты* греческой поэмы. Книги наташины очень нужны, и бумаги, и моя книга. Я писал с папеньк⟨иным⟩ мужиком к тебе записку; по ней можешь отдать, запечатав. Письма сегодня получены.

Прощай.
Весь твой
А. Герцен

5 июня. Суббота.

Татьяне Алексеевне мое искреннее почтение — нет, не почтение, а дружба.

Рукой Н. А. Герцен:

Татьяна Алексеевна!

Что вам сказать нового? Свет, свет, блаженство, рай... что еще? ну, разумеется, *более* нет ничего...

Сегодня получила и шляпу и платья — все, все прекрасно, благодарю вас за труды; простите, вы этого не любите, но все-таки благодарю премного.— Подождем из Москвы, а то, может, и опять к вам с просьбами.

Что ж рыцарь-папенька? Ах, кабы приехал! передайте ему от детей поклон и рукожатье.

Вас обнимаю.
Ваша
Ната

Николаю низкий, низкий душевный поклон.

Рукой Герцена:

Скажи, пожалуста, Кетчеру, чтоб он мне прислал «Revue de Paris» [2] с июля 1837 года и до сего дня. Читал ли он в этом журнале «Mauprat» George Sand?— Мне чрезвычайно нравится Patience и ему, *думаю*, тоже [3]. Да пусть еще пришлет 2-ю часть Жан-Поля [4].

[1] Герцен получал от отца 1000 рублей серебром в год. Эта сумма не была увеличена и после его женитьбы; однако И. А. Яковлев вскоре начал присылать сыну и невестке ценные подарки.

[2] Герцен позднее исправил свою ошибку: он имел в виду журнал «Revue des Deux Mondes».

[3] *Patience* — действующее лицо в романе «Мопра» Жорж Санд.

[4] *Жан-Поль* — псевдоним Иоганна-Пауля-Фридриха Рихтера (1763—1825). В молодости Герцен, как и большинство его современников, увлекался «прелестными сочинениями таинственного Жан-Поля» (изд. АН, т. I, стр. 70). Какое из многочисленных изданий этого плодовитого писателя просит прислать Герцен — неизвестно.

7

Н. И. АСТРАКОВУ

⟨Владимир. 7 июня 1838 г.⟩

Любезный друг. Я к тебе с просьбой нового рода, с просьбой «ради имени Христа». Вот в чем дело. Кажется, Полуденский не откажется попросить отца [1]. В Воспитательном доме открывается отделение для воспитания детей чиновников менее 8-го класса, и туда поступит или поступила просьба вдовы Медведевой [2] из Вятки, жены асессора по Строительной комиссии и титул⟨ярного⟩ советника Петра Медведева,— то нельзя ли дать просьбе ход? А я тебя удостоверяю, что эта несчастная женщина не имеет хлеба насущного, пренесчастная. Итак, передай Полуденскому мою просьбу. Я уж писал и ко Льву Алексеевичу[3] об этом.

И прощай.

А. Герцен

7 июня

Что господин Барон? грозный могиканин степей Сокольницких[4]. Я писал тебе прошлый раз, чтоб передать ему мою просьбу о «Revue des Deux Mondes» и чуть ли не назвал этот журнал «Revue de Paris», поправляю: итак,

«Revue des Deux Mondes».

Я сегодня прочел выговор Наташе за то, что так долго продержала ваши вещи, а посему, вероятно, в субботу они отправятся к вам.

Татьяну Алексеевну мы вспоминаем очень часто, Наташа ее видела раз глазами, да, не видавшись, прожила с нею душою целую жизнь.

А завтра 8-е, итак — месяц[5].

Его благородию
Николаю Ивановичу Астракову
В Москве
Близ Девичьего поля, приход Воздвиженья
на Овражках — собственный дом.

Почтовый штемпель. Владимир, 7 июня 1838

[1] Николай Петрович *Полуденский* (ум. в 1845 г.) — московский приятель Герцена, муж сестры Н. И. Сазонова. Его отец, Петр Семенович Полуденский (1777—1852), был сенатором.

[2] О Прасковье Петровне *Медведевой* см. в гл. XX «Былого и дум» (изд. АН, т. VIII, стр. 336—346).

[3] Лев Алексеевич *Яковлев* — брат отца Герцена. Упоминаемое письмо к нему Герцена неизвестно.

[4] *Барон* (Упсальский) — прозвище Н. Х. Кетчера. Он жил на окраине Москвы в Сокольниках.

[5] Далее опускается приписка Н. А. Герцен.

8

Н. И. и Т. А. АСТРАКОВЫМ

⟨Владимир. Около 20 июля 1838 г.⟩

Приписка к письму Н. А. Герцен:

Собирался давно писать к тебе, да вот что значит pater familias * — хлопоты, кейф — и дождался строжайшей реприманды **. Завтра едем и до 10 августа не вернемся[1]. Лафонтень, не читаемой памяти, говорил: «Счастливо то семейство, о котором нечего сказать и ничего не говорят»[2] (поэтому я думаю, что Швеция — рай земной), а я, должно быть, еще счастливее, потому что и сам не знаю, что сказать об нас. По обыкновению читаю много, и, собственно, перемена в том, что то время, которое встарь проводил, думая об Наташе, провожу с нею.

Моя жена — из papier mâché ***, раза три была больна, чуть ветер дунет — простудилась.

Прощайте. В молчанье виноват; но будьте уверены, что любовь к вам, друзья, не простыла и не простынет, она, как кавказская вода, вечно +80° по Реомюру.

Прощайте.
А. Герцен

Сколько я должен Сазонову? Нельзя ли узнать — скоро у меня будут деньги; пиши не прежде 10 августа[3].

[1] По разрешению владимирского губернатора И. Э. Куруты Герцен с женой отправился в отпуск к отцу, выехавшему на лето из Москвы. Наталья Александровна писала в этом же письме Т. А. Астраковой подробнее: «Теперь мы собираемся к папеньке, в деревню Льва Алексеевича, в Покровское, недалеко от Москвы, но надо будет ее объехать; может, пробудем там недели три****. В письмах его и тени нет неудовольствия— ни облачка, ни облачка на нашем небе! — Теперь сказать вам о своем житье-бытье: ежели не читаем книгу, то скитаемся по полям и горам и читаем природу, и бульвар здесь есть, и на бульваре публика есть — но нам тесно с добрыми людьми. Мы уходим туда, где и следа их нет, за заставу, далеко — виды отовсюду прелестные, возвращаемся домой поздно, усталые, в пыли, ни с кем не знакомы решительно, кроме семейства Куруты, да и на что нам знакомые во Владимире?» (лл. 21—22).

[2] В «Записках одного молодого человека» Герцен с иронией вспоминает о том, как в детстве он увлекался романами немецкого писателя Августа Лафонтена (1758—1831). В «Гофмане» он уже относил эти романы к тому роду произведений, которые, «будучи еще пошлее самой жизни, впали в приторную, паточную сентиментальность» (изд. АН, т. I, стр. 266 и 70).

[3] Письмо Герцена к Н. И. Астракову с сообщением о возвращении во Владимир от 20 августа 1838 г. — см. II, 202.

9

Н. И. АСТРАКОВУ

⟨Владимир.⟩ 27 августа ⟨1838 г.⟩[1]

Письмо твое получил, и так как Татьяна Алексеевна забирает справки по делу «о построении мантилии цвету якобы вороньего крыла и о таковой же белой», то, пользуясь *сей будущей настоящей* оказией, и я пишу.

Что, существует ли «Московский наблюдатель»?— об нем нигде не говорят — и каков?[2] Я с своей стороны очень доволен «Сыном отечества»[3].

---

* отец семейства (лат.).
** выговора (от франц. «reprimande»).
*** папье-маше (франц.).
**** Эти слова позволяют датировать приписку Герцена приблизительно 20-м числом, а также уточнить день выезда Герцена из Владимира.—*Ред.*

Помнишь ли там статью Литтре о единстве плана царства животного?[4] Хотелось бы мне поговорить об этом. Я думаю, то же единство, тот же план и во всей материальной природе, во всем παν[5]. Бывали ли с тобою минуты, когда глубокое удивление природы приводит к пантеизму, когда вся эта природа кажется плотью бога, его телом. Эта мысль просвечивает часто у Гёте, от нее он и дошел до мысли единства плана. Но не всегда эта пантеистическая мысль представляется * достаточной. Откуда зло фи-

Н. Х. КЕТЧЕР

Рисунок К. А. Горбунова, 1845 г. из альбома, подаренного Герцену Огаревым

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

зическое и моральное. Тут религия, тут мистицизм и вера, а с верою несообразен пантеизм. Смерть хочется поговорить обо всем этом, а писать слуга покорный.

А. Герцен

Хочу со временем приняться за арабский язык, потому что хочу ехать на Восток. Мы, европейцы, слишком надеемся на свое, а Восток может дать много. Страна мысли почившей, фанатизма, поэзии неужели не даст еще раз своей лепты в дело европейское, которому она дала много — и христианство, и исламизм, и крестовые походы, и османлисов, и мавров.— Ев-

* *Далее зачеркнуто:* аксиомой.— *Ред.*

ропа вся выразилась этими типами, Англия, Пруссия, Нью-Йорк. Ну и что же? Неужели узкая теория северо-американцев, феодализм Англии и прусские гелертеры — всё, что может человечество?.. Чёрт знает что на меня нашло за любомудрое расположение.

Так как на той странице письмо окончено по форме, то и не нужно его 2-й раз оканчив⟨ать⟩. Что Herr Барон? Что Сазонов и его свадьба? Новостей всяких литературных и безграмотных и etc.[6]

[1] Письма Герцена к Н. И. Астракову от 20 и 23 августа 1838 г.— см. II, 202 и 204. См. также в сб. «А. И. Герцен. Новые материалы». М., 1927, стр. 189, опущенную М. К. Лемке приписку Н. А. Герцен к Т. А. Астраковой.

[2] Журнал «Московский наблюдатель» с марта 1838 г. перешел под редакцию Белинского. Книжки журнала выходили в это время крайне нерегулярно, однако к августу 1838 г. было разослано подписчикам шесть книжек, первая из которых (мартовская) вышла в свет 4 мая, а последняя (2-я майская) — 17 августа. См. «Лит. наследство», т. 57, 1951, стр. 260. Герцен предполагал участвовать в этом журнале (II, 205).

[3] С 1838 г. журнал «Сын отечества» начал выходить под редакцией переехавшего в Петербург Н. А. Полевого (номинальным редактором был Н. И. Греч).

[4] Герцен имеет в виду статью Эмиля *Литтре* (по поводу парижского издания сочинений Гёте об естествознании) в майской книжке «Сына отечества» за 1838 г. (отдел «Критика»).

[5] Παν — греческое божество, персонифицировавшее природу.

[6] Далее опускается приписка Н. А. Герцен.

10

Т. А. и Н. И. АСТРАКОВЫМ

⟨Владимир. 19 сентября 1838 г.⟩

Приписка к письму Н. А. Герцен[1]:

Что же ваш Николай мне не отвечает, можно ли доставить письмо, приложенное тогда[2], а мне это очень хочется знать, а вот почему я теперь пишу к вам об этом, а не к нему, этого и сам не понимаю, и потому середь речи обращусь к нему.

Что же, друг, когда сбудется твой слух о скорой развязке, хотя мне индивидуально хорошо жить, но *пора* выйти на свет божий[3].— Что же Барон и Сазонов грозились посещением,— за чем дело стало,— хочется с родными повидаться. Тебя не зову — потому что наверное не поедешь.— Ну, мое почтенье.

А. Герцен

[1] В своем письме Н. А. Герцен сообщала, между прочим: «Искавши очень долго квартеры, претерпевши разные всевозможные неудобства, мы нашли, наконец, прекрасную квартеру» (л. 35). Это — «большой барский дом с садом», описанный Герценом в «Былом и думах» (изд. АН, т. VIII, стр. 377).

[2] Герцен просил Н. И. Астракова переслать его письмо Огареву.

[3] По-видимому, Астраков сообщил слух о том, что Герцена возвращают из ссылки.

11

Н. И. и Т. А. АСТРАКОВЫМ

1838. Октября. Владимир

Саго! Я своекорыстно обрадовался твоему намерению идти в директоры, здесь есть ваканция: был дир⟨ектором⟩ Калайдович, его прогнали, теперь правит должность Соханской, поистине — один из казенных скотов нашего времени[1]. Не хочешь ли? Вот бы прелесть. И ты полковой командир Дмитрия Вас⟨ильевича⟩ Небабы (который здесь во всем городе считается Лейбницем)[2]. Выгоды: 175 в⟨ерст⟩ от Москвы; остальные выгоды— большие невыгоды: бедный город, глупый город — но всё это перевешивается истинным удовольствием и честью быть в одном городе с Герценым,

одним из самых лучших моих знакомых. Да скажи мне вот что: в вятской гимназии есть учитель русс⟨кой⟩ слов⟨есности⟩, превосходный человек и ученый насколько нужно, учился в Казанс⟨ком⟩ унив⟨ерситете⟩, ему остается год пробыть в округе, а потом я ему советую бросить Австралию и ехать в пред-Европие, т. е. Москву. Есть ли возможность (и какими средствами) получить место по сей части? А человек такой, о котором стоит позаботиться [3].

Далее quasi *-драма идет [4]; мне нравится, да хочется, чтоб еще нравилось кой-кому. Наташа — судья пристрастный. Пришлю образчики, да только это не драма (я соврал, писавши к Саз⟨онову⟩)[5], а сцены. Хочется печатать что-нибудь, хочется свое имя записать между Сенковским, Ал⟨ександром⟩ Анф⟨имовичем⟩ Орловым, Бенедиктовым! — Что за скот выдумал печатать портреты в книге, издав⟨аемой⟩ Смирдиным, и в главе Сенковский, после Пушкин[6]. Я скажу про нашу литературу как Югурта про Рим: «О, продажный город. Жаль, что нет покупщика на тебя».— И кто будет покупать лица Тимофеева, Кукольника и пр.? Я думаю, все это делается для того, чтоб так нагадить и намерзить литературные занятия, чтоб порядочному человеку равно казалось красть платки и печатать книжки. Оно уж и началось с издания журнала Cloaca maxima** «Б⟨иблиотека⟩ д⟨ля⟩ ч⟨тения⟩»,— наконец, дошло до того, что, наряду с Пушк⟨иным⟩, гравируют А. А. Орлова — да верить ли подобным нелепостям?

Мое почтенье.

Позвольте мне вас, Татьяна Алексеевна, преусердно поблагодарить за хлопоты по просьбе Наташи, предоставляя ей *пространнее распространиться*; я ограничиваюсь тем, что, с вашего дозволенья, целую вашу ручку [7].

[1] Речь идет о несостоявшемся назначении Н. И. Астракова на вакантное место директора владимирской гимназии. — *Калайдович* — вероятно, Федор Федорович Калайдович, брат известного историка. — Николай Иванович *Соханский* — инспектор владимирской гимназии.

[2] Дмитрий Васильевич *Небаба* (ум. в 1841 г.) — учитель математики владимирской гимназии, товарищ Герцена по Московскому университету, вместе с Герценом редактировал в 1838—1839 гг. неофициальное «Прибавление к „Владимирским губернским ведомостям“». См. его подробную характеристику в главе XVIII «Былого и дум».

[3] Речь идет об Андрее Ефимовиче *Скворцове*, о котором см. в главе XVI «Былого и дум». Скворцов в Москву не переехал.

[4] Ранний драматургический опыт Герцена. Первый вариант его был стихотворный, позднее — в 1840 или 1841 г. Герцен придал ему прозаическую форму. Известен по публикации в «Воспоминаниях» Т. П. Пассек «Из дальних лет» под заглавием — «Из римских сцен». В издании под редакцией М. К. Лемке озаглавлено: «Лициний». В издании АН СССР помещено под названием «Из римских сцен» с авторской датой — «1838 г. Владимир-на-Клязьме» (т. I, стр. 183—195).

[5] Это письмо Герцена к Сазонову неизвестно.

[6] Первый том задуманного А. Смирдиным десятитомного иллюстрированного издания «Сто русских литераторов», с гравированными портретами, вышел в свет в 1839 г. Вероятно, Герцен ознакомился с содержанием первого тома по объявлению. Возмущение его тем, что в этой книге напечатаны портреты многих ничтожных писателей, а портрет Сенковского помещен раньше портрета Пушкина, разделял и Белинский (см. его рецензию на первый том этого издания в «Московском наблюдателе», 1839, № 3, стр. 1—13.— Полное собр. соч. В. Г. Белинского — изд. АН, т. III, 1953, стр. 99—106).

[7] Далее опускается приписка Н. А. Герцен, в которой она сообщала, между прочим: «... мы живем, как отшельники, ни к нам никто, ни мы никуда, кроме семейства Куруты. Книги, фортепиано, воспоминания и море блаженства настоящего, слившееся с будущим⟨...⟩. Что, ежели это возможно, чтоб вы с Николаем переехали сюда? Мы, вероятно, еще долго здесь пробудем. Александр хочет занять должность...» (л. 38).

---

* почти (лат.).

** Сток для нечистот (лат.).

12

Н. И. АСТРАКОВУ

⟨Владимир. После 8 ноября 1838 г.⟩[1]

Да, любезный друг, вопрос, страшащий тебя, и нам приходит часто, часто в голову. Веришь ли ты в бессмертие? Как не верить? Доказать я не могу очевидно, а внутри голос говорит. И будто человек не может жить независимо от времени и пространства? Да это-то и есть полная жизнь; что такое время, пространство, как не кандалы? А кому они нужны? Телу. Но ежели мы сознаем в себе начало, которое тяготится *этими* условиями тела (ясно, что тяготится: я хочу с тобой говорить, а ты отделен пространством, я хочу видеть Наполеона, а мы разделены временем), стало это начало бессмертно. Omni casu *, умирать — дело страшное; ежели нет бессмертия, я отказываюсь умирать, просто не хочу, я титулярный советник и имею на это право как личный дворянин, а ежели есть — ну и тут чудно. Проснешься без тела, хочешь идти — ног нет, хочешь сказать: «Ай, ай, ай, что за чудеса» — языка нет, одна душа сама по себе.

Дома у нас есть от Саз⟨онова⟩ письмо, но я еще не получил [2]. Что же обещанные критики? [3] *Двадцатый* раз приношу Кетчеру просьбу о присылке от Левашевой книг. Да что он за еретик, что не слушает? Вторую половину 1837 «Revue des Deux Mondes». Ведь ему только и труда, что доставить к нам в дом.

На днях мы вспоминали с Наташей посещ⟨ение⟩ Татьяны Алексеевны к княгине [4] и вообще ваше участие и дивились вам от души. Это лучшее доказательство испорченности нравов в наш век — чему ж дивиться, что человек помог человеку?

Что ты мне не писал, отослал ли письмо к Ог⟨ареву⟩?— Я спрашивал у К⟨етчера⟩, взойти ли в сношения с Полевым, но он не отвечает, узнай, пожалуста [5]. Каков Смирдина альманах со 100 портр⟨етами⟩. И прощай.

Ал. Герцен

Татьяне Алексеевне дружеский искренний поклон [6].

[1] Датируется по содержанию первых слов приписки Натальи Александровны: «Вспомнили ли вы нас как минуло *полгода*?», т. е. с 8 мая 1838 г., когда Герцен увез Наталью Александровну из Москвы во Владимир.

[2] *Дома* — т. е. в Москве. — Это письмо Н. И. Сазонова к Герцену неизвестно.

[3] По-видимому, Герцен ждал от друзей отзыва на «Римские сцены». См. примеч. 4 к письму № 11.

[4] Подробное описание этого посещения Т. А. Астраковой княгини М. А. Хованской см. в воспоминаниях самой Т. А. Астраковой, напечатанных в книге Т. П. Пассек «Из дальних лет» (изд. 2, т. II, СПб., 1906, стр. 81—84).

[5] Возобновить отношения с Н. А. Полевым Герцен, вероятно, собирался для того, чтобы печататься в «Сыне отечества», редактировавшемся Полевым.

[6] Далее опускается приписка Н. А. Герцен, адресованная Т. А. Астраковой.

13

Н. И. АСТРАКОВУ

1838. Владимир. Ноября 26-е

Любезный друг! Недавно получил я записку от Сазонова, в которой он пишет о письме, отправленном от него ко мне недели 3 тому назад,— я его не получил [1], а так как я предполагаю, что при том письме была писанная книга [2], то меня *весьма* занимает, что с ним сделалось. Кетчер очень неаккуратен, то не у него ли, не узнаешь ли ты? А из этого произошел,

* во всяком случае (лат.).

между прочим, довольно неделикатный поступок Сазонова — *он повторяет* мне о деньгах, взятых у него. Ежели бы Сазонов в самом деле нуждался, тогда только мог бы он себе позволить повторенье. Я займу и к новому году отошлю ему.— Ум и таланты его заставляли меня *натягивать* в нем душу, но вижу, что это невозможно. Неужели он мог думать, что я утаю его 900 руб⟨лей⟩ у себя, писавши 2 раза к нему, что при первых свободных деньгах я ему отдам? Вот люди и люди: у вятского откупщика Беляева я взял 4500 руб⟨лей⟩ без векселя и когда отослал ему в сентябре 3500, то он пренаивно спрашивает, не стеснил ли я себя, платя ему. Во всяком случае, я при возможности в январе отошлю ему деньги, часть хорошего мненья отослал уж предварительно.

Узнай же об писанной книге.

Отец Огарева умер [3]— sit tibi terra levis! * А что, письмо к нему пошло ли?..

И прощай, вот все, о чем хотел на сей раз писать к тебе.

А. Герцен

Я тебя вопрошал, какие возможности предстоят для перехода учителя из вятской гимназии в московскую, ты за благо рассудил не отвечать, а я рассудил за благо повторить [4] — ответь.

Что Кетчериус?

Татьяне Алексеевне братский поклон [5].

Николаю Ивановичу
Астр⟨акову⟩.

[1] Упоминаемые письма и записка Сазонова к Герцену неизвестны.
[2] Речь, вероятно, идет о «Записной тетради 1836 г.», куда вписаны рукой Герцена и писарской рукой «Легенда», «Встречи», а также записи «Отдельные мысли» и др. (ныне хранится в Отделе рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина). См. упоминания в предыдущих письмах.
[3] Платон Богданович Огарев умер 2 ноября 1838 г.
[4] См. выше, письмо № 11.
[5] Далее опускается приписка Н. А. Герцен.

14

Н. И. АСТРАКОВУ

31 декаб⟨ря⟩ 1838. Вл⟨адимир⟩

Вот и я перед тобою, во-первых, с повинной головой, во-вторых, с поздравлением к новому году. Желаю тебе... ну чего бы... денег, ибо остальным тебя наделил щедро бог,— он дал тебе душу, раскрытую любви и чувствам высоким, он дал твоей душе другую душу — стало, с этой стороны всё.— «Пошлый человек,— скажет какой-нибудь идеалист,— желает после этого денег».— А я повторю мое желанье, я для того их желаю и тебе и мне, чтоб не думать об них, чтоб не думать о материальном, когда есть другой мир, в котором можно жить. Но мир идеальный таков, что весь человек не помещается в него, ноги внизу, а из-под полу дует, смерть холодно. Надобно денег, чтоб топить под полом.

С 1833 на 34 — дома.
С 34 на 35 — в Крутицах.
С 35 на 36 } в Вятке.
С 36 на 37 }
С 37 на 38 — на станции в Нижегородской губ⟨ернии⟩.
С 38 на 39—во Владимире с Нею.
С 39 на 40 — ?.¿ [1]

* да будет тебе земля легка! (лат.).

И кто и для чего и на что меня так бросали, перебрасывали, отодвигали, запирали, придвигали — право, не знаю, я не отвечаю за свою жизнь, все шло в силу двух высочайших повелений: 1-е — бога и 2-е — государя.

После четырех черных встреч с новым годом, нынче светлая. О светлая, чистая, как небо голубое, как... может быть *наш* новый год, когда мы его встречаем *вместе*. И ты встретишь его с нею. Итак, благословим новый год. Для меня лучше 1838 не будет этот господин, который завтра родится; ежели моя жизнь (как и каждого человека) — поэма, то 1838 — лучшее место в ней.

Однако прощай. Поздравляю Татьяну Алексеевну, да не холодно поздравляю, а иначе, как друг, как брат.

А. Герцен

Буде увидишься с Кетчером, скажи ему, что скоро будет оказия, по которой он может мне переслать всё, что хочет, да книгу мою писанную, ежели и не хочет — пусть отдаст Егору Ив⟨ановичу⟩.— В десятый раз я прошу Кетчера о том и о другом и даже нет ответа. Получил ли он письмо через Сазонов⟨а⟩?— Я спрашивал его раз десять, куда мне посылать статьи, он столько же раз счел за благо промолчать.— А право, всему беда и причина, что живет за ∞[2]. Прощай[3].

[1] Герцен перечисляет места, где встречал Новый год.
[2] Математический знак, изображающий бесконечность.
[3] Далее опускается приписка Н. А. Герцен, адресованная Т. А. Астраковой, в которой она писала, между прочим: «О, мое блаженство, ей-богу, растет с каждым днем, я умру от любви, от счастья — но нет, *надо* жить!» (л. 44).

15

Н. И. АСТРАКОВУ

⟨Владимир.⟩ 1839. Января 14-го

Письмо твое, caro carissimo, получил[1]. Твое сообщение несправедливо о праве благословлять и проклинать. Подобное распоряжение сделано — *но не у нас*, а у Л⟨ьва⟩ А⟨лексеевича⟩, и притом я тебе говорю не гадательно, а наверно. № 2. С чего ты вообразил, что Матвей[2] отходит? Это вздор даже и потому, что он взял жалованье до апреля.

Нового ничего. Да и забыл, 27 декаб⟨ря⟩ пошло обо мне от губ⟨ернатора⟩ представление, на днях будет ответ[3]. Что-то? С праздников Наташа очень была больна, теперь ей лучше. Третьего дня мы оба вспомнили твою именинницу и вспомнили, что следовало бы приуготовительно отписать проздравление — да вот причина: мы люди вовсе не порядочные. Поздравляю и я. Ну, как вы поживаете — а мы славно. Точно будто нас выбросили в степь, и мы пируем там вдвоем медовый год. Людей и не слыхать. Никуда не ездим и живем припеваючи.

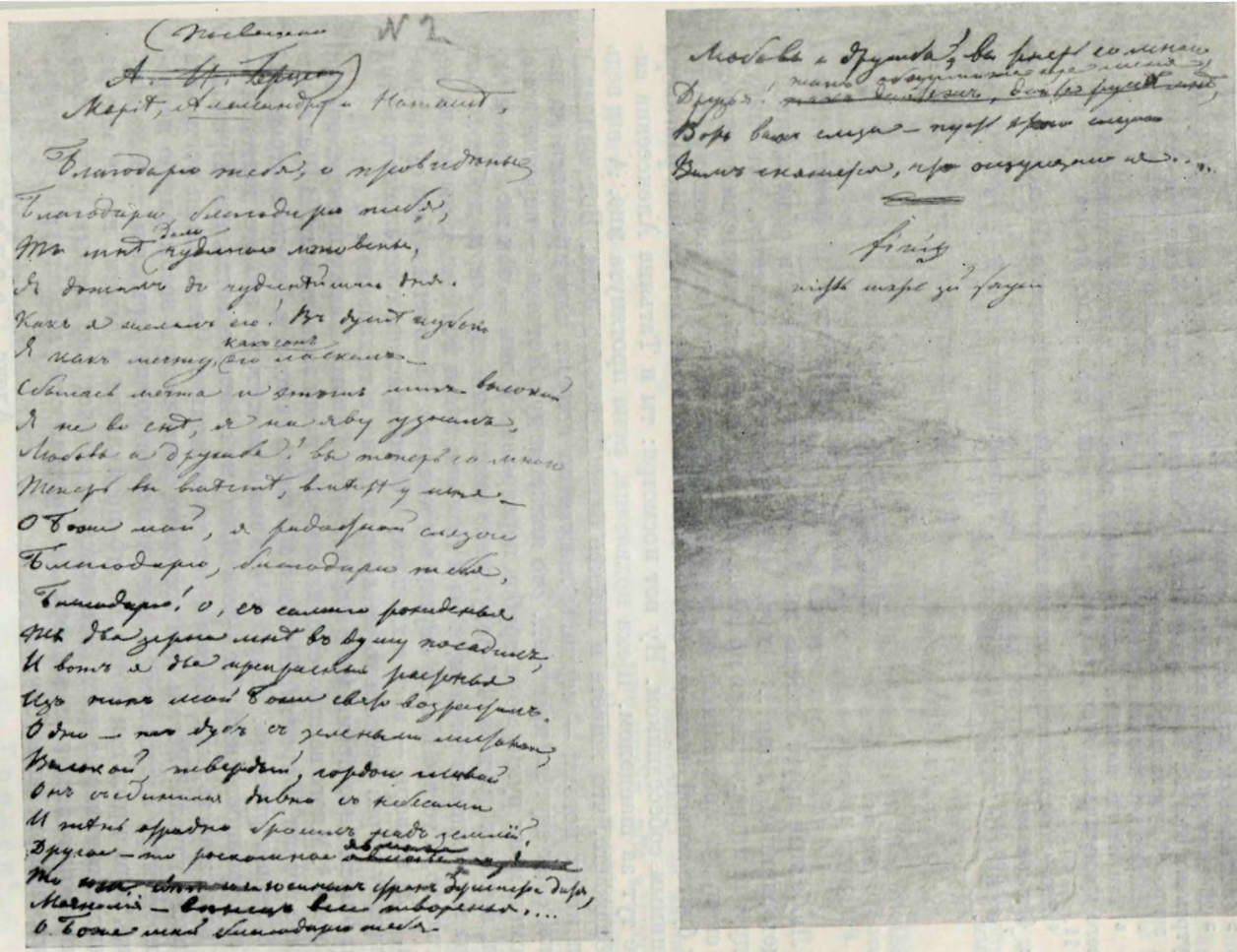
Я и Огареву писал еще по почте[4] — Кетчер молчит. Благодарю тебя, ты не забываешь опального друга.

Прощай. Первая часть «Лициния»[5] готова, я опять принялся за свою биографию и довольно удачно, написал «Университет» и «Холера». Теперь пишу «Вятка»[6]. Смертельно хочется печатать — или уж подождать освобожд⟨ения⟩?

Totus tuus *
А. Герцен

К прочим новостям принадлежит то, что я, совсем отвыкнувши от латинского чтения, вздумал привыкнуть и, хотя не без труда, читаю «Енеиду» и Тацита. Мне кажется, что из всех римлян писавших — один Тацит

* Весь твой (лат.).



АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ ОГАРЕВА «МАРИИ, АЛЕКСАНДРУ И НАТАШЕ»

Написано 17 марта 1839 г. во время посещения Герценов во Владимире и посвящено владимирскому свиданью

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

необъятно велик — остальные ежели и гениальны, то ужасные мерзавцы по жизни. А воля ваша, жизнь неразрывна с человеком [7].

[1] Это письмо Н. И. Астракова неизвестно.
[2] О *Матвее* см. примеч. 2 к письму № 2.
[3] 26 декабря 1838 г. владимирский губернатор И. Э. Курута направил министру внутренних дел Блудову ходатайство о снятии с Герцена полицейского надзора. На запрос Блудова шеф жандармов ответил 1 февраля отказом (II, 238—239).
[4] Письмо это неизвестно.
[5] Так иногда называл Герцен первый, не дошедший до нас стихотворный вариант своего драматического произведения «Из римских сцен». См. примеч. 4 к письму № 11.
[6] Это—продолжение работы над автобиографической повестью «О себе». См. примеч. 4 к письму № 4.
[7] Далее опускается приписка Н. А. Герцен, адресованная Н. И. и Т. А. Астраковым.

16

Н. И. АСТРАКОВУ

⟨Владимир. 14 февраля 1839 г.⟩

Любезный друг! Знаешь ли, когда я пишу к тебе и вообще к близким родственникам души?.. Вдруг мне смертельно захочется кого-нибудь из друзей и взгрустнется по нем... я за перо и писать, тотчас он и является на сцену, и прозрачный образ его ходит по моему письменному столу, как будто живой, и письмо мое — собственно несколько слов из разговора с мнимым собеседником. Ну вот посмотри: ты и Татьяна Алексеевна сидите тут за шандалом. Щека подвязана, рука протянута мне. А вы ведь воображаете, что живете в Москве близ Девичьего поля. Вот шандал и стол кверх ногами — чернилы льются по полу, я сам прижался на потолке, сани едут по крышке... Это является дух Кетчера — черепки дома, обломки моих рук и моих трубок неразрывны с ним — так же, как и чистая, высокая дружба. Ей-богу, я вас так люблю, ну смерть люблю... Вот когда мы усядемся рядком, и ты и твоя *она*, и я и моя *она*, и мы все на целый вечер, а то все как-то смутно встречаемся. 18 апреля я был сумасшедший, а 21 генваря — весь в хлопотах [1] (Голохв⟨астов⟩ обещал место моему вятчанину через несколько месяцев и то не в гимназии) [2].

Я в последнее время мало писал, а читал много. Между прочим, очерки из Гегеля [3]. Много великого, однако не всю душу захватывает. В Шеллинге больше поэзии. Впрочем, Шеллинга я читал самого, а Гегеля в отрывках. Это большая разница. Главное, что меня восхитило, это его пантеизм — это его триипостасный бог — как Идея, как Человечество, как Природа. Как возможность, как объект и как самопознание. Чего нельзя построить из такого начала? Гегель дал какую-то фактическую несомненную непреложность миру идеальному и подчинил его строгим формулам, т. е. не подчинил, а раскрыл эти формулы его проявления и бытия, но он мне не нравится в приложениях. Что вовсе не мешает мне пребыть с чувством истинного уважения и таковой же преданности, милостивый государь, вашим покорнейшим слугою

Алекс. Герцен

Владимир, что на Клязьме
1839. Февруария 14 [4].

[1] С 16 по 19 апреля 1838 г. Герцен был в Москве для свидания с Н. А. Захарьиной; 21 января 1839 г. он был отпущен губернатором Курутой в Москву в связи со смертью его дяди — Л. А. Яковлева («Сенатора»).
[2] См. примеч. 3 к письму № 11.
[3] О каком издании Гегеля идет речь — не установлено.
[4] Далее опускается приписка Н. А. Герцен, адресованная Т. А. Астраковой.

17

Н. И. АСТРАКОВУ

⟨Владимир.⟩ 19 марта ⟨1839 г.⟩

Это письмо тебе доставит жена Огарева, она хочет познакомиться с твоей женой.— *Огарева достойна своего мужа*; была у нас несколько дней, и эти дни мы провели дивно, превосходно [1].— Из Петербурга отказ [2], еще год в Владимире.

Прощай. Жму руку твоей Татьяне Алексеевне. Наташа потому не пишет, что некогда. Она вам много кланяется.

А. Герцен

Рукой Н. П. Огарева:

Я вас мало знал, но вы, или, лучше, ты, мне друг, потому что ты друг Александра. Рекомендую тебе мою жену, она нам всем добрая сестра. Прощай. Когда увидимся — не знаю.

Николай Огарев

[1] Н. П. и М. Л. Огаревы гостили у Герцена во Владимире с 15 до 19 марта 1839 г. Это было первое свидание Герцена с Огаревым после пятилетней разлуки. Эта владимирская встреча с Огаревыми описана Герценом в XXV главе «Былого и дум» (см. изд. АН, т. IX, стр. 11—12). См. также следующее письмо.

[2] См. примеч. 3 к письму № 15.

18

Н. И. и Т. А. АСТРАКОВЫМ

⟨Владимир.⟩ 28 марта 1839

Я что-то бессовестно давно к вам, друзья, не писал, ибо записочку, посланную с Огаревой, я не считаю за письмо. Взяв сие в рассуждение, я взял перо и начал письмо словами: «Я что-то...» (*Зри выше*).

Ну, Христос воскресе, целую вас, дай вам бог продолженье долгое и предолгое вашего счастья.

Что, Татьяна Алексеевна познакомилась ли с М⟨арьей⟩ Л⟨ьвовной⟩, с этой милой подругой нашего поэта? Что это за дивные четыре дня. Такого избытка счастья нельзя себе представить; о, как хороша жизнь и люди, ежели они сорвутся с грязной колеи!

Долго и долго я буду жить душою этими днями, они не прошедшее, а живущее в груди. Наташа и Он — вот два существа, которые я поставил на высокий пьедесталь и поклоняюсь им.

Возьми у Кетчера стихи, которые я ему прислал неделю тому назад [1].

Право, становится страшно жить, мы что-то слишком счастливы, но, впрочем, провидение не так, как Морошкин [2], судит не по римскому праву и, следственно, не знает закона возмездия,— хвала ему, хвала и молитва.

А что Кетчер, я думаю он очень грустит о Екатерине Гавриловне? [3] Сколько я знал, там он только и отогревался ежедневно от многого холода.

А вот и от тебя письмо. — Благодарю-с ваше высокоблагородие за память. Кто тебе сказал, что я пишу; последнее время я был вовсе недеятелен. — Ну и прощай.

Ал. Герцен [4]

Его высокоблагородию
Николаю Ивановичу Астракову.
В Москве
Близ Девичьего поля, в приходе Воздвиженья
на Овражках — в собственном доме.

Почтовый штемпель: Влад⟨имир⟩. 28 мар⟨та⟩ 1839

[1] Герцен имеет в виду стихи Огарева «Марии, Александру и Наташе», посвященные владимирскому свиданию и написанные в доме Герцена. Герцен послал их Кетчеру при письме от 21 марта 1839 г. — см. II, 254.

[2] Федор Лукич *Морошкин* (1804—1857) — профессор Московского университета по кафедре права. В «Былом и думах» Герцен охарактеризовал его как «полуповрежденного» (изд. АН, т. IX, стр. 156).

[3] Екатерина Гавриловна *Левашева* — близкий друг Чаадаева, хозяйка литературного салона, женщина, глубоко уважаемая Герценом (см. о ней в статье «Михаил Бакунин» и в XXIII главе «Былого и дум» — изд. АН, т. VII, стр. 342, и VIII, стр. 366—367). Н. Х. Кетчер был постоянным посетителем ее салона. Она умерла 9 марта 1839 г.

[4] Далее опускается приписка Н. А. Герцен, адресованная Н. И. и Т. А. Астраковым.

19

Т. А. и Н. И. АСТРАКОВЫМ

XVIII *18 апреля 1839!* Владим⟨ир⟩ [1]

Татьяна Алексеевна, вы понимаете ли, что это значит *18 апреля*, ведь это день нашей встречи, день, в который в мои святцы вписаны два новых угодника:

Раб божий Николай и Раба божия Татьяна } иже за освобождение мученицы Натальи в Цареграде пострадавших.

18 апреля перед обедом явился я перед вами, печальный, смущенный, во фраке Сазонова. Вот вы поехали к княгине, а я жду... Кажется, вы года полтора ездили, а воротились все-таки *18 апреля*.

18 апреля я, грустный еще больше, без положительных надежд и без фрака Сазонова, поехал... динь, динь...

Вспомнили ли вы?

А мы вспомнили!

Да и каковы были бы мы, ежели б не вспомнили. Еще раз вас благодарю дружески, братски и до тех пор мне не надоест благодарить, покуда богу не надоест повторять 18 апреля... а это, спросите у Николая..., так тесно связано с путем Солнца (которое не двигается ни с места), благосостоянием земного шара и разной планиды небесной, что никакой надежды нет к прекращению 18 апреля.

Как я взгляну назад и припомню все, что было между этой парой 18 апрелей, то, ей-богу, готов броситься на колени и молиться и молиться со слезами восторга... все было несбыточно — все сбылось, все было черно — все сделалось светло, и дивно светло, и я сжился со светом. Право, в этот год мой путь я не променяю на путь Сатурна, несмотря на то, что он, как пальяс * в конной комедии, летит с обручем ежегодно верст 10 000 000 000 000 (добро бы в Воронеж богу молиться, а то, так-таки просто летит).

Ну, и ты, раб божий Николай, дай руку; да, брат, дай, право, еще раз сказать *спасибо* и не сердись, ведь слово это истаскано; через чьи губы оно не цедилось, по чьему языку не сползало в воздух, да я смысл ему придаю поважнее. —И у меня оно вовсе теперь не с языка ползет (ибо я всегда пишу, закрывши рот, чтоб как-нибудь муха не залетела) — а течет с пера прямым трактом из сердца,— недаром я Герцен [2].

Соприкосновенному к 18 апреля К⟨етчеру⟩ поклон, скажи ему, что Голубев [3] был, благодарю его очень за присылку книг. Только он в елит скоро прислать, ну, пусть сам рассудит: ежели литература — вздор, можно пробежать быстро, то 6 томов (*немецкой работы*) раумеровой истории не берусь отчитать ближе месяца. Пожалуста, скажи ему и особенно благодари его за Раумера [4]. Может, К⟨етчер⟩ долго не придет к тебе, тем лучше,— это выигранный срок на чтенье. Не собирается ли он ко мне?

* паяц (от франц. «paillace»).

Между владимирскими новостями тебя всего более тронет весть о кончине кн. Одоевского, особенно когда ты узнаешь, что он лет семьдесят тому родился и, след⟨овательно⟩, получит понятие о том, ⟨зачем он⟩ * существовал [5].

Memento mori!** [6]

Его высокоблагородию Николаю Ивановичу Астракову.

В Москве

Близ Девичьего поля, в приходе Воздвиженья
на Овражках, собственный дом.

[1] Публикуемое письмо напечатано М. К. Лемке (II, 259—260) по тексту воспоминаний Т. П. Пассек, с многочисленными искажениями. Печатается нами по фотокопии с автографа.

[2] Намек на значение немецкого слова *Herz* — сердце.

[3] Яков Иванович *Голубев*— зять А. Л. Витберга.

[4] Речь идет о шеститомном труде немецкого историка Фридриха Георга Вильгельма *Раумера* (1781—1873) «Geschichte der Hohenstaufen und ihrer Zeit», вышедшем в свет в 1823—1825 гг., или же восьмитомном сочинении его же «Geschichte Europas seit dem Ende des 15 Jahrhundert» (1832—1850; к 1839 г. вышло шесть томов). Герцен возвращал Кетчеру книги Раумера по частям (см. II, 240, 260, 262, 273).

[5] Князь Иван Сергеевич *Одоевский* (1769—1839) — отец поэта-декабриста А. И. Одоевского. Во Владимирской губернии находилось его имение.

[6] Далее опускается приписка Н. А. Герцен, адресованная Т. А. Астраковой.

20

Т. А. и Н. И. АСТРАКОВЫМ

⟨Владимир.⟩ 8 мая ⟨1839 г.⟩

Письмо ваше от субботы мы получили, а вы не пишете ни теперь, ни в прошлый раз — получили ли вы наше послание от 17 апреля? [1]

Да, сегодня год. Год счастья, год светлый. Это лучшее время моей жизни. А между тем наружные обстоятельства кажутся гнетущими, да в том-то и дело, что обитель души так пространна, что в ней море радостей, восторгов, что за дело до берегов?

Каждая минута памятна прошлого 8 мая. Дождь ливмя, гром стучит на небе, Матвей стучит в вороты.— «Что это К⟨етчер⟩ долго не идет?»; наконец, идет шляпа с огромными полями, прикрывая собой К⟨етчера⟩.— Началось с строжайшего выговора мне, зачем я не сохранил то хладнокровие, какое Наполеон на Ватерлоос⟨ском⟩ сражении, и зачем ямщику дал много денег.— А право, я был бы прескверный человек, ежели б я был хладнокровен в тот день, когда решалась судьба моя и Наташи.

Ну вот ушли... А там, а там смеркается — мы вместе, одни, светает — вместе, настает другой день — вместе, прошел год — вместе, одни. Благодарю тебя, господи, благодарю!

Вот оно, то солнце, которое нас провожало в церковь, торжественно заходящее за гору,— оно не состарилось — оно еще проводит нас всех в могилу, и всё будет так же хорошо. А мы — мы будем тогда лучше.

Пожалуста напишите, получили ли *письмо от 17-го*, это меня немножко занимает.

Весь ваш
А. Герцен

---

* Рукопись повреждена. Текст, взятый в скобки, читается предположительно.— *Ред.*

** Помни о смерти! (лат.) — Надпись эта сделана Герценом на рисунке, изображающем гроб или могильную плиту, с черепом и скрещенными костями.—*Ред.*

Мягков?— Я об нем помню самое лучшее — «на поле об артиллерии» [2].

Рукой Н. А. Герцен:

Как кстати ваше письмо, друзья; да... да... но нечего *сказать*, да и не нужно говорить *нам — вам*, не правда ли?..Что вы обо мне так заботитесь, Татьяна Алексеевна? я здорова, как нельзя больше теперь требовать... А писать больше буду после, не сердитесь за лепту.— Обнимаю вас. Николаю жму руку.— Господь над вами.

Ваша Н. Герцен

Рукой Герцена:

Я ваши письма узнаю по наружности: во-первых, маленькое изданьице; во-вторых, постоянно *у Золотых ворот*, а я съехал оттуда 1-го ИЮНЯ 1838.

Впрочем, пишите, как хотите, лишь бы во Владимир, дойдет за Лыбедь[3].

Девятое мая

Гроза и болит голова — то и другое скверно, а в душе праздник, словно в ней придел Миколе Цудотворчу, как говорят в Вятке.

Рукой Н. А. Герцен:

Девятое мая! Девятое мая! Вы понимаете его, друзья, и у вас есть свое девятое мая. Слава Ему, слава Ему! и вам... а что Кетчер?

[1] Имеется, вероятно, в виду письмо от 18 апреля (см. выше).

[2] В «Былом и думах» Герцен писал о профессоре Мягкове, преподававшем тактику: «От постоянного обращения с предметами героическими самая наружность Мягкова приобрела строевую выправку; застегнутый до горла, в несгибающемся галстухе, он больше командовал свои лекции, чем говорил. „Господа,— кричал он,— на поле! *Об артиллерии!*“ Это не значило: на поле сражения едут пушки, а просто, что на марже ⟨полях⟩ такое заглавие» (изд. АН, т. VIII, стр. 123).

[3] Первая квартира Герцена во Владимире была на Большой улице близ Золотых ворот, в доме Н. А. Адоева. Вторая — за рекой Лыбедью, в доме кн. Долгоруковой.

21

Н. И. и Т. А. АСТРАКОВЫМ

⟨Владимир.⟩ 3 июня ⟨1839 г.*⟩

Вот, видишь ли, господине благий, ежели б ты был с 40 000 дох⟨ода⟩, а не с 4 000, я бы не сказал ни слова о плате, понеже вы не Погодин[1]. Но слушайте обстоятельства дела.

Бывший некогда в мат⟨ематическом⟩ отде⟨лении⟩ Небаба — тройной мерзавец по лицу, душе и фамилии[2]—взял к себе года два тому назад беднейшего мальчика и теснит его, как только может малороссиянин. *Не дает времени заниматься* для себя, заставляя учить пансионеров — ведь это ужас. Жаль мне стало юношу, а с талантами, я приголубил его, потолковал о науке и университете, стал его учить разным бесерменским наречиям; вдруг его хотят пихнуть в уездные учители или в писцы — ну это все равно что камень на шею да и в воду. Приехал Ог⟨арев⟩, я с ним толковать, он дает по 500 руб⟨лей⟩ в год мне для того, чтоб его отдать в университет. Я расположил это так. Вступить ему или в 1840 или быть слушателем для того, что из многих предметов плохо приготовлен (я учу по-франц⟨узски⟩и по-немецки, и латынь, история, геогр⟨афия⟩), но, во всяком случае, ехать в Москву, а все-таки надзор не мешает — молодо-зелено — вот и с просьбой к тебе. Приготовляться он будет сам (кроме разве покажешь что из математики), но ты должен же взять вознагражденье за стол и квартиру.— А ежели останутся у тебя деньги, лучше помоги третьему, а ден⟨ег⟩

* Т. А. Астраковой проставлена ошибочная дата: 1841.— *Ред.*

этот г⟨осподин⟩ (Пешкóв [3] сей неизвестный) имеет теперь 500 в год да будут уроки.— Оставь ему что надо на книги, ну и как хочешь, впрочем. А малый славный. А Небаба не только не баба, но и Нечеловек.

Далее земной поклон за Петрушу [4]. Далее прощальный поклон от себя.

А. Герцен

Нельзя ли от Кетчера добыть мой портрет [5], который оставил он у себя и в котором Наташа нуждается?

ЗДАНИЕ ГУБЕРНСКИХ ПРИСУТСТВЕННЫХ МЕСТ ВО ВЛАДИМИРЕ

Раскрашенная литография, 1850-е гг.

Вскоре по приезде во Владимирскую ссылку Герцен был принят на службу в канцелярию губернатора и работал там все время пребывания в ссылке (1838—1839 гг.)

Владимирский краеведческий музей

Рукой Н. А. Герцен:

От меня вам обоим, друзья, много, много, а писать до следующего раза.

Рукой Герцена:

Татьяне Алексеевне А. Герцен здравия желает.

Зачем же это, например, грудь болит у вас? Берегите свое здоровье, человек как будто насмех приведен в такую зависимость от земного ящика, в который уложил бог его душу на дорогу от колыбели до бессмертия, что досадно и больно и смешно. Какой восторг не улетит от головной боли? Бедный человек, ну что б ему голову соорудить такую, как у Чумакова [6], никогда не болела бы. Я, шутки в сторону, за это бешусь.— Думаешь, глубоко, пространно — море по колена, с горами вровень — а тут комар ЖЖжжжжЖЖ (не мог никак живее представить diminuendo и crescendo * комариной музыки) и кусается, как бешеная собака... Куда делась

* ослабление и усиление (итал.).

пространная мысль, гордый мыслитель вступает в единоборство с комаром [7]. Ей-богу, на том свете будет лучше, я еще ни от кого не слыхал, чтоб там были комары, и голова там не болит за неимением *таковой*.

Итак, Ог⟨ареву⟩ разрешена служба в Москве; вероятно, к 3 июлю и мне разрешат [8]. Увидимся, наконец, уж не на минуту, а на целые дни.— Я буду хлопотать, чтоб нам отвели 3⟨-й⟩ дом, купленный недавно батюшкой [9].— Ежели дозволят, я скоро приеду совсем, ежели нет — не прежде нового года (впрочем, явлюсь в отпуск один).

Прощайте. Будьте здоровы.

[1] Намек на всем известную скупость М. П. Погодина.

[2] В «Былом и думах» (гл. XVIII) характеристика Небабы дана Герценом в сочувственных тонах, навеянных его трагическим концом: Небаба покончил жизнь самоубийством в феврале 1841 г.

[3] О *Пешкове* см. в воспоминаниях Т. А. Астраковой («Русская старина», 1877, № 4, стр. 680—681).

[4] *Петруша* — брат Н. А. Герцен, Петр Александрович *Захарьин*; ему было в это время 18 лет. Судьба юноши очень беспокоила Герцена. В письме к Витбергу от 11 января 1839 г. он сообщил, что Петрушу определяют в медико-хирургическую академию (II, 237). Последующие упоминания о «Петруше» в публикуемых письмах связаны, вероятно, с его подготовкой к поступлению в Академию; он жил некоторое время у Н. И. Астракова, который с ним занимался.

[5] Вероятно, речь идет о портрете работы А. Л. Витберга (1836).

[6] См. примеч. 7 к письму № 1.

[7] Аналогичные шутливые высказывания Герцена см. в его статье «Истинная и последняя эманципация рода человеческого от злейших врагов его» (изд. АН, т. II, стр. 128—131).

[8] 19 июня Курута возбудил новое ходатайство перед министром внутренних дел о прощении Герцена. См. примеч. 4 к письму № 23.

[9] Дом Тучковых, в котором Герцен жил до отъезда за границу.

22

Н. И. и Т. А. АСТРАКОВЫМ

Июня 17 1839. Влад⟨имир⟩

Ну, поздравьте нас, любезные друзья; 13-го числа явился Александр Герцен II-й, доселе все благополучно.— Рассказать вам, как было, что́ я перечувствовал, передумал,— не берусь. Минута торжественная, великая, сколько мучений и радости, страданий и восторгов слиты тут вместе, молитва, слеза, улыбка, первое благословение, мысль ответственности... ну, сообразите всё это сами.

Я писал к Ог⟨ареву⟩ [1], в Вятку [2] и к вам и пишу почти всё одно и то же, да и как иначе быть: я под влиянием тех же чувств. Я лгал бы, ежели б писал другое.

Ответственность велика — но велико и желание, и любовь, и упование на бога. Я должен занять место провидения до его совершеннолетия, раскрыть его душу всему изящному, святому, должен с первого шага в мир привить ему чувство пренебрежения к земному счастью, к земной гордости, для того, чтоб устремить на службу человечеству вопреки неудачам и видимым бедствиям (ибо истинное бедствие только нечистая совесть) [3].

Ну и прощайте. Хотелось бы дать знать Кетчеру, но не знаю, как в нынешнем веке адресуют ему, где он — у Левашевых или инде!

Говорят, что будто сказывают о слухе скорого возвращения в Москву. Ежели правда, то, должно быть, недолго жить во Владимире (иначе, живши здесь, не воротишься в Москву). Еще раз адье-с.— Наташа кланяется.

А. Герцен

Доставь, пожалуста, записочку наташиному брату.

[1] Это письмо к Огареву неизвестно.
[2] Письмо к А. Л. Витбергу от 14 июня 1839 г. (II, 269—270).
[3] Ср. аналогичную запись по поводу рождения сына в дневнике Герцена (изд. АН, т. I, стр. 333—334).

23

Н. И. и Т. А. АСТРАКОВЫМ

⟨Владимир.⟩ 25 июля ⟨1839 г.⟩. Вторник

Отчего мы друг к другу давно не писали? Отчего?.. да мало ли отчего, я это ясно вам расскажу; *во-вторых*, что у меня все время душа была и взволнована и не на месте. Да, тут я выпил море забот, страху... Она больная, слабая, видимо тающая и без минуты покоя; малютка нездоров... это фонд всего, а там мелочи частной жизни толпою. Нянька не умеет пеленать, Матвей сошел с ума от жаров и воображает, что главнейшая награда за прежнюю службу сводится на то, чтоб вовсе не служить теперь. Другой человек лежит больной... Проза, проза... и такая скверная, как Двигубского[1], и такая докучливая, как крик сверчка, и такая отвратительная, как Сенковский. Право, будто княгиня Марья Алексеевна [2] рассыпалась этой саранчой пакостей и восстала, и не душит, а засыпает дресвой [3].— Наташа все это умеет переносить с ангельским терпением; а я — бешусь. Да тут еще жары́, а с жарами— мухи. Я уверен, что мухи выдуманы Меттернихом для того, чтоб отвлекать от всех умственных занятий добрых людей; для того им и дана привилегия носить шесть ног независимо от крыльев из слюды.

Что я делаю?— Ничего, т. е. чрезвычайно много. Ничего потому, что нет осадка ни стихами, ни прозой. Много потому, что душа битком набита мыслями, чувствами, болью, восторгами, яблоку негде упасть.

Кетчер сердится, что я не пишу. Что же пришлось мне делать, которому он на три письма отвечает тем, что ничего не отвечает, *минус* письмом? Что делать? — Видно, написать, и напишу.

Жду, жду из Петерб⟨урга⟩ привет[4], да нет его, а кажется просто бы:

Коли любишь — так скажи,
А не любишь — откажи!

И дело с концом. Уж наступил *шестой год* [5], через девять лет я могу требовать *пряжку* [6] за XV лет, а посему

вас любящий А. Герцен [7]

[1] Характеристику профессора Ивана Алексеевича *Двигубского* (1772—1839), у которого Герцен слушал курс анатомии и физиологии растений и истории ботаники, см. в VI главе «Былого и дум» (изд. АН, т. VIII, стр. 119—121).
[2] *Княгиня Марья Алексеевна* — Хованская.
[3] *Дресва* — крупный песок.
[4] 27 июня ходатайство Куруты (см. примеч. 8 к письму № 21) было поддержано министром внутренних дел А. Г. Строгановым перед Бенкендорфом, и 13 июля Бенкендорф ходатайствовал перед Николаем I о снятии с Герцена полицейского надзора. Николай дал свое согласие, о чем Герцен узнал 28 июля 1839 г.
[5] Со дня ареста Герцена, 21 мая 1834 г.
[6] *Пряжка* — знак отличия, выдававшийся чиновникам за продолжительную и «беспорочную службу».
[7] Далее опускается приписка Н. А. Герцен, адресованная Т. А. Астраковой и датированная: «Июля 23-е. Утро». В этой приписке Н. А. Герцен писала, между прочим: «Право, мне кажется, что уж меня нет, я не чувствую *себя*, я — мои Александры, для них жизнь, для них всё. О! Счастлива, счастлива я душою, а телом не вовсе, потому

что с рождения *мерзульки* (как его зовет Александр, а не мер*зилки* — что это за гадость!) я была долго слаба ужасно, два раза имела лихорадку, нарыв и бог знает что. А тут и он-то блажит — страдание!» (л. 62).

24

Н. И. АСТРАКОВУ

10 октября 1839. Владимир

Ты — Араго-Ампер-Астраков[1] — прельстил меня этой бумагой, пей же горечь ее протекаемости. — С ужасной головной болью покинул я Москву и с чрезвычайно здоровой головой приехал сюда[2]. (Практический доктор мог бы записать от головной боли:

Rp. CLXXVII stad⟨ium⟩ Ruthe⟨niæ⟩ Aeris atmosph. Xij
adde
Humiditatis Octobrii Ziiij *.

Ехать, как сказано.

Для сего взять *гигрометр*, см. «Физика» Двигубского, *барометр*, см. неизданную «Физику» Павлова (а в изданной такого вздора нет, ибо он оканчивает *началом* и доказательством, что вещества нет, а есть сила и разумение[3]).

Хорошо мне было в Москве, но здесь спокойнее, тише, я рад, что уехал, и грустен от того же. Так странно устроена душа, всему в ней место — и меду и дехтю — точно на ярмарке в деревне. Теперь обращаюсь к существенному делу, т. е. к Петруше[4]. Кетчер обещал его взять, но я полагаю несравненно лучшим нанять квартеру у священника, которому прилагается записка[5]: во-первых, зачем без крайности обременять Кетчера, во-вторых, зачем жить в Покровском, куда, конечно, никто не пойдет давать уроки. Петруша получает 500 руб⟨лей⟩.— Платья у него очень довольно, книги и есть и достать может, итак нет причины не платить за себя.— У меня финансы очень плохи. Взять его сюда бесполезно для него и очень беспокойно для меня; сверх того, если его взять, то прогнать Пешкова, что было бы преступно,— у Пешкова 500 копеек нет, да и сверх того Пешков человек, обещающий много вперед, т. е., между нами, гораздо больше Петр⟨уши⟩. Ежели же он с попом не сойдется, то пусть прямо отправляется к Кетчеру и спросит его, может ли к нему переехать, ибо я уж с ним говорил и независимо от того буду писать.— Я не благодарю тебя за важное одолжение, которое ты сделал ему, т. е. не благодарю на тонкой бумаге, а иначе — сердцем.

Я, право, не понимаю, что выйдет из него,— прошу тебя, когда он переедет, присматривать за ним.

Прощай.

А. Герцен

Жму руку Татьяне Алексеевне[6].

[1] Герцен шутливо присоединил к фамилии Астракова фамилии известных французских ученых Доминика-Франсуа *Араго* (1786—1853) и математика-механика Андре Мари *Ампера* (1775—1836).

[2] С 29 августа по 30 сентября 1839 г. Герцен жил с семьей в Москве.

[3] Герцен упоминает об учебниках «Физика» И. Двигубского (второе издание вышло в Москве в 1814 г.) и «Основания физики» М. Г. Павлова (Москва, 1825).

[4] См. примеч. 4 к письму № 21.

[5] Эта записка Герцена неизвестна.

[6] В опускаемой нами приписке Н. А. Герцен писала Т. А. Астраковой: «Оба Сашки ехали дорогой порядочно, блажили мало, спали много, теперь ведут себя добропорядочно» (л. 72).

---

* Рецепт: 177 русских стадий и атмосферного воздуха (столько-то). Прибавь октябрьской сырости (столько-то).— (лат.).— 177 верст — расстояние между Москвой и Владимиром. — *Ред.*

25

Н. И. и Т. А. АСТРАКОВЫМ

⟨Владимир. 4 ноября 1839 г.⟩

Любезнейшие друзья, я думаю до вас дошел слух о тяжелой болезни, которую вынесла Наташа; хлопот, досады было довольно. Были минуты, в которые мне смертельно хотелось ну хоть обморка, чтоб не видать страданий малютки и ее. Теперь, слава богу, главная потеря — коса, «нашла коса на горячку». А ведь воля ваша, ежели эта жизнь, т. е. на земле, не есть только предисловие к будущей небесной, ежели она цель, то я выполнением ее решительно недоволен. Хороша, полна, исполнена поэзии, да зачем в ней горячки, костоеды, дураки, скверные журналы, чахотки, начальники, княгиня Марья Алексеевна, бельмы и пр. и пр. (зри «Патологию»). Ведь все равно было из земли делать Адама с зародышем болезни или здоровья. Ан нет. Чем же бы тогда занимался медицинский факультет и Бауэр [1], которому дружески кланяюсь.

Прощайте.

Наташа вам кланяется и пр.

Буде увидите Петрушу, скажите ему, что я денег ему не пошлю и что все сведения, которые до меня об нем доходят, отнимают даже и желание посылать что б то ни было.—Нет, из него ни я, ни ты не сделаем человека.

Слышали ли вы о⟨б⟩ освобождении Витберга? [2]

4 нояб⟨ря⟩ 1839. Влад⟨имир⟩.

[1] *Бауэр* — вероятно, московский врач, общий знакомый Герцена и Астраковых.

[2] Известие о том, что А. Л. Витберг освобожден от полицейского надзора и может жить где пожелает, Герцен получил от самого Витберга — см. отклик на это в письме к нему Герцена от 1 ноября 1839 г. (II, 335).

26

Н. И. и Т. А. АСТРАКОВЫМ

⟨Москва. 9 декабря 1839 г.⟩

Представьте, друзья, вот я двое суток здесь и не мог урваться приехать к вам, а между тем уже место в дилижансе взято на понедельник. Вопрос когда — завтра или сегодня явиться мне и в какое время (кроме вечера после 8)[1].— Наташа обнимает вас, есть записочка.

Весь ваш
А. Герцен

1839. Декаб⟨ря⟩ 9.

Благочестивейшему математику
и православнейшему механику
Астракову Николаю Ивановичу,
магистру физико-математического отделения
Императорского московского университета.

[1] Герцен был в Москве (проездом в Петербург) с 7 по 11 декабря. 10 декабря он навестил Астраковых.

27

Т. А. АСТРАКОВОЙ

⟨Владимир. Декабрь 1839 — январь 1840 г.⟩ [1]

Я имею к вам, Татьяна Алексеевна, просьбу, просьбу важную, и потому скорее к делу.— Не имеете ли вы в виду, куда бы поместить нам

Кат⟨ерину⟩ Алек⟨сандровну⟩ [2] при проезде в Петерб⟨ург⟩, не к вам, потому что это обременит, да и потому, что я хочу поместить за деньги. Почему? Зачем? Для чего?.. Буду откровенен. Все советовали нам ее взять, и вы в том числе, и Кетчер, мне было это не по сердцу, но я боялся огорчить Наташу, боялся, чтоб меня не сочли эгоистом, и согласился. Семейная жизнь имеет свой алтарь, свою святую святых, горе тем, кто, не зная человека, введет его в этот алтарь, таинство теряет свой характер от глаз непосвященного; гармония расстраивается от чужого голоса. Я это предвидел. Пусть входит туда друг, о, это дело другое, им богатеет, расширяется наше счастие.— Теперь Наташа спохватилась.— Девушка 19 лет, получившая самое дурное направление, совсем не есть дитя природы (как думал Кетчер), нет, ее душу может поднять только твердая воля и врожденная высота. У К⟨атерины⟩ А⟨лександровны⟩ нет ни того, ни другого, ни даже желания — что же за звено занимает она в гармоническом аккорде нашей жизни? — Никакого, место фальшивого тона. Это несносно для нас. Я готов жертвовать деньгами — имея их очень мало, трудами; но жертвовать жизнью и притом без пользы — это нелепость, бессмыслие. Наш переезд в Петербург представляет благовидную причину расстаться с нею. Помогите и вы. Многого я не требую, учиться она (как и Петруша) не станет, пансион ли, приличное ли место у какой-нибудь бедной дамы— всё равно. Пишите ответ, определенный, да похлопочите хорошенько — на вас я надеюсь, как на каменную гору.

Засим прощайте.

— Ну, брат Николай, я надорвался от твоего *золотника в 20 пуд*, это дивное выражение Ч⟨аадаева⟩ (?) я еще и не знал [3].

Милостивой государыне
Татьяне Алексеевне
Астраковой

[1] Публикуемое письмо было написано Герценом, вероятно, после возвращения из Петербурга во Владимир, в конце декабря 1839 г. или начале января 1840 г., когда вопрос о переезде всей семьи в Петербург был решен. Дата на письме рукой Т. А. Астраковой: 1839.

[2] В это время с Герценами жила младшая сестра Натальи Александровны — Екатерина Александровна (впоследствии жена профессора Селина). См. о ней записи в дневнике Герцена от сентября 1843 г. и в комментарии к ним (изд. АН, т. II, стр. 305—306, 467 и 472).

[3] В приписке к этому письму Н. А. Герцен восклицала:

«Прибавить мне тебе нечего, милая моя Таня, да как-то нелегко и говорится о вещах такого рода. Теперь я что-то не в духе, прощай до следующего письма. Мы еще ученики, право ученики!

Н. Герцен

Не по силам своим приняла я на себя обязанность, как и увидела это, что делать! напиши нам, что ты думаешь и придумаешь.

Шушка ⟨т. е. Саша Герцен⟩ наш догоняет своего родителя во всем, а все-таки мне весело, право ужас как весело, что-то так душе просторно и вольно и хорошо носиться по своим владениям!..» (л. 69).

28

Н. И. и Т. А. АСТРАКОВЫМ

6 января 1840. Владимир

Не вовсе лепое письмо от вашего педагожества имел радость получить. Ну, ломал себе я голову и так и сяк — а всё не выломал возможности заставить, сидя во Владимире, кого-нибудь говорить Пейкеру [1]; еще сам бы

был налицо — куда ни шло, а заглазные рекомендации... Я сделал опыт и написал Ивану Алексеевичу [2], просил узнать и разведать. А что будет, то напишу, впрочем, уверен, что ничего не будет. Мой совет — адресоваться прямо к Пейкеру. Ты имеешь ученые права на межемерию, ты и телескопному мастерству обучен, интегральному искусству, и в технологии член, и в кадетском — маркитант, поящий формулами. Да только не проси, а требуй места — это нынче в моде.

С новым десятилетием, Татьяна Алексеевна. Это поздравление не часто приходится делать — много нам с вами еще три раза. Ну дай же бог, чтоб вы включительно до 1850 года (когда я повторю желание и отсрочу

ПЕТЕРБУРГ. ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ
Акварель В. С. Садовникова, 1840 г
Литературный музей, Москва

до 1860) были спокойны душою, чтоб у вас не болели зубы, чтоб от вас были на пушечный выстрел все злохудожества.

А посмотрел бы я на нас в 1850 году. Сашке будет 11 лет, мне 37, Наташе 32-й. У меня будет тогда пряжка за XX лет. И сертук мой, поэтический сертук, шитый у m-r Leonsen'a, будет престарелыми формами смешить люд.

А как вы думаете, проживем мы до тех пор? Кажется, надобно бы было; я большой охотник жить — веселое занятие; а в гроб семью калачами не заманите по доброй воле.

Ведь я не был тогда в 4 часа[3].

А. Герцен

[1] Иван Устинович *Пейкер* (1801—1844) — главный директор Межевого корпуса и попечитель Константиновского межевого института в Москве, сенатор. Жил в Петербурге.

От него зависел прием Н. И. Астракова в Межевой институт в качестве преподавателя математики.

[2] *Иван Алексеевич* — отец Герцена.

[3] В приписке к этому письму Н. А. Герцен писала:

«Весело, светло, спокойно, *полно* встретили мы новый год *с ним*, я не стану и не умею тебе описывать наше свиданье, оно в душе похоже было на свиданье 8 мая...».

29

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:*

А писано 22 мая 1840 во граде Петра**.

Из письма Наташи видно, во-первых, что Петерб⟨ург⟩ хорош, а во-вторых, что Петерб⟨ург⟩ нехорош [1]; из этого следует или что Петерб⟨ург⟩ имеет две стороны или одну двулишневую, т. е. с отливом. Ну, и чему же дивиться, что в приморском городе есть отлив? Мне здесь в особенности нравится погода, подчас забудешься и мечтаешь, что уж октябрь, и то где-нибудь две версты от полюса, и притом сочная погода, я не могу дойти до того, чтоб просушить сертук.

Савич здесь профессором звездологии [2] и, право, даром хлеб ест, потому что не токмо такого вздору как звезды, да и солнца (погуще всякой звезды, даже Полярной и андреевской) никогда не видать, а если и покажется, то такое оторопелое, как будто его ведут в частный дом.— Я обзавожусь домом — купил графин и 6 тарелок, остается купить всё остальное, и дело кончено (да и деньги кончатся тогда же). Ну прощайте, иду спать, а какой-то дурак играет на органах под окном.

Татьяне Алексеевне Астраковой
Близ Дев... etc.
в прих... etc.

[1] В своем письме Н. А. Герцен писала: «Теперь живем пока в трактире. Пить, есть и жить очень дорого. Часто я остаюсь в своей маленькой комнатке одна; дождь, пасмурное небо и то едва видное из-за закоптелых стен и труб — всё это наводит грусть и скуку, когда же ясно. когда мы смотрим на Неву, на корабли,— о Таня, Таня, хорошо тогда, хорошо... Хорош, хорош Петербург; пожить здесь, посмотреть на всё — да и уехать» (л. 85).

[2] А. Н. Савич незадолго до того, в конце 1839 г., стал экстраординарным профессором в Петербургском университете по кафедре астрономии и высшей геодезии. Эту кафедру он занимал до 1880 г., т. е. свыше сорока лет.

30

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Рукой Н. А. Герцен:

Петербург. 1840. Июнь ⟨28⟩

Таня, что ж ты не пишешь мне? Здорова ли ты? Иль разлюбила нас, забыла?.. Я писала тебе, приехавши в Петербург, ответа нет.

Ну, милый друг, сколько нового узнала душа с тех пор как мы расстались, сколько нового увидели глаза. Не могу уделить тебе столько время, чтоб описать всё подробно. Почему бы не приехать вам сюда, но летом, непременно летом (зимы петербургской я боюсь); с каким бы наслажденьем провели мы это время. Не знаю, так ли бывает с тобою,— когда я восхищаюсь чем-нибудь, когда душа полна восторга — Александр со мною — я счастлива, безмерно счастлива, но хотелось бы собрать всех милых, близких сердцу, со всеми поделиться прекрасным, со всеми быть вместе... а то, может быть, они теперь в обыкновенном, вседневном расположении, житейские заботы заплеснули душу, они трудятся, а мы отдыхаем, мы так высоко, нам так хорошо... и жаль станет милых, и сделается грустно.

* Письмо Натальи Александровны начинается словами: «Милая Таньхен!» Герцен нарисовал над этими словами руку с вытянутым указательным пальцем, внизу повторил тот же рисунок и приписал: «Ну, ей-богу нехорошо, что за немецкое названье».— *Ред.*

** Дата эта поставлена Герценом над текстом письма Натальи Александровны.— *Ред.*

Петербург засыпает, движенье, суета уменьшаются, стук колес редеет, тише, тише...— пустеют улицы, бульвар пуст, огни исчезают... Давно закатилось солнце, а небо ясно, светло, Нева спокойна, тиха, вот несколько лодок дремлет у пристани, и хозяин их дремлет, часы бьют... первый час ночи. Мы с Александром вдвоем давно уж бродим по берегу Невы, останавливаемся, смотрим на нее и не наглядимся, как хороша она в своей гранитной раме, а вон там лес мачт, там вон сфинксы, маяки... на нашей стороне Зимний дворец, ты не можешь себе представить всю красоту, всю прелесть этого здания, полусвет придает ему какую-то таинственность, кажется это обиталище духов, движущиеся огоньки телеграфа передают мысль в несколько мгновений за тысячу верст — все это вместе кажется волшебным и наполняет душу каким-то страхом. Нагулявшись, набродившись, мы садимся в лодку и плывем так, без цели... Наслажденье, Таня, наслажденье!..

Были мы в домике Петра Великого; что там чувствуется — нельзя выразить. Простой деревянный столик, стул его, образ, бывший с ним во всех походах, перед ним ставят много свеч, от них тепло в комнатках, и это придает жизненность им; кажется Петр сейчас вышел, скоро возвратится — и ждешь его, и что-то страшно, и плакать хочется.— Были мы на островах, ходили на корабли, да, право, на всяком шагу для нас все новое, интересное. Два раза были в театре, видели «Фенеллу» и «Роберта» [1]. «Помпея» Брюллова [2] поразила меня. Жаль, что Эрмитаж переделывают, нельзя видеть его... Ну а внутренняя наша жизнь все та же. Как дома и нет никого,— старик садится читать и старушка берет работу, сынишка играет тут на полу, весело, хорошо, Таня! Александр ходит раза два в неделю по службе, только вот скучное было время, когда он хлопотал о квартере, о мебели,— представь себе, я его не видала целые дни; всё так дорого здесь,— теперь есть на чем сесть и из чего есть, и мы немножко успокоились, а то ты не поверишь, душа исстрадалась, слушая беспрестанные счеты.

На днях собираемся съездить в Петергоф, а потом хотелось бы и в Кронштадт. Море не довольно видеть издали.

Что-то вы поделываете?.. Вот опять мы все рассеялись: О⟨гарев⟩ — в чужие края, С⟨атин⟩ — в Тамбов. Неизменный столб Москвы — К⟨етчер⟩, милый К⟨етчер⟩, как бы желала я, чтоб он приехал сюда, но этого, кажется, не дождешься.

Здесь Витберг, мы часто видаемся с ним, он делает мой портрет [3].

Таня, напиши же мне о себе побольше.

Прощай, Николаю жму руку крепко, крепко. Тебя обнимаю, Шушка целует тебя. Он вырос, болтает почти все, становится сам на ножки и, как встанет, кричит: «Сталь, сталь». Прощай, пиши поскорее. Да, я тебя просила через Егора Ивановича прислать мне Огарева тетрадку с стихами [4], прошу еще; непременно пришли.

Н. Герцен

Рукой Герцена: 28 июня

Прошу объяснить, что значит такое упорное молчание м⟨илостивых⟩ г⟨осударей⟩ (я здесь виделся с Кирьяковым [5], м⟨илостивая⟩ г⟨осударыня⟩). Мы писали, я повелевал Огареву доставить адрес — и молчание. *Повторяю:* в доме Лерха, на углу Б. Морской и Гороховой, в бельэтаже № 21.

Мы здоровы, здесь ожидают все еще лета; должно быть, оно отложено до 1841 года по случаю неурожая. Служба не слишком на горле сидит, дает-таки и вздохнуть и почитать — мудрено ли, что я вас почитаю после того, м⟨илостивая⟩ г⟨осударыня⟩, Татьяна Алексеевна.

Бакунин кланяется одной ногой на пароходе [6].

Письмо это пролежало до 2 июля. Извините.

Ну что, воротился ли Николай из путешествия (т. е. из кадетского к⟨орпуса⟩)? А что Кетчер?

(телеграфич⟨еский⟩ знак К⟨етче⟩ру).

[1] «*Фенелла*» — опера Обера; «*Роберт Дьявол*» — Мейербера.

[2] «*Помпея*» — «Последний день Помпеи» К. Брюллова. Отзыв Герцена об этой картине см. в его брошюре «Русский народ и социализм» (изд. АН, т. VII, стр. 330—331).

[3] Этот портрет Н. А. Герцен работы А. Л. Витберга неизвестен.

[4] Возможно, что речь идет о начале поэмы Огарева «Юмор».

[5] О *Кирьякове* см. в примеч. 5 к письму № 1.

[6] Бакунин уехал за границу на пароходе 29 июня 1840 г. Герцен должен был проводить его до Кронштадта, но, вследствие разразившегося шторма, пароход возвратился из устья Невы в Петербург — см. об этом в статье Герцена «Michel Bacounine» (VII, 355—356).

31

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

С.-Петербург. 24 августа 1840

Желал бы я вам показать четыре, нет, пять дивных картин: 1) «Мадонна» Тициана, 2) «Мадонна» Рафаэля; 3) «Блудный сын» Сальватора Роза и 4) «Мученика» Мурильо [1]. А 5-я — море, которое обтекает Петергоф. Послушайте. Петербург — самый скучный, самый нелепейший город, в котором можно задохнуться, умереть с тоски, в котором всё чиновники и солдаты — ну, и со всем этим, за одно море, светлое, чистое море, я готов здесь жить, и не могу на него насмотреться.— Да-с, так об картинах. Тицианова богоматерь дивной красоты. После нее вы глядите на Рафаэлеву (где она представлена с Иосифом), и первое, что поражает,— что его Мадонна не красавица, вы вглядываетесь — *просто* девушка, женщина — грустная и великая душа, глубокое чувство любви и... она растет и делается богоматерью — а Тицианова остается разительной красавицей (впрочем, и в ней много святого).— Далее, блудный сын ужасен, исковеркан страстями, в рубище, глаза блестят безумием, он несчастен, и раскаяние уж начинает просветлять лицо его, падшее и искаженное.— Ну, да картины надобно смотреть, а не рассказывать.

А Николаю надобно кланяться и сказать, что чего ради он не пишет. И прощайте.

А. Герцен

Августа 24
1840. С.-П⟨етер⟩бург.

А и Тальони [2] недурна. Сегодня наша горничная прошлась в театр смотреть *Тальёнову* и говорит, что готовят еще новую, русскую Тальёнову [3].

[1] Публикуемые строки Герцена написаны под непосредственным впечатлением от посещения Эрмитажа, откуда он и Наталья Александровна, как видно из ее письма, только что вернулись. Отклик Герцена на первое его посещение Эрмитажа в декабре 1839 г. см. II, 354.

[2] В это время в Петербурге гастролировала знаменитая танцовщица Мария *Тальони* (1804—1884), которую Герцен очень высоко ценил (см. изд. АН, т. II, стр. 279). В одном из вариантов «Москвы и Петербурга» Герцена встречается следующее высказывание: «Выехав из него ⟨Петербурга⟩, я жалел только одну Тальони» (там же, стр. 427).

[1] Представление «Фиделио» Бетховена (бенефис артистки Матис) состоялось 16 января 1841 г. в Большом театре, в исполнении немецкой оперной труппы (см. «С.-Петербургские ведомости» от этого числа).

[2] Намек на постигшие Герцена репрессии за неосторожное выражение в письме к отцу, перлюстрированном полицией. См. главу XXVI «Былого и дум» (изд. АН, т. IX, стр. 47—76).

[3] По-видимому, Астраковы просили Герцена купить им какую-нибудь картину Брюллова.

34

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

⟨Петербург. 18 апреля 1841 г.⟩ [1]

Истинно некогда, что не мешает мне истинно вас любить и помнить.

А. Герцен

[1] Датируется по содержанию письма Н. А. Герцен.

35

Т. А. и Н. И. АСТРАКОВЫМ

⟨Москва, 7—8 сентября 1841 г.⟩[1]

Доносим Татьяне Алексеевне и Николаю о появлении нашем в Москву. Не знаю, успею ли сегодня побывать, между прочим потому, что я без сапог, которые в товариществе с тем и сим украли на дороге. Мы покаместь в большом доме [2]. До 11 утра и от 4 вечера до 9 я видим, а потом через денек устрою себе где-нибудь убежище.

А. Г.[3]

Николаю Ивановичу Астракову

[1] Датируется днем приезда Герцена в Москву из Новгорода. О краже, произведенной у Герцена в дороге, см. II, 468.

[2] На Сивцевом вражке в Москве, где жили родители Герцена.

[3] Далее опускается приписка Н. А. Герцен.

36

Н. И. АСТРАКОВУ

11 нояб⟨ря⟩ 1841. Новго⟨род⟩

Я получил письмо, самым странным образом касающееся до тебя и вовсе не касающееся до меня. Некая Степанида Николаевна Зиновьева, орловская мелкопомещица, не видавшая меня 20 лет, не слыхавшая обо мне 15 лет и не думавшая обо мне 7 лет, вспомнила, что я знаком с твоим братом Мих⟨аилом⟩ Ив⟨ановичем⟩ Астр⟨аковым⟩ — оно и немудрено, что вспомнила наизнанку. Как бы то ни было, она со слезами на глазах и с чернилами на пере умоляет меня умолять его, и я буду умолять тебя о том, чтоб он с милосердием ее размежевал. Так как бедность ее не подвержена сомнению, то хоть она и обратилась довольно отчаянно ко мне, основываясь на том, что я даже не видывал твоего брата (кроме на портрете),— передаю просьбу ее на благомилостивое предстательство в⟨ашего⟩ в⟨ы⟩с⟨око⟩благор⟨одия⟩ [1].

Если ты напишешь ему об этом, то, пожалуста, попроси его, чтоб он ей сообщил, что я исполнил ее просьбу. Я же сам боюсь вступить с ней в переписку, ее дело девичье (она родилась в тот год, в который строили Девичий мона⟨стырь⟩), ну так мне и не идет.

[1] Представление «Фиделио» Бетховена (бенефис артистки Матис) состоялось 16 января 1841 г. в Большом театре, в исполнении немецкой оперной труппы (см. «С.-Петербургские ведомости» от этого числа).

[2] Намек на постигшие Герцена репрессии за неосторожное выражение в письме к отцу, перлюстрированном полицией. См. главу XXVI «Былого и дум» (изд. АН, т. IX, стр. 47—76).

[3] По-видимому, Астраковы просили Герцена купить им какую-нибудь картину Брюллова.

34

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

⟨Петербург. 18 апреля 1841 г.⟩ [1]

Истинно некогда, что не мешает мне истинно вас любить и помнить.

А. Герцен

[1] Датируется по содержанию письма Н. А. Герцен.

35

Т. А. и Н. И. АСТРАКОВЫМ

⟨Москва, 7—8 сентября 1841 г.⟩[1]

Доносим Татьяне Алексеевне и Николаю о появлении нашем в Москву. Не знаю, успею ли сегодня побывать, между прочим потому, что я без сапог, которые в товариществе с тем и сим украли на дороге. Мы покаместь в большом доме [2]. До 11 утра и от 4 вечера до 9 я видим, а потом через денек устрою себе где-нибудь убежище.

А. Г.[3]

Николаю Ивановичу Астракову

[1] Датируется днем приезда Герцена в Москву из Новгорода. О краже, произведенной у Герцена в дороге, см. II, 468.

[2] На Сивцевом вражке в Москве, где жили родители Герцена.

[3] Далее опускается приписка Н. А. Герцен.

36

Н. И. АСТРАКОВУ

11 нояб⟨ря⟩ 1841. Новго⟨род⟩

Я получил письмо, самым странным образом касающееся до тебя и вовсе не касающееся до меня. Некая Степанида Николаевна Зиновьева, орловская мелкопомещица, не видавшая меня 20 лет, не слыхавшая обо мне 15 лет и не думавшая обо мне 7 лет, вспомнила, что я знаком с твоим братом Мих⟨аилом⟩ Ив⟨ановичем⟩ Астр⟨аковым⟩ — оно и немудрено, что вспомнила наизнанку. Как бы то ни было, она со слезами на глазах и с чернилами на пере умоляет меня умолять его, и я буду умолять тебя о том, чтоб он с милосердием ее размежевал. Так как бедность ее не подвержена сомнению, то хоть она и обратилась довольно отчаянно ко мне, основываясь на том, что я даже не видывал твоего брата (кроме на портрете),— передаю просьбу ее на благомилостивое предстательство в⟨ашего⟩ в⟨ы⟩с⟨око⟩благор⟨одия⟩ [1].

Если ты напишешь ему об этом, то, пожалуста, попроси его, чтоб он ей сообщил, что я исполнил ее просьбу. Я же сам боюсь вступить с ней в переписку, ее дело девичье (она родилась в тот год, в который строили Девичий мона⟨стырь⟩), ну так мне и не идет.

№ 2. Если явится к тебе некий Пешков, которого я адресовал к тебе за советом, как поместить братенка [2] и куда,— посоветуй во имя гуманности.

В заключение — что сказать о моем житье здесь? Есть препоэтическая солдатская песня, начинающаяся с сих слов:

Нам ученье ничего,
Впрочем, очень тяжело!

«Се жизнь теперь моя»[3],—как говорил Едип (или то есть как кленал на Эдипа Озеров)[4].

[1] Это письмо С. Н. Зиновьевой к Герцену неизвестно.
[2] О брате Пешкова см. выше, в письме № 21.
[3] Неточная цитата из трагедии В. А. Озерова «Эдип в Афинах».
[4] Далее опускается приписка Н. А. Герцен.

37

Т. А. АСТРАКОВОЙ

⟨Новгород.⟩ 16 декаб⟨ря⟩ 1841 г.[1]

Сию минуту получил письмо; что за мысль была его застраховать? Оттого оно пришло 2 днями позже. Я в Губерн⟨ском⟩ правл⟨ении⟩ и оттуда пишу только два слова, поздно. Всё, что могу, сделаю, буду просить, требовать всё, всё, что могу, но ручаться не могу, хотя отношения мои с Д⟨митрием⟩ П⟨авловичем⟩ таковы, что надобно б исполнить.

Боже подкрепи вас, Татьяна Алексеевна, и спаси его. Верьте (хоть вы и настращены людьми), в нас вы всегда найдете брата и сестру.

О деньгах Сатина забудьте. Придет время, когда у меня будет более в руках, нежели теперь; теперь же, если очень будет нужно, пишите. 500 руб⟨лей⟩ я всегда достать могу.

Сатин, благороднейший, неужели вы могли усомниться?

Вот вам рука, слеза и дружба [2].

Дома еще не был, боюсь опоздать на почту.

А. Герцен

[1] Ответ на известие о смертельной болезни Н. И. Астракова и просьбу Татьяны Алексеевны о каком-то ходатайстве перед Д. П. Голохвастовым, помощником попечителя Московского учебного округа.

[2] Вспоминая впоследствии об участии Герцена в эти трагические для нее дни, Т. А. Астракова писала: «Александр даже удивлял меня своими серьезными, полными участия письмами, до того, что я почувствовала к нему симпатию, которая до тех пор была как бы парализована его холодностью, проистекавшею, как мне казалось, из его самолюбия, которому я никогда не потворствовала. Кроме нравственного сочувствия, Александр, а также и Сатин, помогли нам выпутаться из долга» (Т. П. Пассек. Из дальних лет. Цит. изд., т. II, стр. 281).

38

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

⟨Новгород. 17 декабря 1841 г.⟩

Вчера, получивши письмо ваше, я тотчас написал несколько строк в ответ (вероятно, получили их)[1]. Вместе с сим отправляю письмо к Голохвастову [2]. Но ведь надобно же вам сделать какой-нибудь шаг, через кого-нибудь попросить его лично (после письма это будет легко), или пусть

Николай обратится к нему с письмом. Я писал от себя и просил его, не говоря, что вы просите этого; нельзя думать, чтоб Голох⟨вастов⟩ сделал первый шаг.

Я подкреплю просьбу мою еще письмом к нам домой, чтоб напомнили ему.

О жалованье нельзя вперед писать, это будет прямое последствие переговоров.

Дай бог, чтоб эти строки застали вас покойнее и Николая в лучшем положении.

А. Герцен

17 дек⟨абря⟩.

[1] См. предыдущее письмо.

[2] Это письмо Герцена неизвестно. В недатированном письме, относящемся к этому времени, Н. А. Герцен сообщила Астраковой, что Герцен получил ответ от Голохвастова о том, что тот не может оставить место за Н. И. Астраковым во время его болезни, но обещал предоставить ему не худшую должность по выздоровлении.

39

Т. А. АСТРАКОВОЙ

⟨Новгород. 7 февраля 1842 г.[1]⟩

Если Огар⟨ев⟩ не прислал вам денег, пожалуста напишите. У него моих 400 руб⟨лей⟩, но руб⟨лей⟩ 100 он истратил для меня.

Николаю дружеский поклон и искреннее желание, чтоб он гораздо здоровее был при получен⟨ии⟩ письма.

7 февраля [2].

[1] Год проставлен Т. А. Астраковой.

[2] Далее опускается приписка Н. А. Герцен.

40

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

⟨Новгород. 13 февраля 1842 г.⟩[1]

Если вы еще не получили деньги, то пошлите к Кетчеру, я писал в первый раз 2 фев⟨раля⟩ и писал еще сегодня [2].— Если, сверх того, откроется неминуемая необходимость, я постараюсь достать сверх 300 еще сколько-нибудь. Поверьте, что вы в нас имеете более нежели родных,— истинных друзей.

[1] Датируется по письму Н. А. Герцен.

[2] Эти письма к Н. Х. Кетчеру неизвестны.

41

Т. А. АСТРАКОВОЙ

23 февраля * 1842. Новгород

Не утешение, а слезу нашу примите, Татьяна Алексеевна! [1] Какое утешение, теперь молитесь и вспоминайте былое. Неужели вы думаете, что ваше прекрасное былое не живо в вас; благодарите за него. Грустите — но да не коснется отчаяние вашей души, отчаяние безбожно, призовите на помощь молитву, она рассеет отчаяние.

---

* *Вместо зачеркнутого:* октября.— *Ред.*

Ваше несчастие отозвалось в нас — да примите нашу слезу, она облегчит вас, и дайте руку.

Досадно и больно, что я тотчас не могу даже обещать вам денег, о которых вы пишете. У нас запасов никаких нет, всё, что было,—послано, да еще могли бы присовокупить, но далеко не 2000.— Если б Огарев был при деньгах, я бы занял у него. Из дому и думать нечего — вы знаете. Может, в Москве я нашел бы что-нибудь лично, но я очень скоро не буду. Всё, что могу сказать,— я спишусь, но не надейтесь положительно. В нас вы не можете сомневаться, тут и мысли нет о уплате etc., да средств-то нет.

НОВГОРОД

Акварель В. С. Садовникова, 1841 г.

Музей русской архитектуры им. А. В. Щусева, Москва

Капитала в руках нет, а деньги на прожиток идут все в расход. Горько, больно, что не можем исполнить; если б в конце года я приехал сам [2]...

Впрочем, неужели с вас требует этот г⟨осподи⟩н долг, теперь! Выигрывайте время, время иногда приводит нежданные средства.

Прощайте. Молитва и память о нем да успокоят вашу душу [3].

[1] Ответ на неизданное письмо Т. А. Астраковой («пражская коллекция»), извещавшей о смерти ее мужа, который скончался 12 февраля 1842 г. (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 226).

[2] Очевидно, речь идет о предполагавшейся в конце 1841 г. поездке Герцена в Москву.

[3] Далее опускается приписка Н. А. Герцен.

42

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

⟨Новгород. 23 марта 1842 г.⟩ [1]

Вы поверите мне, как мне больно, что я могу только на словах принять участие в ваших делах. Глупое положение, в котором я нахожусь, лишает

меня всех средств. И снова я должен повторить, что не придумал еще ничего верного. Жду на днях сюда Ог⟨арева⟩ [2].

[1] Датируется по письму Н. А. Герцен.
[2] Огарев приехал к Герцену только 31 мая 1842 г.

43

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен[1]:

⟨Новгород. 13 апреля 1842 г.⟩

Вы грустно встретите праздник, но пусть слабый голос дружбы заменит сколько-нибудь былое. Зачем в ваших строках какая-то безнадежность? Грусть — ваше право. Безнадежность должно искоренить. Вы должны жить, как живая, прекрасная память его, в вас продолжается земная жизнь его и, может быть, чрез вас ему легче там [2].

13 апреля 1842. Новгор⟨од⟩

[1] В этом письме Н. А. Герцен писала Астраковой: «Александр по болезни подал в отставку; когда она получится, мы поедем в Тверь, там ближе к Москве и климат лучше; для меня это необходимо, я все хвораю. Александр же останется в Твери, а я проеду в Москву на несколько дней...». Как известно, подав в отставку, Герцен продолжал оставаться в Новгороде. 9 июля он получил разрешение жить в Москве и 13-го оставил Новгород.
[2] См. в «пражской коллекции» два письма Т. А. Астраковой от апреля — мая 1842 г., в которых она подробно описывала предсмертную болезнь мужа и его кончину и безнадежно-мрачно характеризовала свое положение (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 226).

44

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

⟨Новгород. 6 мая 1842 г.⟩[1]

Не ручаюсь за успех, но опыт сделан; во всяком случае, советую братцу вашему [2] адресоваться прямо к Голохвастову. Пусть он скажет, что он брат того, о котором я писал. Гол⟨охвастов⟩ человек гордый, но есть стороны в нем, действуя на которые, его можно тронуть. Я вложу завтра записочку к нему в письмо к нашим [3]. За успех не ручаюсь. Если Наташа будет в Москве — можно легче исполнить ваше желание. Переписка и слова — большая разница. Впрочем, тот раз он мне отвечал очень удовлетворительно и отзывался с похвалою о Николае [4], а потому я не знаю, с другой стороны, почему ему не сделать теперь. Но я ужасно боюсь обнадеживать, я столько за мою жизнь был обманут обещаниями и так глубоко мучился иной раз от этого, что поставил себе за правило: всякий раз представлять неудачные шансы вместе с счастливыми. — Если он будет мне отвечать, я сообщу.

Будьте здоровы.

[1] Датируется по письму Н. А. Герцен.
[2] Речь идет о С. И. Астракове.
[3] Эта записочка Герцена, адресованная Голохвастову, неизвестна.
[4] Упоминаемое письмо Голохвастова к Герцену в печати не появлялось.

45

Т. А. АСТРАКОВОЙ

25 мая 1842. Новгор⟨од⟩

Третьего дня получил я, Татьяна Алексеевна, ответ Голохвастова [1]. Я как будто предчувствовал, что желание ваше не сбудется. Г⟨олохвастов⟩ говорит, что место было уже обещано Лаврову [2], когда у него был ваш братец. Досадно, и правда ли? Не знаю, но истинно досадно, что мы не можем исполнить никакого желания для друзей и особ, любимых нами, т. е. в настоящем. В будущем — но и тут мой скептицизм — будущее нисколько не принадлежит нам.

Дружески позвольте пожать вашу руку.

А. Герцен [3]

[1] Этот ответ Д. П. Голохвастова неизвестен.
[2] *Лавров* — вероятно, преподаватель математики.
[3] Далее опускается приписка Н. А. Герцен.

46

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

⟨Новгород. 15 июня 1842 г.⟩[1]

Я ничего не знаю насчет денег Сатина, Ог⟨арев⟩ также — и не понимаю, зачем вы так беспокоитесь об них. Сатин возвратится[2], тогда всего лучше переговорить; он небогат, однако эти деньги не могут ему сделать особенно большого расстройства. Впрочем, я поручил Ог⟨ареву⟩ с ним об этом переговорить [3].

До свиданья, дружески жму вашу руку.

[1] Датируется по письму Н. А. Герцен.
[2] Н. М. Сатин находился в это время в Берлине.
[3] 10 июня Герцен расстался с Огаревым, который гостил у него в Новгороде 11 дней.

47

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

⟨Новгород. 18 июня 1842 г.⟩[1]

Есть люди, которые всё готовы сделать из любви и дружбы, кроме одного,— а именно, когда дойдет дело до денег. Вот и я поневоле становлюсь в благородные ряды их. Здесь я решительно не могу достать денег; в Москве скорее. Впрочем, сделайте вот что: пошлите за Кетчером и скажите ему, чтоб он на мое имя занял (разумеется, если это возможно) у Клыкова [2] или у брата Боткина [3]; в обеспеченье я могу представить векселя и купчие, но они и не потребуют их. Я полагаю отсюда выехать в 1⟨-х⟩ числах июля. Объясните ему, что деньги вам на оборот и что это дело двух недель. В Москве я попробую занять у кого-нибудь из домашних — но как я обнадежу вас? Сам я решительно не заведую никакими капиталами, даже оброк с моей деревни получает п⟨апенька⟩.

Засим прощайте, дай бог успеха.

[1] Датируется по письму Н. А. Герцен.
[2] Александр Иванович *Клыков* — московский знакомый Герцена, Огарева и Белинского. См. о нем в «Литературных воспоминаниях» И. И. Панаева (1950, стр. 208—209 и 255) и в «Лит. наследстве», т. 56, 1950, стр. 254.
[3] Николай Петрович *Боткин* — брат В. П. Боткина, коммерсант, поддерживавший знакомство с Герценом, Белинским, Гоголем и др.

48

Т. А. АСТРАКОВОЙ

⟨Москва. 5 декабря 1842 г.⟩[1]

Чудеса делает Рихтер[2] — с вчерашнего вечера малютка поправляется и видимо от средств, но опасность еще тут[3]. Саша еще не совсем здоров и не важно ⟨?⟩. Наташа спала дурно — но чувствует себя хорошо. Завтра побывайте, если мож⟨ете⟩.

[1] Письмо написано на обороте записки Т. А. Астраковой, осведомлявшейся о здоровье незадолго до того родившегося сына Герцена — Ивана.

[2] Михаил Вильгельмович *Рихтер* (1799—?) — врач-гинеколог, профессор Московского университета. Герцен называл его замечательнейшим из всех виденных им врачей, «с обширным взглядом, с обдуманностью» (изд. АН, т. II, стр. 248).

[3] Речь идет о новорожденном сыне Герцена — Иване. «В ночь с 29 на 30 родился малютка⟨...⟩ — записал Герцен 9 декабря 1842 г. в своем дневнике.— Дитя родилось легко, здоровое, потом утром 30-го начались судороги, и все пособия оказались ничтожными, шесть дней оно страдало, мучилось, на седьмой остался изнуренный труп. 5-го ему стало легче, надежды явились не токмо у меня, но у самого Рихтера — от этого весть о его смерти ударила больно ⟨...⟩ М. В. Рихтер ⟨...⟩ сделал что только мог» (там же). Ваня Герцен умер вечером 5 декабря.

49

Т. А. АСТРАКОВОЙ

⟨Москва. Конец марта 1844 г.⟩[1]

Я на вас имею зуб, и притом не какой-нибудь, а коренной, слоновый зуб за вашу прошлую записку[2] — вы разобидели меня да и покрыли это тем, что шутка, а сами и не подумали, что если я в анадышную лекцию[3] был рассеян, то это... тут было оправдание, но я хочу у вас отнять оправдание. Право, вы предобрая, злая Татьяна Алексеевна.

А зачем же, поздравляя и с погодой, и с будущим праздником, вы не поздравили меня с 32 годами. Вот вам и отместка[4].

[1] Датируется по упоминанию о дне рождения Герцена: 32 года ему исполнилось 25 марта 1844 г.

[2] Упоминаемая записка Т. А. Астраковой неизвестна.

[3] Имеются в виду известные публичные лекции Т. Н. Грановского.

[4] Далее опускается приписка Н. А. Герцен.

50

Т. А. АСТРАКОВОЙ

⟨Москва. 1843 — 1844 гг.⟩[1]

Наташа с Шушкой поехала прокатиться, и потому отвечаю вам *я сама*, как говорит Саша.

1) Грановскому лучше.

2) Лекции не будет до субботы.

3) Вероятно, Наташа после сей роковой прогулки может скоро увидеть вас, несмотря на зубную боль, которую вы поручаете ей себе представить.

4) Вчера я был у Полуденских.

5) Хоть и неправда, что вы не читали ни одного письма из Кетчеровых, тем не менее я записку вашу пошлю, когда буду писать.

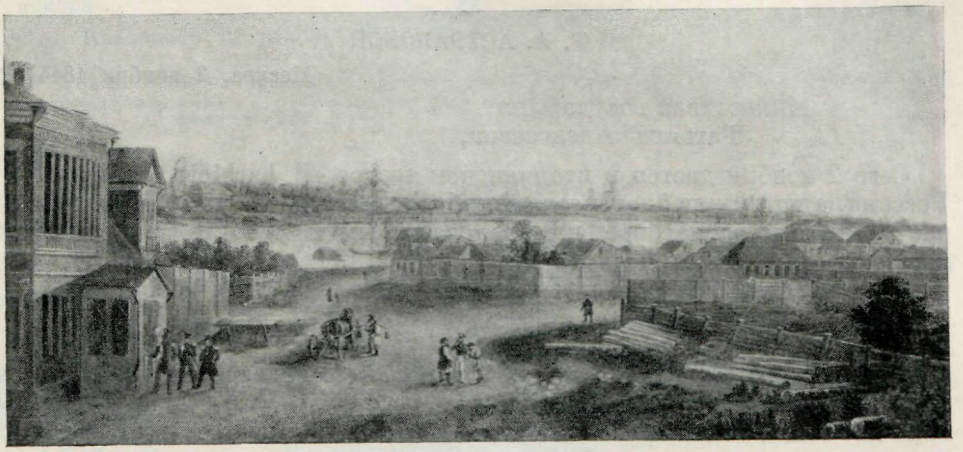
Засим прощайте.

А. Герцен

М⟨илостивой⟩ г⟨осударыне⟩
Татьяне Алексеевне Астраковой
от Герцена.

[1] Приблизительная дата устанавливается по упоминанию о лекциях Т. Н. Грановского, происходивших в 1843—1844 гг. Возможно, однако, что здесь идет речь не о публичных лекциях Грановского, а о тех лекциях, которые он читал в доме Герцена для четырех женщин — своей жены, Т. А. Астраковой, Н. А. Герцен и М. Ф. Корш.

В «пражской коллекции» сохранилось письмо Т. А. Астраковой к Н. А. Герцен без даты, в котором она осведомлялась о состоянии здоровья Грановского и просила сообщить, состоится ли на следующий день лекция. Не исключено, что публикуемая приписка Герцена относится к этому же дню.



НОВГОРОД

Картина маслом А. Мурангова, 1842 г.
Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по фотографии.
Литературный музей, Москва

51

Т. А. АСТРАКОВОЙ

⟨Москва. 29 мая 1844 г.⟩

Татьяна Алексеевна, сделайте одолжение, приезжайте сейчас, сию минуту, сию секунду к нам. Мы будем дозавтракивать Кетчеров отъезд[1].

Да и Сергей Иванович непременно. Если же есть очень важные причины для вас (т. е. болезнь), для Сергея Ив⟨ановича⟩ никакого пардона. Неминуемо, неоткладно[2].

А. Герцен

29 мая

[1] С осени 1843 г. до середины 1845 г. Н. Х. Кетчер жил в Петербурге, где он служил в Медицинском департаменте. Публикуемая записка связана с одним из его приездов в Москву. См. упоминание о проводах Кетчера в дневнике Герцена от 30 мая 1844 г. (изд. АН, т. II, стр. 355).

[2] Упоминания имени Сергея Ивановича Астракова в московских записках Н. А. Герцен очень часты. Он стал одним из постоянных участников дружеских встреч. Так, в одной из недатированных записок Н. А. Герцен писала: «Ежели Сергею Ивановичу не противно будет, о чем просим известить, то Александр заедет за ним в 6 часов после обеда ехать вместе на дачу» (л. 305).

52

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен[1]:

⟨Петровское. 25 июля 1844 г.⟩

Сергею Ивановичу усердно кланяюсь, был ли он у Крюкова? И что дело его?

[1] В своем письме Н. А. Герцен писала: «Вскоре по приезде нашем сюда приехал к нам Щепкин *погулять*, а все время дождь лил ливмя, потом недели с две простояла чудная погода, мы с бешенством наслаждались ею, всеми возможными манерами, все, даже Сашка, даже я, купались по несколько раз в день и, как акриды, жили в траве, потом снова ливень, и мы снова, как мокрицы, чуть-чуть ползаем в доме, который не защищает ни от ветра, ни от воды. Несмотря на то, время летит быстро, я до того здорова, что могу читать вслух и читаю до обеда ⟨...⟩, вечером Александр читает нам вслух ⟨...⟩ Пока прощай. Александр велит перекрестить».

53

Т. А. АСТРАКОВОЙ

⟨Москва. 2 ноября 1844 г.⟩[1]

Милостивая государыня
Татьяна Алексеевна,

Сего 2 ноября дается в италианском театре «Il barbiero di Seviglia» * Россини, а потому не благоугодно ли будет вам ехать с нами, в таком случае перенесите заблаговременно вашу почтенную особу в Старую Конюшенную.

Покорнейший слуга ваш и ныне и присно и во веки веков

А. Герцен

Прибавление № 1. Тот, кто сам говорит, что сердится, не опасен, да и, видно, не очень сердится. В вашей записке, тогда, как и нынче, проглядывают две вещи, из которых одна вовсе до меня не касается, а другая вовсе касается — первая, самолюбие довольно громоздкое, так что оно, уложенное в вашу прекрасную душу, видно снаружи и делает уголки, и притом острые. Вторая вещь — это недоверие к людям, которые чего нет другого, а доверие заслуживают. И что это за вечный перебор, разбор, разложение, анализ — дружба и вообще все такого рода чувства так мягки и нежны, что, разлагая, можно в самом деле или оторвать нос или отморозить ногу.— Да это всё шутка. Вот то-то и есть, что сквозь смех вашей шутки я вижу очень серьезный фонд; отдавайтесь жизни, как она есть, принимайте людей, как они есть,— и вы будете долголетни на земли, даже потолстеете, как я.

Рукой Н. А. Герцен:

Мне уже нечего прибавлять.

Рукой Герцена:

Зато есть что убавить.

Причина истинная всему этому — ваше частое одиночество. Несмотря на то, что я хохочу громко и похож на Ноздрева, я имею сильный инстинкт понимать чужое горе и ваше понимаю и сочувствую ему, но остерегайтесь от меланхолии и черного взгляда.

Прибавл⟨ение⟩ II. За воланы — коленопреклонение.

Приб⟨авление⟩ III — случилось у меня на щеке — она распухла.

[1] Дата уточняется упоминанием о «Севильском цирюльнике»— спектакле гастролировавшей в это время в Москве итальянской оперы.

54

С. И. АСТРАКОВУ

⟨Москва. 9 ноября 1844 г.⟩

Книги получил, благодарность прошу вас получить. Я не токмо еще не прошу прислать, но и с этими не скоро справлюсь. Впрочем, я хвастать

* «Севильский цирюльник» (итал.).

не стану, мне только нужно пересмотреть общие теории и изложения — не более. Я совершенно отстал от физики и химии; впрочем, и прежде органическая природа несравненно ближе лежала к душе.

Еще раз спасибо.

Прощайте.

В⟨есь⟩ ваш

А. Герцен

9 ноября

Сергею Ивановичу Астракову[1].

[1] Эта записка относится ко времени, когда Герцен «пересматривал общие теории и изложения» в связи с работой над «Письмами об изучении природы».

55

Т. А. и С. И. АСТРАКОВЫМ

⟨Москва. Ноябрь (?) 1844 г.⟩

Плевать, говорят, не здорово, а потому я и не советую, да и мне что за радость мыться и утираться.

В театр не скоро поедем, а у вас блины поедим, и Мар⟨ью⟩ Ф⟨едоровну⟩ и Соф⟨ью⟩ К⟨арловну⟩[1] позовем на поединок. Сергей Ив⟨ановичу⟩ доношу, что физика Ламе[2] — клад насчет по части теоретических промахов[3].

[1] *Софья Карловна* — Корш, жена Е. Ф. Корша.

[2] Габриэль *Ламе* (Lamé, 1795—1870) — известный французский математик и физик, автор учебника «Cours de physique à l'école polytechnique» (1836—1837). В примечании к первому письму из «Писем об изучении природы» Герцен в том же духе отзывается о книге Ламе (изд. АН, т. III, стр. 104).

[3] Опускается приписка Н. А. Герцен.

56

Т. А. АСТРАКОВОЙ

⟨Москва. 13 декабря 1844 г.⟩[1]

Наталья Александровна Герцен 2-я, извещая Татьяну Алексеевну о том, что Наталья Александровна Герцен 1-я, слава богу, здорова, несмотря на неожиданное свидание с дочерью, сегодня в 2 часу,— просит принять ее в свое расположение.

До трех суток, кроме чиновников медицинского ведомства, никто не допускается.

Наташа*

[1] Этой шутливой запиской Герцен извещал Астракову о рождении дочери Натальи. Датируется по содержанию.

57

Т. А. АСТРАКОВОЙ

⟨Москва. 1842—1844 гг.⟩[1]

Я передал поручение ваше двум знакомым, но что будет — не знаю, как назло Грановского, Крюкова и Редкина нет в Москве. Можно бы сказать Голохвастову—и, если угодно, я сейчас поеду к нему— но нехорошо по двум причинам: это, с одной стороны, будет неприятно проф⟨ессорам⟩, с другой — просто дурно начинать внешней протекцией курс. Что же делать? Гранов⟨ский⟩ будет в первых числах августа — это поздно или нет?[1]

* Подпись сделана Герценом как бы детским почерком.— *Ред.*

Нат⟨аша⟩ вас ждала вчера, я собирался сам десять раз, но хлопоты о квартире и пр. мешали.

А. Герцен

Ее высокоблагородию
Татьяне Алексеевне Астраковой.

[1] В недатированной записке, относящейся к 1842—1844 гг. и, вероятно, касающейся того же вопроса о привлечении С. И. Астракова к преподаванию в Московском университете, Н. А. Герцен писала Т. А. Астраковой:

«Об сем Александр не говорил еще. Во вторник приезжай к нам до лекции, с кем-нибудь поедешь.

Александр лежит от головной боли, я не говорила с ним. Ну вот — он проснулся и велит С⟨ергею⟩ Ив⟨ановичу⟩ писать к С⟨троганову⟩ непременно...» (л. 266).

58

Т. А. и С. И. АСТРАКОВЫМ

⟨Москва. 8 мая 1845 (?) г.⟩

Если вы не имеете отвращения, Татьяна Алексеевна, и законной причины, то не приедете ли вы к нам обедать? Наташа поручила мне написать, уже лежа в постели, иначе она сама поставила бы за осчастливленную честь самолично вас звать.— Мы собирались все сегодня на дачу — не удалось, и, вместо дачи, обедаем.

Если и м⟨илостивый⟩ г⟨осударь⟩ отец Сергий [1] не имеет отвращения, то сии строки относятся и к нему.

Алекс. Герцен

8 мая 9 часов утра

Татьяне Алексеевне Астраковой.

[1] Сергей Иванович Астраков.

59

Т. А. АСТРАКОВОЙ

⟨Москва. 31 декабря 1845 г.⟩ [1]

Спешу уведомить вас, что вчера в половину пятого у нас родилась дочь— здоровая как нельзя лучше. Наташа тоже здорова — однако до четверга я у дверей часовым.— Новорожденная говорит, что ее зовут Лизаветой [2].

[1] Датируется по содержанию.
[2] Дочь Герцена Елизавета (Лика), умершая во младенчестве 27 ноября 1846 г.

60

Т. А. АСТРАКОВОЙ

⟨Москва. Весна 1845 или 1846 г.⟩ [1]

Прё и пре много благодарю за справку, вы, кажется, не совсем правы к причине Хвощинского [2]; конечно, он не должен сбивать цены, отдавая ежегодно. Я сегодня почти кончил с Дивовым [3] — за 650 руб⟨лей⟩ дом, вода и два раза в неделю подвода; им хочется 700. Сверх того и Кетчеру флигель за 175.

Весь ваш
А. Герцен

[1] Датируется по содержанию.
[2] *Хвощинский* — вероятно, владелец дачи, которую собирался снять Герцен.
[3] *Дивов* — владелец подмосковного села Соколово, где Герцен проводил лето 1845 и 1846 гг.

61

Т. А. АСТРАКОВОЙ

⟨Москва. До ноября 1846 г.⟩[1]

Мне очень хочется знать о вашем здоровье, а знаете ли отчего? Оттого, что если вы здоровы — то благомилостиво пришлете ко мне солдата, о котором словодействовали.

Весь ваш
А. Герцен

Нат⟨алья⟩ Ал⟨ександровна⟩ и

1
2 } дети
3 } здоровы — а, впрочем, кашляют
4

Вам кланяются.

Татьяне Алексеевне Астраковой
от одного отставного чиновника.

Отъѣзжающіе за границу.

1) Въ Германію и Италію, Надворный Совѣтникъ Александръ Ивановичь Герценъ съ супругою Натальей Александровной, съ малолѣтными дѣтьми Александромъ и Николаемъ и съ ними вмѣстѣ Виртембергская подданная Луиза Гаакъ и дочь Коллежскаго Совѣтника Марія Каспаровна Эрнъ; жительство имѣютъ Пречистенской Ч. 4 го квартала въ домѣ подъ No 356. — 1. —

ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБ ОТЪЕЗДЕ ГЕРЦЕНА ЗА ГРАНИЦУ
«Прибавление к „Московским ведомостям“» от 26 ноября 1846 г., № 142

[1] Датируется по содержанию: письмо, в котором упоминается о четырех детях Герцена, могло быть написано до смерти Лики, умершей 27 ноября 1846 г.

62

Т. А. АСТРАКОВОЙ

⟨Москва. 1845—1846⟩[1]

Татьяна Алексеевна, сейчас сюда, билеты есть, т. е. не есть билеты, а ехать с ними, т. е. не снимй, а наденьте что-нибудь.

Т. А. Астрак⟨овой⟩

[1] На письме позднейшая надпись Т. А. Астраковой: «Московская записка 1846-го». Среди недатированных записок Н. А. Герцен к Астраковой находится следующая, возможно относящаяся к той же поездке в театр: «Сегодня бенефис Сальви, мы хотим ехать, если достанут билет. Ежели ты хочешь тоже быть в театр — приезжай к нам обедать и знай, что, может, билет и не достанут» (л. 268).— Бенефис итальянского оперного артиста Лоренцо *Сальви* (1810—1887) в Московском Большом театре состоялся 10 февраля 1845 г., в опере Россини «Отелло».

63

Т. А. АСТРАКОВОЙ или С. И. АСТРАКОВУ

⟨Москва. До 1847 г.⟩

Я только что явился в град Москву [1], как услышал трагикомическое объяснение Егора Ив⟨ановича⟩ с вами насчет дрожек. Это до такой степени возмутительно нелепо, тем более, что он мог только у меня спрашивать о своих вещах,— что я считаю себя обязанным просить у вас благомилостивейшего забвения — и не забывать в то же время, что он больной и одичалый чудак [2].

Все наши здоровы, я еду в 5 или 6, вероятно от Корша.

Прощайте
А. Герцен

[1] О каком из приездов Герцена (вероятно, с дачи) идет речь в настоящем письме — не выяснено.

[2] О Егоре Ивановиче Герцене см. в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 117—118 и т. 63, 1956, стр. 416—429.

64

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

⟨Москва. До 1847 г.⟩

Нет, не лень, а во-первых, кашель остановил меня.— И что это вы решительно нападаете на меня, я завтра предложу десять оправдательных пунктов, из которых девять против меня.

65

Т. А. АСТРАКОВОЙ

⟨Москва. До 1847 г.⟩

Наташа гуляет, а аз многомерзкий дома и, полагая, что есть что-либо нужное, прочел записку. Конечно, нечего и думать о сырой прогулке— подождем сухотки.

Преданнейший из преданных
А. Герцен

14 сен⟨тября⟩ * [1].

Татьяне Алексеевне Астраковой.

Отчего же вы так редко?

[1] Далее опускается приписка Н. А. Герцен.

66

Т. А. АСТРАКОВОЙ

⟨Москва. До 1847 г.⟩

Спешу уведомить вас, что Грановский известил меня сейчас, что ваш брат получил хорошие баллы и, кажется, будет принят, потому что из всех предметов баллы хорошие.

Преданный вам
А. Герцен [1]

[1] Далее опускается приписка Н. А. Герцен.

---

* Месяц читается предположительно.— *Ред.*

67

Т. А. АСТРАКОВОЙ

⟨Москва. До 1847 г.⟩

Да что вы это?
Да как вы это?
Да помилуйте?
Да в полном ли вы?

«Без обиняков».— А прошу покорно, меня лишать наливки, да как вам не стыдно пред богом, про людей не говорю. Да и маменька наливки не делала, да и если б делала, что вам за дело?

Меня задело ваше замечание.

Подлый раб ваш
Ал. Герцен[1]

[1] Далее опускается приписка Н. А. Герцен, в которой она благодарит Т. А. Астракову за наливку и извещает о высылке 200 рублей ассигнациями.

68

Т. А. АСТРАКОВОЙ

⟨Москва. До 1847 г.⟩

Я потому пишу о моей благодарности карандашом, чтобы незаметно было, что вишневка не в бутылке, а в уважающем вас

А. Герцене[1]

[1] Далее опускается приписка Н. А. Герцен.

69

Т. А. АСТРАКОВОЙ

⟨Москва. До 1847 г.⟩

Вы были у нас, я предложил вам ехать в ложу, взятую мною,— вы посылаете деньги. Немножко логики, Татьяна Алексеевна, и милосердия. Я денег этих не возьму, потому что после этого вы будете платить мне за пахитосы, а я вам за варенье.— Говорят, что вы желаете быть в доле на будущую оперу, чрезвычайно рад, кто в доле — тот плотит, а кто приглашен — тот пользуется.— Истина не всегда приятна, простите великодушно. А деньги прислать было несправедливо.

Татьяне Алексеевне.

70

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

⟨Москва. До 1847 г.⟩

Я жду от вас копию с Грановских морд[1], которую вы, то есть, обещали.

[1] По-видимому, речь идет о копии с какого-то портрета Т. Н. и Е. Б. Грановских.

71

Т. А. и С. И. АСТРАКОВЫМ

Приписка к письму Н. А. Герцен[1]*:*

⟨Париж. 3 мая/21 апреля 1847 г.⟩

Что же мне остается прибавить, г⟨осп⟩да Астраковы, к такому полному отчету? Пишите-ка о Москве и знакомых, иной раз хочется смертельно сквозь шум и гам услышать издали знакомый голос.— Адрес к нам на имя Турнейсена, отдайте Ценкеру[2], он доставит; я не франкирую

своих писем оттого, что франкировать затруднительно и не так верно, а потому и вас покорно прошу не франкировать.

Прощайте.

3 мая / 21 апреля* 1847. Париж.

[1] Приводим отрывок из этого письма Н. А. Герцен, начатого почти одновременно с письмом Герцена к М. С. Щепкину от 23/11 апреля 1847 г. (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 207—212). Это первое парижское письмо Н. А. Герцен к Астраковой в значительной степени повторяет мысли, высказанные в письме Герцена Щепкину, но содержит, кроме того, ряд живых подробностей для характеристики как внешней стороны жизни семьи Герценов, так и настроения самого Герцена:

«...Новое, друг мой, такой широкой волной хлынуло в грудь, и такая в нем смесь, такое разнообразие, такая бездна впечатлений, что я не могу найтись. Погоди, дай пожить побольше, не смею говорить так скоро, еще мало видела, шум, движение (не могу назвать это жизнью, даже деятельностью) невообразимые, на каждой точке города будто средоточие жизни (матерьяльной), остановиться да посмотреть — в голове закружится, учтивость бесконечная, для вас все сделают из учтивости; пожалуй, и обманут и украдут из учтивости, ну, право, кажется здесь умирают и родятся из учтивости; нам не по натуре что-то эта учтивость, мы люди дикие, простые, хотя и у нас ее довольно, да уж все не до такой возмутительной степени. А что касается до чувства... тронь поглубже, так ужасающая какая пустота, какая пустота!— Но только, Таня, не забывай, что я месяц в Париже, что я только в двух театрах была, а их двадцать, и каждый особенно выражает особенную сторону Парижа; каждый день они битком набиты, от 6 часов до 12, а иногда и до часу — можно изучить потребности публики; была я в Национальном театре, там вот уж несколько месяцев кряду представляют Французскую революцию, которая продолжается 7 часов кряду. Театр полон ремесленниками, работниками в блузах, женщины бывают там даже с грудными детьми, говорят, хохочут, кричат, тут берет за живое, тут хорошо. Другой театр — тут общество повыше достоинством (или не достоинством?), одеты уж все приличнее и, не отводя глаз, смотрят и восхищаются всеми сальностями и двусмысленностями, которые происходят на сцене. Смеешься, потому что в самом деле смешно, и грусть берет, и слезы навертываются... им мало еще тех пошлостей и гадостей, которыми полна их ежедневная жизнь, семь часов кряду, не сходя с места, они восхищаются ими в театре... Это страшно... пойду во все театры, хочу все видеть, все знать; на той точке знакомства, на которой я теперь с Парижем,— безотрадно. Ты идешь по улице и ничего не видишь, кроме страшной роскоши, все нижние этажи домов, без исключения, заняты магазейнами, и все это битком набито, не только необходимыми вещами, а еще, кажется, больше предметами роскоши, и везде, тут же на ступеньке — бедная женщина с ребенком падает в судорогах от голода... Фунт хлеба 30 сантимов стоит, сантим здесь то же, что у нас копейка, потому что деньги здесь дороже; фунт мяса меньше нет как 60 сантимов; дрова продаются на вес, 600 фунтов хорошего дерева — 21 франк. Можешь себе представить, в каком положении низшие классы и что с ними зимою... а зима здесь должно быть препорядочная, потому что до сих пор я не иначе хожу, как в ватном платье и в ватной мантилье, а дома так просто не согреешься, печей нет, камин греет только тогда, пока сидишь перед ним.— Я думаю, неделю спустя пишу тебе. Опять теперь я как-то более в мирном расположении, где причина — во мне иль в городе — право не знаю, да об этом после, верно тебя на сию минуту более интересует то, что до меня касается... а будто Париж, Вольтер и т. д. не равно тебе интересны, будто... да об них найдется, кому порассказать, а обо мне-то уж никто не скажет. А не правда ли, подчас так страшно становится, Таня, как подумаешь, что никакою силою нельзя тебе узнать, что делается в настоящее время с близким человеком, ни об нем узнать, ни о себе дать вести... тяжелый камень ложится на грудь.

Ну, а мы поживаем хорошо! Я хожу без устали, видаемся часто с знакомыми, все такие хорошие люди, наслажденье! (как говорит Анненков).

Да, Таня, то бывает привязанность, это незаменимая, неотъемлемая собственность, и какое счастие, бесконечное счастие, с полной уверенностью сказать — это мое! Бывает другого рода наслажденье — это, когда можешь, не вводя в расчет своей личности, подойти к человеку *просто* и свободно, протянуть ему руку с уважением и доверием. Я познакомилась здесь с Боткиной **, она очень хорошая и добрая женщина. Видимся с Полуденскими ***, они, мне кажется, стали лучше здесь. Ел⟨изавета⟩ Ив⟨ановна⟩ **** вспоминает о тебе, огорчается, что ты ей не отвечаешь.

---

* В автографе ошибочно: 24 апреля.— *Ред.*

** Екатерина Николаевна, жена Николая Петровича Боткина.— *Ред.*

*** Имеются в виду Мария Ивановна *Полуденская* (сестра Н. И. Сазонова) и Александр Петрович *Полуденский* (брат ее покойного мужа, Н. П. Полуденского). — *Ред.*

**** Елизавета Ивановна *Сазонова* — сестра Н. И. Сазонова.— *Ред.*

ПАРИЖСКАЯ НИЩЕТА
Гравюра из книги: E. Texier «Tableau de Paris», 1852

Коля, Маша * и Луиза Ивановна приехали уж недели полторы сюда и поселились возле нас. Маша скучает, потому что у нее все еще нога болит, так жаль ее бедную. Колю смотрят доктора, но еще не решили, есть ли возможность возбудить нерв; он становится с каждым днем милее, умен поразительно. Детям здесь раздолье, наша квартира на Елисейских полях, возле дома бульвар и роща, но погода все еще не установится. Напиши хоть ты, Таня, что делается с нашими друзьями, что Грановский? Пожми ему от меня руку и скажи, да нет, ничего не говори. А меня удивляет, как ни в ком нет потребности хоть слово сказать в ответ на несколько писем Александра. Непостижимо!

Марья Федоровна жмет тебе и Сергею Ивановичу руку. Машенька просила вам написать от нее много поклонов и приветствий.

Мне так хочется знать о тебе, о всех вас, милые, молчаливые друзья! Пиши, Таня. Сергею Ивановичу жму крепко, крепко руку...» (лл. 338—341).

[2] *Турнейсен* и *Ценкер* — банкирские фирмы.

72

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

⟨Париж. Вторая половина мая 1847 г.⟩

Скажите Михаилу Семеновичу, что я потому не писал ему 2-⟨го⟩ письма[1], что намерен о театрах здешних написать для печати [2]. Да хочет ли он, чтоб я ему переделал «Chiffonnier» — Piat и возможно ли у нас ее поставить — она растянута,— но я составил план, как, не искажая, сделать пьесу и короче и лучше. Книжку, я думаю, можно достать, здесь их везде продают по франку. Скажите ему, что Фредерик Леметр удивителен. Доселе Париж всякий день ходит смотреть его в этой пьесе. M-lle Schöpping[3] здесь.— Целую и обнимаю и здравия желаю.

* М. К. Эрн (в замужестве Рейхель). — *Ред.*

Рукой Саши Герцена:

Таня, целую тебя, и скажи Сергею, что я приду точить кубари через два года, то есть я через два года выеду, а приеду в два года с половиной. Я приеду и прощай.

Рукой Герцена:

Вы, пожалуста, не огорчайтесь такой долгой разлукой, это Саша всё выдумал, я полагаю, что в будущую весну мы будем дома.

Рукой Саши Герцена:

Наташа кланяется. А Коля целует всех вас.

[1] В письме от 23/11 апреля 1847 г. Герцен обещал написать М. С. Щепкину о французских актерах Буфе и Леметре (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 207—212).

[2] Это намерение Герцен осуществил во втором и третьем «Письмах из Avenue Marigny».—Н.А. Герцен писала Т.А. Астраковой в опускаемой приписке к этому же письму: «Здесь дают новую пьесу „Парижский тряпичник", т. е. человек, который только тем и живет, что выбирает по ночам из выметаемых со дворов груд сора и нечистот тряпочки, бумажки и все, что только можно употребить хоть в какое-нибудь дело... Я думаю, здесь тысячи людей живут так и подобным промыслом, которые света божьего не видали, зелени, не имели *средств* на то, чтобы любить кого-нибудь... с рожденья и до смерти пресмыкались... сердце кровью обливается от картины на сцене, а когда вспомнишь, что вряд ли есть хоть один дом в Париже, в уголке которого не влачил бы кто-нибудь несчастный подобную жизнь... Что ж мне делать, что я не могу забыть все это и предаться одному наслаждению?»

[3] *M-lle Schöpping* — московская знакомая Герценов.

73

Т. А. и С. И. АСТРАКОВЫМ

№ 1

10 или 11 июня / 29 мая 1847. Париж
потому что ночь

Я шел теперь из театра и всё думал об вас, Татьяна Алексеевна, а думал потому, что нахожусь под влиянием вашего письма, за которое просто дружески целую и не токмо руку, но вас — редко удается в совершеннолетии читать более симпатические строчки; да, ваше письмо я прочел с жадностью, несмотря на китовую величину его [1]. Пришел я домой, на улице дождь, темнота, высокие домы так страшно черны — дома спят, Наташа опять всё хворает... я посидел, посидел, взял было книгу — не хочется; налил коньячку — хочется; отрезал честеру — ничего; налил бургонского — хочется; взял перо писать к вам — хочется. Вот вам история, предшествовавшая рождению этого письма.— Много раз в Москве я говорил вам, что у вас бездна действительных, жизненных элементов в душе, чем более вы сосредоточиваетесь, чем более вы *зрелеете* (это не зависит от лет) — тем ярче обнаруживается именно эта жизненная, здоровая натура.— Я помню ваши письмы, когда вас поразило страшное несчастие,— ваши письма были писаны со стоном и слезами, но это был стон груди, полной силы, и не сбивался на хныканье романтизма — которое есть уже утешение. Тогда-то я понял вас — последнее письмо каждой строкой подтверждает это, даже замечанием о грубой привязанности к материальным удобствам мужчин и о сашином воспитании, причем образцами зла и порчи вы поставили меня и Корша — да это, ей-богу, бесконечно мило. Но ведь я здесь стал умнее, здесь жизнь иначе устроена... Итак, дайте вашу руку или, лучше, ухо — чтоб слушать мою болтовню.

Во-первых, ни слова о всем здешнем. На это у меня другие письма, вы их скоро прочтете в «Современнике», два готовы, а третье пишется [2]. Я хочу говорить только об вас и об нас. Учтивость заставляет сначала говорить об вас. Скажите Грановс⟨кому⟩, что получил статьи его о Хомякове [3] и ужасно рад, что начал печататься, статьи написаны прекрасно, преблагородно, и я не знаю, как Мельгунов мог найти в них что-нибудь слиш-

ком резкое. Но признаться надобно и в том, что эта полемика много теряет, будучи читаема в Париже,— здесь ужасно быстро привыкаешь к журнальной перестрелке иными зарядами; во всяком случае, душевное спасибо за присылку, так весело и отрадно получить выписки и статейки — кстати, Павлова письма длинны и вялы [4]. С особенным удовольствием мы здесь читаем в «Соврем⟨еннике⟩» статьи Мельгунова [5]— их очень живой предмет и стремление перенести в печать творящееся около очень хорошо. Кавелина целую хотя бы он был и в Давыдкове; может, Сергей Ив⟨анович⟩ изобретет после проводников звука проводники поцелуев,

ФРЕДЕРИК ЛЕМЕТР В РОЛИ «ПАРИЖСКОГО ТРЯПИЧНИКА» В ОДНОИМЕННОЙ ПЬЕСЕ ФЕЛИКСА ПИА

«L'Illustration» от 22 мая 1847 г.

«Скажите ему ⟨М. С. Щепкину⟩, что Фредерик Леметр удивителен. Доселе Париж всякий день ходит смотреть его в этой пьесе ⟨„Парижский тряпичник“⟩»(Из письма Герцена к Т.А. Астраковой, вторая половина мая 1847 г.)

и вдруг эдак, сидя на Девичьем поле, поцелует андалузские губки Лолы Монтес [6] — а что, ведь сам перепугается? — Его, т. е. Кавел⟨ина⟩, статьи при дамах читать нельзя, всё ругательные слова да еще казацкие — а храбро он разбивает отрыжку нашей старой историей в испорченных желудках[7]. Что Антонина Федоровна[8] — ее я часто вспоминаю, глядя на француженок, в ней даже черты лица французские, а уж о живости и говорить нечего; поклонитесь ей да спросите, что она, по-прежнему за галстух закладывает или нет; поклонитесь Любовь Федоровне [9] — она всё больна, точно ее судьба носилась у меня перед глазами, когда я писал о женщине в «Капризах и раздумье» — гораздо до событья. Женщина везде еще прижата — здесь, для того чтоб веселиться и пользоваться жизнью, надобно не быть замужем.

Коршу передайте мою радость, что по разным вестям я более и более вижу, что в «М⟨осковских⟩ в⟨едомостях⟩» и полемика и раздолье такое, что чудо, что некогда писать [10].

О неписанье — я раз навсегда отпускаю всем и каждому лень писать, говорю об этом по моей привычке говорить обо всем — и боюсь, как огня, одного — что именно в силу этих упреков и замечаний принудят себя писать—что будет и глупо и ненужно. Достоинство вашего письма и кавелинского именно в том, что вам труднее было бы не писать, нежели писать.

А Васил⟨ий⟩ Петр⟨ович⟩ не понял, что Нат⟨аше⟩ могло быть грустно в первом разгроме парижской жизни и во время голода здесь? Так он, пожалуй, и на меня в гневе за мое письмо о буржуази к Мих⟨аилу⟩ Сем⟨еновичу⟩,—о, Гильом-Пьер Собрано-Панторыльев[11]—а вышел все-таки с архи-костромским окончанием.— Сильно грустно бывает минутами.

Теперь к нам. Мар⟨ья⟩ Касп⟨аровна⟩ не говорит иначе, как по-итальянски, Мар⟨ья⟩ Фед⟨оровна⟩ — как по-парижски. Им в этом способствует необычайно — первый мой камердинер Эмиль — из Кенигсберга, а второй — наш повар Constantino Gregorio — из Bagni di Lucca — Саша начал говорить разом на общем европейском языке — мечта Лейбница сбылась; это служит мне залогом, что он не выучится ни на одном, зато будет акробатом — я его посылаю в гимнастическую залу (а в самом-то деле надобно заметить, что он сделал невероятные успехи в французском⟩ языке). Но что касается до языков, самое лучшее — это разговор Эмиля с поваром, у них нет ни одного общего слова, и потому один скажет: «Ком-са, ком-са, мсьё» *, и итальянец отвечает: «Capisco, capisco **, мсье» — и несет воду, когда надобно огня; молока, когда надобно вина (я бы ни слова не сказал, если б было обратно). Еще есть у нас горничная m-lle Elise — слишком хороша собой, до того, что мне совестно.

Кстати к Элизе — пожалуста, напишите — что̀ Матрена, у Корша ли? Я не могу себе представить, чтоб, воротившись, я не нашел ее под окошком в первой комнате.—Разумеется, вам нет никакой необходимости говорить об этом Редкину [12].

Письма ни под каким видом не франкировать, а то вы свяжете меня здесь.— Ну прощайте, пойду к Сергей Ивановичу.— Вот еще что: по общему суду дам и девиц, борода ко мне очень пристала.

Ну что, почтенный кондуктор дилижанса на луну? Я как-то на днях ездил в С⟨ен⟩-Жермен по атмосферической дороге — ехать хорошо, но устройство стоило необъятной суммы. Не слушайся Кавелина — в чисто ученой статье до слогу дела нет, ведь ее не станут же читать дамы — пиши или пусть он вместе с тобой поправляет. Жаль, смерть жаль, что твои усилия не имеют достодолжного круга; это не то, что бодливой корове бог рог не дает, у тебя рога механики отличные — да бодать некого. Но мой совет, занимайся — пока есть какая-нибудь возможность; да неужели ты не можешь встретиться хоть с фабрикантами, которые, чего нет другого, и не в обиду Кавелину будь сказано, поймут разницу воду подымать более нежели на 32 фута — с тем, на⟨пример⟩, чтобы носить ее по лестнице на Ивана Великого в ведре. Ах ты, эдакой такой Константин Дмитриев,— что мне с собой, с К. Д., делать? Впрочем, ведь и Астраков, в свою очередь, не смыслит ничего в истории правоведения, даже не знает о царе Душане [13] и о вине-те [14]. Я не один бы грош дал, чтоб вас здесь увидеть, истинно дорого бы дал — да и вы бы не очень плакали провести здесь день, другой. Ерот-Городок [15]— ничего себе, так, как следует.— Прощайте.

А. Герцен

13/1 июня.

Коршу скажите, что я, может, съезжу в Лондон с Ив⟨аном⟩ Павл⟨овичем⟩, который всем кланяется [16]. Жду сюда Белинского, он, говорят,— так Фролов пишет,— очень плох. Аннен⟨ков⟩ поехал к нему [17].

---

* «Так-то так, сударь» (франц.).
** «Понимаю, понимаю» (итал.).

Полуд⟨енских⟩ почти не видаю. Но их брат действительно замечательный человек, на него много лгали, я вижу его житье и всякий день видаюсь— он в конце июля увидится с вами.

Целую Федю, помнит ли он Селцена[18], и крестника — и жму руку их мамаше.

[1] Упоминаемое письмо Т. А. Астраковой неизвестно. В недатированном письме (от двадцатых чисел июня 1847 г.) Н. А. Герцен писала Т. А. Астраковой о впечатлении, которое производят ее письма на Герцена: «...получать письма ужасно как весело, особенно такие письма, как твои; Александр каждый раз от них в восторге» (л. 326). Вообще, Астракова была самым исправным московским корреспондентом семьи Герценов, подробно информируя их о жизни дружеского кружка. «Не могу тебя довольно возблагодарить, Таня,— писала ей Н. А. Герцен,— за твои письма, они для всех нас неоцененны тем, что ты обо всех пишешь... Спасибо тебе, вот как спасибо» (письмо от 17 сентября 1847 г., л. 347).

[2] «Письма из Avenue Marigny». Первые три письма были опубликованы в № 10 «Современника» за 1847 г.

[3] Герцен имеет в виду помещенное в апрельской книжке «Отечественных записок» за 1847 г. «Письмо из Москвы» Т. Н. Грановского — ответ на статью Хомякова в «Московском сборнике» 1847 г.—«О возможности русской художественной школы» и «Ответ г-ну Хомякову» в «Московских ведомостях», № 50 от 26 апреля 1847 г.

[4] Речь идет о «Письмах к Гоголю» Н. Ф. Павлова, напечатанных в №№ 28, 38 и 46 «Московских ведомостей» за 1847 г. и перепечатанных в №№ 5 и 8 «Современника» за тот же год.

[5] В первых книжках «Современника» за 1847 г. были напечатаны статьи Мельгунова — «Несколько слов о Москве и Петербурге», «Современные заметки», «Московские новости» и др. В отличие от Герцена, Белинский дал резко отрицательную оценку этим статьям за их идейную расплывчатость, и сотрудничество Мельгунова в «Современнике» на этом окончилось (см. «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 310). Герцена, читавшего эти статьи за границей, несомненно привлекал содержащийся в них фактический материал о событиях научной и литературно-общественной жизни Москвы.

[6] О *Поле Монтес* см. выше, на стр. 40.

[7] В январской книжке «Современника» за 1847 г. была напечатана известная работа К. Д. Кавелина «Взгляд на юридический быт древней России», в мартовской, апрельской и майской книжках рецензии на «Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете», а также «Памятники, издаваемые временной комиссией для разбора древних актов».

[8] *Антонина Федоровна* — сестра Е. Ф. Корша, жена К. Д. Кавелина.

[9] *Любовь Федоровна* — сестра Е. Ф. Корша, жена профессора Московского университета Н. И. Крылова.

[10] Герцен иронизирует над Е. Ф. Коршем, редактировавшим «Московские ведомости». О полемике в «Московских ведомостях» см. в примеч. 3 и 4.

[11] В. П. Боткин, как явствует из этого письма, с осуждением отнесся к письму Н. А. Герцен от конца апреля 1847 г., в котором она описывала социальные контрасты парижской жизни и бедственное положение французского пролетариата. Герцен с полным основанием предвидел, что неудовольствие у Боткина вызовет и письмо его к М. С. Щепкину от того же числа («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 207—212), с резко отрицательной оценкой французской буржуазии, так как он знал, что Боткин сделался открытым апологетом буржуазных порядков.—«*Собрано-панторылья*» (по-видимому, от искаж. испан. «толстоногий») — дружеское прозвище Боткина, к которому Герцен шутливо прибавил имена Гизо: Гильом-Пьер.

[12] Герцен постоянно подтрунивал над влюбчивостью профессора Московского университета П. Г. Редкина, приятеля Грановского.—*Матрена*—горничная Коршей.

[13] Стефан *Душан* Сильный — царь Сербский (1336—1355).

[14] *Винета*, или Юлин,— славянский город в устье Одера. Его истории посвящена диссертация Грановского «Юлин, Иомсбург и Винета». Здесь каламбур, основанный на сходстве слова «Винета» и слова «вино».

[15] Так Герцен шутливо называет Париж.

[16] Иван Павлович *Галахов*. В Париже в мае состоялось его венчание с англичанкой Элизой Боуэн. В цитированном выше письме от двадцатых чисел июня 1847 г. Н. А. Герцен писала Астраковой: «На днях проводили мы Галахова в Бокард. Он будет там лечиться холодной водой...» — и сделала к этому сообщению примечание: «В последнее время я сблизилась с ним еще более—чистый, благородный, симпатичный, и нежный человек, грустно было расставаться с ним—может, до России не увидимся...»(л. 326).

[17] С 22 мая по 3 июля 1847 г. Белинский проходил курс лечения в Зальцбрунне. Об этом же писала Астраковой Н. А. Герцен: «Анненков уехал к Белинскому и пишет, что нашел его в отчаянном положении, обещает притащить его сюда, я буду ужасно

рада им, теперь мы что-то сиротливо здесь живем» (письмо от двадцатых чисел июня 1847 г., л. 326).

[18] Герцен передает здесь детское произношение его фамилии.

74

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен[1]:

⟨Париж. 4 июля/22 июня 1847 г.⟩

Ваша несправедливость ко мне меня не удивила, потому что неуверенность в тех, которых вы любите (а я уверен, что любите и меня),— периодическая болезнь ваша. Об деньгах много толковать не стану, вот записка к Григорию Ивановичу [2].— Сергею Ив⟨ановичу⟩ скажите, что если найду 3 том Лакруа [3], то пришлю его с доктором Гро [4], который едет на днях отсюда и в августе будет в Москве.

Скажите Кавелину, что ему-то грех так долго не писать.— Как, в самом деле, нелепа ваша приписка ко мне — она похожа на то, если б кто-нибудь поставил мне в вину, зачем у меня голубые волосы — а не русые, несмотря на то, что они русые. Во мне память и дружба сохраняются так, как не надобно в совершеннолетии, так, как это идет только к юношам. И вот теперь, написавши строку к Кавелину,— все так живо, так ясно стоят передо мной...

О том, что я сижу дома,— всё пустяки, я по утрам не люблю ходить (особенно в июльских жарах) — всё равно в Париже или в Перми. Зато с обеда шляюсь. Да и утром ходил смотреть на разные травли Эмиля Жирардена и Дюшателя [5], делавшиеся к великому порадованию.

Прощайте. На днях едет Елизавета Ивановна — радуюсь за вас [6].

Будьте ж здоровы

А. Герцен

О получении письма уведомьте.

Кто вам это натолковал, что мы здесь скучаем? [7]

Рукой Саши Герцена:

Таня, я тебя не забыл. Ко мне ходит учитель, и мне с ним весело.

[1] В этом письме Н. А. Герцен писала Астраковой: «Давеча утром получила твое письмо от 9/22 ⟨!⟩ июня ⟨...⟩ Александр взял на себя обделать это, сидит и пишет теперь в Москву. Один упрек сделаю тебе, зачем такое длинное предисловие ты написала? ⟨...⟩ За что это ты Александра-то разбранила, я думаю тебе совестно после этого было читать его письмо?».

[2] Григорий Иванович *Ключарев* — поверенный Герцена в Москве.

[3] Сильвестр-Франсуа *Лакруа* (1765—1843)— французский математик, автор трехтомного труда «Traité du calcul différentiel et du calcul intégral» («Трактат о дифференциальном исчислении и интегральном исчислении», 1810).

[4] Доктор *Гро* — московский знакомый Герцена, врач Екатерининской больницы, шутливо прозванный Герценом «франко-германским философом» (см. изд. АН, т. II, стр. 234).

[5] Герцен намекает на скандальный процесс, происходивший в это время в Париже. Редактор газеты «La Presse» Э. Жирарден разоблачил попытку министра внутренних дел Франции Ш.-М. Дюшателя продать за крупную сумму звание пэра Франции и место в палате пэров. Палатой депутатов Жирарден был предан суду за клевету, однако палата пэров оправдала его, Дюшатель же был реабилитирован палатой депутатов. В «Письмах из Франции и Италии» (письмо 3-е) Герцен назвал процесс «модной комедией „Эмиль Жирарден и продажное пэрство“», отмечая, что он «на бенефисе Жирардена сидел в трибуне с 10 часов до половины седьмого ⟨...⟩ и все это в половине июня, градусов в пятьдесят жара» (изд. АН, т. V, стр. 55 и 468).

[6] *Елизавета Ивановна* — Сазонова. По-видимому, слова «радуюсь за вас» имеют иронический характер. Отметим, что Е. И. Сазонова, приехав в Москву, начала распространять лживые сплетни о Герценах. См. письмо № 77.

[7] В том же письме Н. А. Герцен писала Астраковой: «С каждым днем мне здесь становится ловчее; кажется, бы съездил туда и сюда, и опять бы воротился в Париж, а на Ал⟨ександра⟩ мне досадно, что он мало пользуется им, почти ни с кем не знако-

ПАРИЖ. ЕЛИСЕЙСКИЕ ПОЛЯ

Литография из книги «Paris et ses environs», 1840.

«...наша квартира на Елисейских полях, возле дома бульвар и роща...».
(Из письма Н. А. Герцен к Т. А. Астраковой от конца апреля — начала мая 1847 г.)

мится, до 4 часов с утра работает, потом сходит погулять... не по годам, а по часам делается домоседом и семейным человеком, так что уж я имею маленькую надежду привезти вам почтенного старца.— Продолжаем *осматривать* Париж; да, я думаю, полжизни проживешь и всё будешь осматривать».

75

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

⟨Гавр. 20 августа 1847 г.⟩

Я хочу для того с вами поздороваться — чтоб проститься,— сижу, с позволенья сказать, на берегу морском в Гавре[1] и нахожу, что море недурно—и что я все-таки вас и люблю и кланяюсь вам и Сергею Ив⟨ановичу⟩.— Я, кажется, писал ему, что книги, которую он хотел —IV том Лакруа, отдельно нет, а вместе 100 франков.

Татьяне Алексеевне Астраковой

[1] Герцен с женой и сыном Сашей, которому врачи прописали морские купанья, провел вторую половину августа 1847 г. в Гавре.

76

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен[1]*:*

⟨Париж. 1 сентября 1847 г.⟩

Из них, т. е. из рук всего семейства, две мои, и очень жаль, что одна из них — левая, но делать нечего, такая привычка... А Сергею Ив⟨ановичу⟩ было бы что посмотреть в Нормандии: туннели без конца и работы

по взморью в Гавре колоссальные, должно быть, хороши — я ничего не понял.

Татьяне Алексеевне Астраковой

[1] В этом письме Н. А. Герцен сообщала, между прочим, что «третьего дня» они возвратились из Гавра в Париж, и заканчивала словами: «Обнимаю тебя всеми руками нашего семейства и целую всеми устами».

77

Т. А. и С. И. АСТРАКОВЫМ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

⟨Париж.⟩ 21 сентября ⟨1847 г.⟩

Сообщаю вам выписку из протокола, который ждала Наташа[1]. После первого октября мы садимся в дилижанс и едем в Шалон, там садимся на пароход и едем в Марсель, там пересаживаемся на перепароход и едем в Геную... Ливорно... Флоренцию, где примемся думать о зимних квартерах[2]; до приказа от меня пишите всё так же, как писали — к Турнейсену. Николай Петро⟨вич⟩ с нами[3].

Засим прощайте, кланяйтесь всем, кроме Елизаветы Ивановны — сплётня, старая розга — невзначай попавшаяся в брачный букет[4].

Разные приложения от Марии Федоровны.

Желал бы еще знать никитские подробности[5]. Скажите Гранов⟨скому⟩, что, узнав сие, я того же дня, числа, месяца, года, столетия отправился в Palais royal в ресторацию Corazzo и заказал

Soupe en tortue
Filet de bœuf s⟨auté⟩ au madère
Sole à la normande
Poulet à la Marengo
etc. etc. *

и чуть не сгубил Белинского[6] ядовитым обедом в честь двух приятных новостей, из которых одна — неприятность Крылову **.

Кавелина целую, а если позволите — и вас, а Сергея Ивановича и без позволенья. Я здесь рассказывал, к великой радости французов, проект о луне и машине туда ездить.

Да и Кавелину писал, кажется, 2 сентя⟨бря⟩[8].

Сейчас читал письмо от В⟨асилия⟩ П⟨етровича⟩ к Анненкову, подробности о крыловской истории и прочее[9]. Тем не менее, прощайте. Скажите, что в «Revue» глупости пишет какая-то ракалья и дурак — предосадно[10].

[1] Герцен имеет в виду письмо Н. А. Герцен, начатое 19 сентября 1847 г., в котором она делилась с Астраковой семейными новостями и планами на будущее.

[2] Намеченный Герценом план путешествия был впоследствии сильно изменен.

[3] *Николай Петрович* — Боткин, выехавший из Парижа в Москву 15 октября.

[4] В письме Н. А. Герцен находим некоторое объяснение этой характеристике Е. И. Сазоновой: «Словам Елизаветы Ивановны верить нечего, потому что она, во-первых, не знает о нас ничего, а если б что и знала, так может передать неверно, потому — *не знает нас*».

[5] *Никитские подробности* — подробности скандальной истории, виновником которой являлся профессор Московского университета Никита Иванович Крылов. Его жестокое обращение с женой (сестрой Е. Ф. Корша) вызвало заявление Е. Ф. Кор-

* Суп из черепахи
Говяжье филе в мадере
Камбалу по-нормандски
Цыпленка а ля Маренго
и пр. и пр. (франц.).

** *Далее зачеркнуто:* Получил ли Гран⟨овский⟩ письмо из Гавра? [7]

ша, К. Д. Кавелина, Т. Н. Грановского и П. Г. Редкина с просьбой удалить Крылова из университета. Попечитель Московского учебного округа С. Г. Строганов принял решение перевести Крылова в Харьковский университет. Герцен в публикуемом письме откликается на это известие. Н. А. Герцен писала в том же письме Т. А. Астраковой: «Весть об удалении Никиты ужасно нас всех обрадовала; впрочем, я была твердо уверена, что наши восторжествуют, и меня это дело не тревожило слишком, ведь есть же предел нелепостям!». Вскоре «крыловская история» приняла другой оборот: Крылов остался, а Кавелин и Корш должны были выйти в отставку.

[6] В этом же письме Н. А. Герцен писала о Белинском: «Белинский на днях уезжает, это путешествие, кажется, не принесло ему большой пользы».

[7] Это письмо к Грановскому неизвестно.

[8] Это письмо к Кавелину неизвестно.

[9] См. это письмо В. П. Боткина П. В. Анненкову от 24—25 августа 1847 г. в книге «Анненков и его друзья». СПб., 1892, стр. 545—550.

[10] Речь идет, возможно, о парижском радикальном журнале «La Revue Indépendante», издававшемся с 1841 по 1848 г. Пьером Леру, Жорж Санд и Луи Виардо. В библиографической хронике этого журнала за 1847 г. появилось несколько хвалебных отзывов о Белинском, о сочинениях Герцена — «Письмах об изучении природы», «Дилетантизме в науке» и «Кто виноват?» и работе К. Д. Кавелина «Взгляд на юридический быт древней России». См. об этом в статье: Л. Р. Л а н с к и й. Отзывы о Белинском в «La Revue Indépendante» («Лит. наследство», т. 56, 1950, стр. 497). Какие «глупости» имеет здесь в виду Герцен — неясно.

78

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен[1]*:*

⟨Париж.⟩ Октября пятнадцатых ⟨1847 г.⟩

№ 4 — записка

Я не слыхивал да и вряд ли после потопа был пример таких чудовищных писем, а если до потопа писали — так именно за то несчастие и посетило такой мокротой земной шар. Поэтому, Т⟨атьяна⟩ А⟨лексеевна⟩, я не хочу усугублять дело и ничего не пишу. Посылаю вам два портрета — маненько почище Горбунова; один Астракову, другой вам [2].— Лакруа так дорог оттого, что вышел [3].— Право, не могу писать, ночь не спал всю, Ник⟨олая⟩ Петр⟨овича⟩ провожал — на дворе такая жара, как в июне, а мы сдуру едем в Италию, где еще теплее [4].

Можете писать и на Турнейсена, даже это лучше до получения от меня письма — он перешлет, а впрочем, до 15 декабря можете писать и так:

à Nice (Italie)

confiée aux soins de Messieurs Avigdor l'aîné et fils, а с декабря — *à Rome* (Italie)

confiée aux soins de m-r Torlonia.

Из этого вы можете заключить, что Турнейсен по-итальянски значит Торлония. Но заключение будет ложное.

Целую вас — Сергей Иванович и Константин Митрич.

Поклоны справьте всем и всем. Впрочем, я на днях писал к Тим⟨офею⟩ Ник⟨олаевичу⟩ [5].

[1] Приписка к письму Н. А. Герцен от 13 октября 1847 г. Смысл шутливого начала приписки Герцена объясняется огромными размерами этого письма.

[2] Герцен прислал Астраковым, вероятно, два экземпляра своего литографического портрета работы Л. Ноэля (1847). См. воспроизведение этого портрета в «Лит. наследстве», т. 63, 1956, стр. 301.

[3] *Вышел* — т. е. распродан.— О книге Лакруа см. примеч. 3 к письму № 74.

[4] О последних днях пребывания в Париже перед отъездом в Италию Н. А. Герцен писала в письме, к которому Герцен сделал свою приписку: «Что за дивная погода у нас, Таня, с 8-го часа утра окна открыты, что за воздух — упоение! Мы поглощаем Париж перед отъездом. Слушали «Дон Жуана» два раза, ходим смотреть картины, статуи, добрый, милый Анненков с бесконечным терпением объясняет». Мы до того привыкли к нему, сжились с ним, что странно и будто недостает чего в тот день, когда его не видишь».

[5] Это письмо к Грановскому неизвестно.

79

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

⟨Ницца. Ноябрь 1847 г.⟩

Мне и приписать Наташа не дала — бог ей судья.

А. Г.

80

Т. А. и С. И. АСТРАКОВЫМ

Рим. 2 декабря 1847

Это не письмо, а записочка, записочка наскоро и с корыстной целью.— Последнее письмо ваше получено в Ницце, с тех пор мы сделали длинный переезд на пароходе и, наконец, водворились здесь. На первый случай неудачно — несмотря на прекрасную погоду, несколько дождевых дней простудили всех, и одесную лежит m-me Herzen и Саша, а ошую — Тата, Коля и Марья Каспар⟨овна⟩ в катаральной лихорадке, со рвотой, болью в горле... Доктор полагал, что у Коли круп, однако или его не было, или он предупредил его рвотным.— Далее предоставляю Н⟨аталье⟩ А⟨лександровне⟩, когда она отходится, описывать. Теперь к делу.

Одно место в вашем письме сначала удивило, ошеломило нас, а потом глубоко оскорбило. Я серьезно* прошу вас основательно ответить мне на мой вопрос.

По какому случаю Мар⟨ья⟩ Федор⟨овна⟩ просила денег у Корша и каких денег?— Она даже свое наследство оставила им,— случай этот чрезвычайно важен, я вас попрошу написать мне, в чем дело. Мар⟨ья⟩ Фед⟨оровна⟩ постоянно отказывалась от денег, отзываясь, что, когда нужно будет, она спросит. Все нужды ее до мелочей от большого предупреждены. Что же это значит?

Странно, впрочем, как вы могли подумать, что у нас *до того мало* денег, что она должна адресоваться к брату. Это или слишком просто, или слишком замысловато. Да вы слыхали, что мы получаем более 25 т⟨ысяч⟩ доходу,— как же это возможно?

И сколько искусства было употреблено, чтоб уверить нас, что ей не нужны деньги,— и для чего? Для того, чтоб взять у брата, у которого нет, покрыть грязным подозрением людей, ничем не заслуживших этого.— Я много толковал в Москве об аристократии бедности, у ней есть, сверх того, свое жестокосердие, своя скрытность,— а впрочем, я жду подтверждения. Если это так — полуправда, слух,— я истинно буду рад. Надеюсь, что вы напишете правду — я оставляю это на вашу совесть. Удивляюсь, как могут зависеть отношения людей от цифры их доходов, удивляюсь — но прямо скажу, что лучшая роля не всегда принадлежит неимущему, если он, пользуясь своим несчастием, теснит ближнего и обманывает его в ту минуту, как он отдается со всею откровенностью [1].

С⟨ергей⟩ Ив⟨анович⟩, не правда ли?

До сих пор об этом никому не известно.

Наташа будет писать на днях.

Я вас прошу, чтоб об этом письме как можно менее узнали — разве одна Софья Карл⟨овна⟩ **[2], ибо она одна может сказать им дело. — А впрочем, вы писали, так вам и надобно знать.

Прощайте.

[1] М. Ф. Корш, сестра Е. Ф. Корша, жила в семье брата. По предложению Герцена она сопровождала его семью за границу, чтобы помочь Наталье Александровне в воспитании детей. Ее заботам была поручена Тата. Материальные возмож-

* После слова «серьезно» в автографе «вас», повторенное и после «прошу».— *Ред.*

** Вы можете ей сказать, что мы слышали от посторонних.— *Примеч. Герцена.*

ИЮНЬСКИЕ ДНИ

У баррикады на углу бульвара и улицы Мазагран, близ ворот С.-Дени 23 июня 1848 г. в Париже
«Illustrierte Zeitung» от 15 июля 1848 г.

ИЮНЬСКИЕ ДНИ

Кавеньяк, Ламартин, Коссидьер, Пьер Наполеон и др. на бульваре Пуассоньер 24 июня 1848 г. в Париже
«Illustrierte Zeitung» от 22 июля 1848 г.

ности Е. Ф. Корша были ограничены его жалованьем как редактора «Московских ведомостей», и поэтому Герцен был сильно взволнован сообщением Астраковой о том, что М. Ф. Корш обратилась к брату с просьбой выслать ей деньги. В дальнейшей переписке об этом инциденте больше упоминаний не встречается. Марья Федоровна оставалась в семье Герцена до октября 1848 г.

[2] *Софья Карловна* — жена Е. Ф. Корша.

81

Т. А. и С. И. АСТРАКОВЫМ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

⟨Рим. 20 декабря 1847 г.⟩

Так как Н⟨аталья⟩ А⟨лександровна⟩ меня не пустила в письмо, то позвольте здесь в сенях с вами поздороваться, как Татьяна Алексеевна, так и Сергей Иванович, — ну что, батюшка, чай через шубу шарф в две сажени, три раза обвивши около шеи... да сапоги на медведях, да картуз с континутрием⟨?⟩ — так что вас отрывать надобно заступом и топором, как помпейские древности,— для того, чтоб пожать руку и сказать

прощайте[1].

82

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

⟨Рим.⟩ 22 января ⟨1848 г.⟩

Вероятно, вы тотчас по отправлении письма получили мою записку [1], на которую ожидаю ответа. Отчего у Кавелина нет портрета, это вина не моя,— вероятно, Ник⟨олай⟩ Петр⟨ович⟩ забыл; да у Корша должны быть лишние, т. е. посланные на всякий случай,— подарите от меня Антонине Федоровне [2] и пожмите ей руку; скоро год, как были проводы на Черной Грязи. — Вести ваши о знакомых мрачны, я боюсь поверить, что всем надобно оставить университет из-за подлого Крылова — напишите подробнее — только, пожалуста, как можно достовернее, что и как [3]. Здесь недурно. Теперь некогда писать, буду скоро писать опять. Прощайте, жму руку Сергею Ивановичу,— ему бы здесь раздолье — еще холоду больше 4-х град⟨усов⟩ тепла не было [4].

Адрес до 1 апреля или до 20 марта по-вашему:

A m-r H⟨erzen⟩. Via del Corso, 18. Secundo piano * [5].

Russia (Mosca). Alla signora Astracoff.
В Москве
Ее высокоблаг⟨ородию⟩ Татьяне Алексеевне Астраковой
Близ Девичьего поля и Плющихи, в приходе Воздвижения
на Овражках, в собственном доме.

[1] По-видимому, речь идет о письме Герцена от 2 декабря 1847 г. См. письмо № 80.

[2] *Антонина Федоровна* — Кавелина.

[3] См. примеч. 5 к письму № 77.

[4] В своем письме, датированном 20 декабря, Н. А. Герцен писала: «Здесь почти беспрерывно дожди, пешком почти совсем не ходим, два раза были в театре ⟨...⟩ Скажи Сергею Ивановичу, что я свидетельствую, что портрет Александра похож, борода меняет очень».

[5] Далее опускается приписка Саши Герцена.

---

* Второй этаж (итал.).

83

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен[1]:

⟨Рим. 17 марта 1848 г.⟩

Есть мера на всё, Татьяна Алексеевна, и даже на письма; к вам столько написала словоохотная, хотя и малоглаголивая Н⟨аталья⟩ А⟨лександровна⟩, что я решился писать только по сторонкам, робко прибавляя мои приветы и рукожатья. Мне было очень отрадно прочитать в вашем письме, как вспоминает обо мне Антонина Федоровна,— теплое и симпатическое в отношении к ближнему никогда не пропадает; я смотрел на нее действительно без малейшего духа критики, мне нравилась ее живая хотя еще не устоявшаяся натура, мне бывало с ней весело.— И пожмите ей руку за память и вдвое более за ее слова два — да зачем же она беспрерывно больна? Кавелину буду, вероятно, скоро сам писать — я уверен, что темная година для всех наших пройдет скоро[2], я никогда не верил более в жизнь, как теперь, твердость и упованье. *Вчера* был дождь, слякоть, холод в Риме — а *сегодня* небо сине, тепло, широко — и да здравствует жизнь!

Мы оставляем Рим 1-го апреля[3]; если кто писал — не беда, Торлони перешлет; я поеду в Тоскану, и вообще будем шляться по Италии и возле. Скажите Гран⟨овскому⟩, чтоб он как можно подробнее известил меня о выезде и где именно будет[4], но так как я решительно намерен скитаться, то пусть он напишет к М. Ф. Корш, адресуя на Турнейсена, так как с ним есть денежные дела, то он и перешлет. Так же могут делать и другие желающие писать.

Петра Редкина поздравляю с наступающим вступлением в законный брак. Что, Сергей Ив⟨анович⟩[5]— не этот Сергей Ив⟨анович⟩, а другой Сергей Ив⟨анович⟩,— останется при нем?

А вы, этот первый Сергей Ив⟨анович⟩,— дайте руку, прелентяйнейший лентяй, у вас сила деятельности x меньше косности i!

17 марта 1848. Рим.

[1] Приписка к письму Н. А. Герцен (от того же числа), часть которого опубликована в т. 63 «Лит. наследства», 1956, стр. 376—379.
[2] См. примеч. 5 к письму № 77.
[3] Герцены задержались в Риме и выехали только 28 апреля 1848 г.
[4] Предполагавшаяся поездка Грановского за границу не состоялась.
[5] По-видимому, слуга П. Г. Редкина.

84

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен[1]:

⟨Париж. 8 июня 1848 г.⟩

Адрес:

A madame Louise Haag de Würtemberg

A Paris. Confiée aux soins de messieurs de Rotschild.

И больше ничего. Потому что мы, может, и не будем здесь, но нам маменька перешлет письмо.

Поклоны и прочее, как следует.

Июня 8. 1848.

Ее высокоблагородию
Татьяне Алексеевне Астраковой
В Москве
Близ Девичьего поля и Плющихи
в приходе Воздвиженья на Овражках,
в собственном доме

[1] Это первое письмо Н. А. Герцен к Астраковой после возвращения в Париж из Италии. О впечатлении, которое произвела на нее и Герцена Франция в предиюньские дни 1848 г., Н. А. Герцен писала:

«А что около нас происходит, вы, я думаю, отчасти знаете это—брожение, даже движение и иногда кажется что-то может выйти из этого, но до сих пор все это похоже на борьбу стихий, душно, тяжко, страшное волнение в крови... и соберется туча, и разразится громом, молнией,—но воздух не проясняется, но солнце не проглядывает; не успеешь и вздохнуть свободно, снова замолаживает... я могу, желала б ошибаться, но говорю тебе откровенно, так, как действует на меня. Ребенок голоден, просит у кормилицы или у матери груди — а она гремит ему над глазами ожерельем, он кричит, она гремушкой хочет заглушить крик (не знаю, хочет ли утешить), подносит его к окну, пестует, стучит пальцами по стеклу, ребенок пуще плачет, мамка трясет и хлопает его с досады, да напрасно, ребенок не может замолчать, наконец, выбившись из сил, забывается, дремлет и мамка... но не надолго тишина в детской...».

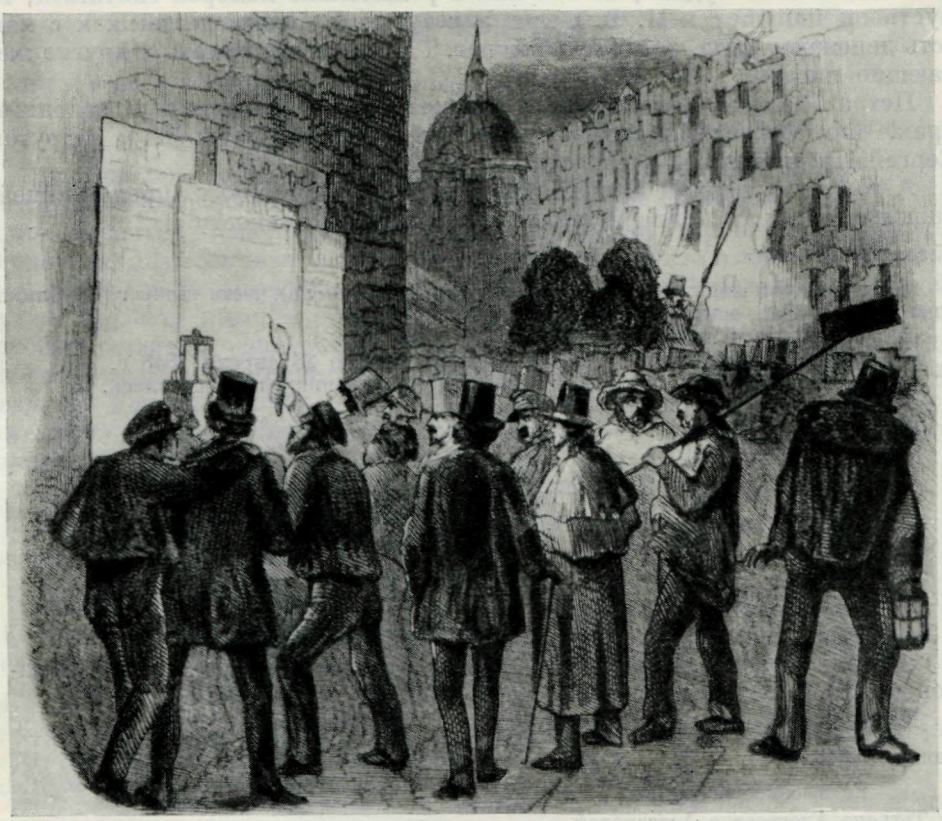
85

Т. А. АСТРАКОВОЙ

⟨Париж.⟩ 30 июня ⟨1848 г.⟩

Приписка к письму Н. А. Герцен [1]:

Что мы видели, что мы слышали эти дни... мы все стали зеленые, похудели, у всех с утра какой-то жар. Преступленье четырех дней совершилось возле нас — около нас.— Домы упали от ядер, площади не могли обсохнуть от крови. Теперь кончились ядры и картечи — началась мелкая



ПОСЛЕ ИЮНЬСКИХ ДНЕЙ

Парижане знакомятся с опубликованным 25 июня приказом Кавеньяка о сдаче повстанцами оружия

«Illustrierte Zeitung» от 22 июля 1848 г.

ПОСЛЕ ИЮНЬСКИХ ДНЕЙ
Повстанцы, заключенные в подвале парижской ратуши
Гравюра Гаварни с рисунка Ж. Шанделье
«Illustrated London News» от 26 августа 1848 г.

охота по блузникам. Свирепость Национальной гвардии и Собранья превышает всё, что вы когда-нибудь слыхали. Я полагаю, что Вас⟨илий⟩ Петр⟨ович⟩ перестанет спорить о буржуази.

Если б не Каваньяк, то пленных расстреляли бы всех.

Татьяне Алексеевне Астраковой
На Девичьем поле в собст⟨венном⟩ ⟨доме⟩,
в приходе Рождества⟨!⟩ на Овражках.

[1] Приписка к письму Н. А. Герцен от 23 июня 1848 г. Письмо это вместе с припиской Герцена по фотокопии опубликовано в т. 63 «Лит. наследства», стр. 379—380. По-видимому, вместе с письмом Н. А. Герцен Астраковой было отправлено написанное почерком М. К. Эрн письмо, содержащее описание трагических июньских дней. Приводим его полностью:

⟨Париж.⟩ $\frac{27}{16}$ ⟨!⟩ июня ⟨1848 г.⟩

Не знаю, почему письмо не отправилось в тот день, когда было написано, т. е. 22-го, а 23-го часть народа стреляла уже из-за баррикад в Национальную гвардию и обратно. Три дня кровь лилась в полном значении этого слова — наконец, баррикады были взяты на четвертый день, и вчера оставалось их уже очень мало, сегодня все кончено. Что осталось в живых из работников, то сдалось, но они дорого заставили заплатить эту сдачу. Убитых и раненых страшно много. Войска было количество да много подкреплений пришло из окрестных городов. Город в осадном положенил, полным его начальником на это время генерал Кавеньяк, тот самый, который воевал с арабами, и вы, верно, не забыли один замечательный эпизод из этой войны, относящийся к нему. В нашей стороне, т. е. в Елисейских полях, все было мирно и спокойно, так спокойно, что делалось страшно от этого спокойствия, только доходили иногда пушечные выстрелы...— пробовали и близко нас делать баррикады, да не удались,

наша же улица слишком широка для них. Печально в Париже, барыня, сидишь дома и точно в доме покойник — нехорошо. *Национальная* радуется победе, говорит, что спасла республику,— ох, вы, спасители. В газетах пишут, что инсуррекция ведена была с удивительным знанием дела и в мужестве недостатка не было. Бедная Франция, очень велико ее несчастье — может быть, политика повелевает так, как было, но я в политике после этого не понимаю — я вижу тут пролитую кровь... понапрасну... вижу, что бедный потерял, а богатый выиграл — стало, все по-старому, а может быть, можно бы было устроить все и без пролития крови, но есть вещи, в которые мы углубляться не любим, трудно там на дне и темно, что за охота разыскивать, лучше подавить и для оправдания себя назвать другим именем — а где же совесть-то, господа?

Уж лучше перестать, особенно когда места нет».

86

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен[1]:

⟨Париж. 6 августа 1848 г.⟩

Что же я еще прибавлю вам обо мне? На душе тяжело и темно, что здесь делается на наших глазах — от этого можно сойти с ума. М⟨арья⟩ Ф⟨едоровна⟩ расскажет вам. Останемся мы одни[2]... Кланяйтесь всем нашим.

Пожмите руку Антонине Федоровне, — что она, здоровее, покойнее? Скажите Кавелину, что у меня нет места в сердце, которое не было бы оскорблено, горечь, горечь, желчь... А ведь мы иной раз хорошие минуты проводили вместе.

Пошлите письмо к Федору[3].

М⟨илостивой⟩ г⟨осударыне⟩
Татьяне Алексеевне Астраковой
в собственном доме близ Девичьего Поля и Плющихи,
в приходе Воздвиженья на Овражках.

[1] В этом письме Н. А. Герцен сообщала, между прочим: «Я говорила Тур⟨геневу⟩ о комедии, он был очень болен, не знаю, пошлет ли».

[2] М. Ф. Корш возвращалась в Россию вместе с семьей Тучковых.

[3] О ком идет здесь речь — не установлено.

87

С. И. и Т. А. АСТРАКОВЫМ

Приписка к письму Н. А. Герцен[1]:

Сергею Ивановичу

⟨Париж. 4 ноября 1848 г.⟩

На сей бумаге, неприличной от тонкости, желаю обнять тебя и поблагодарить за письмо. Оно живо напомнило тебя, точно будто *t* время и *p* пространство не существует между нами. Точно будто по прочтении письма я провожаю тебя в переднюю, и там тебе подносят теплый, из гагачьего пуху шарф в две сажени, одеяло на заячьем меху, пальто, шубу, кеньги, валенки, охотничьи сапоги до плечей и пр., и пр. И я провожаю, говорю: «Да, да — вот так сумма-то работников увеличивает результат выработанного и карман фабриканта».

Если хочешь знать, что делается здесь, возьми мои статейки. Это последние дряганья умирающего мира, смерть — дело важное, грустное, но часто она сопровождается бредом, безумием, старчество впадает в ребячество... Ну ведь как ни жалей умирающего, а все ж во всем этом есть много противного. Мир этот гниет... Что будет? Что будет?.. Лучше всего, что что-нибудь да будет. Если только земной шар не треснет. — Очень

бы хотелось скорее к вам, вы — наши московские друзья — все-таки лучше всех обезьян, называемых людьми, вы выродки, сливки с 50 000 000 человек, зато уж и сливки; право, смертельно бы хотелось бы по дворам. Да климат-то, климат-то.

А что вы трубку поставили, Татьяна Алексеевна, когда Ал⟨ексей⟩ Ал⟨ексеевич⟩[2] пришел, это хорошо; дурно только то, что вы ее тотчас опять взяли.

[1] Одновременно с письмом Герцена, обращенным к С. И. Астракову, Н. А. Герцен послала при своем письме отрывок из дневника, о котором см. в предисловии к настоящей публикации. Часть этой тетради опубликована в «Лит. наследстве», т. 63, 1956, стр. 371—374 под условным названием «Из „Записок" 1848 года».

[2] *Ал⟨ексей⟩ Ал⟨ексеевич⟩* — Тучков.

88

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

⟨Париж. 4 декабря 1848 г.⟩

Татьяне Алексеевне —

при сильном дружеском пожатии руки, несмотря на то, что необходимо не писать, а посылать на *почту*, все-таки *почту* вас моим поклоном.

89

Т. А. АСТРАКОВОЙ

⟨Париж.⟩ 1 февраля ⟨1849 г.⟩[1]

Вот именно в это число мы с вами обедали или ужинали в Черной Грязи. Помните? Снег белый, солнце, тройки и тройки... Это был день удивительный, он остался у меня в сердце, как итальянский закат солнца. Мне тепло, когда я его вспомню. Последнее время бывали иногда споры, натянутые разговоры — но этот день вдруг всё опять сплавил и спаял. Итак, да здравствует Черная Грязь. Вспомнили ли вы?

Получил я грамотку от Николая Александровича[2], доволен им несказанно, но ни с чем не согласен насчет его мнения о физике и химии, особенно с его идеалистическим мнением, что общий обзор, бросаемый на дело, вернее. Что же Окен[3] и Стефенс[4] много взяли? нет, нынче давайте пониманье и микроскоп, пониманье и скальпель, жизнь надобно следить по вивисекциям, а не по физиологии Каруса[5]. Посмотрите, какие шаги делает сравнительная анатомия здесь — старый доктринаризм никуда не годен.

Кстати к физике. Кто в сношении с Огар⟨евым⟩, пусть сообщит ему, что микроскоп его готов, превосходно сделан, 650 франк⟨ов⟩ со всеми принадлежностями, я его, пожалуй, адресую к тебе, Сер⟨гей⟩ Ив⟨анович⟩,— ты можешь его разобрать; я уверен, что такого микроскопа не найдешь в Москве ни у кого[6].

Кланяйтесь всем и не напоминайте никому для нынешнего дня, что никто не приписал строки в письме от 25 декабря.

До свиданья, разумеется; мы, вероятно, к лету у вас на Девичьем Поле[7].

[1] Дата уточняется по упоминанию о микроскопе Огарева — см. «Лит. наследство» т. 61, 1953, стр. 779 и 782.

[2] *Николай Александрович* — Мельгунов, о котором см. в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 308—328. Упоминаемое письмо Мельгунова к Герцену неизвестно.

[3] Лоренц *Окен* (1779—1851) — немецкий естествоиспытатель, исходил в своих научных построениях из принципов натурфилософии Гегеля и Шеллинга.
[4] Генрих *Стеффенс* (1773—1845)— немецкий философ, естествоиспытатель и беллетрист, последователь Шеллинга.
[5] Карл-Густав *Карус* (1789—1869) — немецкий естествоиспытатель, последователь Шеллинга, автор учебников по анатомии, зоологии, физиологии.
[6] О микроскопе, заказанном Герценом для Огарева, см. выше, в публикации писем Герцена к Гервегам.
[7] Далее опускается приписка Н. А. Герцен.

90

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен[1]:

⟨Париж.⟩ 9 марта 1849

А я потому пишу письмо с числом, что знаю, когда оно отправится,— именно через четверть часа.— Ну, здравствуйте. Трубку поставьте, много курить не надобно... велите лучше подать рябиновку и малиновку — что, у вас еще ваш добрый воин [2], который за столом подвигал ко мне всякие спирты, говоря, что я придерживаюсь... поклонитесь ему. Иногда вы все страшно ясно стоите передо мной — и я вспоминаю, вспоминаю и испугаюсь наконец, на душу падает тяжелая боль. Впрочем, вы не очень жалейте, я не всякий день поминаю вас — а так свят день до обеда. Напр⟨имер⟩, получил я на днях записочку от Тим⟨офея⟩[3] — я стоял вечером в перчатках и фраке, собираясь в гости, когда консьерж принес письмецо. Я прочитал его, хотел прочитать вслух — да голос как-то изменил; мне так было грустно. Записочка была проникнута любовью и чувством глубоко трагическим, особенно напоминание о Черной Грязи. И тут я вспомнил вас всех, и вы будто бы все стали лучше, одно светлое осталось в памяти,— но я не хотел бы ни этого света, ни такого воспоминанья — так вспоминают то прошедшее, которое невозвратно... Эх, Татьяна Алексеевна, кабы вы знали да ведали! — Я под влиянием этой записки был с неделю; скажите Т⟨имофею⟩, что я горячо благодарю за нее. Мне ужасно хотелось написать ему ответ, я написал — и изодрал, написал другое — изодрал, на третью нет духу и охоты...

Кланяйтесь Мар⟨ье⟩ Фед⟨оровне⟩. Я и ей хотел писать, да тоже не пишу.— Сергею жму руку. Отошлите приложенную записку. Да скажите всем нашим, чтоб они шампанского не пили, потому что здесь теперь прекрасное шам⟨панское⟩ по 2 фр⟨анка⟩ 75 сант⟨имов⟩, т. е. $2\frac{1}{2}$ ассиг⟨нациями⟩ — можно ли платить вчетверо? — я скорей удавлюсь,— нежели буду пить шамп⟨анское⟩ от Депре [4].

Письмо к m-me Schöpping доставит Николай Листофорович.

[1] Приписка к письму Н. А. Герцен от 6 марта 1849 г.
[2] Слуга Астраковых — Никифор.
[3] Эта записка Т. Н. Грановского неизвестна.
[4] *Депре* — владелец винного погреба в Москве.

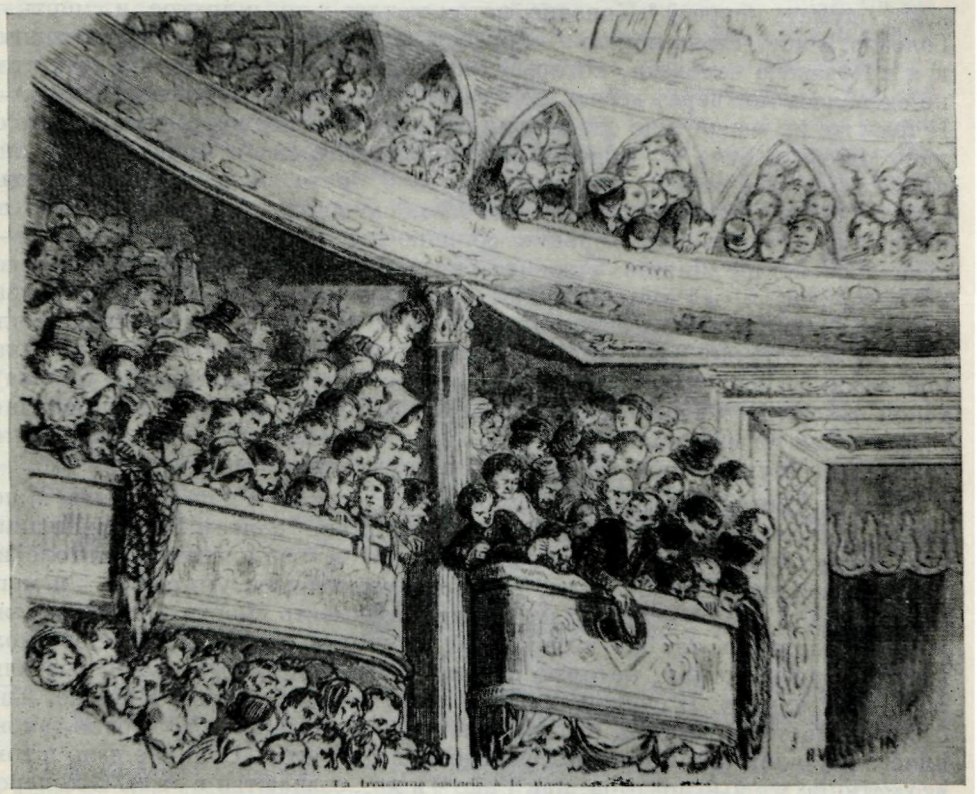
91

Т. А. и С. И. АСТРАКОВЫМ

1 июля 1849. Женева

Ваши письма, добрая и милая Татьяна Алексеевна (я, наконец, так стар, что могу себе позволить вас называть так), ездят по Европе, вчера мне их прислала Наташа из Парижа, который она на днях оставляет для того, чтоб отдохнуть в горах. Саша здесь со мной [1]. Ну вот я и прочел ваше письмо и письмо Сергея, и захотелось мне поболтать с вами — оно же бывает не ча-

сто. Отчего? Сергей Ив⟨анович⟩, раз навсегда, не спрашивайте ничему причины, это вас всё математика сбивает. Юм очень дельно уничтожает всякое понятие каузальности. Искать причину — значит находить смысл, разум, а его, наверно, ни в чем нет. Отчего люди часто пишут или совсем не пишут, отчего одни умерли от холеры, а другие поехали в Америку, отчего сегодня ветер, а вчера была суббота, отчего неделю тому назад я был снедаем желанием пить бургонское, а теперь дую зельцерскую воду?..



ГАЛЕРКА ПАРИЖСКОГО ТЕАТРА ПОРТ-СЕН-МАРТЕН
Гравюра из книги: E. Texier «Tableau de Paris», 1852

и в этом-то и замысловатость жизни, что она не имеет смысла или если и имеет, то так, будто бы, мерцающий.— Вам скучно и вас давит тоска у Воробьевых гор, а меня давит тоска и мне скучно, несмотря на Альпийские горы и на Монблан, который у меня перед глазами,— впрочем, природа еще иногда утешает, именно тем, что у нее и притязания нет на смысл, она так себе, как случится. Постарайтесь увидеться с сыном Мих⟨аила⟩ Сем⟨еновича⟩ [2], он многое видел на свете и может уморить со смеха, лучше отца,— трагическими анекдотами, которые рассказывает презабавно.

Итак, вы каждые десять лет отправляете по паре promessi sposi* за Рогожскую заставу [3]. А советовать вы тоже мастерица из-за пяти тысяч верст. Неужели вы думаете, что не было все сделано, да еще ее задушевная «Юдокси» писала ей из Петерб⟨урга⟩. Эта женщина, «плешивая вакханка», как мы ее прозвали, помышляет еще до сих пор о своей красоте, принимает разврат за страсть и бешенство от запоя за художественную энергич-

* обрученных (итал.).

ность. Она еще перед моим отъездом отличилась — тут нет никакой надежды [4]. А, впрочем, почему? Жаль старика [5], он слаб, но именно оттого он и перенесет, что слаб; что Мишелька [6] с ним, она для него была вроде горошинки, которую кладут в фонтанель [7] — без нее фонтанель может закрыться. Они счастливы теперь — чего же больше? Солить счастье впрок — дело безумное; кто теперь может месяц, неделю прожить в блаженстве взаимной любви, свежего чувства, да еще на дороге (т. е. без знакомых, ибо в это время они не нужны), да еще в теплом краю — ну о чем же тут думать вперед? [8] Конечно, потом придет и то, и другое, и смерть, и болезнь, и нету денег, и жаль, — трусость перед жизнию для меня противна, и я не уважаю человека, который, желая пить вино,— не пьет его, чтоб не сделалась лет через десять подагра. Ну, а как он умрет через пять? — К тому же их теперечние отношения гораздо благороднее. А каков Ник⟨олай⟩ Мих⟨айлович⟩ [9]— если он налицо, скажите ему и Елене[10], чтоб они приняли благословение издали от друга и брата. Я рад этому случаю. Елена Ал⟨ексеевна⟩ — милое существо, слишком сенситивное *, но от юности и от некоторых горьких соприкосновений в домашней жизни — существо светлое, чистое; скажите ей, чтоб она волосы себе так зачесала, как, бывало, в Риме и Париже — вандиковской мадонной, и это, разумеется, пусть она сделает при муже. Ну а ты, муж... до чего ты дожил? Я в свою сторону кой до чего дожил тоже. Поверь, caro mio, все такой вздор, такой вздор — т. е. все, за исключением, ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩, такой m-selle Hélène, т. е. madame Hélène. Вы со временем не прогуляетесь ли эдак по минеральным — я до зимы в Швейцарии и занимаюсь естественными науками (как будто есть неестественные науки).

Кстати, Сергей Ив⟨анович⟩, помните, мы с вами собирались делить⟨?⟩ лошадей и лечить от смерти. Мысль о бесконечно долгом поддерживании организма берет в медицине корень, Генле[11] в рациональной патологии прямо говорит: «Я вижу факт; все люди родившиеся умирают, — я могу это сказать о всех умерших, но где необходимость смерти или невозможность продолжать тот же химический процесс,— я не вижу». Вот одолжил все курсы логики, которые обучали: «Но Кай человек, след⟨овательно⟩ Кай смертен». В свирепейшую холеру, которая была в Париже, я не без удовольствия заметил, что лучший доктор на земном шаре точно так же ничего не знает, как последний фельдшер в Камчатке. Великое дело в том, что истинно ученые доктора, как Райе[12] и др., сознаются в этом. С холерой здесь были чудеса — от нее лечили чем ни попало — холодной водой и кипятком, опиумом и каломелью, коньяком и камфорой — и совершенно зря. Больные мерли, другие нет — результата никакого. Точно в потемках — мало ли что можно попробовать: промывательное из чернил, разварить носовой платок и глотать по кусочку, гладить табакеркой живот, — и это называется наукой и за это берется десять, а иной раз 15 и 20 фр⟨анков⟩.

Я все время холеры пил самые крепкие бургонские вина, ел много говядины с перцем и солью, не давая никак себе долго голодать,— и не ел зараз много и был совершенно здоров.

Постарайтесь всенепременно и всебезотложно доставить приложенную цидульку Огареву — не знаю его адреса.

Кланяйтесь всем нашим приятелям-друзьям. Писать на первый случай просто

A Genève. Poste restante (Suisse), имреку такому-то.

Ну и довольно. Земно кланяюсь.

---

* чувствительное (от франц. «sensitif»).

2 июля

Что касается до ваших идей об воспитании, в них одна сторона совершенно справедлива (и по счастию, с этой стороны воспитание наше оправдывается фактом); что и как писала моя жена — не знаю, но пишем обыкновенно под влиянием минуты. Искусственная среда, в которой мы живем, заставляет искусственно развивать детей. По счастию, натуры крепкие и здоровые вырабатываются сквозь всего на свете. Во всей Европе (кроме некоторых частей Германии) воспитание домашнее и публичное в самой дикой степени схоластично, про Францию и говорить ⟨нечего⟩, во Франции выучиваются превосходно разные специалисты (химики, медики, механики)— но общего образования ни на грош; они заменяют пошлыми сентенциями и болтовней всю сумму сведений, тяготящих (и не облегчающих) немцев. A propos, французик 13 лет или 14 лет расчетлив и своекорыстен, как жид 30 лет. Что скажете о нравственном воспитании? Немец, по крайней мере, имеет юношеский период, и как ни смешны подчас его надзвездные мечтания — но они чистят душу и не допускают преждевременный разврат. Мелкий, подлый эгоизм в самом антигуманном значении среды, в которой вырастает француз и француженка,— отнюдь не трудно понять, что́ для них брак и что́ воспитание. Об наших широких, размашистых натурах нечего и думать. В крови у немцев — золотуха, у француза — сифилис. Разумеется, есть исключения, есть целые сословия, к которым это не идет; но я говорю в антитетическом смысле.

Прощайте. Кланяйтесь Марии Федоровне и всем сродникам ее.

Что Василий Петрович?

Что Петр Григорьевич[13] и домочадец его?

Здесь, т. е. в Париже, была у Ив⟨ана⟩ Сергеев⟨ича⟩[14] ⟨холера — он же трус естественный, три дня сам себя оплакивал, плавая на судне по морю жизни. Выздоровел теперь.

Addio.

А. Г.

Дайте знать Николаю Александр⟨овичу⟩[15], что я здесь.

Nota bene.

Сергей Ив⟨анович⟩, перечитывая, вижу, что я везде написал *вы* вместо *ты* — это просто рассеяние и отвычка здесь употреблять *ты*[16].

[1] О пребывании Герценов в Париже и об обстоятельствах их отъезда в Швейцарию см. выше, в публикации «Письма Герцена к Георгу и Эмме Гервегам». В письме от 31 июня 1849 г. Н. А. Герцен сообщала Т. А. Астраковой: «... собираюсь в Швейцарию. Ал⟨ександр⟩ неделю тому назад собрался в несколько часов и уехал туда, вчера я проводила к нему Сашу. А мы было расположились здесь так хорошо, сверх дома с большим садом, я наняла комнатку за городом в прекрасном местоположении и уезжала туда с детьми, иногда с Ал⟨ександром⟩ подышать деревенским воздухом и пожить à la Robinson».

[2] Дмитрий Михайлович *Щепкин* (1817—1857) — археолог, сын М. С. Щепкина.

[3] С. И. и Т. А. Астраковы в июне 1849 г. провожали Огарева и Н. А. Тучкову, уезжавших на юг.

[4] По просьбе Огарева, Герцен вел в это время переговоры с Марией Львовной Огаревой, склоняя ее согласиться дать развод Огареву, который без этого не мог оформить свой брак с Н. А. Тучковой. Упоминаемая Герценом *Юдокси* (Евдокия) — Авдотья Яковлевна Панаева, подруга М. Л. Огаревой.

Портрет М. Л. Огаревой в последние годы ее жизни, нарисованный здесь Герценом, дополняется ее характеристикой, данной Н. А. Герцен в письме к Т. А. Астраковой от 6 марта 1849 г.: «... ее личность ярка, но ярка безобразно, она — вакханка без красоты и прелести, мозг ее расстроен, это не шутка, я говорю серьезно, она помешана, и к тому ж вино... все ее стремленья, вся жизнь состоит в том, чтобы забыться, и она это делает уродливо, грубо, грязно до невыносимой степени. Сначала она часто бывала у нас (не знаю почему), потом соскучилась (и естественно) и перестала ходить. Она так несчастна, что я чувствую к ней самое горячее, искреннее участие» (л. 437). В письме к Астраковой от 31 июля 1849 г. Н. А. Герцен писала: «Для Огаревых мы ровно ничего не можем сделать. M-me вела себя хуже публичной женщины. Александр написал ей, советуя дружески воздержаться, за это она возненавидела его, и меня, и

всех наших знакомых, не принимала никого, даже Георга ⟨Гервега⟩, перед которым она кокетничала. Воробьев — милый малый, но без характера; он ужасно любит Огарева, все готов для него сделать, а ничего не может. Подходит к ней со всех сторон, и с каждой стороны отпор, глупее один другого» (л. 438).— О художнике *Воробьеве*, возлюбленном М. Л. Огаревой, см. выше, в публикации «Письма к Георгу и Эмме Гервегам».

[5] Речь идет об А. А. Тучкове, который трагически переживал «незаконный» союз своей дочери с Н. П. Огаревым.

[6] *Мишелька* — Каролина Мишель, гувернантка сестер Тучковых.

[7] *Фонтанель* — «нарочная, гнойная рана с врачебной целью» (В. Даль. Толковый словарь).

[8] Н. П. Огарев с Н. А. Тучковой жили в это время на южном берегу Крыма в местечке Уч-Чум, где они обосновались после тщетных попыток эмигрировать из Одессы.

[9] *Николай Михайлович* — Сатин.

[10] *Елена* (Hélène) — Елена Алексеевна Тучкова. В июне 1849 г. она стала женой Н. М. Сатина.

[11] Фридрих-Яков *Генле* (1809—1885) — германский анатом, физиолог и патолог. На новую книгу Генле («Handbuch der rationellen Pathologie». Braunschweig, 1847) внимание Герцена было обращено Огаревым («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 705). Ср. позднейшие высказывания Герцена о старости и смерти, относящиеся к 1860-м годам (там же, стр. 123—124).

[12] Пьер-Франсуа *Райе* (Рейе) — известный французский врач, услугами которого пользовался в это время Герцен.

[13] *Петр Григорьевич* — Редкин.

[14] *Ив⟨ан⟩ Сергеев⟨ич⟩* — Тургенев.

[15] *Николай Александр⟨ович⟩* — Мельгунов.

[16] Далее опускается приписка Саши Герцена.

92

Т. А. АСТРАКОВОЙ

9 октября 1849. Женева

Жизнь, любезная Татьяна Алексеевна, равно не назначена ни для наслаждения, ни для горести, жизнь — следствие, событие, необходимость. Я согласен с вами, что нет тягостнее, прозаичнее и оскорбительнее зла, как недостаток денег, я с ним рядом поставлю одно — хроническую болезнь, но не думаю, чтоб вы были совершенно правы, говоря о Мар⟨ье⟩ Алексеев⟨не⟩[1]. Т⟨ак?⟩ за пределами двух страшных бедствий—болезни и безденежья — раскрываются новые стороны плача. Уверяю вас, что я не вижу давным давно веселого лица (мы иногда хохочем, как безумные, как дети, глупому каламбуру, пошлой остроте,— но это пустой, селезеночный смех, который проходит не утешая, не помогая, а оставляя только оглушение). Всё мыслящее, чувствующее здесь поражено горем, да, сверх того, по большей части, также и нуждой. Шаткая непрочность всего состояния жизни, общественного положения, никогда не было больше чувствуема — это точно начало преставленья света. А тут холера, ходит да подметает запоздавших,— что делать? Искать твердости в себе, удаляться — так, как делали первые христиане,— от людей, от домов... Толпы едут в Америку, но они ошибутся, надобно, сидя на том же месте, уехать ото всего, а уж в Америке ли или на Плющихе — это, право, все равно.

Теперь относительно денег; я писал месяца полтора тому назад, что если вам нужно, где и как взять Грановскому [2]. Но теперь прошу еще проще сделать и именно отправить Сергея к Егору Ивановичу, которому писано уже, или, еще проще,— напишите ему записку, может он сам пришлет деньги, и взять у него *на поручения, данные мною*, сколько вам на первый случай надобно до 500 руб. ас⟨сигнациями⟩.— И об этом ни слова более, до сих пор мои дела идут недурно, и я могу, без малейшей утраты, иногда поделиться.— Но так как речь зашла о делах, то прошу Сергея написать мне, как именно переведен огаревский долг, кто будет и кому платить проценты и пр. и пр. Мне писал Гранов⟨ский⟩, да не подробно, а Сергей, кажется, ездил по этому делу [3].

Море Айвазовского оставьте до поры до времени у себя, портреты также. А впрочем, если б кто хотел купить море, я бы продал за ту же цену, за которую сам купил,— за 200 рубл⟨ей⟩ сер⟨ебром⟩[4], Чичерин когда-то хотел и Павлов[5]. Узнайте.— Другие картинки Галах⟨ова⟩, о которых я совсем забыл, принадлежат Фролову[6], о чем ему сообщите. Затем прощайте, твердым шагом в жизнь марш.— «Погоди немного, отдохнешь и ты»[7].

[1] По-видимому речь идет о княгине М. А. Хованской.

[2] Это письмо Герцена Грановскому неизвестно. Н. А. Герцен писала в этот же день Астраковой: «Глупо ты делала, что давно не написала просто о деньгах, будь умнее

ДОЧЕРИ ГЕРЦЕНА ТАТА И ОЛЬГА И В. А. ЭНГЕЛЬСОН

Рисунок Н. А. Герцен, 1851—1852 гг.

Местонахождение оригинала неизвестно

Воспроизводится по негативу «пражской коллекции»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

вперед, а я была преспокойна на твой счет, потому что Ал⟨ександр⟩ писал Гр⟨ановскому⟩, откуда взять, если кому нужно» (лл. 455—456).

[3] О денежных расчетах этого времени между Герценом и Огаревым см. «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 195—243.

[4] Речь идет о картинах, купленных Герценом у И. П. Галахова. См. «Лит. наследство», т. 63, 1956, стр. 857.

[5] Николай Филиппович *Павлов*.

[6] Николай Григорьевич *Фролов*.

[7] Из стихотворения Лермонтова «Из Гёте».— Далее опускается приписка Н. А. Герцен.

93

Т. А. АСТРАКОВОЙ

⟨Женева.⟩ 13 ноября 1849

Любезная Татьяна Алексеевна, в проезд мой по Цюриху Мар⟨ья⟩ Каспаровна сообщила мне вести, данные ей Елизаветой Богдановной[1]

насчет ее долга, или т. е. должников. Я ей посоветовал тотчас послать расписку, она ее и послала к Гр⟨игорию⟩ Ив⟨ановичу⟩ и просит вас повидаться тотчас с Елизаветой Богдановной. Так как Мар⟨ья⟩ Касп⟨аровна⟩ должна эти деньги Луизе Ивановне, то она и желает или деньги или вексель перевести на нее. Вообще она просит Елиз⟨авету⟩ Богд⟨ановну⟩ очень позаботиться обо всем деле, повидаться с Ник⟨олаем⟩ Филипповичем [2].— Пишите прямо к ней в Цюрих.— Ответ непременно напишите [3].

[1] *Елизавета Богдановна* — Грановская.
[2] *Николай Филиппович* — Павлов.
[3] Далее опускается приписка Н. А. Герцен.

94

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

⟨Женева.⟩ 9 дек⟨абря⟩ 1849

Желалось бы знать, получено ли мое письмо Николаю Александровичу [1] от 1 октября [1] и прощайте. Рамку, разумеется, оставьте, а деньги пусть Б.[2] пришлет на имя Ротшильда парижского.

[1] Это письмо Герцена к Н. А. Мельгунову неизвестно.
[2] Кого именно имеет в виду Герцен — неясно.

95

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

⟨Париж. 7 июня 1850 г.⟩

Дайте руку — и да будет мир вам.

96

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

⟨Ницца. 18 января 1851 г.⟩

Здравствуйте.
Прощайте.

97

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

⟨Ницца. 20 марта 1851 г.⟩

Руку — руки и память.

ПИСЬМА К СЫНУ АЛЕКСАНДРУ

(1858—1869)

ПРИЛОЖЕНИЯ: I. ПИСЬМО Н. П. ОГАРЕВА К А. А. ГЕРЦЕНУ С ПРИПИСКОЙ ГЕРЦЕНА. II. ПИСЬМО ГЕРЦЕНА К ЧЛЕНАМ СВОЕЙ СЕМЬИ

ПЕЧАТАЮТСЯ ПО ФОТОКОПИЯМ, ПРЕДОСТАВЛЕННЫМ «ЛИТЕРАТУРНОМУ НАСЛЕДСТВУ МЕЖДУНАРОДНЫМ ИНСТИТУТОМ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ (АМСТЕРДАМ)*

Публикация Л. И. Матюшенко

24 августа 1858 г. в Дувре Герцен простился со своим сыном. Александр Александрович уезжал в Швейцарию к Карлу Фогту, известному натуралисту и близкому другу семьи, для продолжения образования. «Это производит целую революцию в моей жизни»,— писал Герцен М. Мейзенбуг (IX, 303). С этого времени переписка становится главной формой общения между отцом и сыном. Сам Герцен придавал ей значение исключительной важности. «Писать ко мне должно быть для тебя действием, почти религиозным,— тут исповедь твоего поведения, тут продолжение единственной связи — которая независимо ото всего ведет тебя и, следственно, которая должна держать контроль»,— писал Герцен 5 ноября 1858 г.

Герцен мечтал воспитать в детях продолжателей своего дела. За несколько часов до рождения сына, 13(25) июня 1839 г., он сделал дневниковую запись, о которой впоследствии вспоминает в «Былом и думах»: «Это была молитва, благословение, посвящение не родившегося существа на „службу человечества", обречение его на „трудный путь"» (изд. АН, т. IX, 1956, стр. 93).

Отцовским благословением на трудный путь революции овеяно было детство и отрочество сына Герцена. В тяжелые дни после поражения революции 1848 г., в письме к жене от 22 июня 1849 г. Герцен специально приписал десятилетнему мальчику несколько слов: «...а все-таки, лучше бери пример с отца; хоть иногда и жестко спать, а иди той же дорогой» (V, 272).

В эти годы трагических испытаний, когда Герцену порой казалось, что он уже не способен на борьбу, его не оставляли надежды на будущее, и он как бы передавал молодому поколению в лице сына свою недосказанную речь, свое не доведенное до конца дело. «Любезный Саша,— писал Герцен 20 июня 1851 г.— тебе через пять дней будет двенадцать лет. Поздравляю тебя, мой друг, ты становишься больше и больше человеком. Пора тебе продолжать начатое мною; я сам был по тринадцатому году, когда пошел по трудной дороге, и вот двадцать пять лет шел я по ней; ни тюрьма, ни ссылка, ни даже вы все не отклонили меня, я служил на пользу России словом и делом... Теперь я устал, но тебе приготовил и место, и имя, которое ты можешь носить с гордостью...» (VI, 413).

Герцен стремился воспитать в сыне благоговейное уважение к памяти декабристов, к их бессмертному делу, уважение к своей и Огарева революционной деятельности. С гордостью принял Александр Александрович в подарок от отца портреты

---

* Письма №№ 25, 26, 28 публикуются по фотокопиям с автографов Национальной библиотеки (Париж). В *приложениях* печатаются письмо Огарева к А. А. Герцену (Амстердам) и письмо Герцена к А. А. Герцену и другим членам семьи, хранящиеся в «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 204, лл. 2—3).

пяти казненных декабристов. Во время празднования именин отца 14 декабря 1854 г. дети Герцена повторяли юношескую клятву своего отца и Огарева.

В ночь под новый, 1855, год Герцен прочел пятнадцатилетнему сыну свое посвящение к книге «С того берега». Благословляя сына на путь революции «во имя человеческого разума», Герцен завещает ему продолжить революционную пропаганду в России. Торжественным вручением сыну самого любимого своего произведения Герцен как бы вводил его в круг русских революционеров.

Но на избранном пути воспитания детей Герцену встретились большие трудности.

Александр Александрович рос в сложной и противоречивой обстановке. На него оказывали повседневное влияние Герцен и Огарев. В доме отца встречал он крупнейших деятелей международного революционного движения — Гарибальди, Маццини, Кошута, Ворцеля, Бакунина. Очевидно, именно под влиянием Гарибальди двадцатилетний сын Герцена собирался вступить в ряды гарибальдийцев — «краснорубашечников» и принять участие в борьбе за освобождение Италии. Этому помешали события осени 1860 г., когда под давлением монархической клики Сардинии и ее войск Гарибальди вынужден был передать освобожденную им Южную Италию под власть Савойской династии и распустить армию «краснорубашечников».

Однако в отличие от отца, Александр Александрович был введен в круг русских революционеров «по наследству». То, к чему сам Герцен пришел долгим путем борьбы в России и на Западе, что было куплено ценою тюрьмы, ссылки, ошибок и страданий, его сын получал «даром», не преодолевая «сопротивления среды».

В то время как в России передовая молодежь развивалась в атмосфере назревания крестьянской революции, активно участвуя в общественной жизни своей страны, в семье Герцена воспитание в революционно-демократическом духе приобретало несколько «лабораторный» характер.

Юноша нуждался в общественном воспитании, в товарищах, но в обстановке эмиграции сверстники, как правило, принадлежали к среде, чуждавшейся тех традиций, в которых Герцен воспитывал сына.

Смерть Натальи Александровны, появление в доме людей, которым специально поручалось воспитание, придавало ему еще бóльшую искусственность. Эти трудности возросли еще более после того, как в семью Герцена вошла Н. А. Тучкова-Огарева.

Герцен сетовал на вялость развития сына, на отсутствие у него общественных идеалов. Огарева «оскорбляло» в научных занятиях Александра Александровича отсутствие серьезных запросов принципиально-теоретического характера.

Между тем, А. А. Герцен отличался незаурядными способностями. Уже в детстве он легко овладел немецким, английским и французским языками. Он вел английскую корреспонденцию отца. Как известно из письма Маццини к Герцену, он переводил на французский язык произведения Пушкина («Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 306). В первом из публикуемых писем идет речь о переводе «Горя от ума» Грибоедова,—повидимому, также на французский язык. Впоследствии Александр Александрович с такой же легкостью освоил и итальянский язык, свободно читал на нем лекции и переводил, как и на французский, сочинения своего отца и Огарева.

Из воспоминаний Н. А. Тучковой-Огаревой мы знаем, что Александр Александрович посещал в Лондоне различные курсы, всегда был первым на экзаменах.

Герцену удалось дать сыну серьезное домашнее образование. Латынь и немецкий ему преподавал Мюллер-Стрюбинг, французский — Васбиндер, английский — Гауг, историю и рисование — Булевский, математику — Домагальский. Среди учителей Александра Александровича были Ворцель и Альтгауз. Герцен сам преподавал сыну русскую историю, считая ее изучение, наряду с русской литературой, делом первостепенной важности. В письмах к М. К. Рейхель этого времени часто содержатся просьбы прислать ту или иную русскую книгу для сына.

Очень рано Александр Александрович проявил склонность к естественным наукам, обнаружив и в этой области яркие способности. Он посещал в Лондоне Геологический институт, где учился у известного немецкого химика А.-В. Гофмана. В Медицинском институте слушал сравнительную анатомию у Гранта и анатомию человека у Девиля. В 1857 г. Александр Александрович посещал Лондонский университет. В результате

этих занятий в 1858 г. в издательстве Трюбнера вышла книга А. А. Герцена «Краткое общепонятное изложение сравнительной анатомии и зоологии».

Но Герцена не могли удовлетворить ни успехи сына в овладении языками, ни даже его успехи в области естественных наук. За широтой интересов сына он угадывал поверхностность, отсутствие сосредоточенности. В его образовании как бы повторялся тот несколько дилетантский энциклопедизм дворянского воспитания, который Герцен всегда осуждал.

Отправляя сына на континент, он надеялся, что самостоятельная жизнь, занятия под руководством К. Фогта, университетские товарищи будут способствовать не только углублению и систематизации его образования, но и развитию самостоятельности и твердости характера.

Однако отъезд из дома вызвал новые осложнения.

Та связь с русской революционной традицией, которую неустанно поддерживали в Александре Александровиче Герцен и Огарев, не оказалась для него органичной и начала заметно ослабевать.

Герцен больше всего опасался того, что Александр Александрович может окончательно потерять связь с русской жизнью. 19 августа 1859 г. он делился с Огаревым впечатлениями о приехавшем на каникулы сыне и замечал, что «он заметно перестает быть русским». «И если б не самолюбие, что он — мой сын,— продолжал Герцен,— он отвернулся бы от всего русского. Живая традиция бледнеет ⟨...⟩ Но как же принять, чтоб мои дети были швейцарскими немцами?» (X, 80).

Высоко ценя «чистоту трудовой жизни», в атмосферу которой попал Александр Александрович в семье Фогтов в Берне, Герцен вместе с тем улавливал там элементы мелкого мещанства, буржуазной сентиментальности, ту «тесносемейную раму», которая суживает духовный мир человека.

В этой семье, в ее традициях, сказывался общий характер европейской жизни того времени.

После революции 1848 г. в широких кругах европейской интеллигенции различных стран все отчетливее обозначался тип мещанина, филистера. Этот, по выражению Герцена, «общий», или «гуртовой», тип окончательно вытеснил «высшие» типы эпохи буржуазных революций — типы героев национально-освободительных движений, какими были Маццини и Гарибальди. Черты этого «общего» типа Герцен видел и в таких участниках революции 1848 г., как Луи-Блан и Ледрю-Роллен.

В формировании «гуртового» типа закономерно отражался процесс «умирания» в Европе революционности буржуазной демократии. Отход от общественной борьбы, стремление сосредоточиться на узких, прикладных вопросах науки, уйти в частный мир, погрузиться в семейную жизнь способствовали созданию психологии мещанина. Герцену претили в мещанине страх за личное благополучие, расчетливость, мелочность, сентиментальность. Личность при этом стиралась, теряя свою индивидуальность, становилась посредственной.

Мещанскому идеалу Герцен решительно противопоставлял свои принципы воспитания нового человека. Эти принципы сложились еще в сороковые годы и выдвигались Герценом как в теоретических работах («Дилетантизм в науке», «Письма об изучении природы»), так и в художественном творчестве («Кто виноват?»).

Они развивались в тесной связи с общей эволюцией Герцена к революционному демократизму. К шестидесятым годам тип революционера-разночинца выступает у Герцена как идеал передового человека эпохи.

Отношения Герцена с поколением революционеров-разночинцев были сложными. Известны разногласия между Герценом, с одной стороны, и Добролюбовым, Чернышевским, Александром Серно-Соловьевичем — с другой. Шестидесятники критиковали Герцена за отступления к либерализму. Герцен упрекал молодое поколение в недостаточном уважении к дворянским революционерам, в недооценке дворянской культуры. Порой в высказываниях Герцена сквозило барское отношение к «плебейски не воспитанным» людям. Это можно заметить в отзывах о Николае Серно-Соловьевиче по поводу его вмешательства в личную жизнь Герцена и Огарева (письмо от 5 декабря

1860 г.), а также об Н. И. Утине и других деятелях «молодой эмиграции» шестидесятых годов.

Однако в политической оценке молодого поколения Герцен умел возвыситься над лично-пристрастным отношением к отдельным его представителям.

Герцен ценил разночинцев за их трудовую жизнь, цельность характера, связь с жизнью народа, ненависть к его угнетателям, решительность и преданность революционной борьбе.

Он считал эти черты главными и умел отделять их от тех преходящих черт, которые представляли «крайности развития». Главное в разночинцах, по выражению Герцена, «перерастало в будущее движение», т. е. являлось основой нового человека, человека будущего. Тип революционера-разночинца Герцен считал «высшим» типом эпохи — в отличие от «гуртовых» типов западноевропейского мещанства и русского либерального общества.

Защищая молодое поколение шестидесятников от реакционной критики Ю. Ф. Самарина, Герцен в «Письмах к противнику» говорит о Чернышевском, Михайлове, Н. А. Серно-Соловьевиче как о великих революционерах-разночинцах.

Герценовские принципы воспитания нового человека тесно связаны с идеалами шестидесятников.

Как социалист-утопист Герцен видел в труде основу формирования новых людей. С ранних лет он воспитывал в своих детях уважение к труду и трудящимся людям. Труд развивает практический ум, волю, то есть то, чего были лишены дети в дворянских и буржуазных семьях и что Герцен больше всего ценил в разночинцах. Он понимал, что только постоянное занятие может явиться прочной основой нравственной жизни человека. Герцен предостерегает сына от опасности праздной жизни: «...с ранних дел отвыкни от мысли, что ты можешь прожить... без науки и специальности, en rentier, ты страшно ошибешься ⟨...⟩, на праздное богатство — никак не надейся» (письмо от 26 октября 1858 г.). В самостоятельной практической деятельности он усматривал признак совершеннолетия.

Герцен прививал сыну взгляд на научные занятия как на постоянный тяжелый труд, как на борьбу. Не всегда удовлетворенный занятиями сына, он на примерах доказывал ему, что успехов в науке добиваются только труженики, «истинно занимающиеся люди». Он просит сына с «религиозным чувством» отнестись к письму Огарева, в котором тот пытался рассказать Александру Александровичу, «как много запроса, как много труда в знании и как много подвига даже в обыденной жизни», и призывал его в науке на «ежеминутный запрос, ежеминутный труд и ежеминутный подвиг» (см. приложение к настоящей публикации).

Большое значение в образовании и воспитании молодого поколения Герцен еще в сороковые годы придавал естественным наукам. По его мнению, они приучали ум к «смирению перед истиной, к добросовестному труду и, что еще важнее, к добросовестному принятию последствий *такими, какими они выйдут...*» (изд. АН, т. II, стр. 140). Естествознание способствовало «очищению» отроческого ума от предрассудков и тем самым вело к трезвому и правильному познанию истории, откуда шел прямой путь к действенному участию в общественной жизни.

При этом Герцен равно боролся и с дилетантизмом, и с узкой специализацией в науке. Герцен приветствовал занятия сына физикой наряду с медициной. Предстоящим занятиям медициной в Бернском университете он рекомендует предпослать широкое образование в области естественных наук.

Главной опасностью в научной деятельности сына Герцен считал «недостаток серьезного философского, общего взгляда», который не могут заменить ни обилие сведений, ни опыты (письмо от 8 июля 1867 г.). «Именно в соединении специальности с общностью и состоит настоящая учено-научная деятельность. Специалистом может быть тот, кто идет от общего, иначе он будет работник хороший для других или для матер⟨иальной⟩ пользы (фотография Левицкого) — и баста»,— писал Герцен сыну (XVIII, 355). «Общий взгляд» рождается на основе осведомленности в главнейших проблемах не только «своей» науки, но и смежных, создается в результате широкого образования и политического воспитания. Здесь огромную роль приобретает самосто-

ятельная работа. «Ты знаешь, что дипломом оканчивается школьное учение и начинается самобытное занятие наукой»,— писал Герцен Александру Александровичу (XI, 55).

Герцен внимательно следил за чтением сына. Накануне двадцатилетия Александра Александровича, 22 июня 1859 г., он писал ему: «...без чтения нет настоящего образования, нет и не может быть ни вкуса, ни слога, ни многосторонней шири понимания; Гёте и Шекспир равняются целому университету. Чтением человек переживает века, не так, как в науке, где он берет последний очищенный труд, а как попутчик, вместе шагая и сбиваясь с дороги» (X, 45). Герцен составлял с сыном специальные программы для чтения, где рядом с Гомером и Софоклом стоят такие сочинения, как «История XVIII столетия» Шлецера, «История французской революции» Зибеля; он рекомендует сыну «Логику» Милля, «Теорию собственности» Прудона, исторические сочинения Мишле, одобряет желание сына заняться О. Контом.

Однако главное внимание Герцен обращает на политическое воспитание. Он регулярно посылает сыну «Колокол» и другие издания Вольной русской типографии, с волнением делится политическими новостями из России, присылает статьи из русских журналов. Герцен приветствует интерес Александра Александровича к крестьянскому вопросу, помогает ему собрать материал для статьи о положении крестьян в России. В ряде публикуемых писем получили отражение споры Герцена с сыном по вопросам «русского социализма» (письма от 22 и 31 января 1860 г. и от 30 декабря 1865 г.). Отвечая на не дошедшее до нас письмо Александра Александровича, в котором он высказывал опасения за судьбу готовящейся в России реформы, Герцен разъяснял сыну, сетуя на его неглубокое понимание русской жизни: «...если б ты с тех пор, как начал рассуждать, прочитал бы со вниманием, что я пишу, что я писал за восемь лет до смерти Николая, то ты не написал бы пошлости, что Александр II дал импульс и что он может остановить, т. е. что не внутренние силы страны вовлекли его, а что он вовлек их» (письмо от 31 января 1860 г.). В этой связи вызывает также интерес указание Герцена на появление в английских газетах «Times» и «Daily News» сведений о подготовке крестьянской реформы (письмо от 22 января 1860 г.).

Через письма Герцена постоянно проходит противопоставление двух типов ученых. Один — почтенный профессор-филистер, «женатый на немке», живущий в глупом обществе и «кующий деньги». Другой — ученый, общественный деятель, «ринувшийся в борьбу современной жизни». Он ставит сыну в пример великого русского хирурга и крупного общественного деятеля Н. И. Пирогова.

Герцен придавал большое значение знакомству Александра Александровича с представителями молодой России. Он спешит познакомить его с только что приехавшим из России студентом И. Г. Борщовым (впоследствии выдающимся ботаником), радуется впечатлению, произведенному на сына Н. А. Серно-Соловьевичем.

Герцен высоко ценил в Борщове целеустремленность, страстную преданность науке и хотел видеть эти черты и в своем сыне. Н. А. Серно-Соловьевич был для Герцена образцом революционера. Он писал о нем Александру Александровичу: «...во многом я желал бы, чтоб ты походил на него — этот человек всеми корнями живет в общей деятельности» (письмо, написанное между 10 и 20 августа 1860 г.).

Не менее трудной для воздействия оказывалась область личных отношений сына. Именно с этой стороны среда Александра Александровича способна была легче всего парализовать влияние отца, его проповедь общественной борьбы и самоотверженной преданности науке.

Не один раз Герцену пришлось вступить в борьбу за сына против влияния этой среды.

Он возражал против помолвки его с Эммой Урих, внучкой Вильгельма Фогта, милой, но очень заурядной девушкой, с ограниченным кругом интересов и мещанскими вкусами. Этот бой Герцену удалось выиграть. Позднее Герцен выступил против намерения сына жениться на Терезине Феличе — девушке из итальянской рабочей семьи. Герцен возражал против этого брака, не видя необходимой общности во внутренней жизни сына и его невесты. Он опасался, что резкий переход из одной среды в другую пагубно отразится на характере молодой девушки без образования. У Гер-

цена при этом вставал в памяти пример с женой Кетчера, Серафимой Николаевной (см. главу «Н. К. Кетчер» в «Былом и думах»). Александр Александрович женился на Терезине против воли отца. Далекая от духовных запросов и идейных интересов семьи Герцена, Терезина вносила в семью «чужой элемент». Это разрушало надежды Герцена объединить свою семью вокруг Александра Александровича во Флоренции.

Герцен не был вполне уверен также и в серьезности чувства Александра Александровича. Его многочисленные увлечения, история с Шарлоттой Гётсон, быстро угасшее чувство к Эмме Урих давали основания для подобной неуверенности. Герцену казалось, что у Александра Александровича «нет силы характера, которая бы вынашивала долго всякое чувство в собственной груди, испытывая его и закаляя» (X, 231).

Герцен на собственном опыте знал, как много подводных рифов таит в себе семья в современном обществе и как много мужества, твердости и закалки нужно, чтобы противостоять ее опасностям. Трагические последствия собственной семейной драмы 1848—1852 гг., новые испытания, вызванные браком с Н. А. Тучковой-Огаревой, вызывали в нем желание отдалить от детей неизбежные трудности семейной жизни, преодолеть которые оказывалось не под силу даже таким людям, как Герцен и Огарев и которые могли пагубно отразиться на жизненном пути Александра Александровича.

Герцен опасался при этом, что пример ранней женитьбы Александра Александровича может повести за собой ранние браки дочерей. Его пугали также браки с иностранцами, которые грозили его детям окончательным отдалением от родной культуры и отрезали пути возвращения на родину. Поэтому Герцен переживал брак сына с Терезиной как свое поражение.

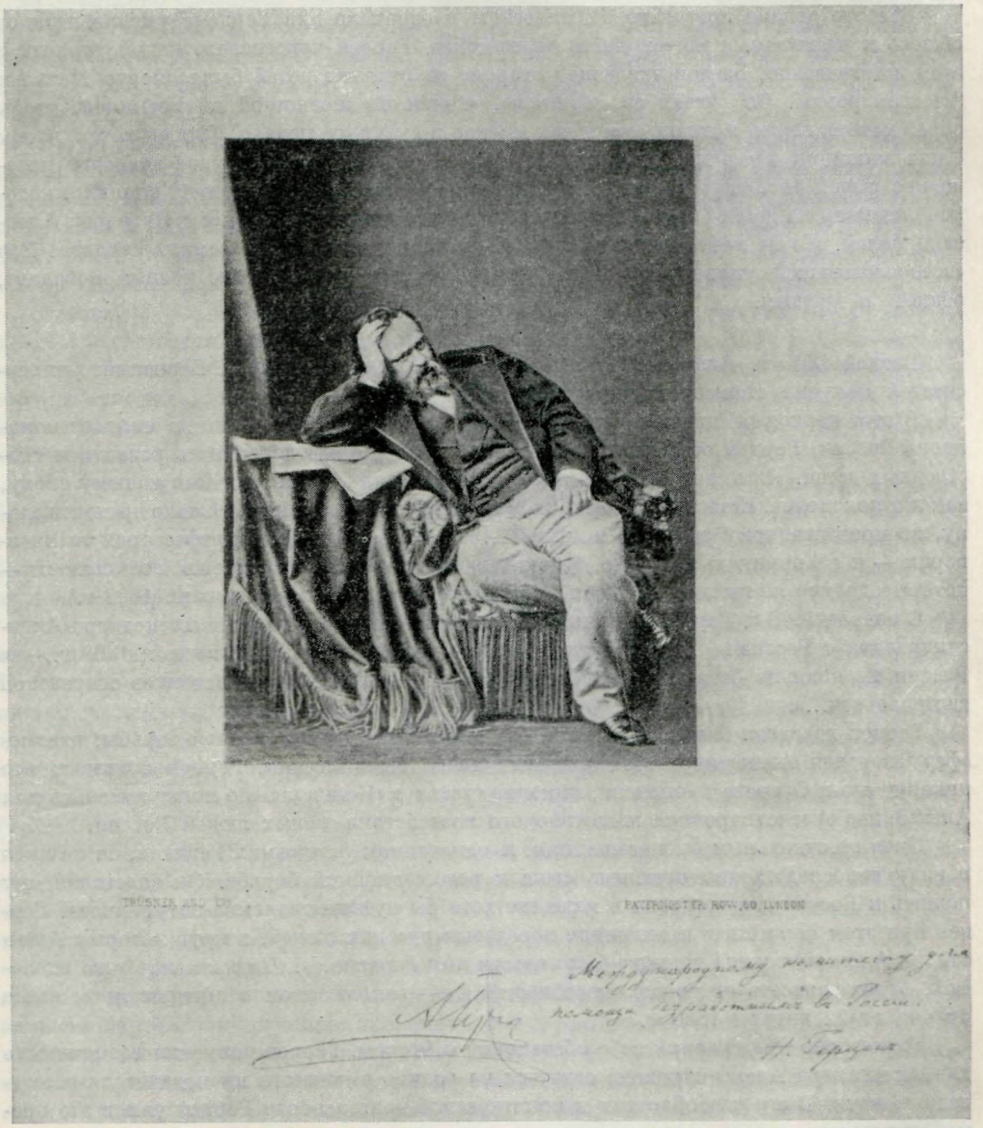
Стремление двадцатилетнего юноши жениться Герцен объяснял отсутствием всеохватывающего общего интереса, который не дает погрузиться в индивидуальное чувство, обуздывает его, преобладает над ним. Много раз Герцен развивает сыну свои мысли, советует еще и еще раз обратиться к «Былому и думам», напоминает главу о браке, в которой полемизирует с Прудоном.

Так шла борьба за приоритет общего над частным в жизни человека. Здесь не было тургеневского противопоставления общего личному и проповеди жертвы личным счастьем. Это была постановка вопроса, сближавшая Герцена с Чернышевским, герои которого видели в общественной борьбе источник личного счастья.

Чтением романа Чернышевского «Что делать?», по-видимому, навеяны рассуждения о «чистоте» и «нечистоте» нравственной жизни человека, содержащиеся в письме Герцена от 8 июля 1867 г. Это предположение тем более вероятно, что Герцен прямо ссылается на роман Чернышевского в письме к сыну от 1 августа 1867 г., где продолжается разговор о браке.

Как бы в подтверждение известных рассуждений Чернышевского о «грязи реальной» и «грязи идеальной», Герцен связывает нравственную чистоту в семье с трудовой основой семейной жизни, приводя в пример семьи Рейхелей и Фогтов, и критикует абстрактную, христианско-идеалистическую постановку этих вопросов в письмах сына. Герцен советует сыну учиться ставить житейские вопросы, как их ставит Чернышевский в романе «Что делать?».

Мерой нравственной оценки человеческой личности для Герцена была гуманность. Поэтом гуманности называл его Белинский, и сам Герцен не раз замечал, что всепоглощающая гуманность составляет главное в его натуре. Гуманность делала человека человечным, или прекрасным, что было для Герцена одно и то же. «В гармонию жизни входят и любовь, и искусство, и наука, и пуще всего искренняя гуманность: чем больше и богаче все это перемешано, тем полнее жизнь»,— писал он сыну 5 марта 1860 г. (X, 231). Эта была гуманность натуры волевой, практической, или «действительной», как любили говорить Герцен и его современники в сороковые годы, та подлинная гуманность борца и общественного деятеля, которой не хватало Бельтову и тургеневским героям. Она заключала в себе деятельную любовь к людям, нравственное доверие к ним и пристрастие как «дар, идущий от сердца». Она предполагала такую широту взгляда, через которую просеивались волнующие мещанина житейские мелочи. Она исключала пустую раздражительность докторальность в пустяках и



ГЕРЦЕН

Фотография С. Л. Левицкого, 1861 г. Издание Трюбнера, Лондон

Экземпляр, принадлежавший Н. А. Герцен (дочери) и, как свидетельствует надпись на портрете, переданный ею Международному комитету для помощи безработным в России, 1900-е гг.

Исторический музей, Москва

вздорную строптивость. Здесь было и умение задуматься над жизненными вопросами, сосредоточиваться и признавать свои ошибки, «человечески» грустить и «гуманизировать» свое отчаяние.

Все это делало поведение эстетическим и означало для Герцена умение идти от общего к частному, а не «смотреть через себя». Герцен чувствовал, какой утратой в этой эстетической, очеловечивающей стороне воспитания детей была смерть Натальи Александровны. Он считал ее «великой», «изящной» женщиной и стремился, чтобы образ матери вошел в жизнь детей как мягкое и гуманное начало. Герцен хотел, чтобы Саша запомнил навсегда прощанье с матерью, он придавал большое значение посещению сыном ее могилы в Ницце. Герцен ценил и то гуманизирующее влияние, которое оказывал на детей Огарев, и ставил его в этом отношении рядом с Натальей Александровной. Но не менее плодотворным было влияние личности самого Герцена. Его «всепоглощающей гуманностью» пронизаны все беседы с сыном — «по разным поводам», общим и частным.

* * *

Весной 1861 г. Александр Александрович блестяще окончил Бернский университет и получил степень доктора медицины.

В этот период расцвета «Колокола», видя его возросшее влияние на молодое поколение России, Герцен особенно остро чувствовал неудовлетворенность развитием собственных детей. «Естественно было желать, чтоб ты так же открыт был нашему слову, как все поколение. Естественно было желать, чтоб ты шел по пути, тяжело протоптанному, но протоптанному родными ногами ⟨...⟩ У тебя идеал быть профессором в Швейцарии — я не порицаю этого, но думаю, что ты неэкономно бросаешь возможности— которые другие не имеют»,— писал Герцен сыну (письмо от 31 января 1860 г.).

С начала 1860 г. Герцен все чаще обращается к мысли о поездке Александра Александровича в Россию. «Везде ты иностранец,— писал он сыну 22 января 1860 г.,— в России ты один из богатейших наследников. Ты наследник всей моей и огаревской деятельности...».

Герцен возлагал большие надежды на впечатления общественной борьбы, в атмосферу которой Александр Александрович попал бы в России. Герцен понимал, что никакие его и Огарева проповеди, никакие статьи в «Колоколе» не могут заменить для Александра Александровича животворного воздействия новых людей России.

Судя по отдельным высказываниям и замечаниям в письмах Герцена, он не имел в виду непосредственно привлечь сына к революционной борьбе. Он советовал ему пожить в России два-три года в качестве хотя бы путешественника-натуралиста. Герцен при этом полагался на влияние передовых русских людей, в круг которых Александра Александровича должно было ввести имя Герцена. «...*Что ты* из этого сделаешь, будет зависеть от твоих способностей...»,— заключал он в цитированном выше письме от 22 января 1860 г.

Иллюзорно представляя себе обстановку в России, Герцен допускал возможность для Александра Александровича остаться на родине в качестве преподавателя естественных наук. В его способностях к политической деятельности Герцен уже в это время сомневался.

В декабре 1861 г. Герцен советовался с И. С. Тургеневым по вопросу о поездке Александра Александровича. В январе 1862 г. Александр Александрович обращался с запросом через русскую миссию в Париже, но получил отказ.

С осени 1861 г. до весны 1863 г. Александр Александрович почти беспрерывно жил у отца в Англии. Политическое влияние Герцена на сына сильно возросло.

С этим связана была и поездка А. А. Герцена в Швецию в мае-июне 1863 г. Как это видно из специальной записки, составленной для него Огаревым перед отъездом в Швецию (см. публикацию М. В. Нечкиной в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 518), Александр Александрович выполнял ответственное поручение «Земли и Воли» по установлению связи с финским революционным обществом и организации путей переправки изданий Вольной русской типографии.

Однако Герцен не был вполне доволен поездкой сына. Общим ее итогом было окончательное убеждение Герцена в непригодности сына к политической деятельности.

«Ты в политическом деле не имеешь таланта»,— писал он ему 7 декабря 1863 г. (XVI, 543). 24 июня 1864 г. Герцен писал сыну: «...надобно избрать, наконец, и путь и цель—надобно сделаться чем-нибудь из молодых rentiers. Человеком вообще — нельзя быть. Политическое поприще я считаю для тебя невозможным — мало ли естествоведение представляет специальностей. Было время, в которое выбору было много, — оно ушло — в 25 лет человек должен дефинитивно осесть — или блуждать и в 75».

Мы не располагаем подробными сведениями о пребывании Александра Александровича в Швеции и о конкретных причинах, приведших Герцена к столь решительному выводу. Немаловажную роль здесь, по-видимому, сыграла ссора Александра Александровича с Бакуниным. Об этом можно судить по переписке Герцена и Огарева с Бакуниным. По некоторым замечаниям Герцена можно предполагать также, что Александр Александрович слишком увлекся внешней стороной своего дела.

Осенью 1863 г. Александр Александрович переехал во Флоренцию, где до 1869 г. работал ассистентом известного физиолога М. Шифа. В августе 1869 г. Совет народного просвещения Флоренции присвоил Александру Александровичу звание профессора-либеро, т. е. доцента со званием профессора. С этого времени начинается его самостоятельная научная деятельность в качестве профессора Спеколы — крупнейшего в Италии центра естественных наук.

В своих публичных лекциях и брошюрах Александр Александрович проявил себя как талантливый популяризатор науки, что не мог не ценить Герцен. Об одной из таких лекций, состоявшейся 9 марта 1867 г., он писал Огареву: «Успех Саши вчера был полный и заслуженный. Он свою лекцию прочел щегольски, не останавливаясь, не ломаясь, просто, прекрасным слогом и интересно» (XIX, 239).

Александр Александрович примыкал к так называемому психологическому направлению в физиологии, философской основой которого был новейший позитивизм. Естественнонаучный материалист, последователь К. Фогта, он не смог однако подняться до научных вершин, достигнутых отцом. Герцен и Огарев подвергли критике диссертацию Александра Александровича о свободе воли. Сосредоточившись на физиологической основе умственной деятельности человека, он, по отзыву Герцена, «лучше доказал, что нет *души*, чем уяснил функцию того, что называется *волей*» (XX, 310).

Известное письмо Герцена о свободе воли (июль-август 1868 г.) было критическим ответом на диссертацию сына. Огарев полемизировал с Александром Александровичем в своей заметке «Libre arbitre» (см. Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. II, М., 1956, стр. 170—171).

А. А. Герцен активно участвовал в борьбе против церковников и реакционеров в науке. Известно его выступление в поддержку М. Шифа, бросившего вызов клерикальной партии. Он вступил в публичный бой с реакционером Ф. Парлаторе, возглавлявшим Спеколу после смерти прогрессивного профессора К. Маттеучи, и смело отвечал в печати на обвинения реакционной партии (речь идет о статье против А. А. Герцена, написанной сенатором, графом Р. Ламбрускини). Совместно с прогрессивной флорентинско-миланской группой ученых (М. Шиф, Я. Молешот, К. Фогт) А. А. Герцен в 1867 г. пытался организовать журнал позитивистского направления, одной из главных задача которого ставил антиклерикальную пропаганду.

Александр Александрович много содействовал изучению жизни и деятельности своего отца. Он явился одним из главных организаторов посмертного издания сборника его статей. Он перевел на французский язык и издал «С того берега». При инициативном участии Александра Александровича в восьмидесятые годы было положено начало публикации писем Герцена и Огарева (в «Русской мысли») и писем к ним (в женевском «Вольном слове»). В девяностые годы он передал Румянцевскому музею ценные материалы о жизни своего отца. С сознанием долга Александр Александрович отнесся к подготовке первого издания сочинений Герцена.

Однако связь Александра Александровича с общественной жизнью не только России, но и Запада все более ослабевала. После смерти отца, а особенно со времени переезда в Лозанну в 1881 г. Александр Александрович стал тем поч-

тенным швейцарским профессором, мысль о котором всегда так пугала Герцена. Не обошлось и без участия в коммерческом предприятии: еще во Флоренции Александр Александрович организовал торговую компанию по эксплуатации открытого им способа сохранения мяса.

Александр Александрович оказался не в силах помочь отцу и в воспитании младших детей, которое Герцен «поставил одной из краеугольных задач своей жизни».

Семья Александра Александровича во многом напоминала семьи Фогтов, Шифов. Семейные заботы отдаляли Александра Александровича от сестер. Болезнь и душевная драма Таты, которую Александр Александрович, находившийся рядом, не смог предотвратить, тоже наводила Герцена на тяжкие думы. Ему казалось, что семья отнимает у его сына последние силы, которые могли быть направлены на широкую общественную деятельность.

Герцен иногда бывал несправедлив к сыну. Не всегда справедливые, подчас резкие упреки в праздности, невнимании, рассеянности можно встретить и в публикуемых письмах. Но в самом главном горечь Герцена была оправданной — сын вырос далеким от России, от революционного дела своего отца.

Герцен не склонен был во всем винить самого Александра Александровича. Раздумья над судьбой детей вливались в общие раздумья Герцена о пережитом, о собственных ошибках, о противоречиях русской общественной жизни.

Герцен чувствовал глубокую вину перед детьми за ту разрушительную роль, которую сыграла в его семье Н. А. Тучкова-Огарева. Он винил себя за то, что связал с ней свою судьбу.

«Я многого не умел сделать, в многом жизнь запутал»,— признается он сыну в письме от 17 февраля 1869 г. Его угнетала невозможность противостоять влиянию Мальвиды Мейзенбуг на Ольгу, добиться сближения Н. А. Тучковой-Огаревой и Таты во имя совместного воспитания Лизы.

Публикуемые письма, в особенности относящиеся к периоду 1869 г., отмечены трагическим бессилием Герцена помешать растущему отдалению от него детей и, по существу, разрушению его семьи.

Герцен все чаще приходил к печальным выводам о практической непригодности своей социальной педагогики. Подобного рода признания содержатся в его дневниковых записях, статьях и письмах шестидесятых годов.

Как просветителям, Герцену и Огареву свойственно было преувеличивать свою нравственную независимость от среды, свою исключительность, «эксцентричность», преувеличивать значение теорий и идей в воспитании нового человека. Герцен сам объяснял это временем своего развития. Действительно, корни такого просветительского преувеличения уходят в эпоху первого этапа освободительного движения в России. Круг революционеров был тогда узок, и передовое движение развивалось преимущественно как передовая мысль. Движение казалось сильным не столько числом участников и широтой распространения революционных идей, сколько высотой мысли, яркостью таланта отдельных выдающихся его представителей. В этих условиях значение нравственной нормы приобретала и частная жизнь передового человека.

В эпоху, когда революционное движение становится шире, когда оно связывается с движением народных масс, решающее значение в формировании нового человека приобретает непосредственное участие в революционной борьбе, связь с жизнью народа.

Герцен признавался, что теперь в отрицании старой нравственности, так же, как в отрицании всех устоев старого мира, «частной жизнью не много сделаешь» (XVI, 463). «Мы не подчиняемся собственному разуму... так же, как собственной эстетике»,— записывает он в дневнике 29 декабря 1866 г. (XIX, 142).

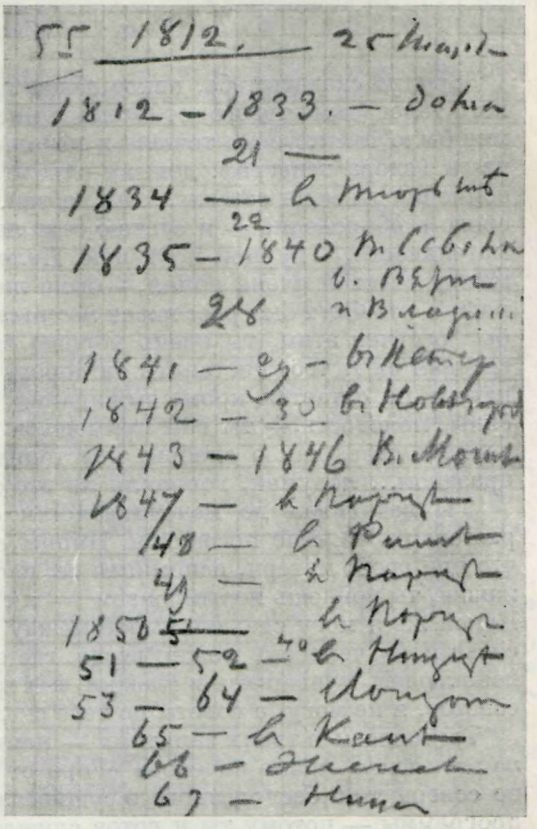
В письме к старшей дочери от 23 мая 1868 г. Герцен вновь обращается к этой мысли:

«Личности могут восставать против стеснительных учреждений и стараться их уничтожить или заменить, но не как исключение *для себя*, а общее правило для всех» (см. стр. 641 настоящего тома). Эти рассуждения связаны с тем решительным выводом о соотношении теории и практики, к которому Герцен пришел еще в 1863 г. Глубокое

ИТИНЕРАРИЙ ГЕРЦЕНА. СОСТАВЛЕН ИМ В 1867 г.

Автограф

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва


55 1812. — 25 мая —
1812 — 1833. — дома
21 —
1834 — в Тверь
22
1835 — 1840 в Москве
в Тверь
28 в Владимир
1841 — 29 — в Москву
1842 — 30 в Новгород
1843 — 1846 в Москву
1847 — в Петербург
48 — в Финляндию
49 — в Петербург
1850 — в Петербург
51 — 52 — 40 в Нижний
53 — 64 — Москва
65 — в Канцелярию
66 — Эмиграция
67 — Ницца

обобщение по этим вопросам заключено в дневниковой записи 16 августа: «Теорию с практикой в деле отрицания примиряет революция. В ней отрицание не личное, не исключительное, не на выбор, не уклонение, а открытое противодействие старому и водворение нового. Старая добродетель объявляется пороками, нелепостью и пр. Все это невозможно для отдельного лица и домашнего употребления и всего невозможнее, когда оно идет от эстетических целей» (XVI, 463).

Герцен осознавал, что в новых исторических условиях в воспитании человека все большее значение приобретает труд. В буржуазном обществе всякое богатство становится бесчестным и оказывает на человека все более развращающее влияние. Герцен, считал, что перед «растлевающим влиянием обеспеченности без труда» не смогут устоять самые высокие теории. Он усматривал в ренте одну из главных сил, ослаблявших его собственную роль в воспитании детей. «Мы все вполовину парализованы, вполовину развращены — наследством и рентой,— писал он сыну 1 августа 1867 г.— От ренты — ты занимался спустя рукава до 1863 года. От ренты — Тата не рисует и не поет. От ренты — Ольга безграмотная. От ренты — Nat⟨alie⟩ ставит кверх дном воспитание Лизы... Пора понять эту простую истину. Если б отец Огар⟨ева⟩, а не он сам, прокутил бы свое именье,— наш Огар⟨ев⟩ был бы признанный гений — и не имел бы эпилепсии. Мы защищены только тем, что сами ломаем дерево „злата и сребра", на котором сидим».

Сознание собственных ошибок сплеталось у Герцена с пониманием невозможности воспитания человека лишь на основе передовых идей, вне непосредственного участия в общественной практике.

В публикуемых письмах запечатлены грустные, но плодотворные раздумья Герцена, вызванные крушением просветительских иллюзий в его семейной жизни и в воспитании детей.

1

26 октября 1858. Putney

Трудно сказать тебе, какое общее впечатление осталось у меня от глупого телеграмма твоего, от Фогтова письма и от твоего. На первый случай мне было так глубоко тяжело и печально, особенно от того, что, посылая из-за вздора телеграф. депешу—ты и не подумал, в каком мучительном сомнении ты меня оставлял дни на три. Что это — дуэль, арест... хоть бы слово в объяснение — я считаю, что легкомыслие, идущее до этой невнимательности,— дурной поступок. Далее письмо Фогта — я умею читать между строк и очень понял,— была ли история мелкого волокитства или нет[1] — что Фогт был рассержен *несерьезностью* твоих занятий (я постоянно был огорчен этим, ты очень хорошо знаешь). Смотри — если и этот последний опыт тебя поставить на дорогу науки не удастся — тогда ведь уж ничего не остается, кроме выжидания, что когда-нибудь, потеряв время, силы, молодость,— ты сам примешься за дело.— Фогт, его мать, все говорят о тебе, как о слабом, неустоявшемся мальчике, добродушном, но праздном... подумай, говорили ли это обо мне или об Огар⟨еве⟩ в 19 лет.

Ты натягивал до неделикатности отъезд — я думал, что последние разговоры и самое посещение Ниццы сделают в тебе перелом. Я думал, что при гробе матери, вспоминая ее, наши несчастья и серьезный бой моей жизни, ты пойдешь новым шагом[2],— я его не вижу даже из того письма[3].— Какой же я могу сделать выбор между Берном и Вюрцбургом?[4] Учиться серьезному человеку можно везде, где есть университет. Ты видел в Лондоне людей, учившихся в Казани, в Харькове. Напутствовать тебя, кроме советов, я не могу, а советы по тебе скользят.

Ты пишешь о твоих занятиях — напиши, *что же ты сделал и чем именно занимался*, кроме перевода «Горя от ума»[5], дела, полезного для языка— но совершенно бесполезного в сущности. У тебя нет плана, нет настоящей программы — потому ты и готов слушаться любого. Встретился Тесье[6]— давай химию, встретился физик — давай изучать электричество. Из этого науки не составишь. Я буду шаг за шагом следить за твоими занятиями, но, пожалуйста, с ранних дел отвыкни от мысли, что ты можешь прожить— без науки и специальности, en rentier, ты страшно ошибешься.

Я не так понимаю состояние — предотвратить тебя от крайности, дать полные средства для образования — мой долг. На остальное — на праздное богатство — никак не надейся.

Надеюсь, что ты послал мое письмо к Фогту,— что же он, наконец, отвечал?[7]

С девкой, о которой идет речь, всякое знакомство следует прекратить.

Остаюсь в надежде, что следующие письма принесут мне меньше огорчения.

Дети здоровы.

Кланяйся от меня всему семейству Фогта.

[1] Этот эпизод, связанный с каким-то любовным увлечением А. А. Герцена (см. ниже упоминание о «девке»), остался невыясненным, так как письма и телеграмма, о которых идет речь, до нас не дошли. А. А. Герцен жил в то время в Берне, в доме Ф.-В. Фогта, профессора медицины, отца Карла Фогта.

[2] А. А. Герцен уехал из дому в августе, хотя занятия в университете начинались 3 ноября. Герцен усматривал в этом один из признаков отхода сына от семьи, что вызывало в нем большую тревогу. Поэтому он придавал немалое значение поездке сына на могилу Н. А. Герцен в Ниццу (в сентябре 1858 г.). Он писал сыну: «Для тебя это посещение должно быть молитвой; так, как в средние века ходили ко гробу Христа, испрашивая сил на жизнь, так и ты, начиная новое существование,— разлуку со мной, должен в полном recueillement * посетить Ниццу» (IX, 316).

[3] Письмо, написанное, по-видимому, после посещения могилы матери в Ницце, неизвестно.

* сосредоточенности (франц.).

[4] Герцен не сразу решил вопрос, где учиться сыну, и советовался об этом с Фогтом, колеблясь между Берном и Вюрцбургом (см. IX, 307, 354). Выбор был сделан в пользу Берна.

[5] Упоминание о переводах А. А. Герцена содержится также в письме Маццини к Герцену («Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 306). Он переводил в конце 1860-х годов и «Былое и думы» на французский язык (см. XX, 25; XXI, 347).

[6] О *Тесье дю Моте* см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 288—290.

[7] Это письмо Герцена Фогту неизвестно.

2

5 ноября ⟨1858 г.⟩. Putney. Laurel house

Любезный Саша,

На первый случай — оставим это дело, ты знаешь, что я сужу всего больше по практическим результатам [1]. Что ты не показывал особенного усердия к науке — это ты теперь сам видишь по сравнению с тружениками и истинно занимающимися людьми.

В твоих письмах видна большая поспешность, на несколько раз сделанные вопросы — нет ответов и потом какие-то à peu près...* «Книги... книги» — какие книги? о русских спрашиваешь ты или о твоих учебных? Для отсылки надобно даже порядком знать адрес.

Каким образом случилось, что ты был *без книг*? — Ты взял с собой несколько, неужели всё перечитал — и зачем так мало взял в таком случае?

Та же рассеянность видна в том, что ты не напишешь ничего особо, кроме поклона Огареву или Natalie. Торопясь, писем вообще — кроме пустых — писать я не советую. Писать ко мне должно быть для тебя действием, почти религиозным,— тут исповедь твоего поведения, тут продолжение единственной связи — которая независимо ото всего ведет тебя и, следственно, которая должна держать контроль. Вообще я требую в жизни больше recueillement **.

Новостей никаких нет — кроме того, что молодой Раевский умер в Брюсселе, собираясь в Париж[2]. С новым домом у нас возня — условия написал хозяин преглупые, и уж теперь об этом хлопочет Ashurst [3].

Скажи от меня Фогту-отцу и m-me Vogt, что я собирался писать к ним и благодарить за их добрый и хороший прием тебя — и позволение жить. Но фразы делать не люблю, а передай, что я искренно и глубоко благодарен; об уважении моем к самому Фогту — они знают, ее прошу строже быть к тебе и весьма прошу — в случае, если она будет недовольна тобой,— писать ко мне. Ты с некоторой деликатностью можешь ей перевести, что́ я писал об их доме (всего лучше словесно).

Я спрашивал о картинах и книгах, бывших у Адольфа Фогта [4].

Почему ты не пишешь подробности, как вы сделались насчет платы, мне это очень нужно знать.

Прощай и будь здоров.

Все тебе кланяются.

Трудно сказать, что можно Ольге купить,— пишу ей, что посылаем *штуку* [5].

[1] Очевидно, в своем письме А. А. Герцен пытался оправдать несерьезность своих занятий.

[2] О каком *Раевском* идет речь — установить не удалось.

[3] Герцен в это время готовился к переезду в Park house. Н. *Ashurst* (Ашерст) — англичанин, адвокат, принадлежавший к кругу Маццини.

---

* приблизительности (франц.).

** сосредоточенности (франц.).

[4] Адольф *Фогт* — профессор гигиены в Бернском университете, брат Карла Фогта. В письме от 21 октября 1858 г. Герцен писал сыну: «У Адольфа Фогта должны быть мои книги, картинки и собрание (теперь очень редкое) журналов 1848 года» (IX, 354).

[5] Очевидно, Герцен хотел сделать подарок ко дню рожденья Ольги, 20 ноября.

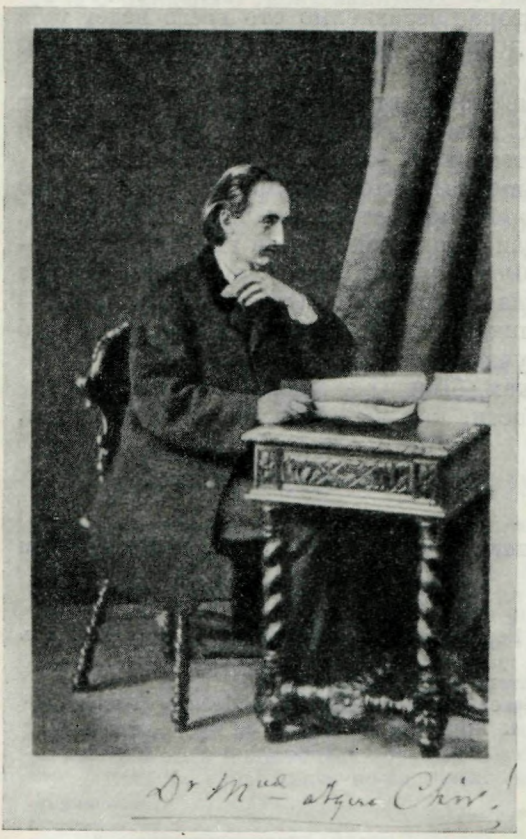
3

22 января 1860. Park house. Fulham

Любезный Саша,

Ты прав, что прошлое письмо мое писано далеко не в веселом расположении духа[1]— впрочем, жизнь человека и не должна идти, как полька,— веселой пляской.—В русском вопросе и в твоем отношении к России я вижу ты ничего не понимаешь — как это я уже заметил на Isle of Wight [2].

1-е. Без всякого отношения к собственному лицу — Россия представляет *единственную* страну, которая гигантски идет к социальному перевороту. Об этом, наконец, заговорили и «Times» и «Daily News» [3] и вообще не немцы. Неужели ты так неопытен, что можешь воображать, что переход от николаевского деспотизма к экспроприации части дворянских земель и образование свободно-коммунальных общин может сделаться без отклонений, реакции, ошибок, при которых может не один Александр II, а десять сломить шею? Да ведь интерес-то человека развитого только и состоит в участии в общем деле — он доволен, если оно идет хорошо, т. е. и с перерывами, но к цели. Как можно — без необходимости — жить, напр⟨имер⟩, в Англии. Этого я не понимаю. Во Франции еще меньше. Если ты под этим разумеешь *жить в науке* — это другое дело, но тогда можно жить



А. А. ГЕРЦЕН

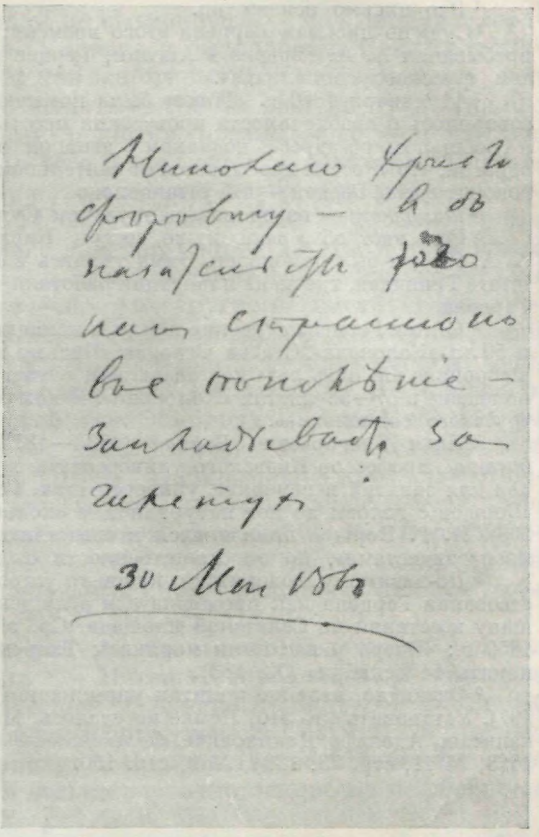
Фотография. Внизу рукою Герцена по-латыни: «Д⟨окто⟩р Меди⟨цины⟩ и хир⟨ургии⟩!»

Исторический музей, Москва

НАДПИСЬ ГЕРЦЕНА Н. Х. КЕТЧЕРУ НА ОБОРОТНОЙ СТОРОНЕ ФОТОГРАФИИ А. А. ГЕРЦЕНА

«Николаю Христофоровичу—в доказательство того, как страшно новое поколение закладывает за галстух.
30 мая 1861»

Исторический музей, Москва



и в Томбукту [4], даже в гнусной Америке, делающей из рабства основание республики (вот плантатор-то ваш, женатый на Ф⟨огтовой⟩ сестре, когда приедет,— расскажет тебе [5]).

2-е. Твое частное отношение мне толковать почти стыдно. Везде ты иностранец; в России ты один из *богатейших* наследников. Ты наследник всей моей и огаревской деятельности — и, следственно, разом поставлен в лучший и самый симпатичный круг. Все открыто — как своему; *что ты* из этого сделаешь, будет зависеть от твоих способностей, но, пожалуй, можно и ничего не сделать, но то хорошо, что не сделаешься, наконец (в Европе), почтенным профессором, филистром, женатым на немке, в глупейшем обществе и в самом ограниченном — умом и общежитием, или в Англии — ковать деньги. В таком случае, лучше просто постоянно *путешествовать*.

A propos к русскому вопросу — я что-то подозреваю что ты не понял моей статьи в 59 № «Колок⟨ола⟩» и Огар⟨ева⟩ *ответ* в 58 [6]. Omni casu* — ты не имеешь никакой отговорки в непонимании русского вопроса.

Здесь проезжал молодой русский ученый Борщов [7] — он будет потом и в Берне, ботаник, составитель флоры на Аральском и Каспийском море — он видел «Маскарад», который мне сделали сюрпризом Тхор⟨жевский⟩, Чернец⟨кий⟩ и проч. [8] А сегодня у нас обедает тот капитан, который командовал артиллерией при взятии Шамиля [9].

23. ⟨января⟩

Сегодня мороз — желаю, чтоб вы все и ты были здоровы, — и прощай.

---

* Во всяком случае (лат.).

[1] Это письмо неизвестно.

[2] Судя по письмам Герцена этого времени, зимой 1858 и осенью 1859 г., во время пребывания А. А. Герцена в Англии, Герцен и Огарев вели с ним беседы по вопросам «русского социализма».

[3] 11 января 1860 г. «Times» была помещена корреспонденция из России. В ней говорилось о необходимости проведения крестьянской реформы и реформ управления и сообщалось об адресе, поданном 6 декабря царю. «Times» заключал в связи с этим адресом, что «Россия просыпается от длительной спячки». О какой статье в «Daily News» говорит здесь Герцен — не установлено.

[4] *Томбукту* — город во французском Судане.

[5] Речь идет об *Урихе*, муже сестры Карла Фогта. С дочерью Уриха, Эммой, А. А. Герцен был помолвлен. Эмма училась в Цюрихе, а родители ее жили в южном штате Тринидад, где на их плантации работали негры-рабы. Это вызывало возмущение Герцена.

[6] Статья Герцена «Русские немцы и немецкие русские» печаталась в 53,54,56,57—58 и 59 лл. «Колокола». Статья Огарева «Письмо и ответ» (впоследствии перепечатанная в сборнике «За пять лет» под названием «Ответ на письмо малороссийского помещика») помещена в 57—58 листах «Колокола». В них содержатся основные положения теории «русского социализма».

[7] Илья Григорьевич *Борщов* (1833—1878) — известный впоследствии химик и ботаник, профессор Киевского университета; в ту пору, о которой идет речь, он приехал для занятий в немецких университетах. Герцен часто ставил его в пример сыну: «Борщов с головы до ног натуралист, а сколько страсти к общественному делу» (X, 303). И. Г. Борщов привлекался к следствию по делу «о сношениях с лондонскими пропагандистами», но от ответственности был освобожден.

[8] По-видимому, говорится о каком-то устроенном Тхоржевским и Чернецким чествовании Герцена как продолжателя дела декабристов, в тридцать четвертую годовщину восстания на Сенатской площади. Ср. в письме Герцена к сыну от 27 декабря 1859 г.: «Вчера у нас были моряки *; Тхор⟨жевский⟩ и Чернецк⟨ий⟩ праздновали память 14 декабря» (X, 183).

[9] Очевидно, этот же капитан упоминается в письме от 9 января 1860 г. (см. X, 197). Установить кто это, Лемке не удалось. Мы полагаем, что речь идет об инженер-капитане Адольфе Даниловиче *Фалькенгагене* (1821—1880) — см. «Военный сборник», 1863, № 11, стр. 73; 1864, № 9, стр. 150.

4

31 янв⟨аря⟩ 1860. Park house. Fulham

Любезный Саша,

Что я тебе скажу о твоем последнем письме? Ты пишешь, что, читая мое, тебе было «грустно и *смешно*»[1]. Мне было только грустно — и, может, всего больше оттого, что тебе было мое совершенно серьезное письмо — смешно. Придет время, когда ты не только будешь смеяться — но и поймешь. А потому я больше об этом писать не стану. Скажу только,— чтоб открыть тебе глаза на твое совершенное непонимание вопроса,— что если б ты с тех пор, как начал рассуждать, прочитал бы со вниманием, что я пишу, что я писал за восемь лет до смерти Николая, то ты не написал бы пошлости, что Александр II дал импульс и что он может остановить, т. е. что не внутренние силы страны вовлекли его, а что он вовлек их. Не надобно быть политиком, чтоб понимать вещи лучше, чем какие-нибудь жалкие французики. Хоть и надобно иметь общечеловеческое образование — которое не выкупает никакое специальное ученье и без которого человек все же не будет человеком. Дольше об этом вопросе — писать я не буду. Man will — was man kann, man kann — was man will **. Я и Огар⟨ев⟩, окруженные со всех сторон страшнейшим деспотизмом Николая, гнетом семейных предрассудков, мы вступили действительно в смешной бой с властью — и через тридцать лет — мы стали так, что само правительство признало, что мы власть в общественном мнении — les rieurs sont de notre côté! ***

---

* Речь идет о моряках с какого-то русского корабля. — *Ред.*

** Что хотят — то и могут, что могут — то и хотят (нем.).

*** сила на нашей стороне (франц.).

Нашу оппозицию теперь из истории не вычеркнешь — она бродит в сердцах юного поколения, бродит на Кавказе у офицеров, в Сибири и пр.[2] Естественно было желать, чтоб ты так же открыт был нашему слову, как все поколение. Естественно было желать—чтоб ты шел по пути, тяжело протоптанному, но протоптанному родными ногами — по нем ты мог дойти до, напр⟨имер⟩, до того, до чего дошел один из величайших деятелей в России — доктор Пирогов, который, как попечитель в Одессе, потом в Киеве, приносит огромную пользу, что не мешает ему быть первым оператором в России[3]. Но для этого надобно упорно хотеть. У тебя идеал быть профессором в Швейцарии — я не порицаю этого, но думаю, что ты неэкономно бросаешь возможности — которые другие не имеют. Будь профессором, но для этого развей в себе *научные понимания*, куча сведений ничего не сделает, а пуще всего будь, пожалуй, и не профессором, будь просто человеком — но человеком развитым. Ты видишь, что я стеснять тебя не намерен; человек идеал свой имеет смолоду — у тебя его нет, ты не знал ни борьбы, ни усилий и рос вяло, не верю, чтоб ты и теперь мог определить будущность — именно потому, что настоящей кровной arrière-pensée* нет,— я буду долею направлять и останавливать тебя — до 25 лет. Потом только советовать и помогать. Доволен ли ты? Если, впрочем, и это тебе покажется смешным — ты этого не пиши, а еще лучше останови и самый смех — как несообразный с тем уважением, полным любви, которое я заслужил от тебя. Ну и аминь.

Если К. Фогт еще у вас — скажи ему, что я его брошюры не получал и что мне очень хочется ее иметь[4].— Наташа отправилась за билетами в манеж. К Ольге ходит daily governess**, однако не больно прыткая. Об поездке Natalie ничего нет положительного, теперь С⟨атины⟩ в Москве, может в начале апреля они и приедут[5]. Я далее Дувра мечтаний не простираю. Работы у нас много, да и весьма вероятно, что весна не обойдется без войны[6].

Чернецкий заводит свою типографию — я был бы очень рад, чтоб он разбогател для доказательства рефюжье***, что делает труд и воля[7].

Прощай — пиши больше и будь здоров.

Рукою Н. А. Герцен:

Милый мой Саша,

Вот я только что воротилась с манежа — первый урок: надеюсь, что, когда ты осенью приедешь, я с тобой буду ездить. Не могу еще судить, какое это влияние на меня имеет, завтра увижу. Только от скачки у меня немножко голова болит, но это только первый раз.

Ну прощай, милый Саша, пиши, езди, веселись и будь здоров.

Твоя Тата

Что делает Эмма?

[1] Оба эти письма неизвестны.

[2] О влиянии Герцена на Кавказе мог рассказывать упомянутый в предыдущем письме А. Д. Фалькенгаген, служивший там с 1852 г. (и до 1869 г.). Что касается Сибири, то известна переписка, которую Герцен вел в этот период с петрашевцем Ф. Н. Львовым по делу об «иркутской дуэли». В публикации В. Р. Лейкиной-

* Здесь — «задушевной мысли» (франц.).
** приходящая гувернантка (англ.).
*** эмигрантам (от франц. «réfugiers»).

Свирской в т. 63 «Лит. наследства» высказывается предположение и о других корреспондентах «Колокола» в Восточной Сибири (стр. 165).

[3] Великий русский хирург Н. И. Пирогов с 1856 г. был попечителем Одесского, а с 1858 г. Киевского учебных округов, и на этих постах проявил себя как крупнейший педагог и общественный деятель. В частности, он защищал общеобразовательную школу, выступая против узкой специализации. Когда в 1861 г. Пирогов вынужден был выйти в отставку, Герцен посвятил ему статью «Киевский университет и Н. И. Пирогов» (см. XI, 104—105).

[4] Герцен к этому времени уже читал брошюру К. Фогта «Studien zur Gegenwärtigen Lage», посвященную итальянскому вопросу. Отклик на нее мы находим в его статье «Война», помещенной в л. 44 «Колокола» от 1 июня 1859 г. (см. X, 1—11). Брошюру К. Фогта высоко оценил Чернышевский; она почти целиком перепечатана в шестой книжке «Современника» за 1859 г., в качестве приложения к статье Чернышевского. К. Маркс, однако, отнесся к ней резко отрицательно, выступив по этому поводу с памфлетом «Господин Фогт» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. I, стр. 247—543). См. о ней также выше, на стр. 432 настоящего тома.

[5] Н. А. Тучкова-Огарева собиралась на континент для встречи с Сатиными, которые хлопотали о разрешении выехать за границу. В июне 1860 г. Н. М. Сатин побывал в Лондоне (см. X, 354).

[6] После Виллафранкского мира, которым завершилась австро-итало-французская война 1859 г. (заключен 11 июля), отношения между Италией и Австрией были напряженными. В областях, еще не освобожденных от австрийского владычества, усилилось национально-освободительное движение. Австро-итальянская война, однако, началась лишь в 1866 г.

[7] О Чернецком и судьбе его типографии см. «Лит. наследство», т. 63, 1956, стр. 250—268.

5

⟨Лондон. 20 марта 1860 г.⟩

Письмо отдай сейчас и, отдавая, прибавь: «Я так мало имею веры в моего отца, что я задержал письмо» [1].

20 марта

Park house
Fulham.

[1] 13 марта 1860 г. Герцен написал письмо матери К. Фогта, которая советовалась с ним о предполагаемой женитьбе Александра Александровича Герцена на Эмме Урих. Герцен решительно возражал против раннего брака сына (см. X, 233—236), поэтому Александр Александрович Герцен не хотел передавать письмо, что и вызвало возмущение Герцена.

6

⟨Лондон.⟩ 30 июня ⟨1860 г.⟩. 10 Alpha road

Вот ольгин портрет. Твое письмо пришло — много снимется тягости и с меня, когда я увижу пониманье и раскаяние. В письме твоем к Огар⟨еву⟩ я ни того, ни другого не видел [1].

Татой я очень доволен — неужели ты до сих пор не понял, что ей не следует лет в 16 покинуть меня? [2] А впрочем, я готов на все жертвы — лишь бы вам было хорошо.

Думаю, что не в Вентноре мы соберемся, а около или возле Саутгамптона.

Прощай [3].

[1] Эти письма А. А. Герцена до нас не дошли.

[2] Герцен беспокоился, что под влиянием раннего брака А. А. Герцена Тата тоже выйдет замуж слишком рано (см. X, 232).

[3] К письму имеется приписка А. Таландье, французского революционера-эмигранта, друга семьи Герцена. См. о Таландье в «Лит. наследстве», т. 62, 1955. стр. 665.

7

⟨Лондон.⟩ 9 июля 1860. 10 Alpha road. S. John's wood

Я принимаю твое последнее письмо за начало раскаяния. Я готов все простить — но не так легко в самом деле забывается то, что произвело сильную боль.

Я требовал от тебя жертвы — жертвы, которую диктовал здравый смысл, с которой согласны *все, с кем я ни говорил*. Ты отказал. Оскорбленный не только отказом, но притязанием мне толковать какую-то пустую теорию семейной жизни, я был строг: в твоей дерзости, с которой ты отвечал, я измерил, насколько мы чужие и насколько родные... Письмо к Огареву не лучше [1]. Желание оправдаться и начало, может, угрызений совести — тебя привело к мелкому желанию обвинить меня. Ну, представь себе, что ты с документами в руках докажешь, что в минуту досады я дурно поступил; неужели это тебя оправдает? Нет, это только унизит меня.

Представь, что Огарев и Фохт скажут: «Да, действительно, он скверный человек». Весело ли тебе будет это торжество? Нет, любовь молодого к старому не может быть основана на кулачном бою. Если б я в самом деле был виноват — тут-то и было бы торжество любви в кротком ответе. И, заметь, я эту любовь и это уважение требую от тебя не только потому, что я твой отец, — но потому, что я знаю и чувствую, что всей моей жизнию я заслужил ее от молодого поколения (от русского по крайней мере) — я вправе требовать *пристрастия* — но как дар, идущий из сердца. Если б ты видел теперь здесь эту семью молодых офицеров, севастопольцев, отличившихся кровью и мужеством, которая окружает меня женской нежностью (одного из них, кн⟨язя⟩ Тр⟨убецкого⟩[2] ты увидишь), — то ты еще яснее поймешь, отчего иногда у меня навертывается слеза. Да, я тебе говорю откровенно — я многое, все клал на вас троих... но я плохой семейный человек. Не рвите же эти кровные связи — нехорошо будет вам, когда та семья сочувственного юношества станет ближе... И когда я, испуганный этим, хватаюсь, чтоб Тата не пошла в сторону... ты и этого не понимаешь!

Сим я оканчиваю — я не сердит больше. Ищи не прощенья — я давно простил, ищи возвращения веры, ищи, чтоб мне легко было думать об этом как о случайности.

Письмо я к тебе переслал, потому что я всегда и все письма посылаю, но по твоему письму я вижу, что я хорошо сделал. Что за слабость — бежать от раскаяния. Тут тебе только новое доказательство — что я должен был тебя остановить [3].

Вероятно, вакансии* начнутся в конце месяца — ты можешь заехать за Татой к Мар⟨ье⟩ Касп⟨аровне⟩ или согласиться с Тат⟨ьяной⟩ Петр⟨овной⟩ или с Сатиными — где и как встретиться. Тата может на несколько дней заехать в Берн [4], — при этом возьми у Мар⟨ьи⟩ Касп⟨аровны⟩ до моря горничную Станкевича или другую. Между 10 и 15 августа я вас буду ждать, вероятно, не в Вентноре — там слишком много русских. Лето здесь ужасное — холод и дожди.

Будь здоров, обнимаю тебя. Ольга здоровеет и хорошеет.

На днях мне и Огар⟨еву⟩ давали сплендидный** обед — почти все русские, находящиеся в Лондоне, — это была годовщина первого листа «Колокола». Подробности я писал к Тате [5]. На обеде из старых знакомых были Чернец⟨кий⟩, Тхоржев⟨ский⟩, моряки [6] — обед начался в 8 часов и кончился в $3^1/_2$.

Понедельник

---

* каникулы (от франц. vacances).
** великолепный (от англ. splendid).

[1] Письма А. А. Герцена к Герцену и Огареву неизвестны. Жертва, о которой идет речь,— обещание А. А. Герцена подождать со свадьбой год.

[2] По-видимому, Павел Петрович *Трубецкой*. 15—18 августа 1860 г. Герцен писал старшей дочери: «Если в Берне к нему ⟨Александру Александровичу⟩ придет князь Трубецкой (Павел), то чтоб принял его как нельзя лучше» (X, 368). П. П. Трубецкой был участником Севастопольской эпопеи. Находясь за границей, встречался с Герценом и впоследствии привлекался по делу «О сношении с лондонскими пропагандистами», но от ответственности был освобожден. С 1863 г.— мировой посредник в Москве.

[3] По-видимому, письмо от Эммы Урих. А. А. Герцен собирался ехать к ней в Тринидад, но начал колебаться, и это подтвердило Герцену, что чувства его сына к Э. Урих были непрочны.

[4] Н. А. Герцен жила в это время в Дрездене, куда поехала с Н. А. Тучковой-Огаревой и Лизой для свидания с Сатиными. Т. П. Пассек и ее сыновья также были в это время в Германии.

[5] См. письмо Герцена к дочери от 6 июля 1860 г. (X, 361).

[6] О своих и Огарева связях с моряками с русских военных кораблей, заходивших в английские порты, Герцен рассказал в «Былом и думах», в эпизоде главы «Апогей и перигей» (изд. АН, т. XI, стр. 295—328).

8

⟨Лондон.⟩ 14 июля ⟨1860 г.⟩. 10 Alpha road

Если ты едешь 22⟨-го⟩—то поезжай не в Гейдельберг, а прямо в Дрезден, оттуда в Гейд⟨ельберг⟩ вместе с Татой. Тате одной с тобою ехать на воды невозможно иначе, как на самое короткое время[1]. В Берне было бы лучше. В Дрездене вы возьмете горничную, о которой я писал. В Гейдель⟨берге⟩ она остановится у Сат⟨иных⟩, а ты в hôtel'е.

Мое письмо к тебе было исполнено любви и печали — и я действительно не понял, чему ты радовался[2]. Внимательно ли ты прочел его?

И я вовсе еще не в радостном положении. Вчера С⟨атин⟩, благороднейший, превосходнейший человек, который остался, каким был в 1834 году, пишет: «Спаси Alex⟨andre'а⟩ от глупости преждевременного брака».— А Мар⟨ья⟩ Кас⟨паровна⟩: «Разумеется, вы правы — да послушается ли он вас?».— Наконец, Таландье и тот остолбенел.

Моя совесть, мое пониманье и любовь к тебе говорят то же, что они,— один ты говоришь другое. Оттого-то я тебе и дал грустную волю делать как хочешь, но никогда не дам согласия противно моему убеждению.

Если б Тата могла до Лондона доехать с Тат⟨ьяной⟩ Петр⟨овной⟩, это было бы лучше[3].

Насчет пути все, что я пишу, ты должен принять за приказание.

Прощай. Пиши, когда выедешь.

Извести также вперед и Тату.

[1] А. А. Герцен предполагал тогда ехать на воды в Швальбах.

[2] Очевидно, говорится о предыдущем письме.

[3] Т. П. Пассек в Лондон не приехала. Герцен встретился с ней в Париже летом следующего, 1861 года. В Англию она приезжала в конце августа 1861 г.

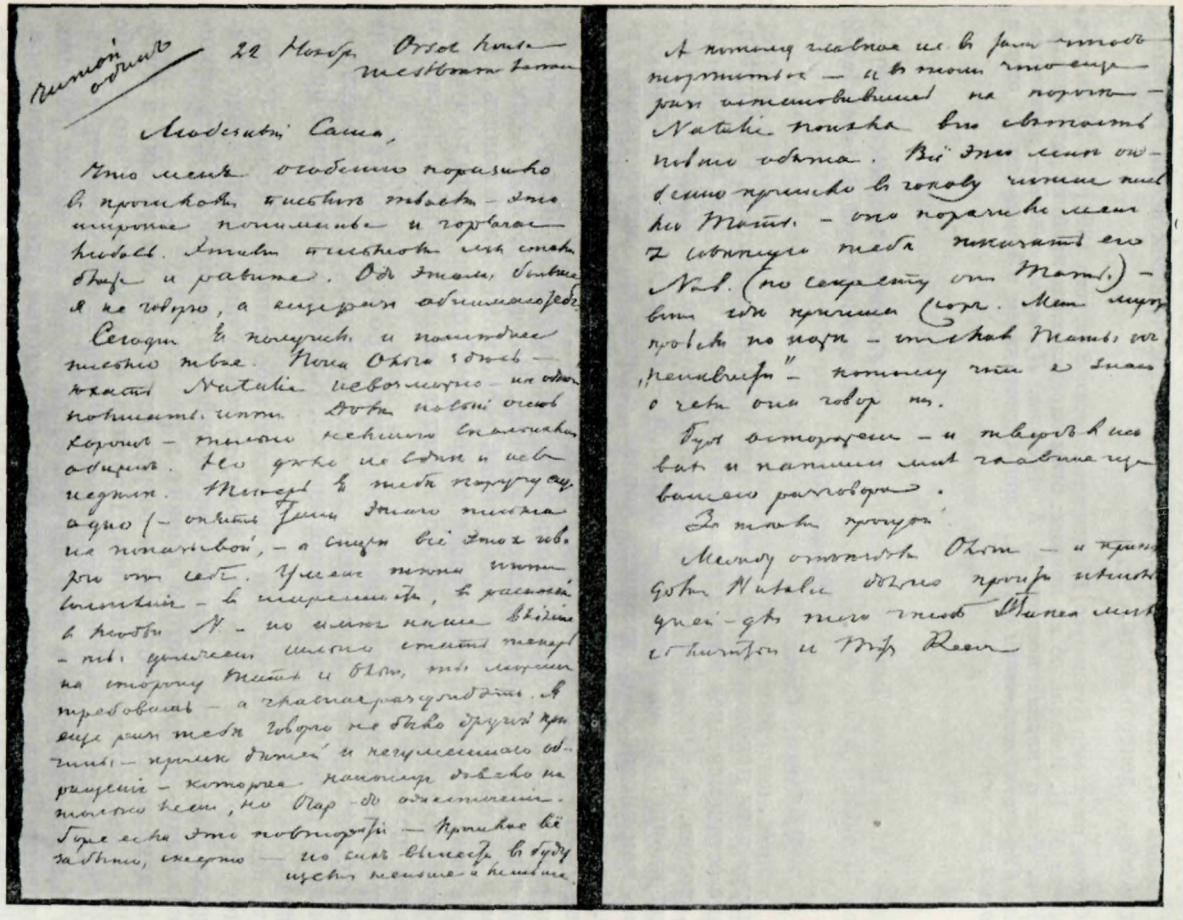
9

⟨Лондон. Между 10 и 20 августа 1860 г.⟩[1]

Любезный Саша,

Обо всем я переговорю с тобой в Лондоне. Советоваться, придумывать — я готов с тобой, как с другом. Но позволить и допустить, чтоб ты разом расстроил целый план и не приезжал бы с Наташей, как я сказал, я не могу, да, вероятно, если ты подумаешь, то и не потребуешь этого.

А потому — по получении этого письма — ты (как было сказано в прошлом письме) приедешь сюда[2]. Это очень странно — я все приготовил, нанял большой дом, чтоб провести с вами два месяца и придумать,



Личной одной 22 Ноябр. Orsol Kreis
westbrom Farm

Любезный Саша,

Это меня особенно поразило в прописке твоего письма — это искренное понимание и горькая любовь. Знаешь письмо мне стало ближе и равнее. Об этом, больше я не говорю, а сердечно обнимаю тебя.

Сегодня я получил и последнее письмо твое. Пока Ольга здесь — тяжести Natalie невозможно — их одни понимают. Потом будет полный отдых хорошо — только невыносимо тяжелое одиночество. Но дети не одни и невредимы. Теперь в моей корреспонденции одно (— опять Гейне) письмо не печатное, — а скоро все этих писем от себя. Уже теперь чистые — в переписке, в расходах в любви N — но еще нельзя — ты, конечно, можешь сейчас перейти на сторону Жени и Ольги, ты лучше требовал — а частная разрушена. А еще раз тебя говорю не было другой причины — кроме дней и неугомонной обиженности — которые наносят дело не только нам, но Par — до отчаяния. Где есть это повторяй — прощаю всё забыто, сердечно — но сил вынести в будущем нельзя — и нельзя.

А потому главное не в том чтобы поправить — и в этом что еще раз отмечовывает на порте — Natalie нужна вне сомнения полная одна. Всё это меня обидно прямо в голову чтение писем Mat. — оно поразило меня я советую тебя показать его Nat. (по секрету от Mat.) — вот как пишется (сорт. Мет. мудр. провести по порт — отчаяв Mat. от „Неинвиф" — потому что я знаю о чем она говорит.

Будь осторожен — и твердо в нем вать и напиши мне главные пункты вашего разговора.

До этого прощай.

Между отчаяньем Ольги — и приезд Natalie будет прощ. этих дней — до того чтобы Ваней мне с Кинтом и Mr. Reen

АВТОГРАФ ПИСЬМА ГЕРЦЕНА К СЫНУ ОТ 22 НОЯБРЯ 1860 г

Международный институт социальной истории, Амстердам

что делать,— и снова меня обрекаешь ты на пустоту, после того, как нанес мне все-таки сильное огорчение. Я думаю, что Тата на это не согласна.

В будущее воскресенье или понедельник я вас жду.

С каким восторгом ты мне писал месяца два тому назад об Тат⟨ьяне⟩ Петр⟨овне⟩.

P. S. Я очень рад, что С⟨ерно⟩-Сол⟨овьевич⟩[3] тебе понравился,— в многом я желал бы, чтоб ты походил на него,— этот человек всеми корнями живет в общей деятельности.

[1] О доме, нанятом в Бурнемусе, Герцен писал детям 9 августа 1860 г., а 23 августа он сообщал М. К. Рейхель об их приезде: этим определяются крайние даты письма.

[2] Речь идет о планах поездок А. А. Герцена. *Прошлое письмо* — неизвестно.

[3] А. А. Герцен встречался с Н. А. Серно-Соловьевичем в Берне (см. об этом в следующем письме).

10

⟨Лондон.⟩ 14 нояб⟨ря 1860 г.⟩
10 Alpha road. S. John's wood

Читай один

Любезный Саша,

Завтра дети переезжают в Orsett house, Westbourne terrace, Paddington. Мы еще останемся дней пять здесь. Писать можешь туда. Дом не велик, но очень хорош. У Огар⟨ева⟩ внизу au rez-de-chaussée * спальня и кабинет. У меня кабинет возле гостиной — большой — и наверху три спальни, да *аттик*, как англич⟨ане⟩ называют чердак, с одной хорошей и тремя дурными. Если все пойдет хорошо и Natalie приедет[1], я перейду на чердак, а у ней будет комната возле Таты и miss Reeve...[2]

Вмешательство Сер⟨но-⟩Сол⟨овьевича⟩ извинительно потому, что он молод и потому, что он его делает из любви. Но оно противно моим правилам, и вот почему. Помочь посторонний редко может—а не понять и переврать почти всегда. Нравственное доверие необходимо — это то чувство уважения, то чувство веры, которое лежит в основе истинной дружбы и сыновней любви.

Я требовал от тебя веры не только в меня, но и в Огарева — мы не можем состоять даже в подозрении дурного поступка, т. е. негуманного. Это было бы démenti ** всей нашей жизни... Какой же совет может подать Сер⟨но⟩-Сол⟨овьевич⟩? ***

Что касается до партии (это я позволяю тебе написать С⟨ерно⟩-С⟨оловьевичу⟩ и пр.— если мы дурные люди, то тем лучше — пусть с нас снимут венки. Но—друг мой — ты этого не опасайся. В жизни могут быть странные коллизии—но порочного и дурного в нас не найдут [3].

Мы думали, что одиночество и сосредоточенность сведет мир в душу Natalie,— мы, кажется, ошиблись. Причина ее отъезда — и это я тебе говорю клятвенно — *одна и исключительно одна* — негуманность с детьми и с нами, упорство в этой негуманности — *вот где начало раздора.* Ожесточение Таты и дичанье Ольги были достаточны, чтоб остановиться. Ты знаешь, что́ и что́ я взял на душу за вас; вас спасти я присягнул умирающей мамаше — пока я жив ****.

[1] Н. А. Тучкова-Огарева в это время находилась в Берне и в связи с обострением отношений с Герценом предполагала провести там зиму.

---

* на первом этаже (франц.).

** опровержением (франц.).

*** Последний абзац подчеркнут рукой Герцена и на полях написано: «Все это секретно тебе одному».

**** Конец письма не сохранился.— *Ред.*

[2] Эмилия Рив в сентябре 1860 г. была приглашена к Н. А. Герцен воспитательницей (см. об этом в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 256).

[3] Н. А. Серно-Соловьевич обратился к Огареву 19 ноября 1860 г. с письмом, посланным через Н. А. Тучкову-Огареву («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 533—536). В этом письме он высказывал свой взгляд на ее отношения с Герценом и Огаревым. Он напоминал об ответственности Герцена и Огарева, даже в их личной жизни, перед теми, кто встал под их знамя. Н. А. Серно-Соловьевич утверждал, что разлад между ними дает пищу пересудам врагов. Из комментируемого письма ясно, что Герцен узнал о «вмешательстве Серно-Соловьевича» еще до получения его письма, из письма сына.

11

⟨Лондон.⟩ 22 ноября ⟨1860 г.⟩
Orsett house. Westbourne terrace

Читай один

Любезный Саша,

Что меня особенно поразило в прошлом письме твоем — это широкое пониманье и горячая любовь. Этим письмом мы стали ближе и равнее. Об этом больше я не говорю, а еще раз обнимаю тебя [1].

Сегодня я получил и последнее письмо твое [2]. Пока Ольга здесь — ехать Natalie невозможно: ни одной комнаты нет. Дом новый очень хорош, только немного спальнями обижен. Но дело не в дне и не в неделе. Теперь я тебе поручу еще одно (опять-таки этого письма не показывай, а скажи: «Все это я говорю от себя»). У меня тени нет сомнения в искренности, в раскаянии, в любви N⟨atalie⟩, но, имея наше влияние, ты должен сильно стать теперь на сторону Таты и Ольги, ты можешь требовать, а главное рассуждать. Я еще раз тебе говорю: не было другой причины, кроме детей и негуманного обращения, которое, наконец, довело не только меня, но Огар⟨ева⟩ до ожесточения. Горе, если это повторится. Прошлое все забыто, стерто, но сил вынести в будущем меньше и меньше.

А потому главное не в том, чтоб торопиться, а в том, что⟨б⟩, еще раз остановившись на пороге, Natalie поняла всю святость нового обета [3]. Все это мне особенно пришло в голову, читая письмо Таты [4],— оно поразило меня, я советую— тебе показать его Nat⟨alie⟩ (по секрету от Таты) — вот где причина ссор. Меня мороз провел по коже от слов Таты об «ненависти» — потому что я знаю, о чем она говорит.

Будь осторожен и тверд в словах и напиши мне главное из вашего разговора.

Затем прощай.

Между отъездом Ольги и приездом Natalie должно пройти несколько дней — для того, чтоб Тата могла сблизиться с miss Reeve.

[1] По-видимому, не без влияния Н. А. Серно-Соловьевича, А. А. Герцен сообщил отцу свой взгляд на отношения его с Н. А. Тучковой-Огаревой. Письмо это (оно неизвестно) потрясло Герцена и Огарева и сыграло роль в их примирении с ней. Герцен отвечал сыну 16 ноября 1860 г.: «Ты мне доставил минуту полного счастья,— я уважаю в тебе уж не только сына, но друга в глубоком смысле. Я благодарю тебя за эту минуту гордости тобой. Все кончено, все прошедшие вины и недоразумения стерты. Я, чтоб тебя наградить, тебе пишу эти строки. Святое, полное примирение с Natalie — и начнем свежими силами новую жизнь» (X, 457—458).

[2] Это письмо также неизвестно.

[3] Речь идет об отношении Н. А. Тучковой-Огаревой к старшим дочерям Герцена. «Новый обет»— по-видимому, новое торжественное обещание, данное Натальей Алексеевной в память о Н. А. Герцен, относиться к ним по-матерински.

[4] Письмо Н. А. Герцен до нас не дошло.

12

⟨Лондон.⟩ 5 декаб⟨ря 1860 г.⟩

Orsett house. W⟨estbourne⟩ terr⟨ace⟩

Любезный друг,

Сегодняшнее письмо от Natalie [1] расстроило нас ужасно. Меня до лихорадки — не мог ничего делать. Теперь я от тебя требую деятельного вмешательства. Долг, святость воспоминаний, уважение друг к другу требуют, чтоб Natalie приехала сюда. Ог⟨арев⟩ и я — мы это *требуем*. Что изменилось? Да, у меня душа избита многим, да разве это новость? Она могла быть новостью для тебя, потому что есть лета, в которые это не понимается.

Ты должен уговорить и отправить Natalie и Лизу в Париж *как можно скорее*. Письмо придет 7⟨-го⟩; 10-го можно быть в Париже [2].

Пусть же Natalie докажет, что она изменилась,— кротостью повиновенья. Пусть докажет здесь, что мои сомнения — вздор.

Пиши сейчас ответ. Сегодня наши именины. У нас никого, и не будет шампанс⟨кого⟩ в первый раз, я думаю, с 1825 года. Огар⟨ев⟩ тоже не празднует рожденья [3].

Мы ждем — и праздники откладываем.

Посылаю вексель в 40 ф. Итого теперь 2000 ф., как ты хотел. Ты смотри, чтоб на дорогу никак не меньше было — за уплатой всего здесь 700 ф.

Прощай. Таты нет дома — мне очень и очень скучно.

Рукой Огарева:

Если ты вырос настолько, что в жизнь вдумываешься серьезно, то докончи свой подвиг и покажи Натали, что непонимание, доводящее до безумия,— грешно, и во имя мое высылай ее сюда, пока время не опасно для Лизы. Слова истины я не продам ни за какие блага на свете, но пора же и Натали увидать, что непонимание не есть искренность; итак, ее последнее письмо пусть забудется, как пустой бред, и я имею к ней то уважение, которое не сомневается в ее приезде.

Вмешательство Сер⟨но⟩-С⟨оловьевича⟩ для меня тем более странно, что он не принадлежит, кажется, к разряду Рудиных и должен понять, что нельзя из серьезного вопроса делать пошлую сплетню, что будет необходимым результатом постороннего вмешательства.

Ольга ждет Лизу в Париже [4]. Тата ждет Натали и Лизу здесь, готовит Лизе разные картины, Натали посылает план дома [5]. Мы распорядились комнатами так, чтоб разместиться удобно, и комната Натали готова и ждет.

Обними за меня мать и дочь и себя самого.

Рукой Герцена:

Письмо к Натали от нас послано на ее адрес [6].

Я начинаю думать, что Сер⟨но⟩-Сол⟨овьевич⟩ дурак — умный не осмелится замешаться в такое глубоко личное дело. Если я так дружески горячо принял твое вмешательство, если я за него тебя еще больше полюбил и оценил... то это не значит, чтоб всякий добрый человек был допущен мною или Огар⟨евым⟩.

Завтра рожденье Огар⟨ева⟩.

Прощай.

[1] Письмо Н. А. Тучковой-Огаревой от 3 декабря 1860 г., в котором она снова предложила отложить свой приезд, ссылаясь на недоверие к ней Герцена: «... Твой страх парализует меня, твое недоверие пугает ⟨...⟩ Я лучше стану ждать наисвет-

лейшую минуту, чтобы явиться к вам; не Лизу одну,— надо, чтобы и меня вы ждали радостно, а если этого не должно быть, расстанемся дружески и печально» («Русские пропилеи», т. IV, М., 1917, стр. 261—262).

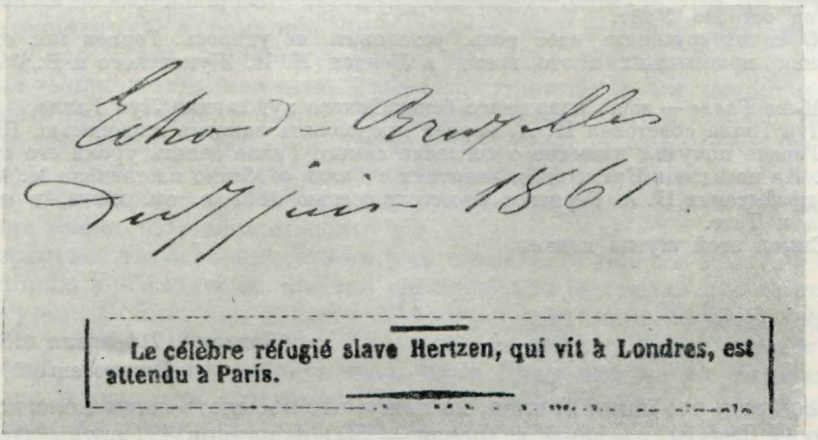
[2] Наталья Алексеевна Тучкова-Огарева вернулась в Лондон 24 декабря 1860 г.

[3] *Наши именины* — именины Герцена и его сына, праздновавшиеся 23 ноября/5 декабря. День рождения Огарева приходился на следующее число — 24 ноября/6 декабря.

[4] Ольга Александровна Герцен с М. Мейзенбуг выехали в Париж 28 ноября 1860 г.

[5] Очевидно, нарисованный Натальей Александровной Герцен план дома на Westbourne terrace.

[6] Это письмо неизвестно.


Echo de Bruxelles
Dim 7 juin 1861

Le célèbre réfugié slave Hertzen, qui vit à Londres, est attendu à Paris.

СООБЩЕНИЕ О ПРЕДСТОЯЩЕМ ПРИЕЗДЕ ГЕРЦЕНА В ПАРИЖ, НАПЕЧАТАННОЕ В БЕЛЬГИЙСКОЙ ГАЗЕТЕ «ECHO DE BRUXELLES» 7 ИЮНЯ 1861 г.

Газетная вырезка. Сохранилась в «деле» бельгийской полиции о Герцене

Центральный архив литературы и искусства, Москва

13

⟨Londres.⟩ 16 sep⟨tembre 1862⟩
Orsett house, W⟨estbourne⟩ terrace

Несмотря на то, что ты послал письмо в $7^1/_2$ в понед⟨ельник⟩, оно все-таки пришло во *вт⟨орник⟩* в 9[1]. Бумагу послали, не верю я, чтоб бумаги и физики не было в Рейде[2]. Не знаю, успею ли до 6 купить — жду двух русских[3].

Табак пришлю — ты знаешь ли, что Галле madame[4] ненавидит табачный дым?

Да это истинное счастие для вас — и за это вы должны благодар⟨ить⟩ Мальвиду (кланяйся — ну и ты... татата — пониже, еще). Неужели ist es möglich, daß Sie — sollte es nötig sein — nicht für 2 M⟨onate⟩ nach Bruxelles gehen werden? I cannot believe![5]

Siegel — geschlagen.

Pulszky — frei.

Gabo, Drasch, Krimp, Fretch — sehr zufrieden.

Was soll ich für eine Niederträchtigkeit machen, um von meiner Seite eine schöne und dankbahre Seele d⟨em⟩ H⟨errn⟩ Gallait zu zeigen?

Ich will in der *Glocke* ihn als Kandidaten zum Marechal v⟨on⟩ Kostroma proponieren *[6].

Адье-с. Прощайте.

Рукой Лизы Герцен:

Olga тебе

Рукой Герцена:

кланяется. Это Лиза.

[1] Это письмо А. А. Герцена неизвестно.

[2] Старшие дети Герцена находились на даче на острове Уайт. *Рейд* — портовый город на острове Уайт.

[3] О каких «русских» идет речь, установить не удалось. Герцен мог ожидать посещения приехавших в это время в Лондон Н. И. Жуковского и В. Ф. Лугинина.

[4] M-me *Галле* — жена известного бельгийского художника Луи Галле.

[5] Луи Галле советовал Н. А. Герцен продолжить занятия живописью. По-видимому, Герцен получил известие о согласии самого Галле давать уроки его старшей дочери. На поездке в Брюссель и занятиях с Галле особенно настаивала М. Мейзенбуг. О пребывании Н. А. Герцен в Брюсселе осенью 1862 г. см. ниже, в письмах Герцена к Тате.

[6] Смысл этой шутки неясен.

14

⟨Лондон.⟩ 7 февраля ⟨1864 г.⟩[1]
Воскресенье

Очень рад, что ящик явился, но вижу, что посылать вещи нелегко и недешево [2]. Деньги посланы к Фензи — 500 ф⟨ранков⟩[3]. Сертук ты шил, кажется, напрасно. Здесь еще запас твоего платья. О микроскопе еще увидим — до сих пор ты не встречал препятствий в деле научном. Но я желал бы от тебя и в твои лета — видеть серьезное отношение к науке и ее вопросам. Микроскопы можно любить из Liebhaberei **, как рысистых лошадей, экипажи, — и можно в них видеть средства для тех же вопросов.

Я считаю случай спасти тебя от лондонской праздности чрезвычайно счастливым, но только если в твоих занятиях будет твердая система и твердая воля ее выполнить. К твоему отъезду можно купить Ahmsich микроск⟨оп⟩ (в «Былом и д⟨умах⟩» я говорил, что у Химика стоял Ам⟨зиха⟩ м⟨икроскоп⟩)[4], но, что вдесятеро важнее,— это две вещи, без которых все же твоя наука будет скользить при всех инструментах: не зная ни химии, ни физики, нельзя быть натуралистом. Для этого надобно же подумать о программе, ее нельзя совсем оставлять на счастливые встречи. Шиф встретился, Фиша самого надобно найти [5].

Что Мариа̊ — насчет письма к Гариб⟨альди⟩? [6] Пошли Miss Reeve, что я писал.

[1] Воскресенье приходилось на 7 февраля в 1864 г. По содержанию также письмо, без сомнения, относится к этому году.

[2] Речь идет о вещах А. А. Герцена, отправленных багажом из Англии 18 декабря 1863 г.

[3] *Фензи* — банкирская контора во Флоренции.

[4] В «Былом и думах» речь идет о микроскопе Шевалье.

---

* возможно, что вы, если окажется нужным, не поедете месяца на два в Брюссель? Не могу поверить![5] Зигель побежден. Пульский свободен. Габо, Драш, Кримп, Фреч очень довольны Какую же низость должен я совершить, чтобы со своей стороны показать прекрасную и благодарную душу г. Галле? Я в «Колоколе» предложу его в кандидаты на должность костромского предводителя дворянства[6] (нем. и англ.).

** пристрастия (нем.)

[5] Мориц *Шиф* (1823—1896) — немецкий физиолог, профессор бернского, а затем флорентинского университета, у которого работал ассистентом А. А. Герцен. *Фиш* — шутливая перестановка букв фамилии Шиф.

[6] Герцен интересуется мнением маццениста Альберта *Марио* и его жены, английской писательницы, о своей статье «Ответ Гарибальди».

15

⟨Лондон.⟩ 24 июня ⟨1864 г.⟩
Bryanstone house. Bournemouth

Письмо твое из Женевы получил [1]. Вчера мы полдня прождали все в Christ Chruch и, приехавши в 11 вечера домой, нашли телеграмму, что они приедут сегодня часа в два [2]. Досадно, что Фогт так долго сердится; деньги, данные им, я уже возвратил через Швейцарский банк. Ты, стало, не обязан ему отдавать 500 ф⟨ранков⟩. Дети заняли еще что-то у Львицкого [3], я не могу это найти слишком дешевым. Не дает мне судьба — с Татой и Ольгой — побывать, как мне хотелось, где-нибудь на изящном месте в первый раз. Неаполь отняла Мальвида, Комо и Альпы — ты, но беды в этом нет. Можешь там объедаться впечатлениями — портить будущую, длинную жизнь. А может, чем раньше выпита вся чаша, тем покойнее пойдет существование. Себе ты дал богатые ферии * — хоть это хорошо, но, мне кажется, слишком долго [4].

Вероятно, ты особенно что-нибудь сделал против К. Фогта,— только за историю Ур⟨их⟩ он не мог так рассердиться — старайся и из этого извлечь урок. Пойми, как должны смотреть посторонние на твой тон, когда я не могу привыкнуть к нему. Ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩, я пишу, предоставляя Мейз⟨енбуг⟩ и детям выбрать путь через Дувр или на Саутамтон.— Ты пишешь: «Саутамтон — *нелепость*». Может быть, на Дувр ехать лучше, но, наверное, ни один tant soit peu ** оболваненный человек не скажет человеку вдвое старше себя — *нелепость*. А потом ты удивляешься, что письма твои не нравятся... Ну, если ты когда-нибудь загнул такую глупость Фогту — нечего дивиться, что он бегает от тебя. Письмо твое, которым я был недоволен, я отложил, чтоб поговорить. Холод, с которым ты говоришь о мерах, как взять ребенка[5], твои антеценденты ***, указывающие и без того на большую легкость прощать себе,— наконец, какой-то общий тон persiflage'а ****, не шедший в этом письме,— возмутил меня. Раза два ты верил мне — можешь поверить и теперь. Введи в жизнь серьезные интересы, прочное занятие и наблюдай над собой как натуралист и как медик и старайся разумом исправить то, что было запущено — по общей вине и по общим несчастиям.

И еще далее — надобно избрать, наконец, и путь и цель — надобно сделаться чем-нибудь из молодых rentiers. Человеком вообще — нельзя быть. Политическое поприще я считаю для тебя невозможным — мало ли естествоведение представляет специальностей. Было время, в которое выбору было много,— оно ушло — в 25 лет человек должен дефинитивно осесть или блуждать и в 75.

Пишу я это именно сегодня, потому что серьезная сторона твоих занятий не видна ни в одной строке.

Боюсь, что и этот раз все мои планы разлетятся, как дым, и все дело пойдет опять на S⟨aint⟩ Malo и Париж, на Saint Malo и Лондон. Ехать все согласны — Ог⟨арев⟩, Nat⟨alie⟩, я. Чернец⟨кий⟩ готов продать станки — а война на носу. Я даже опять думаю о Брюсселе [6].

Отчего же ты не написал, как ты встретился с Бакуниным [7].

---

* каникулы (от нем. «Ferien»).

** сколько-нибудь (франц.); следующее далее слово „оболваненный" надо понимать здесь в смысле „отесанный„.

*** прежние поступки (от франц. «antécedents»).

**** насмешки (франц.).

Леле [8] лучше, но Nat⟨alie⟩ еще не сходила вниз обедать с русск⟨ого⟩ Нового года. Огар⟨еву⟩ предоставляю тебе писать детали о маленьк⟨ом⟩[9]. Я и тут того же мнения, как о микроскопе,— думай об его будущности, думай, что теперь вдесятеро труднее его взять и что ее жизнь в Тед⟨дингтоне⟩ и посещения дали ей права, которые я признаю справедливыми. Вот вопрос — и с ним ты не так легко развяжешься, как с прежними романами.

Затем прощай.

Припадки Огар⟨ева⟩ были обыкновен⟨ные⟩. Но он много пьет и говорит, ч⟨то⟩ это ему не вредно, и tout au plus * сделается водяная. Спроси Шифа.

Отошли в Турин 50 фр⟨анков⟩ Михайловичу⟨?⟩ по следующему адресу: Monsieur Th. Zagorovski. Torino, via Sotto Ripa, № 3[10]. Напиши ему, т. е. Загоровскому, что я тебе поручил etc.

Час. Еще их нет, жду с нетерпением. Я многого надеюсь от этих 4 или 5 месяцев. У нас довольно спокойно. Может, я в Тате найду большую опору себе и детям, у меня досуга больше и больше охоты вместе читать. Посмотрю, что могу построить на этом грунте. Ольга молода для помощи, но много может внести жизнь. Ладу у нее, я уверен, нет с Татой. И не знаю, кого тут винить, Мейзенбуг или ее самое. Во Флоренции Мейзенбуг делала нелепости, а вы для Ольги ничего не делали — что также скверно.

К весне мы переедем — в Комо, так в Комо — надобно для этого иметь в виду большую виллу.

Затем кланяйся Кашперову[11].

Мне нужен не подробный счет, а общий — что было занято, что взял в Фрибурге[12], сколько осталось у тебя. Если Фогту ты отдал — бери назад.

7 часов. Телеграмма о том, что они опять сели на дороге перед Соутамтоном. Дорога эта, действительно, нелепость; если б они поехали в Лондон, они 28 часов прежде были здесь.

[1] Это письмо неизвестно.

[2] Герцен ездил в Christ Church на почтовую станцию, недалеко от Бурнемуса,— встречать старших дочерей и Мейзенбуг.

[3] О С. Л. *Львицком* (Левицком), двоюродном брате Герцена, см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 255—256.

[4] Н. А. и О. А. Герцен в 1863 г. впервые побывали в Италии с Мейзенбуг. Н. А. была в Швейцарии у брата в 1860 г. Говоря о «фериях» сына, Герцен имеет в виду совершенные по окончании университета поездки по Швейцарии, а также в Англию и Норвегию.

[5] Речь идет о Тутсе — сыне А. А. Герцена и Шарлотты Гетсон. См. об этом ниже, в письме № 19.

[6] План переезда на континент в связи с трудностями сбыта изданий Вольной русской типографии возник у Герцена еще в августе 1863 г., но был осуществлен только в мае 1865 г. Подробно об этом см. в статье Б. П. Козьмина «Герцен, Огарев и «молодая эмиграция»» («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 1—48) и в публикации Я. И. Линкова «Письма Людвига Чернецкого» («Лит. наследство», т. 63, 1956, стр. 250—268). Предполагался, в частности, переезд в Италию; о войне Герцен пишет именно в этой связи, имея в виду начавшуюся впоследствии австро-прусскую войну, в которую Италия вступила в 1866 г. на стороне Пруссии. Какие конкретно проекты были связаны у Герцена с Saint-Malo, сказать трудно, так как упоминание о нем в этой связи мы встречали до сих пор только один раз — в письме к Огареву от 11 ноября 1863 г.: «Не в том ли может быть сомнение, что я писал о *втором* будущем? Что я могу об нем сказать прежде С.-Мало?» (XVI, 516).

[7] Бакунин в конце 1863 г. переехал во Флоренцию, где состоялось его примирение с А. А. Герценом после ссоры, происшедшей летом того же года в Швеции, куда А. А. Герцен ездил по делам «Земли и воли». См. об этом «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 76, и XVI, 493.

---

* самое большее (франц.).

[8] Леля, младшая дочь Герцена и Н. А. Тучковой-Огаревой, в это время хворала.
[9] Речь идет о Тутсе и его матери, Шарлотте Гетсон.
[10] О *Михайлове* и *Загоровском* мы не имеем точных сведений. По-видимому, Загоровский был польским эмигрантом: в письме Герцена к сыну от 13 июля 1864 г. говорится, что он получал деньги из общего фонда (см. XVII, 291). Михайлов упоминается в письмах Бакунина; по некоторым сведениям, это был агент III Отделения (см. «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 52).
[11] О композиторе В. Н. *Кашперове*, приятеле Огарева, см. «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 149—158.
[12] В кантональном банке Фрибурга находилась часть капитала Герцена.

16

〈Лондон.〉 16 нояб〈ря 1864 г.〉.
11 Eastbourne ter〈race〉

Вчера Ог〈арев〉 уехал на монастырское заключение в крошечной конуре entre Richmond et Mortlake *[1]. 11-го N〈atalie〉 с детьми уехала в Париж. 20-го я еду в Париж — Женеву. Дебандада ** общая. Я оставался оттого что Ог〈арева〉 нельзя было покинуть. Наконец я с бою взял почти обет ничего не пить, кроме бордо. Нефтель очень хорошо распоряжается [2]. На другой день после послед〈него〉 припадка он слушал его сердце и нашел такую слабость, что испугался. Завтра неделя, что он соблюд〈ает〉 диету — авось еще и спасем его.

Теперь перехожу к твоему длинному письму [3] — оно, разумеется, и Огар〈ева〉 и меня настроило еще грустнее. Я тебе напишу мое мнение — с той откровенностью, которую твое *письмо заслуживает*. Да, caro mio, если б ты о предметах важных и глубоко трагических всегда выражался так — мы не ссорились бы с тобой из-за слов. Дерзость слов пьянит обе стороны. В твоем письме видна сдержанная печаль — и потому оно нас сильно потрясло.

Письму этому я придаю такую важность, что хочу его застраховать, и прошу тебя немедленно известить о его получении, адресуя мне запечатанное письмо — хоть на адрес Левицкого — 22 Rue Choiseul.

Во-первых — и с самого начала — мы оба, т. е. Огар〈ев〉 и я, требуем от тебя истинно человечески святой клятвы сделать все, что может сделать брат для маленьких детей, особенно после смерти кого-нибудь из нас. У меня в книге есть письмо, писанное к тебе, когда я ехал в Италию [4]. Это мы возлагаем на твою совесть. Во-вторых, старайся их примирить — я буду писать об этом к Тате; от таких порывов мести надобно Ольгу избавить. Мы оба употребим все усилия, чтоб Лизу исправить. У нее натура грациозная и превосходная. Вражда к ней и к ребенку — безобразна.

Сказав это, я скажу и другое. Даю тебе слово не натягивать ни прямо, ни косвенно общего житья — при теперичных обстоятельствах я его не считаю возможным.

На Флоренцию я согласен. Если ты приищешь дом, — торопиться некуда до весны, мы посмотрим, т. е. я говорю о покупке, а если придется нанять — это можно сделать легче. Признаюсь, что покупать бы мне не хотелось — мы живем в мудреное время, и почем еще знать, не поедете ли вы все в Россию. Жить во Флоренции я не стану — но хочу с вами быть almeno *** 4 месяца в году, и еще больше желал бы в жары ехать в Bagni di Lucca или Лугано. Флоренция zu schön ****, в ней жить пряно.

---

* между Ричмондом и Мортлэйком (англ.).
** беспорядочное бегство (от франц. «débandade»).
*** по меньшей мере (итал.).
**** слишком красива (нем.).

Огар⟨ев⟩ хотя и говорит, что готов в апреле на переселение, но держится крепко за английскую землю — нудить его не буду; что же касается до меня, то считай наверное, что *в мае месяце* — я с вами [5].

Постарайся ссору и разр.в привести в формы обычной учтивости; что во всем участвует *действительно* повреждение, я не сомневаюсь. Примирений, мнимых сближений я не хочу, но, Саша, помни и то — если со стороны N⟨atalie⟩ наступит время искреннего раскаяния, то мы вправе ждать от Таты полного сближения с детьми и настоящего примирения. Будущее предоставлю будущему. Знай, что на нас лежит — и мы вынесли всю ответственность — долг столько же святой любви и, так сказать, протектората маленьких детей. Если б из-за несчастного характера N⟨atalie⟩ мы оба предоставили их воспитание произволу и случайности, ты первый имел бы право восстать.

Итак, во всяком случае, я надеюсь на тебя. Насчет материального дележа — он очень прост, и мое завещание может уложиться на четвертушке. Ты знаешь, я получаю (до изменений) 50 000 фр⟨анков⟩ max⟨imum⟩.
Огар⟨еву⟩ 10000.

После его смер⟨ти⟩ и моей каждому придется по 10 000 ренты. Так как Ог⟨арева⟩ рента пойдет мал⟨еньким⟩[6], то ты и Тата с Ол⟨ьгой⟩ должны или дать им ренту в 20 т⟨ысяч⟩ ф⟨ранков⟩ или капитал, дающий ее. Буде доход уменьшится (как теперь я получаю 45 000) — уменьшаются пропорционально и паи. Далее, вам троим еще предстоит капитал за костром⟨ской⟩ доход и костромская земля [7].

Исполните всё, Саша, свято и точно.

Аминь!

Если мне будет время — я полкапитала буду выделять каждому и начал бы с тебя. Но дом парижский не продашь в один день, а Америка все плоха [8].

[1] Огарев считал уединение необходимым условием своего лечения.

[2] О враче В. Ф. *Нефтеле* см. в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 399—400.

[3] Письмо это неизвестно.

[4] Герцен, по-видимому, имеет в виду неизвестное нам письмо к сыну, написанное во время поездки в Италию осенью 1863 г. Впервые после семейной драмы 1851—1852 г. Герцен посетил тогда в Ницце дома Сю и Дуйса, где они жили, и могилу Натальи Александровны. Письмо к сыну, вызванное переживаниями от этих посещений, Герцен, очевидно, переписал себе в записную книжку.

[5] Герцен уехал из Лондона в марте 1865 г.

[6] *М⟨аленькие⟩* — вскоре умершие дети Герцена и Н.А. Тучковой-Огаревой — Елена и Алексей.

[7] Фактически к этому времени наследники Герцена уже потеряли права на костромское имение — в 1863 г. оно, как выморочное, было изъято из ведения местной дворянской опеки, а впоследствии конфисковано.

[8] В Париже у Герцена был дом на rue Amsterdam 14, купленный на имя Л. И. Гааг. Мысль о продаже дома приходила Герцену в связи с гражданской войной в Америке, затруднявшей денежные операции с американскими бумагами, приобретенными в 1849—1850 гг. Эти операции были благополучно завершены в 1867 г.

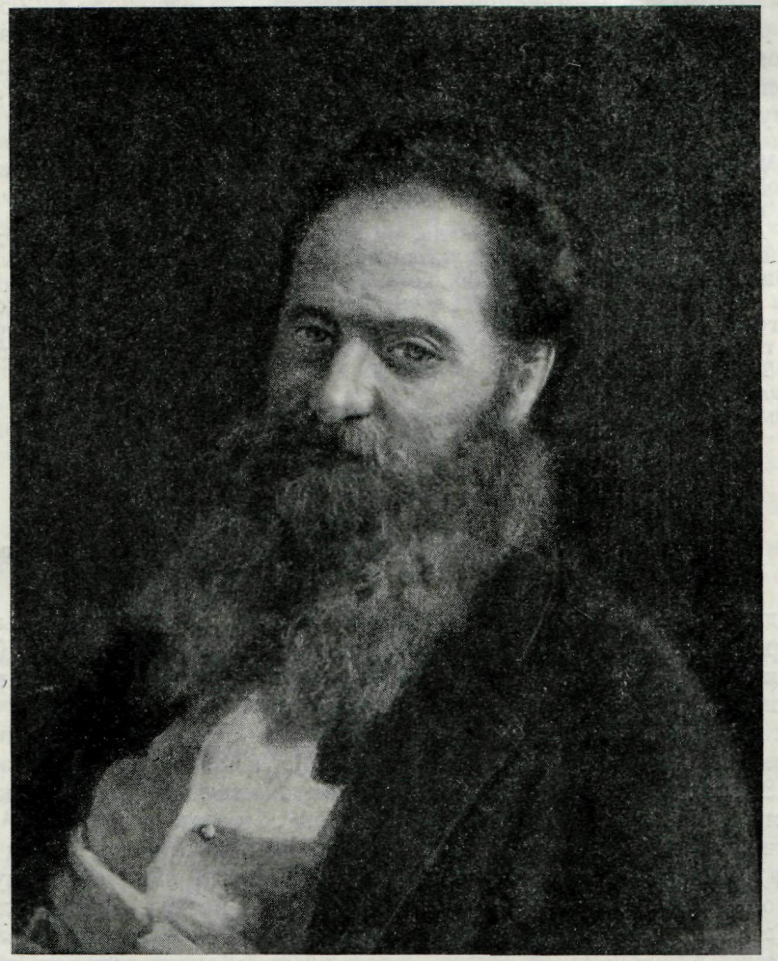
17

8 декабря 1865. Montreux [1]

Письмо твое я получил здесь, и—что тебя удивит — и Тата здесь была дней пять, а сегодня мы возвращаемся. В эти дни печальных воспоминаний — страшных несчастий прошлого года — по крайней мере отчасти сблизилась Nat⟨alie⟩ с Татой и окончили внешне дурной impasse *. Что будет из всего — я не знаю, жить вместе я и не предлагаю, но чувствую и

* тупик (франц.).

знаю, что спасти Лизу от России необходимо [2], что иметь влияние на воспитание необходимо. Для нее я должен жертвовать — как жертвовал (на иной дороге) для вас. И требую от вас помощи деятельной. Такую натуру не развить — было бы преступлением. Теперь здесь Бакст[3]— он стал ей давать уроки de rebus omnibus *— и это, вероятно, пойдет. Я советую



МОРИЦ ШИФ
Портрет маслом Н. Н. Ге, 1860-е гг.
Третьяковская галерея, Москва

Nat⟨alie⟩ прожить год в Лозанне и посылать Лизу в школу. Но она все собирается в Ниццу... и потом в Россию, не думая, как же она воротится назад. Впереди, стало, далеко не светло — а тут как черный фон картины — здоровье Огарева, оно опять хуже, потому что он все же больше пьет вина, чем позволено.

Из письма Таты, из моих к Мейзенбуг ты à peu près ** знаешь все, что у нас делается. Тата занимается много и развивается сильно. Поет

* по всем предметам (лат.).
** приблизительно (франц.).

она хорошо и тут сделала большие успехи. Лекции Стеллы [4]—весьма недурны, он делает то, о чем я тебя просил годы, что ты обещал месяцы,— и делает с популярностью и талантом. Одно мне больно в Тате, у нее бездна Sitzfleisch'a *, и от того она несколько wohlbehagend ** распускается и тяжелеет.

200 фр⟨анков⟩ из Женевы пришлю и 250 к 1 янв⟨аря⟩ через Тхоржев⟨ского⟩ пошлю. К 10 янв⟨аря⟩ ты получишь от Авигдора [5] 2 500 (или 2400) фр⟨анков⟩, из них возьми себе 1000 и остальное вручи Мальвиде.

Летом, впрочем, увидимся на Комо — береги Ольгу [6] и прощай.

Прошлую записочку твою я не могу найти — небольшую к Тате, положенную в письмо Ольги,— вероятно я ее оставил в Женеве.

[1] В Montreux жила в это время Н. А. Тучкова-Огарева с Лизой, и Герцен поехал туда, чтобы провести вместе годовщины смерти младших детей-близнецов, скончавшихся 3 и 11 декабря 1864 г.

[2] Н. А. Тучкова-Огарева угрожала, что вернется в Россию и увезет туда Лизу.

[3] О В. И. *Бакстe*, участнике революционного движения шестидесятых годов, см. в «Лит. наследстве», т. 63, 1956, по указателю.

[4] Ян *Стелла* — конспиративный псевдоним бывшего полковника русской службы, одного из военных руководителей польского восстания 1863 г., эмигрировавшего затем за границу (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 434). Стелла-Савицкий преподавал Тате математику, физику, геологию и химию.

[5] *Авигдор* — банкир в Ницце.

[6] Ольга Герцен в это время жила у брата во Флоренции.

18

⟨Женева.⟩ 30 декаб⟨ря⟩ 1865.
Boissière

Сегодня год как ты приехал распростуженный в Генф ***, и мы утром 1 янв⟨аря⟩ принимали Поджио [1]. Еще год... и очень будничный. К концу свода summam summarum **** выходит, что плохого прибыло. Главное на первом плане — видимое разрушение Огар⟨ева⟩. Наконец он-таки сломил свой организм и на себе выдержал свою теорию — о несуществовании воли [2]. Временами он оживает и свежеет, но вообще в каком-то печально-болезненном Schwärmer'стве *****. В послед⟨нем⟩ листе «Колокола» прекрасная статья его — это почти всё за шесть месяцев [3]. Поездка в Montreux [4] кончилась ничем — невозможность близости во имя воспитанья Лизы между Нат⟨али⟩ и Татой—тоже большое несчастие. Бакст не надивится уму Лизы (он продолжает давать уроки).—Тата могла бы для нее быть очень полезна — но Nat⟨alie⟩ не допустит и сама больше и больше разъедает себя. Лиза должна жить в невероятной скуке. Татой я был бы очень доволен, не только за ее серьезное направление — но и за самобытность, если б у нее не было каких-то жестких сторон — которые так оскорбляли Мальвиду.

Я особенно доволен, что все матримониальные мысли далеки теперь от нее. Она еще не хочет топиться в безобразии семейной жизни — я вполне готов помогать ей и только поэтому боюсь за то ваше флорентинско-мальвидное эротическое настроение и еще больше твое. Но в продолжение будущего года все-таки, вероятно, хоть до Como доеду.

Инцидент с Ольгой и Фрелихом [5] до сих пор заставляет меня краснеть— и я почти рад, что философ-педагог содрал с меня 1600 фр⟨анков⟩ — это

---

* неподвижности (нем.).
** благодушно (нем.).
*** Женеву (нем. «Genf»).
**** в общей сложности (лат.).
***** мечтательстве (от нем. «Schwärmer» — мечтатель).

вроде Geldstrafe *. Бакст повествует о его удивлении, когда он услышал, что я Ольгу поместил в эту голодную, холодную гадость.

О тебе Мейз⟨енбуг⟩ пишет, что ты работаешь... Еще бы... 27 лет с хвостиком[6].

Вот и Rundschau ** к Новому году. Надеюсь, что Талацци (милейший из Осиповичей) привез тебе цидульку и Ольге[7].

От Avigdor'a ты получишь 2500 фр⟨анков⟩ — 1250 тебе и столько же Мальв⟨иде⟩, по получении напиши.

«Колокол» все-таки идет плохо. Хотя мнимая свобода книгопечатания и дает себя знать в России — как ты видел, если читал два послед⟨них⟩ листа[8]. Может, опять придется печатать книги — а деньги? У меня идет небольшая полемика с Эд. Кине[9]. Они русского вопроса не понимают — да и только, я не уверен, чтоб и ты совершенно отчетливо понимал. Купи — на мой счет — и подари себе «La Théorie de la propriété» Прудона — это лучше той книги, о которой ты писал («Ouvrier»)[10] — но вниманье и abermals *** вниманье при чтении, иначе всё пройдет между пальцами. Если Meys⟨enbug⟩ здорова — и с ней почитай. A propos, что у нее? Мне Ольга писала особое письмо, на которое я и отвечаю[11].

Старик Волк⟨онский⟩, декабрист, умер[12].

Знают ли у вас, какая реакция во Франции? Даже «Indépendance» запрещена. А студентская история?[13]

Прощай. И с Новым годом.

Встречали у нас Прынц[14],

Касаткин — с фамой ****,

Чернецк⟨ий⟩ — idem *****,

Тхорж⟨евский⟩ с Сверцякевичем[15],

не то чтоб отметить m-me Худякова[16].

1 янв⟨аря⟩ 1866.

[1] О визите Поджио Герцен писал детям 1 января 1865 г. (см. XVIII, 4).

[2] Огарев, в отличие от Герцена, считал, что «способность совершить поступок нельзя принять за волю, потому что поступок все же будет результат известного склада условий, составляющих для него достаточную причину» («Архив Огаревых», М., 1930, стр. 243 — письмо Огарева к Герцену от 19 сентября 1860 г.).

[3] В л. 211 «Колокола» от 1 января 1866 г. напечатано первое письмо из серии «Частные письма об общем вопросе», — посвященной проблеме «русского социализма».

[4] См. предыдущее письмо.

[5] В июне 1865 г. Герцен, желая придать воспитанию Ольги более систематический характер, поместил ее в пансион Фрелиха в Берне. Вскоре выяснилось, что в пансионе применяются телесные наказания, и Герцен поспешил отправить Ольгу к брату во Флоренцию.

[6] В 1865 г. А. А. Герцену было 26, а не 27 лет.

[7] Письмо Герцена к детям и Мейзенбуг от 25 декабря 1865 г. (см. XVIII, 290—292) было послано через Талацци. Очевидно, это был кто-то из кружка Маццини, называемого Герценом в шутку Осипом Ивановичем.

[8] В лл. 209 и 210 «Колокола» от 1 и 15 декабря 1865 г. напечатаны отклики на цензурную реформу 1865 г. (уничтожение предварительной цензуры).

[9] Герцен полемизирует со взглядами Э. Кине на абсолютность права земельной собственности, изложенными в книге «La révolution». Этой полемике посвящены две статьи в «Колоколе» (второе письмо из цикла «К концу года» в л. 210 от 15 декабря 1865 г. и пятое письмо из цикла «К будущему другу» в л. 213 от 1 февраля 1866 г.), а также письмо к Кине от 30 декабря 1865 г. (см. XVIII, 282 и 293—294). Письмо от 30 декабря было напечатано в общей своей части в виде статьи «Le socialisme russe» в газете «L'Association», № 23 от 4 марта 1866 г. (см. сообщение Б. П. Козьмина в «Лит. наследстве», т. 63, 1956, стр. 695—696). Герцен считал задачей русского социа-

---

* денежного штрафа (нем.).

** обозрение (нем.).

*** еще раз (нем.).

**** женой (от франц. «femme»).

***** тоже (лат.).

лизма «ограничить абсолютное право земельной собственности абсолютным правом каждого на земельное владение» (XVIII, 295).

[10] В этот период «Колокол» широко освещал вопросы социализма. Так, в апреле 1866 г. в «Колоколе» печаталась статья Л. И. Мечникова «Прудонова новая теория собственности». Под «Ouvrier», очевидно, подразумевается книга Прудона «De la capacité politique des classes ouvrières».

[11] Герцен писал Ольге 4 января 1866 г. (см. XVIII, 309).

[12] С. Г. Волконский умер 28 ноября/10 декабря 1865 г. В л. 212 «Колокола» от 15 января 1866 г. был помещен некролог.

[13] По-видимому, речь идет о репрессиях, проводившихся администрацией медицинской школы в Париже в отношении участников студенческого конгресса в Льеже.

[14] *Прынц* — князь П. В. Долгоруков.

[15] Иосиф *Цверцякевич* (Сверцякевич в герценовской транскрипции) — участник польского восстания 1863 г., представитель Польского временного народного правительства в Лондоне.

[16] Леонилла Александровна *Худякова* (урожд. Лебедева) — жена известного революционера И. А. Худякова. Вместе с мужем находилась с лета 1865 г. по февраль 1866 г. за границей, где познакомилась с Герценом и бывала в его семье (см. XVIII, 335). В 1866 г. была арестована в связи с делом Каракозова. Герцен назвал ее поведение на допросах «геройским» (XIX, 10 и XX, 40).

19

8 июля ⟨1867 г.⟩ [1]. Женева

Завтра в три я еду и послезавтра, т. е. в четверг, буду в Ницце [2]. Читал я твое длинное письмо к Огареву [3]. Он хочет тебе на него отвечать — не зная еще его ответа, скажу несколько слов. Вся мораль и вся жизненная философия этого письма — слабы, в ней напутаны христианские эхо, романтические souvenances *. Люди могут очень хорошо поступать без всяких теорий и иметь очень хорошие теории, поступая скверно, но тот, кто берется возводить свою жизнь по принципам, должен приобрести и больше единства и больше аналитического смысла. Такие моральные недоношенные теории, как твоя, надобно оставить французским романам. Если ты хочешь позаняться и обдумать мои слова, то ты увидишь, что это тот самый недостаток, в котором я вообще тебя винил — и в научных спорах и во всем,— недостаток серьезного философского, общего взгляда.

Что такое чистота?

Что такое нечистота?

Думал ли ты об этих выражениях и не приходило ли тебе в голову, что чистое может быть нечисто,— и наоборот. Всё это туман.

Ты читал мою главу о браке — что ты из нее понял? А если ты с ней не согласен — чему же вы восхищались?[4]

Вся твоя диссертация написана исключительно в доказательство, что ты *загладил* какой-то поступок. Но — только такое заглаживание имеет смысл, о котором сам человек думает, что он мало сделал. И что за христианское искупление? Искупаться надобно пониманьем, шириной. Никто тебя в данном поступке *не винил*. Когда же ты поймешь, что тебя никто не упрекал в поступке — а в том, что ты написал сухую диссертацию в свое оправданье — там, где надобно было вскрикнуть: «Ах... все-таки жаль бедную женщину!» — и этот крик сердца был бы доволен; никто от тебя не требовал ни физиологических экспериментов — воздержности от будущего брака, и ты бы не дошел, может, до католических понятий о браке и его неизменной нерасторгаемости (как последнее идет с отрицанием воли — я в толк не возьму), если б смотрел без доктринерства.

Старайся, caro mio, поступать согласно с совестью, но не строй теорий, не имея на это материала. Мне очень хотелось бы возбудить в тебе истинный дух наблюдения и анализа.

---

* смутные воспоминания (франц.).

Ты много говоришь о дурных примерах, окружавших тебя. Много было дурного—но был же рядом пример — и даже два — *мышленья*, отчего же они-то и прошли мимо?[5]

Чистотой я называю,— как я, кажется, писал тебе или Тате,— жизнь Рейхелей и Адольфа Фогта[6] — эту работящую, здоровую, бедную, сильную жизнь — вовсе не зависимую от половых отношений.

Какое правило выйдет для жизни из этих бессвязных и старых понятий? Поработай над этими вопросами поглубже и поговорим опять, когда хочешь,

а теперь прощай.

Итак, Ольга и Мальв⟨ида⟩ — в Венеции. Пускай себе, хоть и правильнее было бы спросить прежде совета.

Денег вам столько вряд придется ли. Сверх того я Тате ее долг отдам.

Я писал о немеблированном доме. Сверх дома помни об имении попов, т. е. о их продаже. К новому году или в январе можно многое сделать[7]. Зачем ты отзываешься неспособностью — будь способен, это не игра на арфе и не живопись, а дело простого вниманья.

[1] Год устанавливается по указанию на поездку из Женевы в Ниццу.

[2] Ошибка: 10 июля 1867 г. (день приезда Герцена в Ниццу) была среда.

[3] Обмен А. А. Герцена с Огаревым «длинными письмами» был вызван, как это ясно из комментируемого письма, переживаниями по поводу смерти Шарлотты Гётсон. С Шарлоттой Гётсон А. А. Герцен сошелся, будучи в Лондоне в конце 50-х годов, и имел от нее ребенка — сына Александра (Тутса). Вскоре он с ней разошелся. В Англии Шарлотта жила в доме Огарева, получая денежное пособие от Герцена. После переезда Огарева в Женеву, она также переехала туда, в июне 1867 г., и вскоре покончила жизнь самоубийством. Это самоубийство, вероятно было вызвано крушением надежд на совместную жизнь с А.А. Герценом, а также напряженными отношениями с Мери Сетерленд.

Упомянутое письмо Александра Александровича Огареву неизвестно. Неизвестен также ответ Огарева, о котором он пишет Герцену 31 июля 1867 г. («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 450). Герцен придавал этому ответу очень большое значение, неоднократно спрашивал о нем, беспокоясь, что Огарев, не очень аккуратный в это время в переписке, не напишет.

[4] Речь идет о XII главе V части «Былого и дум». Герцен здесь полемизирует с Прудоном, резко выступает против его реакционных взглядов на семью и положение женщины в обществе, высказанных им в книге «De la justice dans la Révolution et dans l'Eglise». Оценка Герценом этой книги содержится также в его письме к М. Мейзенбуг от 4 июня 1858 г. (см. IX, 252). Взгляды Герцена на эту тему изложены в особом разделе XII главы «Раздумье по поводу затронутых вопросов». А. А. Герцен читал эту главу в первой книге IV тома «Былого и дум», вышедшей в ноябре 1866 г.

[5] Герцен имеет в виду себя и Огарева.

[6] См. письмо к сыну от 14 февраля 1861 г. (XI, 31). Подобная же мысль высказана в письме к М. К. Рейхель от 6 июля 1867 г.: «В вашем круге светло от работы и чисто от нее же» (XIX, 397).

[7] В 1867 г. Герцен начал выделять детям части капитала, а сам собирался приобрести имение, чтобы более надежно поместить средства и обрести, наконец, постоянное местожительство. Мейзенбуг подала ему мысль воспользоваться распродажей монастырских земель, предпринятой итальянским правительством («имение попов»)

20

1 августа 1867. Nice

Пора окончить вопрос, вызванный историей Шар⟨лотты⟩ — ты не хочешь или не можешь стать на ту точку анализа и сильного перебора всех отношений людских, на которую мы звали,— совершенно независимую от людских суждений и принятых сентенций. Время и мысль — если эти вопросы тебя занимают, сделают все это яснее переписки. Видал ли ты во всех отношениях человека *чище* Огар⟨ева⟩? В его голове, я думаю, не было ни нечистой, ни завистливой, ни злой мысли. Рядом с ним возьми

обыкновенного и добросовестного аскета, строго нравственного (в внешних поступках). Диккинс мастерски рисует их портреты — он *чист* перед законом, вот и всё. C'est le ton qui fait la musique!* О твоем поступке *никто не говорил* — говорили о твоих аргументациях и себяоправданиях. У нас в виду был общий тон, и от него мы перешли в общий вопрос — ты смотрел через себя. Довольно. Думай о вопросах — и погоди решать докторально. Я перечитываю роман Чернышевского «Что делать?» — пришлю его тебе — форма скверная, язык отвратительный — а поучиться тебе есть чему в манере ставить житейские вопросы [1].

Свежий воздух у Фогта и Рейхеля делает искренная, истинная неотлагаемая работа. Мы все вполовину парализованы, вполовину развращены— наследством и рентой. От ренты — ты занимался спустя рукава до 1863 года. От ренты — Тата не рисует и не поет. От ренты — Ольга безграмотная. От ренты — Nat⟨alie⟩ ставит кверх дном воспитание Лизы... Пора понять эту простую истину. Если б отец Огар⟨ева⟩, а не он сам, прокутил бы свое именье,— наш Огар⟨ев⟩ был бы признанный гений — и не имел бы эпилепсии. Мы защищены только тем, что сами ломаем дерево «злата и сребра», на котором сидим.

Приведи все это в порядок да и подумай.

Мейз⟨енбуг⟩ писала, что ты хочешь нанять дачу в Poggio Imperiale. Я не советую — вы очутитесь в монастыре на всю зиму и будете за все про все иметь Monod и Levier [2]. Лучше приискать квартиру — без мебели — исподволь ее меблировать, а пока, пожалуй, жить в пансионе — верно есть пансионы, которые помесячно возьмут от 5 до 6 фр⟨анков⟩ в день.

След⟨овательно⟩ за троих 15—18,
за четверых 20—24.

Ergo, в месяц 600 — max⟨imum⟩ 700 фр⟨анков⟩ с Татой. Мебель я потому решил покупать, что в январе будут фракции капитала свободны. Я во Флоренции не останусь надолго и хотелось бы купить что-нибудь или по взморью здесь или в Швейцарии.

Когда Тата воротится, я не знаю — вероятно, в конце сентября [3]. Она очень полезна для Лизы (Лиза плавает, прыгает с досок в море, делает planche...**). Жаль, что нельзя ничего устроить сообща.

Я здесь почти без газет из России, на 5 №⟨№⟩ приходят 2...![4]

Прощай.

Переслать ноты можно и, верно, дешево.

[1] Роман Чернышевского в 1867 г. был издан в Женеве (см. об этом в «Лит. наследстве», т. 63, 1956, стр. 161—162). Герцен не раз писал о нем Огареву в конце июля и августе 1867 г. Отрицательно оценивая художественную форму и язык романа, Герцен, вместе с тем, находил в нем «бездну хорошего» и обращал внимание Огарева на содержащиеся в этом произведении прекрасные мысли и положения (см. XIX, 409, 410, 425 и 445).

[2] *Poggio Imperiale* — дачное место под Флоренцией.— Габриель *Моно* — историк, будущий муж О. А. Герцен.— *Левье* — врач, товарищ А. А. Герцена.

[3] Н. А. Герцен была тогда с отцом в Ницце.

[4] Русские газеты Герцен получал из Женевы через Огарева; доставка их постоянно задерживалась.

21

⟨Ницца.⟩ 11 января ⟨1868 г.⟩
Суббота

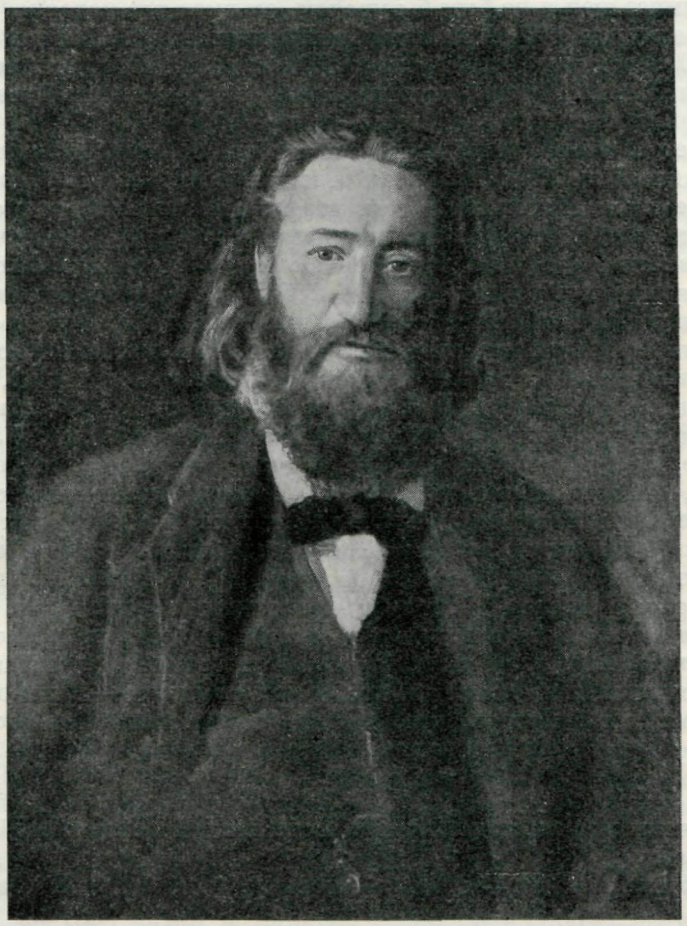
Прочти сначала один.

Хочу еще раз сказать несколько серьезных замечаний, пользуясь страховым письмом, в котором посылаю оставшиеся ассигнации — из них возьми

* Тон делает музыку (франц.).
** плавает на спине (от франц. «faire la planche»).

26 за альбом и за другой счет, а остальные отдай Тате и Ольге — на вздор. За тебя Ог⟨ареву⟩ 100 заплатил — за январь и февраль — и 100 пошлю за март и апрель.

Все твои хорошие вещи о Т⟨ерезине⟩[1] меня нисколько не заставляют переменить моего мнения о самом деле. Ты должен еще раз рекапитулировать * все, что я говорил. 1-е. Я нисколько не хочу стеснять твоей



ЖОЗЕФ ДОМАНЖЕ
Портрет маслом Н. Н. Ге, 1860-е гг.
Третьяковская галерея, Москва

воли — судьба твоя, *после обещанного года* [2], в твоих руках. Мое дело предостеречь, дать совет и во всех случаях помогать — стало, эту часть hors de question **. 2-е. Воспитывать девушку себе в невесты — значит испортить воспитанье и вперед за него заарканить благодарностью волю девушки.

Ей выбора нет — она знает, что ее именно с этой целью воспитывают.

---

* восстановить в памяти (от франц. «récapituler»).
** оставим в стороне (франц.).

Центра дома для Таты и Ольги ты не сделаешь. Переход слишком крут, чтоб девушка 18 лет и в таком несчастном положении могла бы в 19 «сесть хозяйкой», как говорят в России. Ты должен отделиться. Если б Тата вышла замуж, конечно, все бы изменилось, но ты знаешь, что, конечно, я ее не стану подталкивать. Меня примеры Тургенева и Хоецкого приводили в негодование [3]. Но если б это сделалось само собой — другое дело. При этом только русский мог бы спасти именье (или капитал за него)[4]. Если б Лугинин умнее шел и не был бы уродом, он имел все условия. Что ты думаешь о Мещ⟨ерском⟩? да, кажется, он очень молод [5]. Я ей тотчас бы отделил 150 000 фр⟨анков⟩ или ренту; 50 000, сверх того, она получила бы после меня. Именье, если б возвратилось, она должна бы была его разделить на три части.

Разумеется, человека надобно узнать больше, чем вы знаете Мещ⟨ерского⟩. Каждый иностранный брак отдаляет возможность завоевать костромскую землю. Рассуди же ты сам, что в нашу неразрывную семью, считая при этом Огар⟨ева⟩, не предвидится, чтоб кто-нибудь и что-нибудь, внес, и отвечаю за все я. С увеличением лиц — средства остаются те же и все должны будут терпеть больше и больше. Из четырех-пяти шансов хоть бы один шел в облегчение. Напр⟨имер⟩, мог бы ты иметь какой-нибудь практический талант, вовсе не мешающий науке, но который бы тебя выручил финансами, тогда, получая от меня, ex⟨emple⟩ gr⟨atia⟩, до 7500, ты мог бы поднять доход до 15 000, что заглаза довольно. Положим, что Тата и Ольга так же поступят — не могу я и им обеспечить больше 7500 — в таком случае, конечно, лучше жить, не выходя замуж... Это крепкие и горькие орехи, которые жизнь нам подает. Теперь, увлеченный страстью (а у тебя всегда твои теории и взгляды идут от субъективных причин — в 1866 г. не было ни слова ни о социальной нужде народа, ни о пролетариате, не было и подавно сельской жизни) — ты теперь не видишь оборотной стороны медали. Вот тебе практическая философия. Твой брак остается поступком безрассудным — скрыть я этого не должен, потому что еще есть время. Если ты девушку эту воспитаешь и отдашь во всей чистоте родителям и скажешь, что я дал обещанье — только для того, чтоб ее воспитать. Поверь, что, кроме благословенья, за это не будет ничего.

Аминь.

? Получены ли деньги из Турина? Если нет, сейчас пиши к Fidel, Berné [6] и меня извести.

От Нефтеля письмо — зовет в Америку. Он, больной глазами, еще в Англии.

Письмо Таты от 7⟨-го⟩ получил. Penisi может переводить и «Кто виноват?» и что угодно [7].

Тате посылаю «Дым» — «Кромвель» потом [8].

[1] *Терезина* Феличе — невеста, а с августа 1868 г. жена А. А. Герцена.

[2] Этого обещания — подождать с женитьбой год — А. А. Герцен не сдержал. См. письмо к нему Герцена от 30 июля 1868 г. (XXI, 31).

[3] Тургенев сосватал свою дочь Полину в ранней молодости за фабриканта Брюэра, и этот брак оказался очень неудачным. Судьба дочери Хоецкого, Марии, нам неизвестна.

[4] Речь идет о секвестрованном костромском имении Герцена.

[5] В. Ф. Лугинин и А. Н. Мещерский были претендентами на руку Н. А. Герцен.

[6] Название банкирской конторы в Турине.

[7] *Пенизи* переводил сочинения Герцена на итальянский язык.

[8] В декабре 1867 г. Тургенев послал свой роман Герцену в Женеву. По-видимому, этот экземпляр и пересылал Герцен дочери. «*Кромвель*» — по-видимому, книга Andrews «Life of Oliver Cromwell»; см. вступительную статью к письмам Герцена к Н. А. Герцен и письмо к ней от 17 января 1868 г.

22

Александру

⟨Ницца. 15 декабря 1868 г.⟩

Любезный D-r,

Ты, вероятно, без малейшего намерения огорчил меня. Тата была сильно больна, много страдала [1]. Решив с Левье, что болезнь не смертельна, ты один отсутствовал в хоре любви и дружбы около ее постели. Вот один из печальных результатов твоей новой жизни. Этот недостаток деятельной любви тем больше поразил меня, что Огарев хотел больной ехать в Ниццу [2], что Тхор⟨жевский⟩, Чернец⟨кий⟩, Марья Касп⟨аровна⟩ справлялись через день, что Мейзенб⟨уг⟩ и Ольга писали три раза и, наконец, Nat⟨alie⟩ оставила Лизу в стороне и денно и нощно ходила с Роккой за ней.

Я с Татой об этом не говорил — но думаю, что ей это досталось нелегко.

Объяснять тут нечего, я уверен, что извинений много, и душевно принимаю их всех.

Будьте здоровы и счастливы.

А. Герцен

15 декаб⟨ря⟩ Ницца
Pension Suisse.

[1] Н. А. Герцен жила тогда с Н. А. Тучковой-Огаревой и Лизой в Ницце и заболела там оспой. Известие о ее болезни Герцен получил по приезде в Женеву 2 декабря и выехал в Ниццу.

[2] Огарев писал об этом Герцену 7 декабря 1868 г. («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 493).

23

⟨Ницца.⟩ 17 февр⟨аля 1869 г.⟩. Середа.
V⟨illa⟩ Filippi

Почтенный физиолог,

Посылаю тебе 10 стр⟨аниц⟩ моего письма [1], вторую половину пришлю через три дня. Непременно дай почистить Домангию [2]. — Ответ пиши.

Скажи Терезине, что я очень доволен ее французским письмом и особенно рекомендую овладеть им. Книги есть готовые, но пересылка по почте дорога — а так затруднительно.

Затем хочу к тебе писать о деле, очень важном для меня, и желаю не только твоего ответа, но и помощи.

Недели две тому назад я написал Мальвиде и Ольге следующее предложение. Когда Тата приедет с Тхорж⟨евским⟩ во Флоренцию [3] — то не хочет ли Ольга, чтоб Тхорж⟨евский⟩ ее привез одну погостить у нас в Генуе месяц. Мальвида думает, что апрель она слишком занята, и по обычаю отклонила предложение. Не желая из небольших причин делать coup d'Etat *, я согласился бы, не говоря ни слова. Но письмо [4] Ольги поставило вопрос на другой terrain **. Она мне пишет, что готова *повиноваться* (как будто я требовал необычайной жертвы). Но что она не может оставить *свою мать* в беспокойстве и что она и ей обязана столько же повиновеньем и любовью. Что к тому же она не виновата, что не жила вместе со мной и пр. Итак, Мальвида окончательно вытравила в ней всякую память о покойнице и, кажется, не ограничилась этим, но бросила в нее странные чувства относительно меня. Какие бы ни были вины мои, но не знаю, хорошо ли было из нелепой ревности, из глупых опасений бросить

* государственный переворот (франц.).
** почве (франц.).

в сердце Ольги странные подозрения насчет меня (как я догадался из письма к Тате). И все это, называясь пламенным другом моим! Я отношу это к помешательству. К тому же Ольга пишет, что М⟨альвида⟩ была при смерти больна (что такое было — напиши непременно). Итак, au bout du compte * Мейз⟨енбуг⟩ достигла своей цели — совершенно отчуждила Ольгу — даже незнанием русского языка. Мне это очень больно [5].

Я многого не умел сделать, в многом жизнь запутал. Но в нелюбви к вам, в каких-нибудь требованиях на вас — меня трудно обвинить. Выносить я тоже много могу — это ты знаешь, *знаешь по себе*, ибо немногие вынесли бы те замечания (и тон, с которым они были сделаны) — для чего же было альенировать ** сердце девочки, едва выходящей из детства?

Я не хочу больше ее приезда. Но Meys⟨enbug⟩ не понимаю. Если она к тому же наметила ее отдать замуж за Monod, то наше сношение с Ольгой кончится тем, что я ей выдам ее 200 000 — так, как готов выдать тебе, Тате и Лизе. Но Тата больше всех понимает и симпатичнее оттого относится.

Мне кажется, что Мейз⟨енбуг⟩ намекнула Ольге на какую-то (ею вымышленную) странность ее положения в доме, когда мы приехали в Лондон. Она мне говорила об этом — и я слушал с хохотом и удивлением. Только этого и недоставало. Если это так — то я иначе поведу дело.

Во Флоренцию я приеду гораздо позже — если приеду [6]. Тата, вероятно, в начале апреля: я полагаю пробраться в Como.

Из России получил опять приглашение посылать статьи. Вторая — довольно длинная — напечатана, я еще не получил. Вот и новая дверь открыта [7].

Ты можешь поговорить с Ольгой и даже с Мальвидой — и написать мне. Впрочем, я ограничиваюсь приглашением прогуляться до Комо — и буду ждать влияния Таты.

Затем прощай.

Если бы иначе шли дела — разумеется, я давно бы Ольге сказал о Лизе. Теперь погожу [8].

[1] «Письмо к сыну (о свободе воли)» было написано Герценом для задуманного А. А. Герценом совместно с К. Фогтом, М. Шифом и Я. Молешотом журнала. Издание это не состоялось. О планах издания журнала см. «Лит. наследство», т. 62, стр. 55. Герцен писал сыну 31 января 1869 г.: «О социализме я писать в ваш журнал не буду, а если хочешь, я пришлю мое письмо к тебе о libre arbitre» (XXI, 279). Впоследствии Герцен пытался напечатать статью в «La Presse de Vienne» и в некоторых итальянских газетах (см. XXI, 327). Отсутствие соответствующих комплектов этих газет в библиотеках Советского Союза не позволяет установить, была ли эта статья тогда напечатана. А. А. Герцен поместил ее уже после смерти отца, в 1876 г., в «Revue philosophique».

[2] *Доманжий* — Жозеф *Доманже*, французский эмигрант, химик и физик. Доманже иногда исправлял по просьбе Герцена язык его французских произведений.

[3] Н. А. Герцен выехала из Ниццы во Флоренцию 24 апреля 1869 г.

[4] Письмо О. А. Герцен неизвестно.

[5] Вскоре после публикуемого письма Герцен писал к М. Мейзенбуг: «Если Ольга захочет поближе узнать меня, познакомиться с моими сочинениями, с делом моей жизни, она это сделает, я предоставлю все ее доброй воле, но трудно будет исправить ошибку полнейшего забвения русского языка. Это — один из самых жестоких ударов, который вы, не желая, нанесли мне» (XXI, 311).

[6] Герцену пришлось срочно отправиться во Флоренцию в октябре 1869 г. в связи с тяжелым нервным заболеванием Н. А. Герцен (см. ниже, письмо 29 и следующие).

[7] Речь идет о второй статье из цикла «Скуки ради», напечатанной в десятой книжке «Недели» за 1869 г. Герцен получил ее 16 марта.

[8] Ольга долгое время не была посвящена в отношения Герцена с Н. А. Тучковой-Огаревой и не знала, что Лиза — дочь Герцена. Герцен рассказал ей об этом в письме от 13 июня 1869 г. (см. XXI, 396).

---

* в конечном счете (франц.).

** отталкивать (от франц. «aliéner»).

24

⟨Ницца.⟩ 26 февраля ⟨1869 г.⟩

Письмо твое получил. Переписки длить я не хочу и не буду. Полагаю, что Ольга написала сгоряча [1], Мейз⟨енбуг⟩ должна была не посылать ее письмо в своем.—Я не предлагал разлуки с Мейз⟨енбуг⟩, а просто Ольге погостить вместо Таты. Что сказала бы Мейз⟨енбуг⟩, если б речь шла о Кинкеле и его дочерях,— и смеялась ли бы она над его горестью, что дочь его не знает по-немецки? [2]

Напишу когда-нибудь подробнее. В ученье Ольги не верю, особенно узнав, что Доманже преподает «австрийскую и русскую историю» вместо грамматики [3].

Тата, я думаю, вернее смотрит на дела. Не «слог твой» мне не нравится — но, скажу откровенно, какой-то судейский тон. А где критериум? Где твои основания, на которых ты садишься на судейское место? Неужели после всего говоренного нами ты можешь довольствоваться общими нравоучениями? Словом, все обойдется мирно — но я не совсем доволен Мейзенб⟨уг⟩ [4].

Затем прощай.

Приписка в левом верхнем углу: Сегодня пришли от Сат⟨ина⟩ деньги Огар⟨еву⟩.

[1] О письме Ольги Герцен подробно рассказывал сыну в предыдущем письме.

[2] Мейзенбуг находилась в дружеских отношениях с Готфридом Кинкелем (см. о нем «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 281—283).

[3] По этому поводу Герцен писал М. Мейзенбуг 3 марта 1869 г.: «Прощай, русский язык! Русская история, преподаваемая Доманже (нет ни одного француза, который понимал бы смысл этой истории) и... история *Австрии* ⟨...⟩ Пусть он преподает арифметику, научит ее правильно применять сослагательное наклонение. Вот, что ей нехватает...» (XXI, 211—312).

[4] Историю так называемого «сатинского долга» см. в «Лит. наследстве», т. 63, 1956, стр. 713—722.

25

21 мая ⟨1869 г.⟩. Aix-les-Bains

Сегодня в 12 едем в Женеву и наверное пробудем там до 26⟨-го⟩, может и дольше. Ждем подробностей о появлении в вашем обществе Владимира [1].

Помни, что новый век и новое время настолько выяснило свою сложную задачу, что воспитание должно быть совсем иначе устроено. Все собственности пошатнулись, нет верных доходов и рент особенно без труда. Богатеть, собственно, кроме случайностей (на которых и Кетле[2] не найдет дроби вероятности, подходящей к достоверности), могут плуты. Время работы и собственных сил, приобретений трудом и талантом — ближе и ближе. Ты сам сказал о воспитании в лекции — итак, все дело отца относительно детей *только в воспитании*, mettre à même *, раскрыть все двери и пустить на волю, на работу. Так без теории жили Фогты, Шифы — наши Белинские, Грановские. Пусть же с первых лет не касается твоего сына растление вечной обеспеченности без труда. Все вы и все мы родились под старыми созвездиями, но с каждого поколения потребуется больше, и упрек от детей родителям будет громче и громче. Когда я вглядываюсь в силу социального движения, в глубь его и в его страстность,— я вижу ясно, что настоящая борьба мира доходов и мира труда не за горами — даже в Англии. — Время тебе подумать и о себе. Милая жизнь в Италии вряд будет ли годна на что-нибудь.

Огарев, поздравляя всех с рождением Владимира, напомнил о Туце — и дельно. Дитя, однажды поднятое с порога,— по римскому праву,—

* предоставить возможности (франц.).

имеет свое место у очага. Ог⟨арев⟩ его не хочет отдавать в пансион — подожди год, а потом я все же того мнения, что его *необходимо* отдать.

Жду еще Шифовых приказов, чтоб решиться на Vichy — прежде или на Vichy после.

Скажи Тате, чтоб она прочла в «Вестнике Европы» статью Тургенева о Белинском — из рук вон слаба — дряблость его так и выразилась, когда взялся описывать сильную и энергическую натуру.— Насчет того, что Пановка сказал Тате о моем вопросе — только М⟨ейзенбуг⟩ может не понять — отрицательного ответа. Его первое письмо было совершенно пусто. Впрочем, если нужно, можно заменить Доманже — прибавкой уроков у него. Я очень рад, что М⟨ейзенбуг⟩ и Ольга нашли хорошее помещение и вовсе не тороплю их. Я сам так мало знаю программу — до 1870 г. — что тормошить и тратиться не хочу. Огар⟨еву⟩ очень хочется быть ближе — но его перевести в Брюссель — подвиг, стоящий перерытия Суэцкого перешейка,— и, конечно, я не приступлю к этой операции прежде чем ясно увижу, что в Брюсселе можно *основать* дом. Что касается до Парижа — все выгоды для Ольги и Таты с этой стороны. В прошлом письме Мейз⟨енбуг⟩ ничего не возражает. Мне кажется, тут дело Шифа решить насчет климата. Климат Флоренции я считаю одним из худших, в Париже живут 2 000 000.

Засим обнимаю вас всех. Прощайте *.

Еще одно слово, благо пошло на морали. Все слухи от Таты и Мейзенб⟨уг⟩ очень в пользу развития Терезины. Береги ее пуще всего от той формы мелкого помещничества, которая и есть то, что называется буржуазией. Большая часть пролетариев прямо попадает в нее, получив достаток (m-me Karl Vogt и пр.); я полагаю, что для нее Италия — худшее место для развития. Если б и она могла с тобой прожить год, может два, в Париже (вместе всем вам можно было бы устроиться за 15 000, и я могу дать) — и притом работать бы extra **.

Только парижская увриерка *** может иногда переходить прямо в образованную женщину, минуя буржуазию (m-me Tessier)[3]. Первый пробный камень — отношенье к прислуге. Все это я бросаю тебе pêle-mêle **** для думы.

Что, Терезина сама кормит или нет?

Ну, и прощай.

Мне Экс жаль — места здесь чудесные, но все время лил дождь и всякий день грозы.

Саше и Тате together *****.

[1] 18 мая 1869 г. Герцен получил из Флоренции телеграмму о рождении у Александра Александровича сына Владимира.

[2] Ламбер-Адольф *Кетле* — французский ученый, основатель математической статистики.

[3] Жена М.-Э. Тесье дю Мотэ.

26

⟨Женева.⟩ 24 июня 1869

Кажется, мы окончательно едем 28⟨-го⟩ — через Страсбург. Дорога длинная, но не дороже, и увидим Страсбург, Стеллу и другой край. Стало

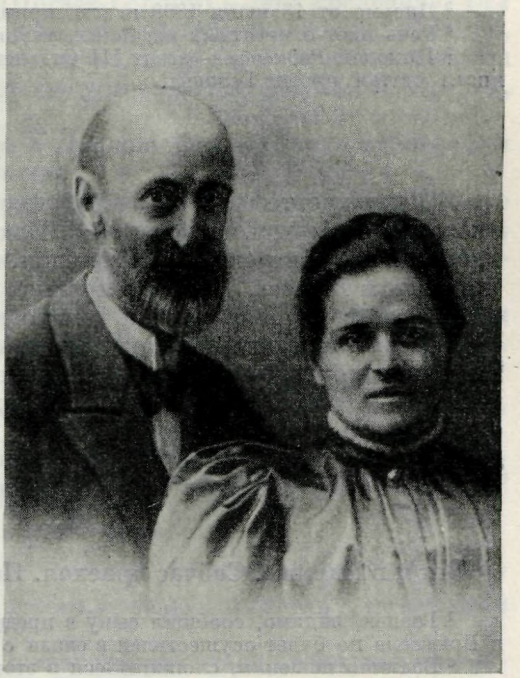
* Заключительная часть письма (от слов «Еще одно слово...»), фотокопия которой отсутствует, воспроизводится нами по первоначальной публикации в «Современных записках», кн. 68, Париж, 1939, стр. 225. Отметим, что в тексте «Современных записок», очевидно по недосмотру, опущена средняя часть письма.— *Ред.*

** сверх того (лат.).

*** работница (от франц. «ouvrière»).

**** беспорядочно (франц.).

***** вместе (англ.).



А. А. ГЕРЦЕН С ЖЕНОЙ
Фотография, 1890-е гг.
Исторический музей, Москва

1 или 2 июля будем в Брюсселе[1]. Я там, как mineur *, буду изучать почву до декабря. Если действительно хорошо — останусь на зиму и только приеду в Женеву навестить Огар⟨ева⟩ — ты мог бы в то же время приехать недели на две. Если дурно да Чернецкий переедет в Геную, попробуем, может, и Геную. Я жду твоего ответа и «экспертизы». Для тебя я предлагал это как опыт — и, повторяю, вовсе не навязываю[2].

Мне жаль, что ты ничего не писал об Ольге—и о твоем взгляде на мое письмо[3]. Я должен был так поступить, потому что ложь стала меня мучить.

☞ Я тебе послал разные прокламации и Flugschriften **, долею они из России и долею вышли в разных местах, ты теперь их никому не давай, а если дал — возьми назад[4]. Разумеется, печатное не секрет, но теперь не нужно, чтоб шпионы знали, а у вас отличный Род⟨ионов⟩[5]. Надеюсь, что все наши его не пускают.

Скажи Тате, что от Мар⟨ьи⟩ Касп⟨аровны⟩ получил письмо и послал ее детям подарок. Она здорова. Мерч⟨инский⟩ в Германии и пишет, что Сергей Боткин будет скоро в Трувили, Париже и, может, в Брюсселе — стало, я его увижу. Впрочем, я на сей год, кажется, свободен от Вишей. Писал я вам, что Ник⟨олай⟩ Боткин упал из окна в Пеште и разбился до смерти. В. Боткин в Италии (а не ехать ли на зиму в Неаполь — если не слюбится в Брюсселе?).

Если ты имеешь что-нибудь сообщить о типографии в Генуе — пиши прямо к Чернецкому или Огареву — на их имя. Если будешь писать мне — на всякий случай адресуй письмо все же в Женеву, Тхорж⟨евскому⟩ или Огареву, они перешлют — может, я в Страсбурге остановлюсь.

О спорах с Ага и Баку⟨ниным⟩ никому ни слова.

[1] После прекращения «Колокола» Герцен предполагал поселиться в Брюсселе.
[2] Герцен просил сына выяснить условия для работы Вольной русской типографии в Генуе, предлагал ему вступить в «ассоциацию» с Чернецким (XXI, 398 .

* шахтер (франц.).
** брошюры (нем.).

[3] Письмо от 13 июня 1869 г. (см. примеч. 8 к письму № 23).
[4] Речь идет о печатных изданиях, типографии Чернецкого весны 1869 г.
[5] Николай *Родионов* — агент III Отделения. В качестве корреспондента «Голоса» писал статьи против Герцена.

27

18 авгу⟨ста 1869 г.⟩. Середа. Brux⟨elles⟩.

Я накануне отъезда, а может, уеду сегодня. По обыкновению, ты и вы опоздали с ответом на известие о Брюсселе [1]. Я возвращусь через десять дней и, покружившись по Голландии, все же к концу сентяб⟨ря⟩, вероятно, буду в Женеве. Думал о Турине, но там поселяется Бакун⟨ин⟩ — я имею к нему слабость, но он больно кошмарист и не дает воли [2].

Теперь к тебе комиссия от В. Гюго (он здесь, и мы с ним очень сошлись). Ты ему прислал письмо из Швеции от каких-то шведок, переводивших «Les Misérables» [3]. Письма ваши ветром снесло с балкона, и он не мог их отыскать. Он говорит, что это у него на душе, и просит тебя поправить дело — а я думаю, что ты забыл и имя, и все остальное.

Лиза парадировала с Гюго в его ложе — и отлично себя держала [4].

Paris. 19 ⟨августа⟩. Четверг

Вот и в Париже. Сейчас приехал. Пиши Grand Hôtel du Louvre, № 169.

[1] Герцен, видимо, сообщил сыну в предыдущем письме, что его план поселиться в Брюсселе не будет осуществлен в связи с преследованиями бельгийской полиции.
[2] Взаимоотношения, сложившиеся в этот период между Герценом и Бакуниным, освещены во вступительной статье Ш. М. Левина к публикации писем Герцена к Огареву.
[3] Герцен встретился с Гюго в Брюсселе и описал эту встречу в письме к Огареву от 15 августа 1869 г. (см. XXI, 423). Шведки, о которых идет речь, по-видимому, знакомые или родственницы стокгольмского книгопродавца Штаубе (см. «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 75).
[4] Рассказ об этом есть в «Воспоминаниях» Н. А. Тучковой-Огаревой (Л., 1929, стр. 262).

28

А. А. и Н. А. ГЕРЦЕНАМ

1 сентября ⟨1869 г.⟩. Брюссель. Poste restante

Тебе и Тате.

Что за милая Мальвида и что за колоссальное здоровье. Уехать в Мюних для вагнеровой оперы на 14 дней, не дать адреса и не подумать о том, что от Мюнхена в Брюссель нет ни гор, ни морей [1]. Я действительно считаю ее немного поврежденной. Но, видно, somme toute *, что Ольга больше под ее влиянием, чем под твоим, Тата. Я с глубокой горестью вижу, что мне очень трудно добиться на нее влияния. И пока вижу одно средство — переезд в Париж. Вероятно N⟨atalie⟩ согласится. Место жительства Ольги зависит от Пановки[2]—здоровье Мейз⟨енбуг⟩ не серьезный резон, она это доказала.

Какие планы у тебя, Тата? Мне Швейцария опротивела окончательно после Обол⟨енской⟩ истории [3].

☞ Теперь к тебе, Саша, просьба. Я вынул вчера портрет Терезины (лучше всех) и забыл, что ты посылаешь Татьяне Алекс⟨еевне⟩, отдал его в альбом Лизы, она была так рада, что мне было жаль ей сказать, а потому ты не пиши ничего, а пришли другой портрет и на нем сзади напиши «Татьяне Алексеевне Астраковой от сына ее друга».— Я для этого и для того, чтоб сказать мое мнение о вагнеромании, поторопился написать. Тата совсем исписалась и не пишет.

* короче говоря (франц.).

Я послал из Парижа 2000 фр. (Horace-London) — это последние. Всё вместе ны<не>шний год я переслал и передал 16 000 с чем-нибудь. Желаю, чтоб дела позволили и на будущий год то же. Если бы Тата и Ольга могли жить в Париже — можно было бы хорошо устроиться и дешевле. А впрочем, проживем и так.

Огарев спрашивает, не ехать ли в Лондон. Его обыски в типографии Утина также сконфузили.— Довольно.

Целую маленького и его необыкновенную маму. NB Напиши Ольге о деньгах, что я прислал, а то Мальвида ее там будет водить в неглижах.

Ты еще напиши Мальвиде — в мягкой форме—о моем мнении да напомни, что из Флоренции в Геную было ближе.

Я писал раз десять, чтоб писать на мою фамилью — я здесь имени N<atalie> не написал, все так и пишут, помни же, что это делает embarras*.

[1] О поездке М. Мейзенбуг в Мюнхен (Мюних) см. ниже, в письмах к Н. А. Герцен.

[2] Генрих *Пановка* (Панофка) — немецкий музыкант. О. А. и Н. А. Герцен брали у него уроки пения во Флоренции.

[3] О деле Оболенской и обысках в типографии Утина, о которых ниже идет речь, см. публикацию С. А. Макашина в «Лит. наследстве», т. 63, 1956, стр. 74, а также в письмах Герцена к Огареву в настоящем томе.

29

<Париж. 29 октября 1869 г.>

Сейчас твое второе письмо — я в ужасе, не знаю что делать [1], да посылай сейчас Мальвиду и Ольгу с Татой [2].

Как мне ехать—чтоб меня Тата заставила решиться на безумную жертву? — Я телеграфирую.

Рукой Н. А. Тучковой-Огаревой:

Обнимаю тебя, Саша, и умоляю, побереги их обоих — помни, что удар может и его убить; это — условие, которое все доктора ставят его болезни [3]!—Я буду его торопить к вам — как мучительно больно и страшно за Тату... Прощай.

[1] Герцен получил два письма от сына о тяжелом нервном заболевании Н. А. Герцен, вызванном историей с Пенизи.

[2] Получив от сына телеграмму от 28 октября о болезни Таты, Герцен запросил его о ее здоровье, и, по-видимому, также о том, не лучше ли ей покинуть Флоренцию. Ответ сына см. в «Лит. наследстве», т. 41-42, 1941, стр. 528.

[3] При диабете, которым болел Герцен, очень опасны нервные потрясения.

30

A Alexandre

<Специя.> 21 нояб<ря 1869 г.>, 3 часа [1]

Тата здорова, но ужасно мрачна, рассеянна и печальна. Дождь и покрытое небо имеют свое влияние. Боюсь, что это перейдет в хроническое состояние и, может, надолго. Она все вспоминает, и я боюсь, что сначала вы все поступали очертя голову, как дикие. Она ясного чувства отвращения к Пен<изи> вовсе не имеет и всё боится его мести. Наконец, не зная, чем развлечь, я ей отдал письмо Мещ<ерского>[2].

Огар<ев> хочет отдать Туца гувернантке в той школе, куда он ходит. Это прекрасно. Напиши ему (осторожно и деликатно), что и ты этого желаешь.

Из письма Ольги я вижу, что Мейз<енбуг> была в каком-то пароксизме бешенства и горя об Италии. Ну, уж эти немецкие, литературные ст<р>асти. И что за эгоизм — Ольгу приковать к своей комнате сиделкой...Странно.

Ты должен впоследствии заняться серьезно отправкой пиано.

От Мар<ьи> Касп<аровны> письмо, полное сочувствия.

* затруднения (франц.).

Вероятно, завтра в полдень уедем с vetturino * — письма адресуй Hôtel Feder (Trombetta), Genova.

[1] Герцен приехал в Специю 19 ноября и затем отправился в Геную; эта поездка была вызвана необходимостью увезти Н. А. Герцен из Флоренции.

[2] Князь Александр Николаевич *Мещерский* — дальний родственник Н. А. Огаревой-Тучковой; в 1868—1869 гг. он жил в Италии. Мещерский был влюблен в старшую дочь Герцена и хотел на ней жениться. Симпатизируя Мещерскому, Герцен благожелательно относился к их возможному браку. Как видно из дальнейших писем, Наталья Александровна любила Мещерского, но ее отношения с Пенизи отдаляли Мещерского. Это последнее обстоятельство Герцен считал вторым для нее ударом (см. письмо к Огареву от 7 декабря 1869 г.— «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 450).

31

A Alexandre

⟨Генуя. 23—25 ноября 1869 г.[1]⟩

Дай все причитающиеся деньги Мальвиде на дорогу — если ей мало, займи у банкира, я всё пришлю. Отправь их, чтоб дело было с концом[2]. Письмо Мальвиды меня огорчило за даль мою с Ольгой. Это надобно исправить. Будь очень осторожен, но если Ольга имеет отвращение ехать, телеграфируй мне. Это будет новый удар. Тата все еще заговаривается — теперь хочет непременно видеться с H. Schiff[3].

Вчера ей было тошно — она тотчас говорит об отраве. Nat⟨alie⟩ с ней беспрерывно. Тата сердится и говорит, зачем у нее нет особой комнаты. Лиза одна — и неужели Мейз⟨енбуг⟩ не хочет, не стремится помочь — а всё из самолюбия, что я обвинил. Итак, отправляй их.

[1] Датируется, как и следующее письмо, по сопоставлению с письмом к Огареву от 25 ноября 1869 г.

[2] Герцен хотел, чтобы Мейзенбуг и Ольга уехали из Флоренции и жили поблизости от него.

[3] Гуго *Шиф* — врач, младший брат физиолога М. Шифа. Был влюблен в Н. А. Герцен и относился к ней во время болезни с большим вниманием.

32

29 нояб⟨ря 18⟩69 г. Генуя

Любезный Саша,

Мейз⟨енбуг⟩ и Ольга приехали. Легость характера Мейз⟨енбуг⟩ делает ее больше маниабельной **, чем она думает; она здорова — тоже больше, чем она думает. Но Ольгу я нашел слабой — мне кажется, что у нее глисты, что она заморена лекарствами. Я в Париже обращу на это особенное внимание.

Насчет Берд⟨ушека⟩[1] и не говори никому — собственно это моя догадка, потому что *это говорили*, может, до моего приезда. Дело это оставь. Ни прощать, ни казнить Левье[2] не хочу — а не хочу его знать, так, как не хотел бы держать в доме собаку, которая заела бы Волдырчика.

Фон всего у Таты — мрачен; что она решительно неравнодушна к Мещ⟨ерскому⟩ — это ясно. Для чего же она мудрила так? От него следовало бы ей письмо. Вообще с ним необходимо поддержать связь. Пиши ему без подписи и осторожно. Он, говорят, писал Ольге. Тата боится писать — я могу ее записочку переслать через тебя. Обдумай все это и напиши мне тотчас в Ниццу — poste restante.

Меня эта история сильно потрясла. Это стоит кораблекрушенья Луизы Иван⟨овны⟩ — всего 52⟨-го⟩ года — и тех минут, когда я держал Лелю под ножом оператора[3]. Удара этого я вовсе не ждал — напротив, я готовился в Париже к работе. Не знаю, скоро ли слажу с собой — но теперь не могу ничем заниматься, старею мыслью — да, к тому же, эти проклятые

* извозчиком (итал.).

** покладистой (от франц. «maniable»).

чирьи на руках, заставляющие глупо страдать и намекающие на возобновление диабета. Я ужасно печально гляжу в будущее — все мне кажутся wandernde Gestalten *[4] и dissolving views **.

Зачем же ты, caro mio, не понимаешь, что на тебе нет положительной вины, как на Мейз⟨енбуг⟩,— но отрицательная и пребольшая. И то дурно, что ты, стоя возле, ничего не знал, но еще хуже что Тате *не хотелось* тебе говорить, что у нее *не было потребности*,— и это для меня ясно — та связь интимная, которая у тебя была до 68 года,— увяла. Я это Огар⟨еву⟩ говорил в твой приезд в Женеву, говорил в Prangins потом. Сойди в свою душу — и, вместо оправданий, сверь себя. Скажу тебе откровенно, я сомневаюсь, чтоб вообще Терезина слишком любила или была близка с Татой и Ольгой (уверяю тебя, что ни та, ни другая, никто мне не говорил ни слова). Salto mortale *вверх*, сделанный ею, ее так удовлетворил, что ей было не до сближений с твоими сестрами. Их же натуры посложнее. Как иначе объяснить, что, сидя возле в комнате ряд вечеров, она ничего не знала? Верь мне, что у меня есть чутье — и что я сужу без лицеприятий, но печально строго. Не жизнию, не словом — ты *духом* стал дальше от Таты, ты не беспокоился за нее, *не болел об ней* — конечно, из фамилизма. Хладнокровие Терез⟨ины⟩ я меньше понимаю; может, тут есть доля справедливой войны плебея к привилегированным — но тогда зачем же она больше барыня, чем мы? Бога ради, не думай, что я это говорю вслед⟨ствие⟩ ее неловкостей или грубых вещей относительно Nat⟨alie⟩.—Знай же меня серьезнее и шире. Это относится к отсутствию всякого гуманного образования в плебействе — и это сгладится, но отсутствие теплоты к твоей семье — не сгладится.

Я сейчас прочитал письмо Мещ⟨ерского⟩ к Ольге.— Бедная Тата... Как она бессмысленно поступала. Пусть бы он приехал в Париж для переговора со мной — я в этом только и вижу спасенье.

Скажи m-me Walter, что Гранов⟨ский⟩ пишет только, что он у нее в доме в Вене нашел отдых и образованный круг. Что к ней ездили все тогдашние знаменитости, что у нее были две дочери, необыкновенно развитые. Книгу послать боюсь — Огар⟨ев⟩ хочет об ней писать [5].

12 часов

Твою приписку на письме Тургенева получил [6]. Месяц тюрьмы ничего не значит — и из мелочи такой в случае надобности не следует себе отказывать удовольствие палки [7].

Ѣ. Сейчас Ольга мне подтвердила, что Бердушек везде говорил о том, что я писал. Что она это слышала от десяти человек. Вот ваши друзья. Ольга говорила с какой-то гречанкой об этом. Бердушек явно все это разнес — вот тебе еще подлость — скажи Гуго Шифу. Хороши ваши друзья — и он приходил к тебе! Впрочем, Ольга говорила тебе об этом... Да, я спас их из клоаки — и в нее при моей жизни они не попадут — да и я тоже.

Мороз дерет по коже!

В «передать 140 фр⟨анков⟩» входят 200 Таты или они особо? Напиши, тогда я в январе пришлю все разом.

Шифу в сад стулья и стол купи к новому году.

Если можно, мы сегодня плывем в Ниццу.

Прощай.

Кланяйся Терезине и целуй Волдырчика.

4 часа

Читал твое письмо к Тате и очень доволен им. — Помни о Мещерс⟨ком⟩. Это существенное. Пиши к нему сам. Ольга писала ему.

Не могу решиться ехать морем [8].

---

* зыбкими видениями (нем.)

** туманными картинами (англ.).

[1] *Бердушек* — знакомый М. Мейзенбуг во Флоренции.

[2] Левье — врач, приятель Пенизи, убеждал Н. А. Герцен, что ее отказ выйти замуж за Пенизи может губительно сказаться на его здоровье. Впоследствии Левье выступил одним из разоблачителей Пенизи.

[3] В декабре 1864 г. дочь Герцена Леля скончалась от дифтерита, после неудачной операции.

[4] Из «Фауста» Гёте.

[5] Речь идет о книге А. В. Станкевича «Т. Н. Грановский» (СПб., 1869). В ней цитируется письмо Грановского Н. Г. Фролову, в котором упоминается m-me Вальтер, жена венского банкира, мать Терезы Пульской (см. о ней выше, на стр. 427). Об отношении Герцена и Огарева к книге Станкевича см. в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 908—909.

[6] Письмо Тургенева от 25 ноября 1869 г. было адресовано еще во Флоренцию и оттуда переслано Герцену («Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену». Женева, 1892, стр. 205).

[7] Речь идет, по-видимому, о планах отомстить Пенизи. А. А. Герцен хотел публично разоблачить его.

[8] Под влиянием тяжелых воспоминаний 1852 г. Герцен так и не решился ехать морем. Он отправился в Ниццу дилижансом, а затем — железной дорогой.

33

1 декабря ⟨1869 г.⟩. Ницца
Hôtel d'Europe et d'Amérique

Доехали, наконец, в дилижансе и по железной дороге. Путь страшный — Тата очень устала, жаловалась на дурные сны, у нее болит голова, и она спит.

Пиши тотчас ответ.

Обдумывая больше и больше, я полагаю, что ты делаешь много лишнего. Процесс за диффамацию — беда, а ты только пишешь о штрафе. А что имя Таты попадет в ассизы * — ты не обдумал? Разумеется, месяц, полгода тюрьмы лучше за право сказать: «Я хотел его бить потому, что он подлец, а причины не хочу говорить». Но и на бой идти теперь поздно [1].

Если хочешь писать Бакунину, пошли ему записку через Огар⟨ева⟩, я не мог найти его адреса, он же все под псевдонимами [2].

Представь себе, что Тата написала и отослала, никому не читая, письмо к негодяю Бердушек! И Мальвида и все это видели. Ольга снесла письмо... У меня опускаются руки. Что она писала? — Мальвида хотела по обыкновению скрыть мерзости его сплетен. Но Ольга в глаза ей подтвердила их. *Он винит меня* — какую же идею обо мне имел этот гадкий ледящийся клоп — *от вас*.

В какой же луже жили вы? Ну, скажи же спасибо, что хоть поздно, но я спас твоих сестер.

Зачем все повязки падают у меня на 58 году, когда я почти сделался прошедшим?

Больше 5 дней я ни в каком случае не останусь в Ницце.

Пиши Nice, Al⟨pes⟩ Mar⟨itimes⟩. Poste restante.

[1] Речь идет о планах мести Пенизи.

[2] Бакунин жил тогда в Локарно. Его конспиративный адрес был сообщен Герцену Огаревым в письме от 6 ноября 1869 г. («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 566).

34

2 декаб⟨ря 1869 г.⟩. Ницца
H⟨ôte⟩l de l'Europe et d'Amérique

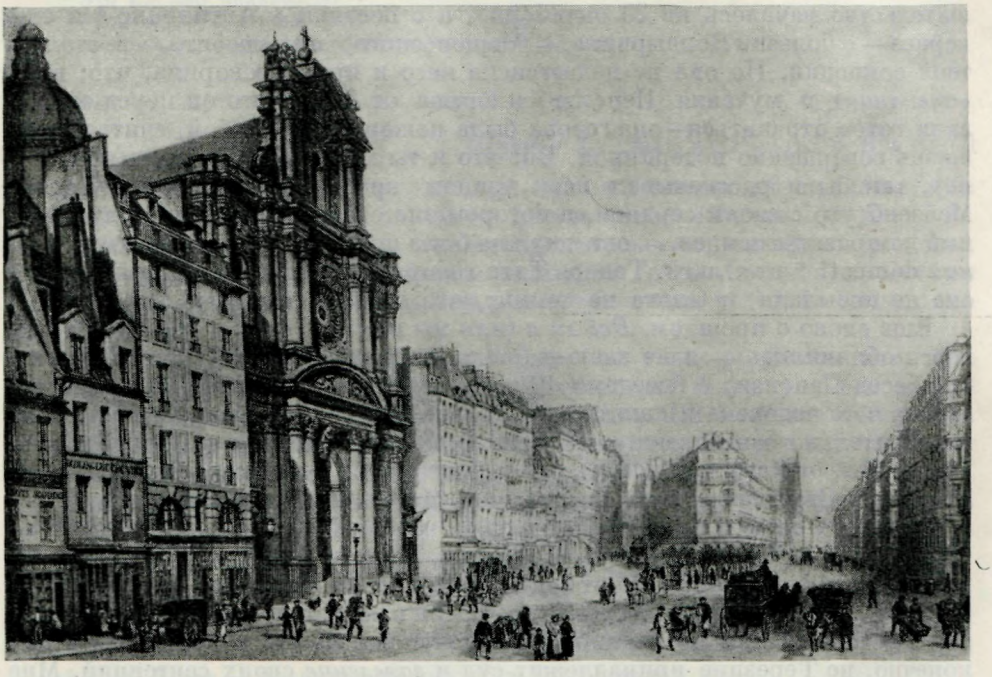
Вчера я тебе писал, прибавлю нынче 1-е, что все же Тата не настолько здорова, чтоб при ней могла быть посторонняя горничная — и я должен взять Ерминию[1], увидим, что будет потом. Тебе легче найти в Флоренции. 2-е — спроси Гюго Шифа, зачем он рекомендовал (по словам Таты) —

* судебные отчеты (франц.).

писать к Бердушеку? Разумеется, она не знает об его Entwurf *. Это со стороны Шифа глупо.

Мейзенб⟨уг⟩ здорова (и весела), как рыба в воде. Даже дилижанс 16 часов сряду вынесла геройски. Но я вижу, что многого не сделаем для Ольги. Она не допускает возражений, у нее нетерпимость, окруженная мягкими словами — не меньше прежней нетерп⟨имости⟩ Nat⟨alie⟩, окруженной немягкими словами. Будущее ужасает меня — при всех усилиях, я сомневаюсь, чтоб я мог провести струю нового воздуха в старое воспитание, христо-буржуазное, прикрытое новой фразеологией.

Семейная жизнь до того в разрезе с нашими понятиями, привычки — с убеждениями, что она-то губит и сгубит нас, стариков.



ПАРИЖ. УЛИЦА РИВОЛИ

Литография Ф. Бенуа, 1850-е гг.

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

«...я нанял страшно дорого хорошую квартиру... Адресуй письма: 172, Rue Rivoli. Завтра,29-⟨го⟩ переезжаем» (из письма к сыну от 28 декабря 1869 г.)

Из этого, по несчастию, не следует, что та часть молодежи, которой жизнь вытанцовалась или которых деятельность удалена от прямого применения к жизни (ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩ ** Шифы) — чтоб они были правее, логичнее или даже à l'abri *** ударов. Но об этом можем потолковать после — теперь прощай.

Хотелось бы 5⟨-го⟩ вечером или 6⟨-го⟩ утром ехать, ⟨8-го⟩ быть в Лионе— впрочем, я еще напишу. Важных писем лучше в Лион не посылай, а весточку дай, если что нужно. В Париж пошли poste restante — после письма.

[1] *Эрминия* — горничная, ухаживавшая за Н. А. Герцен во время ее болезни.

* проекте (нем.).
** например (лат.).
*** в безопасности от (франц.).

35

4декабря 69. Ницца
H⟨ôte⟩l d'Europe et d'Amérique

Длинное письмо твое от 30 я получил только вчера [1]. В письме твоем действительно очень много и дельного и умного. Но, не возвращаясь на старое,— я тебе укажу на главную ошибку — она так важна, что если ты ее не поправишь, придется окончательно оправдать Пен⟨изи⟩.— Да ведь в том-то и дело, что рядом моральных пристращиваний и угроз бездельник этот вскружил ей ум, помутил его и, имея ловкого агента и притом доктора медиц⟨ины⟩ [2], окончательно свел Т⟨ату⟩ с ума. О чем же речь была бы тогда — и в чем же ты обвинял бы Пен⟨изи⟩, если б дело было не так? Главная беда, что вы все слишком поздно раскрыли глаза и что помешательство началось не 23 октяб⟨ря⟩, а с поездки в Антиниано [3] и еще вернее — с болезни Волдырчика.— Мещер⟨ского⟩ она любит — в этом ни тени сомнения. Но она не надеется на него и прямо говорила, что, видя «*стенания*» и мучения Пен⟨изи⟩ и слыша от Левье, что он перед ее глазами готов отравиться—она готова была пожертвовать собой, считая свою *жизнь совершенно потерянной*. Вот что и ты мог понять и, след⟨овательно⟩, так бы и рассказывал всем дряням вроде Бердуш⟨ека⟩. Бедная Мейзенб⟨уг⟩ с своим сердцем, в котором она отогревает целый смирительный дом разных немцев,— она должна была проглотить, защищая его, *полный* démenti * от Ольги. Теперь Тата говорит, что письмо к Берд⟨ушеку⟩ она не посылала, и Ольга не помнит, что бросала в ящик.

Еще слово о прошлом. *Всё ли я* (или мы все) — знаем и все ли подробности обличились — я не знаю и брожу в тупой боязни. Но твое сравнение бесед Пен⟨изи⟩ с беседами Шифа — неверно. Шиф тебе был известен за *честного* человека и светлый ум, а Пен⟨изи⟩ — за обскуранта и очень подозрительного человека.— Я, если б выбирал жениха,— я и Шифа не выбрал бы, она его и не любит. Но все же тут бы не было безобразия, а в браке с Пен⟨изи⟩ что-то durch ⟨und⟩ durch ** чудовищное.

Спас ли я ее — я не знаю. Знаю одно, что без Nat⟨alie⟩ я бы и настолько не спас, насколько теперь. Без моего приезда с ней — Тата была бы теперь в maison de santé *** от непониманья ухода ни Шифом sen⟨ior⟩****, ни тобой. Прошлый уход N⟨atalie⟩ за Татой в оспе, причем сама пострадала тою же болезнью, и последний месяц искупают многое в прошлом, и уж, конечно, не Терезине принадлежит суд и *заявление* своих сентенций. Мне жаль, что это случилось. Насчет отношения Тер⟨езины⟩ к Ольге и Тате — ты колоссально ошибаешься. Тата ее любит гораздо больше Ольги. У Ольги странная смесь детства с проблесками верного инстинкта. Конечно, это не от Мейзенбуг, у которой все одни шаткие тени, литературные страсти и все инстинкты идеалистически неверны. Почему и в чем она согласна с Мор⟨ицом⟩ Шифом? Не понимаю.

Что будет? — Верь мне, как друг, что я высшим счастьем поставлю, если дела не будут *хуже*. Я ничего не жду, ни в кого не верю. Я даже не особенно желаю долгого продолжения жизни. Того добра, которое я хотел бы сделать, того добра, которое соответствует моей любви,— я не умею и не могу сделать. Впереди утраты... Огарев при всем не заживется... удары вроде болезни Таты. Снять хотел бы с себя тогу pater familias'a*****, хоть бы вы, совершеннолетние, стали вовсе на свои ноги. Мейз⟨енбуг⟩ помешает мне иметь влияние на Ольгу — у нее прозелитизм идеального бреда. N⟨atalie⟩ тоже не облегчит влияния на Лизу. Я не питаю ложных надежд.

---

* опровержение (франц.).
** насквозь (нем.).
*** психиатрической лечебнице (франц.).
**** старшим (лат.).
***** отца семейства (лат.).

4 декаб⟨ря⟩ 1864 года на моих руках — ровно 5 лет тому назад — резал оператор Лелю. Я ни на минуту не надеялся. Теперь Тата резала сама себя — и не знаю, оправится ли... what next?*

Мы родились в среде, в которой нужно было смелое отрицание и безжалостное разрушение. Мы сделали свое... будьте счастливее нас...

P. S. Вероятно, 6⟨-го⟩ поедем в** Лион — я думаю там пробыть дней 5—6 (в ожидании период⟨ической⟩ болезни Т⟨аты⟩), пиши туда—Lyon, poste restante.

Nat⟨alie⟩ и Лиза просят сходить тебя на почту, спросить письма на имя *Ogareff и Herzen.*

Еще раз рекомендую большую осторожность в агрессивных действиях.

[1] Это письмо неизвестно.
[2] Речь идет о Левье.
[3] *Антиньяно* — местность недалеко от Ливорно.

36

⟨Париж.⟩ 22 декаб⟨ря 1869 г.⟩. 8, Rue Rivoli

Делая расчет с Ротшильд⟨ом⟩, я нашел возможным послать тебе 2500 — вычти из них траты за меня и остальное бери в счет 7500 [1].

Татой я не совсем доволен. Ее меланхолическое состояние не проходит, а скорее увеличивается. Потребность уединения (очень вредная, по мнению Tessier) тоже усиливается. Но ум совершенно люциден ***, и на словах она не сбивается.

Сегодня будет у меня Broca [2], который был у вас во Флоренции. Мне он очень понравился — он обещал констатировать болезнь и рекомендовать врача. Здесь есть знаменитость — но стар, Dr Бажаргон, и устал.

Мейзенб⟨уг⟩ как юнейший член семьи — порхает, бегает и в восторге от всего — находит все zu himmlisch **** и zu schön *****.

Дороговизна здесь неслыханная — деньги идут с холерной рьяностью.

[1] Герцен на полях приводит этот расчет:

7500
2870
———
4630

[2] Поль *Брока* — французский хирург и невропатолог.

37

⟨Париж.⟩ 28 декаб⟨ря 1869 г.⟩. 8, Rue Rovigo

Брошюру [1] и письмо к Тате получил. Что ей писал Мещерский, не знаю — но после письма она была довольна. Выздоровление идет вперед — но нервы еще ужасно потрясены, и самый едва заметный диссонанс производит сильное впечатление и долгие слезы. Об ист⟨ории⟩ Пен⟨изи⟩ она сама теперь говорит как о случайности, обличившей внутреннюю разладицу, — ее мучат мысли и сомнения, сильно и глубоко проведенные, — я не вижу другого выхода как *писание.* Талант ее несомненен — слог и очерки, мысль и выражения... но ей недостает положительного знания языка — это приобретается писавши [2].

---

* что дальше? (англ.).
** *Далее зачеркнуто:* Марсель.— *Ред.*
*** ясен (от франц. «lucide»).
**** божественным (нем.).
***** прекрасным (нем.).

Насчет Маль⟨виды⟩ и Ольги я должен сказать, что я не предвижу ничего хорошего. Только роли изменились. Мальв⟨ида⟩ со своей вечной мягкостью патожирует * в реакции и аристократизме. Ольгу она совсем отклонила — и она просто говорит, что «не делит воззрений моих, наших и даже твоих» — незнанием средств и потворством она в ней развила жажду бросанья денег, шаткость всех убеждений и немецкий артистизм. Полина Львицкая выбилась глориозно ** на дорогу артиста — она теперь имеет контракт с Covent Gard⟨en⟩ [3] и получит за три месяца 20 000 фр⟨анков⟩, но она работала и имеет силы. Мейз⟨енбуг⟩ и слышать не хочет, чтоб Ольга шла на сцену, — но приступает ко мне с ножом к горлу, чтоб Ольга брала уроки у того же Варженя, уроки, на которые almeno нужно 3500 в год. И это зная, что нынешний год я уже в дефиците и занял у Тхор⟨жевского⟩ 10 000. Я действительно отложил бы тысяч шесть на два года — но для этого мне надобно знать две вещи: 1-е — есть ли у Ольги голос, заслуживающий такого вырабатывания, и 2-е — есть ли решимость сделаться артистом. Но эти вопросы Мал⟨ьвида⟩ не позволяет серьезно ставить, а разводит руками и краснеет... Я кончу тем, что предложу или ехать назад — или нанять особо здесь квартиру, а сам с Татой и N⟨atalie⟩ уеду в Швейцарию, тогда я им положу 10 000 в год и устроюсь экономически. Пока я нанял страшно дорого хорошую квартиру — но в ней больше двух месяцев не пробуду, и тогда, т. е. к 1 марта, увижу, что делать. Я показывал Мейз⟨енбуг⟩ мою расходную смету, показывал, что надобно все съежить для всех, чтоб принять ее программу, но она, как все идеалисты, посмотрела свысока и чуть не сказала: «А мне что за дело?» — этому эгоизму, по несчастию, вовсе не чужда и Ольга.

Адресуй письма: 172, Rue Rivoli.

Завтра, 29⟨-го⟩ переезжаем.

P. S. Неужели ты не можешь серьезно и внимательно поговорить с Пановкой, чтоб знать à quoi se tenir *** насчет сил и таланта Ольги?

Далее, хотелось бы мне узнать, что к тебе пишет Мещерский. Может, он мог бы много сделать, но для этого нужно знать его намерения.

Erminia очень нужна еще — Тата устает от беседы с нами, устает и от чтения — любит дни сидеть у себя в комнате. Брока и Тесье справедливо говорят о дурном действии этого Grübelei **** в одиночестве—и тут-то Erminia служит отводом. Тихая, совсем не глупая, она развлекает ее. Кстати, отошли сейчас *30 fr ⟨ancs⟩* ее отцу. Адрес отца Erminia — Francesco Marietti, Massa presso Carrara. Возьми их из 2500, которые я послал через Ротшильда на Фензи (о получении векселя тоже напиши).

И прощай.

Что Волдырчик? — Все кланяются Терезине.

3 часа 28 ⟨декабря⟩. Сейчас получено письмо Ольги с фотограф⟨ией⟩. Я заплатил 80 сент⟨имов⟩ affr⟨anchissement⟩ insuf⟨fisant⟩*****, ты — 40.

Экономичнее вешать письма и франкировать.

[1] Речь идет о лекции А. А. Герцена, изданной отдельной брошюрой.

[2] О литературных способностях Н. А. Герцен см. в «Лит. наследстве», т. 63, 1956, стр. 472 и 477.

[3] Полина Сергеевна *Левицкая* — дочь двоюродного брата Герцена, С. Л. Левицкого, певица.— *Ковент-Гарден* — оперный театр в Лондоне.

---

* барахтается (от франц. «patauger» — шлепать по грязи).

** со славой (от франц. «glorieusement»).

*** на что рассчитывать (франц.).

**** раздумья (нем.).

***** за недостаточную оплату (франц.).

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

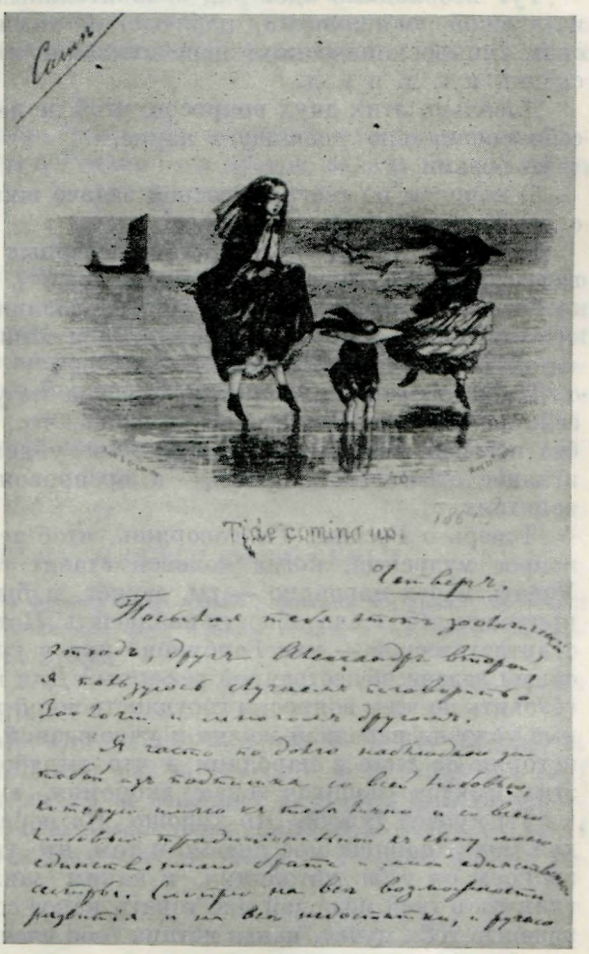
ПИСЬМО Н. П. ОГАРЕВА К А. А. ГЕРЦЕНУ С ПРИПИСКОЙ ГЕРЦЕНА

⟨Лондон. 1861 г.?⟩
Четверг

Саше

Посылая тебе этот зоологический этюд, друг Александр второй, я пользуюсь случаем поговорить о зоологии и многом другом.

Я часто подолгу наблюдаю за тобой исподтишка со всей любовью, которую имею к тебе лично и со всею любовью традиционной к сыну моего единственного брата и моей единственной сестры. Смотрю на все возможности развития и на все недостатки и ругаю себя за дикую неспособность иметь беспрерывное влияние на тебя, на ход твоих занятий и твоей жизни. Что меня оскорбляет в твоих занятиях — это отсутствие запроса в науке. Вытвердив классификацию по сравнительной анатомии, ты написал хорошую популярную книгу и как будто остановился на этом с самодовольствием. Я не видал, чтобы ты в Лондоне сделал шаг для дальнейшего запроса в науке, а между тем я убежден, что Лондон представляет средств для изучения не меньше, чем путешествие, может,



АВТОГРАФ ПИСЬМА ОГАРЕВА К А. А. ГЕРЦЕНУ ОТ 1861 г.

Лист первый

Международный институт социальной истории, Амстердам

больше; я уверен, что все двери разного рода лабораторий и библиотек были бы для тебя открыты.

Окончив классификацию по сравнительной анатомии, т. е., имея обзор типов животного царства, неужто ты мог удовлетвориться настолько, что, живши в Лондоне, не перешел к двум задачам, которые естественно истекают из этой точки отправления,— одна задача, идущая внутрь, в изыскание самого процесса жизни, другая — идущая вширь и отыскивающая условия различий, вариаций этого процесса на пространстве земного шара. Одна — идущая в химико-физические явления физьологии, другая — идущая в физико-метеорологические условия этих явлений. То есть — как ты можешь жить — ты — зоолог — не работая ни иоты по этим двум задачам, и жить спокойно и самодовольно? Вот что меня удивляет и огорчает. Или ты думаешь, что ты уже все знаешь, или ты думаешь, что ты молод и столько времени впереди, что еще на все хватит. Нет — не хватит, Саша, я это слишком горько по себе чувствую.

А между тем тут такая бездна незатронутых вопросов, без разрешения которых жить спокойно нельзя. Примера для — возьму море.

а) По внутренней задаче жизненного процесса:

Какое влияние химические составные части моря имеют на образование морских животных?

Какое влияние имеют магнитно-электрические явления прилива и отлива на образование морских животных?

Тут необходимо идет ряд сравнительных наблюдений речной, озерной и морской эмбриологии, наблюдений химических, наблюдений физических, микроскопических; перечитывание электро-физиологических изысканий и т. д. и т. д.

Довольно этих двух вопросов, чтоб не дать отдыха человеку, который себя специально посвящает науке.

А возьми

б) вопросы по географической задаче животного царства, соединяя их с предыдущими:

Различие химического состава северных и южных морей и различие, вследствие того, морских животных?

Различия климатические морей, различия электромагнитные средиземных морей, не имеющих прилива и отлива, и влияние этих различий на образование животных?

Да не оберешься вопросов, Саша, а ты уже год сидишь и не задаешь себе ни единого! Неужто ты думаешь, что, работая пять часов в сутки, без пособий, без инструментов,— ты уйдешь далеко? Это не труд, не искание ответа на запросы,— а препровождение времени в приятных занятиях.

Теперь о России. Ты говоришь, чтоб тебе сказать, что читать. Это вопрос мудреный, когда человек ставит себе задачу неопределенную. Узнать народ наглядно — ты, может, и бывши в России в два года не приучишь себя к способности наблюдать. Потом, с какой целью наблюдать: с артистической — как Горбунов? или с гражданской, т. е. со стороны общей задачи общественной реформы? Для последней надо еще себя приготовить по всем вопросам государственной жизни. Надо вдуматься в разные условия народной жизни и учреждений, надо заглянуть, что сделала история de facto с народами и что выработала теоретическая наука из этих фактов (политическая экономия, юриспруденция и пр. и пр.).

Ты прочел Бокля. Это хорошо. На первый раз ограничись и напиши для меня, напиши мне письмо о том, что ты извлек из Бокля, на какие вопросы он тебя натолкнул, к каким заключениям привел. Дай мне глянуть в твой мозг, дай мне узнать, какое сомнение тебя тревожит, какая надежда тебя мучит, какая истина тебя влечет на работу, на дело. Открой

мне свой внутренний умственный мир — и давай говорить дальше. Я думаю, что этот отчет о Бокле будет небесполезен, что, принимаясь писать, ты примешься думать и расшатаешь себя до инициативы. Попробуй, попробуй. В твои годы легко работать от 8 до 10 часов в сутки и найти время для преследования обеих задач — физико-зоологической и историко-экономической. Спеши, пока тебя, как меня, не прихватила немогута, где после 7 часов работы начинаются в мозгу судороги.

Когда ты серьезно взволнуешь себя запросом, друг мой, тогда исчезнет с твоего лица это самодовольство, которое тебя ведет к какому-то грубому обращению и к дисграциозной наглости. Если ты, взволнованный запросами, заглянешь в самого себя, ты не обрадуешься, что личные ошибки прошли, как с гуся вода, и что ты становился то на краю бездны нелепости в жизни, то на краю дурного поступка — и даже не нашел в себе покаяния, а скорее обвинение других. Не бойся содрогнуться перед собственной жизнью; это чувство очищает. Я не требую, чтоб ты его высказывал, я требую, чтоб ты его прочувствовал. Если ты, взволнованный запросами, заглянешь в то, что ты сделал в науке, в понимании — ты содрогнешься перед тем, как все это мало и ничтожно и как ты до сих пор мало требовал от науки. И тогда ты поймешь, как много запроса, как много труда в знании и как много подвига даже в обыденной жизни — и ринешься безбоязненно на ежеминутный запрос, ежеминутный труд и ежеминутный подвиг.

Вот чего я хочу от тебя — моего Саши, его и ее сына.

Дай же мне обнять тебя. Гляжу на море, которое нелепо и свирепо бесится,— и невольно приходят на память тени твоего брата и моей сестры.

Addio! до свиданья.

Еще одно — если бы ты выработал себе зоологию во всю ширь запросов, чтоб быть преподавателем в России — я думаю, задача была бы и не мелка и не бесполезна?

Рукой Герцена:

Прочти это письмо с тем религиозным чувством,— с которым я его прочел,— прочти десять раз, пока всякое слово его будет ясно, а если что неясно — пиши, или, проще — спроси. Вспомни последние разговоры наши — это то же мнение, но шире высказанное и с грустной любовью, — благодари судьбу, — что такие близкие голоса раздаются тебе, как Warnung *.

Жду действия на тебя этого письма.

Прощай.

II

ПИСЬМО ГЕРЦЕНА ЧЛЕНАМ СВОЕЙ СЕМЬИ

Публикуемая ниже записка на французском языке написана во время нервного заболевания Н. А. Герцен. Она адресована всем членам семьи, в том числе М.Мейзенбуг и Ольге, плохо читавшим по-русски.

⟨Florence.⟩ 12 novembre ⟨1869⟩

Voilà mon opinion sur l'affaire.

Je pars d'une règle générale. Dorénavant — après le dernier malheur et la dernière épreuve — je ne tolérerai pas la division de la famille — sauf Alexandre qui fait ménage à part. J'ai confiance dans nous tous réunis — et aucune individuellement, je n'ai aussi aucune confiance en moi seul. Or il faut accepter la réunion de nous tous sous un même toit comme un fait inchangeable.

* Предостережение (нем.).

Maintenant telles sont les variantes. Si les circonstances exigeaient le choix de Milan — il n'y a aucune raison sérieuse pour que Malvide et Olga n'y viennent pas [1].

Je préfère aller à Spezzia — de là à Gênes et à Nice. De Nice j'irai seul préparer un appartement à Paris, pour le 1 mars. Comme le climat de Nice est préférable à celui de Florence, il y a encore moins de raison pour Malvide de rester à Florence. Mal⟨vide⟩ et Olga resteront avec Nat⟨alie⟩ et Lise à Nice les quatre mois les plus durs de l'hiver [2].

Dans aucun cas — sans aucune exception sauf une maladie mortelle, je ne resterai, ni ne laisserai Tata et Olga à Florence — c'est complètement hors de question.

Voilà tout.

Pour le voyage on peut certainement s'arranger — aller ensemble ou séparément,— mais sans retard ni fluctuation.

Firenze 10—40
35—95 Piacenza 6—50
Piacenza 6—55
10—5 Milano 8—35
—46 fr.
5—45 Milano 10—55
51—45 Camerlata 2—45
C ⟨1 нрзб.⟩ 55 × 6 = 330
Firenze 4—25 Mil. 9—10
16—80
Pisa 6—23 Pisa 11—10
7 50 Spezia 9—25 Spez. 1—45
Chiavari 2—10
4 Genova 3—35
22—30 40 × 6 = 240

Перевод:

Вот мое мнение о деле.

Исхожу из общего правила. Отныне — после последнего несчастья и последнего испытания — я не потерплю разделения семьи — исключая Александра, который живет своим домом. Я питаю доверие ко всем нам, когда мы вместе, и ни к кому в отдельности; нет у меня также никакого доверия и к себе одному. Итак, необходимо принять объединение нас всех под одной крышей как непреложный факт.

Теперь вот каковы варианты. Если обстоятельства потребовали бы выбрать Милан — нет никакой серьезной причины, чтобы Мальвида и Ольга туда не приехали [1].

Я предпочитаю ехать в Специю, оттуда в Геную и Ниццу. Из Ниццы я один отправлюсь подготовить квартиру в Париже к 1 марта. Так как климат Ниццы предпочтительнее флорентинского, то для Мальвиды еще меньше оснований оставаться во Флоренции. Мал⟨ьвида⟩ и Ольга останутся с Нат⟨али⟩ и Лизой в Ницце на четыре самых суровых месяца зимы [2].

Ни в коем случае и без всякого исключения — кроме смертельной болезни — я не останусь и не оставлю Тату и Ольгу во Флоренции — об этом не может быть и речи.

Вот и все.

Что касается поездки, то о ней можно условиться — отправиться ли всем вместе или порознь, но без опоздания и без колебаний [3].

⟨Следующие далее записи (расписание поездов?) см. во французском тексте.⟩

[1] Лечивший Тату врач Гуго Шиф настаивал на том, чтобы она жила в городе, (где был бы один из известных психиатров (XXI, 515).

[2] 18 ноября Герцен с Татой уехали в Специю, а затем в Париж. Там, на улице Rivoli, как и хотел Герцен, собралась вся семья, за исключением А. А. Герцена и Огарева. Совместная жизнь налаживалась плохо. Однако до смерти Герцена члены его семьи уже не разъезжались.

[3] Перевод Л. Р. Ланского.

ПИСЬМА К ДОЧЕРИ ТАТЕ

(1867–1869)

ПЕЧАТАЮТСЯ ПО ФОТОКОПИЯМ, ПРЕДОСТАВЛЕННЫМ «ЛИТЕРАТУРНОМУ НАСЛЕДСТВУ» НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКОЙ (ПАРИЖ)*.

Публикация Л. Я. Гинзбург

Настоящая публикация включает 69 писем Герцена к его старшей дочери и другим членам семьи. Из всех своих детей Герцен выделял Наталью Александровну, считая ее самым близким человеком, наиболее достойным его откровенности и доверия. Характеристике Н. А. Герцен и ее отношениям с отцом посвящена обстоятельная статья Н. П. Анциферова в предыдущем томе «Литературного наследства».

Публикуемые письма охватывают период от февраля 1867 г. по октябрь 1869 г. Двадцать два письма 1869 г. отделены от предыдущих перерывом в несколько месяцев: Наталья Александровна из Флоренции приехала погостить к отцу в Ниццу и заболела там оспой; она вернулась во Флоренцию только в конце апреля 1869 г.

Переписка возобновляется и продолжается до 28 октября 1869 г. В этот день написано последнее письмо Герцена к старшей дочери; в этот же день Герцен получил известие о ее психическом заболевании.

Для Герцена вторая половина 60-х годов — время трудных испытаний: утрата популярности «Колокола», травля Герцена в русской реакционно-либеральной печати, окончательный разрыв со старыми друзьями, столкновения с «молодой эмиграцией» и притом тягостная семейная обстановка. С 1865 г. начинается полоса беспокойных скитаний Герцена по Европе.

В письмах к дочери особенно ясно видна усталость Герцена, все возрастающая потребность наконец прочно где-нибудь осесть. В последних письмах Герцен взвешивает возможности постоянной жизни в Брюсселе, в Париже. В Париже Герцен обосновался в сентябре 1869 г., примерно за четыре месяца до смерти.

Но при всей своей трудности, напряженности период 60-х годов был вместе с тем для Герцена периодом высших идейных достижений, углубления его революционно-демократических взглядов. В публицистической и пропагандистской деятельности Герцена 60-х годов новая трактовка явлений общественной жизни определяется двумя основными моментами — оба они указаны Лениным. Герцен увидел революционный народ в России, и он до известной степени начал понимать значение организованного движения рабочего класса.

Безудержный муравьевский террор и ренегатство либералов в России после выстрела Каракозова в 1866 г., реакционнейший режим Наполеона III, укрепление

---

* Текст писем был подготовлен редакцией «Лит. наследства» по публикации «Современных записок» (Париж, 1939). Уже во время печатания настоящего тома, редакция установила, что подлинники писем находятся в Национальной библиотеке (Париж). С любезного разрешения г-жи Жермены-Шарль Рист фотокопии этих писем были присланы редакции, что дало возможность устранить бесчисленное количество грубых искажений и восстановить пропуски, допущенные в публикации «Современных записок». — *Ред.*

Бисмарка, победа буржуазно-либеральных тенденций в итальянском национально-освободительном движении — все это вызывает у Герцена суждения, полные горечи и скептицизма.

Но в письмах Герцена конца 60-х годов сквозь мрачность, навеянную общественными и личными бедствиями, угадывается закал испытанного политического борца. Герцен твердо владеет революционным критерием оценки происходящего — критерием, определяемым идеалом социалистического переустройства общественных отношений.

Взгляды, интересы, настроения Герцена этих лет с особенной полнотой отражены в его письмах к Огареву (в частности, в письмах, опубликованных в 61-м томе «Литературного наследства»). Кроме Огарева, Герцен никому, пожалуй, не писал с такой откровенностью, с такой широтой охвата многообразных явлений жизни, как старшей дочери.

В письмах к дочери — по сравнению с письмами к Огареву — тематика, понятно, другая. Издание французского «Колокола», отношения с молодой эмиграцией, европейская политика, события в России — все эти темы в письмах к дочери играют меньшую роль. На первый план выступают вопросы морали, воспитания, семейных отношений (эти же темы Герцен затрагивает и в публикуемых в настоящем томе письмах к сыну).

Однако суждения о политическом положении, о международном революционном движении разбросаны и в публикуемых письмах к Наталье Александровне. Порою Герцен затрагивает в них те же явления политической жизни Европы, которые с такой силой запечатлены в восьмой части «Былого и дум». Последняя часть «Былого и дум» создавалась именно в тот период, к которому относятся публикуемые письма, создавалась в разъездах между Швейцарией, Италией, Францией.

«Генуя, 31 декабря 1867 г.» — так датирована глава, завершающая последнюю часть «Былого и дум» в восьмой книжке «Полярной звезды». Это глава «После набега»— знаменитое предсказание франко-прусской войны: «Граф Бисмарк, теперь ваше дело!».

«Войну натягивает Франция, — писал Герцен Огареву 3 февраля 1867 г.,— в этом не сомневайся ⟨...⟩ Если не в нынешнем, то в будущем году весной — sauf* иных перемен — будет война» (XIX, 202).

Тема войны несколько раз всплывает в письмах Герцена к дочери. В письме от 21 апреля 1867 г. он задает тревожный вопрос: «Что-то будет после коллизии Франции с Preußen?» **

Герцен имеет здесь в виду острый конфликт между Францией и Пруссией, помешавшей Франции присоединить к себе герцогство Люксембургское. Вопрос о нейтралитете Люксембурга решался на конференции европейских держав. Несколько позднее, 12 мая, в Лондоне был подписан акт о нейтралитете. Но Герцен понимал, что любые соглашения — это временная оттяжка, что продолжают действовать силы, неудержимо влекущие к вооруженному столкновению две милитаристские державы — Францию Наполеона III и Пруссию Бисмарка.

В письме от 28 декабря 1867 г. Герцен отмечает: «Войну ждут почти все». Об ожидании войны говорится и в публикуемых письмах от 26 апреля и от 14 ноября 1868 г.

Герцен предвидел для капиталистической Европы ряд разрушительных войн («После набега»); он был убежден в том, что милитаризм не остановится. Поэтому так знаменательно его замечание в письме от 21 апреля 1867 г.: «Столкновение с славянским миром неминуемо».

В письмах к дочери Герцен касается и событий, связанных с международным освободительным движением, за которым он пристально следил. 18 февраля 1867 г. Герцен, гостивший у своих детей во Флоренции, приехал оттуда в Венецию. В письме к Наталье Александровне из Венеции от 23 февраля Герцен, узнав, что Гарибальди во Флоренции, осведомляется о причинах его приезда. В 1867 г., вразрез со всей политикой итальян-

---

* если не случится (франц.).
** Пруссией (нем.).

ского короля Виктора-Эммануила, Гарибальди подготовлял поход для освобождения Рима от гнета папской власти (эта попытка окончилась неудачей). Чтобы завоевать общественное мнение, Гарибальди в начале 1867 г. совершил поездку по Италии. 27 февраля он прибыл в Венецию, где Герцен виделся с ним в тот же день (см. письма Герцена к Огареву от 26 и 27 февраля — XIX, 224—227). В письме к дочери от 21 апреля Герцен возвращается к вопросу о Гарибальди: «Зачем он во Флоренции ⟨...⟩ он в парламенте только может fiasco сделать». Герцен понимал, что ни король, ни дворянско-буржуазный парламент не поддержат Гарибальди.

«Моя статья о Венеции, — пишет Герцен дочери в том же письме от 21 апреля,— вышла очень хороша...». Речь здесь идет о статье «Venezia la bella», впоследствии в качестве главы «Былого и дум» напечатанной в восьмой книжке «Полярной звезды на 1869». И тут же Герцен признает, что эта «очень хорошая» статья рассердит всех — и Наполеона, т. е. идеологов наполеоновской империи, и итальянцев, в том числе самого Маццини. В «Venezia la bella» Герцен с беспощадной проницательностью констатировал слабость и обреченность Второй империи: «Как только немцы убедились, что французский берег понизился, что страшные революционные идеи ее поветшали, что бояться ее нечего,— из-за крепостных стен прирейнских показалась прусская каска» (XIV, 735). С другой стороны, понятно, почему статья Герцена должна была вызвать неудовольствие Маццини и его сторонников. В 1867 г. Герцен считал уже, что объединяющаяся Италия складывается в государство помещиков и капиталистов. Основная мысль «Venezia la bella» — это мысль о том, что подлинное (народное, социальное) содержание выветривается из итальянского национального движения, вживающегося после объединения страны в общеевропейский буржуазный порядок. Маццини для Герцена по-прежнему великий народный герой. Но в 1867 г. Герцен видел, что «Рим — Америка Маццини... Дальнейших зародышей viables* в его программе нет — она была рассчитана на борьбу за единство и Рим» (изд. АН, т. XI, стр. 476).

В письме от 23 февраля Герцен выражает тревогу по поводу того,что его встреча с Гарибальди может быть омрачена «польскими сплетнями». Герцен намекает здесь на конфликт, разыгравшийся осенью 1866 г. В 229-м листе «Колокола» появилась статья Огарева «Продажа имений в Западном крае», написанная по поводу принудительной продажи царским правительством земель польских помещиков. Выражая сочувствие полякам, Огарев в то же время утверждал, что раз уже совершается принудительное отчуждение имений, то следовало бы передавать их не русским и прибалтийским помещикам, а русским крестьянам. Статья эта вызвала возмущение польских эмигрантов. К протестам поляков присоединился А. А. Серно-Соловьевич, выпустивший (по-видимому, в декабре 1867 г.) полемическую брошюру (см. «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 113—115) **. Серно-Соловьевич подчеркивал, что представители революционной России не должны были ни при каких обстоятельствах мириться с насильственной руссификацией Польши. Еще до выхода этой брошюры Герцен написал листовку «Нашим польским братьям», в которой стремился «братски покончить» с возникшим «важным недоразумением». «Предложение автора ⟨Огарева⟩, — писал Герцен, — совершенно логически истекает из всего воззрения нашего. Может, оно выражено не во-время, в таком случае мы первые от души скорбим, что прибавили еще горькую минуту к великому сетованию вашему. В этом вы судьи, и мы умолкаем. Безусловное, неопровержимое право польской народности было всегда одним из наших догматов» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 136). Герцен, судя по публикуемому письму, опасался, что этот эпизод в тенденциозном освещении был доведен польскими эмигрантами до сведения Гарибальди.

В публикуемых письмах имя Гарибальди всплывает еще раз в связи с взволновавшим Герцена эпизодом национально-освободительного движения 60-х годов. «Они после тюрьмы сделали опыт взорвать что-то в City,— пишет Герцен дочери 21 декабря 1867 г.— Не хотели люди революцию Гарибальди — вот им идет Яга-бальди...».

---

* жизнеспособных (франц.)

** Автограф этой статьи сохранился в «пражской коллекции».

Здесь речь идет о террористических актах ирландских революционеров—фениев. Об этом же говорится в главе «После набега», датированной 31 декабря: «А! господа консерваторы, вы не хотели <...> ни Маццини-стоика, ни Гарибальди-героя <...> Вы боялись социальных реформ,— вот вам фениане с бочкой пороха и зажженным фитилем» (XIV, 765).

Борьбу фениев против английского владычества породили неимоверная нищета и бесправие ирландского народа. Маркс и Энгельс горячо сочувствовали этой борьбе, вместе с тем осуждая террористическую тактику фениев. В сентябре 1867 г. в нескольких городах Ирландии вспыхнули восстания, поднятые фениями и жестоко подавленные правительством. 23 ноября трое ирландских революционеров были казнены по приговору английского суда в Манчестере. В ответ на это 13 декабря фении, пытаясь освободить арестованных товарищей, взорвали стену лондонской тюрьмы — с помощью фитиля и начиненной порохом бочки. Почти одновременно с публикуемым здесь письмом, 20 декабря Герцен писал Тургеневу: «Вот что из-за туч и тумана поднимается — фенианизм. Четыре взрыва в Лондоне — и капитал разбежится» (XX, 117). «Читаешь ли о фенианах?»— спрашивает Герцен Огарева в письме от 29 декабря («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 409). К этим же событиям, очевидно, относится и фраза в письме к Н. А. Герцен от 28 декабря: «Читаете ли вы о ужасе в Лондоне от фениан?»

В конце 60-х годов, с горечью наблюдая торжество реакции, Герцен тем не менее не верил в прочность этого торжества. Накануне франко-прусской войны и Парижской коммуны его суждения и оценки проникнуты ожиданием больших политических событий.

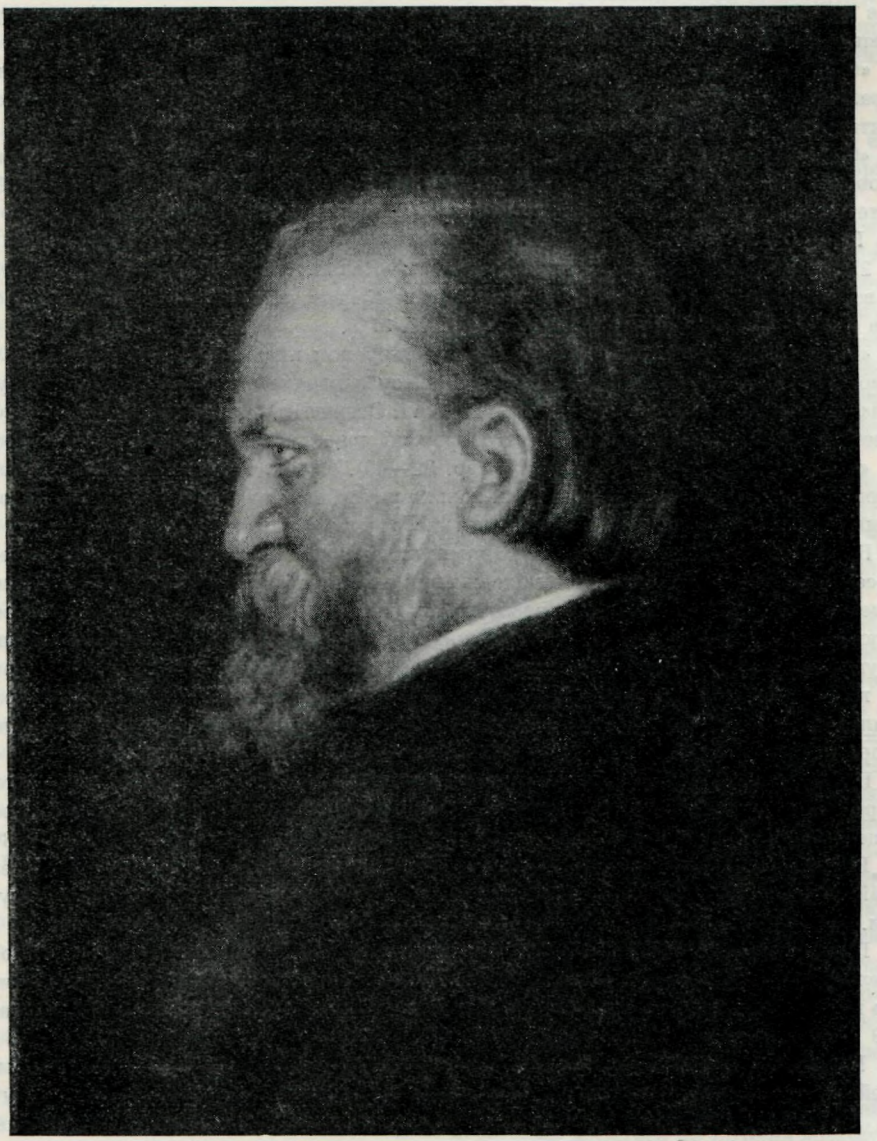
Особенно отчетливо эти ожидания сформулированы в письмах 1869 г. В письме от 27 мая Герцен с удовлетворением отмечает результаты французских парламентских выборов 1869 г.: успех вождя республиканской оппозиции Гамбетты и Распайля, который на президентских выборах 1848 г. был выставлен кандидатом от социалистов; наряду с этим правительственный кандидат, перебежчик из республиканского лагеря Эмиль Оливье, был забаллотирован в Париже (попутно Герцен упоминает об обычной беспринципности короля бульварной прессы Эмиля Жирардена). «Они не без важности»,—подводит Герцен итог значению выборов, видя в них симптом пробуждения Франции. Та же тема в письме от 13 июня. А 13 июля Герцен пишет: «Вероятно вы как-нибудь следите за новостями из Франции. Двинулась и эта старуха».

Надвигающиеся события Герцен рассматривает как социальные столкновения, социальный переворот. 2 июня 1869 г. он пишет из Женевы: «Здесь на этот раз интересно. Война социальная близится, и война страшная — по буржуазной тупости и озлоблению работников <...> Разгром будет ужасен и в России, как здесь».

Всякая подлинная современная революция непременно будет социальной революцией — эта мысль для Герцена не нова; он высказывал ее еще в связи с событиями 1848 г. Но в конце 60-х годов Герцен все большее значение придает организованному рабочему движению и все непримиримее относится к анархическому началу в революции. Публикуемые нами письма 1869 г. писались в период острого идейного конфликта Герцена с Огаревым, подпавшим под влияние Бакунина и Нечаева, в период работы Герцена над письмами «К старому товарищу», где полемика с Огаревым и Бакуниным перерастала в глубокие теоретические обобщения.

В публикуемых письмах к дочери Герцен несколько раз касается конфликта с Огаревым и Бакуниным. «Полемика с Бакуниным,— пишет он 13 июня 1869 г., — идет своим чередом. Я из письма моего вымарал все личные намеки — и написал еще два. За него отвечал Огар<ев>, и я уж отвечал ему; все это может с легкими изменениями напечататься».

Речь идет здесь о первоначальной, дошедшей до нас в отрывках, редакции первых трех писем «К старому товарищу», носившей название «Между старичками», и об «Ответах» Огарева на эти статьи. «Ответы» на первоначальную редакцию первых двух писем Огарев написал в мае 1869 г. Герцен, очевидно, возражал ему в утраченной первоначальной редакции третьего письма. Всю эту дискуссию Герцен собирался напечатать («Полемика открытая будет напечатана, ответ писал Огарев»,— сообщает он дочери



ГЕРЦЕН

Портрет маслом работы Н. А. Герцен (дочери), 1867 г.
Подлинник у г-жи Жермены-Шарль Рист, Версаль
Воспроизводится по негативу «пражской коллекции»
Центральный архив литературы и искусства, Москва

в письме от 22 июня), но отказался от этого замысла по просьбе Огарева, опасавшегося, что обнародование полемических материалов повредит пропаганде в России (о статьях «Между старичками» и огаревских ответах «Старому другу» см.: В. А. Путинцев и Я. З. Черняк. Новые материалы к истории текста писем «К старому товарищу».— «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 181—240).

«Ответы» Огарева и первоначальная редакция герценовского третьего письма создавались в мае—июне 1869 г. во время пребывания Герцена в Женеве, откуда написаны девять из публикуемых здесь писем 1869 г.

«Огарев вдруг мне написал,— сообщает Герцен дочери 30 апреля,— что какому-то человечку по одному дельцу нужно на секундочку повидаться в каком-нибудь местечке — хотя я в крайность не верю (Огарев требовал сейчас телеграфировать ...о Бакунин, Бакунин!)».

27 апреля 1869 г. Герцен писал Огареву: «Воля твоя, телеграфировать не стану. Ты все порешь горячку. К 10-му мая буду в Женеве, если не встретится беды ⟨...⟩ Да в чем дело? Что за таинственность?» (XXI, 370).

«Человечек», о котором идет речь в публикуемом письме к Н. А. Герцен,— очевидно, С. Г. Нечаев. Нечаев приехал в Женеву в начале апреля 1869 г. и сразу же завязал самые тесные отношения с Бакуниным и Огаревым. Огарев настаивал на личной встрече Герцена с Нечаевым для переговоров об использовании «бахметевского» фонда (см. «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 32—40). 10 мая Герцен приехал в Женеву, и, понятно, личные впечатления могли только усугубить его настороженность по отношению к тому влиянию, которое Бакунин и Нечаев оказывали на Огарева.

В цитированном уже письме от 13 июня читаем: «Он ⟨Бакунин⟩ везде проповедует общее разрушение ⟨...⟩ русская молодежь принимает au pied de la lettre* его программы. Студенты собираются составлять разбойничьи банды» (о том же идет речь в письме от 22 июня). Герцен имеет здесь в виду изданную в мае в типографии Чернецкого брошюру Бакунина «Постановка революционного вопроса»; в ней Бакунин между прочим призывал использовать разбойничий мир при подготовке народного восстания. Эта крайне вредная брошюра являлась одним из звеньев в пресловутой «агитационной кампании», которую в 1869 г. вели Нечаев и Бакунин и в которую они втянули Огарева.

В Женеве, помимо упомянутой брошюры Бакунина, был выпущен ряд листовок и брошюр, вызвавших своей анархической направленностью резкое неодобрение Герцена. Позднее, 2 октября, уже из Парижа Герцен с горечью писал Огареву: «Вчера в „Presse" была статейка о русских Flugschrift'ax**, печатаемых в Женеве и найденных в большом количестве, будто бы, в Тверской губернии и между студентами. Авторами всего этого „La Presse" называет Бакунина и меня» (XXI, 462).

Публикуемые нами письма к дочери проливают таким образом некоторый дополнительный свет на историю последнего конфликта Герцена с Огаревым и Бакуниным и на историю его тщетных попыток приостановить женевскую агитационную кампанию 1869 г.

Мы уже упоминали о том, что в письмах к дочери Герцен уделял много внимания семейным отношениям и конфликтам, омрачившим его жизнь и жизнь близких ему людей. В частной жизни Герцена тяготит многое: непоправимо враждебные отношения между его старшими детьми и Н. А. Тучковой-Огаревой, отчужденность от семьи и от идейных интересов Герцена его дочери Ольги, которую М. Мейзенбуг воспитывает «иностранкой», неправильное воспитание младшей дочери Лизы, женитьба сына, болезнь и образ жизни Огарева, его собственная болезнь (в 1868 г. С. П. Боткин обнаружил у Герцена диабет).

На фактической стороне домашней жизни Герцена конца 60-х годов (письма к дочери дают в этом плане немало нового материала) не будем останавливаться подробно; она освещена в публикации Н. П. Анциферова, напечатанной в т. 63 «Лит. наследства». Письма к Наталье Александровне особенно интересны тем, что факты, житейские обстоятельства все время подвергаются в них теоретическому осмыслению. Тео-

* буквально (франц.).
** листовках (нем).

ретическая мысль Герцена охватывает многообразные явления жизни; и даже семейная неурядица нередко служит ему материалом для больших морально-философских обобщений. Герцен обращается к дочери как духовный наставник, как воспитатель в самом широком смысле слова. И в письмах к ней он нередко касается тех больших проблем, которые волновали его на протяжении всего жизненного пути и находили выражение в его творчестве.

Вопросы воспитания были для Герцена вопросами первостепенной важности. И здесь дело не только в его горячей привязанности к своим детям; педагогические его интересы коренятся в самых основах мировоззрения Герцена — просветителя, борца за новую разумную организацию общественных отношений.

В публикуемых письмах много внимания уделено конкретным вопросам воспитания Лизы. Герцен со страхом следит за тем, как в руках неуравновешенной, истеричной женщины искажается характер одаренного ребенка. Противовесом этим вредным влияниям должно было явиться влияние Таты. Но с успехом воспитывать младшую сестру Наталья Александровна сможет только при одном условии — одновременно она должна воспитывать самое себя. Этот принцип *самовоспитания воспитывающих* чрезвычайно важен в системе педагогических взглядов Герцена. «...Для воспитания нужен тебе труд самовоспитанья» (письмо от 20 апреля 1868 г. Сходные высказывания в письмах от 12 мая, 1 июля, 22 сентября 1868 г.).

Особенно полно развивает Герцен концепцию самовоспитания в письме от 23 мая 1868 г. Самовоспитание для Герцена — это прежде всего творческий труд, деятельность. В упомянутом письме Герцен дает замечательную формулу: «...Жить надобно там, где есть *наибольшее дело* для нас, а уж в Клину или в Специи — о том знают обстоятельства.— That is my humble philosophy*».

Последняя шуточная фраза имеет, в сущности, вовсе не шуточный смысл. Сформулированная здесь концепция *наибольшего дела* ведет нас к самым основам мировоззрения Герцена, каким оно сложилось еще в 40-х годах. Здесь и основополагающее требование материалистической философии Герцена — требование перехода теории в практику; и этика Герцена, для которой решающим критерием является общественно-значимое деяние. Как все утопические социалисты, Герцен верил в право человека на наслаждение, на счастье. Но в герценовском понимании человек стремится не к пассивному наслаждению, а к деянию, к творчеству: «...Одно действование может вполне удовлетворить человека. Действование — сама личность» («Дилетантизм в науке»— изд. АН, т. III, стр. 69). Герцен при этом убежден, что общественные интересы не только не противостоят стремлениям нормальной человеческой личности, но что лишь они могут дать ее целеустремленности выход и применение. Мимоходом высказанная в письме к дочери мысль о *наибольшем деле*, определяющем жизнь человека,— необычайно важна для понимания этики зрелого Герцена. В публикуемом выше письме к сыну от 21 мая 1869 г. Герцен связывает вопросы воспитания, т. е. подготовки человека к предстоящей ему деятельности, с неизбежностью надвигающегося социального переворота.

Герцен хотел вывести в разумную организованную жизнь не только своих детей, но и близких ему взрослых; обстоятельства не позволили добиться ни того, ни другого. Практически усилия Герцена были обречены на неудачу, поскольку он пытался логическими доводами, убеждением воздействовать на женщину, которая в конце 60-х годов явно уже находилась в состоянии патологической неуравновешенности. Но самая апелляция Герцена к началам разумности и моральной дисциплины в высшей степени характерна. Противоречиям, раздиравшим его семью, Герцен пытается противопоставить просветительское решение жизненных вопросов.

В 1868 г. Н. А. Тучкова-Огарева настойчиво требовала, чтобы Герцен открыто признал существовавшие между ними отношения и удочерил Лизу, которая носила фамилию Огарева. Герцен медлил, и это до крайности обострило конфликт; медлил он главным образом потому, что боялся впечатления, которое эти открытия произведут на Лизу. В то же время Герцен считал, что Ольге пора узнать, что Лиза— ее сестра. Всеми

* Такова моя скромная философия (англ.).

этими намерениями и сомнениями Герцен откровенно делится с Натальей Александровной в письме от 7 ноября 1868 г. Существенно для истории отношений Герцена с Н. А. Тучковой-Огаревой письмо от 7 июня 1867 г.; Герцен называет это письмо своей «исповедью» и просит дочь держать его втайне. Только в июне 1869 г. Герцен осуществил свое намерение раскрыть Ольге истинный характер семейных связей между нею, Н. А. Тучковой-Огаревой и Лизой. Вскоре правду узнала и Лиза. Эти семейные события отражены в публикуемых здесь письмах от 2 и 13 июня и от 19 июля 1869 г.

В связи с вызвавшим крайнее его неудовольствие предстоящим браком сына Герцен пишет 26 апреля 1868 г.: «...Есть уравновешение страстей и разума, до которого все гармонические натуры могут достигать ⟨...⟩ Вспомни, сколько я писал и проповедовал о том, что любовь не должна играть главную роль,— *а одну из главных* ролей — в жизни. Даже вообще все *личное* должно быть балансировано *общим* — иначе беда».

Здесь Герцен касается тех проблем, на которых мысль его останавливалась неоднократно, начиная с 40-х годов, которые он ставил в «Дневнике», в «Кто виноват?», в статье «По поводу одной драмы», в «Былом и думах» (особенно отчетливо в разделе пятой части, озаглавленной «Раздумье по поводу затронутых вопросов»). Уже в 40-х годах Герцен предлагает решение, которому он останется верен в дальнейшем: люди должны стремиться не к тому, чтобы избавиться навсегда от личных страданий и конфликтов (это несбыточно), но к тому, чтобы из личных страданий и крушений уметь выходить в сферу общих интересов.

Герцен непримиримо враждебен стихийной неразумности, необузданности вожделений. Отсюда настороженное отношение Герцена к дружбе дочери с Е. Володимировой. Володимирова по своему социальному и психологическому облику — представительница того «аристократического камелизма», которому в последней части «Былого и дум» (1867) посвящен этюд «Махровые цветы».

Проблемы любви, брака, семьи в этот период волнуют Герцена и теоретически, и практически, применительно к судьбе его детей. Герцен мечтал о том, чтобы его дети сохранили живую связь с родиной. В особенности ему хотелось, чтобы любимая старшая дочь стала женой русского; со временем это могло бы открыть ей дорогу в Россию. Герцен подчеркивал, что не считает себя вправе оказывать давление на выбор дочери, но он не скрывал, что его обрадовал бы ее брак с А.Н. Мещерским или В. Ф. Лугининым. Владимир Федорович Лугинин, вращавшийся за границей в кругах русской революционной эмиграции,— симпатичен Герцену; и он несколько раз возвращается в письмах к отношениям Лугинина с Татой.

В публикуемых письмах основные теоретические высказывания о браке связаны с женитьбой Александра Александровича Герцена на юной работнице, итальянке Терезине Феличе.

Этот брак, оказавшийся удачным и прочным, вызвал сопротивление Герцена и потому, что Герцен не хотел, чтобы его дети растворились в среде иностранцев, и потому, что брак сына представлялся ему проявлением неразумной стихии, слепого влечения страстей. Он боялся отсутствия общих духовных интересов, боялся и материальных трудностей как возможной помехи в деятельности молодого ученого (см. письма Герцена к Огареву от 2, 5 и 15 апреля и 8 июня 1868 г.).

«Всякий брак,— формулирует Герцен в письме к дочери от 23 мая 1868 г.,—может привести к бедам, но тот, который основан не только на одном увлечении, а на равенстве развитий, на общей религии, на взаимном *уважении*, тот, который даже взял в расчет кусок хлеба себе и детям,— тот имеет *больше шансов* рациональных».

15 апреля 1868 г. Герцен писал по тому же поводу Огареву: «Inter pares* не значит по происхождению, даже по состоянию, а значит — иметь общую историческую базу и что-нибудь *общее* во внутренней жизни» (XX, 251). Подобные мысли Герцен высказывал еще в 1857 г. в очерке о Кетчере (включено теперь в четвертую часть «Былого и дум»).

Институт брака является для Герцена предметом теоретического интереса. В письме от 18 декабря 1867 г. Герцен подробно говорит о книге французского врача, химика

* Между равными (лат.).

и политического деятеля Альфреда Наке (Naquet) «Religion, propriété, famille» («Религия, собственность, семья»). В книге Наке были подвергнуты критике современные формы семьи и брака; это дало повод судебным органам Второй империи приговорить автора за оскорбление общественной нравственности к штрафу и тюремному заключению, а также к пожизненному лишению гражданских прав. Наке бежал в Испанию, где принял участие в республиканском восстании 1869 г.

ДОЧЕРИ ГЕРЦЕНА ТАТА И ОЛЬГА

Дагерротип с дарственной надписью Герцена Е. Б. Грановской: «Лизавете Богдановне. 17 августа и прощайте. — До свиданья», 1853—1855 гг.

Литературный музей, Москва

Знаменательно, что в книге Наке сочувствие Герцена прежде всего вызывает взгляд на семью как на исторически изменчивую, эволюционирующую форму общественной жизни. Сходные мысли Герцен подробнее развивает в письме от 1 июня 1868 г. Прежде всего он отвергает антиисторический подход к этому вопросу, отвергает самую возможность раз навсегда заданной нормы. Причем попытки создания подобных норм он относит к области *утопического* мышления: «Не могу я тебе писать никакой теории брака. Нормального брака нет. Это все неверные приемы — так Платон, Томас Морус писали свои идеальные республики». И далее Герцен формулирует: «Брак — изменяющаяся, историческая форма отношений мужчины и женщины—друг к другу—и к детям».

Письмо от 1 июня — замечательное свидетельство историзма герценовской мысли. Герцен шутя назвал это письмо «диссертацией». В самом деле, в нем затронуты большие морально-философские и социальные проблемы. Понимание брака как исторически изменяющейся формы — частный случай по отношению к тому историческому пониманию всех вообще явлений общественной жизни, которое Герцен провозглашает в том же письме: «Нравственность — дело историческое, человек, поступающий сообразно своему понятию о добре и зле — поступает хорошо, и почти везде под влиянием исторического развития. На сию минуту, для полной практической свободы — брак так же необходим, как капитал, наследство и др. вещи, в которые, в сущности, мы не верим».

Герцен с его историзмом, еще не материалистическим, но уже проникнутым революционной диалектикой, рассматривал исторический процесс как борьбу нарождающихся общественных форм с отмирающими. Герцен, однако, считал, что в индивидуальном, частном порядке человек не должен отказываться от средств и возможностей, которыми он владеет в пределах данной социальной системы. В письме от 23 мая Герцен говорит, что если бы он отказался от своего имущества, то «остался бы полунищим и лишил бы себя во время борьбы оружия и возможности бороться». И тут же находим теоретическое обоснование этого утверждения: «Личности могут восставать против стеснительных учреждений и стараться их уничтожить или заменить — но не как исключение *для себя*, а comme règle général для всех». Герцен трактует вопросы общественного поведения человека в плане социально-политическом, а не с точки зрения морального самосовершенствования отдельной личности.

В том же письме от 1 июня 1868 г. Герцен касается серьезной проблемы соотношения между естественно-научным и социально-историческим объяснением явлений действительности, и в этой связи — проблемы свободы воли. «... И на белом и сером веществе далеко не уедешь. Тут не физиология мозга,— а физиология общественной, исторической жизни важна, социология в обществе и изучение страстей и влечений в частном важны. Не верить религиозным бредням — еще не значит сводить все вопросы на химию». Для Герцена, остановившегося перед историческим материализмом, характерно, что он, говоря о жизни общества, не может еще уйти от естественно-научных аналогий («физиология общественной жизни»). И в то же время он выступает против вульгарного естественно-научного материализма, сводящего «все вопросы на химию». О тех же вопросах идет речь и в письме от 9 июня.

Затронутые в этих письмах темы были в то время для Герцена очень актуальны. Летом 1868 г. в флорентинском кружке, к которому принадлежал его сын, шли горячие споры по вопросу о свободе воли. В спорах принимали участие А. А. Герцен, его руководитель физиолог Мориц Шиф, близкий к семье Герценов французский эмигрант Доманже (последний стоял, очевидно, на антидетерминистических позициях). Герцен был убежденным детерминистом, но он ясно понимал невозможность сведения вопроса к физиологическим процессам.

Флорентинские дискуссии (Герцен внимательно за ними следил) отразились в брошюре А. А. Герцена о нервной деятельности (1868), написанной с позиций узкого позитивизма. На эту брошюру Герцен отозвался полемическим письмом (см. XXI, 1—9), которое было опубликовано А. А. Герценом только в 1876 г. в «Revue philosophique». «Физиология мужественно выполнила свою задачу,— говорит Герцен в этом письме,— разложив человека на бесконечные действия и противодействия и сведя его к скрещению, вихрю рефлективных актов. Пусть она позволит теперь социологии восстановить его цельность. Социология вырвет человека из анатомического театра и возвратит его истории» (XXI, 5; см. также частное письмо к сыну от 8 июня 1868 г.— XX, 310).

Для позитивизма человек — безответственный, пассивный продукт обстоятельств; для Герцена — обусловленный действительностью человек в то же время сам воздействует на действительность, поэтому он несет моральную и социальную ответственность за свои поступки. Тем самым Герцен открывает дорогу этическим оценкам поведения человека. Об этом именно, в связи со спорами у Шифа, Герцен писал Огареву 22 февраля 1867 г.: «Ни ты, ни Шиф всей сложности задачи, особенно в ее историческом воплоще-

нии, не касались. Тебя обрадовало слово volition*,— назови практическим разумом, разумом деятельным и объясни его законы и отношения, так, чтоб я, сказавши теперь: „Это — дурной поступок", не говорил нелепости» (XIX, 219; см. также письмо к Огареву от 3 февраля — XIX, 202) и письма Огарева от 28 января и 6 февраля 1867 г., напечатанные в «Лит. наследстве», т. 39-40, 1941, стр. 428—429).

Человек отвечает за свои поступки; тем самым он отвечает за *последствия* своих поступков. Мысль о логике последствий, очень важную для него в плане этическом, историческом, педагогическом, Герцен развивает в публикуемом письме от 20 апреля 1868 г.: «... Несчастье почти всегда—простое последствие, люди это называют наказанием,—а оно просто силлогизм. Ты промочила ноги ⟨...⟩ — у тебя насморк от мокрых ног, — то пенять нечего, и ты виновата перед собой». Человек выбирает свое поведение; он детерминирован, но в цепь обусловливающих его судьбу причин включена и его собственная воля.

Для данных писем, как и вообще для творчества Герцена, характерно, что житейские факты, конкретные ситуации, отдельные люди рассматриваются в свете основных положений его философского мировоззрения. В письмах от 12 мая и 1 июня 1868 г. интересна, например, в этом плане сравнительная характеристика Н. А. Огаревой и М. Мейзенбуг, которая строится, исходя из характеристики двух разновидностей идеализма. Этот анализ исследовательской точностью, специфически герценовским сочетанием пристального наблюдения с широтой теоретических обобщений напоминает портретные зарисовки «Былого и дум».

Письма Герцена к старшей дочери — это письма дружеские, в которых он откровенно говорит о самых болезненных сторонах своей личной жизни. И в то же время это письма отца, воспитателя; понятно, что в них идет речь и о прочитанных книгах и о том, что следует прочесть.

Для философской литературы Герцен считал Наталью Александровну недостаточно подготовленной. Об этом он говорит в письме от 21 апреля 1867 г., но все же советует попробовать прочитать «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы». «Разумеется, я во многом ошибался. Прочитай у Гёте в „Фаусте", что Мефистофель говорит студенту о метафизике и collegium logicum».

Герцен имеет здесь в виду разговор между Мефистофелем и школяром в первой части «Фауста»:

Mein teurer Freund, ich rat Euch drum
Zuerst Collegium logicum.
Da wird der Geist Euch wohl dressiert,
In spanische Stiefeln eingeschnürt.
. . . . . .
Nachher, vor allen andern Sachen,
Müßt ihr Euch an die Metaphysik machen!
Da seht, daß Ihr tiefsinnig fast,
Was in des Menschen Hirn nicht paßt;
Für was drein geht und nicht drein geht,
Ein prächtig Wort zu Diensten steht **.

В письме от 17 января 1868 г. речь идет о книгах по истории, которые Герцен посылает дочери. В трудах историков Герцена особенно привлекали широкие философские обобщения и то художественное воспроизведение действительности, которое Герцен ценил у Тьерри, Карлейля, Мишле. В то же время история для Герцена проецируется на современность; она источник живых политических аналогий, иногда и прямой политической агитации. Еще в 1841 г., поместив в «Отечественных записках» свой перевод отрывка из книги Тьерри «Рассказы о временах меровингских», Герцен писал

* хотение (франц.).

** Дорогой друг, прежде всего советую вам пройти курс логики. При этом ваш разум как следует вымуштруют и зашнуруют в испанские сапоги ⟨...⟩ Затем вы должны прежде всего заняться метафизикой. Постарайтесь глубокомысленно познать все то, что не воспринимает человеческий мозг; для того что вмещается в него и для того, что не вмещается — к нашим услугам имеются великолепные слова (нем.).

во вступительной статье: «...Для него ⟨Тьерри⟩ изучение истории имело современный, живой, общественный интерес: он принялся за древнюю Францию, чтоб уяснить себе тяжкие вопросы о новой Франции, в которой он жил и для которой жил» (изд. АН, т. II, стр. 8). Понятен острый интерес Герцена к книгам, посвященным истории революционных движений, государственных переворотов, переломных моментов в жизни народов. Герцен воспринимает их в неразрывной связи со всем увиденным и пережитым в 1848—1852 гг.

В письме от 17 января 1868 г. Герцен сообщает, что послал Наталье Александровне «Кромвеля», и советует внимательно прочитать. 8 января он писал Ольге Александровне: «Тате на днях пошлю историю Кромвеля; советую ей прочесть до конца — в этой книге большое историческое поучение» (XX, 129). Из письма от 17 января явствует, что речь идет о книге, которую Герцен сам читает впервые, т. е. не о давно известных Герцену работах Карлейля, Гизо и проч., но, по-видимому, о книге, недавно появившейся. Скорее всего это изданная в 1868 г. (фактически могла выйти в конце 1867 г.) книга Andrews «Life of Oliver Cromwell» («Жизнь Оливера Кромвеля»).

«Что за величественные лицы всех главных участников английской революции,— пишет Герцен в публикуемом письме,—что за сила и энергия, и восстановленный король ⟨Карл II Стюарт, сын казненного Карла I⟩ — шалопай и воришка, дрянь и папист, казнит их и бьет, как мух, хлопушкой — и стада народа стоят и смотрят». «Стадо народа» — это одно из тех исполненных горечи суждений, которые вырывались у Герцена, когда он в прошлом или в настоящем сталкивался с политической инертностью масс, с неумением масс отстоять свои собственные интересы.

Вторая книга, которую Герцен собирается прислать дочери —«Les derniers montagnards» * принадлежала перу французского романиста и историка Жюля Кларти **. Появилась она в октябре 1867 г. 20—23 мая (1—3 прериаля) 1795 г. произошло восстание народных масс Парижа против контрреволюционного термидорианского Конвента. 4 прериаля восстание было подавлено военной силой. Последние депутаты-якобинцы — Ромм, Гужон, Субрани, Бурбот, отстаивавшие интересы народа, были приговорены к смерти. После приговора они покончили самоубийством: закололись кинжалом, который передавали друг другу. Двое из них не успели умереть от нанесенных себе ран; их гильотинировали. Кларти в своей книге рисует героические образы Ромма и его товарищей. В то же время он разоблачает неприглядную роль Буасси д'Англа, председательствовавшего в прериальские дни в Конвенте, которого реакционно-буржуазная литература прославляла как спасителя «порядка». Понятно, что книга «Les derniers montagnards» вызвала сочувственный интерес Герцена.

Герцен посылает дочери не только книги по истории Французской революции, но портреты деятелей революции: Сен-Жюста (письмо от 23 марта 1868 г.), А. Шенье (письмо от 2 апреля 1868 г.).

В связи с восстанием 1—3 прериаля и процессом Ромма Герцен упоминает Мишле, очевидно имея в виду его «Историю французской революции», выходившую в 1847—1853 гг. ***

В письме от 1 июня 1868 г. Герцен сообщает во Флоренцию: «Я послал вам Мишле „Louis XVI“ — превосходный том...». Книга «Людовик XVI», изданная в 1867 г., завершала обширный цикл работ Мишле, объединенных общим заглавием «История Франции» (1855—1867). Интерес Герцена к этому произведению также совершенно понятен. В «Людовике XVI» Мишле с антимонархических антицерковных позиций трактует и события Великой французской революции, и те предпосылки старого режима, которые сделали революцию неизбежной. Не отказывая королю, как «частному

* «Последние монтаньяры» (франц.).

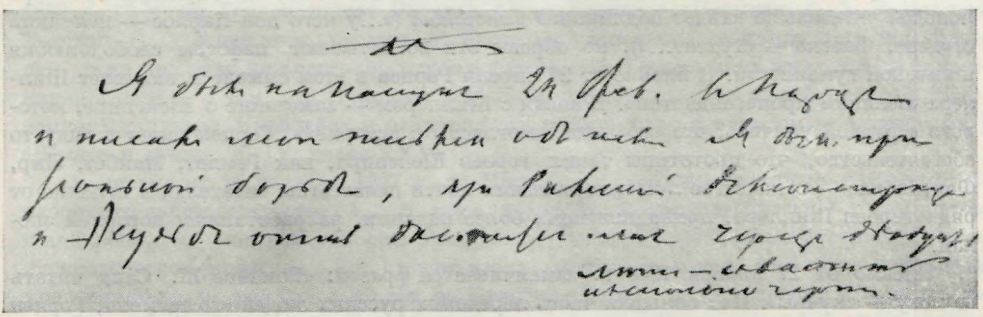
** С Кларти Герцен был связан личным знакомством. Содержательные воспоминания-некролог Кларти о Герцене были обнаружены Л. Р. Ланским в парижской газете «La Cloche», №41 от 29 января 1870 г. под названием «Погребальный салют. Гражданин мира».

*** Тут же упоминаемое заглавие нового произведения Мишле «La montagne» ⟨«Гора»⟩ может дать повод к недоразумению. Речь идет здесь не о горе — якобинской партии. Вышедшая в 1868 г. «Гора» Мишле относится к циклу его книг, посвященных явлениям природы («Птица», «Насекомые, «Море»).

человеку», в сострадании, Мишле в то же время решительно обвиняет его в измене Франции, и в преступлениях против народа.

В произведениях Мишле Герцен ценил подчеркнутую политическую тенденцию, отнюдь не прячущуюся за академическим «беспристрастием». Мелкобуржуазный радикал, идеалист, противник якобинства, противник социализма, Мишле все же привлекал Герцена искренностью своих республиканских и антиклерикальных убеждений. С 1851 г. и до конца своей жизни Герцен поддерживал дружеское общение с Мишле, несмотря на серьезные разногласия, существовавшие между ними по многим принципиальным вопросам. В письме от 17 января Герцен отмечает: «Вероятно, он недоволен «Колоколом»; 3 февраля Герцен сообщает уже о своей полемической переписке с Мишле и о своем желании опубликовать ее в «Kolokol'e».

В письме к Герцену от 27 января 1868 г. Мишле откликнулся на герценовскую статью «Ответ на призыв польского республиканского центра к русским», помещенную в № 2 «Kolokol'a». Мишле полемизирует в этом письме с Герценом, отрицавшим реальность «республиканских стремлений» в буржуазной Европе конца шестидесятых годов



ЗАПИСЬ ГЕРЦЕНА О ПАРИЖЕ, 1868 г.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

(см. публикацию Г. Моно «Jules Michelet et Alexandre Herzen d'après leur correspondance intime («1851—1869)»—«La Revue», 1907, № 68, p. 321). Герцен ответил Мишле 3 февраля, то есть в тот же день, когда было написано и публикуемое нами письмо (см. XX, 155—156). В конце он писал: «Уполномочьте меня напечатать в «Колоколе» отрывок из вашего письма вместе с этим ответом; напишите мне еще: быть может, нам удастся пролить немного света». См. также письмо Герцена к Мишле от 11 февраля (XX, 158—159).

Наряду с книгами об английской и французской революциях Герцен (в письмах от 20 апреля и 1 мая 1868 г.) рекомендует дочери книгу Дрепера «Развитие европейской цивилизации». «...Хорошее и здоровое чтение — он уютнее Бекля и местами жив»,— пишет Герцен в письме от 1 мая 1868 г. Речь идет здесь об американском естествоиспытателе и историке (уроженце Англии) Джоне-Уильяме Дрепере и его книге «History of the intellectual development of Europe» («История умственного развития Европы», 2 тт., Лондон, 1864). Герцен неточно переводит заглавие явно потому, что книга Дрепера ассоциируется у него с трудом Бокля «История цивилизации в Англии», пользовавшимся в 1860-х годах самой широкой известностью. Дрепер «уютнее Бекля» — вероятно, в том смысле, что он доступнее, что он не ставит себе столь грандиозных целей. О монументальном труде Бокля Герцен неоднократно отзывался с уважением; но есть у него высказывания, позволяющие предполагать, что он все же сумел критически подойти к этому памятнику позитивистического мышления середины XIX в. Так например, еще в статье 1861 г. «Repetitio est mater studiorum» Герцен характеризует Англию (в противовес Франции) как страну, «где митинг покоен, свобода книгопечатания не вводит в грех, и Бокль так флегматически спокойно проповедует прогресс исподволь...» (XI, 229). Тем более критическим было отношение Герцена к Дреперу, несмотря на то, что он считал полезным для дочери знакомство с подобной литературой. В те самые

дни, когда он рекомендовал это чтение Наталье Александровне (27 апреля 1868 г.) Герцен писал о Дрепере Огареву: «План хорош и есть превосходные места, но широкой боклевской реки нет, и он иногда просто завирается по части религиозного консерватизма и американского лицемерия» (XX, 262). Дрепер уподоблял в своей книге историческое развитие народа биологическому развитию отдельного человека. В этой связи история народов подразделялась на особые «века»: век веры, век исследования, век разума. Дрепер, таким образом, отчасти следовал за Контом с его тремя стадиями развития человечества — теологической, исторической и позитивной. Для зрелого Герцена эти построения неприемлемы.

В публикуемых письмах встречаются и суждения о литературе, впрочем, немногочисленные. Интересны высказывания о Шиллере в письме от 21 апреля 1867 г. Герцен любил вспоминать свое юношеское восторженное увлечение Шиллером, поэтом «благородных порывов», как он назвал его в «Записках одного молодого человека». Уже на рубеже 40-х гг. Герцен преодолел романтизм «шиллеровского периода» своего развития, но до конца своей жизни Герцен считал творчество Шиллера драгоценным элементом гражданского и эстетического воспитания юношества. В образцах Шиллера молодой читатель не найдет подлинного *историзма* («...у него дон-Карлос — немецкий студент, Фиэско — студент...»), но образы эти воспитывают пафосом свободолюбия и высокой гуманности. В письме от 21 апреля Герцен в этом смысле и называет Шиллера «великим пропагандистом». В связи с Шиллером — замечание о Шекспире, которого «трудней уличить, что его лица несогласны с историей». Герцен имеет в виду то обстоятельство, что прототипы таких героев Шекспира, как Гамлет, Макбет, Лир, Фортинбрас — в качестве лиц исторических почти неизвестны читателю, в отличие от ряда героев Шиллера, принадлежащих более поздним, разработанным историей эпохам.

Письмо от 27 января 1868 г. заканчивается фразой: «Романов Ж. Санд читать не могу — скучны». Как большая часть передовых русских людей его времени, Герцен был горячим почитателем Жорж Санд; начиная с 30-х годов, он внимательно следил за развитием ее творчества. Возможно, конечно, что в конце 60-х годов проблематика Жорж Санд и ее художественный метод уже устарели для Герцена, что он пересмотрел свое отношение к произведениям, некогда его восхищавшим. Но скорее всего дело не в этом, и отрицательная характеристика относится к позднейшим романам, тогда еще только появившимся («Господин Сильвестр», «Последняя любовь» и т. п.). Последний период творчества Жорж Санд отмечен отходом от волновавших романистку социально-утопических идей и от боевых политических настроений 40-х гг.

Из отзывов о русских писателях наибольший интерес представляют упоминания о Тургеневе и Толстом. «А „Дым" прочти, — пишет Герцен 17 января 1868 г.,—за ним остается копоть и чад». Крайне отрицательное отношение Герцена к роману Тургенева «Дым» связано с их давнишними спорами, в которых Герцен отстаивал «особый путь» развития русского народа и возможность социальной революции в России. В 1867 г. свое отрицательное отношение к «Дыму» Герцен выразил и в частных письмах к Тургеневу, и на страницах «Колокола»; особенно отчетливо в заметке «Отцы сделались дедами». Приведенная фраза из письма от 17 января вполне соответствует этим высказываниям. Очевидно, опасаясь, как бы дочь не сделала из его суждений о «Дыме» опрометчивых выводов, Герцен пишет ей в следующем же письме (от 19 января): «„Дым" мне действительно не нравится — но в русской литературе Тургенев все же не такой дюжинник, чтоб позволительно было не знать его сочинений».

В публикуемых письмах встречаются два отзыва о Толстом. «Я читал с Лизой „Детство" Толстого. Что это за прелесть» (письмо от 3 февраля 1868 г.). И второй: «О романе Толстого надобно толковать много. Общая картина верна и интересна (вопреки Огарева-Мерчинского amendement), лица плоше, а есть места просто *глупые*, да ведь у Толстого-то есть тоже глупые места» (письмо от 27 июня 1868 г.). Речь здесь идет несомненно о «Войне и мире» (в марте 1868 г. вышел в свет четвертый том первого отдельного издания «Войны и мира»).

1 августа 1868 г. Герцен писал Огареву: «Ты, кажется мне, просмотрел хорошую сторону Толстого романа...» (XXI, 33). Эта фраза, хотя и одобрительная,

показывает, что и Герцен, так горячо приветствовавший «Детство», недооценил «Войну и мир». Публикуемое нами письмо от 2 июня прибавляет к этому отзыву еще один, свидетельствующий о том же. В романе «есть места просто *глупые*, да ведь у Толстого-то есть тоже глупые места»,— ключ к этому замечению, по-видимому, дают герценовские отзывы о Толстом после их личной встречи в Лондоне в 1861 г. 7 марта 1861 г. Герцен писал Тургеневу: «Толстой — короткий знакомый; мы уж и спорили; он упорен и говорит чушь, но простодушный и хороший человек ⟨...⟩ Только зачем он не думает, а всё, как под Севастополем, берет храбростью, натиском...» (XI, 43—44). И в письме к Тургеневу от 12 марта 1861 г.: «Гр⟨аф⟩ Толстой сильно завирается подчас; у него еще мозговарение не сделалось после того, как он покушал впечатлений» (XI, 46). «Глупые места» Толстого — это, очевидно, те его философские и политические суждения, которые были для Герцена совершенно неприемлемы в 1861 г. Аналогичным образом Герцен, скорее всего, определяет и неприемлемые для него философские и исторические размышления автора «Войны и мира».

Второе упоминание о «Войне и мире» в публикуемых письмах относится уже к 1869 г. 22 июня Герцен пишет Наталье Александровне: «Посылаю ⟨...⟩ V книжку Толстого ⟨...⟩, в ней много уродств, но много необыкновенно знакомящего с тем временем, даже мой отец на сцене—но глупо и неверно...». Герцен имел здесь в виду упоминание Толстого о том, что Наполеон в Москве призывал к себе «ограбленного и оборванного капитана Яковлева» и отправил его в Петербург с письмом к Александру I («Былое и думы», ч. IV, глава XXV).

В письме от 18 декабря 1867 г. из Милана мы находим несколько замечаний об изобразительном искусстве. «... Я здесь видел превосходную гравюру той картины Фландрена, о которой говорил Уст⟨инов⟩. Действительно, замечательно хорошо, в джиоттовском вкусе ⟨...⟩ Он отошел назад несколько веков, чтоб быть настоящим христианином, и удалось. Это уж не Овербеку чета и всей компании Кранахов...».

Речь идет, очевидно, о гравюре с картины «Вход в Иерусалим» французского художника Ипполита Фландрена (1809—1864). Это предположение подтверждается письмом Герцена к Тургеневу, написанным из Милана через два дня после публикуемого нами (20 декабря): «Лучшая новая картина из тех, которые я видел,— *ложь*, гениальная ложь: Фландрин так подделался под Джиотто, что натянул действительно христианское вдохновение... Даже маленький осел возле большого... святой осел...» (XX, 117). Фландрена Герцен противопоставляет знаменитому Овербеку (1789—1869), немецкому художнику, пытавшемуся возродить религиозную живопись. В живописи Герцен восхищается классическими образцами итальянского, голландского, испанского искусства. Замечательное творчество художников Кранахов оставляет его равнодушным; вероятно, Герцену оно казалось совершенно архаичным, лишенным живописности и гармонии.

В письмах от 18 и 22 февраля 1867 г. отразилось герценовское восприятие Венеции. Они дополняют ранее напечатанные венецианские письма Герцена от 20 февраля к Мейзенбуг и к Огареву. «Венеция — величайшая и самая поэтическая нелепость в мире» (письмо к Огареву — XIX, 218). В письме к дочери от 22 февраля 1867 г. Герцен пишет: «Венецию вне Венеции понять нельзя, особенно прошедшую. Она должна была быть аристократической республикой — дворцы, и внизу, как слизняки, льнущие к скалам, бедные, задавленные плебеи». Эти строки — интересный образец герценовского восприятия городов, восприятия единства их исторического содержания и архитектурной формы. Вспомним страницы, посвященные Риму в «Письмах из Франции и Италии». Герцен чтит величие древнего Рима, восторженно созерцает развалины Колизея, любуется памятниками «человечественного» Возрождения. Но папский, католически-средневековый Рим ему враждебен; и архитектурные обломки этого Рима возбуждают в нем только гнетущее чувство. Так понимал Герцен единство содержания и формы.

В предлагаемых читателю письмах Герцена к дочери разнообразные вопросы политики, морали, искусства, быта освещены его революционной и демократической мыслью.

1

18 ⟨февраля 1867 г.⟩. Понедельник.
Venezia. Albergo reale. Schiavoni

Вот я в двух шагах от святого Марка и грешного льва[1]. Нет города, который бы так поражал,— наружный вид до того оригинален, изящен и великолепен, что бедная Флоренция coulée *.

Я проспал до Болоньи — в девять был уже в гондоле, в Hôtel de l'Europe не нашел путной комнаты и отправился в Alb⟨ergo⟩ reale **. Жаль, что туман и серый день. Что ж при солнце?

Иду на почту.

Я забыл мои золотые пуговки от рубашки, Ольга видела, где они,— приберите и сыщите.

Всех обнимаю и целую.

Видеть Венецию необходимо так, как Неаполь,— человек не полон без этого. Не знаю, каково жить. Отели дóроги и набиты.

[1] Поблизости от собора св. Марка в Венеции водружено гигантское скульптурное изображение крылатого льва — эмблема Венеции.

2

⟨Венеция.⟩ 22 февр⟨аля 1867 г.⟩
Albergo reale. Пятница.

Всем

Нет карты, которая лучше бы, нагляднее передавала Венецию, как та, что на этом листе,— большие здания на маленьких пресс-папье, опущенных в воду[1].

Суббота.

На этом мне помешали русские соседи, которые очень хорошие люди, и один знает Тату и видел даже ее копию с Тициана в Риме. Сын поэта Жуковского[2]. А между тем пришло и письмо с описанием бала. Изредка, несмотря на Гюго, не Виктора, а Шифа[3], можно mitmachen ***. Здесь карнавал растет не по дням, а по часам,— толпы, маски, кричат, иногда дерутся, но всё вместе еще ничего, скорее глупо. Завтра и в середу — самые решительные дни — увидим завтра. Я не думаю, чтоб я остался до середы; вероятно, приеду во вторник вечером или в середу утром.

Каким образом попал Гарибальди во Флоренцию? И надолго ли? Уж не сюда ли едет? Саша**** мог бы явиться к нему и сказать, что я в Венеции, что стремлюсь его видеть — и не видать Онагра[4]. Я боюсь встречи с ним, то есть с Гарибальди,— по поводу польских сплетней. Господи... что за неисправимая нация... я здесь встретил экземпляр удивительнейший. Lasciate ogni speranza ***** [5].

Ты спрашиваешь, продолжает ли Венеция нравиться,— я уже писал Мейзенбуг, что жить здесь безумно, но приехать, ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩, осенью или в начале лета на месяц, даже на два, *если есть деньги*,— очень хорошо. Венеция захватывает своей странной красотой и необычайным богатством зданий, своей резкой оригинальностью. Венецию вне Венеции понять нельзя, особенно прошедшую. Она должна была быть аристократической республикой — дворцы, и внизу, как слизняки, льнущие к скалам, бедные, задавленные плебеи. Размеры всего колоссальны, от Академии delle belle arti ****** свербит в глазах, так много.

---

* сошла на-нет (франц.).

** Королевскую гостиницу (итал.).

*** действовать совмéстно (нем.).

**** Если Мальвида желает, вы можете все съездить к Гарибальди.— *Примеч. Герцена.*

***** Оставьте всякую надежду (итал.).

****** изящных искусств (итал.).

Мелких неудобств мильон: 1-е, народ, искаженный австрийским гнетом и туристами,—подло обманывает на каждом шагу, 2-е, тупое правительство[6] — как будто на смех себе — дозволяет величайший сумбур в деньгах — ходят деньги серебряные австрийские, ассигнаций *тосканских* не принимают, променных денег и франковых бумажек почти нет или не у всех. Менялы, пользуясь, берут франк со ста — за маленькие ассигнации. Казна не берет ничего, кроме 5 ф.— Купцы немцо-жиды срывщики sous саре * хохочут и говорят: «А вот во время Австрии деньги ходили просто».

При ВЫЕЗДЕ из Венеции по железной дороге осматривают все чемоданы и ящики — это всё против табаку, и пр., а regia ** здесь та же.

Если б я был генерал Ауг[7] я всё бы переменил это.

Не поплывет ли он с Гарибальди сюда—за этим я остался бы день лишний.

Был на вечере у книгопродавца Мюнстера (втрое больше всех Лёшеров и Бренеров [8] у вас) — всё немцы, немцы и для вариации немки. Если б не давали сандвичей — я бы очень скучал, к тому же был в фраке.

NB Известно ли вам, что здесь все картавят и пришепетывают, что, впрочем, очень мило.

От Огар⟨ева⟩ два письма—всё заедает libre arbitre***. А каков Пет⟨р⟩ Вл⟨адимирович⟩? Сын его, делая химические опыты, обжегся, и сильно — он телеграфировал в III Отдел⟨ение⟩ вопрос о его здоровье — и через несколько часов получил уведомление, что «ему лучше». Это прелесть. Как же они его боятся! [9]

Прощайте. Переведите Мальвиде письмо. Monod выговор за болезнь, Levier[10] за то, что не починил его.

Лизе лучше.

С понедельника начиная ни писем, ни газет не посылайте (разве, может, по первой почте, то есть до 12 часов утра).

Ольге доношу следующее: *ровно в два* (часы на башне бьют два чугунных арапа)—голуби со всех сторон летят на Маркову площадь — закусывают и улетают на 24 часа — это очень оригинально. Посылаю ей вид берега Schiavoni[11] с нашим отелем. Она увидит, что крыса с крыльями здесь спать никому не мешает, потому что ее держат на столбу[12].

Прощайте.

Везде ли щенок Доманже[13] гадит — и стала брать опять Ольга уроки у Pas-nofky[14]?

Письмо Кине о немцах [15]—chef-d'œuvre, привезу с собой.

[1] *Карта* —т. е. вид Венеции с птичьего полета, напечатанный на почтовом листке.

[2] Павел Васильевич *Жуковский*. В тот же день Герцен писал Огареву: «Сын В. А. Жуковского и еще племянник А. П. Ермолова обедают со мною за одним столом,— милы» (XIX, 220).

[3] Шутка Герцена, который имеет здесь в виду *Гуго Шифа*, брата известного физиолога, ассистентом которого был в это время А. А. Герцен.

[4] По-видимому, *Онагром* (онагр — дикий осел) Герцен называет Франческо *Онгаро* (1808—1873) — итальянского писателя и деятеля национально-освободительного движения, сподвижника Гарибальди. В 1860-х годах Онгаро занимал во Флорентинском университете кафедру драматической литературы.

[5] *Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate* — в «Божественной комедии» Данте надпись над входом в ад.

[6] Правительство итальянского короля Виктора-Эмануила. После поражения Австрии в войне 1866 г. с Пруссией и Италией, Венеция была присоединена к Итальянскому королевству.

[7] *Ауг* — Эрнест Гауг (Haug).

---

* исподтишка (франц.).

** откуп (итал.).

*** свобода воли (франц.).

[8] С венецианским книгопродавцем Мюнстером Герцен вел деловые переговоры, предлагая ему свои издания. См. об этом письмо к Огареву от 20 февраля 1867 г. (XIX, 218).— *Лешер* и *Бреннер* — по-видимому, флорентинские книгопродавцы.

[9] *Петр Влад⟨имирович⟩*— Долгоруков. Факт, приведенный Герценом, скорее всего свидетельствует о том, что у П. В. Долгорукова в высших бюрократических сферах имелись личные знакомые и приятели. О П. В. Долгорукове см. в «Лит. наследстве», т. 63, 1956, стр. 126—132.

[10] *Levier* — флорентинский врач.

[11] *Riva Schiavoni* — набережная в Венеции, идущая по берегу лагуны, от площади св. Марка по направлению к острову Лидо.

[12] Крылатый лев св. Марка (см. примеч. 1 к письму № 1) водружен на огромной колонне.

[13] Французский эмигрант Жозеф *Доманже* в Лондоне был учителем А. А. Герцена. В 1867 г. Доманже давал уроки Ольге, которой он, по-видимому, подарил щенка.

[14] Музыкант-педагог *Г. Пановка*, о котором см. ниже.

[15] Речь идет, очевидно, о вышедшей в 1867 г. брошюре Кине «La France et l'Allemagne». В письме от 15 марта 1867 г. Герцен советует Огареву непременно прочитать эту брошюру (см. XIX, 243).

3

21 апреля 1867. Женева

Письмо ко мне и потом ко мне и Огар⟨еву⟩ получил. Ну, что же, Саша был у Гарибальди? Зачем он во Флоренции, уж эта Марья — славная воительница[1], а его не бережет, он в парламенте только может fiasco сделать. Моя статья о Венеции вышла очень хороша — но боюсь печатать — она рассердит всех—Наполеона, Бердушка[2], Онагра и самого Осип Ив⟨ановича⟩[3].

Насчет истории философии я тебе говорил — что серьезной книги ты не одолеешь — а поверхностное знание дает фальшивую уверенность и идет больше для внутренней головной прически — чем для дела. Есть у вас мои «Письма об изуч⟨ении⟩ природы» и «Дилетантизм в науке»?— могу прислать. Попробуй. Разумеется, я во многом тогда ошибался. Перечитай у Гёте в «Фаусте», что Мефистофель говорит студенту о метафизике и collegium logicum*. Ну что же ты хочешь делать с полковым штаб-лекарем Шиллером[4] за то, что у него Дон-Карлос — немецкий студент, Фиэско — студент, а студент Мор — разбойник. Шиллер был великий пропагандист и делал пропаганду из всего. Конечно, Шекспира трудней уличить, что его лица несогласны с историей,

ищи Гамлета,
ищи Макбета,
ищи Лира...

Где они?... Есть ли портрет хоть у Фортинбраса?[5]

А если ты хочешь читать исторические драмы Шиллера, то их две — и обе chef-d'œuvr'ы: «Wilhelm Tell» и «Wallenstein»... Все три части. Принимайся за них сейчас — если прежде уж читала — то тем паче.

У нас тишина, ко мне почти не ходит никто. Сегодня иду к Долг⟨орукову⟩ обедать первый раз. Огар⟨ев⟩ с ним не в ладах, и он все-таки бесконечно скучен.

О Ницце я тебе писал подробно, к концу июня я буду наверное там, если ничего не случится, раньше второй половины мая ездить нечего — а может и совсем не придется. Я пространно писал тебе отсюда уж — получила ли?

К 1 мая я не съеду — Банку все равно.

Теперь комиссии.

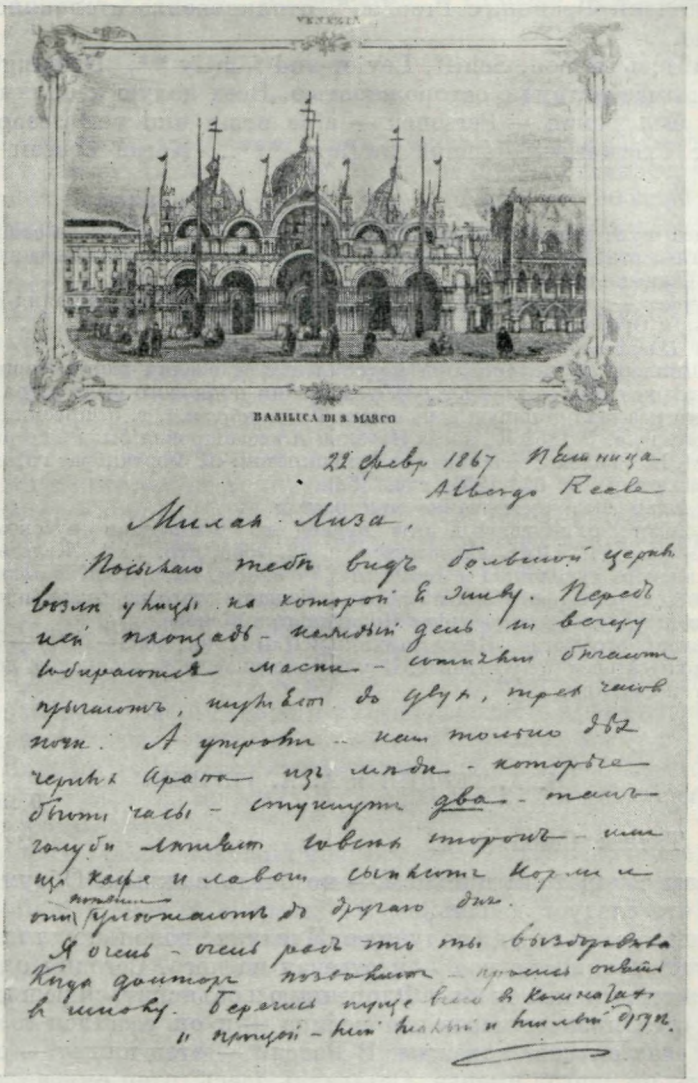
Я очень серьезно прошу сей час мне отвечать на следующее:

1. Саша пусть мне напишет рецепт мази с йодием против шишки — она опять сильно растет, и я боюсь, что соревнование с Монбланом сравняет ее с Луи Бланом[6].

---

* курсе логики (лат.).

2. Чернецкий просит, чтоб Железнов ему отвечал как можно скорее, начать ли печать второй части Вазари (которую я привез) — у него нет работы [7].



АВТОГРАФ ПИСЬМА ГЕРЦЕНА К ДОЧЕРИ ЛИЗЕ ОТ 22 ФЕВРАЛЯ 1867 г. ПИСЬМО НАПИСАНО НА ПОЧТОВОЙ БУМАГЕ С ВИДОМ СОБОРА СВ. МАРКА

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

3. Тхоржевский просит Аделизию, или Гаэтану, или Коко, или Сандрилиона из Спекулы написать, в чем секрет от него, что Тата скрывает (несмотря на несколько вопросов), должна ли она какому башмачнику 18 фр⟨анков⟩.

4. Не хотите ли что печатать у Чернец⟨кого⟩ по-французски? Ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩ «Физиологию»... Он берет без бумаги 57—59 фр⟨анков⟩ с листа.

Об этом прошу отвечать тотчас.

У меня тож Zahn'ом меньше, вчера выдернул. Я рад, что и у вас уехал Zahn[8]. Меньше немцев. Лучший немец — Мальвида, и единственный. Их ненависть к славянскому и русскому доходит до комизма. Что-то будет после коллизий Франции с Preußen*, столкновение с славянским миром неминуемо.

Кланяйтесь Monod, Schiff, Levier and family **, Domangé etc., etc.

Ольга, амазонствуй с осторожностью. Всех целую и обнимаю.

Здесь был роман — Personen — eine arme und verlassene Seele, ein Rußischer Priester,— élément tragique ***... Когда совсем узнаю, напишу.

[1] Герцен шутя называет *Марьей* жену участника итальянского освободительного движения Альберта Марио — английскую писательницу Уайт. Она была в близких отношениях с Гарибальди.

[2] *Бердушек* — знакомый М. Мейзенбуг. См. выше упоминания о нем в письмах Герцена к Огареву и А. А. Герцену.

[3] *Осип Иванович* — Маццини.

[4] Ф. Шиллер, обучавшийся на медицинском отделении вюртембергской военной академии, должен был отбывать службу в звании полкового фельдшера.

[5] Герцен называл старшую дочь своим *Фортинбрасом*, т. е. преемником, наследником своего дела. В 1852 г., когда Наталья Александровна была еще ребенком, Герцен писал М. К. Рейхель, сравнивая себя с Гамлетом: «И Фортинбрас готов — это Тата» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 362).

[6] Луи Блан был чрезвычайно мал ростом.

[7] Речь идет о жившем в этот период во Флоренции русском художнике *М. И. Железнове* (см. «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 742). Железнов переводил труд итальянского художника и писателя XVI в. Дж. Вазари «Жизнь знаменитейших художников, скульпторов и архитекторов». Издание этого перевода, начатое в Лейпциге, продолжено было в типографии Чернецкого в Женеве.

[8] Вероятно, это Иоганн-Карл-Вильгельм *Цан* (Zahn, 1800—1871) — немецкий художник, архитектор и искусствовед. Изучая античное и итальянское искусство, Цан долго жил в Италии.

4

Н. А. ГЕРЦЕН и А. А. ГЕРЦЕНУ

9 мая 1867. Genf

Тата и Саша,

Я к вам с коротким письмом — но очень важным. Обдумайте на все стороны, что следует делать.

Недели две тому назад я получил от Лугинина довольно длинное письмо, очень дружеское, печальное — и отвечал на него. Сегодня он пишет мне вдруг, что он решился ехать в Флоренцию и объясниться решительно с тобой. Его отец приедет через два месяца — и он решился *возвратиться*, в случае, если ему нет надежды. В России — отец пишет — его все-таки сошлют, но он спасет именье. Оставаясь здесь, отец ему не дает ничего, кроме 320 000 (что за осел).

Я написал длинное письмо,— сказал, что ты едешь в Ниццу,— что не лучше ли ему писать, предлагал сам писать (хоть и сказал, что, по-моему, надежда плоха).

Итак, на всякий случай скажи мне всю мысль, все, что на сердце.— Подумай с Сашей — и отвечай в ту же минуту. Посоветуйся и с Мальвидой — ей было бы больно, если б ты ей не сказала.

Теперь я с своей стороны скажу в первый раз одно слово в пользу Лугинина — меня больше всего трогает постоянство его чувства к тебе и

* Пруссией (нем.).

** с семьей (англ.).

*** действующие лица — бедная и покинутая душа, русский священник, — трагический элемент (франц. и нем.).

глубокая грусть его писем. Это с одной стороны — с другой брак без взаимной любви — двойная нелепость.

И затем liberté complète*.

Когда ты едешь в Ниццу? Я, вероятно, к 15 июня уеду отсюда.

5

〈Женева.〉 7 июня 1867. Пятница

Милая Тата, твоим письмом я очень доволен и целую за него от души. Что ты права насчет Лизы — в этом нет сомнения. Но главное, что надобно,— это иметь влияние на Nat〈alie〉. Я тебе скажу с полнейшей откровенностью — фонд ** дурного в ее натуре идет из двух источников: ревность и необузданность. Она может любить людей — и из ревности делать над ними бог знает что. Если б я не видал явно, что главное чувство в ней — привязанность ко мне (в какой бы форме она ни выражалась) — многое было бы иначе. Если ты можешь настолько победить ее, чтоб иметь влияние на Лизу — это великое дело. Но я думаю, что вряд нужно ли теперь оставаться — может, лучше возвратиться зимой, если N〈atalie〉 действительно в том положении. Кстати — ты говоришь о *неловком* положении. Я думаю, что мы, толкуя много о новом воззрении,— такие же старые люди, как и те, которые не толкуют. Выше всех нас головою Огар〈ев〉 — и он всего дельнее говорит, что скрывать поздно и глупо. (Не афишировать и не скрывать).— Я хочу с тобою быть совершенно откровенным. Когда Ог〈арев〉 заметил у N〈atalie〉 сильную любовь ко мне — ему не пришлось еще сказать слова, как она ему все сказала — и *тогда же* сказала мне. Это был поступок чистый и смелый. Огар〈ев〉 был, как всегда, бесконечно благороден и, не имея больше с своей стороны особенной страсти, сказал, что он свободно передает мне N〈atalie〉 — и остается ее братом.

Все дурное вышло не из этого, а из сумасшедшего нрава и необузданности. Капризы отдалили Огар〈ева〉, капризы отдалили вас — страшнейшее бедствие в Париже[1]— все идет из одного источника. Но Лиза стояла тут— великой связью,— и я понимал мой долг к ней, не одну мягкую — но и жесткую сторону его.

Переезд из Буасьеры положил новую черту[2]. Ог〈арев〉 переехал в Lancy, и вся наша жизнь, как бусы, у которых шнурок порван, рассыпалась. Если б кто-нибудь умел их собрать?.. Сумей *ты*.

Береги это письмо. Это моя исповедь.

К Лугин〈ину〉 теперь писать не стану, я жду еще ответ от него[3]. Пусть он едет в Россию,— кажется теперь он подойдет под амнистию... потом может приехать снова с своим вопросом. Думаешь ли ты, что ты тогда примешь его предложение? Ог〈арев〉 полагает, что он очень ревнив,— а почему, не знаю.

Прощай. Целую тебя как ближайшего друга. Отчего не ехать в Геную на зиму? Мне теперь от 1 июля до 1 декаб〈ря〉 свободно.

Знай, что ты имеешь право ехать, когда хочешь. Пора бы сделать свиданье с Ольгой и ей сказать обо всем.

Прощай.

Храни это письмо в тайне.

[1] В декабре 1864 г. в Париже умерли дети Герцена и Н. А. Огаревой, близнецы Алексей и Елена. На пребывании в Париже, где дети стали жертвой эпидемии дифтерита, настаивала Н. А. Огарева; она сама считала себя виновной в их гибели.

[2] В Château de la Boissière близ Женевы семья Герцена жила с 1865 г. до января 1866 г.

[3] Письма Лугинина к Герцену и Герцена к Лугинину неизвестны.

---

* полная свобода (франц.).

** основа (от франц. «fond»).

6

18 декаб⟨ря 1867 г.⟩ Середа. Milano

Кто говорит о Милане, тот говорит о соборе, но я уже почтенной представительнице Гессен-Касселя[1] на него жаловался — а тебе скажу, что я здесь видел превосходную гравюру той картины Фландрена, о которой говорил Уст⟨инов⟩[2]. Действительно, замечательно хорошо, в джиоттовском вкусе. Если где-нибудь в лавке в Флоренции есть, постарайся посмотреть. Он отошел назад несколько веков, чтоб быть настоящим христианином, и удалось. Это уж не Овербеку чета и всей компании Кранахов с Луком[3] и пр.— Иду сегодня взглянуть на музей и на Леонарда да Винчи вечерю. Затем пойду в Scala — взглянуть «Ромео» Гуно и залу — затем баста. Ничего не хочется смотреть — город, à propos, шире, богаче и больше Флоренции — новая галерея, или пассаж, между собором и la Scala необыкновенно изящна и грандиозна. Вот чего требует наш век от зодчих. Au reste, такой галереи и в Париже нет.

Письмо Огар⟨ева⟩[4], пересланное тобой, получил, и из Турина тоже, там все готово — а потому я в пятницу ночью или в субботу поутру туда поеду — и оттуда в Геную. Там пробуду дни три— а может и больше. Особенно важного туда не посылайте — а лучше прямо в Ниццу,— а там что нибудь черкните — и именно чтоб моя безграмотница Ольга написала обо всех, сверх вас самих. Расчет немудрен.

Письмо это придет 19⟨-го⟩ утром.

Если вы тотчас напишете, то я здесь или в Турине получу,—если же напишете в Геную ferma in posta через сутки — то я получу там.

Газет, о которых пишет Ог⟨арев⟩, еще не получал.

Мое письмо, вероятно, дошло.

Засим всем бенедикции *, а кому следует поклон.

Огарев пишет, что уже о «Кол⟨околе»⟩ шумят.

Тата должна помнить, что ее рожденье не 25 декабря, а bien** 6 января.

P. S. Книгу Наке[5] я прочитал — плохо, бедно и угловато. Зато смело. Я ее пришлю Саше — из Швейцарии. Саша, совершенно свободный в сфере науки и теологии,— далеко не так свободен в понятии о семье, да и о практической жизни вообще. Наке не сделает переворота — он даже в многом врет, но расшатает и заставит подумать. Мысль, что семья, так же, как государство,— форма и притом необходимая для развития,— но что она должна быть перейдена, donne à penser ***.

Книга о работниках Бехера[6] очень полезна — я и ее пришлю.

[1] М. Мейзенбуг была уроженкой княжества Гессен-Кассель.— Своими впечатлениями от миланского собора Герцен поделился с Мейзенбуг в письме, написанном в тот же день, 18 декабря 1867 г. (см. XX, 116).

[2] В марте 1864 г. Н. А. Герцен познакомилась в Риме с приехавшим из России семейством Устиновых-Володимировых. В письме к Огареву Наталья Александровна характеризовала Г. Г. Устинова как горячего почитателя Герцена и Огарева. Н. А. Герцен подружилась с сестрой жены Устинова, Е. Володимировой (см. «Лит. наследство», т. 63, 1956, стр. 453—455).

[3] Каламбур: Герцен имеет в виду немецких художников XVI века — Лукаса (Луку) Кранаха Старшего и Лукаса (Луку) Кранаха Младшего.

[4] По-видимому, письмо Огарева к Герцену от 13 декабря 1867 г. («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 478—480).

[5] О книге *Наке* см. вступительную статью к настоящей публикации.

[6] Речь идет о книге *Э. Бехера* «Рабочий вопрос в его современном значении и средства к его разрешению», впоследствии переведенной на русский язык под редакцией П. Н. Ткачева. См. примеч. 2 к письму № 54.

---

* благословения (от лат. «benedictio»).

** точно (франц.).

*** заставляет думать (франц.).

7

⟨Турин. 21 декабря 1867 г.⟩ [1]

Также и от Таты получил рапорт. Вот ей приписка.

Тата,

All right *— но несколько замечаний скажу. Вы очень рассеиваете ваши силы и средства — это раз. Другое — я никогда не выбрал бы для

МИЛАН
Литография Деруа, 1860-е гг.
Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва

подарка серьги — пустые вещи поддерживают пустые вкусы — не лучше ли было бы купить или материи, или что-нибудь на плечи etc. Обедом я доволен (хотя только завтракаю) — но погода ужасная. Бегу в Геную.— О деньгах писал.

Получил длинное послание от Тургенева о «Колоколе». Он против — но очень любезен [2]. Вам всем кланяется.

* все в порядке (англ.).

Напомни Домангаю, что он хотел писать возражение — это для нас очень полезно[3]. Огар⟨ев⟩ пишет, что полемики ждут, то есть многие говорят, что «это вовсе несносно», как говорил Зонненберг[4].

Получил от Тхоржев⟨ского⟩ длинное послание и от Огар⟨ева⟩ извещение[5], что он будет писать и что ему некогда; получил и вторые газеты — а первые? Что ж, их сжег Муций Сцевола или извела на папильотки Аскефизия?— Или их бросил Саша, или их забыла ты?.. Прошу прислать Genova, fermo in p⟨osta⟩.

Довольно...

В утешение Мейз⟨енбуг⟩ скажи, что у меня кашель усилился от дождя. Сегодня прочищается — а то два дня ливмя лил дождь и стоймя стоял туман.

Если в Генуе будет так же скверно, поеду, может, 24 дек⟨абря⟩ в Ниццу.

P. S. А что скажете о новой дикой силе — фенианизме, они после тюрьмы сделали опыт взорвать что-то в City. Не хотели люди революцию Гарибальди — вот им идет Яга-бальди (я думаю, ты слышала о бабе-Яге и о Гауг-Papa-baldi[6])... Представь себе, как Савич и другие капиталы[7] дрожат в своих конторах.

[1] 20 декабря 1867 г. Герцен находился еще в Милане, 22 декабря он приехал в Геную. По дороге, в Турине, Герцен 21 числа улаживал свои денежные дела в банкирском доме Fidel, Berné et C^nie^. Об этом он пишет сыну 21 декабря (см. XX, 120—121). Комментируемое письмо написано после этого письма к А. А. Герцену («О деньгах писал...») и до прибытия в Геную, поэтому мы и датируем его 21 декабря.

[2] Здесь и далее речь идет о французском издании «Kolokol», которое Герцен предпринял после прекращения (в июле 1867 г.) русского «Колокола».

В письме от 12 декабря 1867 г. Тургенев благодарил Герцена за присылку первого номера «Kolokol» (датирован 1 января 1868 г., но фактически вышел в декабре) и в то же время полемизировал с помещенной там статьей Герцена «Prolegomena» (см. «Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену». Женева, 1892, стр. 196).

[3] *Домангай* — Доманже. «Возражение» Доманже, предназначавшееся Герценом для «Kolokol», по-видимому, не было написано; по крайней мере, в «Kolokol» его обнаружить не удалось.

[4] Карл Иванович *Зонненберг* изображен Герценом в первой части «Былого и дум». «Это вовсе несносно» — выражение Зонненберга, когда он, выведенный из терпения насмешками и придирками И. А. Яковлева, на время покидал его дом («Былое и думы», гл. V).

[5] Упоминаемые письма Огарева и Тхоржевского нам неизвестны.

[6] Э. Гауг в своей речи, обращенной к Гарибальди, сказал, что популярность итальянского героя в Германии настолько велика, что дети зовут своих отца и мать «Papa-baldi» и «Mama-baldi» (см. XV, 71). На это и намекает здесь Герцен.

[7] Иван Иванович *Савич*, изображенный Герценом в «Былом и думах» (глава «Апогей и перигей»), долгие годы жил в эмиграции в крайней нужде, впоследствии он разбогател на поставках угля. Слово «капиталы» Герцен употребляет в смысле «капиталисты».

8

23 декаб⟨ря 1867 г.⟩. Genova. Hôt⟨el⟩ Feder

Я с 1852 был много раз в Генуе и никак не попадал в тот отель, где был тогда — с Тесье и Сашей. Наконец-то добрался до него. Тот же коридор и старинные переходы, массивные лестницы — чуть ли даже не та же комната, в которой Медичи у меня на постели поймал скорпиона (прочти в «Был⟨ое⟩ и думы», вероятно это в той же главе, где об Орсини), к тому же Записки Орсини так и воскресили давнопрошедшее. Ты с Ольгой были тогда в Париже у Мар⟨ьи⟩ Каспар⟨овны⟩. Кстати, Зап⟨иски⟩ Орсини я завтра вам пошлю — читайте их с Ольгой, они очень интересны— жаль, что он увлекается тогдашней злобой на Мац⟨цини⟩[1].

Воздух здесь мягче — видится, что нас балует морской, сыроватый воздух, и сыроватый на свой манер. В Милане и Турине — без огня нельзя было сидеть, здесь я еще не топил, и кашель, кажется, уменьшается.

Писем еще ни от кого здесь не получил,— может, поеду завтра или в Рождество[2]. И море тихо, и дилижанс для Рождества пустой — еще не решил. А старые-то времена — из отеля посылаются паспорты во Францию в консульство. Без визы решительно не пропускают через французскую границу.

Avant de partir je vous informerai— et certainement à l'adresse de l'honorable Olga — représentante de m-selle Bakoffen* [3].

Ну что же Мещерский [4] пропал?

Если не будет контр-ордра, пишите в Ниццу 27 d⟨écemb⟩re.

Мне досадно, что я нагрузил себя туринскими бумажками,— это ужасно мешает двигаться, фланировать и пр. Надобно лучше прикладывать papier payab⟨le⟩ **.

Мальвиде поклон от меня и перевод от вас [5].

[1] «Воспоминания» Орсини были написаны в Лондоне в 1856 г. В 1857 г. появилось на итальянском языке нелегальное их издание под заглавием «Политические мемуары». В том же 1857 г. они вышли в Эдинбурге в английском переводе с рукописи — «Memoirs and adventures of Felice Orsini, written by himself». В своих «Воспоминаниях» Орсини несколько раз повторяет, что был разочарован в Маццини, которого некогда он считал подлинным вождем итальянского освободительного движения. Орсини характеризует Маццини как кабинетного теоретика и особенно сурово осуждает его роль в неудавшемся миланском восстании, которое, по словам Орсини, привело к полному крушению авторитета Маццини (см. Феличе О р с и н и. Воспоминания. М.— Л., Academia, 1934).

[2] Герцен направлялся из Генуи в Ниццу, которая с 1860 г. принадлежала Франции.

[3] Личность г-жи Бакофен нами не установлена. Возможно, что речь идет о вымышленном лице.

[4] Александр Николаевич *Мещерский*.

[5] Герцен просит перевести его письмо М. Мейзенбуг, забывшей к этому времени русский язык, который она изучала в 1850-х годах.

9

Н. А. ГЕРЦЕН, ДРУГИМ ЧЛЕНАМ СЕМЬИ и М. МЕЙЗЕНБУГ

25 décem⟨bre 1867.⟩. Genova. Середа. Федорова гостиница

Во-первых, я все еще не решил, завтра ли еду или нет. Морем или сушью. Кашель уменьшился—но зато я à la Schiff *** совершенно потерял обоняние — так что не отличил бы Ess-Bouquet от Зонненберга. Во-вторых, Геную я рассмотрел в детали... Et voilà mon rapport que tu dois lire à Malvida. Gênes est sans doute une des plus belles villes de l'Italie, tout à côté, à Nervi, il y a des maisons et des cités magnifiques sur une colline en vue de la mer. La ville très tumultueuse n'offre rien que sa beauté... C'est une chose étonnante, tout ce qui est très beau en Italie est en même temps absurde. Ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩ Venise, le dôme de Milan, les rues de Gênes... on voit partout les traces d'un enfant de génie[1]— et nulle part les traces d'un officier du Génie. Le calembour vient de soi-même — comme aussi que les rues de Gênes — gênent[2], écrasent, on n'est plus habitué à vivre à la manière de punaises en circulant dans des fissures. Résultat. On peut admirablement passer ici de mai jusqu'en septembre, et on peut aussi s'en passer [3]. S'il y avait un besoin de quitter Nice je recommanderais sans hésitation Gênes. Il y a même des maisons à côté du jardin — qui sont de toute beauté (Piazza Corvetto etc).

Mais je pense qu'on pourra rester jusqu'au printemps à Nice — et ensuite chercher q⟨uel⟩q⟨ue⟩ chose *nella Svizzera*.

* Прежде чем уехать, я вас извещу — и непременно на адрес почтенной Ольги — представительницы г-жи Бакофен[3] (франц.).

** бумаги, подлежащие оплате (франц.).

*** на манер Шифа (франц.).

J'ai fait tort à Turin — je l'ai vu l'autre jour à travers un cathare,
une migraine,
un brouillard.

Cette fois la ville m'a paru très animée, et je regrette que je n'y sois pas resté 24 h⟨eures⟩ de plus. (Figurez-vous que c'est en allant au chemin de fer pour partir que je me suis souvenu de Moleschott).

Milan, et au plus haut degré Florence, sont *affectés*... натянуты — ce n'est pas simple, les ruines et les monuments, le bon et le mauvais — font d'éternelles décorations. Turin est tout de bon une ville — comme Brighton, comme Lyon, peu de «*memento mori*» et beaucoup de cafés. Il me semble que les habitants à Turin et à Milan — sont meilleurs que chez vous. A Gênes on court trop — on ne peut fixer les figures — embarquement, débarquement — *Partenza*... fourmillière navale*.

Вчера я послал Ольге Записки Орсини. Шляясь по улицам, я купил у букиниста Записки Тренка, которого Фридрих II полжизни продержал в тюрьме. Хвастун он страшный — а сравнение двух эпох, двух тюрем и двух личностей — забавно.

Заметьте, какая здесь превосходная бумага, я купил на 3 ф⟨ранка⟩ 50 сант⟨имов⟩ целую провизию.

Прощайте.

26 декабря

Иду как Фауст — без Вагнера — смотреть, как пирует народ — всю ночь решительно пели песни — и изредка молитвы. Погода удивительная (обыкновенно в Генуе я видал проливной дождь) — тепло и ясно, даже ночью.— А пока я писал, поднялась биза.

6 часов вечера

Omnibus**

В 7 я на пароходе, в 8 — пар, в 5 утра Ницца. С паспортами возня, как в Австрии сто лет тому назад.

Stabilim⟨ento⟩ della concordia ***.

[1] Каламбур: «génie» — по-французски — гений и инженерное дело.

[2] Каламбур: «Gênes» — Генуя и «gênent»— теснят — по-французски звучит одинаково.

[3] Каламбур: по-французски слово «passer» означает «провести», а «s'en passer»— «обойтись».

* И вот мой отчет, который ты должна прочесть Мальвиде. Генуя, бесспорно,— один из красивейших городов Италии; совсем рядом, в Нерви, есть великолепные дома и старые кварталы на холме, обращенном к морю. Сам город, очень шумный, ничем, кроме красоты, не отличается... Странное дело, но все что в Италии очень красиво, в то же время и бессмысленно. Ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩, Венеция, Миланский собор, генуэзские улицы... повсюду чувствуется рука гениального ребенка... и нигде — рука инженера [1]. Сам собой напрашивается каламбур,— так же, как хочется сказать, что генуэзские улицы теснят [2], давят, мы уже отвыкли жить, как клопы, ползая по щелям. Вывод. Можно превосходно провести здесь время с мая до сентября, но можно обойтись и без этого [3]. Если бы встретилась необходимость покинуть Ниццу, я не задумываясь рекомендовал бы Геную. Там, рядом с садом, есть дома даже просто прекрасные (Пиацца Корветто и др.).

Однако я думаю, что можно остаться в Ницце до весны, а затем поискать что-нибудь *nella Svizzera* ⟨в Швейцарии (итал.)⟩.

Я обидел Турин. Я видел его намедни сквозь простуду, мигрень, туман.

На этот раз город показался мне очень оживленным, и я жалею, что не остался там еще на 24 часа. (Представьте себе, что я вспоминал о Молешоте только по пути на железную дорогу, уезжая обратно).

Милан, а еще в большей степени Флоренция, *напыщенны*, натянуты,— в них нет простоты; руины и памятники древности, хорошее и дурное — образуют вечные декорации. Турин просто город как Брайтон, как Лион, мало «memento mori» ⟨«помни о смерти» (лат.)⟩ и много кафе. Мне кажется, что жители Турина и Милана лучше, чем у вас. В Генуе слишком много беготни — нельзя разглядеть лиц — посадка на суда, высадка — partenza ⟨отплытие (итал.)⟩... морской муравейник (франц.).

** Всем (лат.).

*** Водворение согласия (итал.).

10

28 декаб⟨ря 1867 г.⟩. Nice

Проспавши целую ночь на пароходе без малейшей качки, я прибыл в Ниццу. Светло, ярко и не холодно. Я возвращаюсь к прошлому письму[1] — что итальянские города — памятники, их надобно изучать, уважать, а жить в таких трактирах, как Ницца.

Подарки все вручил. Лиза хлопочет о репетиции для меня «Сандрильоны»[2]. Всё по-старому. Monod кричит, Крафт стягивает лицо, Висконти[3] — etc., etc. Рошроль etc.

Казино открыт под почетным президентством баварского короля[4]... Экой старый шут. Завтра возьму билет на месяц.

«Колок⟨ол⟩» франц⟨узский⟩ идет, и Георг[5] взял уже сверх обыкновенного числа 400 экз⟨емпляров⟩. Виск⟨онти⟩ всё продал — да по дороге и русс⟨кий⟩ за целый год.

Засим поздравляю с новым годом *.

Мальвида Филипьевна — матушка и милостивая государыня — поздравляю вас с Новым годом, который, вероятно, будет хуже всех предшествовавших.

Читаете ли вы о ужасе в Лондоне от фениан?[6] Войну ждут почти все. Игнатьев еще не назначен на место Горчакова[7]. Русских здесь mille e tre **.

Посылаю «Pensée Nouv⟨elle⟩», когда же у вас подпишутся?

После обеда

Все окна открыты, теплынь как летом, я снова надел летний пальто.

Всех обнимаю.

Нефталь[8] почти совсем ослеп.

Je charge spécialement Olga de me faire un rapport sur la présentation du marbre Zabiela[9] à Schiff. Effet, speechs...

Tu ajouteras mes félicitations.

Je salue tout spécialement la petite Schiff — elle a été indisposée, lorsque j'ai quitté Flor⟨ence⟩ ***.

У Огар⟨ева⟩ опять невралгия надглазного нерва — спроси у Левье рецепта, нет ли какого; хинину он дует — но она не помогает.

[1] См. письмо № 9.

[2] *«Сандрильона»* («Золушка») — драма Н. А. Тучковой-Огаревой, специально написанная для семейного спектакля (см. Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. Л., 1929, стр. 370 и XX, 127).

[3] О каком *Крафте* здесь идет речь, установить не удалось.— *Висконти* — книгопродавец в Ницце.

[4] *Король баварский* — Людвиг I (1788—1868), который в 1848 г. вынужден был отречься от престола.

[5] *Георг* — книгопродавец в Женеве.

[6] См. предисловие к настоящей публикации.

[7] Очевидно, распространились слухи, что во главе министерства иностранных дел вместо А. М. Горчакова будет поставлен Н. П. Игнатьев, занимавший в 1867 г. пост посланника в Турции; слухи эти не оправдались.

[8] О *В. Ф. Нефтеле* (Нефтале) см. «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 399—400 и 745.

[9] Пармен Петрович *Забелло* — скульптор; впоследствии создал надмогильный памятник Герцена.

---

* Следующий абзац написан более крупным почерком и предназначался для М. Мейзенбуг. — *Ред.*

** Тысяча и три (итал.).

*** Особо поручаю Ольге представить мне донесение о том, как мрамор Забелло[9] представлялся Шифу. Эффект, спичи... Ты поздравишь и от моего имени. Особый привет маленькой Шиф — она была нездорова, когда я покинул Флоренцию (франц.).

11

Тате

⟨Ницца.⟩ 17 янв⟨аря⟩ 1868. Пятница

Вчера я послал тебе «Кромвеля». Советую прочесть с вниманием. Особенно последние главы. Все одно и то же. Людей ничем не научишь. Что за величественные лицы всех главных участников англ⟨ийской⟩ революции, что за сила и энергия, и восстановленный король — шалопай и воришка, дрянь и папист, казнит их и бьет, как мух, хлопушкой — и стада народа стоят и смотрят. Человечество вырабатывает на мильон негодяев в сто лет одного порядочного человека... кто же уроды — он или стадо?

Только что я дочитал «Кромвеля», взял «Les derniers Montagnards»— par Jules Claretie*[1]. Это возмущение 3⟨-го⟩ прериаля и процесс Ромма и др⟨угих⟩ мы читали у Мишле вкратце—а это то же—да совершенно то же— я и ее пришлю. Мишле, говорят, в Кане с Ж. Санд. Вероятно, он недоволен «Колоколом». Он напечатал «La Montagne»**. Надобно выписать.

Ницца как полная чаша, такого сезона давно не было, да и погода блестящая. Все окна настежь... На променаде толпа — в блесках и шелках. Русских бездна. Суворова ходит в белой грузинской одежде, с башлыком на голове. Если б не так напоминала театр — то ничего, даже хорошо.

А на днях явится и Владимирова[2]. Вот что значит молитвы Батанова[3]. У нее разболелась грудь, и Устинов спрашивал, каким путем ее везти во Флоренцию — и оттуда на юг. Я сказал Ниццей и советовал ехать в Пизу. Рекомендовал остановиться у Адельгайды[4] — и ее предупредить от твоего имени. Помни, что Тхор⟨жевский⟩ на нее жалуется — за царизм, консерватизм и полонофагию. Ты ее построже прими в передел. Это, мол, ничего, что коса длинная,— напротив, русская пословица говорит: «У бабы волос длинен — а ум короток». Пусть же она покажет, что у нее оба длиннее. Будто где-то на гулянье с ней поговорил Осударь... так и «очаровал» ее. Это zu lakeiisch***. Вот и всё.

В России новый журнал «Современное обозрение»[5]— и старый на новый лад «Отеч⟨ественные⟩ записки»— я подписался.

А «Дым» прочли?— За ним остается копоть и чад.

[1] Об отношениях Жюля Кларти с Герценом см. в приложении к настоящей публикации. О книге «*Кромвель*» — см. во вступительной статье.

[2] О семье *Володимировых-Устиновых* см. примеч. 2 к письму № 6. Герцен с неодобрением относился к легкомысленному поведению Володимировой и опасался ее влияния на Н. А. Герцен.

[3] О *Батанове* см. «Лит. наследство», т. 61, 1955, стр. 409—410.

[4] *Адельгейда Меассалер* — бывшая горничная Л. И. Гааг; в 1851 г. вместе с Л. И. Гааг находилась на тонувшем пароходе. Впоследствии Адельгейда была содержательницей ресторана и гостиницы в Ницце.

[5] «*Современное обозрение*» — ежемесячный журнал, издававшийся в Петербурге в 1868 г. под редакцией Н. Тиблена. Вышло только шесть книжек. В «Современном обозрении» сотрудничали М. А. Антонович и Ю. Г. Жуковский.

12

⟨Ницца.⟩ 19 ⟨января 1868 г.⟩. Воскресенье

Милая Тата,

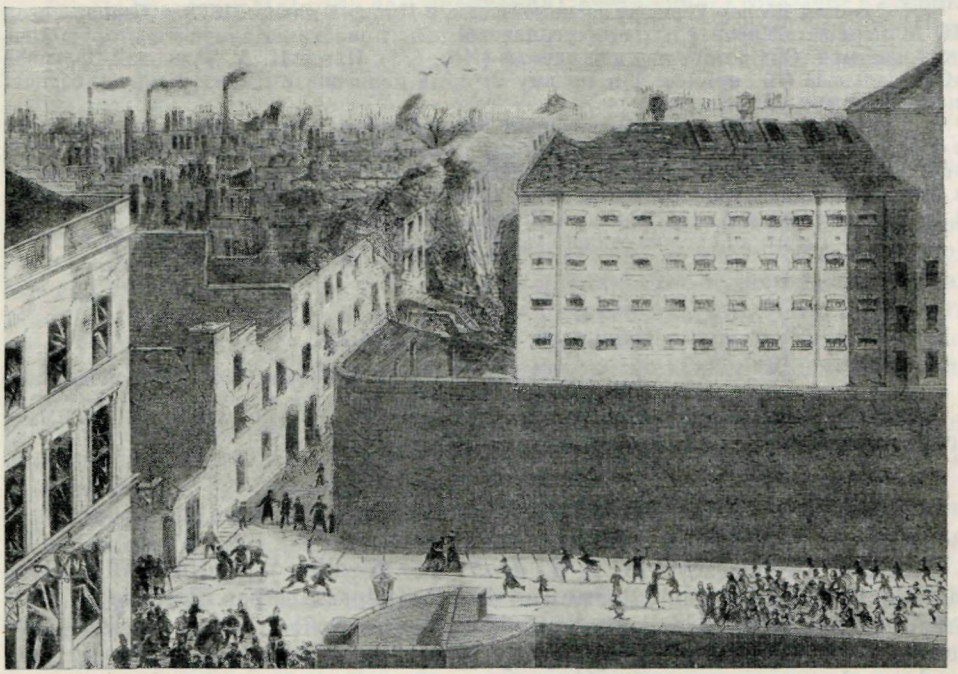
«Дым» мне действительно не нравится — но в русской литературе Тургенев все же не такой дюжинник, чтоб позволительно было не знать его сочинений. «Кромвеля», вероятно, ты получила.

---

* «Последние монтаньяры» Жюля Кларти (франц.).
** «Гору» (франц.).
*** слишком по-лакейски (нем.).

Сегодня я пошлю вам «Liberté», там для Мальвиды — письмо Persigny[1], для Саши — о Тесье, а для тебя — букет, от которого я с утра прыгаю. Это распоряжение Бернского совета о высылке всех поляков, которые не представляют 1500 обеспеченья или не хотят натурализироваться и за 800 фр⟨анков⟩.— Я подлее мало видал дел. Читая это, я почувствовал, что еще не совсем состарился... Я выписываю текст — ну уж я заплачу «кобюргерам» * моим. Мошенники.

Завтра должна приехать «Владимировка»[2], как ее называет Тхорж⟨евский⟩.



ВЗРЫВ ТЮРЬМЫ В ЛОНДОНЕ, ПРОИЗВЕДЕННЫЙ ФЕНИЯМИ 13 ДЕКАБРЯ 1867 г.
«Illustrierte Zeitung», от 4 января 1868 г.

Ольгу целую — она никогда не выйдет из простуд, если будет греться своей печью и не выходить или мало. О сем прошу Мальвиду.

Дело маленькой Жирар все разыгрывается больше и больше — она умоляет ее спасти, хочет бежать и бог знает что. Мать грозит ее запереть. Власть над mineur'ами ** страшная, а ей только 18 лет. Я должен был остановить и человеческое чувство и Нат⟨али⟩. Хоть бы мать ее отпустила куда-нибудь ехать, ex⟨empli⟩gr⟨atia⟩ в Швейцарию,— она, то есть дочь, готова на всё — и все это кончится тем, что она un beau matin *** бросится в море. Вот изверги-то![3]

Леони учится — она с этой Сандрильоной хороша.

Отец страдает и не смеет защитить, а маленький брат по части шпионства — доносит матери. Меня это занимает, как рассечение собаки Шифом. До чего человек зол и мерзок.

---

* «согражданам» (от нем. «Bürger»).
** несовершеннолетними (франц.).
*** в одно прекрасное утро (франц.).

Скажи Саше, что Тургенев получил от меня его вторую лекцию — в восторге от нее, он всем доволен, ясностью, свежестью и пр. [4] Он ему и всем вам кланяется.

Прощайте.

Сейчас получил письмо от Огар⟨ева⟩. Смерть Касатк⟨ина⟩ [5] его перевернула, и он имел обморок на улице. Жена Кас⟨аткина⟩ в отчаянии. Он вечером здоровый ходил в город — лег спать и не просыпался.

[1] Герцог Жан-Жильбер-Виктор *Персиньи* (1808—1872) — бывший министр внутренних дел Второй империи, ревностный сторонник режима Наполеона III.

[2] Володимирова.

[3] С семьей Жирар Герцены познакомились в Ницце 1 января 1868 г. Герцен писал Н. А. Герцен: «Жирар ⟨...⟩ совершенная злодейка; она хочет замучить вторую дочь до монастыря. Она делает над ней ужасы» (XX, 128). Пьеса Н. А. Тучковой-Огаревой «Сандрильона» (см. примеч. 1 к письму 9) была написана с целью «тронуть сердце» матери «маленькой Жирар».

[4] 15 октября 1867 г. Герцен сообщает Тхоржевскому: «Саша издает целую книжку о физиологии мозга на французском языке». Очевидно, об этой именно брошюре Тургенев писал Герцену 25 декабря: «... Спасибо ⟨...⟩ за брошюру твоего сына, которую я прочел с великим удовольствием: ясно, дельно, интересно» («Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену», Женева, 1892, стр. 197).

[5] В. И. Касаткин скоропостижно умер в Женеве, в ночь с 27 на 28 декабря 1867 г.

13

ДЕТЯМ и М. МЕЙЗЕНБУГ

21 янв⟨аря 1868 г.⟩. Понедельник

Никогда переписка у нас не шла так быстро — одно дело за другим — теперь требую от вас совет и очень серьезный.

Malvida et Tata,
Alexandre et Olga,
avisez.

Lorsque Tchor⟨zevski⟩ m'a écrit que m-selle Wolodimiroff est très malade et qu'elle veut aller au sud de l'Italie passant par Florence — pour prendre le conseil de Schiff et voir Tata — j'ai écrit à Tchor⟨zevski⟩ — que comme M. Oustinoff ne va que jusqu'à Florence — elle peut passer un jour ou deux chez vous.

Voilà ce que ces braves Russes ont fait:

1° Elle est ici et bien portante.

2° Elle no veut aller nulle part qu'à Florence — et attendre chez vous sa sœur — qui viendra quand? *Dio lo sa.*

3° Elle est tout à fait rétrograde, au dire d'Oustinoff.

J'ai été ébahi de cette manière d'agir — tellement je me suis déshabitué de manières russes.

Il faut donc chercher conseil. Je tâcherai de l'arrêter ici jusqu'à la réponse (pourtant elle veut partir jeudi) — n'avez vous pas chez l'Anglaise en bas une pension? Ou que Tata lui écrive ce qu'il y a à faire.

Moi je m'en lave les mains. Donner un lit pour une malade pour un ou deux jours, ou garder une demoiselle gâtée — indéfiniment est une différence de tout en tout.

Prenez donc vos mesures et répondez.

Cette lettre restera chez m-selle Meysenbug — car Tata jette tout dans la chambre — et chacun peut lire*.

Действительно я взбешен был этой нецеремонностью — ну да придумайте же, что делать.

Прощайте.

---

* Мальвида и Тата, Александр и Ольга, решайте.

Когда Тхор⟨жевский⟩ мне написал, что m-selle Володимирова очень больна и хо-

14

⟨Ницца. 22 января 1868 г.⟩

Милая Тата,

Твое письмо от 17-го получил сегодня, 22⟨-го⟩ — т. е. на пятый день, или у вас лежат они долго — или это странно. Ветер такой. Ты знаешь, что я с мнением Мальвиды и Саши согласен.

Ты видишь, что не я один о Флоренции так думаю. Я и в том согласен, что немецкое движение интереснее и живее. Но что же можно думать о поездке — разве летом. Я полагаю, что летом буду в Швейц⟨арии⟩ (и N⟨atalie⟩) — увидим тогда.

Je prie beaucoup Malwida de s'occuper de l'arrangement ultérieur à prendre pour m-selle Volodimiroff — c'est dommage, mais évidemment impossible de rester chez vous. Sur quoi nous sommes d'accord avec M. Oustinoff *.

15

⟨Ницца.⟩ 27 янв⟨аря 1868 г.⟩. Понедельник

Тате

Вот что здесь было. Дни четыре тому назад, в десять часов вечера приехала m-me Gar⟨ibaldi⟩, заплаканная, с Нини[1],— сказала, что с ее отцом что-то случилось на охоте в S. Remo, и поскакала с мужем туда — Нини осталась у нас. Гар⟨ибальди⟩ воротился через два дня. Старик 60 лет, в минуту меланхолии,— застрелился. Дочь очень огорчена. Нини — мила, смеется. Лиза всё слышала — и не проговорилась ни одним словом (это фамильная черта вас всех — и очень хорошая).

О Влад⟨имировой⟩ писать больше не хочу, отделайтесь от нее. Я ею совершенно недоволен. Спроси подроб⟨ности⟩ у Саши и письмо Тхорж⟨евского⟩.— Требую твердости.

Я писал к Ольге, что фортепьяны ваши общие — я их купил по совету Мейз⟨енбуг⟩ и для Ольги — но не то, чтоб так в частную ее собственность.

О Германии я только потому не писал ответ, что твое письмо пришло позже,— и я всегда отвечаю после вопроса—а не прежде. О Волод⟨имировой⟩ я писал. Выдумай план, комбинацию — что-нибудь, а то как же «так взять да и ехать» в Каценеленбоген или в Кревинкель.

Я N⟨atalie⟩ предлагаю все же весной (то есть в мае) ехать в Альзас, хоть посмотреть школы. Разве тогда что-нибудь придумаем.

чет ехать на юг Италии через Флоренцию — чтобы посоветоваться с Шифом и повидать Тату — я написал Тхор⟨жевскому⟩,— так как г. Устинов дальше Флоренции не поедет —что она может провести у вас день-другой.

А вот как поступили эти милые русские:

1. Она здесь, и здорова.

2. Она никуда, кроме Флоренции, ехать не желает и хочет дождаться у вас своей сестры, которая приедет, а когда? Dio lo sa. ⟨Одному богу известно (итал.)⟩.

3. Она, по словам Устинова, страшная ретроградка.

Я был потрясен подобным образом действий — я до такой степени отвык от русских повадок.

Итак, надо поразмыслить. Я попытаюсь задержать ее здесь до получения ответа (хотя она хочет уехать в четверг). Нет ли у вас, внизу, у англичанки, пансионата? Или пусть Тата ей напишет, как нужно поступить.

А я умываю руки. Предоставить на один-два дня постель больной, или пустить к себе на неопределенное время избалованную барышню — это совершенно разные вещи.

Итак, примите меры и отвечайте.

Пусть это письмо останется у m-selle Мейзенбуг, ибо Тата все разбрасывает по комнате — и каждый может прочесть (франц.).

* Я очень прошу Мальвиду заняться дальнейшим устройством г-жи Володимировой. Жаль, но очевидно, что оставаться у вас невозможно. В чем мы одного мнения с г-ном Устиновым (франц.).

Сегодня пишу мало. Лучшее, что можешь сделать с Влад⟨имировой⟩ — возьми выкройку с башлыка и сделай себе.

Что она скажет о голосе Ольги?

Прощай. До следующего письма. Напиши что-нибудь Лизе, она все ждет. Я нахожу, что она себя ведет лучше. У детей бывают полосы — не объясненные физиологиею.

Романов Ж. Санд читать не могу — скучны.

[1] *Мадам Гарибальди* — жена двоюродного брата Джузеппе Гарибальди.—*Нини* — ее дочь.

16

А Tata

3 févr⟨ier⟩ 1868. Nice

Не знаю, что за полоса — но всякое письмо начинается у нас дурной вестью. Третьего дня ночью умер отец Мари Донади[1] от аневризма — à la Kassatkine, он был болен, ему стало лучше,— и вдруг умер — 43 лет.

Ты так неясно пишешь, что я до сих пор не понял, где татарка[2], у вас — или на квартере. Напиши. Если у вас, я отпишу об этом Устинову.

Страшная история с девочкой Жирар — продолжается, но что ж она будет делать у Вол⟨одимировой⟩? Разве только для начала.

Gromort[3] пишет мне, что подрядился издать несколько частей переводов с русского для Biblioth⟨èque⟩ de Chemin de fer.— Я предложил отрывки из «Былого и думы» (сашин перевод) — там будут «Прерв⟨анные⟩ рассказы» и «Кто виноват?».

Ольгу целую. Я читал с Лизой «Детство» Толстого. Что это за прелесть... A propos, Лиза на мои глаза много лучше себя ведет, и мне кажется, что ты не попала в такт — когда была здесь.

Затем прощайте.— Я весь распростужен.

J'ai écrit une longue réponse à Michelet[4]. S'il m'autorise de l'imprimer— cela sera une bonne fortune. Je me rouille sans polémique. Il n'y a rien de plus ennuyeux que le monologue. Figurez-vous que dans ce petit trou de Nice et de Cannes on vend le *Kolok⟨ol⟩* admirablement*.

[1] По-видимому, речь идет о Дональди — виноторговце в Ницце.

[2] *«Татаркой»* Герцен называет здесь Володимирову.

[3] *Громор* — парижский издатель произведений русских писателей на французском языке. Письмо его к Герцену неизвестно.

[4] Об отношениях Герцена с Ж. Мишле и об упоминаемом здесь «ответе» см. во вступительной статье к настоящей публикации.

17

⟨Ницца.⟩ 15 ⟨февраля 1868 г.⟩. Суббота[1]

Любезная Тата, милая Ольга и Dr Herzen.

Переписка с вами очень затрудняется отсутствием от вас писем — или получением записочек вроде огаревских, в которых вы извещаете о том, что писать некогда.

Неужели это следствие приезда Володимировой?

А потому до писем прощайте.

Здесь умерла русская девочка 9 лет от крупа, — и ей делали операцию, да возле умер англичанин 20 лет с чем-то, тоже от крупа. N⟨atalie⟩ испугалась, и есть чем.

---

* Я написал длинный ответ Мишле. Если он разрешит мне его напечатать — это будет большой удачей. Я ржавею без полемики. Нет ничего скучнее, чем монолог. Вообразите, что в этой крошечной дыре — Ницце и Канне — прекрасно продается «Колокол» (франц.). — Далее следует одно неразобранное слово с росчерком.— *Ред.*

В России голод страшный.

А propos, пишут, что я скоро увижу Кельсиева[2].— «Che cosa che?»*, как говорил Франсуа.

Как идет «Кромвель»?

NB. Письма во Францию 40 сен⟨тимов⟩, а не 30—как Тата поставила.

[1] По содержанию письма оно примыкает к письму от 18 февраля 1868 г. В обоих письмах идет речь о «записочках» дочерей, о начавшейся эпидемии крупа. В 1868 г. суббота приходилась на 15 число в феврале.

[2] В 1867 г. В. И. Кельсиев добровольно отдался русским властям. Здесь, по-видимому, намек на слухи о будто бы предстоящем возвращении Герцена в Россию.

18

⟨Ницца.⟩ 18 февр⟨аля 1868 г.⟩. Вторник

Твоя последняя записочка ко мне была от 5 февр⟨аля⟩**. Я с тех пор писал, а ты спрашиваешь в письме Лизе, почему я не отвечаю. К тому же и вопроса не было.

Далее — не могу сказать, чтоб я был особенно доволен твоей излишней близостью с Волод⟨имировой⟩, она пустая и дрянная — ты хотела быть серьезной. К тому же у вас явился ей под пару дряннейший Утин[1] — он хуже своего брата, один из затаенных врагов наших. Он здесь ни разу не был у меня— и зашел накануне отъезда. Я прошу быть очень осторожным с ним и при нем.— Неужели Мещерс⟨кий⟩ не раскусил его? Что же при всем этом делает d⟨octo⟩r Herzen? (он с месяц ко мне не писал). Отдай ему приложенный отрывок из «Liberté». Мне кажется, что Шиф год тому назад делал подобные опыты — не мешало бы это написать в «Liberté» — а, может, для этого надобно прочесть весь отчет Клод Бернара[2]. Кланяйся, кстати, Шифам. 1 марта в «Кол⟨околе⟩» будет от меня булавка в «Temps»— под заглавием «L'imbroglio»[3].

Отправлены ли деньги за фортепьяно (т. е. первая половина)—если нет, то когда нужно посылать вторую,— что делать? В мае можно послать и всё с вычетом у вас.— Тебе я что-нибудь пришлю к празднику.

Начинаю подумывать о Женеве. Может, летом и N⟨atalie⟩ поедет.

А что же Ольга тоже не пишет?

Мейзенбуг прошу быть здоровой.

У нас здесь все идет тихо и покойно. Дети ходят учиться. Нини очень мила. M-me Garibaldi боится думать об нашем отъезде, он опять в Париже. Круп, бродящий здесь,— навел тучу.

Если Саша обдосужится, я его прошу написать мне подробный рапорт о вашем житье-бытье.

[1] Речь идет об Евгении *Утине*.

[2] *Клод Бернар* (1813—1878)— выдающийся французский физиолог, один из основоположников экспериментальной медицины.

[3] Статья «*L'imbroglio*» («Путаница») появилась в пятом номере «Kolokol» от 1 марта 1868 г. В ней Герцен резко полемизирует с высказываниями о России французских буржуазных журналистов.

19

23 ⟨февраля 1868 г.⟩. Воскресенье
Genève. 7, Boulevard Plein Palais

Вот вам мой первый рапорт об Огар⟨еве⟩ — пишу почти слово в слово что написал сейчас в Ниццу.

На первый случай беда, кажется, миновала. Огар⟨ев⟩ свернул себе ногу и сломал кость, наз⟨ываемую⟩ tibia,— он должен пролежать *два месяца* неподвижно и потом три лежать просто—тогда следов будет мало.

* что это значит? (итал.).

** Разве одно письмо пропало? — *Примеч. Герцена.*

Мойор[1] боится одного — припадка в первый период. Но для этого принята диэта — вот главное. Levier не нужно.

Теперь о самом происшествии. С привычками Огар⟨ева⟩ и его упрямством предупредить дело было невозможно. Он постоянно бродил по вечерам один — 19 числа он был у Чернецк⟨ого⟩ и в $^1/_4$ 11⟨-го⟩ пошел домой.— Чернецкий умолял его остаться, хотел идти с ним — нет — он отказал,— вероятно, по обыкновению, он завернул в свой кабачок — и по дороге домой, возле сумасшедшего дома, упал в обморке. Вставши, он пошел целиком, забрел куда-то, запнулся и упал — хотел встать — и не мог от боли. Он думает, что тут с ним был второй припадок. Это было в 12 ночи — и *он пролежал женевскую февральскую ночь* — всю *до 7 часов утра*. Раз издали шел человек — тот подумал, что это сумасшедший, бежавший из больницы,— и ушел. Наконец, два итальянца, с которыми Ог⟨арев⟩ выпивает в кафе, заметили что-то на поле и тотчас привели карету, бросились за Мойором. Когда они подошли к нему, он спокойно курил трубку, говоря, что не может встать. Мало этого, он рукой разорвал по эластку ботинку и снял с больной ноги.

Нравственно он совершенно покоен — и если б не боль,— он опять бы сидел в своем кабачке.

Тхоржевский во всем этом — выше всяких похвал, бегал по нескольку раз в Lancy, распоряжался и пр. Он спросил Мойора — телеграфировать ли, и Мойор советовал; здесь всё мне приготовил — и при этом, как всегда,— «в высочайшей степени» ворчит...

Ну, что у вас, пишите — я пробуду здесь дней десять.

«Колок⟨ол⟩» и всё в конфузии, бездна ошибок.— Если еще нужно вам для подарков, напишите.

Ольгу целую — прощайте.

Chère Malwida, faites-vous traduire cette horrible histoire, je suis fatigué— et c'est déjà mon second rapport. C'est le 20 qu'on m'a télégraphié — et le 22 à 4 j'étais déjà à Genève.

Addio

Avez-vous reçu le $^1/_2$ Kroupoff?*

Какие меры взять, чтоб не было рецидивы через 5 месяцев — не могу понять. Что ни предлагай,—он согласится и не исполнит.

[1] *Мойором* и *Майором* Герцен называл Майера — женевского хирурга, лечившего Огарева.

20

⟨Женева.⟩ 26 февраля ⟨1868 г.⟩. Середа

Излечение Огар⟨ева⟩ быстро идет вперед. Майор только дивится его гигантским силам и его способности выносить. Он говорит, что срок, когда ему можно снять бинты, будет скорее и что месяца через три он будет становиться на ногу. Хромизны будет мало — но останется roideur**.

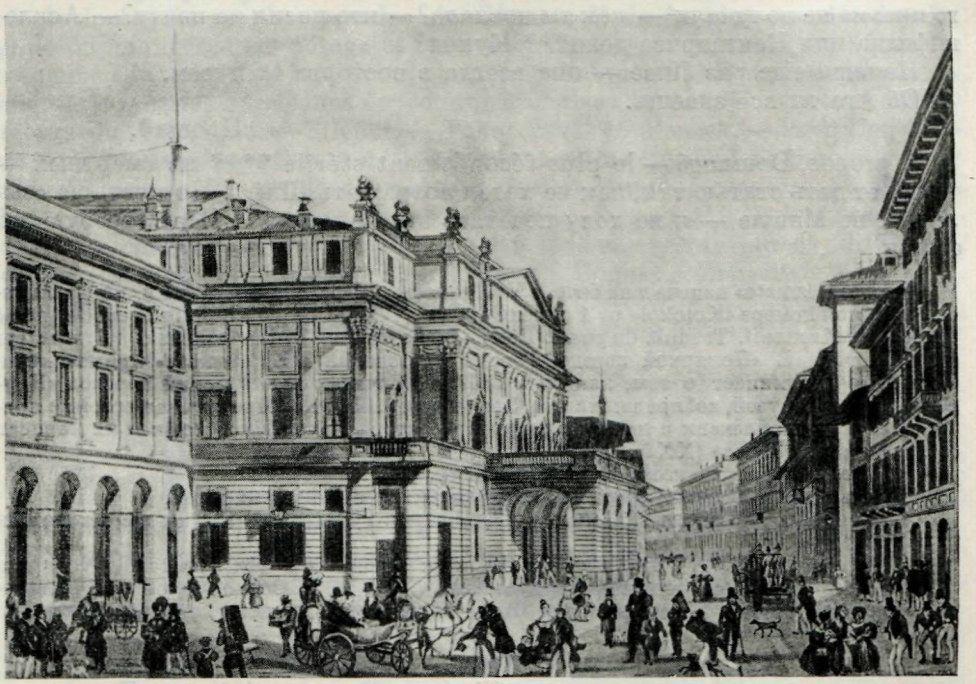
Телеграмму вашу я отдал Огар⟨еву⟩, разумеется он был ею очень тронут — до слез. Но действительно теперь ездить незачем. Вот разве летом— другое дело; мы с Тхорж⟨евским⟩ думаем Огар⟨ева⟩ перевести в Паки и там найти дом — месяца на три, для того, чтоб и Саша, и ты могли приехать, и N⟨atalie⟩ с Лизой (вместе или врозь — как вы хотите) — насчет Ольги не знаю — она могла бы, может, в это время занять нашу квартеру в Ницце. Сделайте об этом совет,— напишите мне проект — а я его здесь разберу в общем собрании.

* Дорогая Мальвида, пусть вам переведут эту ужасную историю, я устал — и это уже второе мое сообщение. 20-го мне телеграфировали — и 22-го в 4 часа я был уже в Женеве. Прощайте. Получили ли вы $^1/_2$ Крупова? (франц. и итал.).

** отсутствие гибкости (франц.).

«Aphorismata
по поводу психиатрической теории д⟨окто⟩ра медицины и хирургии
С. И. Крупова» —
Сочинение
Тита Левиафанского, прозектора и анатомии адъюнкт-профессора.

Поступает в печать — сначала по-русски, потом по-французски[1]. Спроси Шифа — приятно ли ему будет, если Тит Левиафанский напишет:
Dédié au professeur
Maurice Schiff*.



МИЛАН. ТЕАТР ЛА СКАЛА
Гравюра Г. Фалькейзена с рисунка А. Сидоли, 1850-е гг.
Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

Успех полный — здесь все, которым я читал,— от Огар⟨ева⟩ и Бакунина — в восторге. Вот я вам сдержал слово.

☞ Непременно спроси Железнова, печатать ли тетрадь, которую он мне дал привезти,—и сообщи ему, что я нашел «в кассе „Колокола“», как говорит Тхорж⟨евский⟩, 71 франк за продажу Вазари.

От Таландье письмо — всем вам кланяется — с любвями.

С тех пор как я здесь, солнца я не видал. Хорошо еще, что не очень холодно и бизы нет.— Я встретил одного швейцарца, который был в Петерб⟨урге⟩ — во время 40 и 42° морозу по Реомюру — c'était du propre**.

Теперь лично тебе, Тата, я скажу, что я не отвечал на projet Volkmar***, потому что принял его за château en Espagne au bord de la Spree****[2].

---

* Посвящается профессору Морицу Шифу (франц.).
** хорошего было мало (франц.).
*** проект Фолькмар (франц.).
**** воздушный замок на берегу Шпрее[2] (франц.).

Какой же смысл, кроме желания двигаться? Какая специальность у тебя, которой особенно соответствует Берлин? Если ты хочешь заниматься чем бы то ни было — то еще и во Флоренц⟨ии⟩ и в вашем круге (исключая владимирских утят[3]) найдется дело. Мало ли какие поездки хороши. Ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩ в Париж и Нью-Йорк. That is my humble opinion*.

A propos, в твоих английских письмах ты слишком много употребляешь *избитых* выражений (то, что я Саше упрекал в произношении). Это сильно безобразит слог—надобно быть genuine** и говорить своими словами, а не чужими. Вот тебе и ораторское наставление.

Милая Ольга,

Никогда ни Plein, ни Palais, ни № 7, ни Женева, ни Тхоржевский твоего письма не получали[4]— как ты послала?— кто носил на почту?— Асклепифизиа или Кантатриса дела*** Кухня?

Напиши еще раз Лизе — она всегда в восторге от писем.

Об Ага ты всё знаешь.

Прощай.

A propos, Domangé — le plus fécondement stérile **** из смертных — не хочет дать статью так, как не хотел возражать Шифу. Но пусть не ссылается на Мишле — я не хочу печатать эту полемику[5]. Итак, требую его статьи.

[1] «Aphorismata» напечатана была в VIII книжке «Полярной звезды» и по-французски в шестом номере «Kolokol» от 1 апреля 1868 г. («Variation psychiatrique sur le thème du docteur Kroupoff. Traduit du russe. Lettre du prosecteur T. Leviathanski au rédacteur du *Kolokol*»). В «Полярной звезде» Герцен сопроводил «Aphorismata» примечанием, в котором вспоминает о том, как он в 1867 г. прочитал французский перевод «Крупова» в кругу друзей, собиравшихся во Флоренции у Шифа. «Перечитывая его, мне пришли в голову „рефлексии и контроверзии" прозектора Левиафанского, и я их написал собственно для Шифа» (XXI, 224).

[2] *Spree* — река, на которой стоит Берлин.

[3] Речь идет о братьях Утиных, встречавшихся с Володимировой.

[4] Адрес Тхоржевского в Женеве — 7, boulevard Plein-Palais. Там же останавливался Герцен.

[5] 25 января 1867 г. Герцен писал Огареву: «Вчера у Шифа был rendez-vous для спора о libre arbitre ⟨свободе воли⟩ с Доманже» (XIX, 195). Очевидно, об этой полемике, в которой Герцен был на стороне Шифа, идет речь в комментируемом письме.

21

⟨Женева.⟩ 23 марта ⟨1868 г.⟩. Понедельник

Милая Тата,

Получил от Саши сегодня нотификацию *****, что он 25 или 26⟨-го⟩ едет,—и какую-то экспликацию ****** насчет худого устройства почт вообще и в отношении к Levier в особенности. Если он еще в Флор⟨енции⟩, то скажи ему, что письма, которые посылают, — иногда, и то очень редко (1 на 10 000), пропадают,— а те письма, которые не пишутся,—никогда не доходят.

Переписка с Флоренцией тягостна, потому что вы отвечаете по fancy******* через неделю — через две — сейчас.

С 9 на 10 был у Огар⟨ева⟩ обморок.

Я писал 11 ⟨-го⟩, потом

писал 13 ⟨-го⟩ Ольге,

писал 16⟨-го⟩ Саше.

---

* это мое скромное мнение (англ.).

** искренним (англ.):

*** певица из (от франц. «cantatrice de la»).

**** Кстати, Доманже — самый плодовито-бесплодный (франц.).

***** извещение (от франц. «notification»).

****** объяснение (от франц. «explication»).

******* фантазии (англ.).

Наконец, Саша решился сам привезти ответ.— А так как он мне вовремя не написал, то «Левиафанс⟨кий⟩» явится без посвящения Шифу. А Огар⟨ев⟩ напрасно мучился узнать мнение Шифа. Ты видишь, что я гораздо больше доверяю почте — чем вам, хотя вы и почтенные люди.

Поездка Саши летом была бы лучше. Но беды нет. Отдал ли он тебе 100 фр⟨анков⟩ — не в счет абонемента?

Omnibus

Je veux vous donner l'idée de notre journée — invariable, inchangeable. Je me réveille à 6 — je me lève à $6^1/_2$, je travaille *pendant qu'il fait froid* — sans feu, jusqu'à 9 h⟨eures⟩ — à 9 h⟨eures⟩ Tchorz⟨zevsky⟩ vient dire que le café est prêt et qu'il a mal au ventre — en même temps il me notifie sa résolution α) de ne plus prendre de Cognac, β) de ne plus prendre de vin, γ) de ne manger que potage et *beefsteak*. Café — 15 minutes —à $9^1/_2$ je recommence le travail, il fait chaud et on fait un brasier ardent dans la cheminée — je fais des barricades de coussins, chaises et autres mauvais conducteurs du calorique.— Silence — Tchor⟨zevsky⟩ s'en va,— lorsqu'on sonne — je n'ouvre pas. Cela a définitivement calmé l'ardeur de me voir. Nous n'avons pas de femme de chambre, la femme du concierge vient pour une heure et s'en va... le bonheur de la solitude dure jusqu'à $1^1/_2$. A $1^1/_2$ Tchor⟨zevsky⟩ revient avec la notification qu'il a pris une résolution de différer la diète — et que par exception il prendra du Cognac, un peu de *ale pale* ...

(Continuation dans le № prochain.)

A 5 heures — en calèche et chez Ogareff — mais les détails manquent — donc au prochain № *.

22

⟨Женева.⟩ 28 марта ⟨1868 г.⟩ Суббота

Ждем сегодня в 9 часов вечера Сашу на железной дороге. Огарева нога идет хорошо, Майор обещает 2 апреля попробовать привстать... затем и костыли — а через месяц может и выйти на костылях. Он ослаб, маленькие болезни его сердят,— вообще теперь видно, что сил-таки потрачено. О Саше не заботься — все будет так, как ты писала.

Ну, итак

Continuation de la journée *invariable*.

Donc à deux heures, par une pluie battante ou un froid de chien, nous nous acheminons dans un restaurant. Arrivés, Tchorz⟨evsky⟩ fait une découverte, que c'est la bière qui lui fait le mal... et le vin aussi — surtout les pommes de terre... et considérant cela, se décide à prendre de l'absynthe *sans eau*,— après quoi amnistie pour le vin, et réhabilitation pour la bière. Mais les pommes de terre subissent le sort de petits exilés... A 5 heures vient

---

* Всем ⟨лат.⟩.

Я хочу дать вам представление о нашем неизменном, незыблемом дне. Я просыпаюсь в 6 — встаю в $6^1/_2$, работаю *пока холодно* и еще не затопили, до 9 ч⟨асов⟩ — в 9 часов Тхор⟨жевский⟩ приходит сказать, что кофе готов и что у него болит живот — одновременно он сообщает мне о своем решении α) не пить больше коньяку, β) не пить больше вина, γ) есть только суп и бифштекс. Кофе—15 минут—в $9^1/_2$ я снова сажусь за работу, жарко, камин пышет огнем — я сооружаю баррикады из подушек, стульев и прочих, плохо проводящих тепло предметов. Тишина — Тхор⟨жевский⟩ уходит. Когда звонят, я не отворяю. Это окончательно погасило у всех пыл меня видеть. У нас нет горничной, жена привратника приходит на час и уходит... Счастье одиночества длится до $1^1/_2$. В $1^1/_2$ Тхор⟨жевский⟩ опять приходит с сообщением, что он принял решение подождать с диэтой и в виде исключения будет пить коньяк, немного ale pale ⟨светлого пива⟩... (англ.) —

(Продолжение в следующем №).

В 5 часов — в коляску и к Огареву — но подробности отсутствуют — итак до следующего № (франц.).

le cocher pour aller chez Og⟨areff⟩. Tchorz⟨evsky⟩ très mécontent de ses manières, observe: «Народ грубой» (l'accent est indispensable) et part pour revenir à l'instant même et revenir me chercher à 9.— Est-ce que nous soupons à la maison?— Oh, oui — il n'y a rien... Vous n'avez pas dit... Cela m'est égal, allons quelque part.— Oui, mais à la maison nous avons deux morceaux de langue (avec la mienne je trouve que c'est assez) — et un peu de saucissons, et un peu d'homard — et un peu de fromage, une bouteille d'Yvornes... moi je ne prendrai pas, le vin me fait mal...

— Allons à la maison... dans ce cas c'est un souper splendide...

— Mais — il n'y a pas, в высочайшей степени нет хлеба — de pain.

— Mais achetons.

— C'est vrai — je n'y ai ⟨pas⟩ pensé.

Затем в половине 11 я раздеваюсь, читаю час — в 12 огонь потушен — и все спокойно — rarement Tchorz⟨evsky⟩ — passant par le couloir — gémit...— Toujours le ventre? — Oh, je suis sûr que c'est le vin — demain je ne prends rien. Adieu. *

Ну и я прибавлю

Adieu.

У Огар⟨ева⟩ через неделю после первого обморка был второй, нога опять осталась цела. У него сделалось lumbago (колотье в пояснице), и так как он от маленьких болей деморализируется столько же, сколько большими не занимается, то ему и плохо — вероятно по лицу, что и третий обмор⟨ок⟩ будет не нынче — завтра.

Наконец, Сат⟨ин⟩ прислал ему денег 10 000 фр⟨анков⟩[1].

Вообще очень скучно. В начале апреля поеду в Париж и Ниццу. Огар⟨ев⟩, кажется, уж не так яростно желает в Лозанну — по мере приближения.

Посылаю тебе портрет св. Юста[2], здесь появилось несколько карточек с портретов Версальской галереи — революционных людей 1792 года, в следующ⟨ем⟩ письме будет der andre** Chénier.

Ольгу целую. Мейзенбуг — жму руку.

Прощай

От Ог⟨арева⟩ есть записка Саше, я ее оставил.

Как же у вас понравился Левиафанский?[3]

P. S. Я, что за счастье, без прислуги. Консьержева жена все делает и не мешает.— Колокольчик хоть сто раз звони, я не отворяю.

На днях была здесь полька — что-то по делам — разогорчилась и застрелилась из револьвера.

---

* Продолжение *неизменного дня*.

Итак, в два часа под проливным дождем, или в собачий холод, мы добираемся до ресторана. По прибытии Тхор⟨жевский⟩ делает открытие, что вредно ему именно пиво — и вино тоже, а в особенности картофель... и, принимая это во внимание, он решается пить *неразбавленный* абсент... засим следует амнистия вину и реабилитация пива. Но картофель постигает участь скромных изгнанников. В 5 часов прибывает кучер, чтобы ехать к Ог⟨ареву⟩. Тхор⟨жевский⟩, очень недовольный его манерой обращения, заявляет: «Народ грубой» (знак ударения необходим) и отбывает с тем, чтобы вернуться в ту же минуту и приходит за мной в 9.— Ужинать будем дома? Да, конечно.— Дома ничего нет... вы не предупредили.— Мне все равно, пойдем куда-нибудь.— Хорошо, но дома у нас есть два куска языка (я нахожу, что вместе с моим этого вполне достаточно), и немного колбасы, и немного омара, и немного сыру, бутылка иворнского... что до меня, я пить не буду, вино мне вредно.

— Пойдем домой — в таком случае ужин будет великолепный...

— Но нет, в высочайшей степени нет хлеба, хлеба.

— Так купим.

— А ведь правда, я об этом не подумал.

Затем в половине 11 я раздеваюсь, читаю час — в 12 огонь потушен — и все спокойно — изредка Тхор⟨жевский⟩, проходя по коридору, охает.— Всё живот? — Ах, я уверен, что это от вина — завтра ничего пить не буду. Прощайте (франц.).

** Каламбур: имя Андре звучит как немецкое слово «andre» — другой.

30 mars

Hier— 9 h⟨eures⟩ 25′— le Dr Herzen est entré dans notre ville. Attendu par son vieux père et un vieux (et tendre) représentant de la Pologne à la gare — ils se sont immédiatement rendus dans un cabaret — par un froid de 4 degrés et une bise de la force de 10 000 éléphants.

Le portrait d'Olga est arrivé.

Je suppose qu'il n'y a qu'une seule lettre de perdue (de celles qui m'étaient adressées) — les autres sont des lettres «en Espagne».

Le mouvement dans la Suisse vaut bien la chose autrichienne — qui est très grave. La France est certainement — l'Espagne. La Suisse Allemande— va droit au gouvernement direct et Genève s'organise socialement.

Les leçons de Panofka doivent être continuées — encore un mois cela va sans dire — (quant à Renan — *non capisco*). (Aussi je ne capisque pas ce que Mest⟨chersky⟩ veut de Toqueville — le livre est très bon — mais je ne l'aurais jamais choisi pour lecture avec Tata). Et *Cromwel*? Je vous enverrai de Nice *Les derniers Montagnards*... Adieu.

Je pars le 7 avril
8 Paris
9 } id⟨em⟩
10 }
12 Nice.

Ogar⟨eff⟩ aura le 2 avril ses relevailles[4].

Vous n'écrivez rien sur mon pauvre ami le docteur et protecteur Leviathansky *.

Рукой А. А. Герцена:

Здравствуйте, милые флорентинки!

Радуйтесь, что вы живете вне бизы: здесь теперь холоднее, чем у нас было в январе. Твой шаль, Тата, мне спас жизнь. Огарева еще не видал, вечером напишу вам порядком— покамест целую вас.—Получила ли Терезина записку, писанную карандашом, которую я ей послал с Mont Cenis?

Саша

[1] В счет уплаты за уступленное Сатину имение.

[2] *Святым Юстом* Герцен здесь называет Сен-Жюста.

[3] *Тит Левиафанский*, герой «Aphorismata» Герцена.

[4] *Воцерковление* — обряд, совершавшийся над родильницей, впервые вышедшей после родов в церковь. Очевидно, эта шутка означает, что в этот день Огарев, у которого была сломана нога, впервые встанет с постели.

* 30 марта.— Вчера — в 9 ч⟨асов⟩ 25 м⟨инут⟩ д-р Герцен вступил в наш город. Он был встречен на вокзале своим старым отцом и старым (и нежным) представителем Польши — они тотчас же отправились в кабачок — при четырехградусном морозе и бизе в 10 000 слоновых сил.

Портрет Ольги прибыл.

Я предполагаю, что не дошло только одно письмо (из писем, мне адресованных) — остальные — «призрачные».

Швейцарское движение стòит положения дел в Австрии, которое очень серьезно. Франция — бесспорно та же Испания. Немецкая Швейцария идет прямо к непосредственному управлению, а Женева социально организуется.

Уроки Панофки, само собой разумеется, следует продолжать еще месяц. (Что касается Ренана—non capisco ⟨не понимаю (итал.)⟩. Также не *капискую*, что Мещ⟨ерский⟩ хочет от Токвиля — очень хорошая книга, но для чтения с Татой я бы никогда ее не выбрал). А «Кромвель»? Из Ниццы я пришлю вам «Последних монтаньяров». Прощайте.

Я уезжаю 7 апреля
8 Париж
9 } тоже
10 }
12 Ницца.

2 апреля будет воцерковление Огарева[4].

Вы ничего не пишете о моем бедном друге, докторе и покровителе Левиафанском (франц.).

23

⟨Женева.⟩ 2 апреля 1868. Четверг

Письмо пришло. Я начинаю собираться, вероятно 7⟨-го⟩ или 8⟨-го⟩ уеду, может и Саша со мной. Завтра мы подымаем Огар⟨ева⟩ в первый раз. Иногда эти вещи и здоровым не обходятся без обморка. Через неделю он будет ходить в комнате на костылях — через месяц, может, первый раз выйдет.— В Женеву тебе нет ни малейшего удобства приехать — да и нужды нет.— Самое лучшее держаться старого плана — и приехать во вторую половину мая в Ниццу. Потом в Лозанну или Evian. До тех пор можно сговориться.

Дело Саши решено[1], остается subir*. Сначала он будет доволен — впереди боюсь... многого — даже денежного недостатка. Выучите Т⟨ерезину⟩ поскорее по-французски, да и танцевать бы следовало.

Да, Тата, мало что-то света впереди. Огар⟨ев⟩ падает силами и все глубже вживается в свою душную жизнь, Генри[2] принесет ему много печали. Саша уйдет в свою семейную жизнь — тоже не легкую... Мне иногда становится страшно за всех вас.

Куда поедет Мальвида — в Специю, S. Terenzo?

Посылаю портрет А. Шенье. Ты напрасно думаешь, что портреты натянуты,— они брали тогда эту позу,— à propos к портретам — как идет знаменитая копия с портрета Ге?[3] Tristement**.

Саша все бегает и, благодаря расстояниям от Lancy, мы почти не видимся. Сегодня он писал Фогту — мирные предложения — и, верно, сделал ему мигрень.

Прощай.

Прочтите с большим вниманием мою статью в ответ Мирославскому в «Кол⟨околе⟩»[4].

— Цепочку я променяю.

В Швейц⟨арию⟩ affranch⟨issement⟩*** 30 сант⟨имов⟩, а не 40.

Зато во Францию 40 — а не 30.

[1] Речь идет о женитьбе сына Герцена на Терезе Феличе.

[2] *Генри* — Генри Сетерленд, воспитанник Огарева, сын Мери Сетерленд.

[3] Н. А. Герцен делала копию с портрета отца, написанного Н. Н. Ге в 1867 г. во Флоренции.

[4] В седьмом номере «Kolokol» от 15 апреля 1868 г. появилась статья Герцена «Frisant la question polonaise» («К польскому вопросу»). Эта статья была вызвана появлением в Женеве брошюры «Lettre du général Mieroslawski au major Brazewicz» Людвига Мерославского, представителя крайних националистических тенденций в польском освободительном движении. Герцен опроверг неверное утверждение Мерославского о том, что в 1862 г., в переговорах с представителями варшавского комитета, Герцен и Огарев вместе с Бакуниным будто бы обсуждали вопрос о принятии «верховного руководства польским восстанием».

24

13 апреля ⟨1868 г.⟩. Понедельник.
Marseille. Gr⟨and⟩ hôtel du Louvre

Вот и в Париже побывал, и дела все устроил[1] и сегодня ночевал здесь,— через два часа еду в Ниццу — и буду там около 7-ми часов. Nat⟨alie⟩ все жалуется на болезнь — да и на тебя, что ты не пишешь. С Волод⟨имировой⟩ она как-то подружилась, и В⟨олодимирова⟩ дает Лизе уроки.

Если ты в самом деле Ольге полезна, то вряд нужно ли тебе торопиться. Обдумай все хорошо. Мне жаль, что Саша не хочет сдержать обещания и

* переносить (франц.).
** Грустно (франц.).
*** оплата письма (франц.).

Н. А. ГЕРЦЕН (дочь)

Фотография с дарственной надписью отцу: «Папаше Тата Герцен. 7-го марта 1868. Флоренция. Посылаем Вам последние карточки, других у нас здесь нет»

Литературный музей, Москва

ждать до Нового года.— Радоваться его судьбе я не могу — она ничем вперед не обусловлена. И трудно пойдет жизнь именно в Флоренции. Нельзя же ей бросить своих родителей — и все-то это падет С⟨аше⟩ на плечи. Но я не вижу больше сил остановить. Так, как мало их вижу в том, чтоб остановить житье Огар⟨ева⟩ и черные фантазии Nat⟨alie⟩. Жизнь трудна, сложна — и тому только хорошо, кто вводит больше разума в нее и меньше увлечений.

Мне иногда сдается, что ты на опыте докажешь это. На чьей-нибудь судьбе надобно бы было остановиться с улыбкой.

Я не совсем верю, чтоб Ольге очень нужно было одиночество — успехи ее (кроме музыки — о которой судить не могу) так же плохи, как и прежде. А так как Огар⟨еву⟩ теперь уход никакой не нужен, то и надобно все überlegen*. N⟨atalie⟩ только и пишет о пансионе, о пансионе[2]... и это фантазия.

Саша тебе, вероятно, отдал цепочку — нравится ли?

Холод ужасный и мистраль — вот тебе и Марсель.

Прощай, целую тебя.

Гартман[3] кланяется и Степан Араго[4]— тебе; в Париже все были очень милы, наши акции опять поднялись grâce** франц⟨узскому⟩ «Колоколу». Я встретился с Рубинштейном[5]— он в воге*** в Париже. Ничего, даже выпил за мое здоровье — à la russe ****.

[1] С 8 по 12 апреля 1868 г. Герцен провел в Париже. 11 апреля он писал из Парижа Огареву: «Все дела привел в величайший порядок,— на этот раз у Ротшильда все были очень любезны...» (XX, 228).

[2] Н. А. Огарева была увлечена несбыточными планами «самостоятельной» жизни. Для этого она хотела открыть пансион и заняться воспитанием детей.

[3] О Морице *Гартмане* см. выше, в публикации «Письма Герцена к Георгу и Эмме Гервегам».

[4] Этьен *Араго* (1803—1892)— французский драматург и журналист, участник революций 1830 и 1848 гг.

[5] Об этой встрече с Антоном Григорьевичем *Рубинштейном* Герцен рассказывает также в письме к Огареву от 11 апреля (см. XX, 228).

25

Тате

⟨Ницца.⟩ 20 апреля ⟨1868 г.⟩. Понедельник

Милая Тата,

Твое письмо к Nat⟨alie⟩ навело меня на разные думы. Оно показывает, что ты не летами, а и духом вступила в совершеннолетие и начинаешь разглядывать шероховатую сторону жизни. Это пониманье на тебя кладет ответственность — и потому я был прав, говоря тебе в прошлом письме, что, может, на твоей судьбе улыбнется нам светлый закат. Дело Саши я считаю проигранным — он три (а может и больше) раза шел на гибель упрямо и притом холодно-влюбчивым характером. Симптомы были те же — он говорил об маленькой, пустой Урике так, как Мейзен⟨буг⟩ об Ольге; он мне писал о Берте, что она — гений. С Урикой он был немцем и все мещански-немецкое отстаивал, с Бертой—enlightened gentleman*****, а теперь защитник масс и работников, проповедующий против танцев[1]. Как миновали Урика и Берта—ты знаешь. Большой надежды на прочность нет — а когда цепь будет на шее, она останется. Вот, Тата, тут и учись,

* обдумать (нем.).
** благодаря (франц.).
*** моде (франц. «vogue»).
**** по русскому обычаю (франц.).
***** просвещенный джентльмен (англ.).

что несчастья почти всегда — простое последствие, люди это называют наказанием — а оно просто силлогизм. Ты промочила ноги — у тебя насморк. Если же ты знаешь, что у тебя десять раз насморк был после мокрых ног,— то пенять нечего, и ты виновата перед собой. Я хотел остановить Сашу — только на время, он нашел это справедливым,— а исполнить не хочет. Мне страшно, я отворачиваюсь и не могу — меня это сосет под ложкой.

Точно так же все неустройство жизни моей и Ог⟨арева⟩ — последствие, но совсем иных элементов. Для нас семейная жизнь была на втором плане, на первом — наша деятельность. Ну и смотри — пропаганда наша удалась, а семейная жизнь пострадала. Избалованные окружающим, в борьбе с миром традиции — мы были, так сказать, дерзки, думали, что все сойдет с рук, были ужасно самонадеянны. Ну и срезались... должны были срезаться, так или иначе — это неважно. Напр⟨имер⟩, Огар⟨ев⟩ мог не ломать ноги или сломать руку — но несчастье его совершенно последовательно, и чувство этого прибавляет к горечи горечи.— Больно мне было слышать от Саши обвинения в настоящем сумбуре (и я на его месте не сделал бы, может, его)... но он прав.

Все это ведет к вопросу — где же выход?

Конечно, один из самых натуральных — это если б ты вышла замуж,— Ольга жила бы с тобою, и мы могли бы все географически сдвинуться. Но не я стану тебя подталкивать.

Если б Nat⟨alie⟩ решительно и резко хотела завести школу в Швейцарии — через год можно бы примкнуть к ней и тебе. Но для этого надобно психическое сближение, которого нет. Здоровье Nat⟨alie⟩ плохо, Лиза опять одна и тотчас больше шалит. До сих пор — ты ей не была полезна, и, вникая в дело, я виню тебя. Ты бралась кель тель* учить, ходить,— бросила (как все, что ты делаешь), забывала и действовала иронией. Когда к этому прибавить раздражение N⟨atalie⟩ — то это почти все, что надобно для порчи ребенка. А потому для воспитания нужен тебе труд самовоспитанья.

Съедемся летом — пожалуй позже, в июле, августе — в Швейцарии и посмотрим, что можно. Мне кажется, что во Флоренции вам жить будет трудно. Это не конец, продолжение после твоего ответа.

Прощай.

P. S. Владимирова оставила мне премилую книжку для Ольги о зверях и тебе рубашку, шитую шелками.— Как их переслать, не знаю. То есть книгу-то легко (я ее читаю с Лизой), но рубашку нет. Благов[2] оставил Драпера (амер⟨иканского⟩ Бёкля) — тебе было бы полезно.

Прочтите вместе статью Вильмо.

Ольге буду писать следующее письмо. Обнимаю ее. Ну когда же она начнет учиться медицине? — Саша мог бы приготовлять.

[1] *Урика* — Эмма Урих, внучка Ф. Фогта, считалась невестой А. А. Герцена. 17 июля 1867 г. Герцен писал сыну: «В 1860—61 году ты был под влиянием старушки Фогт, практически устроившей прекрасно семью, по чисто немецким понятиям, с примесью Гёте и Spießbürgerlichkeit**—отсюда и сентиментальные überspannte Gedanken*** и с ними период tanto poco**** буржуазного сватовства, потом обретение второго идеала в семье Шиф» (XIX, 402). Идеал, обретенный в семье Шиф,— Берта. Будущая жена А. А. Герцена, Терезина Феличе, работала на фабрике; отсюда ироническое замечание Герцена о том, что сын теперь «защитник масс ⟨...⟩, проповедующий против танцев». 5 апреля Герцен писал Огареву: «На сию минуту С⟨аше⟩ нравится, что она не имеет светского образования; он мне говорил, что он доволен, что она не танцует, и что теперь уже *никто* не танцует и пр. Все это мы знаем, и источники этого взгляда не новы. Я никогда не танцевал, но никогда такой теории не ставил» (XX, 224).

---

* какая есть (от франц. «telle quelle»).
** мещанства (нем.).
*** восторженные идеи (нем.)
**** по меньшей мере (итал.).

[2] Фамилия *Благово* несколько раз упоминается в письмах Герцена 1868 г. (см. XX, 225, 259, 262).— О Дрепере и Бокле (у Герцена: *Драпер* и *Бёкл*) см. во вступительной статье к настоящей публикации.

26

⟨Ницца.⟩ 26 апр⟨еля 1868 г.⟩. Воскресенье

Я, милая Тата, как самый учтивый отец, отвечал тебе в прошлом письме на половину твоих вопросов и рассуждений сутки прежде получения твоего письма. Прибавлю слова два. Я писал не о равнодушии и не о бесстрастии — а о том, что есть уравновешение страстей и разума, до которого все гармонические натуры могут достигать. Все красивое и изящное только и состоит в соразмерности частей,— в мере. Вспомни, сколько я писал и проповедовал о том, что любовь не должна играть главную роль, а *одну из* главных ролей — в жизни[1]. Даже вообще все *личное* должно быть балансировано *общим* — иначе беда. Мне кажется, что если б у тебя было больше настойчивой деятельности, ты могла бы согласнее, стройнее устроить жизнь, чем Саша (Ольги характер я не могу еще ясно уловить, Лиза скорее ближе к тебе, но нервна). Потому-то я и сказал, что твоя жизнь может светлее устроиться.

Теперь перехожу к наружному устройству.— Nat⟨alie⟩ очень хочет до Швейцарии съездить в Альзас и посмотреть школы. На это пройдет весь июнь. Вот, стало, тебе месяцем больше можно остаться с Ольгой.— Ог⟨арев⟩, мне кажется, тоже не очень торопит. Он жалуется, что нога починенная — плоха. Весь вопрос, как тебе приехать и куда? с кем? Я могу приехать навстречу в Domo d'Ossola. У меня есть еще какой проект. Бамбергер в Берлине депутатом в Zollparlament'е — я ему поручил спросить — какие права я имею в Германии,— я бы сделал прогулку и, может, с тобой[2]. Да и в последний мой проезд я видел, что много можно хорошего сделать по части «Кол⟨окола⟩» в Париже. Зима прошла бы в разъездах. Всё это планы, которые могут, во-первых, разрушиться войной, если она будет[3], а во-вторых,— без того разными неожиданностями. В Италию мне не хочется.— В продолжении этого времени я хотел бы приискать дачу или дом, где бы можно было отдохнуть. Это будет зависеть от согласия твоего и Nat⟨alie⟩.

В Женеве новый журнал русский издает Елпидин, я пришлю 1-й лист, ничего; говорят, Бакун⟨ин⟩ участвует[4]. Мирослав⟨ский⟩ будет мне отвечать на мою статью — увидим[5].

Не знаю, кто меня называл аристократом — и тебя тоже — но конфузиться этим нечего. Идет это все из той же гулевичоутинарни и серно-елпидовщины[6]. Все эти люди — бездарные и долею безденежные — исходят завистью и воображают, что социализм состоит в том, чтоб им давали деньги, а демократия в том, чтоб с ними жить как ami cochon*, нарочно говорить их жаргоном и пр. Всё имеющее достоинство, удаляющееся от vulgar — они называют аристократизмом.— «Полают и отстанут!»[7].

Некто доставил серьги и булавку — они отосланы по приказанию Волод⟨имировой⟩ — Беку[8].

28. Вторник

Сейчас получил письмо от Ольги и от Саши. Одеяло он может кушать на здоровье. Статья его оканчивается дерзко,— да и грева**-то в Женеве кончилась не так весело,— когда работники явились на работу, хозяева отказали в работе «зачинщикам» — тогда все пошли вон из мастерских.

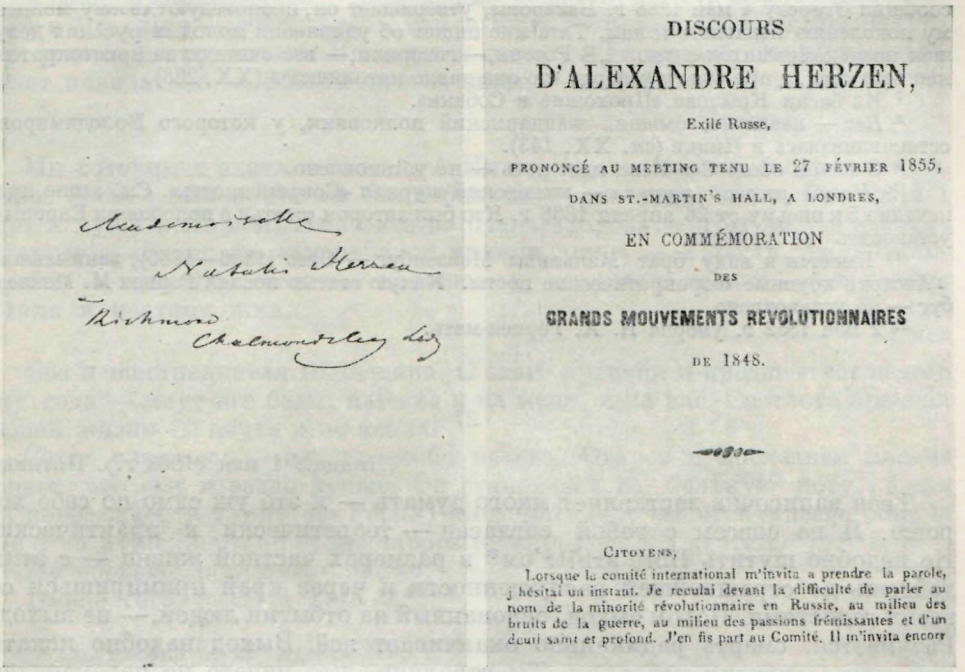
---

* запанибрата (франц.).
** забастовка (от франц. «grève»).

Эдакие собаки — хозяева. Далее я не знаю что. Скажи Саше, что надобно резкие места оттушевывать.

Посылаю «Фигаро» с уморительной статьей об обеде Сен-Бёва[9] и новый русский журнал[10], в котором статья о положении Европы — очень хорошо. Думаю, что Бак⟨унин⟩ ее писал и не понимаю, зачем секретничает. Не бросайте эти статьи — они очень милы.

Посылаю Мейз⟨енбуг⟩ статью о ее брате[11].



Mademoiselle
Natalie Herzen
Richmond Chalmondeley Lodge

DISCOURS
D'ALEXANDRE HERZEN,
Exilé Russe,
PRONONCÉ AU MEETING TENU LE 27 FÉVRIER 1855,
DANS ST.-MARTIN'S HALL, A LONDRES,
EN COMMÉMORATION
DES
GRANDS MOUVEMENTS REVOLUTIONNAIRES
DE 1848.

CITOYENS,
Lorsque le comité international m'invita a prendre la parole, j hésitai un instant. Je reculai devant la difficulté de parler au nom de la minorité révolutionnaire en Russie, au milieu des bruits de la guerre, au milieu des passions frémissantes et d'un deuil saint et profond. J'en fis part au Comité. Il m'invita encore

ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ РЕЧИ, ПРОИЗНЕСЕННОЙ ГЕРЦЕНОМ (НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ) 27 ФЕВРАЛЯ 1855 г. НА МИТИНГЕ В ПАМЯТЬ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1848 г. В ST. MARTIN'S HALL'E В ЛОНДОНЕ. ДЖЕРСИ, 1855

Экземпляр с дарственной надписью Герцена старшей дочери (по-французски): «Мадемуазель Натали Герцен. Ричмонд. Chalmondeley lodge»

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Chère Olga, je t'écrirai plus longuement à toi et à Malwida dans deux, trois jours — je te remercie pour ta lettre, elle m'a beaucoup plu — mais tu ne me dis rien à propos de la danse — demande franchement l'opinion de Mestch⟨ersky⟩ et dis-moi ce qu'il en pense. Le livre que Wol⟨odimirowa⟩ t'envoie est un peu enfantin et avec des phrases — mais les Français ne savent pas écrire autrement.

Adieu*.

Помните, какой день *2 мая*[12].

[1] См. вступительную статью к настоящей публикации.

[2] О Людвиге *Бамбергере* см. выше, в письмах Герцена к Гервегу. В 1868 г. он был избран депутатом в рейхстаг. В письме к Огареву от 20 мая Герцен сооб-

* Дорогая Ольга, через два-три дня напишу тебе и Мальвиде подробнее — благодарю тебя за письмо, оно мне очень понравилось,— но ты мне ничего не пишешь по поводу танцев — спроси прямо мнение Мещ⟨ерского⟩ и сообщи мне, что он об этом думает. Книга, которую посылает тебе Вол⟨одимирова⟩,— немного ребячливая и с громкими фразами, но французы не умеют писать иначе. Прощай (франц.).

щил, что на свой запрос о возможности поездки в Германию Бамбергер получил от правительства положительный ответ (см. XX, 298).

[3] В 1868 г. Герцен уже предвидел возможность франко-прусской войны.

[4] Герцен имеет в виду журнал «Современность», издававшийся в Женеве в 1868—1870 гг. Л. И. Мечниковым и Н. Я. Николадзе. В «Kolokol» № 8 от 15 мая 1868 г. помещена заметка, в которой Герцен приветствует появление «Современности» (см. XX, 294). Бакунин в этом журнале участия не принимал.

[5] О полемике с Мерославским см. примеч. 4 к письму № 23.

[6] Герцен говорит здесь о Гулевиче, Н. Утине, А. Серно-Соловьевиче, М. Элпидине. О письме дочери, ответом на которое является комментируемое письмо, Герцен сообщил Огареву 4 мая 1868 г. Базаровы, утверждает он, проповедуют «всему молодому поколению ненависть к нам. Тата мне пишет об удивлении молодых русских девушек, познакомившихся с нею. „В России,— говорили,— вас считают за аристократок, как ваш отец, а про Ольгу говорят что она давно католичка“» (XX, 268).

[7] Из басни Крылова «Прохожие и Собаки».

[8] *Бек* — вероятно, бывший жандармский полковник, у которого Володимирова останавливалась в Ницце (см. XX, 143).

[9] О каком обеде Сен-Бёва идет речь — не установлено.

[10] *Новый русский журнал* — женевский журнал «Современность». См. выше примечание 5 к письму от 26 апреля 1868 г. Кто был автором «статьи о положении Европы», установить не удалось.

[11] Имеется в виду брат Мальвиды Мейзенбуг — Отто (1806—1886), занимавший в Австрии крупные бюрократические посты. Какую статью послал Герцен М. Мейзенбуг — не установлено.

[12] 2 мая 1852 г. умерла Н. А. Герцен-мать.

27

⟨Ницца.⟩ 1 мая ⟨1868 г.⟩. Пятница

Твоя записочка заставляет много думать — и это уж само по себе хорошо. Я не совсем с тобой согласен — теоретически и практически. Не надобно шутить libre arbitr'ом* в размерах частной жизни — с этим дойдешь до страшнейшей распущенности и через край примиришься со всеми гадостями. Потом выход, основанный на отбытии людей,— не выход. Разумеется, смерть радикально оканчивает всё. Выход надобно искать при существующих условиях. Ты говоришь, что ничего не переменится от твоего замужства, напр⟨имер⟩.— Это неверно.— Да уж то, что я действительно свободно вздохну (если муж твой будет человек, которого можно уважать), и сложность, в которую и вы заступили, разрешится,— неизмеримо важно. В то время как брак Саши я принимаю за неотвратимое несчастие.

Жаль мне очень, что ты ничем серьезно не занимаешься. Это все дилетантизм (портрет Ге, пенье, микроскоп и пр.). Занятие спасло бы от всего и от salto mortale** замужества. Но надежда плоха — мало ли как тебя будили.

Если ты послушаешь моего совета,— то ты не поедешь в Берлин с Сашей (да я и об нем не слыхал, что он едет). Если тебе дорога его дружба, если тебе интересен Берлин — не езди с ним. Ты будешь прикована, как garde-malade***. Оставь первый год Сашу одного. Ему будет не до тебя — и вы очень, может, столкнетесь жестко.

Ольгу оставить следует на год almeno**** во Флоренции.

Общее житье с Огар⟨евым⟩ решительно невозможно. Бедный Огар⟨ев⟩, он с летами и болезнями больше и больше втягивается в удушливую среду, в которой живет. М⟨ери⟩ — добрая (для Ог⟨арева⟩) няня — но пустейшая женщина, что не мешает ей как англичанке захватывать больше

---

* свободой воли (франц.).

** акробатического прыжка; буквально — смертельного прыжка (итал.).

*** сиделка (франц.).

**** по меньшей мере (итал.).

больше власти. Сын ее никуда не годится. Ог⟨арев⟩ взял грех на душу, избаловавши его.

Но свидеться надобно. Долею N⟨atalie⟩ стала тише,— она была поражена Огар⟨ева⟩ акцидентом* и только бунтует *на словах* — если б ты хотела, ты имела бы влияние. Вероятно, и ты стала терпеливее (повторяю, я не был доволен тобой относительно Лизы). В прошлом письме[1] я предлагал тебе приехать за тобой в Domo d'Ossola или на Lago Maggiore. Тхорж⟨евский⟩ нашел спландидное** помещение возле Женевы (и принца Наполеона[2]) в Prangins — соберемтесь там в июле — и там сделаем ассизы*** для решенья, что дальше. Может, и я съезжу в Германию. Огар⟨ев⟩ очень хочет повидаться, я считаю это лучшим — sauf erreur et imprévu****.

Прощай.

Мы готовимся ехать к 25 мая. А Ниццу мне жаль, зимой будет тянуть сюда. Лиза здесь почти не была больна — два года. M-me Gar⟨ibaldi⟩ едет к мужу в Париж, Нини все не очень здорова.— Нет ли у Vieussent Drapper'a «Развитие европейской цивилизации» — 2 части, на английс⟨ком⟩ — советую достать, хорошее и здоровое чтение — он уютнее Бёкля и местами жив.

2 мая

Вот и шестнадцатая годовщина. С этого времени и предшествовавшего ему года — идут все беды, павшие и на меня, и на вас. Светлого времени нашей жизни ты почти и не знала.

Саше кланяюсь — писать особо нечего. Огарев в последнем письме пишет, что ему гораздо лучше. Он становится на больную ногу. 8 мая он переезжает в улицу des Petits Philosophes — c'est un avantage pour la rue d'en avoir un grand et une modestie de la part d'Og⟨areff⟩*****[3].

На обороте последнего листа:

Donne cette lettre à Tata ******.

[1] См. письмо от 26 апреля 1868 г.

[2] *Принц Наполеон* (1822—1891) — двоюродный брат Наполеона III; заигрывал с либеральными и буржуазно-демократическими кругами. В 1867 г., поссорившись с императором, временно удалился от дел и жил в Швейцарии.

[3] Эту шутку по поводу переселения Огарева на Chemin des Petits Philosophes Герцен повторил в письме к Огареву от 1 мая 1868 г. (см. XX, 267).

28

⟨Ницца.⟩ 12 мая ⟨1868 г.⟩. Вторник, после обеда

|Милая Тата,

Я почти всегда доволен твоими письмами — но последним еще больше, и за это обнимаю и целую тебя в темя. Дело в том, что у тебя у одной начало слагаться верное понятие о жизни,— оно печально, и то сначала — потом оно будет просто *здорово*. Знаешь ли ты отчего, при всей противуположности характеров,— столько нетерпимости в N⟨atalie⟩ и Мальв⟨иде⟩? Оттого, что обе — идеалисты. Вообще заметь, все гонители (кроме корыстных злодеев, любящих власть и деньги) — религиозные фантасты. «Жизнь и люди их обманули» — они не могут примириться с этим. А ведь жизнь

* несчастным случаем (от франц. «accident»).

** великолепное (от франц. «splendide»).

*** совещания (от франц. «assises»).

**** исключая ошибки и непредвиденное (франц.).

***** Малых философов.— Для улицы — преимущество приобрести великого философа, а со стороны Огарева — это скромность (франц.).

****** Отдай это письмо Тате (франц.).

и люди их не обманывали, они просто *не могут* дать того, что с них угодно требовать. Отсюда борьба — акузации *, анафемы... фантазия идет — идет, удержу нет, винт в голове свинтился, и вот по такой спирали** несутся мысли, злобы, слезы — и боль самим себе делается развлечением и занятием.— Иной раз, кажется, можно удержать, другой — что поздно. А всё злодей идеализм.

Ты счастливее их — и даже счастливее Саши,— у него никакого нет взгляда на жизнь, то есть своего,— он в этом моложе тебя — а иногда старше меня. Тут беда в том, что приму играть будут случайности,— ну не всегда же в рулетку выиграется. Вместо идеализма у него доктринаризм,— может, это легче для себя, но для других — не думаю. Я думаю, что он сам согласится со мной. Тут одна странная вещь — что это общая черта у него с Levier, с Дарделем[1] — они все еще несовершеннолетние.

Лиза будет похожа в теориях на тебя. (A propos, когда она явилась к m-me Georg[2] для первого купанья,— все тритоны, и твой купальщик с избитыми скулами и весь подвязанный, вышли на сушь с криками: «Ah, voilà que la *petite* Tata vient aussi pour se baigner» ***). Она со мной философствовала вчера, и вот ее сентенции: «Je pense que dans la vie il faut tâcher de faire quelque chose de bon et de s'amuser. Car, vois-tu, qui peut savoir quand il mourra» ****.

Nini Gar⟨ibaldi⟩ говорит, что желала б иметь детей — но мужа иметь не хочет. А Лиза замечает: «Oh, non, il faut toujours avoir un mari — pour les affaires — pour ne pas s'inquiéter de l'argent»*****.—Ну поди, откуда она могла взять такую парижскую мораль?

Наконец, еще trait******. Вчера я ей читал в франц⟨узском⟩ перев⟨оде⟩ «Былое и думы» — об Ив⟨ане⟩ Ал⟨ексеевиче⟩ — она слушала с большим вниманием, и потом, подумавши: «Quel fou était ton père!» *******.

Письмом Ольги она ужасно довольна — и что та писала ей, не показывая никому.

Волод⟨имирова⟩ давно в Женеве. Я ей письмо послал, хотя и не нужно было его посылать особо — в тот день, в который Мальвида мне писала.

Не могу найти случая, с кем переслать рубашку, шитую тебе, от Вол⟨одимировой⟩.— Бассо[3] едет, да я на него не надеюсь, они все небрежны. По почте нельзя. А тут есть Ольге книга и «дусёр», как немцы называли маленькие подарки.

Огар⟨ев⟩ переехал и в восхищенье от своей новой квартеры — кругом сады — Chemin des Petits Philosophes, 493.

А Пантужеский тоже переехал — Route de Carouge, 504.

Пантужеский — решительно кормилица наша и Вер Артамоныч[4]. Не знаю, приедет ли сюда. Я звал на неделю — за отличную работу по делу Ог⟨арева⟩.

А нога Огар⟨ева⟩ опять плохо. Он лежит и с лубком. Припадки очень часто. Мы едем решительно *31 мая или 1 июня*. Конечно, если ты можешь

---

* обвинения (от франц. «accusations»).

** Далее в автографе рисунок, изображающий спираль, расширенную книзу.— *Ред.*

*** «А вот и *маленькая* Тата тоже пришла купаться» (франц.).

**** «Я думаю, что в жизни надо стараться сделать что-нибудь хорошее и развлекаться. Потому что, видишь ли, кто может знать, когда он умрет» (франц.).

***** «О нет, надо все же иметь мужа, чтобы он вел дела, чтобы не заботиться о деньгах» (франц.).

****** черта (франц.).

******* Какой сумасброд был твой отец!» (франц.).

ехать avec les sommiers à l'Africaine * — чего же лучше — но об этом спишемся. Если бы ты могла завладеть каприз⟨ной⟩ сторон⟨ой⟩ N⟨atalie⟩, ты много сделала бы для Лизы, и *если сама* не будешь спать, как кроты, полжизни — в праздности (ты на этот счет что-то не пишешь).

Скажи Ольге — давно бы ей сказать, что она немного пляшет. Я только этого хотел. А ведь мне Саша сказал, что она вовсе не умеет.

Буду Ольге и Саше писать следующ⟨ий⟩ раз. Мальвиде тоже.

Supplément **

Тхорж⟨евский⟩, живописец торжественный поезд⟨ки⟩ Ог⟨арева⟩ из Лансы в Птифилософ, говорит: «В четвероместной колязке была точно постель, и Н⟨иколай⟩ Пл⟨атонович⟩ с роскошью *отдыхал свежим маявым воздухом*». Sehr gut***.

В ценах Prangins в пансионе сошлись, там месяц-другой можно провести славно.

NB. Пиши скорее ответ — хотя вопросов и нет.

[1] *Дардель* — Герцен называет так Дюран-Фарделя — врача, лечившего его в Виши.
[2] *M-me Georg* — владелица купального заведения в Ницце.
[3] *Бассо* — хозяин дома, в котором Герцен жил в Ницце.
[4] *Пантужеский* — шуточная переделка имени — «пана» Тхоржевского. — *Вер Артамоныч* — шутливое напоминание о няне Герцена Вере Артамоновне, изображенной им в первой части «Былого и дум».

29

⟨Ницца.⟩ 20 мая ⟨1868 г.⟩. Середа

Переписка с вами трудна, вы так заняты, что ответ приходит на 10-й и 11-й день, в то время как в 6 дней мог бы быть.

Мы едем 1-го июня. Расчесть нехитро, что письмо, брошенное 27⟨-го⟩, придет.

Нога Огар⟨ева⟩ что-то не клеится — опять в лубках. В Prangins в июле — не ехать ли потом в Лугано и Комо.

Бамберг⟨ер⟩ спрашивал министерию — в Пруссию можно.

С Сераф. Бассо побоялся послать Гарибальди[1]. Все посылать по почте с gr⟨ande⟩ vitesse трудно. Не знаю, что делать.

Прощай.

Саше поклон.

Зачем Левье высылает последнюю практику и шлет Долгорукова?[2]

[1] Вероятно, имеется в виду портрет Гарибальди.
[2] Речь идет об отъезде П. В. Долгорукова из Флоренции, где его лечил Левье.

30

⟨Ницца.⟩ 23 мая ⟨1868 г.⟩. Суббота

Ты полагаешь, Тата, что в моих письмах или в последнем, нет вопросов — и очень ошибаешься. В них (как и в твоих) затрогиваются *вопросы о жизни* — а это гораздо важнее вопросов — ехать ли в S. Terenza или в Prangins. Многое ты поняла — но в многом еще туманно. Напр⟨имер⟩, когда я говорю о воспитании себя для воспитания — ты спрашиваешь, чем заниматься и какие книги. Заниматься умягчением, уравновешением характера — а книги читай те, которые читаешь.

* с вьючными лошадьми на африканский лад (франц.).
** Прибавление (франц.).
*** Очень хорошо (нем.).

Насчет живописи — это дело твоей совести,— мне кажется, что при бóльшей деятельности — ты могла бы делать хорошие вещи,— ты это доказала даже маленькими карандашными очерками. Не развить данную способность — когда внешнее не препятствует,— грех. Но

S'il ne sent point du ciel l'influence secrète*[1],

как говаривал Буало — надобно броситься на что-нибудь другое. Ну хоть на мастерские, школы, кооперативные общества,— что не мешает вовсе собственному образованию. Мне даже пришла по этому поводу мысль — не встретиться ли нам в конце июня—во Франции, в Альзасе есть чему поучиться.

Огар⟨евская⟩ теория по поводу Саши и его брака — никуда не годна — вовсе не все равно — Акулина или Терезина[2]. Всякий брак может привести к бедам, но тот, который основан не только на одном увлечении, а на равенстве развитий, на общей религии, на взаимном *уважении*, тот, который даже взял в расчет кусок хлеба себе и детям,— тот имеет *больше шансов* рациональных. Огар⟨евская⟩ теория и потому никуда не годна, что она действительно, как ты и заметила, ничего не дает в замену. Личности могут восставать против стеснительных учреждений и стараться их уничтожить или заменить—но не как исключение *для себя*—а comme règle générale ** для всех. Лютер опроверг безбрачие попов — как нелепость — и мог потом спокойно жениться. Vice versa *** не идет. Пока исторические формы не заменены другими,— люди поневоле (даже непоследовательно) живут в них. Я убежден, что современное обращение богатств, при монополи собственности недвижимой и капитале, дает ренту *выше* справедливой и ни слова не скажу, когда она падет для меня — как для других. Но если б я вздумал (чего именно женевские базаровцы и хотели) отдать им, напр⟨имер⟩, из 5%— 4 — я остался бы полунищим и лишил бы себя во время борьбы оружия и возможности бороться.

Вот тебе на размышление целый воз вопросов. Я никогда не скажу тебе (разве в каком-нибудь чрезвычайном случае) — *иди* замуж. Но не скажу никак — *не ходи* — тогда, когда стремленье и обстановка, сердце и ум будут согласны.

Жаль, что тебя здесь нет. Ницца во всей красе. Лиза плавает под заглавием la petite Tata ****. Жар, но «ein sanfter Wind vom blauen Himmel weht»*****[3], и weht-то лимонными цветами. Удивительный край, жаль его покидать.— Если б можно было в этих полосах что-нибудь устроить — хоть бы нам вчетвером —Nat⟨alie⟩ — ты — Лиза и я — сначала. Но и это слишком эпикурейски — жить надобно там, где есть *наибольшее дело* для нас, а уж в Клину или в Специи — о том знают обстоятельства.

That is my humble philosophy ******.

Посылаю Ольге довольно удачные стихи Гюго к папе[4]. А вам всем лист «Либерте» — с заседанием Сената — которое прошу прочесть. Я вложил в нее plaisanterie atroce ******* из «Фигаро».

Скажи Саше, что когда выйдет 1-й том Шиф⟨овой⟩ физиол⟨огии⟩, чтоб он его послал по адресу:

France
Mr le Dr Bernacki[5]
Cannes (Alp⟨es⟩ Marit⟨imes⟩).

---

* Если он не чувствует наития с небес (франц.).
** как общее правило (франц.).
*** В обратном порядке (лат.).
**** маленькая Тата (франц.).
***** «нежный ветер веет с голубых небес» (нем.).
****** Такова моя скромная философия (англ.).
******* жестокую шутку (франц.).

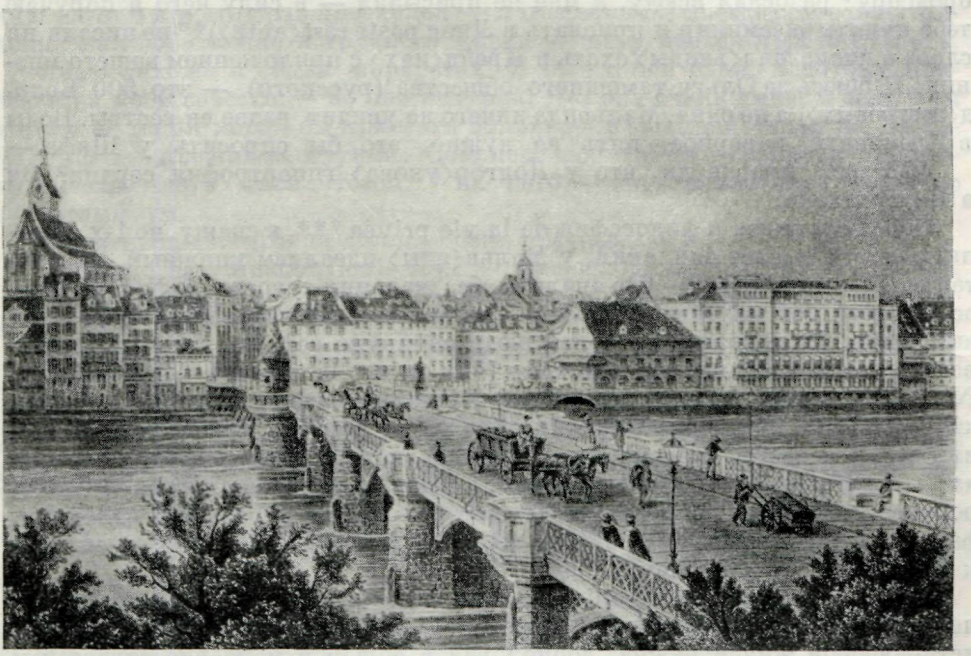
Если что нужно после 29⟨-го⟩, то можно адресовать: Lyon, poste rest⟨ante⟩ или к Тхоржевскому. 1-го сдача дома, едем 2-го июня в 3 часа.

Щенкович, Соловьевич и другие Псевичи — мне отвечали за Мирославского с разными дерзостями[6].

Что ваша квартера — помнится, она кончалась к 1-му июню?

[1] Из «Поэтического искусства» Буало, песнь I.

[2] 8 июня 1868 г. Герцен писал Огареву: «... A propos, Тата мне писала, что ты Саше проповедывал, что „брак вообще несчастье, а уж там все равно — на Терезине или на Акулине жениться“» (XX, 312).



БАЗЕЛЬ

Гравюра Ж.-М. Кольба

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

[3] Цитата из песни Миньоны в романе Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера».

[4] Вероятно, речь идет о поэме В. Гюго «Ментана». Осенью 1867 г. Гарибальди предпринял поход для освобождения Рима от власти папы. 3 ноября папские войска при поддержке французских войск разбили волонтеров Гарибальди при Ментане (городок в 20 километрах от Рима). Раненый Гарибальди взят был в плен. В ноябре же Гюго откликнулся на эти события поэмой, в которой прославил подвиг гарибальдийцев и заклеймил папу Пия IX.

[5] Польский врач *Бернацкий*, о котором см. в «Воспоминаниях» Н. А. Тучковой-Огаревой (М.— Л., 1929, стр. 357—358).

[6] *Щенковичем* Герцен, очевидно, называет Щенсовича, польского эмигранта, редактора журнала «Le Peuple Polonais». В первом номере этого журнала, вышедшего 15 мая 1868 г. в Женеве, напечатана была статья Щенсовича, направленная против статьи Герцена «К польскому вопросу» («Kolokol», № 7). Возможно, что некоторое участие в составлении этой статьи действительно принимал А. А. Серно-Соловьевич (см. об этом публикацию Ф. Фрейденфельда «Листовка А. А. Серно-Соловьевича против Н. П. Огарева».— «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 112—113). 4 июня 1868 г. Герцен писал сыну: «Статья в „Le Peuple Polonais“ не так дурна, она скорее дерзко обходит вопрос ⟨...⟩ Писал ее Ченснович с Сер⟨но⟩-Сол⟨овьевичем⟩» (XX, 307).

31

⟨Ницца.⟩ 1 июня ⟨1868 г.⟩. Понедельник

Завтра, если ничего не помешает — в три с половиной мы поедем в Лион — прямо — и оттуда я вам напишу. В Лионе я бы хотел остановиться дней на десять. В Кольмаре и Мильгаузе—до 1 июля (un peu plus, un peu moins)*. Конечно, всего лучше тебе приехать было бы из Крейцнаха. Жить там тебе я не думаю, чтоб было хорошо для Мейз⟨енбуг⟩,— но доехать и отправиться, напр⟨имер⟩, в Страсбург или Кольмар — было бы недурно.

Зачем ни ты, ни Саша (он, впрочем, ко мне совсем не пишет, даже свою брошюру[1] разослал всюду, а мне не присылал — в силу чего я поручаю тебе купить экземпляр и прислать в Лион poste rest⟨ante⟩)** не писали ни слова о плане Мал⟨ьвиды⟩ ехать в Крейц⟨нах⟩ с приложением вашего мнения. Я боюсь за Ольгу тамошнего общества (русского) — это 500 Волод⟨имировых⟩, а не одна. Мальвида ничего не увидит, разве ее сестры. Воды в Крейцнахе, наверное, пить не нужно, это бы спросить у Шифа.—

A propos, правда ли, что у Долгор⟨укова⟩ гипертрофия сердца? Он в Интерлакене.

Переходя снова к философии de la vie privée ***, я скажу, во 1-х, идеализм не всё бывает одинакий, у Мальв⟨иды⟩ идеализм книжный, экзальтация общими тенями — без анализа, без желания ясности. У N⟨atalie⟩ — оставшиеся без малейшего разбора русско-молодые экзальтации сороковых годов. Ты говоришь,— в чем люди обманули ее? Да тут-то и бывает вся загвоздка, что все *это кажется* (как ты это не поняла — напр⟨имер⟩ N⟨atalie⟩ теперь думает, что идеал женщины-матери — Сатина, девушки — ее Тата. Ну, приезжай они сюда — на полгода хватит воспоминаний etc.— а потом непременно отдаление, потому что С⟨атин⟩а не идеал — а добрая саранская помещица, а Тата — вероятно чистое и благородное, но далеко не развитое существо — разве это не есть идеализм, фантасмагория, мешающая видеть то, что в самом деле? Те же отношения к Ал⟨ексею⟩ Ал⟨ексеевичу⟩[2]).

Villari[3] сказал тебе вздор — но ведь и на белом и сером веществе далеко не уедешь. Тут не физиология мозга — а физиология общественной, исторической жизни важна, социология в общем и изучение страстей и влечений в частном важны. Не верить религиозным бредням — еще не значит сводить все вопросы — на химию. В юности обыкновенно делают эту ошибку в ту или другую сторону.

Не могу я тебе писать никакой теории брака. Нормального брака нет. Это все неверные приемы — так Платон, Томас Морус писали свои идеальные республики. Брак — изменяющаяся, историческая форма отношений мужчины и женщины — друг к другу — и к детям. На сию минуту — общество требует *заявления* брачных отношений — но не верит в их христианскую неразрывность. Частно этого не переменишь — надобно вводить больше и больше разума в существующее, институты. Сделан брак из религиозных оснований — а поддерживается *воспитанием и наследством.* Фурьеристы принимали все формы брака — от самого постоянного до самого ветреного (они назвали papilionacé ****[4]). Уничтожай брак сколько хочешь — бед и коллизий не устранишь. Женат или нет был Отелло — он все задушил бы Дездемону, и Дон-Жуана не остановила бы, без сомнения, никакая церковь. Нравственность — дело историческое, человек, поступающий сообразно своему понятию о добре и зле, — поступает хорошо, и почти всегда под влиянием исторического развития. На сию минуту,

* немного более, немного менее (франц.).
** Разве цензура задержала? — *Примеч. Герцена.*
*** частной жизни (франц.).
**** мотыльковый (франц.).

для полной практической свободы — брак так же необходим, как капитал, наследство и др. вещи, в которые, в сущности, мы не верим.

Пуще всего следует обратить внимание на то, чтоб в понятиях было единство и последовательность. Для этого надобно много думать, да и для облегчения кой-что почитать. О втором после. Вот тебе опять диссертация.

Я послал новым путем 2500 ф⟨ранков⟩ на имя Саши — пришли ли?

Скажу тебе по секрету, что чем ближе срок к Prangins, тем больше Огар⟨евым⟩ овладевает страх переезда (полчаса по желез⟨ной⟩ дороге!)— я при Саше говорил то же о Лозанне. Неподвижность — у него idée fixe*. Если б я и этот раз предвидел — я отложил бы поездку, и очень. Видишь, как все сложно и трудно в жизни — шагу нельзя просто ступить.

Лиза похожа в обоих портретах. Я был с ней один, и потому прическа на моей совести — но она недурна. Да, она очень умна, и если б ты хотела — ты ей могла бы принести пользу — и даже действием на Nat⟨alie⟩, но не прежними путями. Самоперевоспитание — великая вещь — ты имеешь много фасилитетов ** на него,— неувлекающийся характер и светлый ум.

Затем прощай.—Пиши Lyon. Poste restante.

Я послал вам Мишле Louis XVI — превосходный том. Читать сейчас.

Ольгу обнимаю и целую — рада ли она ехать в Швальбах — Руфенах — или как?

У Бернадского чемодашечка была — ну где же ему шнитво Волод⟨имировой⟩ брать [5].

[1] Очевидно, это та брошюра, по поводу которой Герцен писал сыну 8 июля 1868 г.: «Письмо твое получил и брошюру от Тхоржевского ⟨...⟩ Пока скажу, что заглавие „Sulla volontà“ ⟨„О воле“⟩ не совсем идет» (XX, 310). Ответом на эту брошюру явилось «Письмо к сыну (о свободе воли)», 1868

[2] *Тата* — дочь Н. М. и Е. А. Сатиных, племянница Н. А. Тучковой-Огаревой, *Ал⟨ексей⟩ Ал⟨ексеевич⟩* — Тучков, отец Н. А. Тучковой-Огаревой.

[3] Паскуале *Виллари* (1826—1917) — итальянский историк, занимал во Флоренции кафедру истории.

[4] В свое учение о страстях Фурье вводит термин «papillon» (т. е. мотылек), определяя его как «страсть к порханию — потребность разнообразить свои наслаждения, порхать от одних удовольствий к другим...» («Новый промышленный и общественный мир», раздел I, гл. 1).

[5] Речь идет о вышитой рубашке, которую Володимирова предназначала в подарок Н. А. Герцен.

32

⟨Лион.⟩ 9 июня ⟨1868 г.⟩. Вторник

Тате.

Сейчас получил твое письмо. Писать буду потом. До 15 мы в Лионе (я от Лиона в восхищенье. Завтра еду на два дня к Огареву), в Пранжен раньше 15 июля и думать нечего. Нога ноет плохо, а обмороки очень часты. Где же и как мы встретимся? Пиши на адрес Тхорж⟨евского⟩.

Дело не в том, что изучение начинается физиологией — а в том, что физиологи воображают разрешить своей частной физиологией явления социологические, и на это у них сил нет. Социол⟨огия⟩ может быть сведена на физиологию, как физиология — на химию, химия — на движение; их единство знать надобно, но это такое же неопределенное, как другие, как слово бесконечность.

Книжка Саши хороша — но неудовлетворительна (а ты посмейся над его юно-авторским самолюбием, что он боялся, что ее не пропустят во Францию и что читая «La Pensée Nouvelle»...).

---

* навязчивая идея (франц.).

** возможностей (от франц. «facilités»).

Представь себе, если мы восстанем на то, что собаку называют собакой, а будем, сводя ее на составные части, говорить: «Ах, видите вы эту окисленную и проугленную селитро-известковую массу с железцем... и фосфором — как раз бежит по тротуару». Как мы много выиграем — а все может быть верно.

От Нефталя письмо — он купается в счастье. Живет в New-York, и с Каппом[1] приятель, и с Шурцем[2] приятель.

Я воображаю, что в начале июля мы будем опять в Лионе и здесь ждать. Пиши о всех проектах.

Ты знаешь, что ты денег получаешь собств⟨енных⟩ по 80 *фр⟨анков⟩* с чем-то — но франц⟨узских⟩ франк⟨ов⟩ в месяц это выйдет 90.— Лиза получает 4 фр⟨анка⟩ в месяц и с тех пор из своих денег не тратит. Только здесь купила рамку для Ага[3] — его она страстно любит и помнит.

[1] О Фридрихе *Каппе* см. выше, в публикации «Письма к Георгу и Эмме Гервегам».
[2] Карл *Шурц* (1829—1906) — немецкий эмигрант, в 1852 г. переселившийся в Америку, где он стал видным деятелем республиканской партии. Герцен сблизился с Шурцем в 1855—1856 гг., когда последний приезжал из США в Англию.
[3] *Ага* — прозвище Огарева.

33

17 июня ⟨1868 г.⟩. Lyon. Hôt⟨el⟩ de l'Europe.

Письмо твое от 13-го меня как-то удивило и сконфузило. Если б было время — я многое бы переменил бы. Для большего конфуза ты даже приблизительно не написала, когда едешь, а едешь еще по чёрт знает какой дороге — Mont Cenis'a. Знай я, мне легко было бы остаться здесь. От Кюлоза тебе было бы всего проще заехать сюда и концертировать*. Но я не могу остаться, потому что ты ворочаешь оглобли от Кюлоза в Женеву. Ну приедешь ты в Женеву — где же ты будешь жить? Тхоржевскому я напишу — но все бесконечно спутано и неловко. Отчего было бы просто не списаться и сделать все по общему плану. Случаев много — а тебе было все равно — выехать ли к 15 — 25 и пр.

Мы едем завтра в Кольмар — и наверное там до 1 июля. Телеграфировать трудно, не зная отеля,— пиши как можно скорее.

Неужели план этот апробовал ** Dr Al. Her⟨zen⟩?..

Фотографию можно прислать.

В Женеве я встретил Володимирову в пирожной и ел с ней. Я и теперь стою на том, что ваши кальвинисты поступили с ней roide ***. Ею легко управлять[1].— Прощай.

Если нужно телеграф⟨ировать⟩ — то телегр⟨афируй⟩ Тхоржевскому.

Будь очень внимательна — чтоб посторонние за тебя не платили, в Женеве Тхорж⟨евский⟩ может тебе дать денег.

У Огар⟨ева⟩ места нет,— да и entre nous **** Mary ходит за ним превосходно, кормит его отлично—но очень пустая женщина, себе на уме при этом и к тому же постоянно смеется. Генри[2]— плох из рук вон, даже у него лицо красивое — сделалось тупо. Туц[3] мил и жив. С ними скука — к Касатк⟨иной⟩[4] я не позволю селиться. Владим⟨ирова⟩ одна с сестрой (Устинов в Эмсе)... Наделала ты кутерьмы.

Тург⟨енев⟩ Ив⟨ан⟩ Сер⟨геевич⟩ играет роль Огра *****—у себя, при королеве прусской и разных герцогинях. Виардо с ним, она писала музыку, он — либретто, и таким образом стал придвор⟨ным⟩ шутом[5].

---

* В автографе схематическое изображение дороги из Кольмара в Лион.— *Ред.*
** одобрил (от франц. «approbation»).
*** жестко (франц.).
**** между нами (франц.).
***** людоеда (франц.).

Как вы с прислугой? Пиши: Colmar (poste resta⟨nte⟩). Haut Rhin.

Я Саше писал, что ему лучше приехать с Т⟨ерезиной⟩ после, когда она выучится по-франц⟨узски⟩—что же так возить, как куклу,—никто ни слова.

[1] Володимирова вынуждена была покинуть Флоренцию под давлением А. А. Герцена, недовольного ее поведением. Герцен отнесся ко всему этому крайне неодобрительно (см. XX, 202). *Кальвинистами* Герцен иронически называет здесь сына и его флорентийских друзей за их нетерпимость.

[2] *Генри* — Сетерленд, сын Мери Сетерленд, воспитанник Огарева.

[3] *Туц* (Тутс) — внук Герцена Александр, сын Александра Александровича и англичанки Шарлотты Гетсон. В тот период, к которому относится комментируемое письмо, жил у Огарева.

[4] Елизавета Васильевна *Касаткина* — вдова эмигранта В. И. Касаткина.

[5] В Баден-Бадене Виардо ставила силами любителей музыкальные пьесы, текст для которых сочинял Тургенев. Домашние спектакли Виардо посещались прусской королевской семьей.

34

⟨Люцерн.⟩ 24 июня ⟨1868 г.⟩ Середа

Тате.

Очень рад, что все с рук сошло. Жаль, что Hôtel de la Poste постоянно набит мерзким обществом немецких сидельцев.

Подробности и пр. в другое время. Альзас с виду беден — но интересен — и имеет свой ум и сильное образование.

Я везде был принят превосходно. Брат Шофура[1] играет здесь роль, очень умен, очень образован — и холит меня, как хорошего гостя.

25 или 26⟨-го⟩ — мы в Мюльгаузе, и там я буду ждать ответа на это письмо. Coup de tête* кончен — теперь надобно опять привести в порядок. Ответ на это письмо придет 28 или 29⟨-го⟩, я его получу в Мюльгаузе. Я готов в М⟨юльгаузе⟩ ждать до *5 июля* и могу выехать тебе навстречу — в Базель,— если ты думаешь, что границу переезжать трудно (есть ли у тебя паспорт,— обыкновенно не спрашивают, но на случай).

Ты можешь в Женеве остаться еще несколько дней, должна заехать к Мар⟨ье⟩ Каспар⟨овне⟩, и тогда или написать мне день и train**, в котором ты приедешь в Мюльгауз, или день и train, когда ты приедешь в Базель. От Базеля до Мюльгауза *час и десять минут*.

Может, и мы из Мюльг⟨ауза⟩ переедем все в Базель, чтоб поездить по Север⟨ной⟩ Швейцарии — в этом случае мы встретиться можем в Базеле. Alles is möglich ***. Я предоставляю тебе *решенье* — но исполненье — себе, и, главное, точность во времени требую огромную. Никакой рассеянности, помехи не принимаю — это всё вздор и невниманье — есть почта, есть телеграф.

Хочешь ты приехать в Мюльгауз?

Хочешь в Базель — и чтоб я за тобой приехал?

Или в Базель, когда все мы будем там?

Пиши сейчас.

Прощай.

P. S. Получил от Саши письмецо. Жаль мне его... Вот отдать бы в большой пансион в Бебленгайме[2] Терез⟨ину⟩ на год — была бы она несколько отшлифована.

[1] *Шофуры* — французская семья из Кольмара. Братья Шофуры, Игнатий и Виктор, были депутатами Учредительного собрания в 1848 г. Вся семья восторженно встретила Герцена, посетившего в июне 1869 г. их именье в Кольмаре.

---

* безрассудство (франц.).

** поезд (франц.).

*** Всё возможно (нем.).

[2] *Пансион в Бебленгайме* — закрытое женское учебное заведение близ Кольмара. Герцен посетил Бебленгайм в июне 1868 г. (об этом посещении подробно рассказывает Н. А. Огарева в XV—XVI главах своих «Воспоминаний»). В письмах к Огареву и к Мейзенбуг Герцен с большим уважением отзывается о руководителе пансиона, педагоге Жане Масе (см. XX, 383, 388).

35

27 июня ⟨1868 г.⟩. Суббота.
Mülhouse (Haut Rhin). Hôtel Romanu⟨m⟩

Тате.

Любезная Тата,

Тут нечего телеграфировать и некуда торопиться (письма все получены — я так меры беру, что вам заботиться нечего). Я полагаю, что à la longue * жить так, как ты живешь в Женеве,— невозможно, но неделя больше, неделя меньше ничего не значит. В Кольмар и Альзас ты не попала потому, что писала мне, что едешь в *конце* месяца — а поехала *до 15⟨-го⟩*.

Теперь мы можем съехаться в Базеле... Даже в Люцерне... положим, что 1-го или 2-го июля мы будем в Базеле, и я напишу тебе — ты отправишься в Берн (ездить в Берн и воротиться в Женеву — такая нелепость, о которой и говорить нельзя), и оттуда напишешь: «Я еду с таким-то train**, — в столько-то часов...». Я буду ждать. В Берн ты можешь ехать хоть завтра—я напишу тогда и Мар⟨ье⟩ Касп⟨аровне⟩[1] (но и ты должна тотчас написать). — Стало, программа с варьянтами дана.

Теперь вот вопрос: α) Когда Огарев в состоянии ехать в Prangins? β) Думаешь ли ты, что он может без ухода своего остаться две недели и больше?

Сейчас развернул газеты и прочитал о смерти сенатора Mateucci[2]— неужели это наш? Его ужасно жаль было бы.

Не знаю, что будет от свиданья (мне очень жаль, что ты ни N⟨atalie⟩, ни Лизе никогда не пишешь, этим ты поддерживаешь даль)— но, кажется, ты могла бы принести пользу Лизе (изменивши все в наружном). Учится она нехорошо, т. е. теперь совсем нет уроков, — это всё вздор, главное ум — но надобно стараться отстранить баловство. Но все это зависит вполне от тебя — Liberté, égalité! ***

Сегодня 27⟨-е⟩ суббота — письмо это придет 29⟨-го, в⟩ понедельник, ответ на него 31-го ⟨!⟩ или 1-го июля (середа или четверг), а потому пиши: Bâle, poste restante. Стало, в четверг я буду знать, что ты делаешь,— а в субботу ты получишь мой ответ.

Прощай.

Привези гид Берлатта.

О романе Толст⟨ого⟩ надобно толковать много. Общая картина верна и интересна (вопреки Огарева-Мерчинского amendement ****) — лица плоше, а есть места просто *глупые*, да ведь у Толстого-то есть тоже глупые места. Ты знаешь, что Тург⟨енев⟩ играет роль шута (Ogre) в Баден-Бадене перед королевой прусской.

[1] В июле 1868 г. Н. А. Герцен поехала к Марии Каспаровне Рейхель в Берн.

[2] Карло *Матеуччи* (1811—1868) — итальянский физик, в 1862—1863 гг. — министр просвещения. Герцен опасался, что после смерти влиятельного Матеуччи в Италии начнется преследование прогрессивной науки (см. об этом в письме Герцена к Огареву от 30 июня 1868 г.— XX, 390).

---

* долго (франц.).
** поездом (франц.).
*** Свобода, равенство! (франц.).
**** поправкам (франц.).

36

2 июля ‹1868 г.›. Bâle.
H‹ôte›l Trois rois, № 3

Твое письмо к N‹atalie› пришло тотчас после отправления. Я пишу только для того, чтоб сказать, что торопиться не надобно,— а сговориться — необходимо.— Но, во-первых, о Мар‹ье› Касп‹аровне› — я для

ГЕРЦЕН

Шуточный фотомонтаж С. Л. Левицкого с дарственной надписью Герцена дочери Ольге: «Два папы, экзаменующие Ольгу—или совещающиеся после экзамена. 10 ап‹реля› 1865»

Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по фотоотпечатку Исторический музей, Москва

детей тебе разрешаю потратить от 50 до 60 руб‹лей› не на игрушки, а на серьезные подарки. Если Мар‹ье› Касп‹аровне› нужны деньги, ты тонко намекни, что я всегда готов прислать от 200 до 500 фр‹анков›. Далее о путешествии: 1-е, мы едем в субботу — если есть сильное

желание видеть Шафгаузен, пиши,—а нет — так приезжай просто в *Люцерн*, по получении письма и назначив день. Тхор⟨жевский⟩ думает, что до 1 авг⟨уста⟩ делать нечего,— тогда в Люцерне можно остаться.— Ты многое поправила твоим письмом, на эти вещи надобно иметь свой такт.

Видя положение Долг⟨орукого⟩, я, разумеется, не хочу продолжать с ним ссоры[1]. Ездить к нему — я не думаю, чтоб нужно было,— но спросить о здоровье через пана (если хочется)— можно.

Прощай.

Скажи Тхор⟨жевскому⟩, что и его письмо пришло — и что всё all right *. А Долгор⟨укову⟩ пусть он не говорит, когда я буду в Luzern'е— а то он, пожалуй, выпишет меня.

Итак, обдумай насчет пути, привези пана.— Во всяком случае, мы едем *в субботу*. А потому писать — с пятницы вечера:

Luzern (poste restante).

Если напишешь завтра утром, письмо придет.

Веди счет деньгам, которые взяла у Тхоржевского.

Зачем, видевшись с Касаткиной, ты не взяла у нее тетрадь, о которой хлопотал Тхорж⟨евский⟩[2].

Адол⟨ьф⟩[3] должен almeno ** брать по 5 фр⟨анков⟩ за каждый визит, хотя бы их было 500, с Долг⟨орукова⟩.

[1] 3 октября 1867 г. Герцен писал сыну из Женевы: «Кн⟨язь⟩ Долгоруков уехал отсюда в самых дурных отношениях со всеми, написал глупую брошюру против Бакунина и, вообще, идет по дороге примирения с правительством» (XX, 17—18). Вскоре Герцен окончательно порвал отношения с Долгоруковым (XX, по указателю). 20 декабря Герцен сообщает Тургеневу: «Долг⟨оруков⟩ все пакостничает, а потому я прервал дипломатические сношения...» (XX, 117). На почве идейных разногласий временный разрыв отношений между Герценом и Долгоруковым имел место и осенью 1866 г. (см. об этом в публикации Н. Н. Захарьина «Из переписки П. В. и В. П. Долгоруковых с Герценом и Огаревым» («Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 126—132).

[2] Вскоре после смерти В. И. Касаткина, 4 января 1868 г. Герцен писал Огареву: «Надобно бы взять „Записки" декаб⟨риста⟩ у Касаткина» (XX, 128). Эта рукопись, чрезвычайно интересовавшая Герцена, находилась у вдовы Касаткина, Елизаветы Васильевны (см. XX, 306). О каких «Записках» декабриста шла речь? Ответ на этот вопрос дает предисловие к «Etudes historiques sur les héros de 1825 et leurs prédécesseurs, d'après leurs mémoires» ⟨«Историческим очеркам о героях 1825 года и их предшественниках, по их воспоминаниям»⟩ Герцена, напечатанное в № 9 «Kolokol» от 15 июня 1868 г. «Настоящая глава есть отрывок из *первой части* мемуаров Ивана Якушкина. Мы так и не добились *второй*, положительно обещанной нам нашими друзьями, у которых дружеских чувств больше, чем аккуратности. Есть такие странные владельцы, которые наивно думают, что подобные мемуары могут быть *частной собственностью*. Не только родственники и наследники, но и лица, получившие по счастливой случайности копию, запирают ее под замок, играя таким образом мало благородную роль собаки, которая с ревнивой скупостью стерегла сено, не нужное ей самой» (XX, 340—341).

В 1862 г. Вольной русской типографией были изданы первые две части «Записок» Якушкина, так что речь, собственно, шла о третьей части. В цитированном предисловии Герцен имел в виду Е. В. Касаткину, которая, очевидно, уклонилась от продажи рукописи. Однако и после этого Герцен не отказался от своего намерения получить интересовавшую его рукопись. В комментируемом письме Герцен выражает сожаление, что Наталья Александровна не использовала для этого свое пребывание в Женеве, где жила Касаткина.

В конце концов рукопись была, очевидно, передана Огареву; это явствует из письма к Огареву от 6 августа 1868 г.: «Не могу понять, как ты удержался и не прочел записки, отданные Касаткиной» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 418). Герцен не успел издать третью часть «Записок» Якушкина; она была напечатана (вероятно, по другой копии) в 1870 г. в «Русском архиве».

[3] Адольф *Фогт* (1823 —1907) — брат Карла Фогта, врач в Берне.

---

* в порядке (англ.).

** по меньшей мере (итал.).

37

31 июля ⟨1868 г.⟩. Середа[1]. Bâle.
H⟨ôte⟩l Trois rois, ch⟨ambre⟩ № 3

Твоя записочка пришла. Самое лучшее встретиться в Люцерне — пожалуй, мы переедем туда в субботу утром или в пятницу. Можно даже встретиться в Olten — если ты не видела рейнского водопада *. Но можно съездить и из Люцерна. День зависит от тебя, живи хоть две недели в Берне — если не à charge ** Мар⟨ье⟩ Касп⟨аровне⟩.

Смерть Матеучи меня поразила — больше, чем положение Долгор⟨укова⟩[2]. Какая сила и какая свежесть. Теперь будут гнать свободную науку.

Итак, я жду ответа kategorisch ***. «Я еду в Базель»... train... час... «Я еду в Люцерн»... час... train... число. Полагаю, что в Люцерн ближе и проще — *дальше субботы* я здесь не останусь.

А что же ты у Касаткиной не взяла рукопись[3]?

Жду описания о свидании с Марь⟨ей⟩ Касп⟨аровной⟩ — удивление Рейхеля.

К Frölich'ам[4], само собою разумеется, ходить не надобно — они негодяи.

К Адольфу надо[5].

К старушке[6], если она хочет.

Всех Рейхелей обнимаю.

[1] Очевидно, ошибка Герцена: 31 июля 1868 г. — не среда, а пятница.
[2] См. примеч. 2 к письму № 35.
[3] См. примеч. 2 к письму № 36.
[4] О *Фрелихе* см. по указателю.
[5] *Адольф* — Фогт. См. примеч. 3 к письму № 36.
[6] *Старушка* — Луиза Фогт, вдова Ф. Фогта, мать Карла, Эмиля, Адольфа и Густава Фогтов.

38

Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ[1]

18 ⟨сентября 1868 г.⟩. Пятница. Париж.
Grand Hôtel du Louvre № 221

Наконец я имею время порядком сказать о свидании с Б⟨откиным⟩ и имею сказать положительно о результатах его[2].

Еще раз я должен заметить, что вниманием, умом и патологической догадливостью — он выше других мною виденных докторов. К тому же он в самом деле сердечно принялся за меня. Я запишу и расскажу многое после[3]—напр⟨имер⟩, осмотр всего организма, измерение слуха, зрения**** и пр. Теперь результаты. 1-е. В самом диабете сомнения нет, четыре разложения, сделанные им при мне, доказывают ненормальное выделывание сахара. 2-е. Причину болезни он прямо относит к мозгу и психическим потрясениям и считает начало по крайней мере за 4 года (подумай, что тогда было!)[4]. 3-е. Что организм так здоров, что он быстро выполняет уносимое сахаром,— и опасности, чтоб болезнь взяла быстро дурной переворот (как полагает Фогт),— он не предвидит. Но запускать нельзя ни под каким видом. 4⟨-е⟩. Ехать в Виши, пить воду от 4 до 5 недель, брать не очень долгие теплые ванны — и затем выждать весны. Если симптомы

* В автографе далее схематическое изображение пути между Базелем и Берном.— *Ред.*
** в тягость (франц.).
*** категорически (нем.).
**** до щекотанья пяток.— *Примеч. Герцена.*

уменьшатся, лето⟨м⟩ — ехать *снова* в Виши. Если симптомы увеличатся,— ехать в Карлсбад. 5⟨-е⟩. Ни Виши, ни Карлсбад радикально не вылечат, но служат отводом, отводом временным, а потому — *непременно* ездить *ежегодно* на месяц (это всего скучнее). 6⟨-е⟩. Без сильных психических потрясений — при таком организме болезнь не страшна на несколько лет. Но новые удары или заботы — опаснее всякого нарушения диеты. 7⟨-е⟩. Диеты глупой он не требует.

Мясо должно составить fond * еды — но хлеб в малом количестве. фрукты, молоко с кофеем — тоже в малом количестве, он допускает и говорит, что одно мясо может надоесть до отвращения. Далее — пиво, сколько можно, совсем исключить, водку свести на капли, красное вино, Бордо и Бург⟨ундское⟩ — разрешено.

Худшее во всем этом из наружного — состоит в том, что Виши совсем не так близко к Лиону, как я думал — потому что крюк устроен дурно — все же *4 с чем-то часа*. Этого я не ждал. Ездить на день можно.

Теперь мой план таков. Я поеду 20 или 21⟨-го⟩ (в один день с Б⟨откиным⟩) в Виши — осмотрюсь там и *23⟨-го⟩* буду в Лионе в нашем Hôtel de l'Europe (кажется так, словом у Крепо[5]). Ты сейчас напиши подробное письмо и адресуй в Vichy — poste restante. В Лионе я тебе сообщу, что лучше,— подождать вам в Лионе или ехать. Б⟨откин⟩ считает, что в начале ноября окончится весь курс — я съезжу в Женеву — и потом готов до весны ехать на юг и побывать в Ницце или остаться. Это по твоему выбору. Вот всё.

Теперь насчет Огар⟨ева⟩. Боткин говорит, что Люке — знаменитый хирург — вроде Нелатона и Лангенбейка — и советует с ним повидаться и для того съездить в Берн, чтоб порядком осмотрел он. Но его мнение то, что операция нелегка,— а если придется действовать ножом, или ломать кость, или резать,— он решительно *против* и говорит, что есть самые печальные шансы. В сущности, он не за операцию — будь она сколько-нибудь сложна. (Огар⟨еву⟩ не говори).

Здесь Вас⟨илий⟩ Ботк⟨ин⟩ (я его не видал) — весь больной, ревматизм во всех суставах. Его возят катать. И Николай Ботк⟨ин⟩[6] здесь. Вас⟨илий⟩ разбогател страшно и скуп до невозможности.

Итак, я жду письма в *Виши*, dép⟨artement⟩ d'Allier**, можете тоже написать мне в *Лион*, Hôtel de l'Europe. Я приготовлю комнаты и всё. Не беда, если записка будет лежать в Лионе. Напиши подробно об отъезде. Я буду телеграфировать из Vichy — в Женеву на имя Тх⟨оржевского⟩ или Ог⟨арева⟩.

24⟨-го⟩ в четверг ты можешь быть в Лионе — или 23 в середу.

Устрой, чтоб Лиза простилась с Ага. Вам необходимо ехать Женевой—останов⟨итесь⟩ *в Schweizerhof'е*, возле гары *** или в Hôt⟨el⟩ de la Russie.

[1] Адресатом настоящего письма является Н. А. Огарева. Это подтверждается написанным в тот же день письмом к Н. А. Герцен, которое начинается фразой: «Подробности обо мне ты все узнаешь из письма N⟨atalie⟩» (см. письмо № 39).

[2] В 1868 г. Герцен встречался с С. П. Боткиным в Париже в сентябре.

[3] В тот же день Герцен написал письмо Огареву, в котором в сходных выражениях рассказывает о диагнозе С. П. Боткина («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 421—422).

[4] В декабре 1864 г. погибли от дифтерита двое детей Герцена и Огаревой.

[5] *Крепо* — очевидно, хозяин гостиницы в Лионе.

[6] Николай Петрович *Боткин* — брат Василия Петровича и Сергея Петровича Боткиных.

---

* основу (франц.).

** департамент Аллье (франц.).

*** вокзала (франц. «la gare»).

39

<Париж.> 18 <сентября 1868 г.>. Пятница[1]

Тате.

Подробности обо мне ты все узнаешь из письма Nat<alie>. Укладывайся и отправляйся в Лион. Далее увидим.

Пишу к тебе особо, чтоб сказать, что Полину я Левицкую видел. Сер<гей> Льв<ович> уехал в день моего приезда. Полина[2] подурнела — но очень добродушна, мила. У нее огромный голос (я не слыхал, но по общему отзыву) — первый учитель здесь, дающий уроки даже Nilson[3],— ее учит — Vartel[4]— и думает, что ей следует дебютировать в *Париже*, в Опере. Was sagen Sie dazu? * Я пойду к ней до отъезда.

Об тебе и Ольге всё расспрашивала — она вас очень любит.

Сашу я встретил в Нефшателе — train остановился на *10 минут*. Саша дал мне в вагон кусок курицы и полбут<ылки> красного вина. Дарделя он не застал.— Жаль мне ужасно его стало... когда поехал. Какой безумный поступок он сделал. Авось-либо судьба вынесет.

Ну а что же Ольга и Мейз<енбуг>, куда, как? Пусть тотчас напишут адрес — куда им писать.

Пока прощай.

Поцелуй Лизу. Неужели ты не устроила с ней правильных занятий? Когда получена телеграмма? Я ее послал в 12 часов утра.

[1] Письмо это мы относим к сентябрю по связи с письмом № 38 (к Н. А. Огаревой). См. примеч. первое к письму № 38.

[2] Сергей Львович *Левицкий* —двоюродный брат Герцена.— *Полина* — его дочь.

[3] Христина *Нильсон* — выдающаяся певица, дебютировала в Париже в 1864 г.

[4] Пьер-Франсуа *Вартель* — певец и профессор пения Парижской консерватории.

40

<22 сент<ября 1868 г.>. Vichy. H<ôte>l des Ambassadeurs

Ну, Тата, как тебе Лион? Дали ли вам комнаты с видом? Я ничего, чувствую себя хорошо — подробности скажет и прочтет Nat<alie>. Я всё думаю, что́ лучше — ехать вам или нет,— т. е. ждать в Лионе,— и не придумаю.—Теперь, Тата, я тебя еще больше и серьезнее прошу сосредоточить полсил на Лизе, а другой половиной буди самое себя. Чтенье всегда есть серьезное—даже ботаника и зоология, книги об инсектах ** представляют много.

С Лизой сложи всякую строптивость и негодованье. В негодованье*** и нетерпенье — часто гнездится, маскируя себя, эгоизм или лень.

Здесь заниматься досуг — всё, как в Ницце, запирается к 1-му октябрю. Гулянья и окрестности очень милы. Сам город ничего — это «передбанник». N<atalie> тебе объяснит это слово.

Напиши, как уехала Ольга и в каком направлении и расположении. Она мне говорила, что ей надоело так жить — то есть не вместе.

Ну, обнимаю тебя и целую.

Об Огар<еве> мнение Б<отки>на в том, что если операцию нельзя сделать *без ножа* (резекция, спиленье наросшей кости), то и не делать, а просто хромать. У Огар<ева> кровь плоха, и он слаб —того и гляди гангрена, т. е. смерть. Стало, и этот вопрос совершенно ясно поставлен. Вообще четыре дня с Ботк<иным> мне открыли глаза на бездну вещей. Как вы оставили Огар<ева>?

<Целую> Лизу в лоб, в середину...

* Что вы на это скажете? (нем.).

** насекомых (от франц. «insectes»).

*** В автографе по-видимому описка: недогодованье.— *Ред.*

☞ Напомни о капитане, выбросившем на ледян⟨ом⟩океане 10 мальчиков, — и о литераторе, убившем себя в Париже[1].

[1] О каких событиях идет речь в последних строках этого письма — установить не удалось.

41

⟨Виши.⟩ 25-го сент⟨ября 1868 г.⟩. Вечер
H⟨ôte⟩l des Ambassadeurs

Итак, вы полагаетесь на мое решение,— я думаю, что лучше ехать сюда,— и зову вас очень. Вчера писал Natalie, сегодня пишу другой, т. е. тебе. Сойдите в вашу душу и скажите — твердо ли решенье мира и совета. Если нет — стыдно. Если да — зову во весь голос.

Квартира провизуарно * на 1-м этаже. Внизу англичанка одна, с добрым видом и совершенно хромая от подагры, ей лет 25. Мешать не может.

Если будут скверно кормить (мы будем есть одни) — переедем.

Не теряйте времени — и приезжайте. Если нет денег, телеграфируйте, сколько надобно, и еще раз прошу за 24 часа известить. Приезж⟨ают⟩ из Лиона в 4 часа и в $7^1/_2$; приезжайте в $7^1/_2$ — для вас удобнее. Из Лиона выезжают в час, кажется.

Я, действительно, постараюсь заменить школу собой.

Лизу очень целую за письмо, писать буду ей — когда она приедет. Я тоже видел Мориса из Лозанны в Hôtel de Russie.

Насчет Огар⟨ева⟩ я писал тебе — ясная необходимость знать мнение Люке, без этого все болтовня. Ни резать, ни ломать кость я не позволю — ни в самомалейшем размере. Боткин укрепил меня.

Я никогда не был здоровее, как в эту болезнь. Воду пью — и ничего. D⟨octo⟩r спрашивает: «Ну что ванны?» — агитация, прострация, аффектация,— а я ничего. Сахар сведен с $4^1/_2$ на $1^1/_2$. Я уверен, что 22 октября мы поедем назад.

Торопиться очень нечего — два, три дня позже ни копейки не стоит.

42

Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ и Н. А. ГЕРЦЕН

4 нояб⟨ря 1868 г.⟩. Середа. Genève.
Hôtel de la Paix № 14

Пишу только для того, чтоб сказать, что я приехал в Женеву — не нашел места в Hôtel de la Russie (Юсупов[1] взял целый этаж) и поместился в Hôtel de la Paix. Бакун⟨ина⟩ встретил тотчас. Он и прост, как ребенок, и хитер, как дети. И жаль его, и досадно.

Огар⟨ева⟩ застал довольно хорошо, он ходит побольше и без костыля. Тхорж⟨евский⟩ уверяет, что он совсем переменился, когда узнал, что операции не будет — помолодел. Мне кажется, что он немного потолстел— но не хорошо, это от переедения без движенья.

Тхор⟨жевский⟩ здоров. В Женеве солнце и светло.

От Саши письмо из Мюнхена.

Мне так много — так необходимо много сказать, что жду с нетерпением адреса.—Целую Лизу — и жду адреса **.

Бак⟨унин⟩ и Тх⟨оржевский⟩ говорят, что я похудел и посвежел,— это хорошо.

Вырубов мне писал — в Марселе не знает никого — Лугинин на днях будет в Париже — и собирается через Ниццу в Италию.

От Мейз⟨енбуг⟩ письмо к Тате.

В Hôt⟨el⟩ de l'Europe принесли корсет и мелочи Таты.

---

* временно (от франц. «provisoirement»).

** Лизе скажи, что все-таки на боку синее пятно и рука болит при движении от паденья на желез⟨ной⟩ дороге. — *Примеч. Герцена.*

Я не нашел здесь совсем новый жилет, отданный в Vichy в стирку — не у вас ли?

Natalie и Тате — пишу наудачу — poste restante.

[1] Вероятно, князь Николай Борисович *Юсупов* (1827 — 1890) — внук того Н. Б. Юсупова, которому Пушкин посвятил стихотворение «К вельможе» и о котором Герцен писал в первой части «Былого и дум».

43

Женева. 7 ноября ⟨1868 г.⟩. H⟨ôte⟩l de la Paix

Многого на твое письмо сказать не могу. Разумеется, я согласен на всё,— и меня, может, больше всего мучит то, что все это несущественно и ставится выше существенного.

У меня была моя мечта, и в моих глазах она была очень поэтична. Лиза никогда не должна бы была менять имени — а знать должна была, что она моя дочь,— это было бы традициею Огарева,— но это не удалось. Главное, что я боюсь,— это за форму передачи ей, за смущение всех понятий. И потом, разве не следует тотчас писать Ольге? Я очень, Тата, во всем надеюсь на тебя. Я много раз говорил тебе, что я находил в тебе больше такта, пониманья — а, может, и сочувствия. Потому мне легко было говорить тебе и при тебе. N⟨atalie⟩ недовольна, что я говорил при тебе — но я этим положил предел.

Прошу тебя об величайшей обдуманности,— старайся иметь мягким разумом влияние на N⟨atalie⟩. Пуще всего, уж если Лизе сказано или сказано будет, привяжи ее к себе и замени долею меня.

Если б, Тата, у тебя немного самодеятельности артистической или другой — да больше мягкости и уменья к слабому — жизнь твоя пошла бы хорошо да и ты сделала бы страшную пользу Лизе.

Что касается до твоего нравственного паралича, не дозволяющего тебе ни рисовать, ни петь,— это мое больное место. Когда же ты проснешься?

Огарев очень доволен портретом.

Суббота — 3 часа

Получено ли мое письмо poste restante — в нем было письмо от Елизаветы[1]. Если нет — сходи.

Hôtel Catalon — а отчего нет улицы? Всё у вас à peu près *.

[1] *Елизавета* — горничная Н. А. Тучковой-Огаревой в Ницце.

44

10 нояб⟨ря 1868 г.⟩. Hôtel de la Paix. Genève

Милая Тата,

Ты так неопределенно пишешь, что я не понимаю — получили вы *два* письма или нет? Во вторник было от Мейзенб⟨уг⟩ одно. Я его послал, помнится, 6-го.

Вчера в десять вечера Огарев пошел один к себе в комнату, совершенно здоровый — я и Чернецк⟨ий⟩ шли за ним,— вдруг он остановился, стал в угол и, если б мы не подхватили,— расшибся бы страшно о кровать[1]. Этот раз — на 14⟨-й⟩ день.

Прибавить к тому, что я писал, не могу ничего. Я устал от этих бурь и хочу устроить покой и занятия; ты можешь очень полезно действовать на Лизу при старании и вниманье.

Издание «Колок⟨ола⟩» в 4 листа — дело нешуточное, и без меня он не выйдет в срок. Огар⟨ев⟩ к срочной работе вовсе неспособен. К тому же он

* приблизительно (франц.).

небрежен. Представь себе, что он позволил Бак⟨унину⟩ записать свое имя в новый клуб, заводимый тем,— и о котором Ог⟨арев⟩ ничего не знает. Когда я его спросил, как его имя фигурирует,— он сначала не знал, а потом сказал: «Да, да, Бакун⟨ин⟩ мне сказывал, что запишет меня» [2]. Прежде 20 нояб⟨ря⟩ не думаю, чтоб можно было ехать. Бумаги Долгор⟨укова⟩ еще не разбирал [3]. Чернецк⟨ого⟩ надобно беспрестанно подстегивать. С Записками Мейзенб⟨уг⟩ опоздал [4]. Сегодня будет, кажется, адвокат из Берна.

Суслиха выдала в Петербурге медицинскую книгу [5]. Я вовсе не знал, что она брала уроки у Мерчинского [6]. Его я раскусил больше теперь — это славный человек и очень умен.

Густав Фогт в негодовании велием за мою статью о Конгрессе, поляки опять меня оттаскали в «Неподлеглости» [7], а «Былое и думы» на франц⟨узском⟩ все советуют издавать. Чини карандаш [8].

Кельсиева в газетах ругают на чем свет стоит [9]. Пришлю образчик.

Как же вы записались в hôtel'е? Я не знаю, как адресовать— да и полагаю, что все же следует спрашивать на имя Nat⟨alie⟩ Og⟨areff⟩ письма. Не худо бы спросить в bureau de la poste aux lettres — à Nice*, нет ли писем?

Не знаю отчего, но мне больно, что Лиза переменит имя, мне дорогое. Это обрыв традиции. Огар⟨ев⟩ тебе писал — он, как всегда, чист и широк— даже был бы силен, если б не апатия и распущенность.

Целую тебя и надеюсь на тебя.

Я совершенно согласен остаться на зиму в Марселе — посмотрите дачку — или домик.

Жди Устинова одного, едет в Барцелону, а бабье здесь.

3 часа

Письмо ваше до того удивило меня, что я не знаю, что и делать. Куда писать? Буду ждать из Канна вести. Неужели вы не могли подождать до 25-го ноября — когда я живу 7 дней в морозе и бизе.

Au reste, да будет святая воля ваша.

Natalie, я решительно безусловно согласен на все, что ты желаешь.— Аминь же.

Топор⟨нин⟩ [10] отправил швейцара [11] сегодня в Россию, в Тамбов — сам едет весной.

¿Почему не телеграфировали?

[1] Огарев, как известно, страдал припадками эпилепсии.

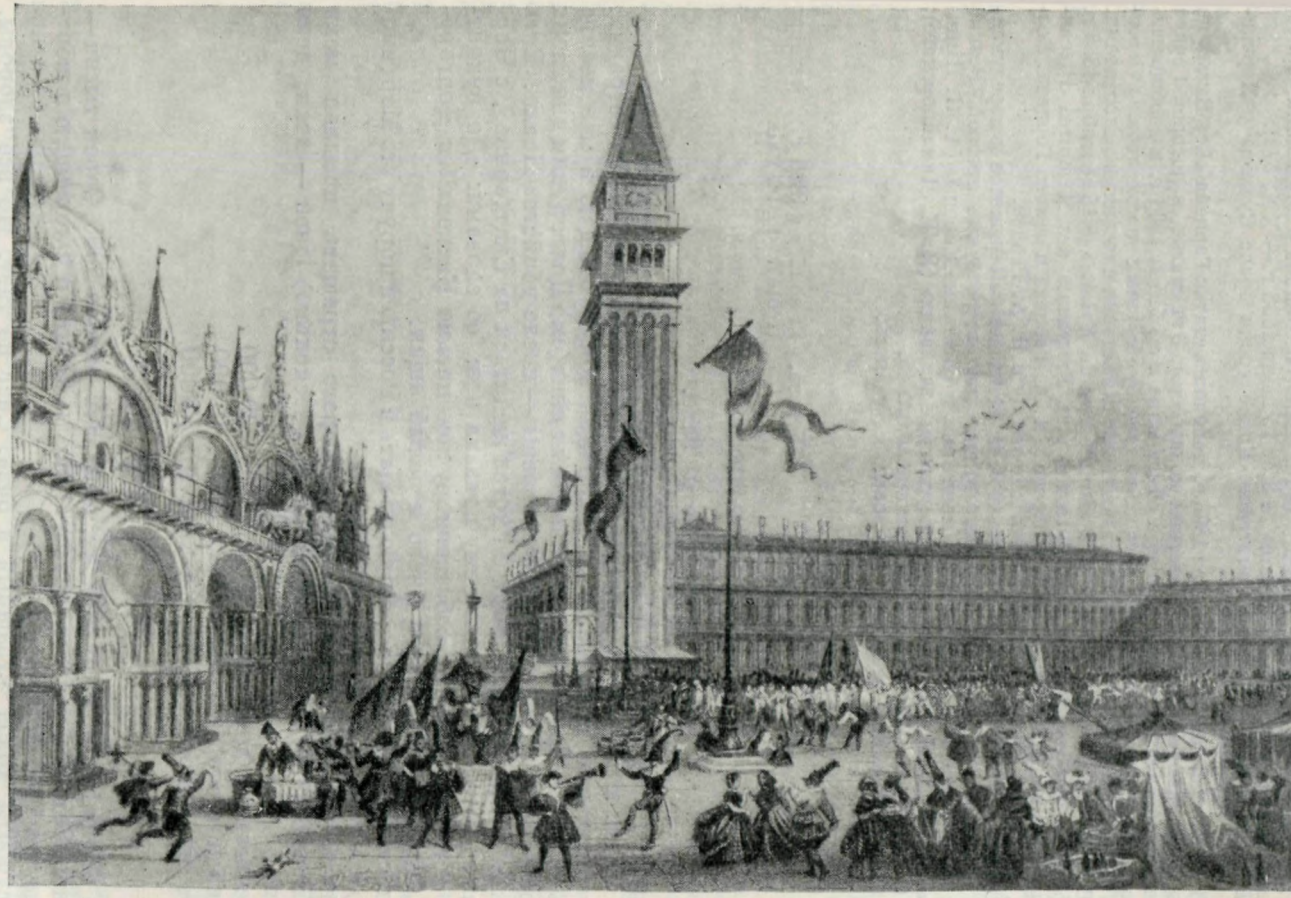
[2] Осенью 1868 г. Бакунин основал «Alliance internationale de la démocratie sociale», беспощадно осужденную Марксом. По настоянию Герцена, Огарев вышел из «Альянса». За два дня до того, как было написано комментируемое письмо, Бакунин писал Огареву: «Сообразно желанию Герцена и твоему *новому* желанию, я вычеркнул твое имя из списка членов „Нового Союза“» («Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву». СПб., 1906, стр. 323; в этом издании цитированное письмо Бакунина неправильно отнесено к 1867 г.).

[3] П. В. Долгоруков умер в Берне 17 августа 1868 г. В последние годы своей жизни Долгоруков сблизился с С. Тхоржевским и завещал ему часть имущества и свои бумаги с обязательством их издать. О судьбе этих бумаг, которыми царское правительство завладело с помощью агента III Отделения Романа, см. в книге: Р. Кантор. В погоне за Нечаевым. Л., 1925. См. также сообщения: Н. Н. Захарьин. Из переписки П. В. и В. П. Долгоруковых с Герценом и Огаревым («Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 126—132); Л. Я. Гинзбург. Полемическая заметка для седьмого номера «Колокола» («Лит. наследство», т. 63, 1953, стр. 708—711).

[4] Первая часть «Воспоминаний идеалистки» М. Мейзенбуг (на французском языке) печаталась в Женеве у Чернецкого, в типографии, переданной Чернецкому Герценом; вышла эта книга в 1869 г. Герцен писал Мейзенбуг 12 ноября 1868 г.:

---

* почтовой конторе в Ницце (франц.).



КАРНАВАЛ В ВЕНЕЦИИ

Гравюра братьев Руаргов из книги X. Marmier «Voyage pittoresque en Allemagne», 1859

«Видеть Венецию необходимо так, как Неаполь — человек не полон без этого» (Из письма к Н. А. Герцен от 18 февраля 1867 г.)

«...Поддразниваю, подзадориваю и проверяю Чернецкого, чтобы он помог вашей памяти или вашим воспоминаниям» (XXI, 149).

[5] Надежда Прокофьевна *Суслова* — в 1867 г. первая из русских женщин получила диплом доктора медицины (в Цюрихе). В 1868 г. в Петербурге вышла книга Сусловой «Прибавление к физиологии лимфатических сердец». О Сусловой Герцен писал в заметке «La femme et le prêtre admis au droit de l'homme» («Женщина и священник, приобщенные к правам человека»— «Kolokol» № 9 от 15 июня 1868 г.— XX, 372).

[6] *В. Мерчинский* — польский эмигрант. Какие уроки брала Суслова у Мерчинского, нам неизвестно.

[7] В № 13 «Kolokol» от 15 октября 1868 г. появилась статья Герцена «Les Russes au congrès de Berne» («Русские на Бернском конгрессе»). Эта статья, в которой Герцен скептически оценивал бернский конгресс «Лиги мира и свободы» 1868 г. и вообще деятельность Лиги, вызвала крайнее неудовольствие буржуазных демократов. «*Niepodleglosc*» («Независимость»)—газета, издававшаяся в Швейцарии польскими эмигрантами.

[8] В №№ 12, 13, 14-15 «Kolokol» и в «Supplément du *Kolokol*» (с 15 сентября 1868 г. по 15 февраля 1869 г.) печаталось: «Cogitata et visa. Fragments des Mémoires d'Iscander. Quatrième volume (1848—1853)» в переводе А. А. Герцена и самого Герцена. Возможно, что Герцен предполагал привлечь к переводу и Н. А. Герцен.

[9] В 1868 г. в Петербурге вышли книги В. И. Кельсиева «Пережитое и передуманное» и «Галичина и Молдавия», крайне отрицательно встреченные прессой. Резкие отзывы на «Пережитое и передуманное» появились в «Вестнике Европы» (А. Н. Пыпина), в «Неделе» (Д. Д. Минаева), в «Отечественных записках» (Н. К. Михайловского).

[10] О *Топорнине* см. ниже примеч. 2 к письму № 45.

[11] О ком здесь идет речь, нам установить не удалось.

45

⟨Женева.⟩ 12 нояб⟨ря 1868 г.⟩. Четверг
H⟨ôte⟩l de la Paix

СОБОРНОЕ ПОСЛАНИЕ

Natalie и Тате.

Наконец я au large * в бумагах Долгорукова, je patauge et je me vautre**. Много интересного — какой-нибудь Касаткин умер бы на тетрадях. Всё в довольном порядке, и я Тхорж⟨евскому⟩ обещаю в мае месяце начать издание «Материалов, оставленных княз⟨ем⟩ Долгоруким для своих записок». Есть письмо Марии Федоровны — после убийства Павла. Есть записка о ссоре Орлова, когда он хотел жениться на Екат⟨ерине⟩, с Чернышевым, который за столом ему показал нож, со словами: «До рукоятки», и есть либеральное, собственноручное письмо Каткова!! к Долгорукому. Словом, интересного много и целый ящик.

Записки Карабанова я советую продать в Россию и поручу это Мер⟨чинскому⟩[1].

Деньги,— сказал мне Ломбар, которого стращать посылал меня Тх⟨оржевский⟩,— будут выданы через ⟨несколько⟩ дней — итак, дело выходит.

Деньгами с лиш⟨ком⟩	20 000
Библиот⟨ека⟩ около	10 000
и вещи, купоны etc.	5 000
	35 000

Да на книгах, т. е. рукописях, выиграть можно 5000. Сорок тысяч — почтенно. Зато пан мечтает ехать в Марсель, Ниццу и Флоренцию и жертвует на это 1000 фр⟨анков⟩.

С субботы холод страшный и биза. Снег не тает. Но все здоровы. Комната у меня очень хороша, то есть тепла. Боязнь здешнего климата — отчасти баловство. Акции за Цюрих опять поднялись — и я ищу через газеты дачу.

---

* на просторе (франц.).

** я барахтаюсь и валяюсь (франц.).

Бакунин дуется — и мы не видимся.

До полного набора «Колок⟨ола⟩» ехать не могу.

Топор⟨нина⟩ [2] видел. Он говорит, что Сатин теперь не так сильно играет, что именье их и оба завода процветают, но пьет он очень, с утра до ночи, растолстел — но об опасной болезни не слыхал. Он его видел год тому назад — и очень его любит. Ergo, деньги он высылать может [3]. Детей он мало знает.

От Мейзенб⟨уг⟩ и Ольги получил письмо — всё хорошо. А Саше ездить было не нужно, Шиф поторопился — это глупо [4].

Мать Вырубова прислала мне приглашение — с запиской сына, вероятно сегодня зайду [5].

«Москва» запрещена [6]. Вот и всё. Это не письмо, а бюльтень.

Майор говорит, что мой нарост в носу непременно придется вырезывать,— оставлю его до Марселя. Диету я здесь веду — точно такую, как в Vichy,— и нахожу, что это очень полезно.

[1] О П. В. Долгорукове и Тхоржевском см. примеч. 3 к предыдущему письму. Некоторые из бумаг Долгорукова Герцен опубликовал в «Supplément du *Kolokol*» от 15 февраля 1869 г.; среди них упомянутое здесь письмо (к Плещееву) Марии Федоровны после убийства Павла. Рассказ о ссоре Орлова с Чернышевым (в письме Герцен передает его не вполне точно) помещен в той же публикации материалов из архива Долгорукова под заголовком «Из записок Карабанова». В 1877—1878 гг. в «Русской старине» печатались «Исторические рассказы и анекдоты, записанные со слов именитых людей П. Ф. Карабановым». Эти записи известного собирателя древностей Павла Федоровича Карабанова (1767—1851) охватывали период от царствования Алексея Михайловича до Александра I включительно. Местами в них откровенно изображалась закулисная сторона придворной жизни (рассказ, опубликованный Герценом, «Русская старина» не поместила). Имевшийся среди бумаг Долгорукова список с записей Карабанова Герцен советует Тхоржевскому продать в Россию.

[2] Возможно, что это тот самый *Топорнин*, с которым Сатин встречался еще в 30-х годах, будучи в ссылке в Симбирске (см. I, 281).

[3] Н. М. Сатин был должен Огареву 63 000 р. за полуфиктивно проданное ему имение. Сатин обещал регулярно посылать Огареву за границу деньги в счет погашения основной суммы долга и процентов. Однако обязательства свои Сатин не выполнил, вследствие чего Огарев испытывал острую нужду и должен был пользоваться материальной поддержкой Герцена, а потом его детей (см. «Лит. наследство», т. 63, 1955, стр. 713—722).

[4] Очевидно, М. Шиф вызвал своего ассистента А. А. Герцена во Флоренцию из Берлина, куда тот поехал для расширения научного кругозора. 12 ноября 1868 г. Герцен писал сыну: «Очень жаль, что ты без нужды должен был оставить Берлин. Что же это Шиф сдебоширничал?» (XXI, 147).

[5] Приглашение матери Вырубова и ее записка к Герцену нам неизвестны.

[6] Газета И. С. Аксакова «Москва» издавалась с 1867 г. Она неоднократно подвергалась репрессиям, а 21 октября 1868 г. была приостановлена (за нападки на министерство внутренних дел) и вслед за тем окончательно закрыта.

46

⟨Женева.⟩ 14 нояб⟨ря 1868 г.⟩. Hôt⟨el⟩ de la Paix

Всем.

Пишу в Cannes.— Вчера писал в Марсель, в Hôt⟨el⟩ des Catalons. Жаль, что вы не подождали, «поторопились», как говорит у Толстого князь Болхонский [1]. Но беды нет...

Биза (или ваш мистраль) здесь неистовствует больше недели. Это совершенно исключительное явление.

Ресурсов представляет Ницца гораздо больше Канна — ни для Лизы, ни для Таты в Канне ничего нет. Лучше ехать в Ниццу и взять дом, о котором писала Лизавета.

Писать не могу, не зная, собственно, где вы. Полагаю, что лучше было бы вперед написать или телеграфировать.

За этим, наконец, я поручу смотреть Лизе.

Мне дела еще много, и я много работаю.

Вы пишите письмо из Марселя, в нем много деталей — на имя Таты.

Конечно, Ницца меньше всего удобна для всяких перемен — но я и над этим возьму верх.

О здоровье Марселя и докторах я спрашивал Коста [2]— Устинов вчера уехал в Монпелье. Вероятно, все это ненужно.

Все здоровы.

Письмо Ага к Лизе послал во вчерашнем письме.

Лизу за письмо очень целую.

P. S. У вас готовятся ужасы [3]— смотрите, как бы не пришлось в Геную. Я и на это согласен.

До письма от вас писать не буду.

[1] Герцен имеет в виду первую встречу старого князя Болконского с невесткой. «— Го, го,— сказал старик, оглядывая ее округленную талию.— Поторопились, нехорошо!» («Война и мир», ч. I, гл. XXIV). *Поторопились* — относится к переезду Н. А. Огаревой с Лизой и Н. А. Герцен.

[2] О докторе *Л. Косте* см. в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 742.

[3] *У вас* — т. е. во Франции (Ницца с 1860 г. принадлежала Франции). По-видимому, это утверждение Герцена связано с его ожиданием франко-прусского конфликта.

47

⟨Женева.⟩ 20 нояб⟨ря 1868 г.⟩.
H⟨ôte⟩l de la Paix

В прошлый раз я не видал твоей приписки на письме Лизе. Но все же пишете вы безобразно мало. Я послал в Cannes пачку журналов и две брошюры из Берлина. На днях, когда узнаю, где вы,— пришлю очень любопытные вещи,— а может, и сам привезу. Рассказ Андреоли о Сибири в четырех книжках «Revue Moderne» и статью Бобор⟨ыкина⟩ «О нигилизме» [1]. Далее — пришли как-то завалявшиеся книжки (июль, август) «Отечест⟨венных⟩ записок» и там «Пугачев» Мордовцева [2]. Всё это так и идет в чтение вместе.

Мерчинс⟨кий⟩, вероятно, под Петерб⟨ургом⟩, он многое обещал.

От Саши письмо, все ладно у них — я им послал при деньгах за фортепьяно еще 250 фр⟨анков⟩ в презент — из этого ясно, что дела финансовые идут.

У Огар⟨ева⟩ опять был обморок (через неделю).

Выруб⟨ов⟩ прислал письмо в «Кол⟨окол⟩», в котором объявляет, что он не нигилист. Очень плохо. Если я буду отвечать,— finis amicitiae*[3].

Бакунин прервал все дипломатические сношения. Огар⟨ев⟩ ему писал два письма — классически благородные. Он отвилял.

Laß geh'n die wankende Gestalten **.

Завтра рожденье Ольги, 18 лет.— Я на днях перечитал опять тот том записок, в котором я описываю 50—52 годы [4]. Ни слова не могу ни прибавить — ни убавить. Читай и ты еще — и еще.

Холод ужасный — зима полная с 5 ноября. Постоянно ветер, и хоть бы насморк.

Целую тебя.

---

* дружбе конец (лат.).

** Уйдите прочь, колеблющиеся тени (нем.).

Милая Лиза, тебе буду писать завтра или в воскресенье. За твои письма целую тебя, пиши мне больше. Берите, если надобно, книги у Висконти. Кланяйся Елизавете.

Обнимаю тебя.

[1] В августе 1868 г. в «Fortnightly Review» появилась статья П. Д. Боборыкина «The nihilism in Russia» («Нигилизм в России»).

[2] В августовской книжке «Отечественных записок» была напечатана статья Д. Мордовцева «Русские государственные деятели прошлого века и Пугачев».

[3] Вырубов протестовал против статьи Герцена «Русские на Бернском конгрессе» («Kolokol» от 15 октября 1868 г., № 13). Возражения Вырубова Герцен напечатал

О. А. ГЕРЦЕН

Фотография с дарственной надписью (на французском языке) сестре Лизе: «Mademoiselle Лизе ⟨Огаревой?⟩ привет от оригинала. О. Герцен 29.4. 69. Флоренция. Спасибо за твое милое письмецо!»

Исторический музей, Москва

в «Kolokol» от 1 декабря, № 14-15; в феврале 1869 г. в «Supplément du *Kolokol*» Герцен поместил свой «Ответ г. Вырубову».

[4] Речь идет об описании «семейной драмы» Герцена в пятой части «Былого и дум» (см. изд. АН, т. X, стр. 221—314).

48

⟨Женева.⟩ 24 нояб⟨ря 1868 г.⟩. Вторник

Тате

Еще есть время, Тата, и я пишу тебе несколько строк. Письмо твое к Ага меня тронуло, и я тебя за него обнимаю горячо [1]. Все, что ты писала об Ольге,— и воспоминания, и желания мне очень по сердцу.

Письмо Natalie — из рук вон жестко. Это истинно болезнь, и я совершенно не знаю, что делать... разве просто не ехать и ждать.

Это равняется несчастью. Я на все согласен, я не согласен на одно,— на то, чтоб, принимая, я согласился бы признать разумную необходимость.

Я поеду в Цюрих — и там буду ждать ваших писем poste restante, а если их не будет, я буду жить в Цюрихе. Наконец, я возьму там дом и скажу «Милости просим», и останусь там.

Всё... всё кругом мрачно.

Лиза без меня потеряет так же, как Ольга. Жалко — бедная жизнь Огарева, сашин неловкий брак — еще ты держишься последней могиканкой.

Я стремлюсь душой, чтоб привести к миру и гармонии — ничего не могу.

Я хочу — ищу покоя Natalie, ее блага и воспитанья Лизы — и сделать ничего не могу. Думал приехать в самых первых числах декабря — вместе провести печальные годовщины[2]— и, право, не знаю, приеду ли.

Пиши раз в Цюрих или два — я велю переслать письмо.

Очень скучно.

Платье у Ага взял.

Книги пришлю.

Помни, что если б тебе захотелось ехать во Флоренц⟨ию⟩ — ты можешь — но подожди меня или напиши за неделю, если я не приеду. Я не поеду туда.

Поручаю еще раз, покамест, тебе Лизу. Бедный ребенок — хочу и не могу ничего сделать для ее развития.— Меня эти вещи пьянят.

Прощай.

[1] Имеется в виду письмо Н. А. Герцен к Огареву от 16 ноября 1868 г. (см. «Лит. наследство», т. 63, 1956, стр. 467).

[2] Смерть в декабре 1864 г. детей Герцена — близнецов Елены и Алексея.

49

26 нояб⟨ря 1868 г.⟩. Genève.

Вчера от Саши письмо — формальный отказ его пропустить в Россию[1]. Вот скоты-то. У Ольги лихорадка, день ее рожденья она пролежала — но 22⟨-го⟩ было гораздо лучше.— А у меня еще ни одного насморка. Я еду сегодня в Цюрих — и там буду ждать писем от N⟨atalie⟩ и от тебя. Торопиться не буду — оно очень уместно теперь присмотреться к цюрихской пустыне. Домов там ужасно много.

Здесь все то же. Тхорж⟨евский⟩ рассорился с Чернецк⟨им⟩. Чернецкий продает типографию[2] и дуется на меня. Лапинский украл у Сверцекевича последнее пальто и деньги — и скрылся, а Сверц⟨екевичу⟩ есть нечего[3].

Осип Иван⟨ович⟩ при смерти, я вчера писал старику Квадрио — всё gloomy *[4].

Книги Тхор⟨жевский⟩ будет тебе присылать по одной — потому что сам читает Andreoli.

Ужаснее погоды себе трудно представить —впрочем, это экстраординарно — от 6 ноября не было солнца ни света. Туманы как в Лионе.

Гаридо[5] идет в гору — может, долгое тянунье Испании пойдет впрок.

12 часов

Сейчас принесли твое письмо от 24. — Для меня всегда было ясно, что в Ницце не следует ничего переменять. Это бросается в глаза.— Целую тебя.

Что Лизу не пускает N⟨atalie⟩ в класс — очень дурно,— если можно — устрой.

3 часа

От Мейз⟨енбуг⟩ письмо. Всё ладно. Еду сейчас.

[1] Герцен мечтал о том, чтобы его детям был открыт путь на родину. 19 октября 1868 г. А. А. Герцен сообщил русскому посланнику в Берлине о своем желании поехать в Россию. Он предупредил при этом, что «разделяет убеждения своего отца». Дело это было доложено Александру II, который отказал А. А. Герцену в разрешении на приезд в Россию.

* мрачно (англ.).

[2] Дела русской типографии, которую Герцен в 1867 г. передал в собственность своему многолетнему помощнику Чернецкому, шли плохо. Герцену приходилось постоянно поддерживать типографию. Продал ее Чернецкий только в 1872 г.

[3] О *Лапинском* см. сообщение В. Тренина «Полковник Лапинский и его воспоминания» («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 539—571).— *Сверцякевич* — польский эмигрант Иосиф Цверцякевич.

[4] *Осип Иванович* — Маццини, тяжело заболевший в конце 1868 г. (умер в 1872 г.). 2 декабря 1868 г. Герцен писал М. Мейзенбуг: «От Маццини получил несколько строк, написанных умирающей рукой. Это меня сильно тронуло» (XXI, 239). — Маурицдио *Квадрио* — видный деятель итальянского национально-освободительного движения, один из ближайших соратников Маццини. Письмо к нему Герцена неизвестно.

[5] *Гаридо* — один из деятелей «Лиги мира и свободы». 13 октября Герцен писал Огареву: «Посылаю карточку для Гаридо; он в центре демократического конгресса требует уничтожения армии и смертной казни, требует федерального устройства» (XXI, 115).

50

⟨Женева.⟩ 25 апреля ⟨1869 г.⟩. 12 часов. Воскресенье

Тате.

Ожидаю с нетерпением и с каким-то внутренним, не столько разумным, сколько лихорадочным нетерпением,— телеграммы. Вчера был ветер, ночь хороша, но к утру небо заволокло черными тучами, я ждал грозы — но небо разъяснело.

Сегодня Лиза взошла в твои права, она еще не вставала, у нее сильнейшая головная боль и тошнота.

En attendant *, пришло письмо от Мальвиды и Панофки[1]. Письмо Панофки ничего не значит.

На сем месте пришла телеграмма all right **— а таки дернули в Ливурно.

Тем паче продолжаю. Хорошо, если Мальвида тебе покажет мое письмо. Ее письмо сначала меня рассердило — а потом я посмеялся. Она говорит, что в Париж ехать готова, *если Панофка поедет в Париж* — иначе останется до будущей зимы. Стало, здоровье не мешает. Далее, она говорит,— что если Ольга и не будет певицей, то всё же может давать уроки пенья. Ну это уж из рук вон. Лучше сделаться швеей, телеграфировать, чем приготовляться с целью давать уроки. Вот почему я спрашиваю Пан⟨офку⟩, может ли Ольга петь на сцене. Поговори и ты с ней основательно. Вообще я от тебя жду отчета и письма еще здесь. Сегодня воскресенье, 25⟨-е⟩. Письмо мое должно придти 28 или 29 — пиши тотчас, и я его получу *2 или 3⟨-го⟩*, даже на сутки отложу отъезд. Вообще я на тебя надеюсь. Ты мой Петр, «на котором созижду храм мой» (только Петр немного вялый и недеятельный)[2]. Я решительно хочу положить предел отчуждению Ольги — и для этого прямо указываю на необходимость ехать хоть к сентябрю в Париж. Переговори со всеми об этом.

Ну что Пан — желал бы его видеть на пароходе.

Обнимаю тебя — обними Ольгу. Я только и желал бы, чтоб с ней быть настолько в унисон, как с тобой.

Прощай.

До сентября они могут переезжать на дачу и куда угодно,— даже до конца сентября.

[1] Генрих *Панофка* (Пановка) давал уроки музыки О. А. Герцен.

[2] По евангельскому преданию, Христос сказал апостолу Петру: «... Ты Петр ⟨камень⟩, и на сем камне я создам церковь мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. XVI, 18).

* Пока же (франц.).

** всё в порядке (англ.).

51

⟨Ницца.⟩ 30 апреля ⟨1869 г.⟩. Пятница

Письмо твое и от Саши я получил. Начинаю с окончательно утвержденной программы. Огар⟨ев⟩ вдруг мне написал, что какому-то человечку по одному дельцу нужно на секундочку повидаться в каком-нибудь местечке — хотя я в крайность не верю (Огар⟨ев⟩ требовал сейчас телеграфировать... о Бакун⟨ин⟩, Бакун⟨ин⟩!), но так как путь был одинаков, то и resolved * ехать 5⟨-го⟩ в Марсель в 4 часа, в вашу Каталани — 6⟨-го⟩ пробыть там — ночью ехать в Valence, из Valence'а в Гренобль — там пробыть день — 8-го в Шамбери. Здесь останется N⟨atalie⟩ и Лиза — а я через Culoz 10-го в Женеву, где и пробуду 5, 6 дней (кто прежде явится— Пан или я?). Ergo, писать можешь до 8⟨-го⟩ в Шамбери: France, Savoie-Chambéry. Poste restante, потом на Огарева имя в Женеву и на его адрес— до дальнейших распоряжений. Фонтан[1] меня увлекает всеми прелестями — в Брюссель — nous verrons **, я без опыта ничего не могу сказать. Отсюда зависит и дальнейшее, то есть переселение в Париж.

Для последнего я буду ждать подробное письмо от тебя: 1-е. О действительных успехах у Пановки, 2. О действительном желании Ольги быть певицей. 3) О всем вашем житье. Переехать следовало бы в сентябре — пожалуй, к 1 октября. Но (говорю тебе по секрету), если б серьезно было нужно, я мог бы отдалить срок. При хорошей квартере — я не верю, чтоб зимой в Париже было хуже. Но только что квартиру-то следует искать ad hoc ***,—на солнце и с печами, а не с каминами—за это я возьмусь — но ниже 3-го этажа не думаю, чтоб можно найти и, вероятно, за Сеной — где живет Мишле, Вырубов, Ханыков[2] и тысячи. Пиши очень обдуманно, взвесь все pro и contra ****. Через круг Выруб⟨ова⟩, Reclus и даже Monod (если Мальвида присягнет на mémoire'ах идеалистки, что она удержится от сватовства)[3], через Мишле и Араго, я разом вас пущу au large *****. Моя идея—не каприз — надобно получить то dernier coup de serviette******, также и уменья держаться, которого в наших таборах, скитах, биваках и в маленьких городах ты не получишь.

Насколько я был очень доволен твоим внутренним складом и мысли и симпатий, настолько я был недоволен многим в наружности — необдуманная наивность, иной раз и что-то cassant *******—без последовательности. Иногда даже лишняя шумливость. В Париже это обшлифуется само собой. К тому же это место der Anregung********, а тебе она необходима, у тебя есть деятельная лень и сонливость. В Париже ни физически, ни морально никто не спит, большая часть занята вздором — но делает, стоит делать — но не вздор.

Письмо это обдумай хорошо. Дай его прочесть Саше. Только он в этом деле не судья. Aplomb, с которым он прошлой весной мне говорил: «В наше время никто не танцует» — показывает, что тут еще вместо зуба мудрости был тогда зуб бабушки-гориллы,— с тех пор он, может, выпал — но новому некогда было вырасти.

Все подробности (не мелочи) — о психическом развитии и направлении Ольги — будут benvenute *********, и о них прошу. Но ты бери не

---

* решено (англ.).
** мы увидим (франц.).
*** для сего случая (лат.).
**** за и против (лат.).
***** в открытое море (франц.).
****** последнюю шлифовку (франц.).
******* резкое (франц.).
******** импульса (нем.).
********* хорошо приняты (итал.).

случайную пыль, ногти, мозоли и черное белье—как в твоей тетрадке—я ею по-прежнему недоволен и, видя в нем⟨?⟩ талант описывать и драматический склад, тем больше восстаю против случайно-мелкого направления— без выкупа мыслью или общим.

Вероятно, Мальв⟨ида⟩ на меня гневается за письмо[4]. Действительно, ее письмо меня взбесило, нельзя же идеализм и туман в голове ставить мерилом.— Я рад, что ее Записки имеют успех — но мнения моего не могу изменить. Как думает, напр⟨имер⟩, Шиф, — меня это интересует.

Целую вас всех — когда же родится simia minutissima*[5]?

Жду вашего письма.

Когда нужно будет, я пришлю еще на уроки Пановки — в случае нужды, ты можешь авансировать.

Прощай.

Помни — писать в Chambéry, poste restante (до 10) и в Женеву на адрес Огар⟨ева⟩ — до получения нового адреса.

Чего особенно недостает из мебели Саше? Не могут ли в том же доме переехать— на особую квартеру— Мальв⟨ида⟩ и Ольга??. ??

Статья Турген⟨ева⟩ о Белинском дрянь[6].

В «Голосе» мое письмо *напечатано* (№ 95)[7].

[1] *Фонтаном* Герцен в шутку называет Фонтэна, редактора брюссельской газеты «Rive Gauche», ранее издававшего французскую газету «La Cloche», на страницах которой он перепечатывал важнейшие материалы из «Колокола».

[2] О *Н. В. Ханыкове* см. вступительную заметку к публикации его письма к Герцену в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 699.

[3] М. Мейзенбуг способствовала сближению О. А. Герцен с ее будущим мужем Габриэлем Моно. Герцен относился к возможности этого брака с неодобрением.

[4] Вероятно, речь идет о письме Герцена от 3 марта (XXI, 310—311), в котором он резко выражает свое неудовольствие постановкой воспитания Ольги Александровны. К «Мемуарам идеалистки» Мейзенбуг Герцен отнесся отрицательно. 17 мая он писал ей: «Я строго отнесся к вашей книге и объясню вам почему. Не идеализм смутил меня, а фамилизм, апофеоз и преображение всех членов семьи, это солнце без пятен...».

[5] А. А. Герцен ожидал рождения ребенка.

[6] В четвертой книжке «Вестника Европы» за 1869 г. появились «Воспоминания о Белинском» И. С. Тургенева. Либеральные тенденции этих «Воспоминаний» шли вразрез с герценовской революционной трактовкой Белинского. В письме к Огареву от 2 мая 1869 г. Герцен с резким неодобрением говорит о том, что Тургенев ставил в Веймаре «свою оперу, музыка Viardot» и что герцог заказал ему новое либретто. Это сообщение Герцен заканчивает словами: «Как же тут хорошо писать о Белинском» (XXI, 374).

[7] В № 71 «Биржевых ведомостей» от 14 марта (ст. ст.) 1869 г. напечатано было письмо Герцена, опровергавшее сообщение газеты о том, что Герцен, через священника Раевского, состоявшего при русском посольстве в Вене, возбудил перед русским правительством ходатайство о разрешении вернуться в Россию. Через день после опубликования этого письма «Биржевые ведомости» поместили пространную статью, наполненную бранью и клеветой по адресу Герцена. На эту статью Герцен отозвался письмом в редакцию газеты Краевского «Голос»; оно появилось в № 95 (от 5 апреля ст. ст.) (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 146—150).

52

⟨Ницца.⟩ 7 мая ⟨1869 г.⟩. Chambéry. H⟨ôte⟩l de la Poste

Тате.

После геройского пути и несмотря на твой приказ (за который тебя целую), d'un trait ** ночью прискакали из Марселя. Все здоровы и beim Alten ***, все ключи потерял — но не сердился — от устали.

---

* крошечная обезьянка (лат.).
** единым духом (франц.).
*** всё по-старому (нем.).

Здесь скверно — завтра в Aix-les-Bains. Пиши туда Natalie и Лизе (France. Aix-les-Bains. Poste restante), мне — в Женеву на Огарева.

Все новости потом. С m-me Filippi[1] были чудеса комико-трагические. В Марселе видел кормилицу. Она об тебе поминает, как о святой.

Прощайте.

Саше буду писать и Ольге потом. Саше скажи, что я вовсе не против Кетле — я говорю только, что человеку *свойственно* считать себя свободным, а не то, что он свободен объективно.

Мальвиде поклоны.

С Марселя еще никто не ел.

Как же лучше адресовать письма, в Specol'у или к вам — что-то ваш адрес funny *.

3 часа

[1] *M-me Filippi* — владелица виллы, которую Герцен снимал в Ницце.

53

11 мая ‹1869 г.›. Genève. Hôtel de la Couronne

Da bin ich!**

Твое письмо я получил в Aix-les-Bains, где остались N‹atalie› и Лиза. От Aix до Женевы 4 часа езды, в Aix'е очень мило и хорошо. Огарева я застал так себе. Ходит он лучше и если не ходит по улице, то это по капризу (т. е. по нервному капризу).

Важнейшее в твоем письме, разумеется, то, что ты писала о Шифе jun‹ior'e›. Конечно, шутить тут нечего и надобно с самого начала отрезать, как ножом. Я его считаю очень хорошим и очень дельным человеком — но неспособным на светлое счастье и, сверх того, чудаком; чудаки с сильными страстями могут подыматься до неимоверной тирании (от которой сами страдают еще больше) — всё это заставляет отстраниться — я вполне верю в твой разум и очень рад, что ты получаешь и в этом больше доверенности ко мне. Меня всегда щемило твое абсолютное молчание о Мещерск‹ом› и о сущности твоего отношения. Сколько раз я ни давал тебе повода — ты ускользала.

Насчет зеркала Саше — фонды tout trouvés *** — скажи ему, что я дарю эти 50 фр‹анков› на улучшение мебели — и именно на покупку зеркала в 250 фр‹анков› almeno. А потом я еще пришлю на содеяние новых рамок для Коффи.

Об Ольге жду второй рапорт.

Иду теперь на почту; если что есть от вас, отвечать буду послезавтра. Тхоржевский повесится — он опоздал, и его еще нет.

Маршрут и календарь

Еду из Женевы 16 мая.

Наверное останусь в Aix'е до 22‹-го›...

Писать в Женеву, стало, можно раз (на Огарева) — и то вряд дойдет ли.

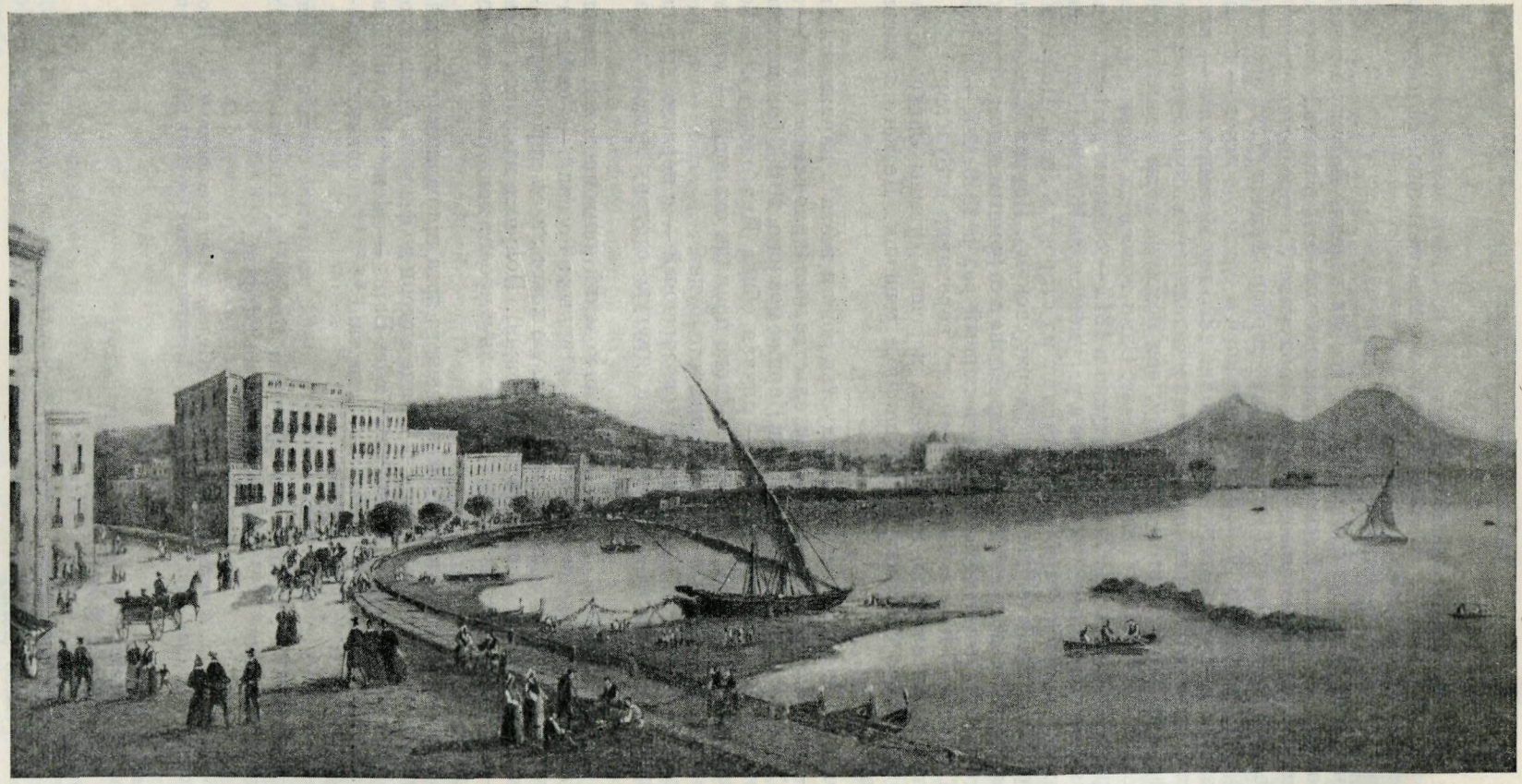
В Aix (все письма на мое имя) — France. A. H. Aix-les-Bains en Savoie. Hôtel Guillard (3 maison).

P. S. Пиши к Nat‹alie›, она очень огорчается, и к Лизе — можешь вкладывать в мое письмо — и прощай.

Мейз‹енбуг›, как всегда, сильный поклон.

Скажи Meysenbug, что Aix-les-Bains выдуманы богом от ревматизма — если б она вздумала туда ехать,— может, я во многом изменил бы план. Спросите Шифа.

* странный (англ.).
** Вот и я! (нем.).
*** найдены (франц.).



НЕАПОЛЬ
Картина маслом неизвестного художника, 1840-е гг.
Исторический музей, Москва

54

27 мая ⟨1869 г.⟩. Женева. H⟨ôte⟩l de la Couronne

Саше и Тате together*

Ну что, как у вас прошла первая и вторая неделя? Вероятно так же успешно и легко — но всё же следует не предполагать, а знать.

Посылаю еще мою статью. «Неделя» получила 3-е предостережение и запрещена на 6 месяцев[1]. В Петерб⟨урге⟩ террор. Ткачев (Тата знает его книгу о рабочем вопросе[2]) был взят полицией и *бесследно* исчез — это по-николаевски. Крестьяне ждут и непокойно 1870 год 19 февр⟨аля⟩ — всего остается 8 месяцев. Первый срок для окончательного выкупа, перехода[3].

Я давно не писал, потому что жду, чем коммуна наша решит насчет путешествия. Прения сильные и горячие. Одни голоса за Женеву (до зимы). Другие за Брюссель. Я как Кутузов в 1812 — собираю до 1 июня все мнения sans me prononcer **. Огар⟨ев⟩, разумеется, за Женеву, Бакун⟨ин⟩ еще больше, даже Nat⟨alie⟩ склоняется на их сторону и Лиза. До сей минуты Брюссель представлен мною и Тхорж⟨евским⟩. Партия Женевы нашла дом. Rez-de-chaussée *** дома Жеребцова с огромным садом. Этот дом фантастический, я его хотел нанять в первый раз в 1849, 2-й — в 1854, через К. Фогта, 3-й — в 1864 (Касатк⟨ин⟩ переманил в Буасьеру).

Партия брюкселистов опирается на хорошие отзывы Эдгара Кине.

Сегодня общее собрание, голосования и решения. До него я письма не пошлю.

Ну что, до вашего ученого захолустья дошли вести о парижских выборах — они не без важности. Правительство поставило всё на карту — за Эм⟨иля⟩ Оливье — и он провалился в Париже позорно, 10 000 большинства его противнику. Выбор Гамбетты — личная обида Нап⟨олеону⟩. Выбор Распаля, социалиста 1848 года (его в Лионе приняли овацией) — это первая трещина по империи — посмотрим, что будет.

Жирарден voster **** побитый и опозоренный — с первого дня как стал известен результат — перешел на другую сторону и туда же закричал «Победа»[4].

Ты, верно, помнишь, Такси, что харьковский книгопродавец предлагал издание моих прежних статей, напечатанных в России[5].— Говоря, что я уже такое позволение дал, я прибавил, не хочет ли он перепечатать — из моих последующих статей (что возможно). Получил на-днях от него ответ — он с охотой схватился за эту мысль и просит меня (по почте) сделать выбор.

К замечательным особенностям нынешнего лета принадлежит постоянно дурная, серая, свежая погода. В Ницце с осени до февраля было скверно, с марта тоже. Всё время дороги и Aix-les-Bains — idem*****, в Женеве — idem. Но я чувствую себя здоровым sauf ****** головных болей — гораздо чаще.

3 часа после обеда и 14 минут

Resolved *******. Едем через неделю в Брюссель. Письма теперь до получения дирекции******** адресовать на Огарева.

[1] В 1868—1869 гг. в петербургской газете «Неделя», под псевдонимом «И. Нионский», появились очерки Герцена «Скуки ради». Печатание этих очерков было прерва-

---

* вместе (англ.).
** не высказываясь сам (франц.).
*** Нижний этаж (франц.).
**** ваш (лат.).
***** также (лат.).
****** кроме (франц.).
******* Решено (англ.).
********* направления (от лат. directio).

но временным запрещением газеты, о котором упоминает Герцен (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 287).

[2] П. Н. Ткачев, сотрудничавший в 1860-х годах в журналах Благосветлова «Русское слово» и «Дело», был арестован весной 1869 г. по нечаевскому делу. Речь идет о книге «Рабочий вопрос в его современном значении и средства к его разрешению. Сочинение Эрнеста Бехера. Переведено под редакцией П. Н. Ткачева». СПб., изд. книжного магазина Черкесова, 1869. Этот перевод Ткачев сопроводил предисловием и примечаниями, в которых он положительно оценивает развернутую в книге Бехера критику существующих в капиталистическом обществе отношений между рабочими и работодателями. В то же время Ткачев с революционных позиций резко критикует реформистские установки Бехера, который видел выход из всех противоречий капитализма в мирном возникновении рабочих «производительных ассоциаций», поддерживаемых государством. В 1871 г. Петербургская судебная палата постановила уничтожить предисловие и примечания редактора к книге Бехера (см. примечание Б. П. Козьмина в книге: «П. Н. Ткачев. Избранные сочинения на социально-политические темы», т. I. М., 1932, стр. 449).

[3] Речь идет о выкупе у помещиков временно-обязанными крестьянами наделов, предоставленных им положением 19 февраля 1861 г. О надеждах, возлагавшихся Герценом на 1870 г., см. во II приложении к настоящей публикации.

[4] О герценовской оценке выборов 1869 г. во Франции см. вступительную статью к настоящей публикации.

[5] О переписке Герцена с харьковским книгоиздателем и книгопродавцем А. В. Скалоном см. в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 571—574.

55

Н. А. и А. А. ГЕРЦЕНАМ

⟨Эс-лэ-Бэн. Май 1869 г.⟩

Милая Тата,

Письмо твое тоже получил. Это не ответ на мое. Во-первых, когда я говорил о полной доверенности, я только и мог говорить лично о себе. Ты на мой вызов не отвечала.

Все слышанное мною об Ольге от Пана — показывает, что я прав,— она будет скучать во Флоренц⟨ии⟩ и очень без тебя. Поэтому пока до устройства, я советую тебе пожить с ними (или с Сашей). Общего житья не устроишь — без общего дела или специальных занятий — найдите их.

Я тебе пришлю два-три журнала женевских с очень интересными статьями. Что касается до Naquet, я его рекомендовать не могу, и лучше читать Бехера «Работничий вопрос». Нет ли его у вас по-немецки — тогда купи на мой счет и читай с Ольгой... В «От⟨еч.⟩ зап⟨исках⟩» окончание повести «Разорение»,— в «Вест⟨нике⟩ Европы» — посполитная речь (окончание), — но смотри и другие статьи. Ходи за Терезиной и — прощай.

Лиза собирается писать Ольге, но так длинно, что я письмо пошлю. И она и Нат⟨али⟩, кажется, очень довольны письмом ее,— как легко поддерживать хорошее настроение.

Огар⟨ев⟩ стареет. Обед. 3 часа

Телеграмма пришла за супом — поздравляю — и жду еще — твой сын родился ровно в день смерти Ивана Алексеевича[1] — он Владимир — а дочь что будет — Казань?

Лиза говор⟨ит⟩ — Пенза.

Целую Терезину и Пикуля.

[1] И. А. Яковлев — отец Герцена.

56

31 мая ⟨1869 г.⟩. Genève. Pension Kraus. Pré l'Evêque

Вот мы и зажились в Женеве. Всё идет хорошо и ладно. Ага бывает через день, приезжает в пятом и уезжает в десятом. Мы много говорили об устройстве — и пришли к очень важным решениям, о которых напишу особо.

На днях явился Благосветлов с женой и детьми — образом так же безобразен. Рассказывал о крепости и Муравьеве в крепости[1]. Худякова бил офицер нагайкой по голове и пр.

В газетах слух о движении казаков (донских) — ждем подтверждения.

Вчера я был у Фогта и просидел весь вечер. Он кланяется Саше и благодарит за книжку. Кажется, доволен и им, и Шифом. Он был очень в ударе и рассказывал много интересного о Данциге и Кёнигсберге.

Здесь Э. Кине. Он не нарадуется на отрывки из «Был⟨ого⟩ и думы», помещенные в «Кол⟨околе⟩» (сашин перевод) и заставил меня снова перевести мою статейку «La Mazourka» — он, разумеется, советует издавать записки[2].

Здесь тоже собираются грозы: работники и буржуа — на ножах[3]. Полиция растет в наглости. Raisin избран в судьи (кассационного суда) — увидим. Бакунин — совершенно как рыба в воде. Потеет, ест по 5 фу⟨нтов⟩ мяса, говорит до 4 часов утра, останавливает... толкает вперед — судит и рядит.

Ну что Волдырчик?[4]

Если не будет перемены, я поеду, ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩, 5⟨-го⟩ в Vichy на 21 день, потом ворочусь в Женеву и в Брюссель. Сегодня, по указанию Фогта, даю сделать разложение аптекарю *количественное*.

[1] Н. М. Муравьев (Вешатель) в 1866 г. был назначен председателем Следственной комиссии по делу Каракозова. В этой связи он и посещал Петропавловскую крепость, где содержались Каракозов и другие члены кружка Ишутина, арестованные после покушения 4 апреля 1866 г. К их числу принадлежал и фольклорист и этнограф И. А. Худяков, с которым Герцен встречался в Швейцарии в 1865 г. Г. Е. Благосветлов сам был арестован после покушения Каракозова и содержался в Петропавловской крепости; таким образом, он лично мог видеть в крепости Муравьева.

[2] В «Kolokol» в сентябре — декабре 1868 г. и в «Supplément du *Kolokol*» в феврале 1869 г. печатались «Cogitata et visa. Fragments des Mémoires d'Iscander. Quatrième volume (1848—1853)». Статья Герцена «Мазурка», гневная отповедь реакционным силам, разжигавшим в Москве антипольские настроения, напечатана была в листе 243 «Колокола» (июнь 1867 г.). В письме от 4 января 1869 г. Кине просил Герцена дать ему перевод «Мазурки», которая произвела на него сильнейшее впечатление. 29 мая 1869 г. Герцен писал Кине: «Прошло два года, как я читал в Veytaux в вашем присутствии, у нашего уважаемого друга Ж. Мишле, маленькую статью, которую тогда только что перевел из „Колокола"... С тех пор я больше не думал о статье и очень удивлен найдя новое упоминание об этой заметке в вашем письме⟨...⟩, посланном вами в начале этого года ⟨...⟩ Вы выражали желание иметь перевод. Его у меня не было. На днях в Женеве вы опять попросили его у меня; я невольно подумал, что статья моя имеет некоторые достоинства...». Перевод этот вышел под заглавием «La Mazourka, un article du *Kolokol*, dédié avec profonde sympathie et respect à Edgar Quinet par Alexandre Herzen». Genève, 1869 (см. также письмо Герцена к Э. Кине от 12 июня 1869 г.— XXI, 392—393). Кине, очевидно, советовал Герцену продолжать издание «Былого и дум».

[3] В марте 1869 г. женевские рабочие организовали всеобщую забастовку и добились некоторых уступок со стороны хозяев (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 428). В конце мая положение продолжало оставаться напряженным.

[4] *Волдырчик* — внук Герцена, Владимир.

57

⟨Женева.⟩ 2 июня ⟨1869 г.⟩

Тате и доктору[1].

Всё еще в Женеве и дрожа от холода. Здесь на этот раз интересно. Война социальная близится, и война страшная — по буржуазной тупости и озлоблению работников[2]. Стычки рано или поздно будут — мало-помалу из частных стычек, в одно поколение может выйти и что-нибудь общее. Разгром будет ужасен и в России, как здесь. Я многое передумал и узнал в Женеве — и снова повторяю, что писал при рождении Владимира — только считайте на развитие и больше ни на что. A propos. Благосветлов спрашивает тебя, не хочешь ли ты посылать ему в «Дело» коррес-

понденцию[3] (пожалуй, по-французски — но, я думаю, лучше по-русски), он готов платить.

Мне очень неприятно, что Мальв⟨ида⟩ везет Ольгу в Баварию — что за жизнь на водах — да еще она хочет ее лечить минеральной курой *. Это безумие — вот старый век-то. И будто она одна не может съездить на месяц — об этом вы мне отвечайте. Я пришлю на днях *500 fr.* — из них Ольге *140 fr.*

Об остальных скажу после.

Я пришел к окончательному заключению после долгих разговоров с Ага — что время сообщить Ольге и Лизе пришло. Меня теснит ложь, выносимая из старых предрассудков — и ответственность, которую я беру. Ольга может меня потом упрекнуть за пошлое филистерство. Но я решительно не хочу, чтоб вы говорили — инициатива должна принадлежать Огар⟨еву⟩ и мне. Ширь и чистота его меня всегда удивляют и подавляют — он из всего выходит, как месяц из-за облака. Здоровье его недурно — но он разрешает себе больше прежнего кантафресное.

Об этом пишите мне. Хотя я решил это дело и пойду к его исполнению. Надеюсь, что вместе с научной свободой и Саша очистился от больших предрассудков в отношении семьи. Всё это идет из Фогта,— а Фогты отличные и умные, замечательные и дельные буржуа — *но буржуа.*

Прощайте.

Пишите на адрес Огар⟨ева⟩ или Тхорж⟨евского⟩.

Я думаю, что разложение, сделанное Шифом,— не могло удаться. Здесь делает *количествен⟨ное⟩* разложение один химик. Смотря по %, я ускорю или отдалю Виши.

[1] А. А. Герцену.
[2] См. примеч. 3 к предыдущему письму.
[3] С осени 1866 г. Г. Е. Благосветлов издавал журнал «Дело», который должен был заменить запрещенное в январе того же года «Русское слово».

58

5 июня ⟨1869 г.⟩. Genève.

Письмо твое, Тата, получил. Главная новость состоит в том, что — *я решительно не хочу ехать в Vichy* — после превосходно сделанного разложения химиком, рекомендованным К. Фогтом. (Вкладываю Саше подробную записку.) Освобождение от Vichy делает мне больше досуга — и мы остаемся еще неделю здесь.

Насчет болезни Терезины не тревожьтесь — многие проходили большими мученьями, у твоей мамаши сделались нарывы на груди, страшно мучительные, и притом последовательно один за другим,— это продолжалось месяцев *шесть.* Я уверен, что славная, чисто плебейская кровь Тер⟨езины⟩ всё переработает.

О Париже я ничего не могу писать теперь. Для этого мне надобно прожить по меньшей мере 3 или 4 месяца в Брюсселе.

8 июня

Вчера я читал у Кине отрывки из «Был⟨ого⟩ и думы». Старик сделался решительно моим почитателем. В восторге. Требует издания — но не в Женеве.

Я для него перепечатал «Мазурку» с письмом — и тебе пришлю экзем⟨пляров⟩ 5, даже 10 для раздачи.

Скажи Мальвиде, что я m-me Кине поднес ее мемуары.

---

* лечением (от нем. «Kur»).

Насколько нас наши стали меньше ценить — настолько чужие любят и ценят больше — странно.

Все деньги, назначенные на Vichy,— в экономии,— а посему я шью сертук, рубашки, панталоны, жилет, галстук и шляпу Бак⟨унину⟩. Сверх того — в следующем письме пришлю Саше 500 фр⟨анков⟩, из них:

1-е Ольге	140
2-е Ты ей сшей платье или что нужно . . .	60
3-е Возьми в свою экономию	200
4-е Владим⟨иру⟩ Алекс⟨андровичу⟩ в награду за рождение *	100
	500

Addio.

Жду ответа на мое прошлое письмо.

Мы едем на сутки в Лозанну к дантисту. День отправления в Брюссель не назначен.

59

13 июня ⟨1869 г.⟩. Воскресенье и всё еще Женева

Если ты развернешь «Былое и думы», то увидишь, что Саша родился не 12 июня н⟨ового⟩ ст⟨иля⟩, а 13 июня ст⟨арого⟩ ст⟨иля⟩ — стало 25 июня — как мы и праздновали. Мой подарок приходит кстати, вчера он послан, то есть деньги, которые я обещал; с ними поехала и «Мазурка», 10 экзем⟨пляров⟩. Ты поднеси Мальвиде, Шифу, Пенизи.

Полемика с Бак⟨униным⟩ идет своим чередом[1]; я из письма моего вымарал все личные намеки — и написал еще два. За него отвечал Огар⟨ев⟩— и я уж отвечал ему; всё это может с легкими изменениями напечататься. Деятельность Бакунина изумительна, он ходит с одного собранья на другое, его возят как социального акушера, то в Лозанну, то в Локль. Он везде проповедует общее разрушение — консерваторы бледнеют, пасторы проклинают — а он спокойно садится за три фунта мяса — и, опустивши их,— снова начинает проповедовать. Абстрактно он прав — но на приложении — он вне возможных данных. Между тем русская молодежь принимает au pied de la lettre ** его программы. Студенты собираются составлять разбойничьи банды. Бакун⟨ин⟩ советует жечь все документы — уничтожать вещи и щадить людей. Вот куда привели тупость правительства и упорная скупость буржуазии.

В той разрушительной форме, о которой мечтает старый студент Бакунин и наши молодые бакунята,— ничего не будет на первых порах, но débâcle *** начался. Самое важное происшествие — это одна из речей Тьера (она будет в «L'Egalité»), в которой старик с ужасом говорит о наступающей «экономической республике» и радуется, «что он не доживет». Волнения в Париже сильны. Частью правительство поджигает, но частью оно существует в умах. Все чего-то ждут. Я уверен, что Наполеон — сам не знает, что делать.

В Лозанне Grand Conseil **** грозит работникам солдатами[2]. Здесь Camperio кой-как ладит, но «Jour⟨nal⟩ de Genève» уж намекал насчет высылки Бакунина.

Сегодня ровно двадцать лет как я с Сазоновым был на последней революционной демонстрации — 13 июня 1849, — после которой уехал в Женеву[3]. Поспала Франция довольно, кажется она просыпается — но есть ли сила и ум — это вопрос.

* Сашу прошу помнить, что ему остается — 2200 в нынеш⟨нем⟩ году и Мальв⟨иде⟩ 2000 (кажется так) — их могу в конце июля прислать.— *Примеч. Герцена.*

** буквально (франц.).

*** ледоход (франц.).

**** Большой совет (франц.).

ЛИЗА ГЕРЦЕН
Фотография, 1870-е гг.
«Пражская коллекция»
Центральный архив литературы и искусства, Москва

Здесь в пансионе — 19, Pré l'Evêque, так тихо, что мы торопимся медленно в Брюссель. С Огар⟨евым⟩ видаемся часто. Он тот же добрый и святой — но и слабый в некоторых отношениях. Его жаль оставить — а жизнь всё-таки мудрена. Влияние Мери нехорошо, и она забирает больше и больше власти. В Генри я не вижу искры улучшения, а Ог⟨арев⟩ верит ему.

Тутса Ог⟨арев⟩ любит чрезвычайно — но в М⟨ери⟩ такое отсутствие смысла воспитанья, что я считаю безусловно необходимым его отдать в пансион — напр⟨имер⟩, в начале будущего года. Саша должен об этом думать. О переезде Ог⟨арева⟩в Брюссель я и не думаю. Он готов переехать, но, кажется, хочет забирать Генри и пр. Ходить Огар⟨ев⟩ решительно может. М⟨ери⟩ водит его в казино... и Ог⟨арев⟩ ходит пешком и сидит в духоте. Кстати, в последнее время он опять пьет больше, чем следует. Но скорее в хорошем расположении. Вот подробно обо всем. Теперь к важнейшему.

Я к Ольге написал. Огар⟨ев⟩ и N⟨atalie⟩ тоже. Тебе и одной тебе предстоит отстранить весь ненужный характер — сообщение лично важного. Пойми, что на этом — и на ответах Ольги к N⟨atalie⟩ может устроиться или новый покой — или еще худшее распадение. N⟨atalie⟩ здесь в очень хорошем настроении, она годы не была так дружественна с Огар⟨евым⟩, и Огар⟨ев⟩ это очень оценил. Она даже непрочь остаться в Женеве — но я полагаю, что год в Брюсселе (может, $^1/_2$ года) на месте. Если б Мери была умнее и, может, пошире — я бы нанял двойную квартиру. Но *она хочет играть роль* — а Огар⟨ев⟩ поддается и хочет при себе держать и Тут⟨са⟩

и Г⟨енри⟩. С этим не пойдет. N⟨atalie⟩ и Лиза бывают у него. Но Лиза не знает еще всего. Теперь, Тата, ты должна всему помочь.

Во-первых, объясни Ольге — почему от нее все было скрыто; во-вторых, скажи ей, что никогда, ни одного дня не было лжи в отношении Огар⟨ева⟩.— Совсем напротив, ни одного обмана, ни одного объяснения не было с ним. Неприятные вещи, наделавшие столько бед,— все вышли после и именно из-за столкновения с вами.

Пусть Ольга пишет тотчас — ко мне и особо к N⟨atalie⟩ — пусть пишет то, что, собственно, ее голова и ее сердце скажет. Пусть она пишет и к Лизе — но Лиза еще не знает, а потому ей надобно писать осторожно — напр⟨имер⟩, она может ее тут назвать сестрой — и ты прибавь, что хочешь ее так же называть и, пожалуй, что будешь ее звать «Герц⟨ен⟩-Огарева» — или иначе — но осторожно. Пиши и ты к N⟨atalie⟩. Странно, у нее всё разные мысли о тебе и Саше, а письмо Терезины и письмо Саши, а потом твое — ее без меры радуют. Она действительно не пришла к полному отчету всех отношений.— Теперь она несравненно лучше расположена к Саше — о тебе у нее idée fixe *, что ты Лизу не любишь (долею в этом виновата твоя манера — это я тебе говорил уж). Отчего Саша не пишет об этом предмете?— Ну и довольно.

Целую тебя.

Прощай.

«Прерв⟨анные⟩ рассказы» пришли.

А что же «Неделя», пришла?

Благосветл⟨ов⟩ предлагает мне 100 руб⟨лей⟩ сер⟨ебром⟩ с листа — чтоб я писал в «Дело», и спрашивает Сашу, не хочет ли писать корреспонденции «об ученой Италии» — ему он все ж дает 50 руб⟨лей⟩, то есть *175 фр⟨анков⟩ с листа* — если не надобно переводить.

Покажи письмо это Саше.

Пиши сейчас на адрес Тхоржевского.

[1] О полемике с Бакуниным и Огаревым см. во вступительной статье к настоящей публикации.

[2] О забастовочном движении в Швейцарии см. примеч. 3 к письму № 56.

[3] О демонстрации 13 июня 1849 г. см. в «Былом и думах» (изд. АН, т. X, стр. 44—54).

60

22 июня ⟨1869 г.⟩. Всё Женева

Твое письмо получил и очень доволен спокойным впечатлением на Ольгу — теперь жду ее письма.

Наши дела и контроверзы не так легко рассказать, как ты думаешь. Частно всё идет спокойнее и дружественнее, чем когда-нибудь. Даже Чернец⟨кий⟩ развеселил свой угрюмый вид (но не Тхорж⟨евский⟩, стареющий на долгорук⟨овских⟩ фондах[1] — вечно тревожный и пр.). N⟨atalie⟩ в большой приязни с Бакун⟨иным⟩. Он раза три ужино-обедает у нас, Ог⟨арев⟩ почти всякий день. Но в общем зато идет война. Я — как и в Ницце — не согласен с Бак⟨униным⟩ и петербургски-студентской пропагандой и тут совсем расхожусь не только с Бак⟨униным⟩, но и с Огар⟨евым⟩. Огар⟨ев⟩ стал такой кровожадный — что и бог упаси.— Пугачают и стращают. Бакун⟨ин⟩ не только на Волге, но и здесь, на Роне, проповедует светопреставление. Полемика открытая будет напечатана, ответы писал Ог⟨арев⟩.

Противустоять я сил не имею — а потому все же не вижу возможности долго здесь заживаться. Иначе дойдет до неприятных споров, а может и до печатной протестации — что вредно и не хочется делать.

* навязчивая идея (франц.).

Конечно, новости в «Egalité»[2] немного раскрашены — но фон справедлив. Глупость правительств и двойная глупость буржуа таковы, что они всех скорее осуществят местами идеал Бак⟨унина⟩.

Лето удивительное. Я опять надел зимние платья. Постоянная стужа, дождь и ветры. Все в пальто. Ог⟨арев⟩ ездит с шинелью (на руке).

Лиза упала с лестницы — дня через четыре у нее стал болеть большой палец на ноге, и надобно было посылать за Майором. Теперь лучше.

Пиши мне dann und wann * о Г. Шифе. Мне эта курьезность потому и не по сердцу, что курьезность. Ты знаешь, что всегда (написавши предварительно) ты можешь ехать в Женеву и на первый случай — остановиться у Касаткиной, если меня нет. Но я откровенно думаю, что твое присутствие еще необходимо для Ольги.

Пока прощай.

Посылаю «Прер⟨ванные⟩ расск⟨азы⟩» и V книжку Толстого. Последнюю, когда прочтешь (в ней много уродств, но много необыкновенно знакомящего с тем временем, даже мой отец на сцене — но глупо и неверно)[3], отошли непременно Марии Каспаровне.

От Пенизи письма не было.

Пришла ли «Мазурка»? Посылаю разные флугшрифты ** наших Мара[4].

[1] См. примеч. 3 к письму № 44.

[2] «*Egalité*» — орган женевской секции Интернационала; в это время выходила под редакцией Бакунина. Какие материалы имеются в виду — не установлено.

[3] Об этом отзыве Герцена см. во вступительной статье к настоящей публикации.

[4] *Mara* — то есть Маратов. Речь идет о прокламациях, выпущенных Нечаевым, Бакуниным и Огаревым во время так называемой агитационной кампании 1869 г.

61

29 ⟨июня 1869 г.⟩. Basel. Вторник. Schweizerhof

Есть ли у Ольги продолжение «Histoire d'un paysan» Эркм⟨ана⟩[1] — если нет, купите непременно иллюстрированное издание — оно очень дешево, и картинки недурны, рельефнее трудно представить эту эпоху. Обращаю на это особенное внимание. Я сегодня утром и вчера вечером читал с большим интересом.

Благодаря тому, что швейцары ночью спят — мы должны были здесь переночевать, ночных trains *** нет. Едем в час в Страсбург и в семь будем там. Два дня была духота — и я действительно жара вовсе не могу выносить.

Вопрос — нужен ли Саше его зоологический лексикон Шенсо, если нет, — то не желает ли продать его за полцены. Я его тогда пожертвую тоже в интернациональную работничью библиотеку — в которую отдал бездну книг, карт, атласов и пр. (В «Egalité» было спасибо.)

В Страсбурге буду ждать разных писем и, вероятно, в Брюссель приеду 4 или 5 июля.

Проезд Анны Платоновны прошел хорошо. Она была без Зубова, — дочь ее будет иметь 350 000 руб⟨лей⟩ сер⟨ебром⟩ доходу. — Огар⟨ев⟩ во время оно страшно помогал им, Плаутин играл, проигрывал — Огар⟨ев⟩ пополнял их дефициты. Теперь Огар⟨ев⟩ в худшем положении, чем те когда-нибудь были... но он всё скрыл — а она ничего не открыла[2].

---

* время от времени (нем.).

** листовки (нем.).

*** поездов (франц.).

От Пенизи письмо получил больше длинное, чем дельное, — говорит, что ты ему давала уроки, «много выполнявшие недостатки его образования» — что за вздор. Отдай ему прилагаемую записку. Пусть Саша скажет ему насчет книгопродавца[3].

Если будет второе издание на француз⟨ском⟩ языке — мне будет необходим *второй том* — изд. Delaveau[4]. Я искал в твоих бумагах и шифоньере — но нашел только первый том. Есть у тебя?

А Саша только что расхвастался климатом и avemo madame в miliair'e *.

Ольгу и Терез⟨ину⟩ и Сашу обнимаю.

Мейз⟨енбуг⟩ пишет— не ко мне (грамматика Полины вятской)[5].

Итак,

Addio.

Пишите Bruxelles. Poste restante.

[1] В 1868—1870 гг. выходило четырехтомное издание произведения Э. Эркмана и А. Шатриана «Histoire d'un paysan» («История одного крестьянина»).

[2] Сестра Огарева, Анна Платоновна, была замужем за полковником С. Ф. Плаутиным (см. о ней в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 747—751). Граф Платон Александрович *Зубов* — муж дочери Плаутиных, Веры Сергеевны.

[3] Об отношениях Н. А. Герцен с Пенизи см. выше, в письмах к А. А. Герцену.

[4] Речь идет о трехтомном французском издании «Былого и дум» (1860—1862) в переводе и с предисловием Делаво.

[5] Вятская приятельница Герцена, Полина Тромпетер, изображенная в третьей части «Былого и дум» (глава «Разлука»), плохо говорила по-русски.

62

4 июля ⟨1869 г.⟩. Bruxelles. Hôtel Belle Vue

Но вот и Брюссель. Мы приехали второго. Вчера был на почте, но писем нет от вас. Мы ехали от Люксамбурга под ливнем и при грозе — несмотря на то, стужа продолжается. Наглазно, разумеется, Брюссель гораздо комфортабельнее Турина, Милана и всех городов Швейцарии. Это не только историческое воспоминание — но и живой узел. Во всяком случае, год здесь прожить можно — но моя программа не идет далее (на первый случай) декабря месяца. Не знаю как остальное — но квартиры дороги, отели очень.

У Лизы довольно сильный кашель. A propos, Туц кашлял всё время пока мы были в Женеве.

Получили ли письмо из Базеля или Страсбурга?

Засим жду ваших писем.

Прощайте.

В Страсбурге было получено письмо, через Тхор⟨жевского⟩, что m-lle Michel[1] разбил паралич и что она едва жива. Нам было ехать через Мец— и потому мы ночевали там. N⟨atalie⟩ не могла видеть ее — доктор не пускает. Зато я видел Мец и Nancy (очень замечательный городок) и проверил все рассказы Erckmann et Chatrian.

5 июля

На этом месте застало нас твое письмо о Влад⟨имире⟩ — я писал об этом Саше. Я вспомнил при этом ряд детских смертей с ужасом и самую страшную — операцию в Париже[2].

Да, хорошо семейное счастие — но терний настолько больше роз — что почти безумно их рвать.

Пиши как пойдет дело.

---

* имели госпожу в лихорадке (итал. и франц.).

Je remercie très chaleureusement pour la bonne lettre de Malvida, je suis très content qu'elle ne va pas avec Olga «*tra le monte*»... Pourtant son désir et celui d'Olga est loin de se réaliser. Bruxelles me plaît beaucoup — c'est une ville active, moderne et qui s'occupe de tout avec fièvre.

Certainement nous resterons jusqu'au décembre. Peut-être plus.

Adieu.

J'écrirai à Olga. Nat⟨alie⟩ veut lui écrire beaucoup, elle a pleuré de sa lettre — et la remercie*.

[1] Каролина *Мишель* — бывшая гувернантка Натальи Алексеевны и Елены Алексеевны Тучковых; на старости лет она поселилась в Меце. В XV главе своих «Воспоминаний» Н. А. Тучкова-Огарева рассказывает о болезни Мишель и о несостоявшемся свидании с ней.

[2] Речь идет о болезни новорожденного сына А. А. Герцена Владимира. В этой связи Герцен вспоминает о гибели своих детей-близнецов в 1864 г.

63

⟨Брюссель.⟩ 13 июля ⟨1869 г.⟩. 18, rue de Paris

Милая Тата.

Насчет Брюсселя, то есть всей внешней части жизни,— я скажу одно, что, без сомнения, это один из самых образованных городов, с всеми удобствами и той выработкой, которую длинная история дает особенно латинской цивилизации. Жить здесь можно, домы очень хороши, все с печами. Но, разумеется, ни английской, ни швейцарской воли нет. На днях выслали одного француза — за участие в International'е.

Вчера я был в большом театре, давали «Patrie!» ** Сарду, сам автор приезжал ставить. Шло хорошо, и постановка богатая.

О книгах и их издании еще ничего не узнал. Фонтан надоедает донельзя — это Миллер-Стрюб⟨инг⟩, помноженный на Пана — за вычетом панского добродушия и стрюбинговского классического знания[1].

До сентября я и не советую тебе ездить сюда. Жаль, что беспокойная наша старушка[2] возит вас без толку. Жили бы себе покойно да занимались делом — а потом и придумали бы что-нибудь.

Что касается до всяческой деятельности — политической, артистической, ученой, социальной — здесь она кипит, в этом, как и во всем,— Брюссель очень похож на Париж.— Вероятно вы как-нибудь следите за новостями из Франции.— Двинулась и эта старуха.

«Комиссаров» — пойдет повешенным, одни говорят, что он убит, другие — что сам повесился[3]. Странная судьба!

Всё, что ты пишешь о Ш⟨ифе⟩,— очень хорошо — но помни же мой совет и верь моему инстинкту — «Герой не моего романа» — лучше уезжай.

У нас была трагикомическая история. Хозяйка нас надула — то есть скрыла, что она хозяину должна. Вдруг явились huissiers***, разные альгвазилы — и сделали saisie **** мебели, поставили сторожа и пр. Хозяйка —

---

* Я горячо благодарю за милое письмо Мальвиды, я очень рад, что она не едет с Ольгой «tra le monte» ⟨«за горы» (итал.)⟩... Однако ее желание и желание Ольги далеки от исполнения. Брюссель мне очень нравится — это деятельный, современный город — лихорадочно всем занимающийся.

Ну, конечно же, мы останемся до декабря. Быть может, долее. Прощай.

Я напишу Ольге. Нат⟨али⟩ хочет ей написать много; она плакала от ее письма — и благодарит ее (франц.).

** «Родину!» (франц.).

*** судебные приставы (франц.).

**** опись (франц.).

седая, всклокоченная, как Бернацкий,— в слезы, я в бешенстве,— до 1 августа заплатил и жду сегодня опять всяких huissiers — того и смотри, что франков 600 так и лопнут.

Целую Ольгу. Ну, лучше ли ей на воздухе морском? Я ей посылаю на уроки 150 и тебе в хозяйство 100.

Ну а что ж мальвидино здоровье?

Вырезку, может, не надобно ей показывать. Не «Кина» ли писала?[4]

[1] О *Фонтене* (которого Герцен в шутку называл «Фонтаном») см. примеч. 1 к письму № 51.

[2] *Беспокойная старушка* — М. Мейзенбуг.

[3] О. И. Комиссаров, в 1866 г. официально объявленный спасителем Александра II от выстрела Каракозова. Комиссарову «пожаловано» было дворянство и были организованы чествования и сборы в его пользу. Дошедшие в 1869 г. до Герцена слухи об убийстве или самоубийстве Комиссарова не соответствовали действительности.

[4] Речь идет о рецензии — очевидно, неодобрительной — на «Воспоминания идеалистки» М. Мейзенбуг. В публикуемом нами письме к дочери от 8 июня Герцен писал: «Скажи Мальвиде, что я m-me Кине (жене Эдгара Кине) поднес ее мемуары».

64

⟨Брюссель.⟩ 19 июля ⟨1869 г.⟩

Тате.

Только несколько строк. Здесь недурно — и жить очень можно. Худшее, что выгоняют по-прежнему иностранцев. От решения дел в Париже будет зависеть, можно ли здесь остаться или нет. Это само по себе худо. После Брюсселя остается один Лондон (и Нью-Йорк). Швейцария — все же непроходимо скучна, грубые, аляповатые нравы ее — оскорбляют и поддерживают раздражение и озлобление.

Меня один книгопродавец подбивает публично прочесть отрывки из «Был⟨ого⟩ и думы» — в франц⟨узском⟩ переводе. Не знаю еще.

Издается все плохо. Французские дела поглощают всё и всех.

Прилагаю критику Мальв⟨иде⟩, которую забыл.

Что вы так мало пишете?

Пиши N⟨atalie⟩ на мой адрес или на мое имя. Здесь так записано[1].

С Лизой N⟨atalie⟩ много говорила, она очень понимает, очень умно понимает — но все это было рано и ненужно.

Ольгу целую. От Нефталя письмо — блаженствует в Америке.

Что здоровье Мальвиды? Скажи ей, что один д⟨окто⟩р написал книгу «О причинах болезней» — очень замечательную, в которой он приписывает болезни дурному социальному устройству — и между прочим говорит, что считать северные климаты нездоровыми — совершенный предрассудок. Что «локальные обстоятельства и образ жизни — сверх наследственных зол — подтачивают организмы»,— а степень холода и жара — статистически никакого влияния не имеет.

Прощай.

У меня и у Лизы кашель — а погода теплая. Я его приобрел в театре, Лиза — на железной дороге.

Рукой А. А. Герцена:

Папаша, кажется, непрочь, чтоб ты оставалась здесь. Делай как знаешь и хочешь. Ничего нового. Ге прислал мне вчера два тома «Отечественных записок» для тебя; хочешь их иметь сейчас? Пенизи мне сказал, что он хочет прежде показать тебе свою работу об responsabilità*, а потом пришлет мне. Напоминай это ему каждый день. Варга пустил нас с Терезиной в полный социализм. Терезина с неожиданной страстью принимает

* ответственности (итал.).

участие в социальных вопросах, и мы постоянно устраиваем вдвоем будущее общество; примет ли человечество нашу программу — это другой вопрос.— *Критическую статейку о мальв⟨идиных⟩ мемуарах я тебе пришлю* в другом письме — ты ей не показывай. Что же вы так мало пишете?

Сколько думаете еще оставаться в Antigniano?

Волдырчик растет и толстеет и умнеет не по дням, а по часам.

[1] В июне 1869 г. Герцен сообщил Н. А. Огаревой, что, выехав из Женевы, они назовутся «одним именем».

65

29 июля ⟨1869 г.⟩. 18, rue de Paris. Bruxelles

Любезная Тата,

Переписка наша идет плохо. Я не могу понять, что за рассеянье или что за деятельность вас так сильно поглощает в Antigniano.

На днях месяц что мы здесь. Образ жизни, ресурсы и всё изучил я довольно хорошо. Брюссель именно таков, каким я себе его представлял. Все удобства и все интересы здесь представлены, даже все французские партии. Не только Женева, но и Флоренция отстали. Не знаю, что климат зимой — теперь очень хорошо. По всему остаться бы здесь год можно. Но... тут-то и пойдут *но*... в полицейском отношении нет никакой sécurité* — может, до парижской грубости здесь не доходят — но деликатно вытолкают как ничего. Главное гонение, разумеется, обращено на социализм. Здесь царство буржуазии.— Ясно, что для нее нет злейшего врага, как соц⟨ализм⟩. Я не намерен ни в журналах писать, ни речей рчить — но не позволю никакому правительству мешаться в мои знакомства и ни в одном разговоре не скрою моего образа мыслей — that is the *hoc* **. Ну и нанимай фатеру на эту манеру. Посмотрю еще до 1 сентяб⟨ря⟩ — сроку довольно.

Если же ехать — куда? В Женеве можно бы жить. Огар⟨ев⟩ очень в хорош⟨их⟩ отношениях с N⟨atalie⟩ и она с ним. Но нельзя себе представить — как удушлив Бакун⟨ин⟩ и как Огар⟨ев⟩ совершенно под влиянием дома — этой дурочки, и вне — разных юношей[1]. Это составит тяжесть неимоверную — и будет раздражать денно и нощно. Вот тут и ломай себе голову. Уж опять не в Турин ли?

Читаешь ли ты с Ольгой по-русски и что? Лиза начала ходить в школу... (до 500 учениц). До сих пор она с дороги сильно кашляла.

Пиши к Лизе (и ты и Ольга), и как можно милее, называя ее просто сестричкой.

Есть ли у Ольги порядочные платья и всё что нужно?

[1] Герцен имеет в виду, с одной стороны, влияние на Огарева Мери Сетерленд, с другой — бакунинское окружение, главным образом Нечаева («юноши»).

66

⟨Брюссель. 9 августа 1869 г.⟩ [1]

Тате и Ольге вместе.

Так как Ольга опять начинает вспоминать по-русски — я и хочу писать к вам обеим. Хорошо, что вы догадались писать на днях — а то я сердился не на шутку, не имея никаких вестей с 12 июля. Письмо Ольги пролежало на почте две недели — потому что Лиза вовсе не была записана на почте. Досадно, что ты, Ольга, все хвораешь,— а то все твои желанья мало по малу исполняются и мы в Брюсселе не остаемся. Меня вызывали здесь к начальнику тайной полиции — и хотя он очень учтиво предлагал

* безопасности (франц.).
** в этом «случай» (англ. и лат.).

остаться — но я рассудил, что лучше ехать назад в нашу скучную и бизную * Женеву — и там подумать, где нам съехаться. В Комо, Турине — даже Неаполе или Венеции!!

Один юрисконсульт русский передал мне, что дело о капитале костром⟨ском⟩ — вовсе не пропащее и что если Ольга *приедет* — люди берутся выхлопотать — но тут-то hic et hoc **[2]. Конечно, Тате легче это сделать, имея все документы. Я полагаю увидеться с одним господином, который мне даст совет.

Ну как на вас это действует? и какое мнение?

Malvida — la mémoiriste et l'idéaliste m'a chassé de sa mémoire, l'idée de m'écrire ne lui vient pas — tandis que moi je perds ma belle gique. *O weh, o weh, o weh!****

Из письма Таты, хотя она и говорит, что много занимается, я мало вижу. Что вас особенно занимает? Что вы серьезно делаете? и пр.— Какую пятницу[3] вы читаете — ту ли, что была у Робинзона, или ту, что бывает перед субботой?

Вы имеете время написать письмо. Мы едем в Антверпен, Роттердам и возвратимся к 17 — а 20 уезжаем совсем — на Париж или на Гавр на свиданье с d⟨octo⟩r Ботк⟨иным⟩.— Прощайте, целую вас.

А Долфи[4] жаль.

9 августа 1869.

Мой «Доктор и умирающий француз» делают общий фурор[5].

[1] На письме — пометка неустановленным почерком: «Recieved 15 august 1869» («Получено 15 августа 1869 г.») (англ.).

[2] После отъезда Герцена за границу принадлежавшее ему в Костромской губернии имение осталось, по выражению Герцена, «в лапах русского правительства». Герцен считал, что его дети могут предъявить право на это имение.

[3] *Пятница* — персонаж романа Дефо «Робинзон Крузо».

[4] Участник итальянского освободительного движения Джузеппе *Дольфи* внезапно помешался.

[5] Речь идет об успехе повести «Доктор, умирающий и мертвые» в кругу знакомых Герцена; впервые напечатана в 1870 г. в «Сборнике посмертных статей».

67

⟨Брюссель. Начало сентября 1869 г.⟩

Ваше письмо и портреты — все удалось как нельзя лучше — Лиза в восторге. Она не в самом деле много учится — но в самом деле сильно умна, и ум ее *пошибу*, как говорят русские, необыкновенного.

Вчера мы все, то есть и Лиза, обедали у Гюго, кто бы это думал год тому назад[1]. Старик (ему 67 лет) очень мил... Саша судит по-студентски, в Гюго есть сумасшедшие стороны — но неужели он может думать, что можно владеть умами во Франции с 1820-х годов до 69 — даром.

Вырубовым я очень недоволен, у него растет ненависть — просто ненависть к России.

Недоволен я еще фотографией Саши — зато Терезиной и тобой очень, это лучшая твоя фотография. Пойду сегодня и велю себя отфотить.

Думаю, что к 15—20 сентября будем просто в Париже (там ветер совсем иной), может и останусь там до глубокой зимы,— против Неаполя мало имею, но мало и за. Париж практичнее.

---

* от франц. «bise» — северный ветер.

** то и сё (лат.).

*** Мальвида, мемуаристка и идеалистка, изгнала меня из своей памяти; ей не приходит в голову писать мне — тогда как я теряю свою прекрасную «гию». Увы, увы, увы! (франц. и нем.).— Во французском тексте каламбур: первая половина слова «Belgique» (Бельгия) звучит как слово «belle»— прекрасная.— *Ред.*

Провел я там несколько дней с Тесье[2] — он всех вас любит. — Добрый человек, хорошо ведет свои дела (он получает 44 000 жал⟨ования⟩ и еще всякую всячину) — но... но хорош и при дворе и носит красную ленточку.

Во вторник хотим мы сделать экскурсию — в Антверпен, оттуда на пароходе в Роттердам и Амстердам — на это надобно дней шесть — потом воротимся сюда и будем собираться в Париж.

В «Siècle» 1 сентяб⟨ря⟩ и в «Liberté» 31 авгу⟨ста⟩ были мои затрещины Швейцарии[3].—Литературно я в Париже очень хорошо стою теперь и хоть с Лакруа[4] поругался, думаю, что он издание сделает.

Прощай.

Во Флоренции, я думаю, положение N⟨atalie⟩ будет труднее[5]. Напиши мне об этом — тайны из рожд⟨ения⟩ Лизы теперь делать не нужно.

Получены ли деньги — 2000?

[1] См. об этом выше в письмах к А. А. Герцену.

[2] Давнишний друг Герцена, химик и бывший эмигрант Тесье дю Мотэ примирился в 60-х годах с правительством Наполеона III.

[3] См. примечание 2 к следующему письму.

[4] *Лакруа* —парижский издатель. Речь идет, очевидно, о задуманном Герценом новом французском издании «Былого и дум» и других своих произведений.

[5] О трудности положения Н. А. Огаревой Герцен говорит в связи с принятым решением не скрывать более существовавшие между ними отношения.

68

13 sept⟨embre⟩ 1869. Amsterdam. Amstel Hotel

Вот мы третий день на голландских сваях и плотинах. Из них сутки испорчены такой бурей и таким дождем, что я и не видывал. А то прогуляться интересно. Край оригинальный и не до того испошлившийся, как Швейцария. Все встречающиеся здесь люди — очень радушны и учтивы и коммуникативны *. Большей частью мы попадали на людей очень образованных. Вероятно здесь есть черты сходства в нравах с Данией и Швецией. Всё это в стороне — «La Olanda fara da se»**, как говорил «Шаривари»[1]. Свободы много — она больше в нравах, чем в законах. Процесс по делам печати — неслыханное дело.

Опять вьюга и дождь. Есть от чего сойти с ума...

Мы уехали 10-го в обед из Брюсселя. Я послал Саше от Ротш⟨ильда⟩ 2000 фр⟨анков⟩ 27 августа и писал ему 28. Я всякий раз прошу *тотчас* писать о получении, и Тхоржевский, даже Огарев исполняют просьбу — Саша нет. Неужели письма так-таки все и пропадают? (одно твое наверное пропало или было перехвачено — то, в кот⟨ором⟩ ты писала об Обол⟨енской⟩—по этому делу творились такие подлости, что я всему поверю — впрочем, с кем было послано оно и как надписано?)

Из дела Обол⟨енской⟩ можно было сделать дело европейское — я и начал очень успешно — журналы в Париже начали небольшую перестрелку по этому делу — лучше этого нечего было ожидать[2]. Но Утин & Cnie неспособны и на это. Бакун⟨ин⟩ по злобе на них не помогает. A propos, он едет в Турин на житье[3]. А Ут⟨ин⟩, Жук⟨овский⟩, Щербак⟨ов⟩[4] и все вевейские русские — в Женеву...

Мы едем отсюда в Гагу сегодня, завтра оттуда в Роттердам — Антверпен и Брюссель — после двадцатого в Париж.

Что же Ольга, приехала из Мюнхена? Она и Мейз⟨енбуг⟩ телеграфировали *в Женеву* 4 сентяб⟨ря⟩ Лизе. Они так мало знают обо мне, что не имеют понятия, где я. Это почти замечательно.

---

* общительны (от франц. «communicatifs»).

** «Голландия освободится сама» (итал.).

Здесь встретился на выставке Адол⟨ьф⟩ Фогт — он что-то был оторопевши.

Всё, что ты пишешь о Терезине, очень радует — кланяйся ей.

Напиши или скажи Саше, чтоб он написал, как разделили вы деньги — это последние на 1869.

Обнимаю тебя.

Лиза путешествует от души — всё у нас тихо и идет ладно.

[1] *«Шаривари»* (*«Le Charivari»*) — французский юмористический журнал, основанный в 1832 г. Редакторы «Шаривари» сменялись, его политические установки испытывали колебания, но в основном журнал придерживался оппозиционной линии по отношению к правительствам Луи-Филиппа и Наполеона III.

[2] См. сообщение С. А. Макашина «Дело Оболенской» — «Лит. наследство», т. 63, 1956, стр. 74—78, а также выше, в письмах Герцена к А. А. Герцену.

[3] Бакунин переселился из Женевы не в Турин, а в Локарно.

[4] Речь идет об эмигранте Алексее Яковлевиче *Щербакове*, который с конца 1868 г. давал уроки Лизе Герцен.

69

⟨Париж.⟩ 20 окт⟨ября 1869 г.⟩.
H⟨ôte⟩l du Louvre. Середа.

Любезная Тата,

По твоему письму к N⟨atalie⟩ я ждал тотчас другого письма с ответом на мое и с окончанием истории о П⟨енизи⟩ — но письма нет. Я писал Мейзенб⟨уг⟩[1] и спрашивал откровенный и окончательный ответ — зимой она хочет переехать или весной. Вероятно она этого письма (по ее адресу) вовсе не получила. Ответ мог быть 5 дней тому назад. Между тем, я не могу нанять квартеры, не зная ответа. Для чего вы всё это делаете, зная, что ждать — вещь для меня мучительная.

От Саши было письмо. Он настоящий философ, ничего не пишет о вашем переселении.

Теперь здесь холод.

Боткин уехал в Петерб⟨ург⟩. Б⟨отки⟩на[2] едет сегодня через Флоренцию в Рим, она больна, отдохнет сутки в Ницце — примите ее хорошо.

— Nat⟨alie⟩ посылает что-то Волдырчику.

Pour couper court — je prie de télégraphier immédiatement une de ces formules:

1° Nous venons tous — nous partons... par...

2° Malvida et Olga restent à Florence jusqu'au printemps.

Je donne la plus entière liberté — je n'insiste pas — mais je prie de ne pas me faire attendre les réponses *.

Тебе — Тата — я думаю, необходимо ехать quand-même **. Я готов и опять в Ниццу или Геную — если бы это было нужно.

[1] Известно письмо Герцена к М. Мейзенбуг от 7 октября 1869 г.

[2] Анастасия *Боткина* — жена С. П. Боткина. 28 октября 1869 г. Герцен писал сыну: «Была ли у вас Боткина и привезла ли Волдырю биброн ***?» (XXI, 512).

---

* Чтобы положить конец, прошу немедленно телеграфировать одну из этих формул:

1. Мы приедем все — выезжаем... через...

2. Мальвида и Ольга остаются в Флоренции до весны.

Предоставляю полнейшую свободу, ни на чем не настаиваю— но прошу не заставлять меня ждать ответов (франц.).

** несмотря ни на что (франц.).

*** соску (от франц. «biberon»).

ПИСЬМА К ОГАРЕВУ

(1868—1869)

ПЕЧАТАЮТСЯ ПО ФОТОКОПИЯМ, ПРЕДОСТАВЛЕННЫМ «ЛИТЕРАТУРНОМУ НАСЛЕДСТВУ» НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКОЙ (ПАРИЖ) И МЕЖДУНАРОДНЫМ ИНСТИТУТОМ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ (АМСТЕРДАМ) *

Публикация и комментарии Л. И. Матюшенко

Предисловие Ш. М. Левина

Ниже публикуется сорок писем Герцена к Огареву, написанных в последние полтора года жизни Герцена. В 61-м томе «Литературного наследства» уже было напечатано значительное число писем Герцена к Огареву, причем большинство из них также относится к 1868—1869 гг. Этими двумя публикациями существенно пополняется фонд писем Герцена к Огареву за период, изучение которого представляет в некоторых отношениях особую сложность.

Известно, что идеологическая позиция позднего Герцена в дореволюционной литературе вызывала весьма различные, подчас совершенно неправильные оценки.

Нельзя говорить о полной ясности в этом вопросе и в ранней советской литературе. Несколько времени тому назад Я. Е. Эльсберг писал: «Нередко Герцен этих лет ⟨т. е. последних лет жизни. —*Ш. Л.*⟩ (в этом повинен в прежних своих работах и пишущий эти строки) изображался человеком, потерявшим твердую почву под ногами, горько и мучительно переживавшим безысходное одиночество и как бы фатально идущим навстречу смерти. Это неверно. Именно эти годы, действительно столь трудные, горькие и мучительные для Герцена и в общественной и особенно в личной жизни, показывают еще раз, до какой степени неистощимой была его энергия и неутомимой его мысль, как упорно и постоянно Герцен шел вперед» (Я. Эльсберг. А. И. Герцен. Жизнь и творчество. Изд. 2, дополненное. М., 1951, стр. 498; повторено в измененной редакции в новом, 3-м, издании книги — М., 1956, стр. 628). В этих словах исследователя много правды, хотя кое-что и выражено чересчур прямолинейно, ибо некоторое, вызванное обстоятельствами, понижение общественной энергии Герцена к концу жизни является несомненным фактом; кроме того, при общем идейно-теоретическом движении вперед, в отдельных политических вопросах все-таки отмечается, на наш взгляд, и известное отступление от позиций, уже завоеванных ранее (в ближайшие после 19 февраля годы).

Первые из печатаемых писем относятся к тому времени, когда, вслед за прекращением русского «Колокола», решена была и ликвидация «Kolokol'a» французского. «Закрытие „Колокола" и необходимый, наконец, выбор постоянного жительства хоть на год — сверх всего внутреннего — делает линию, т. е. черту», — писал Герцен Огареву 8 августа 1868 г.,— и добавлял: «Особенно хорошего ничего не будет». Через полгода, находясь уже за этой «чертой», Герцен писал: «Время идет, силы истощаются,

---

* Письма печатаются по фотокопиям с подлинников, хранящихся в Национальной библиотеке в Париже. Международный институт социальной истории в Амстердаме предоставил редакции фотокопии с рукописных копий этих писем, сделанных внуком Герцена, Н. А. Герценом. При публикации писем, подготовленных редакцией «Лит. наследства», учтены некоторые пометки копииста, а также его решение вопроса о последовательности страниц, поскольку он снимал копии непосредственно с автографов.—*Ред.*

пошлая старость у дверей... Мы даже работать продуктивно не умеем — работаем то невпопад, то для XX столетия. Ни успеха, ни денег... и серая скука маленькой дрянненькой ежедневности...» (письмо от 11 февраля 1869 г.). Нельзя сказать, что настроение, проявившееся в этих строках, было типично для Герцена в последние годы его жизни. Но чувство неудовлетворенности все-таки не было совершенно случайным. И думается, что добровольная ликвидация «Колокола» сыграла тут свою печальную роль. Вопреки мнению ряда исследователей, находивших решение Герцена о прекращении русского, а в дальнейшем и французского «Колокола» вполне неизбежным и оправданным обстоятельствами, мы полагаем, что Герцен допустил — особенно приостановкой в 1867 г. русского «Колокола» — трудно поправимый промах. Отлив общественной волны, явный упадок интереса к «Колоколу» в России создавали, разумеется, для издателей весьма нелегкое положение; тем не менее и сам Герцен, и все русское движение много потеряли в результате этого, продиктованного некоторыми разочарованиями и,быть может, усталостью, шага Герцена. Еще 15 мая 1868 г., утверждая, что французский «Колокол» в России «не идет», Герцен писал Огареву: «Одна причина и есть для издания — удержать вживе орган» (XX, 275). Но и одной такой причины было вполне достаточно;по этой же причине безусловно следовало еще прежде сохранить русский «Колокол» *.

Решение прекратить издание «Колокола» было так или иначе связано и с изменением взгляда Герцена на значение зарубежной печати да и всей революционной эмиграции для пореформенной России. 14 ноября 1867 г. он писал Огареву: «Нас в России не читают и не хотят, вообще, в заграничную прессу не верят» (XX, 39). Отвечая на возражения Огарева по поводу его, Герцена, надежд воспользоваться столбцами русской легальной печати, он 3 апреля 1869 г. заявлял в письме к Огареву: «Может, и в самом деле время печати в России не пришло? ⟨...⟩ Но что заграничной печати время пришло, — это тоже ясно» (XXI, 359). Неделю спустя Герцен высказал Огареву свое убеждение в том, что «здесь», т. е. за границей, «делать нечего» (письмо от 10—11 апреля 1869 г.). Так основоположник вольной русской зарубежной печати, игравший огромную роль в ее развитии на протяжении целых пятнадцати лет, под воздействием временных неблагоприятных условий реакционной поры** утрачивал или даже почти утратил веру в значение этой печати. Герцен оказался в данном случае плохим пророком. Заграничной русской революционной прессе предстояло еще большое и славное будущее.

Скорбя о том, что слово его не доходит до читателя в России, Герцен, как уже упоминалось, рассчитывал использовать легальную русскую печать и книгоиздательство. И переписка, напечатанная ранее, и ряд писем из числа публикуемых ниже (от 29 января, 4, 11, 17, 25 февраля и 13 апреля; см. также в настоящем томе письма Герцена к Н. А. Герцен от 27 мая и 13 июня 1869 г.) свидетельствуют о горячей заинтересованности его в этом вопросе. Герцен охотно принимал предложения о переиздании части своих старых работ отдельными сборниками. Еще живее реагировал он на предложения сотрудничества, исходившие от некоторых русских периодических органов, ибо в этом случае речь шла о печатании новых, современных работ. «Жду не без

* О необходимости сохранить «Колокол» справедливо писал Герцену М. А. Бакунин в письме от 23 мая 1867 г.: «А мне жаль, очень жаль, что вы прекращаете „Колокол“ ⟨...⟩ Кончить легко, но начать вновь будет очень трудно,— и это доставит торжество нашим врагам в России и вне России ⟨...⟩ Что за дело, что продается только по 500 номеров — по крайней мере, 3000 читателей. Говорить 3000 русским свободно теперь не шуточное дело. Я бы на вашем месте не прекратил его — ну, а переменил бы несколько не направление, а тон, манеру,—менее церемонился бы с властями и дал бы вновь полную волю твоему бичующему юмору, Герцен, который ты напрасно взнуздал и тем себя значительно обессилил» («Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву». СПб, 1906, стр. 313—314).

** Можно, правда, поставить вопрос — имели ли эти неблагоприятные обстоятельства действительно временный характер именно для Герцена, нашел ли бы он пути плодотворного сотрудничества с новым революционным поколением 1870-х годов, если бы дожил до выступления последнего на историческую арену, до нового революционного подъема. Нам кажется, что есть достаточно оснований для утвердительного, в целом, ответа на такой вопрос, хотя, разумеется, он требует специального изучения.

волнения ответа из редакции „Недели"...»,—писал Герцен Огареву 4 февраля 1869 г. «Меня немного обдает морозом, что нет ответа из редакции „Недели"», — пишет он через семь дней. Удовлетворительный ответ «Недели» вызвал у Герцена прилив бодрости. Он считал, что дверь открыта, и рекомендовал Огареву последовать его примеру. «Если „Неделя" приняла так рьяно, то примут и другие... Я считаю все это очень не лишенным важности» (письмо от 17 февраля 1869 г.). Герцен зашел в своих надеждах настолько далеко, что рассчитывал поместить в «Неделе» после соответствующих исправлений («если... провести стругом») даже свое полемическое письмо, адресованное Бакунину. Об этом он сообщал Огареву 25 февраля 1869 г.

Огарев расценил герценовские планы как иллюзию — и не ошибся в конечном итоге в этом. 30 марта 1869 г. он писал Герцену: «Не верю я, caro mio, чтоб мы могли продержаться в русской печати под какою бы то ни было фирмою; а заграничная пресса останется необходимостью — то пореже, то почаще, то много, то мало, то совсем молчание *, но уничтожать возможности заграничной печати нельзя» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 544).

В том же письме Огарев коснулся и другой мечты Герцена — о возвращении в Россию. «Что касается до свободного возвращения в Русь, о котором ты говоришь в каждом письме, чем больше об нем думаю, тем больше нахожу, что мы так поставлены, что худшего наказания для нас найти невозможно». Комментатор писем Огарева к Герцену в т. 39-40 «Литературного наследства» Ю. А. Красовский сетовал в свое время на то, что трудно, за отсутствием части герценовских писем, судить о характере высказываний Герцена относительно возвращения на родину. Публикуемое в настоящее время письмо от 10—11 апреля 1869 г. позволяет гораздо яснее представить себе позицию Герцена. По его словам, всякий политический эмигрант (подразумевалось— любой страны) хочет возвратиться; но в то время как «подлые эмигранты или слабые ищут средств личных» (иными словами, действуют в частном порядке, за свой риск и страх) и «большей частью не брезгают подлыми», другие («не подлые») ждут переворота или общей амнистии. Поскольку в России амнистии не было, Герцен отодвигал возвращение до «перемены», которую мыслил в виде установления, например, «представительного правительства» в стране **.

На настроения Герцена в последние годы жизни, в частности и на его более чем скептическую оценку роли эмигрантов и эмигрантской печати, оказали серьезное влияние его взаимоотношения с «молодой эмиграцией» — с большинством эмигрантов из числа молодых участников освободительного движения 1860-х годов. Об этих взаимоотношениях писалось в разное время немало. Наиболее широко и полно вопрос этот рассмотрен в работе Б. П. Козьмина «Герцен, Огарев и „молодая эмиграция"» («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 1—48), предпосланной целой серии публикаций ***.

В печатаемых ниже письмах Герцена к Огареву содержится довольно большой и существенный материал, дополнительно освещающий данную тему.

Из молодого поколения эмигрантов наиболее агрессивно выступал против Герцена, как известно, А. А. Серно-Соловьевич — в своей нашумевшей брошюре «Наши

---

* Это, вероятно, уступка взгляду Герцена.— *Ш. Л.*

** Герцен не терял окончательной веры в возможность при тех или иных обстоятельствах мирной перемены; быть может, не случайно и слово «переворот» в письме заменяется словом «перемена» — с пояснением, что речь идет хотя бы о введении представительного правительства. Не отказался бы Герцен воспользоваться и амнистией (конечно, только общей амнистией), как ясно из цитируемого письма.

Отвечая на письмо Герцена от 10—11 апреля 1869 г., Огарев писал: «...Когда „Биржевые ведомости" стараются основать целую гнусную статью на твоем заявлении о желании возвращения и указать, будто ты можешь решиться просить милости — мне больно, и я до такой степени взбешен, что желал бы отомстить за тебя, позоря их прямо во всех газетах — если только позволишь...» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 551). Герцен не возражал против предложения Огарева писать на эту тему: «...пиши, что хочешь,— многое тебе легче сказать обо мне,— чем мне» (письмо от 13—15 апреля того же года).

*** См. также опубликованные Б. П. Козьминым в т. 62 «Лит. наследства» письма Н. И. Утина Герцену и Огареву.

домашние дела» (1867 г.), где правильные, в существе своем, критические замечания по поводу колебаний Герцена тонули в массе грубых, резких и несправедливых выпадов,— а затем в брошюре «Миколка-публицист», непосредственно направленной против Н. Я. Николадзе, но косвенным образом сильно задевавшей, снова в нарочито оскорбительном тоне, Герцена.

В публикуемых письмах Герцена к Огареву имя А. А. Серно-Соловьевича встречается неоднократно. 10 апреля 1869 г. Герцен, находившийся в Ницце, сообщал Огареву о распространенных там слухах, будто «все социальное движение» в Женеве * «создано» Серно-Соловьевичем. Огарев в ответном письме от 13 апреля подтвердил, тоже со ссылкою на разговоры, большое участие Серно-Соловьевича в «работничьих интересах» (рабочем движении), но не видел оснований для признания за ним какой-то «великой роли» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 550). 18 апреля Герцен извещал Огарева, что его посетила для объяснений М. В. Трубникова, близкий друг Серно-Соловьевича. Трубникова высказала Герцену ряд обвинений, которые, очевидно, были вообще в ходу среди части молодых эмигрантов. В числе обвинений фигурировало, по словам Герцена, непризнание «огромного таланта и обширной деятельности» Серно-Соловьевича. Нет сомнения, что Трубниковой не удалось убедить Герцена. Доказательством этому служат его письма от 22 и 24 августа 1869 г. (после получения известия из Женевы о самоубийстве Серно-Соловьевича), а также письмо от 9 сентября. Признавая в известной мере ум Серно-Соловьевича («не глуп»), Герцен в то же время в исключительно резкой форме охарактеризовал покойного деятеля, отрицая за ним какие-либо заслуги. Новые герценовские письма, как нам кажется, снимают предположение, будто Герцен и Серно-Соловьевич «начали правильнее, чем прежде, понимать друг друга и более объективно относиться один к другому» (Б. П. Козьмин. К вопросу об отношении А. И. Герцена к I Интернационалу. «Исторические записки», т. 54, 1955, стр. 435). Ясно, по крайней мере, что такой перемены у Герцена не произошло **.

В письмах Герцена упоминаются также Н. И. Утин и «утятник», под которым подразумевается круг единомышленников и сподвижников Утина, издававший под его руководством «Народное дело». Критическое отношение Герцена к Утину, недоверие к его лояльности, честности в отношениях хорошо известны по прежде опубликованной переписке Герцена. Ироническое отношение к Утину и его товарищам сквозит и в ныне публикуемых письмах. Известно, однако, и то, что в 1869 г. бывали моменты, когда Герцен, пренебрегая отчасти своими чувствами и оценками, готов был в той или иной форме сотрудничать с утинской группой, но все попытки в этом направлении, при реально сложившихся отношениях, оказались безуспешными. Новые письма содержат прямые указания на готовность Герцена совместно с утинским кружком участвовать в кампании протеста против весьма неблаговидных действий швейцарских

---

* Герцен пишет «у вас», разумея, очевидно, Женеву (но, может быть,— вообще Швейцарию).

** В свете новых данных вызывает недоумение следующее заявление автора анонимной брошюры о Герцене, изданной в 1870 г. за границей: «...Герцен в последние дни еще сочувственно говорил об одном честном молодом деятеле, так рано умершем в Женеве, который в свое время высказал ему много горького» и т. д. («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 176). Либо до автора брошюры дошли неверные сведения, либо Герцен в беседах с людьми, не особенно ему близкими, уклонялся от откровенного выражения своего взгляда на Серно-Соловьевича. Кто был этим автором, пока нельзя сказать с определенностью. Перепечатавший брошюру в 1941 г. Б. П. Козьмин вполне уверен в принадлежности брошюры В. А. Зайцеву; вероятность того же признает В. А. Путинцев (вступительная статья к сборнику «А. И. Герцен в русской критике», изд. 2, М., 1953, стр. 34); Я. Е. Эльсберг считает, что брошюра «возможно» принадлежит Зайцеву («Герцен», 1951, стр. 506; по 3-му изд.— стр. 513). Не оспаривая убедительности ряда доводов Б. П. Козьмина, мы, однако, не разделяем его уверенности, в частности, авторство Зайцева ставится под сомнение отдельными сведениями автобиографического характера, имеющимися в брошюре: автор «с восторгом» приветствовал Чернышевского «еще в 1856 году», он «во многом» расходился с Герценом «с самого начала издания» «Колокола» (т. е. с 1857 г.) и т. д. А между тем Зайцеву в 1856—1857 гг. было всего 14—15 лет.

властей в известном деле княгини З. С. Оболенской (письмо Герцена от 22 августа 1869 г. См. об этом также в «Лит. наследстве», т. 63, 1956, стр. 74—78).

Примирения, признаков настоящего сотрудничества между Герценом и большинством «молодых» не принес последний год жизни Герцена *.

ГЕРЦЕН, ОГАРЕВ, ГРАНОВСКИЙ
Рельеф работы Н. А. Андреева, 1920 г.
Третьяковская галерея, Москва

Публикуемые письма Герцена к Огареву, разумеется, вносят некоторые дополнительные штрихи в картину взаимоотношений обоих корреспондентов, а равно и отношений между Герценом и Бакуниным.

---

* В т. 54 «Исторических записок», в указанной статье Б. П. Козьмина, воспроизведен краткий некролог Герцена из женевской газеты «Egalité». Вполне правдоподобно предположение исследователя, что этот сочувственный, хотя суховатый и бледный некролог был написан Н. И. Утиным. Небесполезно, в связи с этим, обратить внимание на то, что всего через три месяца в утинском «Народном деле» (№ 2 от 7 мая 1870 г.) появилась статья «Крестьянская реформа и общинное землевладение», в которой, между прочим, выдвигалось заведомо ложное обвинение против герценовского «Колокола», будто бы он (буквально: «заграничные революционеры „Колокола“») с усердием, как либералы и крепостники, старался «скрыть» противонародную «сделку» или «стачку» между правительством и привилегированными классами в деле крестьянской реформы.

Большой интерес представляет цикл герценовских писем за апрель 1869 г. Об отрицательном отношении Герцена к огаревским листовкам, обращенным к студентам по поводу мартовских волнений 1869 г. в петербургских высших школах, достаточно было известно из прежних публикаций (XXI и письма Огарева к Герцену в т. 39-40 «Лит. наследства», а также записка Герцена к Огареву от 18 апреля 1869 г. в т. 61 «Лит. наследства»). Из новых писем (например, от 21 апреля) хорошо видно, насколько беспокоила Герцена возможность опубликования огаревского листка «От стариков молодым друзьям» за подписью его и Огарева. Однако письма особенно важны тем, что они дают дополнительный материал о мотивах, по которым Герцен отказался подписать листок Огарева, да и о всей позиции Герцена тех месяцев. «Мне очень больно,— писал Герцен 20 апреля,— что я чуть ли не в первый раз не только не согласен с тобой— это бывало,—но не уступаю — или уступаю только, если нельзя поправить». При этом Герцен пояснял: «Если б не 63 год, может я и теперь предпочел бы уступить... но мое veto выращено на наших ошибках». На следующий день, 21 апреля, он повторяет Огареву: «...Я с 63 и 64 года решился стать сторожем и не допускать—сколько могу— ошибки вообще — и вовсе не допускать *сводных* промахов». Следующие за этим строки существенны для лучшего понимания позиции Герцена: «Мы сгубили „Колок⟨ол⟩" и печать за границей нашими увлечениями. Тхор⟨жевский⟩ привез мне „За пять лет" — вот наш язык и вот было знамя, во имя которого мы могли побеждать. Этот Anschlag ⟨прицел⟩, этот тон надобно снова отыскать». Герцен имел в виду сборник, изданный в двух частях в Лондоне в 1860—1861 гг. и включавший избранные статьи Герцена и Огарева из «Полярной звезды» и «Колокола» за 1855—1860 гг., который Тхоржевский привез ему в Ниццу из Швейцарии. Герцен осуждал теперь «увлечения» периода 1863—1864 гг. и тосковал по тому «знамени», под которым он выступал до 1861 г. Все это, между прочим, показывает, что несогласие Герцена с линией, все отчетливее усваиваемой Огаревым, было продиктовано не только его враждебным отношением ко всяким проявлениям необоснованного экстремизма и, тем более, прямого революционного авантюризма (которых, впрочем, в апрельских огаревских воззваниях, по сути дела, еще не было), но в какой-то степени отражало не изжитые вполне Герценом «мирные» иллюзии, как и надежды на широкую концентрацию демократических и либеральных элементов для достижения общих целей.

Конечно, и литературная форма (в широком смысле) огаревских обращений, действительно, на этот раз очень мало удачная, сильно отталкивала Герцена. Остается не совсем выясненным, отчего же Герцен не взялся сам за перо. Обращался же он с пламенными призывами к студенчеству во время волнений 1861 г.! Конечно, обстановка в 1861 г. была иной, и масштаб волнений был иным. В конце 1867 г., в объявлении о выходе «Колокола» на французском языке, Герцен высказывал мнение, что «литературная и студентская эпохи» в русском движении «так же миновали, как прежде их миновала эпоха гвардейских офицеров». «Книги, — писал Герцен, — будут выходить и иметь сильное влияние, студенты и офицеры не переведутся, но вряд ли они будут подавать тон» (XX, 107). Однако Герцен все же не мог не признать значения и нового движения среди студенчества. «Студентская история очень важна»,— писал он сыну 17 апреля 1869 г. (XXI, 367). Целесообразности обращения к студентам со стороны находившихся за рубежом старых авторитетных вождей он также в принципе не оспаривал. «Я вовсе не прочь от идеи письма к молодежи»,— заявлял он Огареву 20 апреля. А 4 мая он даже определенно утверждал: «Я буду непременно писать и печатать» (XXI, 374) *. Однако на деле Герцен тогда воздержался от активного вмешательства в события, остался в стороне. Отсутствие трибуны после ликвидации «Колокола» сыграло, как следует думать, не последнюю роль. К тому же у самого Герцена в то время не было для России — для русских общественных дел—вполне выработанной и твердой, вполне конкретной политической платформы, не было также ясных, устойчивых тактических планов. «...Мы новой России не знаем», —

* Мы разделяем предположение Е. Н. Кушевой о том, что в письме Герцена от 4 мая 1869 г. шла речь о его намерении высказаться по поводу студенческого движения («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 129).

писал Герцен 11 апреля 1869 г. Огареву. Видимо, в силу такого убеждения Герцен не решался выступить с определенными практическими положениями и лозунгами. Наконец, приходится учитывать нежелание Герцена публично вступать — прямым или хотя бы косвенным образом — в идейный конфликт с Огаревым; даже полемику с Бакуниным, расхождения с которым у Герцена были более глубокими, он колебался предавать гласности, и при жизни Герцена эта полемика так и не была опубликована. Но, как бы то ни было, отсутствие выступлений Герцена по русским делам в 1869 г. — в условиях наметившегося медленного возрождения общественного движения в России — явилось минусом для этого движения, непоправимым изъяном.

В письме от 23 апреля Герцен дал краткую, но в целом содержательную критику бакунинской листовки «Несколько слов к молодым братьям в России» (речь, несомненно, идет об этом обращении Бакунина, хотя название в письме не приведено). Признавая, что «factum» Бакунина и формой, и тоном лучше огаревского, Герцен, тем не менее, не видел в нем пользы. Он отмечал антиисторизм бакунинского подхода к общественным явлениям, возражал против анархистских лозунгов Бакунина и находил, что студенческое движение в своих реальных очертаниях никак не может служить основой для осуществления утопических, максималистских планов и стремлений Бакунина.

Шумная агитация, развернутая Бакуниным, «преследовала» Герцена чуть ли не на всем протяжении 1869 г., имя Бакунина постоянно мелькает в герценовской переписке. Герцен продолжал поддерживать с Бакуниным добрые личные отношения *, проявлял по-прежнему большую заботу о его материальных делах, активно защищал его от клеветнических нападок (обвинений в службе русскому правительству) и т. д. Герцену импонировала энергия Бакунина, независимо от направления бакунинских усилий. В то же время — «полемика с Бакуниным идет своим чередом» (из письма Герцена к Н. А. Герцен от 13 июня 1869 г., — см. выше в настоящем томе). В письме к дочери от 22 июня, отмечая весьма частые дружеские визиты Бакунина в Женеве поздней весной 1869 г., Герцен одновременно указывает, что «в общем» (надо читать — «в вопросах общественных») «идет война».

Огарев в значительной степени был солидарен с Бакуниным, и Герцен в письмах к Огареву одновременно спорит с обоими. «...Ты с Бакун⟨иным⟩ в *вашей истине* столько же далеки от истины *прикладной*, возможной **, как были первые монахи христианства»,— пишет Герцен Огареву 9 сентября 1869 г.

Совершенно особое значение получает в глазах историка письмо Герцена к Огареву из Брюсселя от 23 сентября 1869 г.

Интересен поставленный Герценом Огареву вопрос (его важность для Герцена подчеркнута самим автором письма): «Правда ли, что Бакунин в переписке и дружбе с Марксом и переводит его книгу на русский язык?». Получив в той или иной форме подтверждение (однако о дружбе Бакунина с Марксом в действительности и речи тогда не могло быть), Герцен в письме от 29 сентября 1869 г. (см. XXI, 490) пожелал успеха «бакун⟨инскому⟩ переводу Маркса» (т. е. первого тома «Капитала», который по предложению из Петербурга Бакунин начал было переводить, но бросил в самом начале работы).

Существенно и интересно все содержание письма, теснейшим образом связанное с впечатлениями Герцена от материалов состоявшегося в Базеле 6—11 сентября 1869 г. очередного конгресса I Интернационала. Герцен с первых лет существования

---

* В пору временной размолвки между Бакуниным и Огаревым зимой 1868—1869 гг. Герцен писал Огареву (см. письмо от 17 февраля 1869 г.): «Знаешь ли, какая мысль неотступно стала меня занимать? Пора бы тебе ловко, елейно и келейно — покончить ссору с Бакуниным. Писать мою статью in Bak⟨uninem⟩ я буду, но Zwist ⟨ссора⟩ не под лета». «Не вполне с ним согласный, я очень в хороших ладах»,— сообщал о Бакунине Герцен М. К. Рейхель 18 июня 1869 г. (XXI, 399).

** В своих спорах с Бакуниным и Огаревым Герцен различал истину «абстрактную» и «прикладную». 13 июня 1869 г. он писал Н. А. Герцен: «Абстрактно он ⟨Бакунин⟩ прав, но на приложении он вне возможных данных». 17 сентября того же года в письме к Огареву Герцен заявлял: «В логической консеквентности ты и отчасти Бак⟨унин⟩, вы правы, но так как события идут иным путем, то вы и останетесь предтечами и Ни одной йоты из вашей программы не осуществится — в два, три поколения» («Лит наследство», т. 61, 1953, стр. 430).

Интернационала проявлял к нему заметный интерес (см. уже упоминавшуюся статью Б. П. Козьмина в «Исторических записках», 1955, т. 54), причем интерес этот значительно возрос и углубился в 1868—1869 гг., в период Брюссельского и Базельского конгрессов. Мысли Герцена о значении Интернационала нашли отражение в письмах «К старому товарищу», которые были написаны в несколько приемов — в начале и середине 1869 г. Все хорошо помнят известные слова Ленина (из статьи «Памяти Герцена») по этому поводу: «...разрывая с Бакуниным *, Герцен обратил свои взоры не к либерализму, а к *Интернационалу*, к тому Интернационалу, которым руководил Маркс,— к тому Интернационалу, который начал *„собирать полки“* пролетариата, объединять *„мир рабочий“*, „покидающий мир пользующихся без работы“!» (В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 11).

Когда Герцен касался Интернационала в письмах «К старому товарищу», он имел в виду, как следует предполагать, в особенности материалы Брюссельского конгресса Интернационала 1868 г., которые ему должны были быть известны, между прочим, по большой серии корреспонденций П. Д. Боборыкина в петербургской газете «Голос» за август (ст. ст.)—октябрь 1868 г.**

Письмо к Огареву от 23 сентября 1869 г., которое служит ценным дополнением к письмам «К старому товарищу», вызвано, как выше отмечено, чтением материалов следующего — Базельского — конгресса. Письмо снова подтверждает интерес Герцена к Интернационалу, подчеркивает значение, которое Герцен ему придавал. «И конгресс, и обсуживание его — большой шаг вперед», — утверждал Герцен. «Я больше верю, чем когда-нибудь, в успех именно этих социальных сходок», — заявляет он со всей определенностью. Обращает на себя внимание предсказание Герцена, что «дело» (подразумевается — дело освобождения трудящихся) «пойдет ста путями, в ином месте круче, в другом мирнее».

Однако в высказываниях Герцена снова достаточно явственно звучали мотивы, родственные тем, — говоря словами Ленина, — «буржуазно-демократическим фразам», которые были отмечены в знаменитой ленинской статье — в связи с письмами «К старому товарищу» (В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 11). Герцен сильно оттеняет *свое несочувствие к хирургическим, т. е. насильственным, методам.* Нарочито резко и несправедливо характеризуя эти методы, как разнуздание дурных страстей, как резню из-за угла, «нояды и митральяды» (массовые потопления и расстрелы), он указывает: «Человечество теперь выше Нелатона — и не воображает, что на свете только хирургия и каутеризация». Здесь почти буквальное повторение формулы, встречающейся в вариантах одного из писем «К старому товарищу»: «Человечество выше Нелатона» (Нелатон — известный хирург) («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 180); слова о разнуздании дурных страстей тоже повторяют текст писем «К старому товарищу».

Следует также отметить, что Герцен в письме от 23 сентября подвергает критике основное решение Базельского конгресса — о земельной собственности, решение в пользу обобществления земли, принятое по предложению Генерального совета Интернационала, поддержанному подавляющим большинством конгресса вопреки настойчивым протестам прудонистов. Заявляя, что он никак не понимает «указа об отмене права собственности (без всякого развития)», — очевидно без подготовки, постепенности в переходе, — Герцен сочувственно ссылался на возражения, делавшиеся на конгрессе одним из делегатов — французским мелкобуржуазным деятелем Ланглуа. Герцен упрекал в том же письме даже анархиста Бакунина (по поводу его высказываний

---

* Напомним указание Ленина, что в «этом разрыве» сам Герцен видел «только разногласие в тактике» (там же).

** Как утверждает в своих воспоминаниях Боборыкин («Русская мысль», 1907, № 11, стр. 114), Герцен заинтересовался его подробными отчетами о заседаниях Брюссельского конгресса и просил Г. Н. Вырубова устроить ему свидание с автором. Публикуемое ниже письмо Герцена к Огареву от 11 октября 1869 г., написанное после встречи с Боборыкиным, говорит о последнем как об авторе корреспонденций о Базельском конгрессе в «С.-Петербургских ведомостях» (этот довольно беглый отчет Боборыкина давал гораздо меньше подробностей, чем его корреспонденции предыдущего года).

ОГАРЕВ
Рельеф работы Н. А. Андреева, 1920 г.
Третьяковская галерея, Москва

на Базельском конгрессе) в том, что он «старается стереть *личность*». Комментарием к письму от 23 сентября является отчасти герценовское письмо от 3 октября 1869 г. (давно опубликованное), где Герцен писал (уже более мягко), что он «декрет» о собственности не считает «вполне оправданным» («в самом проекте», — прибавлял Герцен, — «бездна государственного бабувизма») (XXI, 493—494).

Герцен высоко оценивал Интернационал, возлагал на его деятельность большие надежды. При всем том идейно-теоретические принципы основателей и руководителей Интернационала оставались для него не до конца ясными и приемлемыми.

* * *

Период, охватываемый публикуемой перепиской, был важен и знаменателен в истории русского общества. Тогда складывались непосредственные предпосылки для постепенного перехода к подъему освободительной борьбы. Наблюдая за происходящими в России процессами, Герцен мог улавливать, конечно, отнюдь не все*. Но многое из его впечатлений и выводов отложилось в его письмах и прежде всего — в письмах к самому близкому своему другу, к Огареву. Умер Герцен в преддверии следующего этапа революционного движения. Думается, что новый общественный подъем мог бы вызвать в Герцене новые силы, новую энергию, которые позволили бы ему внести много важного и значительного в революционное движение 1870-х гг.

---

* Любопытно отметить, что Герцен успел откликнуться в своих письмах (к сожалению, лишь в самой общей форме) на отдельные части крупнейших произведений двух из «властителей дум» нового поколения (семидесятников)—«Исторические письма» Миртова-Лаврова (см. XXI, 109) и «Что такое прогресс?» Михайловского (там же, 329). Отзывы Герцена носили положительный характер, особенно о части миртовской работы.

1

8 августа ⟨1868 г.⟩. Суббота.

Wesen[1] (nicht des Christent⟨um⟩ v⟨on⟩ Feuerbach) *
Валдштетского озера

Здесь, без сомнения, одна из изящнейших точек Швейцарии — всё есть: огромные горы, в которые вставлено озеро, и, главное, нет такого наплыва англо-русской сволочи.— Беда наша, что и мы, как толпа, тащимся большими дорогами — и останавливаемся в больших центрах. Если б можно было предвидеть — мы прожили бы здесь (за полцены) — месяц.

Итак, в будущую субботу в Prangins.

10 — Цюрих, 11 — Фрибург — там два дня — и Prangins. Мне кажется, что пранжинская поездка — какой-то перелом — к лучшему или худшему, не знаю. Закрытие «Колокола» и необходимый, наконец, выбор постоянного жительства хоть на год — сверх всего внутреннего — делает линию, т. е. черту. Особенно хорошего ничего не будет. Лишь бы можно было спасти Лизу — в ней сила огромная и заброшена — этого видеть нельзя — да досуг для занятий. О жизни вместе с тобой и мечтать нечего — мы оба так основательно все сделали, чтоб этого не было, что пенять не на кого,— но, может, можно жить вблизи. На Сашу я смотрю как на отрезанный ломоть. Я ему писал, что буду ему платить не жалованье, а *проценты* с его доли, — могу отдать и капитал — пусть делает, как знает. Но положение Таты затруднительно — ни от N⟨atalie⟩, ни от нее самой помощи не будет. Я ей не могу доставить той жизни, которая бы ей шла. Мейзенб⟨уг⟩ не очень хочет жить с Саш⟨ей⟩ и Татой, и Тата тоже. Вот и устраивайся. Виной всему я — и я никак не могу понять, как ты отвергаешь прямую солидарность прошлых поступков и разрастающихся последствий, т. е. ответственность. Есть случаи запутанные, а тут и запутанности нет... козыри не вскрыты.

Прощай.

Я не могу решиться писать к Тхорж⟨евскому⟩, не зная, где он. Скажи ему, что я к хозяину Prangins сегодня напишу[2]. На условия я согласен. Самое трудное, вероятно, будут визиты, надобно с хозяином вперед сговориться.

[1] Настоящим письмом впервые устанавливается пребывание Герцена в Везене. Письма адресованы в Женеву, где жил тогда Огарев.

[2] Герцен хотел, по-видимому, написать хозяину отеля «Château Prangins». Письмо это неизвестно.

2

25 окт⟨ября 1868 г.⟩. Воскресенье. Lyon.
Hôtel d'Europe

Все с нарочитой исправностью и вящей своевременностью получено — сиречь два письма и два вороха газет.

Итак, операцию херим. Аминь[1].

В Лозанну и Цюрих N⟨atalie⟩ хотела ехать—чтоб быть близко на время операции. В Лионе можно устроиться на зиму — и учебных пособий больше, но, кажется, в Ниццу тянет сильнее. Я эту зиму предоставил желанию N⟨atalie⟩ и Таты. Даже то — ехать после 1 ноября или 1 декаб⟨ря⟩,— в hôtel'е жить нельзя, все выходит дорого. Нужно ли заезжать в Швейцарию всем, не знаю. Я приеду непременно.

* Везен (не христианства Фейербаха). Игра слов: название местечка Wesen значит по-немецки также «сущность». «Сущность христианства» («Wesen des Christentum») —название книги Фейербаха.— *Ред.*

За совет Саши зачем сердиться, и твой совет хорош — да он же и последовал ему,— а посему можешь ему писать: Specola—Firenze[2]. Он последовал и моему совету и имел разговор с Горчаковым-фисом[3].

Записки Караб⟨анова⟩ не мы издаем, и вопрос может только быть в том — *окупятся они или нет?* А вздор в них или злато — все равно[4]. Чернецкого — несмотря на его капризы — надобно же спасти[5].

Статьи в «Неделе»— бонпринсипны *, но большей частью бездарны. Что ты нашел в «Наших призраках»?[6] Ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩ **.

В объявлении «Пол⟨ярной⟩ звезды» очень глупо стоят слова «Aphorismata» — надобно же было сказать: «ответ Крупову»[7].

В речи Вырубова не нужно большой шрифт, и все вещи в скобках напечатаны теми же буквами — это безобразие[8]. Когда же Чернецк⟨ий⟩ постигнет красоту печати?

В «Поляр⟨ной⟩ звезде» можно напечатать: «Следующая книжка, *служащая продолжением*, выйдет в 1869 году». Мы десять раз печатали, что «Пол⟨ярная⟩ звезда» будет состоять из 20 *листов*, и выдаем 10 лист⟨ов⟩. На заглав⟨ном⟩ листе можно ничего не печатать[9].

На каком расчете ты себя приговорил к смерти через два года? Наше пищеварение нас вынесет до фазийских лет[10].

Не знаю, от погоды ли или от отсутствия ванн и воды, но я себя здесь не так свежо чувствую, как в Vichy,— хоть я и здоров.

Письмо Тхорж⟨евского⟩ получил[11] — не худо бы послать 1 «Кол⟨окол⟩» в «Charivari» (Monsieur le rédacteur en chef du *Char⟨ivari⟩*. Paris и в «Кладерадачь» в Берлин,— отметив чертой письмо исправника к даме. Это прямо для них[12].

Небольшой опыт для Пятк⟨овского⟩ написал. Увидим границы их свободы тиснения[13].

Затем прощай.

Спиридову[14] 50 фр⟨анков⟩ пошлю — но он дурак — я ему писал через Косту — и от Коста получил ответ — зачем же он послал в Женеву[15]?

А в Испании дела плохи[16].— Мертвые не идут в жизнь.

Ольга пишет тебе разные любезности. Письмо ее умно и дельно. Вот и она пошла.

☞ Тата просит, если книг не очень **много** из Берлина,— прислать сюда, адресуя Hôtel d'Europe.

Скажи Тхорж⟨евскому⟩, что Ольга **очень хорошо** и весело живет в Флоренции — их адрес:

Via del Presto № 11.
Piazza S. Spirito
Chez m-me Laurent.
Florence.

— «Колок⟨ола⟩» № три, четыре следует послать ***.

[1] В феврале 1868 г., во время припадка, Огарев сломал себе ногу. Мнения врачей о необходимости и возможности операции расходились. Вопрос этот долго обсуждался. См. об этом выше, в публикации писем к А. А. Герцену.

[2] Совет Огарева, по-видимому, касался служебной деятельности А. А. Герцена во Флоренции после его конфликта с Ф. Парлаторе — см. об этом в письмах Герцена к А. А. Герцену.

[3] Сын министра иностранных дел А. М. Горчакова был младшим секретарем посольства в Берлине. А. А. Герцен обращался в посольство 19 октября 1868 г. по поводу поездки в Россию (см. XXI, 121).

---

* проникнуты хорошими принципами (от франц. «bons principes»).

** Например (лат.).

*** Начиная со слова «Тата» до конца — на отдельном листке.— *Ред.*

[4] Павел Федорович *Карабанов* (1761—1851) — известный собиратель и знаток русской истории и древностей, родственник Потемкина, автор ряда работ, изданных посмертно. Рукописная копия его «Записок» входила в архив П. В. Долгорукова (см. письмо № 5). В существующих библиографических указателях русской печати за границей («Русская подпольная и зарубежная печать», М., 1935; «Вольная русская печать в Российской публичной библиотеке». Под ред. Андерсона. СПб., 1920) «Записки» Карабанова не значатся. Вероятно, издание их в типографии Чернецкого осуществлено не было.

[5] В связи с прекращением «Колокола» встал вопрос о судьбе типографии, которая еще в 1866 г. была передана в собственность Чернецкого. Предполагавшиеся издания «Былого и дум», так же как и нерегулярный выход «Полярной звезды», не могли обеспечить типографию работой. В числе других проектов возникали планы объединения Чернецкого с некоторыми женевскими книготорговцами, о чем идет речь и в следующих письмах. Эти планы не осуществились.

[6] *«Наши призраки»* — статьи Д. Д. Минаева; были напечатаны в №№ 32 и 34 «Недели» за 1868 г.

[7] Объявление о VIII книжке «Полярной звезды» появилось в № 13 «Kolokol'a». В «Полярной звезде» «Aphorismata» дана с подзаголовком «По поводу психиатрической теории д-ра Крупова».

[8] Речь Г. Н. Вырубова на II Конгрессе «Лиги мира и свободы» печаталась также в № 13 «Kolokol'a» в связи со статьей Герцена «Русские на Бернском конгрессе» («Les Russes au congrès de Berne»). Герцен считал необходимым, чтобы речь Вырубова была дана как своеобразное приложение к его статье, что не было выполнено типографией.

[9] Эти замечания Герцена были учтены.

[10] Джемсу Фази, швейцарскому политическому деятелю, в 1868 г. было семьдесят два года.

[11] Письмо С. Тхоржевского неизвестно.

[12] Речь идет об анекдотическом письме одного исправника Симбирской губернии к помещице, приведенном в заметке «La liberté individuelle en Russie» в № 13 «Kolokol'a». Усматривая в этом документе свидетельство «политического безумия правительства», Герцен считал необходимым рекомендовать его в известные французский и немецкий сатирические журналы.

[13] Речь идет о первых пяти главках из цикла «Скуки ради». Они были опубликованы в России в № 48 «Недели» за 1868 г. за подписью «И. Нионский». О сотрудничестве Герцена в этой газете, предложенном ему ее фактическим редактором А. П. Пятковским, см. в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 137—145 и 287.

[14] Петр Александрович *Спиридов* — участник революционного движения шестидесятых годов, был связан с кружком Ишутина; с 1866 г.— эмигрант. См. о нем в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 138.

[15] Речь идет о докторе *Л. Косте*. Комментируемый текст позволяет датировать записку Косты («Лит. наследство», т. 62, стр. 742) концом шестидесятых годов.

[16] В сентябре 1868 г. в Испании произошла пятая буржуазная революция. Королева Изабелла бежала из страны. Однако буржуазные силы в Испании оказали противодействие требованию народных масс — установить республику — и весной 1869 г. монархия была восстановлена.

3

⟨Ницца.⟩ 17 янв⟨аря 1869 г.⟩. Воскресенье

Вот последние новости. Лиза все же не ушла от вариоли[1]. N⟨atalie⟩ ее слишком рано (вопреки моему мнению) перевела на верх и пустила к себе. После двух дней легкой, едва заметной лихорадки у нее высыпала местами красная сыпь. На этот раз я отправился за русским придворным доктором Рейманом[2] — и очень доволен. Это человек новой медицины, он обследовал ее и решил так: 1-ое. Это не скарлатина. 2. Это сложная корь с вариолей, в силу чего обе болезни являются слабо, но беречь следует больше, потому что корь опаснее. 3. Что у ней железы в горле велики и распухли, что̀ может впоследствии сделать много неприятностей — почему со временем советует их вырезать. — Лихорадки почти совсем нет. Лиза весела, шумит, Тата и N⟨atalie⟩ ей читают. Я думаю, в неделю все пройдет. Завтра Рейман будет опять.

Вторая медицинская новость состоит в том, что Р⟨ейман⟩ говорит, что пятны Таты останутся almeno * месяца два еще. Третья, что мы с Щер-

* по меньшей мере (итал.).

баковым (Шарановым alias *)[3] нашли снова много сахару в моей моче. Все вместе взятое бесконечно скучно. И самое страшное, что я и в перспективе не вижу ни покоя, ни чего особенно хорошего.

С чего ты взял, что я делаю штудиум Бальзака? Я писал, что от нечего делать прочел две-три повести его и прибавил кой-какие замечания — но Бальзака и других я читаю за неимением «От⟨ечественных⟩ зап⟨исок⟩» etc.[4] Десять или двенадцать дней тому назад ты грозил их прислать «дня через два». Я уж à la Dolgoroukoff начинаю подозревать, что ты их ссужаешь Цамперини или Майору[5].

Выруб⟨ов⟩ еще здесь — ничего, по крайней мере, он не враг. Он ездит на велосипеде и становится все больше доктринером и галлолюбом — в нем пол-литра Конта et un demi Compte non rendu **[6]. Сегодня погода превосходная, но вообще сезон ужасный, холодный и сырой — inde *** болезни.

Всё возможное делайте, чтоб ассоциация Чернецк⟨ого⟩ удалась — я готов Vorschuß и Nachschuß **** сделать — время его пристроить настало[7].

18. Понедельник

Сыпь у Лизы продолжается. Но она весела, лихорадки не много, язык почти хорош. Вчера был Вернадский[8]— он того же мнения, что это средняя сыпь,— *оспо-корь*. Обе кузины Вырубова занемогли также, и двое детей Маврокордато[9] в оспе. Зараза не проходит — но болезнь не имеет ничего важного и ничего такого страшного, как у Таты.

Я не имею с неделю русских газет — что это, опять выписывание через Георга, что ли? Или просто небрежность в посылке. Попроси Тхорж⟨евского⟩. «От⟨ечественных⟩ зап⟨исок⟩»[10]—нет, и вообще ни писем, ничего — кроме «Philos⟨ophie⟩ positive»[11].

Рейман будет в 4 часа, и потому письмо оставлю до завтра — напомни Тхор⟨жевскому⟩, что он хотел тоже писать раз в неделю.

Затем до завтра.

A propos, я буду помечать число получения газет. Не почта ли это по случаю грецких орехов?[12]

Рейман был — говорит, что болезнь en déclin *****.

19. Вторник

Лиза совсем поправляется — и я очень рад, что в одном письме ты узнаешь и начало болезни и конец.

Теперь я очень желал бы знать — пропало письмо и «От⟨ечественные⟩ зап⟨иски⟩» — или не было послано ни то, ни сё. Послед⟨нее⟩ письмо твое было от *12⟨-го⟩*[13]. Газеты *вчера* получил 3 № — от 14⟨-го⟩[14].

Выруб⟨ов⟩ бывает всякий день — спорит и говорит много.

Если будет что сообщить о Лизе — напишу тотчас. Я полагаю, что дело можно считать конченным. Если нечего писать — подожду письма от тебя или Тхорж⟨евского⟩.

A propos, мое последнее письмо было послано утром 14-го[15].

---

* иначе называемым (лат.).
** Объяснение игры слов см. в примеч. 6 к настоящему письму.— *Ред.*
*** отсюда (лат.).
**** аванс и доплату (нем.).
***** к концу (франц.).

[1] В декабре 1868 г., в Ницце, заболела оспой («вариолью») Тата Герцен, а вслед за ней Н. А. Тучкова-Огарева и Лиза.

[2] Гергард Альфредович *Реберг* (Герцен ошибся, назвав его Рейманом, о чем сообщает Огареву 27 января 1869 г. — см. XXI, 277) — бывший врач одного из великих князей. Живя в 1868—1869 гг. в Ницце, лечил семью Герцена.

[3] Алексей Яковлевич *Щербаков*, эмигрант, один из обвиняемых по делу о «Казанском заговоре», жил в Ницце в конце 1868 — начале 1869 г. под псевдонимом Шаранова. Щербаков имел почти законченное медицинское образование. См. о нем «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 726.

[4] В письме от 9 января 1869 г. Герцен сообщал Огареву: «Перечитал две-три повести Бальзака — и очень доволен» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 426). Какие именно — установить не удалось. См. также ответ Огарева от 12 января 1869 г. («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 502).

[5] Итальянец, член бакунинского Альянса *Цамперини* и доктор *Майор* — женевские знакомые Огарева.

[6] Герцен хотел сказать, что Вырубов утратил свою самостоятельность, что он сознательно следует за своим другом — позитивистом Э. Литтре («пол-литра») и неосознанно («Compte non rendu») подчиняется философии Конта («un demi Compte»).

[7] См. примеч. 5 к письму № 2.

[8] *Бернацкий* — врач, лечивший семью Герцена. Герцен познакомился с ним в Канне в марте 1865 г. в связи с болезнью Лизы.

[9] О ком идет речь, установить не удалось.

[10] Декабрьскую книжку «Отечественных записок» Огарев выслал Герцену только 18 января 1869 г. (см. «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 505).

[11] Журнал, издававшийся в Париже Г. Н. Вырубовым в сотрудничестве с Э. Литтре.

[12] В ответном письме от 21 января 1869 г. Огарев сообщил Герцену, что начал писать сатирическую поэму «Восточный вопрос в панораме». Сообщение заканчивалось словами: «Спасибо тебе за грецкие орехи, постараюсь их попробовать» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 506). По-видимому, Герцен сообщил Огареву какую-то неизвестную нам информацию о греческих делах, чрезвычайно обострившихся в это время. В поэме Огарева уделено большое внимание разоблачению замыслов Наполеона III и Александра II по отношению к Греции. Герцен, видимо, допускал, что эти события могли усилить внимание полиции к его корреспонденции.

[13] Огарев написал письмо Герцену 14 января («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 504), однако неизвестно, когда оно было отправлено.

[14] Речь идет о трех номерах русских газет, посланных Огаревым 14 января. Очевидно, это «Голос», «недоразумения» с которым выясняются в письмах этого времени.

[15] Это письмо опубликовано в «Лит. наследстве» (т. 61, 1953, стр. 427). Огарев сообщает о его получении 17 января (там же, т. 39-40, 1941, стр. 504).

4

⟨Ницца.⟩ 29 янв⟨аря 1869 г.⟩. Пятница

Знаешь ли ты, чем, сверх глубины, похож на море. Тем, что легчайший ветер делает на твоей поверхности конфузию и беспорядок. Какой-то поляк из Самбора пишет письмо[1]. Ты знаешь, что не я, а ты брал уроки у пана Ежовского, ученика Гродека, у тебя направо — Чернецк⟨ий⟩, налево — Тхоржев⟨ский⟩ — за ними Жихонь и Данич, возле Мечников, знающий по-польски, Бакунин, думающий, что знает, Патек, Чапек, Кашперовский, Четвержакевич etc., etc.[2] Далее — ты знаешь, что читать рукописное на незнакомом языке труднее печати — и ты в волнении посылаешь мне письмо — с резолюцией: «Отвечай на него». Но какой-то комиссионер из Цюриха желает знать, пришло ли письмо[3]. Тхорж⟨евский⟩ дает вещий совет — отвечать, что письмо пришло, но что меня нет. Тут и время, стало, выиграно было бы... Considerant * все это, посылаю письмо обратно и прошу одного из ста поляков — перевести и переслать без оригинала[4]. В Цюрих писал о получении.

Что ты заплатил за перевес письма — это явная небрежность почты: *я сам* давал вешать, мне тоже казалось, что письмо двойное.

---

* Принимая во внимание (франц.).

Сегодня отправляю сильную тетрадь в редакцию «Недели» — увидим, что будет[5]. Это первая статья после ⟨18⟩57 года, которая будет напечатана без твоего воззрения.

Памфлет[6] и что угодно в форме письма посылать можно.

Скажи Тхор⟨жевскому⟩, чтоб настоятельно и наступательно требовал 7 недостающих ⟨№⟩№ «Голоса» — без отговорок, иначе я напишу Краевскому письмо. Прошу его об этом мне написать.

Отчего ты не читал статью о духоборц⟨ах⟩ в октяб⟨рьском⟩ «Вест⟨нике⟩ Европы»?[7]

ЖЕНЕВА

Раскрашенная литография, 1850-е гг.

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

Слышали ли вы, что отец Утина промошенничался и что его сто домов будут продавать с публич⟨ного⟩ торга?[8]

Дождь беспрерывный, солнца совсем не видать. Мое воображение недосягаемо, чтоб представить себе возможность такой зимы в Ницце.

Санитарное состояние всех блестящее.

Прощай.

Рукой Н. А. Герцен:

Милый Ага, жду с нетерпением обещанное описание «Дня», или *мемуары*, как ты их называешь в последнем письме[9]. Обнимаю и целую тебя.

Тата

[1] Письмо это, так же как и фамилия автора, заподозренного Огаревым в сумасшествии, неизвестны. По словам Огарева, в этом письме содержалась просьба «о переводе и издании на русском языке какого-то классического сочинения с латинского — для ниспровержения русского правительства» («Лит. наследство», т. 39-40, стр. 512).

[2] Г.-Э. *Гродек* (1762—1826) — с 1803 г. профессор виленского университета, воспитавший группу филоматов.— Юзеф *Ежовский* (1794—1855) — один из лучших учеников Гродека. После процесса филоматов в 1823 г. был выслан из Вильно. Благодаря влиятельному заступничеству остался в Москве, был профессором античной литературы в московском университете, где его лекции слушал Огарев.— *Жихонь* — польский эмигрант, друг С. Тхоржевского, служивший в его книжной лавке. — Юлиан *Данич* — польский эмигрант, наборщик в типографии Чернецкого.— Об Л. И. *Мечникове* см. «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 388—394. В конце Герцен в шутку называет ряд, по-видимому, вымышленных чешских и польских фамилий.

[3] Огарев считал, что поляк из Самбора и комиссионер из Цюриха — одно и то же лицо (см. «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 512).

[4] Огарев прислал это письмо в переводе Тхоржевского (см. ниже письмо № 6).

[5] Вторая часть очерков из цикла «Скуки ради». Напечатана в № 10 «Недели» за 1869 г.

[6] Поэма-памфлет Огарева «Восточный вопрос в панораме. Рифмованные строчки» была навеяна европейскими конференциями по восточному вопросу. Издана отдельной брошюрой в Женеве в 1869 г.

[7] Статья Ф. Ливанова «Молокане и духоборцы в Украине и Новороссии (XVIII век)» в №№ 10 и 11 «Вестника Европы» за 1868 г.

[8] Ложный слух, опровергнутый Огаревым в письме от 18 февраля 1869 г.: «Отец Утина и не разорялся, а только продал *один* дом, потому что продажа была выгодна» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 522).

[9] См. примеч. 1 к письму № 10.

5

〈Ницца.〉 31 янв〈аря 1869 г.〉. Воскресенье

Сейчас отослал Чернецк〈ому〉 «Прибавл〈ение〉» в форме письма...[1] Ну, отче, отличились вы — *в два месяца* составили такую белиберду, что я остановил печать и рассылку[2].—Болезнь Таты всему виновата. Я хотел в Женеве прожить almeno две недели — и тогда все уладилось бы. Вот главное: 1-ое, статью Мам. выбросить[3]; 2-ое, половину ненужной дряни из записок Долгор〈укова〉 — выбросить[4]. Я почти уверен, что ты, *не читая*, отослал их в типографию. Я отложил *для выбора*, а не для сплошного печатанья бессмыслицы. Да если б я второпях отъезда это сделал — то ты должен бы был остановить. О письме Дубельта я писал отсюда[5]. Есть еще письмо Бенкенд〈орфа〉 к Долгорук〈ову〉 преуморительное[6]— небось их не поместили, а анекдоты в похвалу Чернышева etc., etc.[7] Ни заглавий, и вообще никакого толка. Орфографию соблюдать можно в официальных бумагах — ну, а в копиях? в рассказах?— Словом, я *печать остановил*, и если успело письмо — *рассылку* тоже. Таким безобразием не хотелось бы проститься с публикой. И зачем непременно 2 листа — можно $^1/_2$.

Я действительно не понимаю —зачем вы всё горячку порете, ничто не торопит, все можно обделать тихо. Если б Долг〈оруков〉 был весь прислан, я остановил бы сначала.

Ты как-то на меня сердился, не поняв моего рассказа о Тхорж〈евском〉, который говорил: «С Ник〈олаем〉 Плат〈оновичем〉 в высочайшей степени трудно, он все думает об музыке и математике — и не отвечает»... Alles hat seine Zeit *, батюшка, и всякая работа имеет, должна иметь свою ремесленную часть. Если ты вспомнишь, что мы окружены ненавистью и завистью, то поймешь, что я не привередничаю — и не сдуру фр〈анков〉 100 бросаю в печь. (Чернец〈кий〉 добродушно за свои вины — берет с меня).

Насчет ассоциаций — я вижу, не будет ничего — и ума не приложу, как от него отделаться. 5000, разумеется, не дам. Худшее в том, что он мне начинает надоедать. Я говорил о какой-нибудь помощи в 1000 фр〈анков〉 — и то предполагая отделаться от него на веки веков.

Прощай.

Погода здесь идет к теплу.

Топить в спальной перестали, и окны раскрыты. Хотя сыро и неясно.

Требовал ли Тхоржевский 7 первых №№ «Голоса»?

[1] «Ответ г. Вырубову» (см. примеч. 8 к письму № 2).

[2] Составление «Supplément du „Kolokol"» было начато в декабре 1868 г.

[3] Кто такой *Мам.*, выяснить не удалось. Статья его в «Supplément du „Kolokol"» помещена не была. В публикации А. Аскарянц и З. Кеменовой в т. 39-40 «Лит. наследства» это сокращение также не расшифровано («Мам〈?〉, статью я не самодуром

* Всему свое время (нем.).

решил печатать», стр. 512). Вероятно, речь идет о «малороссе» — Т. Комарове (Чаплии) — см. «Лит. наследство», т. 63, 1956, стр. 697—699.

[4] Часть «Записок» П. В. Долгорукова была издана в 1865 г. в Женеве. После смерти Долгорукова его бумаги по завещанию перешли к С. Тхоржевскому, продолжившему публикацию «Записок». Их характеристика содержится в заметке Герцена «Документы и бумаги князя Петра Долгорукова» («Supplément du „Kolokol"»): «Любители „интимной" истории найдут в этом собрании в высшей степени интересные откровения, касающиеся различных эпизодов русской истории XVIII в. и отчасти нашего» (XXI, 296). См. также публикацию Н. Н. Захарьина в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 126—132.

[5] Письмо Л. В. Дубельта, в котором содержались материалы, компрометирующие русское правительство, случайно попало в число второстепенных бумаг П. В. Долгорукова, отобранных Герценом и отложенных на продажу, и было продано С. Тхоржевским.

[6] Письмо Бенкендорфа от 14 марта 1844 г. опубликовано в «Supplément du „Kolokol"».

[7] Герцен имеет в виду заметку «Из записок Карабанова (изустное предание граф⟨ини⟩ Анны Ирод. Чернышевой)», входившую составной частью в публикацию архива П. В. Долгорукова в «Supplément du „Kolokol"». О «Записках» П. Ф. Карабанова см. выше, в письме № 1.

6

⟨Ницца.⟩ 4 февраля ⟨1869 г.⟩. Четверг

Кажется, природа дает амнистию или отдых. Третьего дня была гроза, вчера оттепель, сегодня все ярко и светло — апельсины, как золотые, и птицы поют. А посему и на душе легче и светлее.

Брошюра В⟨ихерского⟩ очень мила[1]. Надо бы ее распространить. Пусть Т⟨х⟩ор⟨жевский⟩ пошлет 4 экз⟨емпляра⟩ Visconti и 2 в Cannes Dr. Bernacki.

Два письма от тебя и одно от Тхор⟨жевского⟩ получил[2]. Посылая польское письмо, ты, может, *думал* написать о его содержании — а написал только о содержании черепа писавшего. «Он явным образом сумасшедший»[3]. Тхор⟨жевский⟩ прислал перевод.

Надеюсь, что ты не пропустил второй статьи о «Колоколе» в «Моск⟨овских⟩ вед⟨омостях⟩»?[4] Иначе я ее пришлю, она не была отмечена. «Голос» все же приходит неаккуратно, после 8⟨-го⟩ вдруг 15 и 16. Прошу вытребовать от Георга 7 первых №№ или пусть он даст письменно ответ, что это невозможно — а я напишу к Краевскому.

Над стихами и особенно над необычайными рифмами (которые мне приходилось Тате толковать) похохотали от души.

А «настурцию» ты украл у Языкова.— Все было бы хорошо, если б в приступе было меньше «навозу» и «вони». Заметь, что сама природа «вонью» заключает, а не начинает. Это ты мог бы исправить. До «Пол⟨ярной⟩ зв⟨езды⟩» далеко — пусти их так в ход. Предложи, пожалуй, Жуков⟨скому⟩ в «Народ⟨ное⟩ дело»[5]. Этим путем мы узнаем, продолжается оно или нет. Я думаю, что нет. Каковы бездарники— мы им дали пьедесталь прекращением «Кол⟨окола⟩»— а они и на нем не умели выехать?[6]

Теперь о «Колоколе». Ты всегда был мужем правды, и потому тебе грешно сердиться за мой упрек. Неужели с 4 декабря нельзя было порядком списаться? Неужели нельзя было прислать отрывки, напечатанные из Долго⟨рукова⟩? И неужели — если я, сконфуженный депешами — не разобрал долг⟨оруковские⟩ бумаги, особо отложенные, следовало печатать всякий хлам?* Каким образом Тхор⟨жевский⟩,— советующийся

* Вот, что ты пишешь: «Долг⟨оруковские⟩ записки у меня были только те, которые ты отобр⟨ал⟩,—и когда я из них половину выкинул, то получил выговор, почему нет *такой-то, такой-то* — тогда я их *все* передал Чернец⟨кому⟩»[7]. Стало, ты это сделал насмех — отчего ж ты не дал ему *такой-то* и *такой-то*, а эти такие были исторические письма Бенкенд⟨орфа⟩ и Дуб⟨ельта⟩. Тебе, Огар⟨ев⟩, нехорошо оправдываться такими средствами.

Если они были не у тебя — что же ты не спросил у Тх⟨оржевского⟩?— *Примеч. Герцена.*

обо всем, *мог продать письмо Дуб⟨ельта⟩* — и когда я именно писал об нем,— если б ты ему сообщил[8].

Но «Кол⟨окол⟩» выйдет к 10⟨-му⟩, и, стало, предадим это забвению. К тому же это финал.

Ты хотел издать «Приб⟨авление⟩» к рус⟨скому⟩ Новому году — я не торопил, но отсрочил. Caro mio, сказать, что от 4 декаб⟨ря⟩ до 29 янв⟨аря⟩ (день посылки в Ниццу mise en pages *) не было времени — вопиет к силам небесным.

Затем все ладно. Елизавета Английская сегодня отправляется в Великобританию[9]. Хотя важных дрязг не было—но не вовсе мирно она отошла. Место хорошее, при какой-то леди, 550 фр⟨анков⟩ в год. Я доволен — она очень портила Лизу и грубостями (обоюдными) и вперяя в нее английски-холопский взгляд на богатство и аристократию.

От Сат⟨иной⟩ опять письмо и опять ни полслова о деньгах. Меня это бесит. Зачем же она писала «деньги готовы»?

Очень рад вестям о Мерчинском[10].

Прощай.

Письмо Дуб⟨ельта⟩ у меня нейдет из головы — я пишу Тхор⟨жевскому⟩, чтоб съездил к Долг⟨орукову⟩[11] и взял копию,— лучший брильянт утратил.

3 часа после обеда

Жду не без волнения ответа из редакции «Недели»[12] (он может быть в понедел⟨ьник⟩) — я сделал по соглашению с Пятковским и по последнему договору с Мерчинс⟨ким⟩. Но все же не желал бы иметь на своей совести беду.— Третью статью для них я начал — в ней будет и то о Женеве, что я не напечатал в «Пол⟨ярной⟩ звез⟨де⟩»[13].

Не знаю, что тебя сердило в «Вест⟨нике⟩ Европы»,— и он, и «Русский вестник» пусты[14].

Еще adieu, прощайте.

[1] Брошюра польского эмигранта Ф. Вихерского «Письмо к генералу Ф. Ф. Трепову» была напечатана в 1869 г. в типографии Чернецкого. См. «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 738—741 и т. 63, 1956, стр. 264.

[2] Письма Огарева от 1 и 2 февраля опубликованы в «Лит. наследстве», т. 39-40, 1941, стр. 511—513. Письмо С. Тхоржевского неизвестно.

[3] См. письмо Огарева от 26 января 1869 г.— «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 508—509.

[4] В № 6 «Московских ведомостей» от 9(21) января 1869 г. приводилось сообщение из брюссельского официоза русского правительства — газеты «Nord»— о прекращении «Kolokol'a». В номере «Nord» от 13 января говорилось: «Г-н Герцен в письме к другу своему и сотруднику г. Огареву сознается в бессилии продолжать борьбу против здравого смысла и любви к порядку, которыми отличается русская нация». Оперируя тенденциозно вырванными фразами из «письма к Огареву», газета заключала: «Таково надгробное слово, произнесенное самим г. Герценом над могилой целой партии, в которой он был глашатаем и Петром Пустынником и которая исчезла перед здравым смыслом и духом порядка и согласия, коими отличается русский народ».

[5] Поэма-памфлет Огарева «Восточный вопрос в панораме», написанная в форме раешника, была прислана в письме от 1 февраля 1869 г. на имя Лизы Герцен. Говоря о «настурции», Герцен имеет в виду строки из поэмы Огарева: «Мне бы, говорит, хорошо — и в салате настурция. Сам я греков не ем, ест нас Турция».— Упоминаемый *Языков* — Михаил Александрович, петербургский приятель Белинского и И. И. Панаева, славился своим остроумием. Его остроты и каламбуры Герцен нередко приводил в дневнике и письмах сороковых годов.

Что касается «приступа» к поэме, которым Герцен остался недоволен, то в ответ на его критику Огарев писал ему 6 февраля: «Выбрось в поэме первые 4 стиха и начинай просто: „Небось, небось, мои боярыне и баре“ и пр.» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 513). В таком виде поэма и была напечатана, но не в «Народном деле», а отдельной брошюрой (Женева, 1869, 7 страниц).

[6] Перерыв в издании «Народного дела» был вызван выходом из состава редакции Бакунина и Жуковского и отказом Элпидина продолжать печатать журнал в своей типографии (см. «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 690).

* верстки (франц.).

[7] Неточная цитата из письма Огарева от 2 февраля 1869 г. («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 512).

[8] См. примеч. 5 к предыдущему письму.

[9] Горничная Н. А. Тучковой-Огаревой, приехавшая с ней из Англии.

[10] В. Мерчинский уехал с сыном в конце 1868 г. в Петербург. От него долго не было вестей. В письме от 1 февраля Огарев сообщал о полученных, наконец, известиях («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 512). Быть может, с В. Мерчинским Герцен послал в «Неделю» вторую часть очерков из цикла «Скуки ради».

[11] К В. П. *Долгорукову*, сыну П. В. Долгорукова.

[12] О получении ответа из редакции «Недели» Герцен сообщил лишь в среду, 17 февраля (см. ниже письмо № 11).

[13] Очерк «Альпийские виды. Женева» — XII главка «Скуки ради». Ср. также ниже письмо № 11, где Герцен сообщает о «совсем переделанной» статье о Женеве. Эти письма подтверждают правильность предположения В. А. Путинцева о том, что в «Неделю» была послана более полная, чем в VIII книжке «Полярной звезды», редакция очерка Герцена. Очерк полностью напечатан не был в связи с приостановкой «Недели» на полгода в мае 1869 г. (см. об этом публикацию В. А. Путинцева—«Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 138).

[14] См. письмо Огарева от 28 января 1869 г. («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 510—511).

7

⟨Ницца.⟩ 7 фев⟨раля 1869 г.⟩. Воскресенье

Четыре дня тому назад ты мне писал о «Моск⟨овских⟩ вед⟨омостях⟩» с бюджетом — их нет[1]. Три дня тому назад Чернец⟨кий⟩ писал о высылке «Приб⟨авлений⟩» sous bande * — до сей минуты ничего. Вот тебе и почта и легкость сношений. Когда и где мы успокоимся?

Вчера был в театре с Татой (событие!) — смотрели Равеля, который тебя, вероятно, тешил в 1845—1846 году в Palais Royal'е. Без зубов, с морщинами, а все то же — те же ужимки и фарсы. Тата смеялась от души. Лизу я не повез, потому что содержание пьесы больно скабрёзно[2].

От Саши письмо — пишет опять о желании покинуть Спекулу; я понимаю это желание: служить семь часов в день страдательным лаборантом — дело, которое мы с тобой не вынесли бы года. Но what next? ** О России и думать нечего — Америка, Англия и... разве Париж. В Париже надобно больше самодельной работы—но в Нью-Йорке с Каппом, Шурцем von der einen Seite *** и с Нефт⟨елем⟩, Вилихом von der andern **** — можно осмотреться и даже финансово устроить себя[3]. Ему все легко — зная четыре, пять языков и имея, во всяком случае, до 8000 верного дохода.— Хотя ты и отвечаешь мне формулой: «О всех вопросах в другой раз» или — «в следующ⟨ем⟩ письме» — всё же желаю знать «опинию» *****.

Брошюру Вихерского — покупают у Visconty.

Несмотря на все нарочитые бедствия нашей бесплодной публицистики — я готов с половины марта начать печатание «Поляр⟨ной⟩ звезды», если ты что-нибудь имеешь уже готового.— Напиши[4].

Лиза после болезни стала еще здоровее. Вообще для нее — как я писал в прошлую зиму — здешний климат необыкновенно полезен. Открытые окны и сад сильно помогают. Сегодня карнавал — бросанье цветов и конфект. Тата и Лиза едут.

8 февр⟨аля⟩ [5]

Вчера вечером принесли «Моск⟨овские⟩ вед⟨омости⟩» и «Голос» с штемпелем — 1-го февр⟨аля⟩ на границе — *через неделю*. Это равняется невозможности получать что б то ни было вовремя. Корр⟨ектуры⟩ «Ко-

---

* бандеролью (франц.).
** что же дальше? (англ.).
*** с одной стороны (нем.).
**** с другой (нем.).
***** мнение (от лат. «opinio»).

локола» нет — если сделано, что следует, вели печатать. Он надоел, как горькая редька. Неужели ты и поднесь не можешь рассудить, что *я не мог* дать Тхорж⟨евскому⟩ такую скотскую ауторизацию, в силу которой он мог бы продать письмо Дуб⟨ельта⟩, о котором я тебе сто раз говорил, как о брильянте. Я этому шуту говорил *о продаже после напечатания* — аутографов. Неужели я бы три раза спрашивал, отчего нет письма Дуб⟨ельта⟩ — в противном случае? [6]

Это такой промах, от которого полцены лишаются записки. Вообще что-то мудрено — где же вновь записанные отметки самого Долгор⟨укова⟩ — он записывал, как Ал⟨ександр⟩ Ив⟨анович⟩ Тургенев, всё — спроси-ка, не найдено ли еще после моего отъезда. Или сжег, что ли, он?— Письмо Дуб⟨ельта⟩ произвело бы такой террор — что все издание разошлось бы. Известен же адрес сына [7].

Это скучно.

Насчет Лизав⟨еты⟩— я и согласен и нет [8]. Что N⟨atalie⟩ ее испортила по + и — в этом для меня нет сомненья. Камрадри * и дерзости, беспорядок и требования и пр. Но что для Лизы она была яд — это тоже правда: неровностью характера, бранью зуб за зуб и проповедями, вроде того: «Вы одна умеете себя держать, как следует *барыне,— настоящая* барыня никогда не шутит с прислугой — посмотрите на английских детей». Я рад, что выход был без шума. Ее эгоизм и самохранение во время общей болезни, когда старуха Рокка [9] целые ночи едва смыкала глаза, тоже не в ее пользу. Но она была честная женщина — и я рад, что получила хорошее и более выгодное место — Requiescat in pace **.

В заключение повторяю — давай bon à tirer ***.

О «Поляр⟨ной⟩ звез⟨де⟩» я прежде писал, чем прочел, что ты пишешь. А если надобно много писать до смерти — так и пиши. Будем мало-помалу приготовлять, и пусть себе Чернецкий говняет и копается хоть 5 месяцев [10].

Утрен⟨няя⟩ почта пришла — корресп⟨онденций⟩ нет.— С богом. — Bon à tirer.

[1] См. письмо Огарева от 1 февраля 1869 г. («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 512).

[2] Пьер-Альфред *Равель* — французский комический актер. В сороковые годы играл в парижском театре Palais-Royal, а с 1868 г.— в Gymnase-Dramatique. В какой из пьес своего обширного репертуара выступал Равель в этот день в Ницце, установить не удалось.

[3] О Фридрихе *Каппе* см. выше в письмах к Георгу и Эмме Гервегам.— Карл *Шурц*— германский и американский политический деятель и писатель; принимал участие в прусской и баденской революциях, эмигрировал в Англию, а затем в США, где выдвинулся как сторонник программы Линкольна, а впоследствии Гранта и Мак-Киннеля.— О враче В. Ф. *Нефтеле* см. «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 399.— Аугуст *Виллих* — журналист, участник революции 1848 г. в Германии, эмигрировал в Америку.

[4] Герцен и Огарев предполагали издать IX книжку «Полярной звезды». Об этом, в частности, сказано в конце VIII книжки: «Следующая книжка „Полярной звезды" выйдет в июне 1869 года». 4 марта 1869 г. Герцен писал Огареву: «Никак не полагаю, чтоб было плозибельно ⟨целесообразно⟩ издать еще „Приб⟨авление⟩" к „Колоколу" ⟨...⟩ Если наберется несколько листов, лучше издать „Поляр⟨ную⟩ звезду"» (XXI, 313). Это намерение, как известно, осуществлено не было.

[5] Ответ на письмо Огарева от 6 февраля 1869 г. («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 513—514).

[6] В упомянутом письме от 6 февраля Огарев оправдывался перед Герценом: «Письмо Дуб⟨ельта⟩ ты отложил, бывши в Женеве, с бумагами на продажу. Тх⟨оржевский⟩ его тотчас и продал» (т а м ж е).

[7] Местопребывание В. П. Долгорукова Огареву известно не было (т а м ж е).

---

* панибратство (франц.).

** покойся в мире (лат.).

*** разрешение печатать (франц.).

[8] Огарев писал: «Мне жаль, что Елисавета ушла. Давно привычный человек все же хорош; против его недостатков можно оппонировать — разве уж чересчурны» (там же).

[9] *Рокка* — знакомая Герценов со времени их пребывания в Ницце в 1850—1852 гг., жена их повара. Самоотверженно ухаживала за больными в семье Герцена в 1868—69 г.

[10] В вышеуказанном письме Огарев писал Герцену: «А до „Пол⟨ярной⟩ зв⟨езды⟩" совсем не так долго, как ты думаешь, а дела еще ужасно много. Ты, пожалуй, станешь смеяться, но я убежден, что перед смертью надо так много написать, что едва времени хватит» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 514).

8

⟨Ницца.⟩ 11 февр⟨аля 1869 г.⟩. Четверг

Отписочка от 9⟨-го⟩ пришла. Если Вихерс⟨кий⟩ и шулер, то его нельзя было высылать под политическим предлогом и теснить как поляка — этого эти Барятинские еще не умеют раскусить. О долге его я не очень хлопочу. Заплатит — ладно, не заплатит — неважно[1].

Меня немного обдает морозом, что нет ответа из редакции «Недели». Я сделал strictement* как было сказано,— от этого не легче будет, если что выйдет.

Бумагам Долгор⟨укова⟩, которые я смотрел, описи не нужно[2]. Разве есть новые?

Хотя у нас дома все довольно тихо, но иногда демоническое начало кажет уши — и обдает морозом. Идет неделя тихо, а там старое со всеми атрибутами. По счастью, с Татой мир. Обрывается все на мне. Что впереди— я издали не знаю и иду с завязанными глазами. Жизнь частная—погублена, с этими элементами и не мне чета мастер ничего не слепит. Время идет, силы истощаются, пошлая старость у дверей... Мы даже работать продуктивно не умеем — работаем то невпопад, то для XX столетия. Ни успеха, ни денег... и серая скука маленькой дрянненькой ежедневности... Zu ominös! **

[1] Письмо Огарева от 9 февраля 1869 г. опубликовано в «Лит. наследстве», т. 39-40, 1941, стр. 514—516. В нем Огарев сообщает слухи о «шулерстве» Вихерского, распространявшиеся, в частности, жившим тогда в Женеве А. И. Барятинским, братом кавказского наместника. Огарев в связи с этим высказывал опасения, что долг Вихерского Герцену пропадет.

[2] Тхоржевский взялся в это время за составление каталога полученных им бумаг Долгорукова (там же, стр. 514).

9

⟨Ницца.⟩ 13 ⟨февраля 1869 г.⟩. Суббота[1]

Баксту я давал позволение, помнится, на срок, так как он ничего не издал, то его разрешение — больше учтивость[2]. Что за польза перепечатывать без комм⟨ентария⟩ «Письма об изу⟨чении⟩ природы», а примут ли комментарии — пожалуй, в 3 лице? «Дилетантизм в науке» лучше — и потом пусть перепечатывают весь *третий* том «Былого и думы» («Записки молодого человека», «Сороку-воровку» etc.). Процент пусть он назначает сам — даром никогда ничего не надобно давать. Но и вперед требовать мудрено[3].

О m-r Basile постараюсь узнать и напишу, если успею, в конце письма.

Из Петерб⟨урга⟩ все еще нет — о статье.

Никто не знает Basile'я 21 Gioffridot... пансион — надобно, стало, осторожнее[4].

---

* точно (франц.).

** слишком зловеще! (нем.).

Эту страницу прошу прочесть одному, потом с Тхоржевским — и дать общее решение.

Долг Кеслону меня удивил. Чернецк⟨ий⟩ мне толковал о 500... 600... вдруг 2000[5]. Думая и думая, я прихожу вот к какому предложению (пока храните в секретнейшем секрете):

§ 1. Я предлагаю Тхоржевскому дать ему взаймы капитал, примерно, так:

на уплату долгов 3000 } = 6000 fr⟨ancs⟩
на устройство 3000 }

(или 7... это потом) — по 8% или даже по 10%.

§ 2. За уплату процентов сполна отвечаю я в продолжение *10* лет, т. е. я буду доплачивать, если Чернецкий не заплатит.

§ 3. После 10 лет Чернецкий или отдаст сумму сполна Тхорж⟨евскому⟩ или всю типографию. Буде при продаже всего окажется дефицит, я его плачу.

§ 4. Контракт должен быть сделан со всеми законными формами.

Но, делая такой заем, с такими выгодными условиями, Чернецкий предварительно должен себе решить — *может ли, хочет ли он и способен ли* что-нибудь сделать и откажется ли он искренно после этого от всяких ожиданий чрезвычайных капиталов, работы, падающей, как манна, без труда, и надеется ли он выплатить своими средствами долг — по частям.

Так как об этом никто не узнает — то мнение твое и Тхорж⟨евского⟩ — передай самым резким образом. Может, и все вместе несбыточно.

Я признаюсь, что сверх доброго желания, я страстно желал бы отделаться от этой опеки.—Чер⟨нецкого⟩ дело, как рак, буравит все дальше и дальше — надо положить конец.

P. S. — Если ты находишь все это несбыточным, то и с Тхорж⟨евским⟩ не говори[6].

Прощай.

[1] Ответ на письмо Огарева от 11 февраля 1869 г. («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 517—518).

[2] Настоящие строки позволяют снять ошибочный комментарий, согласно которому считалось, что разрешение на издание своих сочинений в России Герцен дал Бакунину. Об этом пишет Лемке (см. XXI, 298). В публикации упомянутого письма Огарева от 11 февраля 1869 г. в «Лит. наследстве» (т. 39-40, 1941, стр. 517) сокращение Б. и Бак. расшифрованы так же. Когда и при каких обстоятельствах разрешение было дано В. И. Баксту, установить не удалось. Оно может относиться ко времени пребывания Бакста в России, а также к периоду работы «бернской типографии» (см. «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 53—55 и 62—63).

[3] Речь идет о проекте издания в России сборника произведений Герцена по предложению Н. Врангеля и П. И. Бларамберга. При этом издатели предлагали Герцену назначить самому процент с продажи, «или какое иное условие» (письмо Огарева от 11 февраля 1869 г.). Издание это осуществлено не было. Герцен вскоре принял предложение А. В. Скалона, в результате чего в 1870 г. был выпущен сборник «Раздумье» и отдельным изданием вышли «Письма об изучении природы» (см. «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 571, а также XXI, 298—308). Новому изданию «Писем об изучении природы», отделенному от первого более чем двумя десятилетиями, Герцен собирался дать предисловие. «Если найду здесь „Письма об изучении природы“, постараюсь написать хоть две-три страницы»,— писал он Огареву 21 февраля 1869 г. (XXI, 297). Мнение это разделял и Огарев. Советуясь по этому поводу с Огаревым, Герцен писал 27 февраля: «Трудно написать предисловие к „Письмам об из⟨учении⟩ пр⟨ироды⟩“ в третьем лице; можно ли сделать примечание „от автора?“» (XXI, 308). Было ли написано это предисловие, нам неизвестно. В упомянутом издании 1870 г. оно не содержится.

[4] Кто такой *Basile*, упоминаемый также в письме № 10, выяснить не удалось. Герцен, очевидно, допускал, что под этим именем мог скрываться агент русского правительства и поэтому предупреждал о необходимости быть осторожным. В письме от 16 февраля Огарев уточняет его адрес: Rue Gioffrido, 22 («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 520).

[5] Вслед за Огаревым Герцен ошибочно называл Кеслоном швейцарского книгопродавца Классена, которому Чернецкий задолжал две тысячи франков. См. о нем XVI, 66.

[6] О своей беседе с Тхоржевским и их мнении по этому вопросу Огарев сообщал в ответном письме: «Разумеется, Черн⟨ецкий⟩ хозяином быть не способен; а под другим руководством, как человек, обязанный делать то-то и то-то — жить будет в состоянии»,— писал он 16 февраля 1869 г. («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 520).

10

⟨Ницца.⟩ 15 февр⟨аля 1869 г.⟩. Понедельник

Прочел сегодня во второй раз «С утра до ночи»[1]. Первая страница стихов мне очень нравится, в остальном много умного, дела, но, мне кажется, недостает Schwung'а *, а если ты скажешь, что его и не надобно—то пиши

Н. А. ТУЧКОВА-ОГАРЕВА С ДОЧЕРЬЮ ЛЕЛЕЙ

Фотография, 1862—1863 гг.

Исторический музей, Москва

просто диссертацию. Эта форма и первая страница требуют — схватить читателя и унести на всех парах — по кочкам и камням противуречий и мыслей, чтоб он не успел бы опомниться и не мог бы оторваться. На финале он остановился бы и принялся бы перечитывать. Для этого нельзя допускать длинные канители (как история с мальчиком и барабаном — ей пять, шесть штрихов и мимо). Место о русской драме вовсе, кажись, не подобает, и кому она нравится? Это все Утину-то? [2] A propos, не лжесвидетельствуй на Софью Павловну — она никогда не изволила говорить стих Лизы, которым начинается «Горе от ума»... [3] Или и я забыл?— Сожми все и продолжай; разумеется, в этой раме можно задеть величайшие вопросы—но для них или покойное рассуждение или галопирующий юмор.

Зачем три цены Вихер⟨скому⟩, не понимаю, разве для того, чтобы все пошло в убыток. Для того, чтоб я мог узнать о m-r Basile (явно псевдоним),

* воодушевления (нем.).

надобно, чтоб Чернецкий написал ему, чтоб он пришел со мной переговорить — и в чем дело.

«Вестник» получен — по миновании надобности, «От⟨ечественные⟩ зап⟨иски⟩» — шли[4].

Ницца снова во всей красе, темносинее небо и солнце во всю ивановскую.

Теперь особая история — ad usum * твоего философского скепсиса о том, что 9/10 всего, что с людьми бывает,— чистейшая консеквентность их действий. Я не могу примириться с тем, что ты отвергаешь эту простейшую форму — каузуальности. Распространи ее даже на простуду. Внимайте. Я написал Ольге и Мейз⟨енбуг⟩ следующее предложение. Когда мы поедем в Геную, и Тата с Тхорж⟨евским⟩ в Флоренцию, то чтоб Тхоржевский привез Ольгу — *погостить месяц* или 6 недель. Я, между прочим, мотивировал это тем, что она — *одна* — скорее сблизится со мной, что она делается совершенно чужой, чему особенно способствует окончательное незнание русского языка. Это вызвало со стороны Мальвиды диссертацию, а со стороны Ольги вовсе неожиданный отпор[5].

А, кажись, чего же проще мое предложение?.. Ольга пишет, что она готова *повиноваться,* но что Мейзенб⟨уг⟩ для нее мать и что подвергнуть ее беспокойству разлуки она не желает. Что если она отвыкла от родительского дома — *вина не ее.* Чем справедливее эта пилюля — тем ее труднее было проглотить—но я осилил и отказался от приглашения.— Мейзенб⟨уг⟩ давно замышляет ее отдать mit der Zeit ** замуж... итак — милая незнакомка, она никогда не узнает ни повести о своей матери, ни кто я, ни того—что я мог бы привести в свою реабилитацию. Саша сам не лучшего мнения — и семья свелась на одну Тату. Оно удручительно больно—а ведь ясно, что 1851—52 год и ссоры 1860—должны были привести к этому результату.

[1] «*С утра до ночи*» — неоконченное драматическое произведение Огарева, посвященное Тате Герцен. Отрывки из этого произведения впервые напечатаны в сб. «Литературная мысль», Пг., 1922, № 1, стр. 229—230.

[2] Огарев предполагал напечатать свое сочинение в журнале «Народное дело», одним из издателей которого был Н. И. Утин.

[3] «Светает.— Ах! Как скоро ночь минула»,— эпиграф к первой части «С утра до ночи». Огарев ошибочно приписал эти слова Софье Павловне Фамусовой.

[4] Январские книжки «Вестника Европы» и «Отечественных записок» за 1869 г.

[5] См. письмо Герцена к М. Мейзенбуг от 14 февраля 1869 г. (XXI, 283) и выше, письма к А. А. Герцену и Н. А. Герцен.

11

⟨Ницца.⟩ 17 февр⟨аля 1869 г.⟩. Середа[1]

Вашу хвалебницу «От⟨ечественным⟩ зап⟨искам⟩» имел счастие получить[2] — и книжку жду, а засим доношу о следующем. Из редакции «Недели» получил длинное письмо от г-жи Конради. Статья явится в 6 № — благодарность и просьба присылать больше[3]. Ergo, с этой стороны победа. Но (о Русь!) зато три страницы ссоры и сора. Пятковский оставил редакцию, перешедшую к Конради,— он и его знакомые прислали напечатать отказ, и в числе имен фигурирует *Нионский.* На это редакция отвечала, что, кажись, Нионский за границей. Пятк⟨овский⟩ сказал, что он *уполномочен* от меня и пр. Они не только не боятся—но, кажется, хвастают. Тут coup de théâtre *** — падает с неба моя статья, адресованная в редакцию,— ergo, я не вышел. А я, разумеется, ничего не зная, адресовал безопаснейшим образом. Посылаю на днях третье продолжение — и на-

* *здесь в значении:* по части (лат.).
** со временем (нем.).
*** неожиданность (франц.).

пишу, что во все их дрязги я входить не стану. Итак, la porte est ouverte *, и, если желаешь, можешь послать и ты.— Если «Неделя» приняла так рьяно, то примут и другие,— я боюсь, что «Неделю» мало читают. Я считаю все это очень не лишенным важности. В следующей посылке будет моя статья о Женеве — совсем переделанная[4]. Редакц⟨ия⟩ обещает мои статьи отпечат⟨анные⟩ прямо посылать сюда — и спрашивает, куда выслать деньги. Увидим.

Тхор⟨жевский⟩ писал мне о новом проекте Мрачковс⟨кого⟩ в Вевее.— Это было бы всего лучше. Попихивай и ты Чернецкого туда — главное, от него надобно отделаться так, чтоб он с сожительницей не умер с голоду almeno ** год.— Он — гиря, привязанная к ногам[5].

С издат⟨елями⟩ непременно о цене переговори — они могут дать записку кондиции.

Вот и всё.

Как-то вам придет по смаку история m-me Обержин и доктора, влюбленного в maternité... ***[6]

NB. Что писать: № 2 или 493??

A propos. Читал ли ты процесс семинариста, который убил товарища из любви. Весь процесс был глубочайшего интереса — но меня утешил президент.— Доктор говорит, что молодой человек — не то что сумасшедший, а и не в нормальном положении, его отец и дядя были пьяницы, он сам насильно постригался в попы — был ужасно нервен.

Председ⟨атель:⟩ Если принимать такие причины невменяемости — то богу лучше уничтожить мир. Я не могу вам позволить и пр.

D⟨octo⟩r говорит: «Я-де как d⟨octo⟩r говорю, и такое мое мнение, а вы, мол, делайте, что хотите,— не мое дело».

Председ⟨атель⟩ еще приметил, что рыться так в разных психиатриях— *так и суда не надобно* (приговор на 20 лет *каторж⟨ной⟩* работы 19-летнего)[7].

Ну, не умора ли это — и не сцена ли из моего «Доктора»?

P. S. Знаешь ли, какая мысль неотступно стала меня занимать? Пора бы тебе ловко, елейно и келейно покончить ссору с Бакуниным. Писать мою статью in Bak⟨ouninem⟩**** я буду — но Zwist***** не под лета. Ваше мнение, сосед?[8]

Прощай.

Our ****** Усов — сотрудник в «Неделе»[9].

Чтоб Тхор⟨жевский⟩ не забыл Вырубову «Колок⟨ол⟩» послать.

Скажи Тхоржевскому — что здесь в большом ресторане подают ежедневно:

Блины с сметаной и икрой.
Щи.
Кулебяку.
Крапивный суп.
Биток.
Грешневую кашу.
Очищенную
Настойку.

И все превосходно и не очень дорого:

4 блина с икрой — 2-25
Кулебяки ломоть — 1-50.

---

* дверь открыта (франц.).
** по крайней мере (итал.).
*** материнство (франц.).
**** по поводу Бакунина (лат.).
***** ссора (нем.).
****** Наш (англ.).

[1] Ответ на письмо Огарева от 15 февраля 1869 г. (см. «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 518—519).

[2] Огарев отозвался о январском номере «Отечественных записок» как о «блестящем». В подтверждение своей высокой оценки он назвал следующие материалы: анонимную статью (Г. З. Елисеева) «Когда благоденствовал русский мужик и когда начались его бедствия?», статью А. М. Скабичевского «Дмитрий Иванович Писарев», «замечательные» очерки из циклов М. Е. Салтыкова-Щедрина «Признаки времени» и «История одного города», анонимное обозрение 1868 г., написанное Л. И. Розановым и статью С. В. Максимова «Народные преступления и несчастья» (т а м ж е, стр. 518).

[3] Вторая часть очерков «Скуки ради» была опубликована в № 10 «Недели» за 1869 г. О письме к Герцену нового редактора «Недели» Е. И. Конради см. XXI, 285 и «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 287.

[4] «Альпийские виды. Женева». См. примеч. 13 к письму № 6.

[5] Валериан *Мрочковский* (1840—1889) — польский эмигрант, участник восстания 1863 г., активный деятель бакунинского «Альянса». Участвовать (совместно с Мрочковским) в организации типографии в Веве Чернецкий отказался.

[6] Персонажи VIII главы очерка «Скуки ради».

[7] Установить подробности об этом процессе нам не удалось.

[8] Статья Герцена «Между старичками», предназначавшаяся для «Полярной звезды» — первоначальная редакция первых двух писем «К старому товарищу». См. о ней в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 181. Подробное мнение Огарева об этой статье изложено позднее в его ответе «Старому другу» (т а м ж е, стр. 189).

[9] Степан Александрович *Усов* (1825—1897) — русский либеральный деятель, друг Лугинина. Герцен познакомился с Усовым в Англии в 1859 г. и называл его «чистейшим конституционалистом» (XVIII, 58). Усов был близок к редакции «Недели» и оказывал ей материальную помощь. См. о нем в «Лит. наследстве», т. 41-42, 1941, стр. 21—22, и т. 62, 1955, стр. 762.

12

〈Ницца.〉 25 февраля 〈1869 г.〉. Четверг [1]

Вчера сверх твоего письма получил грамотку от Усова из СПб[2]. Он просит не оставлять «Недели» и жалуется, что Пятк〈овский〉 *не дозволяет* печатать моих статей. Чего нет, это смело. Видишь, какая дрянь все, даже лучшие. Если б они любили дело — не подняли бы такой крик в самом начале. Мудрено ли, что этим спором обратят внимание. Я тотчас писал в редакцию, чтоб печатали,— ответ будет, вероятно, к 8 марта[3].

Жаль, что ты не прочел 〈Островс〉кого «Горячее сердце» — тут он опять на своей колее. Весело, бойко и зло. Могу прислать[4].— «Вестник», разумеется, только тогда посылай, когда прочтешь.

7 № «Недели» 1869 получил. Не то чтоб даровито — но смело до невероятности[5].

Возле Ниццы и недалеко Иера — опять погиб пароход, и так же, как тогда, в 1851 году, т. е. большой военный пароход разрезал железный торговый пароход. И это в штиль!

От Ольги и Мейз〈енбуг〉 получил сегодня ответы. Ольга сконфузилась своего письма — но письмо Мейз〈енбуг〉 уклончиво, оно мне не нравится. Разумеется, если б Nat〈alie〉 имела иной характер, на этой переписке можно было бы многое построить для будущего покоя. Но, повторяю, я ни на что не надеюсь.

Я не могу хорошенько сродниться с формой твоих Grübelei *. Мне местами сильно нравятся мысли — но не везде изложение. Субъективные детали словно мешают, ex〈empli〉 gr〈atia〉: «Надо отдохнуть, т. е. походить etc...». Может, я и ошибаюсь.

Сверх того, есть фразы, трудные для пониманья, как гегелевская метафизика или математическая выкладка[6].

---

* раздумий (нем.).

Мне кажется, что если по моему письму к Бакунину (без имени) провести стругом — то его можно целиком поместить в «Неделе». Вот было бы забавно[7].

Никогда я Тхор⟨жевскому⟩ не говорил о 4-й части «Былого и думы» — а о всех 4-х[8]. И с чего же было бы для 4-й искать вдову Делаво[9].

Тату за «божью коровку» не благодарил, ибо благодарность принадлежит бумажному фабриканту — а не ей[10].

[1] Ответ на письмо Огарева от 23 февраля 1869 г. (см. «Лит. наследство», т. 39 40, 1941, стр. 524—525).

[2] Это письмо С. А. Усова нам неизвестно.

[3] С января 1869 г. «Неделя» перешла в руки новой редакции — Е. И. Конради, П. А. Гайдебурова и Ю. А. Росселя. Пятковский, ушедший из «Недели», советовал и Герцену прекратить там сотрудничество, на что Герцен не согласился. Упоминаемое письмо его в редакцию «Недели» неизвестно. Что касается ожидаемого ответа, то новая редакция подтвердила Герцену приглашение продолжать свое сотрудничество в газете (см. «Лит. наследство» т. 61, 1953, стр. 287).

[4] Огарев отослал Герцену январскую книжку «Отечественных записок» 1869 г., где было напечатано «Горячее сердце», не прочтя пьесы. Герцен сравнивает здесь новую комедию Островского с его предыдущей комедией «На всякого мудреца довольно простоты», о которой отозвался резко отрицательно (см. XXI, 266).

[5] Отзыв этот, по-видимому, относится к № 7 «Недели» в целом. «Смелым», в частности, Герцен мог найти отдел «Политики», где в полемике с «Санктпетербургскими ведомостями» по восточному вопросу как бы между прочим высказывалась мысль о необходимости признания «самостоятельности польской нации путем братского союза с нею», а также очерк П. Гайдебурова «На новых началах (из провинциальной жизни)» о пореформенной деревне.

[6] Эти высказывания Герцена относятся к незавершенному произведению Огарева «С утра до ночи» (см. примеч. 1 к письму № 10). «Надо отдохнуть, т. е. походить по комнате, расходить мою больную ногу» — начальные строки 3-й главки «С утра до ночи» (см. сб. «Литературная мысль», Пг., 1922, № 1, стр. 232).

[7] Намерение Герцена опубликовать в «Неделе» письма «К старому товарищу» о уществлено не было.

[8] См. об этом в письме Огарева к Герцену от 22 февраля («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 524).

[9] Французский перевод I—III томов «Былого и дум», осуществленный Делаво, вышел в 1860 г. в издательстве Дантю под заглавием «Le Monde russe et la Révolution».

[10] Н. А. Герцен прислала Огареву письмо на бумаге с изображением божьей коровки. В письме от 23 февраля Огарев просил поблагодарить за это Тату.

13

⟨Ницца⟩. 27 марта ⟨1869 г.⟩. V⟨illa⟩ Filippi

У вас две гревы * — но ты об них не пишешь[1]. Что же Бак⟨унин⟩ отличается? [2] — А речь Нап⟨олеона⟩ — вот ловкий-то удар косой — перед выборами[3].

Мейзенб⟨уг⟩ и Ольга в восторге от триумфа Саши. Его лекция превознесена в газетах и пр.[4] Что он будет делать в Флоренции — если выйдет в отставку (а не выйти, кажется, нельзя). У него талант lecturer'a **, для этого надобно иной центр. Ехать, ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩, в Париж, понатореть, поучиться там да сделать Abstecher *** в Нью-Йорк.

У нас до того постоянно гнусная погода, что я без содрогания не могу думать о Женеве. Тяжело, душно, вечно вьюга, солнца не видать — а еще какой-то английский моряк пророчит на днях страшную бурю. Все это скверно действует на людей — и у них опять старые капризы. Скучно. Саша и Мейз⟨енбуг⟩ очень ропщут на Брюссель. N⟨atalie⟩ вдруг

* забастовки (от франц. «grèves»).
** лектора (англ.).
*** экскурсию (нем.).

выдумала ехать в Женеву и жить отдельно с Лизой. Мне кажется, что это вздор. Как только я все слажу — вдруг все ползет. Но я в Брюссель все же поеду — хоть для осмотра. Другого места нет — sauf * Лондона[5].

Жду твоего рапорта о греве[6].

Прощай.

Письмо от 25.— Что Чернецкий глупо вотировал ** — не дивлюсь, но что он мог вступить в дело, не спрося совета ни твоего, ни Бакунина, ни даже польских социалистов,— это такая же черта дерзкой самонадеянности, как всё.— Я с ним покончил[7]. Ты слишком стал подчиняться всем этим дрянностям. И зачем ты не гоняешь всякую сволочь, как Шев⟨елев⟩. Я его больше разу не допущу — да и то вряд ли — он меня вовсе не интересует. Прошу ему рекомендаций не давать[8].

Щербак⟨ов⟩ не возвращается. Он, верно, в Вевее — отечество спасает или девушку губит. Жаль — он честный учитель и Лизу любил, в силу чего и Лиза у него училась хорошо[9].

«Siècle» очень любезно поместил без моего вызова мой ответ на биржевую клевету[10].

«Неделю» пришлю[11].

Имя Чернецк⟨ого⟩ красуется во всех франц⟨узских⟩ журналах, и Данича... милые онагры ***[12].

[1] В марте 1869 г. состоялась забастовка типографских рабочих, к которым примкнули рабочие-каменщики. Забастовкой руководила Женевская секция I Интернационала. Маркс и Энгельс придавали этой забастовке серьезное значение.

[2] Бакунин выступил против забастовки, считая, что рабочие, не имевшие поддержки иностранных ассоциаций, могут материально пострадать (см. письмо Огарева к Герцену от 27 марта 1869 г. в «Лит. наследстве», т. 39-40, 1941, стр. 541).

[3] 24 марта 1869 г. Наполеон III на заседании Государственного совета объявил министрам о составлении проекта отмены расчетных книжек для рабочих. Расчетные книжки включали в себя записи полицейского содержания — характеристику «нравственности» рабочего и т. д. Этот шаг мировая общественность рассматривала как своеобразный демагогический маневр в предвыборной политике. В частности, корреспондент «Санктпетербургских ведомостей» писал 16 (28) марта 1869 г.: «Весьма вероятно, что весь этот вопрос поднят в настоящее время преимущественно с тем, чтоб повлиять на низшие классы населения ввиду приближающихся выборов».

[4] 23 марта А. А. Герцен выступил во Флоренции с публичной лекцией против клерикальной партии, представитель которой Ф. Парлаторе с 1868 г. возглавлял Спеколу. См. об этом в письме Герцена к Вырубову от 27 марта (XXI, 347) и в письме Огарева к Герцену от 23 марта («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 537).

[5] О планах Герцена обосноваться в Брюсселе см. письмо к сыну от 26 марта (XXI, 346).

[6] См. письма Огарева от 26, 27, 28 марта и 3 апреля 1869 г. («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 540—546).

[7] В письме от 25 марта Огарев сообщал о том, что Чернецкий и Данич были вовлечены в конфликт женевских типографских рабочих и хозяев на стороне последних, чем поставили Герцена в неловкое положение.

[8] Н. А. *Шевелев* приехал в 1867 г. в Женеву; о нем ходили упорные слухи, что он агент III Отделения. См. «Лит. наследство», т. 63, 1956, стр. 267 и 711.

[9] А. Я. Щербаков некоторое время давал уроки Лизе Герцен.

[10] В «Siècle» наряду с «Temps», «Nord» и «Kölnische Zeitung» было помещено письмо Герцена в редакцию от 16 марта 1869 г. (см. его текст в письме к сыну от 16 марта — XXI, 325). Это письмо являлось ответом на статьи в №№ 34 и 44 «Биржевых ведомостей», распространявших клеветнические слухи о возвращении Герцена в Россию. См. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 146—150 и 428; т. 63, 1956, стр. 424.

[11] По-видимому, № 10 «Недели» за 1869 г.

[12] См. примеч. 7 к настоящему письму.

---

* кроме (франц.)

** голосовал (от франц. «voter»).

*** дикие ослы (от франц. «onagres»).

14

⟨Ницца⟩. 10 апреля ⟨1869 г.⟩. Суббота[1]

В твоих письмах, caro mio, самая интересная часть в том, чего в них нет. Ты *всякий раз* обещаешь la pièce de résistance * и десерт — и всякий раз торопишься. Отчего же ты такой ветреный? В экспиацию ** я должен спросить — каких гадостей наделал Элпидин?[2] И в чем же, наконец, Бакун⟨ин⟩ согласен и в чем его проповедь расходится[3]. Здесь говорят, что все социальное движение у вас создано Сер⟨но-⟩Сол⟨овьевичем⟩[4].

М.-Э. ТЕСЬЕ ДЮ МОТЕ
Фотография, 1860-е гг.
«Пражская коллекция»
Центральный архив литературы и искусства, Москва

Коррект⟨уры⟩ я никакой не получал, а получил воззвание к студ⟨ентам⟩, которое не одобряю. Если оно напечатано (хотя и не нужно было печатать *с печатного*), то так и рассылайте, т. е. не помечая, что это приб⟨авление⟩ к «Колоколу»[5]. Я не могу писать против 73 № «Биржевых в⟨едомостей⟩», не имея «Вестника» Каткова. Просил его даже у Выруб⟨ова⟩[6]. В «Голосе» мое письмо должно быть между 88—95 №№[7].

Ни счет из банка, ни программу нечего было торопиться посылать — это шло в груз Тхоржевск⟨ого⟩, но так — так так. Хотя «беспозво⟨ноч⟩-

* жаркое (франц.).
** искупление (от франц. «expiation»).

ные животные»[8] и есть, но всё схоластично, а букет всему — la morale comme science *. Итак, это вздор.

После двух дней хорошей погоды — духота, мгла, тучи — эту зиму будут помнить. Я жду от Саши и Ольги писем, чтоб знать — какой дорогой ехать. Если никто из них не приедет в Геную или Специю — может, я просто поеду на Марсель.

Вообще у нас готовится так, чтобы Тата могла omni casu ** 25 апреля быть в Флоренции. Если ехать на Геную — мы все поедем вместе, если на Марсель — мы поедем, дождавшись Тхоржевского, никак не позже 3, 4 мая. Из Марселя прямо в Дижон и Брюссель. Может, из Лиона я приеду — но не лучше ли, осмотревши Брюссель? Пробыв месяц в Брюсселе, я увижу, стоит или нет передвигаться тебе[9].

11. Воскресенье

Ты меня в отчаяние приводишь твоим нежеланием понять того, что я писал о России[10]. Вот пункты:

§ 1. Я и все политические эмигранты, религиозные и социальные, оставшиеся эмигрантами, хотят возвратиться, от Гюго до Боке[11].

§ 2. Подлые эмигранты или слабые ищут средств личных и большей частью не брезгают подлыми.

§ 3. Не подлые эмигранты ждут или переворота, или общей амнистии (как в Австрии)[12].

Но как такой амнистии нет—то я и не думаю до нее и до перемены (ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩ введение представ⟨ительства⟩) возвращаться.

2 Но. Но если такая перемена будет — я сочту себя очень счастливым и возвращусь: α) Потому что здесь делать нечего. β) Потому что мы новой России не знаем. γ) По личному вкусу.

О чем же ты хочешь писать и в чем убеждать?[13]

Самое забавное состоит в том, что «Бирж⟨евые⟩ вед⟨омости⟩» спохватились и обругали меня во второй статье именно за то, что я *не хочу просить*, как милости, права возвратиться[14].

Вероятно, сегодня едет Пан[15]. Жду его. Чернецкий просит искать ему места в Париже — teneur'a de livres*** — не думаю, чтоб это было легко без франц⟨узского⟩ языка. Он, кажется, желает обещ⟨анных⟩ 500 фр⟨анков⟩. Шалун, тогда и попросил, когда Тхор⟨жевский⟩ уехал. Если ему очень нужно, напиши — я в банке сказал для верности, что чеков, кроме Тхор⟨жевского⟩, давать не буду. Надобно им писать особо.

Все кланяются. Прощай.

[1] Ответ на письмо Огарева от 7 апреля 1869 г. («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 546—548).

[2] Огарев предостерегал Герцена, со слов Бакунина, в отношении Элпидина, о котором ходили слухи как об агенте русского правительства (там же, стр. 547).

[3] Герцена интересовали, по-видимому, идеологические расхождения Бакунина с молодой эмиграцией и, в частности, с Н. И. Утиным и А. А. Серно-Соловьевичем, после выхода его из «Народного дела». Огарев в ответном письме от 13 апреля ничего конкретного по этому вопросу не сообщает (там же, стр. 550). О расхождениях Бакунина с Н. И. Утиным и А. А. Серно-Соловьевичем см. в письме Н. И. Утина к А. Д. Трусову от мая-июня 1869 г. в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 687, а также статью Б. П. Козьмина в «Историческом сборнике» АН СССР (вып. 5, 1935).

[4] Герцен имеет в виду высказывания М. В. Трубниковой в беседе с Н. А. Тучковой-Огаревой в Ницце. Трубникова ставила Герцену в вину его отношения с А. А. Серно-Соловьевичем, называя последнего одним из замечательных деятелей. Герцен писал об этом Огареву 8 апреля 1869 г. (см. XXI, 358).

[5] Спрашивая Герцена, получил ли он «странно набранную корректуру», Огарев и имел в виду «воззвание к студентам», т. е. прокламацию Г. С. Нечаева «Студентам

---

* нравственность как наука (франц.).
** во всяком случае (лат.).
*** бухгалтера (франц.).

университета, академии и Технологического института в Петербурге». «Корректуру я тебе и послал вместо писанного»,— разъяснял Огарев в ответном письме («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 550). Он предлагал напечатать прокламацию в «Прибавлении к „Колоколу“» (там же, стр. 545), на что Герцен возражал: «„Приб⟨авление⟩“ к „Колоколу“, будто, возможно? Не лучше ли так пустить листком или сказать в подстр⟨очном⟩ зам⟨ечании⟩: „Нам прислали в „Колок⟨ол⟩“... etc.“?» (XXI, 354).

Неодобрение Герцена могло быть вызвано субъективностью автора и обилием в прокламации общих революционных фраз. В этом неодобрении проявилось отрицательное отношение Герцена к пропагандистской кампании, предпринятой Огаревым совместно с Нечаевым и Бакуниным, как не имеющей, по его мнению, реальной почвы в России (см. об этом во вступительной статье к настоящей публикации).

Прокламация Нечаева приведена в «Правительственном вестнике» (№ 163, 1871) в отделе «Судебные известия», среди материалов обвинения по нечаевскому процессу, а также в статье: С. Сватиков. Студенческое движение 1869 г. Сб. «Наша страна» (СПб., 1907, № 1, стр. 228—331).

[6] Ответ Герцена на статью в № 44 «Биржевых ведомостей» был напечатан в № 71 газеты в сопровождении нового клеветнического выступления, за которым последовала подобного же рода передовая статья в № 73 в форме корреспонденции — «Санкт-Петербург. 15-го марта» (она полностью приводится М. К. Лемке — XXI, 335—345). Для ответа на эту статью Герцену и был необходим № 1 «Русского вестника» за 1869 г., где была помещена статья Н. К. Ренненкампфа «Невольное объяснение с издателем „Колокола“» (ответ на статью Герцена «A nos ennemis» в № 14-15 «Kolokol'a»). Автор статьи повторял излюбленные реакционной журналистикой обвинения Герцена и Огарева в отсутствии уважения к России и гибельном влиянии на молодое поколение.

[7] В № 95 «Голоса» под заглавием «Письмо в редакцию „Голоса“» (XXI, 366) был напечатан ответ Герцена на статью в № 71 «Биржевых ведомостей».

[8] Выражение «беспозвоночные животные», вероятно, встречается в присланной Огаревым программе.

[9] О переездах Герцена и членов его семьи см. ниже письмо № 19.

[10] Герцен имеет здесь в виду свои письма 1869 г.: 1) в редакции европейских газет от 16 марта (XXI, 325); 2) к Огареву от 29 марта («Лит. наследство», т. 61, стр. 428); 3) в редакцию «Голоса» от 7 апреля (XXI, 366).

Огарев не разделял надежд Герцена на возможность, при определенных условиях, возвратиться в Россию. См. его письмо к Герцену от 26 марта 1869 г. («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 540) и ответ от 13 апреля на публикуемое письмо (там же, стр. 551).

[11] См. примеч. 10 к письму № 15.

[12] Амнистия участникам революции 1848 г. была объявлена в Австрии в 1867 г. Герцен откликнулся на нее заметкой «Венгерская амнистия» (XIX, 387).

[13] См. примеч. 8 к письму № 15.

[14] Возмущаясь сомнением Герцена в возможности при существующем политическом режиме возвратиться в Россию, «Биржевые ведомости» (№ 73 от 16 марта 1869 г.) в передовой статье писали о его «забавной попытке договариваться с державою».

[15] *Пан* — С. Тхоржевский. О задержке с его отъездом из Женевы в Ниццу см. в следующем письме.

15

⟨Ницца.⟩ 13 апреля ⟨1869 г.⟩. Вторник

Я разом получил два письма от Скалона из Харькова, одно через Женеву и Тх⟨оржевского⟩, другое — через Visconti[1]. Он предлагает издать сборник старых статей — и, должно быть, сделал бы и скорее, и лучше, и выгоднее молодых людей. Я ему отвечал, что с величайшей готовностью дал бы ему право — но связан предложением из Петерб⟨урга⟩[2]. Какие средства узнать, издадут они или нет? Затем необходим срок, ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩ один год от дозволения. Где молодые люди? Могу поручить Черкесову (хотя он стал осторожен)[3].

Без «Рус⟨ского⟩ ве⟨стника⟩»[4] я связан по рукам — и писать не могу. Если б я знал, что Тхорж⟨евский⟩ остается еще на сутки, я бы вытребовал мое письмо in Bakouninem — мне его очень нужно. Я дам ему другую форму и откину все полемическое. В такой форме его можно печатать в России[5]. Я теперь читаю «Рабочий вопрос» Бехера, пер⟨евод⟩ Ткачева. Очень радикально[6]. Также я уверен, что можно издать в России целый сборник моих заграничных статей. Подумай, что Скалон в письме выставил мое имя и фам⟨илию⟩ и просит ответа *по почте* — значит, не больно опасно.

15 апр⟨еля⟩. Четверг

Худшее в твоем письме — это то, что ты пишешь о письме к Лизе, посланном 11 или 12, — *оно не пришло*, а пришло твое письмо от 13. Справлюсь. Что в нем было?[7]

Без сомнения, я тебе даю безусловное право раскостить «Бирж⟨евые⟩ вед⟨омости⟩» и Трубникова [8], — но все же на весь инцидент смотрю не так — и от него, говорю тебе искренно, мне не пришлось даже взбеситься столько, сколько бесился от гнусности поляков и наших поросят [9]. Ты никак не хочешь понять дела, даже не понимаешь, почему я поставил Гюго и Боке, и говоришь о их личных качествах (это напоминает Мельгунова). Я хотел с двух концов назвать эмигрантов, читай вместо их имен Барбес и герцог Омальский, Маццини и Луи Блан — и все же выйдет, что все они подпишут под моими словами [10]. Насчет просьбы о помиловании — *никто не поверит* — да я же об этом и скажу. А что Россия читающая будет знать, что я страстно хочу возвратиться, но не возвращусь бесчестно — это мне выгодно. Черкесов мне сказывал, что такое репутация Трубн⟨икова⟩. Это литератур⟨ный⟩ ярыга и макро*. «Вами опять занимаются — вот он, для интереса и скандала, который заставит его читать, и пишет».

Но, тем не меньше, пиши, что хочешь, — многое тебе легче сказать обо мне — чем мне.

Студентские истории важны по общности [11]. Прокламац⟨ия⟩, напечатанная в «Siècle» (из «Вести»), гораздо лучше той, которую ты прислал [12]. Но где же я здесь наберу газет, за исключ⟨ением⟩ «Голоса». Филипсон и Далмер уехали [13].

Аминь.

Диэтетический рецепт. Ты пишешь, что торопишься потому, что почта отход⟨ит⟩ в известный час — а писать принимаешься *незадолго* до оного.

Rp.: post postam scribere**,

начинать письмо после почты и посылать с следующей. А то у меня соберется инвентарий всех хороших вещей, о которых ты никогда не напишешь, начиная «незадолго».

Все здоровы, Лиза немного кашляла of no consequence***. Тата отправляется в *четверг* (через неделю) в Геную и в субботу будет во Флоренции.

Ждем Пана [14].

[1] Аркадий Владимирович *Скалон* — харьковский книгоиздатель и книгопродавец. Письмо его от 20 марта 1869 г., о котором идет речь, напечатано в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 571. Второе письмо было, вероятно, идентично первому и лишь направлено другим путем. Ответное письмо Герцена Скалону, датированное 13 апреля 1869 г., см. в «Лит. наследстве», т. 7-8, 1933, стр. 282.

[2] О переговорах с Н. Врангелем и П. И. Бларамбергом см. письмо Огарева к Герцену от 11 февраля 1869 г. («Лит. наследство», т. 39-40, 1940, стр. 517).

[3] А. А. Черкесов в августе 1865 г. вернулся из эмиграции. В 1867 г. получил разрешение открыть книжный магазин и издательство, принадлежавшие раньше братьям Серно-Соловьевичам.

[4] См. примеч. 6 к письму № 14.

[5] Такого рода редакция писем Герцена «К старому товарищу» нам неизвестна.

[6] Русский перевод книги Э. Бехера «Рабочий вопрос в его современном значении и средства к его разрешению» под редакцией П. Н. Ткачева вышел в Петербурге в 1869 г. в издании А. А. Черкесова. Главную задачу общества автор видел в предотвращении революционного решения рабочего вопроса путем примирения социальных противоречий. Герцен был знаком и с немецким изданием этой книги. «Книга о работниках Бехера очень полезна, я ее пришлю»,— писал он старшей дочери 18 декабря 1867 г. (см. выше в настоящем томе). Радикализм книги Бехера заключался в предисловии и примечаниях П. Н. Ткачева, основная мысль которых выражалась в том, что рабочий вопрос может быть разрешен только революционным путем. Это послужило поводом к конфискации книги Бехера и к привлечению Ткачева к суду.

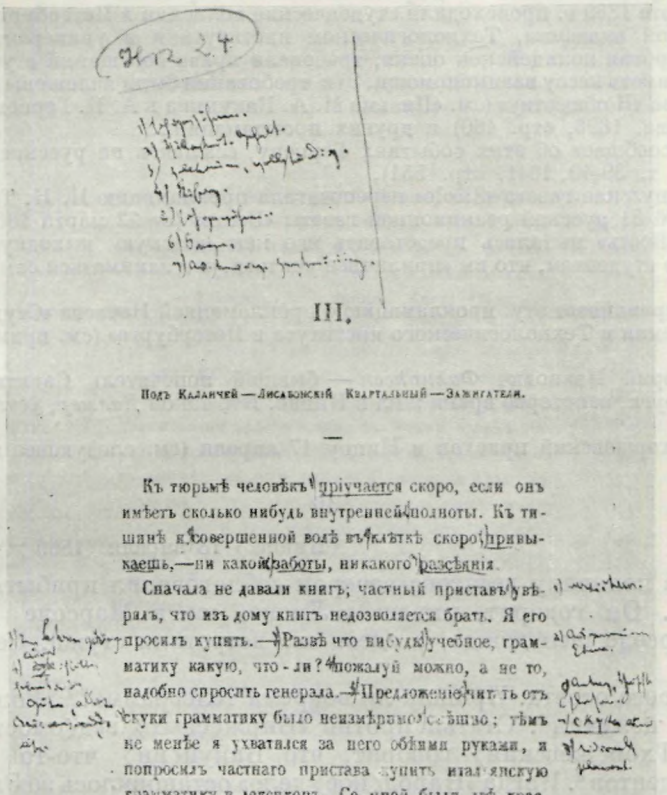
* сутенер и сводник (от франц. «maquereau»).

** Прописываю: писать после почты (лат.).

*** но не существенно (англ.).

[7] В письме на имя Лизы от 12 апреля Огарев послал Герцену проект своего воззвания «От стариков молодым друзьям.— Русские студенты» («Лит. наследство», т. 39-40,1941, стр. 548). Герцен получил его лишь 16 апреля. Письмо Огарева от 13 апреля см. там же, стр. 550.

[8] К. В. *Трубников* — редактор-издатель «Биржевых ведомостей». Огарев собирался выступить против этой газеты в связи со второй клеветнической статьей о Герцене, о которой Герцен сообщал ему 11 апреля (см. выше письмо № 14). Огарев отвечал



III.

Подъ Калинчей — Лисабонскій Квартальный — Заимгатели.

—

Къ тюрьмѣ человѣкъ пріучается скоро, если онъ имѣетъ сколько нибудь внутреннейполноты. Къ тишинѣ и совершенной волѣ въ клѣткѣ скоро привыкаешь,—ни какой заботы, никакого разсѣянія.

Сначала не давали книгъ; частный приставъ увѣрялъ, что изъ дому книгъ недозволяется брать. Я его просилъ купить. — Развѣ что нибудь учебное, грамматику какую, что-ли? пожалуй можно, а не то, надобно спросить генерала. — Предложеніе читать отъ скуки грамматику было неизмѣримо сносѣнѣе; тѣмъ не менѣе я ухватился за него обѣими руками, и попросилъ частнаго пристава купить итальянскую грамматику и лексиконъ. Со мной были двѣ красненькія ассигнаціи, я отдалъ одну ему; онъ тутъ же послалъ поручика за книгами и отдалъ ему мое письмо къ оберъ-полицмейстеру, въ которомъ я,

СТРАНИЦА «БЫЛОГО И ДУМ» (ИЗД. 1854 г.) С ПОМЕТАМИ МАРКСА, 1869—1870 гг.

Воспроизводится по фотокопии, хранящейся в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Москва

на это: «А вот когда „Бирж⟨евые⟩ вед⟨омости⟩“ стараются основать целую гнусную статью на твоем заявлении о желании возвращения и указать, будто ты можешь решиться просить милости — мне больно, и я до такой степени взбешен, что желал бы отомстить за тебя, позоря их прямо во всех газетах — если только позволишь» («Лит. наследство», т. 39-40,1941, стр. 551).

Статья Огарева против «Биржевых ведомостей», по-видимому, написана не была.

[9] Герцен имеет в виду конфликт редакции «Колокола» с польской эмиграцией после статьи Огарева «Продажа имений в Западном крае» (л. 299 «Колокола» от 1 ноября 1866 г.), резкую статью А. А. Серно-Соловьевича «Question polonaise. Protestation d'un Russe contre „Kolokol“» («Польский вопрос. Протест русского против „Колокола“»).— «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 113—115, а также брошюру Серно-

Соловьевича «Наши домашние дела», обострившие отношения Герцена и Огарева с «молодой эмиграцией».

[10] Герцен отвечает на возражение Огарева по поводу его мыслей об эмиграции в письме от 11 апреля (см. выше письмо № 13). Огарев писал: «Какое мне дело до Боке и до В. Гюго? До нелепости одного и до извращенного самолюбия другого?» («Лит. наследство», т. 39-40,1941, стр. 551). Разъясняя свою мысль, Герцен называет наиболее радикальных (Гюго, Барбес, Маццини) и умеренных (Боке, Луи Блан) или даже консервативных (герцог Омальский) представителей эмиграции.

[11] В марте 1869 г. происходили студенческие волнения в Петербурге — в Медико-хирургической академии, Технологическом институте и в университете. Студенты выступали против полицейской опеки, требовали права совещаний в учебных заведениях, права иметь кассу взаимопомощи. Эти требования были изложены в прокламации П. Н. Ткачева «К обществу» (см. «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву». Женева, 1896, стр. 460) и других прокламациях.

Огарев сообщает об этих событиях Герцену, ссылаясь на русские газеты («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 551).

[12] Французская газета «Siècle» перепечатала прокламацию П. Н. Ткачева «К обществу» из № 81 русской реакционной газеты «Весть» (от 22 марта 1869 г.). Печатая воззвание, «Весть» пыталась представить его как «детскую выходку» и «отечески» «разъясняла» студентам, что им «приличнее учиться, чем заниматься самоуправлением» (стр. 1).

Герцен сравнивает эту прокламацию с прокламацией Нечаева «Студентам университета, академии и Технологического института в Петербурге» (см. примеч. 5 к письму № 14).

[13] Григорий Иванович *Филиппсон* — бывший попечитель Санктпетербургского учебного округа, некоторое время жил в Ницце. Кто такой *Далмер*, установить не удалось.

[14] С. Тхоржевский приехал в Ниццу 17 апреля (см. следующее письмо).

16

⟨Ницца.⟩ 18 апреля ⟨1869 г.⟩. Воскресенье

Вчера в половину десятого вечером соблаговолил прибыть Stanis⟨las⟩ Тужески *. Он говорит, что ни в Лионе, ни в Марселе *впечатлений* нет. В Марселе шел дождь, а здесь его встретила стужа. Сегодня опять хорошо.

Жду твоего ответа. Пришла ли вовремя телеграмма?[1] «Голоса» я после 86⟨-го⟩ не получил[2]. Статья против «Бирж⟨евых⟩ вед⟨омостей⟩»[3] почти кончена. Тхор⟨жевский⟩ говорит, что Бакун⟨ин⟩ что-то печатает по поводу студентов[4]. Когда «Народ⟨ное⟩ дело» остановилось за Элшид⟨иным⟩, Тхор⟨жевский⟩ предлагал лист издать у Чернец⟨кого⟩ — они руками и ногами. Ну, не негодяй ли? На днях ко мне приходила Трубникова — объясняться насчет Сер⟨но⟩-Сол⟨овьевича⟩ — все, что я говорил, было отведено его сумасшествием — выздоровел он в 1866. — Я обвиняюсь в гнусном поведении относительно Чернышевского!.. в измене польскому делу, в письме к государю по смерти наследника... и в непризнании «огромного таланта и обширной деятельности» Сер⟨но-⟩Сол⟨овьевича⟩. Это лучше твоего поединка с молок⟨анским⟩ шулером — поединка на поцелуях[5]. В чем дело (ты об нем не мог собраться написать), я не мог понять — и теперь не понимаю.

Varia ⟨1.⟩Катков для примера велел своего сына 14—15 лет за какую-то шалость отодрать розгами (у него секут учеников в лицее). Сын стал вдвое шалить и подбил класс к какой-то демонстрации. Тогда Катков созвал учителей и учеников — и торжественно дал ему *оплеуху*.

2. Каракозов за день до казни написал государю письмо. Государь расплакался и велел остановить казнь. Государыня и митрополит бросились к нему — и с еще большими слезами просили казнить[6].

3. В каком-то институте девочку, написавшую пасквиль на начальницу — избили ее (17 лет), отнимая рукопись. Ноне поставленные ма-

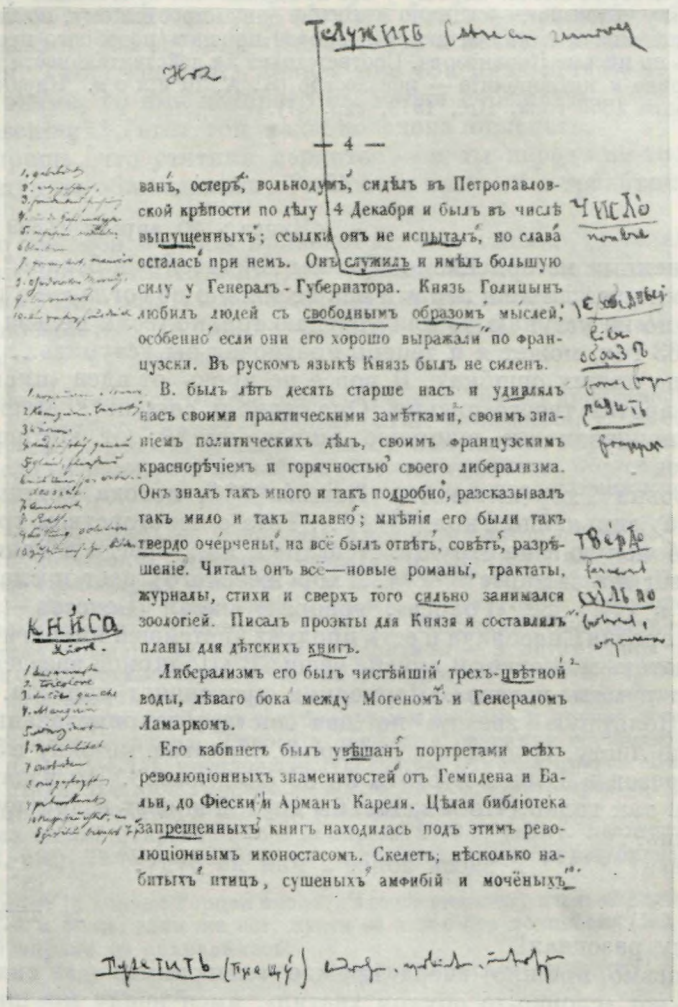
---

* То есть Тхоржевский.— *Ред.*

тери были у имп⟨ератрицы⟩ с просьбой и жалобой. Она им сказала «Мне жаль, что вы при мне это говорите — я совершенно одобряю действия директорши».

Вот тебе десерт. Addio.

[1] Телеграмма не сохранилась. Герцен сообщал, по-видимому, о своем отказе поставить подпись под прокламацией Огарева (см. примеч. 1 к следующему письму).



— 4 —

ванъ, остеръ, вольнодумъ, сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости по дѣлу 14 Декабря и былъ въ числѣ выпущенныхъ; ссылки онъ не испыталъ, но слава осталась при немъ. Онъ служилъ и имѣлъ большую силу у Генералъ-Губернатора. Князь Голицынъ любилъ людей съ свободнымъ образомъ мыслей, особенно если они его хорошо выражали по французски. Въ рускомъ языкѣ Князь былъ не силенъ.

В. былъ лѣтъ десять старше насъ и удивлялъ насъ своими практическими замѣтками, своимъ знаніемъ политическихъ дѣлъ, своимъ французскимъ краснорѣчіемъ и горячностью своего либерализма. Онъ зналъ такъ много и такъ подробно, разсказывалъ такъ мило и такъ плавно; мнѣнія его были такъ твердо очерчены, на всё былъ отвѣтъ, совѣтъ, разрѣшеніе. Читалъ онъ всё — новые романы, трактаты, журналы, стихи и сверхъ того сильно занимался зоологіей. Писалъ проэкты для Князя и составлялъ планы для дѣтскихъ книгъ.

Либерализмъ его былъ чистѣйшій трехъ-цвѣтной воды, лѣваго бока между Могеномъ и Генераломъ Ламаркомъ.

Его кабинетъ былъ увѣшанъ портретами всѣхъ революціонныхъ знаменитостей отъ Гемпдена и Бальи, до Фіески и Арманъ Кареля. Цѣлая библіотека запрещенныхъ книгъ находилась подъ этимъ революціоннымъ иконостасомъ. Скелетъ, нѣсколько набитыхъ птицъ, сушеныхъ амфибій и мочёныхъ

СТРАНИЦА «БЫЛОГО И ДУМ» (ИЗД. 1854 г.) С ПОМЕТАМИ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА, 1869—1870 гг.

Мелким почерком — пометы Энгельса, крупным — Маркса

Воспроизводится по фотокопии, хранящейся в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Москва

[2] 14 апреля 1869 г. Огарев сообщал Герцену об опубликовании в русских газетах, в том числе в «Голосе»,— послания профессоров к студентам по поводу студенческих беспорядков («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 551). Письмо профессоров было напечатано в № 67 «Московских ведомостей» и на следующий день перепечатано во всех петербургских газетах. Реакционная профессура доказывала студентам противозакон ость их требований и предупреждала, что они действуют на руку «врагам всего русского».

[3] Текст этой статьи почти полностью восстановлен (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 146—150). Остается невыясненным, была ли она послана в «Биржевые

ведомости» или в «Голос», так как ни в той, ни в другой газете опубликована не была.

[4] Прокламация «Несколько слов к молодым братьям в России» (см. «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», Женева, 1896, стр. 461—463).

[5] Речь идет о Н. А. *Шевелеве* (см. примеч. 8 к письму № 13). Он был автором книги «Вероисповедание духовных христиан, обыкновенно называемых молоканами» (Женева, Вольная русская типография, 1865).

[6] После вынесения смертного приговора Каракозов обратился к Александру II с письмом, в котором писал: «Прошу у вас прощения как христианин у христианина и как человек у человека». — «Лично я в душе давно простил ему, но как представитель верховной власти я не считаю себя вправе прощать подобного преступника»,— написал царь на письме Каракозова. Соответствует ли действительности то, что пишет Герцен о царице и митрополите — неизвестно (А. А. Шилов. Каракозов и покушение 4 апреля 1866 года. Пг., 1919, стр. 47).

17

⟨Ницца.⟩ 20 апреля ⟨1869 г.⟩. Вторник

С болезненным нетерпением жду, чем кончится вся багара*. Мне очень больно, что я чуть ли не в первый раз не только не согласен с тобой — это бывало, — но не уступаю — или уступаю только, если нельзя поправить. Если б не 63 год, может я и теперь предпочел бы уступить... но мое veto выращено на наших ошибках. Я вовсе не прочь от идеи «письма к молодежи» — а против твоего письма. Оно бедно и cassant**. Меня все это совершенно придавливает mauvaise humeur'ом***, от которого не могу освободиться[1].

Вояжировка Тхор⟨жевского⟩ flambée****, погода дрянная, у Таты и у N⟨atalie⟩ сильнейший колд*****... Тата с неистовством требует ехать в четверг, больную я не отпущу. N⟨atalie⟩, как всегда в таких случаях, d'une humeur massacrante******. Тхор⟨жевского⟩ рвет и слабит.

Статью в ⟨№⟩ 82 «Голоса», говорят, писал Бекетов (ботаник) — она писана против Спасовича и есть продукт чистейшей интриги[2].

Как печатать мой ответ и другие вещи? В «Полярной звезде» в прежнем объеме — и думать нечего[3]. Чернецкий проговняет полгода. Но можно издавать «Полярную звезду» по два листа, без определенного срока, пожалуй, по листу. И начать с полемики. Полагаю книжку в 5 фр⟨анков⟩ можно ливрезон в 1 лист пустить по 50 сант⟨имов⟩. Но издание послед⟨ней⟩ части так гадко, что я желал бы другой шрифт и др⟨угую⟩ бумагу. Как думаешь?

Omni casu******* я здесь долее 5 мая не буду.

21 апреля. Середа[4]

Ну, тучу разогнал!

Твое письмо пришло вчера прежде телеграммы — я скажу твоими словами — вот «словно-то обухом хватил», имея ввиду мое письмо от 16 и телеграмму от 19 — ты хотел воспользоваться тем, что я, в успокоение тебя, если дело сделано, сказал: «Так и быть!»[5].—Это уж походило на безумство. Но только что я успел рассердиться — в три четверти одиннадцатого — звонок и телеграмма — благодарю, и не за себя одного, а и за тебя. Да неужели ты и поднесь не раскусил, что писать этим тоном воззвания нельзя было с подписями[6]...

---

* потасовка (от франц. «bagarre»).
** резко (франц.).
*** дурным настроением (франц.).
**** прогорела (франц.).
***** простуда (от англ. «cold»).
****** в несноснейшем настроении (франц.).
******* во всяком случае (лат.).

И если ты видел, что воззвание необходимо, — отчего же ты его не написал сильной и благородной кистью? Ведь и Нечаева воззвание ни к черту не годится[7]. Я искренно и истинно не понимаю, что за ослепление и неразумье. Жду, что сделал Бакун⟨ин⟩, и не без горя думаю, что ты прав, и его воззвание лучше[8].

Жаль, что ты за все за это настрадаешься не меньше, как за безешки* с молоканом[9]. Но, caro mio, я с 63 и 64 года решился стать сторожем и не допускать — сколько могу — ошибки вообще — и вовсе не допускать *сводных* промахов. Мы сгубили «Колок⟨ол⟩» и печать за границей нашими увлечениями. Тхор⟨жевский⟩ привез мне «За пять лет» — вот наш язык и вот было знамя, во имя которого мы могли побеждать.

Этот Anschlag**, этот тон надобно снова отыскать.

Ты говоришь, что утятник сердится — и ты перед ним-то хотел отличиться, гарцуя на облопывании, Трепове и пр. — и с трехбунчужной подписью[10].

¿ Но что же тебя в резон привело? Не мое письмо, не телеграмма же? Ты геройски получил и то и другое — написал, что «приказы отдам».

«Вест⟨ник⟩ Евр⟨опы⟩» и вообще книги и пр. после 28 апреля, я думаю, лучше не посылать. Да какие важные статьи были в «Моск⟨овских⟩ вед⟨омостях⟩» о студентском деле[11].

[1] В письме от 12 апреля Огарев прислал Герцену проект прокламации «От стариков молодым друзьям.— Русские студенты» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 547—549) и просил подписать ее вместе с ним и Бакуниным. Герцен отказался. Прокламация вышла анонимно под названием «Русские студенты». Об отношении Герцена к пропагандистской кампании Огарева и Нечаева см. в предисловии к настоящей публикации.

[2] Статья «Наша учащаяся молодежь». Анонимный автор объявляет волнения петербургских и московских студентов следствием польского влияния и плодом интриг.— Андрей Николаевич *Бекетов* — в 1863—1897 гг. профессор Петербургского университета.— Владимир Данилович *Спасович* — известный либеральный адвокат и общественный деятель. Статья в «Голосе» обвиняла Спасовича — «угодовца», т. е. сторонника примирения поляков с царизмом,— в антирусской деятельности.

[3] В связи с необходимостью отвечать на клеветническую кампанию Герцен испытывал нужду в собственном органе, где он мог бы поместить и свой «Ответ „Биржевым ведомостям“», о котором идет речь в публикуемом письме, и другие полемические документы: «Письмо в редакцию „Голоса“», письмо в редакции европейских газет (см. примеч. 10 к письму № 13), предполагаемую статью Огарева против «Биржевых ведомостей» и его стихи. Поэтому Герцена не могли удовлетворить прежние планы неторопливой подготовки «Полярной звезды» (см. письмо № 7).

[4] Ответ на письма Огарева от 18 и 19 апреля 1869 г. («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 552, 553). Телеграмма Огарева, о которой говорится в публикуемом письме, неизвестна.

[5] В письмо от 16 апреля Герцен писал: «Что же сказать о статье? Если вы порешили и сделали, *так и быть*; если же нет, пусти ее вовсе без подписей» (XXI, 365). Телеграмма от 19 апреля не сохранилась.

[6] Имеется в виду проект воззвания Огарева «Русские студенты», о котором идет речь в предыдущих письмах.

[7] Герцен имеет в виду воззвание Нечаева «Студентам университета, академии и Технологического института в Петербурге» (см. примеч. 5 к письму № 14).

[8] Прокламация Бакунина «Несколько слов к молодым братьям в России» («Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», Женева, 1896, стр. 463—468). См. о ней в следующих письмах.

[9] *Молокан* — Шевелев.

[10] О недовольстве Н. И. Утина и его «компании» Огарев писал Герцену 18 апреля («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 553). Говоря об «облопывании» и «Трепове», Герцен имеет в виду текст воззвания «Русские студенты», которое Огарев хотел выпустить «с трехбунчужной подписью», т. е. под тремя подписями — Герцена, Бакунина и Огарева (см. примеч. 1 к настоящему письму).

[11] В №№ 64, 65, 66 и 67 «Московских ведомостей» за 1869 г. были перепечатаны сообщения из «Современных известий», «Правительственного вестника» и «Санктпетербургских ведомостей» о студенческих волнениях в Петербурге.

---

* поцелуйчики (от франц. «baiser»).

** прицел (нем.).

В анонимной статье, помещенной в № 66 и помеченной «Москва, 24 марта», упоминалась прокламация «К обществу» и повторялись измышления «Голоса» (см. примеч. 2 к предыдущему письму) о том, что волнения студентов явились результатом польского влияния. Об этой последней статье Огарев сообщал Герцену в письме от 13 апреля, называя ее «преподлейшей» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 551).

18

⟨Ницца.⟩ 23 апреля ⟨1869 г.⟩. Пятница

Ведь вот какой ты мудреный человек — никаких нет возможностей на тебя сердиться. Накутил, взбаламутил, испугал, удивил, раздражил — и вдруг вынырнул спокойно, как с гуся вода. Ну и слава богу[1].

Бакунина factum*, который ты обещаешь прислать завтра и прислал вчера, я читал. Что он формой и тоном лучше твоего — в этом нет сомнения, но в чем польза от него — я не знаю. Разве ты думаешь, что теперь на череду в России «снятие государства» и воцарение Степки Разина? Что-то сомнительно. Молодым людям мало подспорья — особенно арестованным и сосланным, — что Бак⟨унин⟩ их называет «противугосударственными». Слово «поганое государство» — нелепость и опять-таки непризнание исторических моментов. Эдак и зоо-эмбриологические факты можно себе позволить матюгать: ⟨...⟩ — щука и сукин сын паук. Наконец, где же видна сила, этот пошиб 93 года, умноженного на Бабефа и Стеньку Разина, — в требовании студентов дать им право на кассу, сходку и свой суд? — Или вы многое знаете, чего я не знаю. — С Польшей у Бакун⟨ина⟩ совершенный разрыв, его программу ни один поляк не примет[2].

Ты ведь не решаешься спросить у Бакунина — да что же он собственно проповедует не для XXIII, а для нашего столетия?

Отчего же ты ему не прочел о *жаргоне* 1863. Это следовало два раза прочесть[3].

Жду брульон** твоего нового воззвания — и прошу права прибавлять и предлагать, хотя я мало очень знаю — в чем дело[4].

Сегодня в 9 часов утра Тхоржевский отправился по желез⟨ной⟩ дороге и по дилижансу — в Геную. Он проедет 24 часа. Завтра в 9 утра Тата едет на пароходе, и пароход ходит от 8 до 9 часов. Там Тхорж⟨евский⟩ ее встретит и отправится в Флоренцию. Это au reste*** колоссально, *из боязни* он оставил нас сутками раньше, не рассуждая, что я Тату не подверг бы опасности, если б шансов было неровное число. Я из-за этого одного не поехал бы вовсе во Флоренцию. Однако ты не мучь его — он и здесь был болен от этого.

Вчера мы все были весь день в Монако, и день был удивительный — настоящий итальянский.

Тхор⟨жевский⟩ едет во Флоренцию — оттуда через 6 дней в Венецию и прямо из Венеции в Лугано — где хочет повидаться с Осип Ивановичем[5]. Оттуда 10-го в Женеву.

Мы начнем, отправив Тату, укладываться, часть вещей отправится в Женеву, к 5-му будем в Марселе. Ужасно жаль отрываться от юга — но делать нечего.

В твоем письме загадка: «Вихер⟨ский⟩ досадует, что я послал ему в Брюс⟨сель⟩ „Поляр⟨ную⟩ зв⟨езду⟩“ — он ничего не может добиться из „*междулежащей* страны“ — сиречь из Франции. Ты прибавляешь: «Вот тут и говори о Брюсс⟨еле⟩, стало, остается Генф**** и Лондон»[6]. Да

---

* *Здесь:* произведение (лат.).
** набросок (от франц. «brouillon»).
*** в конце концов (франц.).
**** Женева (нем. «Genf»).

ведь Брюссель может — à la Каин — сказать: «Да кто же мне поручил отвечать за Франц⟨ию⟩? Я, мол, что мог, сделал — предложивши из Италии и Швейцарии посылать via Allemagne». Может, и в самом деле — при возбуждении работничьего вопроса там будет плохо. Но транзит-то в этом ни при чем.

Затем финал. — Сегодня ночью кошка, к неописанной радости Лизы, родила пять котят — на моем новом сертуке.

В 4 № *непременно* прочти «Journal des femmes», прочти статью из Ниццы [7].

[1] Письмо Огарева от 20 или 21 апреля 1869 г., на которое отвечает Герцен, неизвестно.

[2] Приводимые Герценом в кавычках выражения «снятие государства», «поганое государство» и т. д. заимствованы из листовки Бакунина «Несколько слов к молодым братьям в России». В этой же листовке Бакунин, пропагандируя анархистские взгляды, писал, имея в виду польских патриотов: «И если б им удалось восстановить польское государство, необходимо основанное на шляхетстве ⟨...⟩, они, без сомнения, сделались бы столько же нашими врагами, сколько и притеснителями собственного народа» («Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», Женева, 1896, стр. 463—468).

[3] См. цитированное в примеч. 5 к письму № 17 письмо Герцена от 16 апреля, где он писал о присланной Огаревым прокламации: «Это жаргон 1863 и Бакунина» (XXI, 365).

[4] Речь идет о написанной Огаревым прокламации «Наша повесть (посвящено русским студентам)». Она была в конце концов отпечатана за подписью «Издателя «Колокола»» (см. публикацию Е. Кушевой в «Лит. наследстве», т. 41-42, стр. 121—129).

[5] *Осип Иванович* — Джузеппе Маццини.

[6] О планах Герцена обосноваться в Брюсселе см. XXI, 346, 352 и «Лит. наследство», т. 63, 1956, стр. 304.

[7] Вследствие того, что «Journal des femmes» отсутствует в московских книгохранилищах, нам не удалось установить, о какой статье говорит здесь Герцен.

19

⟨Ницца.⟩ 25 апреля ⟨1869 г.⟩ Воскресенье

Вот тебе в оригинале телеграмма... Тата махнула-таки в Ливурну морем. — Жив ли Тхорж⟨евский⟩? Мораль всего этого, что от Ниццы до Флоренции — *26 часов* езды [1].

От Мальвиды сегодня письмо, которое и посердило меня, и рассмешило [2] — премудренная каша человеческий мозг. Она пишет, что в Париж поедет с Ольгой — *если и Панофка поедет* [3]. Стало, здоровье позволяет. И потом, что она настаивает так на уроки его — для того, чтоб, в случае нужды, Ольга могла зарабатывать себе кусок хлеба — *уроками пения*. Ведь это уж чистый бедлам. Да я не знаю, лучше идти в прачки, в швеи, чем courir le cachet*... Вот поставила цель. Далее — она толкует, что, проучившись почти исключительно пенью еще *полтора года*, она может, в случае неуспеха, заняться естественными науками или медициной.

И что со всем этим она Ольгу отчуждает (без мысли и с мыслью) — я не знаю что делать, N⟨atalie⟩ тут не подаст руку помощи — а скорее озлобит вопрос. Все это без границ скучно и сосет сердце — чем-то, больно похожим на угрызение совести. И есть от чего.

Schlafen sie wohl**, а, впрочем, время обеда.

Воскресенье. *6 часов вечера*

Гроза, гром гремит, дождь льет — но изящно. Твое письмо принес мокрый почталион [4].

Мне в Париж теперь незачем. Я думаю, что 5⟨-го⟩ мы доедем до Марселя — 7⟨-го⟩ до Лиона. Тут вопрос, прямо ли в Брюссель или заехать

* бегать по урокам (франц.).
** Спокойной ночи (нем.).

к тебе. Я почти убежден, что лучше просондировать Брюссель прежде.

Второй экз⟨емпляр⟩ Бакунина получил[5].

Прошу Чернецкого купить для меня 5 экз⟨емпляров⟩ «Journal des femmes», № 4, но прислать мне их потом в Брюссель или по адресу[6].

Белинского жду[7]. До 1-го мая посылай все.

У Лизы сегодня болит голова (это династически — перед грозой) — но все ладно.

[1] Письмо написано на обороте телеграммы. Текст телеграммы: «Pour Nice de Livorno. Alessandro Herzen, Villa Filippi, ruella rue de France. Nice.— Due magnifiche traversate alle 11 saremo a Firenze. Natalina Herzen»*.

[2] Это письмо М. Мейзенбуг неизвестно.

[3] У Генриха *Панофки* О. А. Герцен брала уроки пения.

[4] Это письмо Огарева от 22 или 23 апреля 1869 г. неизвестно.

[5] Герцен сообщает о получении прокламации Бакунина «Несколько слов к молодым братьям в России».

[6] См. примеч. 7 к предыдущему письму.

[7] «Воспоминания о Белинском» И. С. Тургенева (напечатаны в № 4 «Вестника Европы» за 1869 г.).

20

⟨Ницца.⟩ 28 апреля ⟨1869 г.⟩. Середа

О чем шумите вы, женевские витии?[1]

Я все же боюсь, что наша гора опять «насцыт» маленькую мышь. Но так как я приехать могу — то я и приеду[2]. Мне сдается, что это Бак⟨унин⟩ тормошем тормошит... и все по телеграфу — быстрота, точность, натиск смелый, Монтекукули[3]. Время ли дразнить в пущую реакцию — такими брауншвейгскими манифестами, как бакунинский? — я не знаю[4]. Тебя спрашивал, но ты, по обыкновению, не отвечал. Пора за вами опять мамушку Тужескую приставить. Если ее на тессинской границе итальянские берсальеры не изнасильничают. Газеты получаю скверно.

Omni casu**— если ничего не помешает важного, я поеду 6⟨-го⟩ в Марсель, оттуда 7⟨-го⟩ в Гренобль, 8⟨-го⟩ в Шамбери — там пока оставлю N⟨atalie⟩ и Лизу — и *10 буду в Женеве*. Если же в самом деле кому нужно меня видеть прежде — *то до 4 часов вечера 6-го мая**** застанет меня в Ницце, а 8⟨-го⟩ — в Шамбери до 9 вечера (может справиться или на почте или в большом отеле). Кажется, все ясно. В Женеве я пробуду дней пять, потом — в Шамбери, и, минуя Лион, — Маконом, Шалоном в Брюссель.

Лиза очень желает тебя видеть — не знаю, как это устроить. N⟨atalie⟩ так неловка в этих случаях — да и задача сложна. И, как на зло, ты не только физически — но и психически неподвижен, а то чего легче, как съехаться ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩ в Aix les Bains.

От Фонтена[5] получил длинную промеморию**** о Брюсселе. Квартиры дороги, остальное, кажется, возможно. Он пишет, что теперь по новому train в Париж ездят в 6.35 — и с return ticket***** — 52 фр⟨анка⟩. Я с ним согласен — что в Брюсселе — больше brio и fion ******, чем в Швейцарии.

---

* В Ниццу из Ливорно. Александру Герцену, вилла Филиппи, Французская улица, Ницца. Два великолепных переезда. 11-го будем во Флоренции. Наталья Герцен (франц. и итал.).

** во всяком случае (лат.).

*** Прошу написать, если кого ждать,— и в случае нужды телеграфировать 4⟨-го⟩ или 5⟨-го⟩ утр⟨ом⟩ до 8 часов.— *Примеч. Герцена.*

**** записку для памяти (от лат. «memoria»).

***** обратным билетом (англ.).

****** живости и лоска (итал. и франц.).

СТАЧКА СТАЛЕЛИТЕЙЩИКОВ В СЕРЕНЕ. А РСПРАВА С БАСТУЮЩИМИ 9 АПРЕЛЯ 1869 г.
«Illustrierte Zeitung» от 8 мая 1869 г.

Жаль, что работников они подстреливают — когда же солдаты-то поймут, что они бьют своих?[6]

Читал ли ты very dignified letter* Эд. Кине, отказавшегося от депутатства?[7]

А на душе все темь да темь, куда ни смотрю — все песчаный путь — и что вас там наэлектризовало, не понимаю. К тому же у тебя скверная метода — дипломатической осторожности — которая не нужна, так же, как чернилы из серно-кисло-красно-буро-кобальтовой соли, — которыми переписывался ты с Жуком, Капелькой и Соплей[8].

О Тург⟨еневе⟩ буду только в том случае писать, если из рук вон гадко, se no — no**... Не я ему, а он мне подал руку примирения[9].

Прощ⟨ай⟩.

28. Позже

От Тат⟨ьяны⟩ Ал⟨ексеевны⟩ письмо — и доброе, и ужасно жалкое существо. Она вся живет в воспоминании нашего общего светлого времени. Сколько любви к покойнице, к детям[10]. Если б искра этой любви была у N⟨atalie⟩, все было бы не то. Она больна — лежит и заботится о кошках после своей смерти. Nat⟨alie⟩ советует (это уж Satiné) Лизу везти или прислать в Россию. «Вы-де не имеете право ее отнимать от родины и родных — это злоупотребление власти и эгоизм».

Далее — книги и журналы после 2-го мая не посылай, даже после 1⟨-го⟩, письма — после 3⟨-го⟩.

Что за Hôtel de Genève ты изобрел? Где это? И когда я там останавливался? Я на этот раз остановлюсь в Hôtel de la Couronne.

Наконец-то я прочитал книгу Наке[11], которая наделала столько шума. Радикально — но плохо, сухо, угловато и местами неверно — с другой стороны, есть и бонпринсипные морали.

* чрезвычайно достойное письмо (англ.).
** если нет — нет (итал.).

Я абсолютно ничего не делаю.

Всё чудеса. Сейчас Черкесов принес «Голос» (95 №), в котором мое колкое письмо против «Бирж⟨евых⟩ вед⟨омостей⟩». — Как же это случилось, что я ни № не получал, и ты не видал?? [12]

[1] Перифраза первой строчки пушкинского стихотворения «Клеветникам России»: «О чем шумите вы, народные витии?».

[2] Огарев ожидал приезда Герцена в Женеву для переговоров по поводу «бахметевского фонда», на который он рассчитывал в предпринятой им совместно с Нечаевым и Бакуниным пропагандистской кампании. Кроме того, он надеялся, что Герцен поставит свою подпись под его прокламацией «Наша повесть (посвящено русским студентам)».

[3] Раймунд *Монтекуколи* (1609—1680) — австрийский полководец, прославившийся в «тридцатилетней войне» быстротой и неожиданностью своих военных операций.

[4] В прокламации «Постановка революционного вопроса» Бакунин писал, обращаясь к русской студенческой молодежи: «...бросимся, братцы, дружно в народ, в народное движение, в бунт разбойничий и крестьянский ⟨...⟩, сплотим все разрозненные мужицкие взрывы в народную революцию, осмысленную и беспощадную» («Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву». Женева, 1896, стр. 474). Такие же призывы содержались и в предшествующей листовке Бакунина «Несколько слов к молодым братьям в России» (т а м ж е, стр. 463—468). Считая подобного рода призывы авантюристическими, Герцен в шутку сравнивает прокламацию Бакунина с манифестом прусского фельдмаршала, брауншвейгского герцога Вильгельма-Фердинанда революционному Парижу в 1792 г. Герцог грозил срыть Париж до основания, если не будет восстановлена власть короля Людовика XVI.

[5] Леон *Фонтен* — брюссельский журналист; издавал в Брюсселе газету «Cloche», в которой перепечатывал статьи из герценовского «Колокола», а затем — газету «Rive Gauche». См. о нем выше, в письмах к Н. А. Герцен.

[6] В апреле 1869 г. происходили стачки сталелитейщиков в Серене и углекопов в Боринаже. Правительственную расправу с ними К. Маркс называл «ужасающей военной драмой» (К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. XIII, ч. I, 1936, стр. 325).

[7] Во время выборов в Законодательный корпус в мае 1869 г. Э. Кине, находившемуся в эмиграции, было предложено выставить свою кандидатуру в Париже. Э. Кине отказался участвовать в выборах при существующем политическом режиме. По этому поводу им была написана брошюра «Réveil d'un grand peuple» («Пробуждение великого народа», (1869).

[8] Герцен иронизирует здесь по поводу конспиративной переписки Огарева с представителями молодой эмиграции (*серно-кисло-красно-буро-кобальтовая соль* — намек на А. А. Серно-Соловьевича, *Жук* — на Н. И. Жуковского, или, быть может, на А. А. Жука, члена утинской «пятерки» в «Земле и воле», *Капелька*—на Е. И. Утина, *Сопля*—на Н. А. Вормса).

[9] Герцен имеет в виду письмо И. С. Тургенева от 2 марта/18 февраля 1869 г.— после длительного перерыва в их переписке (см. «Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену». Женева, 1892, стр. 199—200).

[10] Это письмо Т. А. Астраковой нам неизвестно. См. о нем в письме к детям от 2 мая 1869 г. (XXI, 373).

[11] Альфред *Наке* (1834—1916) — французский ученый и политический деятель, член центрального комитета «Лиги мира и свободы», был близок к Бакунину. Его книга «Religion, propriété, famille» вышла в 1869 г. и вызвала репрессии против автора: Наке был приговорен к тюремному заключению.

[12] В № 95 «Голоса» от 5 (17) апреля 1869 г. было опубликовано письмо Герцена по поводу статьи о нем в № 71 «Биржевых ведомостей» (см. XXI, 366).

21

⟨Брюссель.⟩ 16 августа ⟨1869 г.⟩. Понедельник

От часу не легче — представь себе, что вчера я уговорил *в первый раз* Nat⟨alie⟩ взять Лизу и идти со мной в театр смотреть «Patrie» Sardou[1]. Дирекция ездила просить Гюго посетить театр и дала ему директорскую ложу. Он увидел меня и прислал обоих сыновей — нас непременно перетащить к нему в ложу. Я пошел парламентером. Вижу, что ничего не сделаешь. Мы отправились, и теперь табло* *В. Гюго и Лиза* — перед всем городом в передовой ложе — и глаза и трубочки всех, бракированные**

* картина (от франц. «tableau»).

** направленные (от франц. «braquer»).

на них. Гюго ею восхищался, целовал руки — и не выпустил три действия. При этом следует заметить, что Лизе это очень понравилось[2]. В ложе были Jules Simon[3] и всякие куртизаны Г⟨юго⟩. Гюго был очень мил. Вместо сегодня я у него обедаю и читаю завтра[4].

Еду 18-го в Париж — как сказано.

А англичанин-то, писавший мне письмо из Женевы, — проприетор* «Атенея» и хотел со мной советоваться насчет путешествия в Россию его и Dixon[5] — с целью писать книгу, вот промах-то дали мы. Вина вся его — бессмысленное письмо и к тебе не пошел.

Прощай.

[1] Драма французского драматурга Викторьена Сарду «Patrie» (1869) на сюжет из истории Нидерландов XVI в. пользовалась большим успехом.

[2] О встрече Гюго и Герцена в театре см. также выше письмо к А. А. Герцену от 18 августа 1869 г. и «Воспоминания» Н. А. Тучковой-Огаревой (Л., 1929, стр. 262—263).

[3] *Жюль Симон* (1814—1896) — французский буржуазный политический деятель, участник революции 1848 г., умеренный республиканец; впоследствии — с 1870 г.— министр народного просвещения, один из вдохновителей борьбы с Парижской Коммуной.

[4] Герцен читал у Гюго отрывки из «Былого и дум». О встрече с Гюго в Брюсселе см. также письмо к Огареву от 15 августа 1869 г. (XXI, 423).

[5] Издателем английского литературно-библиографического еженедельника либерального направления «Athenæum», в котором неоднократно рецензировались произведения Герцена, был Дж. *Френсис*.— Вильям *Диксон* (1821—1879) — известный английский публицист и путешественник.

22

⟨Брюссель.⟩ 18 ⟨августа 1869 г.⟩. Середа

Еду сегодня с последним train** или завтра с первым. Во всяком случае, завтра я в Париже, пиши *Gr⟨and⟩ hôtel du Louvre* (du Louvre необходимо прибав⟨лять⟩, потому что есть Grand hôtel на бульваре).

Чтение удалось, как нельзя больше[1]. Гюго в восхищении, хочет, чтоб я дал отрывки в «Rappel». Я вообще никак не ждал, чтоб он был в такой степени любезен и мил — хотя, разумеется, страшно набалован своей царской ролей, продолжающейся больше сорока лет. Он непременно хочет, чтоб после моего возвращения N⟨atalie⟩ и Лиза у него обедали.

Вот и всё.

После обеда. Еду завтра. Обедаю уже в Париже — 20⟨-го⟩ буду писать. В Трувиль вряд поеду ли — я здоров, и только меня донимают головные боли.

[1] См. примеч. 4 к предыдущему письму.

23

19 августа ⟨1869 г.⟩. Paris.
Grand h⟨ôtel⟩ du Louvre, № 169

Шесть часов. Прибыто в вожделенном здравии — ничего не ел и иду обедать.

Что за болезнь у Мери?[1]

Прощай.

Сообщи Тхорж⟨евскому⟩: письмо его получил двумя днями позже[2].

[1] Мери Сетерленд.

[2] Письмо С. Тхоржевского неизвестно.

---

* владелец (от англ. proprietor).

** поездом (франц.).

24

⟨Париж.⟩ 21 августа ⟨1869 г.⟩ 3 часа. Суббота

Herr und Gönner*,

Дела финансовые покончил блестящим образом[1] — и, как ожидал, все издержки поездки с лихвой покрыты. Литературные идут плохо, т. е. медленно. Никого не найдешь и не поймаешь. Париж-с[2].

Ты как ни скрывал от меня дело Оболенско-Мрочкоски[3], сверх письма Тхорж⟨евского⟩ — я здесь слышал тысячу подробностей.

К 28 я всё кончу и в субботу вечером наверное буду в Брюсселе — твоих писем жду[4]. Я третьего дня писал к тебе о приезде и дал адреса[5].

Париж не веселит — пожить бы надобно здесь, т. е. на сору.

Спроси у Тхорж⟨евского⟩ счет обеда в Bouillon Duval. Это поразительно — за 2 фр⟨анка⟩ 50 можно наесться на сутки.

Прощай. Буду писать, может, завтра à tête reposée**.

После четверга пиши в Брюссель.

Прощай.

[1] Герцен выгодно продал Ротшильду часть американских ценных бумаг, в которые были вложены его капиталы.

[2] Герцен вел переговоры об издании во Франции своих произведений, в частности «Былого и дум» (см. письма к Н. А. Тучковой-Огаревой и к сыну — XXI, 427—428 и выше, в публикации письма Герцена к Э. Дантю).

[3] О Валериане *Мрочковском*, гражданском муже кн. З. С. Оболенской, см. выше, в примеч. 5 к письму № 11.— «Дело», о котором идет речь,— история насильственного увоза детей Оболенской, осуществленного ее мужем — кн. А. В. Оболенским — с помощью швейцарских властей—изложена в публикации С. А. Макашина — «Лит. наследство», т. 63, 1956, стр. 74—78.

[4] Герцен выехал в Брюссель не в субботу 28-го, а в воскресенье 29 августа 1869 г.

[5] См. выше письмо № 23.

25

⟨Париж.⟩ 22 августа ⟨1869 г.⟩. Воскресенье
9 H⟨ôtel⟩ du Louvre. 2 часа

Наконец-то и ты написал о мелодраме[1]. Здесь Пятк⟨овский⟩, Reclus и Выр⟨убов⟩ ее знали. Двух суждений тут быть не может. Я готов хоть сейчас Бундесрату написать, что отказываюсь от натурализации. Пером и словом (наш генерал Дедякин III[2] — «пером и мечом») готов служить Утину и к⟨омпа⟩нии. Передай им через Трусова мое полное и искреннее участие и готовность писать — но для всего нужно знать факты и *без фиоритуры*[3].

Вот тебе, Ник, и республика!

Бакунина, верно, не взяли потому, что велика масса, таких тюрем нет в Гелвеции — ах они поганцы, форельщики, иворнщики, часовщики — швейцары при Альпийских горах. Вот теперь только, почтенные, вы оцените мою статейку о Женеве[4].

Ну, что Резен?[5] — Это интересно бы знать.

Я солгал бы, если б сказал, что особенно расчувствовался по поводу смерти С⟨ерно⟩-Сол⟨овьевича⟩ — все же он был ядовитый прыщ — виноват он или нет — не мое дело (ты же ни в чем не можешь допустить вину), но клоп, невинно воняющий клопом, все же гадок. Он был не глуп, но задохнулся прежде дыма[6] — самолюбием, завистью, и кусался, как бешеная собака.

---

* Милостивый государь и благодетель (нем.).

** на свежую голову (франц.).

Поддерживай Чернецк⟨ого⟩ в *ревностном начале* «Egalité» — бога ради, на места надежд почти вовсе нет. Печать будет — и деньги из фонда *я даю* взаймы на машину [7].

Was willst du denn mehr! *[8]

Посылаю на удивление миру карту одного из бульонов [9].

Ах, надобно бы переехать просто и дефинитивно в Париж — ну, придавит чем-нибудь — туда и дорога. Надобно честь знать. В Швейцарии я жить не буду.

Что ты заботишься с кольцами и запиской — лежали три месяца, пролежат и три с неделей [10].—Рукописей сюда особенных не посылай — в Брюссель можно на мое имя и на старый адрес.

Разумеется, я здесь один. Как ты мог думать, что я на девять дней поеду со всеми? И в отель, где комната стоит 6 фр⟨анков⟩? — Всё горячечку порешь⟨?⟩.

[1] Письмо Огарева, где идет речь о «мелодраме», т. е. о деле Оболенской, неизвестно.

[2] Вероятно, здесь намек на А. М. *Дренякина*, генерал-майора, усмирителя крестьянского восстания в Пензе в 1861 г. Дренякиным II в шутку называл себя Бакунин, подчеркивая свою всегдашнюю готовность к решительным действиям (см. «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 773).

[3] Герцен пытался привлечь к делу Оболенской общественное мнение, используя свои связи с прогрессивной европейской прессой (см. следующие письма). Он стремился установить в этом деле «единый фронт» действия с «молодой эмиграцией», о чем и просил передать через А. Д. Трусова, ведавшего в Женеве типографией «Народного дела». Герцен, однако, не был поддержан «молодой эмиграцией».

[4] Герцен имеет в виду критику буржуазной Швейцарии в своей статье «Альпийские виды.— Женева». Рукопись ее относится к 1867 г. I и II главы впервые напечатаны в № 16 «Недели» за 1869 г., III гл.— в издании М. К. Лемке (XIV, 773—779), полный текст последней — в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 140—145.

[5] *Ревен* — знакомый К. Фогта. Другими сведениями об этом лице мы не располагаем. Неизвестно также, чем вызван интерес к нему Герцена в данном письме.

[6] А. А. Серно-Соловьевич покончил с собой 16 августа 1869 г., отравившись угарным газом.

[7] План участия Чернецкого в печатании «Egalité»— органа женевских секций I Интернационала — возник еще весной 1869 г. Об этом писал Герцену Огарев 27—28 марта, сетуя на нерешительность Чернецкого («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 542). Потерпев неудачу в попытке найти для Чернецкого службу в Париже (см. письмо к Н. А. Тучковой-Огаревой от 22 марта — XXI, 427), Герцен вновь обращается к идее — передать ему печатание «Egalité», считая возможным для такой цели выделить средства из бахметевского фонда. Однако и этот проект устройства Чернецкого не осуществился.

[8] Неточная цитата из «Книги песен» Гейне (стихотворение «Возвращение на родину»).

[9] Герцен послал меню («карту») известного ресторана «Bouillon Duval», о котором писал 21 августа 1869 г.: «Теперь его отделения во всем Париже, во всех кварталах» (XXI, 426).

[10] См. письмо к Н. А. Тучковой-Огаревой от 22 августа 1869 г. (XXI, 426).

26

⟨Париж.⟩ 24 августа ⟨1869 г.⟩. Вторник

Вчера Эм. Араго сказывал мне, что Березовский умер в Новой Каледонии — от чахотки [1]. Ар⟨аго⟩ в сильном негодовании от гнусной обол⟨енской⟩ истор⟨ии⟩ — и говорит, что все, сделанное без суда,— совершенно беззаконно. Подлых швейцарцев надобно проучить.

Пришли в Брюс⟨сель⟩ «Совр⟨еменную⟩ лет⟨опись⟩», в которой Катков говорит, что Белинский напрасно жаловался на Краевск⟨ого⟩ [2].

Как это никто из вас мне ни слова не писал о статье в «Volkszeitung»— где и я обруган [3]. Не встреть я Reclus, я не знал бы.— Пришли, если можно. И зачем Бакун⟨ин⟩ не отвечал?

---

* Чего тебе еще надобно? (нем.).

С Мазадом имел свиданье и буду иметь другое. Он очень учтив — но сделает ли что — другое дело. Говорил о Бакун⟨ине⟩. Он, разумеется, сказал, что они рады помещать его записки. Пусть Бакун⟨ин⟩ прямо пишет к нему, т. е. к Мазаду, ссылаясь на меня (16, Rue Bonaparte — à la «Revue des Deux Mondes»). Но надобно, чтоб он определенно написал *срок* первой fournée* — иначе лучше не писать[4].

Сегодня иду на свиданье с Лакруа[5]. Время мало — надобно бы сдать в Брюс⟨селе⟩ квартиру (31 августа), да опять возвратиться сюда. Если я буду налицо, дело наладится, если пойдет письмами — ничего не будет.

Опасность писем всего лучше постиг непостижимый Тхоржевский. N⟨atalie⟩ ничего не получала, ничего не писала — и, стало, ее дело сторона. Все вышло из его безграмотной фразы — он говорит, куда газеты *посылать, посылаю и письмо на имя Н⟨атальи⟩ А⟨лексеевны⟩ poste restante — на старый адрес.* Я, только получив твое письмо, разобрал, что слово poste restante относится к письму. Но если нельзя и за это сделать дружеского замечания — то, действительно, надобно покончить дела[6]. Я ему написал мягко (прочти записку), но выносить бешенство всех, еще не сидящих в Бисетре[7], скучно. А ты все с Сер⟨но⟩-Сол⟨овьевичем⟩ и *виной* возишься — точно я не писал, что *клоп невинно скверно пахнет.*

1 сентября ты получишь 500 фр⟨анков⟩.

Тут и последняя сотня Туца, которому кланяюсь.

Выруб⟨ова⟩ — видел.

[1] Франсуа-Виктор-Эмманюэль *Араго* (1812—1896) — французский политический деятель и адвокат. В 1867 г. защищал в суде А. Березовского, совершившего в Париже покушение на Александра II. Благодаря блестящей защитительной речи Э. Араго, присяжные вопреки прокурору, требовавшему смертной казни, приговорили А. Березовского к пожизненным каторжным работам. Слух о его смерти был ложным. Он прожил еще 47 лет и умер лишь в 1916 г. на одном из островов Новой Каледонии, где находился сначала на каторжных работах, а с 1886 г. на поселении (см. «Polski Słownik Biograficzny», т. I. Krakow, 1935, str. 450—451).

[2] Речь идет об анонимной статье в № 29 «Современной летописи» за 1869 г., напечатанной в форме письма из Петербурга от 28 июля. Статья вызвана опубликованием в № 4 «Вестника Европы» за 1869 г. «Воспоминаний о Белинском» И. С. Тургенева, где говорится о том, что издатель «Отечественных записок» А. А. Краевский эксплуатировал Белинского, вынуждая его писать библиографические обзоры. Краевский пытался оправдаться тем, что Белинский получал гонорар не в виде месячной платы, а по количеству листов и что тем самым занятия библиографией были ему выгодны («Голос», 1869, №№ 100 и 204). Автор статьи в «Современной летописи» (возможно сам редактор ее — М. Н. Катков, также сотрудничавший ранее в «Отечественных записках»), характеризуя Белинского как человека раздражительного и всегда всем недовольного, клеветнически объяснял его полемику с «Отечественными записками» в период работы в «Современнике» соображениями конкуренции двух журналов.

[3] Отсутствие комплекта «Volkszeitung» за 1869 г. в библиотеках СССР не позволяет установить, о какой статье идет речь.

[4] Герцен советовал Бакунину издать воспоминания о годах заключения в Дрездене, Ольмюце, Градчине и вел по этому вопросу переговоры с французскими издателями.

[5] См. следующее письмо и примеч. 2 к письму № 24.

[6] Письмо Тхоржевского, Огарева и записка Герцена не сохранились.

[7] Дом умалишенных под Парижем.

27

⟨Париж.⟩ 26 августа ⟨1869 г.⟩. Четверг

Новое испытание — получив отказец от ультрарадикальной газеты по делу Обол⟨енской⟩, я отправился в Жирардинницу и нашел самое горячее участие. Теперь орган пойдет. Сегодня в «Liberté» или завтра будут отрывки из статьи «Suisse Radicale»[1].

---

* партии (франц.).

Дела книжные еще не кончены — впрочем, припишу после обеда; сегодня три свиданья — с Мазадом и Лакруа, который вовсе не прочь от издания, и с Тесье[2] (я его искал по всему городу, а он спокойно жил в том же отеле). Он везет меня к деловому человеку, чтоб написать условия для Лакруа. Тесье во главе своей газовой компании получает 44 т⟨ысячи⟩ жалованья.

А какие вы чудаки — ну, вместо того, чтоб через моря и суши умолять меня выписывать 3 № «Zukunft'a»[3], стоящие, вероятно, 6 су, — разве

АМСТЕРДАМ

Гравюра братьев Руаргов из книги E. Texier «Voyage pittoresque en Hollande et en Belgique», 1857

не легче было послать к Георгу и дать ему эту комиссию и даже выписать 2 экз⟨емпляра⟩ и истратить сумму в *12 су*... я прошу об этом Тхоржевского. Куды я здесь буду выписывать в Париж — но я еду в воскресенье в Брюссель. Делайте проще — вещи простые. Бакун⟨ин⟩ должен на сходке и за меня их пугнуть[4].

Я познакомился с сыном Flourens'a[5], он мне ужасно понравился лицом и благородством всей посадки.

Тесье задал мне великолепный завтрак вчера, а третьего дня Давыд⟨ов⟩ — обед. Сегодня Вырубов — живу на чужих харчах. Вообще все и вся меня превосходно *приняли и принимают*[6].

Для Тхор⟨жевского⟩

Скажи ему, что, видно, я не локтем нос утираю. — Амер⟨иканские⟩ фонды вчера были 96, а я ему купил за 85—50, т. е. он имеет на них, сверх 6%, еще 10% барыша, — думаю, что недурно. Если при мне будут они в *100*, я продаю.

В воскресенье еду утром и *обедаю* в Брюсселе. Буде письмо опоздает — перешлют.

[1] Герцен хлопотал о помещении в «Rappel», «ультрарадикальной газете», статьи о деле Оболенской известного журналиста Камилла Фарси. Она действительно была напечатана в «Liberté» («Жирардинница» — от фамилии издателя — Э. Жирардена) в номере от 30 августа. Статья эта, по-видимому, была составлена К. Фарси на основе опубликованной в «Suisse Radicale» статьи по этому же делу Эдуарда Бонгара, швейцарца, близкого к кружку Н. И. Утина, приятеля Мрочковского и Оболенской. Отсутствие в библиотеках СССР комплекта «Suisse Radicale» за 1869 г. не позволяет установить, в каком номере газеты появилась статья Э. Бонгара. В «пражской коллекции» сохранилась его записка на французском языке, которая, вероятно, и послужила основой статьи (ЦГАЛИ, ф. 5770, ед. хр. 62а). См. об этом в публикации С. А. Макашина в «Лит. наследстве», т. 63, 1953, стр. 74—78.

[2] О М. Э. *Тесье дю Мотте* см. в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 288—290.

[3] В 1869 г. в газете «Zukunft» печатались «Русские письма» С.-Л. Боркгейма. Статьи в №№ 167, 187 и 189 посвящены Бакунину.

[4] Герцен, очевидно, рассчитывал на выступление Бакунина против сторонников Генерального совета на предстоящем Базельском конгрессе I Интернационала. Это тем более вероятно, что в предыдущем письме он упоминает неизвестную нам статью в «Volkszeitung», где был «обруган» вместе с Бакуниным.

[5] Густав *Флуран* (1838—1871) — сын известного французского физиолога и врача М.-Ж.-П. Флурана, французский политический деятель, впоследствии участник Парижской Коммуны. В 1868—1869 гг. активно сотрудничал в радикальной печати.

[6] О встречах с Тесье и Вырубовым см. также в письмах к Лизе от 26 августа и к Н. А. Тучковой-Огаревой от 26 и 27 августа 1869 г. (XVI, 430—432). О каком Давыдове идет речь, выяснить не удалось. В комментариях к письмам Герцена этого периода М. К. Лемке ошибочно указывает на В. Л. Давыдова. Более вероятно, что это то же лицо, которое упоминается в письмах к Огареву от 4 февраля 1863 г. (XXI, 37) и 19 октября 1867 г. (XX, 27) и к Н. А. Тучковой-Огаревой от 2 марта 1865 г. (XVIII, 53).

28

Огареву

Bruxelles, 30 août 1869

Ничего не окончив, я приехал сюда для сдачи дома. — Кажется, что Лакруа, поломавшись, сделает издание записок. — Мы с ним поругались — это нас сблизило.

Подробностей о деле Об⟨оленской⟩, я писал тебе, я знаю больше вас. Что же вы-то там не шумите — один Bongar умел написать и напечатать[1]; что же Утин и вся барака*. Процесс делать надобно не Обол⟨енскому⟩, а полиции, префекту, адвокату. Я с злобой и негодованием вижу, что радикальные редакции скорее замяли бы дело. «Республика-де задета!». Да и «Liberté» надула[2]. — Я сегодня пишу в «Siècle» (Таксиль Делору), с которым толковал об этом[3]. И зачем нет печатной mémoire об этом деле — есть же рукописная статья...[4]

Я сегодня перееду в отель — пиши poste restante. Н⟨атали⟩ и Лиза здоровы. Жары были ужасные — сегодня легче.

Ты получишь от Тхоржевского 500 фр⟨анков⟩ (за вычетом взятых прежде) — это 400 за сент⟨ябрь⟩ и послед⟨ние⟩ 100 Туца. Да еще один барин тебе возвратит «взятые на перехват соотчичем» 500 фр⟨анков⟩.

Думаю ехать — подвигаться с N⟨atalie⟩ и Лизой — в Антверпен и Роттердам — это прогулка по каналу на пароходе, — а потом один или со всеми поеду непременно в Париж к концу сентября.

[1] Речь идет о статье Э. Бонгара в «Suisse Radicale» (см. примеч. 1 к предыдущему письму).

[2] В газете «Liberté» в тот же день появилась статья Камилла Фарси (см. следующее письмо).

[3] В «Siècle» от 1 сентября 1869 г. была напечатана статья Герцена («Лит. наследство», т. 63, 1956, стр. 74—78).

[4] Речь, вероятно, идет опять-таки о статье Э. Бонгара.

---

* компания (от франц. «la baraque»).

29

1 сентября ⟨1869 г.⟩
Bruxelles. Hôtel de l'Empereur. Rue neuve

Что-то смертельно скучно, и мне кажется, что все дело Обол⟨енской⟩ уроните в воду. Однажды перерванный крик не возникнет. «La Liberté» (от понедел⟨ьника⟩ 30 августа) поместила. Жду, что сделает «Siècle». «Rappel» тупоумно отказался под предлогом, что этот факт уничтожает prestige* республики. Сегодня я пущу брандер в «Indép⟨endance⟩ Belge»[1]. Зачем же у вас только Bongar умел поднять голос? Неужели они все не только не способны на «Народное дело», но и на свое собственное? Ведь Утин был бит. А сам Бак⟨унин⟩?[2]

30⟨-го⟩ послал тебе, т. е. Тхор⟨жевскому⟩, деньги.

Давно меня ничего так не двигало, как история Обол⟨енской⟩. Вероятно, умнее всего переехать в Париж. N⟨atalie⟩ уговорить можно — оно же и по дороге в Лондон.

А наша старушка Мальвида получила от Шурца проценты[3] и тотчас взяла Ольгу и поскакала в Мюнхен — *на новое представление Вагнеровой оперы*[4]. А когда я писал и звал Ольгу из Флор⟨енции⟩ в Геную — она отказала[5]. Все следствие шаткости моей и бесхарактерности.

Письмо и стихи получил. Да что же ты Неч⟨аева⟩ заживо хоронишь?[6] Vedremo!** Стихи, разумеется, благородны — но того звучного порыва, как бывали твои стихи, caro mio, нет. Ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩, «Свобода» в «Коло⟨коле⟩»[7].

Я типографии покупать не буду. Куда денется Чернец⟨кий⟩? Впрочем, я готов в Париже искать место в типографии. — Покупка типогр⟨афии⟩ была бы не вдвое, а в четвертый раз. Конечно, и тут всё поврежденные мозги, но пойми же, что и мне, наконец, надоест всё это.

Прощай.

4-го лизино рожденье — она ужасно желает твой портрет, сделай же его. Она стòит его за свою любовь к тебе.

Пиши пока в Брюссель. Может, мы и уедем на пять, на шесть дней — а потом собираться в Париж.

[1] Статья о деле Оболенской в «Indépendance Belge» нам неизвестна.

[2] Что касается Бакунина, то о своей готовности принять участие в деле Оболенской он писал Огареву еще в июле 1869 г.: «Я друг княгини и Мрочковского и готов сделать все, что только будет зависеть от меня» («Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву». Женева, 1896, стр. 227). Однако Бакунин откликнулся на дело Оболенской гораздо позже, уже после смерти Герцена. В письме к Огареву от 8 февраля 1870 г. он признавал, что «молчание русской эмиграции в деле Оболенской была большая ошибка», и винил в этой ошибке Н. И. Утина (там же, стр. 257). В этот же день он написал статью «La police Suisse» (по поводу преследований Нечаева швейцарской полицией) и поместил ее в № 8 «Progrès» от 19 февраля. В ней содержится упоминание о деле Оболенской. В мае 1870 г. Бакунин в связи с этим издал брошюру «Les Ours de Berne et l'Ours de Saint-Pétersbourg» (Neuchâtel. Imprimerie G. Guillaume-fils), где несколько страниц посвятил делу Оболенской.

[3] Проценты по американским вкладам Герцена.

[4] Речь идет о премьере оперы «Золото Рейна» Вагнера в Мюнхенском оперном театре.

[5] См. письма Герцена к М. Мейзенбуг от 15 декабря 1868 г. (XXI, 249) и 14 февраля 1869 г. (XXI, 283).

[6] Стихотворение Огарева «Студент», посвященное памяти С. И. Астракова, умершего 24 декабря 1866 г., было написано в 1867—1868 г. В 1869 г. оно вышло отдельной листовкой с посвящением, по просьбе Бакунина, «Молодому другу Нечаеву», что противоречило содержанию стихотворения (см., например: «Жизнь он кончил в этом мире || В снежных каторгах Сибири»).

[7] Стихотворение Огарева «Свобода» впервые напечатано в IV книжке «Полярной звезды» за 1858 г. (стр. 309—310) под названием «„Искандеру“ (1858 год)». В том же

* престиж (франц.).
** Увидим! (итал.).

году оно вошло и в лондонское издание его стихотворений («Стихотворения Н. Огарева. Издание Н. Трюбнер и К°. London», стр. 407—408). Этот текст был без изменения перепечатан в сборнике «Лютня», I (Лейпциг, 1869, стр. 201—202), впервые под новым заглавием — «Свобода».

30

4 сент⟨ября 1869 г.⟩. Суббота.
Bruxelles. Hôt⟨el⟩ des Empereurs. R⟨ue⟩ neuve

1 сент⟨ября⟩ «Siècle» напечатал мою статейку о деле Об⟨оленской⟩[1], я ее завострил высылкой Мац⟨цини⟩ из Лугано. Вчера N⟨atalie⟩, Лиза и я обедали у Гюго, он развивал свои теории будущего — спорить было невозможно, но кое-что против бакунизма вообще верно. Он не поедет в Швейцарию[2].

Сегодня Лизе 11 лет. Хотелось бы ее позабавить — но нет знакомых детей. В театрах дают все похабные пьесы. У Гюго она чуть не уснула вечером.

Пят⟨ковский⟩ отправляется тоже сегодня ко дворам. Я его просил прислать книгу Станкевича о Грановском[3]. Читал ли ты в «Вест⟨нике⟩ Европы» описание смерти Никитина — это ужаснее Кольцова[4].

Засим довольно.

Задал ты «квестию»*, как говорил некогда Тхорж⟨евский⟩, и задал ее еще в мудрено-наивно-ненаивной форме (письмо твое от 1 сент⟨ября⟩ пришло, опоздавши *два дня*). «Что, ты меня оставляешь в Женеве или...»[5] Так спрягаются глаголы deponens** — помнится — страдательно-деятельно. Caro mio, это больше, чем косность — и я решать не берусь — но готов сказать свое мненье-opinion.

Печатать, кроме Женевы и Лондона, нигде нельзя. Куды мы склоним голову на зиму — я и не придумаю, скорее всего в Париже. Оттуда также вытурят — как отсюда, если захотят, но там теперь гораздо интереснее. В Лондон ехать следует в крайности. Полгода пройдет в переговорах — где же риск нанять квартиру над пансионом — риск потери ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩ 200, даже 300 фр⟨анков⟩ недоживу не должен останавливать.

Выписать «Zukunft» — следует *по почте*, а не auf Buchhändl⟨erischem⟩ Wege*** — это азбука, я буду ждать от Георга; почта из Берлина в Женеву ходит 30 часов — стало, в 90 часов можно получить со всеми замедлениями.

«Голос», «От⟨ечественные⟩ зап⟨иски⟩» и пр. — все пришло исправно. Я вижу по «Голосу», что многое и не знаю из кландестинных**** вещей, напр⟨имер⟩ — «Ни к кому?»[6] — да неужели, если у тебя что есть, ты не можешь прислать в пакете или в двух-трех письмах по странице.

Итак, уповая, что вы изволили нанять квартиру над Туцом, поздравляю с новосельем.

Буду следить за Базельским конгр⟨ессом⟩ — боюсь, что Бакун⟨ин⟩ опять уйдет через край[7].

Если на новой квар⟨тире⟩ было бы место для моей мебели, я перевез бы к тебе и упразднил бы квартиру.

☞ Обрати все внимание на пакет.

[1] Статья перепечатана в «Лит. наследстве», т. 63, 1956, стр. 76—77.

[2] Об этой встрече Герцена с Гюго до сих пор сведений не было. Что касается поездки в Швейцарию, то речь идет, вероятно, об участии Гюго в Лозаннском съезде Лиги мира и свободы, состоявшемся в сентябре 1869 г. Гюго изменил свое первоначальное решение и принял участие в работе съезда.

[3] А. В. Станкевич. Т. Н. Грановский. СПб., 1869. См. отзыв Герцена об этой книге в письме к М. К. Рейхель от 22 ноября 1869 г. (XXI, 528).

[4] В № 8 «Вестника Европы» за 1869 г. была помещена рецензия А. Суворина на «Сочинения И. С. Никитина», изданные А. Р. Михайловым (Воронеж, 1869). Описание

* вопрос (от польск. «kwestia»).
** отложительные (лат.).
*** книгопродавческим путем (нем.).
**** подпольных (от франц. «clandestin»).

БРЮССЕЛЬ

Гравюра братьев Руаргов из книги E. Texier «Voyage pittoresque en Hollande et en Belgique», 1857

смерти И. С. Никитина приведено из биографии, написанной М. Ф. Де-Пуле и включенной в предисловие к этому изданию. На Герцена, очевидно, произвели большое впечатление слова поэта, обращенные к отцу, сыгравшему печальную роль в его трагической судьбе: «Я себя убиваю? Нет,— вот мой убийца!» (стр. 900—901).

[5] Письмо Огарева от 1 сентября неизвестно.

[6] В № 222 «Голоса» от 13(25) августа 1869 г. в отделе «Внутренние известия» помещена корреспонденция «Из Привислинского края», в которой говорится: «Г-н Бакунин снова начинает потешать почтенную публику. 2-го августа, в библиотеке квартирующего в Замостье полка, получено несколько экземпляров трех сортов прокламаций: „К молодым братьям", „К учащейся молодежи в высших учебных заведениях" и „Ни к кому", т. е. нечто вроде всесветного благовестия». Корреспондент «Голоса» сообщает, что первая из этих прокламаций подписана Бакуниным, вторая — Нечаевым, третья подписи не имеет. Что касается первых двух, то это «Несколько слов к молодым братьям в России» Бакунина и, по-видимому, «Студентам университета, академии и Технологического института в Петербурге» Нечаева. Прокламации «Ни к кому» не существовало — очевидно это ошибка «Голоса».

[7] Базельский конгресс I Интернационала состоялся 6—11 сентября 1869 г.

31

7 sept⟨embre⟩ 1869. Вторник.
Bruxelles. Hôtel des Empereurs

Вот тебе доказательство, что я в Париже пошумел исправно о деле Обол⟨енской⟩.—Там идет вот какая перестрелка. «Univers» спрашивает «Rappel» зачем он не поместил известия; «Réveil» поместил — так же, как «Siècle», и пошла перестрелка. Если б Ут⟨ин⟩ et C^nie^ были не шелопаи, — на этой полемике можно было вздуть европейское дело. Теперь я ретируюсь — я свое сделал. Но Бакунина обвиняю самым положительным образом — какие тут личности, а если они есть, так, кончивши дело, таскай себя по полу за вихры[1]. Мы могли (теперь я вижу это) вперед сделать невозмож-

ным подобную гнусность — но не умели. А что писать в Лозанну цидулки — в писов* конгресс[2] (который вовсе не является под знаменем Швейцарии) — это уж экскузе**. Да и кто же прочтет? Барни и Густав Фогт[3]. Сверх того, я не могу протестовать как иностранец, а как швейцарец должен легально агитировать против полицейских законов.

Видел в «Liberté» бельгийской Бакунина прокламацию к студентам — постараюсь ее проповедать[4]. Говорят, в «International'е» есть весть, что Бакун⟨ин⟩ снисходительно смотрит на религию — что радует одних[5]. Не знаю, правда ли, а, видно, без компромиссов не обойдется — и все фразы и ультростни***— хороши, как coups de tam-tam ****. Вы далеки еще от этого. Твои стихи то же доказывают — они, как стихи, и колорит их мне лучше нравятся... ну, а косить еще никто не готов[6].

И рядом с хирургией — непрактическое неведение дел мира сего. Милые мои монастырки — ты можешь в 1869 году думать, что стихи, писанные тобой по-русски в 1859, помнит Париж?.. Да я-то, писавший «La France ou l'Angleterre?» и статьи в «L'Homme'е» etc., etc.? И что можно сделать после десятилетней давности — да еще срезанной *полной* амнистией?[7] И неужели ты не чуешь иной ветер — и мог думать, что без него я поеду делать опыт там остаться? [8] Помнишь, как Долг⟨оруков⟩ прятался на море, переезжая из Лондона в Гамбург, что ли? [9]

N⟨atalie⟩ согласна на опыт пожить в Париже — устроившись троху, я приеду для конференции.

Чернецкого хлещи вожжей и бичом — а не рукавицей... а хочет на дороге лечь «для покоя и свободы» — без машины — оставь[10].

Ты превосходно сделал, что не телеграфировал телеграмму Мальвиды... и кто ей сказал, что я в Женеве? Elle a perdu la boule*****.

Если погода позволит, мы собираемся 9-го или 10-го (пятница) в Антверпен, 11 будем в Роттердаме, 13 в Амстердаме и 15 или 16 в Брюсселе. Письма останутся здесь в отеле или я их выпишу — менять адрес хуже... но в непредвиденном случае можете послать одно письмо — Hollande — Rotterdam — poste restante. Думаю, что к 20 будем в Париже. Как-то двинется дело изданий?

Засим прощай.

Правда ли, что Эйтель, подписавшийся на писовом предложении, отказался быть адвокатом Утина и Мрочк⟨овского⟩?[11]

Был у меня еще раз *Вихерский* — герой не моего романа. Озеров в Париже порассказал мне довольно о польских чудесах[12].

После обеда

«Indépendance» говорит, что Тимашев составил проект *уменьшения прав печати.*

[1] Герцен считал, что Бакунин не принимает участия в полемике по делу Оболенской вследствие своих расхождений с Н. И. Утиным и его окружением. В письме к Тате от 12 сентября он писал: «Бакунин по злобе на них не помогает» (см. выше в настоящем томе). Бакунин выступил по делу Оболенской позднее (см. примеч. 2 к письму № 29).

[2] 4 сентября 1869 г. в Лозанне состоялось открытие III Конгресса Лиги мира и свободы. По-видимому, Огарев предлагал писать Конгрессу протест по поводу дела Оболенской.

[3] Жюль *Барни* — французский философ и политический деятель, эмигрировавший в Швейцарию после 2 декабря 1851 г., профессор Женевского университета, активный участник Лиги мира и свободы.— Густав *Фогт* — брат К. Фогта, юрист.

---

* мирный (от англ. «peace»).
** извините (от франц. «excusez»).
*** преувеличения (шуточное производное от «ультра»).
**** удары в там-там (франц.).
***** она одурела (франц.).

[4] В № 115 газеты «Liberté» (орган брюссельской секции I Интернационала) от 5 сентября 1869 г. была напечатана прокламация Бакунина «Несколько слов к молодым братьям в России» («Quelques paroles à mes jeunes frères en Russie»).

[5] Эти слухи о Бакунине не были обоснованы. В №№ 34, 35, 36 и 37 газеты «Internationale», органа бельгийских секций I Интернационала, был перепечатан цикл статей Бакунина из швейцарской «Egalité» (№№ 29, 30, 31 и 32) под названием «Politique de l'Internationale» («Политика Интернационала»). В этих статьях Бакунин верно разъяснял политику Интернационала, утверждая, что наличие религиозных убеждений не может быть препятствием для вступления в его ряды, хотя это не означает безразличия Интернационала к религиозным идеям, не исключает необходимости борьбы с ними.

Однако, зная «крайности» Бакунина, Герцен мог усматривать своего рода «компромисс» и в той терпимости к религиозным убеждениям членов Интернационала, о которой писал Бакунин.

[6] Герцен имеет в виду стихотворение Огарева «Студент», изданное как прокламация.

[7] Очевидно, в не дошедшем до нас письме Огарев высказывал опасение по поводу переезда в Париж и ссылался на свои литературные выступления в 1859 г. В частности, это могло относиться к стихотворению «Франция», написанному Огаревым в связи с террором после провозглашения империи Наполеона III.

Герцен пишет о декрете 15 августа 1869 г., которым во Франции объявлялась амнистия «всем лицам, подвергшимся судебному взысканию за политические преступления и проступки, также за проступки, совершенные путем печати, либо книжной торговли, или за злоупотребление правом публичных сходок».

[8] «Иной ветер», т. е. иную политическую атмосферу, Герцен улавливал в либеральных обещаниях Наполеона III.

[9] По-видимому, речь идет о П. В. Долгорукове.

[10] Перефразированные строки из стихотворения Огарева «Студент». Герцен имеет в виду решение Чернецкого ликвидировать часть типографии. См. по этому поводу также письмо к Огареву от 17 сентября 1869 г. («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 429).

[11] *Эйтель* — швейцарский адвокат, член Лиги мира и свободы. Соответствовали ли действительности дошедшие до Герцена слухи о его отказе принять участие в процессе по делу Оболенской, который пытались организовать Мрочковский и его друзья, проверить не удалось. Процесс этот, как известно, не состоялся.

[12] Какие конкретно сведения о Польше сообщил Герцену В. М. Озеров, установить не удалось.

32

9 сентяб⟨ря 1869 г.⟩. Bruxelles. Четв⟨ерг⟩

Книжку Де-Роберти на русск⟨ом⟩ уже мне Вырубов дал[1]. Скучна и написана по контовским трафаретам. Выр⟨убов⟩ помещает фельетоны в «Петерб⟨ургских⟩ вед⟨омостях⟩»[2]. Вот их бы почитал ты. Это квинтэссенция умника-резонера, либерально-консервативного. С чего ты вдруг разъярился на Гюго?.. Яриться, так на этих господ. Гюго — француз, неоякобинец и фантазер, но он твердо стоит за свою республику и свободу à la Maz⟨zini⟩ — а эти au bout du Конты? * Досадно, что иной раз приходится с ними соглашаться[3].

Жаль, что у тебя был припадок, но думаю, что поговорить с русским экономистом небесполезно[4]. Что значит говорить и видеть — это я испытал в нынешнее путешествие (после Женевы и в Женеве). Я ничего не делал, а сотни вещей стали яснее, стали не те[5]. Ваше кенобитическое ** житье вредит глазомеру, и ты с Бакун⟨иным⟩ в *вашей истине* — столько же далеки от истины *прикладной*, возможной, как были первые монахи христианства. Тут, может, лежит главная причина, почему следует жить в Париже.

Лучшее, что можно сделать,— это теперь оставаться тебе в Женеве до весны или лета. Я попробую устроиться в Париже. Насчет денег ты имеешь в нынеш⟨нем⟩ году еще 1500— распоряжайся ими, как знаешь.

* Игра слов: выражение «au bout du compte» — значит «в конечном счете», слово compte во французском произношении звучит так же, как фамилия Конт.

** монастырское (от греч. «киновия» — так называемый общежительный монастырь).

Если Сат⟨ин⟩ пришлет, пойдет на 1870 — а много пришлет — возьми единовременно. Насильно покупать машину для Чернецк⟨ого⟩ вряд полезно ли. О машинах вообще мне в Париже легко справиться[6].

Неужели Утин и после статьи «Journal de Genève»[7] не разродит ничего? — Это из рук вон. Впрочем, вашу «Киновию» этот вопрос занимал сначала только. Вы не видите, что это Anknüpfungspunkt *, из которого можно было сделать кампанию.

Bakouniad'у послал Таксиль Делору[8]. Ну, вот и Сер⟨но⟩-Сол⟨овьевич⟩ провозглашен Чесноковичем в «Peuple Polonais» и Бакун⟨иным⟩ в «Egalité» — за великого человека. Почему его самоубийство скрыто—zu diplomatisch!** Когда он «жил своим трудом... своим пером?». Когда он так бедствовал (минутами, когда Черкесов не присылал деньги)?[9] И, наконец, что же он сделал собственно — написал брошюру против меня и «Николку-публициста»[10]. A propos к Бедламу — я здесь познакомился с одним из князей Голиц⟨ыных⟩, перешедших в католицизм — и сделавшихся в силу того эмигрантами[11].

Еду в два часа—в Антверпен, в субботу поеду в Роттердам. В середу (5 сен⟨тября⟩), вероятно, буду в Brux⟨elles⟩. Письма велю оставить на почте, а что важное, пиши несколько слов в Роттердам, я справлюсь.

К 20⟨-му⟩, как сказано, и как Боткин[12] будет — в Париже.

Прощай.

Присылай все, что будет по части Базельского конгресса сюда.

Лиза процветает. У нас все время было тихо — но вчера чуть не возобновились дурные сцены. N⟨atalie⟩ понимает, что, переменив фамилию,— она сделала не легче, но спутаннее свое положение — и все это хочет вымещать на мне — который был против[13].

Тхорж⟨евскому⟩ усердно кланяюсь и прошу сходить к Георгу и требовать сейчас присылки журнала Якоби[14].

Мюллер-Стрюбинг был во Флоренц⟨ии⟩ и Антиняно[15].

[1] Речь идет о книге Е. Де-Роберти «Политико-экономические этюды (предметы, законы и метод политической экономии)». СПб., 1869.

[2] В 1869 г. в «СПб. ведомостях» печатались фельетоны Вырубова «Из парижской жизни» (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 430—431).

[3] Отсутствие письма Огарева не позволяет выяснить, что именно вызвало его возмущение: возможно, что выступление Гюго на конгрессе Лиги мира и свободы, происходившем тогда в Лозанне. Герцен противопоставляет здесь республиканскую позицию Гюго оппортунизму позитивистов. Ср. также высказывание Герцена о Гюго в письме к Огареву от 17 сентября 1869 г.: «Гюго мечтает о революционной войне à la 93 год» («Лит. наследство», т. 61,1953, стр. 430). Последние слова комментируемого письма, по всей вероятности, относятся к Вырубову (см. об этом публикацию Н. П. Анциферова в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 55—60).

[4] По-видимому, речь идет о Е. И. Рагозине. См. о нем примеч. 2 к письму 36.

[5] Герцен имеет в виду свои встречи с Бакуниным, Гюго, Вырубовым, Э. Реклю, Тесье, В. Озеровым и другими.

[6] Вопрос о покупке печатной машины для Чернецкого встал в связи с проектом участия его в печатании «Egalité».

[7] Судя по письму Герцена от 23 сентября (№ 33), где он просит Огарева прислать «статью префекта о деле Оболенской», в «Journal de Genève» была помещена официозная информация об этом деле.

[8] В редакцию «Siècle» Герцен, очевидно, послал прокламацию Бакунина, напечатанную в бельгийской газете «Liberté», которую он собирался «проповедовать» (см. предыдущее письмо).

[9] *«Peuple Polonais»* — журнал польской эмиграции в Женеве. В журнале был помещен некролог А. А. Серно-Соловьевичу. Говоря о «Чесноковиче», Герцен имеет в виду редактора «Peuple Polonais» А. Ченсновича. В «Egalité» некролог был напечатан в № 33 газеты от 4 сентября 1869 г. (без подписи). Подчеркивая заслуги А. А. Серно-Соловье-

---

* отправной пункт (нем.).

** слишком дипломатично! (нем.).

вича в деятельности Интернационала, автор писал: «Забросив все другие занятия, отказавшись от сна, жертвуя даже здоровьем, всегда на месте, всегда готовый принять известия, распространить их, редактировать письма, циркуляры, объявления — одним словом всегда на посту, он был душою этого первого сражения, так много значившего в успехах „Интернационала" в Женеве».

На каком основании Герцен поставил некролог в связь с Бакуниным, видимо, считая его автором,— неизвестно. По мнению Б. П. Козьмина, сообщенному редакции «Литературного наследства», весьма сомнительно, чтобы Бакунин был автором некролога Серно-Соловьевича. Герцен знал, что Бакунин входил в редакцию «Egalité» и лишь потому мог приписать ему авторство. Фраза «он жил своим пером» («il vécut... de sa plume») приводится Герценом также из этого некролога.

В некрологе «Egalité» действительно содержится лишь слабый намек на самоубийство А. А. Серно-Соловьевича.

Некролог А. А. Серно-Соловьевичу был помещен также в № 7-10 «Народного дела» от ноября 1869 г. Автором некролога был Н. И. Утин.

[10] Брошюра А. А. Серно-Соловьевича против Герцена — «Наши домашние дела» (1867) и брошюра «Николка-публицист» (1868) — памфлет на Н. Я. Николадзе.

[11] Августин Петрович *Голицын* (1824—1878) — автор сочинений по вопросам русской истории и церкви, ревностный последователь католицизма.

[12] Сергей Петрович *Боткин*, врач.

[13] Герцен долгое время был против того, чтобы Н. А. Тучкова-Огарева приняла его фамилию, так как это еще больше осложнило бы отношения с детьми. Однако в начале 1869 г. она все-таки переменила фамилию на Герцен, которую носила до своего возвращения в Россию в 1876 г.

[14] Речь идет о газете «Zukunft», выходившей с 1867 по 1871 г. (в Кенигсберге, а затем в Берлине). Издателем ее был Иоганн *Якоби* (1805—1877) — представитель левого крыла немецкой буржуазной демократии. Интерес к газете вызван помещенными там статьями о Бакунине (см. примеч. 3 к письму № 27).

[15] Герман *Мюллер-Стрюбинг* — немецкий революционный эмигрант. См. о нем в «Былом и думах» (изд. АН, т. XI, стр. 168—171 и 173—177).

33

23 сент⟨ября 1869 г.⟩. Четверг. Bruxelles

Едем в 2, а не в 9. Письмо получил[1]. Буду ждать в Париже 1-ое — «Zukunft», 2-ое — статью префекта о деле Оболен⟨ской⟩ и пр.[2] — Посылая в Париж, следует несколько обдумывать. Там опять начинается туман, который очень может разразиться в пользу порядка и тишины. Положение ужасно натянуто[3].

Продолжаю читать здешнюю «Liberté» о конгрессе в Базеле и совершенно с ней согласен. И конгресс и обсуживание его — большой шаг вперед. Они — издат⟨ели⟩ «Lib⟨erté⟩» — совершенно против ауторитарного террористического образа действия[4]. Я их понимаю — и опять-таки жалею, что не печатал моих писем[5]. Что Бакун⟨ин⟩ так старается стереть *личность*?[6] Этим путем, действительно, можно дойти до того, что из человека выйдет мешок пищеварения — в политике, устроенном ⟨!⟩ так, что все будут сыты. Или, может, это-то и будет *конечная форма* — история остановится, искусство отбросится, как игрушка, наука — как аристократия ума — это точно, как Языков[7] говорил, будет «⟨...⟩ рада».

Или мозг у меня действительно заиндевел, но я никак не понимаю ни этого, ни указа об отмене права собственности (без всякого развития), ни амнистии—«наследству» по врожденной царской милости[8]. Рядом затронуты вещи серьезные — серьезно и этим путем пойдет развитие[9]. И противники правы — говоря (как Langlois), что вы ёршитесь и грозите,— мы вам не дадим собственность, а вы слишком слабы, чтоб ее взять,— приводите нас к необходимости, к пониманию, etc.[10]

А уж как смешно какой-то француз взбесился за слово *индивидуалист*,— ну, а если б назвали *эг⟨о⟩и⟨с⟩т*? все еще в катехизисе — даже симплистов придумали[11].

Я больше верю, чем когда-нибудь, в успех именно этих социальных сходок — и вижу... провижу... что дело пойдет ста путями, в ином месте круче, в другом мирнее, но нигде не пойдет «разнузданием дурных

страстей» — вырезыванием языков, резней из-за угла, ноядами и митральядами *. Это грешные мечты — слишком старых и слишком молодых. Человечество теперь выше Нелатона[12] — и не воображает, что на свете только хирургия и каутеризация.

А ведь вся беда от незнания и непризнания истории.

Длинное письмо от тебя не жду — ты его обещаешь пятый год.

☞ Very important. On prie une réponse **.

¿ Правда ли, что Бакунин в переписке и дружбе с Марксом и переводит его книгу на русский язык?[13]

[1] Письмо Огарева неизвестно.

[2] Очевидно, статья в «Journal de Genève», упоминаемая в письме от 9 сентября 1869 г.

[3] Герцен был встревожен тем, что назревавший во Франции политический кризис может разрешиться путем либеральной сделки, путем уступок и маневров Наполеона III.

[4] К этому времени Герцен мог прочитать отчеты о Базельском конгресе в «Liberté», №№ 114 (от 29 августа), 116 (от 12 сентября) и 117 (от 19 сентября).

Говоря, что «они — издатели «Lib⟨erté⟩» — совершенно против ауторитарного, террористического образа действия», Герцен имеет в виду передовую статью газеты от 19 сентября— «Ouvriers et paysans.— La propriété foncière au congrès de Bâle» («Рабочие и крестьяне.—Земельная собственность на Базельском конгрессе»). Оценивая резолюцию Конгресса об упразднении частной собственности на землю с прудонистских позиций, газета утверждала что Конгресс допустил ошибку прежде всего потому, что рабочие не имеют права решать этот вопрос за крестьян. Ошибку конгресса «Liberté», усматривала также в самом факте голосования и обсуждения вопроса, который, по ее мнению, не входил в компетенцию Интернационала.

Об этом последнем Герцен и говорил как о выступлении против «ауторитаризма».

[5] Мысли, развиваемые Герценом в публикуемом письме, неразрывно связаны с основными положениями его писем «К старому товарищу». Об отношении Герцена к Базельскому конгрессу и его решениям см. в предисловии к настоящей публикации.

[6] Герцен имеет в виду выступление Бакунина 10 сентября 1869 г. Бакунин возражал депутату Толену. Последний утверждал, что «общество — абстрактное существо, личность же составляет его реально-живую часть», и на этой основе выступал против упразднения частной собственности, которое поставило бы все личности «на одну доску». Выступая за отмену частной собственности, Бакунин говорил: «Коллективное лежит в основе индивидуального. Общество создало отдельного человека, изолированные люди не могли бы даже научиться говорить и мыслить ⟨...⟩ Есть кое-кто поумнее Вольтера, а именно — все человечество. Величайший гений, если бы он с пятилетнего возраста жил в пустыне, ничего бы не создал» («Базельский конгресс Первого Интернационала». Партиздат, 1934, стр. 45 и 47).

[7] *Языков* Михаил Александрович — приятель Белинского.

[8] На Базельском конгрессе была принята резолюция Маркса по вопросу о земельной собственности, в которой утверждалась необходимость «упразднить частную собственность на землю и обратить ее в общественную собственность» («Базельский конгресс Первого Интернационала», стр. 85). На Конгрессе стоял также вопрос о праве наследования; по этому вопросу развернулись ожесточенные споры. Бакунин выдвинул предложение об отмене права наследования, рассматривая ее как меру постепенного перехода от частного землевладения к общественному. Маркс считал этот план в буржуазном обществе утопичным, а с приходом к власти рабочего класса — бессмысленным, Мнение Герцена по этим вопросам см. также в письме к Огареву от 3 октября 1869 г. (XXI, 493).

[9] Герцен, возможно, имеет здесь в виду стоявшие на Базельском конгрессе вопросы о профессиональных союзах, о статистике труда, об интегральном образовании.

[10] Жером *Ланглуа* — французский публицист и политический деятель, прудонист. В своем выступлении на Базельском конгрессе защищал частную собственность (см. его речь в кн.: «Базельский конгресс Первого Интернационала», цит. изд., стр. 46).

[11] В выступлениях на Базельском конгрессе терминами «индивидуалист» и «коллективист» называли сторонников и противников частной собственности на землю. Француз, о котором говорится в письме,— Анри-Луи *Толен*, выступавший как сторон-

---

* потоплениями и расстрелами (от франц. «noyade» и «mitraillade»).

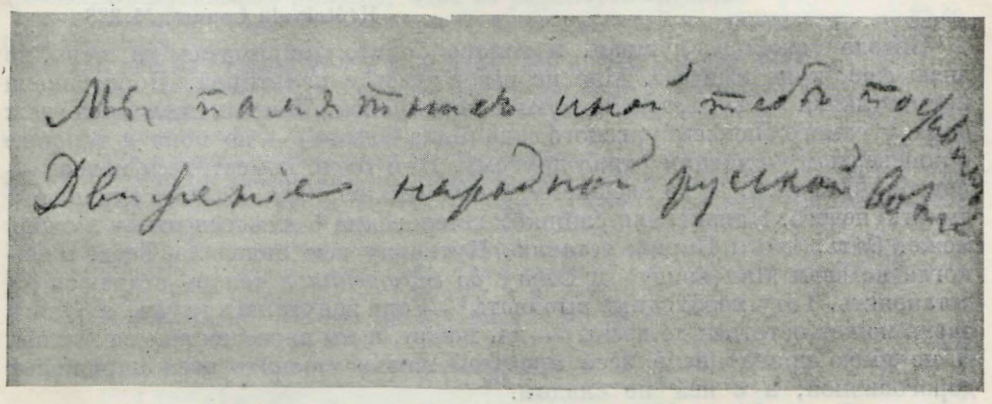
** Очень важно. Просят ответа (англ. и франц.).

ник частной собственности на землю. На заседании конгресса 10 сентября он выступил с протестом против термина «индивидуалист», несколько раз брошенного по его адресу, рассматривая его как оскорбление и клевету. Во время Парижской Коммуны Толен оказался ренегатом и в 1871 г. был исключен из Интернационала.

Что касается термина «симплист», то Герцен мог встретить его в публиковавшемся тогда докладе брюссельской секции по вопросу о земельной собственности («Rapport sur la propriété foncière»). В докладе подчеркивалась необходимость учитывать естественный ход развития явлений (в данном случае речь шла о преобразовании частной собственности в коллективную) и говорилось, что заниматься лишь конечным результатом развития — означало бы оказаться упрощенцем (simpliste).

[12] Огюст *Нелатон* (1807—1873) — знаменитый французский хирург.

[13] Бакунину был заказан через посредство Н. Н. Любавина перевод «Капитала» К. Маркса. Но в конце 1869 г.— начале 1870 г. Бакунин от работы над переводом отказался. Перевод, начатый Г. А. Лопатиным, был, в основном, выполнен Н. Ф. Даниельсоном. См. также письмо Герцена к Огареву от 29 сентября 1869 г. (XXI, 490).



ЗАПИСЬ ОГАРЕВА, ПОСВЯЩЕННАЯ ГЕРЦЕНУ. 1870 г.

«Мы памятник иной тебе поставим,
Движение народной русской воли»

[Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

34

⟨Брюссель. 23 сентября 1869 г.⟩

Вот о чем я хочу сказать еще одно слово. Робен, Де Пап[1] и др., так, как и Гюго, с самого начала знали, что Лиза — моя дочь,— догадывались, и все оставалось так. Повторяю — что я, с своей стороны, всегда был против перемены — мысль эта Nat⟨alie⟩, и сделает она ей много дурных минут [2]. Ты в Женеве еще в 66 году был того же мнения, как N⟨atalie⟩. Но теперь надобно же идти до конца. Вчера De Pape говорит мне пренаивно: «А как же Бакунин меня уверял, что «Лиза — не ваша дочь, он положительно говорил и пр.» — а потому, не лучше ли Бак⟨унину⟩ просто сказать? Я догадался бы тотчас — и по первому слову не стал бы говорить... но такта ближнему не дашь.— Подумай, как это лучше сделать.

Если б мне удалось в Париже что-нибудь сделать для издания нескольких волюмов — я бы на всю зиму уехал бы в какое-нибудь швейцарское захолустье.

Хорошо бы иметь статейку на франц⟨узском⟩ об университетском избиении. Переводчик необходим[3].

Засим кланяюсь.

История Penisi вовсе не смешна, и я боюсь, что она заставит нас еще поплакать[4].

В Париже будем в 8 часов с половин⟨ой⟩.

[1] Поль *Робен* — французский бакунист, впоследствии член совета I Интернационала. См. о нем XXI, 408.— Сезар *Де Пап* — представитель бельгийской секции I Интернационала.

[2] См. примеч. 13 к письму № 32.

[3] Герцен, вероятно, хотел «иметь статейку» по поводу опубликованного в русской печати в сентябре 1869 г. «Положения особого комитета об учащихся в учебных заведениях разных ведомств» от 8 июня 1869 г. (см., например, «Голос» №№ 231 и 232). Об этом «гнусном» «Положении» Герцен писал Огареву 17 сентября 1869 г. («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 429 и 431).

[4] В письме к Огареву от 17 сентября 1869 г. Герцен писал: «Тата очень встревожена тем, что Пенизи (слепой) сильно и безумно в нее влюблен и предлагал руку» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 430). По-видимому, Огарев не придал серьезного значения этому сообщению.

35

⟨Париж.⟩ 9 октяб⟨ря 1869 г.⟩. Суббота
H⟨ôtel⟩ du Louvre, № 328

Погода тяжелая, душная, и голова болит, принимаюсь за перо, не знаю еще, куда вынесет. Мне не везет здесь с квартирой. Дороговизна изумительная — т. е. *гораздо дороже* лондонской. Вчера нашел было этаж дома у самого Люксембургского сада (близ Одеона) — но пока я говорил с консьержем — хозяин отдал другому. Нам тесно поместиться нельзя — надобно 6 спален, а по здешнему счету меньше 1000, 1200 за спальню и думать нечего. Наша семья слишком гетерогенна * для тесноты — и очень может быть, что я Париж оставлю. Кутерьму всю наделала Тата, я никогда не звал Мал⟨ьвиду⟩ и Ольгу *до водворения* и теперь стараюсь их остановить. Тату необходимо выписать[1] — она запуталась глупо, а Ольга очень может остаться до весны — да, может, и мы переедем еще за Альпы. Я не имею права после всей прошлой жизни стеснить всех парижской дороговизной, а с ней не сладим.

Хоецкого, если встречу, расспрошу о мелочах, но к нему не пойду за его письмо по поводу твоей статьи о польских землях[2].

Пожалуста, заставь Бак⟨унина⟩ взять тебе назначенные 500 фр⟨анков⟩ у *Перрона*[3]. Зачем Мрочков⟨ский⟩ (как пишет Тх⟨оржевский⟩) ему отдал? Все они мудреные люди. Но не балуй на этом случае. Я не просил и не напоминал — они вызвались отдать[4].

Очень рад, что новая квартира удалась[5]. Портр⟨ет⟩ Генри, как будет карточка, пришлю[6]. А мне прислал с любезностями Урусов свою большую и превосходную карточку[7].— Не думаю, чтоб с умыслом говорили насчет костр⟨омского⟩ именья,— вспомни, что то же передавал Мерчинский. И если б Тата могла съездить — вероятно, несмотря на лета, ей деньги отдали бы. Пока, до пришествия бакунинского царства, деньги нужны — и если гнусно делать из-за денег подлости, то скотски глупо бросить около 300 т⟨ысяч⟩, если их можно взять[8].

Листок вложенный не дурен и очень — лучше предшествовавших[9].

Как это ты топишь камины в эту теплынь? Настоящий англичанин.

Прощай.

P. S. От Чернец⟨кого⟩ получил письмо. Он опять начал уснащать письма—дурными выходками и колкостями. Я его остановлю и желал бы, чтоб он остановился. Он пишет, что шрифты Бакста лучше купить с аукциона (может, есть еще долги), т. е. противуположное с тем, что ты пишешь, говоря, что это мнение Чернецкого. Какой конкуренции Эли⟨идина⟩ и Утина ты боишься, по словам Чернецкого, я не понимаю?.. Повторяю: делайте, как знаете — я согласен со *всем*.

Чернецкий предлагает купить типографию из фонда — мне кажется, это вздор,— но желаю знать твое мнение.

---

* разнородна (лат.).

Не забудь разведать о деньгах, остав⟨ленных⟩ Мрочк⟨овским⟩ — он у меня до сей минуты не был.

Отошли Чернец⟨кому⟩ записку.

[1] Герцен торопил старшую дочь с приездом в Париж, опасаясь осложнений в ее отношениях с Пенизи (см. примеч. 4 к предыдущему письму). См. об этом также в ответе Огарева на данное письмо («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 562).

[2] В письме от 8 октября Огарев передал просьбу Бакунина повидаться с Ш.-Э. Хоецким, «через которого можно знать всякую нужную мелочь» (там же, стр. 560—561). Письмо Хоецкого по поводу статьи Огарева «Продажа имений в Западном крае» неизвестно. По его получении Герцен писал Огареву 18 августа 1867 г.: «Хоецкий пишет ко мне (теперь-то!) о твоей статье и считает тебя заклятым врагом Польши» (XIX, 439). О переписке Герцена с Хоецким по этому вопросу см. публикацию И. М. Белявской в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 280.

[3] Шарль *Перрон* — член комитета Женевской секции I Интернационала, член правления бакунинского Альянса, один из редакторов «Egalité».

[4] 22 октября Огарев сообщил о получении долга («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 562).

[5] См. письма Огарева от 7 и 8 октября 1869 г. (там же, стр. 560).

[6] Герцен обещал Генри, сыну М. Сетерленд, свою фотографию.

[7] Александр Иванович *Урусов* (1843—1900)— адвокат, известный своими выступлениями на политических процессах.

[8] Слухи о предложении правительства выплатить денежную сумму за конфискованное костромское имение были получены, по-видимому, через М. К. Рейхель (см. XXI, 500). 8 октября Огарев писал по этому поводу Герцену: «Для меня тут самое замечательное, что правительство хочет тебя подкупить...» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 560). Поездку кого-либо из членов семьи Герцена в Россию, «костромских денег ради», Огарев считал «опасной», о чем писал 11 октября: «Уверен, что потом ни человека, ни денег не выпустят» (там же, стр. 562).

[9] О каком листке говорит здесь Герцен — не ясно.

36

⟨Париж.⟩ 11 октяб⟨ря 1869 г.⟩, 11 часов. Понедельник

Писать почти нечего. Пишу, пользуясь оказией (сей верной): Боб⟨орыкина⟩[1] и Рагоз⟨ина⟩[2] видел и просидел с ними целый вечер. Боб⟨орыкин⟩ умен и много занимается, немного офранцужен — но живее Выруб⟨ова⟩. Он был на Базельском конгрессе и писал об нем в «СПб. ведомостях». Заиндевение мозга — не частная моя болезнь, в многих вопросах сталкиваюсь я с ними и с другими — так, как ты сталкиваешься с Бакуниным. *Должны же быть разные законы мышления.*

Я остановил Ольгу и Мейзенб⟨уг⟩ до поры до времени. Во-первых — и в виду нет квартиры, а во-вторых — до приезда начинаются опять ⟨стар⟩ые * капризы и ранкюны **. Для ⟨чего?⟩ * же натягивать?

Лиза с Reclus учится очень хорошо. Жаль, что он к 1 ноября едет в Ниццу [3].

Сейчас был Мрочковский [4].

[1] П. Д. *Боборыкин* был парижским корреспондентом «СПб. ведомостей». Его заметки о Базельском конгрессе см. в №№ 239, 241, 244, 246, 251 и 257 этой газеты, в отделе «Внешние известия». В первых четырех номерах помещены корреспонденции о работе конгресса (без подписи), в №№ 251 и 257 напечатаны статьи под названием «Базельский рабочий съезд» (за подписью «*П. Б.*»). О своих встречах с Герценом Боборыкин рассказывает в воспоминаниях («За полвека», М., 1927; «Русская мысль», 1907, № 11).

[2] Евгений Иванович *Рагозин* (1843—1906) — экономист, сотрудничал в «СПб. ведомостях» и «Голосе» (см. о нем в «Лит. наследстве», т. 63, 1956, стр. 531—532). В примечаниях к письму Герцена к Огареву от 27 декабря 1869 г. ошибочно назван его брат Виктор Иванович Рагозин («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 454).

---

* Письмо повреждено.— *Ред.*

** злопамятность (от франц. «rancune»).

[3] Элизе *Реклю* дал в Париже несколько уроков Лизе Герцен.

[4] В. Мрочковский приходил к Герцену, очевидно, по поводу издания брошюры «Протест против русского правительства кн. З. С. Оболенской» (издана в Женеве, в 1870 г.). См. письмо Герцена к Огареву от 12 октября 1869 г. (XXI, 502).

37

Огареву

⟨Париж.⟩ 16 октября ⟨1869 г.⟩
H⟨ôte⟩l du Louvre

Не торопись писать статью — с «Siècle'ем» мы все-таки не сладим. Корреспонденцию-то они, пожалуй, примут, но насчет отрывков из «Был⟨ое⟩ и думы» — хотят переделки на их лад, вполовину сократить и печатать, когда кончится весь запас фельетонов. Черт с ними[1].

Дело водворения в Париже не двигается. Приступу нет к квартирам — Monod нашел какую-то в 4800 без мебели — иду осмотреть, но главное, что я никак не могу решить вопроса о Мейз⟨енбуг⟩ и Ольге. Вообще у нас все идет дома тихо и безбурно — но так ли пойдет, не знаю. Если и этот опыт приведет к разладу — то это может разрушить всё — покрыть сверх того стыдом — и сверх того будет денежно дорого стоить. Тату выписать необходимо.

«Zukunft» не посылай, но Бак⟨унина⟩ статью ⟨пош⟩ли[2]. ⟨Боборыкин?⟩* мне очень понравился ⟨...⟩ * Он вдвое больше живой человек, чем Вырубов.

Насчет Озеровой[3]— если ей нужно для отъезда, предложи ей от меня, что следует на дорогу,— 100... до 150. Чтоб Выр⟨убов⟩ был должен ему,— не верю.—Если я буду давать по 600 фр⟨анков⟩ милым незнакомцам, то я далеко не уеду. Говорить, что нет денег, когда я могу взять у Рот⟨шильда⟩,— глупо. Пусть же знают, что я не банкир.

Пожалуста, посоветуй, что делать Тхорж⟨евскому⟩. Постников едет с 20 000 в Женеву — он дает и 22, и черт ли в бумагах?[4]

Прощай.

Отчего Бакун⟨ин⟩ не поручил мне сходить в Ревель[5]—а те не знают, как сладить.

Лиза пишет тебе письмо, но очень развлекается с детьми Боткина⟨...⟩*

⟨Тхоржевскому?⟩

Передайте тотчас Огареву — и посоветуйтесь окончательно с ним насчет бумаг.

[1] После ликвидации «Колокола» Герцен стремился использовать западноевропейскую печать для продолжения пропаганды. Он вел переговоры с редакцией французской газеты «Siècle» о публикации своих произведений, а также корреспонденций из России (см. письмо в редакцию от 4—5 октября 1869 г.— XXI, 497). Сообщая результаты этих переговоров, он писал Огареву в октябре: «Они не только безусловно принимают нашу корреспонденцию об России, но просят об ней. Напиши мне как-нибудь (только по-французски) о крестьянском деле, к марту 70-го года, и что хочешь» (XXI, 498).

Как видно из публикуемого письма, планы Герцена оказались иллюзорными. «Несогласие» с направлением газеты не могло не сказаться при обсуждении первой же публикации. По-видимому, статья Огарева так и не была написана.

[2] Имеется в виду статья Бакунина «Несколько слов к молодым братьям в России» (Герцен называет ее в письме к Огареву от 21 октября «К юношам» — XXI, 504). См. об этом в примеч. 14 к следующему письму.

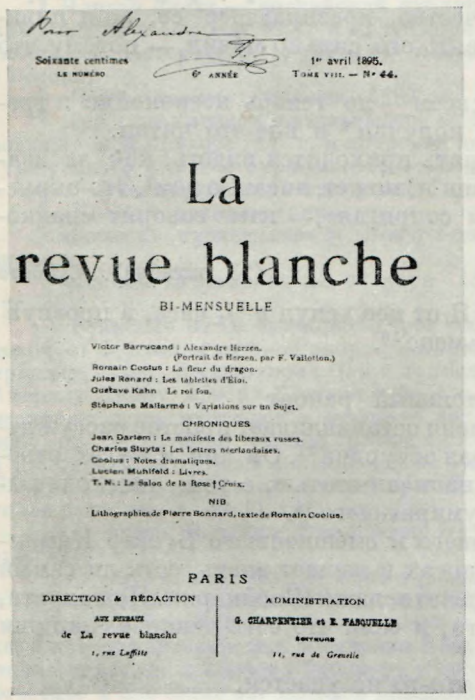
[3] Александра *Озерова* — первая жена В. М. Озерова (см. «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 433). В письме к Огареву от 3 ноября 1869 г. она просила передать благодарность Герцену за оказанную помощь (там же, стр. 438).

---

* Письмо повреждено.— *Ред.*

[4] Под именем Н. В. *Постникова* выступал агент III Отделения К.-А. Роман. О продаже Тхоржевским архива Долгорукова Постникову см. в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 433.

[5] Несколькими днями позже Герцен посетил редакцию газеты «Réveil» и отнес туда рукопись статьи Бакунина и свое собственное письмо «A Monsieur le rédacteur en chef du journal „Le Réveil“» («Г-ну главному редактору газеты „Le Réveil“» — XXI, 504 и 507). См. примеч. 14 к следующему письму.



Soixante centimes — 1er avril 1895.
LE NUMÉRO — 6e ANNÉE — TOME VIII. — N° 44.

La revue blanche

BI-MENSUELLE

Victor Barrucand : Alexandre Herzen.
(Portrait de Herzen, par F. Vallotton.)
Romain Coolus : La fleur du dragon.
Jules Renard : Les tablettes d'Eliu.
Gustave Kahn : Le roi fou.
Stéphane Mallarmé : Variations sur un Sujet.

CHRONIQUES

Jean Darlem : Le manifeste des libéraux russes.
Charles Sluyts : Les Lettres néerlandaises.
Coolus : Notes dramatiques.
Lucien Muhlfeld : Livres.
T. N. : Le Salon de la Rose † Croix.

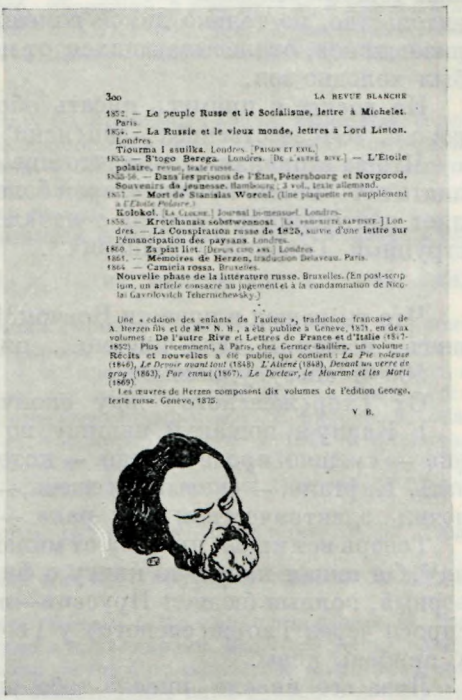
NIB

Lithographies de Pierre Bonnard, texte de Romain Coolus.

PARIS

DIRECTION & RÉDACTION — AUX BUREAUX de La revue blanche, 1, rue Laffitte

ADMINISTRATION — G. CHARPENTIER et E. FASQUELLE, Éditeurs, 11, rue de Grenelle



300 LA REVUE BLANCHE

1852. — Le peuple Russe et le Socialisme, lettre à Michelet. Paris.
1854. — La Russie et le vieux monde, lettres à Lord Linton. Londres.
Tiourma i asuilka. Londres. [Prisons et exil.]
1855. — S'togo Berega. Londres. [De l'autre rive.] — L'Etoile polaire, revue, texte russe.
1855-56. — Dans les prisons de l'État, Pétersbourg et Novgorod. Souvenirs de jeunesse. Hambourg. 2 vol., texte allemand.
1857. — Mort de Stanislas Worcel. (Une plaquette en supplément à l'Étoile Polaire.)
Kolokol. [La Cloche.] Journal bi-mensuel. Londres.
1858. — Kretchaniia sobstwennoi. [La conspiration nationale.] Londres. — La Conspiration russe de 1825, suivie d'une lettre sur l'émancipation des paysans. Londres.
1860. — Za p

list. [Deux cent ans.] Londres.
1861. — Mémoires de Herzen, traduction Delaveau. Paris.
1864. — Camicia rossa. Bruxelles.
Nouvelle phase de la littérature russe. Bruxelles. (En post-scriptum, un article concerne un jugement et à la condamnation de Nicolas Gavrilovitch Tchernichewsky.)

Une « édition des enfants de l'auteur », traduction française de A. Herzen fils et de Mme N. H., a été publiée à Genève, 1871, en deux volumes : De l'autre Rive et Lettres de France et d'Italie (1847-1852). Plus récemment, à Paris, chez Germer-Baillière, un volume : Récits et nouvelles, a été publié, qui contient : *La Pie voleuse* (1846), *Le Dernier avantiout* (1848), *L'Aliéné* (1848), *Devant un verre de grog* (1863), *Par ennui* (1867), *Le Docteur, le Mourant et les Morts* (1869).

Les œuvres de Herzen composent dix volumes de l'édition George, texte russe. Genève, 1875.

V. B.

ОТТИСК СТАТЬИ О ГЕРЦЕНЕ, ПОМЕЩЕННОЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЖУРНАЛЕ «LA REVUE BLANCHE». 1 АПРЕЛЯ 1895 г.

Титульный лист и последняя страница с портретом Герцена Ф. Валлотона. Сверху, по-французски, надпись рукой Н. А. Герцен (дочери): «Для Александра. Т⟨ата⟩»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

38

⟨Париж.⟩ 22 октяб⟨ря 1869 г.⟩. Пятница

Пишу на бумаге, купленной Лизой,— для того, чтоб сказать, что строгий Делеклюз[1] экзекутировался * и поместил мое письмо. Но статьи Бак⟨унина⟩ не поместил, да оно и не барзо ** нужно. Пусть он скорее печатает свою брошюру[2]. Посылаю на имя пана тебе и Б⟨акунину⟩ № и прилагаю еще «Реформу», чтоб ты понял, как здесь кургузит. Оно идет так круто, что я окончательно скажу к концу месяца — долго ли мы здесь прогостим[3]. К тем же порам я узнаю и о решении Мейзенб⟨уг⟩. Много мог бы порассказать курьезов. Вчера я имел сильный эскармуш *** с Выр⟨убовым⟩ в присутствии его генерал-аншефа Литтре (стариком я опять очень доволен — он и слушает и думает, о чем говорит). Ну уж этот мне Сент-Жюст позитивизма — если б не его добродушие и незло-

* покорился (от франц. «s'exécuter»).
** очень (польск.).
*** стычку (от франц. «escarmouche»).

бие — я перестал бы к нему ходить [4]. Вчера он развивал две темы: 1) что в России с корнем надо уничтожить общину и что Бакунин также окончательно в ней разочаровался. 2-ое. Что Россия в своем захолустье и отсталости — вовсе не интересна для образованного мира, что она может занимать, с точки зрения географии, не больше, как Япония или Тибет (Дилке[5]-то не того мнения!). — Действительно, бедная страна, воспитавшая тощими союзами своими не только немецкое, презирающее ее правительство, не только дикое помещичество, презирающее ее, но и цивилизовщиков, отплевывающихся от нее. Я его сильно мучил, — потому что был холодно зол.

На досуге я примусь писать обо всем — но теперь неспокойно и тревожно. «От⟨ечественные⟩ зап⟨иски⟩» получил [6] и кое-что читал.

Что за странная судьба, что мне опять приходится видеть, как за двадцать лет — новый кризис старой болезни и, может, писать о нем[7]. Это округляет деятельность, «конец с началом сопрягая», — как говорит сладкострунный Гавриил Романович [8].

⟨23 октября⟩. Суббота

Что ты нашел в повести Вовчок? [9] Я от нее уснул в $^1/_4$ часа, а проснувшись, нашел и твое письмо... письмецо[10].

500 fr⟨ancs⟩ удивляют.

От Тхор⟨жевского⟩ жду окончательный рапорт.

К Каппу я, пожалуй, напишу, но меня останавливает простое рассуждение — смешно просить вещь — которая абсурдна [11]. Он так и будет отвечать. Нефталь, — сказывали здесь, — написал статью, о том, как он вылечил электричеством от рака — умирающего [12].

Теперь вот какая просьба от милейшего и смешнейшего Б⟨оке⟩ Камилла[13]. Он пишет какую-то книгу о финансах и желает знать, есть ли самый верный, полный бюджет Пруссии — в печати, даже Швейцарии. Пожалуста, спроси через Тхорж⟨евского⟩ у Георга, и если что есть дельное, напиши и прибавь цены.

Лиза все писала, писала тебе, да что-то не удается.

Все здоровы.

2 часа

Appendix *.

Сейчас был Реклю с делами Бакун⟨ина⟩. Что он так расходился по делу Гесса? [14] — Но печатать часть его брошюры (предполагаемой) можно, — многогрешный агнец, неужели он думает, что достаточно не только re, но и sol, ut и mi, чтоб какой-нибудь Дантю издал и *приплатил*? [15] — Что за белиберда. Печатать можно только у Чернецкого — сделавши смету. Но ведь он захочет экземпл⟨яров⟩ мильон. Ре прислал всё мне, прося совета и помощи.

И к чему же печатать так много старого и даже речь о России; что же это за нераскаянность? Не лучше ли сделать triage ** и напечатать не 50 000 пугачей, а дело. Я пью вино — но неумолимо стою за трезвость.

Прошу ответа сейчас.

Что такое Juifs allemands [16] — уж не туранцы ли Духинского? [17]

[1] *Делеклюз* — редактор газеты «Réveil». См. о нем выше, в публикации «Письма к Георгу и Эмме Гервегам».

[2] См. ниже примеч. 14.

[3] Политическое положение во Франции было в это время чрезвычайно напряженным. Широкие оппозиционные круги, недовольные политикой Наполеона III, требовали досрочного созыва Законодательного корпуса. Демократические избиратели выступали с требованиями «принципов 1789 г.». В октябре произошли выступления рабо-

* Прибавление (лат.).

** отбор (франц.).

чих в Бельвиле, Обене и Гюа, подавленные правительственными войсками. Правительство принимало все меры предосторожности, опасаясь выступлений 14/26 октября (срок открытия заседаний палат, предусмотренный конституцией и произвольно отодвинутый правительством). «Эта страница парижской жизни стоит томов»,— писал Герцен Огареву 21 октября (XXI, 505).

[4] Вырубов, которого Герцен называет здесь «Сен-Жюстом позитивизма», был близко связан с французским позитивистом П.-М.-Э. Литтре, одним из активных популяризаторов О. Конта (см. «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 55).

[5] Чарльз *Дилке* — английский публицист, писавший о России. См. о нем в письмах Герцена к Огареву от 18 и 21 октября 1863 г. (XXI, 504, 506). Преждевременная смерть (в Петербурге, в 1870 г.) помешала Дилке издать задуманную им книгу о России.

[6] «Отечественные записки», 1869 г., № 10.

[7] При виде кризиса, назревавшего в 1869 г. во Франции, Герцен вспоминал о революционном кризисе 1847 г. и проводил аналогию между ними, как между кризисами буржуазного строя и буржуазного господства. Интересны слова: «и, может, писать о нем»,— указывающие на намерение Герцена писать о событиях во Франции.

[8] «Конец с началом сопрягаешь» — стих из оды Г. Р. Державина «Бог».

[9] «Записки причетника» М. Вовчок печатались в это время в «Отечественных записках».

[10] Письмо Огарева от 22 октября 1869 г. («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 563).

[11] В письме от 22 октября Огарев сообщал Герцену о получении через Перрона долга от Мрочковского. «Рапорт», которого Герцен ждал от Тхоржевского, касался продажи бумаг Долгорукова (см. примеч. 4 к предыдущему письму). Написать в Америку Каппу просил Герцена Бакунин, так как истекал срок его американского паспорта и он нуждался в каком-то дополнительном документе. В письме к Огареву от 14 октября Герцен разъяснял: «...Пас⟨порт⟩ выдан в 1866 и скреплен в 1867; стало, его станет almeno* еще на 5 лет» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 432). Бакунин все же настаивал на своей просьбе, как это видно из письма Огарева от 22 октября (там же, т. 39-40, 1942, стр. 563).

[12] О враче Василии Федоровиче *Нефтеле* см. в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 399.

[13] О встрече к Камиллом Боке в редакции «Réveil» Герцен рассказывает в письме к Огареву от 21 октября 1869 г. (см. XXI, 505).

[14] 2 октября 1869 г. во французской газете «Réveil» была помещена статья М. Гесса, в которой содержались обвинения Бакунина в панславизме. Бакунин решил немедленно ответить и написал брошюру «Profession de foi d'un démocrate socialiste russe précédée d'une étude sur les Juifs allemands» («Исповедание веры русского демократа-социалиста, предшествуемое этюдом о немецких евреях»). Понимая, что такая брошюра не может быть скоро напечатана, Бакунин написал 18 октября письмо в редакцию «Réveil»—«Aux citoyens rédacteurs du *Réveil*» («Гражданам-редакторам „Réveil"»— см. «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву». Женева, 1896, стр. 230—231). К этому письму Бакунин приложил свою речь на Бернском конгрессе Лиги мира и свободы в 1868 г. (Герцен ниже называет ее «речью о России»), в которой резко выступал против русского самодержавия (М. Бакунин. Избранные сочинения. Пг.—М., изд. «Голос труда», 1920, т. III, стр. 103—116) и свое воззвание «Несколько слов к молодым братьям в России» (в письме в редакцию он именует его «К моим молодым братьям-русским»). Он просил поместить в газете это воззвание вместе с письмом в редакцию. Эти материалы в редакцию «Réveil» Бакунин послал в Париж 18 сентября, через В. М. Озерова, к своему другу и единомышленнику Аристиду Рею, которого просил обратиться за содействием к Герцену. Герцен не был уверен, что письмо Бакунина будет помещено в газете, и 20 октября послал в редакцию письмо от своего имени («A Monsieur le rédacteur en chef du journal *Le Réveil*»), приложив к нему воззвание Бакунина. Письмо Герцена было помещено в номере от 22 октября. Воззвание Бакунина напечатано не было. Что касается брошюры, то первую ее главу (37 страниц) Бакунин также переслал Герцену через А. Рея и просил содействия в ее опубликовании.

[15] Герцен отвечает на адресованные ему слова М. А. Бакунина из письма от 18 октября 1869 г.: «... Robin, твой знакомый, обнадеживает меня, что книгоиздатель Dentu возьмется с радостью издать эту книжку и, может быть, даже кое-что заплатит».

[16] См. название упомянутой брошюры Бакунина в примеч. 14 к настоящему письму.

[17] Герцен имеет здесь в виду лженаучную теорию неславянского (монгольского, «туранского») происхождения русских, автором которой был реакционный польский историк и публицист Франциск *Духинский*.

---

* по меньшей мере (итал.).

39

Марсель. 30 октября ⟨1869 г.⟩. 5 часов

Приехали хорошо. Хотя три или четыре часа опоздали. Едем в Геную в 8. Н⟨атали⟩ и Лиза остаются там, а я прямо во Флоренцию. Саша телеграфирует о сильнейшей нервной пертурбации, я постараюсь ее увезти [1].

Рукой Н. А. Тучковой-Огаревой:

Мы устали — из Генуи напишем — я надеюсь, что все лучше, чем кажется.

Рукой Лизы Герцен:

Целую тебя, милый Ага. Прощай.

Lise

[1] 28 октября 1869 г. Герцен получил телеграмму от сына о нервном заболевании старшей дочери (см. «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 528) и на следующий день выехал во Флоренцию.

40

⟨Генуя? 1 ноября 1869 г.⟩ [1]

Подумай, какую дорогу вынесла Лиза, на желез⟨ной⟩ дороге было перед нами déraillement * — мы видели вагоны кверх ногами — и должны были на стуже ждать $3^1/_2$ часа. Из Марселя мы приехали в Ниццу и тотчас сели в дилижанс — 24 часа после 16 + 7 желез⟨ной⟩ дороги, без обеда, с невозможностью спать. Лиза, уезжая (она очень жалеет Тату), сказала мне следующую речь: «Ты увидишь, как я буду умна во всем на дороге — но, когда все пройдет и мы будем во Флоренции, я опять буду капризничать». 1-ую половину она сдержала удивительно. Была весела, ужасно внимательна ко мне. В Марселе мы не имели времени позавтракать, уезжая. Пока я сдавал вещи на желез⟨ной⟩ дороге, Лиза одна отправилась в ресторан — купила полкурицы, бутылку вина и принесла нам.

[1] Записка написана, вероятно, в Генуе, где Герцен оставил Н. А. Тучкову-Огареву и Лизу.

* крушение поезда (франц.).

ГЕРЦЕН
И ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ
СТРАН НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

ПОЛЬСКОЕ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ И ГЕРЦЕН

(1860-е гг.)

Статья и публикация И. М. Белявской

Вопрос об отношении Герцена к польскому национально-освободительному движению привлекал и не перестает привлекать внимание исследователей. За последние годы этот вопрос получил дополнительное освещение как в советской, так и в польской литературе, и в настоящее время отношение Герцена к польскому национально-освободительному движению, к систематической пропаганде и защите требования независимости Польши можно считать уже достаточно выясненным. Совсем иначе обстоит дело с выяснением практических связей и отношений Герцена с деятелями польского освободительного движения и особенно с вопросом о планах совместной борьбы против общего врага — царизма, о попытках реализации этих планов. Далеко не решены эти вопросы и в работах, освещающих отношение русской революционной демократии к польскому освободительному движению. Объясняется это крайней скудостью и односторонностью конкретного материала, которым располагали исследователи. В самое последнее время как в Польше, так и в СССР были опубликованы результаты новых исследований, расширяющих наши представления о связях и отношениях Герцена с деятелями польского освободительного движения (см. И. М. Белявская. А. И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX века. М., 1954; J. Kowalski. Rewolucyjna demokracja rosyjska a powstanie styczniowe. W., 1949; изд. 2, дополненное, — W., 1955; русский перевод: Ю. Ковальский. Русская революционная демократия и январское восстание 1863 г. в Польше. М., 1953). Из данных, приведенных в работе польского исследователя В. Кнаповской, видно, что в 1850-е годы Герцен был связан тесным сотрудничеством не только с Польским демократическим обществом, как это было известно и ранее, но и с другой организацией польской демократической эмиграции—обществом «Польский народ» и, в частности, с секцией этого общества, возобновившей свою деятельность на территории Англии в начале 1850-х годов под названием «Революционной громады Лондон» (W. Knapowska. Lud Polski—Gromada rewolucyjna Londyn. — «Kwartalnik Historyczny», W., 1955, № 2). Материалы, использованные Кнаповской, показывают, что эмиссары «Революционной громады Лондон», как, например, Юзеф Ольшевский, распространяли не только польские издания, но и «Полярную звезду» Герцена (там же, стр. 76). Этот факт находит подтверждение и в архивных материалах III Отделения (ЦГИАМ, ф. 109, 2-й секретный архив, д. 102). Один из видных деятелей «громады», Г. Абихт, в конце 1850-х годов работал в типографии «Колокола». В работе Кнаповской убедительно показано широкое распространение изданий Герцена в Польше.

Работа польского историка И.Кобердовой посвящена вопросам борьбы польской реакционной эмиграции, группировавшейся вокруг князей Чарторыйских, против союза польских и русских революционеров в период восстания 1863 г. (J. Koberdowa. Walka czartoryszczyzny przeciwko sojuszowi polskich rosyjskich rewolucjonistów w czasie powstania styczniowego—«Z epoki Mickiewicza». Wrocław, 1956, s. 214—239).

Кобердова приводит данные, указывающие на существование какого-то общего плана действий, согласованного между польским Центральным национальным комитетом и обществом «Земля и воля» (там же, стр. 225). Но основное внимание Кобердова уделяет анализу тактики польской реакции в ее борьбе против польско-русского революционного союза. Несомненный интерес представляет то обстоятельство, что польская реакционная эмиграция и, в частности, организации, созданные Чарторыйскими, как это установила Кобердова, пытались использовать Герцена и его издания в своих политических целях, но эта их попытка потерпела неудачу (там же, стр. 224).

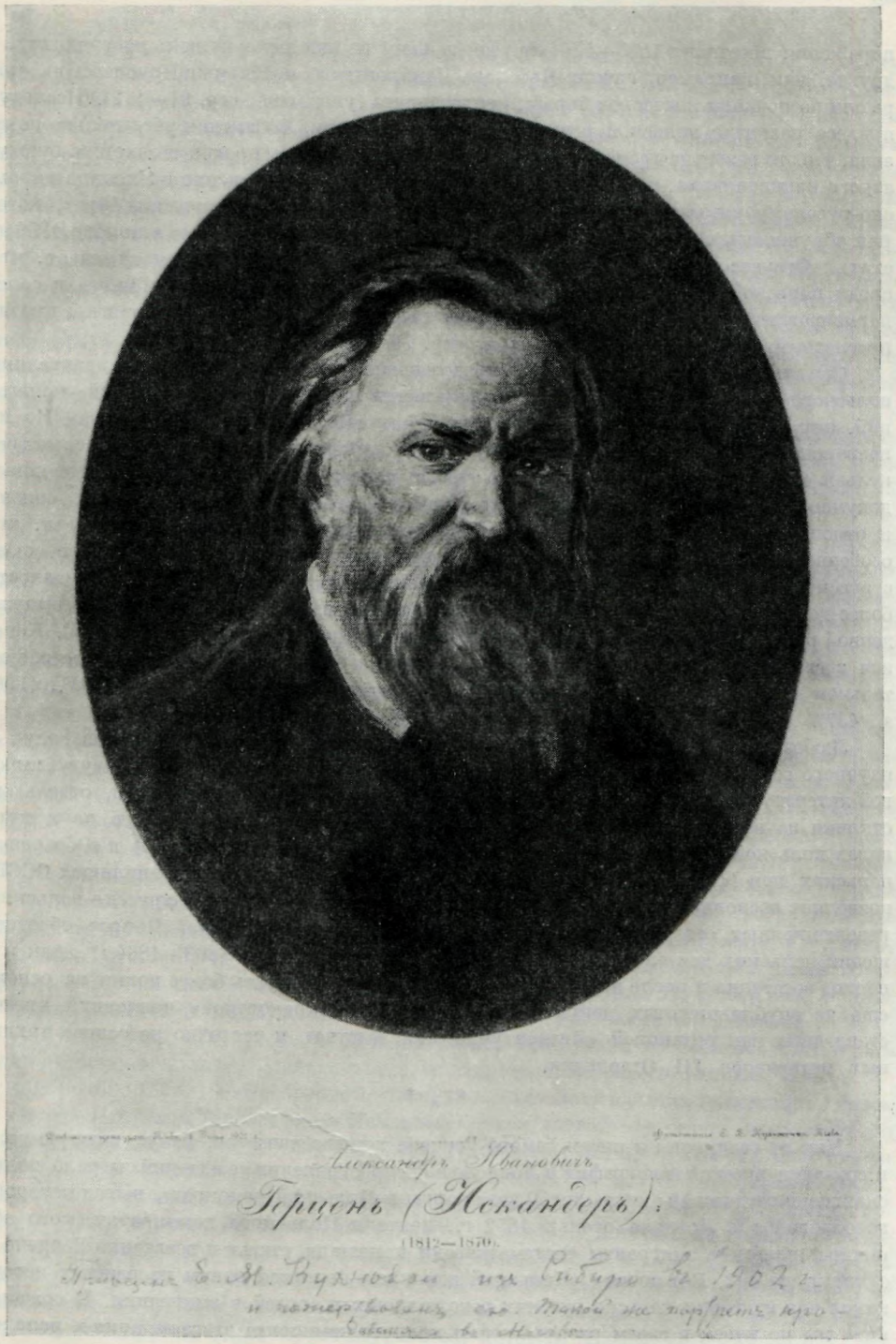
В основном теми же, что и Кобердова, материалами пользовался и второй польский историк Г. Верещицкий (см. H. Wereszycki. Stosunki Hotelu Lambert z Hercenem i Bakuninem w przededniu powstania styczniowego. — «Przegląd Historyczny», W., 1957, t. XLVIII, zesz. 2, str. 234—263). Неоднократно отмечая в своей статье враждебное отношение польской аристократии, группировавшейся вокруг «Отеля Ламберт», к социально-политическим взглядам Герцена (там же, стр. 235, 237), Г. Верещицкий, тем не менее, считает возможным, вопреки им самим приведенному документальному материалу, говорить о сотрудничестве между польской аристократией и издателями «Колокола» накануне восстания 1863 г. (там же, стр. 237, 247, 250 и др.). Для обоснования этой точки зрения Г. Верещицкий выдвигает тезис о том, что «Отель Ламберт» стоял на консервативных позициях лишь в социальных вопросах. Что же касается его позиции по вопросу о независимости Польши, то он будто бы «выражал стремление польского народа к независимости и, следовательно, выражал требование, которое в тех международных условиях было требованием всего прогрессивного лагеря» (там же, стр. 253). Автор говорит, что деятели «Отеля Ламберт» были далеки от всякой революционной мысли и в то же время они будто бы понимали, что русский и польский народы могут обрести свое освобождение лишь в тесном союзе (там же, стр. 263).

Такой отрыв и противопоставление позиций «Отеля Ламберт» по социальным вопросам от решения вопроса о независимости Польши нам представляются неправомерными. Реакционные социально-политические воззрения «Отеля Ламберт» целиком определяли и его позиции по вопросу о независимости Польши. Он стремился к восстановлению старой шляхетской Речи Посполитой, но при этом был противником всяких демократических преобразований, противником народного восстания и мыслил восстановление независимости Польши путем дипломатической и военной помощи западных держав.

Что же касается вопроса о «сотрудничестве» «Отеля Ламберт» с издателями «Колокола», то это был лишь тактический маневр, рассчитанный на использование деятельности издателей «Колокола» в своих политических целях. Поэтому выводы польских исследователей по этому вопросу И. Кобердовой (см. выше) и А. Шлиша (см. A. Ślisz. Współpraca polskich i rosyjskich sił postępowych w polskiej prasie emigracyjnej i konspiracyjnej lat 1859—1864.—«Z dziejów współpracy rewolucyjnej polaków i rosjan w drugiej połowie XIX wieku». Wrocław, 1956, str. 9—70) нам представляются правильными и обоснованными.

Названная работа А. Шлиша, посвященная вопросу об освещении сотрудничества русских и польских прогрессивных сил в подпольной и зарубежной эмигрантской польской печати 1859—1864 гг., интересна для советских исследователей уже тем, что в ней приведены материалы из трудно доступных изданий, отсутствующих в книгохранилищах СССР. Так, например, автор сообщает очень важные сведения об участии русских солдат и офицеров в польском восстании (там же, стр. 55—57), о численности революционной организации русских офицеров (там же, стр. 55), о призывах подпольной польской печати к революционному союзу с русским народом и одновременному выступлению против царизма (там же, стр. 59—61).

Исследованию идеологии польских революционных демократов 1860-х годов посвящена работа Ц. Бобинской (C. Bobińska. Ideologia rewolucyjnych demokratów polskich w latach sześćdziesiątych XIX wieku. W., 1956). Особенно важно, что в работе Бобинской разбирается вопрос о позиции польских революционных демократов после



ГЕРЦЕН

Фототипия. Киев, 1901 г.

Надпись на листе принадлежит Е. С. Некрасовой

Исторический музей, Москва

поражения восстания 1863—1864 гг., когда одни из них повернули к либерализму, а другие, как, например, группа Ярослава Домбровского и Валерия Врублевского, перешли на позиции классовой борьбы пролетариата (указ. соч., стр. 91—112). Исследуя процесс развития польской революционной демократии, Бобинская убедительно показала, что это развитие происходило в условиях острой борьбы против шляхетско-буржуазного национализма, который особенно ярко проявился в отношении к Украине и польско-русскому революционному союзу. Касаясь той «националистической бури», которая обрушилась на Герцена и Огарева после появления в «Колоколе» в ноябре 1866 г. статьи Огарева о продаже имений в Юго-Западном крае, Бобинская отмечает, что среди польской эмиграции группа, объединившаяся вокруг газеты «Гмина» и солидаризировавшаяся с Герценом, была единственной, решительно выступившей против преследований «Колокола» (там же, стр. 59—61).

Существенно дополнили наши представления о связях Герцена с деятелями польского освободительного движения документы «пражской» и «краковской» коллекций, опубликованные в трех предыдущих томах «Литературного наследства». Но ни названные работы польских историков, ни публикации «Литературного наследства» нельзя считать исчерпывающими. Уже сейчас можно ввести в научный оборот новые документы, значительно расширяющие наши представления о практических связях и отношениях Герцена с польским национально-освободительным движением и, что особенно важно, об отношении польских деятелей к Герцену и к вопросу о союзе с русским освободительным движением. Одновременно с этим они дают возможность более детально осветить польско-русские революционные связи и избежать той вынужденной односторонности, на которую справедливо указал польский историк С. Кеневич в своей рецензии на мою работу о Герцене и польском национально-освободительном движении 1860-х годов («Przegląd Historyczny», t. XLVII, zeszyt 2. W., 1956, s. 437).

Любезность руководства Литературного института Польской Академии наук и научного сотрудника этого института проф. Р. Гербера, приславших Институту мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, в виде машинописных копий, отдельные отклики на произведения Герцена и его выступления, опубликованные в двух журналах польской эмиграции — «Польский демократ» («Demokrata Polski») и «Обозрение польских дел» («Przegląd Rzeczy Polskich»), отсутствующие в книгохранилищах СССР, позволяет восполнить существенный пробел в исследовании вопроса о русско-польских революционных связях и отношениях в 50—60-е гг. XIX века. Вопрос об отношении польских деятелей к Герцену как накануне восстания 1863—1864 гг., так и в период восстания и после него мы имеем возможность осветить более полно на основе еще не опубликованных документов «пражской и «краковской» коллекций, предоставленных нам редакцией «Литературного наследства», и частично на основе архивных материалов III Отделения.

* * *

Уже из сочинений и писем самого Герцена хорошо известно, какую важную роль в создании русской типографии в Лондоне и распространении ее изданий сыграла польская демократическая эмиграция. В своем органе «Польский демократ», выход которого возобновился в Лондоне осенью 1852 г., деятели Польского демократического общества, польские эмигранты систематически помещали статьи и воззвания Герцена и отклики на них. Вот почему «Польский демократ» является одним из важных источников для изучения польско-русских революционных связей в эмиграции. К сожалению, мы не имеем в своем распоряжении полного комплекта этого издания и используем только сообщенные нам разрозненные материалы.

10 мая 1853 г. в «Польском демократе» было помещено воззвание Герцена об организации русской типографии в Лондоне. Откликаясь на это воззвание, «Польский демократ» в номере от 15 мая 1853 г. писал: «Герцен понимает долг русского народа. Честь ему. На нас же лежит свой долг. Время уже заявить, что мы никогда не договоримся с правительством Николая, тогда как против его сатанинского правления мы готовы в любой момент заключить братский союз с русским народом».

15 августа 1853 г. в «Польском демократе» было помещено воззвание к русскому народу, подписанное членами Централизации Польского демократического общества — Станиславом Ворцелем, Антонием Жабицким и Леоном Зенковичем. Призывая русский народ исполнить свой революционный долг и совместно с поляками выступить на борьбу против царизма, они писали: «Мы верим, что эта польская рука, которую мы сегодня протягиваем вам, почувствует ответное пожатие братской русской руки, так, как она почувствовала его во времена Бестужевых и Пестелей...». Сейчас мы можем точно сказать, что известная статья Герцена «Поляки прощают нас» была ответом на это воззвание. Именно его-то и имел в виду Герцен, когда в своей статье писал, обращаясь к русскому народу: «Пока мир тщетно ждет царской амнистии полякам, Польша дает амнистию народу русскому. Еще более. Она в лице своих демократических вожатаев протягивает вам свою руку» (VII, 259). В письмах к Ж. Мишле от 13 октября и 9 ноября 1853 г. Герцен прямо говорит, что его статья «была русским ответом на адрес, составленный польскими демократами» (VII, 392).

Характеризуя изданные в 1853 г. русской типографией в Лондоне пропагандистские статьи Герцена, «Польский демократ» в статье о русской революционной пропаганде писал в номере от 25 сентября 1853 г.: «Выдающейся чертой всех произведений Герцена является их чисто революционный дух».

Уже в эти годы Герцен развивал идею совместной борьбы русского и польского народов против царизма. Эта его линия нашла яркое отражение в воззвании к «Русскому воинству в Польше» (март 1854 г.) и в статье «Польско-русский революционный союз» (май 1854 г.), опубликованной в номере «Польского демократа» от 3 июня 1854 г. В этой статье Герцен писал: «Те из русских, которые не понимают, что независимость Польши является освобождением России, не являются революционерами, не являются свободомыслящими, они не с нами».

Таким образом, факт систематической публикации статей и воззваний Герцена и откликов на них в «Польском демократе» в 1853—1854 гг. совершенно очевиден. В последующие годы эти публикации продолжались, однако отсутствие в нашем распоряжении комплекта «Польского демократа» за 1855—1861 гг. не дает возможности сказать что-либо о содержании и характере этих публикаций. Этот пробел хорошо восполняет указанная выше работа А. Шлиша (см. A. Ślisz. Op. cit., p. 24—32).

То обстоятельство, что «Польский демократ» постоянно публиковал статьи Герцена и с большой симпатией отзывался о них, свидетельствует о тесном сотрудничестве Польского демократического общества и русского революционного демократа Герцена.

Много откликов на статьи Герцена было и в журнале польской эмиграции «Обозрение польских дел», выходившем в Париже. Как заметила И. Кобердова, в этом журнале выступали люди совершенно различных политических направлений (I. Koberdowa. Op. cit., p. 207). Действительно, в журнале встречаются статьи как демократического, так и либерального и националистического направлений.

В ноябре 1858 г. в «Обозрении польских дел» появилась статья «Александр Герцен и Вольная русская типография в Лондоне». Герцен назвал эту статью замечательной и ответил на нее статьей «Россия и Польша» («Колокол», лл. 32-33 и 34 от 1 и 15 января 1859 г.). Мы, к сожалению, не располагаем текстом статьи, но из ответа Герцена видно, какого рода положения высказывались в ней. «Само собой разумеется, — писал Герцен, — что я обратил особенное внимание на те места, в которых вы выражаете ваше несогласие или недоумение» (IX, 453). В этой связи Герцен и касается «главных основ своих убеждений» относительно России и Польши. Он требует, чтобы русский народ не смешивали с русским правительством. «Кроме официальной, правительственной России, есть другая ⟨...⟩, кроме Муравьева, который *вешает*, есть Муравьевы, которых *вешают*», — подчеркивал Герцен (IX, 459). Справедливо указывая автору польской статьи на оживление общественного движения в России после Крымской войны, Герцен, вместе с тем, снова попал в плен своих либеральных иллюзий относительно Александра II. Отвечая на упрек польского журнала, он писал: «Как же я могу относиться к Александру II, который никого не казнил, никого не ссылал в каторжную работу за мнения, не брал Варшавы, не мстил Польше десятки лет, не губил русские университеты и русскую литературу, так, как относился к Николаю?»

(IX, 461). Это высказывание Герцена вызвало справедливые возражения не только со стороны «Обозрения польских дел», но и со стороны «Польского демократа». «Но что нам до того, что царь никого не сослал на каторжную работу, когда он запретил даже думать о Польше..., — писал автор заметки, опубликованной в «Польском демократе» в начале 1859 г. — Снисходительность к Александру II нас удивляет: мы не ожидали ее от „Колокола" ⟨...⟩ Наши пути теперь разны, мы не можем писать писем ни царю, ни императрице о лучшем воспитании наследника» (IX, 471—472).

Во второй части статьи «Россия и Польша» (письмо второе) Герцен, излагая свою позицию в польском вопросе, подчеркивал, что «Польша, как Италия, как Венгрия, имеет *неотъемлемое, полное* право на государственное существование, *независимое* от России» (IX, 463). Вместе с тем во втором письме Герцен много внимания уделил и вопросу о том, что Польша и Россия *могут* «идти одной дорогой к новой свободной социальной жизни» (IX, 463). Ставя вопрос о федерации, о *желательности* объединения свободной Польши со свободной Россией, Герцен всячески подчеркивал, что «если Польша не хочет этого союза, мы можем об этом скорбеть ⟨...⟩*но не предоставить ей воли мы не можем*» (IX, 463. Курсив наш. — *И. Б.*). Итак, у Герцена на первом плане принцип самоопределения народа, и, именно исходя из этого принципа, он подходил к решению вопроса о Польше и Украине, а также вопроса о федерации. Мы считаем необходимым специально остановиться на этой стороне статьи Герцена, так как в декабре 1859 г. и январе 1860 г. в «Обозрении польских дел» была опубликована большая статья неизвестного автора под названием «Русская прогрессивная мысль и задачи поляков». Автор этой статьи прошел мимо приведенных положений Герцена и весь огонь своей критики сосредоточил на высказанной Герценом идее о желательности объединения свободной Польши со свободной Россией. Отвечая Герцену, польский автор в номере от 14 декабря 1859 г. писал: «Наш журнал в прошлом году в статье „Александр Герцен и Вольная русская типография в Лондоне" не только дал своим читателям представление о личности Герцена и характере его произведений и деятельности относительно России, но и о его мыслях относительно нашего дела». Переходя же к статье Герцена «Россия и Польша», автор из «Обозрения польских дел» прежде всего замечает, что, хотя Герцен и не является панславистом правительственного толка, он все же, будто бы, обнаруживает панславистские тенденции. «Герцен верит, — писал он, — в возможность решения всех вопросов славянского мира и вместе с ним и России и Польши путем панславизма. Его социально-политическим идеалом является демократическая федерация» (т а м ж е). Посвящая бо́льшую часть своей статьи рассмотрению вопроса о славянской федерации, автор из «Обозрения польских дел» отрицает возможность федеративного объединения славянских народов, хотя и допускает ее теоретически. При этом с особой силой он выступает против какого бы то ни было объединения с Россией и упрекает Герцена в том, что он сталкивает Польшу в бассейн Вислы, ибо не мыслит ее «как политический организм с интегральными частями старой Речи Посполитой — Русью и Литвой» (под словом «Русь» автор статьи имел в виду Украину, а под словом «Литва» — Литву и Белоруссию.—*И. Б.*).

Эти откровенно-националистические тенденции польского автора с особой силой выступили в заключительной части его статьи, где он заявил: «Сегодня мы ждем от русских либералов ⟨так автор из «Обозрения польских дел» называл Герцена и его единомышленников. — *И. Б.*⟩ не столько поддержки, сколько нейтральной позиции в нашей борьбе с царем и его, таким, каков он есть сейчас, народом; как первое доказательство их искренности относительно нас мы будем считать прекращение всяких покушений на славянство (на теоретическом поприще) и откровенное пожелание счастливого пути Руси, Литве, Польше. До тех пор, пока этого не будет, пока мы не получили полного признания, мы вольно или невольно даже прогрессивную русскую мысль вынуждены будем относить в разряд наших врагов» («Обозрение польских дел» от 28 января 1860 г.).

Понятно, что Герцен не мог оставить эту статью «Обозрения польских дел» без ответа. Однако, стремясь к сплочению всех сил для борьбы против царизма, Герцен, прежде чем вынести окончательное суждение о позициях автора из «Обозрения польских дел», считал возможным обсудить спорные положения его статьи. Так, в первом

отклике на эту статью он писал: «Нет, мы не можем быть противниками, мы, действительно, как Польша и Россия, — не враги, а *разномыслящие братья* ⟨...⟩ Мы скажем наше мнение о спорных предметах. Такая полемика много уяснит в вопросе, она сблизит, а не разведет» (X, 213). Во втором же подробном ответе польскому автору Герцен заявлял: «*Спору*, собственно, между нами нет, а есть огромные недоразумения, происходящие от разных начал, от которых мы идем» (X, 237). Вместе с тем Герцен отмечал, что выяснение спорных вопросов осложняется тем, что у польского автора отсутствует доверие к русским, каждого из которых он считает врагом и в каждом из которых он видит «хоть немного Екатерины II и Николая I...» (X, 238).

Останавливаясь на вопросах, по которым он имел расхождения с польским автором, Герцен обращается, прежде всего, к вопросу о федерации. Отмечая две тенденции последнего десятилетия, он писал, что одна из них отражает стремление порабощенных народов к независимости, тогда как вторая — стремление «одноименных народов» к политическому объединению. Обе эти тенденции Герцен считал прогрессивными. Говоря об объединении польского народа с русским в единую федерацию, Герцен подчеркивал, что это объединение может и должно быть только добровольным делом обоих народов. Одновременно с этим он отмечал, что федеративное объединение славянских народов не является задачей сегодняшнего дня, а делом будущего. «Я не думаю, — писал Герцен, — чтобы славянские народы сразу были готовы вступить в тот союз, о котором я говорил. Но если до него надобно дойти рядом разных независимых форм и отдельных сочетаний, я все же не вижу, отчего не иметь будущий союз в виду, как идеал, как широкую покойную гавань» (X, 240).

Отвечая своему польскому оппоненту, Герцен старался объяснить ему, что, ставя вопрос о федерации, он исходил не из интересов укрепления могущества России, как считал польский корреспондент, а из интересов социалистического будущего славянских народов и прежде всего России. «Мы требовали одного,— писал Герцен,— и теперь требуем: чтоб, разрываясь с Россией, она ⟨Польша. — *И. Б.*⟩ глубже узнала, что́ за всходы прозябают, прикрытые в ней солдатской шинелью и императорской мантией...» (X, 258). Слабой стороной ответа Герцена на статью в «Обозрении польских дел» было то, что основным элементом будущего социалистического строя он считал общину, а в федерации видел логическое завершение победы общинного социализма в славянских странах. Несостоятельность и утопичность этой теории Герцена общеизвестны.

Выступление Герцена по поводу статей «Обозрения польских дел» сыграло положительную роль. Об этом убедительно свидетельствует заметка, появившаяся в июньском номере этого журнала. Пересказывая содержание статьи Герцена, автор заметки отмечает, что между Герценом и поляками сохраняются «спорные пункты и поводы к противоречию». Но одновременно с этим редакция указывает на «существующую во многих отношениях солидарность». «Герцен делает свое дело хорошо, и мы должны протянуть ему нашу братскую руку», — говорилось в статье «Обозрения польских дел». Приведенное заявление редакции показывает, что на этот раз она отказалась от ошибочной и вредной для освободительного движения обоих народов практики, объявлять врагами польского народа даже лучших представителей русского освободительного движения и русской общественно-политической мысли.

Когда для редакции «Обозрения польских дел» стало вполне ясно, что Герцен смело и решительно выступает в защиту освободительных стремлений польского народа, она с признательностью откликнулась на статьи «Колокола» по польскому вопросу в своих апрельской, майской, июньской, июльской, августовской и сентябрьской книжках за 1861 г. (см. ниже, документ № 1). Однако и на этот раз авторы статей, помещенных в «Обозрении», не избавились от националистических тенденций, уже вызвавших в свое время отпор Герцена. Так, автор статьи, помещенной в октябрьском номере журнала за 1861 г., обрушился на «Ответ Великорусу» Огарева, помещенный в «Колоколе» от 1 октября 1861 г. Он решительно возражал против предоставления Белоруссии, Литве, Украине права самим решить свою судьбу; против того, чтобы польские, литовские, украинские и русские революционные общества рассматривались как составные части общих революционных сил, действующих сообща. Возра-

жая Огареву, автор из «Обозрения польских дел» писал: «Мы никогда не выступим как звенья федеративной цепи, состоящей из Польши, Литвы, Украины, Москвы, а выступим как Польша 1772 г., и это является нашим ультиматумом, от которого ни один поляк не должен отступать».

Приведенные примеры показывают, что в ряде статей «Обозрения польских дел» высказывались и отстаивались националистические идеи, направленные против демократических взглядов издателей «Колокола» по национальному вопросу. Это не могло не сказаться самым отрицательным образом на совместной освободительной борьбе русских и польских революционных сил против царизма. В силу этого, ни один исследователь, намеревающийся дать более или менее всестороннюю картину развития этой борьбы и осветить позиции ее участников, не может и не должен пройти мимо статей и публикаций «Обозрения польских дел».

* * *

Вопрос об отношении к идее русско-польского революционного союза со стороны русских революционеров получил освещение как в отдельных работах, так и в публикациях «Литературного наследства». Несравненно слабее освещен в литературе вопрос об отношении к этой идее деятелей польского национально-освободительного движения. Попытаемся восполнить этот пробел на основе новых материалов, имеющихся в нашем распоряжении.

В «пражской коллекции» сохранился текст речи неизвестного поляка, произнесенной 3 января 1862 г. на обеде, данном русской колонией в Гейдельберге в честь сына Герцена (см. документ № 2). Эта речь, как видно из ее содержания, представляет линию польской революционной демократии в вопросе о польско-русском революционном союзе. В ней говорится: «...Мы, которым счастливый случай позволил встретить русских, не похожих на тех, которые служат орудием деспотизма ⟨...⟩, которые разделяют светлый образ мысли Герцена, мы умеем различать русский народ от русского правительства и его приверженцев». И далее: «...Герцен и все люди, разделявшие его мнения, — наши союзники, у них и у нас один враг — деспотизм, одно настоящее — общее угнетение, наконец, и цели наши почти одинаковы, потому что вы стремитесь к низвержению деспотизма, который давит вашу жизнь общественную, а мы стремимся к восстановлению нашей народной самобытности, без которой свобода и равенство у нас, а вероятно, и у вас, — немыслимы ⟨...⟩ Мы верим и рассчитываем в решительную для нас минуту на ваше содействие, не на словах, а на деле». Таким образом, польская революционная демократия отделяла русский народ от русского царизма. Она рассматривала Герцена и его сторонников как своих союзников. Более того, она хорошо понимала необходимость союза польского и русского народов в их освободительной борьбе, исходя из общности условий и задач этой борьбы. Следует отметить также, что польская демократия представляла союз с революционной Россией не только как принципиальное соглашение сторон, но и как совместное практическое действие.

Мы публикуем ниже письмо Демократического польского общества в Кракове Герцену (см. документ № 3). В настоящее время нам, к сожалению, ничего не известно ни о составе этого общества, ни о его деятельности. Единственное упоминание о нем имеется в донесении агента III Отделения Балашевича-Потоцкого, который, пересылая список тайных польских обществ, назвал Демократическое польское общество в Кракове «опасным» (ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1861 г., д. 154, л. 374). Отметим лишь, что письмо этого общества Герцену является несомненным доказательством того, что связи между обществом и Герценом установились не позднее начала 1862 г.

Бросается в глаза то обстоятельство, что и выступление неизвестного поляка на обеде в честь А. А. Герцена в Гейдельберге, и письмо к Герцену от Демократического польского общества в Кракове относятся примерно к одному и тому же времени — январю 1862 г. Более того, оба эти документа содержат признание его больших заслуг в деле защиты освободительных стремлений польского народа.

Как развивались связи краковского общества с Герценом, какой они приняли характер, решить могут только дальнейшие исследования.

Выступление неизвестного поляка в Гейдельберге и письмо Демократического польского общества в Кракове не были единичными фактами. Вопрос о совместных действиях с русскими революционерами привлекал пристальное внимание деятелей польского освободительного движения. Об этом свидетельствует целая серия статей, появившаяся в журнале «Польский демократ» от 3, 17 и 30 мая, 14 и 26 июня 1862 г. под заглавием «О необходимости союза между Польшей и революционной Россией». Агент III Отделения Балашевич-Потоцкий, сообщая о появлении статьи в номере от 17 мая 1862 г., утверждал, что автором ее является Николай Акелевич (ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1861 г., д. 154, л. 478). Известно, что Н. Акелевич (или Акилевич) был членом общества «Польская молодежь», находившегося в непосредственных отношениях с Герценом (И. М. Белявская. Указ. соч., стр. 110). Сообщая об авторстве Акелевича, Балашевич добавлял, что Акелевич вместе с Чинским выступал в мае 1862 г. на собраниях польских эмигрантов и призывал «действовать вместе с русскими демократами» (ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1861 г., д. 154, л. 477).

В статьях «Польского демократа», посвященных вопросу о необходимости союза между Польшей и революционной Россией, автор начинает с напоминания о предшествующих выступлениях «Польского демократа» и Герцена по вопросу о русско-польском революционном союзе. Переходя к рассмотрению вопроса о роли поляков и Польши в освободительном движении, автор утверждает, что Польша, начиная с Барской конфедерации, похода Наполеона на Москву и кончая революцией 1848—1849 гг., выступала как носительница и защитница новых прогрессивных идей («Польский демократ» от 3 мая 1862 г.; «O potrzebie przymierza między Polską a Rosją Rewolucyjną»). Как видим, автор не далает различия между действительно демократическими, революционными выступлениями поляков и их участием в захватнических походах Наполеона. Это свидетельствовало о том, что автор идеализировал общественное движение поляков и выдавал за прогрессивные идеи и явления то, что было весьма далеко от прогрессивности. Кроме того, автору были свойственны и идеи польского мессианизма. Так, он солидаризировался со статьей в «Польском демократе», в которой говорилось, что «революционная Европа, наученная горьким опытом, хорошо теперь знает, что без Польши не может быть мира и свободы в Европе, что рядом с Польшей, приговоренной к смерти, все другие народы могут только гнить» («Польский демократ» от 17 мая 1862 г.).

Что касается отношения автора к деятельности Герцена, то в основном он дал ей правильную оценку. Характеризуя воззвания и статьи Герцена, он писал: «Эти первые призывы Герцена не остались без последствий, так как уже теперь по всей России среди военных, светских и духовных лиц распространяются сочинения, издаваемые тайно либо в самой стране, либо за границей и призывающие Россию освободиться от позорного угнетения. О некоторых из них мы уже говорили. Сейчас мы читаем в „Колоколе" воззвание к офицерам, которое, как сообщает „Колокол", незадолго до этого распространялось в Петербурге *...» (там же, 14 июня 1862 г.).

В условиях подъема польского национально-освободительного движения и назревания восстания польские революционеры ратовали за союз с революционной Россией. Эту линию несомненно отражали и статьи «Польского демократа» — «О необходимости союза Польши с революционной Россией». Однако следует отметить, что автор этих статей преувеличивал, когда писал, что «сознание необходимости этого союза является в Польше всеобщим» (там же, 26 июня 1852 г.). В действительности в Польше в те времена «сознание необходимости» союза с революционной Россией не могло быть всеобщим. В условиях господства царизма среди поляков получили широкое распространение антирусские националистические настроения. Более того, и в Польше, и среди польской эмиграции 50—60-х годов реакционные националистические элементы не только осуждали союз с революционной Россией, но и вели против него активную борьбу. Последнее обстоятельство правильно отметила

* Речь идет о прокламации к русским офицерам, призывавшей их стать на сторону народа в борьбе против деспотизма. Об этой прокламации сообщалось в «Колоколе», л. 133 от 15 мая 1862 г.

в своей работе Кобердова (указ. соч., стр. 221—222). Все это сильно затрудняло и не могло не затруднять деятельность небольшой группы русских и польских революционных демократов по созданию русско-польского революционного союза.

Осенью 1862 г. отношения между польскими и русскими революционерами вступили в решающую фазу. Как известно, начались переговоры сначала между представителями польской повстанческой организации и издателями «Колокола» в Лондоне, а затем между представителями польской повстанческой организации и общества «Земля и воля» в Петербурге. Следствием этих переговоров было заключение союза между польскими и русскими революционерами о совместной освободительной борьбе против царизма.

Как восприняли этот факт и как относились к нему различные представители польской общественности? Сейчас мы не в состоянии дать на этот вопрос исчерпывающего ответа из-за отсутствия необходимых материалов. Мы можем лишь показать, как были восприняты основные факты, связанные с переговорами в Лондоне, органом польской эмиграции в Париже, журналом «Обозрение польских дел».

1 октября 1862 г. в л. 146 «Колокола» было помещено письмо «От Центрального народного польского комитета в Варшаве гг. издателям „Колокола“». «Обозрение польских дел» немедленно откликнулось на него и заявило в номере от 15 октября 1862 г., что это письмо «делает возможным соглашение между русской либеральной партией и Польшей, стремящейся к восстанию, и облегчает обеим заинтересованным сторонам свержение общего гнета...». Приветствуя союз Центрального национального комитета с русскими революционерами, «Обозрение польских дел» заметило, что «из этого союза Польша сумеет извлечь пользу как для своего уже недалекого возрождения, так и для будущего» (т а м ж е). Таким образом, «Обозрение польских дел» рассматривало союз с русскими революционерами чисто практически, с точки зрения той выгоды, какую может принести этот союз Польше.

Что же касается принципиальных положений письма Центрального национального комитета, то «Обозрение польских дел» не преминуло высказать по некоторым из них свои критические замечания. Прежде всего журнал выразил свое недовольство тем обстоятельством, что в письме вопрос о восстановлении Речи Посполитой в составе всех прежних земель (украинских, белорусских, литовских и польских) не был поставлен со всей решительностью, с какой, по мнению журнала, это следовало сделать. По-видимому, «Обозрение польских дел» имело в виду следующее положение письма: «Мы стремимся к восстановлению Польши в ее прежних границах, оставляя народам, в них обитающим, т. е. литвинам и русинам, полную свободу остаться в союзе с Польшей или распорядиться собою согласно их собственной воле. В настоящих же наших приуготовительных действиях мы почитали нашею святейшею обязанностью употребить все усилия для того, чтобы Литва и Украина шли параллельно с Польшею и чтобы народное восстание одновременно охватило все части угнетенной родины нашей» («Колокол», л. 146 от 1 октября 1862 г.).

«Мы хотели бы,— заявляло по этому поводу «Обозрение польских дел» 15 октября 1862 г., — чтобы Центральный комитет в более решительном тоне высказался о единстве земель Руси ⟨Украины. — *И. Б.*⟩, Польши и Литвы ⟨включая и Белоруссию. — *И. Б.*⟩...». Это требование было несомненно направлено против положения письма о предоставлении украинскому, белорусскому и литовскому народам «полной свободы остаться в союзе с Польшею или распорядиться собою согласно собственной воле». Что это так, становится совершенно очевидным после ознакомления со статьей «Обозрения польских дел» — «Польша и революционная Россия», опубликованной в номере от 15 ноября 1862 г. В этой статье, в которой комментируются брошюра М. А. Бакунина «Народное дело», письмо издателей «Колокола» Центральному национальному комитету в Варшаве и их письмо к русским офицерам в Польше, мы читаем: «...Комитет по вопросу о провинциях, составляющих Польшу, должен был яснее и смелее сформулировать свое мнение и не колеблясь заявить, что провинция, которая в момент освобождения страны захотела бы получить самостоятельную автономию, выступила бы против патриотической и органической солидарности, какою по природе вещей обладает всякое государство. Мы видим, что

издатели „Колокола", как в шахматной игре, воспользовались этой ошибкой противника и на принцип, выдвинутый поляками, что материальная сила не является законом, ответили принципом, что историческое право не является силой».

Небезынтересно отметить, что разделы письма Центрального национального комитета, касающиеся вопроса о литовских, белорусских и украинских землях, подверглись критике и со стороны Герцена. Но это была критика с принципиально иных позиций. Герцен справедливо критиковал это письмо за то, что в нем не было ясно высказано положение о праве на самоопределение для народов этих земель. Именно поэтому еще во время переговоров в Лондоне он просил польских представителей «посильнее оттенить и яснее высказать мысль о самозаконности провинций» (XIV, 437). Революционный демократ Герцен распространял право на самоопределение на все народы и, последовательно отстаивая это требование, страстно желал, чтобы оно нашло признание и у деятелей польского освободительного движения. Представители Центрального национального комитета во время лондонских переговоров согласились «оттенить» в своем письме положение о «самозаконности провинций», но сделали они это из чисто тактических соображений (см. XIV, 438). Что же касается «Обозрения польских дел», то оно заняло по этому вопросу непримиримую позицию. В номере от 15 ноября 1862 г., откликаясь на письма издателей «Колокола» Центральному национальному комитету в Варшаве и русским офицерам в Польше, помещенные в «Колоколе» от 15 и 22 октября 1862 г., «Обозрение польских дел» возобновило свои обвинения в адрес русских революционеров в панславистских стремлениях и объявило их своими противниками. «Пока либеральная Россия не признает и не пожелает восстановления Польши в ее границах до разделов,— писало «Обозрение польских дел»,— до тех пор мы, поляки, не можем выступать с нею рука об руку по всем вопросам, а можем лишь сотрудничать в деле ослабления и свержения царизма». Определяя отношения деятелей польского освободительного движения с русскими революционерами, «Обозрение польских дел» требует от них соблюдения осторожности и предостерегает против близких контактов. В частности, «Обозрение польских дел» заявляло, что поляки не должны участвовать в работе русских революционных организаций, а русские офицеры, находящиеся в Польше, не должны принимать участия в совещаниях польской повстанческой организации. Вместе с тем, «Обозрение польских дел» признавало, что деятельность издателей «Колокола» и их революционная пропаганда подрывают силы царизма и тем самым служат «польскому делу». Поэтому оно допускало сотрудничество с ними, но лишь «для ослабления и свержения царизма». Такое понимание союза было распространенным явлением среди польских шляхетских революционеров, и это ставило русских революционеров в чрезвычайно трудные и сложные условия, особенно тех русских революционеров, которые, как и Герцен, союз с польским освободительным движением мыслили и как «теоретическое согласие», и как совместную борьбу на основе принципов «земля крестьянам, самобытность областям» (XV, 515).

* * *

Переговоры издателей «Колокола» с представителями Центрального национального комитета в сентябре 1862 г. в Лондоне, а затем переговоры представителей общества «Земля и воля» с представителями польской повстанческой организации, происходившие в Петербурге в начале декабря того же года, означали, что отношения деятелей русского и польского освободительного движения вступили в новую фазу — фазу практической организации совместной борьбы против царизма. Следует, однако, заметить, что осуществление планов совместной борьбы наталкивалось на серьезные трудности. Националистические взгляды, большие расхождения с Герценом во взглядах по программным вопросам борьбы не позволяли деятелям польского освободительного движения полностью и последовательно воспринять принцип Герцена: «Земля крестьянам, самобытность областям». Даже Бакунин после переговоров с представителями Центрального национального комитета, обращаясь к одному из польских деятелей, отмечал: «Если бы достигнуть полного соединения с вашими соотечественниками,

тогда бы мы разрушили всю администрацию. Но враги наши портят все, и союз вожделенный еще не состоялся. Может быть события решат и сблизят» («Летописи марксизма», 1927, № 4, стр. 77). Все это ставило издателей «Колокола» в чрезвычайно сложное положение и особенно в связи с быстро надвигавшимися событиями в Польше.

Известно, что издатели «Колокола» были против немедленного восстания и делали упор на широкую подготовительную работу к нему. Вместе с тем, они отдавали себе ясный отчет в приближении польского восстания и в связи с этим не могли не определить своего отношения к нему. Уже в октябре 1862 г. в письме к русским офицерам в Польше Герцен и Огарев высказались по этому вопросу. Так, они полагали, что польское движение может способствовать развитию «земского дела», и поэтому русские революционеры, участвуя в «польском деле», не должны «распуститься» в нем, а должны сохранить себя для «русского дела». Степень участия русских революционеров в польском движнии издатели «Колокола» ставили в зависимость от того, какой оно примет характер «относительно главного земского вопроса и относительно провинций». Только при этом условии издатели «Колокола» считали, что польское восстание может послужить ферментом для восстания в России. В вероятность последнего в конце 1862 и начале 1863 г. они верили мало (см. XV, 515—517). Польское восстание назревало в условиях спада революционной волны в России, и рассчитывать при этих обстоятельствах на начало крестьянского восстания в России вряд ли было возможно.

Совершенно иную позицию по всем этим вопросам занимал М. А. Бакунин. Уже осенью 1862 г. он требовал от Герцена «подымать знамя на дело», т. е. на восстание («Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», СПб., 1906, стр. 200). Перлюстрированные письма Бакунина из «краковской коллекции», одно из которых мы публикуем ниже (см. документ № 4), позволяют более полно осветить позицию Бакунина по вопросу о польском и русском восстании и тактических расхождениях между ним и Герценом по этим вопросам. Так, в письме от 21 ноября 1862 г. к члену эмигрантского общества «Польская молодежь» Пшевлоцкому Бакунин писал: «„Колокол“ имеет свое данное направление 〈...〉 может быть, они правы, что не хотят изменить старому плану, рассчитанному на более долгое время. Пусть „Колокол“ продолжает следовать своему направлению, нам все-таки симпатичному, хотя и не соответствующему горячим требованиям времени». Из этого письма очевидно, что тактический план издателей «Колокола» не импонировал Бакунину. Он хотел приготовить все к «большому гулянью», т. е. к восстанию. Утратив чувство реального, он уверял своих польских корреспондентов (см., например, его письмо к Амборскому, члену общества «Польская молодежь» от 12 октября. — «Летописи марксизма», 1927, № 4, стр. 77—78; в «краковской коллекции» сохранилась перлюстрационная копия этого письма), что «в России сотни наших пробегают деревни и призывают к крестовому походу против монархизма», что русские войска помогут полякам, что офицеры теперь не николаевской школы, что «партия» русских революционеров готовится, а ее денежный фонд увеличивается. Достаточно вспомнить замечания по этим вопросам Герцена, трезво оценивавшего положение вещей, — например, его замечание о средствах так называемого «общего фонда» как о весьма скромных (см. XV, 545), чтобы ясно представить себе насколько Бакунин выдавал желаемое за действительное.

В письме от 23 ноября 1862 г. к представителю «Отеля Ламберт» (группе аристократическо-националистической эмиграции в Париже) Коссиловскому Бакунин, развивая планы «большого гулянья», писал: «Необходимо теперь как можно быстрее и как можно сильнее действовать на Новороссийско-Бессарабское, особенно же на Кавказское войско, дабы они встали вместе с польским восстанием и, вместо того, чтобы душить черкесов, бессарабов, грузинов и украинцев, шли бы освобождающим ополчением прямо на Москву. Вот прямая цель наших действий. Вы нам можете и должны помочь» («Летописи марксизма», 1928, № 5, стр. 64; письмо также сохранилось в перлюстрационной копии в «краковской коллекции»).

Герцен был решительным противником авантюристического подхода к восстанию, нигилистического отношения к программным теоретическим вопросам борьбы, что

так свойственно было Бакунину и что, как нельзя яснее, он выразил в своей брошюре «Народное дело», опубликованной в 1862 г., и в письмах к польским деятелям. В конце 1862 г. Бакунин писал им: «Я и друзья мои не думаем более о границах, а только о возможно скорейшем низвержении общего врага, общими силами» («Летописи марксизма», 1928, № 5, стр. 59). Бакунин утверждал: «Наше... дело разрушить ту империю, которая сковывает его ⟨русский народ. — *И. Б.*⟩ так же, как и польский народ» (там же, стр. 67). Он был убежден, что к весне 1863 г. произойдет польско-русское восстание (см. «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», цит. изд., стр. 210). Издатели «Колокола» решительно осуждали авантюристические стремления Бакунина. Так, Огарев писал ему: «Ты затем и хочешь вредной попытки потому, что она тебе дает занятие, хотя бы и вредила делу... Если ты ищешь себе занятие хотя бы по дороге погибла надолго русская свобода и рост внутренней организации народа — я враг тебе» (там же, стр. 203—204). Из всего сказанного очевидны серьезные расхождения, существовавшие между Герценом и Бакуниным в конце 1862 г. по вопросам русского и польского движения. Эти расхождения положили начало разрыву между ними.

В период начавшегося польского восстания Герцен не только приветствовал освободительную борьбу польского народа, но и признавал необходимость практической поддержки польского восстания русскими революционерами. Главной причиной этого шага были надежды Герцена на возможность военно-крестьянского восстания весной 1863 г., возникшие у него в связи с польским восстанием (см. XIV, 436). Герцен полагал, что польское восстание окажет непосредственное влияние на оживление освободительного движения в России. Эти надежды пронизывают многие письма Герцена первой половины 1863 г. Так, в одном из них (от 4 апреля 1863 г.), адресованном В. И. Касаткину, Герцен писал: «А поляки — молодцы, решились, во что бы ни стало, продолжать революцию, которая будет зарею нашей свободы ⟨...⟩ Если к тому же наши удачно устроят, то правительство исчезнет, как призрак, — верю в успех» (XVI, 202). Как видно из писем Герцена этого периода, он предпринял какие-то практические меры для активизации освободительной борьбы в России и, в частности, посылал туда своих людей (см. XVI, 201). Но деятельность издателей «Колокола» не ограничивалась этим. Письмо А. А. Герцена к А. Пино (см. документ № 7) говорит о подготовке какой-то экспедиции, которая несомненно связана с революционными планами издателей «Колокола».

На основании писем Герцена можно проследить его связи и отношения с польскими деятелями в период восстания 1863 г. Дополнительные сведения по этому вопросу дают архивные материалы. Так, в письме из Парижа от 14 июля 1863 г., находящемся в архиве III Отделения, перечисляются фамилии большой группы польских эмигрантов (более 50 человек) и среди них фамилии Ярослава Домбровского, Погожельского, Эльжановского, Акилевича и других. В нем говорится: «Герцен делает с ними общее дело» (ЦГИАМ, ф. 109, 2-й секретный архив, 1863 г., д. 526, л. 2). Публикуемое в данном томе письмо А. Милевского является подтверждением этого факта с польской стороны (см. документ № 6).

Следует, однако, отметить, что Герцен сомневался в том, примет ли польское восстание народный характер, и в связи с этим сомневался и в целесообразности непосредственного участия в нем русских революционеров. Эта позиция Герцена нашла яркое отражение в его письме к В. О. Ковалевскому от 7 апреля 1863 г. (см. «Лит. наследство», т. 63, 1956, стр. 139—140). Значительное влияние на Герцена оказала и позиция самого Центрального национального комитета, стоявшего во главе восстания. В письме комитету от 2 февраля 1863 г. Бакунин писал: «Вы поставили нас, моих друзей и меня, в очень критическое и сложное положение. После всех взаимных выражений симпатии ⟨...⟩ мы даже и сейчас не уверены, желаете ли вы нашего участия...» (XVI, 51).

В письме к Герцену от 1 августа 1863 г. Бакунин сообщал, что комиссар экспедиции на пароходе «Ward Jackson», Демонтович, заявил, что он не только не желает, но и боится русской революции как страшного зла, ибо от «императорства» еще можно будет рано или поздно освободиться, а русская социальная революция «окончательно

затопит польскую цивилизацию» (см. «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», цит. изд., стр. 234). Антирусские националистические тенденции среди польских повстанцев еще более усилились с присоединением к восстанию «белых» и их вхождением в Центральный национальный комитет. В связи с этим осенью 1863 г. издатели «Колокола» отмечали: «Союз с национальным правительством был шаток ⟨...⟩ Надо было держаться на бессоюзной симпатии и долбить все ту же мысль о самобытности провинций....» (там же, стр. 255).

Ход событий в Польше и России в 1863 г. был таков, что польское восстание не переросло в крестьянское и не зашевелило, как дрожжи, всей России. Надежды издателей «Колокола» на военно-крестьянское восстание в России весной 1863 г., возникшие у них на короткое время в начальный период польского восстания, оказались тщетными.

* * *

В борьбе против издателей «Колокола» и их деятельности по созданию русско-польского революционного союза III Отделение не ограничивалось организацией слежки за русскими и польскими революционерами и всякого рода репрессиями. Одновременно с этим III Отделение применяло метод провокаций против совместной деятельности польских и русских революционеров, воспользовавшись тем обстоятельством, что в польской среде были живучи антирусские настроения. Умело используя эти настроения, III Отделение провело ряд провокаций, сопровождавшихся усилением националистических выпадов польских деятелей против России в целом, в том числе и против русских революционных демократов Герцена и Огарева. Видную роль в организации этих предательских действий играл агент III Отделения Юлиан Балашевич-Потоцкий. Агентурная служба отставного подпоручика Балашевича-Потоцкого началась в III Отделении в конце мая 1861 г. с «благословения» московского митрополита Филарета. III Отделение направило Балашевича в Париж, снабдив его паспортом на имя графа Альберта Потоцкого (ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1861 г., д. 154, л. 532). Перед ним была поставлена задача не ограничиваться слежкой за деятельностью польской эмиграции и ее связями с издателями «Колокола», а проникнуть в ее организации и постараться разложить их, столкнуть друг с другом и с издателями «Колокола» (ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1861 г., д. 154, лл. 147, 163, 209).

Уже в своих первых донесениях из Парижа летом 1861 г. Балашевич предложил III Отделению ряд мер, направленных на борьбу с революционным движением. Он писал: «Недурно против пропаганды Герцена и К° устроить частный орган (без прямого содействия правительства), который занимался бы рецензией статей лондонских издателей. Орган можно издавать в Берлине или Лейпциге, этим можно не только остановить революционные идеи, но даже сокрушить» (ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1861 г., д. 154, л. 13).

Очевидно, в связи с этими планами Балашевича следует рассматривать его статью «Русские ренегаты», написанную им в 1862 г. Эта статья, направленная против издателей «Колокола», сохранилась в архиве III Отделения (ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1861 г., д. 154, лл. 482—490). Для какого издания она предназначалась и была ли она напечатана, установить не удалось. Ряд провокационных статей Балашевичу-Потоцкому удалось поместить в «Польском демократе». Номера газет с этими статьями он пересылал в III Отделение как своего рода «вещественное доказательство» успешности своей деятельности (упоминания о таких присылках содержатся: ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1861 г., д. 154, лл. 213, 289, 290, 291 и др.).

Одним из первых практических шагов Балашевича было создание особого общества для разрушения «партий» Л. Мерославского и демократов, которых царское правительство считало наиболее опасными. Балашевичу удалось сделаться секретарем этого общества (ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1861 г., д. 154, л. 36), а несколько позднее он проник и в число членов Демократического общества. Через связи и знакомства среди польских эмигрантов Балашевич получал нужные ему сведения и соответствующим образом использовал их. В конце 1862 г. он завязал переписку с М. А. Бакуниным (см. XV, 596—599), подписывая свои письма псевдонимом «Абракадабра».

О том, насколько Бакунин доверял Балашевичу, свидетельствует его письмо к Балашевичу от 21 февраля 1863 г., сохранившееся в перлюстрационной копии в «краковской коллекции». «Извините, что так долго не отвечал,— писал в этом письме Бакунин.— Времена настали важные. Поэтому и времени не много. Так вы собираетесь в Польшу. Неужели нам не суждено с вами увидеться? Недели через две я буду в Париже. Позволите ли вы мне вас отыскать, любезный незнакомец? А может быть, встретимся *в Польше, хотя я туда поеду позже, чем прежде предполагал?* Центральный комитет дал такое направление делу, что русским почти там делать нечего... Но я все-таки не отчаиваюсь и верю, что наша мысль любви и соединения победит, и готов служить мыслью и делом. Надеюсь, что недели через три и я буду в Польше, а до тех пор прошу вас продолжать переписку, которая меня все более и более интересует. Прощайте — до свиданья. Ваш М. Бакунин» («краковская коллекция»).

Балашевич, конечно, не преминул использовать сведения, сообщенные ему Бакуниным, для организации слежки за ним и всеми русскими, намеревавшимися принять участие в польском восстании.

Одной из важнейших целей, которую ставил перед собой Балашевич, было возбуждение непримиримой вражды между польской эмиграцией и Герценом (ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1861 г., д. 154, л. 163). В одном из донесений он писал: «Если правительству угодно, то мы составим сильную оппозицию против Герцена и К°» (ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1861 г., д. 154, л. 209). Балашевич приложил много усилий для того, чтобы разорвать дружеские связи и отношения, завязавшиеся между Герценом и представителями польской революционной эмиграции. В ряде случаев Балашевичу удавалось этого достигнуть. Так, 6 декабря 1862 г. он доносил в III Отделение о том, что «Островский вследствие нашего ходатайства порвал отношение с Герценом и послал к нему обличительное письмо, требуя, чтобы он в „Колоколе" его напечатал» (ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1861 г., д. 154, л. 209). Из донесения Балашевича нельзя установить, что за «обличительное письмо» направил Островский Герцену и каково было его содержание. Островский, о котором говорится в донесении Балашевича, это, по всей вероятности, Кристин Островский, которого Балашевич называл корреспондентом многих журналов и бывшим союзником Герцена. Как долго продолжался разрыв отношений между Герценом и Островским и при каких обстоятельствах отношения между ними восстановились, остается неизвестным. Следует, однако, отметить, что в период восстания 1863 г. их отношения, как это явствует из писем Герцена, были налажены (см. XVI, 150).

III Отделение с помощью Балашевича-Потоцкого предприняло ряд провокационных мер, чтобы «поссорить» Мерославского с русскими революционерами, и, в частности, с Бакуниным, а затем и с издателями «Колокола». Успешное осуществление этой провокации облегчалось для Балашевича тем, что у Мерославского были сильны националистические антирусские настроения. Мерославский был решительным противником предоставления национальных прав украинскому, белорусскому и литовскому народам. Он рьяно отстаивал границы 1772 г. для Польши (см. «Летописи марксизма», 1927, № 4, стр. 79). После переговоров представителей Центрального национального комитета с издателями «Колокола» Мерославский выступил с нападками на них во французской прессе (там же, 1928, № 5, стр. 66). Бакунин подготовил против Мерославского статью, в которой давал отповедь его националистическим выходкам. В «краковской коллекции» имеются копии писем Бакунина от 26 декабря 1862 г. на имя И. Фрича (о котором см. ниже в публикации Ш. Ш. Богатырева) и от 5 января 1863 г. неизвестному поляку. И в том и в другом письме речь идет о статье Бакунина, направленной против Мерославского, о ее переводе на славянские языки и, в частности, на польский и о помещении ее в парижском «Обозрении польских дел». Этим спором между Бакуниным и Мерославским воспользовался Балашевич-Потоцкий. М. К. Лемке первый обратил внимание на ту роль, которую сыграло III Отделение в разрыве отношений между Мерославским и Бакуниным (см. XV, 595—596). Как верно отметила Кобердова, Балашевич-Потоцкий с помощью анонимных писем и статей ловко «подогревал» и усиливал спор между Бакуниным и Мерославским, пока дело не дошло до полного разрыва между ними (I. Koberdowa. Op. cit.,

р. 231). После этого Балашевичу-Потоцкому уже нетрудно было уверить Герцена о готовящемся против него и других членов общества «Земля и воля» заговоре во главе с Мерославским (письмо от 7 июля 1863 г.). Под письмом Балашевича-Потоцкого стоит подпись «Андрей». При публикации этого письма в 62-м томе «Литературного наследства» (стр. 485—486, 499) мною была допущена ошибка. Я тогда не установила, что это письмо написано Балашевичем-Потоцким, и высказала предположение, что оно принадлежит неизвестному польскому деятелю.

Особенно большой размах приняли провокации Балашевича-Потоцкого, направленные против русско-польского революционного союза, в период польского восстания 1863 г. Известно, с какой горячей симпатией выступил «Колокол» в защиту и поддержку польского восстания. Известно также, что издатели «Колокола» связывали с польским восстанием свои надежды на подъем освободительного движения в России. В какой-то мере эти надежды и планы издателей «Колокола» были известны III Отделению. Оно стремилось их парализовать, посеяв рознь и недоверие между Герценом и деятелями польского восстания и сорвав таким образом их сотрудничество и совместную борьбу против царизма.

М. К. Лемке опубликовал ряд документов, связанных с провокацией III Отделения против Герцена и польских революционеров в период восстания 1863 г. Так, 9 июня 1863 г. Герцен в письме к польскому публицисту Юлиану Клячко взволнованно сообщал о получении им «странного» письма. «Сдано оно на почту в Париже, — писал он,— датировано 1 мая в Варшаве, снабжено печатью Центрального комитета и помечено № 14» (XVI, 284). В примечании к этому письму М. К. Лемке поместил текст «странного» письма, требующего от имени Центрального национального комитета прекращения всякого «вмешательства» Герцена в ход польского восстания и обвиняющего Герцена в панславизме. В конце июня или начале июля 1863 г. Герцен получил новое письмо-фальшивку от имени Центрального национального комитета, требующего удаления «всех агентов г. Герцена, равно и всех тех, кому он поручил пропаганду панславистских идей и идей о славянской федерации» (XVI, 371). М. К. Лемке по этому поводу заметил: «Позже, в ноябре 1863 г., Герцен окончательно установил неподлинность этих обоих писем: они были подделкой не без участия III Отделения и, в частности, Балашевича-Потоцкого» (XVI, 372). Новые архивные материалы полностью подтверждают предположение М. К. Лемке. Вот что писал Балашевич-Потоцкий в секретном донесении от 12 июня 1863 г., сохранившемся в «краковской коллекции»: «Действия мои против Герцена увенчались полным успехом. Я послал сообщить главным лицам, что Варшав⟨ский⟩ Народ⟨ный⟩ комитет приказал порвать все сношения с Герценом. На это члены ответили: «Мы это знаем». Эмиграция не только в Париже, но и во Франции была убеждена в истине этого. Я достиг цели очень просто: в посылках из лагеря инсургентов я прибавлял разным почерком: „Warszawski Rząd Narod⟨owy⟩ rozkazał zerwać strosunki z Hercen⟨em⟩ *". Десятки подобных приписок убедили в истине. Чтобы это дело упрочить, я вчера отправил в Краков к моему агенту (письмо похожее руки Герцена), в котором он советует своим не вмешиваться в революцию Польши и пр. Копию этого письма я поручил сообщить в Варшавский комитет. Из прилагаемой копии письма Герцена к J. Klaczko легко убедиться, как сильно затронуто самолюбие Герцена, который в течение четырех лет поддерживал агитацию Польши и, мечтая руководить, как Вольтер, адептами разных наций, видит разрушенные мечты. Его письмо выказывает его нравственные страдания. Я подожду до 15 июня. Увидим, что он скажет в «Колоколе», а равно и ответ J. Klaczko. Для этого сегодня я отправил J. Klaczko письмо на бланке Глав⟨ного⟩ комитета. Копию оного прилагаю».

В донесении от 28 июня 1863 г. («краковская коллекция») Балашевич-Потоцкий сообщал о новых своих провокациях: «Эмиграция в Париже достаточно подготовлена, а чтобы и в Кракове достигнуть цели, поэтому отправлено мною письмо псеудо-Герцена, в котором Герцен советует своим не принимать участия в поль⟨ской⟩ революции,

* «Варшавское Национальное правительство приказало прекратить отношения с Герценом» (польск.).

потому что эта революция кастическая, а не народная. Письмо это вызвало волнение в крак⟨овской⟩ партии, результатом которого будет удаление Герцена (из донесения агента это видно)».

Эта провокация Балашевича-Потоцкого несомненно посеяла недоверие и подозрительность в отношениях между русскими и польскими революционерами и способствовала временному прекращению их отношений. И.Кобердова, приведшая ряд новых данных о провокационной деятельности Балашевича-Потоцкого в 1863г., сделала правильный вывод о том, что успех этой провокации стал возможен в атмосфере шовинистических, антирусских настроений, разжигавшихся польской реакцией (I. K o b e r d o w a. Указ. соч., стр. 233).

* * *

Наименее изученным периодом в истории русско-польских революционных связей и отношений и, в частности, отношений между Герценом и польской демократической эмиграцией является вторая половина 1860-х годов. Из событий этого периода некоторое освещение получил конфликт издателей «Колокола» с польской демократической эмиграцией в связи с появлением в «Колоколе» от 1 ноября 1866 г. (л. 224) статьи Огарева «Продажа имений в Западном крае» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 133—136) и вопрос о сотрудничестве издателей «Колокола» с группой польских демократов, издававших журнал «Гмина» (т а м ж е, т. 62, 1955, стр. 575—581; C. B o b i ń s k a. Ideologia rewolucyjnych demokratów polskich w latach sześćdziesiątych XIX wieku. W., 1956, стр. 57—61).

Ниже мы публикуем протест польских эмигрантов против статьи Огарева о продаже имений в Западном крае (см. документ № 8). Этот документ убедительно показывает, что критика статьи Огарева велась с националистических шляхетских позиций. Ограниченность и фрагментарность выявленных материалов не позволяет воссоздать сколько-нибудь полную картину связей и отношений Герцена с деятелями польского освободительного движения в последний период его жизни. Это дело будущего. Однако, говоря об этом периоде, следует отметить два важных обстоятельства, характеризующих как русское, так и польское освободительное движение конца 1860-х годов. Как в первом, так и во втором происходит знаменательная эволюция в среде демократических деятелей. Одни из них отходили от революционного движения и переходили на позиции либерализма, другие, как русский революционный демократ Герцен и польские революционные демократы Ярослав Домбровский, Валерий Врублевский, обратили свои взоры к Интернационалу, к позициям единственного последовательного революционного класса — пролетариата.

1

ПОЛЬСКАЯ ЭМИГРАНТСКАЯ ПРЕССА О ГЕРЦЕНЕ

Мы помещаем ниже заметку о Герцене из «Обозрения польских дел» от 3 июля 1861 г., свидетельствующую о том, что в этом журнале публиковались не только националистические выпады против Герцена, но и материалы, в которых выражалась глубокая симпатия к нему, особенно в связи с его защитой и поддержкой национально-освободительного движения польского народа. Публикуемая заметка была предпослана письму Герцена к редактору «Обозрения польских дел», опубликованному в этом издании (печатается по тексту журнала в переводе с польского).

Мы получили от г. Александра Герцена, известного редактора «Колокола», письмо на французском языке, которое в соответствии с высказанным в нем пожеланием, считаем своим долгом опубликовать в польском переводе[1]. Под благодарственными адресами, присланными нашими соотечественниками г. Герцену, мы охотно ставим и свою подпись. Достойный основатель Вольной русской типографии в Лондоне, наряду с глубоким сочувствием к нашему несчастью, всегда признавал наши национальные права. Тяжело переживая варшавские события[2], он освободился от остатков своей

веры в нынешнего царя и, не колеблясь, решительно заявил, что *полное освобождение Польши является безотлагательной потребностью славянства*. Постоянная симпатия и это последнее столь благородное выступление привлекают к г. Герцену польские сердца. Поляки знают, что именно его произведения способствовали возбуждению дружественных нам чувств у многих его соотечественников, которые, как Попов, показали это своей смертью[3]. Поляки надеются и верят, что за этими отдельными доказательствами сочувствия последует множество их. Вот за это внедрение в свой народ справедливых понятий о Польше поляки и испытывают к Герцену самую большую благодарность.

[1] Герцен выражал в своем письме благодарность всем полякам, приславшим ему приветственные письма и адреса в ответ на статьи «Колокола» о Польше (см. XI, 111—128).

[2] В феврале — апреле 1861 г. в Варшаве состоялись патриотические демонстрации. Царские войска стреляли в демонстрантов. Герцен отозвался на эти события рядом статей.

[3] Во время демонстрации в Варшаве 27 февраля 1861 г. один из русских офицеров, несмотря на приказ генерала, запретил своим солдатам стрелять в демонстрантов. Герцен, описывая этот случай в статье «Vivat Polonia!», не называет фамилии офицера (см. XI, 47). «Обозрение польских дел» в номере от 6 апреля 1861 г. сообщает, что это был капитан Попов, расстрелянный в тот же день.

2

РЕЧЬ НЕИЗВЕСТНОГО ПОЛЯКА В ЧЕСТЬ ГЕРЦЕНА И СОЮЗА С РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИЕЙ

Как видно из содержания публикуемой речи, она была произнесена на банкете в Гейдельберге. Когда и по какому поводу состоялся этот банкет и кто в нем участвовал, можно уяснить из следующих данных: в донесении агента III Отделения Балашевича-Потоцкого от 20 января 1862 г. сообщалось: «*В Гейдельберге русские путешественники давали банкет для сына Герцена (3 генваря), куда пригласили и поляков. Были произнесены речи и пр.* По телеграфу известили Герцена об этом, и он ответил благодарностью. Между русскими и поляками на этом банкете заключен союз для взаимных действий и составлен акт» (ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1861 г., д. 154, л. 341).

Достоверность сведений, сообщаемых Балашевичем-Потоцким, подтверждается рядом других документов. Так, И. С. Тургенев в письме к Герцену от 25 января 1862 г. писал: «Дошли до меня слухи об овациях, делаемых твоему сыну русской молодежью в Гейдельберге и в Карлсруэ. Я порадовался за тебя, за твоего сына, а — главное — за русскую молодежь» («Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену». Женева, 1892, стр. 143).

В отчете шефа жандармов за 1861 г., представленном царю в начале 1862 г., говорилось: «В декабре же месяце двадцатилетний сын Герцена приезжал в Гейдельберг. По сему случаю проживающие там в значительном числе русские давали обед, пригласив на оный и поляков, и тут провозглашены были тосты в честь Александра Герцена с отдачею ему похвалы за старания его о соединении национальностей русской и польской» (XI, 375).

В тесную связь со всеми этими данными становится и следующий текст из письма Герцена к сыну от 21 декабря 1861 г.: «На твой вопрос о празднике мне отвечать трудно, не зная, что будет. Одно я тебе советую: веди себя *как можно скромнее*. Скажи, что ты одного ищешь и хочешь — сделаться русским и участвовать в предстоящем великом деле; благодари за меня, за Огарева, — вот и все» (XI, 372—373).

В свете приведенных выше документов очевидно, что дату 3 января 1862 г., сообщаемую агентом III Отделения, можно считать достоверной.

В Гейдельберге проживало много русских студентов, открывших там весной 1862 г. русскую читальню. Вокруг этой читальни группировались сторонники и по-

читатели Герцена, в том числе В. И. Бакст, В. Ф. Лугинин и многие другие (см. «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 4—6; т. 63, 1956, стр. 108—110). Как справедливо указал Я. З. Черняк, Огарев видел в гейдельбергской организации один из важнейших центров русского революционного движения за рубежом (т а м ж е, т. 63, стр. 118). Возможно, что поездка Герцена-сына в Гейдельберг была связана со стремлением издателей «Колокола» установить отношения с русской гейдельбергской колонией.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в Гейдельберге, как это заметил Б. П. Козьмин, «было немало поляков». Он назвал имена Авейды и Гауке (т а м ж е, т. 41-42, 1941, стр. 6). Кто из поляков присутствовал на банкете и кто был автором замечательной речи, публикуемой ниже, установить не удалось. Несомненно одно: между русскими и польскими гейдельбержцами существовали тесные отношения. Многие из русских гейдельбержцев сочувствовали освободительной борьбе польского народа, а некоторые из них, как, например, П. И. Якоби, В. О. Ковалевский, приняли участие во вспыхнувшем в 1863 г. польском восстании.

Приводим текст речи по рукописи, сохранившейся в «пражской коллекции», не исправляя стилистические неправильности и сохраняя полонизмы.

Господа! Получив приглашение ваше участвовать в обеде, которым вы желаете выразить сочувствие ваше к деятельности Герцена, мы с поспешностью и радостью его приняли. Сегодняшнее собрание наше делает, вероятно, на каждого из вас, равно как и на нас, необыкновенное впечатление оттого, что сегодня мы, поляки, в первый раз сошлись с вами, русскими, вместе, для одной цели и в одной мысли. Соединяет нас сегодня мысль и личность знаменитого редактора «Колокола», который первый могучим голосом своим пробудил дремлющую Россию, возбудил в большей части народа самые благородные желания свободы и показал, что великий ваш народ достоин и может достигнуть лучшей участи, в достижении которой препятствует ему вековой, крушащийся сегодня деспотизм. Имя Герцена в сердце русского народа выпечатано будет буквами благодарности, которая будет тем сильнее, чем сильнее укрепится ваше будущее. Оттого, что, вероятно, только в будущем заслуги Герцена надлежащим образом оценены будут.— Мы в Герцене глубоко почитаем человека, посвятившего всю жизнь свою великой идее свободы и страдавшего за нее; уважаем не только одного из малого числа тех русских, которые беспристрастно относятся к нашему польскому делу, но еще человека, который первый из русских смело и громко последовал за голосом благородной своей души и определил значение польского вопроса сообразно справедливости, правде и достоинству народному. Итак, господа, хотя мы делаем различие между значением Герцена в России и значением его в Польше, но, тем не менее, в личности его и его деятельности находим много сторон, которые и в нас и в вас одинаковые возбуждают чувства. Итак, воспользовавшись счастливою для нас возможностию находиться в первый раз в публичном собрании русских, я почитаю себе обязанностью высказать вам откровенно, как мы смотрим на отношения наши к русским и России. Мне случалось неоднократно слышать со стороны русских упрек в слепом фанатизме, в слепой народной ненависти, в том, наконец, что мы, поляки, отвергаем всякого рода примирение с русскими.

В несчастной стране нашей, где кровь льется, где тысячи и сотни гибнут в темнице или идут на изгнание за любовь к своей родине, где народ наш не видит иных русских, как только тех, которые в него стреляют, которые оскверняют его святыни [1] и отнимают ему его народность, язык и все то, что составляет святейшее достояние каждого человека, в Польше, я говорю, при таких условиях требовать от массы народа, чтобы он примирился с русским народом, невозможно. Невозможно оттого, что между угнетенным и утеснителем примирения быть не может, как не может быть союза свободы с рабством, добродетели — с пороком. Можно ли требовать,

чтобы народ польский умел отличать правительство от народа русского, орудие — от воли, им двигающей, когда до сих пор народ русский ни разу не показал на деле, что он порицает гнусные поступки своего правительства в Польше, не отрекся от сообщничества с ним? Господа, вы знаете, что массы газет не читают, возвышенных речей не слышат; массам, как и истории, нужны дела, массы понимают только факты.

Мне кажется, что всякий беспристрастный русский поймет, что примирение Польши угнетенной с Россиею угнетающей совершенно противуестественно, что оно было бы для нас, поляков, унизительно и позорно. Но мы, которым счастливый случай позволил встретить русских, не похожих на тех, которые служат орудием деспотизма, а которые понимают, что угнетение нашей родины приносит не честь, а стыд России, которые разделяют светлый образ мысли Герцена,— мы умеем различать русский народ от русского правительства и его приверженцев. С последними мы до окончательного нашего освобождения ничего общего иметь не желаем, между нами и ними пропасть, которую можно будет заполнить только тогда, когда мы будем стоять в отношении таком, как равный к равному и вольный к вольному. Напротив, русские мыслящие, как вы, господа, нам не враги, а скорее братья и союзники. Да, господа, Герцен и все люди, разделявшие его мнения,— наши союзники, у них и у нас один враг — деспотизм, одно настоящее — общее угнетение, наконец, и цели наши почти одинаковы, потому что вы стремитесь к низвержению деспотизма, который давит вашу жизнь общественную, а мы стремимся к восстановлению нашей народной самобытности, без которой свобода и равенство у нас, а вероятно, и у вас,— немыслимы.

Что мы верим в искренность мыслей Герцена и чувств ваших,— присутствие тут наше доказывает лучше слабых слов моих. Да, господа, мы умеем различать Герцена и русских, ему сочувствующих, которых уважаем, как сотрудников одной идеи, от правительства и его сбиров, которыми пренебрегаем и об которых сожалеем. Вам, господа, мы верим и рассчитываем в решительную для нас минуту на ваше содействие не на словах, а на деле.

На тост, который вы так охотно исполнили, позвольте, господа, предложить другой — в честь декабристов, первых русских мучеников свободы, и искреннее желание, чтобы как можно скорее свободная Польша могла протянуть дружескую руку свободной России.

[1] Имеются в виду беспощадные расстрелы демонстраций в Царстве Польском в феврале — апреле 1861 г., а также события осени 1861 г. в Варшаве, когда царские войска, преследуя демонстрантов, ворвались в костелы. В знак протеста против «осквернения храмов» польское духовенство закрыло все костелы.

3

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ПОЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО В КРАКОВЕ — ГЕРЦЕНУ

В одном из дел III Отделения, содержащем донесения агента Балашевича-Потоцкого, имеется в агентурной записи письмо Демократического польского общества в Кракове, адресованное Герцену. В своем донесении Балашевич-Потоцкий по этому поводу писал: «Прилагаю письмо к Герцену от Демократического общества из Кракова. Стенограф списал главное содержание» (ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1861, д. 154, л. 338). Сообщаем текст письма (в переводе с французского):

⟨Краков *. 17 января 1862 г.[1]⟩

Господин Герцен!

Общество приносит вам искреннейшую благодарность за доброе расположение и чувства в отношении польского дела. Мы надеемся, что, вступив

* Слово «Краков» надписано по-русски рукой Балашевича-Потоцкого.

на путь освобождения наших угнетенных братьев, вы не перестанете быть нашим защитником и не сложите оружия, которым вы пользовались до настоящего времени для победы над деспотизмом.

Примите наилучшие пожелания и выражение благодарности от тех, кто сохранил в своих сердцах чувство признательности к вам.

17 января.

[1] Дата уточняется на основании донесения Балашевича.

4

М. А. БАКУНИН — Ю. ПШЕВЛОЦКОМУ

Публикуемое письмо сохранилось в перлюстрационной копии агента III Отделения. Письмо было запечатано в два конверта. На первом из них было написано: «Madame Marie Corday»; на втором: «Monsieur Joseph P.». Рукою агента в скобках было дописано: «Przewlocki». Письмо отправлено из Лондона, датировано 21 ноября 1862 г. и подписано буквой *А*. На нем помечен адрес отправителя: «Londres. 10, Paddington Green W.». Это адрес М. А. Бакунина. М. К. Лемке опубликовал перлюстрированное Балашевичем-Потоцким письмо Бакунина от 19 декабря 1862 г., отправленное им также на адрес «Marie Corday (J. P.)». Буквы в скобках Балашевич расшифровал как инициалы: «J. Przewlocki» (XV, 602—604). В свете изложенного становится очевидным, что публикуемое письмо было написано Бакуниным Пшевлоцкому, что его перлюстрировал агент III Отделения Балашевич-Потоцкий.

О Пшевлоцком мы можем сказать только, что его фамилия значится в списке членов общества «Польская молодежь» (И. М. Белявская. Указ. соч., стр. 110). Это еще одно свидетельство того, что общество «Польская молодежь» находилось в тесных отношениях с русскими революционерами.

Публикуемое письмо ярко раскрывает тактическую линию Бакунина накануне и в период польского восстания 1863 г. Бакунин высказался в нем за немедленное восстание, мало задумываясь при этом над реальными условиями и возможностями, а также и над тем, что будет после восстания. «Встанем дружно, повалим Голштейн-Готорпа, — писал он Пшевлоцкому, — а там все будут, чем захотят быть...».

Письмо печатается по перлюстрационной копии «краковской коллекции».

№ 46*

Londres. 21 nov⟨embre⟩ 1862.
10, Paddington Green W.

Mes chers amis,

On nous a bien annoncé le renvoi de notre paquet, mais nous ne l'avons pas encore reçu. Lundi prochain nous enverrons un autre paquet à *Frédéric*[1] à l'adresse de Ad. 59, comme vous nous l'ordonnez.

Ecrivez le tout de suite à D⟨lusewski Jean⟩**[2], je vous prie, et ordonnez lui d'avertir Thorzewski ou moi aussitôt qu'il l'aura reçu ce paquet***.

Франт⟨к?⟩[3] в письме своем от 15 ноября, написанном у Фредерика, говорит следующее:

---

* Пометка агента.— *Ред.*

** Расшифровка агента.— *Ред.*

*** Дорогие друзья.— Нас уже известили об обратной отправке нашего пакета, но мы его еще не получили. В будущий понедельник пошлем другой пакет Фредерику[1] по адресу Ад. 59, как вы нам велели. Пожалуйста, напишите об этом сейчас же Д⟨лучевскому Яну⟩[2] и велите ему уведомить Тхоржевского или меня, как только он получит этот пакет (франц.).

D.⟨Dlusewski⟩* взял на себя получение и дальнейшую отправку (гранат). Пусть ему Ц.⟨Cwiarciakiewitch⟩*[4] вышлет из Парижа примерно 5000 франков на первые издержки, а мы будем иметь расчет у *Максима с Камнем*[5],— не бойтесь, друзья, мы здесь спать *не будем*. Друзья мои, все более и более убеждаясь в том, что он более склонен по природе своей к теоретической, чем к практической деятельности, предоставили окончательно практику мне. *А я спать не намерен* и хочу так же, как и вы, приготовить все к большому *гулянью*. — «Колокол» имеет свое данное направление и свой склад ума, и, может быть, они правы, что не хотят изменить старому плану, рассчитанному на более долгое время. Пусть «Колокол» продолжает следовать своему направлению, нам все-таки симпатичному, хотя и не соответствующему горячим требованиям времени. Помимо «Колокола», можно и должно действовать брошюрами. На днях напечатаются новые *солдатские песни превосходные*, вполне рассчитанные на склад солдатского сердца и солдатского ума и прямо *вызывающие солдат стоять заодно с поляками* и с русским народом против начальства и против царя-лиходея. Их я пошлю, лишь только получу известие от Д. о получении первого пакета. Писали ли вы *Камню* о том, что я говорил вам ⟨*о деньгах для оружия и**⟩ о деньгах не *для себя*, а для практической *пропаганды?* Если бы у меня были средства в руках, я повернул бы многое. Главное — верные, старые и обширные пути сообщения. Мы теперь об этом хлопочем с *Булевским*[6] ⟨я писал вам *⟩, положительно же он, впрочем, сам об этом вам напишет. Обещали вы мне справиться об *X*[7]. Узнайте, если можете, где он теперь. Это чрезвычайно важно — все, что вы пишете о старой эмиграции, меня порадовало, но еще более порадовало, что вы мне говорите о сомнении к нам самого края,— о силе вашего крепкого *камня* — на него все надежды. Впрочем, судя по *специменту*, который вы здесь видели, могу сказать, что и дерево наше не плохо — будем надеяться, что союз их свяжет и нас и вас[8], и будем с своей стороны делать все возможное, чтобы этот союз был бы и прочнее и сильнее. Вы правы, теперь не время нам более друг с другом торговаться. Встанем дружно, повалим Голштейн-Готорпа, а там все будут, чем захотят быть... Получил, наконец, сегодня 5 № «Baczności»[9]. Ругают сильно и вас и нас. Mais grondez-nous — cella ne me fait ni chaud, ni froid**. Собака лает — ветер носит. А Клячко[10], право, молодец, что поколотил Калинку[11]. Поезжайте ж к нему, если он не убежденье ⟨!⟩ по таланту, нельзя ли вам будет приобрести этот талант? Литературных талантов у вас не слишком много. Пишу вам обоим за один раз.

А.

[1] Личность *Фредерика* установить не удалось.

[2] Фамилия Яна *Длучевского* значится в списке членов общества «Польская молодежь» (И. М. Белявская. Указ. соч., стр. 110).

[3] Сведениями о Франтке мы не располагаем.

[4] Юзеф *Цверцякевич* — видный деятель польской демократической эмиграции. Хорошо знал издателей «Колокола» и Бакунина.

[5] Вероятно, под прозвищем «Максим с Камнем» скрываются Герцен и Огарев. Это предположение можно сделать на основании текста письма. Так, после слов: «...мы будем иметь расчет у Максима с Камнем»— Бакунин пишет: «Друзья мои, все более и более убеждаясь в том, что он более склонен по природе своей к теоретической, чем к практической деятельности, предоставили окончательно практику мне». Именно Герцена Бакунин считал склонным к теоретической, а не практической деятельности. Вероятность того, что под «Камнем» следует подразумевать Герцена, подтверждается еще одним местом письма, где Бакунин пишет: «Писали ли вы *Камню* о том, что я говорил вам о деньгах не *для себя*, а для практической *пропаганды?* Если бы у меня были средства в руках, я повернул бы многое». Из всего своего русского окружения денежным человеком Бакунин считал только Герцена.

[6] Л. *Булевский* — член Централизации Польского демократического общества в Лондоне. Был близок с Бакуниным. Герцен относился к Булевскому отрицательно (см. XIV, 445—446).

* Расшифровка агента.— *Ред.*

** Но ворчите на нас — от этого мне ни холодно, ни жарко (франц.).

[7] Возможно, что речь идет об И. Хмелинском, одном из представителей польской повстанческой организации, который находился тогда в Париже.

[8] По всей вероятности, Бакунин имел в виду предстоявшие между представителями Центрального национального комитета и общества «Земля и воля» переговоры, которые состоялись в конце ноября — начале декабря 1862 г. в Петербурге.

[9] *«Baczności»* — газета, издававшаяся Л. Мерославским в Париже.

[10] Юлиан *Клячко* — польский публицист.

[11] *Калинка* — ксендз, историк и публицист, был близок к «Отелю Ламберт».

5

В. И. КАСАТКИН — М. А. БАКУНИНУ

Это письмо, сохранившееся в перлюстрационной копии «краковской коллекции», является убедительным свидетельством того, что русские революционеры, в том числе из среды офицеров, стремились принять участие в польском восстании 1863 г.

КОПИЯ С ПИСЬМА ПРОЖИВАЮЩЕГО В ЖЕНЕВЕ *КАСАТКИНА М. А. БАКУНИНУ**

⟨Женева. 20 февраля 1863 г.⟩[1]

Многоуважаемый Михаил Александрович!

Один из знакомых вам наших офицеров, именно Р—ъ[2], хочет в Польшу. У нас найдутся средства для его проезда. Паспорт также постараемся достать. Но ему нужны рекомендательные письма к кому-нибудь из польских вождей на месте. Предполагая, что ваши сношения с поляками не прерваны, просим вас выслать для Р. нужные к кому можете письма.

Мы не вправе отговаривать его от решимости стать в ряды бьющихся за их и нашу свободу. Степень же опасности ручается за то, что он доберется до места осторожно и разборчиво.

Отъезд его зависит от скорости вашего ответа, который со вложением нужных писем просим вас выслать Via Belgium, Genève. Mr Bovard, route de Lyon, 56.

Преданный вам V.
⟨Виктор**⟩

20 февраля.

[1] Год устанавливается по содержанию письма.

[2] Не подлежит сомнению, что в письме речь идет о русском офицере Рейнгарте, с которым, как это видно из письма Бакунина Фогту от 18 ноября 1862 г. («краковская коллекция»), Бакунин был уже знаком в это время. В марте 1863 г. Рейнгарт принял участие в морской экспедиции польских повстанцев на пароходе «Ward Jackson» (см. XIV, 442—453). Письмо Бакунина к Герцену и Огареву от 9 апреля 1863 г. не оставляет никаких сомнений в том, что Рейнгарт (так называл его Бакунин), или Л. А. Ренгартен был русским офицером. В этом письме Бакунин писал: «Положение нашего Рейнгарта было также нелегко и неловко. Все называли его москалем и спрашивали, что он между поляками делает» (XVI, 228). См. о *Ренгартене* в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 753.

А. МИЛЕВСКИЙ — ИЗДАТЕЛЯМ «КОЛОКОЛА»

Публикуемый отрывок письма, дошедший до нас в перлюстрационной копии («краковская коллекция»), является важным свидетельством обращения деятелей польского освободительного движения в период восстания 1863 г. к русским революционерам с просьбой о помощи и содействии, чтобы соединить «общие усилия против общего врага». Обращает на себя внимание тот факт, что письмо прислано из Кракова, с Демократическим обществом которого Герцен, как это уже было отмечено выше, имел связи еще в январе 1862 г. В отрывке не указывается, к кому из русских деятелей обращено

* Заголовок надписан агентом.— *Ред.*

** Расшифровка агента.— *Ред.*

это письмо, однако из его содержания видно, что в нем излагается просьба о напечатании воззваний «к русскому юношеству, студентам, купечеству и вообще свободомыслящим». В письме к В. И. Касаткину от 4 апреля 1863 г. Герцен сообщает: «Из Кракова нас просят напечатать воззвание к университетам и расколам» (XVI, 202). Это дает основание считать, что письмо было обращено к издателям «Колокола». Мы пока ничего не можем сказать об авторе письма, А. Милевском. Известно лишь одно упоминание о нем в донесении агента III Отделения Балашевича-Потоцкого от 25 января 1862 г. как о деятеле польской демократической эмиграции в Париже (ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., д. 154, л. 377).

⟨Краков. 20 марта 1863 г.⟩[1]

... мою просьбу и общую нашу, — о возможно скором содействии, которое может улучшить наше положение. Храбрости мало против силы, необходима хитрость. От вас зависит отдать руку братнюю для общей свободы.

Напечатайте воззвание к русскому юношеству, студентам, купечеству и вообще свободомыслящим, чтобы соединили общие усилия против общего врага. Мы продержимся до весны, несмотря на все варварства пьяных солдат; крови так много невинной пролито, что из нее восстанут новые мстители.

Если наша просьба найдет отголосок в вашем сердце — торопитесь, и отдельные оттиски можете выслать в Краков на имя *Кристьяна Островского*[2], Hotel pod Róża. Ваш ответ будет сигналом радости или печали. Известите, где Михаил Александрович Б⟨акунин⟩. Ни слуху об нем[3]. Ответ можете передать К. (подателю), который едет в Краков.

Весь ваш
А. Милевский

20 марта.

[1] Год устанавливается по содержанию письма.
[2] К. *Островский* — польский эмигрант, публицист. Был знаком с Герценом и состоял с ним в переписке.
[3] М. А. Бакунин находился в это время в Швеции.

7

А. А. ГЕРЦЕН — АЛЕКСАНДРУ ПИПО

Кто такой Александр Пипо—установить не удалось. Возможно, это конспиративный псевдоним. Из содержания публикуемого письма, сохранившегося в перлюстрационной копии «краковской коллекции», видно, что адресатом его был русский, посвященный в планы революционной деятельности издателей «Колокола». О какой экспедиции идет речь в письме, также остается неизвестным. То ли об экспедиции в связи с ожидавшейся войной западных держав против России (в письме определенно говорится о возможности такой войны, а в ее результате — о падении Голштейн-Готорпской династии), то ли о предстоящей поездке А. А. Герцена в Швецию для переговоров с революционными организациями Швеции и Финляндии (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 486, 518—522). Известно, что деятельность А. А. Герцена в 1863 г. была связана как с польским восстанием, так и с обществом «Земля и воля» (там же, стр. 128). Публикуемое письмо является еще одним доказательством этого. Отрывки из него были частично опубликованы М. К. Лемке (см. XVI, 225).

Лондон. 3 мая ⟨1863 г.⟩[1]
Orsett h⟨ouse⟩. West⟨bourne⟩ ter⟨race⟩

По известиям достоверным, сочувствие к польскому восстанию увеличивается; видно, что Франция, Швеция и Италия ждут только удобного случая.

Не знаем, как выйдет Россия из этой новой войны, вызванной дикими мерами петербургского кабинета. Во всяком случае, падение Гольштейн-Готорпской династии неизбежно.

Наши друзья приехали в Лондон, чтобы серьезно обдумать план экспедиции — жаль, что Фрикен[2] в Риме. Если у вас есть время, приезжайте к нам, да притом ваше присутствие крайне необходимо. Что касается Тургенева, то его дело приняло лучший оборот: комиссия А. Ф. Голицына, известного негодяя, требовала Тургенева в Петербург и только вследствие заступничества самого государя удовольствовались посылкой вопросных пунктов, составленных в помойной яме III Отделения[3]. Гр. А. Куш⟨елев⟩ выслал нам 830 фун⟨тов⟩ стерл⟨ингов⟩ на наши расходы, мы это внесли в общий фонд[4]. Дим⟨итрий⟩ Друцк⟨ой⟩ и Набоков скучают во Флоренции, Аладин тоже, мы ожидаем от них известий[5]. В Цюрих посланы все бумаги(?), и нас крайне удивляет, что еще не получены. Адрес Друцкого во Флоренции — Via de Baneti 4.

Пишите и приезжайте

Ваш А. Герцен

A m-r Alexandre Pipo à Zurich (Suisse).
Poste restante, чрез Париж, 4 мая.

[1] Год устанавливается на основании упоминания в письме о польском восстании 1863 г.

[2] Алексей Федорович *Фрикен* — русский искусствовед, приехавший в Италию для изучения итальянского искусства. С большим сочувствием относился к национально-освободительной борьбе итальянского народа и написал ряд статей об итальянских событиях для русских газет и журналов. Был в дружеских отношениях с Герценом и его семьей (см. выше письма Герцена к Н. А. Герцен). Публикуемое письмо дает основание предполагать, что Фрикен сочувственно относился к политической деятельности Герцена. Это предположение подтверждается также письмом Фрикена некоему Кривошапкину от 13 апреля 1863 г. из Рима (перлюстрационная копия этого письма находится в «краковской коллекции»), в котором Фрикен отмечает: «Польский вопрос вызвал головокружение, но это и *подвинет наше дело*». Из этого же письма видно, что Фрикен выполнял в Риме какие-то поручения. Впоследствии Фрикен совершенно отошел от Герцена и в 1868 г. возвратился в Россию.

[3] В феврале 1863 г. III Отделение обвинило И. С. Тургенева в «отношениях с лондонскими пропагандистами» и потребовало его приезда в Россию, угрожая в случае неповиновения конфискацией имущества. Однако дело ограничилось письменными ответами Тургенева на вопросник, составленный III Отделением.

[4] Речь, несомненно, идет о графе Г. А. Кушелеве-Безбородко. Известно еще одно свидетельство об этом его взносе в «общий фонд» (там указывается, впрочем, сумма в 850 фунтов стерлингов — см. XVI, 278). Несомненно, что и в том, и в другом случае речь идет об одном и том же взносе. Агент, перлюстрировавший письмо А. А. Герцена, ошибочно написал 830 фунтов стерлингов, вместо 850.

[5] Д. В. *Друцкой-Соколинский*, *Набоков*, *Аладин* — русские дворяне, проживавшие в Италии. Как видно из публикуемого письма, они были знакомы с А. А. Герценом, и он ожидал от них каких-то известий. В какой мере они были связаны с деятельностью издателей «Колокола» и как относились к ней, установить не удалось. М. К. Лемке привел свидетельство Балашевича-Потоцкого, говорящее о враждебном отношении Друцкого-Соколинского к деятельности Герцена (см. XVI, 225).

8

ПРОТЕСТ ПОЛЬСКИХ ЭМИГРАНТОВ ПРОТИВ ИЗДАТЕЛЕЙ «КОЛОКОЛА»

1 ноября 1866 г. в л. 224 «Колокола» была помещена статья Огарева «Продажа имений в Западном крае». Эта статья, как верно заметил Я. З. Черняк, вызвала «конфликт редакции „Колокола" с польскими и русскими демократическими деятелями» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 133—134). С листовкой «Польский вопрос. Протест русского против „Колокола"» выступил А. А. Серно-Соловьевич, считавший опубликование статьи Огарева «громадной политической ошибкой» (см. там же, т. 41-42, 1941, стр. 113—115). Польские эмигранты также очень резко реагировали на вы-

ступление «Колокола» и прервали с его издателями всякие отношения. Об этом сообщает, например, князь П. В. Долгоруков в письме к Е. Д. Долгоруковой от 21 ноября 1866 г. (см. ЦГИАМ, ф. 109, 2-й секр. архив, 1866, д. 233). Балашевич-Потоцкий в донесении в III Отделение из Лондона за № 502, написанном не позднее середины ноября 1866 г., сообщал: «Спешу прислать весьма интересный документ, объясняющий причину разрыва польской эмиграции с Герценом и компанией. Опираясь на данные, мы постараемся придать гласность этому факту и положить преграду на будущее время. 14 ноября получен в Лондоне протест польских эмигрантов в Женеве, объявляющий разрыв с Герценом и русской эмиграцией...» (ЦГИАМ, ф. 109, 2-й секр. архив, 1866, д. 543). Как видно из донесения агента, протест был принят на общем собрании польских эмигрантов в Женеве 6 ноября 1866 г., созванном в связи со статьей Огарева в «Колоколе» (т а м ж е).

Обращение Герцена «К нашим польским братьям», датированное также 6 ноября 1866 г., было, конечно, вызвано именно этим собранием (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 135). В этом обращении Герцен говорит о недоразумении, с которым надо братски покончить, поясняет, что высказывание Огарева о предоставлении в Западном крае земель крестьянам (а не помещикам) составляет основу его и Огарева убеждений, однако замечает, что, возможно, эти убеждения были высказаны не вовремя. Таким образом, Герцен, не отказываясь от существа взглядов, выраженных в статье Огарева, был склонен признать несвоевременность выступления «Колокола» по этому вопросу (т а м ж е). Обращение «К польским братьям» Герцен был намерен опубликовать как ответ на протест поляков в печати (см. XIX, 199). В одном из писем того времени он отметил, что польский протест до 1 декабря не появился в печати (см. XIX, 134—135). Из приведенных данных очевидно, что ни польский протест, ни обращение Герцена к полякам до 1 декабря 1866 г. в печати не появлялись. Несмотря на это, Я. З. Черняк высказал предположение, что обращение Герцена «Нашим польским братьям» все же было опубликовано (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 134—135). В «пражской коллекции» сохранился документ на французском языке под заглавием «Протест поляков против русификаторства в „Колоколе"», подписанный следующим образом: «От имени польских изгнанников, находящихся в Женеве, Комитет». Документ не датирован. На нем имеется пометка: «Женева — типография Пфеффера и Пуки». Это та же типография, в которой был напечатан и протест А. А. Серно-Соловьевича (см. «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 115). То обстоятельство, что в середине декабря 1866 г. Герцен отмечал, что поляки «хотят официально мириться» (XIX, 138), дает основание считать, что обмен обращениями в печати между поляками и Герценом мог иметь место до декабря 1866 г., ибо только после выяснения недоразумений и могло состояться примирение, либо возникнуть стремление к нему. Об этом примирении, как о свершившемся факте, сообщал в донесении от 21 февраля 1867 г. женевский агент III Отделения. «Между Герценом и компанией и предводителями польской революционной партии, — писал он, — состоялось соглашение в том смысле, что обе партии будут стремиться к одной цели...» (см. ЦГИАМ, ф. 109, 2-й секр. архив, 1867, д. 167).

Публикуемый протест польских эмигрантов против издателей «Колокола» убедительно показывает, что польские эмигранты рассматривали статью Огарева с крайне националистических позиций и расценивали ее как «последний удар», наносимый «польской национальности». Предложение же Огарева о наделении землей местных крестьян, и не только местных, за счет польских помещиков Западного края, они считали «вторжением русского населения на польскую территорию». В связи с этим они обрушились на издателей «Колокола» с самой резкой бранью и даже сравнивали их с Муравьевым, Катковым и другими прислужниками царизма. Таким образом и в этом документе националистически настроенные польские деятели рассматривали литовско-белорусские земли (а они-то и составляли Западный край) как польскую территорию. Крайний национализм, широко распространенный среди польских эмигрантов, придал конфликту особую остроту. Только небольшая группа польских революционных демократов, объединявшаяся вокруг журнала «Гмина», выступила против «националистического шквала» польской эмиграции, обрушившегося на изда-

телей «Колокола». В этом журнале была опубликована статья, в которой был выражен протест против недопустимого сопоставления издателей «Колокола» с Муравьевым и Катковым. «Пусть хотя бы один голос, голос слабый и среди крика реакции едва слышный, будет подан в защиту тех, кто заслуживает самой глубокой благодарности», — писал один из редакторов «Гмины» Токаржевич. Выступая против русских и польских шовинистов и националистов, редакция «Гмины» заявляла: «Будущее покажет, что в отношениях между польским и русским народом имеется лишь одно вредное препятствие — царь со свитой московских и польских бояр» (см. C. Bobińska. Указ. соч., стр. 60).

ПРОТЕСТ ПОЛЯКОВ ПРОТИВ РУСИФИКАТОРСТВА В «КОЛОКОЛЕ» *

Борясь в течение века за свою свободу и независимость, польский народ полагал, что у него в России только один враг — это санкт-петербургское правительство, под деспотизмом которого и сам русский народ влачит печальное и унизительное существование.

Польский народ сознавал себя обязанным придерживаться идеи солидарности в борьбе до окончательной победы над этим врагом, цель которой разбить цепи ненавистного деспотизма, тяготевшего над польским и русским народом. Эта мысль побуждала наших мучеников в 1819—1866 гг. объединяться с русскими людьми,— с людьми, в свою очередь, понимавшими, что монголо-готторпское правительство — наш общий враг. Неустанно и неизменно стремились мы бороться с этим врагом цивилизации, свободы и человечности. Этому святому делу были принесены в жертву наша кровь, жизнь и состояние!

Исполненные непреклонной веры в нерушимость нашего национального духа, мы, поляки, до сих пор всегда с безропотным спокойствием сносили все столь хорошо известные цивилизованному миру жестокости, которые русское правительство не прекращает изобретать, чтобы уничтожить нашу национальность. С презрением читали мы прежде и читаем теперь царские указы, направленные на уничтожение того или иного сословия, в той или иной из наших провинций; мы полны непоколебимой и глубокой уверенности, что на земле, политой нашей кровью, на земле, где покоится прах наших отцов, в свою очередь боровшихся за дело человечества, никогда не перестанет существовать народ, который навсегда сохранит, какова бы ни была его судьба, верность знамени свободы и независимости.

Мы верили в чувства самого русского народа, верили представителям его мысли в лице его эмиграции, вожди которой гг. Герцен и Огарев в течение многих лет как редакторы журнала «Колокол» храбро боролись с злоупотреблениями деспотичного и жестокого правительства.

Но увы! появление 1 ноября в № 229 указанного журнала статьи под заглавием: «Продажа имений в Западном крае», подписанной Н. Огаревым, повергло нас в изумление. То, на что не решались Муравьевы, Катковы, Безаки, Кауфманы, то взял на себя смелость подсказать царю г. Огарев, а именно он предлагает: вывести из центральной России тысячи крестьян (для начала автор статьи намечает взять из Орловской и Курской губерний 100 000 человек), продать этим крестьянам земли польских помещиков (вынужденных к принудительной их продаже с тем, чтобы быть затем изгнанными из родного края); продать эти земли с рассрочкой платежей на несколько лет; привлечь и соблазнить указанных крестьян дешевизной этих земель (ибо ежегодный взнос не превышает примерно 18 франков); освободить затем крестьян на несколько лет от обязательных государственных налогов; наконец, облегчить им переселение, предоставив бесплатный

* Документ на французском языке.

проезд по казенным железным дорогам и т. д. и т. д. Итак, подобным вторжением русского населения на нашу территорию пытаются, очевидно, нанести последний удар польской национальности!..

Избавив царя от труда сочинять столь дьявольский план, «Колокол» берет на себя ответственность, сталкивая друг с другом уже не народ и правительство, а две самостоятельные народности. Мы были глубоко возмущены при виде такой измены!

Теперь нам остается только заявить перед всем миром и перед самим русским народом, что мы отрекаемся от столь лживых друзей и протестуем против этих лжепредставителей русского народа!

Надеясь, что взгляды г. Огарева не разделяются русским народом, мы ждем голоса его сынов! Если бы, однако, наши надежды не оправдались, если бы в будущих битвах наши горе-мстители вместо того, чтобы омыть себя кровью царских сбиров и подлых его шпионов, поразили бы невинную грудь русского народа, тогда строки, набросанные здесь, напоминали бы цивилизованному миру, что не польский народ, и на сей раз даже не царь, вызвали оба народа на смертный бой, а не кто иной как гг. Герцен и Огарев, которым, вместе со всей либеральной Европой, мы до сих пор всецело доверяли.

От имени польских изгнанников, находящихся в Женеве,

Комитет

Женева, типография Пфеффера и Пуки.

ЧЕШСКИЕ СВЯЗИ ГЕРЦЕНА

(1850-е—1860-е гг.)

Статья Ш. Ш. Богатырева

Русско-чешские связи имеют богатые традиции, уходящие корнями в глубь истории. Особенно тесными они стали в начале XIX века, в период так называемого чешского возрождения, наступившего в результате развития капитализма, бурного роста экономики, промышленности и торговли. Рост национального самосознания вызвал у чехов усиленный интерес к другим славянским народам, в особенности к русскому, единственному из славянских народов, создавшему мощное, независимое государство. Русская жизнь и культура, творчество классиков русской литературы и искусства становятся в Чехии предметом пристального изучения.

Среди великих русских политических и культурных деятелей, владевших умами передовой части чешского общества, почетное место принадлежит Герцену.

С деятельностью и произведениями Герцена передовая чешская общественность впервые познакомилась в 1850-е годы, в период жестокой реакции, наступившей после поражения революции 1848 г. Основным источником для знакомства с Герценом служили в то время иностранные, главным образом немецкие, издания его сочинений, проникавшие из Германии в Австрию. «Тогда,— писал в своих воспоминаниях чешский радикальный демократ И.-В. Фрич,— основные сочинения Герцена, равно как и его автобиография, были уже переведены на немецкий язык и беспрепятственно циркулировали во всех культурных кругах» (J. V. Frič. Paměti, druhé vydání, svazek IV. Praha, 1891, str. 510).

Произведения Герцена распространялись, однако, далеко не беспрепятственно. Как известно, правящие реакционные круги ряда европейских стран принимали решительные меры для борьбы с ними. Преследования особенно усилились после того, как начал выходить «Колокол», причем решающую роль в борьбе с «Колоколом» и другими изданиями Вольной русской типографии сыграли интриги русского правительства, развернувшего лихорадочную деятельность на Западе. В результате этого в Пруссии, Саксонии, Австрии и других странах издания Герцена запрещались и конфисковывались.

Особенно усердствовали реакционные круги Австрии — этой «полурассевшей и покачнувшейся *бастилии народов*», как называл ее Герцен, считавший «как человек, как славянин», что «гибель Австрии — единственное условие жизни народов, скованных ею воедино» (X, 4; VIII, 545; IX, 463). Своей пропагандой он стремился ускорить эту гибель, о чем еще в начале 1850-х годов с тревогой и озлоблением писала европейская реакционная печать, всячески раздувая слухи о связях Герцена с австрийскими славянами, о его намерении, наряду с подготовкой к изданию русской газеты, «начать публикацию другого периодического листка на немецком языке, предназначенного, главным образом, для распространения между австрийскими славянами» и направленного на борьбу за «полное уничтожение Австрии» («Лит. наследство», т. 63, 1956, стр. 829).

Подобные сообщения иностранной печати могли лишь усилить преследование изданий Герцена, в особенности «Колокола», ставшего известным в Чехии с первого же года своего выхода[1]. Конфискациями и репрессиями австрийские власти стремились

помешать проникновению свободного русского слова, вдохновлявшего лучших представителей угнетенных народов на борьбу за социальное и национальное освобождение.

Кроме сочинений Герцена, источником ознакомления с его деятельностью в пятидесятые годы в известной степени служили статьи о нем в австрийской и иностранной печати [2]. Отсюда, по-видимому, некоторые сведения о Герцене изредка просачивались и в немногочисленные правительственные газеты, выходившие на чешском языке. В этой связи интересна заметка об издании «Полярной звезды», помещенная 12 сентября 1855 г. в газете «Moravský národní list»,— в которой Герцен характеризуется как продолжатель традиций декабристов (см. «Slovanské historické studie», I, Praha, 1955, str. 137).

В целом, знакомство чешской общественности с Герценом в пятидесятые годы имеет еще случайный характер.

Значительный сдвиг в распространении и популяризации сочинений Герцена в Чехии происходит в шестидесятые годы. Поражение Австрии в войне с Францией и Италией в 1859 г., большие экономические и финансовые затруднения, вызванные войной и всей предыдущей политикой правительства Баха, вынудили австрийские власти пойти на ряд политических уступок. В Чехии наступает оживление общественно-политической и культурной жизни. Резко увеличивается выпуск книг и периодических изданий, расцветают литература и искусство.

Оживление общественно-политической жизни Чехии в шестидесятых годах совпадает с революционным подъемом в России. Интерес чешской общественности к России никогда ранее не был столь сильным, как в эти годы. Растут русско-чешские культурные связи, увеличивается число переводов русской художественной литературы, на чешской сцене с успехом идут русские пьесы и оперы. Чешские газеты пестрят статьями о революционном движении в России, о действующих там «многочисленных тайных обществах, ставящих своей целью пропаганду свободных идей и ниспровержение уже пошатнувшейся государственной системы» (цит. по статье Б. Станислава «Чешские отклики на русское революционное движение 60-х гг.» в журнале «Praha — Moskva», 1956, č. 1, str. 74), об огромном распространении и влиянии русской демократической печати. Подробно излагаются или перепечатываются прокламации «Великорус», «Русская правда», «Молодая Россия». Особенно высоко ставится «самый либеральный и самый лучший русский журнал «Современник», в редакцию которого входят «известные и за границей русские писатели»: Салтыков-Щедрин, «знаменитый своими сатирическими рассказами ⟨...⟩, которые по переводам известны отчасти и нашей публике»; «прославленный поэт Некрасов ⟨...⟩, за разные свои стихотворения подвергавшийся преследованиям властей»; Антонович, «особенно выделяющийся своими философскими статьями в материалистическом духе» (там же, стр. 77). Что же касается редактора «Современника», Чернышевского, то он, по мнению газеты «Hlas» (от 5 августа 1862 г.), «принадлежит к самым выдающимся и самым просвещенным личностям в современной России и известен как решительный демократ и социалист чистейшей воды ⟨...⟩, несмотря на строгую цензуру сумевший придать своему журналу демократическую окраску и выразить в нем свои взгляды» (там же, стр. 77).

Из деятелей русской революционной демократии на страницах чешской печати упоминаются еще в начале 60-х годов Писарев, Михайлов, Н. Серно-Соловьевич и другие.

Наибольшим вниманием и популярностью у передовой чешской общественности пользовалось, однако, в эти годы имя Герцена. Многочисленные переводы сочинений Герцена, особенно его статей из «Колокола», появившиеся в чешской печати, свидетельствуют о хорошем знакомстве со взглядами и деятельностью Герцена, о сочувствии к ним демократической чешской интеллигенции.

Произведения Герцена проникали в Чехию самыми различными путями. Некоторые из этих произведений приобрели известность при содействии чехов, путешествовавших по европейским странам[3] или постоянно находившихся там на положении эмигрантов и лично знакомых с Герценом (о них см. ниже), а также через иностранцев, особенно поляков, живших или проездом останавливавшихся в Праге[4]. Немаловажную роль в этом отношении сыграли, разумеется, русские. «Тот, кто когда-нибудь встречался с русскими,— читаем мы в газете «Národní listy» от 4 сентября 1861 г.,— мог убедиться в том, что как только они проникаются доверием к человеку, то не упу-

скают случая поговорить об Александре Герцене, или Искандере 〈...〉, похвалить его стремление беспощадно разоблачать пороки российской действительности и тем самым содействовать борьбе своего народа за лучший строй и свободу» (цит. по сб. «J. V. Frič a demokratické proudy v české politice a kultuře». Praha, 1956, str. 208). Неудивительно, что в результате подобных встреч и бесед, а порою чисто делового общения с русскими, чехи приобретали русские книги, в том числе и произведения Герцена. Так, чешский писатель-демократ Антал Сташек рассказывает, каким образом ему удалось в 1863 г. приобрести сочинения Герцена. Он давал тогда уроки немецкого языка сыну крупного петербургского чиновника Нагорного и его воспитателю (личность которого установить не удалось), приехавшим в Прагу после продолжительных путешествий по Европе.

«Когда они через несколько месяцев стали собираться домой,—вспоминает Сташек,— их денежные ресурсы были уже настолько исчерпаны, что для них оказалось затруднительным оплатить мой труд. Взамен они предложили мне книги, которые не полагалось перевозить через границу. Таким образом получил я за преподавание немецкого языка изрядное количество русской литературы, в том числе несколько сочинений знаменитого Герцена, писавшего под именем Искандера, затем стихотворения революционера Рылеева и, вдобавок, русский перевод записок Екатерины...», который, как известно, также был издан Герценом (Antal Stašek. Vzpomínky. Praha, 1925, str. 389—390).

В чешских газетах и журналах «Národní listy», «Čas», «Hlas», «Boleslavan», «Pravda», «Obrazy života» и других изданиях, в статьях и сообщениях, посвященных России, можно найти подробную информацию о Герцене, о его изданиях и их преследовании в России, в особенности о «Колоколе»— газете «строго социалистического направления», которая, «несмотря на строгий запрет и тщательный надзор стоокой русской полиции, получила огромное распространение и оказывает большое влияние на общественное мнение» (цит. по журналу «Praha — Moskva», 1956, č. 1, str. 74). Много говорилось в чешской печати об отношениях между Герценом и польской революционной эмиграцией, о взглядах Герцена на социальный и национальный вопросы, приводились его статьи и высказывания об отличительных особенностях русского социализма, опирающегося на земледельческую общину, широко цитировались его обличительные выступления против самодержавия, выражающие «дух времени», который все настойчивее «стучится в ворота дряхлого царизма» (там же, стр. 76).

«Русская свободомыслящая партия вынуждена была бежать от преследований властей за границу,— писала газета «Hlas» 29 июня 1862 г.,— и мечет оттуда в ненавистный режим гром и молнии. Ее требования все более возрастают. Пять лет тому назад Герцен требовал лишь постепенного смягчения и отмены крепостного права, теперь же он требует социалистической республики. Его лондонская газета „Колокол" благовестит русским воскрешение, а дряхлому царизму упокой. Герцен, Огарев и Бакунин призывают из Лондона к революции против отжившего режима, династии и дворянства» (там же).

В чешской печати появился также ряд статей, специально посвященных Герцену (в газете «Čas» от 26 ноября 1861 г., в журнале «Obrazy života», 1862, č. 18, в календаре «Posel z Prahy» на 1863 г.). Одновременно публикуются статьи, посвященные отдельным сторонам деятельности Герцена и разъясняющие, например, его отношение к польскому вопросу и т. п. Не все эти статьи отличаются абсолютной точностью, в них можно найти и ошибочные положения, неверные факты и утверждения, но в целом они отражают огромную симпатию, которую чешская общественность питала к великому революционному демократу.

Авторы названных статей, опираясь преимущественно на сведения, заимствованные из «Былого и дум», более или менее обстоятельно знакомили чешскую общественность с жизнью и мировоззрением Герцена, отмечали огромное влияние на него восстания декабристов, рассказывали о его университетских годах, об увлечении философией Гегеля и идеями социализма, о преследованиях, ссылке и отъезде за границу, об отношении Герцена к революции 1848 г., о создании Вольной русской типографии и о той кипучей деятельности, которую он развернул в Лондоне.

«При имени Герцена,— писал в журнале «Obrazy života» чешский публицист и переводчик Э. Вавра,— у каждого сознательного русского человека пробуждается горячее чувство глубокого уважения, всегда возникающее в душе при воспоминании о мученике за благородные идеи. Герцен — выразитель идеи свободы в России, он повсеместно — и справедливо — считается вдохновителем и вождем русского социально-освободительного движения, которое, особенно в последние годы, растет с поражающей и радующей быстротой, обещая принести прекраснейшие плоды как самой России, так и всему человечеству» («Čeští radikální demokraté o literatuře». Praha, 1954, str. 175).

«Один этот человек,— писал безымянный автор[5] статьи о Герцене в календаре «Posel z Prahy» на 1863 г.,— оказывает из Лондона такое влияние на Россию, какого до сих пор не имел ни один публицист, и все, что он делает для России, он делает и для всей Европы» (там же, стр. 182).

«Пути распространения сочинений Герцена,— читаем мы далее,— ныне столь многообразны, что помешать ему совершенно невозможно. „Колокол" читает чуть ли не вся Россия, а куда не попадают печатные экземпляры, там ходят по рукам списки ⟨...⟩ Всемогущее правительство трепещет от страха перед свободным словом великого изгнанника, а молодежь, охваченная горячим чувством патриотизма и мыслью о свободе, с восторгом читает сочинения Герцена. Какую пользу принесло ⟨русскому⟩ правительству запрещение „Колокола"? Он все же проникает в Россию, и массы читают его с любовью. Бюрократия же охвачена страхом, ибо непреклонный Герцен последовательно разоблачает все ее грехи, едва лишь они успевают совершиться, выставляя их на всеобщее осмеяние. Поразительны скорость и точность, с которой сообщения поступают к нему в Лондон; их можно объяснить лишь тем, что у него есть множество сочувствующих лиц и корреспондентов, в большинстве ему неизвестных, но свято преданных его делу» (там же, стр. 191—192, 194—195).

Упоминая о книге «С того берега», «привлекшей внимание просвещенной Европы», автор статьи ставит в заслугу Герцену то, что он указал на пробуждающуюся силу славянских народов и потребовал, чтобы европейские народы признали права славян, ибо им принадлежит будущее. Затем автор подробно излагает содержание брошюры Герцена «О развитии революционных идей в России» и характеризует «Полярную звезду», по своему «содержанию и духу продолжающую направление Рылеева и Бестужева», и особенно подчеркивает значение «Колокола» и тех принципов, за которые Герцен «ратует с неутомимой энергией»: раскрепощение крестьян, уничтожение цензуры, введение суда присяжных и отмена телесных наказаний (см. там же, стр. 188, 191, 193).

Из произведений Герцена и из статей о нем отчетливо вырисовывался образ революционера и демократа, поражавшего размахом и многообразием деятельности. Чехи с глубоким интересом знакомились с русским вопросом, занимавшим центральное место в деятельности Герцена.

Как отмечал Э. Вавра в цитированной выше статье из журнала «Obrazy života», «вся деятельность Герцена направлена прежде всего на Россию; со всей последовательностью и энергией своей незаурядной личности добивается он того, чтобы деспотизм русского самодержавия был подрублен под корень и русский народ освобожден от гнета бюрократии» (там же, стр. 176).

«Во всех своих произведениях,— писал он далее,— Герцен знакомит Западную Европу с действительным положением дел на его родине, указывая на то, что в русском народе кроется великий залог свободы; со смертью царя Николая обнаружилась неопровержимая справедливость слов Герцена, стало явным нынешнее устремление вперед и неудержимое движение русского народа» (там же, стр. 180).

Герцен стал великим союзником передовой чешской интеллигенции прежде всего потому, что он как «трибун русского народа клеймит жгучими словами ⟨...⟩ всякое притеснение и подлое пресмыкательство» и, «вдохновленный пророческим предвидением, снова и снова указывает на русский народ, возвещая его скорое освобождение от ига царского деспотизма» (там же, стр. 193, 191).

Сочинения Герцена о России помогли многим чехам освободиться от прежних иллюзий, навеянных славянофильской пропагандой, и глубже познакомиться с жизнью и борьбой русского народа. Рассказывая о том, как он в шестидесятые годы изучал

со своим русским учителем, К. К. Шоровым, произведения Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Некрасова и других русских писателей, Антал Сташек писал:

«Из бесед, которые я с ним вел, а также из прочитанного мною, для меня стало ясно, что тогдашние наши представления о царской империи были совершенно ложными. Мне были известны многие статьи знаменитого публициста Герцена, была известна история заговора декабристов, в котором был замешан и Пушкин, я ужасался тому, что в России, за малым исключением, не было такого выдающегося прогрессивного человека, который бы не отбывал наказания в сибирской ссылке» (Antal S t a š e k. Vzpominky, str. 387).

Произведения русской литературы, и, в первую очередь, Герцена, позволили Сташеку ощутить подземные толчки, сотрясавшие русскую империю. «Я чувствовал, —

jásá horoucím citem vlastenectví a ideou svobody unešena. Co je platno vládě že čtení „Kolokola" zapovídá? Přichází on do Rusí předc a tisícové se zalibením ho čítají. Byrokratie se ale třese, neboť statečný Hercen jí všecky hříchy pilně vyčítá a staví je na pranýř sotva že spáchány byly. Podi vuhodná je rychlost a určitost zpráv, které Hercena v Londýně docházejí; dá se to jen množstvím oddaných svaté věci jeho osob a korespondentův, kteří jemu ovšem nazvíce neznámí jsou, vysvětliti. Abych vám dal poněti o přízni, jaké Hercen v Rusí požívá a o rozsáhlém spojení jeho se znamenitými vlastenci v Rusku žijícími, povím malou, ale pravdivou anekdotu: Není tomu dlouho, co ruská vláda dva vyzvědače do Londýna poslala, jejichž úlohou bylo Hercena vyšpehovati, zvláště pak cesty, kterými on zprávy a dopisy z Ruska dostává. První z vyzvědačů byl čerstvější a předstihl následovníka a druha svého. Přišel k Hercenovi, stavěl se jakoby byl tím nejsvobodomyslnějším vlastencem ruským a lichotil Hercenovi všemožně. Jak ale velké bylo překvapení jeho, když Hercen tobolku a z ní dvě fotografie vyňal a jemu je ukazoval. Jedna fotografie představovala toho, který právě u něho stál, druhá byla obraz vyzvědače druhého, který teprv přijíti měl. Hercen věděl zároveň, co u něho oba špehouni chtějí a jaké jsou záměry jejich, nezbývalo tedy zahanbenému vlasteneckému policajtovi nic, než s dlouhým nosem a s nepořízenou k pánu a cáru svému odtáhnouti.

Již od roku 1850 obývá Hercen krásný letohrádek blíže Londýna, požívaje přízně a důvěry všeobecné. Jeť on ve přátelském spojení se všemi znamenitými vypovězenci evropskými.

Nedávno pak přišla mu znamenitá pomoc — osvobozený vlastní pomocí Michal Bakunin přibyl do Londýna, aby příteli svému a soubojovníku za právo a pravdu při tak těžké práci nápomocen byl.

Takovéto dvě síly když jsou spojeny, ty vydají již něco a že na dráze započaté ani Bakunin, ani Hercen neustanou, za to ručí vytrvalost a síla obou charakterů a vlastenecká jejich láska.

Alexandr Hercen.

СТАТЬЯ О ГЕРЦЕНЕ В ЧЕШСКОМ КАЛЕНДАРЕ
«Posel z Prahy» на 1863 г.
Последняя страница статьи
Библиотека Национального музея, Прага

писал он, — что наряду с Россией, которую мы в Европе знали, существует еще другая Россия, Россия тайных обществ, Россия грозных бунтарей, исполненных ярой ненависти и кипучей мысли, действующих с изумительной силой и решимостью» (т а м ж е, стр. 391). Именно на стороне «России тайных обществ», «России грозных бунтарей» были симпатии прогрессивных чешских деятелей. И это сочувствие борьбе русского народа против самодержавия росло по мере роста национально-освободительного движения, направленного против австрийской монархии.

В неразрывной связи с русским вопросом предстала перед чешской общественностью позиция Герцена в вопросе польском.

Передовая чешская общественность, сочувственно следившая за героической борьбой поляков против царизма, с одобрением приветствовала позицию Герцена, который, по справедливому утверждению Э. Вавры в журнале «Obrazy života» (1862), «издавна относился с братской симпатией к польскому народу и постоянно думал о его освобождении» («Čeští radikální demokraté o literatuře», str. 179).

Особенно высоко чешская общественность оценила позицию Герцена в отношении польского восстания 1863 г., которое еще больше, чем в 1830—1831 гг., всколыхнуло чешскую общественность, сделавшись одной из центральных проблем политической жизни Чехии. Польский вопрос не сходил в то время со страниц чешской печати; он стал объектом ожесточенной полемики между сторонниками революционной Польши и

ее противниками, смотревшими на польское восстание как на «величайшее несчастье» (Палацкий). Противники восстания опирались в своей полемике на русскую монархическую, славянофильскую и либеральную печать, в частности на статьи И. С. Аксакова, Гильфердинга, Лавровского и Ламанского, изображавшие борьбу поляков как величайшую угрозу для русского народа и как поход против славянства вообще. Демократические же друзья Польши справедливо усматривали в восстании выступление против царизма, являвшегося, по их убеждению, заклятым врагом также и русского народа.

«Все мы, желавшие успеха восстанию,— писал А. Сташек,— имели в виду лозунг, который поляки, воюя с русскими, начертали па своем знамени: „За нашу и вашу свободу!". Поражение царских войск всегда воспринималось нами как утренняя заря свободы, занимавшаяся на „Святой Руси"!» (Vzpomínky, цит. изд., стр. 178).

Вот почему подлинными представителями России передовые чешские люди считали тех русских деятелей, которые, как Герцен, боролись в союзе с революционной Польшей за ее свободу, понимая, что от исхода этой борьбы зависят судьбы всего славянства.

«Герцен и Бакунин,— писала в 1863 г. «Pravda», орган чешских радикальных демократов,— являются для нас лучшими русскими патриотами, чем Гильфердинг и прочие статские советники, и мы полагаем, что у Пестеля, Марлинского и других имелись бо́льшие заслуги перед славянством 〈...〉, нежели у Муравьева. Именно принцип *славянского содружества* указывает нам путь подлинной славянской политики, одна из тенденций которой заключается в том, чтобы поляки не только победили, но чтобы их идеи и стремления проникли и в самую Россию〈...〉Нет надежды на то, чтобы русская политическая система в корне изменилась и улучшилась, если поляки проиграют, а между тем именно от этого изменения зависит будущность всего славянства. Только свободная Россия может активно и успешно выступить в поддержку соплеменников 〈...〉, только свободная Россия может достичь той славы и благоденствия, которые предопределены ее географическими и историческими условиями. Мы не знаем, за кого принимает нас, чехов, господин Гильфердинг, когда он выражает удивление по поводу того, что мы, славяне, желаем якобы распада единственного полностью независимого славянского народа. Ничего подобного никому и в голову не приходило, наоборот, мы больше желаем русскому народу полной самостоятельности, чем весь нынешний государственный совет в Петербурге, под началом которого эта самостоятельность остается пустой фразой 〈...〉 Для того, чтобы можно было ожидать спасения сверху, петербургская атмосфера прежде должна очиститься от влияния Адлербергов, Нессельроде, Финкенштейнов и тому подобных славянофилов. Поэтому мы ждем его снизу и принимаем полностью программу русских демократов, которые, по нашему скромному убеждению, безусловно, лучше знают, чем все чешские царофилы вместе взятые, что было бы России на пользу» («Čeští radikální demokraté», Praha, 1953, str. 505—506).

Приведенная цитата вполне выражает настроения, которые в 1863 г. в связи с польским восстанием овладели лучшей частью чешского общества, и свидетельствует о его сочувствии к позиции Герцена в польском вопросе.

* * *

В 1850-е—1860-е годы отдельные чешские политические деятели, литераторы, художники и ученые вступают в непосредственные сношения с Герценом.

В цитированной выше статье Вавры из журнала «Obrazy života» мы читаем:

«Живая, увлекательная и остроумная речь, свидетельствующая о необычайной, всесторонней образованности и зрелых взглядах, как и о смелом, буйном взлете мысли, который в ней проявляется, непременно располагает каждого к этому необыкновенному человеку 〈...〉

Выразительное и одухотворенное лицо Герцена, которому длинные ниспадающие волосы и окладистая борода придают привлекательный вид, искрящиеся красивые глаза, в которых пламенеет мысль и как в зеркале верно отражается благородство души, обнаруживают перед нами человека необыкновенного, одаренного незаурядными качествами» («Čeští radikální demokraté o literatuře». str. 181).

Насколько нам известно, Вавра не был лично знаком с Герценом[6], и эта яркая характеристика была им, вероятно, дана со слов людей, встречавшихся с великим русским изгнанником.

К сожалению, чешские связи Герцена до сих пор недостаточно изучены. Нам известны имена нескольких чешских деятелей, бывших знакомыми с Герценом, но сведения о их взаимоотношениях крайне скудны. Назовем, например, журналиста Карела *Ионаша* (1840—1896), бежавшего от преследования австрийских властей в Лондон, где, как указано в чешской энциклопедии «Ottův Slovník Naučný» (Díl XIII, 1898, str. 602), он встречался с Герценом. Об этом свидетельствует также письмо Ионаша к И.-В. Фричу от 7 марта 1862 г., в котором он упоминает, что уже целый год не бывал у Герцена (J. V. Frič. Spisy. I. Praha, 1956, str. 570). Ионаш известен также как автор ряда статей о Герцене, напечатанных в газете «Národní listy» в 1861 г.

Близким лондонским знакомым Герцена в 1859—1860 гг. был известный чешский музыкальный педагог и скрипач Леопольд *Янва* (политический эмигрант с 1850 г.), дававший уроки дочери Герцена, Наталье Александровне. Герцен высоко ставил его как педагога, отмечал в своих письмах, что «уроки Янзы очень полезны», что «с тех пор как Jansa дает уроки, Наташа делает очень большие успехи» и т. д. (X, 134, 144; см. также 152, 335, 361 и письма к Ф. Пульскому в настоящем томе).

Очень мало известно нам о связях Герцена с чешским деятелем Напрстеком. Агент III Отделения, проникнувший в лондонский дом Герцена в 1862 г., сообщал своему начальнику перечень лиц, посещавших Герцена, среди которых был назван «чех Наперсток (старый приятель Бакунина)» (XV, 381). Возможно, что это был Фердинанд *Напрстек* (1824—1887), активный участник революционных событий 1848 г., пропагандист драматического и музыкального искусства, живший долгие годы за границей. По всей вероятности, именно его имел в виду Герцен, когда, упоминая в «Былом и думах» о круге славян, которых Бакунин сгруппировал около себя в Лондоне в 1862 г., называл среди них и музыканта Напрстека (XIV, 428). Но это мог быть также брат Фердинанда, известный чешский культурный деятель, основатель промышленного и этнографического музея в Праге, Войта *Напрстек* (1826—1894), который именно тогда находился в Лондоне на всемирной выставке и, конечно, как и многие другие, не упустил случая побывать у прославленного издателя «Колокола».

В донесении того же агента III Отделения, относящемся к несколько более раннему времени, в списке лиц, бывших у Герцена вечером 18 июня 1862 г. и говоривших «о прокламации „Молодая Россия", которая еще не была получена», указан «Чармак ⟨!⟩, профессор Пражского университета» (XV, 380). В следующем, уже цитированном нами донесении, наряду с именем Напрстека, фигурирует «Чермак, бывший профессор Пражского университета» (там же, стр. 382). Это говорит о том, что сведения агента не отличались точностью. В списках профессоров Пражского университета нам не удалось найти имени Чермака. В чешской энциклопедии «Masarykův Slovník Naučný» (Díl I, str. 995) приводится имя Яна-Непомука *Чермака* (1828—1873) — физиолога и зоолога, профессора Лейпцигского университета. Указывается, что в 1860 г. он находился в Париже, а затем в Лондоне. По всей вероятности, автор списка имел в виду именно Яна-Непомука Чермака, который в 1862 г. действительно несколько раз бывал у Герцена, как об этом недавно сообщил чешский историк И. Зумр на основании имеющихся у него данных (см. «J. V. Frič a demokratické proudy...», str. 122). Возможно, что профессор Чермак был знаком с сыном Герцена Александром, тоже физиологом, и, будучи в Лондоне, посетил его знаменитого отца. Возможно также, что он попал в дом Герцена по рекомендации известного чешского художника Ярослава Чермака. Интересно отметить, что в именном указателе Лемке, которым были опубликованы упомянутые списки агента III Отделения, указан не Ян-Непомук, а Ярослав Чермак, являющийся, кстати сказать, младшим братом Яна-Непомука. Не исключено, что Лемке при этом опирался на справку, полученную им от дочери Герцена, Натальи Александровны, ибо, как показывают другие материалы, Герцен действительно был лично знаком с чешским художником Ярославом Чермаком. Поэтому мы остановимся на нем несколько более подробно.

Ярослав *Чермак* (1830—1878) — один из крупнейших чешских живописцев второй половины XIX столетия. Воспитанный в свободолюбивых патриотических традициях, он еще юношей участвовал в революции 1848—1849 гг. Со знаменем, изготовленным молодым художником, сражались на пражских баррикадах революционные студенческие отряды. И в дальнейшем Чермак, живя за границей, оставался горячим патриотом. Глубоко и проникновенно изображал он чешские и словацкие национальные характеры, обращался к теме национально-освободительной борьбы. В его произведениях особенно широко представлены эпизоды из жизни и борьбы балканских славян против турецких завоевателей.

Чермак был первым чешским художником, получившим всеобщее признание в Европе.

Когда именно состоялось личное знакомство Чермака с Герценом, точно неизвестно. Судя по некоторым источникам, это произошло в Швейцарии (см. J. V. Frič. Naši předchůdci. Praha, 1953, str. 169), где Герцен провел вторую половину 1849 г. и куда несколько раз приезжал на непродолжительное время в 1852 г. В дальнейшем Герцен неоднократно встречался с чешским художником. Косвенным подтверждением этому может служить тот факт, что Чермак в 1859 г. рекомендовал Герцену И.-В. Фрича (о котором см. ниже). «Рекомендательное письмо Чермака,— пишет Фрич,— открыло для меня двери гостиной этого прославленного публициста, который, вероятно, больше всего содействовал освобождению русских крестьян и у которого собирались политические деятели и писатели всех народов...» (там же). Осенью 1857 г. в Манчестере открылась выставка картин из государственных и частных хранилищ Англии. 1 сентября Герцен специально приехал в Манчестер для осмотра выставки и провел там пять дней (см. XXII, 287). В это же время в Манчестере находился и Ярослав Чермак, который дружески сблизился с Мальвидой Мейзенбуг, приехавшей туда вскоре после Герцена, и затем в течение двух месяцев был ее постоянным гостем в Уэльсе. Из Уэльса Чермак и Мейзенбуг, по словам последней, вместе отправились в Лондон (М. Мейзенбуг. Воспоминания идеалистки. М.—Л., 1933, стр. 410—412).

Давнее знакомство Герцена с Чермаком делает вероятными их встречи в Манчестере и Лондоне, тем более, что связующим звеном для них мог служить близкий семье Герцена человек — М. Мейзенбуг. Во всяком случае, не приходится сомневаться в том, что Герцен и его деятельность не раз служили темой разговора при частых встречах Чермака с Мейзенбуг в Лондоне и позднее в Париже, куда Мейзенбуг уехала на зиму в конце 1859 г. Как отмечает она в своих воспоминаниях, ателье Чермака помещалось в здании бывшего монастыря, расположенном в живописном месте старого Парижа, в зале, служившем во время Великой Французской буржуазной революции местом заседания клуба кордельеров, причем в мастерской Чермака еще сохранялась трибуна, с которой некогда раздавались страстные революционные речи. Здесь Мейзенбуг уединялась от шумного парижского общества, погружаясь в литературные занятия, в то время как Чермак предавался работе над своими картинами. «Сердечная симпатия, связывавшая меня с этим человеком, гораздо более молодым, чем я,— пишет Мейзенбуг,— делала наше совместное пребывание приятным и задушевным ⟨...⟩ Большей частью мы завтракали вместе ⟨...⟩ За завтраком велись и серьезные и шутливые разговоры ⟨...⟩ Я пользовалась полным доверием Чермака» (M. von Meysenbug. Memoiren einer Idealistin, dritte Auflage, Bd. III. Leipzig, ⟨1881⟩, S. 196—198. В указанном выше русском сокращенном переводе эта часть ее воспоминаний опущена).

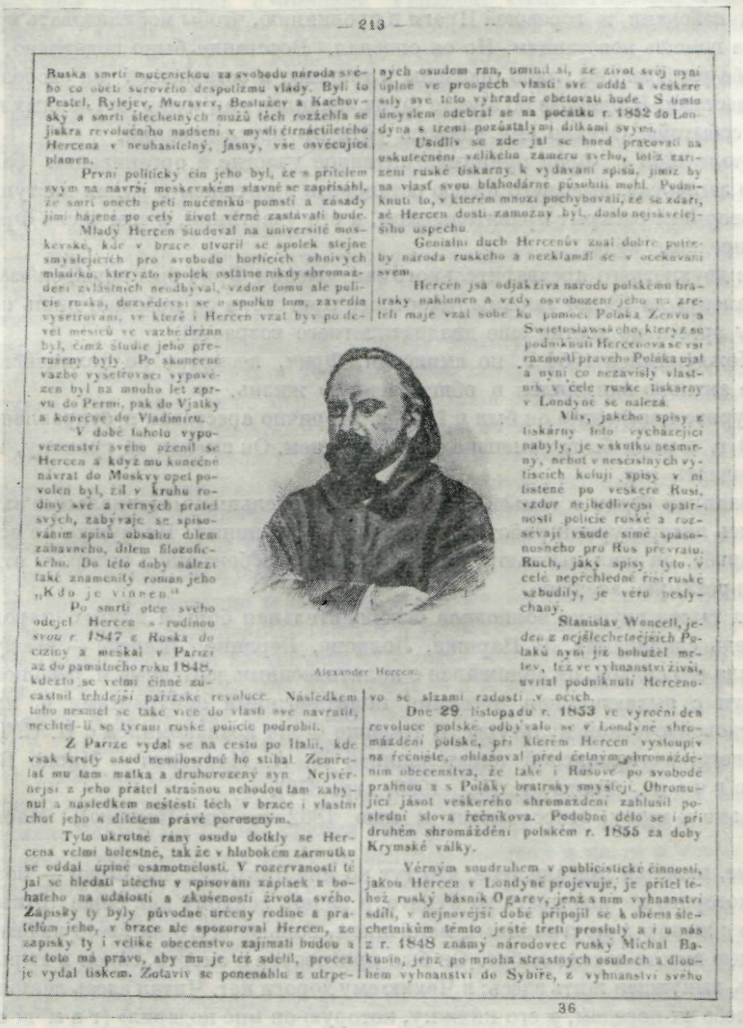
В это время, весной 1860 г., Мейзенбуг получила письмо от Герцена с предложением вновь взять на себя воспитание его детей. Она выразила согласие и уехала к Герцену в Лондон, но через некоторое время, в 1861 г., опять вернулась в Париж вместе с дочерью Герцена Ольгой, где продолжала проводить время в обществе Чермака (там же, стр. 208—209, 221, 228).

Кроме Ионаша, Янзы, Напрстека, братьев Чермаков можно назвать и других чешских деятелей, связанных с Герценом в 50—60-е годы [7].

Наибольший интерес представляет для нас вопрос об отношениях между Герценом и чешским радикальным демократом, поэтом, публицистом и политическим деятелем Иозефом-Вацлавом *Фричем* (1829—1890) [8].

Фрич — один из наиболее ярких представителей передовой чешской интеллигенции XIX века. «Его мечтой была свобода,— писал о Фриче Ян Неруда,— в этой свободе заключалось ⟨для него⟩ счастье человечества, и он мечтал, что это счастье наступит уже завтра» (цит. по книге: «Nástin dějin české literatury». Praha, 1952, str. 44).

В 1846 г., семнадцатилетним юношей, Фрич, охваченный романтическим порывом к свободе, бежал за границу, в Лондон и Париж, где, по собственному его выражению,



— 213 —

Ruska smrti mučenickou za svobodu národa svého co obětí surového despotizmu vlády. Byli to Pestel, Rylejev, Murayev, Bestužev a Kachovský a smrti šlechetných mužů těch rozžehla se jiskra revolučního nadšení v mysli čtrnáctiletého Hercena v neuhasitelný, jasný, vše osvěcující plamen.

První politický čin jeho byl, že s přítelem svým na návrší moskevském slavně se zapřisahl, že smrti oněch pěti mučeníků pomstí a zásady jimi hájené po celý život věrně zastávati bude.

Mladý Herčen studoval na universitě moskevské, kde v brzce utvořil se spolek stejně smýšlejících pro svobodu horlících ohnivých mladíků, kterýžto spolek ostatně nikdy shromáždění zvláštních neudržoval, vzdor tomu ale policie ruská, dozvěděvši se o spolku tom, zavedla vyšetřování, ve které i Herčen vzat byv po devět měsíců ve vazbě držán byl, čímž studie jeho přerušeny byly. Po skončené vazbě vyšetřovací vypovězen byl na mnoho let zprvu do Perm, pak do Vjatky a konečně do Vladimiru.

V době tohoto vypovězenství svého oženil se Herčen a když mu konečně návrat do Moskvy opět povolen byl, žil v kruhu rodiny své a věrných přátel svých, zabývajíc se spisováním spisů obsahu dílem zábavného, dílem filozofického. Do této doby náleží také znamenitý roman jeho „Kdo je vinen."

Po smrti otce svého odejel Herčen s rodinou svou r. 1847 z Ruska do ciziny a meškal v Paříži až do památného roku 1848, kdežto se velmi činně zúčastnil tehdejší pařížské revoluce. Následkem toho nesměl se také více do vlasti své navrátiti, nechtěl-li se tyranu ruské policie podrobiti.

Z Paříže vydal se na cestu po Italii, kde však krutý osud nemilosrdně ho stíhal. Zemřelať mu tam matka a druhorozený syn. Nejvěrnější z jeho přátel strašnou nehodou tam zahynul a následkem neštěstí těch v brzce i vlastní choť jeho s dítětem právě porozeným.

Tyto ukrutné rány osudu dotkly se Hercena velmi bolestně, tak že v hlubokém zármutku se oddal úplné osamotnělosti. V rozervanosti té jal se hledati útěchu v spisování zápisek z bohatého na události a zkušenosti života svého. Zápisky ty byly původně určeny rodině a přátelům jeho, v brzce ale spozoroval Herčen, že zápisky ty i veliké obecenstvo zajímati budou a že toto má právo, aby mu je též sdělil, procez je vydal tiskem. Zotaviv se ponenáhlu z utrpených osudem ran, umínil si, že život svůj nyní úplně ve prospěch vlasti své oddá a veškeré síly své této vyhradně obětovati bude. S tímto úmyslem odebral se na počátku r. 1852 do Londýna s třemi pozůstalými dítkami svými.

Usídliv se zde jal se hned pracovati na uskutečnění velikého záměru svého, totiž zařízení ruské tiskárny k vydávání spisů, jimiž by na vlasť svou blahodárně působiti mohl. Podniknuti to, v kterém mnozí pochybovali, že se zdaří, ač Herčen dosti zamožný byl, došlo nejskvělejšího úspěchu.

Geniální duch Herčenův znal dobře potřeby národa ruského a nezklamal se v očekávání svém.

Herčen jsa odjakživa národu polskému bratrsky nakloněn a vždy osvobození jeho na zřeteli maje vzal sobě ku pomoci Polaka Zenvu a Swietoslawského, kterýž se podniknutí Herčenova se vší rozmachu pravého Polaka ujal a nyní co nezávislý vlastník v čele ruské tiskárny v Londýně se nalezá.

Alexander Herčen.

Knihy, jakého spisy z tiskárny této vycházející nabyly, je v skutku nesmírný, neboť v nesčíslných vytiscích kolují spisy v ní tištěné po veškeré Rusi, vzdor nejbedlivější opatrnosti policie ruské a rozsévají všude símě spásonosného pro Rus převratu. Ruch, jaký spisy tyto v celé neprchledné říši ruské vzbudily, je věru neslýchaný.

Stanislav Wencell, jeden z nejšlechetnějších Poláků nyní již bohužel mrtev, též ve vyhnanství živší, uvítal podniknutí Herčenovo se slzami radosti v očích.

Dne 29. listopadu r. 1853 ve výroční den revoluce polské odbývalo se v Londýně shromáždění polské, při kterém Herčen vystoupiv na řečniště, ohlašoval před četným shromážděním obecenstva, že také i Rusové po svobodě prahnou a s Poláky bratrsky smýšlejí. Ohromující jásot veškerého shromáždění zahlušil poslední slova řečníkova. Podobné dělo se i při druhém shromáždění polském r. 1855 za doby Krymské války.

Věrným soudruhem v publicistické činnosti, jakou Herčen v Londýně projevuje, je přítel téhož ruský básník Ogarev, jenž s ním vyhnanství sdílí, v nejnovější době připojil se k oběma šlechetníkům těmto ještě třetí, poslaly a i u nás z r. 1848 známý národovec ruský Michal Bakunin, jenž po mnoha strastných osudech a dlouhém vyhnanství do Sybiře, z vyhnanství svého

36

СТАТЬЯ О ГЕРЦЕНЕ В ЧЕШСКОМ ЖУРНАЛЕ «OBRAZY ŽIVOTA», 1862 г., № 18

Страница статьи

Библиотека Национального музея, Прага

«нажил политический инстинкт», сблизился с польскими эмигрантами, познакомился с Адамом Мицкевичем, Станиславом Ворцелем, посещал польскую военную школу генерала Дембинского в Париже.

Вернувшись в середине 1847 г. в Прагу, Фрич стал активным членом тайной революционной организации «Рипил», направленной против габсбургского абсолютизма и занимавшейся пропагандой демократических идей. Несколько позднее он возглавил военную секцию студенческого политического союза радикально-демократического

направления «Славия», имевшего девиз: «Равенство и свобода». В своем дневнике Фрич записал тогда: «Мне суждено сражаться за родину!» (т а м ж е).

И действительно, когда развернулись революционные события 1848 г., Фрич стал во главе политических демонстраций, организовал революционные студенческие отряды, самоотверженно сражался на баррикадах. Он был одним из руководителей пражского восстания 12—17 июня 1848 г.

Когда неудача восстания сделалась очевидной, Фрич поспешил отправиться из обстреливаемой войсками и горевшей Праги в провинцию, чтобы мобилизовать крестьянские отряды на помощь повстанцам. Но он опоздал. Восстание было подавлено, участники его — либо расстреляны, либо брошены в тюрьмы, а оставшиеся на свободе разыскивались властями. В приказе об аресте Фрич значился как «один из главных вождей преступных событий». Однако ему удалось уйти от преследований.

В начале 1849 г. Фрич принимал активное участие в организации бакунинского «майского заговора», имевшего целью остановить с оружием в руках наступление реакции. Заговор был раскрыт правительством, а его участники, в том числе Фрич, арестованы и преданы суду.

После двухлетнего предварительного заключения Фрич был осужден «за государственную измену» на 18 лет тюрьмы (смертного приговора он избежал лишь потому, что к моменту ареста не достиг еще двадцатилетнего возраста).

Освобожденный в 1854 г. по амнистии, Фрич, несмотря на полицейский надзор, тотчас же активно включился в общественную жизнь.

За «дурное поведение» он был в 1858 г. вторично арестован и отправлен в ссылку. Но в 1859 г. ссылка была заменена ему изгнанием. Он выехал за границу, где прожил целых двадцать лет.

За границей Фрич с семьей испытывал мучительные материальные затруднения, перебиваясь литературной работой, переводами, лекциями. Но нужда не ослабила его воли к борьбе, он жил мыслью о своем народе, освобождению которого отдавал всю свою неукротимую энергию.

Фрича также глубоко волновала освободительная борьба других народов, в первую очередь славянских. В Париже, Лондоне, Берлине, Женеве — всюду, куда ни забрасывала его судьба, он сближался с политическими деятелями и революционерами, в частности с выдающимися русскими политическими эмигрантами и представителями передовой русской культуры. В Париже Фрич познакомился с И. С. Тургеневым и, через него, с украинской писательницей М. А. Маркович — Марко Вовчок (см. Марко В о в ч о к. Твори, т. IV, 1928, стр. 376).

В письме к мужу, относящемся к маю 1862 г. (из Парижа), Марко Вовчок сообщала:

«Я уже, кажется, писала тебе, что тут ко мне приходил чех Фрич — поэт и такой человек, которого не описывать на бумаге, а видеть всякому дай боже. Живет на седьмом этаже с женою и круглолицым мальчиком, больше всего на свете любит свою Чехию, а с нею вместе всякое добро. Он был приговорен к смерти, сидел в тюрьме, а освободившись, вынужден жить здесь; в Чехию ему дороги нет. Читал здесь лекции — когда-нибудь я тебе их передам, и его книжку, которую он мне подарил» (т а м ж е, стр. 275).

В тесной связи Фрич находился с Бакуниным, своим старым другом еще со времен славянского съезда и пражских революционных событий 1848—1849 гг. Долгое время Фрич находился под влиянием Бакунина, считал его в известной степени своим учителем, скорбел о судьбе Бакунина, когда тот был арестован и приговорен австрийским судом к смертной казни, и радовался, когда ему удалось затем бежать из Сибири. В начале 1860-х годов он встречался с Бакуниным в Лондоне и Париже [9].

Из русских деятелей исключительно большое влияние на Фрича оказал в шестидесятые годы Герцен. Вдохновляясь его примером, используя его огромный опыт политической и революционной деятельности, Фрич еще более укрепился в своем решении до конца жизни служить делу освобождения родной Чехии и других угнетенных славянских народов.

Фрич впервые узнал о Герцене в самом начале пятидесятых годов, когда находился еще в тюрьме. Он вспоминал впоследствии о том, как, оторванные от внешнего мира,

он и его товарищи потребовали разрешения выписать из Вены хотя бы одну немецкую газету. В ответ комендант тюрьмы сам предложил им, по его мнению, «абсолютно безупречный» и благонадежный, а на самом деле архиреакционный венский журнал, прославившийся своим черно-желтым фанатизмом и раболепием перед сильными мира сего и обрушивавшийся грубой бранью против революционного движения. Из этого журнала заключенные, по словам Фрича, узнавали «гораздо больше, чем иной журнал смел напечатать», о международных событиях, волновавших европейскую общественность, именно здесь они встретились с именами Герцена, Ледрю-Роллена, Ворцеля, Кошута, Маццини, Дараша и других видных представителей международной демократической эмиграции (J. V. Frič. Paměti, IV, str. 253).

Более глубоким знакомство Фрича с Герценом стало позднее, после освобождения Фрича, во второй половине пятидесятых годов, когда он непосредственно знакомился с немецкими изданиями сочинений Герцена, проникавшими из Германии в Австрию. Фрич был внимательным и благодарным читателем Герцена и горячо воспринимал каждое его слово. Особенно обрадовала Фрича весть о выходе «Колокола». В «Колоколе» получала воплощение давнишняя его мечта о вольном слове, обращенном к родному народу. Еще в 1849 г. Фрич начал издавать литературный журнал, который, однако, просуществовал очень недолго (см. там же, стр. 113). В 1850 г., находясь в предварительном заключении, но надеясь вскоре выйти на свободу, Фрич обдумывал план издания журнала, посвященного чешской культуре, истории, литературе, искусству, и предполагал привлечь к участию в нем историков, писателей, художников и переводчиков (см. там же, стр. 217). Этот план остался неосуществленным: суровый приговор сделал невозможным его воплощение в жизнь. Выйдя на свободу в 1854 г., Фрич возобновил свои попытки издания журнала. Казалось, мрачная действительность не давала никаких надежд на осуществление его планов. Созданная властями сложная система ограничений сделала существование сколько-нибудь независимой, оппозиционной прессы фактически невозможным. Вся чешская политическая пресса, за исключением нескольких правительственных газет, была запрещена или прекратила свое существование вследствие невыносимых цензурных условий. Многие издатели и редакторы запрещенных газет и журналов были подвергнуты репрессиям. Тем не менее Фрич упорно и настойчиво стремится к своей цели. «Боевая натура, борющаяся за *новое*,— писал о Фриче Ю. Фучик,— и в удушающей атмосфере не поддастся отчаянию и не утратит творческих сил» («Tři studie». Praha, 1948, str. 57).

В 1854 г., после неудачной попытки организовать издание журнала Фрич выпустил в свет альманах «Lada Nióla»[10], в котором приняли участие лучшие представители чешского литературного мира. Восхваление поэзии и пропаганда «крамольных» идей Пушкина, Байрона и Гейне, призыв учиться у народной поэзии и правдиво изображать жизнь, стремление дать ответ на вопросы времени и нести в массы передовую мысль,— все это сделало фричевский альманах «в литературном и политическом отношении самым смелым начинанием пятидесятых годов» (там же, стр. 56).

Реакционная печать ожесточенно обрушилась на Фрича и его альманах. Фрич был предупрежден, что «если он будет продолжать в том же духе, то мигом очутится снова в крепости» (J. V. Frič. Paměti, IV, str. 406). Следующий номер альманаха, почти подготовленный к печати, уже не увидел света. Однако «мысль об издании литературного еженедельника ⟨...⟩ преследовала меня как фата-моргана!»,— писал Фрич (там же, стр. 472). До 1858 г. он пять раз пытался осуществить свое намерение, но все его попытки разбились о препятствия, чинимые властями, в конце концов запретившими ему не только что-либо издавать, но и вообще заниматься литературной работой (там же, стр. 490).

Именно в это время, когда положение стало для Фрича совершенно невыносимым, он узнал о важнейшем начинании Герцена — издании «Колокола». Не находя в Чехии достаточного простора для политической и литературной деятельности, Фрич решил эмигрировать за границу, чтобы действовать по примеру Герцена и совместно с ним.

«Очевидно в Праге все же начали распространяться слухи о моем намерении бежать к Герцену,— вспоминал потом Фрич, — поэтому власти получили распоряжение

разыскать у меня вещественные подтверждения моей переписки с русским изгнанником и изъять у меня, если удастся, лондонский „Колокол“» (там же, стр. 510).

Никакой переписки с Герценом полицейские власти у Фрича найти не могли, ибо этой переписки тогда не существовало. Они не могли также найти экземпляров «Колокола». По собственному признанию Фрича, «Колокола» он тогда даже «не видал и узнал о его существовании и тенденциях лишь из газет» (там же)[11]. Но, несмотря на это, Фрич достаточно отчетливо представлял себе политическое направление и программу «Колокола» и целиком солидаризировался с ним. Когда 25 августа 1858 г. Фрич был снова арестован и выслан, он при прощании со своим братом Карелом шепнул ему:

«Будь что будет, но я намерен попасть к Герцену в Лондон, где, надеюсь, в „Колоколе“ ясно и подробно распишу на весь славянский мир наше отчаянное положение» (там же, стр. 494).

Об этом своем намерении Фрич потом напоминал в письме из ссылки. «Пусть жена и брат Карел сохранят в сердце мои последние слова при прощании»,— писал он отцу 27 августа 1858 г. («J. V. Frič v dopisech a denících». Praha, 1955, str. 308).

Ходатайствуя перед властями о замене ему ссылки добровольным изгнанием, Фрич стремился замаскировать свои планы, умышленно распространяясь в письмах к родным о своем намерении отправиться в Америку. «Дома, в Праге,— писал он,— разумеется, думали, что я совсем с ума сошел, — вдруг начал бредить Америкой, где, как считал и предостерегал меня отец, могут преуспевать одни бездушные охотники за наживой. Это недоразумение — Карел, видимо, недостаточно внимательно усвоил последние мои слова относительно „Колокола“ и Лондона — начинало становиться для меня тем тягостней, что я не смел ни устно, ни тем более письменно обмолвиться, что я об этой Америке всерьез и не помышляю» (J. V. Frič. Paměti, IV, str, 504). В конце концов Фричу удалось усыпить бдительность полиции. Ссылка была заменена изгнанием. 8 марта 1859 г. Фрич в сопровождении полицейского комиссара был доставлен к прусской границе.

Как только Фричу удалось выбраться из-под опеки австрийской полиции, он прежде всего поспешил попасть к Герцену, чтобы, как он писал, «в единственной тогда свободной славянской газете ⟨...⟩ найти место для защиты и выражения чаяний чешского народа» (J. V. Frič. Naši předchůdci, str. 169).

По пути в Лондон Фрич на месяц задержался в Париже. Там он встречался с Ярославом Чермаком и с видным венгерским революционным эмигрантом Ладиславом Телеки и получил от них рекомендательные письма к Герцену[12].

«Оттуда,— писал Фрич отцу 21 августа 1860 г.,— я направился к Герцену, намереваясь предложить ему свое сотрудничество, а тем временем организовать издание чешского журнала, даже если бы мне самому пришлось быть наборщиком» («J. V. Frič v dopisech a denících», str. 104).

В Лондон Фрич приехал 30 апреля 1859 г. 3 мая он написал Герцену (J. V. Frič. Spisy, I, str. 560) и был приглашен к нему на воскресенье, 8 мая. «... Ездил к Герцену,— записал Фрич в своем дневнике,— много гостей; денег не даст, но надеюсь все-таки заработать на себя. И он мне нравится, только у него не было времени. Готов поддержать нашу пропаганду» (цит. по книге: «Česko-polský sborník vědeckých prací». Díl I. Praha, 1955, str. 435).

Как видно из этой записи, первая встреча с Герценом была для Фрича в общем обнадеживающей. Однако день посещения оказался не совсем удачным. Гостиная Герцена была переполнена, и гостеприимный хозяин мог уделить Фричу время лишь для очень краткого разговора. Более обстоятельно они условились побеседовать 11 мая. Об этой второй встрече в дневнике Фрича мы встречаем следующую запись: «Я долго ждал и в конце концов разозлил его и немножко расшевелил. Он дал мне Ворцеля[13], хорошо знал Орсини. Думает, что Австрии конец; направляет меня в Сербию» (там же).

Эта лаконичная и во многом туманная запись дает, конечно, весьма слабое представление об их беседе. Речь, видимо, шла о вопросах, волновавших тогда европейскую общественность в связи с начавшейся австро-итало-французской войной. Оба, и Герцен, и Фрич, возлагали большие надежды на то, что «Австрия может от нее погиб-

нуть», что в результате распада Австрийской империи освободится не только Италия, но также «Венгрия и славяне» (IX, 559). Что же касается сделанного Фричу предложения поехать в Сербию, то это, вероятно, связано со следующим утверждением Герцена: «Нам надобно проповедовать славянскую конфедерацию, независимую от русского правительства», в которую должны войти «и венгры ⟨...⟩, и молдовалахи, и турецкая Сербия» (IX, 559). Характерно, что эти мысли — о поражении Австрии и славянской федерации — Герцен высказал в письме к сыну, написанном 11 мая, то есть как раз в день встречи с Фричем.

Тогда же, видимо, Фрич предложил написать для «Колокола» статью об Австрии. На эту тему у Герцена уже была подготовлена и должна была вскоре выйти большая статья «Война» (см. его письма к Ф. Пульскому от 6 и 12 мая в настоящем томе и к сыну от 11 мая — IX, 559). Но, учитывая важность момента, Герцен, по-видимому, не возражал против того, чтобы поместить также обзорную статью Фрича. Такую статью под названием «Австрия и ее славянское население» Фрич представил Герцену во время их следующей встречи, состоявшейся, как видно из дневника Фрича, в воскресенье 15 мая (см. «J. V. Frič a demokratické proudy...», str. 120). Это была полемически заостренная статья, направленная против защитников Австрии, объявлявшей себя «мученицей германской миссии». Фрич высмеивал австрийских «культуртрегеров», «миссия» которых заключалась в том, чтобы восхвалять инквизицию, заселять швабами пропитанные кровью венгерские степи, наполнять грубой солдатчиной Милан и Венецию, германизировать Хорватию, морить голодом Галицию. «Австрия,— подчеркивал Фрич,— использует немецкий язык исключительно как орудие своих преступлений и этим создает не только главную причину национальной вражды и ненависти, но и нарочито и умело эту вражду вызывает» (J. V. Frič. Spisy, I, str. 53).

Герцен, разумеется, ничего не мог иметь против разоблачения «королевско-имперской цивилизации», которая, как он писал, «состоит в постоянном гнете всего народного и в *онемечивании*» (X, 5). В статье «Война» этому вопросу он посвятил несколько ярких страниц (см. X, 5—8), и здесь мы можем констатировать некоторую общность взглядов Герцена и Фрича. Однако в целом Герцен признал статью Фрича не отвечающей задачам «Колокола» и отклонил ее.

Герцен предложил Фричу прийти к нему через три дня, в среду, для переговоров, но за день до встречи Фрич получил от него следующее письмо:

⟨Londres.⟩ 17 mai 1859

Cher monsieur Fritch,

Je vous prie de venir vendredi à $2^1/_2$ et non demain, il y a deux ou trois personnes qui se sont annoncées, et alors nous ne pouvons pas parler.

J'ai lu votre article — nous ne pouvons pas l'insérer, il nous faut seulement des faits ou des aperçus généraux — nous ne pouvons faire en russe cette polémique contre l'Autriche.

Tout à vous
A. Herzen

Перевод:

⟨Лондон.⟩ 17 мая 1859 г.

Дорогой господин Фрич,

Прошу вас прийти в пятницу в половине третьего, а не завтра — два или три человека сообщили, что будут у меня, и нам не удастся поговорить.

Я прочел вашу статью — мы не можем ее напечатать, нам нужны только факты или общие обозрения — мы не можем заниматься на русском языке такой полемикой с Австрией.

Весь к вашим услугам
А. Герцен[14].

Встреча Герцена с Фричем состоялась в назначенную пятницу, 20 мая. В тот же день Фрич записал в дневнике: «Ездил к Герцену для разговора. Плохо — он не хочет

компрометировать себя с нами, не знает нас, не питает к нам большого доверия, не нуждается в нашей помощи» (опубликовано факсимильно в книге: «J. V. Frič a demokratické proudy...», перед стр. 65).

Следует отметить, что дневниковые записи Фрича нередко весьма субъективно отражали настроения момента и что несколько позднее многие факты получали у Фрича более объективную оценку. То же можно сказать и о понимании Фричем Герцена (см., например, ниже, стр. 794). Однако дневниковые записи Фрича все же очень определенно говорят о наличии серьезных разногласий между ним и Герценом по ряду вопросов, и в первую очередь, в оценке положения в Чехии и перспектив развертывания там революционной борьбы. Можно согласиться с утверждением чешского историка В. Жачека, что «Герцен, видимо, не сочувствовал взглядам Фрича на революционное сотрудничество, высказанным в свойственной последнему манере видеть все в розовом свете, и не поверил его доводам, будто Чехия созрела для революции» («Česko-polský sborník vědeckých prací», I, str. 435). Отметим, что столь же скептически Фрич был встречен Л. Кошутом, к которому спустя несколько дней обратился с подобным же предложением[15].

И действительно, Чехия того времени, находившаяся в тисках жесточайшей реакции и представлявшая собой, по выражению Яна Неруды, страну «заживо погребенных», не давала Герцену основания разделять оптимизм Фрича. Чешские историки К. Косик и Р. Гребеничкова из этого факта делают правильный вывод, что «Герцен считал в *данный* момент более целесообразным сосредоточить революционную агитацию в странах, где перед сильным демократическим и революционным движением открывались несравненно бо́льшие перспективы, чем в политически мертвой Чехии» («Praha — Moskva», 1953, č. 10, str. 77).

С этой точкой зрения не согласен чешский историк И. Зумр.

«Объяснение, данное К. Косиком ⟨...⟩,— пишет он,— противоречит действительным фактам деятельности Герцена, хотя отчасти и совпадает с заметками Фрича. Как раз в то время Герцен считал необходимым развернуть агитацию среди *всех* славянских народов в соответствии с его идеей создания славянской демократической федерации. Предполагаемый распад Австрии после ее поражения в Италии создавал для этого благоприятную почву». В подкрепление своей концепции И. Зумр приводит высказывания Герцена, содержащиеся в упомянутом письме к сыну от 11 мая 1859 г. и в статье «Война», где Герцен «уделяет особое внимание именно чехам и призывает народы Австрии свергнуть габсбургскую монархию и создать свободный демократический союз. Стало быть, он не мог считать нецелесообразным в *данный* момент проводить подобную же агитацию и в Чехии» («J. V. Frič a demokratické proudy....», str. 121—122).

Вполне возможно, что, говоря о славянской федерации, Герцен имел в виду и Чехию, хотя в этой связи, вопреки утверждению И. Зумра, нигде ее не упоминал (ссылка на статью «Война» неубедительна, ибо в ней идет речь о Чехии по другому поводу). Но это не противоречит тому, что, исходя из конкретной исторической обстановки, Герцен решил оказать помощь в первую очередь более зрелым в революционном отношении странам, от которых можно было ожидать реальных результатов. Такими странами были Сербия (куда он предлагал поехать Фричу) и особенно Венгрия и Польша, где тогда развертывалось национально-освободительное движение.

Интересно, что эту точку зрения Герцена, как одну из главных причин его разногласий с Фричем, отмечала и австрийская полиция, следившая за их лондонскими встречами[16].

Разумеется, к полицейским документам следует подходить очень осторожно, так как они содержат немало сомнительного и неверного и в целом дают весьма далекую от действительности картину взаимоотношений Герцена и Фрича[17]. Но в то же время в них имеются и отдельные верные заключения, в том числе и приведенное нами выше. Ясно, что позиция Герцена выражала его глубокий демократический интернационализм. Как увидим ниже, именно по этому пути, и во многом не без влияния Герцена, последовал в дальнейшем и Фрич, многократно писавший в своих статьях и письмах о том, насколько важен для свободы чешского народа его боевой союз с другими свободолюбивыми народами, и в первую очередь с Польшей и Венгрией.

Таким образом, нельзя согласиться с возражениями И. Зумра и тем более с его

заключением, что «отсутствие источников не позволяет уверенно судить о причинах, помешавших Фричу стать сотрудником „Колокола“» (т а м ж е, стр. 122).

Однако и точка зрения К. Косика и Р. Гребеничковой, при всей ее правильности, далеко не исчерпывает вопроса. То, что Герцен в данный момент не считал целесообразным концентрировать свое внимание на политически пассивной Чехии, явилось лишь одной из причин его разногласий с Фричем, и притом, возможно, отнюдь не главной. На наш взгляд, более существенная причина коренилась в самом «Колоколе», в том,

И.-В. ФРИЧ
Фотография, начало 1860-х гг.
Национальный музей, Прага

что все внимание Герцена было направлено на решение вопросов, связанных *с жизнью и борьбой русского народа*, на разоблачение антинародной политики царского самодержавия и его аппарата.

«Колокол» посвящен «исключительно русским вопросам»,— заявил Герцен в своем программном предисловии к первому номеру «Колокола» (VIII, 426). Наши занятия «все в России, в русских делах и книгах, а не в западных людях и интересах»,— неоднократно повторял он на страницах своей газеты (IX, 65 и др.). Эти заявления Герцена точно определяют характер и назначение «Колокола» и всей его лондонской деятельности. В то же время они ясно указывают на одну из главных причин несостоявшегося сотрудничества Фрича в «Колоколе».

Правда, на страницах «Колокола» можно найти статьи и высказывания, касающиеся и других стран и народов, в том числе и Австрии, но в них, за редким исклю-

чением, положение в Европе рассматривалось с точки зрения международной политики царского правительства — этого оплота европейской реакции, а борьба других европейских народов — в тесной связи с борьбой русского народа. Вопросов же внутренней жизни этих стран, не связанных с «русским делом», Герцен всячески избегал [18].

Итак, мы видели, как радужные вначале надежды Фрича на помощь и содействие Герцена с каждой новой встречей таяли, и настроение становилось все более пессимистичным. После встречи с Герценом 20 мая 1859 г. Фричу казалось, что рушились все планы, положение представлялось ему в самых мрачных красках. На следующий день (21 мая) он записал в дневнике, что «решил уехать из Лондона» («J. V. Frič a demokratické proudy...», факсимиле перед стр. 65). Однако вскоре обстоятельства несколько изменились, и Фрич отложил на время свой отъезд. Ему удалось поместить в немецкой эмигрантской газете Кинкеля «Hermann» несколько статей, в том числе статью, которая первоначально предназначалась для «Колокола». Некоторую материальную поддержку оказали Фричу его лондонские и пражские друзья. Не порывал он связи также и с Герценом, который, видимо, стремился чем-то помочь Фричу и собирался даже предложить ему какую-то работу, связанную с изданием «Колокола». Но, проявляя осторожность, Герцен счел необходимым навести еще дополнительную справку о Фриче [19].

Поскольку Фрич явился с рекомендацией Телеки и приехал из румыно-венгерского города Деж (Трансильвания), где находился в ссылке, Герцен решил запросить о Фриче знакомых венгерских эмигрантов.

На следующий день после встречи с Фричем он обратился с письмом к венгерскому литератору и политическому деятелю Ференцу Пульскому, в котором осведомлялся, знает ли кто-нибудь из его друзей, что собой представляет молодой чех Фрич, приехавший в Лондон из Трансильвании (см. это письмо выше в настоящем томе).

До нас не дошло ответное письмо Пульского. Возможно, что это было не известное до сих пор письмо от 9 июня, о котором упоминается в дневнике жены Пульского. Не исключен и более ранний ответ Пульского, ибо он и Герцен тогда состояли в довольно оживленной переписке. Наконец, весьма возможно, что ответ был устным, так как оба, и Герцен, и Пульский, жили в то время в Лондоне и часто встречались. Остается выяснить, знали ли Пульский и его друзья Фрича и какого рода могла быть их информация о нем.

Роль Фрича в революционных событиях 1848—1849 гг., нашумевший затем процесс и приговор, вынесенный австрийскими властями чешским революционерам, в том числе и Фричу,— все это не могло не быть известно в венгерских революционных кругах, где сочувственно следили за борьбой чешского народа. Заключенный в Комарненскую крепость, Фрич устанавливает контакт с находящимися там в заключении венгерскими революционерами. Фрич вспоминал впоследствии, как в камеру, где помещался он с товарищами, пришла сестра Кошута, проникшая в крепость под видом знатной дамы (J. V. Frič. Paměti, IV, str. 294). Это было одним из проявлений сочувствия и симпатии венгерских революционеров к чешским политическим заключенным. Эти симпатии значительно окрепли, начиная с 1859 г., когда Фрич вступил в непосредственную связь с венгерскими эмигрантами, встречался и переписывался с Кошутом, Кланкой, Пульским и другими, писал о Венгрии в эмигрантской печати, выступал за укрепление чешско-венгерских революционных связей и т. д. И хотя многие из этих фактов имели место позднее, уже к моменту обращения Герцена к Пульскому, венгерские эмигранты могли сказать о Фриче много хорошего.

После предполагаемого ответа Пульского Герцен и Фрич, судя по дневнику последнего, встретились еще дважды — 19 июня и 31 июля 1859 г. (см. «J. V. Frič a demokratické proudy...», str. 120). Тогда, возможно, обсуждался и решался вопрос относительно работы для Фрича. О результатах этих встреч нам ничего не известно. Некоторые косвенные данные можно почерпнуть из письма чешской писательницы Божены Немцовой, в котором она сообщала своему сыну Карелу, собиравшемуся отправиться в Лондон, что Иозеф Фрич также находится в Лондоне, где «пишет для редакции одного русского журнала» и что там вместе с ним живет его брат Вацлав, который работает «в русской типографии, где и Иозеф» («Sebrané spisy Boženy Němcové», svazek XIV. Praha, 1920,

str. 133). Этот же факт утверждается в упомянутом выше донесении тайного агента, который, на основании рассказа Вацлава, вернувшегося в апреле 1860 г. из Лондона, докладывал австрийским полицейским властям о заграничной деятельности Фрича и о том, что Герцен «весьма помог Фричу попасть в редакцию „Колокола"» (см. V. Žáček. Ohlas polského povstání r. 1863 v Čechách. Praha, 1935, str. 136).

Однако этот полицейский документ не дает оснований для того, чтобы говорить о сотрудничестве Фрича в редакции «Колокола». Во всяком случае, по уже отмеченным причинам, о прямом, активном сотрудничестве, как это ранее представлял себе Фрич, не могло быть и речи. Если же, судя по письму Б. Немцовой, Фрич одно время и работал в типографии «Колокола», то очень недолго и выполнял, видимо, какую-то второстепенную работу, не отвечавшую его планам и стремлениям. Ему не терпелось приступить к настоящей работе, и вследствие этого он, по-видимому, не раз обращался к Герцену за помощью и советом. Ниже мы приводим ответ Герцена на одно из таких обращений Фрича.

5 déc⟨embre 1859⟩. Park house. Fulham

Mon cher monsieur Friec,

Vraiment j'ai du malheur avec vous. Avec le désire le plus sincère de vous être utile je ne puis rien faire.— Comment voulez-vous que dans ma position on me confie un passeport. Maintenant voilà 2 moyens:

1. De trouver un Anglais qui voudra vous prêter un passep⟨ort⟩ visé au *foreign office*.

2. De demander tout bonnement au Consulat français, en disant que vous voulez traverser la France — et que vous ne pouvez pas obtenir de passeport autrichien.

Vous pouvez peut-être de la même manière avoir un passeport pour la Belgique.

Je vous salue de tout mon cœur.

A. Herzen

Перевод:

5 дек⟨абря 1859 г.⟩. Park house. Fulham

Дорогой господин Фрич,

Поистине не везет мне с вами. При самом искреннем желании быть вам полезным, я ничего не могу сделать. Ну как вы хотите, чтобы в моем положении мне доверили паспорт? А теперь вот вам 2 способа:

1. Найти англичанина, который согласился бы одолжить вам паспорт, визированный в foreign office*.

2. Просто попросить в французском посольстве, откровенно сказав, что вы хотите проехать через Францию, но не можете получить австрийский паспорт.

Быть может, вам удастся получить таким же путем паспорт для Бельгии.

Шлю вам самый сердечный привет

А. Герцен[20]

Смысл письма в целом нам не совсем ясен. По всей вероятности, у Фрича тогда возникла мысль тайно пробраться в Австрию, чтобы наладить или укрепить связи с пражскими друзьями и добиться их поддержки в осуществлении своих планов. Очевидно, он рассчитывал на то, что Герцен, имевший широкие знакомства в Лондоне и большой опыт конспиративной работы, поможет ему достать паспорт на чужое имя. Герцен рассеял его иллюзии, но все же дал несколько практических советов. Мы не знаем, действовал ли Фрич именно так, как указал ему Герцен. Насколько нам известно, план Фрича относительно австрийской поездки тогда не был им осуществлен. Вскоре Фрич принял решение переехать в Париж и сделал это в самом начале 1860 г. (25—26 января).

Таким образом, Фричу не удалось стать постоянным сотрудником Герцена и использовать «Колокол» как трибуну для разоблачения реакционной политики Габсбургов

* Министерстве иностранных дел (англ.).

и для мобилизации передовых сил чешского общества. Связь с Герценом не стала такой тесной, как того добивался Фрич. «По сотне причин мне это не удалось, хотя на Герцена не могу жаловаться», — писал он отцу в письме от 21 августа 1860 г. («J. V. Frič v dopisech a denících», str. 104).

Эти слова Фрича свидетельствуют о том, что он верно понял отношение к нему Герцена и причины их несостоявшегося сотрудничества. Он понял, что «Колокол» не мог служить ему трибуной для выступлений против Габсбургов и что заговорить во весь голос о наболевших вопросах чешской жизни следует в своем, чешском, издании. И Фрич со свойственной ему энергией приступил к подготовке такого издания. Этому начинанию вполне сочувствовал Герцен, посоветовавший Фричу издавать журнал в Париже на французском языке и обещавший ему свою поддержку.

23 января 1860 г., перед самым отъездом в Париж, Фрич получил от Герцена следующее рекомендательное письмо к Делаво, известному переводчику «Былого и дум», который мог быть ему весьма полезен при издании журнала:

Monsieur Fritch, un Slave de Prague, désire faire votre connaissance, cher monsieur Delaveau; veuillez le recevoir avec votre bienveillance accoutumée.

23 janvier 1860.
Paris

Monsieur Henry Delaveau,
№ 24, Rue du Vieux Colombier.

Перевод:

Господин Фрич, славянин из Праги, желает с вами познакомиться, дорогой господин Делаво; примите же его с обычным вашим доброжелательством.

23 января 1860 г.
Париж

Господину Анри Делаво
Улица du Vieux Colombier, № 24

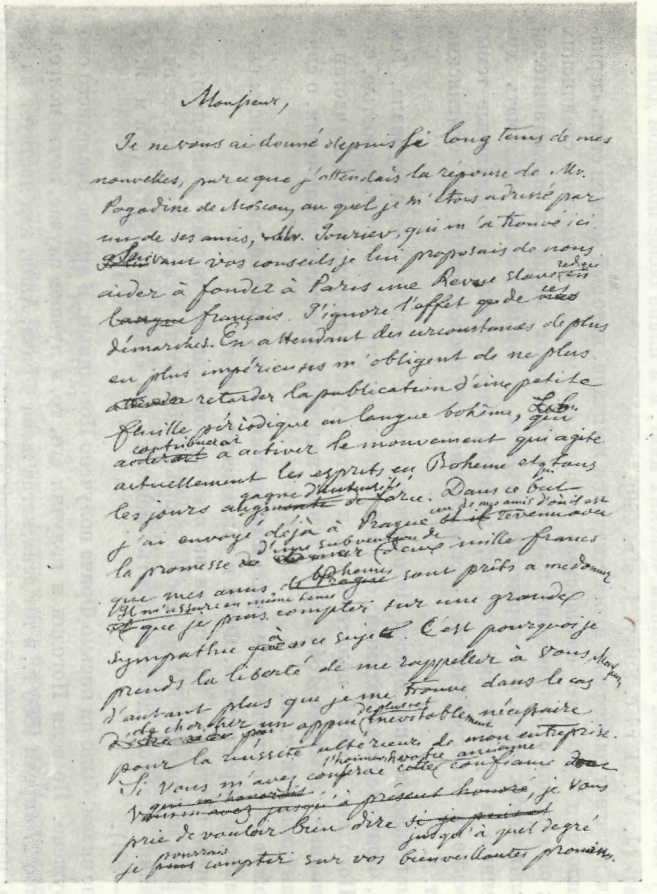
В своем дневнике Фрич записывает: «Был у Герцена!! Герцен рекомендует меня господину Делаво в Париже» (цитируется по журналу «Praha — Moskva», 1953, č. 10, str. 79).

Герцен надеялся также заинтересовать изданием журнала М. П. Погодина, собиравшегося приехать в Лондон, и побудить его оказать материальную поддержку Фричу.

Это намерение Герцена может показаться странным, ибо ясно, что направление журнала, который Фрич собирался издавать, было весьма далеко от консервативных казенно-патриотических воззрений Погодина. Сам Герцен, как известно, крайне отрицательно относился к Погодину как идеологу самодержавия и православия и много раз выступал против него в своих сочинениях и письмах.

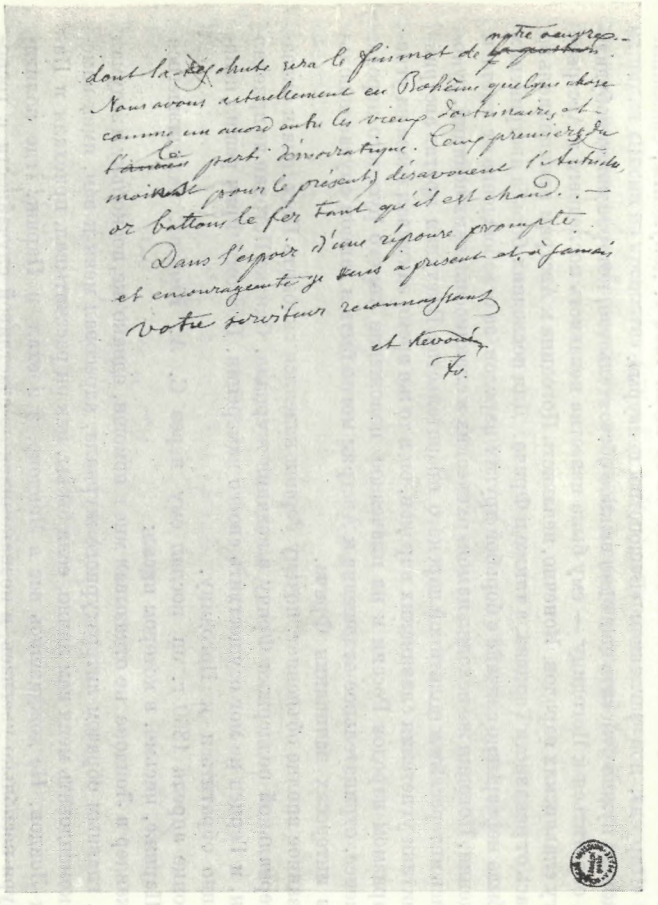
Желание Герцена привлечь Погодина к изданию Фрича основывалось, во-первых, на том, что Погодин постоянно интересовался славянскими делами и в течение ряда десятилетий поддерживал отношения со многими чешскими учеными и литераторами.

Во-вторых, именно в конце 1850-х годов, после поражения России в Крымской войне, Погодин на время отошел от позиций «официальной народности», высказывался за необходимость проведения ряда реформ и даже был занесен в списки III Отделения как «корреспондент Герцена» и «литератор, стремящийся к возмущению» (IX, 249). К этому следует добавить, что в начале 1859 г. Погодин принимал участие в издании еженедельной газеты И. С. Аксакова «Парус», для сотрудничества в которой были приглашены и чешские литераторы. Известно, что по выходе первых двух номеров газета была запрещена за «предосудительное направление», за выступление Аксакова против царской цензуры, заставлявшей «лгать и безмолвствовать» и, особенно, за статью Погодина «Прошедший год в русской истории», признанную «неблагонамеренною». Герцен,



Monsieur,

Je ne vous ai donné depuis fé long tems de mes nouvelles, parce que j'attendais la réponse de Mr. Pogodine de Moscou, au quel je m'étais adressé par un de ses amis, Mr. Fourier, qui m'a trouvé ici. Sur vos conseils je lui proposais de nous aider à fonder à Paris une Revue slave en langue française. J'ignore l'effet de ces démarches. En attendant des circonstances de plus en plus impérieuses m'obligent de ne plus retarder la publication d'une petite feuille périodique en langue bohème, qui contribuera à activer le mouvement qui agite actuellement les esprits en Bohème et dans les jours de crise. Dans ce but j'ai envoyé déjà à Prague un de mes amis d'un très la promesse d'une subvention de mille francs que mes amis de Bohème sont prêts à me donner. Il m'assure en même tems que je puis compter sur une grande sympathie à ce sujet. C'est pourquoi je prends la liberté de me rappeller à vous, d'autant plus que je me trouve dans le cas de chercher un appui indispensable, nécessaire pour la réussite ultérieure de mon entreprise. Si vous m'avez conservé votre amitié je vous prie de vouloir bien dire jusqu'à quel degré je pourrais compter sur vos bienveillantes promesses.



dont la chute sera le signal de notre délivrance. Nous avons actuellement en Bohème quelque chose comme un accord entre les vieux doctrinaires et le parti démocratique. Ces premiers ne nient pas pour le présent désavouer l'Autriche et battre le fer tant qu'il est chaud. —

Dans l'espoir d'une réponse prompte et encourageante je vous présente et à jamais votre serviteur reconnaissant

et dévoué

Fr.

АВТОГРАФ (ЧЕРНОВОЙ) ПИСЬМА И.-В. ФРИЧА ГЕРЦЕНУ. КОНЕЦ АВГУСТА — НАЧАЛО СЕНТЯБРЯ 1860 г.

Листы первый и последний

Национальный музей, Прага

как видно из его статей и писем к И. Аксакову (см. XXII, 121; X, 42, 191), интересовался выходом «Паруса», просил выслать его в Лондон, возмущался произволом царских чиновников и напечатал в «Колоколе» от 15 июня 1859 г. документы, связанные с делом «Паруса», под заглавием «Бешенство цензуры».

Наконец, нужно отметить еще одно важное обстоятельство, которое могло побудить Герцена обратиться к Погодину — ему была известна ненависть последнего к Австрии, как врагу славянских народов. Конечно, ненависть Погодина к Австрии принципиально отличалась от ненависти Герцена, а также и Фрича. Для последних борьба австрийских славян была неразрывно связана с борьбой других народов за освобождение от гнета и порабощения, Погодин же исходил из монархических и славянофильских позиций, руководствуясь интересами и политикой царского правительства. Выступая против австрийской политики угнетения славянских народов, он в то же время закрывал глаза на угнетение царизмом народов России и на плачевное положение самого русского народа. Тем не менее, отрицательное отношение к Австрии могло быть в данном случае использовано в интересах начинания Фрича.

Сказанное вполне объясняет, почему Герцен надеялся склонить Погодина к оказанию материальной поддержки Фричу в издании журнала. Однако Погодин не приехал в Лондон, и Герцен не мог осуществить своего намерения. Поэтому Фрич решил непосредственно обратиться к Погодину.

В конце апреля 1860 г. он послал ему через С. А. Юрьева, находившегося тогда в Париже, письмо, в котором писал:

«Искандер в Лондоне не отказывал мне в помощи, однако же, поскольку я задумал издание, главным образом литературного журнала, адресовал меня к вам, имея намерение рекомендовать меня вам лично, если бы вы, как он рассчитывал, приехали в Париж или Лондон. Не дождавшись вас в Лондоне, я поехал в Париж, где политическая буря несколько улеглась, и познакомился по счастливой случайности с господином Юрьевым, и теперь обращаюсь к вам, но уже не с прежним своим намерением просить у вас содействия в издании чешских книг, а в плане более полезном для вас и для нас» (J. V. Frič. Spisy, I, str. 499).

Фрич излагает далее свой проект издания журнала, который должен стать «зеркалом прошлого и будущего славянства» и отразить жизнь и чаяния славянских народов; он говорит о привлечении в состав сотрудников журнала представителей других славянских стран, о содержании журнала, который должен включать художественный и критический отделы, разнообразные статьи на социальные темы, исторические и этнографические исследования, корреспонденции из славянских стран и т. д.

От материальной поддержки Погодина во многом зависела судьба журнала. Тем не менее, Фрич счел необходимым, со свойственной ему прямотой и искренностью, сообщить Погодину о своей политической и литературной деятельности, об участии в революционных событиях 1848—1849 гг. и последующем тюремном заключении, о связях с Бакуниным и т. п.

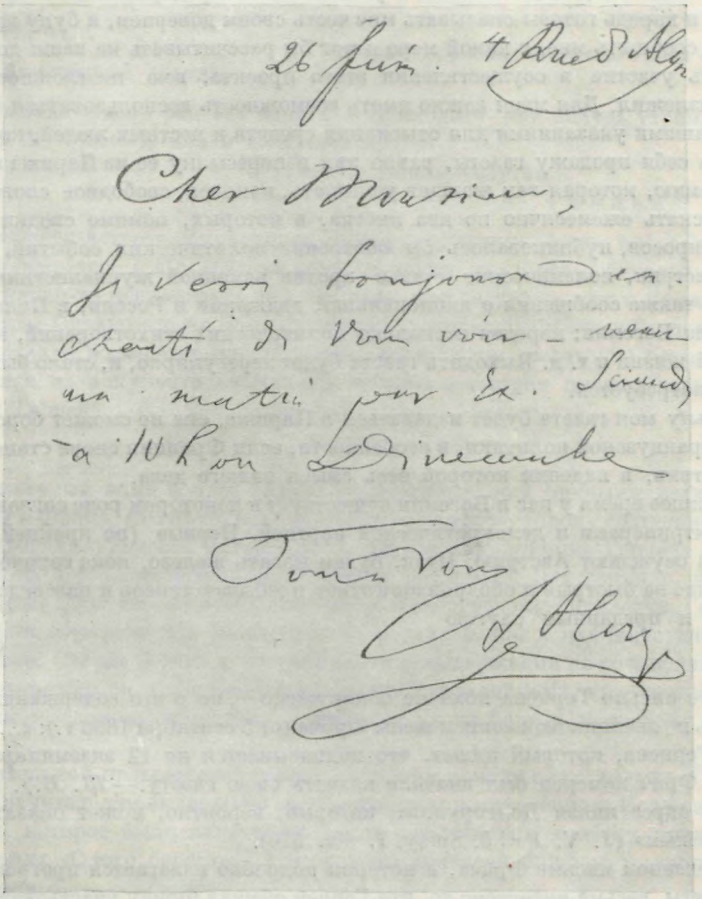
Изложив свое политическое кредо и обозначив рубеж, который он «ни в коем случае не намерен переступать», Фрич в заключение пишет:

«А теперь подумайте, можете ли вы всей душой отдаться такому начинанию, хотите ли своей материальной помощью заложить фундамент прекрасного и столь же важного здания, которое должно стать маяком для нашего мира?» (там же, стр. 500—501).

Мы не знаем, было ли письмо Фрича получено Погодиным. В архиве последнего оно не обнаружено. Но если Погодин и получил его, то, в лучшем случае, почти полгода спустя, ибо 27 апреля 1860 г., в тот день, когда жена Фрича, Анна, как явствует из ее дневника, переписывала письмо для передачи его Юрьеву (там же, стр. 581), Погодин отправился в длительное свадебное путешествие на Кавказ, откуда вернулся только 17 сентября (см. Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, СПб., 1892, стр. 323—397). Впрочем, выяснение вопроса, было ли получено письмо Погодиным, не столь уж существенно. Письмо Фрича, хоть и значительно смягченное желанием найти какие-то общие интересы, общий язык ради получения материальной поддержки

создаваемому журналу, содержало столько неприемлемого для Погодина, что о договоренности между ними не могло быть и речи.

Не могли вызвать сочувствия у Погодина и приложенные Фричем стихотворения из цикла «Песни из крепости» («Písně z bašty»), исполненные революционного пафоса, жгучей ненависти к абсолютизму, зовущие к непримиримой борьбе с врагами свободы.



АВТОГРАФ ЗАПИСКИ ГЕРЦЕНА К И.-В. ФРИЧУ
ОТ 26 ИЮНЯ 1861 г.
Национальный музей, Прага

Спустя некоторое время, не дождавшись ответа от Погодина, Фрич снова обратился к Герцену со следующим письмом, которое мы приводим в переводе с французского чернового автографа [21].

«Милостивый государь,

Я так долго не давал вам о себе знать, потому что ожидал из Москвы ответа от г. Погодина, к которому я обратился через одного из его друзей, г. Юрьева, заставшего меня здесь. По вашему совету, я предложил ему помочь нам основать в Париже славянский журнал на французском языке. Мне неизвестна судьба этого предложения. Между тем сложившиеся обстоятельства все настоятельнее побуждают меня не откладывать выпуск небольшого периодического листка на чешском языке, который способствовал бы усилению движения, волнующего в настоящее время умы в Богемии

и становящегося с каждым днем все более интенсивным. С этой целью я посылал уже одного из своих друзей в Прагу, откуда он вернулся с обещанием пособия в две тысячи франков, которые мои чешские друзья готовы мне предоставить. Он заверяет меня вместе с тем, что я могу рассчитывать в этом деле на большое сочувствие. Вот почему, милостивый государь, я и беру на себя смелость напомнить вам о себе, тем более, что обстоятельства вынуждают меня искать дополнительной поддержки, настоятельно необходимой для дальнейшего успеха моего предприятия.

Если вы и впредь готовы оказывать мне честь своим доверием, я буду просить вас о любезности *сообщить мне, в какой мере я мог бы рассчитывать на ваши добрые обещания* принять участие в осуществлении этого проекта, всю неотложность которого я вам уже изложил. Для меня важно иметь возможность воспользоваться вашим руководством, вашими указаниями для отыскания средств и честных людей, которые могли бы взять на себя продажу газеты, равно как и пересылку ее из Парижа или из Лейпцига в Богемию, которая так жаждет услышать, наконец, свободное слово. Я предполагаю выпускать ежемесячно по два листка, в которых, помимо сводки важнейших текущих вопросов, публиковалось бы обозрение политических событий, эпизоды из истории Австрии, полемические статьи против немецкой журналистики, выдержки из газет, а также сообщения о национальном движении в России, в Польше, корреспонденции из Богемии; изредка несколько политических стихотворений, анекдотов из австрийской жизни и т. д. Выходить газета будет нерегулярно, и, стало быть, никакого залога не потребуется.

Поскольку моя газета будет издаваться в Париже, она не сможет бороться против нынешней французской политики, в особенности, если Франция снова станет выступать против Австрии, в падении которой весь смысл нашего дела.

В настоящее время у нас в Богемии существует в некотором роде соглашение между старыми доктринерами и демократической партией. Первые (по крайней мере в данный момент) осуждают Австрию. Итак, будем ковать железо, пока горячо.

В надежде на быстрый и ободряющий ответ, пребываю теперь и навсегда вашим признательным и преданным слугою

Ф р.».

Ответное письмо Герцена пока не обнаружено [22], но о его содержании можно отчасти узнать из дневниковой записи жены Фрича (от 5 сентября 1860 г.): «...⟨Получено⟩ письмо от Герцена, который пишет, что подписывается на 12 экземпляров „Вечного Чеха“ ⟨так Фрич намерен был вначале назвать свою газету.— *Ш. Б.*⟩. Кроме того, он сообщил адрес князя Долгорукова, который, вероятно, может оказаться Иозефу весьма полезным» (J. V. Frič. Spisy, I, str. 570).

В приведенном письме Фрича, в котором подробно излагается программа издания чешской газеты, весьма интересно то, что Герцен обещал Фричу участвовать в осуществлении проекта издания. Причем более всего тогда интересовали Фрича организационные вопросы, в частности, вопрос о распространении и транспортировке газеты. Такую помощь Фрич от Герцена получил. Известно, например, что Герцен рекомендовал Фрича парижскому книготорговцу А. Франку, в магазине которого продавались издания Вольной русской типографии (см. т а м ж е, стр. 569). Надо полагать, что по этому поводу Герцен обращался также и к другим лицам. Об этом можно судить на основании некоторых косвенных данных. Так, на титульном листе газеты «Čech» («Чех»), которую Фрич начал издавать в Женеве с января 1861 г. [23], было указано, что в Лондоне «Чех» продается у С. Тхоржевского. Если учесть, что Тхоржевский заведовал типографией Герцена и был его ближайшим помощником по изданию и распространению «Колокола», если, далее, вспомнить, что в своем письме к Герцену Фрич просил рекомендовать ему «честных людей, которые могли бы взять на себя продажу газеты, равно как и пересылку ее из Парижа или из Лейпцига в Богемию» и т. д., то нетрудно будет обнаружить тесную связь между этими фактами.

Летом 1861 г. Герцен встретился с Фричем в Париже, куда приезжал в связи с болезнью дочери Ольги. Вскоре после приезда Герцена Фрич написал ему письмо, в котором просил разрешения побывать у него. Герцен ответил:

⟨Paris.⟩ 26 juin ⟨1861⟩. 4, Rue d'Alger

Cher monsieur,

Je serai toujours enchanté de vous voir—venez un matin, par ex⟨emple⟩ samedi — à 10 h⟨eures⟩ ou dimanche.

Tout à vous
A. Herzen

Перевод:

⟨Париж.⟩ 26 июня ⟨1861 г.⟩. Улица d'Alger, № 4

Милостивый государь,

Я буду всегда очень рад вас видеть — приходите как-нибудь утром, например в субботу— в 10 ч⟨асов⟩, или в воскресенье.

Весь к вашим услугам
А. Герцен[24]

О состоявшейся встрече сохранилась запись в дневнике Фрича (см. «Česko-polský sborník vědeckých prací», I, str. 497), из которой видно, что Фрич добивался от Герцена поддержки в каком-то неизвестном для нас деле, что разговор, как и прежде, не обошелся без спора. Однако это не могло изменить отношения Фрича к Герцену[25].

Такова неясная во многих подробностях, но в целом достаточно определенная и основывающаяся на документальных свидетельствах история личных взаимоотношений Фрича и Герцена.

* * *

Рассматриваемый нами вопрос далеко не исчерпывается личными взаимоотношениями Герцена и Фрича. Его другую, гораздо более важную сторону составляет их идейная связь, духовная общность интересов, определившая влияние Герцена на Фрича, в особенности на его общественно-политические взгляды[26]. Это влияние, начавшееся еще в пятидесятые годы, исключительно возросло в следующем десятилетии. Герцен и его «Колокол» стали образцом для издательской, редакторской и публицистической деятельности Фрича. Статьи Фрича в эти годы пестрят выдержками из сочинений Герцена. На Герцена опирается он в полемике с идейными противниками, его словами обращается к друзьям и единомышленникам, призывая их на борьбу за свободу и справедливость.

Во вступительной программной статье к первому номеру своей газеты «Čech» Фрич рекомендовался читателям выдержкой из обращения «прославленного Искандера» к русским друзьям, которое было напечатано после предисловия в обоих прижизненных русских изданиях «С того берега»[27] и несколько изменено Фричем в соответствии с обстоятельствами.

«Все хочу принести в жертву человеческому достоинству, свободной речи! ⟨...⟩— восклицает Фрич вслед за Герценом.—Здесь у меня нет другого дела, кроме нашего общего дела ⟨...⟩ Буду здесь свободным вашим голосом, не заглушенным никакой цензурой, буду свободным вашим органом, случайным, но добросовестным вашим заступником. Пора Европе кое-что узнать о нас. Время des vornehmen Ignorierens* должно окончиться ⟨...⟩

Успею ли я что-нибудь сделать? Не знаю,— надеюсь!

Итак, прощайте, друзья, надолго... давайте ваши руки, вашу помощь, мне нужно и то и другое» (J. V. Frič, Spisy, I, str. 68—70).

Этими горячими, от души идущими словами великого революционного демократа Фрич старался воздействовать и на чешского читателя, использовав их для пропаганды и поддержки своей газеты, издававшейся в самых неблагоприятных материальных условиях.

«Что же мне добавить к этим словам?»— спрашивает Фрич далее и отвечает: «Лишь то, что я уже не говорю шепотом, а громко заклинаю, не прошу тайком, а призываю и кричу: „Помогите мне ⟨...⟩ Пора, чтобы нас услышали!"

* высокомерного игнорирования (нем.).

Я призываю к сотрудничеству знакомых и незнакомых, заверяю, что в этом отношении будет сохранена глубокая тайна — никто не будет назван и скомпрометирован. Пусть каждый пишет мне, что у него лежит на сердце, что нас гнетет, что снедает душу, но вместе с тем, пусть каждый держится одной лишь чистой, неприкрашенной правды. Пусть никто не пишет по слухам, без повторной проверки фактов, из одной личной вражды. Ложью победы не завоевать 〈...〉

Я не выступаю с готовой программой, ибо, в конечном счете, все зависит от усилий всех соучастников 〈...〉 Начиная без капитала и без сотрудников, в единственной надежде на духовную и материальную помощь, я не могу заранее установить ни точные сроки выхода газеты, ни количество номеров.

Настало время, когда ангел правосудия спросит все порабощенные народы: „Кто из вас еще жив?" Смотрите, чтобы нам вовремя отозваться достойным голосом, чтобы нам досталось место в рядах истинных борцов „за правду божию и свободу народа"» (там же, стр. 70—71).

Таким образом, по примеру «Колокола», со страниц которого прозвучал «крик русского народа, битого полицией, засекаемого помещиками» (IX, 53), Фрич стремится к тому, чтобы со страниц его издания громко зазвучал голос чешского народа, стонущего под австрийским игом, но отстаивающего свое право на свободную жизнь. И этот голос зазвучал в замечательных стихах Яна Неруды, в корреспонденциях откликнувшихся на призыв Фрича представителей чешской интеллигенции, рассказывавших о положении в Чехии, о возмутительных фактах полицейского произвола и террора. Используя этот материал, Фрич, по образцу герценовского «Под суд!», обличает преступления австрийских властей (см., например, там же, стр. 130—132).

Рассматривая борьбу за свободу Чехии в неразрывной связи с освободительной борьбой других угнетенных народов Европы, Фрич особенно большое значение придавал борьбе русского народа против царского самодержавия, понимая, что от успеха этой борьбы зависит также судьба чешского народа. Отсюда стремление Фрича ближе сойтись и завязать дружеские отношения с русской революционной эмиграцией, отсюда и то влияние, которое русские демократы, в первую очередь Герцен, оказали на мировоззрение и деятельность Фрича, как и на других представителей передовой чешской интеллигенции.

Герцен явился для Фрича одним из наиболее выдающихся представителей передовой русской интеллигенции, выразителем чаяний русского народа, «глашатаем правды о России», который «пробил первую спасительную брешь в гнетущей цитадели царского деспотизма и произвола, подтачиваемой всеобщей коррупцией чиновничества» (J. V. Frič. Paměti, IV, str. 510).

У Герцена Фрич учится ненависти к царизму. Он клеймит позором чешских реакционеров, у которых с языка не сходят такие звучные и популярные слова, как «славянская взаимность», но которые до того погрязли в своем раболепии перед царизмом, «до такой степени утратили чувство достоинства и национальной гордости», что из-за какой-нибудь статейки, напечатанной в либеральной газете, заламывают руки: «Боже, что скажут в Петербурге!». «О гордый Жижка! — восклицает на это Фрич. — Не краснеешь ли ты в гробу за своих бесстыдных потомков?..» (J. V. Frič. Spisy, I, str. 485).

Фрич высмеивает также либеральных политиканов, которые с ликованием встречают всякий намек на реформу сверху, веруя в ее спасительную силу. «Пускай они и впредь продолжают питать благие надежды, что раскрепощенный русский народ никогда и ничего больше не потребует от власти 〈...〉 Пусть им удастся убедить правительство, что ему нужно все больше отказываться от своего влияния, от своего могущества и произвола. Любой гуманный человек и славянин действительно не мог бы желать ничего лучшего, чем то, чтобы неизбежный социальный переворот, который подготовляется в обновленном организме России, совершился постепенно, без всяких осложнений... Но кто в это серьезно верит, для того история не написала ни одной кровавой страницы; тот же, кто, разбираясь в общественно-политических вопросах, стремится лишь усыпить общество такой весбыточной иллюзией, только бы оно перестало излишне прислушиваться к „бряцанию сабель" и лучше дремало бы, чем заботилось о реаль-

ной жизни,— тот ведет опасную игру и не может быть другом славянства...» (т а м ж е, стр. 468).

Подлинным другом славянства Фрич считал Герцена, поэтому он столь сочувственно относился к его деятельности, так внимательно следил за каждым его выступлением, за каждым его словом о России. Перепечатывая в своих изданиях или излагая в статьях высказывания Герцена о России, Фрич тем самым содействовал ознакомлению передовой чешской общественности с жизнью и борьбой русского народа.

MAI — LA VOIX LIBRE DE BOHÊME — KVĚTEN

Paraît à des époques indéterminées, et se vend chez *Králikowski* à *Paris*, *B. Behr* à *Berlin*, et *S. Tchorzewsky*, 1, Macclesfield-street Soho-sq. *Londres*. — Prix de chaque feuille 60 cent.

ČECH

Veškeré dopisy a zásilky týkající se redakce listu přijímají se jedině pod adressou: Monsieur *Králikowski* rue de Seine, 20, à *Paris*. (*France*), kdež jednotlivá čísla po 60 cent. k dostání.

LIST VOLNÝ, OTEVŘENÝ VŠEM TUŽBÁM I STESKŮM NAŠIM.

« Sloužím ! »

№ 5. »A muka tisíců vtělí se v jedno srdce tvoje.« *Iridion.* 1861.

Vivat mater dolorosa!

Věnujme hlavní část tohoto listu Polsku. — Události Varšavské předpokládáme co příliš známé, než abychom jich tu opětovali. Důležitéji nám, abysme konečně podle příkladu prvního vlastence ruského, Herzena, jasněji prohlídli v poměr dvou slovanských dosud slepě spolu zapasících národů. Bude nám to zdravé a prospěšné; přestaneme snad kolísati se v svých sentimentálních náhledech o panslavismu. I Herzen jest panslavistou ovšem v nejčistším významu názvu toho, nazvice zneužívaného; raději však svěří dobudování nejspanilejších snů svých šťastnějším potomkům, než aby dopustil zmrzačení svobodné a požehnané Všeslavie, jejíž úkol svatým bude v dějinách lidstva — v šerednou duchamornou Číně. Sudiž o událostech Varšavských kdo chce jak chce — nejméně jim porozuměl ten, který se ptá: co s tím Poláci

Nesnilo se asi panu Záblockému o tom, že páchaje zločin, stal se původem historické události. Výstřel, který on rozkázal, probudil mnohých; prozradil zjevně, jaké to zvířecí choutky peleší a líhnou se dosavád v zákoutích zimního paláce, a jaké instrukce dávají se polopitomým a polotatarským místodržitelům i »baskakům.«

Však není to vše, co dokázal cárský ten vražedník. On zjevil zároveň, že jich doba již minula, že ruský důstojník přestal již býti otrokem, pouhým knutem a bodákem v rukou Záblockých a jemu podobných neřádů, jenž krví nevinných obětí vysluhuji sobě vyšších úřadů. Jediný z nich zamýtaje vyplnit vražedlného rozkazu, vykoupil čest celého Ruska. Jemu to měl by patřiti kříž sv. Jiříka, jenž na posměch veřejného mínění a s nevážením zřejmých ustanovení řádu samého, hodili na krk ex-králi neapolskému, ne snad za dobytí ale za vzdání pevnosti.

МАЙСКИЙ НОМЕР ГАЗЕТЫ ФРИЧА «ČECH» за 1861 г. ЗДЕСЬ ПОМЕЩЕНЫ ПЕРЕВОДЫ СТАТЕЙ ГЕРЦЕНА «VIVAT POLONIA!», «10 АПРЕЛЯ 1861 И УБИЙСТВА В ВАРШАВЕ» И «MATER DOLOROSA»

Страница первая (неполная)

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Исключительно высоко ценил Фрич отношение Герцена к польскому вопросу. В статьях, посвященных Польше, борьбе польского народа против царского гнета, Фрич исходил из герценовской постановки вопроса, из его революционно-демократической программы. Перепечатывая из «Колокола» или подробно излагая основные статьи Герцена по польскому вопросу, Фрич ставил целью ознакомить с ними чешского читателя и тем самым вызвать или усилить в нем сочувствие к героической борьбе польского народа. Так, в первом номере газеты «Čech» приведена статья из «Колокола» (л. 85 от 15 ноября 1860 г.), в которой «Герцен,— по выражению Фрича,— дал волю своему остроумию» (т а м ж е, стр. 134), зло высмеивая так называемый варшавский съезд трех царствующих особ (русского царя, австрийского императора и прусского регента), ставивший своей задачей противодействовать росту национально-освободительного движения угнетенных народов. А когда пять месяцев спустя в той же Варшаве царские войска расстреляли мирную демонстрацию безоружных граждан, Фрич вслед за Герценом поднял свой гневный голос протеста против этой кровавой рас-

правы. В статье «Vivat Mater Dolorosa!», помещенной в майском номере газеты «Чех» за 1861 г., Фрич писал:

«Варшавские события мы считаем слишком известными, чтобы еще раз описывать их. Важнее для нас, по примеру первого русского патриота Герцена, яснее разобраться в отношениях двух славянских, до сих пор слепо враждующих между собою народов». И далее Фрич почти полностью привел статьи Герцена «Vivat Polonia!» («Колокол», л. 94 от 15 марта 1861 г.), «10 апреля 1861 и убийства в Варшаве» (л. 96 от 15 апреля 1861 г.) и «Mater Dolorosa» (л. 97 от 1 мая 1861 г.), в которых рассказывается о зверствах царских войск в Польше и о благородных поступках отдельных русских офицеров-патриотов, отказавшихся стрелять по безоружной толпе (т а м ж е, стр. 158—166).

В своей статье «Братание поляков с русскими», излагающей программное письмо Центрального национального комитета в Варшаве (от 20 августа 1862 г.), напечатанное в л. 146 * «Колокола», Фрич приводит заключительные слова Герцена: «Тот русский, который и на этих основаниях не подаст руки дружбы полякам, тот не любит свободы!», и тотчас же добавляет: «Так должно говорить славянское сердце!» (т а м ж е, стр. 280).

Деятельность Герцена служила для Фрича наглядным выражением той помощи, которую революционная Россия оказывала революционной Польше. На эту помощь Фрич возлагал большие надежды, считая, что успешная освободительная борьба польского народа против царского самодержавия, особенно если она будет поддержана крестьянским восстанием в России, окажет неоценимую услугу освободительной борьбе других славянских народов, в частности, явится залогом грядущего освобождения и чешского народа.

«Герцен обещает наверняка восстание в России. Во всяком случае, там будут волнения»,—писал Фрич в одном из своих писем 6 марта 1863 г. (цит. по журналу: «Praha—Moskva», 1953, č. 10, str. 81).

Это утверждение Фрича несомненно эмоционально преувеличено, выражено слишком категорически. Обещать восстание «наверняка» Герцен, разумеется, не мог. Он знал, что подготовка восстания в России, намечавшегося «Землей и Волей» на весну 1863 года, происходила в условиях спада революционной волны и демократически-оппозиционного движения. Преждевременное развитие событий в Польше еще больше затрудняло подготовку восстания. Тем не менее героическая борьба поляков все же позволила ему и в этих трудных условиях сохранить надежду на усиление революционной активности в России, на то, что русское освободительное движение соединится с польским восстанием, и он считал своим долгом внушать эту надежду другим.

В письме к В. И. Касаткину от 27 марта 1863 г. Герцен писал: «Революция не только не погасла, но увеличилась ⟨...⟩, наши труды не пропадут даром». Отметив, что «вести из России благоприятны», Герцен призывал «поддерживать польскую революцию, чтобы, в свою очередь, они нас поддержали. С весною это примет настоящие размеры» (XVI, 149—150).

Из этих слов видно, что Герцен действительно высказывался в духе приведенного выше утверждения Фрича. Однако высказывался он так лишь в письмах или в частных беседах. В печатных же выступлениях Герцена мы подобных высказываний не встречаем. Отсюда можно заключить, что Герцен либо говорил это Фричу непосредственно при встрече, либо, что более вероятно, Фричу об этом сообщил кто-нибудь из близких к Герцену людей — Бакунин, Хоецкий, с которыми Фрич дружил, или же сын Герцена, с которым Фрич также встречался. В этой связи не лишен интереса отчет III Отделения за 1863 г., в котором, среди сведений о деятельных сношениях русских эмигрантов с революционерами из западнославянских земель, упоминается, что «в секретном собрании у Хоецкого (Charles Edmond), бывшем в половине марта, участвовали Герцен-сын и чех Фрич» (ЦГИАМ, ф. 109, оп. 85, ед. хр. 28, лл. 335 об.— 336).

---

* Фрич ошибочно указывает л. 115.

Жестокое подавление польского восстания, утрата надежды на восстание в России, дикий вой и свистопляска, поднятые «всей оравой русских либералов», всем «образованным обществом» на пепелищах Польши, вызвали у Фрича, как и у Герцена, глубокую скорбь, развеяли его веру в то, что русская интеллигенция займет такую позицию, которая «... в освобождении Польши усматривала бы благотворный для всего славянства акт», позицию, с которой «благородный русский патриот Александр Герцен» провозглашал: «В свободе Польши — свобода России!». «Год тому назад,— писал Фрич,— автор этих строк верил в победу свободомыслящей партии в России, в победу идей Герцена 〈...〉 К сожалению 〈...〉 и мы и Герцен ужасно ошиблись 〈...〉 Чтобы в этом убедиться, достаточно взять в руки какой-нибудь номер „Колокола" и прочесть скорбные статьи Герцена, мечущие громы проклятий на журналистику, деморализованную на царской службе, на студенчество и профессоров русских университетов», на всех тех, кто «борьбу за свободу, в которой погибают Падлевские и Сераковские, встречает глумлением, диким, пьяным рукоплесканием». (J. V. Frič. Spisy, I, str. 484—485). Для примера Фрич перепечатывает две статьи Герцена из «Колокола»— «Плач» и «Бедное русское имя» (там же, стр. 486—490).

На фоне всеобщей деморализации русской либеральной интеллигенции выступления Герцена в польском вопросе предстали перед Фричем особенно ярко. Он видел в них акт высочайшего гражданского мужества. «Мы,— писал он,— не перестанем считать Герцена самым бескорыстным и самым прекрасным образцом того патриотизма, который делает честь любому народу и когда-нибудь, когда его идеи победят, смоет пятно, которое наложила на русский народ его позиция в отношении Польши, разумеется, по вине недостаточного просвещения и царского деспотизма» (там же, стр. 486).

Для пропаганды взглядов Герцена на польский вопрос Фрич, как мы видели, сам переводил и публиковал на страницах печати ряд его статей и высказываний, неоднократно комментируя их.

В этой связи назовем еще статью Фрича «Герцен о Польше», напечатанную в журнале «Pravda» (июль 1863 г.) и представляющую собой монтаж из ряда высказываний Герцена. Во введении к этой статье Фрича мы читаем:

«Так как очень многие у нас ссылаются в польском вопросе на выступления русских журналов и патриотов, мы предоставляем слово самой свободомыслящей русской газете, герценовскому „Колоколу", ибо Герцена, полагаем, никто не может упрекнуть в том, что он враг русского *народа*. Наоборот, общеизвестно, что у русского народа и всех славян нет более искренних друзей, чем Герцен и его партия» (там же, стр. 373).

Подобных статей, излагающих взгляды Герцена на польский вопрос, Фрич печатал немало. Более того, как явствует из другой, уже цитированной выше статьи под названием «Позиция Герцена в польском вопросе», Фрич, видимо, намеревался издать на чешском языке целый сборник статей Герцена и других представителей русской эмиграции.

«Я считаю,— писал он,— что не будет некстати для чешского общества услышать голос независимой горсточки людей, эмигрировавших из царского „рая", людей, которых мы единственно признаем настоящими нашими братьями в смысле человечности, в смысле стремления к свободе, людей, в которых мы усматриваем настоящих славян 〈...〉 Пусть ряд статей Герцена покажет, как *русское* перо защищает *Польшу*, как следует защищать правду и справедливость...» (там же, стр. 485, 486).

Эти статьи «покажут, хотя бы, например, редакции газеты „Národní listy", с кем она должна идти, кого защищать, Герцена ли и Бакунина, свободомыслящих русских, или „День" и „Московские ведомости", так как она, видимо, находится еще в нерешительности». И Фрич приводит случай, когда в одной статье упомянутая чешская либеральная газета осыпает бранью царскую журналистику, в частности «День» и «Московские ведомости», и в тот же день, в своем «Критическом приложении» обрушивается на Герцена и других представителей русской эмиграции и восхваляет редактора «Дня» Аксакова, как защитника «настоящей славянской политики» (там же).

«В то самое время,— восклицает Фрич, — когда *подлинные* русские патриоты, какими являются Герцен, Бакунин, требуют освобождения Польши и в нынешней борьбе

стоят на стороне поляков — не омерзительно ли было бы, спрашиваем мы, если бы *какой-либо чех* встал на сторону царя ⟨...⟩ Возможно ли, чтобы кто-нибудь у нас выступал против Польши, в то время, как просвещенные русские (пусть их немного) выступают за нее? Не позорно ли идти вместе с царским официозом „Инвалидом" и с „Московскими ведомостями", с прусским „Kreuzzeitung" и австрийским „Vaterland"? О позор, великий позор!» (т а м ж е, стр. 485).

Таким образом, опираясь на Герцена, Фрич разоблачал позиции чешских либералов в польском вопросе, призывая их преодолеть колебания и половинчатость. «Вместес Герценом,— пишет Фрич,— мы закончим словами, с которыми он обращался к русским: „Братья! Нам нельзя молчать. Будем протестовать"» (т а м ж е, стр. 486).

Благотворное воздействие Герцена на Фрича, как в польском, так и в ряде других вопросов, продолжалось и в последующие годы.

Когда в 1867 г. чешские политические и культурные деятели во главе со старочехами Палацким, Ригером и Браунером отправились в Москву на славянский съезд, созванный с благословения царского правительства, Фрич опубликовал в газете «Národní listy» от 13 сентября 1867 г. «открытое письмо», в котором, вслед за Герценом, выступил против этой инсценированной манифестации «славянской дружбы». Фрич резко осудил фарисейское поведение руководителей чешской делегации, которые, разглагольствуя о славянской взаимности, в то же время провозглашали тосты за здоровье и славу русского царя.

«Открытое письмо» Фрича, его резкие суждения, подкрепленные высказываниями Герцена, всполошили чешских участников съезда, и они обрушились на Фрича и его вдохновителя. «„Колокол" Герцена нам не указ»,— заявлял Ф. Браунер в газете «Národní listy».—«В России мы сами убедились в ином, и так как на привидение вообще хорошо смотреть с близкого расстояния, мы пожелали бы гг. Фричу и Герцену, чтоб они побывали там вместе с нами и увидели⟨...⟩, что после периода застоя там наступила эра прогресса...» (цит. по книгам: J. J i r á s e k. Rusko a my, III. Praha, 1946, str. 19; «J. V. Frič a demokratické proudy...», str. 149).

В самых оскорбительных выражениях порицал Фрича и Герцена «русофильский» журнал «Posel z Prahy». «Опасным симптомом патологического состояния господина Фрича является то, что он называет Герцена „свободомыслящим славянином" и „честным русским человеком"», —заявлял журнал, угрожая при этом, что «если г. Фрич будет занимать в отношении чехов такую же позицию, как Герцен в отношении русских, то он должен быть готов к тому, что получит подобную же услугу за услугу» (цит. по кн: «J. V. Frič a demokratické proudy...», str. 36).

В ответ на выступления консервативной печати Фрич выпустил брошюру «Rub a lic té slovanské výpravy na Rus» (Praha, 1867), в которой, приводя многочисленные отзывы русской печати, еще раз вскрыл подлинное назначение этого «карнавального маскарада». Фрич привел в брошюре полный текст статьи Герцена «Мазурка», где иронически комментировалось это заигрывание со славянами и на примере судьбы Польши была разоблачена подлинная сущность «славянской» политики царизма. Из идейной позиции Герцена по коренным вопросам славянской политики Фрич исходил и в следующей своей брошюре «Buď jasno mezi námi!» (Praha, 1868), в которой он развил и углубил свои собственные взгляды, высказанные ранее в «Открытом письме».

Близость взглядов Герцена и Фрича можно проследить и на ряде других материалов, например, на статьях Фрича, напечатанных в его журнале «Blanik» (выходил в Берлине в 1868 г.). Так, в статье «Конгресс лиги мира и свободы» он солидаризировался с позицией Герцена по отношению к конгрессу и изложил статью по этому вопросу, опубликованную в «Колоколе». В другой статье под названием «Да здравствует Украина» Фрич снова возвратился к славянскому съезду 1867 г. и к высказываниям Герцена о нем. В третьей статье он перепечатал со своими комментариями статью Герцена «Мания доносов», и т. д.

Из сказанного видно, насколько значительное место занимает Герцен в публицистической и издательской работе Фрича, ставшего с 1848 г. одним из ведущих деятелей общественной, политической и литературной жизни Чехии. Личность Герцена в пятидесятых-шестидесятых годах явилась для него вдохновляющим приме-

ром; ее влияние на Фрича несомненно. Герцен помог Фричу глубже узнать Россию, точнее определить свою позицию в славянском вопросе, в частности в вопросе о Польше и польском восстании 1863 г. Фрич же, со своей стороны, явился страстным пропагандистом Герцена в Чехии, где его имя стало близким и дорогим многим поколениям чешского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Русский археолог Иван Матвеевич Мартынов в письме из Парижа от 28 сентября 1857 г. писал в Прагу Вячеславу Ганке: «Издания лондонские расходятся нарасхват. Все русское вообще, кажется, теперь в моде. Недавно вышла 3-я тетрадь „Голосов из родины“ ‹„Голосов из России“.— *Ш. Б.*›, 2-й лист „Колокола“ и маленькая поэма (Огарева) под названием „Юмор“. Я посылаю ее вам завтра, по почте, и я уверен, что она будет по нутру» («Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель». Издал В. А. Францев. Варшава, 1905, стр. 686).

[2] По материалам Пражского полицейского управления в 186 гостиниц, ресторанов и кофеен Праги за 1858 г. поступило 73 периодических издания, из которых 40 выходило в Австрии, а остальные 33 выписывались из Германии, Франции, Англии и других стран (см. F. Roubík. Časopisectvo v Čechách v letech 1848—1862. Praha, 1932, str. 92—93, 114—115).

[3] Чешский писатель-демократ Ян Неруда, живший в 1863 г. в Париже, писал в одном из очерков: «На бульваре Монмартр есть читальня, которую еще до нынешней революции ‹т. е. до польского восстания 1863 г.— *Ш. Б.*› посещало много поляков. Как только я вошел в эту читальню и взял в руки польские журналы, ко мне подошла приветливая и улыбающаяся старушка, седой „genius loci“, и протянула самые последние номера „Часа“ и „Колокола“...» («Dílo Jana Nerudy», III, Praha, 1923, str. 38—39).

[4] Так, в начале 1860 г., в Праге проездом из Лондона на родину несколько недель жил в качестве представителя польских революционеров Александр Яблоновский (впоследствии видный польский буржуазный историк), который, как пишет В. Жачек, «много рассказывал о Герцене и его планах» (см. «J. V. Frič a demokratické proudy v české politice a kultuře», Praha, 1956, str. 214).

[5] Чешские комментаторы этой статьи связывают ее с именем революционера-эмигранта И.-В. Фрича (подробнее о связях Герцена и Фрича см. ниже), в корреспонденции которого имеется упоминание о подобной статье (см. «Čeští radikální demokraté o literatuře», str. 284).

[6] Вавра мог знать внешность Герцена только по фотографиям, вероятнее всего по фотографии Левицкого 1861 г., которая, как известно, широко продавалась в пользу польского фонда. Распространялась она, видимо, и в Чехии. В 1862 г. чешский журнал «Lada» информировал своих читателей, что в пражских магазинах можно купить фотографию Герцена (см. «Čeští radikální demokraté o literatuře», str. 284).

[7] В упомянутой статье И. Зумра среди деятелей, связанных с Герценом, назван журналист А.-В. Страка (умер в 1872 г.) — приятель Бакунина, участвовавший с ним в майских событиях 1849 г. Приговоренный австрийским судом к смертной казни, Страка бежал в Лондон, где принял английское гражданство (см. «J. V. Frič a demokratické proudy...», str. 122). Здесь же в числе знакомых Герцена указан чешский пианист и профессор женевской консерватории Франтишек Прокеш, обучавший детей Герцена во второй половине 60-х гг. Отметим еще чешского литератора Иозефа Барака (1833—1883), который, по утверждению другого историка, Вацлава Жачека, находился с Герценом в переписке (V. Žáček. Ohlas polského povstání r. 1863 v Čechách. Praha, 1935, str. 153).

[8] Подробно о Фриче и его деятельности см. упомянутый выше сборник «J. V. Frič a demokratické proudy...», в частности, статью Карела Косика, открывающую сборник: «Иозеф Вацлав Фрич — чешский буржуазный демократ», в которой содержится анализ мировоззрения Фрича.

[9] Отметим, что единственное беглое упоминание Герцена о Фриче в «Былом и думах» характеризует его как человека из окружения Бакунина (см. XIV, 428). В дальнейшем Фрич, как явствует из его писем и воспоминаний, пересматривает свое отношение к Бакунину (хотя и не порывает с ним), осуждает его анархизм, которым он «оттолкнул от себя не только Тургенева, но и своих самых близких друзей — Герцена и Огарева» (J. V. Frič. Paměti, IV, str. 163).— См. также письмо Фрича от середины октября 1862 г. в кн.: «J. V. Frič v dopisech a denících», str. 131).

[10] Название альманаха должно было, по мысли Фрича, символизировать возрождение чешской поэзии и искусства. *Лада* (мифол.) — богиня юности, любви и плодородия; *Ниола* — ее мать.

[11] Об этом Фрич также писал отцу из ссылки (письмо от 16 декабря 1858 г.): «Что она ‹т. е. пражская полиция.— *Ш. Б.*›, собственно говоря, ищет, я не знаю. В газетах писали, что она ищет „Колокол“ Герцена, лондонский журнал, которого я никогда не видел» («J. V. Frič v dopisech a denících», str. 94).

[12] О письме Чермака мы уже говорили выше, на стр. 784. Что же касается рекомендации Телеки, то о ней сохранилась следующая дневниковая запись Фрича, датированная 29 апреля 1859 г.: «Последний день в Париже! Был у Телеки <...> Получил от Т. письмо к Искандеру...» (Прага, Литературный архив Национального музея, фонд И.-В. Фрича. Подлинник на чешском языке).

[13] Подразумевается, по-видимому, брошюра Герцена о Станиславе Ворцеле, вышедшая в Лондоне в 1857 г. (VIII, 497—507).

[14] Печатается по журналу «Praha — Moskva», 1953, č. 10, str. 78, где опубликовано факсимильно. Подлинник хранится в Литературном архиве Национального музея в Праге. Вместе с этим письмом Фрич, как отмечено в его дневнике, получил от Герцена и свою статью (см. J. V. Frič. Spisy, I, str. 561).

[15] Фрич письменно обращался к Кошуту дважды — 22 и 28 мая 1859 г. 3 июня Кошут ему ответил, а 5 июня они встретились и обсуждали некоторые интересовавшие их вопросы. Окончание войны разрушило их надежды, связанные с поражением Австрии. 15 июня они встретились вновь (даты этих писем и встреч указаны В. Жачеком. См. «Česko-polský sborník vědeckých prací», I, str. 437). Однако их переговоры ни тогда, ни позднее (осенью 1859 г.) не дали результатов, видимо, по той же причине, которая помешала сближению Фрича с Герценом. Об этом свидетельствует сохранившийся черновой вариант письма Фрича к Кошуту (1860), в котором снова содержалось предложение объединить «взаимные интересы» чехов и венгров. Касаясь сомнений, ранее, видимо, высказанных по этому поводу Кошутом, Фрич писал: «Решения, которые я с чистой совестью приму за границей, будут признаны и на родине. <...> В большей или меньшей степени я весь этот год оказывал влияние на события, происходившие в Праге» (цит. по книге: «J. V. Frič a demokratické proudy...», str. 156).

[16] См. V. Žáček. Ohlas polského povstání r. 1863 v Čechách. Praha, 1935, str. 136; статью того же автора в кн.: «Česko-polský sborník vědeckých prací. Praha, 1955, str. 435—436. Подробную информацию полиция получала от одного из своих агентов в Праге, который пользовался доверием семьи Фрича и многое узнавал о нем как из его собственных писем к родным, так и из рассказов его младшего брата Вацлава, вернувшегося в апреле 1860 г. из Лондона.

[17] Так, расхождения между Герценом и Фричем и отъезд последнего из Лондона объясняются в полицейских документах тем, что Герцен якобы вообще недооценивал малые славянские народы, в особенности чехов. Ясно, что это утверждение не имеет ничего общего с действительностью и опровергается всей деятельностью Герцена. Его многочисленные высказывания и статьи говорят о глубоком сочувствии к малым славянским народам и о столь же глубокой ненависти к их поработителям. Что касается чешского народа, то достаточно назвать упомянутую выше статью Герцена «Война» (X, 5). Вызывает поэтому удивление, что чешский историк В. Жачек в одной из своих ранних работ не только не опроверг это утверждение полицейского агента, но даже пытался подкрепить его ссылкой на самого Герцена.

«Свое отрицательное отношение к чехам,— писал он,— Герцен сохранил и в последующие годы. Когда он в 1868 г. был приглашен в Прагу на торжественную закладку фундамента Национального театра, то отказался от участия, потому что не пожелал встретиться с приглашенными представителями самодержавной России. В этой связи он в специальной статье „Les Tchèques étonnent aussi par leur ingratitude“ („Чехи удивляют также своей неблагодарностью“) упрекал чехов в ненужном сервилизме. Он с горечью упрекнул их в том, что они не пригласили Бакунина, который стоял у колыбели тогдашнего чешского движения» (V. Žáček. Ohlas polského povstání r. 1863 v Čechách, str. 137).

Достаточно обратиться к названной статье, чтобы стало ясно, что Герцен резко отзывался в ней не о чехах вообще, а лишь о чешских буржуазных деятелях, проявивших рабскую угодливость перед царскими чиновниками и не пославших приглашения Бакунину, который, по убеждению Герцена, был «более достоин его, чем вся шайка профессоров, литераторов и краснобаев, поименованных в списке приглашенных» (XX, 370). Таких реакционных чехов-славянофилов, пресмыкавшихся перед царизмом, Герцен разоблачал и в других своих статьях (см., например, XXI, 45).

Впрочем, эту ошибку Жачека можно объяснить тем, что ему, видимо, не были доступны сочинения самого Герцена и цитировать приходилось по другому источнику (по книге: J. Jirásek, Rusko a my. Praha, 1929, str. 192—193), а также тем, что до недавнего времени не были известны такие важные материалы, как письма и дневники Фрича и ряд других документов.

[18] Этого принципа Герцен придерживался и в последующие годы. «Герцен говорит, что у них нет времени смотреть по сторонам, что мы должны сами себе помочь, как они себе помогли»,— писал Фрич своему брату Вацлаву 28 июля 1862 г., отмечая при этом, что «русские социалисты — только русские», имеющие «слишком много своих собственных дел» (цит. по книге: V. Žáček. Ohlas polského povstání r. 1863 v Čechách, str. 142).

[19] Осторожность Герцена по отношению к малознакомому человеку объясняется в значительной мере тем, что в его дом, под видом сочувствующих его деятельности людей, неоднократно засылались агенты-провокаторы.

[20] Подлинник хранится в Праге, в Литературном архиве Национального музея (фонд И.-В. Фрича). Публикуется по микрофильму. Чешские исследователи (см., например, статью И. Зумра в сб. «J. V. Frič a demokratické proudy...», str. 121), упоминая об этом письме, датируют его 1861 годом, исходя при этом, очевидно, из карандашной надписи, сделанной кем-то на полях письма. Между тем, на обороте письма указана другая дата — «⟨18⟩59 г.», что и соответствует действительности. Это подтверждается адресом, указанным в письме самим Герценом: Park house, Fulham, где, как известно, Герцен жил в декабре 1859 г.

[21] Автограф этого письма хранится в Литературном архиве Национального музея в Праге (фонд И.-В. Фрича). На автографе надпись рукою Фрича на чешском языке: «Мое письмо к Герцену из Парижа, когда Юрьев не ответил относительно Погодина в Москве». Вместо «1860 г.» Фрич ошибочно указал «1861 г.». В чешском переводе письмо впервые опубликовано в сборнике «Čeští radikální demokraté», Praha, 1953, str. 333—334.

[22] В своей записной книжке 1860—1862 гг. Фрич отметил, что потерял бумажник, в котором находилось «письмо от Герцена» (см. «J. V. Frič a demokratické proudy...», str. 121). Возможно, что речь здесь шла именно об этом письме.

[23] Фрич скрывал свое имя, издавая газету от лица Круликовского, чем вызвал недовольство своих чешских друзей. «Почему ваш „Чех" появился на свет без указания имени настоящего отца своего?⟨...⟩— писал Фричу один их них.— Вы думаете, что Мечери ⟨австрийский министр полиции — *Ш. Б.*⟩ не знает, кто такой Круликовский? Герцен так не поступал — и хорошо делал. Ваше имя имеет вес и пользуется уважением — и прямая дорога всегда самая короткая. Хорошо было бы, если бы ваш „Чех" являлся и нашим „Колоколом", возвещающим воскрешение нашему народу, народу, которому — слышите ли? — со всех сторон звонят за упокой» (письмо к Фричу от 16 марта 1861 г. Цит. по книге: «Česko-polský sborník vědeckých prací», I, str. 450).

[24] Подлинник письма хранится в Литературном архиве Национального музея в Праге. Печатается по микрофильму.

[25] Об этом говорит, например, статья Фрича о пребывании Герцена в Париже, датированная 15 июля 1861 г. и опубликованная спустя несколько дней (20 июля) в пражской газете «Čas». Статья Фрича дает представление об атмосфере, окружавшей Герцена в дни его пребывания в Париже, и уточняет дату его отъезда из столицы Франции (в летописи Лемке эта дата отсутствует). Приводим текст этой статьи полностью:

«Париж, 15 июля. Герцен покинул Париж еще 9 сего месяца. Бедняга здесь не отдохнул. С утра до ночи мучимый гостями, он к тому же был окружен дюжиной родственников, которые вдруг у него объявились. Не было ни одного русского, проживающего в Париже, который не посетил бы его, в том числе и его заклятые враги; две трети из них, разумеется, лишь отнимали у него кто полчаса, а кто и целый час ради только того, чтобы сказать: „Я его видел, разговаривал с ним, пожимал ему руку, он сказал мне то-то и то-то очень остроумное". Это проклятье всех знаменитых людей — не иметь и свободной минуты для себя самого. С какими делами к нему назойливо приставали, вам лучше всего покажет содержание двух писем, которые я сам читал. Первое письмо поступило по почте, и в нем содержалась просьба оказать протекцию молодому русскому, который превосходно поет и заслуживает того, чтобы устроить сбор в его пользу и этим дать ему возможность обучаться в Париже. Другое письмо собственноручно доставила довольно красивая, несколько меланхоличная дама; оно было от ее маменьки, просившей Герцена помирить бедняжку с женихом — дальним его родственником, который бог весть по каким причинам сбежал перед самой свадьбой неведомо куда.

Так это продолжалось изо дня в день — и когда он, приглашенный за город, уезжал из Парижа, то, возвратившись, непременно находил целые горы писем, бумаг, а среди них и важные статьи для „Колокола", нередко от неизвестных лиц, присланные просто через служащих. В этом отношении поездка в Париж принесла ему богатые трофеи. Вам, может быть, интересно будет узнать, что единственный уже взрослый сын его находится в настоящее время вместе со своим знаменитым воспитателем и учителем Фогтом где-то в Норвегии с арктической экспедицией».

Статья напечатана без подписи, но авторство Фрича подтверждается следующей его записью в дневнике: «Он ⟨Герцен.— *Ш. Б.*⟩ читал мне письмо относительно певца и затем дамы, покинутой женихом» (цит. по книге: «Česko-polský sborník vědeckých prací», I, str. 497).

[26] Интересную разработку вопроса о влиянии Герцена на Фрича, хотя и не лишенную отдельных спорных положений, дает упомянутый выше чешский исследователь И. Зумр в статье: «Čeští radikální demokrati a A. I. Gercen», опубликованной в сб. «J. V. Frič a demokratické proudy...», str. 113—150.

[27] Фрич, как отмечала в своем дневнике 12 сентября 1860 г. его жена, «читал „С того берега" по-русски» (J. V. Frič. Spisy, I, str. 580).

ВЛИЯНИЕ ГЕРЦЕНА В РУМЫНИИ

1860-е гг.

Статья Георге Хаупта (Gh. Haupt)
(Бухарест)

Настоящая статья имеет целью сообщить некотсрые сведения о распространении в 1860-х годах в Румынии влияния революционной пропаганды Герцена. Эти сведения представляют на наш взгляд интерес не только для изучения революционного движения в Румынии, исторически связанной с Россией многовековыми отношениями, но и для истории русского революционного движения. Приводимые ниже факты заслуживают тем большего внимания, что до самого последнего времени они не изучались и в научной литературе о них не упоминалось.

С самого начала деятельности созданной Герценом Вольной русской типографии дунайские княжества стали одним из основных путей, по которому переправлялась в Россию издававшаяся в Лондоне революционная литература. Этому способствовало не только географическое расположение княжеств, но и тот существенный факт, что там, на местах, появились люди, которые принимали в этом участие. Вскоре после создания Вольной русской типографии, 3 марта 1853 г., Герцен извещал М. К. Рейхель, принимавшую близкое участие в транспортировке его изданий, что «литературные посылки идут преправильно в Одессу, в Малороссию и оттуда» (VII, 191). Они шли через Константинополь и Молдавию. А 9 июля 1853 г. он сообщает той же корреспондентке, что хочет «послать маленькие листочки в Молдашию. Это легче, нежели вам послать» (VII, 247).

Герцен переправлял эти издания при посредстве румынских деятелей, входивших в «Центральный демократический европейский комитет», вместе с тем у него, очевидно, была налажена и непосредственная связь с жителями Молдавии и Валахии. Недаром в письме от 9 июня 1853 г. он писал М. К. Рейхель: «А если война откроется ⟨...⟩ молдоване и валахи с восторгом будут раздавать русские книги» (VII, 238), то есть революционные русские издания.

Кто же были эти румынские деятели, с которыми у Герцена установилась связь? По всей вероятности, они принадлежали к тем румынским эмигрантам, которые после поражения революции 1848 г. вынуждены были уехать за границу и поселились в Париже, где в то время находился и Герцен. В обширной переписке Герцена и в его сочинениях почти полностью отсутствуют упоминания о знакомствах с румынскими эмигрантами. Лишь один раз в «Былом и думах», рассказывая о Центральном демократическом европейском комитете и его работе в 1852 г., Герцен называет бывшего министра революционного правительства 1848 г. в Валахии Д. Братиану (см. XIV, 281)[1]. Указание на Братиану встречается и в письме Герцена к В. Линтону от 20 декабря 1853 г. (не опубликовано — фотокопия письма находится в распоряжении редакции «Лит. наследства»).

Однако из других источников мы узнаем, что Герцен был знаком не только с с Д. Братиану, но и с другими участниками революции в Валахии. Так, в 1870 г. консервативная румынская газета «Pressa»[2], ведя травлю румынского политического деятеля К. А. Росетти и обвиняя его в организации республиканского заговора, приводила выдержку из статьи немецкого писателя и журналиста Густава Раша (1825—?), опубликованной в немецкой газете «Der Hausfreund» (январь 1870 г., № 10), издававшейся в Берлине. «Через несколько дней после своего приезда в Бухарест,— писал в этой

статье Г. Раш, — я пошел к Росетти, с которым познакомился в Париже в доме А. И. Герцена, в то время когда мы оба находились в эмиграции во Франции. Росетти получил подготовку конспиратора и агитатора в Парижской высшей школе» — добавляет Раш, подразумевая, очевидно, Герцена. Такая характеристика Росетти разумеется преувеличена и тенденциозна[3]. Однако свидетельству Раша о том, что Росетти был знаком с Герценом можно верить. Сам Раш познакомился с Герценом в 1848 г. через Гервега, бывал у Герцена и очень ценил знакомство с ним. Раш присутствовал на похоронах Герцена (см. XXI, 559) и опубликовал в «Neue freie Presse» (27 января 1870 г., № 1944) статью, посвященную его памяти. В этой статье автор тепло отзывается о Герцене и рассказывает о помощи, которую тот оказывал революционной эмиграции в Париже в 1849 г. «Его ⟨Герцена⟩ дом,— пишет Раш,— служил сборищем для изгнанников самых различных национальностей; тут встречались немцы и итальянцы, поляки и румыны, венгры и сербы; каждый день в доме Герцена накрывались на стол двадцать приборов для эмигрантов ⟨...⟩ Каждое из таких лиц в доме Герцена встречало радушный прием». Перечисляя в статье посетителей дома Герцена, Раш упоминает и здесь Росетти — «румынского министра» (V, 269—270).

Имеются и другие данные, говорящие о связи Росетти с Герценом. В ноябре 1851 г. русский поверенный в делах в Париже Н. Д. Киселев в секретной записке сообщал, что Герцен пересылает свои революционные брошюры в Россию и через румынских эмигрантов. «Славянская партия казалась менее обескураженной ⟨чем партия Чарторыйского.— *Г. Х.*⟩ и хотела действовать на население подпольными листками. Именно в княжествах Валахии и Молдавии, так же как и в южных провинциях империи, она пыталась распространять памфлеты»,— докладывал Киселев. Далее он писал: «Герцен, Головин в Ницце, К. Залесский в Брюсселе, Росетти, Э. Радулеску и Киш в Лондоне являются руководителями этой партии. Книги проникают либо: 1) через Кенигсберг, где некий Раусмиц служит в качестве посредника Залесского из Бржелла, 2) либо через Бухарест, где некий Палади (граф) имеет связи с Росетти, автором нескольких работ на румынском языке, наконец, либо 3) через Марсель и Константинополь» [4].

Знакомство с Герценом, по-видимому, оказало влияние на Росетти в тот период его деятельности. Надо думать, что, именно под впечатлением встреч с Герценом он написал в 1852 г. в Париже книгу о России, в которой обличал царское правительство и выражал сочувствие русскому народу, страдавшему под жестоким политическим и экономическим гнетом самодержавно-крепостнического строя [5]. Росетти в этой книге упоминал и о существовании революционной России. В качестве эпиграфа к книге он привел слова Пестеля и сообщил интересные сведения о сочувствии некоторых русских офицеров венгерской революции 1849 г.

С работами Герцена, а возможно и лично с Герценом, многие румынские революционные эмигранты, находившиеся тогда в Париже, в том числе и выдающийся румынский революционный демократ Н. Бэлческу, познакомились через французского историка Ж. Мишле.

Между Мишле и румынскими эмигрантами уже с 1848 г. установилась тесная, можно сказать дружеская связь [6]. Французский историк, сочувствовавший польскому, итальянскому и румынскому освободительному движению, сразу же после поражения революции 1848 г. начал работать над книгой «Демократические легенды». В сборе материалов для этого труда ему помогали и некоторые румынские эмигранты. Тогда же, в период работы над «Демократическими легендами», летом 1851 г., состоялось знакомство Мишле с Герценом.

Мишле полюбил Герцена и стал его большим почитателем. «...Пока в Европе есть еще такие люди, ни в чем еще не нужно отчаиваться»,— писал Мишле о Герцене в 1852 г. (VI, 675). Широко рекомендуя работы Герцена, он, естественно, рекомендовал их также и своим румынским знакомым. В то же время из названной выше книги Мишле, вышедшей в свет в 1851 г. и подвергшейся, как известно, критике со стороны Герцена в статье «Русский народ и социализм», и сам Герцен и другие передовые русские люди черпали сведения о Румынии. Из нее же они должны были узнать о Н. Бэлческу, о котором Мишле отзывался с большим уважением.

Но был ли Н. Бэлческу знаком с Герценом и его сочинениями? Вопрос этот еще не исследован и остается открытым. Все же в нашем распоряжении имеются ценные документальные материалы, позволяющие внести в него некоторую ясность [7].

Н. Бэлческу был твердо убежден, что румынский народ может избавиться от гнета лишь путем борьбы в союзе с другими угнетенными народами. До своего приезда в Париж в 1849 г., после подавления революции в Валахии, он не знал о восстании декабристов, не слышал о Герцене и был склонен отождествлять николаевскую Россию со всей Россией в целом. В этот период он стремился создать боевой союз румын, венгров и «демократических славянских народов», подразумевая под последними лишь поляков, сербов и болгар и даже не упоминая о русском народе. Взгляды его изменились, когда в Париже он узнал о существовании русских революционеров и познакомился со статьями Герцена в газете «Voix du Peuple», за которой, по дошедшим до нас сведениям, он внимательно следил. В начале 1850 г., находясь в Лондоне, Бэлческу стремился создать тайную революционную организацию восточноевропейских народов. В отличие от прежних его планов, в эту организацию должен был входить и представитель России. В одном из писем (26 января 1850 г.) Бэлческу сообщал, что они «создали в Лондоне комитет, в который войдет по три представителя от семи наций — румын, венгров, поляков, русских, чехов, турок и южных славян» [8].

Комитет ставил себе задачей оказывать взаимную помощь и поддержку освободительному движению этих народов, их стремлению революционным путем установить свободную конфедерацию.

Бэлческу подчеркивал, что комитет является тайным. «Идею нужно пропагандировать, но существование комитета и имена его членов должны оставаться в тайне»— пишет он. Этой конспиративностью объясняется, по всей вероятности, то, что о деятельности комитета, кроме сказанного в цитированном письме, мы не находим никаких сведений. По сообщению Бэлческу, в комитет вошли: от румын — он сам, от венгров Клапка, Телеки, Пульский, два польских представителя и, наконец, от России Головин[9].

Как и многие другие современники, Бэлческу был введен в заблуждение малосодержательными, но направленными против ненавистного Николая I, книгами Головина и принял всерьез его крикливые «революционные» заявления. Головин в 1849—1850 гг. сумел создать о себе в эмигрантских кругах мнение, как о человеке, близком к Герцену[10]. Основанием для этого послужило не только то обстоятельство, что в это время они встречались и переписывались: именно в эти годы, несмотря на отрицательное отношение к нему Герцена, имя Головина фигурирует вместе с именем Герцена в нескольких воззваниях. «Все, что он ⟨т. е. Головин.— *Г. Х.*⟩ делает,— думают, что по твоему внушению...»— писала Герцену его жена в 1851 г. (VI, 413).

Этим и объясняется, что Бэлческу считал Головина представителем русского революционного движения и вошел с ним в тесный контакт. Головину было даже поручено издавать газету на французском языке с целью распространения идей секретного комитета [11]. Но из этого ничего не вышло.

По всей вероятности, комитет не приступил к работе, и связь между Бэлческу и Головиным оборвалась. Это, надо думать, и является причиной того, что с середины 1850 г. в переписке румынского революционного демократа мы не находим больше упоминаний о Головине. Сообщил ли Головин Герцену о планах создания восточноевропейского комитета, пытался ли привлечь его к работе в комитете, на этот вопрос мы в настоящее время ответить не можем. Ни из переписки Герцена, ни из других доступных нам источников мы никаких сведений об этом почерпнуть не могли[12].

Однако бесспорным является возникновение после 1848 г. у передовой румынской общественности интереса к революционной России. Из работ Герцена, широко распространенных тогда в Европе, передовые люди Румынии узнали о том, что, помимо официальной России, существует и другая— революционная Россия. Знакомство с этими работами побудило их искать среди русских революционных демократов союзников в борьбе за свободу румынского народа.

В начале 1860-х годов интерес к революционной России в Румынии усилился, в то же время усилилось проникновение в страну русской революционной литературы, издававшейся Герценом.

Нараставшее в конце 1850-х — начале 1860-х годов русское революционное движение привлекло особенно внимание румынской общественности, так как проблема освобождения крестьян и аграрный вопрос стояли в ту пору и в новосозданном Румынском государстве очень остро. Естественно, что в Румынии напряженно следили за событиями в Российской империи. Большинство румынских газет публиковало сообщения о ходе обсуждения в России проекта освобождения крестьян. Газета «Anuntatorul Român» в номере от 3 сентября 1860 г. писала: «Почему бы нам не учесть и не использовать опыт современной России, освобождающей своих крепостных?»[13] Румынские газеты помещали информацию о происходивших в России революционных выступлениях, особенно о студенческих волнениях 1861 г. в Петербурге и Казани, печатали русские прокламации. Так, газета «Românul» в номере от 30 сентября 1861 г. опубликовала одно из воззваний «Великорусса». Другая румынская газета «Concordia», выходившая в Пеште, в номере от 20 октября 1861 г. рассказала, как распространяются в России революционные воззвания. «Летучие листки,— пишет газета, — засыпают петербургскую публику. Они проникают через приоткрытые двери, окна: на дорогах, в театре, в церкви, куда ни пойдешь, не успеешь опомниться, как оказываешься с листком в кармане, неизвестно каким образом там очутившемся. Один листок, озаглавленный „К молодому поколению", призывал к уничтожению императорской семьи и примерно 100 тысяч дворян». В той же статье упоминалось о существовании «тайного общества, называемого „Великорусс"».

В связи с ростом интереса к русскому революционному движению, на страницах румынских газет стали появляться сведения о «Колоколе» и о революционной деятельности Герцена.

Газета «Reforma», издававшаяся участником революции 1848 г. в Валахии И. Г. Валентиняну, публикуя корреспонденцию из Одессы от 3 марта 1860 г. с сообщением об арестах студентов в Киеве и Харькове, писала: «Полагают, что аресты последовали в результате раскрытой переписки студентов с русской газетой „Колокол", печатающейся в Лондоне. Переписка связана с конспиративной деятельностью, ставящей своей целью свержение правительства. Учащаяся молодежь придерживается самых передовых политических взглядов: впрочем, взгляды эти находят сторонников не только среди учащейся молодежи, но и среди представителей всех классов».

Широкие круги румынских читателей могли почерпнуть некоторые сведения о Герцене также из книги кн. П. Долгорукова «La vérité sur la Russie», отрывки из которой печатались в нескольких номерах газеты «Românul» за 1860 год[14].

В румынской прессе перепечатывались также материалы Вольной русской типографии. Например «Românul» от 18 октября (ст. ст.) 1861 г. поместила «Письмо из Лондона русского эмигранта господина Александра Герцена к русскому послу г. барону Бруннову» — «Бруты и Кассии III Отделения»[15]. Газета «Reforma» в № 18 от 13 июня 1863 г. опубликовала, под названием «Свобода», воззвание «Земли и воли», сопроводив его следующим предисловием: «Чтобы дать представление о том, что происходит в России, мы публикуем статью из газеты „Колокол", издаваемой в Лондоне и Брюсселе; автор дает столь же яркое, сколь и страшное описание положения в России»[16].

Другая газета, правда в искаженном виде, излагала содержание опубликованного в «Колоколе» письма к царю «известного писателя Александра Герцена»[17].

Сообщения в румынской периодике 1860-х годов о русском революционном движении, о деятельности Герцена, а также напечатанные там статьи из «Колокола» заимствованы в основном из материалов, изданных на французском языке. Несомненно, что те многочисленные брошюры Герцена, которые на французском и итальянском языках были широко распространены на Западе, нашли читателей и в Румынии. Это особенно относится к французскому изданию «Колокола»— «La Cloche». Оно начало выходить 20 сентября 1862 г. в Брюсселе, и целью ее редактора Фонтена было создать орган передовой русской мысли на французском языке (см. XV, 479). Не случайно поэтому румынская газета «Reforma», перепечатывая вышеуказанное воззвание «Земли и воли», ссылалась на «Колокол», издававшийся «в Лондоне и Брюсселе».

Итак, появление в румынской печати 1860-х гг. откликов на русское революционное движение, информаций о деятельности Герцена и его статей из «Колокола», а также

непосредственное проникновение в Румынию изданий Вольной русской типографии способствовали ознакомлению румынского читателя с идеями русской революционной демократии и распространению этих идей в Румынии. Заметим попутно, что позднее, в 1870-х годах, отклики на русское революционное движение заметно участились. Все более широкие круги румынского общества с сочувствием следят за борьбой русских революционеров. Великий румынский поэт М. Эминеску с глубоким уважением относился к борьбе русских революционеров против царизма и с ненавистью отзывался о самодержавии. «Если бы я жил в России,— писал он в одной из неизданных заметок,— и народ в порыве справедливого гнева заключил бы там своих тиранов в тюрьму, чтобы казнить,— и если у него не нашлось бы тогда палача, я сам стал бы палачом. И кто вменил бы мне это в вину? Кто мог бы сказать, что я не выполнил своего долга?» О горячем сочувствии М. Эминеску борьбе народных масс России против царизма свидетельствует и сохранившийся также в рукописи отрывок повести, озаглавленной «Тома Ноур в сибирских льдах». Писатель мрачными красками изображает царскую тюрьму, в которой томятся борцы за освобождение народа [18].

Несколько отступая от непосредственной нашей темы, укажем также, что если русские события находили отклик в Румынии, то и в России не оставались безучастными к тому, что происходило в Румынии. Центральный вопрос — борьба румынского народа за объединение обоих дунайских княжеств в одно национальное государство,— волновавший румынский народ в середине XIX века, нашел горячий сочувственный отклик у лучших представителей русской революционной мысли. В 1858 г. в двух номерах «Современника» был помещен большой анонимный очерк «Дунайские княжества Молдавия и Валахия». Автор очерка не только обосновывал исторически право румынского народа на объединение, но и утверждал его необходимость для освобождения румынского крестьянства от крепостного права и социально-экономического развития страны [19]. В 1859 г. Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов приветствовали и поддержали это стремление на страницах «Современника» [20], который, как мы видели, еще в 1858 г. высказался открыто в пользу объединения.

В начале 1860-х годов Герцену удалось установить более тесные связи с Румынией. В стране стали распространяться номера «Колокола», а возможно, и другие издания Вольной русской типографии. Пути их проникновения были различными. Литература могла поступать через посредство польских и болгарских эмигрантов, общавшихся с Герценом; ее могли завозить румынские путешественники, возвращавшиеся из поездок в страны Западной Европы, где произведения Герцена и Огарева можно было приобретать на более доступном для румын французском языке. В распространении «Колокола» и других герценовских изданий, несомненно, сыграла роль и деятельность В. И. Кельсиева в Тульче. Поездка В. И. Кельсиева в Константинополь, а затем в Тульчу, расположенную у русской границы, имела целью установить новые связи и новые пути пересылки в Россию «Колокола». Помимо этого, перед В. И. Кельсиевым стояла задача революционной пропаганды среди липован (русских старообрядцев, живших вне пределов России, и в частности, в Румынии) [21].

Небезынтересно отметить, что еще в начале 1862 г., обосновавшиеся в Яссах липоване обратились в редакцию «Общего веча» с просьбой напечатать четыре статьи духовного содержания, направленные против официальной православной церкви. Редакция вступила в переписку с руководителями ясских липован Василием Фоминым и Стефаном Богомолом и начала высылать им экземпляры «Общего веча». Однако это стало вскоре известно царскому консулу, который потребовал от линован прекращения сношений с русскими революционерами в Лондоне [22].

Обращение Кельсиева к липованам не имело успеха. Пробыв в Тульче год с небольшим, Кельсиев уехал оттуда, затем порвал с лагерем революционной демократии, сдался на милость царских властей и, как известно, кончил ренегатством [23]. Но за время пребывания в Тульче он все же успел распространить некоторые лондонские издания Герцена и тем способствовал ознакомлению с его революционной пропагандой.

Кельсиев был известен в определенных румынских кругах и в соседних с Тульчей городах. Сам он в «Исповеди» пишет, что, переселившись в апреле 1865 г. в Галац, завел там много знакомств и получил предложение «быть редактором закладывавшегося

тогда „Journalul din Galati“ [24]. Вполне возможно, что, будучи в Галаце, Кельсиев продолжал распространять издания Вольной русской типографии. Так, 13 декабря 1865 г. Огарев писал ему: «Не похлопочете ли, чтоб в Галаце продать „Молокан“, издан⟨ных⟩ нами в Женеве? Если можете поместить, я вам сто экземпляров пришлю». В ответ Кельсиев просил выслать 25 экземпляров книги и 10 экземпляров «Колокола» [25].

Кроме приведенных фактов, свидетельствующих о знакомстве в Румынии с деятельностью Герцена и указывающих на проникновение в Румынию герценовских изданий, мы располагаем также некоторыми сведениями о непосредственном влиянии, оказанном Герценом на представителей передовой румынской общественности.

«Читатели „Колокола“, вероятно, прочли с сочувствием манифест Кузы об освобождении крестьян,— писал Герцен в заметке „Освобождение крестьян в Молдо-Валахии“, напечатанной в л. 189 „Колокола“ за 1864 г.— Когда закон обсуживался в Бухаресте министрами, вышла брошюра, обсуживающая вопрос поземельного владения, личного и общинного. Брошюру эту мы получили при письме; автор посвятил ее нам. С благодарностью, искренней и братской, принимаем мы этот знак сочувствия к началам, которые мы проповедовали всю жизнь. Вот точное заглавие романской публикации: „Bagari de séma asupra Legei Rurale dedicată Represintantilor Comunei Russe din Londra. Bucureçi, 1864“» * (XVII, 341). Посвящение, о котором говорит Герцен, включено, как видим, в самое ее название. Нам удалось разыскать эту брошюру в Библиотеке Академии Румынской Народной Республики в Бухаресте [26]. На титульном листе книги имя автора не обозначено, не назвал его и Герцен, хотя он должен был его знать, так как получил книгу «при письме» автора. Однако в конце брошюры имеется подпись «Рошковский, собственник ⟨помещик⟩ из малой Румынии»**. Автором брошюры был действительно помещик из Ольтении, бывший капитан русского генерального штаба Михаил Рошковский, известный советским исследователям, как сотрудник «Колокола» [27].

На первой странице брошюры, в виде эпиграфа, приводится основная литература, использованная автором. Здесь наряду с книгами Милля и Гакстгаузена указана книга Огарева 1862 г. «Essai sur la situation russe»*** [28].

Брошюра вышла в свет 24 марта 1864 г. и была отпечатана в типографии Штефана Рассидеску [29], в которой тогда же болгарский демократ Георгий Сава Раковский, при содействии уже упоминавшегося К. А. Росетти, печатал свою болгаро-румынскую газету «Бъдъщность»— «Viitorul» [30]. Брошюра представляет немалый интерес как документ, свидетельствующий о распространении в Румынии идей Герцена и Огарева в такой важный для страны исторический момент, когда вокруг вопросов аграрной реформы кипела ожесточенная борьба. Под прямым воздействием взглядов Герцена и Огарева, высказанных ими на страницах «Колокола» в период обсуждения земельной реформы 1861 г. в России, Рошковский критикует проект румынской земельной реформы и вносит свои предложения.

По мнению Рошковского, задача нового закона — произвести коренное изменение в области политико-экономических отношений, и закон должен отвечать поэтому требованиям «науки века». Среди принципов этой науки главное место автор отводит теории «русского социализма», выдвинутой Герценом.

Экономическая концепция Рошковского — сторонника утопического социализма — не лишена интереса для истории развития экономической мысли в Румынии. Он видит противоречия капиталистического общества, выступает против буржуазной эксплуатации, говорит о праве на труд «фабричного рабочего на Западе». Он считает, что для того, чтобы стать «свободным человеком», рабочий должен не только иметь право распоряжаться собою как личностью и рабочей силой, но и владеть орудиями производства или необходимыми средствами для приобретения этих орудий. Рошковский полагает, что условия прогресса этого общества обеспечиваются «комму-

---

* «Заметки по поводу аграрного закона, посвященные представителям русской коммуны в Лондоне». Бухарест, 1864 (рум.).

** «Малая Румыния» т. е. Ольтения (область в Румынии). *Ред.*

*** «Опыт о современном положении России» (франц.).

нальным ⟨общинным⟩ правом». В особую группу выделяются им аграрные страны, в том числе и Румыния, «где сырье и орудия труда предоставляются самой землей» и где право на труд и на орудия труда обеспечиваются коммунальной ⟨общинной⟩ собственностью, через «земельные коммуны». Это определяет и принципы общественного устройства. Ссылаясь на русскую крестьянскую общину, автор создает проект организации «земельной коммуны», являющейся одновременно и административной и экономической единицей.

Следует сказать, что, в соответствии с собственной идеологией Рошковского, наиболее близкими и доступными являются для него утопические тенденции мировоззрения Герцена. Общинное начало, на основе которого Рошковский предлагает произвести раздел земли, должно было, по его мнению, предохранить мелкое хозяйство от поглощения крупными земельными владениями, как это «наблюдается повсеместно с развитием промышленности». Выступает Рошковский и против махинаций румынских помещиков-депутатов, стремившихся при проведении аграрной реформы прежде всего обеспечить свои собственные интересы. Однако он не является сторонником революционного решения аграрной проблемы и не требует перехода всей земли в руки крестьян. Аграрный вопрос он надеялся разрешить при помощи утопической идеи организации земельных общин, вводимых в жизнь реформой сверху. Все его пожелания сводятся лишь к тому, чтобы новый закон защищал мелкого производителя от обнищания. Все это, конечно, далеко от революционного демократизма Герцена. Тем не менее брошюра Рошковского свидетельствует о влиянии Герцена на румынскую общественную мысль и, как мы уже сказали, заслуживает внимания.

В 1866 г. Герцен снова коснулся Румынии на страницах «Колокола», но уже в иной связи. Герцен дал резкую отповедь яростным нападкам редактора «Московских ведомостей» Каткова. Взбешенный тем, что в этот период усилилась пересылка в Россию через Румынию революционной литературы, Катков призывал к решительным мерам. «Может ли допустить Россия,— негодовал Катков,— чтобы эти области (дунайские княжества) еще в большей мере, чем прежде при князе Кузе, стали гнездом всесветной революции, которая оттуда вела бы свои подкопы против соседней России, чтобы там по-прежнему и еще более, чем прежде, скоплялись шайки русских отверженцев и польских революционеров, организовали из себя общества поджигателей и высылали против России всякого рода политических преступников?» (XVIII, 379).

Герцен назвал эти вопли Каткова «полицейскими пароксизмами» и писал по их поводу: «Мы глубоко убеждены, что полицейская мания — одна из самых крутых форм сумасшествия, и что психиатры слишком мало обращают на нее внимания». И далее: «...эта болезнь развивается не у нормальных людей, а в особенно приготовленных и способных организмах, снедаемых завистью, самолюбием, самообожанием, желанием власти, ленты, места, мести» (XVIII, 378).

Однако ни доносы агентов III Отделения, ни «полицейские пароксизмы» реакционной русской прессы не могли остановить все продолжавшееся проникновение в Румынию идей русской революционной демократии [31].

Таковы некоторые факты, говорящие о распространении влияния революционной деятельности Герцена в Румынии в 1860-х годах.

В 1870-х годах русско-румынские революционные связи, возникшие при Герцене, крепнут и расширяются. Влияние русского революционного движения усиливается и переплетается с непосредственным участием русских революционеров в румынском общественном движении. Но эта тема уже выходит за пределы настоящей статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Дмитрий *Братиану* (или Братиано) (1818—1892) — румынский политический деятель и журналист. В 1848 г. в дни февральской революции жил в Париже. Вскоре после этого вернулся на родину, принял участие в революционном движении, после подавления которого эмигрировал в Англию. Здесь, вероятно, и встречался с Герценом. Вернувшись в 1859 г. в Бухарест, становится активным участником политической

BAGARĬ DE SÉMA

ASUPRA

LEGEI RURALE

DEDICATĂ

REPRESINTANTILOR COMUNEI RUSSE

DIN

LONDRA.

BUCURESCI

TYPOGRAPHIA STEPHAN RASSIDESCU.

1864.

BAGARĬ DE SÉMA

ASUPRA

LEGEĬ RURALE.

(Mile on liberty. Principes de l'economie politique. Ghasthausen, sur la commune russe. Essai sur la situation russe par N. Ogareff. — Vetehó.)

Este necontestabil că din tóte legile fondamentale presintate adunăriĭ legislative de ministerul actual, legé rurală a fost a maĭ dorită, a maĭ aşteptată cu nerăbdare de majoritatè naţiuniĭ şi prin urmare şi a maĭ populară: şi să spunem drept că în imprejurările în care ne aflăm astădĭ uă asemenea lege este de uă invederată urginţă; că numaĭ prin ea se va redica şi se va băga în técă sabia luĭ Democles, care ameninţa necontenit sosietatè română şi paralisa libera acţiune diferitelor classelor eĭ. Credem că verĭ cine va esamina ḑisa lege cu atenţiune şi fără presupunerĭ passionate va găsi, că ea este basată pe principiile economice şi umane cele maĭ innaintate din lumea civilisată. Legiuitori care vor da naţiuneĭ acéstă lege, nu numaĭ vor merita perpetua recunoscinţă a concetăţenilor lor, dar vor fi încă salutaţĭ cu admirare de toţĭ progresişti Europeĭ şi vor inscri cu litere inefasabile numele lor în analele ţĕreĭ. Nicĭ uă dată póte uă lege n'a adus atâta glorie celor ce aŭ avut s'o sancţionese prin votul lor, ca legé presintă, prin care abnegaré privilegiuluĭ se va rosti chiar de privilegiaţĭ. Camera deputaţilor de astădĭ a Romănieĭ, dupe

БРОШЮРА М. РОШКОВСКОГО «BAGARI DE SEMA ASUPRA LEGEI RURALE» («ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ АГРАРНОГО ЗАКОНА»), ПОСВЯЩЕННАЯ ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ, БУХАРЕСТ, 1864

Титульный лист и первая страница книги

Библиотека Академии Румынской Народной Республики, Бухарест

жизни страны. К этому времени от его ранних республиканских и либеральных взглядов уже ничего не осталось. В 1867—1868 гг.— член представительного органа, министр просвещения в кабинете своего брата Иона (1821—1891) и в 1881 г. сам министр-президент. Глава правой группировки.

[2] «Pressa», an. III, № 17 от 23 января 1870, p. 66, col. 2.

[3] *Росетти* (Rosetti), Константин А. (1816—1885) — видный буржуазный политический деятель, выходец из боярской семьи. В 1830—1840-х годах стоял на демократических позициях и принимал участие в политической и литературной жизни Валахии. Активный участник революции 1848 г., один из вождей радикальной группировки. После революции Росетти был вынужден эмигрировать и поселился в Париже. По возвращении на родину в 1850—1870-х годах развернул интенсивную политическую деятельность. Вождь левого крыла либеральной партии, несколько раз занимал пост министра, депутат. Блестящий публицист, он был главным редактором либеральной газеты «Românul».

В 1877 г., будучи председателем палаты депутатов, Росетти явился сторонником вступления Румынии в войну против Турции на стороне России.

[4] ЦГИАМ, ф. III отд., 1 эксп., 1851 г., д. 84, ч. 1, лл. 118—119.

[5] «Russia», 1852. См. «Scrierile lui C. A. Rosetti», vol. 1, Bucureşti, 1887, p. 1—140.

[6] I. Breazu. Michelet şi Românii. Cluj, 1935.

[7] Gh. Haupt. Despre Nicolae Bălcescu şi cercurile revoluţionare democratice din Rusia.— «Studii», 1952, № 4, p. 100.

[8] Ion Ghica. Amintiri din pribegie, p. 459—460.

[9] Idem, p. 461.

[10] «Красный архив», т. II (81), 1937, стр. 211.

[11] Ion Ghica. Op. cit., p. 461.

[12] В письме от 26 марта 1850 г. Бэлческу сообщал: «Мои знакомые из Лондона ездили по делу в Швейцарию» (Ion Ghica. Op. cit., p. 507). Возможно, что речь здесь идет о Головине, который зиму 1849/50 г. провел в Лондоне, весной приехал в Женеву, а в августе через Турин — в Ниццу. Здесь он встретил Герцена («Былое», VI, 1907, стр. 283). О связи Бэлческу с Головиным свидетельствует также письмо последнего к Ф. Пульскому от 21 июня 1850 г., написанное вскоре по приезде в Париж: «Не вернет ли вам,— спрашивает в этом письме Головин,— сезон Телеки или Бэлческу?» (Государственная библиотека им. Сеченьи. Будапешт. Pulszky annalectio. Подлинник по-французски).

[13] Цит. по статье: P. Constantinescu-Jaşi. Influenţa democraţilor revoluţionari ruşi din sec. XIX asupra curentelor ideologice in ţara noastră.— «Studii», 1950, № 3, p. 48.

[14] «Românul», an. IV, № 172—174 от 20—21 июня, № 179—180 от 27—28 июня и № 205 от 23 июля 1860 г. Отдельным изданием на румынском языке книга вышла в 1863 г., в городе Крайова, в переводе N. Măldărescu.

[15] «Românul», an. V, № 291 от 18 октября, 1861 г., стр. 921—922. Статья печаталась в «Колоколе», л. 109 от 15 октября 1861 г., а также на французском языке отдельным листом под заглавием «Lettres de rédacteur du „Kolokol" à Son Excellence l'Ambassadeur russe à Londres» и перепечатана в газете «Le Nord» и других изданиях.

[16] «Reforma», an. V, № 18 от 13 июня 1863 г., стр. 71—72.

[17] «Gazeta Transvilvaniei», № 50 от 8 июля 1865 г., стр. 199.

[18] Цит. по «Lupta de clasă», 1949, № 5, p. 92.

[19] «Современник», 1858, № 4, стр. 577—612; № 8, стр. 261—296.— Кто являлся автором очерка, не удалось установить. Фамилии автора очерка нет ни в самом «Современнике», ни в гонорарных ведомостях журнала (ср. «Лит. наследство», т. 53-54, 1949, стр. 246).

[20] «Современник», 1859, № 2, отд. «Политика», стр. 351—353; Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. VI, стр. 106—108; «Современник», 1859, № 3, отд. «Новые книги», стр. 61—70; Н. А. Добролюбов. Полное собр. соч., т. IV. М., 1937, стр. 301—308.

Подробнее об этом на румынском языке в нашей статье: «Revista „Sovremennic", şi revoluţionarii democrati ruşi despre Unirea Principatelor». — «Studii», 1949, № 4.

[21] О деятельности Кельсиева в Тульче см. «Исповедь» В. И. Кельсиева и вступительную статью М. Клевенского.— «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 253—470; Биобиблиографический словарь деятелей русского революционного движения 1860-х годов; письма В.И.Кельсиева к Герцену и Огареву и вступительную статью П. Г. Рындзюнского — «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 159—218; на румынском языке см. нашу статью в «Studii», 1950, № 4. В 1942 г. были изданы на румынском языке отрывки из вышедших в 1868 г. путевых записок В. И. Кельсиева «Галичина и Молдавия. Путевые письма». Однако ясскому профессору И. Миня, напечатавшему эти отрывки, личность Кельсиева осталась неизвестной, и он принял его за какого-то «агента панславизма». J. Minea. Opinia publică din Jasi şi Principele Carol în 1867. In legătură cu impresiile unui agent panslav. «Commuicări istorice», 1942, nr. 3, Jaşi; p. 54—66.

В 1947 г. Г. Безвикони дал новый перевод соответствующей главы из книги Кельсиева, сопроводив перевод краткими биографическими данными о Кельсиеве. G. Bezviconi. Călători ruşi în Moldova şi Muntenia. Bucureşti, 1947, p. 412—418.

[22] Melchisedek (episcop). Lipovanismul. Bucureşti, 1871, p. 254—256.

[23] См. «Шестидесятые годы». М., 1940, «Кельсиев и Ткачев», стр. 207—211.

[24] «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 396; т. 62, 1955, стр. 211.

[25] «Русская старина», 1889, № 1, стр. 190. Письмо опубликовано с неправильной годовой датой: «1866—1867»; «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 212.

[26] В библиотеке Академии Румынской Народной Республики мы нашли два экземпляра этой брошюры. Они хранятся под № А. 2758 и № 3156.

[27] *Рошковский* Михаил (1831—1877), уроженец Валахии. Сын офицера русской службы Франца Рошковского, поляка по происхождению, оставшегося после русско-турецкой войны 1828—1829 гг. в Валахии, в г. Крайове (Ольтении), и дочери богатого румынского помещика (бояра) Севастице Хораламбие (Sevastiţa Horalambie). Получил образование в России и служил в русской армии. В начале 1860-х гг., в чине капитана генерального штаба, Рошковский уехал в отпуск за границу и не вернулся в Россию. Он известен как автор «Письма», опубликованного в лл. 171—172 «Колокола» за 1863 г. (см. М. Клевенский. Герцен-издатель и его сотрудники. «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 607). В связи с появлением этого «Письма» III отделение, в ноябре 1863 г., наводило справки о Рошковском и получило сведения, что «штабс-капитан Рошковский находится в Бухаресте» (дело III отд., 1 эксп., № 230, ч. 32, 1862 г., л. 43). В Румынии Рошковский получил диплом инженера-землемера, жил затем в своем имении и умер в Крайове.

Младший брат Рошковского подпоручик Николай Рошковский (1840—1896) также учился и служил в России. Им также интересовалось III отделение (см. указанное дело № 230, лл. 48, 57—58). Летом 1864 г. по ходатайству матери он получил разрешение выехать в Румынию, где стал потом врачом. Некоторые сведения о семье Рошковских были опубликованы V. Maciu. «Studii», 1956, № 6, p. 126—129. Новые документы обнаружены недавно V. Manoliu.

[28] Брошюра Огарева содержала полемические замечания по адресу противников социализма и была посвящена развитию идей Герцена о нераздельности понятий России и социализма (см. публикацию письма Н. П. Огарева к Дж. Стюарту Миллю — «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 893).

[29] Типография Шт. Рассидеску, носившая название «National», существовала с 1855 г. под фирмой Iosif Romanov et C°, а с 1860 по 1866 г.— под фирмой одного Рассидеску. См. I. Antonovici şi Gr. Creţu. Tipografiile, xilografiile, librăriile. Bucureşti, 1909, p. 18.

[30] См. P. Constantinescu-Jaşi. Liberalii Români şi Vechii revoluţionari Bulgari. — «Archiva», 1924; Al. Iordan. Primul ziar Bulgaro-Român. «Бъдъщность — Viitorul».— «Viaţa Românească», an. XXXII, iulie, № 7.

[31] См. об этом нашу статью: «Revolutionari ruşi in Romînia în a doua jumătate a veacului ial XIX lea». Relaţii Romîno-ruse în trecut. Bucureşti, 1957, p. 196—214.

ПАМЯТИ Б. П. КОЗЬМИНА

НЕКРОЛОГ

Советская наука понесла большую утрату — 5 июля 1958 г. скончался Борис Павлович Козьмин, один из крупнейших ученых-историков наших дней, выдающийся знаток революционного движения в России XIX века, исследователь идейного наследия русской революционной демократии, автор многих замечательных трудов по истории русской общественной мысли и литературы, доктор исторических наук, член Союза писателей СССР.

Б. П. Козьмин родился в Москве 27 декабря (15 декабря ст. ст.) 1883 г. в семье служащего. В 1910 г. окончил юридический факультет Московского университета и был зачислен помощником присяжного поверенного, но адвокатской практикой почти не занимался и отдавал свое время подготовке к научной деятельности.

Во время первой мировой войны, в 1915 г., Б. П. Козьмин был призван на военную службу и находился в войсках Западного фронта. После окончания войны началась его литературная деятельность. В 1918 — 1919 гг. он заведовал историческим отделом журнала «Вестник жизни», издававшегося ВЦИКом,— печатал в этом журнале, а также в других периодических изданиях статьи и рецензии, в частности — на темы, связанные с историей рабочего класса.

В 1919 — 1920 гг. Б. П. Козьмин состоял инспектором по делам печати при Политуправлении Реввоенсовета Республики, откуда в 1920 г. был откомандирован в Комиссию по истории Красной Армии, где работал вплоть до прекращения деятельности этой комиссии в 1922 г.

С 1922 г. началась многолетняя литературно-редакторская и научно-организаторская работа Б. П. Козьмина в издательстве Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, продолжавшаяся до ликвидации Общества в 1935 г. Б. П. Козьмин состоял членом редакционной коллегии издательства и заведовал редакциями ряда

изданий Общества, в частности — редакций журнала «Каторга и ссылка» и био-библиографического словаря «Деятели революционного движения в России».

Одновременно с работой в издательстве Общества политкаторжан Б. П. Козьмин состоял научным сотрудником в институтах литературы (с 1923 г.) и истории (с 1926 г.) Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). В 1924 г. Б. П. Козьмин был избран действительным членом Академии художественных наук, в 1931 г. преобразованной в Академию искусствознания. Здесь он заведовал отделом революционного искусства.

С 1939 г. Б. П. Козьмин стал старшим научным сотрудником Института мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР, где заведовал группой по изучению литературы русской революционной демократии. Работа в этом Институте была прервана войной. В 1941—1943 гг. Б. П. Козьмин находился в эвакуации, в Ашхабаде. Здесь он преподавал в местном педагогическом институте и в эвакуированном в Ашхабад Московском университете. По возвращении в Москву Б. П. Козьмин продолжал работать в Институте мировой литературы до 1946 г., когда был переведен в Институт истории Академии наук СССР, в качестве старшего научного сотрудника по сектору Истории СССР эпохи капитализма.

С 1944 по 1954 г. Б. П. Козьмин возглавлял Государственный литературный музей — первоначально как заместитель директора по научной части, с 1946 г.— как директор.

С 1948 г. Б. П. Козьмин читал в Высшей партийной школе при ЦК КПСС лекции по истории русской журналистики 50—80-х годов прошлого века. Лекции эти неоднократно печатались, а некоторые были изданы в Праге, в переводе на чешский язык.

За свою научную и общественную деятельность Б. П. Козьмин был награжден орденом Трудового Красного Знамени и орденом Знак Почета и медалями.

Преимущественная область научных интересов Б. П. Козьмина определилась в самом начале его исследовательской работы. Центром его занятий стало революционное и общественное движение 50—70-х годов прошлого века, а также литература, критика, публицистика и журналистика этой эпохи. Б. П. Козьмин опубликовал свыше ста пятидесяти трудов, посвященных данному кругу вопросов.

Каждой из этих работ, будь то предисловие или небольшая статья, монография или исследовательский этюд, блестящим мастером которого он был, Б. П. Козьмин вносил нечто новое в науку.

Если говорить об основной проблематике трудов Б. П. Козьмина, связанных с литературоведческим исследованием, то она определяется в первую очередь постоянным стремлением исследователя разносторонне, на большом материале показать нерасторжимость связей передовой русской литературы с освободительной борьбой. Сосредоточившись на изучении второго разночинно-демократического этапа этой борьбы, преимущественно на его наименее освещенных моментах, Б. П. Козьмин проявил одинаковое внимание к изучению фактической стороны революционного движения и к анализу его идеологии. Заичневский и «Молодая Россия», первая «Земля и воля», харьковский революционный кружок 1856—1858 гг., братья А. и Н. Серно-Соловьевичи, нечаевский кружок, «молодая эмиграция» конца 60-х годов, а с другой стороны — литературное наследие Чернышевского, Добролюбова, Герцена, Писарева, Шелгунова, Щапова, Соколова, Зайцева, Ткачева, Лаврова — вот далеко не полный перечень тем, разрабатывавшихся Б. П. Козьминым начиная с первых его шагов в науке.

Последний период деятельности Б. П. Козьмина знаменовался новым расширением тематики: хронологически — в направлении, с одной стороны, 40—50-х годов (Герцен, Огарев), а с другой — 70—90-х годов (кризис реалистического мировоззрения, народничество, рабочее движение), идеологически — путем все более широкого вовлечения в русло изучения освободительной борьбы художественной литературы — Некрасова, Щедрина, Михайлова, Писемского, Гл. Успенского.

Б. П. Козьмин соединял в себе историка, литературоведа, археографа и библиографа. Он превосходно знал относящиеся к предмету его изучения архивные фонды и периодику эпохи. Изучению демократической и революционной журналистики Б. П.

Козьмин посвятил ряд специальных работ: о «Современнике» и «Русском слове», «Полярной звезде» и «Колоколе», «Народной летописи» и «Общем деле» и о других изданиях. Свои исследования Б. П. Козьмин всегда строил на обширном фактическом материале, подходя к осмыслению этого материала во всеоружии историко-материалистического метода. Всегда стремясь вскрыть в изучаемых явлениях их объективные закономерности, их взаимную связь и взаимную борьбу с другими историческими факторами, Б. П. Козьмин отнюдь не чуждался метода дискуссии и не раз выносил на обсуждение научной общественности новые, в некоторых отношениях еще спорные вопросы. Но главной особенностью научной работы Б. П. Козьмина являлась его требовательность к точности фактов, вводимых в исследования, осторожности выводов, их объективная обоснованность. Эти отличительные черты исследовательского стиля Б. П. Козьмина определили то большое место, которое заняла в его деятельности работа по изданию историко-революционных документов и литературных памятников, а также работа по научному редактированию сочинений писателей и публицистов революционного лагеря: Чернышевского, Добролюбова, Огарева, Гл. Успенского, Ткачева, Зайцева. Последние годы жизни Б. П. Козьмин в значительной мере отдал работе над Полным собранием сочинений А. И. Герцена, осуществляемым АН СССР. Б. П. Козьмин являлся заместителем главного редактора этого издания.

В течение четверти века Б. П. Козьмин являлся постоянным сотрудником «Литературного наследства». На страницах нашего издания появилось много его работ — и небольшие публикации и крупные исследования: «Герцен, Огарев и „молодая эмиграция“» (т. 41-42), очерки о Николае Утине (т. 62), Александре Серно-Соловьевиче (т. 67 — печатается) и др. Многие из этих работ могут рассматриваться как подготовительные этюды к обобщающему полотну его итоговой работы «Русская секция I Интернационала», удостоенной в 1957 г. премии Президиума Академии наук СССР. Однако роль Б. П. Козьмина в «Литературном наследстве» далеко не ограничивалась авторским сотрудничеством. Б. П. Козьмин внес большой и ценный вклад в работу издания своим участием в создании двух «шестидесятнических» (25-26 и 67) и шести «герцено-огаревских» томов (39-40, 41-42, 61, 62, 63 и 64) «Литературного наследства».

На разных этапах их подготовки — от замыслов и первых разведок документальных материалов в архивах и до последних корректур набора — работа над научным редактированием названных томов проходила в постоянном деловом общении с Б. П. Козьминым. Он был подлинным другом «Литературного наследства», другом отзывчивым и добрым, несмотря на его хорошо всем известную манеру высказывать свои суждения резко и прямолинейно, не смягчая суровость отзыва никакой условной вежливостью. Когда по обстоятельствам возникала необходимость в консультациях с Б. П. Козьминым, он немедля предоставлял свою помощь, щедро даря редакции или непосредственно авторам (он был тесно связан с историками и литературоведами всего СССР) свою инициативу ученого, догадки и наблюдения исследователя, свое замечательное знание материала. И делал все это Б. П. Козьмин просто и скромно, не претендуя на какие-либо изъявления благодарности и не сожалея о возможном ущербе для своих собственных трудов.

Последний год жизни Б. П. Козьмина, скончавшегося на 75-м году жизни, прошел под гнетом тяжелой болезни сердца. И все же его смерть оказалась преждевременной. Преждевременной потому, что он далеко не исчерпал своих духовных сил, не одряхлел талантом ученого, не утратил живости и активности своих исследовательских интересов. Он работал до последних часов своей жизни и мог бы дать науке еще многое...

Память о людях науки хранят их труды. А трудам Б. П. Козьмина суждена долгая жизнь. Они построены на столь прочном фундаменте и так богаты фактическим материалом, исследовательскими наблюдениями и выводами, что к богатствам этим еще многие годы будут обращаться историки русского революционного движения, литературы и общественной мысли.

Редакция «Литературного наследства»

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ СПИСОК ВАЖНЕЙШИХ ПЕЧАТНЫХ РАБОТ Б. П. КОЗЬМИНА*

1. Зарождение рабочего класса в России и его первые шаги. М., 1918. Псевд.: Б. Павлов.
2. Пролетарская борьба в России до революции 1905 г. М., 1919. Псевд.: Б. Павлов.
3. «Северный союз русских рабочих».— «Вестник жизни», 1919, № 3-4. Псевд.: Б. Павлов.
4. Австрийская социал-демократия.— «Вестник жизни», 1919, № 5. Псевд.: Б. Павлов.
5. III Интернационал.— «Вестник жизни», 1919, № 6-7. Псевд.: Б. Павлов.
6. «Исповедь» М. А. Бакунина.— «Вестник труда», 1921, № 9.
7. П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов. М., 1922.
8. Г. Е. Благосветлов и «Русское слово».— «Современник», 1922, № 1.
9. Материалы по истории революционного движения 60-х гг. — «Историко-революционный бюллетень», 1922, № 1—3.
10. Один из первых литературных опытов Г. В. Плеханова.— «Каторга и ссылка», 1923, № 7.
11. Около нечаевского дела.— «Каторга и ссылка», 1923, № 6.
12. Генерал Алексеев и его отношение к революции в оценке М. В. Родзянко и Временный комитет Государственной думы.— «Красный архив», 1922, т. II.
13. К биографии крестьянина П. А. Мартьянова. — «Красный архив», 1923, т. III.
14. Причина пожаров.— «Красный архив», 1923, т. III.
15. Прокламация Н. В. Шелгунова.— «Красный архив», 1923, т. III.
16. Отзвуки польского восстания 1863 г. в центральной России.— «Красный архив», 1923, т. IV.
17. Политические процессы 60-х годов. М., 1923.
18. П. Н. Ткачев и П. Л. Лавров.— Сб. «Воинствующий материалист», т. I, М., 1924.
19. «Французский парламент» в Петрозаводске.— «Каторга и ссылка», 1924, № 6. Псевд.: Авл.
20. Из далекой старины.— «Каторга и ссылка», 1925, № 8 (21). Псевд.: Авл.
21. К истории рабочего движения в Москве и Московской губернии в 70-х годах.— «Вестник труда», 1925, № 2.
22. Письма Д. И. Писарева из крепости.— «Красный архив», 1924, т. V.
23. Публицистическая деятельность П. П. Червинского.— «Современник», 1925, № 1.
24. Рабочее движение в России до революции 1905 г. М., 1925.
25. Современник о Каракозовском процессе.— «Былое», 1925, № 6.
26. История или фантастика?— «Печать и революция», 1926, № 6.
27. Новое о Нечаеве.— «Красный архив», 1926, т. XV.
28. Неудавшаяся провокация. (Новое о Нечаеве).—«Красный архив», 1926, т. XIV.
29. Москва в марте 1881 г.— «Красный архив», 1926, т. XIV.
30. Рабочее движение в России XIX века. Харьков, 1926.
31. Ткачев и народничество.— «Каторга и ссылка», 1926, № 1.
32. «Мценская гостиница».— «Каторга и ссылка», 1926, № 3.
33. К истории «Земли и воли» 70-х годов. Программа тамбовского поселения землевольцев. — «Красный архив», 1926, т. XIX.
34. К истории «нечаевщины».— «Красный архив», 1927, т. XXII.
35. Стихотворение Д. И. Писарева на открытие памятника Николаю I.— «Красный архив», 1928, т. XXVIII.
36. К истории разоблачения Азефа.— «Каторга и ссылка», 1927, № 3.
37. Нечаевец И. Г. Прыжов в его письмах.— «Каторга и ссылка», 1927, № 4.
38. «Общество добровольной охраны царя и благоденствия отечества». — «Каторга и ссылка», 1927, № 5.
39. Лорис-Меликов о покушении Млодецкого.— «Каторга и ссылка», 1927, № 6.
40. К биографии Д. И. Писарева.— «Красный архив», 1928, т. XXIX.
41. Н. Г. Чернышевский и III отделение.— «Красный архив», 1928, т. XXIX.
42. Неопубликованное письмо А. И. Герцена.— «Красный архив», 1928, т. XXXI.
43. Молодые годы П. И. Войноральского.— «Каторга и ссылка», 1928, № 1.
44. М. Д. Муравский в харьковском тайном обществе 1856—1858 гг.— «Каторга и ссылка», 1928, № 4.
45. Письмо П. Д. Баллода из Петропавловской крепости.— «Каторга и ссылка», 1928, № 10.

---

* Печатается по рукописи Б. П. Козьмина.— Ред.

46. К биографии Г. Е. Благосветлова.— «Каторга и ссылка», 1928, № 12.
47. Около вопроса об амнистии Н. Г. Чернышевского.— Сб. «Н. Г. Чернышевский», Саратов, 1928.
48. Раскол в нигилистах.— «Литература и марксизм», 1928, № 2.
49. С. В. Зубатов и его корреспонденты. М. — Л., 1928.
50. Неопубликованное письмо Н. Е. Федосеева к В. И. Семевскому.— «Пролетарская революция», 1928, № 4.
51. Письмо П. Г. Успенского с Кары.— «Каторга и ссылка», 1929, № 1.
52. Братья Достоевские и прокламация «Молодая Россия».— «Печать и революция», 1929, № 2-3.
53. Д. И. Писарев и социализм.— «Литература и марксизм», 1929, № 4-6.
54. Революционное подполье в эпоху «белого террора». М., 1929.
55. Нечаев и нечаевцы. М.—Л., 1929.
56. Пародии на царские манифесты 1856 и 1857 годов.— «Красный архив», 1929, т. XXXII.
57. Прокламация С. Г. Нечаева к студентам.— «Красный архив», 1929, т. XXXIII.
58. Кн. П. Долгоруков и М. Элпидин.— «Красный архив», 1929, т. XXXIV.
59. Неизданная записка Н. В. Шелгунова.— «Каторга и ссылка», 1929, № 8-9.
60. Казанский заговор 1863 г. М., 1929.
61. Неопубликованное письмо Н. П. Огарева.— «Красный архив», 1930, т. XXXVIII.
62. С. Г. Нечаев и тульские оружейники.— «Красный архив», 1930, т. XL.
63. Н. А. Спешнев о себе самом.— «Каторга и ссылка», 1930, № 1.
64. Письмо Д. И. Писарева кн. А. А. Суворову. — «Каторга и ссылка», 1930, № 2.
65. К истории «Молодой России».— «Каторга и ссылка», 1930, № 5 и 6.
66. Кружок Заичневского и Аргиропуло.— «Каторга и ссылка», 1930, № 7—9.
67. К вопросу о кризисе реалистического направления в 70-е годы.— «Литература и марксизм», 1930, № 4-5.
68. Артельный журнал «Век».— Сб. «Русская журналистика. I. Шестидесятые годы». М.—Л., 1930.
69. Газета «Народная летопись».— Там же.
70. Харьковские заговорщики 1856—1858 гг. Харьков, 1930.
71. П. Г. Заичневский на каторге, поселении и в ссылке.— «Каторга и ссылка», 1931, № 8—9.
72. П. Г. Заичневский в Орле и кружок «орлят».— «Каторга и ссылка», 1931, № 10.
73. П. Н. Ткачев.— Сб. «Очерки по истории русской критики», т. II. М.—Л., 1931.
74. К истории нечаевского процесса. Донесения и письма Н. Д. Горемыкина.— «Красный архив», 1931, т. XLIII.
75. Из истории либеральной общественности 60-х годов.— «Красный архив», 1931, т. XLV.
76. К истории эмиграции 60-х гг.—«Красный архив», 1931, т. XLIX.
77. Нечаев и нечаевцы. М.— Л., 1931.
78. Из истории интеллигенции 60-х годов.— «Красный архив», 1932, т. LII.
79. Подложный манифест 1861 г.— «Красный архив», 1933, т. LVII.
80. Неизвестное письмо Герцена.— «Каторга и ссылка», 1932, № 4.
81. «Ужасная тайна» А. И. Левитова.— «Каторга и ссылка», 1932, № 6.
82. П. Г. Заичневский и «Молодая Россия». М., 1932.
83. С. Г. Нечаев и его противники.— Сб. «Революционное движение 1860 гг.», М., 1932.
84. Из истории русской нелегальной прессы. Газета «Общее дело».— «Исторический сборник Академии наук СССР», т. III. Л., 1934.
85. Неизданная статья П. Л. Лаврова «Последовательные люди».— «Звенья», т. I, 1932.
86. От 19 февраля к 1 марта. М., 1933.
87. О первом русском переводе «Коммунистического манифеста».— «Каторга и ссылка», 1933, № 3.
88. Л. Каравелов и С. Маркович в их связях с русскими революционерами.— «Каторга и ссылка», 1933, № 4-5.
89. К вопросу об отношении П. Н. Ткачева к марксизму.— «Лит. наследство», т. 7-8, 1933.
90. О новом собрании сочинений Д. И. Писарева.— «Каторга и ссылка», 1935, № 1.
91. Г. В. Плеханов и П. Л. Лавров.— «Лит. наследство», т. 19-21, 1935.
92. А. А. Серно-Соловьевич в I Интернационале и женевском рабочем движении.— «Исторический сборник Академии наук СССР», т. V. Л., 1936.
93. Н. А. Добролюбов и его дневники.— «Лит. критик», 1936, № 2.
94. В. Ф. Одоевский в 60-е годы.— «Лит. наследство», т. 22-24, 1935.
95. Н. Г. Чернышевский в редакции «Военного сборника».— «Лит. наследство», т. 25-26, 1936.

96. Был ли Н. Г. Чернышевский автором письма «Русского человека» Герцену.— Там же.
97. Из неопубликованной переписки Д. И. Писарева.— Там же.
98. Из неопубликованных писем М. А. Антоновича.— Там же.
99. Н. П. Огарев и самодержавие.— В кн.: Н. П. Огарев. Стихотворения и поэмы т. I, Л., 1937.
100. Комментарии к статье Г. И. Успенского «Пока что».— Сб. «Глеб Успенский». М.—Л., 1938.
101. Памяти Д. И. Писарева.— «Новый мир», 1938, № 7.
102. Гл. Успенский и литературная борьба его времени.— «Новый мир», 1938, № 9.
103. А. П. Щапов и Сибирь.— Сб. «А. П. Щапов в Иркутске». Иркутск, 1938.
104. Н. Г. Чернышевский. Краткий указатель литературы. М., 1939.
105. Письма Д. И. Писарева и о Писареве и новые материалы о Писареве.— «Записки Отдела рукописей Всесоюзной биб-ки им. В. И. Ленина», вып. 9, М., 1940.
106. Н. А. Добролюбов-публицист.— «Большевистская печать», 1941, № 2.
107. Литература о Д. И. Писареве, вышедшая в связи с 50-летием со дня его смерти.—«Историческая литература», 1941, т. II, № 2.
108. Н. В. Шелгунов.— «Большевистская печать», 1941, № 9.
109. Неизданные письма А. И. Герцена.— «Лит. наследство», т. 39-40, 1941.
110. Из неопубликованного наследия Н. П. Огарева.— Там же.
111. Герцен, Огарев и «молодая эмиграция».— «Лит. наследство», т. 41-42, 1941.
112. Из литературного наследства Н. И. Сазонова.— Там же.
113. Новые публикации по Герцену.— Там же.
114. Маяковский-патриот.— «Совет Эдебияты» (Ашхабад), 1943, № 7.
115. Горький — борец против пангерманизма.— «Интернациональная литература» (англ. изд.), 1944, № 6.
116. Александр Герцен.— Там же, № 12.
117. Великий русский патриот. Памяти Герцена.— Журнал «Славяне», 1945, № 1.
118. Герцен в истории русской общественной мысли.— «Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии», т. II, 1945, № 2.
119. Два неопубликованных письма А. И. Герцена.— «Лит. газета», 1945, № 5.
120. Великий поэт революции (Н. А. Некрасов).— «Лит. наследство», т. 49-50, 1949.
121. Н. Г. Чернышевский и М. И. Михайлов.— «Вопросы истории», 1946, № 7.
122. Чернышевский и славянство.— «Славяне», 1946, № 8-9.
123. Н. Г. Чернышевский в редакции «Современника». —«Литература в школе», 1947, № 3.
124. Журналистика 50-х годов XIX века. М., 1948.
125. Журналистика 60-х годов XIX века. М., 1948.
126. Русская журналистика 70-х и 80-х годов XIX века. М., 1948.
127. Н. Г. Чернышевский о реакции конца царствования Николая I.— «Огонек», 1949, № 44.
128. А. Н. Радищев и его «Путешествие из Петербурга в Москву».— «Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии», 1949, т. VI, № 5.
129. Писемский и Герцен.— «Звенья», т. VIII, 1950.
130. К вопросу о борьбе Герцена и Огарева против сторонников «чистого искусства». — «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», 1950, т. IX, № 2.
131. «Московский либерал» «Былого и дум».—«Известия Академии наук СССР Серия истории и философии», 1950, т. VII, № 1.
132. Писал ли Д. И. Писарев статью под названием «Русское правительство под покровительством Шедо-Ферроти»? — Там же, № 4.
133. «Воскресший Белинский». Из неизданного литературного наследия Н. А. Добролюбова.— «Лит. наследство», т. 57, 1951.
134. Два слова о слове «нигилизм».— «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», 1951, т. X, № 4.
135. Н. Г. Чернышевский.— Сб. «Классики русской литературы». М.—Л., 1952; 2-е изд. М.—Л., 1953.
136. Журнально-публицистическая деятельность А. И. Герцена. «Полярная звезда» и «Колокол». М., 1952.
137. Выступление Герцена против «Современника» в 1859 году.— «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», 1952, т. XI, № 4.
138. Поездка Н. Г. Чернышевского в Лондон в 1859 г. и его переговоры с Герценом.— Там же, 1953, т. XII, № 2.
139. Письма А. И. Герцена к представителям «молодой эмиграции» и к Ф. Пульскому.— «Лит. наследство», т. 61, 1953.
140. Письма Н. П. Огарева к Н. В. Альбертини и к Е. В. Салиас-де-Турнемир.— Там же.
141. Еще о слове «нигилизм». (По поводу статьи А. И. Батюто).— «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», 1953, т. XII, № 6.

142. Софийская коллекция архива А. И. Герцена и Н. П. Огарева.— «Вопросы истории», 1954, № 11.

143. Социально-политические и философские взгляды В. И. Танеева (Из истории утопического социализма в России).—Сб. «Из истории социально-политических идей», М., 1955.

144. К вопросу о целях и результатах поездки Н. Г. Чернышевского к А. И. Герцену в 1859 г.— «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», 1955, т. XIV, № 2.

145. Письма Н. А Вормса, В. А. Гольштейна, В. Н. Смирнова и М. С. Гулевича, Л. И. Мечникова, В. Ф. Нагеля, М. П. Сажина, А. А. Серно-Соловьевича, Е. И. и Н. И. Утиных к Герцену и Огареву.— «Лит. наследство», т. 62, 1955.

146. К вопросу об отношении А. И. Герцена к I Интернационалу.— «Исторические записки», 1955, кн. 54.

147. Кто был первым переводчиком на русский язык «Манифеста Коммунистической партии»? — «Лит. наследство», т. 63, 1956.

148. Неизвестные страницы из воспоминаний Н. А. Белоголового о Герцене.— Там же.

149. Письма Герцена и Огарева к А. А. Слепцову, Н. Я. Николадзе и редактору газеты «The Morning star».— Там же.

150. Почему прекратился возобновленный «Колокол»? — Там же.

151. Статья Герцена «Русский социализм».— Там же.

152. Журнально-публицистическая деятельность А. И. Герцена.«Полярная звезда» и «Колокол». М., 1956.

153. Журнал «Современник» — орган революционной демократии. Журнально-публицистическая деятельность Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. М., 1957.

154. Николай I и Мадзини.— Сб. «Из истории общественных движений и международных отношений». М., 1957.

155. «Народники» и «народничество».—«Вопросы литературы», 1957, № 9.

156. Русская секция I Интернационала. М., 1957.

157. А. А. Тучков в деле декабристов.— «Ученые записки Саратовского гос. университета», т. LVI, вып. филологический, 1957.

158. Н. Г. Чернышевский и Н. П. Корелкин.— Сб. Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1958.

Помимо перечисленных работ, имеется ряд статей, заметок, публикаций и рецензий в БСЭ (1 и 2-го изд.), в МСЭ, «Литературной энциклопедии», журналах «Вестник жизни», «Каторга и ссылка», «Историк-марксист», «Что читать?», «Книга и пролетарская революция», «Книжные новости» и других, а также в ряде газет.

Под редакцией Б. П. Козьмина вышли следующие издания:

1. Письма Е. С. Сазонова к родным. М., 1925.
2. Революционное движение в России. Систематический указатель литературы, вышедшей в 1924—1931 гг. М., 1925—1933.
3. Писатели современной эпохи. Био-библиографический словарь русских писателей, т. I. М., 1928.
4. А. Скабический. Литературные воспоминания. М., 1928.
5. П. Ткачев. Избранные литературно-критические статьи. М., 1928.
6. П. Боборыкин. За полвека. М., 1929.
7. И. Красноперов. Записки разночинца. М., 1929
8. В. Поссе. Мой жизненный путь. М., 1929.
9. Поэт-революционер И. И. Гольц-Миллер. М., 1930.
10. В. Засулич. Воспоминания. М., 1931.
11. Н. Кулябко-Корецкий. Из давних лет. М., 1931.
12. А. А. Кункль. Долгушинцы. М., 1932.
13. Сб. «Революционное движение 1860-х годов», М., 1932.
14. П. Ткачев. Избранные сочинения, т. I—VI. М., 1932—1937.
15. Е. Н. Водовозова. На заре жизни и другие воспоминания, т. I и II. М., 1934.
16. В. Зайцев. Избранные произведения, т. I. М., 1934.
17. Русская зарубежная и подпольная литература. Библиографический указатель. М., 1935.
18. Письма Г. Батенькова, И. Пущина и Ф. Толля. М., 1936.
19. Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. IV—VI. М. 1937—1939.
20. Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. I—XVI.
21. Гл. Успенский. Полное собрание сочинений, т. I—XI.
22. Герцен, Огарев и их окружение («Бюллетень Гос. литературного музея»). М., 1940.
23. Описание рукописей Герцена (Всесоюзная библиотека им. Ленина) М., 1941; 2-е изд. 1950.

24. И. Масанов. Словарь русских псевдонимов, т. I—III. М., 1941.
25. Войны русского народа. 1558—1878 гг. Указатель литературы. М., 1942.
26. А. И. Герцен. Избранное. М., 1945.
27. А. И. Герцен. Сборник статей. М., 1946.
28. Н. А. Морозов. Повести моей жизни, т. I—III. М., 1947.
29. Н. П. Огарев. Опись документальных материалов личного фонда ЦГЛА. М., 1950.
30. Сборник материалов к изучению истории русской журналистики, вып. I—III. М., 1952—1956.
31. Н. Г. Чернышевский. Опись документальных материалов фонда личного происхождения. ЦГАЛИ, №1, М., 1955.
32. История Москвы, т. IV. М., 1955.
33. И. Масанов. Словарь псевдонимов, т. I — III., М., 1956—1957.
34. «Колокол». Издание А. И. Герцена и Н. П. Огарева. 1857—1867. Систематизированная роспись статей и заметок. М., 1957.
35. М. Л. Михайлов. Сочинения, т. I и II. М., 1958.
36. А. И. Герцен. Собрание сочинений и писем. Изд. Акад. наук СССР, т. XIII, (печатается).

УКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ*

Составила Н. Д. Эфрос

I. ПОРТРЕТЫ ГЕРЦЕНА

ЖИВОПИСЬ, СКУЛЬПТУРА

Герцен. Масло работы Н. А. Герцен (дочери), 1867 г. Подлинник у г-жи Жермены Шарль Рист в Версале. Воспр. с негатива ПК — стр. 599.

Герцен. Масло неизв. художн. Вариант портрета Н. Н. Ге. Местонахожд. ориг. неизвестно. Воспр. с фототипии. Киев, 1901. Экземпляр с надписью Е. С. Некрасовой. ГИМ — стр. 753.

Герцен, Огарев, Грановский. Рельеф работы Н. А. Андреева, 1920 г. ГТГ — стр. 689.

ФОТОГРАФИИ

Герцен. Дагерротип, 1847 г. ГИМ — вклейка между стр. 16—17.

Герцен. Фото с дарственной надписью неустановленному лицу, сентябрь 1857 г. ГЛБ—стр. 321.

Герцен. Фото С. Л. Левицкого, 1861 г., изд. Трюбнера, Лондон. Экземпляр с надписью Н. А. Герцен (дочери) Международному комитету для помощи русским безработным. ГИМ — стр. 545.

Герцен. Шуточный фотомонтаж С. Л. Левицкого с дарственной надписью Герцена дочери Ольге от 10 апреля 1865 г. Местонахожд. ориг. неизвестно. Воспр. с фотокопии. ГИМ — стр. 651.

II. АВТОГРАФЫ ГЕРЦЕНА

Письмо к Н. И. Астракову от 11 февраля 1832 г.; самое раннее, из известных в автографе писем Герцена. Колумбийский университет, Нью-Йорк — стр. 467, 468.

Надпись на конверте письма к Эмме Гервег от 5 октября 1849 г. БМ — стр. 43.

Письмо к Георгу Гервегу от 31 декабря 1849 г. БМ.— стр. 69, 70.

Шуточный адрес на письме к Георгу Гервегу от 1 февраля 1850 г. БМ — стр. 89.

Шуточная надпись на письме к Георгу Гервегу от 23 апреля 1850 г. БМ — стр. 173.

Письмо к Георгу Гервегу от 11 августа 1850 г. БМ — стр. 257.

Список (на нем. яз.) стихотворения Генриха Гейне «Ода Фридриху Вильгельму IV». Сделан Герценом для Ференца Пульского, начало 1850-х гг. СБ — стр. 423.

---

* Список условных сокращений:

Библиотека Национального музея, Прага — БНМ.
Британский музей, Лондон — БМ.
Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва — ЛБ.
Государственная ордена Трудового Красного Знамени публичная библиотека им. М. Е Салтыкова-Щедрина, Ленинград — ГПБ.
Государственная библиотека им. Сеченьи, Будапешт — СБ.
Государственная Третьяковская галерея, Москва — ГТГ.
Государственный исторический музей, Москва — ГИМ.
Государственный литературный музей, Москва — ГЛМ.
Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина — МИИ.
Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Москва — ИМЛ.
Коллекция документов Герцена и Огарева, переданная правительством Чехословацкой республики в дар Академии наук СССР, «Пражская коллекция», хранящаяся в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ), Москва — ПК.
Коллекция документов Герцена и Огарева, переданная Болгарской Академией наук в дар Академии наук СССР, «Софийская коллекция», хранящаяся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, Москва — СК.
Национальный музей, Прага — НМ.
Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва — ЦГАЛИ.
Центральный государственный исторический архив Москва — ЦГИА.

Письмо к Луиджи Пианчиани от 19 июня 1854 г. Архив г. Рима — стр. 379.
Лист черновой рукописи «Былого и дум», ч. VI, глава «Бартелеми». Январь 1855 г. ЛБ — стр. 389.
Письмо к Аврелию Саффи от 6 марта 1855 г. Музей Центральной библиотеки Risorgimento, Рим — стр. 337.
Письмо к сыну от 22 ноября 1860 г. Международный институт социальной истории, Амстердам — стр. 559.
Записка к И. В. Фричу от 26 июня 1861 г. НМ.— стр. 799.
Письмо к Агостино Бертани от 28 февраля 1867 г. Институт истории итальянского Risorgimento, Рим. — стр. 457.
Итинерарий Герцена, 1867 г. ЛБ — стр. 549.
Запись о Париже, 1868 г. ЛБ — стр. 607.

III. РИСУНОК ГЕРЦЕНА

Шуточный рисунок в письме к Георгу Гервегу от 8—10 апреля 1850 г. БМ — стр. 160.

IV. ДОКУМЕНТЫ

Объявление о предстоящем отъезде Герцена за границу. «Прибавление к „Московским ведомостям“» от 26 ноября 1846 г. № 142— стр. 511.
Сообщение о конфискации в книжных магазинах Пруссии немецкого издания «О развитии революционных идей в России»—«L'Homme» от 28 июня 1854 г.— стр. 381.
Сообщение о предстоящем приезде Герцена в Париж. Вырезка из бельгийской газеты «Echo de Bruxelles» от 7 июня 1861 г. ЦГАЛИ — стр. 563.

V. КНИГИ С ДАРСТВЕННЫМИ НАДПИСЯМИ ГЕРЦЕНА

Discours d'Alexandre Herzen. Jersey, 1855. Отдельное издание речи, произнесенной Герценом 27 февраля 1855 г. на митинге в память Февральской революции в St. Martin's Hall'e в Лондоне. С дарственной надписью старшей дочери. ЦГАЛИ—стр. 639.
La France ou l'Angleterre. Londres, 1858. С дарственной надписью Л. Кошуту от 5 апреля 1858 г. СБ — стр. 433.

VI. ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ГЕРЦЕНА, КНИГИ И СТАТЬИ О НЕМ

Donoso Cortès, marquis de Valdegamos et Julien, empereur romain. «La voix du peuple», 18 mars 1850. Первая публикация статьи «Донозо-Кортес, маркиз Вальдегамос и Юлиан, император римский». Первый лист газеты — стр. 139.
Epilog für das Jahr 1849. «New-Yorker Abend-Zeitung» от сентября 1850 г. Первая публикация статьи «Эпилог 1849 года». Газетная вырезка. ЛБ — стр. 115.
Журнал «Deutsche Monatsschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben», Januar 1851, где впервые было напечатано «О развитии революционных идей в России». Тит. лист журнала. ИМЛ — стр. 217.
Du développement des idées révolutionnaires en Russie. Paris, 1851. Первое отдельное издание «О развитии революционных идей в России». Тит. лист книги. ЛБ — стр. 235.
Le peuple russe. «L'avènement du peuple», 19 novembre 1851. Первая публикация статьи «Русский народ и социализм. Письмо к Ж. Мишле». Газетная вырезка. ПК — стр. 241.
Du développement des idées révolutionnaires en Russie. Londres, 1853. Второе издание «О развитии революционных идей в России». Экземпляр с надписью и пометами Л. Кошута. Тит. лист и стр. книги. СБ — стр. 431.
Газета «The Leader», December 3, 1853, со статьей, посвященной выходу в свет «Прерванных рассказов». Газетная вырезка. ЛБ — стр. 447.
Апрельская книжка за 1854 г. журнала «The English Republic», издававшегося В. Линтоном, где впервые напечатана статья «Старый мир и Россия». Тит. лист журнала. СК — стр. 375.
La Russie et le vieux monde. Jersey, 1854. Первое отдельное издание статьи «Старый мир и Россия». Тит. лист книги. ЛБ — стр. 371.
Тюрьма и ссылка. Лондон, 1854. Экземпляр с пометами Маркса и Энгельса, 1869—1870 гг. Две стр. книги. Воспр. с фотокопии. ИМЛ — стр. 717, 719.

Журнал «The Athenaeum», January 6, 1855, со статьей о «Тюрьме и ссылке» и о деятельности Вольной русской типографии. Журнальная вырезка. ЛБ — стр. 397.
L'Étoile polaire ⟨Londres, 1855⟩. Листовка, выпущенная Герценом в связи с изданием «Полярной звезды». Первая стр. листовки. ПК — стр. 405.
Народный сход в память переворота 1848. Лондон, 1855. Отдельное издание в русском переводе речей Герцена, А. Саффи и А. Таландье на митинге в St. Martin's Hall'е в Лондоне 27 февраля 1855 г. Тит. лист книги. ЛБ — стр. 343.
Газета «The Atlas». Octobre 20, 1855, с рецензией на английское издание «Тюрьмы и ссылки». Газетная вырезка. ЛБ — стр. 427.
La conspirazione russa del 1825. «L'Italia del Popolo», 21 Febbraio 1858, № 52. Итал. пер. статьи «Русский заговор 1825 года». Экземпляр газеты, присланной Герцену. Первая стр. публикации. ЛБ — стр. 417.
Газета «Čech», издававшаяся И.-В. Фричем, май 1861, № 5, где помещены в чешском переводе статьи Герцена «Vivat Polonia» «10 апреля 1861 и убийства в Варшаве» и «Mater dolorosa». Первая стр. газеты. ПК — стр. 803.
Чешский журнал «Obrazy života», 1862, № 18, где помещена статья о Герцене. Стр. с портретом Герцена. БНМ — стр. 781.
Статья о Герцене в чешском календаре «Posel z Prahy» на 1863 г. Стр. календаря с портретом Герцена. БНМ — стр. 787.
⟨М. Рошковский⟩. Bugari de séma asupra legei rurale. ⟨Заметка по поводу аграрного вопроса⟩. Bucaresci, 1864. Румынская брошюра, посвященная автором Герцену и Огареву. Тит. лист и первая стр. брошюры. Библиотека Академии Румынской Народной республики, Бухарест — стр. 817.
Венгерский сборник «Hazáne sa külföld» ⟨Родина и другие страны⟩. Pest, 1868, где помещена статья о Герцене. Стр. с портретом Герцена. СБ — стр. 421.
Венгерская газета «Vasárnapi Ujsàg» ⟨Воскресная газета⟩ 6 màrezius, 1870, где помещен некролог Герцена. Стр. с портретом Герцена. СБ — стр. 435.
Оттиск статьи о Герцене из французского журнала «La revue blanche», 1 avril 1895. Тит. лист с надписью Н. А. Герцен (дочери) брату А. А. Герцену и последняя стр. с портретом Герцена Ф. Валлотона. ЛБ — стр. 745.

VII. ПОРТРЕТЫ СОВРЕМЕННИКОВ ГЕРЦЕНА — ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ, РОДНЫХ, ДРУЗЕЙ

Гарибальди Джузеппе. Фото с дарственной надписью Герцену от 9 октября 1860 г. ГЛМ — стр. 449.
Гервег Георг. Грав. с портрета маслом Конрада Гица (Hitz). 1850-е гг. ИМЛ. Подлинник в музее Гервега в Листале (Швейцария) — стр. 27.
Гервег Эмма. Рис. карандашом неизв. художн., 1840-е гг. Воспр. с фото, ИМЛ. Подлинник в музее Гервега в Листале (Швейцария) — стр. 47.
Герцен А. А. Рис. его матери Н. А. Герцен, сентябрь—октябрь 1849 г. БМ — стр. 55.
Герцен А. А. Фото и оборотная сторона того же фото с дарственной надписью Герцена Н. Х. Кетчеру от 30 мая 1861 г. ГИМ — стр. 552, 553.
Герцен А. А. с женой. Фото, 1890-е гг. ГИМ — стр. 581.
Герцен Лиза. Фото, 1870-е гг. ПК — стр. 675.
Герцен Н. А. (жена). Дагерротип 1851 г. ПК — стр. 35.
Герцен Н. А. (дочь). Дагерротип, начало 1850-х гг. ПК — стр. 77.
Герцен Н. А. (дочь). Фото с дарственной надписью отцу от 7 марта 1868 г. ГЛМ — стр. 635 (см. также в группах).
Герцен О. А. Фото с дарственной надписью сестре Лизе от 29 апреля 1869 г. ГИМ — стр. 663 (см. также в группах).
Грановский Т. Н. См. в группе с Герценом.
Доманже Жозеф. Портрет маслом Н. Н. Ге, 1860-е гг. ГТГ — стр. 575.
Кетчер Н. Х. Рис. К. А. Горбунова, 1845 г. Из альбома, подаренного Герцену Огаревым. ПК — стр. 477.
Кошут Лайош. Фото, 1860-е гг. ГИМ — стр. 429.
Леметр Фредерик в роли Туссена Лувертюра в одноименной пьесе Ламартина.— «L'Illustration» от 3 апреля 1850 г.— стр. 163.
Леметр Фредерик в роли «Парижского тряпичника» в одноименной пьесе Феликса Пиа. —«L'Illustration» от 22 мая 1847 г.— стр. 517.
Маццини Джузеппе. Фото из альбома А. М. Горчакова, 1860-е гг. ЦГИА — стр. 345.
Огарев Н. П. Рельеф работы Н. А. Андреева, 1920 г. ГТГ — стр. 693. (См. также в группе с Герценом).
Пианчиани Луиджи. Литогр. Дж. Мариани, 1850-е гг. Центральный музей Risorgimento, Рим — стр. 363.
Саффи Аврелий. Фото, 1860 г. ⟨?⟩. Национальный музей Risorgimento, Турин — стр. 329.
Тесье дю Моте, М.-Э. Фото, 1860-е гг. ПК — стр. 713.
Тучкова-Огарева Н. А. с дочерью Лелей. Фото 1862—1863 гг. ГИМ — стр. 707.

Фази Джемс. Грав. с портрета Луизы Арман Лелё.—«Illustrierte Zeitung» от 7 апреля 1860 г.— стр. 59.
Фрич И.-В. Фото, начало 1860-х гг. НМ — стр. 793.
Шиф Морис. Портрет маслом Н. Н. Ге, 1860-е гг. ГТГ — стр. 569.

ГРУППЫ

Дочери Герцена Тата и Ольга и В. А. Энгельсон. Рис. Н. А. Герцен (жены), 1851—1852 гг. Местонахожд. ориг. неизвестно. Воспр. с негатива. ПК — стр. 537.
Дочери Герцена Тата и Ольга. Дагерротип с дарственной надписью Герцена Е. Б. Грановской, 1853—1855 гг. ГЛМ — стр. 603.

VIII. АВТОГРАФЫ СОВРЕМЕННИКОВ ГЕРЦЕНА — ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ, РОДНЫХ, ДРУЗЕЙ

Страницы записной книжки Георга Гервега, заполненные Н. А. Герцен (женой), 2—4 сентября 1849 г. БМ — стр. 262, 263.
Список рукой Н. А. Герцен (жены) стихотворения К. Ф. Рылеева «Стансы» в письме к Георгу Гервегу от 17 апреля 1850 г. с припиской Герцена. БМ — стр. 187.
Письмо Н. А. Герцен (жены) к Георгу Гервегу от 18 апреля 1851 г. БМ — стр. 291.
Последнее письмо Н. А. Герцен (жены) к Георгу Гервегу и конверт того же письма, 26 апреля 1852 г. БМ — стр. 307, 309.
Стихотворение Огарева «Марии, Александру и Наташе», написанное 17 марта 1839 г. во время посещения Герценов во Владимире и посвященное этому свиданию. ЛБ — стр. 483.
Письмо Огарева к А. А. Герцену от 1861 г. Международный институт социальной истории, Амстердам — стр. 591.
Запись Огарева, посвященная Герцену, 1870 г. ЛБ — стр. 741.
Письмо (черновик) И.-В. Фрича к Герцену, конец августа — начало сентября 1860 г. НМ — стр. 797.

IX. ПАМЯТНЫЕ МЕСТА И ВИДЫ

РОССИЯ

Владимир-на-Клязьме. Литогр. 1846 г. с рис. А. Дюрана 1839 г. ГЛМ — стр. 473.
Владимир. Здание губернских присутственных мест. Раскр. литогр., 1850-е гг. Владимирский краеведческий музей — стр. 489.
Новгород. Картина маслом А. Мурангова, 1842 г. Местонахожд. ориг. неизвестно. Воспр. с фото. ГЛМ — стр. 507.
Новгород. Акв. В. С. Садовникова, 1841 г. Музей русской архитектуры им. А.В. Щусева, Москва — стр. 503.
Петербург. Зимний дворец. Акв. В. С. Садовникова, 1840 г. ГЛМ — стр. 495.

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

АНГЛИЯ

Лондон. Риджент-стрит; улица Пэл-Мэл; Чэринг-Кросс; Вид на Темзу; Сент-Джемский парк. Автолитогр. Т.-Ш. Бойса (Boys), 1842 г. МИИ — стр. 341, 367, 392, 393.
Лондон. Общий вид. Грав., 1850-е гг. ГЛМ — стр. 325.
Лондон. Чипсайд. Грав.— «The History of London illustrated by Views in London and Westminster, engraved by John Woods from original drawings by Shepherd». London. ⟨1849⟩ — стр. 409.
Лондон. Пригородная железная дорога. Грав.— «The History of London illustrated...» ⟨1849⟩ — стр. 355.
Путней. Грав.— «National History and Views of London and its Environs», 1835 — стр. 351.
Твикенгем. Грав.— «The History of London illustrated...» ⟨1849⟩ — стр. 333.
Остров Уайт. Окрестности Вентнора. Картина маслом T. Huson.— The Isle of Wight by C. J. Cornish. London. 1895 — стр. 425.

БЕЛЬГИЯ

Брюссель. Грав. бр. Руаргов.— E. Texier. Voyage pittoresque en Hollande et en Belgique, 1857 — стр. 735.

ГОЛЛАНДИЯ

Амстердам. Грав. бр. Руаргов.— E. Texier. Voyage pittoresque en Hollande et en Belgique, 1857 — стр. 731.

ИТАЛИЯ

Венеция. Карнавал. Грав. бр. Руаргов.— X. Marmier. Voyage pittoresque en Allemagne. Partie méridionale. Paris, 1859 — стр. 659.
Венеция. Вид собора св. Марка на листе почтовой бумаги письма Герцена к дочери Лизе от 22 февраля 1867 г. ЛБ — стр. 613.
Милан. Литогр. Деруа из альбома «Milan et ses environs». 1860-е гг. МИИ — стр. 617.
Милан. Театр ла Скала. Грав. Г. Фалькейзена с рис. А. Сидоли. МИИ — стр. 629.
Неаполь. Картина маслом неизв. художн., 1840-е гг. ГИМ — стр. 669.
Ницца. Общий вид. Грав.— «L'Italie pittoresque», 1834 — стр. 253.
Ницца. У горы Шато. Фото из альбома «Souvenirs de Nice», 1857. ГИМ — стр. 231.
Турин. Литогр. Ф. Бенуа, 1850-е гг. МИИ — стр. 299.

ФРАНЦИЯ

Лион. Грав., 1840-е гг. ГЛМ — стр. 223.
Париж. Литогр. Ф. Бенуа, 1850-е гг. МИИ — стр. 19.
Париж. Елисейские поля. Литогр.— «Paris et ses environs». Reproduits par le daguerrotype. Sous la direction de M. Ch. Philipon. Paris. 1840 — стр. 521.
Париж. Лувр. Грав. с рис. Э. Лами.— Jules Janin. L'été à Paris, 1843 — стр. 183.
Париж. Улица Риволи. Литогр. Ф. Бенуа, 1850-е гг. МИИ — стр. 587.

ШВЕЙЦАРИЯ

Базель. Грав. Ж.-М. Кольба. МИИ — стр. 645.
Женева. Раскр. литогр., 1850-е гг. МИИ — стр. 699.
Вид на Монблан из Шамуни. Грав. бр. Руаргов.— X. Marmier. Voyage en Suisse, 1862 — стр. 51.

X. ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ

Заседание парижского революционного клуба.—«Illustrierte Zeitung» от 29 апреля 1848 г.— стр. 31.
Июньские дни 1848 г. в Париже. У баррикады на углу бульвара и улицы Мазагран, близ ворот Сен-Дени 23 июня.— «Illustrierte Zeitung» от 22 июля 1848 г. — стр. 525.
Кавеньяк, Ламартин, Коссидьер, Пьер Наполеон и др. на бульваре Пуассоньер 24 июня 1848 г.
После июньских дней 1848 г. в Париже. Парижане знакомятся с приказом Кавеньяка о сдаче повстанцами оружия.—«Illustrierte Zeitung» от 22 июля 1848 г.— стр. 528.
После июньских дней 1848 г. в Париже. Повстанцы, заключенные в подвале парижской ратуши. Грав. Гаварни с рис. Ж. Шанделье.—«The Illustrated London News» от 26 августа 1848 г.— стр. 529.
Накануне президентских выборов 1848 г. в Париже. Выставка политических карикатур.—«L'Illustration» от 9 декабря 1848 г.— стр. 277.
Закрытие революционного клуба «Братства народов» в Париже.—«L'Illustration» от 3 февраля 1849 г.— стр. 95.
Рубка деревьев свободы в Париже.—«L'Illustration» от 9 февраля 1850 г.— стр. 101.
Лондон. Последние известия с театра военных действий в Крыму.—«The Illustrated London News» от 2 декабря 1854 г. — стр. 385.
Массовая демонстрация протеста против закона о запрещении торговли в воскресные дни 1 июля 1855 г. в Гайд-парке в Лондоне.—«The Illustrated London News» от 7 июля 1855 г. — стр. 401.
В день объявления мира в Лондоне. Толпа у ратуши.—«The Illustrated London News» от 5 апреля 1856 г. — стр. 413.
Взрыв тюрьмы в Лондоне, произведенный фениями 13 декабря 1867 г.—«Illustrierte Zeitung» от 4 января 1868 г. — стр. 623.
Стачка сталелитейщиков в Серене. Расправа с бастующими 9 апреля 1869 г.—«Illustrierte Zeitung» от 8 мая 1869 г.— стр. 725.

XI. БЫТ

Гулянье в Гайд-парке в Лондоне. Автолитогр. Т.-С. Бойса, 1842. МИИ — стр. 400.
Ресторан «Трех провансальских братьев» в Париже. Грав. с рис. Э. Лами. — Jules Janin. L'Hiver à Paris, 1843 — стр. 63.
В Парижском оперном театре. Грав. с рис. Э. Лами.— Jules Janin. L'Hiver à Paris, 1843 — стр. 83.

Театральный разъезд в Парижском оперном театре. Грав. с рис. Э. Лами. — Jules Janin. L'Hiver à Paris, 1843 — стр. 83.
Бал-маскарад в Парижском оперном театре. Грав. с рис. Э. Лами.— Jules Janin. L'Hiver à Paris, 1843 — стр. 179.
В парижских театрах. Грав.— E. Texier. Tableau de Paris, 1852 — стр. 283.
Парижская нищета. Грав.— E. Texier. Tableau de Paris, 1852 — стр. 515.
Галерка парижского театра Порт-Сен-Мартен. Грав.— E. Texier. Tableau de Paris, 1852 — стр. 533.

XII. КАРИКАТУРЫ

«Оперное представление в Женеве в сентябре 1849 г».— Карикатура на Джемса Фази и преследование политических эмигрантов в Швейцарии.—«L'Illustration» от 13 октября 1849 г.— стр. 39.
Луи Наполеон.—«Le Charivari» от 14 февраля 1850 г.— стр. 107.
Карикатура на преследования Прудона правительством и полемику Прудона с социалистами. Рис. III. Вернье.—«Le Charivari» от 20 февраля 1850 г.— стр. 111.
«Козни г-на Карлье». Карикатура, высмеивающая провалившуюся провокационную затею префекта полиции Карлье уничтожением деревьев свободы вызвать народное волнение. Грав. Дюмона с рис. Шарля Берталла.—«Journal pour rire» от 27 февраля 1850 г.— стр. 121.
«Не слишком прочная точка опоры». Карикатура, разоблачающая неустойчивое положение республиканского строя во Франции и рост влияния военщины. Рис. Шарля Вернье.—«Le Charivari» от 2 марта 1850 г.— стр. 127.
Карикатура, упоминаемая Герценом в письме к Георгу Гервегу от 26 марта 1850 г., высмеивает правительственные репрессии против печати.—«Le Charivari» от 24 марта 1850 г.— стр. 149.
«Вид, снятый на кладбище Пер-Лашез».Карикатура,высмеивающая поражение реакции во время дополнительных выборов в Законодательное собрание 10 марта 1850 г. Рис. О. Домье.—«Le Charivari» от 26 марта 1850 г.— стр. 133.
«Новый закон о печати». Карикатура, высмеивающая разработанный правительством проект реакционного закона о печати.Рис.Кама—«Le Charivari» от 3 апреля 1850 г.—стр. 143.
««Шаривари» под угрозой нового закона о печати». Карикатура на проект реакционного закона о печати и газету «Le Napoléon du dimanche».Рис.Ш. Вернье.—«Le Charivari» от 15 апреля 1850 г.— стр. 155.
«Кэб Жирардена». Карикатура, высмеивающая провал кандидатуры Эмиля Жирардена на дополнительных выборах в Законодательное собрание 15 апреля 1850 г. Рис. Кама — «Le Charivari» от 17 апреля 1850 г.— стр. 169.
«Все та же старая система». Карикатура на реакционную политику Луи Наполеона. Грав. с рис. Ж. Понси и Э. Морена — «Journal pour rire» от 27 апреля 1850 г.— стр. 199.
«Лилипуты пытаются воспользоваться сном нового Гуливера». Карикатура, обличающая посягательства реакции на избирательные права французских граждан. Рис. О. Домье.— «Le Charivari» от 21 мая 1850 г.— стр. 193.
«Скверная кухня». Карикатура на реакционные парижские газеты, торжествующие по поводу отмены всеобщего избирательного права. Рис. О. Домье.— «Le Charivari» от 6 июня 1850 г.— стр. 205.
«Политическая стряпня». Карикатура на введение закона от 31 мая 1850 г., резко ограничивавшего избирательные права французских граждан. Рис. О. Домье.— «Le Charivari» от 13 июня 1850 г.— стр. 211.
Карикатура на Луи Наполеона, подготовляющего со своими сподвижниками государственный переворот. Рис. Ш. Вернье.— «Le Charivari» от 20 июня 1850 г. — стр. 247.

При некрологе Б. П. Козьмина помещен его фотографический портрет — стр. 820.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

Составили И. М. Картавцев и А. Д. Левин

Аббатучи, Жан Пьер Шарль — 176-77.
Абель, знакомый Гервегов — 120, 122.
Абердин, Джордж Гамильтон — 389-91.
Абихт, Генрих — 751.
Абракадабра — см. Балашевич-Потоцкий, Ю.
Авейда, участник польского восстания 1863 г. — 769.
Авигдор, банкир — 211, 213-15, 294, 317, 444-45, 570-71.
д'Агу (d'Agoult), Мари, графиня (псевд. Daniel Stern) — 148-50, 246-48, 250, 291, 316.
Адель, неуст. лицо — 242-43, 276.
Адельгейда — см.: Меассалер, Адельгейда.
Адлерберг, Владимир Федорович — 420, 784.
Адоев, Н. А., домовладелец — 488.
Айвазовский, Иван Константинович — 537.
Акелевич (Акилевич), Николай — 759,763.
Аксаков, Иван Сергеевич — 661, 784, 796, 798, 800, 805.
Аксберг, Эмилия Михайловна — 470-71.
Аладин, знакомый А. А. Герцена — 775.
Александр I — 53, 609, 661.
Александр II — 336-37, 354, 365, 395-98, 411, 420, 436-38, 543, 552, 554, 664, 680, 698, 718, 720, 730, 755-56.
Алексей Михайлович, царь — 661.
Алексис, магнетизер — 178-80, 210, 212-13.
Алмерас, неуст. лицо — 56, 60, 108—09.
Альберт, Франц Август Карл Эмануил, герцог Кобург-Саксонский, муж королевы Виктории — 382-83, 406.
Альтгауз, Юлиус — 540.
Амборский — 762.
Амиэль, Ж.-Б. — 395.
Ампер, Андре Мари — 492.
Андерсон, Владимир Максимилианович — 696.
Андреев, Николай Андреевич — 689, 693.
Андреоли — 662, 664.
Андриане, Аллесандре Филиппе — 232.
Анненков, Павел Васильевич — 17, 259-60, 514, 518-19, 522-23.
Аннибал — 150.
Антонович, Максим Алексеевич — 622, 780.
Антуанетта (Аннет, Анна Петровна), горничная М. Л. Огаревой — 152-53.
Антье, Бенжамен — 20.
Анциферов, Николай Павлович — 464, 595, 600, 738.
Араго, Доминик Франсуа — 492, 729-30.
Араго, Этьен — 636, 666.
Арий, ересиарх — 171, 173, 175.
Ариосто, Людовико — 66-67.
д'Арк, Иоанна — 20.
д'Арленкур, Шарль Виктор Прево — 115-16, 248, 250, 255-56.
Арман Лелу, Луиза — см.: Лелё, Луиза Арман.
Аскарянц, Анна Вагановна — 700.
Астраков, Михаил Иванович — 500.
Астраков, Николай Иванович — 6, 461-63, 466-505.
Астраков, Сергей Иванович — 461, 464-65, 505, 507-10, 512-13, 515-18, 520-24, 526-27, 530-36, 733.
Астракова, Татьяна Алексеевна — 6, 46, 268, 283, 314-15, 461-65, 470-76, 478-524, 526-33, 535-38, 582, 725-26.
Астраковы — 6, 461-64, 472, 481-538.
Аффр, Дени-Огюст (в тексте опечатка: Аффри) — 147-48, 150.
Ашерст, адвокат — 551.
Ашерст, Вильям — 325.
Ашерст, Эмилия — см.: Гокс (Гоукс, рожд. Ашерст), Эмилия.
Ашукина, Мария Григорьевна — 6, 9.

Б., неуст. лицо — 538.
Бабеф, Гракх — 167-68, 722.
Бажаргон, доктор — 589.
Байрон, Джордж Ноэль Гордон — 278, 280, 789.
Бакофен, г-жа, неуст. лицо — 619.
Бакст, Владимир Игнатьевич — 569-71, 705-06, 742, 769.
Бакунин, Михаил Александрович — 6, 25-26, 52, 61-62, 126, 128, 154-56, 183, 185-86, 226-27, 230-33, 236, 242-43, 281, 486, 498, 540, 547, 565-67, 581-82, 586, 598, 600, 629, 634, 638-40, 652, 656-58, 661-62, 666, 670, 672, 674, 676-77, 681, 683-84, 686-87, 689, 691-92, 698, 702, 706, 709, 711-15, 718, 720-24, 726, 728-47, 752, 760-63, 771-74, 781, 784, 788, 798, 804-05, 807-08.
Балашевич-Потоцкий, Юлиан — 758-59, 764-68, 770-71, 774-76.
Бальдони, Камилло — 455.

* Имена, встречающиеся в некрологе Б. П. Козьмина, в указатель не включены.

Бальзак, Оноре — 697-98.
Бамбергер, Людвиг — 14, 48-50, 63-64, 117, 132, 137-38, 167-68, 170-71, 178-80, 218-19, 232-34, 242-43, 638-40, 643.
Барак, Иозеф — 807.
Барбери (Барбиери?), Тито — 368.
Барберини, неуст. лицо — 326-28.
Барбес, Арман — 322, 331-32, 395-97, 716, 718.
дю Бари, неуст. лицо — 268.
Бард, неуст. лицо — 248, 250.
Барилли, Джузеппе — см.: Филопанти Квирико.
Барман, швейцарский дипломат — 66-68, 195-96, 208.
Барни, Жюль — 736.
Барон Упсальский — см.: Кетчер, Н. Х.
Барош, Пьер Жюль — 136, 147-48, 150, 176, 194-96.
Барсуков, Николай Платонович — 798.
Бартелеми, Эммануэль — 333-34, 389, 392.
Бартель — см.: Бертал, Ш.
Барятинский, Александр Иванович — 186, 705.
Барятинский, Анатолий Иванович — 705.
Бассо, домовладелец — 642-43.
Батанов, неуст. лицо — 622.
Батиани (Бачиани), Ярош — 50.
Баумейстер, Иоган Вильгельм — 26.
Бауэр, неуст. лицо — 493.
Бах — 780.
Безак, Александр Павлович — 777.
Бек, жандармский полковник — 638, 640.
Бекетов, Андрей Николаевич — 720-21.
Белиа, Дьёрдь — 419-438.
Белинский, Виссарион Григорьевич — 478-79, 505, 518-19, 522-23, 544, 579-80, 667, 702, 724, 729-30, 740.
Белявская, Ирина Михайловна — 743, 751-778.
Беляев, Кузьма Васильевич — 481.
Беляева, Маргарита Ильинишна — 6.
Бём, Иосиф — 194-96.
Бем, Яков — 466, 469.
Бенедиктов, Владимир Григорьевич — 479.
Бенкендорф, Александр Христофорович — 491, 700-01.
Бенуа, Филипп — 19, 299, 587.
Беранже, Жан Пьер — 216, 384-85, 436.
Бердушек, Мориц — 558, 584-88, 612, 614.
Березовский, Антон Иосифович — 729-30.
Бержо — 446.
Беркли, Морис Фредерик — 385.
Берлатт — 650.
Берман, А. И.— 419.
Бернар, Клод — 627.
Бернар, Мартэн — 251.
Бернарден дё Сен-Пьер, Жак Анри — 230-31.
Бернацкий, Алоизий Проспер — 132, 134, 214, 221-22, 255-56, 273.
Бернацкий, врач — 644-45, 647, 680, 697-98, 701.
Бернштейн, Лев Борисович — 6, 446.
Беррье, Антуан — 193, 211.
Берта, знакомая А. А. Герцена — 636-37.
Бертал, Шарль (в подписи ошибочно Бартель) — 121.
Бертани, Агостино — 439, 455-57.
Бестужев, Александр Александрович — 784.
Бестужевы — 755, 782.
Бетховен, Людвиг ван — 499-500.
Бехер, Эрнест — 616, 671, 715-16.
Бианки, Альфонс — 394-95, 446.
Бигс (Биггз), Матильда — 325.
Бисмарк, Отто Эдуард Леопольд — 596.
Благов (Благово) — 637-38.
Благосветлов, Григорий Евлампиевич — 671-73, 676.
Благосветловы — 672.
Блан, Луи — 111, 328-29, 334-35, 368, 370, 374-75, 377-78, 399, 402, 408-10, 446, 541, 612, 614, 716, 718.
Бларамберг, Павел Иванович — 706, 716.
Блинд, Карл — 48-50.
Блудов, Дмитрий Николаевич — 484.
Блюхер, Гергард Лебрехт — 130-31.
Бобинская, Ц.— 752, 754, 767, 777.
Боборыкин, Петр Дмитриевич — 662-63, 692, 743-44.
Богатырев, Шоэль Шулимович — 765, 779-809.
Богомол, Стефан — 814.
Бойс, Томас Шоттер — 341, 367, 393, 400.
Боке, Жан Батист — 28, 30, 110-13, 162, 164, 190, 714, 716, 718.
Боке, Камилл — 28, 30, 746-47.
Бокль, Генри Томас — 592-93, 607, 637-38, 641.
Бонапарт, Пьер Наполеон — 525.
Бонгар, Эдуард — 732.
Борджиа, Лукреция — 37-38.
Борджиа, Цезарь — 37-38.
Боркгейм, Сигизмунд Людвиг — 732.
Борщов, Илья Григорьевич — 543, 553-54.
Боткин, Василий Петрович — 102, 104, 422-23, 505, 518-19, 522-23, 529, 535, 581, 600, 654.
Боткин, Николай Петрович — 505, 514, 522-23, 526, 581, 654.
Боткин, Сергей Петрович — 581, 600, 653-56, 682, 684, 738-39, 744.
Боткина, Анастасия — 684.
Боткина, Екатерина Николаевна — 514.
Боуэн, Элиза — см.: Галахова, Э.
Бразевич, майор — 634.
Браницкий, Ксаверий — 195-96, 206-07.
Братиану (Братиано), Дмитрий — 810, 816.
Братиану (Братиано), Ион — 818.
Браунер, Ф. — 806.
Брауншвейгский герцог — см.: Вильгельм Фердинанд.
Бреннер, книгопродавец — 611-12.
Брока, Поль — 589-90.
Брокгауз, Ф.-Л., издатель — 48-50, 176.
Бруно, Джордано — 466, 469.
Брунов, Филипп Иванович — 450-52, 813.
Брут, Марк Юний — 59-60, 450, 813.
Брю — 446.
Брюллов, Карл Павлович — 497-500.
Брюэр, Гастон — 576.
Буало, Никола — 644-45.
Буанаротти см.: Микельанджело.

Буасси д'Англа, Франсуа Антуан — 606.
Буашо, Жан Батист — 382-83.
Буко, нотариус — 28-30, 47-49.
Булевский, Людвиг — 356-57, 540, 772.
Буоль-Шауэнштейн, Карл Фердинанд — 389-91.
Бурбот, Пьер — 606.
Бургиньон, Луи Доминик — см.: Картуш.
Буржуа, Анисе — 171, 215.
Буташевич-Петрашевский, Михаил Васильевич — см.: Петрашевский, М. В.
Буфе, Мари — 516.
Бэкон Веруламский, Френсис — 411.
Бэлческу, Николай — 811-12, 818.

В. К., сотрудник «Северной пчелы» — 21-22.
Вавра, Эмануэл — 782-85, 787, 807.
Вагнер, Рихард — 582, 733.
Вазари, Джорджио — 613-14, 629.
Валентинуа, Карл — 374.
Валентиняну, И. Г. — 813.
де-ла Валетт, Адриен — 112.
Валлатон, Феликс — 745.
Валтасар — 93.
Вальдау, Макс — см.: Хауеншильд, Р.-Г.
Вальдегамас, маркиз Хуан Фердинанд Донозо-Кортес — 14, 54, 104, 117-18, 126, 128, 135-36, 139-40, 249, 251.
Вальтер, Агоштоне — 426, 427, 585-86.
Варга — 680.
Варжень, преподаватель пения — 590.
Варнэ, Луи — 130.
Бартель, Пьер Франсуа — 655.
Васбентер (Васбиндер), Л.— 23, 540.
Васильев-Чертков, Павел Васильевич — см.: Парфений.
Вахтерова, Мария Васильевна — 319, 359, 439.
Вашингтон, Джордж — 58.
Вейар, Жак — 236.
Вейтлинг, Вильгельм — 167-68.
Велизарий — 34.
Веллингтон, Артур Уэлсли — 195-96, 326-27.
Веневитинов, Дмитрий Владимирович — 292.
Вера Артамоновна, няня Герцена — 642-43.
Вергилий (Вергилий Публий Марон) — 196.
Верещицкий, Г.— 752.
Вернье, Шарль — 111, 127, 155, 247.
Верон, Луи Дезире — 137-38.
Вестфален, Эдгар — 448.
Виардо, Луи — 114, 124-26, 523.
Виардо (рожд. Гарсиа), Полина — 68, 124-25, 127-28, 154-56, 162-63, 328, 330, 648-49, 667.
Видаль, Франсуа — 134.
Виктор Эммануил, король — 361, 455, 597, 611.
Виктория, королева — 348, 360, 383, 406.
Вилих, Август — 703.
Виллари, Паскуоли — 646-47.
Вильгельм Фердинанд, герцог Брауншвейгский — 726.
Вильмо — 637.
Виндишгрец, Альфред — 328, 330.
да Винчи Леонардо — 616.
Висконти, книгопродавец — 244-46, 415, 621, 663, 701, 703,715.
Витберг, Александр Лаврентьевич — 487, 490-91, 493, 497-98.
Вихерский, Феликс — 701-03, 705, 707, 722, 736.
Волконский, Сергей Григорьевич — 571-72.
Володимирова (Владимирова), Екатерина — 602, 616, 622-27, 630, 634, 637-40, 642, 646-48.
Володимировы-Устиновы — 616, 622.
Вольтер, Франсуа Мари Аруэ — 338-39, 377-78, 514, 740, 766.
Вольфзон, Вильгельм — 48-50, 331.
Вормс, Николай Александрович — 725-26.
Воробьев, Сократ Максимович — 143-45, 536.
Ворцель, Станислав — 18, 376-78, 392, 415-16, 540, 755, 787-90, 792, 808.
Врангель, Н.— 706, 716.
Врублевский, Валерий — 754, 767.
Вырубов, Григорий Николаевич — 456, 656, 661-63, 666, 682, 692, 695-98, 700, 709, 712-13, 728, 730-32, 737-38, 743-45, 747.
Вырубова, мать Г. Н. Вырубова — 661.
Вырубовы 697.

Гааг, Готлиб Фридрих — 61-62.
Гааг, Луиза Ивановна — 30, 33, 39-40, 51-52, 61-62, 65-68, 87-88, 90-91, 107-08, 114-16, 119-22, 128-29, 136-37, 147-48, 151, 159-61, 164, 167, 170-72, 174, 195-98, 200-06, 217-20, 226, 230-31, 244-47, 249, 255-57, 268, 273, 288-90, 292, 295, 298, 305, 308, 314-17, 472, 511, 515, 527, 538, 568, 584, 622.
Габо, неуст. лицо — 563-64.
Габсбурги — 795-96.
Гаварни, Поль (псевд. Шевалье, Гийом Сюльпис) — 529.
Гаврилов, Александр Матвеевич — 466, 469.
Гайдебуров, Павел Александрович — 711.
Гайнау, Юлиус — 328, 330.
Гакстгаузен, Франц Людвиг Август — 249, 251, 815.
Галахов, Иван Павлович — 518-19, 537.
Галахова (рожд. Боуэн), Элиза — 519.
Галенга, Антонио — 414.
Галер, Альберт — 125-26, 440-41.
Галилей, Галилео — 170
Галле, Луи — 563-64.
Галле, жена Л. Галле — 563-64.
Гамбетта, Леон — 598, 670.
Ганка, Вячеслав — 807.
Ганс, Эдуард — 249-51.
Гардони, Клара Ч.— 419-38.
Гарибальди, Джузеппе — 6, 360-61, 367, 370-72, 418, 439, 448-49, 454-56, 540-41, 564-65, 596-98, 610-12, 618, 626, 643, 645.
Гарибальди, двоюродный брат Д. Гарибальди — 625-27.
Гарибальди, Нини — 625-27, 641-42.

Гарибальди, мать Нини — 625-26, 641.
Гаридо — 664-65.
Гарней, Ж.— 446.
Гарриет — 422.
Гартман, Мориц — 54-55, 148-50, 153-56, 636.
Гассер, Карл — 66-68, 113, 118-19, 126, 128, 159, 161, 167, 172-74, 190, 198, 200-06, 210, 212, 215-19.
Гауг, Эрнст — 42, 44, 192-93, 214, 230-31, 258, 300-01, 324-27, 353, 382-83, 408-09, 540, 611, 618.
Гауке, участник польского восстания 1863 г.— 769.
Гафиз, Шемс-Эддин-Мухаммед (Хафиз) — 40.
Гверцони, Джузеппе — 439, 454-55.
Ге, Николай Николаевич — 569, 575, 634, 640, 680.
Гегель, Георг Вильгельм Фридрих — 463, 484, 532, 781.
Гейбнер, Отто (в тексте опечатка: Гейбвер) — 156.
Гейне, Генрих — 140, 423, 729, 789.
Гемпден, Джон — 205-07.
Генле, Фридрих Яков — 534, 536.
Генри — см.: Сетерленд, Генри.
Георг, женевский книгопродавец — 621, 697, 701, 731, 734, 738, 746.
Гербер, Р.— 754.
Гервег, Ада — 67-68, 87, 105-06, 120, 122, 192, 194, 199-200, 220, 245-46, 263, 267, 272, 276, 289, 292.
Гервег, Георг — 5-6, 9-318, 322, 331-32, 437-40, 455, 535-36, 639, 648, 704, 746.
Гервег, Горас — 66-68, 71-72, 87, 105-06, 113, 120, 122, 169-71, 173-74, 180-81, 183, 185, 192-94, 199-200, 220, 263, 272, 276, 278-79, 282, 287, 289, 296, 309, 317-18.
Гервег, Марсель — 16, 262.
Гервег, Эмма — 9-318, 332, 437, 439-41, 535-36, 648, 704, 746.
Гервеги — 86, 357, 373, 532.
Герлэн, франц. политический деятель — 135-36, 141-42.
Геру, Адольф — 450.
Герцен, Александр Александрович (сын)— 5-6, 23, 30, 33-34, 42-43, 46, 55, 59-60, 67-68, 113, 137-38, 169-70, 176-77, 192, 194, 264, 267, 271-72, 289, 292, 296, 314-15, 319, 328-30, 332, 342, 371-72, 381-84, 417-18, 422, 434, 436-38, 448, 490-92, 494-95, 506, 508, 511, 516, 518, 520-21, 524, 526, 536, 539-94, 600-02, 604, 610-12, 614, 616, 618, 623-27, 630-32, 634, 636-47, 649, 652, 655-56, 660-62, 664, 666-68, 670-79, 682-84, 690, 694-95, 703, 708, 711-12, 714, 728, 745, 748, 758, 763, 768-69, 774-75, 785, 792, 809.
Герцен, Александр Александрович (внук Тутс) — 565-67, 573, 579-80, 583, 648-49, 675, 678, 730, 732, 734.
Герцен, Алексей Александрович (Лелябой) — 568, 615, 654, 664, 678-79.
Герцен, Владимир Александрович — 579-80, 584-85, 588, 590, 671-72, 674, 678-79, 684.
Герцен, Егор Иванович — 61-62, 195-96, 470, 482, 497, 512, 536.
Герцен, Елена Александровна (Лелягёрл) — 566-68, 584, 586, 589, 615, 654, 664, 678-79, 707.
Герцен, Елизавета Александровна (Лиза) — 548-49, 558, 562-64, 567, 569-70 574, 577-78, 582, 584, 588-89, 594, 600-02, 608, 611, 613, 615, 621, 625-28, 630, 634, 637-38, 641-44, 647-48, 650, 654-56, 658, 661-66, 668, 670-71, 673, 675-76, 678, 680-84, 694, 696-98, 702-04, 712, 716-17, 723-27, 732-34, 738, 741, 743-46, 748.
Герцен, Елизавета Александровна (Лика) — 510-11.
Герцен, Иван Александрович — 505.
Герцен (рожд. Захарьина), Наталья Александровна — 5, 9-12, 16, 18, 20, 24, 26-40, 44-46, 52, 55, 58-60, 66-68, 71, 76, 78, 80-82, 84-91, 93, 96-106, 108-10, 112-15, 120, 122, 125, 129, 135-36, 139-42, 145-46, 153, 164-66, 169-76, 178-81, 183, 185-90, 192, 194, 199-202, 206-07, 209, 211-15, 222-24, 227, 238-40, 245-46, 248, 250, 253, 255-317, 445, 461-62, 464-65, 470-532, 535, 537-38, 540, 546, 550, 560-61, 568, 640, 725, 812.
Герцен, Наталья Александровна (Тата) — 5-6, 31, 34, 38-40, 60, 67-68, 77, 81-82, 87, 105-06, 124, 131, 137-38, 145, 169-71, 173, 178-81, 183, 185-86, 188-90, 192, 194, 245-46, 263-64, 267, 271-72, 276, 278, 282, 287, 296, 314, 318, 333-34, 380, 422, 430, 432, 437-38, 458, 461-62, 509, 524, 537, 545, 548-49, 555-58, 560-70, 573-90, 593-684, 686, 691, 694-96, 698-701, 703, 705, 708, 711, 714, 716, 720, 722-24, 736, 742, 744-45, 748, 775, 785.
Герцен, Николай Александрович (Коля)— 31, 33, 60-62, 108-09, 113-14, 124-25, 129, 151, 158-59, 206-07, 265, 268, 279, 294, 315-16, 512, 515, 524.
Герцен, Николай Александрович (внук)— 685.
Герцен (в замужестве Моно), Ольга Александровна (Оля) — 290, 298, 333-34, 350, 352, 407, 422, 462, 537, 548-49, 551-52, 555-57, 560-68, 570-85, 587-88, 590, 593-94, 600-03, 606, 610-12, 614-16, 618, 620-21, 623-28, 630, 633-34, 636-40, 642-44, 646-47, 651, 655, 657, 661-68 671, 673-84, 695, 708, 710-11, 714, 723-24, 733, 742-44, 786, 800.
Герцен (рожд. Феличе), Терезина — 543-44, 575-77, 580-82, 585, 588, 590, 602, 633-34, 637, 644-45, 649, 671, 673, 676, 678, 680, 682, 684.
Герцены — 9-10, 175, 222, 261-62, 287, 350-54, 371-72, 375-76, 381-82, 384, 412, 426-27, 430, 436-37, 470, 539.
Гершензон, Михаил Осипович — 29, 319.
Гескель — см.: Гассер.
Гесс, Мозес — 123, 129, 150, 746-47.
Гёте, Иоганн Вольфганг — 30, 120, 122, 151, 189, 222, 316, 477-78, 537, 543, 585-86, 605, 612, 637, 645.
Гётсон, Шарлотта — 544, 566-67, 573, 649.

Гиббон, Эдуард — 225-26.
Гизо, Франсуа Пьер Гийом — 519, 606.
Гильмэн, А.— 46-47.
Гильфердинг, Александр Федорович — 784.
Гинзбург, Лидия Яковлевна — 595-684.
Гиц, Конрад — 27.
Гоголь, Николай Васильевич — 273, 505, 519, 783.
Гокс (Гоукс, рожд. Ашерст), Эмилия — 324-25.
Голицын, Августин Петрович — 738-39.
Голицын, Александр Федорович — 775.
Головин, Иван Гаврилович — 18, 27-29, 31-34, 37-38, 51-53, 63-64, 75, 102-03, 132-34, 137-38, 170-71, 195-96, 203-04, 252, 308, 325-27, 334-35, 348-49, 354, 356, 362, 369-70, 376, 378, 397-98, 811-12, 818.
Головина, мать И. Г. Головина — 38.
Голохвастов, Дмитрий Павлович — 61-62, 88, 90-91, 159-61, 207, 484, 501-02, 504-05, 509.
Голохвастова, Надежда Владимировна — 62, 159-60, 203-04, 207, 212-13.
Голубев, Яков Иванович — 486-87.
Голштейн-Готорпская династия — 771-72, 774-75.
Голынский, Александр Викентьевич — 31-33, 211, 213, 375-76.
Гомер (Омир) — 48-50, 156-57, 161, 543.
Гораций Флакк — 204.
Горбунов, Кирилл Антонович — 477, 523, 592.
Горчаков, Александр Михайлович — 345, 621, 695.
Горчаков, Михаил Александрович — 695.
Гофман, издатель — 64, 93, 115-16, 135-36, 142, 150-51, 175-77, 197-98, 232, 234, 236, 244-45, 296, 382-83.
Гофман, А.-В.— 540.
Гракхи, братья Тиберий и Гай — 365.
Грамши, Антонио — 364.
Грановская, Елизавета Богдановна — 513, 537-38, 603.
Грановский, Тимофей Николаевич — 15, 136-38, 140, 143-44, 186, 265, 322, 464, 506-07, 509, 512-13, 515-16, 519, 522-23, 527, 532, 536-37, 579, 585-86, 689, 734.
Грант, анатом — 540.
Грант, Улисс — 704.
Грасс, Филипп — 436-37.
Гребенчикова, Р.— 792-93.
Грегорио, Константино (Константин), повар Герцена — 28, 30, 170-72, 174, 207-08, 518.
Греппо, Жан Луи — 446.
Греч, Николай Иванович — 478.
Грибоедов, Александр Сергеевич — 540.
Григорий Назианзин — 466, 469.
Гризи, Джулиа — 334-35.
Гримальди — см.: Флорестан I Монакский.
Гро, московский врач — 520.
Гродек, Г.-Э.— 698-99.
Громор, издатель — 626.
Гроссман, офицер — 425-26.
Гудшо, Мишель — 141-42.
Гужон, Александр — 606.
Гулевич, Михаил Семенович — 640.
Гуно, Шарль — 616.
Гуровский, Адам — 203-04.
Гюго, Адель — 446.
Гюго, Виктор — 335, 344-46, 360, 362, 372-73, 390-95, 399-404, 416, 446, 456, 582, 586, 610, 644-45, 682, 714, 716, 718, 726-27, 734, 737-38, 741.
Гюго, сыновья В. Гюго — 726.

Давыдов, неуст. лицо — 731-32.
Давыдов, Василий Львович — 732.
Дагу — см.: д'Агу.
Далмер, неуст. лицо — 716, 718.
Даль, Владимир Иванович — 536.
Даниельсон, Николай Францевич — 741.
Данич, Юлиан — 698-99, 712.
Данте Алигьери — 82, 611.
Дантю, Эдуард Анри Жюстен — 439, 456-58, 711, 728, 746.
Дараш — 789.
Дардель — см.: Дюран-Фардель.
Даримон, Альфред — 47, 93, 150, 166, 169-70, 251, 272.
Даумер, переводчик — 40.
Двигубский, Иван Алексеевич — 491-92.
Деак, Ференц — 420.
Девиль, врач — 350, 352, 380, 540.
Девоншир, Уильям — 228-29.
Деказ, Эли — 53.
Делаво, Анри (Ипполит?) — 388, 456-58, 678, 711, 796.
Делаво, вдова А. Делаво — 456, 711.
Делагод, Люсьен — 127-29.
Деламарр, Теодор Казимир — 25.
Делеклюз, Луи Шарль — 18-19, 251, 745-46.
Делор, Таксиль — 732, 738.
Дембинский — 787.
Демон — см.: Дюмон.
Демосфен — 161.
Демулен, Огюст — 446.
Депре, виноторговец — 532.
Де-Пап Сезар — см.: Пап, Сезар де.
Де-Пуле, Михаил Федорович — 735.
Державин, Гавриил Романович — 746-47.
Де-Роберти, Е.— см.: Роберти, Е.
Деруа, литограф — 617.
Дефлёт, Поль — 134.
Дефо, Даниель — 682.
Дженни, неуст. лицо — 317.
Джиотто, художник — 609.
Джонс, Эрнест — 334-36, 338, 428.
Дивов, помещик — 510.
Диккенс, Чарльз — 574.
Диксон, Вильям — 727.
Дилке, Чарльз — 746-47.
Динесман, Татьяна Георгиевна — 6.
Дионисий Ареопагит — 466.
Длучевский, Ян — 771-72.
Добролюбов, Николай Александрович — 541, 816, 818.
Долгоруков, Владимир Петрович — 611-12, 652, 658, 702-04.
Долгоруков, Петр Владимирович — 571-72, 611-12, 643, 646, 652-53, 658, 660-61, 696-97, 700-01, 703-05, 736-37, 745, 747, 776, 800, 813.
Долгорукова, Е. Д.— 776.

Долгорукова, домовладелица — 488.
Дольфи, Джузеппе — 682.
Домагальский, Михаил — 448, 450, 540.
Доманже, Жозеф (Домангий) — 331-32, 342, 346-47, 370-78, 382-85, 389-91, 393-96, 410, 415-16, 418, 575, 577-80, 604, 611-12, 614, 618, 630.
Домбровский, Ярослав — 754, 763, 767.
Демонтович, Иосиф — 763.
Домье, Оноре — 20, 99, 133, 193, 205, 211.
Дональди (Донади?), виноторговец — 626.
Дональди (Донади?), Мари — 626.
Донозо Кортес — см.: Вальдегамас.
Драш, неуст. лицо — 563-64.
Дренякин, А. М.—729.
Дрепер (Драпер), Джон Уильям — 607-08, 637-38, 641.
Друцкой-Соколинский, Дмитрий Владимирович — 775.
Дрюэ, Шарль — 66-68, 114.
Дубельт, Леонтий Васильевич — 186, 700-02, 704.
Дубовиков, Алексей Николаевич — 463, 472.
Дуйс, домовладелец — 568.
Духинский, Франциск — 746-47.
Душан Стефан Сильный, царь Сербии — 518-19.
Дюдеван, Аврора — см.: Жорж Санд.
Дюма, Александр (отец) — 130.
Дюмениль (рожд. Мишле) — 404-05.
Дюмон, гравер (в тексте ошибочно: Демон) — 121.
Дюпон де Л'Ер, Жак Шарль — 164.
Дюран, Андре, художник — 473.
Дюран-Фардель (Дардель), врач — 642-43, 655.
Дюссожье, Марк — 58.
Дюфор, Арман Жюль — 53-54, 56.
Дюшатель, Шарль Мари — 520.

Евгения, императрица — 406-08.
Ежовский, Юзеф — 698-99.
Екатерина II — 417-18, 430, 432, 660, 757, 781.
Елачич, Иосиф — 25.
Елизавета, горничная Н. А. Тучковой-Огаревой — 657, 661, 663, 702, 704-05.
Елисеев, Григорий Захарович — 710.
Елпидин — см.: Элпидин.
Ерминия (Эрминия) — см.: Мариэтти Эрминия.
Ермолов, Алексей Петрович — 337, 611.

Жабицкий, Антоний — 376, 755.
Жаннета, горничная Эммы Гервег — 192, 194, 199-200, 317.
Жан-Поль — см.: Рихтер.
Жачек, Вацлав — 794-95, 807-08.
Железнов, Михаил Иванович — 613-14, 629.
Жеребцов, домовладелец — 670.
Жижка, Ян — 802.
Жирарден, Эмиль — 13, 124, 127-29, 135-36, 141-42, 147-48, 150, 156-58, 162-64, 169, 252, 403, 520, 598, 670, 732.
Жирары — 623-24, 626.
Жиру (Жиро-Пузоль, Пьер Антуан?) — 135-36.
Жихонь, польский эмигрант, друг Тхоржевского — 698-99.
Жорж Санд (псевд. Авроры Дюдеван) — 36-37, 66, 68, 171, 260, 269, 274, 292, 296, 313, 315-16, 474-75, 523, 608, 622, 626.
Жук, Александр Антонович — 726.
Жуковский, Василий Андреевич — 20, 48-50, 156-57, 159, 161, 610-11.
Жуковский, Николай Иванович — 564, 683, 701-02, 725-26.
Жуковский, Павел Васильевич — 610-11.
Жуковский, Юлий Галактионович — 622.
Жюльвекур, Поль — 31-33, 285.

Забелла, Пармен Петрович — 621.
Загоровский, неуст. лицо — 566-67.
Зайцев, Варфоломей Александрович — 688.
Залесский, К.— 811.
Застенкер, Наум Ефимович — 319, 359-67.
Захарьин, Н. Н.— см.: Черняк, Я. З.
Захарьин, Петр Александрович — 489-90, 492-94.
Захарьина — см.: Селина, Екатерина Александровна.
Зеебах, Лео — 411.
Зейлер, Себастиан — 131-34, 141-42.
Зенкович, Леон — 376, 755.
Зибель, Генрих — 543.
Зигель, неуст. лицо — 563-64.
Зигмунт, Густав — 189, 440-41.
Зиновьева, Степанида Николаевна — 500-01.
Зонненберг, Карл Иванович — 618-19.
Зубов, Платон Александрович — 677-78.
Зубова (рожд. Плаутина), Вера Сергеевна — 677-78.
Зумр, И.— 785, 792, 809.

Ибн Фозлан (Ибн Фадлан) — 113.
Игнатий св.— 208-09.
Игнатьев, Николай Павлович — 621.
Изабелла II, королева — 384, 696.
Иоанн Безземельный — 235.
Иоанн VIII, папа — 41, 417-18.
Иоанна, папесса — 41, 417-18.
Ионаш, Карел — 785-86.
Ирод, царь — 272.
Ишутин, Николай Андреевич — 672, 696.

Кабази, (Капази?), банкиры — 416-17.
Кабе, Этьен — 167-68.
Кавелин, Константин Дмитриевич — 159, 244, 517-20, 522-23, 526-27, 530, 586, 618, 624, 726, 768.
Кавелина (рожд. Корш), Антонина Федоровна — 517, 519, 526-27, 530.
Кавеньяк, Луи Эжен — 20-21, 110-11, 141-42, 446, 525, 528-29.
Кавур, Камилло — 360.
Кайзер, Бруно — 220.
Калайдович, Иван Федорович — 479.
Калайдович, Федор Федорович (?) — 478-79.
Калинка — 772-73.

Калигула — 86.
Кам (псевд. А. де Ноэ) — 143, 150, 169.
Кампанелла, Томазо — 365.
Кампанелла, Федерико — 326-27, 338-40.
Кампе, издатель — 64, 93, 102, 104, 108-09, 115-16, 119, 121-22, 126-28, 135-38, 151, 175-77, 198, 218-20, 236, 244-45, 296, 382-83.
Кампе, Иоахим Генрих — 119, 121-22.
Кант, Иммануил — 13, 74-75, 127-29, 141-42.
Кантор, Рувим Моисеевич — 658.
Капп («Капорец»), Фридрих — 30-33, 37-40, 66-68, 79-80, 91-92, 97, 99, 104, 108-09, 115-16, 119-21, 124-26, 129-30, 135-36, 147, 150-51, 157, 170-71, 203-04, 208, 218-19, 233, 235, 648, 703-04, 746-47.
Капфиг, Жан Ремон — 135-36.
Карабанов, Павел Федорович — 660-61, 695-96, 701.
Каракалла, Марк Аврелий Антоний — 84, 86.
Каракозов, Дмитрий Владимирович — 572, 595, 672, 680, 718, 720.
Карл, принц Монакский — см.: Валентинуа.
Карл I Стюарт — 606.
Карл II Стюарт — 606.
Карл-Альберт, король — 359, 414.
Карлейль, Джен Уэлш — 350, 352.
Карлейль, Томас — 338-39, 352, 605-06.
Карлье, Пьер («Карл Иванович») — 101, 121, 145-46, 160-62, 164, 176-77, 180, 182, 184, 186, 205-08, 210, 212.
Карно, Лазар Ипполит — 134.
Каролинги, династия — 180.
Карпантье, В.— 183, 185.
Карр, Эдвард — 16, 262, 303, 314-18.
Картере — 56.
Картуш (Луи Доминик Бургиньон) — 137-38.
Карус, Карл Густав — 464, 531-32.
Касаткин, Виктор Иванович — 186, 571, 624, 626, 649, 652, 660, 670, 763, 773-74, 804.
Касаткина, Елизавета Васильевна — 572, 624, 648-49, 652-53, 677.
Кассий, Лонгин Гай — 450, 813.
Катилина, Луций Сергий — 153, 161, 365.
Катков, Михаил Никифорович — 660, 713, 718, 729-30, 776-77, 816.
Катков, сын М. Н. Каткова — 718.
Кауфман, Константин Петрович — 777.
Кашперов, Владимир Никитич — 566-67.
Кашперовский, неуст. лицо — 698.
Квадрио, Маурицио — 664-65.
Кельсиев, Василий Иванович — 627, 658, 660, 814, 816, 818.
Кеменова, Зинаида — 700.
Кеневич, С.— 754.
Кениг, Генрих Иозеф — 230-32, 248, 250-51.
Кераджи, Анатаз — 404.
Кёрдеруа, Эрнест — 378, 380.
Кеслон — см.: Классен.
Кесман, издатель — 151, 252.
Кесман, жена издателя — 252.
Кестнер, банковский служащий — 399.
Кетле, Ламбер Адольф — 579-80, 668.
Кетчер, Николай Христофорович (Барон Упсальский) — 462, 469-75, 477-78, 480-82, 484-92, 494, 497-98, 502, 505-07, 510, 532, 544, 553, 602.
Кетчер, Серафима Николаевна — 544.
Кине, Эдгар — 456, 571, 612, 670, 672-73, 680, 725-26.
Кине, жена Э. Кине — 673, 680.
Кинкель, Годфрид — 183, 185-86, 579, 794.
Кинкели — 579.
Кир, царь персидский — 62.
Кирьяков, Николай Андреевич — 466, 469, 497-98.
Киселев, Николай Дмитриевич — 175-77, 215-16, 811.
Киш — 811.
Клапка, Георг — 794, 812.
Кларти, Жюль — 606, 622.
Классен, книгопродавец (ошибочно назван Кеслоном) — 706-07.
Клевенский, Митрофан Михайлович—52, 818.
Клингзиг — 48-49.
Клыков, Александр Иванович — 505.
Ключарев, Григорий Иванович — 28, 30, 52, 61-62, 156, 159-60, 195-98, 209, 520, 538.
Клячко, Юлиан — 766, 772-73.
Кнаповский, В. — 751.
Кобердова, И.—751-52, 755, 760, 765, 767.
Ковалевский, Владимир Онуфриевич — 763, 769.
Ковальский, Ю.—751.
Козенц, Энрико — 455.
Козьмин, Борис Павлович — 188-89, 419, 566, 571, 671, 687-89, 692, 714, 739, 769.
Колачек, Адольф — 170-71, 180, 197-98, 217-20, 226-27, 230-34, 236, 244-45, 248-51, 387.
Кольб, Ж.-М.—645.
Кольфаврю, журналист — 185.
Кольцов, Алексей Васильевич — 734.
Комаров, Т. (Чаплия) — 701.
Комиссаров, Осип Иванович — 679-80.
Конради (рожд. Бочечкарова), Евгения Ивановна — 708, 710-11.
Консиденран, Виктор — 39, 111.
Константин Николаевич, в. к.—336-337.
Конт, Огюст — 543, 608, 697-98, 737, 747.
Конфалоньери, Федерико — 232.
Коперник, Николай — 469.
Корвин-Вержбицкий, Отто Юлий Бернгард — 6, 439, 447-48.
Корде, Шарлотта — 139-40, 146-47, 150.
Корш, Евгений Федорович — 322, 516, 518-19, 522-24, 526.
Корш, Мария Федоровна — 507, 509, 515, 518, 522, 524, 526-27, 530, 532, 535.
Корш, Софья Карловна — 509, 524, 526.
Коссидьер, Марк — 525.
Косик, Карел — 792-93, 807.
Коссиловский, Иосиф — 762.
Коста, Л., врач — 662, 695-96.
Коффи, неуст. лицо — 668.
Кошут, Вильма — 422, 437-38.

Кошут, Лайош — 5, 196, 332, 338, 348-49, 371-72, 382-83, 389-91, 402-03, 406-08, 410, 419-20, 422, 424-29, 431-33, 438, 446, 540, 789, 792, 794, 808.
Кошут, сестра Л. Кошута — 794.
Краевский, Андрей Александрович — 667, 701, 729-30.
Кранахи — 609.
Кранах, Лукас младший — 616.
Кранах, Лукас старший — 616.
Красовский, Юрий Александрович — 687.
Крафт, неуст. лицо — 621.
Кремье, Исаак Адольф — 156.
Крепо, хоз. гостин.—654.
Кретен, А.—251.
Кривошапкин, неуст. лицо — 775.
Крими, неуст. лицо — 563-64.
Криспи, Франческо — 361.
Кромвель, Оливер — 157-59, 576, 606, 622, 627 , 633.
Кроссе-Спинелли, франц. политический деятель — 141-42.
Кроуфорд, Джорджина (в замужестве Саффи) — 328, 330-31, 354-58, 368.
Кроуфорд, Катерина — 328, 330-31.
Кроуфорд, мать Дж. Кроуфорд — 356-57.
Кроуфорд, отец Дж. Кроуфорд — 356-58.
Кроуфорды — 331, 355-57, 368.
Круликовский, Кароль — 809.
Крылов, Иван Андреевич — 640.
Крылов, Никита Иванович — 522-23, 526.
Крылова (рожд. Корш.), Любовь Федоровна — 517, 519, 522-23.
Крюков, Дмитрий Львович — 507, 509.
Ксенофонт — 61-62.
Куза, Александр, князь — 815-16.
Кузен, Виктор — 466, 469.
Кукольник, Нестор Васильевич — 479.
Курута, Иван Эммануилович — 476, 482, 484, 490-91.
Курута, семейство — 476, 479.
Кутузов, Михаил Илларионович — 670.
Кушева, Екатерина Николаевна — 581, 588, 690, 723.
Кушелев-Безбородко, Григорий Александрович — 775.
де Кюстин, Адольф — 249, 251.
Кэн, Жюльен — 6.

Лавров (Миртов), Петр Лаврович — 505, 693.
Лавровский, профессор — 784.
Лакруа, Сильвестр Франсуа — 520-21, 523, 683, 730-32.
Ламанский, Владимир Иванович — 784.
Ламартин, Альфонс — 147-50, 159, 161, 163, 167-68, 525.
Ламбрускини, Рафаэле — 547.
Ламе, Габриэль — 509.
Ламене, Фелисите — 446.
Лами, Эжен Луи — 63, 83, 179, 183.
Ламорисьер, Кристоф Луи Леон —110-12.
Лангенбейн, хирург — 654.
Ланглуа, Жером — 692, 739-40.
Ланский, Леонид Рафаилович — 6, 9, 17-317, 419, 422, 439-58, 461-538, 594, 606.
Лапинский, Теофиль — 664-65.
Ларошжаклен, Анри Огюст — 152-53.
Лассаль, Фердинанд — 12.
Лафон, Шарль — 171.
Лафонтен, Август — 476.
Лафонтен, Жан — 64.
Левассор, Пьер — 215, 340.
Левашева, Екатерина Гавриловна — 480, 485-86.
Левашевы — 490.
Лёве, врач — 54-55, 233, 235-36, 242-43, 248-49.
Левин, Шнеер Менделевич — 582, 685-93.
Левицкая, Полина Сергеевна — 590, 655.
Левицкий (Львицкий), Сергей Львович — 542, 545, 565-67, 590, 651, 655, 807.
Левье, врач — 574, 577, 584, 586, 588-89, 611-12, 614, 621, 628, 630, 642-43.
Легуве, Эрнест — 22.
Ледрю-Роллен, Александр Огюст — 19, 251, 348-49, 362-63, 382, 407-10, 446, 541, 789.
Лейбниц, Готфрид Вильгельм — 478, 518.
Лейкина-Свирская, Вера Романовна — 555-56.
Лекутюрье, Анри — 150.
Лелевель, Иоахим — 420.
Лелё, Арман Луиза (в подписи ошибочно Лелу) — 59.
Леметр, Фредерик — 20, 159, 161, 163, 515-17.
Лемке, Михаил Константинович — 11-12, 60, 64, 75, 78, 99-100, 106, 151, 159, 213, 236, 344, 388, 446, 461, 463, 478-79, 487, 554, 706, 715, 729, 732, 765-66, 771, 774-75, 787, 809.
Ленин, Владимир Ильич — 361, 595, 692.
Леонардо да Винчи — см.: Винчи.
Леонтина, парижская гризетка — 67-68, 127-29, 210, 212, 226-27, 278-79.
Леопарди, Джакомо — 320.
Лермонтов, Михаил Юрьевич — 102, 104, 189, 282, 284-85, 422, 537, 783.
Леру, Пьер — 39, 111, 382-83, 400-01, 446, 456, 523.
Лерхе, домовладелец — 497.
Лефевр, К., книгоиздатель — 446.
Лешер, книгопродавец — 611-12.
Либкнехт, Вильгельм — 434.
Ливанов, Ф.— 700.
Линков, Яков Иосифович — 566.
Линкольн, Авраам — 704.
Линней, Карл — 108-09.
Линтон, Вильям Джемс — 154-56, 338, 361, 370, 372-75, 380-81, 428, 810.
Лист, Ференц — 247.
Литтре, Поль Максимилиан Эмиль — 477-78, 698, 745, 747.
Лобанов-Ростовский, Михаил Борисович — 195-96, 201-02.
Ловецкий, Алексей Леонтьевич — 124.
Ло Гатто, Этторе — 6, 442, 448, 455.
Логран, П.—48-50, 153.
Ломбар, неуст. лицо — 660.
Лопатин, Герман Александрович — 741.
Лувертюр, Туссен — 161, 163, 165-66.
Лугинин, Владимир Федорович — 564, 576, 602, 614-15, 656, 710, 769.
Луи Наполеон — см. Наполеон III.
Луи Филипп — см. Людовик Филипп.
Лукьянов, Яков Афанасьевич — 466, 469.
Львов, Федор Николаевич — 555.
Любавин, Николай Николаевич —741.

Людвиг I Баварский — 40, 621.
Людовик XVI — 153, 607, 647, 726.
Людовик Филипп — 182, 184, 684.
Люке, хирург — 654-56.
Лютер, Мартин — 644.

М., неуст. лицо — 298.
Маврокордато, неуст. лицо — 697.
Магеллан, Фернан — 113.
Магомет — 27, 29.
Мазад, Шарль — 730-31.
Майер (Майор), хирург — 628, 631, 661, 677, 697-98.
Макашин, Сергей Александрович — 583, 684, 728, 732.
Мак-Кинель, Вильям — 704.
Маке, Огюст — 130.
Максимов, Сергей Васильевич — 710.
Максимович, Михаил Александравич — 466, 469.
Маллар, неуст. лицо — 317.
Мальт-Брюн, Конрад — 113.
Мальцов, домовладелец — 471.
Мам., неуст. лицо — 700.
Марат (Мара́), Жан Поль — 141-42, 146-47, 167-68, 677.
Мариани, Дж — 363.
Марианна, неуст. лицо — 22.
Марио, Альберт — 564-65, 614.
Марио (Уайт), жена А. Марио — 455-56, 564-65, 612, 614.
Мариэтти, Эрминия (Ерминия) — 586-87, 590.
Мариэтти, Франческо — 590.
Мария Александровна, императрица — 718.
Мария Антуанетта, королева — 153, 337-38.
Мария Федоровна, императрица — 660-61.
Марк Аврелий — 345-46.
Маркович, Мария Александровна (псевдоним Марко Вовчок) — 418, 746-47, 788.
Маркс, Карл — 10, 129, 131, 134, 177, 213, 370, 376, 385, 392, 402, 434, 556, 598, 658, 691-92, 712, 717, 719, 726, 740-741.
Марлинский — см.: Бестужев, Александр Александрович.
Мартиньяк, Жан Батист — 53.
Мартынов, Иван Матвеевич — 807.
Маршев, Иван Иванович — 153.
Масе, Жак — 650.
Массоль, Александр — 221-22.
Матвей Савельевич (Ливен?), слуга Герцена — 469-71, 482, 484, 487, 491.
Матис, певица — 500.
Матрена, горничная Коршей — 518-19.
Маттеучи, Карло, — 547, 650, 653.
Матфей (евангелист) — 31-33.
Матюшенко, Людмила Ивановна — 539-60, 685-734.
Маццини, Джузеппе («Осип Иванович») — 13, 54, 118, 165-66, 186, 233-34, 236, 320, 322-23, 325, 327, 331-32; 334-35, 338-39, 344-46, 348-49, 354-56, 360-61, 364, 368, 371-72, 376-77, 381-82, 386-87, 402, 407-08, 410, 414-16, 454-55, 540-41, 551, 571, 597-98, 612, 614, 618-19, 664-65, 716, 718, 722-23, 734, 737, 789.
Маццолени, Перикл — 326-27, 340.
Меассалер, Адельгейда — 622.
Меглинг, Теодор — 48, 50.
Медведев, Петр — 475.
Медведева, Прасковья Петровна — 475.
Медичи, Джакомо — 415, 455, 618.
Мейербер, Джакомо — 19-20, 279, 471, 498.
Мейзенбуг, Мальвида — 55, 261, 320, 326-28, 330, 334-35, 342-43, 347, 408, 410, 421-23, 427, 436-37, 447, 539, 548, 563-66, 569-71, 573-74, 577-80, 582-90, 593-94, 600, 605, 609-11, 614, 616, 618-21, 623-25, 628, 634, 636, 639-43, 646, 650, 655-58, 661, 664-68, 673-74, 678-84, 694, 708, 710-11, 723, 733, 736, 742-45, 786.
Мейзенбуг, Отто — 639-40.
Мейзенбуг, сестра М. Мейзенбуг — 646.
Мельгунов, Николай Александрович — 33, 177, 230-32, 248, 250-51, 442, 464, 516-17, 519, 531, 535-36, 538, 716.
Мерославский, Людвиг — 18, 50, 634, 638, 640, 645, 764-66, 773.
Мерчинский, В.—581, 608, 650, 658, 660, 662, 702-03, 742.
Мерчинский, сын В. Мерчинского — 703.
Меттерних, Климент Венцель — 434, 491.
Меццокаппо, Карло — 455.
Меццофанти, Джузеппе — 47, 49-50.
Мечери — 809.
Мечников, Лев Ильич — 572, 640, 698-99.
Мещерский, Александр Николаевич — 461, 576, 583-85, 588-90, 602, 619, 627, 633, 639, 668.
Микельанджело Буонаротти — 325-26.
Милевский, А.—763, 773-74.
Милль, Джон Стюарт — 543, 815, 819.
Мильнер-Гибсон, Томас — 334.
Мильнер-Гибсон, Сюзанна Аретуза — 333-34.
Милюков, Александр Петрович — 315, 320.
Минаев, Дмитрий Дмитриевич — 660, 696.
Минх, И.—818.
Митрополит (Петербургский?) — 718.
Ми(т)чель, Джон — 387-88.
Михайлов, А. Р.—734.
Михайлов, Михаил Илларионович — 542, 567, 780.
Михайлович, неуст. лицо — 566-67.
Михайловский, Генрих — 448.
Михаловский, Николай Константинович — 660, 693.
Мицкевич, Адам — 751, 787.
Мишель, Каролина — 534, 536, 678-79.
Мишле, Жюль — 241, 335-38, 342-46, 388, 395-98, 400-02, 404-07, 426-28, 456, 543, 605-07, 622, 626, 630, 647, 666, 672, 755, 811.
Моле, Луи Матье — 193, 211.
Молепини, Эме — 370.
Молешот, Якоб — 547, 578, 620.
Мольер, Жан Батист — 175, 391.
Моно, Габриэль — 574, 578, 607, 611, 614, 621, 666-67, 744.
Моно-Герцен, Эдуард — 5-6, 16, 262.

Монталамбер, Шарль — 127, 193, 251.
Монтекуколи, Раймонд — 724, 726.
Монтес, Лола — 39-40, 517, 519.
Мор, Томас — 603, 646.
Мордовцев, Даниил Лукич — 662-63.
Морен, Эдмон Александр — 199.
Морис, неуст. лицо — 656.
Мороткин, Федор Лукич — 485-86.
Мрочковский, Валериан — 709-10, 728, 732-33, 736-37, 742-44, 747.
Мур, Джордж — 334.
Муравьев, Михаил Николаевич (Вешатель) — 595, 672, 674, 755, 776-77, 784.
Мурангов, А., художник — 507.
Мурильо, Бартоломео — 498.
Муций Сцевола — 618.
Мюллер-Стрюбинг, Герман — 56-57, 66-68, 274, 436-37, 540, 679, 738-39.
Мюнстер, книгопродавец — 611-12.
Мягков, Гавриил Иванович — 466, 469, 488.

Набоков — 775.
Нагорный, неуст. лицо — 781.
Надеждин, Николай Иванович — 466, 469.
Наке, Альфред — 603, 616, 671, 725-26.
Наполеон I—41, 131, 180, 182, 184, 480, 487, 609, 759.
Наполеон III («Сулук») — 21-22, 25, 54, 107, 110-12, 133-34, 150, 155, 193, 199, 247, 322, 328, 330, 332, 360, 363, 366, 381-82, 405-06, 411, 418, 432, 434, 446, 525, 595-97, 612, 624, 641, 670, 674, 683-84, 698, 711-12, 737, 740, 746.
Наполеон Бонапарт, принц — 641.
Наполеон, Пьер — см. Бонапарт, Пьер.
Напрстек, Войта — 785-86.
Напрстек, Фердинанд — 787.
Нарей, Шарль — 215.
Небаба, Дмитрий Васильевич — 478-79, 488-90.
Ней, Мишель — 216, 218.
Некрасов, Николай Алексеевич — 780, 783.
Некрасова, Екатерина Степановна — 753.
Нелатон, Огюст — 654, 692, 740-41.
Немцов, Карел — 794.
Немцова, Божена — 794-95, 797.
Непир, Чарльз — 328, 330, 380-81, 385.
Неруда, Ян — 787, 792, 802, 807.
Нессельроде, Карл Васильевич — 201-02, 205-06, 209-10, 212, 337, 386-87, 394, 411, 443, 445, 784.
Нефтель, Василий Федорович — 567-68, 576, 621, 648, 680, 703-04, 746-47.
Нечаев, Сергей Геннадиевич — 598, 600, 658, 677, 681, 714-15, 721, 726, 733,735.
Нечкина, Милица Васильевна — 546.
Нидергрубер, австрийский эмигрант — 285, 316.
Нидерхаузер, Эмиль — 419.
Никитин, Иван Саввич — 734-35.
Никитин, Савва, отец И. С. Никитина — 735.
Никифор, слуга Астраковых — 532.
Николадзе, Николай Яковлевич — 640, 688, 738-39.
Николай I — 93-94, 145, 154-55, 162, 164, 167-68, 182, 184, 206-07, 233-34, 236, 327-28, 330, 336, 338, 362, 366, 372-73, 381-83, 392-96, 434, 441, 491, 543, 554, 754-55, 757, 782, 812.
Нильсон, Христина — 655.
Нионский, Й., псевдоним Герцена — 670, 696, 708.
Носков, Михаил Павлович — 466, 469.
Ноэль, Леон, — 523.

Обер, Даниэль Франсуа — 391, 498.
Обер-Лаурер, неуст. лицо — 285, 316.
Оболенская, Зоя Сергеевна — 582-83, 683-84, 689, 728-30, 732-39, 744.
Оболенский, Алексей Васильевич — 728 732.
Овербек, Фридрих — 609, 616.
Огарев, Николай Платонович — 5-6, 15, 28-29, 32-33, 40, 45, 61-63, 76, 78, 80, 105-06, 143-48, 151-53, 157-59, 176-77, 181, 188, 230-31, 249, 251, 259, 276, 278, 280-82, 287, 292, 319, 350, 352-58, 418, 437-38, 452-53, 469, 477-78, 480-83, 485-86, 488, 490-91, 497-98, 502-05, 531-32, 534-37, 539-42, 544, 546-51, 553-54, 556-58, 560-62, 565-77, 579-86, 588-89, 591-94, 596-98, 600-02, 605, 608-09, 611-12, 614-16, 618, 621, 624, 627-34, 636-38, 640-45, 647-50, 652, 654-58, 661-68, 670-71, 673-77, 681, 683, 685-748, 754, 757-58, 762-64, 767-69, 772, 775-78, 781, 807, 815, 818-19.
Огарев, Платон Богданович — 481, 549, 574.
Огарева, Анна Платоновна — см.: Плаутина, А. П.
Огарева (рожд. Рославлева),Мария Львовна — 18, 143-45, 152-53, 314, 483, 485-86, 533-36.
Огарева (рожд. Тучкова), Наталья Алексеевна — 15, 28-29, 143-45, 152-53, 186, 188, 260-62, 276, 278, 280-82, 287, 292, 305, 310, 318, 320, 354-58, 418, 422, 458, 464, 470, 535-36, 540, 544, 548-49, 551, 555-56, 558, 560-63, 565-70, 574, 577-78, 582-85, 587-90, 595, 600-02, 605, 615-16, 621, 623-28, 636-38, 641, 643-47, 650-51, 653-58, 660, 662-64, 666, 668, 670-71, 675-76, 678-81, 683-84, 694, 696, 698, 703-04, 707, 710-11, 714, 720, 723-30, 732, 734, 736, 738-39, 741, 748.
Огаревы — 28, 45, 186, 354-58, 535, 571.
Одоевский, Александр Иванович — 487.
Одоевский, Иван Сергеевич — 487.
Озеров, Владимир Михайлович — 736-38, 744, 747.
Озеров, Владислав Александрович — 501.
Озерова, Александра — 744.
Окен, Лоренц — 531-32.
О'Коннор, Фергюс — 338.
Оливье, Эмиль — 670.
Ольшевский, Юзеф — 751.
Омальский, герцог — 716, 718.
Омер-Паша (Михаил Латош) — 328, 330.
Онагр — см.: Онгаро, Ф.
Онгаро, Франческо (Онагр) — 610-12.
Д'Опуль (д'Опу), Альфонс — 53-54.
Орлеанский, герцог — 245-46.

Орлов, Александр Анфимович — 479.
Орлов, Алексей Григорьевич — 660-61.
Орлов, Алексей Федорович — 370, 394.
Орсини, Феличе — 314, 326-27, 332, 381, 618-20, 790.
Осип Иванович — см.: Маццини, Д.
Островский, Александр Николаевич — 15, 137-38, 710.
Островский, Кристин Иосифович — 195-96, 765, 774.

П.— см. Полуденский А. П.
Павел I — 660-61.
Павлов, Михаил Григорьевич — 492.
Павлов, Николай Филиппович — 517, 519, 537-38.
Падлевский — 805.
де Пап, Сезар — 741-42.
Палади, граф — 811.
Палацкий, Франтишек — 784, 806.
Пальмерстон, Генри Джон Темпль — 346-48, 454.
Пальмье, врач — 190, 192-94, 199-200.
Пан — см.: Тхоржевский.
Панаев, Иван Иванович — 505, 702.
Панаева, Авдотья Яковлевна — 533, 535.
Панин, Виктор Николаевич — 167-68, 442.
Панофка (Пановка), Генрих — 580, 582-83, 590, 611-12, 633, 665-67, 723-24.
Парлаторе, Филипп — 547, 695, 712.
Парфений (Васильев-Чертков, Павел Васильевич) — 470-72.
Паскевич, Иван Федорович — 195-96.
Пассек, Вадим Васильевич — 469.
Пассек, Леонид Васильевич — 466, 469.
Пассек (рожд. Кучина), Татьяна Петровна — 462-63, 479-80, 487, 501, 557-58, 560.
Патек, неуст. лицо — 698.
Пейкер, Иван Устинович — 494-95.
Пеласгий, ересиарх — 171, 173, 175.
Пелисье, Жан Жак — 430.
Пенизи — 576, 583-84, 586, 588-89, 674, 677-78, 680, 684, 741-42.
Перрон, Шарль — 742-43, 747.
Персиньи, Жан Жильбер Виктор — 176-77, 623-24.
Пестель, Павел Иванович — 755, 784, 811.
Петипьер (Петри?), Гонзальво — 31-33, 36-37, 132-34.
Петр, апостол — 665.
Петр I — 14, 183, 185, 233-34, 249, 251, 279, 497.
Петр Пустынник — 702.
Петрашевский (Буташевич-Петрашевский), Михаил Васильевич — 145.
Петри — см. Петипьер, Гонзальво.
Пешковы — 488-90, 492, 501.
Пиа, Феликс — 326-27, 334-35, 346-48, 360, 383, 517.
Пианчиани, Луиджи — 5, 328-31, 337-39, 348, 356, 359-418, 433, 446.
Пианчиани, отец Л. Пианчиани — 356-57, 413.
Пиггот, Эдуард — 328, 330, 371-72, 377, 434.
Пизакане, Карло — 364, 455.
Пий VII, папа — 41.
Пий VIII, папа — 338.
Пий IX, папа — 381, 410, 644-45.
Пилат, Понтий — 357-58.
Пиль, Роберт — 242-43.
Пинто, Микель-Анджело — 6, 350, 352, 439, 441-45.
Пипо, Александр — 763, 774-75.
Пирогов, Николай Иванович — 543, 555-56.
Писарев, Дмитрий Иванович — 710, 780.
Платон — 603, 646.
Платтенауер — 350, 352.
Плаутин, Сергей Федорович — 677, 678.
Плаутина (рожд. Огарева), Анна Платоновна — 677-78.
Плаутина, Вера Сергеевна — см.: Зубова.
Плещеев — 661.
Погодин, Михаил Петрович — 488, 490, 796, 798-801, 809.
Погожельский — 763.
Поджио, Александр Викторович — 570-71.
Полевой, Николай Алексеевич — 478, 480.
Полторацкий — см.: Полуденский, А. П.
Полуденская (рожд. Сазонова), Мария Ивановна — 475, 514.
Полуденские — 506, 519.
Полуденский, Александр Петрович (в тексте опечатка: Полторацкий) — 264, 314, 514.
Полуденский, Николай Петрович — 475, 514.
Полуденский, Петр Семенович — 475.
Понсар, Франсуа — 139-40, 146-48, 150.
Понси, Ж.—199.
Попов, капитан — 768.
Порше, Жан — 6.
Постников, Н. В.— см.: Роман, К. А.
Потемкин, Григорий Александрович — 696.
Потоцкий, Альберт, граф — см.: Балашевич-Потоцкий.
Поше, Э.—451.
Пражен (Праген), неуст. лицо — 257.
Прален, Альтарис Розальба Фанни — 386-87.
Прален, Теобальд Шуазель — 386-87.
Прокеш, Франтишек — 807.
Прудон, Пьер Жозеф — 20-21, 39-41, 45-46, 48-50, 54-55, 89, 91-93, 105, 110-12, 118, 137-38, 147-49, 152-53, 156-58, 162-66, 168-71, 176-80, 248, 250-51, 268, 285, 337, 344-46, 439-40, 543-44, 571-73.
Прудон, г-жа (жена П. Ж. Прудона) — 178-79.
Пугачев, Емельян Иванович — 167-69, 662-63.
Пуки, типограф — 776, 778.
Пульская, Поликсена — 424.
Пульская, Тереза — 5, 170-71, 354-56, 419-38, 586, 794.
Пульский, Гарибальди — 437.
Пульский, Дюлу — 438.
Пульский, Ференц — 5, 64, 332, 335-36, 338, 406-07, 419-38, 563-64, 785, 794, 812.

Путинцев, Владимир Александрович — 600, 688, 703.
Пушкин, Александр Сергеевич — 72-73, 89-90, 105, 120, 122, 127-28, 167-69, 203-04, 273, 282, 284-85, 479, 540, 726, 783, 789.
Пфеффер, типограф — 776, 778.
Пшевлоцкий, Ю.—762, 771-72.
Пыпин, Александр Николаевич — 660.
Пятковский, Александр Петрович — 367, 695-96, 702, 708, 710-11, 728, 734.

Р., жена Сазонова — 27, 29.
Равель, Пьер Альфред — 703-04.
Рагозин, Виктор Иванович — 743.
Рагозин, Евгений Иванович — 738, 743.
Радецкий, Иосиф — 110-12, 114, 118.
Радулеску, Э.—811.
Раевский, неуст. лицо — 551.
Раевский, священник — 667.
Разин, Степан Тимофеевич — 722.
Райе (Рейе), Пьер Франсуа — 534, 536.
Раковский, Георгий Савва — 815.
Расин, Жан Батист — 166, 225, 247.
Рассидеску, Штефан — 815, 819.
Распайль (Распаль), Франсуа Венсан — 19, 598, 670.
Раумер, Фридрих Георг Вильгельм — 486-87.
Раусмиц, неуст. лицо — 811.
Рафаэль Санти — 498.
Раш, Густав — 810-11.
Рашель, Элиза — 22, 165-66, 192, 194, 279.
Ре (Рей), Аристид — 746-47.
Реберг, Гергард Альфредович (у Герцена ошибочно Рейман)—696-98.
Редкин, Петр Григорьевич — 509, 518-19, 523, 527, 535-36.
Резен, знакомый К. Фогта — 728-29.
Рей — см.: Ре.
Рейман — см. Реберг, Г. А.
Рейнгарт (Рентгартен), Лев Андреевич — 773.
Рейс - Грейс - Гоген - Зигмарингенберг-Цаум — 195-96.
Рейхель, Адольф — 24-25, 28, 30, 34, 154-55, 186, 188, 192, 221, 316, 399, 404, 574, 653.
Рейхель (рожд. Эрн), Мария Каспаровна — 25, 40, 89, 116, 129-32, 136-37, 146, 151, 158-60, 195-98, 205-07, 255-57, 284, 290, 294, 298, 316-17, 322-23, 326-27, 335-36, 343, 372, 378, 387, 391, 398, 409, 425, 446, 512, 515, 518, 520, 524, 537-38, 540, 557-58, 560, 573, 577, 581, 583, 614, 618, 649-51, 653, 677, 691, 734, 743, 810.
Рейхель, Мориц — 34, 102, 104, 207-08, 229-30.
Рейхели — 544, 573, 653.
Рейхенбах, Оскар — 324.
Рекель, Карл Август — 156.
Реклю, Эли — 335-36.
Реклю, Элизе — 336, 666, 728-29, 738, 743-44, 746.
Ренан, Эрнест — 633.
Ренненкампф, Н. К.—715.
Рибероль (Рибейроль), Шарль — 166, 360, 378, 380-83, 386-88, 390-92, 395-98, 404, 406, 412, 416.
Рив, Эмилия — 348-49, 560-61, 564.
Ригер, Франтишек Ладислав — 806.
Римини, неуст. лицо — 404-05.
Рист, Жермена Шарль — 5-6, 462, 595-96.
Риттер, Карл — 113.
Рихтер, Иоганн Пауль Фридрих (псевдоним Жан Поль) — 474-75.
Рихтер, Михаил Вильгельмович — 506.
Робен, Поль — 741-42, 747.
де-Роберти, Евгений Валентинович — 737-38.
Робеспьер, Максимилиан — 254-55.
Роде (Род?), неуст. лицо — 211, 213-14.
Родионов, Николай — 581-82.
Розанов, Леонтий Иванович — 710.
Розингер, швейцарский знакомый Герцена — 151.
Рокка, знакомая Герценов — 577, 704-05.
Роман, Карл Арвид (агентурное имя Постников, Н. В.) — 658, 744-45.
Ромм, Шарль — 606, 622.
Роскина, Наталья Александровна — 6.
Рославлев, Лев Николаевич — 145.
Россели, Н.—364.
Россель, Ю. А.—711.
Россети, Константин А — 810-11, 815, 818.
Росси, Пеллегрино —118.
Россини, Джакомо —508, 511.
Ротшильд, Джемс — 28, 30, 32-33, 41, 46, 48-49, 51-54, 66, 68, 110, 112, 118-20, 122, 128, 138-39, 141-42, 147-48, 159-65, 167, 170-76, 195-96, 201-04, 207-08, 210, 212, 215-19, 242, 398-99, 538, 683, 728.
Ротшильды (лондонские) — 369, 398-99, 407-09, 414-16, 452-53.
Ротшильды — 51-52, 362, 402, 404, 444-45, 527, 589-90, 636, 744.
Рош, С.—430, 432.
Рошаль, Софья Иосифовна — 9.
Рошковская (рожд. Хораламбие), Севастица — 819.
Рошковский, Михаил Францевич — 815-17, 819.
Рошковский, Николай Францевич — 819.
Рошковский, Франц — 819.
Рошроль, знакомый Герценов — 621.
Ру, Л., аббат — 389.
Руайе, Альфонс — 215.
Руарги, Адольф и Эмиль — 51, 659, 731, 735.
Рубинштейн, Антон Григорьевич — 636.
Рубриквис — 113.
Руге, Арнольд — 165-66.
Рудницкая, Евгения Львовна — 461-538.
Ружмоны, банкирская контора — 197-98.
Рунич, Екатерина Николаевна — 9.
Руссо, Жан Жак — 30, 33, 264, 338-39, 377-78.
Руфенахт, А.-Е., хозяин гостиницы — 48, 50, 108-09, 211, 213.
Рылеев, Кондратий Федорович — 187, 189, 284, 781-82.
Рындзюнский, Павел Григорьевич — 818.
Рютер, А.—6.

Савицкий (Стелла), Иван Михайлович — 570, 580.
Савич, Алексей Николаевич — 466, 469, 496, 499.
Савич, Иван Иванович — 618.
Савойская династия — 540.
Садовников, Василий Семенович — 495, 503.
Сазонов, Иван — 24.
Сазонов, Николай Иванович — 17-21, 23, 25, 27-29, 33, 42, 44, 48-50, 183, 185, 249, 251, 312, 314, 469-70, 472, 475-76, 478-82, 486, 514, 674.
Сазонова, Елизавета Ивановна — 514, 520, 522.
Салтыков-Щедрин, Михаил Евграфович— 710, 780.
Сальватор, Роза — 498.
Сальви, Лоренцо — 511.
Сальвотти, Антонио — 230-32.
Самарин, Юрий Федорович — 542.
Сарду, Викторьен — 679, 726-27.
Сарто Андреа дель — 170.
Сатин, Николай Михайлович — 28-29, 143-45, 153, 280, 287, 497, 501, 505, 534, 536, 556, 558, 579, 632-33, 647, 661, 725, 738.
Сатина (рожд. Тучкова), Елена Алексеевна — 29, 534, 536, 646-47, 679, 702.
Сатина, Наталия Николаевна — 646-47.
Сатины — 555-58.
Саффи, Аврелий — 5, 186, 319-58, 363, 370-74, 376, 378, 381-91, 394-96, 400-01, 404-05, 410, 413-14, 416-18, 427-28, 432-34, 446.
Саффи, Джорджина — См.: Кроуфорд, Д.
Саффи, мать Аврелия Саффи — 404-05.
Сватиков, Сергей Григорьевич — 715.
Свентославский, Зено — 328-30, 377-78, 380-81, 386-87, 394-96.
Севастьянов, Петр Иванович — 428-29.
Селиванов, Илья Васильевич — 186, 188-89, 287, 465.
Селин, Александр Иванович — 494.
Селина (рожд. Захарьина), Екатерина Александровна — 494.
Сен-Бёв, Шарль Огюстен — 639-40.
Сен Жюст, Луи — 606, 632-33, 745, 747.
Сенковский, Осип Иванович (Барон Брамбеус) — 479, 491.
Сент-Арно Леруа, Арман Жак — 328, 330, 390-92.
Сен Симон, Анри Клод де Рувруа — 365.
Сераковский, Зигмунт — 805.
Сергей Иванович, слуга П. Г. Редкина — 527.
Серно-Соловьевич, Александр Александрович — 541, 597, 640, 645, 687-88, 713-14, 716-18, 725-26, 728-30, 738-39, 775-76.
Серно-Соловьевич, Николай Александрович — 541-43, 560-62, 716, 780.
Сетерленд, Генри —634, 641, 648-49, 675-76, 742-43.
Сетерленд, Мери — 573, 634, 640-41, 648-49, 675, 681, 727, 743.
Сидоли, А.— 629.
Симеон Столпник — 37-38, 248, 250.
Симон, Жюль — 727.
Симон, Людвиг (Симон Трирский) — 62-64.
Скабичевский, Александр Михайлович — 710.
Скалон, Аркадий Владимирович — 671, 706, 715-16.
Скворцов, Андрей Ефимович — 479.
Скотт, директор колледжа — 347-48.
Скриб, Огюстен Эжен — 22.
Смирдин, Александр Филиппович — 479-80.
Смирнов, Николай — 466, 469.
Соловьев, Сергей Михайлович — 244.
Соломон — 27, 29, 33, 499.
Сондерс, консул США в Лондоне — 371-72.
Софокл — 543.
Соханский, Николай Иванович — 478-79.
Спасович, Владимир Данилович — 720-21.
Спиридов, Петр Алексеевич — 695-96.
Станислав, В.—780.
Станкевич, Александр Владимирович — 557, 586, 734.
Стансфильд, Каролина — 325.
Сташек, Антал — 781, 783-84.
Стелла — см.: Савицкий И. М.
Стерн, Даниель — см.: д'Агу Мари.
Стефен, Генрих —531-32.
Страка, Адольф Вилем — 807.
Строганов, Александр Григорьевич — 491.
Строганов, Сергей Григорьевич —510, 523.
Струве, Амалия — 36-38.
Струве, Густав — 36-38, 248, 250.
Субрани — 606.
Суворин, Алексей Сергеевич — 734.
Суворова, г-жа — 622.
Сулук (Фаустин I) — 110-12, 133, 390-91.
Суслова, Надежда Прокофьевна — 658, 660.
Сю, домовладелец — 229, 238-41, 243, 252, 568.
Сю, Эжен — 165-66, 177.

Таландье, Альфред — 323, 334-38, 342, 348-49, 353, 377-78, 380, 389-90, 396, 407, 416, 446, 556, 558, 629.
Талацци — 571.
Тальони, Мария — 498-99.
Танарки, Дюле — 419, 424, 426-27, 430, 438.
Тардиф де Мело — 211, 213.
Тарле, Евгений Викторович — 330, 385.
Таузенау, Карл —63-64.
Тацит, Публий Корнелий — 482.
Телеки, Ладислав — 48-49, 404, 406, 408-10, 790, 794, 808, 812.
Телеки, Шандор — 395-96, 398, 432-33.
Телль, Вильгельм — 39, 108-09.
Теодорани — 344-45.
Тесье-дю Моте, Мари Эдмон — 550-51, 580, 589-90, 618, 623, 683, 731-32, 738.
Тесье дю Моте, жена М. Э. Тесье дю Моте — 580.
Тиблен, Николай — 622.
Тийе, актриса — 170.

Тимашев, Александр Егорович — 736.
Тимофеев — 479.
Тинклер, домовладелец — 356-58, 413, 415.
Тициан — 498, 610.
Ткачев, Петр Никитич — 616, 670-71, 715-16, 718, 818.
Токаржевич, Юзеф — 777.
Токвиль, Алексис — 633.
Толен, Анри Луи — 740-41.
Толстой, Лев Николаевич — 6, 608-09, 626, 650, 677.
Томсон, Джемс — 196.
Топорнин, неуст. лицо — 658, 660-61.
Торе, Теофиль — 20-21.
Торлони, банкир — 523, 527.
Торнтон, Гант (Хант) — 328-29, 434.
Тортони, владелец кафе — 31-33.
Тренин, В.— 665.
Тренк — 620.
Трепов, Федор Федорович — 702, 721.
Трирский, Симон — см.: Симон, Людвиг.
Тромпетер (Скворцова), Полина — 676.
Труазёф, муж горничной Элизы — 53-54.
Трубецкой, Павел Петрович — 557-58.
Трубецкой, Сергей Григорьевич — 621.
Трубников, Константин Васильевич — 716-17.
Трубникова, Мария Васильевна — 688, 714, 718.
Трусов, Антон Данилович — 714, 728-29.
Трюбнер, Николай—344, 346, 430, 448, 541, 545, 734.
Тургенев, Александр Иванович — 704.
Тургенев, Иван Сергеевич — 6, 28, 30, 51-53, 114, 124-25, 127-29, 152, 154-55, 157-59, 161-70, 268, 272, 281-82, 284, 294, 315-16, 320, 420, 452-53, 530, 535-36, 546, 576, 580, 585-86, 598, 608-09, 617-18, 622, 624, 648-50, 652, 667, 724-26, 730, 768, 775, 783, 788, 807.
Тургенев, Николай Иванович — 138.
Тургенева, Полина Ивановна — 576.
Турнейсен, банкирский дом — 513, 515, 522-23, 527.
Туссен Лувертюр — см.: Лувертюр, Туссен.
Тутс — см.: Герцен, Александр Александрович (внук).
Тучков, Алексей Алексеевич 15, 143-45, 152-53, 287, 531, 534, 536, 646-47.
Тучкова, Елена Алексеевна — см.: Сатина, Е. А.
Тучкова, Н. А.— см.: Огарева (Тучкова) Наталья Алексеевна.
Тучковы — 28, 490, 530, 536.
Тхоржевский, Станислав — 452-53, 553-54, 557, 570-71, 577, 581, 590, 613, 618, 622-25, 628-32, 641-43, 645, 647-48, 652, 654, 656, 658, 660-61, 664, 666, 668, 670-71, 673, 676, 678-79, 683, 690, 694-702, 704-09, 711, 713-16, 718, 720-24, 727-28, 730-34, 738, 742, 744-47, 771, 800.
Тьер, Луи Адольф — 127, 167-68, 182, 184-85, 193, 205, 211, 247, 674.
Тьерд, неуст. лицо — 412.
Тьери, Огюстен — 605-06.
Уллон — 434.
Урих, Эмма — 543-44, 554-56, 558, 565, 636-37.
Урих, отец Э. Урих — 553-54.
Урих (рожд. Фогт) — 553-54.
Уркхарт, Давид — 376-78.
Урусов, Александр Иванович — 742-43.
Усов, Степан Александрович — 709-11.
Устиков, Григорий Григорьевич — 609, 616, 622, 624-26, 648, 658.
Устинова — 648.
Утин, Евгений Исаакович — 627, 725-26.
Утин, Исаак Осипович — 699-700.
Утин, Николай Исаакович — 542, 583, 627, 640, 683, 687-89, 707-08, 714, 721, 728, 732-33, 735-36, 738-39, 742.
Утины — 630

Фабий (Кунктатор), Максим Квинт— 147-48, 150.
Фабрикотти — 416.
Фавр, Юлий (Жюль) — 26, 249, 251.
Фази, Джемс — 23, 27, 29-33, 36, 39, 43-44, 53-56, 59, 233, 235-36, 242-43, 254-55, 331-32, 386-87, 695-96.
Фаллу, Фредерик —136.
Фалькейзен Г., гравер — 629.
Фалькенгаген, Адольф Данилович — 553-55.
Фальмерайер, Якоб Филипп — 14, 136-38, 230-34, 236, 242-43, 249, 251-52.
Фарси, Камилл — 732.
Фаустин I — см.: Сулук.
Федор, неуст. лицо — 31, 530.
Фейербах, Людвиг — 54-55, 165-66, 397-98, 694.
Феличе, Терезина — см.: Герцен, Т.
Фельтринелли, Дж.— 6, 15, 156.
Фензи, банкирская контора — 564, 590.
Феррари — 359.
Ферри, Франко — 6.
Филарет, митрополит — 764.
Филипп Македонский — 161.
Филиппи, владелица виллы — 668, 724.
Филиппсон, Григорий Иванович — 716, 718.
Филопанти, Квирико (псевдоним Джулио Барилли) — 346-48.
Фишер фон Вальдгейм, Александр Григорьевич — 466, 469.
Фишер фон Вальдгейм, Григорий Иванович — 466, 469.
Фишман, Самуэль —6.
Фландрен, Ипполит — 609, 616.
Флокон, Фердинан — 162, 164.
Флорестан I Монакский — 373-74.
Флуран, Густав — 731-32.
Флуран, М. Ж. П.— 732.
Фогель, домовладелец — 237-38.
Фогт, Адольф — 551-52, 573-74, 652-53, 684.
Фогт, Густав — 653, 658, 736.
Фогт, Карл — 63-64, 176, 242-43, 255, 296, 420-21, 430, 432-34, 436-37, 539, 541, 547, 550-57, 565-66, 578-79, 634, 652-53, 670, 672-73, 729, 736, 809.
Фогт, Луиза — 550-51, 580, 637, 653.
Фогт, Филипп Вильгельм — 543, 550-51, 637, 653.
Фогт, Эмиль — 653.

Фогты — 430, 433-34, 541, 544, 548, 550, 553-54, 579-80, 634, 673, 773.
Фомин, Василий — 814.
Фонтен, Леон — 666-67, 679-80, 724, 726.
Фор, Паскаль Жозеф — 446.
Фор, Филипп — 6, 380-81, 439, 446-47.
Фоше, Леон—211.
Франк, А., издатель — 48-49, 103-104, 109, 115, 119, 800.
Франклин, Вениамин (Бенджамин) — 57-58.
де-Франсиа, Хозе Гаспар Томас Родригец — 147-48, 150.
Франсуа (Франческо), слуга Герцена — 411, 627.
Франц Иосиф, император — 328, 330.
Франк (?) — неуст. лицо — 771-72.
Францев, В. А.— 807.
Франциск I — 406.
Фребель, Юлиус — 203-04, 208, 428.
Фредерик, неуст. лицо — 771-72.
Фрейденфельд, Ф.— 645.
Фрелих, педагог — 570-71, 653.
Френсис, Дж.—727.
Фреч — неуст. лицо — 563-64.
Фридрих II — 620.
Фридрих Вильгельм IV — 423.
Фрикен, Алексей Федорович — 775.
Фрич, Анна — 788, 790, 798, 800, 809.
Фрич, Вацлав — 794-95, 808.
Фрич, Иозеф Вацлав — 434, 765, 779, 781, 785-809.
Фрич, Карел — 790.
Фрич, отец И.-В. Фрича — 790, 796, 807.
Фролов, Николай Григорьевич — 518, 537, 586.
Фурер — 114.
Фурье, Шарль — 647.
Фучик, Юлиус — 789.

Ханыков, Николай Владимирович — 666-67.
Хауеншильд, Рихард Георг (псевдоним Макс Вальдау) — 175-77, 230-31.
Хаупт, Георге — 812-19.
Хвощинский — 510.
Хитров, Алексей Гаврилович — 466, 469.
Хмелинский, И.— 772-73.
Хованская, Мария Алексеевна — 462, 471, 480, 491, 493, 536-37.
Хоецкая, Мария — 576.
Хоецкий, Шарль Эдмон — 39-42, 44-46, 50-57, 114, 123-24, 129, 178-80, 183, 185, 220-24, 237-38, 272, 282, 318, 439-41, 450-51, 453, 576, 742-43, 804.
Хомяков, Алексей Степанович — 248, 250-51, 516, 519.
Хораламбие, Севастица — См.: Рошковская, С.
Худяков, Иван Александрович — 572, 672.
Худякова (рожд. Лебедева), Леонилла Александровна — 571-72.

Цамперини — 697-98.
Цан, Иоганн Карл Вильгельм — 614.
Цверцякевич, Юзеф — 571-72 664-65, 772.
Цезарь, Юлий — 26, 199-200
Ценкер, банкирская фирма — 513, 515.
Цингенгейст, Гергардт — 13, 236.
Цицерон, Марк Туллий — 161.

Чаадаев, Петр Яковлевич — 486, 494.
Чапек, неуст. лицо — 698.
Чаплия, см.: Комаров, Т.
Чарторийский — 811.
Чарторыйские (Черторижские князья) — 751-52.
Ченсович, А. (Щенсович) — 645, 738.
Черкесов, Александр Александрович — 671, 715-16, 726, 738.
Чермак, Ян Непомук — 785-86.
Чермак, Ярослав — 785-86, 790, 808.
Чернецкая, Марианна — 571.
Чернецкий, Людвиг — 553-57, 565-66, 571, 577, 581-82, 600, 613-14, 628, 657-58, 660, 664-65, 676, 695-98, 700-04, 706-10, 712, 714, 718, 720, 724, 729, 733, 736-38, 742-43, 746.
Чернуски, Энрико — 183, 185-86.
Чернышев — 660-61, 700.
Чернышева, Анна Иродисновна — 701.
Чернышевский, Николай Гаврилович — 6, 541-42, 544, 556, 574, 688, 718, 780, 814, 818.
Черняк, Яков Захарович (псевдоним Н. Н. Захарьин) — 600, 652, 658, 701, 769, 775-76.
Четвержакевич (?) — 698.
Чимароза, Доменико — 315.
Чинский — 759.
Чичерин, Борис Николаевич — 537.
Чумаков, Федор Иванович — 466, 469, 489.

Шамиль — 553.
Шангарнье, Николя — 20-22, 110-12, 118.
Шанделье, Ж.— 529.
Шаранов — см.: Щербаков, А. Я.
Шартё, неуст. лицо — 317.
Шатриан, Александр — 678.
Швабе, жена англ. промышленника — 347-48.
Швегла, К.—6.
Шевалье, оптик — 564.
Шеве, К.-Ф.—251.
Шевелев, Николай Александрович — 712, 720-21.
Шекспир, Вильям — 543, 608, 612.
Шеллинг, Фридрих Вильгельм Иосиф — 215-16, 484, 532.
Шельшер (Шельхер), Виктор — 398.
Шенсо, зоолог — 677.
Шенье, Андре — 606, 632, 634.
Шёппинг, г-жа — 515-16.
Шибель, директор училища глухонемых — 125-26, 158-59, 194-96, 238-39.
Шиллер, Фридрих — 19-20, 36-37, 134, 201, 608, 612, 614.
Шилов, Алексей Алексеевич — 720.
Шиф, Гуго — 580, 584-88, 594, 610-11, 623-25, 667-68, 677, 679.
Шиф, Мориц — 547, 564-66, 569, 578-79, 584, 588, 604, 623, 627, 629, 630-31, 644, 646, 661, 667, 672-74.
Шифы — 548, 579, 587-88, 614, 619, 621, 627, 637, 667.

Шлецер, Август Людвиг — 543.
Шлипенбах, неуст. лицо — 411.
Шлиш, А.— 742, 755.
Шмит, Альберт — 392.
Шомбург, банковский служащий — 28-30, 51-52, 186, 188, 191, 205-06, 211-12, 215-16, 218-19, 225-26, 399-402, 404.
Шоров, К. К.— 783.
Шофильд, Б.— 6.
Шофур, Виктор — 649.
Шофур, Игнатий — 649.
Шофуры — 649.
Шпильман, Иоганн — 305.
Штар, Адольф Вильгельм — 151.
Штаубе, Е., книгопродавец — 582.
Шультгес, Фридрих — 64, 151.
Шурц, Карл — 648, 703-04, 733.

Щенсович — см.: Ченсович.
Щепкин, Дмитрий Михайлович — 533, 535.
Щепкин, Михаил Семенович — 326, 508, 514-19, 533, 535.
Щербаков (Шаранов), Алексей Яковлевич — 683-84, 696-98, 712.

Эйтель — 736-37.
Эдмон, Шарль — см.: Хоецкий, Ш.-Э.
Элиза, горничная Герценов — 38, 53-54, 152-53, 186, 188-90, 192 194, 207, 245-46, 518.
Элпидин, Михаил Константинович — 638, 640, 702, 713-14, 718 , 742.
Эльжановский — 763.
Эльсберг, Яков Ефимович — 9-16, 685, 688.
Эмиль, камердинер А. И. Герцена — 518.
Эминеску, М.— 814.
Энгельс, Фридрих — 10, 129, 131, 134, 177, 213, 370, 376, 385, 392, 402, 434, 556, 598, 712, 719, 726.
Энгельсон, Владимир Аристович — 320, 340, 342-43, 537.
Эркман, Эмиль — 677-78.
Эрминия — см.: Мариэтти, Эрминия.
Эрн, Мария Каспаровна — см.: Рейхель, М. К.
Эрпфин, Вильгельмина — 61-62.
Эспартеро, де ла Виттория Бальдомери — 382, 390-91.
Эстергази, Валенти — 411.
Эфрос, Наталья Давыдовна — 6, 9, 116, 319, 324-59, 368-418.

Югурта — 479.
Юлиан, император — 118, 139.
Юм, Давид — 533.
Юрьев, Сергей Андреевич — 798-99, 809.
Юстиниан, император — 34.
Юсупов, Николай Борисович — 657.
Юсупов, Николай Борисович (внук) — 656-57.

Яблоновский, Александр — 807
Языков, Михаил Александрович — 701-02, 739-40.
Якоби, Иоганн — 124-25, 738-39.
Якоби, Павел Иванович — 769.
Яковлев, Иван Алексеевич — 161, 472, 474-76, 495, 609, 618, 642, 671.
Яковлев, Лев Алексеевич — 472, 475-76, 482, 484.
Якушин, Иван Дмитриевич — 652.
Янза (Янса), Леопольд — 422-23, 785-86.

Andrews — 576.
Antonovici, S.— 819.

Basile — 705-07.
Bovard — 773.
Breazu, I.— 818.
Broc — 589.

Constantinescu-lasi, P.— 818.
Corday Marie, m-me — 671.
Chica, Ion — 818.

Georg, m-me — владелица купальн. заведения — 642-43.
Gretu, Gr.— 819.
Guillaume-fils, G., издатель — 733.

Janin, Jules — 63, 83, 179, 183.
Jirasek, J.— 806,808.
Jordan, Al.— 819.

Fidel, Berné et Cie, банкирский дом — 576, 618.
Fleury, Victor — 10.

Laurent, m-me — 695.
Leonsen — 495.

Maciu, V.— 819.
Maldăvescu — 818.
Manoliu, V.— 819.
Marmier, X.— 51, 659.
Melchisedek, епископ — 819.

Raisin — 672.
Roubik, F.— 807.

Texier E.— 283, 515, 533, 589, 731, 735.

Vieussent — 641.

Woods, John — 333, 355, 409.

Zagorovski — 566.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ОТ РЕДАКЦИИ 5

ПИСЬМА ГЕРЦЕНА К ИНОСТРАННЫМ КОРРЕСПОНДЕНТАМ

ПИСЬМА К ГЕОРГУ И ЭММЕ ГЕРВЕГАМ (1848—1850)

Приложение: «Письма Н. А. Герцен к Гервегам» (обзор)

Печатаются по фотокопиям, предоставленным «Литературному наследству» Британским музеем (Лондон)

Публикация и комментарии Л. Р. Ланского
Предисловие Я. Е. Эльсберга 9

ПИСЬМА К АВРЕЛИЮ САФФИ (1852—1856)

Печатаются по фотокопиям, предоставленным «Литературному наследству» Музеем Центральной библиотеки Risorgimento (Рим)

Публикация и комментарии Н. Д. Эфрос
Предисловие Н. Е. Застенкера 319

ПИСЬМА К ЛУИДЖИ ПИАНЧИАНИ (1853—1859)

Печатаются по фотокопиям, предоставленным «Литературному наследству» архивом города Рима

Публикация и комментарии Н. Д. Эфрос
Предисловие Н. Е. Застенкера 359

ГЕРЦЕН И ВЕНГЕРСКАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЭМИГРАЦИЯ

ПИСЬМА К ФЕРЕНЦУ И ТЕРЕЗЕ ПУЛЬСКИМ И ДЮЛЕ ТАНАРКИ (1854—1863)

Печатаются по фотокопиям, предоставленным «Литературному наследству» Государственной библиотекой им. Сеченьи (Будапешт)

Публикация Дьёрдя Белиа (György Belia) и Клары Ч. Гардони (Klára Cs. Gárdonyi) (Будапешт) 419

ПИСЬМА К РАЗНЫМ КОРРЕСПОНДЕНТАМ (1849—1869)

Агостино Бертани, Джузеппе Гарибальди, Джузеппе Гверцони, Эдуарду Дантю, Отто Корвину, Микель-Анджело Пинто, Филиппу Фору, Шарлю-Эдмону Хоецкому и редактору «Opinion Nationale»

Публикация Л. Р. Ланского 439

ПИСЬМА ГЕРЦЕНА К РУССКИМ ДРУЗЬЯМ, К СЫНУ И СТАРШЕЙ ДОЧЕРИ

ПИСЬМА К АСТРАКОВЫМ (1832—1851)

Печатаются по фотокопиям, предоставленным «Литературному наследству» Колумбийским университетом (Нью-Йорк)

Публикация Е. Л. Рудницкой 461

ПИСЬМА К СЫНУ АЛЕКСАНДРУ (1858—1869)

Стр.

Приложения: I. Письмо Н. П. Огарева к А. А. Герцену с припиской Герцена. II. Письмо Герцена к членам своей семьи

Печатаются по фотокопиям, предоставленным «Литературному наследству» Международным институтом социальной истории (Амстердам)

Публикация Л. И. Матюшенко 537

ПИСЬМА К ДОЧЕРИ ТАТЕ (1867—1869)

Печатаются по фотокопиям, предоставленным «Литературному наследству» Национальной библиотекой (Париж)

Публикация Л. Я. Гинзбург 595

ПИСЬМА К ОГАРЕВУ (1868—1869)

Печатаются по фотокопиям, предоставленным «Литературному наследству» Национальной библиотекой (Париж) и Международным институтом социальной истории (Амстердам)

Публикация и комментарии Л. И. Матюшенко
Предисловие Ш. М. Левина 685

ГЕРЦЕН И ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ СТРАН НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

ПОЛЬСКОЕ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ И ГЕРЦЕН (1860-е гг.)

Статья и публикация И. М. Белявской 751

ЧЕШСКИЕ СВЯЗИ ГЕРЦЕНА (1850-е—1860-е гг.)

Статья Ш. Ш. Богатырева 779

ВЛИЯНИЕ ГЕРЦЕНА В РУМЫНИИ (1860-е гг.)

Статья Георге Хаупта (Gh. Haupt) (Бухарест) 810

Памяти Б. П. Козьмина 820

Указатель иллюстраций

Составила Н. Д. Эфрос 828

Именной указатель

Составили И. М. Картавцев и А. Д. Левин 834

В ТОМЕ 171 ИЛЛЮСТРАЦИЯ И 1 ВКЛЕЙКА

«Литературное наследство», том 64

*

Утверждено к печати
Отделением литературы и языка
Академии наук СССР

*

Редактор издательства *А. Т. Лифшиц*
Технический редактор *Г. Н. Шевченко*
Корректор *В. Г. Богословский*

*

РИСО АН СССР № 1—96В. Сдано в набор 31/VII 1957 г.
Подп. в печать 26/VI 1958 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆.
Печ. л. 54+1 вкл.=73,98+1 вкл. Уч.-изд. лист. 79,2 Т-00045 Тираж 6000 экз
Издат. № 2564. Тип. заказ 1871

Адрес редакции: Москва, Г-19, Волхонка, 18.
Телефон Г 5-29-66

Цена 45 руб.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-64,
Подсосенский пер., д. 21

2-я типография Издательства АН СССР. Москва, Г-99,
Шубинский пер., д. 10

РАНЕЕ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ ТРИ ГЕРЦЕНО-ОГАРЕВСКИХ ТОМА «ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА»

ПЕРВЫЙ ТОМ (№ 61)

ОТ РЕДАКЦИИ

ГЕРЦЕН

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА. СТАТЬИ. АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

РАННИЙ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ НАБРОСОК
Публикация А. Сергеева

ЗАТЕРЯННАЯ СТАТЬЯ О КАЗАНИ
Публикация И. Яковлева

В АЛЬБОМ В. А. ВИТБЕРГ
Публикация Л. Гинзбург

У ИСТОКОВ «БЫЛОГО И ДУМ»
Публикация Ю. Красовского

РАННЯЯ РЕДАКЦИЯ ПОВЕСТИ «ДОЛГ ПРЕЖДЕ ВСЕГО»
Публикация Ю. Красовского

САТИРА-ПАМФЛЕТ ПРОТИВ КОСМОПОЛИТИЗМА
Публикация Я. Эльсберга

О БУРЖУАЗНОЙ ЕВРОПЕ
СТАТЬЯ ИЗ НЕЗАВЕРШЕННОГО ЦИКЛА СЕРЕДИНЫ 1850-х ГОДОВ
Предисловие Я. Эльсберга
Публикация Л. Ланского

ДВЕ ЗАПИСИ В ДНЕВНИКЕ
Публикация В. Александрова

ДВА НЕИЗВЕСТНЫХ ОТРЫВКА ИЗ «БЫЛОГО И ДУМ»
Публикация В. Путинцева

НАБРОСОК ОТВЕТА НА СТАТЬЮ ЧЕРНЫШЕВСКОГО
Публикация В. Путинцева

ЗАПИСЬ О СТАРОСТИ И СМЕРТИ
Публикация Х. Коштоянца

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ ГЛАВА ИЗ «CAMICIA ROSSA»
Публикация В. Путинцева

ОБРАЩЕНИЕ К ПОЛЬСКИМ ДЕМОКРАТАМ
Публикация Я. Черняка

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА ИЗ ЦИКЛА «СКУКИ РАДИ»
АЛЬПИЙСКИЕ ВИДЫ. — ЖЕНЕВА
Публикация В. Путинцева

ОТВЕТ «БИРЖЕВЫМ ВЕДОМОСТЯМ»
Публикация В. Путинцева

ГЕРЦЕН И ЕГО ПИСЬМА «К СТАРОМУ ТОВАРИЩУ»
Предисловие Д. Чеснокова
Публикация В. Путинцева и Я. Черняка

Последняя авторская редакция писем «К старому товарищу»
Основной текст. Варианты
Новые материалы к истории текста писем «Старому товарищу»

СТАТЬЯ ГЕРЦЕНА «МЕЖДУ СТАРИЧКАМИ»
ОТВЕТЫ ОГАРЕВА «СТАРОМУ ДРУГУ»

ПИСЬМА ГЕРЦЕНА

ПИСЬМА К РАЗНЫМ ЛИЦАМ 1847—1869 гг.

М. С. ЩЕПКИНУ
Публикация Л. Ланского

ПЕРИКЛУ МАЦЦОЛЕНИ
Публикация Я. Линкова

РЕДАКТОРУ «KOLNISCHE ZEITUNG»
Публикация Л. Мандельштам

ШАРЛЮ РИБЕЙРОЛЮ
Публикация Я. Линкова

СТАНИСЛАВУ ВОРЦЕЛЮ
Публикация И. Белявской

ТОМАСУ КАРЛЕЙЛЮ
Публикация М. Алексеева

НЕИЗВЕСТНОМУ ПОЛЬСКОМУ ЭМИГРАНТУ
Публикация И. Белявской

ПЬЕРУ ЖОЗЕФУ ПРУДОНУ
Публикация Натальи Эфрос

ГЕНРИ-ЧАРЛЬЗУ КЭРИ (?)
Публикация Л. Гинзбург

Б. Н. ЧИЧЕРИНУ
Публикация Л. Гинзбург

ФЕРЕНЦУ ПУЛЬСКОМУ
Публикация Б. Козьмина

Г. Я. БУДКОВСКОМУ
Публикация В. Кулешова

ЭМИЛИИ РИВ
Публикация Л. Ланского

ИЗДАТЕЛЮ ГАЗЕТЫ «DAILY NEWS»
Публикация Л. Мандельштам

Д. К. ШЕДО-ФЕРРОТИ (Ф. И. ФИРКСУ)
Публикация Я. Эльсберга

НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ
Публикация Б. Александрова

НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ
Публикация Л. Ланского

ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ «МОЛОДОЙ ЭМИГРАЦИИ»
Публикация Б. Козьмина

ОЛЬГЕ ГЕРЦЕН
Публикация Н. Анциферова

КАРЛУ-ЭДМУНДУ ХОЕЦКОМУ
Публикация И. Белявской

ГОТФРИДУ КИНКЕЛЮ
Публикация И. Белявской

КАРЛУ ГИСКРА
Публикация А. Углова

НЕИЗВЕСТНОЙ
Публикация Л. Гинзбург

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «НЕДЕЛЯ»
Публикация В. Александрова

М.-Э. ТЕСЬЕ ДЮ МОТЭ
Публикация Натальи Эфрос

ПИСЬМА К М. К. РЕЙХЕЛЬ 1850—1852 гг.
Публикация Н. Анциферова

ПИСЬМА К Н. П. ОГАРЕВУ 1864—1870 гг.
Публикация Ю. Красовского

НЕУЧТЕННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПИСЕМ ГЕРЦЕНА
БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА
Составили Л. и Р. Мандельштам

ОГАРЕВ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ. ПУБЛИЦИСТИКА. АГИТАЦИОННЫЕ И ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ. АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ (1859 — 1861 гг.)
Статья и публикация М. Нечкиной

Пять революционно-конспиративных документов из бумаг Огарева

1. ⟨Цель, методы и организация общества⟩
2. ⟨Цель русского движения⟩
3. ⟨Заграничные общества⟩
4. ⟨Список офицеров — членов революционной организации⟩
5. ⟨Три вопроса⟩

НЕИЗДАННЫЕ И НЕСОБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОГАРЕВА
Вступительная статья, публикация и комментарии Я. Черняка
Из публицистического наследия.
Агитационные и сатирические произведения.
Лирика

«МОЯ ИСПОВЕДЬ» ОГАРЕВА
Статья и публикация М. Нечкиной

ПИСЬМА ОГАРЕВА

ПИСЬМА ОГАРЕВА К ГЕРЦЕНУ
I. Годы студенчества (1832—1833)
Публикация Е. Рудницкой
II. «Акшенский период» (1846—1851)
Публикация Ю. Красовского

ПИСЬМА ОГАРЕВА К Е. В. САЛИАС ДЕ ТУРНЕМИР
Публикация Б. Козьмина

ПИСЬМА К РАЗНЫМ ЛИЦАМ 1839—1869 гг.
Из писем к М. Л. Огаревой
Публикация Е. Рудницкой

ПИСЬМА К ЕВД. В. СУХОВО-КОБЫЛИНОЙ
Публикация Я. Черняка

Н. А. МИЛЮТИНУ
Публикация Н. Захарьина

Н. В. АЛЬБЕРТИНИ
Публикация Б. Козьмина

ДЖ. СТЮАРТУ МИЛЛЮ
Публикация Н. Захарьина

ДЖУЗЕППЕ МАЦЦИНИ
Публикация Н. Захарьина

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «GIOVENTÙ»
Публикация Л. Ланского

К НЕИЗВЕСТНОМУ
Публикация Е. Рудницкой

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИБЛИОГРАФИИ ОПУБЛИКОВАННЫХ ПИСЕМ ОГАРЕВА
Библиографический указатель
Составили Л. и Р. Мандельштам

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ
Составил Ю. Масанов

В томе 255 иллюстраций и 7 вклеек

ВТОРОЙ ТОМ (№ 62)

ОТ РЕДАКЦИИ

ПИСЬМА К ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ

С. И. И Т. А. АСТРАКОВЫ — ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ
Публикация Е. Л. Рудницкой

АРТУР БЕННИ — В. И. КЕЛЬСИЕВУ И ГЕРЦЕНУ
Публикация С. А. Радина

В. П. БОТКИН — ГЕРЦЕНУ
Публикация Е. Л. Рудницкой

ПАУЛИНА ВИЛЬКОНСКАЯ — ГЕРЦЕНУ
Публикация И. М. Белявской

Н. А. ВОРМС — ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ
Публикация Б. П. Козьмина

Г. Н. ВЫРУБОВ — ГЕРЦЕНУ
Публикация Н. П. Анциферова

И. С. ГАГАРИН — ГЕРЦЕНУ
Публикация Н. П. Анциферова

И. П. ГАЛАХОВ — ГЕРЦЕНУ
Публикация Н. П. Анциферова

В. А. ГОЛЬШТЕЙН И В. Н. СМИРНОВ — ОГАРЕВУ
Публикация Б. П. Козьмина

ИЗ ПЕРЕПИСКИ О. С. ГОНЧАРОВА С ГЕРЦЕНОМ И ОГАРЕВЫМ
Публикация П. Г. Рындзюнского

СИМЕОН ГОРСКИЙ — ОГАРЕВУ И ДРУГИМ ЭМИГРАНТАМ
Перевод Л. Р. Ланского

Т. Н. ГРАНОВСКИЙ — ГЕРЦЕНУ
Публикация Я. З. Черняка

С. С. ГРОМЕКА — ГЕРЦЕНУ
Публикация Е. Л. Рудницкой

М. С. ГУЛЕВИЧ — ОГАРЕВУ
Публикация Б. П. Козьмина

ИЗ ПЕРЕПИСКИ П. В. И В. П. ДОЛГОРУКОВЫХ С ГЕРЦЕНОМ И ОГАРЕВЫМ
Публикация Н. Н. Захарьина

Н. И. ЖУКОВСКИЙ — ОГАРЕВУ
Публикация Е. Л. Рудницкой

В. Р. ЗОТОВ — ГЕРЦЕНУ
Публикация А. Н. Дубовикова

В. Н. КАШПЕРОВ — ОГАРЕВУ
Публикация Е. Н. Канн-Новиковой

В. И. КЕЛЬСИЕВ — ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ
Приложение: письма Филарета Захаровича
Публикация П. Г. Рындзюнского

И. И. КЕЛЬСИЕВ — ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ
Приложение: письма к В. Т. Кельсиевой
Публикация П. Г. Рындзюнского

ИЗ ПЕРЕПИСКИ В. О. КОВАЛЕВСКОГО С ГЕРЦЕНОМ И М. А. БАКУНИНЫМ
Приложение: письмо Карла Фогта к Герцену
Публикация С. Я. Штрайха

Д. Е. КОЖАНЧИКОВ — ГЕРЦЕНУ
Публикация Л. Р. Ланского

А. А. КРИЛЬ — ОГАРЕВУ
Публикация Е. Л. Рудницкой и Я. З. Черняка

Л. И. ЛАВРЕНТЬЕВ — ГЕРЦЕНУ
Публикация А. М. Долотовой

П. Л. ЛАВРОВ — ОГАРЕВУ
Публикация Ш. М. Левина

М. П. ЛОЗИНСКИЙ — ОГАРЕВУ
Публикация Я. З. Черняка

М. А. МАРКОВИЧ (МАРКО ВОВЧОК) — ГЕРЦЕНУ
Публикация В. А. Тумановой

ДЖУЗЕППЕ МАЦЦИНИ — ГЕРЦЕНУ
Публикация Л. Р. Ланского

Н. А. МЕЛЬГУНОВ — ГЕРЦЕНУ
Приложение: письмо К. Д. Кавелина к Герцену
Публикация Н. Н. Захарьина

Л. И. МЕЧНИКОВ — ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ
Публикация Б. П. Козьмина

П. С. МОШКАЛОВ — ГЕРЦЕНУ
Публикация Б. П. Козьмина

В. Ф. НАГЕЛЬ — ГЕРЦЕНУ
Публикация Б. П. Козьмина

ВЛАДИСЛАВ НЕГОЛЕВСКИЙ — ГЕРЦЕНУ
Публикация И. М. Белявской

В. Ф. НЕФТЕЛЬ — ОГАРЕВУ
Публикация И. М. Бархаша

Н. Я. НИКОЛАДЗЕ — ОГАРЕВУ И ГЕРЦЕНУ
Публикация Я. З. Черняка

Н. Н. ОБРУЧЕВ — ОГАРЕВУ
Публикация Н. Н. Новиковой
Приложение: Я. З. Черняк. Был ли Н. Н. Обручев адресатом письма, взятого при аресте Чернышевского?

В. М. и А. ОЗЕРОВЫ — ОГАРЕВУ
Приложение: два письма П. Л. Лаврову о Парижской Коммуне
Публикация С. И. Шкроба

ИЗ ПЕРЕПИСКИ В. С. ПЕЧЕРИНА С ГЕРЦЕНОМ И ОГАРЕВЫМ
Публикация А. А. Сабурова

ПОЛЬСКИЕ ДЕЯТЕЛИ — ГЕРЦЕНУ
Публикация И. М. Белявской

ИЗ ПЕРЕПИСКИ П.-Ж. ПРУДОНА С ГЕРЦЕНОМ
Публикация Натальи Эфрос

П. А. РАДИЩЕВ — ГЕРЦЕНУ
Публикация М. И. Костровой

Ф. И. РОДИЧЕВ — ОГАРЕВУ
Приложение: письмо к В. М. Озерову
Публикация С. И. Шкроба

К. САБУРОВА (?) — ГЕРЦЕНУ
Публикация А. Н. Дубовикова

М. П. САЖИН — ОГАРЕВУ
Публикация Б. П. Козьмина

Н. И. САЗОНОВ — ГЕРЦЕНУ
Публикация Н. Е. Застеннкера

МАРК-АВРЕЛИЙ САФФИ — ГЕРЦЕНУ
Публикация Л. Р. Ланского

А. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ — ОГАРЕЗУ
Публикация Б. П. Козьмина

Н. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ — ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ
Приложение: четыре документа о подготовке вооруженного восстания в Сибири От редакции

А. В. СКАЛОН — ГЕРЦЕНУ
Публикация Н. П. Анциферова

О. ТОКАРЖЕВИЧ — ГЕРЦЕНУ
Публикация И. М. Белявской

Н. И. ТРУБЕЦКОЙ — ГЕРЦЕНУ
Публикация Л. М. Долотовой

Н. И. ТУРГЕНЕВ — ГЕРЦЕНУ
Публикация Ю. Г. Оксмана

И. В. ТУРЧАНИНОВ И ЕГО ЖЕНА — ГЕРЦЕНУ
Публикация Д. И. Заславского

А. С. УВАРОВ — ГЕРЦЕНУ
Публикация И. М. Бархаша

Е. И. УТИН — ГЕРЦЕНУ
Публикация Б. П. Козьмина

Н. И. УТИН — ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ
Приложение: письмо к А. Д. Трусову
Публикация Б. П. Козьмина

В. И. и Л. Д. ФИЛЛИППОВИЧИ — ГЕРЦЕНУ
Публикация Натальи Эфрос

Н. В. ХАНЫКОВ — ГЕРЦЕНУ
Публикация А. Н. Дубовикова

Я. Н. ХАНЫКОВ — ГЕРЦЕНУ
Публикация Е. Л. Рудницкой

А. А. ЧУМИКОВ — ГЕРЦЕНУ
Публикация М. Я. Полякова

А. Я. ЩЕРБАКОВ — ОГАРЕВУ
Публикация С. И. Шкроба

Н. Ф. ЩЕРБИНА — ГЕРЦЕНУ
Публикация Е. В. Гиппиуса

АННОТАЦИИ

АННОТАЦИИ ПИСЕМ К ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ ИЗ «ПРАЖСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ»

Письма М. В. Белинской, Л. П. Блюммера, Ф. Вихерского, Дж.-Б. Гандольфи, А. Гончаренко, А. Гуровского, В. Добровольского, М. И. Железнова, Л. Коста, Ак. Крупина (?), Л. Масловского и др., Н. А. Мельгунова, Л. И. Мечникова, В. Мрочковского, Г. Мюллера-Стрюбинга, неустановленных лиц, В. Ф. Нефтеля, В. М. Озерова, Н. и С. Павловских, И. А. Пашкова, А. П., В. С., С. Ф. и Ф. С. Плаутиных, М. П. Погодина, Н. В. Постникова (К.-А. Романа), Л. А. Ренгартена, Е. А. и Е. В. Салиасов, Н. М. Сатина, С. И. Серебренникова, А. Е. Скворцова, Н. Сумарокова, Эд. Тибо-Бриньоля, О. Токаржевича, С. Тхоржевского, А. С. Уварова, С. А. Усова, В. Фенина, А. Цехановецкого, С. Чарушина, В. Шеншиной, П. Я. Шютца, М. К. Элпидина и Н. А. Юренева

Составил Л. Р. Ланский

ОБЗОРЫ

КРИТИКО-ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ ОПУБЛИКОВАННЫХ ПИСЕМ К ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ

(по автографам пражской коллекции)

ПИСЬМА М. А. БАКУНИНА
Обзор Н. А. Роскиной

ПИСЬМА В. Г. БЕЛИНСКОГО
Обзор К. П. Богаевской

ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА
Обзор А. М. Долотовой

ПИСЬМА В. Г. БЕЛИНСКОГО
Обзор К. П. Богаевской

ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА
Обзор А. М. Долотовой

ПИСЬМА П. В. АННЕНКОВА, А. К. БАКУНИНОЙ, В. П. БОТКИНА, Н. Х. КЕТЧЕРА, С. ЛАЗАРЕВИЧА, П. В. НОВИЦКОГО, И. И. ПАНАЕВА, М. П. ПОГОДИНА, Н. А. ПОЛЕВОГО, И. САВИЦКОГО, Н. В. СОКОЛОВА, Л. Н. ТОЛСТОГО, Д. К. ШЕДО-ФЕРРОТИ (Ф. И. ФИКСА), М. А. ЯЗЫКОВА И АНОНИМНОЕ
Обзор Н. А. Роскиной

БИБЛИОГРАФИЯ

БИБЛИОГРАФИЯ ПИСЕМ К ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ДО 1955 г.
Составили Л. С. Мандельштам, Р. С. Мандельштам и Е. М. Сабсович

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ К ГЕРЦЕНУ
ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ К ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ
ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ К ОГАРЕВУ

ПАМЯТИ УШЕДШИХ ТОВАРИЩЕЙ

И. В. СЕРГИЕВСКИЙ
Некролог

Я. З. ЧЕРНЯК
Некролог

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ
Составила Н. А. Роскина

В томе 236 иллюстраций и 1 вклейка

ТРЕТИЙ ТОМ (№ 63)

ОТ РЕДАКЦИИ

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ГЕРЦЕНА

«О СЕБЕ». РАННЯЯ АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Исследование и публикация А. Н. Дубовикова

Введение
Главы о детстве
«Огарев»
«Университет»
«Ландыш»
«ΑΝΑΓΚΗ»
«Часов в восемь навестил меня...»
«Симпатия»

«РУССКАЯ ПАСХА». СТАТЬЯ В ГАЗЕТЕ «L'Homme»
Публикация Н. Д. Эфрос

НЕПРОИЗНЕСЕННАЯ РЕЧЬ О 19 ФЕВРАЛЯ 1861 г.
Публикация Я. И. Линкова

ГРАЖДАНСКАЯ КАЗНЬ ЧЕРНЫШЕВСКОГО. ПИСЬМА В ГАЗЕТЫ «LE TEMPS» и «DAILY NEWS»
Публикация Л. Р. Ланского

«ДЕЛО ОБОЛЕНСКОЙ». СТАТЬЯ В ГАЗЕТЕ «LE SIÉCLE»
Публикация С. А. Макашина

ПИСЬМА ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА

ПИСЬМА К РАЗНЫМ ЛИЦАМ 1844—1868 гг.

ОГАРЕВ — ГЕРЦЕНУ И Т. Н. ГРАНОВСКОМУ
Публикация Л. Р. Ланского

ОГАРЕВ — Н. Х. КЕТЧЕРУ И В. Г. БЕЛИНСКОМУ
Публикация М. Я. Полякова

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ГЕРЦЕНА С О. Р. СКАРЯТИНОЙ
Публикация Н. П. Анциферова

ОГАРЕВ — С. Г. ВОЛКОНСКОМУ
Публикация Ю. Г. Оксмана

ОГАРЕВ — В. И. БАКСТУ И ДРУГИМ ОРГАНИЗАТОРАМ ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКОЙ ЧИТАЛЬНИ
Публикация Я. З. Черняка

ОГАРЕВ — В. Н. КАШПЕРОВУ
Публикация Е. И. Кан-Новиковой

ГЕРЦЕН и ОГАРЕВ — РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «THE MORNING STAR»
Публикация Б. П. Козьмина

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ОГАРЕВА С ПАВЛОМ ПРУССКИМ (П. И. ЛЕДНЕВЫМ)
Публикация П. Г. Рындзюнского

А. А. ГЕРЦЕН и А. И. ГЕРЦЕН — В. О. КОВАЛЕВСКОМУ
Публикация И. М. Белявской

ГЕРЦЕН — ПОЛЬСКИМ ЭМИГРАНТАМ
Публикация И. М. Белявской

ОГАРЕВ — ЭМИЛЮ КВАНТЕНУ
Публикация С. А. Макашина

ОГАРЕВ и ГЕРЦЕН — А. А. СЛЕПЦОВУ
Публикация Б. П. Козьмина

ОГАРЕВ — М. А. БАКУНИНУ
Публикация С. А. Никитина

ГЕРЦЕН — ОГАРЕВУ
Публикация П. Г. Рындзюнского и В. А. Путинцева

ГЕРЦЕН — ПЬЕРУ ЛЕРУ
Публикация Л. Р. Ланского

ОГАРЕВ — Н. Я. НИКОЛАДЗЕ
Публикация Б. П. Козьмина

ИЗ АРХИВА «КОЛОКОЛА» и ДРУГИХ ИЗДАНИЙ «ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ»

СТАТЬИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

«ЗАПИСКА О ДЕЛЕ ПЕТРАШЕВЦЕВ». РУКОПИСЬ Ф. Н. ЛЬВОВА С ПОМЕТКАМИ М. В. БУТАШЕВИЧА-ПЕТРАШЕВСКОГО
Публикация В. Г. Лейкиной-Свирской

СТИХОТВОРЕНИЕ-ПАМФЛЕТ НА КОРОНАЦИЮ АЛЕКСАНДРА II
Публикация С. С. Дмитриева

ПИСЬМО «РУССКИХ ЛЮДЕЙ» КЛЕЙНМИХЕЛЮ
Публикация С. С. Дмитриева

О РУССКОЙ ЦЕРКВИ И РУССКОМ ДУХОВЕНСТВЕ. «РАЗБОР» КНИГИ И. БЕЛЮСТИНА «ОПИСАНИЕ СЕЛЬСКОГО ДУХОВЕНСТВА»
Публикация П. Г. Рындзюнского

ПИСЬМО «РУССКОГО ХУДОЖНИКА»
Публикация Л. Р. Ланского

ПРОТЕСТ ПРОТИВ «ОБВИНИТЕЛЬНОГО АКТА» ЧИЧЕРИНА. К ВОПРОСУ О РАЗНОГЛАСИЯХ СРЕДИ РУССКИХ ЛИБЕРАЛОВ В КОНЦЕ 50-х ГОДОВ XIX В.
Публикация С. С. Дмитриева

ДВА ПИСЬМА О ЦАРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ
Публикация З. П. Базилевой

СТАТЬЯ О РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ ПОСЛЕ 19 февраля 1861 г.
Публикация Я. И. Линкова

АВТОР «NON POSSUMUS» — ГЕРЦЕНУ
Публикация Л. Л. Леонидова

ПИСЬМО «РУССКОГО ЛИБЕРАЛА»
Публикация С. С. Дмитриева

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

ПРОТЕСТ ПРОТИВ ВЫСТУПЛЕНИЯ БАКУНИНА ОБ «ИРКУТСКОЙ ДУЭЛИ»
Публикация Б. Г. Кубалова

ПИСЬМО «ИЗ ДРУЖЕСКОГО СТАНА»
Публикация Е. Л. Рудницкой

РЕПЛИКА НЕИЗВЕСТНОГО НА ЗАМЕТКУ ОГАРЕВА
Публикация Я. З. Черняка

ПРОГРАММА ПРЕОБРАЗОВАНИЯ «КОЛОКОЛА»
Публикация Е. Л. Рудницкой

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ И ТИПОГРАФСКИМ ДЕЛАМ

ПИСЬМА В. И. КАСАТКИНА
Публикация Я. З. Черняка

ПИСЬМА ЛЮДВИГА ЧЕРНЕЦКОГО
Публикация Я. И. Линкова

ОГАРЕВ — М. А. БАКУНИНУ
Публикация С. А. Никитина

ГЕРЦЕН — ОГАРЕВУ
Публикация П. Г. Рындзюнского и В. А. Путинцева

ГЕРЦЕН — ПЬЕРУ ЛЕРУ
Публикация Л. Р. Ланского

ОГАРЕВ — Н. Я. НИКОЛАДЗЕ
Публикация Б. П. Козьмина

ИЗ АРХИВА «КОЛОКОЛА» и ДРУГИХ ИЗДАНИЙ «ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ»

СТАТЬИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

«ЗАПИСКА О ДЕЛЕ ПЕТРАШЕВЦЕВ». РУКОПИСЬ Ф. Н. ЛЬВОВА С ПОМЕТКАМИ М. В. БУТАШЕВИЧА-ПЕТРАШЕВСКОГО
Публикация В. Г. Лейкиной-Свирской

СТИХОТВОРЕНИЕ-ПАМФЛЕТ НА КОРОНАЦИЮ АЛЕКСАНДРА II
Публикация С. С. Дмитриева

ПИСЬМО «РУССКИХ ЛЮДЕЙ» КЛЕЙНМИХЕЛЮ
Публикация С. С. Дмитриева

О РУССКОЙ ЦЕРКВИ И РУССКОМ ДУХОВЕНСТВЕ. «РАЗБОР» КНИГИ И. БЕЛЮСТИНА «ОПИСАНИЕ СЕЛЬСКОГО ДУХОВЕНСТВА»
Публикация П. Г. Рындзюнского

ПИСЬМО «РУССКОГО ХУДОЖНИКА»
Публикация Л. Р. Ланского

ПРОТЕСТ ПРОТИВ «ОБВИНИТЕЛЬНОГО АКТА» ЧИЧЕРИНА. К ВОПРОСУ О РАЗНОГЛАСИЯХ СРЕДИ РУССКИХ ЛИБЕРАЛОВ В КОНЦЕ 50-х ГОДОВ XIX В.
Публикация С. С. Дмитриева

ДВА ПИСЬМА О ЦАРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ
Публикация З. П. Базилевой

СТАТЬЯ О РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ ПОСЛЕ 19 февраля 1861 г.
Публикация Я. И. Линкова

АВТОР «NON POSSUMUS» — ГЕРЦЕНУ
Публикация Л. Л. Леонидова

ПИСЬМО «РУССКОГО ЛИБЕРАЛА»
Публикация С. С. Дмитриева

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

ПРОТЕСТ ПРОТИВ ВЫСТУПЛЕНИЯ БАКУНИНА ОБ «ИРКУТСКОЙ ДУЭЛИ»
Публикация Б. Г. Кубалова

ПИСЬМО «ИЗ ДРУЖЕСКОГО СТАНА»
Публикация Е. Л. Рудницкой

РЕПЛИКА НЕИЗВЕСТНОГО НА ЗАМЕТКУ ОГАРЕВА
Публикация Я. З. Черняка

ПРОГРАММА ПРЕОБРАЗОВАНИЯ «КОЛОКОЛА»
Публикация Е. Л. Рудницкой

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ И ТИПОГРАФСКИМ ДЕЛАМ

ПИСЬМА В. И. КАСАТКИНА
Публикация Я. З. Черняка

ПИСЬМА ЛЮДВИГА ЧЕРНЕЦКОГО
Публикация Я. И. Линкова

ГЕРЦЕН И ОГАРЕВ В ДОКУМЕНТАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ

ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСОВ ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА
Допросы Герцена и Огарева в июле 1834 г.
Публикация В. П. Гурьянова
Допрос Огарева 24 сентября 1834 г.
Приложение: письмо А. К. Лахтина к Огареву
Публикация Е. Л. Рудницкой

ГЕРЦЕН ПОД НАДЗОРОМ БЕЛЬГИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ
Публикация С. И. Кузьмина

ГЕРЦЕН В ПАРИЖЕ ЛЕТОМ 1861 г. ПИСЬМА СТАТС-СЕКРЕТАРЯ В. П. БУТКОВА К ШЕФУ ЖАНДАРМОВ КН. В. А. ДОЛГОРУКОВУ
Публикация Н. Г. Розенблюма

ИЗ ИСТОРИИ ПОЗДНИХ СВЯЗЕЙ ГЕРЦЕНА и ОГАРЕВА С РОССИЕЙ
1. Пестерев у Герцена
2. Связи Ворожцова с Огаревым
Статья и публикация В. Н. Шульгина

БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. А. ГЕРЦЕН (ЗАХАРЬИНА). МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ
Введение
I. Автобиографические документы
II. Письма Н. А. Герцен
Приложения: I. Письма к Н. А. Герцен. II. Отклик на смерть Н. А. Герцен
Статья и публикация Н. П. Анциферова

ПИСЬМА О ГЕРЦЕНЕ В БУМАГАХ М. К. РЕЙХЕЛЬ
Из писем Л. И. Гааг
Приложение: Луиза Ивановна Гааг. Биографическая справка
Публикация Н. Д. Эфрос

Письма Е. И. Герцена
Публикация А. Н. Дубовикова

Письма М. Ф. Корш
Публикация Н. П. Анциферова

СТАРШАЯ ДОЧЬ ГЕРЦЕНА (ТАТА)
Письма. Автобиографические наброски. Воспоминания
Публикация Н. П. Анциферова
Введение.
I. 1863 — 1867 гг. Поездка в Рим и художественное воспитание Н. А. Герцен.— Флорентинский кружок русской молодежи. — Совместная жизнь с Герценом в Женеве и во Флоренции.— Встреча с Гарибальди.
II. 1867—1869 гг. Попытки сплотить семью. — Конгресс лиги мира и свободы.— Болезнь Огарева. — Портрет Лизы.— Герцен в Виши. — Сочинение Огарева «С утра до ночи» («День»).—Шуточная пьеса Н. А. Герцен «Фотографии (с оригинала)».— Нервное заболевание Н. А. Герцен.
III. 1870 г. Последняя болезнь Герцена. — Смерть и похороны.
IV. 1870—1877 гг. Подготовка невышедшего сборника «Полярная звезда».— Попытки создать биографию Герцена. «Воспоминания Н. А. Герцен «Мои встречи с Нечаевым».— Ее общественные интересы.— Н. А. Герцен у смертного одра Огарева.
Заключение.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ
Публикация Н. А. Роскиной

ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ ГЕРЦЕНА ПО МАТЕРИАЛАМ ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ И «ПРАЖСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ»
Статьи М. А. Бакунина и С. Дерёра в «La Marseillaise» и А. Таландье в «La Démocratie».— Заметки в английской, бельгийской, германской, французской и швейцарской прессе.— Письма Ю. Альтгауза, Т. А. Астраковой, М. Бердушека, Б. Биггэ, Ж.-Б. Боке, О. А. Герцен, Е. В. Касаткиной, Л. Коста, г-жи А. Мишле, Огарева, Е. И. Рагозина, М. К. Рейхель, М.-А. Саффи, И. С. Тургенева, Н. А. Тучковой-Огаревой, Э. Фогта, Г. Хильнича и Л. Чернецкого
Публикация Л. Р. Ланского

ВОСПОМИНАНИЯ О ГЕРЦЕНЕ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Т. А. АСТРАКОВОЙ
Публикация А. Н. Дубовикова

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Н. А. БЕЛОГОЛОВОГО О ГЕРЦЕНЕ
Публикация Б. П. Козьмина

ВОСПОМИНАНИЯ Т. П. ПАССЕК «ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ» КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ БИОГРАФИИ ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА
Исследование А. Н. Дубовикова

Введение
«Корчевская кузина»
Замысел «Из дальних лет»
Работа по собиранию мемуарных материалов
Переписка с Огаревым и его работа над «Записками русского помещика
Письма Герцена и Огарева в воспоминаниях Пассек
Произведения Герцена и Огарева в воспоминаниях Пассек
Цензурная история «Из дальних лет»
Заключение
Приложение: Справка о письмах Огарева к Т. П. Пассек

СООБЩЕНИЯ

ПОРТРЕТ ГЕРЦЕНА 1836 г. РАБОТЫ А. Л. ВИТБЕРГА
Сообщение А. Ф. Коростина

К ИСТОРИИ «СОРОКИ-ВОРОВКИ»
Сообщение Т. С. Грица

В. А. ЖУКОВСКИЙ и А. М. ГОРЧАКОВ — ЧИТАТЕЛИ ГЕРЦЕНА
Сообщение М. М. Медведева

О ДВУХ ПИСЬМАХ В РЕДАКЦИЮ «КОЛОКОЛА»
Сообщение Е. Г. Бушканца

ДРУЖЕСКОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ГЕРЦЕНУ
Сообщение А. Н. Дубовикова

ТРИ АГИТАЦИОННО-САТИРИЧЕСКИХ СТИХОТВОРЕНИЯ 1860-х ГОДОВ В БУМАГАХ ОГАРЕВА
Сообщение Я. З. Черняка

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ САМОДЕРЖАВИЯ С ИЗДАНИЯМИ ГЕРЦЕНА
Сообщение Е. П. Федосеевой

СТАТЬЯ ГЕРЦЕНА «РУССКИЙ СОЦИАЛИЗМ»
Сообщение Б. П. Козьмина

ИЗ АРХИВА «РУССКОГО ПРИБАВЛЕНИЯ» К ФРАНЦУЗСКОМУ «КОЛОКОЛУ»
Письма Т. Комарова (Чаплин) — Огареву и Герцену
Сообщение Л. Л. Леонидова

КТО БЫЛ ПЕРВЫМ ПЕРЕВОДЧИКОМ НА РУССКИЙ ЯЗЫК «МАНИФЕСТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ»?
Сообщение Б. П. Козьмина

ИЗ ИСТОРИИ ВОЗОБНОВЛЕННОГО «КОЛОКОЛА» 1870 г.

ПИСЬМО РЕДАКТОРАМ НОВОГО «КОЛОКОЛА»
Сообщение Е. Л. Рудницкой

ПИСЬМО ЧЕШСКОГО КОРРЕСПОНДЕНТА
Сообщение Ш. Ш. Богатырева

ПОЛЕМИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА ДЛЯ СЕДЬМОГО НОМЕРА «КОЛОКОЛА»
Сообщение Л. Я. Гинзбург

ПОЧЕМУ ПРЕКРАТИЛСЯ ВОЗОБНОВЛЕННЫЙ «КОЛОКОЛ»?
Сообщение Б. П. Козьмина

«САТИНСКИЙ ДОЛГ» ГЕРЦЕНУ
Письмо А. А. Герцена к Н. Н. Сатиной
Сообщение А. Н. Дубовикова

ОБЗОРЫ и ОПИСАНИЯ

РУКОПИСИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ГЕРЦЕНА В «ПРАЖСКОЙ» И «СОФИЙСКОЙ» КОЛЛЕКЦИЯХ
Описание Л. Р. Ланского и В. А. Путинцева

ИКОНОГРАФИЧЕСКИЕ И МЕМОРИАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ «ПРАЖСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ»
Обзор Н. П. Анциферова
Введение
Портреты Герцена
Портреты членов семьи Герцена
Портреты друзей. Портреты общественных деятелей
«Большая книга»
Памятные места. Мемориальные вещи

ГАЗЕТНЫЕ И ЖУРНАЛЬНЫЕ ВЫРЕЗКИ В АРХИВЕ ГЕРЦЕНА
Обзор Л. Р. Ланского

ПЕРЕПИСКА М. К. ЛЕМКЕ С НАСЛЕДНИКАМИ ГЕРЦЕНА. ПО МАТЕРИАЛАМ «ПРАЖСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ» и «ПУШКИНСКОГО ДОМА»
Обзор В. И. Кулешова

МАТЕРИАЛЫ «ПРАЖСКОЙ» и «СОФИЙСКОЙ» КОЛЛЕКЦИЙ, НЕ ОПУБЛИКОВАННЫЕ В «ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДСТВЕ»
Справка Л. Р. Ланского

ТРИБУНА

К ДАТИРОВКЕ НОВЫХ ОГАРЕВСКИХ ДОКУМЕНТОВ
Статья Ш. М. Левина

ЕЩЕ РАЗ О ДАТИРОВКЕ КОНСПИРАТИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ ОГАРЕВА ИЗ «ПРАЖСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ»
Статья М. В. Нечкиной

Указатель иллюстраций
Составила Н. Д. Эфрос

Именной указатель
Составил Ю. И. Масанов

В томе 178 иллюстраций и 1 вклейка

45 p.